

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ СССХХІІІ.

1901.

ЯНВАРЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія „В. С. Балашевъ и К^о“. Наб. Фонтанки, 96.

1901.

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ СССХХХІІІ.

1901.

ЯНВАРЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашевъ и К°, Наб. Фонтанки, д. 96.
1901.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. Высочайшіе приказы	3
II. Мѣнстерскія распоряженія	4
III. Опрежденія Ученаго Комитета Мин. Нар. Пр.	13
IV. Опрежденія Особаго отдѣла Ученаго Комитета Мин. Нар. Пр. .	17
V. Опрежденія Отдѣленія Ученаго Комитета Мин. Нар. Пр. по техническому и профессиональному образованію .	31
Открытіе училищъ	31
Г. З. Кунцевичъ. „Россіада“ Хераскова и „Исторія о Казанскомъ царствѣ“	1
К. О. Тандеръ. О проихожденіи имени Пермь	16
П. Н. Свѣшниковъ. О многочленахъ второй, третьей и четвер- той степени, наименѣе уклоняющихся отъ нуля	29
Д. К. Петровъ. О трагедіяхъ Кальдерона .	39
И. А. Дзельваховъ. Проломъ дѣятельность ан. Андрей и св. Книи въ Грузіи .	77
А. Л. Погодинъ. Прimitives формы общественнаго быта . . .	114
Е. Н. Щенкинъ. Русско-австрійскій союзъ во время семилѣтней войны. Глава III (продолженіе) .	136

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Вл. А. Францевъ. Новая этнографическая карта Сѣверной Чехіи.	202
А. М. Придикъ. <i>Giustino de Sanctis. Atto. Storia della Repubblica Ateniese dalle origini alle riforme di Clistene. Roma 1898 .</i>	221
Н. И. Вакстъ. <i>Gesamtl. Rosenmaly. Основы физиологій. Перев. подъ редакціею В. Н. Львова</i>	263
В. В. Качановскій. <i>Mitteilungen der Schlesischen Gesellschaft für Volkskunde, von F. Vogt und O. Jiráschik. Вып. I—IV. 1895—1897</i>	266
В. В. Качановскій. <i>Národopisný Sborník Českoslovanský.—Český lid.</i>	273
— Книжныя новости	280

НАША УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА.

К. Ельницкій. Общая педагогика	1
К. Ельницкій. Основы начальнаго школьнаго воспитанія и обученія .	—
Дмитрій Кайгородовъ. Изъ царства пернатыхъ	3
К. Д. Красичъ. Сокращенный учебникъ физики	4
Д. Пловскій. Руководство ко Всеобщей Исторіи. Древній міръ	10
Д. Пловскій. Руководство ко Всеобщей Исторіи. Средній курсъ (ре- цензія М. А. Андриянова)	17

(См. 3-ю стр. обложки).

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. ВЫСОЧАЙШІЕ ПРИКАЗЫ ПО ВѢДОМСТВУ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

(28-го ноября 1900 года, № 80). *Назначаются:* ординарный профессор Императорской военно-медицинской академіи, докторъ медицины, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Альбицкий*—профессоромъ С.-Петербургскаго женскаго медицинскаго института по общей патологій, съ оставленіемъ его въ занимаемой имъ должности; преподаватель Иркутскаго промышленнаго училища, статскій совѣтникъ *Утецовъ*—директоромъ народныхъ училищъ Енисейской губерніи; дѣлопроизводитель VI класса департамента народнаго просвѣщенія, статскій совѣтникъ *Эриксонъ*—дѣлопроизводителемъ V класса того же департамента; директора: Пензенскаго реальнаго училища статскій совѣтникъ *Космагъ* и Ахтырской шестиклассной прогимназіи, статскій совѣтникъ *Миротворцевъ*, инспекторъ Енапаторійской четырехклассной прогимназіи, статскій совѣтникъ *Богдановичъ* и преподаватель, исполняющій обязанности инспектора Витебской гимназіи, статскій совѣтникъ *Елоровъ*—директорами: первый—Харьковской третьей гимназіи, второй—Ахтырской гимназіи, третій—Енапаторійской шестиклассной прогимназіи и послѣдній—Бѣлостокскаго реальнаго училища, въ нихъ Миротворцевъ съ 1-го іюля.

Увольняется согласно прошенію, почетный понечитель Адферовской учительской семинаріи, корнетъ запаса арміи *Волковъ*—отъ означенной должности.

Умершій исключается изъ списковъ, заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Ковальскій*, съ 11-го октября.

II. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

1. (13-го ноября 1900 года). *Положеніе о стипендіи имени купца Николая Аполлоновича Завьялова при Галичскомъ городскомъ трехклассномъ, по положенію 31-го мая 1872 года, училищѣ.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 1-го августа 1873 года, утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшихъ повелѣній 5-го декабря 1881 года и 26-го мая 1897 года, при Галичскомъ городскомъ трехклассномъ училищѣ учреждается стипендія имени Николая Аполлоновича Завьялова, на счетъ процентовъ съ капитала въ *сто четыре рубля*, пожертвованнаго имъ съ этою цѣлю въ ознаменованіе столѣтняго юбилея училища.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ одномъ свидѣтельствѣ 4% государственной ренты и четырехъ рубляхъ наличными, хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ училища, составляя его неотъемлемую собственность и оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты со стипендіального капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну государственнаго сбора по закону 20-го мая 1885 года, употребляются на взносъ платы за ученіе избраннаго стипендіата.

§ 4. Стипендіатъ избирается изъ числа бѣднѣйшихъ учениковъ училища, православнаго вѣроисповѣданія, безъ различія сословій, отличающихся хорошимъ поведеніемъ и успѣхами въ наукахъ.

§ 5. Выборъ стипендіата предоставляется усмотрѣнію педагогическаго совѣта Галичскаго городского училища.

§ 6. Остатки отъ процентовъ со стипендіального капитала, по отчисленіи годовой платы за ученіе стипендіата, прибавляются къ основному капиталу, для увеличенія размѣра стипендіи.

§ 7. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

§ 8. Въ случаѣ преобразованія Галичскаго городского училища въ другое какое-либо учебное заведеніе, стипендіальный капиталъ передается въ вѣдѣніе послѣдняго, для употребленія по назначенію.

§ 9. Въ случаѣ же закрытія означеннаго училища стипендіальный капиталъ передается на тѣхъ же основаніяхъ тому учебному заведенію, которое будетъ учреждено въ г. Галичѣ взамѣнъ существующаго нынѣ училища.

2. (18-го ноября 1900 года). *Положеніе о стипендіи имени крестьянина Михаила Ивановича Балаева при Галичскомъ городскомъ трехклассномъ, по положенію 31-го мая 1872 года, училищѣ.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 1-го августа 1873 года, утверждено г. императоръ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшихъ повелѣній 5-го декабря 1881 года и 26-го мая 1897 года, при Галичскомъ городскомъ трехклассномъ училищѣ учреждается стипендія имени крестьянина Михаила Ивановича Балаева, на счетъ процентовъ съ капитала въ *сто три рубля тридцать одну коп.*, пожертвованнаго имъ съ этою цѣлью въ ознаменованіе столѣтняго юбилея училища.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ одномъ свидѣтельствѣ 4% государственной ренты и трехъ рубляхъ тридцати одной копѣйкѣ наличными, хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ училища, составляя его неотъемлемую собственность и оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты со стипендіальнаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну государственнаго сбора по закону 20-го мая 1885 года, употребляются на взносы платы за ученіе избраннаго стипендіата.

§ 4. Стипендіатъ избирается изъ числа бѣднѣйшихъ учениковъ училища православнаго вѣроисповѣданія, безъ различія сословія, отличающихся хорошимъ поведеніемъ и успѣхами въ наукахъ.

§ 5. Выборъ стипендіата представляется усмотрѣнію педагогическаго совѣта Галичскаго городского училища.

§ 6. Остатки отъ процентовъ со стипендіальнаго капитала, по отчисленіи годовой платы за ученіе стипендіата, прибавляются къ основному капиталу для увеличенія размѣра стипендіи.

§ 7. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

§ 8. Въ случаѣ преобразования Галичскаго городского училища въ другое какое-либо учебное заведеніе стипендіальный капиталъ передается въ вѣдѣніе послѣдняго, для употребленія по назначенію.

§ 9. Въ случаѣ же закрытія означеннаго училища стипендіальный капиталъ передается на тѣхъ же основаніяхъ тому учебному

заведенію, которое будетъ учреждено въ городѣ Галичѣ взаимнѣ существующаго нынѣ училища.

3. (17-го ноября 1900 года). *Положеніе о капиталѣ умершаго статскаго совѣтника Іоны Назаревича Галагана.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 29-го мая 1897 года, утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Капиталъ въ десять тысячъ рублей, пожертвованный по духовному завѣщанію статскаго совѣтника Іоны Назаревича Галагана, заключающійся въ 4% государственной рентѣ, по номинальной стоимости въ десять тысячъ восемьсотъ рублей, составляетъ полную собственность Императорскаго Новороссійскаго университета и, оставаясь непривкосновеннымъ, именуется капиталомъ имени жертвователя.

§ 2. Изъ процентовъ съ этого капитала, по волѣ жертвователя, по истеченіи каждаго полугодія, выдается вдовѣ поручика Феодосіи Николаевнѣ Стояновой по сто пятьдесятъ рублей въ полную собственность до ея смерти, не относя на эти выдачи казеннаго налога на доходы, а уплачивая таковой изъ остальныхъ процентовъ.

§ 3. Остатокъ процентовъ, по усмотрѣнію правленія, выдается въ пособіе студентамъ Новороссійскаго университета, христіанскихъ неповѣданий, лучшихъ по ученію и поведенію, а послѣ смерти Стояновой, всѣ проценты съ того капитала употребить на выдачу пособій указаннымъ студентамъ.

4. (17-го ноября 1900 года). *Положеніе о единовременномъ пособіи при Императорскомъ Московскомъ университетѣ на капиталъ, пожертвованный потомственною почетною гражданкою Александрою Карповною Рахмановою.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 29-го мая 1897 года, утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Изъ процентовъ съ капитала въ 2.100 руб., пожертвованнаго потомственною почетною гражданкою Александрою Карповною Рахмановою, учреждается при Московскомъ университетѣ единовременное пособіе на взносъ платы за слушаніе лекцій имени ординарнаго профессора Московскаго университета Алексѣя Александровича Остроумова.

§ 2. Пособіе это назначается для студента исключительно медицинскаго факультета Московскаго университета, недостаточнаго со-

стояли, на основаніи общихъ правилъ назначенія пособій студентамъ университета.

§ 3. Назначенное студенту пособие не должно быть выдаваемо на руки студенту, а перечисляется по полугодно правленіемъ университета въ сумму сбора за слушаніе лекцій въ университетѣ.

§ 4. Могущій оказаться, по перечисленіи слѣдующихъ за слушаніе лекцій денегъ, остатокъ отъ процентныхъ денегъ долженъ быть обращенъ на увеличеніе капитала на пособие студентамъ.

§ 5. Пользованіе пособіемъ не налагаетъ на студентовъ никакихъ обязательствъ.

5. (28-го ноября 1900 года). *Положеніе о стипендіи имени бывшихъ ученицъ Рижской Ломоносовской женской гимназіи.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 1-го августа 1878 года, утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшихъ повелѣній 5-го декабря 1881 года и 26-го мая 1897 года, при Рижской Ломоносовской женской гимназіи учреждается стипендія имени бывшихъ ученицъ Рижской Ломоносовской женской гимназіи, на счетъ процентовъ съ капитала въ *сорокъсотъ* рублей, собраннаго по добровольной подпискѣ между бывшими ученицами названной гимназіи, въ память двадцатипятилѣтія ея существованія.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, по обращеніи его въ государственныя или гарантированныя правительствомъ процентныя бумаги, составляетъ собственность Рижской Ломоносовской женской гимназіи и хранится въ числѣ ея спеціальныхъ средствъ въ Рижскомъ губернскомъ казначействѣ, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Въ случаѣ выхода въ тиражъ процентныхъ бумагъ, въ которыхъ заключается стипендіальный капиталъ, попечительный совѣтъ гимназіи приобретаетъ новыя соотвѣтственной цѣнности государственныя или гарантированныя правительствомъ процентныя бумаги.

§ 4. Проценты со стипендіального капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну 5% государственнаго сбора по закону 20-го мая 1885 года, выдаются попечительнымъ совѣтомъ гимназіи стипендіаткѣ, или родителямъ ея, по полугодно впередъ, — въ январѣ и августѣ.

§ 5. Выборъ стипендіатки предоставляется усмотрѣнію попечительнаго совѣта Рижской Ломоносовской женской гимназіи.

§ 6. Стипендіатка избирается изъ числа бѣднѣйшихъ ученицъ гимназіи, отличающихся хорошимъ поведеніемъ и успѣхами въ нау-

кахъ, безъ различія вѣрноповѣданія и національности, но преимущественно изъ дочерей тѣхъ матерей, которыя въ свое время обучались въ Рижской Ломоносовской женской гимназій.

§ 7. Стипендіатка лишается получаемой ею стипендіи: 1) при оставленіи ею гимназій, 2) по малоуспѣшности и другимъ уважительнымъ причинамъ, согласно постановленіямъ попечительнаго и педагогическаго совѣтовъ гимназій.

§ 8. Могущіе образоваться по какимъ-либо причинамъ отъ процентовъ со стипендіальнаго капитала остатки прибавляются къ основному капиталу, для увеличенія размѣра стипендій.

§ 9. Стипендіальный капиталъ можетъ увеличиваться путемъ новыхъ пожертвованій на сей предметъ со стороны бывшихъ ученицъ гимназій.

§ 10. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіатку никакихъ обязательствъ.

6. (28-го ноября 1900 года). *Положеніе о стипендіи имени умершаго врача Алапаевскаго трехкласснаго городского училища Николая Николаевича Волкова при названномъ училищѣ.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 1-го августа 1873 года, утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшихъ повелѣній 5-го декабря 1881 г. и 26-го мая 1897 года, при Алапаевскомъ трехклассномъ городскомъ училищѣ учреждается стипендія имени умершаго врача означеннаго училища Николая Николаевича Волкова на счетъ процентовъ съ завѣщаннаго имъ съ этою цѣлью капитала въ *двести* рублей.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ одномъ свидѣтельствѣ государственной 4% ренты, хранится въ мѣстномъ казначействѣ, въ числѣ специальныхъ средствъ училища, составляя его неотъемлемую собственность и оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну 5% государственнаго сбора, употребляются на взносъ платы за ученіе избраннаго стипендіата и на покупку ему учебныхъ пособій и т. п.

§ 4. Стипендіатъ избирается изъ числа бѣднѣйшихъ учениковъ училища, отличающихся хорошимъ поведеніемъ и успѣхами въ наукахъ.

§ 5. Право избранія стипендіата, а также лишенія его стипендіи,

за неуспѣшность въ наукахъ или неодобрительное поведеніе представляется педагогическому совѣту училища.

§ 6. Могущіе образоваться по какимъ-либо причинамъ отъ процентовъ со стипендіальнаго капитала остатки присоединяются къ основному капиталу, для увеличенія размѣра стипендіи.

§ 7. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

7. (30-го ноября 1900 года). *Положеніе о стипендіи имени ветеринарнаго врача Константина Михайловича Медвѣдева при Казанскомъ ветеринарномъ институтѣ.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 5-го декабря 1881 года, утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала въ *дѣвять тысячъ* рублей, пожертвованнаго надворнымъ совѣтникомъ Михаиломъ Ивановичемъ Медвѣдевымъ, учреждается при Казанскомъ ветеринарномъ институтѣ стипендіи имени ветеринарнаго врача Константина Михайловича Медвѣдева.

§ 2. Означенный капиталъ, заключающійся въ двухъ свѣдѣтельствѣхъ 4%, государственной ренты, хранится въ Казанскомъ губернскомъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ Казанскаго ветеринарнаго института, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну 5% налога, употребляются на взносъ платы за слушаніе лекцій, а остающіяся отъ зачисленія за слушаніе лекцій деньги выдаются стипендіату на руки въ пособіе.

§ 4. Стипендіатъ долженъ быть изъ дворянъ или дѣтей чиновниковъ, православнаго исповѣданія и уроженецъ Астраханской губерніи, а за неимѣніемъ такового другой мѣстности.

§ 5. Право выбора стипендіата принадлежитъ совѣту ветеринарнаго института.

§ 6. Стипендіатъ избирается, съ соблюденіемъ условій, изложенныхъ въ § 4 сего положенія, изъ достойнѣйшихъ по успѣхамъ въ наукахъ и поведенію и дѣйствительно нуждающихся студентовъ Казанскаго ветеринарнаго института.

§ 7. Стипендіатъ лишается стипендіи по опредѣленію совѣта ветеринарнаго института, въ случаѣ неодобрительнаго поведенія, или если не перейдетъ на слѣдующій курсъ по малоуспѣшности, а не вслѣдствіе болѣзни или другихъ уважительныхъ причинъ, и на мѣсто

его назначается другой, заслуживающій стипендіи по своей бѣдности, успѣхамъ въ наукахъ и поведенію.

§ 8. Могущіе образоваться почему-либо остатки отъ процентовъ съ стипендіальнаго капитала причисляются къ основному капиталу для увеличенія размѣра стипендіи.

§ 9. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

8. (30-го ноября 1900 года). *Циркулярное предложеніе министерства народнаго просвѣщенія попечителямъ учебныхъ округовъ отъ 30-го ноября 1900 года за № 31015 по вопросу о замѣщеніи вакантныхъ должностей профессоровъ и адъюнкты-профессоровъ въ высшихъ специальныхъ учебныхъ заведеніяхъ, подведомственныхъ министерству.*

Изъ имѣющихся въ министерствѣ народнаго просвѣщенія свѣдѣній усматривается, что въ нѣкоторыхъ изъ высшихъ специальныхъ учебныхъ заведеній вакантныя должности профессоровъ и адъюнкты-профессоровъ остаются иногда незамѣщаемыми въ продолженіе значительнаго времени.

Если подобное незамѣщеніе вакансій происходитъ по экономическимъ соображеніямъ съ цѣлью обратитъ свободный остатокъ отъ содержанія личнаго состава на хозяйственныя нужды учебнаго заведенія, то это не должно имѣть мѣста, такъ какъ успѣхъ каждаго высшаго учебнаго заведенія, кромѣ надлежащей его организаціи, зависитъ, главнымъ образомъ, отъ удачнаго состава профессоровъ, и потому незамѣщеніе профессорскихъ кафедръ въ теченіе болѣе или менѣе значительнаго времени должно безусловно отзываться вредно на состояніи учебнаго дѣла. Кромѣ того, это обстоятельство можетъ заставить выдающихся и достойныхъ поощренія преподавателей и лаборантовъ оставлять мѣсто своего служенія, избирать себѣ другого рода практическую дѣятельность или же обременять себя еще посторонними обязанностями, дабы имѣть достаточныя средства къ жизни.

Въ виду сего признавая, что одною изъ первыхъ обязанностей совѣтовъ или учебныхъ комитетовъ высшихъ специальныхъ учебныхъ заведеній должна быть забота о возможно лучшей постановкѣ учебнаго дѣла, я прошу ваше превосходительство предложить директорамъ названныхъ заведеній незамедлительно входить съ надлежа-

щими представленіями о замѣщеніи вакантныхъ должностей профессоръ и адъюнкты-профессоровъ достойными лицами согласно заключеніямъ совѣтовъ или учебныхъ комитетовъ.

9. (2-го декабря 1900 года). *Положеніе о пяти стипендіяхъ имени потомственнаго почетнаго гражданина Михаила Ивановича Масленникова при Новоторжскомъ городскомъ четырехклассномъ, по положенію 31-го мая 1872 года, училищѣ.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 1-го августа 1878 года, утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшихъ повелѣній 5-го декабря 1881 г. и 26-го мая 1897 года, при Новоторжскомъ городскомъ четырехклассномъ училищѣ учреждаются пять стипендій имени потомственнаго почетнаго гражданина Михаила Ивановича Масленникова, на счетъ процентовъ съ пожертвованнаго имъ съ этою цѣлью капитала въ пятьсотъ рублей.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ 5% билетѣ 5-го займа государственной комиссіи погашенія долговъ, хранится въ мѣстномъ уѣздномъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ училища, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты со стипендіального капитала, за удержаніемъ изъ нихъ государственнаго сбора по закону 20-го мая 1885 года, употребляются на взносъ платы за ученіе пяти бѣдныхъ учениковъ названнаго училища.

§ 4. Право избранія стипендіата принадлежитъ, согласно желанію М. И. Масленникова, церковно-приходскому попечительству при Богоявленской, города Торжка, церкви, по соглашенію съ педагогическимъ совѣтомъ училища.

§ 5. Стипендіи выдаются ученикамъ означеннаго училища — дѣтямъ бѣдныхъ прихожанъ Богоявленской церкви, или за неимѣніемъ таковыхъ, дѣтямъ бѣдныхъ прихожанъ другихъ церквей города Торжка, отличающимся хорошимъ поведеніемъ и успѣхами въ наукахъ.

§ 6. Могушіе образоваться по какимъ-либо причинамъ остатки отъ процентовъ со стипендіального капитала присоединяются къ основному капиталу, для увеличенія размѣра стипендій.

§ 7. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ.

§ 8. Въ случаѣ преобразованія Новоторжскаго городского училища въ другое какое-либо учебное заведеніе, стипендіальный капиталъ передается въ вѣдѣніе послѣдняго на тѣхъ же основаніяхъ.

10. (7-го декабря 1900 года). *Положеніе о двухъ стипендіяхъ имени Лашевскаго податного инспектора Николая Владиміровича Бечко-Друзина при Лашевскомъ городскомъ двухклассномъ училищѣ.* (На основаніи Высочайшаго повелѣнія 1-го августа 1873 г., утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшихъ повелѣній 5-го декабря 1881 года и 26-го мая 1897 года, при Лашевскомъ городскомъ двухклассномъ училищѣ учреждаются двѣ стипендіи имени Лашевскаго податного инспектора Николая Владиміровича Бечко-Друзина, на счетъ процентовъ съ капитала въ *десяти* рублей, собраннаго съ этою цѣлью по подпискѣ жителями города Лашева.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ билетахъ 4% государственной ренты, хранится въ Лашевскомъ уѣздномъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ названнаго училища, составляя его неотъемлемую собственность и оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты со стипендіального капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну государственнаго сбора по закону 20-го мая 1885 года, употребляются на взносъ платы за ученіе избранныхъ стипендіатовъ.

§ 4. Стипендіи выдаются бѣднѣйшимъ ученикамъ училища, дѣтямъ недостаточныхъ родителей города Лашева, отличающимся хорошимъ поведеніемъ и успѣхами въ наукахъ, безъ различія званія.

§ 5. Право избранія стипендіатовъ принадлежитъ Н. В. Бечко-Друзину, а въ случаѣ его выѣзда изъ Лашева или смерти—педагогическому совѣту означеннаго училища.

§ 6. Педагогическій совѣтъ Лашевскаго городского училища можетъ лишать стипендіатовъ стипендій въ случаѣ дурнаго ихъ поведенія или малоуспѣшности.

§ 7. Остающіеся же невыданными проценты со стипендіального капитала, равно какъ могущіе образоваться по какимъ-либо другимъ причинамъ остатки отъ процентовъ употребляются на покупку стипендіатамъ книгъ, учебныхъ пособій и т. п.

§ 8. Пользованіе стипендіями не палагаетъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ.

§ 9. Въ случаѣ преобразованія Лашевскаго городского училища

въ какое-либо другое учебное заведеніе, стипендіальный капиталъ передается въ вѣдѣніе послѣдняго, для употребленія по назначенію.

§ 10. Въ случаѣ же закрытія названнаго училища, стипендіальный капиталъ передается съ тѣмъ же назначеніемъ въ другое учебное заведеніе, по усмотрѣнію министерства народнаго просвѣщенія.

III. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книгу: „Музыкальная азбука. Необходимое пособіе при изученіи музыки и пѣнія. Составилъ *Д. Гинцбургъ*. С.-Пб. 1899. Стр. IV+28. Цѣна въ переплетѣ 45 коп. (Складъ изданія: С.-Петербургскій книжный складъ *М. Залшупина*)“ — допустить для употребленія въ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

— Изданія: 1) „Атласъ географическихъ контуровъ. Курсъ первоначальный. Составилъ преподаватель географіи С.-Петербургской 3-й гимназій *Н. Ѳ. Ареньева*. С.-Пб. 1900. Цѣна 50 коп.“—2) „Атласъ контуровъ Австраліи, Африки, Америки и Азіи. Составилъ преподаватель географіи С.-Петербургской 3-й гимназій *Н. Ѳ. Ареньева*. С.-Пб. 1900. Цѣна 60 коп.“—3) „Атласъ контуровъ Европы. Составилъ преподаватель географіи С.-Петербургской 3-й гимназій *Н. Ѳ. Ареньева*. С.-Пб. 1900. Цѣна 60 коп.“—4) „Атласъ контуровъ Россійской Имперіи. Составилъ преподаватель географіи С.-Петербургской 3-й гимназій *Н. Ѳ. Ареньева*. С.-Пб. 1900. Цѣна 60 коп.“—одобрить въ качествѣ учебнаго пособія для всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія, мужскихъ и женскихъ, гдѣ существуетъ черченіе по приемамъ, рекомендованнымъ объяснительною запискою къ учебнымъ планамъ географіи.

Опредѣленіями ученаго комитета, утвержденными г. министромъ, постановлено:

— Книгу: „Теорія словесности съ приложеніемъ стилистическихъ задачъ и переводовъ изъ Лессинга и Шиллера. Составилъ *Д. Киричикова*. Изданіе второе. Изданіе книжнаго магазина *Ѳ. И. Салаева*.

М. 1879. Стр. VIII + 104. Цѣна 75 коп.“ — оставить въ спискахъ учебныхъ руководствъ, допущенныхъ къ употребленію въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ министерства, но признать необходимымъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи книга была тщательно пересмотрѣна и исправлена.

— Книги: 1) „Слова и выраженія къ I-й пѣсни Одиссея Гомера, расположенныя въ порядкѣ греческаго текста, съ алфавитнымъ указателемъ. Составилъ Э. Э. Дямбекъ, преподаватель С.-Петербургской гимназій д-ра Видемана. С.-Пб. Изданіе С. А. Манштейна. 1900. Стр. 34 + II. Цѣна 80 коп.“ — 2) „Слова и выраженія къ IX-й пѣсни Одиссея Гомера, расположенныя въ порядкѣ греческаго текста. Съ алфавитнымъ указателемъ. Составилъ Б. Варнеке. С.-Пб. Изданіе С. А. Манштейна. 1899. Стр. 34 + VI. Цѣна 30 коп.“ — 3) „Слова и выраженія ко II-й книгѣ Анабасиса Ксенофонта, расположенныя въ порядкѣ греческаго текста, съ алфавитнымъ указателемъ. Составилъ К. Берентъ. С.-Пб. Изданіе С. А. Манштейна. 1900. Стр. 85 + 1. Цѣна 30 коп.“ — одобрить въ качествѣ учебнаго пособія для мужскихъ гимназій и прогимназій.

— Книгу: „Иллюстрированное собраніе греческихъ и римскихъ классиковъ съ объяснительными примѣчаніями, подъ редакціей Льва Георгиевскаго и Сергія Манштейна. Гораций. Избранныя стихотворенія. Выпускъ I. Оды и эподы. Съ введеніемъ, примѣчаніями и 17 рисунками. Объяснилъ О. А. Шеборъ, орд. проф. Императорскаго С.-Пб. историко-филологическаго института. Изданіе второе, исправленное. С.-Пб. 1900. Часть I: Текстъ. Стр. 50. — Часть II. Комментарій. Стр. 159 + 1. Цѣна за обѣ части 60 коп.“ — рекомендовать въ качествѣ учебнаго пособія для мужскихъ гимназій.

— Книгу: „Учебникъ ариметики. Курсъ средне-учебныхъ заведеній. Составилъ Б. Чижановъ, преподаватель Люблинской мужской гимназій. Изданіе третье, исправленное и дополненное. Люблинъ. 1901. Стр. IV + 104. Цѣна 50 коп.“ — одобрить въ качествѣ учебнаго руководства при прохожденіи ариметики въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Дм. Кайгородовъ. Начальная ботаника для городскихъ училищъ со многими рисунками. Изданіе А. С. Суворина. С.-Пб. 1900. Стр. II + VII + 142. Цѣна 60 коп., въ паякѣ 70 коп.“ — одобрить для ученическихъ библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства, а также и учительскихъ институтовъ и семинарій.

— Брошюру: „Наши моря и какъ мы пользуемся ими. *А. Г. Шилл*. Изданіе 3-е. С.-Пб. Изданіе Товарищества «Общественная Польза». 1900. Стр. 82. Цѣна 10 коп.“—одобрить для ученическихъ, средняго и старшаго возрастовъ, библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, для библиотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій и городскихъ училищъ и для бесплатныхъ народныхъ читаленъ и библиотекъ.

— Книгу: „Серія учебниковъ по биологіи. *Гёксли-Розенталя*. Основы физиологіи. Съ 118 рисунками. Переводъ подъ редакціей и съ дополненіями *В. Н. Львова*, приватъ-доцента Московскаго университета. М. Изданіе М. и С. Сабашниковыхъ. 1899. Стр. XX + 515. Цѣна 2 руб.“—одобрить для фундаментальныхъ и ученическихъ, старшаго возраста, библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Начальное руководство къ самостоятельному изученію высшей математики и механики. Составилъ *Н. Б. Делоне*, Ординарный профессоръ Варшавскаго Политехническаго Института Императора Николая II. Съ 321 фигурой въ текстѣ. С.-Пб. Изданіе К. Л. Риккера. 1900. Стр. XII + 486. Цѣна 4 руб. 20 коп.“—рекомендовать для фундаментальныхъ библиотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства и одобрить для ученическихъ, старшаго возраста, библиотекъ мужскихъ гимназій и реальныхъ училищъ.

— Сочиненіе: „Историко-литературная хрестоматія новаго періода русской словесности. Томъ I. (Отъ Петра I до Карамзина). Составилъ *А. Галаховъ*. Изданіе десятое. М. Изданіе книжнаго магазина В. В. Думнова, подъ фирмою «Насл. бр. Салаевыхъ». 1898. Стр. IV + 457. Томъ II. (Отъ Карамзина до Пушкина) М. 1898. Стр. IV + 481. Цѣна за два тома 2 руб. 50 коп.“—одобрить въ качествѣ учебнаго пособия для среднихъ учебныхъ заведеній министерства.

— Книги: 1) „*К. Ельницкій*. Курсъ дидактики. Пособіе для учебныхъ заведеній, въ которыхъ преподается педагогика. Десятое изданіе. С.-Пб. Изданіе Д. Д. Полубоярнинова. 1899. Стр. 143. Цѣна 75 коп.“—2) „*Очерки по исторіи педагогики*. Пособіе для занимающихся воспитаніемъ дѣтей и для учебныхъ заведеній, въ которыхъ преподается педагогика. Составилъ *К. Ельницкій*. 3-е изданіе. С.-Пб. Изданіе Д. Д. Полубоярнинова. 1897. Стр. 157 + 1. Цѣна 75 коп.“—допустить въ качествѣ учебныхъ руководствъ для учительскихъ институтовъ и семинарій и для педагогическихъ классовъ женскихъ гимназій, а также и въ ученическія библиотеки названныхъ учебныхъ заведеній и въ учительскія библиотеки всѣхъ низшихъ училищъ министерства.

— Книгу: „*К. Д. Краевич.* Сокращенный учебникъ физики. Обработанъ согласно существующимъ программамъ *А. Л. Гершунома* и *В. В. Скобелевичемъ*. Первое изданіе. Первый выпускъ. С.-Пб. 1900. Стр. VIII + 178.—Второй выпускъ. С.-Пб. Стр. VI + (179—484)+1. Цѣна за два выпуска 2 руб.“—рекомендовать особому вниманию педагогическихъ совѣтовъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства, какъ весьма полезное учебное руководство.

— Книжку: „Избранныя произведенія нѣмецкихъ и французскихъ писателей для класснаго и домашняго чтенія. *Der Neffe als Onkel. Lustspiel in drei Aufzügen. Aus dem Französischen des Picard von Friedrich von Schiller.* Племянникъ-дядя. Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ *Пикара.* Переводъ съ французскаго *Фридриха Шиллера.* Текстъ съ введеніемъ, примѣчаніями, сборникомъ словъ и оборотовъ, расположенныхъ въ порядкѣ текста, алфавитнымъ словаремъ и алфавитнымъ перечнемъ сильныхъ и неправильныхъ глаголовъ. Обработалъ *Э. Е. Неймейстеръ*, преподаватель Ставропольской мужской гимназіи. Изданіе С. А. Манштейна. С.-Пб. 1900. Стр. 76+59. Цѣна съ приложенія 40 коп., въ панкѣ 50 коп.“—рекомендовать въ качествѣ учебнаго пособия для употребленія во всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ министерства, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ, а также для ученическихъ бібліотекъ означенныхъ заведеній.

— Книгу: „Русская грамматика для среднихъ учебныхъ заведеній, съ приложеніемъ краткой грамматики церковно-славянскаго языка, отрывковъ изъ Остромирова Евангелія и орфографическаго указателя. Часть первая. Этимологія. Составилъ *А. Преображенскій*, преподаватель Московской 4-й гимназіи. Изданіе пятое, дополненное. М. Изданіе книжнаго магазина В. В. Думнова, подъ фирмою «Насл. бр. Салаевыхъ». 1898. Стр. VIII + 160. Цѣна 75 коп.“—допустить въ качествѣ учебнаго руководства для гимназій и реальныхъ училищъ.

— Книги: 1) „Краткій учебникъ географіи *Н. Раевскаго.* Часть II. Виѣ-европейскія страны. Съ 33 политип., 24 таблицами рисунковъ и 5-ю раскрашен. картами. Изданіе восьмое. С.-Пб. 1900. Стр. IV+86+XXIV табл. Цѣна 65 коп.“—2) „То же. Часть III. Западная Европа. Съ 9-ю раскраш. картами, 39 полит. въ текстѣ и 26 табл. рисунковъ въ приложеніи. Изданіе восьмое. С.-Пб. 1900. Стр. IV+97+XXVI табл. Цѣна 65 коп.“—одобрить въ качествѣ учебнаго руководства для среднихъ учебныхъ заведеній министерства.

IV. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Брошюру: „Изданіе Вятскаго губернскаго земства. Холощеніе (кастрація) жеребцовъ, быковъ, барановъ и вепрей. Съ 11 рисунками. Составилъ *И. А. Братчиковъ*, ветеринаръ Вятскаго губернскаго земства. Вятка. 1900. Стр. 20. Цѣна 6 коп.“—допустить въ учительскія бібліотеки сельскихъ начальныхъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и бібліотеки.

— Книжки: 1) „Учебникъ русской грамматики (этимологія и синтаксисъ) для церковно-приходскихъ школъ. Составилъ *П. Смирновскій*. Изданіе 2-е. М. Изданіе книжной торговли А. Я. Панафидина. 1900. Стр. 56. Цѣна въ накѣ 15 коп.“ — 2) „*П. Смирновскій*. Практическое пособіе какъ приложеніе къ учебнику русской грамматики для церковно-приходскихъ школъ и для двухклассныхъ школъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. М. Изданіе книжной торговли А. Я. Панафидина. 1900. Стр. 60. Цѣна въ накѣ 15 коп.“ — допустить къ классовому употребленію въ начальныхъ народныхъ училищахъ.

— Брошюру: „Александръ II, Царь-Освободитель. *Е. Л.* Съ портретомъ и тремя рисунками. Изданіе 4-е, *К. И. Тихомирова*. М. 1900. Стр. 58. Цѣна 10 коп.“—допустить въ безплатныя народныя читальни и бібліотеки, съ условіемъ тщательнаго исправленія ея при слѣдующемъ изданіи, согласно замѣчаніямъ ученаго комитета.

— Брошюры, подъ общимъ заглавіемъ: „Библіотека «Дѣтскаго Чтенія». Разказы изъ Русской исторіи“: 1) „Херсонесъ. Древній городъ Корсунь. *М. И. Ремезова*. (Съ рисунками). Изданіе редакціи журнала «Дѣтское Чтеніе». М. 1900. Стр. 38. Цѣна 10 коп.“—2) „Изычники и христіане на Руси. *М. И. Ремезова*. (Съ рисунками). Изданіе редакціи журнала «Дѣтское Чтеніе». М. 1900. Стр. 36. Цѣна 10 коп.“—3) „Начало удѣловъ на Руси. *М. И. Ремезова*. (Съ рисунками). Изданіе редакціи журнала «Дѣтское Чтеніе». М. 1900. Стр. 32. Цѣна 10 коп.“ — допустить въ ученическія бібліотеки городскихъ училищъ, въ учительскія бібліотеки начальныхъ народныхъ школъ и въ безплатныя народныя читальни и бібліотеки.

— Книги, подъ общимъ заглавіемъ: „Изданіе О. Н. Поповой. Земля и люди. Всемирная географія, сочиненіе Э. Реклю“: 1) „Элизе Реклю. Швеція и Норвегія. Страна. Народъ. Учрежденія. Переводъ съ французскаго (безъ пропусковъ) П. Н. Краснова. Съ приложеніемъ очерка государственнаго устройства обоихъ государствъ, статистическихъ таблицъ и библиографическаго указателя книгъ и статей на русскомъ языкѣ, относящихся къ Швеціи и Норвегіи. Съ 75 рисунками. С.-Пб. 1895. Стр. II + 252. Цѣна 1 руб.“ — 2) „Элизе Реклю. Бельгія и Голландія. Страна. Народъ. Учрежденія. Переводъ съ французскаго (безъ пропусковъ) П. Н. Краснова. Съ приложеніемъ очерка государственнаго устройства обоихъ государствъ и статистическихъ свѣдѣній, относящихся до Бельгіи и Голландіи, составленныхъ Д. Протопоповымъ, и библиографическимъ указателемъ. Съ 67 рисунками и 9 чертежами. Вып. II. С.-Пб. 1897. Стр. II + 325. Цѣна 1 руб.“ — 3) „Соединенные Штаты. Часть первая. Переводъ съ французскаго подъ редакціей Н. Березина. 70 рисунковъ и 12 схематическихъ картъ въ текстѣ. Вып. III, ч. I, С.-Пб. 1898. Стр. IV + 382. Цѣна 1 руб. 50 коп.“ — 4) „Выпускъ V. Британскіе острова. Полный переводъ съ французскаго подъ редакціей Д. А. Корончевскаго. Съ 91 иллюстраціей и приложеніемъ статей: Очеркъ государственнаго устройства, В. Водовозова. Значеніе физико-географическихъ условій въ спеціальномъ развитіи Англіи, Д. Корончевскаго. Библиографія. Указатель географическихъ именъ и карты Великобританіи. С.-Пб. 1899. Стр. IV + 424 + 70. Цѣна 2 руб.“ — допустить въ учительскія бібліотеки низшихъ училищъ, а также и въ бесплатныя народныя читальни и бібліотеки.

— Книгу: „Благодѣянія Богоматери роду христіанскому чрезъ ея св. иконы. М. 1891. Стр. 655 — V. Цѣна 2 руб.“ — допустить въ учительскія бібліотеки низшихъ училищъ и въ бесплатныя народныя читальни и бібліотеки.

— Изданія: 1) „Методическое руководство обученія письму. Посobie для учителей низшихъ учебныхъ заведеній, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ, родителей и для самообученія. Изданіе 3-е, исправленное и дополненное. Составилъ А. К. Гортовъ, преподаватель Елабужскаго реальнаго училища. Казань. 1900. Стр. III + 110. Цѣна 70 коп.“ — 2) „Систематическія русскія прописи. Посobie для обучающихся чистописанію. Составилъ А. К. Гортовъ, преподаватель реальнаго училища. 2-е изданіе книжнаго магазина К. И. Тихомирова. М. Стр. 32. Цѣна 15 коп.“ — допустить первое въ учительскія бібліо-

теки низшихъ училищъ, второе къ классному употребленію учащимися въ тѣхъ же учебныхъ заведеніяхъ въ качествѣ пособія при обученіи чистописанію.

— Книги: 1) „Дѣти Солицевыхъ. Повѣсть для юношества *Е. Н. Кондрашовой*. Съ рисунками *Е. П. Самокишъ-Судковской*. С.-Пб. Изданіе *А. Ф. Девріена*. 1899. Стр. 287. Цѣна въ коленкор. перепл. 3 руб.“—2) „*А. И. Красницкій*. Слезы. Повѣсть для юношества изъ гимназическаго быта. Съ рисунками *А. А. Чикина*. С.-Пб. Изданіе *А. Ф. Девріена*. 1899. Стр. 166. Цѣна 80 коп., въ папкѣ 1 руб.“—допустить въ учительскія бібліотеки низшихъ училищъ и въ бесплатныя народныя читальни и бібліотеки.

— Книги: 1) „Дѣвичій Вѣкъ. Картины изъ быта русской крестьянской дѣвушки. Для юношества. Сочиненіе *П. Н. Полевого*. Съ рисунками *Е. П. Самокишъ-Судковской*. С.-Пб. Изданіе *А. Ф. Девріена*. 1899. Стр. 139 + 1. Цѣна 90 коп., въ папкѣ 1 руб. 10 коп.“—2) „Которая изъ двухъ? Повѣсть *М. А. Дялиной*. Съ 6-ю рисунками *Е. Самокишъ-Судковской*. С.-Пб. Изданіе *А. Ф. Девріена*. 1899. Стр. 79. Цѣна 45 коп., въ папкѣ 60 коп.“—допустить въ бесплатныя народныя читальни и бібліотеки.

— Книгу: „Сборникъ ариметическихъ задачъ для воскресныхъ школъ, вечернихъ и повторительныхъ классовъ. Составленъ подъ редакціей *Ал. Гатлиха*. Изданіе 2-е. М. 1899. Стр. 95. Цѣна 20 коп.“—допустить къ употребленію въ воскресныхъ школахъ, вечернихъ и повторительныхъ классахъ, съ условіемъ исправленія ея при слѣдующемъ изданіи согласно замѣчаніямъ ученаго комитета.

— Книгу: „*Н. Я. Некрасовъ*. Практическій курсъ правописанія. Выпускъ III. 3-е изданіе. «Петербургскій Учебный Магазинъ». С.-Пб. 1901. Стр. 94 + II. Цѣна 15 коп.“—допустить къ употребленію въ сельскихъ двухклассныхъ училищахъ, но съ тѣмъ, чтобы при 4-мъ изданіи этой книги были приняты во вниманіе всѣ замѣчанія ученаго комитета, сдѣланныя на 1-е и 2-е изданіе.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета, утвержденными г. министромъ, постановлено:

— Книжки: 1) „Калевала. Финскія народныя былины для юношества пересказалъ *Н. А. Борисовъ*. Изданіе 2-е, съ рисунками. Изданіе Книжнаго Магазина *П. В. Луковникова*. С.-Пб. 1898. Стр. 139. Цѣна 50 коп., въ папкѣ 75 коп.“—2) „Маленькіе чистильщики

улицъ. Разсказъ *В. Сорокина*. Изъ книги «Дѣтскій Сборникъ». Изданіе 2-е, исправленное, съ рисунками. С.-Пб. Изданіе Книжнаго Магазина П. В. Луковникова. 1899. Стр. 32. Цѣна 10 коп.⁴—3)
 „*А. Н. Острогорскій*. Англійскій поэтъ Георгъ Краббъ. (Изъ книги «У рабочихъ людей»). Съ 5 рисунками. Изданіе 3-е. С.-Пб. Изданіе Книжнаго Магазина П. В. Луковникова. 1899. Стр. 28. Цѣна 10 коп.⁴—4)
 „Друзья. Разсказъ *Н. А. Соловьёва-Несмѣлова*. Съ рисунками *А. М. Печаева*. Изданіе 2-е. М. 1898. Стр. 23. Цѣна 5 коп.⁴—5)
 „*Георгійъ Сенкевичъ*. Пойдемъ за нимъ! Переводъ съ польскаго *В. М. Лаурова*. Изданіе редакціи журнала «Русская Мысль». М. 1900. Стр. 48. Цѣна не обозначена⁴.—допустить въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки, а означенныя подъ №№ 2, 3 и 4 сверхъ того и въ ученическія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній.

— Книжку: „Сибирь. Очеркъ завоеванія и заселенія Сибири. *С. Омѣрьева*. М. 1899. Стр. 104. Цѣна 12 коп.⁴ — допустить въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ, въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки и для чтеній въ народныхъ аудиторіяхъ.

— Книгу: „*Е. Свѣшниковъ*. Ледяной домъ. (По роману *И. И. Лажечникова*). С.-Пб. 1895. Стр. 172. Цѣна не обозначена.“—допустить въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ, въ таковыя же, младшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній и въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книгу: „Старая сказка про Кандида-Простодума. Пересказана *Е. Свѣшниковой*. М. 1900. Стр. 58. Цѣна не обозначена.“—допустить въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Изданіе: „Сборникъ двухголосныхъ пѣсенъ на слова *А. С. Пушкина* для младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній и начальныхъ училищъ. Составленъ по случаю столѣтняго юбилея рожденія поэта *Ө. Л. Плосайкевичемъ*. Собственность автора. М. 1899. Стр. 19. Цѣна для учебныхъ заведеній 50 коп., вмѣсто прежде объявленной 1 руб. 50 коп.“—допустить въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ и въ таковыя же, младшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

— Брошюру: „Научно-популярная библіотека для народа. Какъ идетъ жизнь въ человѣческомъ тѣлѣ? Составилъ *В. Луневичъ*. Съ 33 рисунками въ текстѣ. Изданіе *Ф. Павленкова*. С.-Пб. 1899. Стр. 64. Цѣна 16 коп.“—допустить въ учительскія и ученическія библіотеки низшихъ училищъ, въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки и для чтеній въ народныхъ аудиторіяхъ.

— Книги, изданныя Товариществомъ М. О. Вольфъ, С.-Пб. и М., подъ общимъ заглавіемъ: „Золотая бібліотека“: 1) „Донъ Кихоть Ламанчскій. Разсказъ для дѣтей. Переводъ *А. Греча*. Съ 78 иллюстраціями Густава Доре. Изданіе второе. 1897. Стр. 262+III. Цѣна 1 руб. 50 коп.“ — 2) „Приключенія и путешествія барона Мюнхгаузена. Полный переводъ на русскомъ языкѣ *Е. Песковской*. Съ 118 иллюстраціями въ текстѣ и 29 отдѣльными картинами Густава Доре. Второе изданіе. 1898. Стр. IV+274. Цѣна 1 руб. 50 коп.“ — 3) „Сказки *Вильгельма Гауффа*. Съ 21 иллюстраціей въ текстѣ и 20 отдѣльными картинами Теодора Вебера, Газемана и Людвигъ Бургера. Второе изданіе. 1898. Стр. 441+II. Цѣна 1 руб. 50 коп.“ — 4) „Хижина дяди Тома. Сочиненіе *Бичеръ Стоу*. Примѣненное къ дѣтскому возрасту *М. Л. Песковскимъ*. Съ 104 иллюстраціями въ текстѣ и 14 отдѣльными картинами. Второе изданіе. 1899. Стр. IV+461+II. Цѣна 1 руб. 50 коп.“ — 5) „Маленькій человѣкъ. Исторія одного ребенка (*Petit chosé*) *Альфонса Додэ*. Переводъ *М. Л. Листенштадтъ*. Съ 68 иллюстраціями. 1899. Стр. IV+373+II. Цѣна 1 руб. 50 коп.“ — допустить всё въ бесплатныя народныя читальни и бібліотеки.

— Книги, изданныя Товариществомъ М. О. Вольфъ, С.-Пб. и М., подъ общимъ заглавіемъ „Золотая бібліотека“: 1) „Маленькій лордъ Фаунтлерой (*Little Lord Fauntleroy*). Разсказъ для дѣтей *Ф. Г. Бернеттъ*. Переводъ съ англійскаго подъ редакцію и съ предисловіемъ *М. Никольскаго*. Съ 24 рисунками Р. Г. Берчъ. 1899. Стр. IX+219+1. Цѣна 1 руб. 50 коп.“ — 2) „Записки школьника (*Siège*) *Эдмунда де Амичисъ*. Съ предисловіемъ *М. Л. Песковскаго*. Съ 16 рисунками въ текстѣ и 32 отдѣльными картинами. Второе изданіе. 1899. Стр. II+VIII+447. Цѣна 1 руб. 50 коп.“ — допустить въ учебныя бібліотеки низшихъ учебныхъ заведеній и въ бесплатныя народныя читальни и бібліотеки.

— Брошюры: 1) „Научно-популярная бібліотека для народа. Невидимые друзья и враги людей. Составилъ *В. Лукевичъ*. Съ 28 рисунками въ текстѣ. Изданіе Ф. Павленкова. С.-Пб. 1899. Стр. 64. Цѣна 16 коп.“ — 2) „Научно-популярная бібліотека для народа. Жизнь въ каплѣ воды. Составилъ *В. Лукевичъ*. Съ 14 рисунками въ текстѣ. Изданіе Ф. Павленкова. С.-Пб. 1899. Стр. 32. Цѣна 8 коп.“ — 3) „О водѣ в ея значеніи для здоровья человѣка. Д-ра *В. Н. Золотницкаго*. С.-Пб. 1899. («Читальня народной школы»). Стр. 28. Цѣна не обозначена.“ — 4) „Какъ сохранить глаза. (Гигіена глазъ). М. 1900. Стр. 53. Цѣна не обозначена“, — допустить въ учительскія бібліотеки

низшихъ училищъ, въ безплатныя народныя читальни и библіотеки и для чтеній въ народныхъ аудиторіяхъ.

— Книгу: „Царскія дѣти и ихъ наставники. Историческіе очерки *В. Б. Глинскаго*. Съ 31 портретомъ и 9 иллюстраціями. Изданіе редакціи журнала «Дѣтское Чтеніе». М. 1899. Стр. III+282+2. Цѣна 1 руб. 25 коп.»—допустить въ учительскія библіотеки всѣхъ низшихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „*И. Плетневъ*. Какъ научиться рѣшать задачи. Цѣныя числа. Пособіе для учащихся и для лицъ, поступающихъ въ спеціальныя высшія и среднія учебныя заведенія. С.-Пб. Изданіе А. С. Мыльникова. 1899. Стр. 98. Цѣна 65 коп.»—допустить въ учебныя библіотеки учительскихъ семинарій и институтовъ, а также въ учительскія библіотеки городскихъ училищъ.

— Брошюры: „*С. Н. Архиповъ*. Общедоступныя бесѣды по лѣсоводству. Бесѣда II. Какъ слѣдуетъ хозяйничать въ лѣсу для полученія наибольшихъ выгодъ. Описаніе самыхъ простыхъ способовъ хозяйства. Возобновленіе лѣса вообще. Наболѣе обыкновенныя виды естественнаго возобновленія его. Изданіе К. И. Тихомирова. М. 1900. Стр. 67. Цѣна 12 коп.—Бесѣда III. Разведеніе лѣса и указаніе различныхъ способовъ его выращиванія при наименьшихъ затратахъ. М. 1900. Стр. 63. Цѣна 12 коп.»—допустить въ безплатныя народныя читальни и библіотеки и для чтеній въ народныхъ аудиторіяхъ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книжки, подъ общимъ заглавіемъ: „Книжка за книжкой“. Изданія *М. Н. Слыцовой*. 1) „Кн. 77-я. Египеть. Съ 47-ю рисунками. С.-Пб. 1900. Стр. 173+1. Цѣна 85 коп.“—2) „Кн. 98-я. Отъ нужды къ достатку. (Изъ сѣверо-американской жизни). По *М. Уилькинсу*. С.-Пб. 1899. Стр. 107. Цѣна 25 коп.“—допустить въ учебныя библіотеки высшихъ училищъ, въ безплатныя народныя читальни и библіотеки и для чтеній въ народныхъ аудиторіяхъ.

Списокъ сочиненій и нѣкоторыхъ отрывковъ изъ нихъ, допущенныхъ, согласно опредѣленіямъ особаго отдѣла ученаго комитета, утвержденнымъ г. министромъ, для чтеній въ народныхъ аудиторіяхъ.

Абаза, К. Общедоступная военно-историческая хрестоматія. Книга вторая (Русская исторія). С.-Пб. 1887.

Авенаріусъ, В. Васильки и колосья. Очерки и рассказы для юношества. Съ 22 портретами и рисунками. С.-Пб. 1892. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Авенаріусъ, В. Книга былинъ. Сводъ избранныхъ образцовъ эпической поэзіи. М. 1893. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Авенаріусъ, В. Образцовыя сказки русскихъ писателей. М. 1892. Цѣна 1 руб. 75 коп.

Авенаріусъ, В. Сказка о муравьѣ-богатырѣ. С.-Пб. 1883. Цѣна 50 коп.

Авенаріусъ, В. Сказка о пчелѣ-мохнаткѣ. М. 1893. Цѣна 50 коп.

Аксаковъ, С. Т. Дѣтскіе годы Багрова внука. М. 1895. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Аксаковъ, С. Т. Семейная хроника и воспоминанія. Съ портретомъ автора. М. 1895. Цѣна 1 руб. 75 коп. (Статьи: 1. Переселеніе.—2. Оренбургская губернія.—3. Новые мѣста.—4. Добрый день Степана Михайловича.—5. Женитьба молодого Багрова.—6. Молодые въ Багровѣ.—7. Жизнь въ Уфѣ.—8. Годъ въ деревнѣ).

Александровъ, Н. Гдѣ на Руси какой народъ живетъ и чѣмъ занимается. 1) Благодатный край (Малороссія). М. 1898. Цѣна 10 коп.—2) Крымъ (Таврической полуостровъ). М. 1898. Цѣна 10 коп.

Александровъ, Н. Гдѣ на Руси какой народъ живетъ и чѣмъ занимается. Жители лѣсной полосы. Изд. 4-е. М. 1896. Цѣна 10 коп.

Александровъ, Н. Казаки. Черноморцы и терцы. М. 1899. Цѣна 10 коп.—Казаки. Донцы и Уральцы. М. 1899. Цѣна 15 коп.

Александровъ, Н. Народы Россіи. Этнографическіе рассказы для дѣтей. Выпускъ I. Пустыни сѣвера и ихъ кочующіе обитатели. Изд. 2-е. М. 1898. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Александровъ, Н. Народы Россіи. Этнографическіе рассказы для дѣтей. Выпускъ II. Инородцы лѣсовъ. (Сибирь). М. 1899. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Анекдоты о Петрѣ Великомъ. Изд. 2-е. С.-Пб. 1898. Изданіе "Досугъ и Дѣло".

Аничковъ, П. О ядовитыхъ и неядовитыхъ змѣяхъ. Чтеніе для народа. С.-Пб. 1876. Цѣна 10 коп.

Анненская, А. Фрѣтѣиофъ Нансенъ и его путешествія. Съ портретомъ и 40 рисунками. С.-Пб. 1899. Цѣна 1 руб.

Арскій, А. Стенъ и оазисъ. (Письма о хивинскомъ походѣ 1873 г.). М. 1879. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Ахмарумовъ, С. и *Латицкій, Н.* „Высочайшее Путешествіе“. Альбомъ и текстъ. С.-Пб. 1897. Цѣна 1 руб. 60 коп.

Барсовъ, К. Болгарія и болгары. Очеркъ. М. 1899. Цѣна 15 коп.

Бахтіаровъ. Валаамская обитель. (Побѣдка на Валаамъ). С.-Пб. 1893. Цѣна 10 коп.

Бестужевъ, А. (Марлинскій, А.). Избранныя сочиненія въ изд. Суворина „Деневаля Библиотека“. Мореходъ Никитинъ. Цѣна 25 коп.

Бестужевъ-Рюминъ, К. Князь Володиміръ Всеволодовичъ Мономахъ. С.-Пб. 1886. Цѣна 8 коп.

Бестужевъ-Рюминъ, К. О злыхъ временахъ татарщины и о страшномъ Мамаевомъ побойцѣ. С.-Пб. 1865. Цѣна 8 коп.

Бестужевъ-Рюминъ, К. О томъ, какъ рѣсло Московское княжество и сдѣлалось Русскимъ царствомъ. С.-Пб. 1867. Цѣна 22 коп.

Бестужевъ-Рюминъ, К. Про былое время на Руси. О крещеніи Руси. С.-Пб. 1885. Цѣна 11 коп.

Библиотека Путешествій: 1) Афонская гора; 2) *Свиридовъ.* Скорпионы Закавказья; 3) *Диксонъ.* Льды и степи; 4) *Лебедевъ* и *Поръ.* Мерзлый край. С.-Пб. 1878. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Бодановъ, М. Изъ жизни русской природы. Зоологическія очерки и рассказы. С.-Пб. 1893. Цѣна 2 руб.

Бодановъ, М. Наши полезныя птицы. Первое знакомство дѣтей съ родными птицами. М. 1898. Цѣна 30 коп.

Бодановъ, М. О родныхъ птицахъ. Очерки изъ жизни пернатыхъ. М. 1898. Цѣна 30 коп.

Бодановъ, М. Птицы и звѣри черпоземной полосы, Поволжья и долины средней и нижней Волги. Казань. 1871. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Бодановъ, М. Птицы Кавказа. Казань. 1889. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Бояринъ Матвѣевъ. другъ царя и народа. Историческая повѣсть. С.-Пб. 1874. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Брассей, А. Вокругъ свѣта въ одиннадцать мѣсяцевъ. Путевыя записки. Въ сокращенномъ переводѣ Н. Познякова. С.-Пб. 1893. Цѣна 1 руб.

Бремъ, А. Жизнь животныхъ. Иллюстрированное изданіе, со множествомъ полптицажей. Въ 3-хъ томахъ. Передѣлано для юношества. Съ 3-го нѣмецкаго изданія подъ редакціей К. К. Сентъ-Илера. Изда-

ніе Тов-ва „Общественная польза и К.“ С.-Пб. 1900. Томъ I. Стр. XVI+768+I.

Бунаковъ. Народныя былины о русскихъ могучихъ богатыряхъ. Чтеніе для народа и народныхъ школъ. С.-Пб. 1884. Цѣна 40 коп.

Бурда. Откуда берется въ человѣкѣ рабочая сила, какъ онъ ее расходуетъ и какъ пополняетъ. Одесса. 1895. Цѣна 6 коп.

Быкова, А. Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты. Съ 5-ю рисунками въ текстѣ и географической картой. М. 1898.

Вейнбергъ, Петръ (ред.). „Русскіе писатели въ классѣ“. Вып. III. Императрица Екатерина II. С.-Пб. 1881. Цѣна 25 коп. (Статьи: „О время!“ и „Были и небылицы“).

Воронцовскій. Иллюстрированная географическая хрестоматія. Часть I. Общій обзоръ земного шара.—Часть II. Вѣт-европейскія страны.—Часть III. Европа. Сиб. 1893—1894. Цѣна за три части 5 руб.

Воронцовскій. По Русской землѣ. С.-Пб. 1885. Цѣна 1 руб.

Воронцовскій, А. О кометахъ и падающихъ звѣздахъ. С.-Пб. 1872. Цѣна 10 коп.

Воронцовскій, А. О неподвижныхъ звѣздахъ и планетахъ. С.-Пб. 1872. Цѣна 10 коп.

Воронцовскій, А. Что мы видимъ на небѣ ночью. С.-Пб. 1874. Цѣна 10 коп.

Вудъ, Дж. Глѣзда, норы и трущобы. Перев. Н. Страхова. С.-Пб. 1866. Цѣна 8 руб.

Вулканы и землетрясенія. С.-Пб. 1880. Цѣна 20 коп.

Вятерь и что онъ дѣлаетъ. С.-Пб. 1880. Цѣна 20 к.

Гадзляцкій, II. 25-лѣтіе царствованія Императора Александра II. С.-Пб. 1881. Цѣна 75 коп. (Главы: Покореніе Кавказа. Завоеваніе Туркестана. Изъ исторіи войны 1877—78 г.: Приѣздъ Государя въ армию (стр. 48—51). Пребываніе Государя въ арміи (87—89). Переходъ черезъ Балканы (стр. 90—93).

Ганике, А. Картины изъ жизни насѣкомыхъ. С.-Пб. 1875. Цѣна 2 руб. 50 коп.

Гартманъ, Г. Воздухъ и его жизнь. М. 1875. Цѣна 2 руб. 50 коп.

Гартманъ, Г. Море и его жизнь. М. 1875. Цѣна 1 руб.

Гартманъ, Г. Природа в челонѣкѣ на крайнемъ сѣверѣ. Переводъ Усова. М. 1866. Ц. 2 руб.

Гартманъ, Г. Троническій міръ. Пер. Усова. М. 1865. Цѣна 2 руб. 50 коп.

Гартвицъ, Г. Человѣкъ и природа на островахъ Великаго океана. М. 1865. Цѣна 3 руб.

Гартвицъ, Г. Чудеса подземнаго міра. М. Ц. 2 руб. 50 коп.

Георгиевскій, В. Святый благоутѣрный великій князь Андрей Боголюбскій. Владиміръ. 1894. Цѣна 40 коп. (за исключеніемъ стр. 91—101—объ убійствѣ Андрѣя Боголюбскаго).

Гердь, А. Міръ Божій. Книжка 1-я. Земля, воздухъ и вода. 4-е изданіе. С.-Пб. 1898. Изд. Л. Ф. Пантелѣева. Стр. 74. Цѣна 25 коп.

Гершель, Дж. Простыя бесѣды о научныхъ предметахъ. Перев. С. А. Рачинскаго. 1868. Цѣна 2 руб. 50 коп.

Глазенацъ, С. Кометы и падающія звѣзды. С.-Пб. 1882. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Головинъ, Н. 1812 годъ. Отечественная война и ея герои. Съ 203 рисунками. С.-Пб. Цѣна 90 коп.

Гомчаровъ, И. Фрегатъ Паллада. Т. II-й. (Гл. VIII: „Изъ Якутска“).

Горчакова, Е. кн. Кіевъ. М. 1886. Цѣна 40 коп.

Гранстремъ, Э. Вдоль полярныхъ окраинъ Россіи. С.-Пб. 1895. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Григоровичъ, Д. Автовъ Горемыка. С.-Пб. 1895. Цѣна 60 коп.

Григоровичъ, Д. Бобыль. С.-Пб. 1895. Цѣна 20 коп.

Григоровичъ, Д. Нахарь. С.-Пб. 1895. Цѣна 30 коп.

Григоровичъ, Д. Переселенцы. С.-Пб. 1889. Цѣна 2 руб. 50 коп.

Григоровичъ, Д. Свѣтлое Христоново Воскресеніе. С.-Пб. 1884. Цѣна 20 коп.

Григорьевъ, С. Доступные опыты. Воздухъ и его свойства. Практическія занятія въ школѣ и дома, въ свободное время. Съ объяснительными чертежами. М. 1896.

Данилевскій, Г. Екатерина Великая на Дибирѣ. С.-Пб. Изд. Суворина. Цѣна 20 коп.

Деполотичъ. Разказы о землѣ Аравійской. 3 книжки. С.-Пб. 1894. Цѣна 40 коп.

Детачевъ, Н. Гиганты животнаго царства. Тула. Цѣна 10 коп.

Доель. Жизнь, вино и смерть. Казань. 1886. Цѣна 15 коп.

Доель. Табакъ, какъ прихоть и несчастіе человѣка. Казань. 1887. Цѣна 30 коп.

Другъ и недругъ человѣка. Собака и волкъ. С.-Пб. 1880. Цѣна 10 коп.

Елисейевъ, А. Въ тайгѣ. (Изъ воспоминаній о далекомъ Востокѣ). С.-Пб. 1891. Цѣна 50 коп.

Елистеозъ, А. „По бѣлу-свѣту“. Очерки и картины изъ путешествій по тремъ частямъ Стараго свѣта. Т. I. С.-Пб. 1894. Цѣна 3 руб.—Т. II. С.-Пб. 1895. Цѣна 3 руб.

Елистеозъ, А. „По бѣлу-свѣту“. Очерки и картины изъ путешествій. Томъ III. С.-Пб. 1896. Цѣна 3 руб.—Томъ IV. С.-Пб. 1898. Цѣна 3 руб.

Желиховскій, В. Мое отрочество. Съ рисунками. С.-Пб. 1896. Цѣна 3 руб.

Жуковскій, В. А. Сочиненія. 1) Капитанъ Вонпъ. — 2) Выборъ Креста. — 3) Повѣсть объ Юсіфѣ Прекрасномъ. — 4) Повѣсть о мудрецѣ Кервиѣ.

Заюскинъ, М. Аскольдова могила. М. 1853. Цѣна 3 руб.

Заюскинъ, М. Рославлевъ. С.-Пб. 1890. Цѣна 80 коп.

Заюскинъ, М. Русскіе въ началѣ XVIII вѣка. М. 1848. Цѣна 3 руб.

Заюскинъ, М. Юрій Милославскій, или Русскіе въ 1612 году. Историческій романъ. М. 1882. Цѣна 1 руб.

Ивановъ, Д. Геройская смерть Данилова и Кокапскій бунтъ въ 1875 году. С.-Пб. 1876. Цѣна 20 коп.

Иверсенъ, В. Какъ добываютъ шелкъ. Наставленіе къ разведенію шелковичныхъ деревъ и выводкѣ шелковичныхъ коконовъ. С.-Пб. 1894. Цѣна 25 коп.

Исторія крупишки соли. Съ франц. С.-Пб. 1871. Цѣна 1 руб.

Кайгородовъ, Д. Изъ зеленого царства. Популярныя очерки изъ міра растений. Изд. 3-е. С.-Пб. 1895.

Кайгородовъ, Д. Изъ царства пернатыхъ. Популярныя очерки изъ міра русскихъ птицъ. Изд. 3-е. С.-Пб. 1898.

Кайгородовъ, Д. „Лепестки“. Разсказы, очерки и картинки. С.-Пб. 1896. Изданіе А. С. Суворина.

Кайгородовъ, Д. Начальная ботаника для городскихъ училищъ. С.-Пб. 1900. Изданіе А. С. Суворина. Стр. VII+142. Цѣна 60 коп.

Кирпотенко, А. Князья растительнаго царства. С.-Пб. 1892. Цѣна 30 коп.

Кирпотенко, А. Прогулка въ страну чудесъ. С.-Пб. 1891. Цѣна 40 коп.

Клейберъ, Г. О томъ, что видно на небѣ. Съ рисунками. М. Стр. 24. Цѣна 3 коп.

Ковальскій, Я. Сборникъ первоначальныхъ опытовъ, при помощи

которыхъ можно познакомить дѣтей съ самыми простыми физическими и химическими явленіями. С.-Пб. 1885. Стр. 275. Цѣна 2 руб.

Кожановская. Старина. С.-Пб. Цѣна 20 к.—Послѣ обѣда въ гостяхъ. С.-Пб. Цѣна 15 коп.

Кравчицъ, К. Физика ежедневныхъ явленій. Изд. 3-е. С.-Пб. 1897. Цѣна 70 коп.

Кривенко, Н. Бесѣды о лошади. С.-Пб. 1890. Цѣна 60 коп.

Крымъ и крымскіе татары. Кіевъ. 1892. Ц. 10 коп.

Кукольникъ, Н. Изъ жизни Петра Великаго: 1) Сказаніе о снѣгѣ и зеленомъ сукнѣ. Останъ и Ульяна. С.-Пб. 1872. Цѣна 25 коп.
2) Позументы. С.-Пб. 1872. Цѣна 25 коп.

Кукольникъ, Н. Новый годъ. Историческій рассказъ. С.-Пб. 1880. Цѣна 25 коп.

Кукольникъ, Н. Рука Всевышняго отечество спасла. С.-Пб. 1881. Цѣна 25 коп.

Лажсчичковъ, И. Полное собраніе сочиненій. 12 т. С.-Пб. 1883—1884. Цѣна 18 руб.

Леббокъ, Д. Красоты природы и ея чудеса. С.-Пб. 1894. Цѣна 65 коп.

Леббокъ, Д. Муравья, пчелы и осы. Наблюденія надъ нравами общежительныхъ и перепончатокрылыхъ. Перев. Л. Никифорова. М. 1898. Цѣна 2 руб.

Лермонтовъ, М. Ю. Герои нашего времени. (Глава 11: Максимъ Максимычъ).

Линдеманъ. Итальянская саранча и мѣры къ ея истребленію. М. 1893. Стр. 45. Цѣна 8 коп.

Линдеманъ. () главнѣйшихъ насѣкомыхъ, вредящихъ плодовымъ деревьямъ и кустарникамъ. М. 1893. Стр. 58. Цѣна 10 коп.

Литль-Бой. Живописное путешествіе по Европейской и Азіатской Турціи. М. 1878. Цѣна 3 руб.

Луговая и песчаная степи. С.-Пб. 1880. Цѣна 20 коп.

Лукашевичъ, К. Даша Севастопольская (первая сестра милосердія). Быль. Съ рисунками. М. 1899. Цѣна 25 коп.

Львовичъ. Солдатскіе рассказы о Туркестанскомъ краѣ. Степь. С.-Пб. 1875. Цѣна 40 коп.

Львовъ, В. кн. Сѣрый армякъ, или исполненное обѣщаніе. М. 1892. Цѣна 75 к.

Майковъ, Ал. Н. Изъ-за чего пошли войны съ мусульманствомъ. Книга I. Взятіе турецкимъ султаномъ Магометомъ II Константино-

поля. Москва—третій Римъ. Цѣна 7 коп.—Книга II. Покореніе при Іоаннѣ Грозномъ царствъ Казацкаго и Астраханскаго. Цѣна 5 коп.—Кн. III. Завоеваніе Сибири. Цѣна 7 коп. С.-Пб. 1883.

Майковъ, Ап. Н. Пѣсьи о полку Игоревѣ. (Въ изданіи А. Ф. Маркса).

Майковъ, Ап. Н. Царь Иванъ Васильевичъ Грозный. С.-Пб. 1892. Цѣна 10 коп.

Мамининъ, А. Завоеваніе Сибири. 1888. Цѣна 3 коп.

Масе. Исторія кусочка хлѣба. М. 1880. Цѣна 1 руб. 60 коп.

Медвѣдевъ, Ф. Чудеса растительнаго міра. Съ 30-ю рисунками. С.-Пб. 1895. Цѣна 50 коп.

Мей, Л. А. Сочиненія. (Поэмы: 1. Пѣсня про боярина Евпатія Коловрата.—2. Спаситель.—3. Александръ Невскій).

Мензбиръ, М. Изъ жизни звѣрей и птицъ. Популярныя очерки. Съ 20 рисунками. М. 1897. Цѣна 3 руб.

Мечъ, С. Австралія. М. 1888. Цѣна 65 коп.

Мечъ, С. Альпы. М. 1888. Цѣна 30 коп.

Мечъ, С. Кавказъ. М. 1893. Цѣна 50 коп.

Мечъ, С. Палестина и Аравія. М. 1892. Цѣна 30 коп.

Мечъ, С. Сахара. М. 1888. Цѣна 30 коп.

Мечъ, С. Финляндія. М. 1887. Цѣна 50 коп.

Мечъ, С. Центральная Азія. М. 1893. Цѣна 30 коп.

Народы Россіи (изд. ред. „Досуговъ и Дѣло“): Великоруссы. С.-Пб. 1878. Цѣна 25 коп.—Малоруссы. С.-Пб. 1878. Цѣна 20 коп.—Бѣлоруссы. С.-Пб. 1878. Цѣна 20 коп.—Финны, эсты, корелы и ливы. С.-Пб. 1878. Цѣна 20 коп.—Латыши и литовцы. С.-Пб. 1878. Цѣна 20 коп.—Мордва и черемисы. С.-Пб. 1878. Цѣна 20 коп.—Крымскіе татары. С.-Пб. 1879. Цѣна 25 коп.—Черкесы и абхазцы. С.-Пб. 1880. Цѣна 25 коп.—Якуты. 1880. Цѣна 20 коп.—Гунгусы и юкагиры. Цѣна 20 коп.

Немировичъ-Данченко, В. Махмудкины дѣти. Разсказъ. М. 1884. Цѣна 10 коп.

Никитенко, А. Моя повѣсть о самомъ себѣ. С.-Пб. 1900. Цѣна 1 руб.

Одоевскій, кн. В. Дѣдушки Ирини сказки и сочиненія для дѣтей. С.-Пб. Изд. Суворина. „Сказки и разсказы“. Цѣна 15 коп. „Новѣсти“ (3 книжки). Цѣна 45 коп.

Ожешкова, Эл. Милордъ. Бабушка. Переводъ съ польскаго В. Лаврова. М. 1896. Цѣна 50 коп.

Океаны. М. 1880. Цѣна 15 коп.

Острогорскій, А. Альпійская горная область. С.-Пб. Цѣна 10 коп.

Очерки Бѣлоруссiи. С.-Пб. 1876. Цѣна 15 коп.

Петровскій, А. Подвиги русскихъ. Походы русскихъ войскъ въ Хиву. М. 1877. Цѣна 10 коп.

Петрушевскій, А. Разказы про Петра Великаго и его время. С.-Пб. 1893. Цѣна 50 коп. (Главы: II. Азовскіе походы. VI. Окно въ Европу. VII. Война, мятежи и измѣна. VIII. Полтава. X. Въ чужихъ земляхъ. XII. Мирныя дѣла и копецъ войны. XIV. Послѣдніе годы).

Петрушевскій, А. Разказы про старое время на Руси. М. 1893. Цѣна 75 коп. (Главы: I. Откуда пошла и какъ стала Русская земля. II. Ольга мудрая. III. Владиміръ Красное Солнышко. IV. Владиміръ Мономахъ. V. Татарскій погромъ. VIII. Мамаево побовще. IX. Ягелло. XI. Иванъ III Васильевичъ. XII. Великій Московскій пожаръ. XIII. Взятіе Казани. XV. Ермакъ Тимоеевичъ. XIX. Кн. Скопинъ-Шуйскій. XX. Мининъ и Пожарскій. XXI. Литовская Унія. Богданъ Хмѣльницкій).

Плечко, А. Московскій Кремль. С.-Пб. 1895. Цѣна 7 коп.

Полонскій, Я. Кузнецикъ музкантъ. С.-Пб.

Поповъ, Р. О болгаряхъ. С.-Пб. 1877. Цѣна 10 коп.

Поповъ, Р. О сербахъ. С.-Пб. 1877. Цѣна 10 коп.

Поповъ, Р. О черногорцахъ. С.-Пб. 1877. Цѣна 10 коп.

Псковъ и его окрестности. С.-Пб. Цѣна 15 коп.

Пуцмковичъ, Ѳ. Вокругъ насъ. Элементарныя свѣдѣнія изъ міровѣдѣнія. Съ 125 рисунками. С.-Пб. 1882. Цѣна 40 коп.

Пушкинъ, А. С. Борисъ Годуновъ. М. 1887. Цѣна 10 коп. Изд. Общества любителей Россійской словесности.

Пыляевъ, М. Драгоценныя камни. 1896.

Равнины и пустыни. С.-Пб. 1876. Цѣна 15 коп.

Разинъ. Разказы о животныхъ. С.-Пб. 1872. Цѣна 2 руб.

Разинъ. Разказы о природѣ и ея явленіяхъ. С.-Пб. 1874. Цѣна 2 руб.

Разинъ, А. Гетманъ Степанъ Острица. Повѣсть изъ русской исторіи (1638 г.). С.-Пб. 1887. Цѣна 40 коп.—Изд. Суворина. С.-Пб. Цѣна 15 коп.

Разинъ, А. Дѣдушка Гостомысль. Повѣсть изъ русской исторіи. С.-Пб. 1868. Цѣна 50 коп.

Разинъ, А. Разоренный годъ (1812 г.). Повѣсть изъ русской исторіи. Изд. Суворина. С.-Пб. 1893. Цѣна 15 коп.

Рачинскій, С. Школьный походъ въ Нилову пустынь. С.-Пб. 1888. Цѣна 25 коп.

Романъ, Д. Умъ животныхъ. Переводъ съ англ. подъ редакціей Н. Холодковскаго. С.-Пб. 1889. Цѣна 3 руб.

Россмесслеръ. Вода. С.-Пб. 1863. Цѣна 4 руб.

Россмесслеръ. Лѣсъ. С.-Пб. 1866. Цѣна 4 руб.

Россмесслеръ. На досугѣ. Популярныя бесѣды по естествознанію. С.-Пб. 1886. Цѣна 2 руб. 50 коп.

Русская исторія въ романахъ и повѣстяхъ. Послѣдовательная хрестоматія. Книга первая—отъ Смутнаго времени до Петра Великаго. С.-Пб. 1895. Цѣна 40 коп. Книга вторая—время Петра Великаго. С.-Пб. 1896. Цѣна 95 коп.

Сабантеевъ. Глухой тетеревъ. М. 1876. Цѣна 75 коп.

Сабантеевъ. Драгоцѣнные металлы. С.-Пб. 1880. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Сабантеевъ. Соболь и соболиный промыселъ. М. 1875. Цѣна 1 руб.

Сабантеевъ. Тетеревъ-косачъ. М. 1876. Цѣна 1 руб.

Сафоновъ, А. Царствованіе Императора Александра II. М. 1897. Цѣна 1 руб. (Главы: Крымская война. Покореніе Кавказа. Война за освобожденіе славянъ 1877—1878 г. Завоеванія и приобрѣтенія въ Азіи).

Святцы и древности великаго града Кіева. Съ 7 рисунками. С.-Пб. 1867. Цѣна 15 коп.

Сертеевъ, К. Якуты. М. 1898. Цѣна 3 руб.

Серебряковъ, Л. Кометы и падающія звѣзды. Съ 25 рисунками. М. 1895.

Симонова, Л. По русской землѣ: Эзе (изъ быта остяковъ). С.-Пб. 1884. Цѣна 50 коп.—Ильдѣя (изъ быта самоѣдовъ). С.-Пб. 1887. Цѣна 30 коп.

Соколовскій, А. Шекспиръ для юношества (переводъ въ стихахъ): 1) Король Лиръ и 2) Макбетъ. С.-Пб. 1884. Цѣна по 85 коп.

Супоневъ, А. Разказы о севастопольцахъ. С.-Пб. 1895. Цѣна 10 коп.

Титовъ, А. Ростовъ Великій и его святыни. С.-Пб. 1895. Цѣна 15 коп.

Тихомирова, О. Краткое паставленіе къ выкорынкѣ шелковичныхъ червей шелковицей и скорцонеромъ. Съ 14 рисунками. М. 1896. Стр. 42. Цѣна 10 коп.

Тихомирова, О. Краткое описаніе жизни шелковичнаго червя. Съ 12 рисунками. М. 1896. Стр. 29. Цѣна 10 коп.

Тихомирова, О. Скорцонеръ, какъ кормъ шелковичнаго червя. М. 1896. Стр. 16. Цѣна 5 коп.

Тихомирова и Бозданова. Чтеніе шѣ класса. Выпускъ I. Обезьяны, попугай и слоны. М. 1873. Цѣна 35 коп.

Толстой, гр. А. К. Князь Серебряный. Повѣсть временъ Іоанна Грознаго. С.-Пб. 1896. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Толстой, гр. Л. Н. Дѣтство и отрочество. М. 1887. Цѣна 2 руб. (Статьи: 1. Охота. 2. Юродивый Гриша. 3. Разлука. 4. Дѣтство. 5. Гроза).

Толмачева, Т. Благопѣщеніе. М. 1886. Цѣна 15 к.

Толмачева, Т. Наталья Борисовна Долгорукова и березовскіе ссыльные. М. 1890. Цѣна 15 коп.

Турбинъ. Волга и Поволжье. С.-Пб. 1875. Цѣна 30 коп.

Турбинъ. Днѣпръ и Приднѣпровье. С.-Пб. 1880. Цѣна 75 коп.

Турневеъ, П. Отдѣльно изданные книгопродавцемъ Глазуновымъ разказы: 1) Одиодворецъ Овсянниковъ. Цѣна 4 коп. 2) Пѣвцы. Цѣна 4 коп. 3) Вѣжннъ Лугъ. Цѣна 6 коп. 4) Бирюкъ. Цѣна 4 коп. 5) Хоръ и Калининъ. Цѣна 4 коп. 6) Льговъ. Цѣна 4 коп. 7) Касьянъ съ Красивой Мечи. Цѣна 5 коп. 8) Лебедиль. Цѣна 4 коп. 9) Живыя моци. Цѣна 4 коп. 10) Лѣсъ и стень. Цѣна 5 коп. 11) Пегасъ. Цѣна 6 коп. 12) Пожаръ на морѣ. Цѣна 5 коп. 13) Поѣздка въ Польсье. Цѣна 6 коп. 14) Собака. Цѣна 4 коп. 15) Бригадиръ. Цѣна 7 коп.

Турскій, Д. Остяки. М. 1898. Цѣна 6 коп.

Туръ, Евгенія. Катакомбы. Повѣсть изъ первыхъ временъ христіанства. Съ англійскаго. М. 1895. Цѣна 1 руб.

Филс, Л. Жизнь насѣкомыхъ. С.-Пб. 1869. Цѣна 4 руб.

Филс, Л. Жизнь растений. С.-Пб. 1870. Цѣна 4 руб.

Фонъ-Визинг, Д. Бригадиръ. Комедія. М. 1885. Цѣна 6 коп.

Фонъ-Визинг, Д. Двѣ его комедіи: „Бригадиръ“ и „Недоросль“, изд. А. Суворина. („Дешевая бібліотека“). С.-Пб. Цѣна 15 коп.

Фурманъ, П. Александръ Васильевичъ Суворовъ-Рымникскій. Историческая повѣсть для дѣтей. С.-Пб. 1892. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Фурманъ, П. Александръ Даниловичъ Меншиковъ. Историческій романъ для дѣтей. С.-Пб. 1894. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Фурманъ, П. Князь Іковъ Федоровичъ Долгоруковъ. С.-Пб. 1896. Цѣна 75 коп.

- Фурманъ, П.* Саардамскій плотникъ. С.-Пб. 1895. Цѣна 75 коп.
- Фурманъ, П.* Сынъ рыбака — Ломоносовъ. С.-Пб. 1890. Цѣна 50 коп.
- Хитровъ, М.* Евстаѳій Плакида. Повѣсть изъ исторіи христіанской церкви конца I и начала II столѣтія. М. 1888. Цѣна 50 коп. — М. 1896.
- Хрущовъ, Я.* Пѣсни о стародавней норвѣ. С.-Пб. 1891. Цѣна 10 коп.
- Чаевъ.* Богатыри. Романъ изъ времянъ Императора Павла. М. 1872. Цѣна 3 руб. (Статья: Переходъ Суворова черезъ Альпійскія горы).
- Черты* изъ жизни извѣстнаго филантропа Іоанна Оберлина, бывшаго пастора въ Штейнталѣ. Переводъ съ нѣмецкаго. С.-Пб. 1867. Цѣна 50 коп.
- Чистяковъ, М.* Вогъ въ природѣ (по *К. Фламмаріону*). С.-Пб. 1884. Цѣна 2 руб. 50 коп.
- Чистяковъ, М.* Весна. Новыя повѣсти и рассказы, преимущественно изъ русскаго быта. С.-Пб. 1871. Цѣна 2 руб. 50 коп.—Лѣто. С.-Пб. 1870. Цѣна 2 руб. 50 коп.—Осень. С.-Пб. 1872. Цѣна 2 руб. 50 коп.—Зима. Цѣна 2 руб. 50 коп.
- Чистяковъ, М.* Охотничьи рассказы, выбранныя изъ „Журнала для дѣтей“. С.-Пб. 1873. Цѣна 2 руб.
- Чистяковъ, М.* Рассказы изъ жизни животныхъ. С.-Пб. 1883. Цѣна 75 коп.
- Чистяковъ, М.* Рассказы изъ отечественной исторіи для средняго возраста. С.-Пб. 1872. Цѣна 1 руб. 75 коп.
- Чистяковъ, М.* Рассказы изъ путешествій. С.-Пб. 1880. Цѣна 2 руб.
- Чистяковъ, М.* Русскіе историческіе рассказы. С.-Пб. 1887. Цѣна 1 руб. 25 коп.
- Чуди.* Альпійскій міръ. С.-Пб. 1873. Цѣна 4 руб.
- Чудиновъ, А.* (редакторъ). „Русская классная бібліотека“. Пособіе для изученія литературы. Выпускъ XVII—Императрица Екатерина II. Избранныя сочиненія. С.-Пб. 1894. Цѣна 45 коп. (Статьи: „О время!“ и „Были и небылицы“).—Выпускъ XXII—Василій Никитичъ Татищевъ (1685—1705). Духовная моему сыну. С.-Пб. 1896. Цѣна 30 коп.
- Штейнтауеръ, И.* Земля и небо. Общедоступныя бесѣды о мірозданіи. Изд. 2-е. С.-Пб. 1895. Стр. 39. Цѣна 10 коп.
- Щербина.* Пчела. Сборникъ для народнаго чтенія и для употребленія при народномъ обученіи. С.-Пб. 1882. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Языковъ, М. Стихотворенія. С.-Пб. 1887. Цѣна 40 коп. (сказка: „Жарь-Птица“).

У. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОТДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ПО ТЕХНИЧЕСКОМУ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОМУ ОБРАЗОВАНІЮ.

Опредѣленіями отдѣленія ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія по техническому и профессиональному образованію, утвержденными г. товарищемъ министра народнаго просвѣщенія, постановлено:

— Иданную *К. Тихомировымъ* книгу: „Каталогъ химическихъ производствъ. II. Жиры, жирныя масла, жирныя кислоты, мыловареніе и глицериновое производство. Краткій технологическій очеркъ и справочная книга. (55 рис. въ текстѣ и 5 таблицъ). Составилъ *Е. Н. Орловъ*, преподаватель и руководитель работъ въ химическихъ мастерскихъ химико-техническаго училища, имени *Ө. В. Чижова*, съ участіемъ мастера *Д. П. Киселева*. Москва. 1900 г.“—допустить къ употребленію въ качествѣ учебнаго пособия въ химико-техническихъ училищахъ.

— Книгу *Гартманна*: „Руководство къ токарнымъ работамъ по металлу. 4-е изданіе руководства въ совершенно новой обработкѣ инженера *Ф. Нейманна*. Переводъ съ нѣмецкаго. Съ атласомъ, содержащимъ 29 таблицъ чертежей. Изд. *К. А. Казначеева*. Москва. 1899 г. Цѣна 2 р.“—допустить въ бібліотеки тѣхъ промышленныхъ училищъ, въ которыхъ преподается обработка металловъ.

ОТКРЫТІЕ УЧИЛИЩЪ.

— 14-го сентября 1900 года открыто инородческое для чувашъ училище въ дер. Айгулевой, Уфимской губерніи, Стерлитамакскаго уѣзда, при 70 учащихся. 2-го октября 1900 г. преобразовано Каймашибашевское, Уфимской губерніи, однокласное инородческое училище въ двухклассный составъ, при 59 учащихся и 2-го того же октября открыты въ Бирскомъ уѣздѣ русско-башкирскія начальныя училища: Четырмановское при 32 учащихся, Усть-Багазинское при 30 учащихся и Явгильдинское при такомъ же количествѣ учащихся.

— 16-го сентября 1900 года состоялось преобразование Порплицкаго, Виленской губерніи, Вилейскаго уѣзда, народнаго училища въ двухклассное сельское училище министерства народнаго просвѣщенія, при чемъ въ это училище поступило 43 ученика.

— 21-го сентября 1900 года открыта въ Кинь-Аральской волости, Кустанайскаго уѣзда, Сарыбелевская аульная школа.

— 9-го октября 1900 года состоялось открытіе низшей ремесленной школы въ сл. Николаевской, Царевскаго уѣзда, Астраханской губерніи, учрежденной на основаніи Высочайшаго повелѣнія 8-го ноября 1899 года. Въ составъ учащихся принято 18 мальчиковъ, въ возрастѣ отъ 13 лѣтъ, большею частью изъ окончившихъ курсъ въ начальныхъ народныхъ училищахъ.

— 10-го октября 1900 года открыто мордовское училище въ дер. Алешкиной, Стерлитамакскаго уѣзда, при 20 учащихся и 16-го того же октября открыто русско-черемисское начальное училище въ дер. Малыхъ Шидахъ, Уфимскаго уѣзда, при 22 учащихся.

— 20-го октября 1900 года открыто Щербининское, Екатеринбургской губерніи, двухклассное министерское училище при 200 учащихся.

— 28-го октября 1900 года открыто въ с. Гостомелѣ, Киевскаго уѣзда и губерніи, двухклассное министерства народнаго просвѣщенія начальное училище при 120 учащихся, 29-го того же октября Трипольское сельское одноклассное училище, названныхъ уѣзда и губерніи, преобразовано въ двухклассный составъ при 200 учащихся и 1-го ноября 1900 г. открыто въ с. Николаевкѣ, Бердичевскаго уѣзда, Киевской губерніи, двухклассное начальное училище, при 80 учащихся.

— 30-го октября 1900 года открыто въ Стерлитамакскомъ уѣздѣ, Уфимской губерніи, Толбазинское русско-башкирское училище, при 12 учащихся.

— 1-го ноября 1900 года открыто одноклассное сельское начальное народное училище въ с. Черной, Балтскаго уѣзда, при 36-ти учащихся (26 мальчиковъ и 10 дѣвочекъ).

— При Пюсковскомъ одноклассномъ министерскомъ училищѣ, Тираспольскаго уѣзда, открытъ классъ ручнаго труда на специальныя средства названнаго училища.

— 25-го августа 1900 года открыты въ Тургайскомъ уѣздѣ Виктасовская и Турлубековская аульныя школы,—первая при 25-ти учащихся и вторая—при 20-ти.

— 13-го ноября 1900 года открыто въ с. Самчикахъ, Старо-константиновскаго уѣзда, Волынской губерніи, одноклассное министерское народное училище при 13 учащихся и 21-го того же ноября Подлужанское одноклассное народное училище Ровенскаго уѣзда, Волынской губерніи, преобразовано въ двухклассное народное училище при 110 учащихся.

— 1-го ноября 1900 года въ с. Острожкѣ, Новоградволинскаго уѣзда, Волынской губерніи, открыто одноклассное народное училище при 30 учащихся и 5-го того же ноября Домбровицкое одноклассное народное училище Ровенскаго уѣзда, той же губерніи, преобразовано въ двухклассное народное училище при 158 учащихся.

„РОССИАДА“ ХЕРАСКОВА И „ИСТОРИЯ О КАЗАНСКОМЪ ЦАРСТВѢ“ ¹⁾.

Въ своемъ „Историческомъ предисловіи“ къ „Россiадѣ“ Херасковъ говоритъ: „Издавая въ свѣтъ сей восьмилѣтній мой трудъ, чувствую несовершенство и недостатки онаго, въ сравненіи съ другими Епическими поемами...

Повѣствовательное сіе твореніе разположилъ я на Исторической истинѣ; сколько могъ сыскать печатныхъ и письменныхъ извѣстій, къ моему намѣренію принадлежащихъ; присовокупивъ къ тому нѣкоторыя анекдоты, доставленныя мнѣ изъ Казани тамошнимъ начальникомъ Университетскихъ Гимназій. Но да памятуешь мои читатели, что въ Епической поэмѣ, вѣрности Исторической, какъ напротивъ въ лѣтописаніяхъ поемы искать не возможно. Многое отменялъ я; переносилъ изъ одного времени въ другое; изобрѣталъ, украшалъ; творилъ и созидалъ! Успѣлъ ли я въ предпріятіи моемъ, о томъ не мнѣ судить“ ²⁾.

Что Херасковъ при своей работѣ пользовался разными источниками, видно, между прочимъ, и изъ примѣчаній къ отдѣльнымъ стихамъ. Такъ, напримѣръ, къ стиху, которымъ начинается рѣчь Иоанна

¹⁾ Читано 28-го октября 1906 года въ Неофилологическомъ Обществѣ при С.-Петербургскомъ университетѣ.

²⁾ „Россiада. Ироическая поэма. Печатана при Императорскомъ Московскомъ университетѣ 1779 года“. Стр. 4—5 („Предисловія“). И дальше я пользуюсь этимъ изданіемъ, но въ виду его рѣдкости позволяю себѣ указывать соответствующія страници изданія „Россiады“ подъ редакціей А. Н. Чудинова: „Русская классная библиотека, издаваемая подъ редакціей А. Н. Чудинова. Выпускъ XX-й М. М. Херасковъ. (1783 — 1807). Россiада. Поэма въ XII-ти пѣсняхъ. Полный текстъ поэмъ.—Обяснительныя статьи. Изданіе И. Глазунова“. Сиб. 1896.

Грознаго къ боярамъ („О! вы, которыя державу миѣ вручили“), сдѣлано примѣчаніе: „Содержаніе сей рѣчи почерпнуто изъ подлинной говореной царемъ І. В. при тогдашнемъ случаѣ“¹⁾.

Въ примѣчаніи къ стиху: „Смущали душу въ ней, не брани, Князь Османъ“ читаемъ: „Подлинное его имя Уланъ Кошакъ“²⁾.

На стр. 45 въ стихѣ: „Казанскій князь Сагрунь заслуги изчисляеть“ къ слову „Сагрунь“ сдѣлано примѣчаніе: „Подлинное его имя Чапкунъ“³⁾.

На стр. 139, въ примѣчаніи къ стиху: „Тамъ добри видимы, пещеры, лѣсъ густой“, сказано: „Сіе лыческое идолослуженіе подробно описано въ путешествіи г. профессора Лепехина“⁴⁾. На стр. 167, о „Вассіянѣ“, въ примѣчаніи, сказано: „Сей Вассіянъ, или Савастіянъ, сосланъ былъ въ заточеніе Царемъ Василіемъ Іоанновичемъ“⁵⁾. На стр. 222, къ стихамъ:

„Ты, Слава, подвиги Россійскія любила,
Казанской браня ты донимѣ не забыла;
Повѣдай миѣ теперь геройски имяла,
Вѣнчавши тобой въ прошедши времена“

сдѣлано примѣчаніе: „Сіе описаніе изъ подлинныхъ тогдашнихъ записокъ взято“⁶⁾.

На стр. 223 о Розмыслѣ читаемъ, въ примѣчаніи: „Кто сей Розмыслъ былъ въ Исторіи не означено“⁷⁾. На стр. 265, въ примѣчаніи, читаемъ: „О семъ волхвованіи лѣтописатели тогдашнихъ временъ согласно утверждаютъ“⁸⁾.

Занимаясь „Исторіей о Казанскомъ царствѣ“, или т. н. Казанскимъ лѣтописцемъ, я интересовался собственно вопросомъ, былъ ли знакомъ Херасковъ съ „Исторіей о Казанскомъ царствѣ“.

„Исторія о Казанскомъ царствѣ“ была весьма распространена⁹⁾, и

¹⁾ „Россіада“, стр. 20 прим.; „Россіада“, изд. 1895 г., стр. 24, прим.

²⁾ „Россіада“, стр. 39, прим.; „Россіада“, изд. 1895 г., стр. 41, прим.

³⁾ „Россіада“, стр. 45, прим.; „Россіада“, изд. 1895 г., стр. 47, прим.

⁴⁾ „Россіада“, изд. 1895 г., стр. 182, прим.

⁵⁾ „Россіада“, изд. 1895 г., стр. 157, прим.

⁶⁾ „Россіада“, изд. 1895 г., стр. 207, прим.

⁷⁾ „Россіада“, изд. 1895 г., стр. 209, прим.

⁸⁾ „Россіада“, изд. 1895 г., стр. 247, прим.

⁹⁾ См. С. М. Шиллескій. Древніе города и другіе болгарско-татарскіе памятники въ Казанской губерніи. Казань 1877. Стр. 552—556. См. В. О. Иконни-

въ XVIII вѣкѣ чтеніе ея, по выраженію ея издателя, не неприятно было любителямъ исторіи¹⁾: вполнѣ естественно, что Херасковъ, во-семь лѣтъ работавшій надъ „Россіадою“, познакомился, въ числѣ другихъ „писменныхъ извѣстій“ о Казани, и съ „Исторіей“. О ней онъ могъ узнать, между прочимъ, в изъ „Опыта Казанской исторіи“ П. Рычкова. (Спб. 1767. Стр. 66, примѣчаніе.—Приведено ниже).

Это—съ одной стороны, а съ другой—вотъ данныя.

„Россіада“, стр. 126 — 127 (= „Россіада“, изд. 1895 г., стр. 120—121):

Оставивъ Суздальскихъ владѣтелей столицу,
Вступая²⁾ Россійскія державы на границу.
Тамъ видятъ ярости Казанскія слѣды,
Разлившіяся вокругъ, какъ быстрый токъ воды:
Взведетъ ли Юанитъ слезами полны взоры,
На доли тошныя, на возвышенныя горы,
На храмы Божіи, на селы, на пески;
Все ризой черными одѣянно тоски;
Въ крови, является, сожженыя дома топуть,
Дымятся вокругъ поля; гдѣсь и рѣки стонуть.
Пролей со мной, пролей, о Муза! токи слезъ,
Внимая плачь вдовицы и тяжкихъ звукъ желѣзъ.
Печальныя матери востелей встрѣчаютъ,
У коней слезы взоръ и лица помираютъ,
Тервая грудь свою една вопіетъ:
Мой сынъ, любезный сынъ, тебя во свѣтѣ вѣтъ!
Я видѣла его на части раздробленна,
Моя надежда съ нимъ и пища погребенна;
Отмстите за него!.. Упала ницъ она,
И вышла изъ нее душа тоски полна.
Безчеловѣчную Ордынску помни ярость,
Подъемлется съ одра трепещущая старость;
На домъ свой указавъ дрожащею рукой:
Отсюда похищенъ, вѣщаетъ, мой покой;
Недавно набѣжавъ грабители суровы,
Вложили на моихъ дѣтей при мнѣ оковы.

кош. Опытъ русской исторіографіи. Стр. 728, 741, 786, 855, 887, 890, 931, 951, 1001, 1067, 1088, 1045, 1048, 1092, 1156, 1210, 1245, 1309. См. Г. Кунцевицъ. Исторія о Казанскомъ царствѣ. (Ея свиски). (Оттискъ изъ „Сборника“ Акад. Наукъ. Печатается).—Въ настоящее время мнѣ извѣстно около 170 свисковъ.

¹⁾ „Предувѣдомленіе“ къ веч. изд., стр. 1.

²⁾ Царь Юанитъ Васильевичъ.

„Россіада“, стр. 129 — 130 (= „Россіада“, изд. 1895 г., стр. 122—123):

„Введи ¹⁾ глаза кругомъ, и слухъ твой приклони,
Услышишь вопли здѣсь, увидишь вокругъ огни;
Младенцы бѣдныя о камень пораженны,
Текуща кровь по нѣмъ, и домы въ прахъ сожженны,
Повелѣвають намъ отиценымъ поспѣшать;
Зря пламень, можно ли намъ жаръ свой потушать?
Когда царева рѣчь сей страхъ изображала,
Вдругъ дѣва блѣдный видъ итѣюща вбѣжала,
Скрываючи ея печальныя красы
Прильзла ко лицу заплаканну власы,
Потокомъ слезъ она стещащу грудь кронила,
И руки протянувъ къ Монарху возопила:

...Ужь мой супругъ ко мнѣ не возвратится!
„Возяте, кто ни есть, ииъ мечъ во грудь стещащу,
Пустите душу вонъ къ любовному хотящу;
Скончайте съ жизнью и муку вдругъ мою.
Стыда я моего предъ вами не таю:
Любовной страстию къ любовному возженна,
Ужь была я съ нимъ закономъ сопряженна;
Ужь насъ брачныя украсили вѣнцы;
Какъ въ самый оный часъ, всесобцихъ бѣдъ творцы,
Казанцы лютыя, въ Господній храмъ вломились,
И брачныя свѣщи въ надгробны претворились;
Оковы вѣжныя, связующія насъ,
Кровавыя мечи расторгли въ оный часъ;
Влекомый мой супругъ отъ глазъ безчеловѣчно,
На мѣсто: я люблю! сказалъ: прости мнѣ, вѣчно!
Рвалась я въ рукъ, провозносила стовъ;
Но далѣ что вѣщать?... поруганъ и законъ!“

„Россіада“, стр. 132 (= „Россіада“, изд. 1895 г., стр. 125—126).

„Царь шествовалъ къ лугамъ, гдѣ есть Саканскій лѣсъ,
Въ предѣлахъ скипетру Россійскому подвластныхъ,
Вездѣ встрѣчается и стонъ, и плачь несчастныхъ;
Стрѣлами ужаса изгнанны изъ домовъ,
Сокрылись жители во глубину лѣсовъ;
Надежиѣ для нихъ среди звѣрей живяще;
О чадахъ не радять, о наставѣ, ни о нищѣ;

¹⁾ Говорить Іоанна „некоему мужу, украшенному сѣдиной“, который свѣтовалъ ему „узрѣть на время ратный жаръ“.

Воли, забывъ яремъ, безъ пастыря ревуть,
И страствуя въ дугахъ, траву поблеклу рвуть;
Стада, прызрѣнія и прежнихъ вѣгъ лашенны;
Тамъ селы кажутся въ пустыни превращенны;
Повсюду бѣдности и смертной грусти видь,
Слѣды мучительства, насилія, обидь“.

„Россіада“, стр. 225—226 (= „Россіада“, изд. 1895 г., стр. 211).

„На рвы глубокия, на стѣны ¹⁾ царь возрѣвъ,
Почувствовалъ въ душѣ крушеніе, не гнѣвъ;
Вообразилъ себѣ обиды, страхи, брани,
Которыя несла Россія отъ Казани;
Возпламенилась въ немъ ко сродникамъ любовь,
Которыхъ на стѣнахъ еще дымится кровь;
Воображаетъ онъ невольниковъ стенищихъ,
О помощи его въ отчаяннѣ молящихъ;
Внѣкаетъ гласъ вдовиць, онъ видитъ токи слезъ;
Простерты длани зрять, ко высотѣ небесъ,
И слышать вопль сиротъ на небо вопіющихъ,
Спасенья отъ него въ неволѣ тяжкой ждущихъ“.

„Исторія о Казанскомъ царствѣ“, рукопись В. М. Ундольскаго № 774, гл. 23 ²⁾ (Ср. печ. изд. гл. XXIV): (л. 39 об.) „О плененіи казанцевъ на рускую землю и оскверненіи отъ нихъ святыхъ церквей і о наруганіи крестьяномъ“.

¹⁾ Казани.

²⁾ Текст беру изъ рукописи Ундольскаго, потому что онъ исправнѣ печатнаго. При печатаніи текста принято: а, и—и; ѿ—о; оу, и—у; і—і; титла раскрыты; надстрочныя буквы внесены въ строку и послѣ нихъ, смотря по надобности, поставленъ ѣ или ѣ; надстрочныя знаки (лаерокъ, придыханіе, точки) опущены, прибавленное мною поставлено въ квадратныя скобки; что въ круглыхъ скобкахъ, взято изъ рукописи Московской Духовной Академіи № 98. Знаки препинанія мои.

О рукописи Ундольскаго № 774 см. „Рукописи славяно-русскія В. М. Ундольскаго“. М. 1870 г. стр. 22. Это—древнѣйшій списокъ изъ всѣхъ, которые мнѣ болѣе или менше известны, конца XVI вѣка—начала XVII вѣка. Описаніе рукописи см. въ статьѣ Г. Куминовича, „Исторія о Казанскомъ царствѣ. (Ея списки)“. Стр. 39—54.

О рукописи М. Д. Ак. № 98 см. у архим. Леониды, „Свѣдѣніе о нѣкоторыхъ славянскихъ рукописяхъ, поступившихъ изъ книгохранилища св. Троицкой Сергіевой Лавры въ бібліотеку Троицкой Духовной Семинаріи въ 1747 г.“ стр. 156. („Чтенія Моск. Общества Исторіи и Древностей російскихъ“, 1883 г. кн. 2-я). Описаніе рукописи см. въ упомянутой статьѣ Г. Куминовича, стр. 60—85. Рукопись съ рисунками. (Другой списокъ „Исторіи“ съ рисунками въ бібліотекѣ А. Н.—№ 34. 6. 64—№ 48 по „Каталогу“ Соколова, 1818 г., стр. 16).

(Л. 40)....»И кто убо тогда, о вернии, изрещи можетъ бывшии великия беды за многа лѣта отъ казанцевъ и отъ поганья черемисы ихъ, православнымъ хрестияномъ, паче батыя! Онъ бо единою протекъ рускую землю..... казанцы же не тако, но всегда изъ земля наша не изхождаху, овогда убо со царемъ воюще и пленяюще, и яко пшеницу пожинають и яко соды посекають руские люди и кровь (л. 40 об.) ихъ, яко воду, проливающе по удолиямъ, покоя хрестиянамъ и тихости на всякъ часъ не дающе, и никому же отъ нашихъ князей и воеводъ могущу супротивъ ихъ стати, ни възбранити отъ таковаго ихъ зверства и безчеловѣчія и суровства.... Все[шь] тогда людемъ бѣ тоска велика, въ край живущимъ варваръ техъ, и у всехъ вѣрныхъ людемъ горки слезы отъ очю тецаху, и болши домовен своихъ въ пустыняхъ лѣса и въ пещерахъ горныхъ крыющися живяху з женами и з детьми, варварьскаго ради плененія; овни же, оставляюще дома своя пусты и родъ, и племя своя, и страну отечества своего, въ немъ же родихася и воспитани быша, и преселение творяху отуду въ глубочайшую русь, идѣ же (л. 41) варвари тии не ходять. И что много глаголю? Отъ частаго бо ихъ нахождения и плененія мнози руские грады величии до основания низложены быша и отъ очю челоувѣкъ не познаваемы быши..... (л. 41 об.) и надѣ девицами мирскими предъ очима отци і (л. 42) матерей ихъ безаконне и мерское блудное дѣло, не срамляющеса, творяху, такожде и надѣ женами пре[дѣ] очима мужей ихъ, еще же надѣ старыми женами..... И пѣсть мочно таковаго безоконія ихъ подобно и[с] чести, понеже бо то все самъ язъ своимъ очима видехъ и пишу свѣдая горкое повѣданіе. Православнии же крестьяни по вся дни казаньскими срацныи и черемисою въ пленъ ведоми бываху, и старымъ и непотребнымъ имъ очи избодаху, и уши и носъ и уста обрезоваху, и зубы изкореневаху, и ланита выламяху, и тако и пометаху, конечно дышущихъ, и овемъ же руце и нозѣ ¹⁾ отсекаху, и, яко бездушнѣ камень, по земли тело валящеса, и по мале часѣ умираше, овни же челоувѣкы усекаемы (л. 42 об.), овехъ же, на полы пресецающе, погубляху и овехъ, на же[лѣ]зныхъ удищахъ за ребра и за пазуси и за ланиты пронизающе, повешаху, а овехъ на вострая коля окола града своего посажаху и позори дѣяху и смехъ ведикъ. Оле, царю хресте терпѣннѣя твоего! І све же паче и алѣе силъ реченныхъ—и младенца незлобивая отъ пазухъ матерей ихъ и смеющихся, и играю-

¹⁾ Изъ рук. М. Д. А. № 98; въ рук. Ундольскаго: нозе.

щихъ и ручицы ¹⁾ своя яко отцемъ своимъ любезно имъ подаваю-щихъ, тѣхъ, окаянѣнии кровопищцы, за гортани похитивше, задавляху и, за нозы емлюще, о камень и о стену разбиваху, и, на копияхъ, прободающе, поднимаху..... (л. 43) И хъто тогда жестокъ, каменосердеченъ горце не восплакася, глаголющи: о горе, увы! и видяще отцы и матери отъ чадъ своею разлучаему..... Подружне отъ подружия своего растовашеси живымъ растаяниемъ... Ови же новобрачьи суть, яко единъ день, или множая два, пожавше, овниже ни тако, но еще токмо по законному браку обручившися и отъ церкви въ домъ свои идуще, венчаніе приемши у презвитера своего, и не познавшемася горлицы съ супр(уг)омъ своимъ и тако же ²⁾ разлучахуса, женихъ съ невестою, и другъ отъ друга безъ вѣсти (л. 43 об.) бываху я(ко) зверми разхищаеми, невѣдомо [ис] ³⁾ нустыниа пришедшим[и] ⁴⁾; овни же во благоденстве кипяще, яко древнии аврамъ, и нищая удовлетворяюще, и страные уноевающе, и церковная іерея почитающе, и пленныя, у варваръ откупающе, на волю пущающе, — и многими денми собранное у нихъ богатество и мегневенни очивои ⁵⁾ поганыхъ руками разграбляему изгобоше, они же во единъ часъ назв остаху..... и во убожестве и въ нищете горце дни своя препроважаху, туне ходяще и просяще укроха хлебнаго..... Казанцы же, преводяще к собѣ въ казань пленную русь, и прелщаху, и принуждаху ихъ мужескъ полъ и женескъ мусурма (л. 44) (и) скую веру ихъ прияти.... не хотящихъ же веры ихъ прияти убиваху, и овехъ, яко скоть, толпами привязавныхъ держаху, и на торгу продаваху иноземцемъ купцемъ же, поганымъ челоукомъ, во инныя страны далече.... И бѣ скорбь велика въ рускои земле и везде про(и)зхождаше плачь велигласенъ и горекъ и неутѣшимъ отъ языка погана и неправедна, і отъ языка студа и злобы исполнен(а) ⁶⁾; и отъ челоуѣкъ сердцець милостивыхъ немущихъ“.

„Россіада“, стр. 43—44 (= „Россіада“, изд. 1895 г., стр. 45—46).

И се! является казанскихъ золь рачитель,
Севтъ, закона ихъ начальникъ и учитель;

¹⁾ Изъ рук. М. Д. А. № 98; въ рук. Ундольскаго: кроучиѣѢ.

²⁾ Въ рук. М. Д. А. № 98 „же“ итъ.

³⁾ Въ рукописи Ундольскаго: и'с.

⁴⁾ Въ рукописи Ундольскаго: пришедшимъ.

⁵⁾ Въ рукописи М. Д. А. № 98: в мегновѣнію очію.

⁶⁾ Въ рук. Ундольскаго: исполненъ.

Какъ будто страшною мечтою пораженъ,
 Или кровавыми мечами окруженъ,
 Или встрѣчающій мракъ вѣчной адской ночи,
 Имѣлъ онъ блѣдный видъ, недвижными очи,
 Въ трепещущихъ устахъ языкъ его дрожалъ;
 Какъ страшнымъ львомъ гонимъ въ собраніе онъ вѣбжалъ;

Собравъ разстроенныхъ своихъ остатокъ силъ,
 И руки вознося сей старецъ возгласилъ:
 О! братія мой, и други! горе! горе!

Ходилъ не давно я споконтъ духъ смущенный,
 На Камскія брега, во градъ опустошенный,
 Опредѣленіе проникнути небесъ;
 Тамъ агнца чернаго на жертву я принесъ,
 И вопрошалъ духовъ во градѣ семь живущихъ,
 Въ сомнительныхъ дѣлахъ отвѣты подающихъ;
 Заросъ въ пещеру путь къ нимъ терномъ и травой;
 Отвѣта долго ждавъ, я вдругъ услышалъ вой,
 Отчаянье и стонъ, во храмѣ нами чтимомъ;
 И се покрылся чертоги чернымъ дымомъ,
 Увидѣлъ я изъ нихъ летящую змію,
 Какъ громъ вѣщающую, погибель нѣтъ сію:
 Напрасно чтутъ меня и славятъ человѣки,
 И вы погибаете и я погибъ на вѣки;
 Змій пламенной стрѣлой ко западу упалъ,
 Виняющій сіе окаменѣлъ я сталь“.

Ср. рукопись Ундольскаго № 774, л. 67 об.—69, гл. 32-я (= печ. изд. гл. XXXIV, стр. 127—9):

„Къ сему же и се третее знаменіе при мнѣ же бысть,—еще (л. 68) бо ми тогда живущу не въ коемъ улусе казанскомъ. Малъ градець, пусть, на бреве высоцы камы реки стоя, его же русь именуется бѣсовское городище, въ немъ же живяше бѣсъ, мечты творя отъ многа лѣтъ; и то бѣ еще старыхъ болгаръ мольбище жертвенное, и скожахуся ту людие мнози, исо взая земли казанскіе, варвари и черемиса, мужи и жены, жруще бѣсу, и о полезныхъ себѣ вопрошаху ту сущихъ волхвъ. Нераденіемъ мнующихъ его уморяще, не помянувшихъ ¹⁾ ему ничто же и плавающихъ рекою опроверзаше лодия и потопляше въ реце—чюдо же і о хрстіянехъ некихъ погубляше—темъ някто же смѣяше проехати его, не повергъши мало что отъ рухля своего; къ вопрошающимъ отвѣты невидимо отдаше жерцы своими—

¹⁾ Въ рукописи М. Д. А. № 98: не конѣтвующихъ.

приездуху (л. 68 об.) бо (к) (н)ему волхвы—и кому же долголѣтство сказываше, смерть, и здравие, и немощи, и убытцы, и на землю ихъ пленение, и пагуб(у) ¹⁾, и всяку скорбь; и на воину пошедше жряху ему, совопрошающе волхвы, аще з добыткомъ или со тщетою возвратятца. Бѣсъ же все проявляше имъ и прелщаше, овогда же и лгаше. И посла тогда царица самого сента казанскаго вопрошати, аще одолѣеть казань московскою царь і князь великий или казанцы его одолѣють. И въ десятии день в полудне едва отозвася имъ гласъ отъ бѣса, въ мечете, глаголюще, всемъ людемъ слышашимъ: „Что стужаете ми? Уже бо отныне нѣсть вамъ надежды на мя и помощи (л. 69) мала, отхожу бо отъ васъ въ пустая мѣста і непроходная, прогванъ христовою силою. Приходить бо сюда со славою своею и хочетъ воцаритися в земли сен я просвѣтитъ ю святы(м) крещениемъ“. И по малѣ часѣ явися дымъ чернъ и великъ изъ нутра града, изъ мечети, на воздухъ, и се излѣтъ зми огниа и на западъ полете, всемъ намъ зрящимъ и чюдящимся, и невидимъ бысть изъ очию нашею. И разумѣша вси бывшии ту, яко изчезе животь ихъ“.

„Россіада“, стр. 46—47, 208 (= „Россіада“, изд. 1895 г., стр. 47—48, 195).

(Ильса третья).

„Когда сомнѣніемъ Сумбека колебалась,
И сердцемъ къ нѣжностямъ любовнымъ преклонялась;
Является въ дали, какъ новый Евкеладъ,
Который будто бы возсталъ, пресиливъ адъ;
То князь былъ Асталонъ; онъ шелъ горѣ подобенъ;
Сей витязъ цѣлый полкъ одинъ сломить удобенъ,
Отваженъ и свирѣлъ, сей врагъ Россіянъ былъ,
Во браняхъ, какъ тростникъ, суперниковъ рубилъ;
Пошелъ въ средину онъ покрытъ броней златою,
И палицей народъ раздвинувъ предъ собою,
Какъ гласомъ многихъ трубъ, вѣщалъ Казанцамъ онъ:
Сеі въ помощь къ вамъ пришелъ, безстрашный Асталонъ;
Я слова украшать цвѣтами не умѣю;
Но храбрость лишь одну и силу я имѣю,
При смѣхъ словахъ съ земли онъ камень подхватилъ,
Который множествомъ поднять не можно силъ,
Одной рукой его поставилъ надъ главою;
Кто силой одаренъ, вѣщаетъ, таковою?
Повергъ онъ камень сей отъ круга далеко,
И въ землю часть его уходитъ глубоко;

¹⁾ Въ рукописи Ундольскаго: пагуба.

Вотъ опытъ силъ моихъ, вскричалъ: спасайтесь мною!
 Хочу я вашей быть въ сраженіи стѣною,
 Готовъ я гнать одинъ россійскія полки;
 Но требую во мзду Царьцыной руки“...

(Письмъ десятая).

Сагрувъ, казанскій князь, хотѣлъ убить спящаго Асталона,
 „Но видя при лувѣ блистающій кинжалъ,
 Бровдами загремѣлъ строптивый конь ¹⁾, заржалъ;
 Мгновенно Асталонъ, какъ аспидъ, пробудился;
 Вскочилъ, заскрежеталъ, за острый мечъ хватился;
 Но мечъ его Сагрувъ уже въ рукахъ имѣлъ;
 Смутился Асталонъ, и на коня взлетѣлъ;
 Бронями зашумѣлъ, какъ вѣтвястое древо;
 Сагрувъ разя его, коня ударилъ въ чрево,
 Который бѣгъ къ брегамъ Казанскимъ обратилъ;
 Но рыцарь Сагрува за выю ухватилъ,
 И буйнаго коня здержать не въ силахъ болѣ,
 Летѣлъ, какъ молнія, на немъ къ рѣкѣ чрезъ поле;
 Конь вихрю бурному подобенъ въ бѣгѣ былъ;
 Крутился, возпрядалъ, ногами воздухъ билъ:
 И се въ полночный часъ неумерщвленна злоба,
 Въ лицѣ Османовомъ воставъ изъ хладна гроба,
 Касался облаколъ, во слѣдъ врагамъ текла;
 И пламеннымъ бичемъ въ струи коня гнала;
 Пріавъ ихъ всѣхъ на дно Казанка зашумѣла.
 Такой конецъ вражда и злоба возымѣла!“

Ср. рукопись Ундольскаго № 774, гл. 19-я, л. 80 об.—31 (= печ. изд. гл. XX, стр. 70—71).

Въ 7038-е лѣто, іюля въ 16-ый день, русскіе взяли крѣпкій острогъ, защищавшій посады Казани, сожгли его и посады, и бывшихъ въ немъ „срацнвъ“ всѣхъ „избиша, аки скоть, числомъ. $\dot{\bar{a}}$. тысячъ“... „Ту же, наскочивъ, вои избодоша копѣи силнаго варвара аталыка, спящу ему в шатре своемъ з женою своею на дворе свсемъ, упившуся виномъ и не успевшу ему скоро отъ сна воспрянути и возложит[и] на себя панъсыря и шлема ни палицы железные, ни меча похватит[и] в руку свою, но тако ²⁾ скочи с оторона, в одной срацнцы, на конь свой, и безъ пояса, и не обуевъ в сапозе, ни плесленвицъ ³⁾ имуще, и хоте во градъ убежати; и понесе конь его изо острога на

¹⁾ Асталона.

²⁾ Въ рукописи: в' тако.

³⁾ Въ рук. М. Д. А. № 98: ни плеснѣцъ.

(л. 31) поле к реце к булаку и аки крылатъ конь его реку прелетѣ, онъ же отъ страха не удержася и спаде съ коии своего, и остана на сей странѣ, а на друзем стране бежаше ¹⁾ конь его; и ту на брезе убиша аталыка похвалнаго воеводу казанского. А наеждаючи на ѣ. воинъ, на великъ полкъ удалыхъ боицовъ и возмужаще всеи полки рускими и многихъ убивъ, а самъ отъезжаше прочь, и, догнавъ, коего(ж)до мечемъ своимъ разтнине ²⁾ на дноо, до седла, не удержавася бо мечъ его ни (въ) шлемѣ, ни в пансыре; и стреляше дале версты в примѣту, и убиваше птицъ или зверя, или человекъ; величество же и ширина его телѣси—аки исполинъ, очи же его бѣша кровавы, аки зверя человекоядца, велики, аки буivolовы. И бояся его всякъ человекъ русинъ, воевода и воинъ, противъ его выехать і с нимъ братися не сме, по все отъ его взора страшахуса ³⁾.

„Россіада“, стр. 20—21 (= „Россіада“, изд. 1895 г., стр. 24—25): Рѣчь Іоанна къ боярамъ ⁴⁾, гдѣ онъ упоминаетъ о Святославѣ, Владимірѣ Святѣмъ, Великомъ Мономахѣ.

„Смирися Коминъ въ знакъ мира наконецъ,
Ему ⁵⁾ приносить въ даръ порфиру и вѣнецъ;
И сей вѣнецъ ношу, державу ту имѣю“.

Ср. „Исторія“ печ. изд. гл. LII, въ рукописи Ундольскаго гл. 49.—Къ этой же главѣ „Исторіи“ относится, по содержанію, и то, что въ „Россіадѣ“ на стр. 134—135, 136 (= „Россіада“ изд. 1895 г., стр. 128 вверху, 129).—Ср. Степен. книга I, 247 и др. См. И. Н. Ждановъ. Рус. был. зпосъ. Стр. 62—151.

„Россіада“, стр. 39, 40, 49—54 (= „Россіада“, изд. 1895 г., стр. 41, 42, 51—55): Сумбека любитъ князя Османа ⁶⁾.

Ср. „Исторія“ печ. изд. гл. XXXVI, стр. 132—135, въ рукописи Ундольскаго гл. на л. 71 об.

„Россіада“, стр. 211—215 (= „Россіада“, изд. 1895 г., стр. 199—201): Плачь царицы (Сумбеки).

Ср. „Исторія“ печ. изд. гл. XXXIX, стр. 144—147; въ рукописи Ундольскаго гл. 38.

¹⁾ Въ рук. М. № 98: бѣгаше.

²⁾ Въ рукописи М. Гл. Архива М. И. Д. № 95/125, 1-ой половини XVII вѣка: рѣсещаше.

³⁾ Изъ рукописи Архива 95/125. Въ рукописи Ундольскаго: страхъ.

⁴⁾ См. выше примѣчаніе Хераскова къ этой рѣчи.

⁵⁾ Великому Мономаху.

⁶⁾ См. выше примѣчаніе о немъ Хераскова.

„Россіяда“, стр. 143—144, 145 (= „Россіяда“, изд. 1895 г., стр. 136, 137): По просьбѣ свирѣпаго Киремета, Волга преграждаетъ путь плывшей по ней Московской рати: крушеніе. Казанцы стрѣляютъ съ береговъ и бьютъ вынывающихъ.

Ср. „Исторія“ печ. изд. гл. XIX, стр. 63 и пр. 49; въ рукописи Ундольскаго гл. 18.

„Россіяда“, стр. 162—164 (= „Россіяда“, изд. 1895 г., стр. 153, 154): Алей, „задумчивъ и рубищемъ одѣянъ“, убѣжавъ изъ Казани, рассказываетъ Иоанну о своихъ злоключеніяхъ.

Ср. „Исторія“ печ. изд., гл. XXXVIII, стр. 138 — 139; гл. XVIII, стр. 59; гл. XVIII, стр. 59 — 60; въ рукописи Ундольскаго гл. 33, 16, 17.

„Россіяда“, стр. 164, 198 — 199, 200, 201 (= „Россіяда“, изд. 1895 г., стр. 154, 186, 187, 189): Гирей избавляетъ друга своего Алея и умираетъ за него.

Ср. „Исторія“ печ. изд. гл. XXVIII, стр. 102—107; въ рукописи Ундольскаго гл. 25.

Какъ извѣстно, „Россіяда“ напечатана впервые въ 1779 г. До этого времени изъ источниковъ о казанскихъ походахъ была напечатана Царственная книга, въ 1769 г., и Степенная книга (ч. II, въ 1775 г.)¹⁾. При чтеніи „Исторіи о Казанскомъ царствѣ“ можно видѣть, что она имѣетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ большое сходство съ Царственной и Степенной книгой²⁾: въ „Россіядѣ“ можно указать и такіе стихи, въ соотвѣтствіе которымъ можно привести страницы какъ „Исторіи“, такъ и Царственной и Степенной книги.

Вотъ эти мѣста.

„Россіяда“, стр. 29—31 (= „Россіяда“, изд. 1895 г., стр. 32—34): Царица со слезами упрашиваетъ Иоанна остаться, бояре тоже. Царь непоколебимъ въ своемъ рѣшеніи идти.

„Когда, любя тебя, мой долгъ я позабуду,
Супругъ и царь тогда достойный я не буду“.

¹⁾ „Русская лѣтопись по Никонову списку, изданная подъ смотрѣніемъ Императорской Академіи Наукъ“, ч. I (до 1094 г.), какъ извѣстно, вышла въ 1767 г., ч. II (до 1287 г.)—въ 1768 г., ч. III (до 1862 г.)—въ 1786 г., ч. VII (1535—1598 г.)—въ 1791 г.

²⁾ См. С. М. Шпилевскій. Древніе города въ Казанской губерніи. Стр. 558—560.—Дѣйствительно ли была „заимствована г. п. Казанская исторія изъ Степенной книги и Царственной, будетъ сказано въ другомъ мѣстѣ.

Ср. „Исторія“ печ. изд., гл. LIV, стр. 195—196; въ рукописи Ундольскаго л. 118 об. Ср. Царственная книга, стр. 219—223.

„Россіяда“, стр. 104, 106, 108, 108—110, 113, 114—115, 118—120 (=„Россіяда“, изд. 1895 г., стр. 100, 101, 103, 104, 104—105, 108, 109, 118—114): Иоаннъ двинулся на Казань. Извѣстiе о приходѣ Крымскаго хана. Совѣтъ. Посылается Курбскій. Побѣда. Татары въ страхѣ бѣгутъ.

Ср. „Исторія“ печ. изд. гл. LIV, стр. 190—194; въ рукописи Ундольскаго гл. на л. 112 об.—Ср. Царственная книга, стр. 229—234. Ср. П. Рычковъ. „Опытъ Казанской исторiи“. Спб. 1767, стр. 147—148.

„Россіяда“, стр. 124—125, 187—188, 189 (=„Россіяда“, изд. 1895 г., стр. 118—119, 176, 177): Походъ на Казань.

Ср. „Исторiи“ печ. изд. гл. LV, стр. 196—197; въ рукописи Ундольскаго гл. на л. 119.—Ср. Царственная книга, стр. 252—254, 258—259. Ср. Степенная книга, стр. 256—257. Ср. П. Рычковъ. „Опытъ Казанской исторiи“. Стр. 149, прим.

„Россіяда“, стр. 195—198 (=„Россіяда“, изд. 1895 г., стр. 183—186): Казанскій князь Сагрунъ. (См. выше примѣчанiе о немъ Хераскова).

Ср. „Исторiя“ печ. изд. гл. XLV; въ рукописи Ундольскаго гл. 43: „О прилагатае князе Чапкуне и о измене с нимъ казаццевъ“.—Ср. Царственная книга, стр. 195, 197, 200—201. Ср. П. Рычковъ. „Опытъ“. Стр. 138—139, 142.

„Россіяда“, стр. 222—223 (=„Россіяда“, изд. 1895 г., стр. 207—209): Иоаннъ раздѣляетъ войско „на полчища и части“. (См. выше относящееся сюда примѣчанiе Хераскова: „Сiе описанiе изъ подлинныхъ тогдашнихъ записокъ взято“).

Ср. „Исторiя“ печ. изд. гл. LVI; въ рукописи Ундольскаго гл. на л. 120.—Ср. Царственная книга, стр. 217—218. П. Рычковъ. „Опытъ“. Стр. 148—149.

„Россіяда“, стр. 36—37, 38—39, 40, 43 (=„Россіяда“, изд. 1895 г., стр. 38—40, 41, 44—45): „Дива“.

Ср. „Исторiя“ печ. изд. гл. XXXV, стр. 130—132, гл. XXXII, стр. 121—125, гл. XXXIII, стр. 125—126; въ рукописи Ундольскаго гл. 29, 30.—Ср. Степенная книга, стр. 252—254; Царственная книга, стр. 167—169.

„Россіяда“, стр. 4—5, 6, 7 (=„Россіяда“, изд. 1895 г., стр. 10—11,

11—12, 12): Бѣдствія Россіи въ началѣ царствованія Іоанна.—Ср. „Исторія“ печ. изд., гл. XXIII, стр. 80, гл. XXIV, стр. 82—83; въ рук. Ундольскаго л. 35—35 об., л. 37, л. 37 об.—Ср. Степенная книга, стр. 243—244. П. Рычковъ. „Опытъ“. Стр. 113—4.

Указанныя выше, въ началѣ моей замѣтки, мѣста изъ „Исторіи“ ни въ Царственной книгѣ, ни въ Степенной не находятся, кромѣ рѣчи Іоанна къ боярамъ. (См. выше стр. 11).

Выше же было сказано, что, когда Херасковъ писалъ свою повѣсть, была уже надана книга П. Рычкова „Опытъ Казанской исторіи“ (Спб. 1767 г.). П. Рычковъ самъ заявляетъ, что онъ пользовался „Исторіей о Казанскомъ царствѣ“¹⁾. Не воспользовался ли Херасковъ книгой Рычкова и не оттого ли сходство съ „Исторіей о Казанскомъ царствѣ“?

Раскроемъ „Опытъ Казанской исторіи“. 1) Содержаніе главы „О плененіи казанцевъ на русскую землю“ передано настолько кратко²⁾, что совпаденія съ „Исторіей“ не возможны при пользованіи только „Опытомъ“. 2) Нѣтъ плача царицы Сумбеки³⁾. 3) О любви Улана Коцака къ царицѣ тоже ничего не сказано⁴⁾. 4) Хотя объ „Асталикѣ“ рассказъ „Исторіи“ передавъ Рычковымъ довольно подробно, но опущены нѣкоторые выраженія, которыя именно напоминаютъ нѣкоторые стихи „Россіады“, напр.

¹⁾ „Съ прежней Казанской исторіи или гѣтописи“, говоритъ онъ, „имѣю я у себя равныя списки въ разные времена полученные, изъ которыхъ позднѣйшій сообщенъ мнѣ послѣ всѣхъ, отъ... Исторіографа Миллера... Штѣлъ въ немъ старинный слоужъ съ церковнымъ, и внесено въ него много такихъ вещей, которыя къ Исторіи гражданской существенно не принадлежатъ. Прочіе списки такого же штиля и содержанія; видно, что учинены изъ одного подлинника съ нѣкоторыми измѣненіями и сокращеніями... Въ послѣдованіи сего опыта, всѣ оныя списки слѣдующіе буду считать за одинъ, и стану изъ нихъ сокращать и вносить одно то, что покажется мнѣ вѣроятнѣе, достоиннѣе примѣчанія, и съ вышнѣйшимъ состояніемъ сходственнѣе, раздѣляя оное на главы по сходству приключеній и времени“.

„Опытъ“. Стр. 68 прим.—См. *Н. Барсуковъ*. „Рукописи Археографической Комиссіи“. Спб. 1882 г., стр. 5. Ср. *Князь Н. В. Голицынъ*. Портфели Г. Ф. Миллера“. М. 1889 г., стр. 22, рукопись № 72.

²⁾ „Опытъ Казанской исторіи“. Примѣчаніе на стр. 115. Ср. „Россіада“, 126—127 (стихи приведены выше).

³⁾ См. выше „Россіада“, стр. 211—215.—„Опытъ Казанской исторіи“. Стр. 134, пр. 1.

⁴⁾ См. выше „Россіада“, стр. 39, 40, 49—54.

„И буйнаго коня здержать не въ силахъ богъ,
Лѣтъль, какъ молнія, на немъ къ рѣкѣ чрезъ поле“...

Въ „Исторіи“: „и понесе конь его изю острога на поле к реце к булаку и аки крылатъ конь его реку прелетѣ“¹⁾).

Правда, въ „Опытѣ“ Рычкова есть пересказъ довольно близкій къ „Исторіи“. Такъ, на стр. 130 говорится о бѣсѣ, жившемъ на Камѣ въ одномъ болгарскомъ городищѣ, на стр. 101—о крушеніи лодокъ русской рати, плившей по Волгѣ, на стр. 133—о козняхъ Сумбеки (отравленная пища, рубашка), на стр. 119—121—о Чюрѣ, спасшемъ Шихъ-Алея²⁾. Но, если даже предположить, что Херасковъ именно здѣсь воспользовался „Опытѣ“, во всякомъ случаѣ указанныя выше мѣста, которыхъ нѣтъ въ „Опытѣ“, говорятъ о знакомствѣ съ первоисточникомъ.

Итакъ, можно видѣть, что Херасковъ воспользовался нѣкоторыми страницами „Исторіи о Казанскомъ царствѣ“ или, такъ называемымъ, Казанскимъ лѣтописцемъ.

При этомъ, какъ и во многомъ другомъ, онъ остался вѣренъ своему времени: выражаясь его словами, онъ „многое отmetalъ, переносилъ изъ одного времени въ другое; изобрѣталъ; украшалъ; творилъ и создавалъ“.... „Епическія поэмы, имѣющія въ виду своемъ иногда особливныя намѣренія, всегда по таковымъ, какъ сія, правиламъ сочиняются“³⁾.

Г. Мушкетеръ.

¹⁾ См. выше „Россіада“, стр. 46—47, 208.

²⁾ Соответственные стихи „Россіады“ см. выше.

³⁾ „Россіада“. „Историческое предисловіе“. Стр. 5—6.

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ИМЕНИ ПЕРМЬ.

Что Пермь тождественна съ древней Біарміей и что праисторія пермской народности крестя въ скандинавскихъ сагахъ, было предположеніемъ, имѣвшимъ долгое время чуть ли не силу научнаго догмата. Его возникновеніе объясняется нѣкоторымъ созвучіемъ обоихъ именъ и тѣмъ туманомъ, въ которомъ теряются этнографическія отношенія древнихъ обитателей крайняго сѣвера, такъ что каждый лучъ, могущій пролить нѣкоторый свѣтъ въ ихъ темное прошлое, принимался съ восторженною радостью, безъ оговорокъ. Я не знаю, былъ ли Strahlenberg, плѣнный шведъ, издавшій въ 1730 г. описаніе: *Das Nord- und Oestliche Theil von Europa und Asia*, вообще первымъ, высказавшимъ мнѣніе о тождествѣ Перми и Біарміи, но съ его словъ восхваленіе древней Перми—Біарміи перешло въ русскую науку, гдѣ однимъ изъ его первыхъ провозвѣстниковъ явился някто иной какъ самъ Ломоносовъ. Знаменитые финскіе ученые, положившіе основаніе научному изслѣдованію этой области вопросовъ, Sjögren, Castén и Еугораeus не преминули прикинуть къ гипотезѣ, открывавшей столь блестящую славу о прошломъ пермскаго племени. Но по мѣрѣ систематической и болѣе разносторонней обработки относящихся сюда вопросовъ, догматъ о Перми—Біарміи распатывался, и противъ него выступили скептики, отрицавшіе какую бы то ни было связь между Пермью и тѣмъ, что скандинавскія саги повѣствуютъ о Біарміи. Когда помимо общихъ историковъ, какъ С. М. Соловьевъ и Д. И. Иловайскій, такое отрицательное положеніе заняли и А. Дмитриевъ, издатель Пермской Старины, и проф. И. Н. Смирновъ въ своей историко-этнографическомъ очеркѣ о пермякахъ ¹⁾, то можно сказать,

¹⁾ См. Извѣстія Общества Археологій при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ, т. IX 1891 г.

что гипотеза о некогда славной Перми-Віарміи стала легендой, не вызывающей болѣе прежняго довѣрія. Доводы, которые приводились противъ отождествленія Перми съ Віарміей, сводятся къ отсутствію всякихъ находокъ, могущихъ послужить вещественнымъ доказательствомъ погибшей культуры, къ баснословности скандинавскихъ сагъ и къ недоказанности этимологической связи между именами Пермь и Віармія. Развитіе археологій и лингвистики и болѣе близкое знакомство съ сагами вызвало, слѣдовательно, опроверженіе гипотезы о Перми-Віарміи. Слѣдуя тому же пути, мы доберемся, быть можетъ, и до положительныхъ выводовъ.

Необходимо сдѣлать слѣдующую оговорку. Вопросъ о тождествѣ Перми-Віарміи можетъ быть понятъ въ двоякомъ смыслѣ: въ этнографическомъ и лингвистическомъ. Въ этнографическомъ смыслѣ я формулирую вопросъ такъ: суть ли теперешніе пермійцы, пермяне или пермяки прямые потомки того (финскаго) племени, съ которымъ скандинавскіе викинги сталкивались у низовья Сѣверной Двины и страну котораго они прозвали Vjagmaland? — Съ лингвистической точки зрѣнія наша задача куда уже, а именно, слѣдуетъ показать, каково толкованіе именъ Пермь и Віармія и устанавливается ли между ними какая-нибудь связь, независимо отъ этнографіи и исторіи тѣхъ племенъ, къ которымъ примѣняются эти названія. Если будетъ доказано, что пермяки не родственны съ жителями прежней Віарміи, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что имена Пермь и Віармія восходятъ къ разнымъ корнямъ и даже разнымъ языкамъ. Оба вопроса не только могутъ, но даже должны быть рассмотрѣны независимо другъ отъ друга, при чемъ вопросъ о происхожденіи имени Пермь явится чисто лингвистическимъ экскурсомъ. Его-то я и попытаюсь представить въ настоящей статьѣ.

Скандинавское названіе нашей народности встрѣчается обыкновенно во множественномъ числѣ: Vjagmar = жители Віарміи. Единственное число будетъ Vjagmir или Vjagmer. Vjagmaland производное, содержащее родительный падежъ множественнаго числа отъ Vjagmir. Производится также прилагательное: vjagmskr. Въ англосаксонскомъ употребляется тоже множественное число: Beogmas. Скандинавское Vjagmar и англосаксонское Beogmas разнятся только на первый взглядъ. Это различіе легко устраняется, если принять во вниманіе звуковыя явленія германскихъ языковъ: я говорю о такъ называемомъ законѣ преломленія (Brechung). По немъ:

прагерманское e = $\begin{cases} *ea = ia & \text{— скандинавскій переходъ.} \\ eo (=io) & \text{— англосаксонскій переходъ.} \end{cases}$

Это явленіе происходитъ непосредственно передъ г + consonans, о чемъ см. соответствующія главы въ англосаксонской грамматикѣ Slevers'a и древнесъверной Noreen'a. Въ силу этого закона я на основаніи норвежской формы Vjagtir возстановляю *BeagmiR и *Bergmiz, а равно и англосаксонское Beogmas указываетъ на прежнее Bergmas или вѣрнѣе *Bergmiz, такъ какъ мы имѣемъ дѣло съ основой „ia“. Отбросивъ надежный знакъ и суффиксъ основы, мы получимъ корень *bergt — или, предполагая дѣйствіе перебоя (Lautverschiebung), *bhergt. — Этотъ корень вполне уже напоминаетъ намъ русское и финское прозвище Bergm.

Разбираясь въ соотношеніи этихъ названій, необходимо имѣть въ виду три случая: происхожденіе русское, финское или скандинавское. Англосаксонское происхожденіе почти невысказуемо, такъ какъ англосаксы узнали о Біарми только отъ норвежцевъ.

Если предположить, что корень bergt русскаго или финскаго происхожденія, то нельзя объяснить перехода его въ скандинавское berg-, такъ какъ при заимствованіи чужихъ словъ звукъ р въ скандинавскомъ сохраняется:

латинское ravo	>	скандинавское rál
„ Apulia	>	„ Pul
„ apostolus	>	„ postole
„ Petrus	>	„ Pettarr

Noreen замѣчаетъ: anlautendes r kommt—so weit die etymologischen verhältnisse klar sind—nur in lehnwörtern vor. (Altisl. Gramm., стр. 148). Значитъ, если бы Bergm перешло въ скандинавскій языкъ изъ какого-нибудь иностраннаго, то непременно сохранился бы первый звукъ р. Заимствованныя слова со скандинавскаго также указываютъ на полное тожество звука р въ русскомъ, финскомъ и древнесъверномъ языкахъ:

Древнесъв. srápi	>	финск. raapi	>	русск. спѣдь
„ renningr	>	„ renni	>	„ пѣназь.

Съ другой стороны скандинавское b никогда не восходитъ къ какому-нибудь прагерманскому p (Noreen, Altisl. Gramm. стр. 150).

Если такимъ образомъ переходъ имени Bergm изъ финскаго или русскаго въ скандинавскій языкъ встрѣчаетъ затрудненіе въ томъ

смыслѣ, что не объясняетъ замѣну перваго согласнаго звука, то посмотримъ, не поддадутся ли другія возможности менѣе натянутой мотивировкѣ. Но также нѣтъ никакого основанія думать, чтобы скандинавское *b* при переходѣ въ русскій языкъ превратилось въ *p*. Такъ, при заимствованіяхъ съ готскаго языка, звукъ *b* въ русскомъ неизмѣнно сохраняется:

готское: <i>ulbandus</i>	>	русское: вельблѣдъ
„ <i>brunjo</i>	>	„ брѣня
„ <i>hlaihs</i>	>	„ хлѣбъ.

По аналогіи съ этими примѣрами мы въ правѣ заключить, что скандинавское *bergt-* врядъ ли въ русскомъ дало бы *pergt*. Поэтому мы никакъ не можемъ согласиться съ мнѣніемъ г. Теплоухова, высказаннымъ въ его статьѣ: Древности Пермской чуди изъ серебра и золота и ея торговыя пути ¹⁾. Соглашаемся, что корень *Vjagt-* и *Veogt-* нужно искать въ скандинавскихъ языкахъ. „Вообще сомнительно, справедливо замѣчаетъ г. Теплоуховъ (стр. 282), чтобы какой-нибудь народъ при встрѣчѣ съ другимъ, неизвѣстнымъ ему народомъ могъ воспользоваться для названія его корнями изъ языка послѣдняго, такъ какъ языкъ этотъ ему долженъ быть неизвѣстнымъ. Далѣе, г. Теплоуховъ полагаетъ, что норمانы занесли на Русь это прозваніе, изъ котораго посредствомъ порчи (?) получилось Пермь. Такой порчи строгій изслѣдователь допустить не можетъ. Но г. Теплоуховъ увлекался тѣмъ, что такое отношеніе объясняло и приуроченіе имени Пермь къ современнымъ перьякамъ. Зная по слухамъ о существованіи на востокѣ богатой Біарміи, новгородцы, думаетъ г. Теплоуховъ, могли принять за нее первую же страну, въ которой они нашли возможнымъ прибрѣтать серебро, цѣнные мѣха и проч., и присвоили ей имя Біарміи, передѣлавъ его въ Пермь. — Нечего и говорить, что эта догадка, весьма остроумная, лишена всякой доказательности.

Перейдемъ къ послѣднему возможному случаю, къ заимствованію скандинавскаго корня **bergt-* финами. Въ финскомъ языкѣ мы дѣйствительно встрѣтимъ отсутствіе звука *b* въ началѣ слова, и поэтому всѣ заимствованныя слова, имѣющія *b*, мѣняютъ его на *p* ²⁾. Напримѣръ:

¹⁾ Пермскій Край т. III, 1895 г.

²⁾ *Thomsen, Ueber den Einfluss d. german. Sprachen*, стр. 169.

древнесѣв.:	bátr	>	финское:	raatti
"	barm	>	"	ragma
готское:	bansts	>	"	raha
	balgs	>	"	pale

То же происходитъ и съ мѣстными названіями въ Финляндіи ¹⁾:

по шведски:	Barkarila	>	по фински:	Parkarila
"	Bennås	>	"	Pännäinen
"	Bertula	>	"	Perttula
"	Bjerna	>	"	Perniö.

Мнѣ могутъ возразить, что звуковые законы, наблюдаемые въ западно-финскихъ говорахъ, не имѣютъ значенія для нашего вопроса, а что важнѣе всего, какіе переходы существовали въ языкѣ самихъ биармійцевъ. Но о нарѣчій послѣднихъ намъ за исключеніемъ одного имени главнаго бога jomall ничего неизвѣстно. Пермяки могутъ и не быть ихъ потомками. Въ спискахъ фамилій, прозвищъ и личныхъ именъ, относящихся къ современнымъ пермякамъ и приведенныхъ проф. Смирновымъ (стр. 84), дѣйствительно, попадаетъ не мало словъ, начинающихся со звука *b*. Но это явленіе объясняется уже довольно сильнымъ русскимъ вліяніемъ. Болѣе характеренъ перечень названій рѣкъ и мелкихъ притоковъ (тамъ же, стр. 101), гдѣ въ началѣ слова рѣшительно отсутствуетъ звукъ *b*. Какъ бы тамъ ни было, безусловнаго значенія языкъ „биармійскій“ для меня не имѣетъ. Если биармійцы не имѣли согласнаго *b*, то переходъ отъ скандинавскаго *berg- въ регш ясенъ. Если же придется считаться и съ обратнымъ случаемъ, а именно, что биармійцы знали звукъ *b* и что имъ при заимствованіи незачѣмъ было замѣнять его звукомъ *p*, то въ этомъ случаѣ биармійцы навѣрно и сохранили скандинавскую форму *berg- безъ измѣненія, но когда это урочище было усвоено другими финскими народностями, то состоялось переназначеніе въ регш. Если въ этихъ передачахъ участвовали лапландцы, какъ, быть можетъ, нѣкоторые будутъ склонны думать, то и у нихъ всегда господствуетъ только одинъ рядъ согласныхъ: *teives* или *mediae*, и въ то время, какъ норвежскіе лапландцы знаютъ лишь медіальные звуки, восточнымъ говорамъ эти звуки недоступны (Thomsen, стр. 39).

Результатомъ моихъ чисто лингвистическихъ разсужденій явились

¹⁾ Перечень мѣстныхъ названій въ Финляндіи, помѣщенный въ Svenska litteratursällskapet i Finland skrifter, XXXIV.

слѣдующіе выводы: если, оставаясь на строго фонетической почвѣ, мы пожелаемъ обосновать переходы имени Пермь отъ одной народности къ другой, то одно скандинавское происхождение этого имени можетъ доставить намъ удобную исходную точку. Скандинавское прозвище образовано изъ корня *bergt-. Посредственно ли, черезъ самихъ биармійцевъ или, можетъ быть, лапландцевъ, непосредственно ли это имя было усвоено финскими племенами и впоследствии приурочено къ болѣе южному народу, прозывающему себя самого Коми, Коми-йась или Коми-отыръ (Коми не имѣетъ ничего общаго съ именемъ Пермь). Если не лапландцы или сами биармійцы, то финны же и должны были измѣнить корень *bergt- въ регт-. Русскіе узнали о Перми не отъ скандинавовъ, но отъ финновъ, поэтому и у нихъ явилась форма Перми, которая ими приурочивается къ значительной части населенія Архангельской, Вологодской, Вятской и Пермской губерній.

Кромѣ фонетическаго доказательства, что корень *bjaght- нѣкогда дѣйствительно звучалъ *bergt-, я могу указать еще на балладу, извѣстную подъ названіемъ *Ogtag Viseu*, въ которой противъ *Ogtag'a* выступаетъ великанъ *Bjagktagg* (такъ въ исландскихъ *Rimur*). Это имя встрѣчается еще подъ видомъ *Bjagtagg* (*Naunsbok*) и *Bjagtagg* (*Codex Regius*). Въ фереѣской пѣснѣ говорится, что герой явился *af Bjagna landi* вмѣсто *Bjagmaland*. Ясно, что произошла контаминація двухъ различныхъ именъ: собственнаго имени *Bjagktagg* или *Bjagtagg* съ корнемъ *bjaght-, входящимъ въ *Bjagmaland*. Но въ датскомъ вариантѣ великанъ именуется *Bergter*, а въ шведскомъ *Bergneris*. *Bergneris* получилось изъ *Bergner gis* = *Bergter gis* = великанъ Бермеръ. Замѣну *th* черезъ *p* можно считать случайностью. Или *Bjagna land* возникло подъ влияніемъ *Bjagtagg*, родительнаго падежа отъ собственнаго имени *Bjagtagg*? Важно для насъ то, что первоначальная форма *bergt- сохранилась въ нѣкоторыхъ вариантахъ средневѣковой баллады ¹⁾.

Въ англійской версіи той же пѣсни выступаетъ нѣкій король Испаніи *Brethog*. Справедливо *Bugge* замѣчаетъ, что *Brethog* относится къ *Bjagtagg*, какъ англійское слово *bright* къ скандинавскому *bjagtr*. Итакъ, если придавать значеніе этому свидѣтельству, то наряду съ корнемъ *bergt могла образоваться и вариация: *bereth. Такое грамматическое явленіе, сохраняющее то первый, то второй гласный

¹⁾ Объ этой балладѣ см. Grundtvig. Danmarks gamle Folkviser, 1869 г. VI т., стр. 705 слѣд.

звукъ двухсложной основы, извѣстно подъ названіемъ *Wurzelvariation*. Среди такихъ основъ въ прагерманскомъ языкѣ *Noreen* въ своей *Urgermanische Lautlehre* (стр. 90) приводитъ: **bherem* - **bherm* - **bherm*. Очевидно, мы здѣсь имѣемъ основу, изъ которой образовалось и названіе Пермь. Это предположеніе подтверждается самымъ убѣдительнымъ образомъ русскими и мѣстными свидѣтельствами. Имя Пермь понадается въ русскихъ документахъ не раньше XIV вѣка; въ самыхъ старыхъ новгородскихъ грамотахъ, относящихся къ XIII вѣку постоянно пишется: Перемь. Далѣе, въ Писцовыхъ книгахъ за 1707 и 1710 гг. называются двѣ деревни подъ именемъ *Peremša*. Въ хозяйственномъ описаніи Пермской губерніи называются деревеньки *Peremš* или *Peremš 1)*. Названія деревень: *Peremš* и *Peremša* я русская форма, притомъ весьма вѣроятно, исконная: Пермь вполнѣ поддерживаютъ наши выводы на основаніи скандинавскихъ данныхъ.

Попробуемъ теперь изъ словъ различныхъ языковъ германской группы, восходящихъ къ основѣ **bherem*, возстановить ея значеніе. Замѣтимъ, однако, что при другой ступени *Ablaut*'а гласный звукъ е замѣнялся звукомъ а.

Въ *англійскомъ* языкѣ ²⁾:

berm, *berme*, *birn* = узкое мѣсто вообще, тропинка.

bermbank = the bank of a canal opposite the towing path.

Въ *норвежскомъ* языкѣ ³⁾:

bermt = борть на шлемѣ; край посуды.

Въ *голландскомъ* языкѣ ⁴⁾:

bermt, *baermt*, *baerem* = береговая полоса, земляная насыпь вдоль берега, тропинка вдоль рѣки.

Въ *исландскомъ* языкѣ ⁵⁾:

bermt = берегъ; значеніе „лоно“ приурочивается лишь со временемъ реформаціи.

eybermt = берегъ острова, если только „*ey*“ не значить „рѣка“, какъ это явствуетъ изъ нѣсколькихъ текстовъ; тогда *eybermt* было бы—рѣчной берегъ.

vkrbermt = берегъ морской губы.

¹⁾ Ср. *Sjögren*, I т., стр. 284—285.

²⁾ *Murray*. New english Dictionary.

³⁾ *Fritsner*. Ordbog over det gamle norske Sprog.

⁴⁾ *Verwijs en Verdam*, Middelnederlandsch Woordenboek.

⁵⁾ *Cleasby*. Icelandic—engl. Dictionary.

Въ *восточно-скандинавскихъ* языкахъ ¹⁾:

brām, brēm в шведскомъ и brēmше в датскомъ языкѣ, по мнѣнію Тамм'а, вмѣстѣ съ bord = столъ, борть и brāde = бревно восходятъ къ индо-европейскому корню *bber = поднимать и означаютъ собственно то, что выдается, что приподнято.

Въ *средне-нѣмецкомъ* языкѣ ²⁾:

bram = груди, лоно; но употребляется и въ другомъ смыслѣ, какъ напримѣръ des saligen heimatе bram = берегъ святой родины.

brēm соответствуетъ современному слову Verbrāmung. Ср. grem des schiltes = край щита.

Въ *ново-нѣмецкомъ* языкѣ ³⁾:

berme = узкій ходъ, узкая полоса земли за или передъ плотинной.

brāme — мѣховой борть; кустарникъ, окаймляющій лѣсъ, поле или лугъ.

brane = ora silvae.

Augenbrane = бровь.

brāme = насыпи, образующіяся при расколѣ плотинъ.

bram (у нижняго Рейна) = куча немолотой ржи.

bram, brāme = холмъ, куча земли, стогъ сѣна.

Очевидно, послѣднія ново-нѣмецкія значенія, относящіяся скорѣе къ диалектическому словарю, не должны быть приняты въ расчетъ при установленіи основнаго значенія общаго корня. Если также отклонить въ сторону bram = груди, главнымъ образомъ, женскія груди, лоно, то окажется, что во всѣхъ языкахъ повторяется одно и то же объясненіе: *berm, *bram = край, борть, береговая полоса. Что касается bram = груди, лоно, то по моему мнѣнію гораздо правильнѣе, — и Grimm, кажется, склоненъ къ этому, — сопоставить это значеніе съ brāme = дрожжи (ср. англійское: beorma, латинское: fermentum). Во всякомъ случаѣ bram = лоно и bram = берегъ лишь впоследствии сѣшались и были приняты составителями словарей за одно и то же слово. Ново-нѣмецкія же слова: brāme и bram у Рейна, вѣроятно, новѣйшаго происхожденія и думать, на основаніи этихъ двухъ словъ, что bram означалъ — „холмъ, возвышеніе“ было бы рискованно, когда на всѣхъ германскихъ языкахъ упорно повторяется значеніе „берега“ или „борта“.

¹⁾ Тамм. Etymologisk svenskt Ordbok.

²⁾ Lexer. Mittelhochdeutsches Handwörterbuch.

³⁾ Братья Grimm. Deutsches Wörterbuch.

нія, имѣющія въ наше время еще извѣстную вѣроятность за собой, принадлежать Sjögren'у и Лыткину. Они предполагаютъ происхождение мѣстное, т.-е. пермское. Этими они загораживаютъ путь къ переходу этого имени къ норманамъ и, ссылаясь на эти этимологіи, русскіе ученые правы, когда они отрицаютъ связь между Біарміей и Пермью. Sjögren (I стр. 393) полагаетъ, что—норманы узнали о Bjarmaland'ѣ на Руси. Не говоря уже о филологическихъ затрудненіяхъ, можно сомнѣваться въ томъ, чтобы викинги обладали такимъ правильнымъ представленіемъ о географіи, что, узнавъ на Руси о Перми, лежащей гдѣ-то на сѣверѣ, поѣхали бы отыскивать ее по Ледовитому морю. Если финское толкованіе Перми вводитъ насъ въ затрудненіе уже относительно перехода этого имени къ норманамъ, то еще менѣе доказуемы предпосылки историческаго свойства. Для возможнаго приуроченія своего толкованія Sjögren предполагаетъ слѣдующее:

1) Что въ нашей области жили три разныхъ народа, другъ за другомъ: аборигены сомнительнаго происхожденія, финны и, наконецъ, пермяки, которые сами, однако, называли себя другимъ именемъ.

2) Когда пермяки еще сосѣдствовали со вторыми, финскимъ, народомъ, то они называли эту область Perjema, т.-е. отнятую scil. у аборигеновъ. (Это уже тѣмъ невѣроятно, что предполагаетъ, что пермяки были свидѣтелями этого отнятія, иначе не могли же они прозвать страну отнятой).

3) Когда пермяки внослѣдствіи заняли эту самую область, то они какъ будто унаслѣдовали ее отъ прежнихъ обитателей. Perimä означаетъ наслѣдство.

4) Это названіе области (мы впрочемъ не знаемъ, на какомъ, наконецъ, основывается самъ Sjögren, на Perimä или Perjema) русскіе перенесли на самихъ пермяковъ. (Намъ однако извѣстно, что финны, но отнюдь не русскіе, путали географическія и этнографическія названія¹⁾).

Итакъ, мы прошли цѣлую цѣпь недоказанныхъ и даже ошибочныхъ предположеній. Кромѣ того, имена Perimä и Perjema въ звуковомъ отношеніи далеко не тождественны и переходъ ихъ въ Пермь почти невозможенъ.

Лыткинъ въ своемъ очеркѣ о Зырянскомъ краѣ 1889 г. выво-

¹⁾ Такъ, Sjögren, I стр. 296. Стр. 429 Sjögren уже довольствуется двумя народами.

дять Пермь и Веогмас изъ зырянскаго слова рагма = поросшая гѣсомъ возвышенность. (Eine mit Waldung bewachsene Anhöhe, die zur Bebauung (Rödung) benutzt werden kann. Sjögren, I стр. 294). Вывести изъ формы рагма скандинавское Вјармігъ никто не возьмется, равнымъ образомъ и Пермь не безъ натяжекъ поставлена въ связь съ ней. Любопытно, что деревня Рөгетъ также называется Рагми и что есть еще другія мѣстечки того же названія. Такъ какъ зырянское слово рагма соответствующаго родства въ другихъ говорахъ не имѣетъ, и въ зырянскомъ, кажется, стоитъ особнякомъ, то не устанавливается ли отношеніе между Рөгетъ и Рагми съ одной стороны и рагма и Пермь съ другой въ такомъ видѣ, что зырянское слово рагма заимствовано съ древнесѣвернаго языка? Другая ступень Ablaut'a отъ корня *Вегт—была *Вагт, которая встрѣчалась чуть ли не чаще первой. *Вагта понятно дало бы рагма и въ названіяхъ мѣстности могло бы чередоваться съ *Вегта. Если, такимъ образомъ, между именемъ Пермь и словомъ рагма и существуетъ нѣпѣстная связь, то во всякомъ случаѣ не въ томъ порядкѣ, какъ то полагаютъ Лыткинъ. Зырянское рагма однако передаетъ другой отгѣнокъ въ значеніи корня *Вегт.

Если мое толкованіе имени Пермь встрѣтитъ сочувствіе, то намъ дана и нѣкоторая точка опоры для хронологіи. Дѣло въ томъ, что названіе Рөгт перешло къ финнамъ, очевидно, до появленія преломленія, такъ какъ Вјаргъ — врядъ ли дало бы Рөгт. Bugge (Z. f. d. Rh. VII 394) относитъ этотъ законъ къ VIII вѣку, Noreen же склоненъ считать его еще древнѣе.—Далѣе, финскія формы Рөгейша и др. указываютъ на скандинавское окончаніе а, въ то время какъ прасѣверное окончаніе было ъ. *Вегта въ болѣе древней эпохѣ было бы *Вегтѡ. Это ѡ сохраняется въ финскомъ, напримѣръ:

Исландское *sáta* —финское *saatto* (стогъ сѣна)
 „ *kelda* — „ *kaltjo* (источникъ).

*Вегтѡ при заимствованіи дало бы *Рөгто, а не *Рөгта. Окончаніе а въ Рөгейша восходитъ только къ *Вегта, т.-е. не къ праскандинавской формѣ. Во всякомъ случаѣ она образовалась не раньше VII вѣка, хотя, можетъ быть, и позже. Руническія надписи VI вѣка все еще имѣютъ ѡ вмѣсто а. Такимъ образомъ, мы получили нѣкоторое хронологическое опредѣленіе того времени, когда норманы передали финнамъ имя Пермь: не раньше VII и не позже IX вѣка.

Въ IX вѣкѣ король Альфредъ Великій въ свой переводъ Орозіа

вставляет рассказ норвежца, побывавшаго въ *Vjagtmaland'*. Очевидно, что тогда въ Англии интересовались этой страной, что имя Веогмас еще до Альфреда было занесено въ англосаксонскій языкъ, и что интерполяція Альфреда объясняется какъ разъ желаніемъ удовлетворить любопытству своихъ земляковъ относительно этой страны.—Эта литературная справка скрѣпляетъ нашъ выводъ относительно хронологіи. Вѣроятно, открытіе скандинавами *Vjagtmaland'a* произошло въ VIII вѣкѣ или близко около того времени. Словомъ, изслѣдованіе отсылаетъ насъ къ самымъ раннимъ поѣздкамъ викинговъ.

Благодаря любезному указанію Федора Александровича Брауна, я узналъ о копѣктурѣ Мюленгоффа, имѣющей значеніе и для нашего вопроса. Въ томъ мѣстѣ (XIII гл.), гдѣ Юрнандъ перечисляетъ подвластные Эрманарюку народы, встрѣчается также загадочное имя: *Vasinabropcas*. (Варианты: *uasinabropcas* и *wasinabropcas*). Мюленгоффъ полагаетъ, что въ этомъ словѣ кроется названіе двухъ народностей: Веси и Перми,—„*quos latine dicas Bermos*“¹⁾.—Такъ какъ это преданіе относится къ VI вѣку, то приходилось бы предполагать, что имя Пермь было въ то время уже общеизвѣстно какъ опредѣленное этническое обозначеніе. Передача этого имени отъ скандинавовъ къ финнамъ произошло бы гораздо раньше, такъ какъ водвореніе чужого имени среди финскихъ племенъ требовало же времени. Но врядъ ли викинги уже въ V вѣкѣ направлялись къ низовьямъ Двины. Кромѣ того, если готы переняли названіе Пермь отъ финновъ,—единственная, какъ мнѣ кажется, возможность—то мы бы не встрѣтили согласнаго звука *b*, а *p*, о чемъ уже было говорено выше, въ началѣ этой статьи. Это исправленіе Мюленгоффа загадочнаго *Vasinabropcas* во многомъ противорѣчитъ соображеніямъ, вызваннымъ нашей гипотезой о скандинавскомъ происхожденіи имени Пермь.

Еще другое возраженіе, которое, впрочемъ, не имѣетъ рѣшающаго значенія, было высказано противъ меня, когда я впервые въ лингвистическомъ отдѣленіи Неофилологическаго Общества сообщилъ о своемъ предположеніи: отчего въ балладѣ „*Ormar-visen*“ форма *Veigmer* осталась безъ перелоя?—Ссылаясь на статью *Edzardi* (P. V. B. IV 133), можно было бы просто сказать, что законъ преломленія не проводился безъ исключенія, и что иногда западноскандинавская, иногда восточно-

¹⁾ См. *Index locorum* къ изданію Юрнандъ Момсеномъ (*Mon. Germ. Hist.*, V т. I часть).

скандинавская группа языковъ сохраняла первичныя формы словъ безъ измѣненія. Но я думаю, что и безъ того имена героевъ какой, нябудь пѣсни могутъ отзываться большой архаичностью, въ то время какъ на ряду съ ними, въ обыденной рѣчи, та же основа подверглась дѣйствию болѣе позднихъ звуковыхъ законовъ.

И. Тіандеръ.

О МНОГОЧЛЕНАХЪ ВТОРОЙ, ТРЕТЬЕЙ И ЧЕТВЕРТОЙ СТЕПЕНИ, НАИМЕНЬЕ УКЛОНЯЮЩИХСЯ ОТЪ НУЛЯ.

Русскій математикъ П. Л. Чебышевъ въ своемъ замѣчательномъ изслѣдованіи „О функціяхъ, наименѣе уклоняющихся отъ нуля“ даетъ общій способъ опредѣленія коэффициентовъ многочлена

$x^n + a_1 x^{n-1} + a_2 x^{n-2} + \dots + a_{n-1} x + a_n$, который, возрастая или убывая при увеличеніи x отъ a до b , наименѣе уклоняется отъ нуля. Справедливо высказывается сожалѣніе, что ученики Чебышева мало занимаются разработкой элементарныхъ способовъ рѣшенія знаменитой его задачи. И. Травчетовъ въ своей статьѣ „О коэффициентахъ трехчлена $px^2 + qx + r$ “, напечатанной въ № 123 и № 127 „Вѣстника опытной физики и элементарной математики“ даетъ вполне элементарное рѣшеніе задачи Чебышева для трехчлена второй степени и въ то же время рѣшаетъ нѣкоторые вопросы, относящіеся къ трехчлену.

Въ настоящей статьѣ предлагается элементарное рѣшеніе задачи Чебышева для многочленовъ второй, третьей и четвертой степени въ надеждѣ, что сдѣланная попытка заинтересуетъ читателей и побудитъ къ дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ того же рода. Эти изслѣдованія могли бы привести къ тому, чтобы простѣйшіе частные случаи задачи Чебышева были включены въ курсъ тѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ проходитъ отдѣлъ алгебры: о наибольшихъ и наименьшихъ значеніяхъ функцій.

1. Положимъ, что цѣлая рациональная функція $f(x)$ вида $x^n + a_1 x^{n-1} + a_2 x^{n-2} + \dots + a_{n-1} x + a_n$ при измѣненіи x отъ a до b востоянно возрастаетъ или убываетъ. Спрашивается, какія надо дать

значенія коэффициентамъ $a_1, a_2, a_3, \dots, a_{n-1}, a_n$, чтобы функція наименѣе уклонялась отъ нуля? Эти значенія, конечно, будутъ зависеть отъ a и b , а также отъ n . Одно изъ условій, которому должны удовлетворять искома функція, заключается въ томъ, что $f(b) = -f(a)$ или $f(a) + f(b) = 0$. Для доказательства допустимъ, что это условіе не выполняется. Тогда можно найти другую функцію такого же вида, которая, постоянно возрастая или убывая, при измѣненіи x отъ a до b будетъ уклоняться отъ нуля менѣе, чѣмъ данная функція. Въ самомъ дѣлѣ, вычтя изъ многочлена $f(x)$ постоянное количество $\frac{f(a) + f(b)}{2}$, мы не измѣнимъ его вида. Новая функція $F(x)$ равная $f(x) - \frac{f(a) + f(b)}{2}$ будетъ, какъ и данная функція $f(x)$, при измѣненіи x отъ a до b , постоянно увеличиваться или уменьшаться. Крайнія ея значенія будутъ: $F(a) = f(a) - \frac{f(a) + f(b)}{2} = \frac{f(a) - f(b)}{2}$, $F(b) = f(b) - \frac{f(a) + f(b)}{2} = \frac{f(b) - f(a)}{2}$. Сравнимъ абсолютныя величины крайнихъ значеній функцій $F(x)$ и $f(x)$. Для этого возводимъ въ квадратъ значенія $F(a)$ и $F(b)$ и преобразуемъ полученныя выраженія.

$$[F(a)]^2 = [F(b)]^2 = \frac{[f(b)]^2 - 2f(b)f(a) + [f(a)]^2}{4} = \frac{[f(b)]^2 + [f(a)]^2}{2} - \left(\frac{f(b) + f(a)}{2}\right)^2$$

Отсюда заключаемъ, что каждый изъ квадратовъ предѣльныхъ значеній новой функціи будетъ менѣе полусуммы квадратовъ предѣльныхъ значеній данной функціи, а значить и подавно менѣе наибольшаго изъ двухъ послѣднихъ квадратовъ. Поэтому предѣльныя значенія $F(x)$ по числовой величинѣ будутъ менѣе предѣльныхъ значеній $f(x)$. Такимъ образомъ многочленъ $f(x)$, постоянно возрастающій или убывающій и наименѣе уклоняющійся отъ нуля при измѣненіи x отъ a до b , долженъ имѣть крайнія значенія $f(a)$ и $f(b)$ равныя по абсолютной величинѣ и съ разными знаками.

2. Опредѣлимъ трехчленъ вида $x^2 + px + q$, который при увеличеніи x отъ a до b постоянно увеличивается и наименѣе уклоняется отъ нуля. По доказанному сумма его значеній для $x = a$ и для $x = b$ должна равняться нулю. На основаніи этого получаемъ слѣдующее уравненіе для опредѣленія коэффициентовъ: $a^2 + pa + q + b^2 + pb + q = 0$, откуда $q = -\frac{a^2 + b^2 + p(a+b)}{2}$. Такимъ образомъ искомый трехчленъ долженъ имѣть видъ $x^2 + px - \frac{1}{2}(a^2 + b^2 + p(a+b))$. Обозначая его черезъ $f(x)$, находимъ его приращеніе при увеличеніи x на ϵ . $f(x+\epsilon) - f(x) = (x+\epsilon)^2 + p(x+\epsilon) + q - (x^2 + px + q) = \epsilon(2x+p) + \epsilon^2$.

Такъ какъ трехчленъ долженъ увеличиваться при увеличеніи x отъ a до b , то выраженіе $2x+p$ должно оставаться положительнымъ при измѣненіи x отъ a до b . Въ самомъ дѣлѣ, при достаточно маломъ значеніи a количество a^2 будетъ менѣ абсолютной величины количества $a(2x+p)$ и знакъ приращенія трехчлена будетъ зависѣть отъ знака члена $a(2x+p)$. Такимъ образомъ количества $2a+p$ и $2b+p$, изъ которыхъ первое менѣ второго, должны быть положительны, т. е. $2a+p \geq 0$, $2b+p > 0$, откуда $\frac{p}{2} \geq -a$.

Съ другой стороны $f(b) = -f(a) = b^2 + pb - \frac{a^2 + b^2 + p(a+b)}{2} = \frac{b^2 - a^2}{2} + \frac{p}{2}(b-a)$. Слѣдовательно,

$f(b) \geq \frac{b^2 - a^2}{2} - a(b-a)$ или $f(b) \geq \frac{(b-a)^2}{2}$. Изъ этого неравенства заключаемъ, что наименьшее значеніе для $f(b)$ есть $\frac{(b-a)^2}{2}$. При такомъ значеніи $f(b)$ коэффициентъ p долженъ равняться $-2a$. Значитъ, искомый трехчленъ будетъ $f(x) = x^2 - 2ax + \frac{a^2 + 2ab - b^2}{2}$.

Опредѣлимъ теперь трехчленъ $x^2 + px - \frac{a^2 + b^2 + p(a+b)}{2}$ при условіи, чтобы онъ при увеличеніи x отъ a до b постоянно уменьшался и наименѣ уклонялся отъ нуля. При этомъ условіи приращеніе его должно быть отрицательнымъ. Для этого выраженіе $2x+p$ при увеличеніи x отъ a до b должно оставаться отрицательнымъ, т. е. $2a+p < 0$ и $2b+p \leq 0$, откуда $-\frac{p}{2} \geq b$.

Съ другой стороны $f(a) = -f(b) = a^2 + pa - \frac{a^2 + b^2 + p(a+b)}{2}$,
 $f(a) = \frac{a^2 - b^2}{2} - \frac{p}{2}(b-a)$. Слѣдовательно,
 $f(a) \geq \frac{a^2 - b^2}{2} + b(b-a)$ или $f(a) \geq \frac{(b-a)^2}{2}$.

Такимъ образомъ наименьшее значеніе $f(a)$ есть $\frac{1}{2}(b-a)^2$. Оно получается, когда полагаемъ $p = -2b$.

Значитъ, искомый трехчленъ будетъ
 $f(x) = x^2 - 2bx + \frac{b^2 + 2ab - a^2}{2}$.

3. Найдемъ трехчленъ $x^2 + px + q$, который при измѣненіи x отъ -1 до $+1$ получаетъ значеніе минимумъ и наименѣ уклоняется отъ нуля. Такой трехчленъ долженъ сначала уменьшаться, а затѣмъ уве-

личиваться. Минимумъ его будетъ при x равномъ $-\frac{p}{2}$. По условію это значеніе x должно заключаться между -1 и $+1$, такъ что $-1 < -\frac{p}{2} < 1$. По доказанному при измѣненіи x отъ -1 до $-\frac{p}{2}$ абсолютная величина крайнихъ уклоненій трехчлена отъ нуля будетъ не менѣе $\frac{1}{2} \left(-\frac{p}{2} + 1\right)^2$ или $\frac{1}{8}(2-p)^2$, а при измѣненіи x отъ $-\frac{p}{2}$ до 1 будетъ не менѣе $\frac{1}{2} \left(1 + \frac{p}{2}\right)^2$ или $\frac{1}{8}(2+p)^2$. Большая изъ этихъ двухъ величинъ будетъ наименьшей при $p=0$. Такимъ образомъ крайнія уклоненія искомой функціи отъ нуля по числовой величинѣ не могутъ быть менѣе $\frac{1}{2}$. Остается повѣрить, можно ли р дать значеніе 0. Трехчленъ, уменьшающійся при увеличеніи x отъ -1 до $-\frac{p}{2}$ и наименѣе уклоняющійся отъ нуля, долженъ имѣть видъ $x^2 + px + \frac{1}{8}(p^2 + 4p - 4)$, какъ было доказано. Трехчленъ, увеличивающійся при увеличеніи x отъ $-\frac{p}{2}$ до 1 и наименѣе уклоняющійся отъ нуля, долженъ имѣть видъ $x^2 + px + \frac{1}{8}(p^2 - 4p - 4)$. Написанные трехчлены будутъ тождественны при $p=0$. Такимъ образомъ искомый трехчленъ есть $x^2 - \frac{1}{2}$.

Полагаемъ $x = \frac{2z - (a+b)}{b-a}$. При $x = -1$ будетъ $z = a$ и при $x = 1$ будетъ $z = b$. Найденная функція приметъ видъ $\frac{4z^2 - 4z(a+b) + (a+b)^2}{(b-a)^2} - \frac{1}{2}$ или $\frac{4}{(b-a)^2} \left[z^2 - (a+b)z + \frac{a^2 + b^2 + 6ab}{8} \right]$. При измѣненіи z отъ a до b абсолютныя величины написаннаго выраженія будутъ не болѣе $\frac{1}{2}$. Отсюда заключаемъ, что при увеличеніи z отъ a до b абсолютныя величины значеній трехчлена $z^2 - (a+b)z + \frac{a^2 + 6ab + b^2}{8}$ не превзойдутъ $\frac{(b-a)^2}{8}$. Кромѣ того этотъ трехчленъ при измѣненіи z отъ a до b уклоняется отъ нуля менѣе, чѣмъ всѣ другіе трехчлены вида $z^2 + pz + q$.

4. Найдемъ многочленъ, вида $x^2 + px^2 + qx + r$, постоянно возрастающій и наименѣе уклоняющійся отъ нуля при измѣненіи x отъ -1 до $+1$. Обозначая его черезъ $f(x)$, находимъ $f(1) + f(-1) = 0$ или $1 + p + q + r - 1 + p - q + r = 0$, откуда $p + r = 0$ и $q = -r$. Значитъ, $f(x) = x^2 + px^2 + qx - r$. Приращеніе искомага многочлена при увеличеніи x на ϵ выразится такъ:

$$f(x + \varepsilon) - f(x) = \varepsilon(3x^2 + 2px + q) + \varepsilon^2(3x + p) + \varepsilon^3.$$

Знакъ этого приращенія для достаточно малаго значенія ε зависитъ отъ знака выраженія $3x^2 + 2px + q$. Такъ какъ искомый многочленъ постоянно увеличивается при измѣненіи x отъ -1 до $+1$, то выраженіе $3x^2 + 2px + q$ при такомъ измѣненіи x должно оставаться положительнымъ. Крайнія значенія искомага многочлена будутъ $f(1) = 1 + q$ и $f(-1) = -(1 + q)$.

Пусть трехчленъ $f_1(x) = 3x^2 + 2px + q$ имѣеть корень -1 . Тогда онъ долженъ дѣлиться безъ остатка на $x + 1$. Раздѣливъ его на $x + 1$, получимъ въ частномъ $3x + 2p - 3$ и въ остаткѣ $q + 3 - 2p$. Этотъ остатокъ долженъ равняться нулю. Поэтому $q = 2p - 3$ и $f(1) = 1 + q = 2p - 2$. Но частное $3x + 2p - 3$ должно оставаться положительнымъ при увеличеніи x отъ -1 до $+1$. Поэтому $-3 + 2p - 3 \geq 0$, откуда $2p - 2 \geq 4$. Слѣдовательно, изъ нашего предположенія слѣдуетъ $f(1) \geq 4$.

Пусть трехчленъ $f_1(x)$ имѣеть корень 1 . Раздѣливъ его на $x - 1$, получимъ въ частномъ $3x + 2p + 3$ и въ остаткѣ $2p + q + 3$. Такъ какъ остатокъ долженъ равняться нулю, то $q = -2p - 3$ и $1 + q = -2p - 2$. Но частное $3x + 2p + 3$ должно оставаться отрицательнымъ. Поэтому $3 + 2p + 3 \leq 0$, откуда $-2p - 2 \geq 4$, или $f(1) \geq 4$.

Нельзя допустить, что трехчленъ $f_1(x)$ имѣеть корни $+1$ и -1 , ибо при такомъ предположеніи онъ имѣлъ бы видъ $3(x^2 - 1)$ и имѣлъ бы отрицательныя значенія при измѣненіи x отъ -1 до $+1$.

Допустимъ, что $f_1(x)$ не имѣеть корня равнаго -1 или $+1$. Обозначимъ черезъ a его наименьшее значеніе при измѣненіи x отъ -1 до $+1$. Тогда $f_1(x) - a$ будетъ имѣть значенія не менше нули при измѣненіи x отъ -1 до $+1$. Возьмемъ $F(x) = f(x) - ax$. Приращеніе этой функціи выразится такъ:

$$F(x + \varepsilon) - F(x) = f(x + \varepsilon) - f(x) - a\varepsilon = \varepsilon(f_1(x) - a) + \varepsilon^2(3x + p) + \varepsilon^3.$$

Крайнія значенія этой возрастающей функціи будутъ $F(1) = 1 + q - a$ и $F(-1) = -1 - q + a$. Новая функція $F(x)$ уклонится отъ нуля не нѣе, чѣмъ $f(x)$, чего быть не должно. Такимъ образомъ при нашемъ предположеніи $f_1(x)$ долженъ имѣть корень, заключающійся между -1 и $+1$. Съ другой стороны этотъ трехчленъ долженъ оставаться положительнымъ. Поэтому корень его долженъ быть двойнымъ. Иначе говоря, $f_1(x)$ долженъ имѣть 2 равныхъ корня, заключающихся между

-1 и $+1$. А для этого должно удовлетворяться условіе $4p^2 - 12q = 0$. откуда $q = \frac{1}{3}p^2$. Тогда $f(1) = 1 + \frac{1}{3}p^2$. Это выраженіе имѣетъ наименьшее значеніе при $p=0$. Но въ такомъ случаѣ $q=0$ и $r=0$.

Разобравъ всѣ предположенія, какія можно сдѣлать относительно корней трехчлена $f_1(x)$, мы должны остановиться на томъ, изъ котораго получимъ многочленъ $f(x)$, наименѣе уклоняющійся отъ нуля. Слѣдовательно, искомый многочленъ будетъ имѣть видъ $f(x) = x^3$.

Полагая $x = \frac{2z-(a+b)}{b-a}$, получимъ функцію $(z - \frac{a+b}{2})^3$, которая при увеличеніи z отъ a до b увеличивается отъ $-\frac{(b-a)^3}{8}$ до $\frac{(b-a)^3}{8}$. Это выраженіе уклоняется отъ нуля менѣе, чѣмъ всякое другое выраженіе вида $z^3 + pz^2 + qz + r$, увеличивающееся при увеличеніи z отъ a до b .

Если искомый многочленъ $f(x) = x^3 + px^2 + qx - r$ долженъ постоянно уменьшаться при увеличеніи x отъ -1 до $+1$, то крайнее его значеніе $f(1) = 1 + q$ должно быть отрицательно, откуда $q < -1$. Кромѣ того выраженіе $3x^2 + 2px + q$ должно оставаться отрицательнымъ при измѣненіи x отъ -1 до $+1$, т. е., $3 + 2p + q < 0$ и $3 - 2p + q < 0$, откуда $6 + 2q < 0$ и $q < -3$. Такимъ образомъ $f(-1) \geq 2$. Чтобы крайнія значенія искомой функціи наименѣе уклонялись отъ нуля, мы должны положить $q = -3$. Но въ такомъ случаѣ выраженіе $3x^2 + 2px + q$ при $x = -1$ и $x = 1$ получаетъ значенія $-2p$ и $2p$. Такъ какъ эти значенія не могутъ быть разныхъ знаковъ, то $p = 0$. Поэтому искомая функція будетъ $f(x) = x^3 - 3x$. Крайнія ея значенія будутъ $+2$ и -2 .

Полагая $x = \frac{2z-(a+b)}{b-a}$, получимъ многочленъ $z^3 - \frac{3(a+b)z^2}{2} + 3abz + \frac{(a+b)(a^2 - 4ab + b^2)}{4}$ который при измѣненіи z отъ a до b уменьшается отъ $\frac{(b-a)^3}{4}$ до $\frac{(b-a)^3}{4}$ и наименѣе уклоняется отъ 0.

5. Найдемъ многочленъ вида $f(x) = x^3 + px^2 + qx^2 + gx + s$, постоянно возрастающій и наименѣе уклоняющійся отъ нуля при увеличеніи x отъ -1 до $+1$. Изъ условия $f(1) + f(-1) = 0$ находимъ $1 + p + q + r + s + 1 - p + q - r + s = 0$, откуда

$$1 + q + s = 0. \quad (1)$$

Наибольшее значеніе искомой функціи при измѣненіи x отъ -1 до $+1$ будетъ $f(1) = p + r$.

Приращение искомого многочлена при увеличении x на ϵ выражается так:

$$f(x+\epsilon) - f(x) = \epsilon(4x^2 + 8px + 2qx + r) + \epsilon^2(6x^2 + 3px + q) + \epsilon^3(4x + p) + \epsilon^4.$$

Для сокращения можем положить

$$f(x+\epsilon) - f(x) = \epsilon f_1(x) + \epsilon^2 f_2(x) + \epsilon^3 f_3(x) + \epsilon^4.$$

Знак приращения функции $f(x)$ одинаков со знаком выражения $f_1(x)$. Для возрастающей функции $f(x)$ при изменении x от -1 до $+1$ должны иметь $f_1(x) \geq 0$. Функция $f_1(x)$ должна иметь корень -1 и два равных корня, заключающихся между -1 и $+1$. Для доказательства разберем разные предположения.

Допустим, что $f_1(x)$ не имеет корней, заключающихся между -1 и $+1$ или равных этим числам. Обозначим через a ее наименьшее значение при изменении x от -1 до $+1$. Тогда выражение $f_1(x) - a$ при изменении x от -1 до $+1$ будет получать значения не менее нуля. Взяв вместо $f(x)$ новую функцию $F(x) = f(x) - ax$, мы увидим, что $F(x)$ будет уклоняться от нуля меньше, чем $f(x)$. В самом деле, составим приращение новой функции и найдем ее крайние значения:

$$F(x+\epsilon) - F(x) = f(x+\epsilon) - f(x) - a\epsilon = \epsilon[f_1(x) - a] + \epsilon^2 f_2(x) + \epsilon^3 f_3(x) + \epsilon^4;$$

$F(1) = f(1) - a$, $F(-1) = f(-1) + a$. Из этих неравенств заключаем, что $F(x)$ возрастает при увеличении x от -1 до $+1$ и крайнее ее значение $F(1)$ ($f(1)$), при чем $F(1) + F(-1) = 0$. Таким образом $f(x)$ не может быть функцией наименее уклоняющейся от нуля, когда $f_1(x)$ не имеет корней, заключающихся между -1 и $+1$ или равных этим числам.

Допустим, что $f_1(x)$ имеет корень -1 . Тогда мы можем положить $f_1(x) = (x+1)\zeta(x)$, где $\zeta(x)$ есть трехчлен второй степени. Пусть $\zeta(x)$ не имеет корней, заключающегося между -1 и $+1$ или равного одному из этих чисел. Обозначим наименьшее значение $\zeta(x)$ при изменении x от -1 до $+1$ через a . Тогда выражения $\zeta(x) - a$ и $(x+1)[\zeta(x) - a]$ при указанных изменениях x будут оставаться положительными, а при некоторых значениях x равными нулю. Возьмем новую функцию $F(x) = f(x) - a\left(\frac{x^2}{2} + x\right)$. Составим выражение для ее приращения: $F(x+\epsilon) - F(x) = f(x+\epsilon) - f(x) - a\epsilon(x+1) - a\frac{\epsilon^2}{2} = \epsilon[f_1(x) - a(x+1)] + \epsilon^2[f_2(x) - \frac{a}{2}] + \epsilon^3 f_3(x) + \epsilon^4 = \epsilon(x+1)[\zeta(x) - a] + \epsilon^2[f_2(x) - \frac{a}{2}] + \epsilon^3 f_3(x) + \epsilon^4.$

Такъ какъ коэффициентъ при ε получаетъ значенія не менѣе нуля при измѣненіи x отъ -1 до $+1$, то $F(x)$ при такомъ измѣненіи x постоянно увеличивается. Найдемъ ея крайнія значенія: $F(1) = f(1) - \frac{3a}{2}$, $F(-1) = f(-1) + \frac{a}{2}$. Такъ какъ $F(1) > F(-1)$, то $f(1) - \frac{3a}{2} > f(-1) + \frac{a}{2}$, откуда $2f(1) > \frac{3a}{2} + \frac{a}{2}$ и $f(1) > a$. Это показываетъ, что $F(-1) < 0$ и абсолютная величина $F(-1)$ менѣе $f(1)$. Съ другой стороны $F(1) < f(1)$. Стало бытъ $F(x)$ отклоняется отъ нуля менѣе, чѣмъ $f(x)$. Поэтому необходимо принять, что $\zeta(x)$ имѣетъ корень при измѣненіи x отъ -1 до $+1$. Если этотъ корень заключается между -1 и $+1$, то онъ долженъ быть двойнымъ, потому что трехчленъ $\zeta(x)$ не долженъ мѣнять знака при измѣненіи x отъ -1 до $+1$. Если же $\zeta(x)$ имѣетъ корень -1 или $+1$, то многочленъ $f_1(x)$ долженъ имѣть видъ или $(x+1)^2 \zeta(x)$ или $(x^2-1) \zeta_1(x)$, гдѣ $\zeta(x)$ и $\zeta_1(x)$ суть двучлены первой степени относительно x .

Точно такимъ же образомъ докажемъ, что если $f_1(x)$ будетъ имѣть корень 1 , то эта функція должна имѣть видъ или $(x^2-1) \zeta_1(x)$ или $(x-1)^2 \zeta_2(x)$. Предположеніе $f_1(x) = (x-1)(x-\alpha)^2$, гдѣ $-1 < \alpha < 1$, можетъ имѣть мѣсто только для убывающей функція $f(x)$.

Допустимъ, что $f_1(x)$ имѣетъ двойной корень α , заключающійся между -1 и $+1$. Тогда $f_1(x) = (x-\alpha)^2 \varphi(x)$. Обозначимъ черезъ a наименьшее значеніе $\varphi(x)$ при измѣненіи x отъ -1 до $+1$. Возьмемъ новую функцію $F(x) = f(x) - \frac{a}{8}(x-\alpha)^3$ и составимъ выраженіе для ея приращенія

$$\begin{aligned} F(x+\varepsilon) - F(x) &= f(x+\varepsilon) - f(x) - a\varepsilon(x-\alpha)^2 - a\varepsilon^2(x-\alpha) - \frac{a\varepsilon^3}{8} = \\ &= \varepsilon f_1(x) + \varepsilon^2 f_2(x) + \varepsilon^3 f_3(x) + \varepsilon^4 - a\varepsilon(x-\alpha)^2 - a\varepsilon^2(x-\alpha) - \frac{a\varepsilon^3}{8} = \\ &= \varepsilon(x-\alpha)^2[\varphi(x) - a] + \varepsilon^2[f_2(x) - a(x-\alpha)] + \varepsilon^3[f_3(x) - \frac{a}{8}] + \varepsilon^4. \end{aligned}$$

Такъ какъ $\varphi(x) - a$ при измѣненіи x отъ -1 до $+1$ остается не менѣе нуля, то $F(x)$ возрастаетъ. Найдемъ крайнія значенія $F(x)$:

$$F(1) = f(1) - \frac{a}{8}(1-\alpha)^3, \quad F(-1) = f(-1) + \frac{a}{8}(1+\alpha)^3.$$

Отсюда видимъ, что $F(1) > f(1)$ и $F(-1) > f(-1)$.

Такъ какъ $F(1) > F(-1)$, то $f(1) - \frac{a}{8}(1-\alpha)^3 > f(-1) + \frac{a}{8}(1+\alpha)^3$, откуда $f(1) > \frac{1}{2} \left[\frac{a}{8}(1-\alpha)^3 + \frac{a}{8}(1+\alpha)^3 \right]$. Отсюда видимъ, что $f(1)$

болѣе полусуммы количествъ $\frac{a}{3}(1-a)^2$ и $\frac{a}{3}(1+a)^2$; поэтому $f(1)$ болѣе наименьшаго изъ нихъ. Слѣдовательно, при a положительномъ $F(1) > 0$, а при a отрицательномъ $F(-1) < 0$. Это показываетъ, что отклоненія отъ нуля функций $F(x)$ будутъ менѣе, чѣмъ отклоненія $f(x)$. Поэтому мы должны предположить, что $\varphi(x)$ имѣеть корень, не выходящій изъ предѣловъ -1 и $+1$. Такъ какъ выраженіе $\varphi(x)$ должно оставаться положительнымъ, то этотъ корень есть -1 . Слѣдовательно $f_1(x)$ имѣеть видъ $4(x-a)^2(x+1)$.

Такимъ образомъ относительно вида функции $f_1(x)$ возможны 4 предположенія:

а) $f_1(x) = (x+1)^2\psi(x)$. Раздѣливъ $4x^2 + 3px^2 + 2qx + r$ на $x^2 + 2x + 1$, получимъ въ частномъ $4x + 3p - 8$ и въ остаткѣ $2x(q - 3p + 6) + 8 + r - 3p$. Такъ какъ остатокъ долженъ тождественно равняться нулю, то $q = 3p - 6$ и $r = 3p - 8$. Поэтому $f(1) = r + p = 4p - 8$. Выраженіе $\psi(x)$ равное $4x + 3p - 8$ должно быть положительно. Значить $-4 + 3p - 8 \geq 0$, откуда $p \geq 4$. Слѣдовательно, $f(1) \geq 8$.

б) $f_1(x) = (x^2 - 1)\psi_1(x)$. Раздѣливъ $4x^2 + 3px^2 + 2qx + r$ на $x^2 - 1$, получимъ въ частномъ $4x + 3p$ и въ остаткѣ $2x(q + 2) + 3p + r$. Поэтому $q = -2$, $r = -3p$; $p + r = -2p$. Но $\psi_1(x) = 4x + 3p$ должно оставаться отрицательнымъ. Значить $4 + 3p \leq 0$, $p \leq -\frac{4}{3}$. Слѣдовательно, $f(1) \geq \frac{8}{3}$.

в) $f_1(x) = (x - 1)^2\psi_2(x)$. Раздѣливъ $4x^2 + 3px^2 + 2qx + r$ на $x^2 - 2x + 1$, получимъ въ частномъ $4x + 3p + 8$ и въ остаткѣ $2(q + 3p + 6)x + r - 8 - 3p$. Поэтому $q = -3p - 6$, $r = 3p + 8$; $r + p = 4p + 8$. Но $\psi_2(x) = 4x + 3p + 8$ должно оставаться положительнымъ. Значить $-4 + 3p + 8 \geq 0$, откуда $p \geq -\frac{4}{3}$. Слѣдовательно, $f(1) \geq \frac{8}{3}$.

Наконецъ, полагаемъ $f_1(x) = 4(x+1)(x-a)^2$. Раздѣливъ $4x^2 + 3px^2 + 2qx + r$ на $x+1$, получимъ въ частномъ $4x^2 + (3p-4)x + r$ и въ остаткѣ $-4 + 3p - 2q + r$, что должно равняться нулю. Поэтому

$$-4 + 3p - 2q + r = 0 \quad (2).$$

Трехчленъ $4x^2 + (3p-4)x + r$ долженъ имѣть равные корни. Поэтому имѣемъ равенство:

$$(3p-4)^2 - 16r = 0 \quad (3).$$

Изъ 3 найденныхъ нами уравненій выразимъ q , r и s черезъ p . Тогда получимъ

$$q = \frac{(3p-4)^2}{82} + \frac{3p}{2} - 2, \quad r = \frac{(3p-4)^2}{16}, \quad s = 1 - \frac{3p}{2} - \frac{(3p-4)^2}{82}.$$

Предѣльное значеніе искомой функціи будетъ $f(1) = p + r = p + \frac{(3p-4)^2}{16}$. Но это выраженіе имѣетъ наименьшее значеніе $\frac{8}{9}$ при $p = \frac{4}{9}$.

Слѣдовательно, искомая функція есть

$$f(x) = x^4 + \frac{4}{9}x^3 - \frac{10}{9}x^2 + \frac{4}{9}x + \frac{1}{9}.$$

Другія предположенія относительно вида $f_1(x)$ приводятъ къ функціямъ, уклоняющимся отъ нуля болѣе, чѣмъ на $\frac{8}{9}$.

Полагая $x = \frac{zx - (a+b)}{b-a}$, получимъ функцію

$$z^4 - \frac{4}{9}(5a+4b)z^3 + \frac{2}{9}(2b+a)(2b+7a)z^2 - \frac{4}{9}a(a+2b)^2z + \frac{1}{18}(a^4+4a^3b+10a^2b^2+4ab^3-b^4),$$

которая при увеличеніи z отъ a до b постоянно возрастаетъ и наименѣе уклоняется отъ нуля. Крайнія ея значенія суть $\mp \frac{1}{18}(b-a)^4$.

Подобнымъ же образомъ выведемъ, что функція $z^4 - \frac{4}{9}(5b+4a)z^3 + \frac{2}{9}(2a+b)(2a+7b)z^2 - \frac{4}{9}b(b+2a)^2z + \frac{1}{18}(b^4+4b^3a+10b^2a^2+4ba^3-a^4)$ при увеличеніи z отъ a до b постоянно уменьшается и наименѣе уклоняется отъ нуля. Крайнія ея значенія будутъ $\pm \frac{1}{18}(b-a)^4$.

И. Свѣшниковъ.

О ТРАГЕДІЯХЪ КАЛЬДЕРОНА.

(Посвящается Донъ Хуану Дубоску).

Трагедіи Кальдерона уже давно обратили на себя вниманіе изслѣдователей; о нихъ высказаны были разнообразныя сужденія, между которыми намъ предстоитъ разобратъся, ибо не всѣ они представляются намъ убѣдительными. Кроме того, на нѣкоторые пункты въ трагедіяхъ Кальдерона предшествующіе изслѣдователи и критики не обратили вниманія, вслѣдствіе чего ихъ разборъ страдаетъ нѣкоторой неполнотою. Религіозныя и философскія драмы Кальдерона, а также его комедіи подвергались болѣе тщательному изученію. Мы оставляемъ ихъ въ сторонѣ въ настоящемъ очеркѣ, ограничиваясь болѣе спеціальнымъ анализомъ трагедій знаменитаго испанскаго драматурга. Напомнимъ сперва нѣвнѣя наиболѣе выдающихся ученыхъ, писавшихъ о Кальдеронѣ.

Первый изъ новыхъ критиковъ, который обратился къ изученію испанцевъ, былъ А. В. Шлегель. Въ своихъ „Vorlesungen über dramatische Kunst und Litteratur“ онъ неоднократно говоритъ о Кальдеронѣ, котораго считаетъ наилучшимъ романтическимъ поэтомъ, но въ подробное изученіе трагедій Кальдерона не вдается. О чести, какъ причинѣ трагическихъ осложненій, у Шлегеля говорится очень мало, и лишь вскользь упоминается, что честь принимаетъ иногда характеръ враждебной судьбы (ein feindseliges Schicksal). Наконецъ, Шлегель вовсе не отмѣчаетъ полнота сродства въ построении всѣхъ трагедій Кальдерона, а не только пьесъ, изображающихъ оскорбленіе чести. Этотъ недосмотръ, который нельзя поставить въ вину Шлегелю, имѣвшему лишь весьма ограниченныя свѣдѣнія по исторіи испанской драмы, повторяется, какъ уви-

димъ, и у другихъ писателей, изучавшихъ Кальдерона ¹⁾). Среди работъ, посвященныхъ этому поэту, одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ необходимо отвести книгѣ Viel-Castel'я „Essai sur le théâtre espagnol“, которая отдѣльными статьями начала появляться въ *Revue des deux Mondes* съ 1841 г. Окончательное изданіе этой работы сдѣлано въ Парижѣ, въ двухъ томахъ (Charpentier, 1882). Viel-Castel ясно и опредѣленно указываетъ фатализмъ трагедій чести у Кальдерона, а также отмѣчаетъ, что идеи, которыя воплощены въ трагедіяхъ Кальдерона, не могутъ считаться совершенно устарѣлыми и въ наши дни. Устарѣли не самыя идеи, а то преувеличеніе (*l'exagération*), которое придаетъ имъ иногда поэтъ. У Кальдерона убійство изъ мести—необходимая принадлежность любви и ревности. Герой трагедіи *Mayor monstro los celos*—истинный ревнивецъ. Какъ увидитъ читатель, наши мнѣнія по ипогомъ примыкаютъ ко взглядамъ французскаго ученаго. Но и Viel-Castel, подобно прочимъ критикамъ, не разсматриваетъ всѣ шесть трагедій Кальдерона вмѣстѣ, объединяя ихъ принципомъ фатализма, и кромѣ того не указываетъ, въ чемъ же именно преувеличеніе идеи чести у Кальдерона, говоря точнѣе, въ чемъ ошибка испанскаго поэта ²⁾? Въ связи съ этимъ стоитъ замѣчаніе Viel-Castel'я, что характеры дѣйствующихъ лицъ въ трагедіи *El Médico de su honra* превосходны: этого, какъ выясняется вѣдствіемъ, никакъ нельзя сказать про характеръ протагониста. Viel-Castel подробно прочіихъ ученыхъ изучилъ трагедіи Кальдерона, вслѣдствіе чего мы можемъ ограничиться самымъ краткимъ упоминаніемъ о мнѣніяхъ другихъ изслѣдователей испанскаго театра ³⁾. Шакъ, въ своемъ извѣстномъ трудѣ по исторіи испанской драмы, указываетъ на безнравственный характеръ понятій о чести, лежащихъ въ основѣ трагедій Кальдерона. Онъ совершенно правильно замѣчаетъ, что борьба въ означенныхъ трагедіяхъ имѣетъ характеръ черезчуръ субъективный. Но въ общемъ, по его мнѣнію, эти пьесы, напримвръ *El Médico de*

¹⁾ А. W. v. Schlegel's *Sämmtliche Werke*, изд. 1846 г., т. VI, стр. 60, 137, 154, 390, 395 и др.

²⁾ Louis de Viel-Castel, *Essai sur le théâtre espagnol*, т. I, стр. 329, 342, 346, 353 и слѣд. 384, 397 и т. д.

³⁾ Къ сожалѣнію, намъ вовсе не знакома работа Валентина Шмидта „*Die Schauspiele Calderons erläutert und dargestellt*“ (Elberfeld, 1857 г.), которая представляеть библиографическую рѣдкость и не могла быть нами разыскана даже въ фундаментальныхъ бібліотекахъ.

su honra, превосходившія созданія поэзіи. Мишніи Шака приобрѣли наибольшую авторитетность и въ обществѣ, однако, мы не считаемъ ихъ правильными и постараемся придать иное освѣщеніе трагедіямъ Кальдерона ¹⁾). Тикноръ не останавливается на подробномъ анализѣ трагедій чести Кальдерона, при чемъ общаа ошибка критиковъ—разсматривать трагедіи чести отдѣльно отъ другихъ, повторяется и у американскаго ученаго. Кромѣ того, Тикноръ не отмѣчаетъ фатализма трагедій Кальдерона и не проводитъ строгаго различія между драмами чести и ревности, что безусловно необходимо. Анализъ трагедіи *Amor despues de la muerte* можно считать удачнымъ ²⁾). Лемке ограничивается простымъ перечнемъ трагедій Кальдерона ³⁾). Приблизительно въ предѣлахъ Шаковской формулировки вращается и Клейнъ, хотя приговоръ его, вообще, чрезвычайно суровъ. Оставляя безъ разсмотрѣнія собственно фаталистическія трагедіи Кальдерона, онъ нападаетъ на самыя понятія чести, принятія у Кальдерона, какъ на пелѣныя и безнравственныя. Онъ ставитъ Кальдерону въ вину, что онъ не возвысился надъ понятіями своего вѣка, которыя имѣютъ исполнѣ условный характеръ. Лишь въ Саламейскомъ алькальдѣ эти понятія стоятъ на здоровой, естественной почвѣ. Словомъ, Клейнъ ставитъ Кальдерону въ вину то, въ чемъ поэтъ вовсе не виноватъ, забывая, что поэтъ мы должны оцѣнивать прежде всего съ исторической точки зрѣнія. Понятія о чести условны и, даже допустивъ, что по нашимъ современнымъ взглядамъ, тогдашнія представленія о чести нелѣпы, мы должны прежде всего выяснитъ вопросъ, насколько удалось поэту и изъ нихъ постронть интересную трагедію. У Клейна нѣтъ даже попытки отвѣтить на этотъ вопросъ. Слѣдуетъ, впрочемъ, указать, что Клейнъ иногда отмѣчаетъ фатализмъ трагедій Кальдерона ⁴⁾). Шефферъ, указавъ, что понятія о чести, господствующія въ трагедіяхъ Кальдерона, предосудительны, спѣшитъ замѣтить, что они являются лишь драматической пружиной. Подробнаго анализа пьесъ, интересующихъ насъ, у Шеффера нѣтъ. Кромѣ того нельзя согласиться съ замѣчаніемъ Шеффера, что въ тра-

¹⁾ A. F. Schack, Geschichte der dramatischen Literatur und Kunst in Spanien, т. III, стр. 148, 149, 150, 156 и т. д.

²⁾ Тикноръ, Исторія испанской литературы, т. II, стр. 329—336.

³⁾ Handbuch der Spanischen Literatur, т. III, стр. 675.

⁴⁾ Klein, Geschichte des Drama, т. XI, 2, стр. 79, 89, 205, 211, 217, 235, 245 и т. д.

гедіяхъ Кальдерона мы находимъ глубокую психологію героевъ: во всякомъ случаѣ подобное замѣчаніе не относится ко всѣмъ трагедіямъ Кальдерона ¹⁾. Послѣдній по времени историкъ испанскаго театра Ad. Gassier не прибавляетъ ничего существенно новаго къ изученію трагедій Кальдерона. У него нѣтъ подробнаго анализа трагедій Кальдерона, и кромѣ того авторъ повторяетъ старую мысль, что Кальдеронъ восхваляетъ въ своихъ трагедіяхъ честь ²⁾. Гюнтеръ въ спеціальной работѣ, посвященной нашему поэту, также повторяетъ по вопросу о трагедіяхъ Кальдерона общепринятая мысль, формулированная Шакомъ ³⁾. Наконецъ, у общихъ историковъ искусства, поэзии и драмы мы не находимъ сколько-нибудь оригинальныхъ замѣчаній о трагедіяхъ Кальдерона ⁴⁾. Не болѣе посчастливилось трагедіямъ Кальдерона и у испанскихъ критиковъ. И они въ большинствѣ случаевъ высказываютъ мысли, принятая у нѣмецкихъ ученыхъ. Напримѣръ, Арценбушу трагедія *El Médico de su honra* кажется прямо безбожной, на томъ основаніи, что въ ней мѣсть объявляется позволительной. Конечно, такое же обвиненіе, съ точки зрѣнія Арценбуша, легко примѣнить и къ остальнымъ трагедіямъ Кальдерона ⁵⁾. Angel Lasso de la Vega въ юбилейной работѣ, посвященной нашему поэту, не входитъ въ подробный анализъ идей, лежащихъ въ основѣ его театра, тѣмъ не менѣе утверждаетъ на каждомъ шагѣ, что Кальдеронъ восхваляетъ, обожествляетъ честь и т. д. ⁶⁾.

Гораздо болѣе удовлетворительной представляется намъ книга извѣстнаго испанскаго ученаго г. Antonio Rubio y Lluch, „El sentimiento del honor en el teatro de Calderon“ (Barcelona, 1882, XVI+290 стр.). Во многихъ отношеніяхъ необходимо принять мысли, которыя высказываетъ Rubio y Lluch. Напримѣръ, оаъ совершенно правильно отмѣчаетъ, что драмы Кальдерона полны протестовъ противъ

¹⁾ Geschichte des Spanischen National-Dramas, т. I, стр. 4 и т. II, стр. 8, 12, 29 и т. д.

²⁾ Ad. Gassier, Le théâtre espagnol, стр. 181—188.

³⁾ Günther, Calderon und seine Werke, т. II, стр. 190—191.

⁴⁾ Каррьеръ, Искусство въ связи съ общимъ развитіемъ культуры, т. IV, стр. 344—348; Proelas, Geschichte des neuen Dramas, т. II, стр. 358—360 и т. д.

⁵⁾ Calderon, Comedias, т. IV, стр. 695 (= Biblioteca de Autores Españoles, т. 14).

⁶⁾ Calderon de la Barca, Estudio de las obras de este insigne poeta. Madrid, 1882, passim.

суровыхъ законовъ чести (стр. 102 и слѣд.). Но онъ ничего не говоритъ о драматическомъ значеніи этого протеста. О томъ, что герои трагедій чести у Кальдерона не имѣютъ каждый достаточно ясной индивидуальности—капитальный недостатокъ этихъ драмъ—г. Rubio y Lluich говоритъ лишь вскользь (стр. 129). Точно также слѣдовало гораздо подробнѣе остановиться на другомъ коренномъ недостаткѣ названныхъ драмъ, именно на отсутствіи достаточно точнаго изображенія психологій героевъ (стр. 139, 252). Далѣе авторъ неоднократно осуждаетъ самые законы чести, которые служатъ драматической пружиной трагедій Кальдерона, и называетъ ихъ нелѣпыми и дикими (стр. 277). Слѣдуетъ замѣтить, что указанные неточности въ работѣ г. Rubio y Lluich не уничтожаютъ другихъ капитальныхъ достоинствъ этой книги, которая можетъ служить прекраснымъ руководствомъ при изученіи театра Кальдерона. Adolfo de Castro y Rosst въ своемъ *Discurso acerca de la costumbres públicas y privadas de los Españoles en el Siglo XVII, fundado en el estudio de las comedias de Calderon (Madrid, 1881)* указываетъ, что понятія, съ которыми мы имѣемъ дѣло, были общепринятыми въ испанскомъ обществѣ XVII вѣка (стр. 144 и слѣд.), съ чѣмъ, конечно, нельзя не согласиться. Но г. Castro не изучаетъ самыхъ трагедій Кальдерона по существу, что вполнѣ объясняется цѣлью его трактата. Наконецъ Menéndez y Pelayo, лучший, хотя въ общемъ и суровый критикъ Кальдерона, въ подробный анализъ нашихъ трагедій не входитъ, ограничившись замѣчаніемъ, что трагедія чести у Кальдерона насквозь безнравственны ¹⁾. И въ позднѣйшей своей работѣ, предисловіи къ избраннымъ произведеніямъ Кальдерона (*Biblioteca clasica*, томы 36, 37, 38 и 39), почтенный испанскій ученый называетъ мировоззрѣніе, на которомъ основана трагедія *El Médico de su honra*, лишненнымъ нѣкоторой дозы фальши (стр. LLX, т. 36). Но г. Menéndez y Pelayo правильно различаетъ между трагедіями ревности и чести и указываетъ на постоянный протестъ героевъ противъ понятій, которымъ они должны подчиниться ²⁾. Словомъ, о трагедіяхъ Кальдерона высказывались мысли часто противоположныя, въ которыхъ нельзя разобраться, не пересмотрѣвъ снова всѣ эти трагедіи. Лишь послѣ подробнаго анализа трагедій Кальдерона возможно будетъ указать, есть-ли въ нихъ какіе-нибудь недостатки и въ чемъ именно они заключаются.

¹⁾ Calderon y su teatro, Madrid, 1885, стр. 279.

²⁾ Calderon y su teatro, стр. 251—253.

I.

Мы имѣемъ всего шесть трагедій Кальдерона—*El mayor monstruo los celos*, *Amar despues de la muerte*, *El médico de su honra*, *A secreto agravio secreta venganza*, *El Pictor de su deshonra* и *El Alcalde de Zalamea* ¹⁾. Есть еще одна пьеса Кальдерона, которую можно назвать трагедіей, именно „*Las tres justicias en una*“. Однако, мы оставимъ ее въ сторонѣ, на томъ соображеніи, что герой пьесы изъ числа „добродѣтельныхъ разбойниковъ“ и потому долженъ быть изучаемъ совѣмъ въ иномъ соединеніи. Эта фигура получить надлежащее освѣщеніе лишь въ сопоставленіи съ героями многочисленныхъ пьесъ, написанныхъ на ту же тему (напрямѣръ, *Luis Perez el Gallego*, *El Purgatorio de San Patricio*). Далѣе, любовь, ревность или честь не имѣютъ въ этой трагедіи первенствующаго значенія, и надо всемъ высится въ ней идея божественнаго провидѣнія, карающаго за грѣхи. Такимъ образомъ эта пьеса не имѣетъ ничего общаго съ трагедіями, о которыхъ рѣчь будетъ ниже. (О выдѣленіи трагедій Кальдерона изъ остальной массы его произведеній см. у Menendez y Pelayo въ *Teatro Selecto de Calderon* т. I, стр. LIX и слѣд.). Что же общаго у шести указанныхъ трагедій? Во всѣхъ нихъ катастрофа выясняется не изъ личнаго характера героев и героинь, а вызвана какими-либо внѣшними обстоятельствами. Въ этомъ отношеніи испанская трагедія представляется совершенной противоположностью французскому театру. Такихъ трагедій, гдѣ дѣйствіе зависитъ отъ психологии героевъ, у Кальдерона нѣтъ. Въ трагедіяхъ нашего поэта характеръ героя, какъ бы превосходно онъ ни былъ обрисованъ, не стоитъ въ прямой связи съ катастрофой. Развязка трагедій Кальдерона совершается такимъ образомъ, что герой страдаетъ и гибнетъ или непосредственно отъ внѣшнихъ обстоятельствъ или отъ дѣйствія какой-либо моральной силы, вызванной къ жизни этими обстоятельствами. Если мы условимся называть такое построеніе трагедій „фаталистическимъ“, то всего болѣе фатализма найдемъ въ первой изъ нихъ „*El mayor monstruo los celos*“. Содержаніе ея сводится къ слѣдующему: Продъ, тетрархъ іерусалимскій, и Маріамна, его жена.—вполнѣ счастливые супруги. Они взаимно любятъ другъ друга, и эта любовь напол-

¹⁾ По русски: Самое великое чудовище—ревность, Любовь за гробомъ, Врачъ своей чести, Тайному ослорбленію таинная мость, Живоилецъ своего поворя и Саламейскій алькальдъ.

няетъ все ихъ существованіе. Но счастье ихъ омрачилось однимъ обстоятельствомъ. Какой-то астрологъ предсказалъ Маріамнѣ, что она должна погибнуть отъ княжала Ирода, и вмѣстѣ съ этимъ ея гибели будетъ содѣйствовать какая-то таинственная причина, которую предсказатель назвалъ „самымъ ужаснымъ чудовищемъ въ мірѣ“. Какое это чудовище? Маріамна, конечно, не можетъ догадаться, и душа ея полна самыхъ мрачныхъ предчувствій. Иродъ успокаиваетъ жену. Самое ужасное чудовище въ мірѣ—это его любовь къ ней. Страстище и сильнѣе его любви нѣтъ ничего въ мірѣ. А можетъ ли любовь погубить кого-нибудь? Не къ чему бояться и княжала, отъ котораго чрезвычайно легко отдѣлаться. Иродъ бросаетъ его въ море съ террасы своего загороднаго дворца... Но не такъ-то легко идти противъ роковаго стеченія обстоятельствъ... Иродъ въ союзѣ съ Антоніемъ уже давно ведетъ войну противъ Октавіана. Союзный флотъ побѣжденъ и одинъ изъ офицеровъ, Толомео, слѣпнеть къ Ироду съ этимъ неприятнымъ извѣстіемъ. Княжаль Ирода угодила Толомею въ плечо, когда онъ вливалъ добирался до берега. И такъ Маріамна вновь видитъ орудіе своей смерти. Она не въ силахъ вынести этого ужаснаго зрѣлища и поспѣшно удаляется. Толомео рассказываетъ своему повелителю о пораженіи. Но изъ бесѣды со старымъ офицеромъ, Филиппо, мы узнаемъ, что Иродъ довольно равнодушенъ къ побѣдѣ Октавіана. Онъ огорченъ, лишь поскольку все это касается его любви къ Маріамнѣ. Онъ рассчитывалъ войти съ нею, какъ триумфаторъ въ древній Римъ. Пусть погибъ флотъ, пусть умеръ Антоній, пусть весь міръ подчинится Октавіану. Все это не печалитъ Ирода. Печаль его кроется въ томъ, что онъ не могъ сдѣлать Маріамну царицей міра. Только поэтому неприятно ему, что въ мірѣ есть человекъ болѣе счастливый и знаменитый, чѣмъ онъ (акт. I сц. 5-я). Затѣмъ дѣйствіе переносится въ Мемфисъ, во дворецъ Октавіана. Среди плѣнниковъ римскаго героя мы видимъ Аристокбула, брата Маріамны. У него между прочимъ отобрали письма, изъ которыхъ съ несомнѣнностью слѣдуетъ, что Иродъ былъ въ союзѣ съ Антоніемъ противъ Октавіана. Онъ отдаетъ приказъ захватить Ирода и прввести къ нему. Среди бумагъ Аристокбула Октавіанъ находитъ портретъ незнакомаго ему, прекраснѣйшей женщины. Онъ не знаетъ, что это портретъ Маріамны, и влюбляется въ нее. Между тѣмъ тучи собираются надъ головой Ирода. Прежде всего онъ не знаетъ, какъ ему быть съ княжалою, который опять очутился въ его рукахъ? Онъ хочетъ его отдать Маріамнѣ; ему безопаснѣе быть въ ея рукахъ, потому что

она, конечно, сама себя не захочет погубить. Но Маріамна боится носить съ собой орудіе своей смерти и проситъ Ирода сохранить у себя роковой кинжалъ. Если правда, говоритъ она, что самое великое чудовище въ мірѣ — твоя любовь, то мнѣ не грозитъ никакая опасность. Если ты меня любишь, то меня не убьешь. А если не любишь, то самое великое чудовище въ мірѣ, твоя любовь, уже не имѣетъ ко мнѣ никакого отношенія, мнѣ страшна не можетъ быть (акт. I сц. 13-я). Иродъ соглашается съ этими доводами жены и оставляетъ кинжалъ при себѣ...

Не успѣли они кончить разговора, какъ приносятъ извѣстіе, что войска Октавіана подступили къ Іерусалиму. Иродъ рѣшается защищаться... На этомъ кончается первый актъ. Въ самомъ началѣ второго мы узнаемъ, что Октавіанъ еще сильнѣе влюбился въ невѣстную красавицу, велѣлъ нарисовать ея большой портретъ и повѣсилъ у себя въ комнатѣ. Съ маленькимъ портретомъ онъ не расстается, и, когда приводятъ плѣннаго Ирода, онъ занятъ его разсматриваніемъ. Когда Иродъ наклоняется поцѣловать руку Октавіана, онъ замѣчаетъ, чей портретъ у побѣдителя. Мгновенно забываетъ Иродъ о своемъ униженіи, о томъ, что ему грозитъ смерть. Лишь одному чувству остается мѣсто въ его душѣ—ревности. Надо убить Октавіана. Онъ бросается на него съ кинжаломъ, но большой портретъ Маріамны случайно срывается съ своего мѣста, падаетъ между ними, и ударъ, назначенный Октавіану, достается портрету. Замѣтивъ движеніе Ирода, Октавіанъ велитъ схватить его и бросить въ темницу. А кинжалъ Октавіанъ оставляетъ при себѣ, грозя отомстить оскорбителю прекрасной незнакомки и убить его этимъ самымъ кинжаломъ (акт. II сц. 4-ая). Въ темницѣ разыгрывается сцена, изъ которой читатель убѣждается, что самое великое чудовище въ мірѣ и есть ревность Ирода. Для него нѣтъ сомнѣнія, что Октавіанъ любитъ Маріамну, и въ этомъ причина его несчастія. Опять повторяетъ онъ Филиппу, что ни неудавшаяся политика, ни позоръ—ничто не тревожитъ его души. Онъ умираетъ отъ ревности. Ему страшна самая мысль, что Маріамна достанется другому. Чтобы избѣжать этого, онъ рѣшился на одинъ поступокъ. Пусть называютъ его безуміемъ и жестокостью! Что все это въ сравненіи съ мученіями ревности? Онъ отдаетъ Филиппу приказъ убить Маріамну, въ томъ случаѣ если Октавіанъ велитъ его казнить. Но пусть только Маріамна не узнаетъ, что этотъ ужасный приказъ исходитъ отъ него. Иродъ не хочетъ, чтобы она возненавидѣла его, умирая. Свое жестокое рѣшеніе Иродъ оправ-

дываетъ ссылкой на силу любви. Всякій мужъ и любовникъ, говорить онъ, предпочтетъ видѣть свою даму мертвой, чѣмъ въ объятіяхъ другого (акт. II сц. 10-я).

Филипо отправляется въ Іудею. Тамъ Маріамна занята мыслию, какъ бы послать Ирода помощь и освободить его изъ плѣна. Записка Ирода, содержащая смертный приговоръ Маріамнѣ, попадаетъ ей въ руки. Она прочитываетъ ее, и чувство оскорбленной гордости поднимается въ ея душѣ. „Когда я забочусь о твоей свободѣ, говорить она, и, какъ Семирамида, спускаю на морскія волны цѣлый Вавилонъ кораблей; когда мое воображеніе цѣлуетъ твою тѣнь, когда я обнимаю пустой воздухъ, обманутая фантазіей, ты въ мрачномъ жилищѣ, въ твоей ужасной темницѣ, ты замышляешь мою смерть?“ Но не только эта случайная неблагодарность Ирода поразила Маріамну. Она оскорблена и недовѣриемъ Ирода: какъ могъ онъ подумать, что она переживетъ его? Неужели и безъ его приказанія она не знала бы какъ ей поступить? Маріамнѣ приходится пережить страшную борьбу. Съ одной стороны она любитъ Ирода, съ другой—въ ней сказывается горечь несправедливой и жестокой обиды. Она не можетъ выйти изъ этого конфликта и просить помощи у неба. Тѣмъ временемъ Октавіанъ завладѣлъ Іерусалимомъ. Маріамна, въ которой онъ узналъ оригиналъ прекраснаго портрета, умолила его пощадить Ирода и вернуть ему свободу и царство. Иродъ вполне счастливъ, но его ждетъ жестокое разочарованіе. При людяхъ Маріамна бросилась ему въ объятія, но когда они вернулись во дворецъ, все перемѣнилось, такъ что Иродъ съ удивленіемъ спрашиваетъ: „Подаривъ мнѣ жизнь, зачѣмъ бѣжишь ты отъ меня? Почему ломаешь бѣлые руки? Почему ты блѣдна и твой голосъ дрожитъ? Зачѣмъ пришла ты въ эти отдаленныя комнаты дворца? Что это значитъ?“ Маріамна говоритъ мужу, что она знаетъ про его ужасное приказаніе. Она указываетъ Ироду, какъ жестоко и неумѣстно оно. „Одинъ лишь ты, варваръ, не только ласкаешь то, что любишь, но не хочешь разстаться съ нимъ и послѣ смерти. Я допускаю, что твое приказаніе вызвано ревностью, готова все привести въ твое оправданіе. Но скажи мнѣ, какой же скупецъ беретъ что-нибудь изъ этого міра въ тотъ?“ Она не можетъ болѣе любить его: онъ ей противенъ. Ей страшно быть съ нимъ; ужъ не есть ли его безумная ревность то ужасное чудовище, отъ котораго ей суждено погибнуть? Оберегая свое доброе имя, она не уйдетъ отъ Ирода „vivir en el cisma más remoto“, но отнынѣ не будетъ имѣть съ нимъ никакихъ сношеній и удалится въ уединенную башню, куда

онъ никогда не долженъ входить (акт. III сц. 6-я). Иродъ доволенъ такимъ рѣшеніемъ жены: теперь она не достанется ни ему, ни другому. Даже самъ онъ не будетъ подходить къ ея жилищу, чтобы не ревновать къ самому себѣ. Теперь Иродъ уже понялъ, что самое ужасное чудовище въ мірѣ и есть ревность, но онъ еще не знаетъ, какъ можетъ погибнуть Маріамна отъ этого чудовища? А происходитъ это слѣдующимъ образомъ. До Октавіана доходятъ слухи, что Иродъ заперъ Маріамну въ башню и вообще жестоко съ ней обращается. Онъ идетъ выручить ее изъ затруднительнаго положенія. Но Маріамна отвергаетъ его предложенія, отвергаетъ любовь и грозитъ покончить самоубійствомъ, если Октавіанъ не оставитъ ея. Октавіанъ послѣ вышеуказанной сцены въ Мемфисѣ, когда ударъ Иродова кинжала достался на долю портрета, не разстается съ этимъ кинжаломъ, и именно этотъ кинжалъ выхватываетъ у него Маріамна. Пользуясь замѣшательствомъ Октавіана, Маріамна спасается отъ него бѣгствомъ, а роковой кинжалъ остается лежать на полу. Въ это время несчастный ревнивецъ тихонько пробирается въ башню Маріамны. Онъ видитъ въ комнатѣ слѣды борьбы и беспорядка, замѣчаетъ и кинжалъ. Все для него становится ясно: несомнѣнно, Октавіанъ восторжествовалъ надъ добродѣтелью Маріамны. Но это убѣжденіе сейчасъ же смѣняется другимъ. Въ комнату вбѣгаетъ Маріамна, и вслѣдъ за ней Октавіанъ. Видя носнѣншее бѣгство своей жены, Иродъ понимаетъ, что она спасается отъ Октавіана, и что, слѣдовательно, съ ея стороны ему нечего опасаться измѣны. Онъ вполне опредѣленно выражается по этому поводу:

Vista tu fuga, et tu honor
 Este pectus serâ muro

т. е. „я вижу твое бѣгство, и грудь моя защититъ твою честь“.

Между соперниками въ полной темнотѣ происходитъ схватка, во время которой Иродъ, по ошибкѣ, роковымъ кинжаломъ убиваетъ Маріамну. Итакъ предсказаніе совершилось. Хотя и не ревность Ирода была непосредственной причиной гибели Маріамны, но все-таки она погибла отъ самаго великаго чудовища въ мірѣ.

Ревность, которая и есть это самое чудовище, какъ бы воплотилась въ Иродѣ. Не любовь его, какъ онъ думалъ сперва, оказалась этимъ чудовищемъ, а онъ самъ и воплотившаяся въ него ревность.

Когда всѣ окружающіе негодуютъ на Ирода, обвиняя его въ смерти цѣлншой Маріамны, онъ отвѣчаетъ имъ, что не онъ, а судьба, погубила Маріамну.

Tados Yo no la he dado la muerte
Pues quién?

Tetraca El destino ayuo,
Pues que muriendo á mis celos,
Que son sangrientos verdugos,
Vino à morir à las manos
Del mayor monstruo del mundo.

А что касается кинжала, то, какъ было предсказано, онъ и послужилъ орудіемъ враждебной судьбы. Иродъ, убивъ самое дорогое для себя существо, конечно, уже не можетъ жить и въ отчаяніи бросается въ морскія волны. Таково содержаніе этой трагедіи. Изъ анализа ея выясняется, что построеніе ея дѣйствительно таково, что сюжету ея подходит названіе фаталистическаго. Не говоримъ уже о томъ, что событія заранѣе подготовлены враждебнымъ рокомъ. Въ теченіи трехъ актовъ дѣйствующія лица стараются вырваться изъ желѣзныхъ цѣпей судьбы и подъ конецъ, повидимому, успѣваютъ въ этомъ. Но тутъ является кинжалъ, и судьба довершаетъ свое дѣло. Съ другой стороны ясно, что Иродъ есть дѣйствительный ревнивецъ. Онъ какъ бы наглядно показываетъ, что любовь и ревность нераздѣлимы. Любовь въ этой пьесѣ показываетъ свою жестокую, мрачную сторону, размышленіе надъ которой заставило Лопе де Вегу воскликнуть—*Qué amor no acaba en tragedia?* Даже отдавая свое ужасное приказаніе, Иродъ все еще находится во власти любви, конечно, любви страстной, эгонистической и исключительной. Но тѣмъ не менѣе онъ не противорѣчитъ самъ себѣ; онъ весь сотканъ изъ одного чувства, которое, сообразно обстоятельствамъ, является то какъ любовь, то какъ ревность. Поэтому Иродъ—фигура цѣльная, чужда какой-либо дисгармоніи, и исторія его несомнѣнно производитъ трагическое впечатлѣніе. То же самое слѣдуетъ сказать и о Маріамнѣ, въ которой авторъ искусно соединилъ черты существа слабого и безпомощнаго передъ враждебной силой судьбы и женщины гордой и независимой, чувства которой глубоко уязвлены несправедливыми подозрѣніями мужа.

Не менѣе фатализма въ трагедіи *Amor despues de la muerte*, которая общимъ характеромъ своимъ напоминаетъ Ромео и Джульетту Шекспира. Здѣсь, какъ и въ англійской пьесѣ, изображена трагическая исторія любви двухъ молодыхъ людей, кончившаяся печально вслѣдствіе неблагоприятнаго стеченія обстоятельствъ. У Шекспира Дамокловымъ мечомъ, который губитъ Ромео и Джульетту, служить

вражда между двумя знатными фамиліями Вероны. У Кальдерона трагедія любви разыгрывается на фонѣ крупнаго историческаго событія, именно возстанія мавровъ Альнухарры, которое дѣлалось отъ 1568 г. до 1570 г. и было подавлено усиліями донъ Хуана Австрійскаго. Критики этой превосходной пьесы единогласно прославляютъ безпристрастіе и искусство Кальдерона, съ какими онъ изобразилъ это, не особенно пріятное для испанскаго самолюбія, событіе. Герои пьесы мориски, Тизані и Слага — страстно любящіе другъ друга. Несмотря на ихъ происхожденіе и обычное у испанцевъ презрительное отношеніе къ маврамъ вездѣ, гдѣ они сопоставляются съ христіанами, Кальдеронъ сдѣлалъ своихъ героевъ вполне достойными любви и уваженія читателя. Когда началось знаменитое возстаніе, любовники должны покинуть Гранаду, гдѣ жили до сихъ поръ. Отецъ Клары получилъ начальствованіе надъ однимъ изъ возставшихъ городовъ, а Тизані — надъ другимъ. Оба эти города находятся въ горахъ Альпухарры, въ недалекомъ разстояніи одинъ отъ другого, такъ что Слага и Тизані продолжаютъ видѣться. Уже назначенъ день ихъ свадьбы. Но въ этотъ самый день испанцы идутъ приступомъ на городъ, въ которомъ живетъ Слага, и овладѣваютъ имъ. Одинъ испанскій солдатъ, по имени Гагсѳъ, смертельно ранитъ Клару, желая воспользоваться ея драгоценностями. Затѣмъ слѣдуетъ эффектная сцена. При яркомъ пламени горящихъ домовъ, подъ страшный шумъ битвы, Тизані, который примчался изъ сосѣдняго города на защиту своей милой, видитъ ее едва живой. Клара, принимая жениха за испанца, проситъ его изъ состраданія нанести ей смертельный ударъ:

Тусани. О, несчастное божество! Тотъ, кто держитъ тебя въ своихъ объятіяхъ, вовсе не хочетъ убить тебя; онъ предпочелъ бы свою жизнь раздѣлить на двѣ половины (и одну отдать тебѣ).

Клара. Изъ твоихъ словъ я вижу, что ты африканскій арабъ. И если я дважды имѣю право на твою помощь, какъ женщина и какъ женщина несчастная, окажи мнѣ одну услугу. Въ Гави живетъ, какъ алькальдъ, Тусани, супругъ мой. Немедля отправься къ нему и это послѣднее, крѣпкое объятіе передай ему отъ меня. Скажи ему, что его жена, обогрѣнная собственной кровью, лежитъ въ Гимерѣ, убитая рукой испанца, болѣе жаднаго до ея драгоценностей, чѣмъ до ея жизни.

Тусани. То объятіе, которое ты даешь мнѣ, не надо передавать

твоему мужу: онъ самъ здѣсь, чтобы его принять. Вѣдь никто не оспадываетъ въ несчастіи!

Клара. Лишь твой голосъ, о, мое блаженство, могъ дать мнѣ новое дыханіе, лишь онъ дѣлаетъ счастливой мою смерть. О, дай мнѣ обнять тебя, умереть въ твоихъ объятіяхъ и умереть!..

Не докончивъ своей рѣчи, Клара умираетъ, и Тузапі надъ ея трупомъ даетъ клятву отомстить ея убійцѣ. Переодѣвшись испанцемъ, Тузапі пробирается въ непріятельскій лагерь, гдѣ судьба сводитъ его съ убійцей невѣсты. Здѣсь опять весьма патетическая сцена, когда Garcés, не зная, кто находится передъ нимъ, спокойно рассказываетъ Тузапі, какъ онъ убилъ Клару. Онъ кончаетъ свой рассказъ словами: „Желая отнять у ней ея украшенія, я ударилъ ее кинжаломъ въ грудь“... Тогда Тузапі выхватываетъ свой кинжалъ и закалываетъ Garcés'a, говоря: „И ударъ твой былъ таковъ?“¹⁾ Отомстивъ за убійство невѣсты, Тузапі, гордый и неукротимый, удаляется въ родныя горы.

И въ этой трагедіи героя страдаютъ и гибнутъ не вслѣдствіе своихъ страстей, а потому что жизнь ихъ вовлечена въ водоворотъ крупныхъ историческихъ событій. Страстная любовь Клары и Тузапі виновата ли въ подобной развязкѣ? Изъ ихъ характера можно ли вывести, что она должны погибнуть? Разумѣется нѣтъ, и въ комедіяхъ „плаща и шпаги“ Кальдеронъ, черезъ самыя разнообразныя пренія, обыкновенно доводитъ любовную исторію до счастливаго окончанія. Значитъ, любовь не представлялась Кальдерону исключительной трагической силой, одно прикосновеніе которой губить человѣка. Но въ данномъ случаѣ дѣло получаетъ трагическій оборотъ, потому что исторія никогда не справляется съ желаніями отдѣльныхъ лицъ и неукоснительно совершаетъ свое шествіе, хотя бы при этомъ погибли тысячи индивидуумовъ. Печальная судьба людей въ тяжелыя военныя времена, вотъ тема Кальдероновской трагедіи. Ясно, что постройка этой трагедіи совершенно напоминаетъ намъ постройку *El mayor monstruo los celos*: и тамъ и здѣсь развязка не стоитъ въ связи съ характеромъ героевъ, а объясняется внѣшними обстоятельствами. Не желая задерживать читателя подробнымъ анализомъ второй трагедіи Кальдерона, перейду къ трагедіямъ собственно чести.

¹⁾ Calderon, Comedias III, стр. 699, 8. Въ подлинникѣ: Fué—Como esta la puñalada?

II.

Какого же рода судьба является намъ въ четырехъ трагедіяхъ чести Кальдерона, и можно ли, вообще, назвать ихъ фаталистическими? Эти вопросы выясняются при ближайшемъ разсмотрѣніи трагедій.

Основная тема ихъ—месть за оскорбленную честь. Три изъ нихъ въ различныхъ варіаціяхъ изображаютъ, какъ мужъ убиваетъ жену за ея мнимую или дѣйствительную измѣну. Для подробнаго анализа остановимся на самой мрачной и кровавой изъ трехъ трагедій, изображающихъ оскорбленіе супружеской чести. Это—знаменитая пьеса „El Médico de su honra“ (Врачъ своей чести). Инфантъ, донъ Энрике, упалъ съ коня и въ безчувственномъ состояніи былъ принесенъ въ загородный домъ Гутьерре Солиса, неподалеку отъ Севильи. Этотъ Гутьерре Солисъ женатъ на молодой Менсіа, за которой когда-то ухаживалъ инфантъ. Менсіа раздѣляла его чувства, но по волѣ родителей ей пришлось выйти за Гутьерре. Инфантъ не могъ воспринять этого брака, потому что находился тогда въ отсутствіи. Теперь ему снова пришлось столкнуться съ Менсіей. Менсіа еще любить инфанта по прежнему, но рѣшаетъ побороть эту страсть, какъ противную супружеской чести. Когда Энрике очнулся и увидѣлъ, кто передъ нимъ находится, онъ хочетъ сейчасъ покинуть жилище Гутьерре. Въ это время возвращается самъ хозяинъ, Гутьерре Солисъ, и благодаритъ инфанта за высокую честь остановиться на время въ его домѣ. Энрике, въ досадѣ, что Менсіа уже болѣе не можетъ ему принадлежать, удаляется. Гутьерре, оставшись вдвоемъ съ женою, въ самыхъ галантныхъ выраженіяхъ проситъ у ней позволенія покинуть ее на время и отправиться въ Севилью, чтобы засвидѣтельствовать свои вѣрнопопданническія чувства королю, Петру Жестокому. Менсіа не особенно охотно отпускаетъ мужа. Догадливая служанка замѣтила, что послѣ всего этого происшествія Менсіа потеряла обычную веселость, и говоритъ ей объ этомъ. Менсіа въ двухъ словахъ указываетъ служанкѣ, какъ затруднительно ея положеніе.—„Tuve amor y tengo honor“, т. е. я любила Энрике, чувство это легко можетъ возродиться, но честь повелѣваетъ мнѣ хранить вѣрность Гутьерре (акт. I сц. 11). Менсіа и не измѣнитъ мужу даже въ мысляхъ, но обстоятельства сложатся такъ, что Гутьерре повѣритъ въ ея измѣну. Изъ дальнѣйшаго развитія пьесы мы узнаемъ, что Гутьерре не только галантенъ въ обращеніи съ женщинами, не

только любить Менсію и чрезвычайно лояленъ по отношенію къ государю и членамъ царской фамиліи, но и ревниво оберегаетъ свою честь отъ всякихъ оскорбленій. Такъ онъ признался Петру Жестокому, почему онъ не женился на Леонорѣ, за которой когда-то ухаживалъ. Онъ видѣлъ, какъ однажды, ночью, какой-то мужчина соскочилъ съ балкона ея дома. Это ему показалось достаточнымъ, чтобы прервать съ нею отношенія. Одинъ изъ кавалеровъ, присутствующихъ при этомъ, заступился за Леонору; Гутьерре возражаетъ; и они въ присутствіи короля хватаются за шпаги. Король, видя въ этомъ неуваженіе къ своей особѣ, велитъ ихъ отвести въ тюрьму. Энрике очень радъ такому обороту дѣла: онъ спѣшитъ воспользоваться отсутствіемъ Гутьерре, чтобы повидаться съ Менсіей, но тюремщикъ въ Севильѣ—другъ Гутьерре и на честное слово отпустилъ его до зари, чтобы Гутьерре могъ посѣтить свою усадьбу. Гутьерре прѣзжаетъ домой, какъ разъ въ тотъ моментъ, когда Энрике изливаетъ передъ Менсіей свои жалобы на ея измѣну. Менсія, чтобы не возбудить подозрѣній мужа, прячетъ инфанта въ своей комнатѣ и, стараясь овладѣть собой, спѣшитъ на встрѣчу мужу. Она надѣется какъ-нибудь избавиться отъ неприятнаго гостя. Послѣ первыхъ привѣтствій, Менсія уходитъ приготовить мужу ужинъ, но черезъ нѣсколько минутъ возвращается съ крикомъ, что у себя въ комнатѣ она видѣла незнакомаго мужчину. Гутьерре спѣшитъ узнать, въ чемъ дѣло, и, когда они идутъ, Менсія, какъ бы случайно гаситъ свѣчу. Инфанту удалось спастись. Гутьерре возвращается, но это уже не нѣжнѣйшій счастливый супругъ. Въ душу его запало подозрѣніе: въ комнатѣ Менсіи онъ нашелъ чей-то кинжалъ. Подозрѣнія его усиляются, когда Менсія, видя этотъ кинжалъ, думаетъ, что Гутьерре хочетъ ее убить, и начинается оправдываться. Гутьерре успокаиваетъ ее, но про себя замѣчаетъ:

Ay, honor! mucho tenemos
Que hablar á volas los dos

(о многомъ нужно намъ поговорить наединѣ, о честь моя! — Акт. II ст. 11). Король между тѣмъ прощаетъ Гутьерре. Встрѣтившись во дворцѣ съ инфантомъ, Гутьерре замѣчаетъ, что кинжалъ, найденный имъ въ комнатѣ Менсіи, совершенно подходитъ къ шпагѣ инфанта. Ужъ не инфантъ ли былъ у Менсіи? Подозрѣнія все сильнѣе и сильнѣе поднимаются въ душѣ, но онъ не даетъ имъ воли и старается спокойно обсудить положеніе дѣла. Вся видимость противъ Менсіи, но тутъ можетъ быть

случайное совпаденіе. Менсія женщина вполне достойная и не измѣнить чести. Но вѣдь и на солнцѣ есть пятна, можетъ забыться и Менсія. „Честъ моя находится въ опасности, я долженъ лѣчить ее“. Гутьерре рѣшаетъ наблюдать за женой и съ этой цѣлью опять тайно вернуться въ усадьбу. Дальнѣйшее развитіе исторіи и состоитъ въ томъ, какъ постепенно убѣждается Гутьерре въ виновности жены. Почью въ саду Менсія принимаетъ Гутьерре за инфанта, и Гутьерре при этомъ узнаетъ, что инфантъ дѣйствительно былъ въ комнатѣ Менсіи. Гутьерре отомститъ за такое оскорбленіе чести. Но месть эта будетъ тайная, и никто не узнаетъ о позорѣ Гутьерре.

Pues médico Hamo de mi honra,
Yo cubriré con tioga mi deshonra (актъ II сд. 19).

Онъ узнаетъ, что инфантъ еще прежде его любилъ Менсію. Нѣтъ для него выхода изъ затруднительнаго положенія, есть лишь одно средство—убить изиѣнницу. Потомъ онъ находитъ у жены записку, вполне невинную, къ инфанту. Теперь дѣло кончено. Подозрѣнія оправдались. Убить инфанта Гутьерре не можетъ, это запрещаетъ ему его лояльность. Но Менсія должна умереть. Однако, убивая ея тѣло, Гутьерре не хочетъ губить ея души. Онъ даетъ ей два часа времени, чтобы исповѣдаться и причаститься. Онъ пишетъ ей записку: „Любовь тебя обожаетъ, честь тебя ненавидитъ, любовь тебя предупреждаетъ, что честь тебя убьетъ. Тебѣ осталось два часа жизни: ты христіанка, спасай душу, потому что жизнь спасти невозможно“ (актъ III сд. 10-я). Но прошествіи двухъ часовъ, Гутьерре призываетъ чловѣка, специальность котораго пускать кровь (sangrador), велитъ ему продѣлать эту операцию съ Менсіей. Гутьерре вполне спокоенъ въ ужасные моменты и еще разъ сравниваетъ себя съ врачомъ:

Médico soy de mi honor.
La vida pretendo darle
Con una sangria que todos
Curan á costa de sangre

(т. е. я врачъ своей чести, и этимъ способомъ думаю сохранить ея жизнь. Вѣдь кровопусканіе самый обычный способъ лѣченія.—Актъ III сд. 13-я). Потомъ передъ королемъ и прочими дѣйствующими лицами Гутьерре рассказываетъ, что жена его случайно умерла отъ кровопусканія. Дѣлаетъ это онъ, конечно, не изъ трусости, а для того, чтобы позоръ его остался неизвѣстнымъ. Зная содержаніе этой первой трагедіи чести, мы знаемъ приблизительно содержаніе и двухъ дру-

гах, которыя изображаютъ тоже оскорбленіе супружеской чести и месть за него. И въ другихъ двухъ трагедіяхъ содержаніе и развитіе пьесы состоитъ въ томъ, какъ мужъ, счастливый и любящій, постепенно убѣждается въ измѣнѣ жены, и какъ мститъ онъ за это оскорбленіе. Въ виду этой общности сюжета, который различается лишь въ подробностяхъ интриги, мы ограничимся лишь самыми краткими замѣчаніями о двухъ другихъ трагедіяхъ. Во второй трагедіи „*A secreto agravio secreta venganza*“ жена виновата передъ мужемъ по крайней мѣрѣ въ намѣреніяхъ и мысляхъ. Она совѣтуетъ мужу отправиться на войну въ Африку, что ему кажется подозрительнымъ, такъ какъ онъ давно замѣтилъ какого-то молодого человѣка, который постоянно ходитъ вокругъ его дома. Далѣе, она принимаетъ у себя своего прежняго обожателя. Наконецъ, пользуясь отсутствіемъ дона Лопе, она прямо приглашаетъ Луиса на любовное свиданіе ¹⁾. Донъ Луисъ отправляется на свиданіе, но по дорогѣ встрѣчается съ дономъ Лопе, который предлагаетъ ему ѣхать съ нимъ въ лодку, обѣщая доставить въ надлежащее мѣсто. Луисъ, думая, что Лопе не узнаетъ его, смѣло садится съ нимъ въ лодку, говоря про себя: „Есть-ли въ мірѣ человѣкъ болѣе счастливый, чѣмъ я?“ Въ это время донъ Лопе тоже про себя замѣчаетъ: „Онъ попался въ мои руки, и уже ударилъ часъ его смерти“. „Самъ мужъ ведетъ меня къ своей женѣ!“ продолжаетъ Луисъ ²⁾. Съ такими весьма эффектными *arrate* они отчаливаютъ отъ берега, и во время поѣздки донъ Лопе топить Луиса. Потому онъ приходитъ къ женѣ и рассказываетъ ей о случившемся. Леопора падаетъ въ обморокъ. Теперь для Лопе уже нѣтъ болѣе сомнѣнія въ виновности жены. Не желая, чтобы позоръ его сталъ извѣстенъ всѣмъ, если онъ убьетъ жену, онъ зажигаетъ домъ, и въ пламени гибнетъ Леопора.

Въ третьей трагедіи измѣна жены уже несомнѣнна. Серафина оставляетъ своего пожилого мужа, дона Хуана Рока, и съ любовникомъ, Альваро, бѣжитъ въ Италію. Донъ Хуанъ, въ одеждѣ бѣднаго живописца, отправляется на поиски бѣглецовъ. Однажды въ Италію его проситъ нарисовать портретъ одной красавицы. Во время сеанса онъ узнаетъ въ этой красавицѣ свою жену. Вдругъ она засыпаетъ (обычный пріемъ у Кальдерона); донъ Хуанъ колеблется: убивать или нѣтъ? Серафина просыпается, встревоженная страшнымъ сномъ, и, еще не

¹⁾ Calderon, Comedias, т. I, стр. 608, 2.

²⁾ Calderon, Comedias, I, 607, 2.

совсѣмъ очнувшись, восклицаетъ: „Донъ Хуанъ, мой господинъ и супругъ, подожди, не марай твоей шпаги моею кровью, не убивай, не убивай меня.“ Слова эти относятся къ страшному сну: она видѣла, что донъ Хуанъ хотѣлъ ее убить. На ея крикъ входитъ Альваръ и спрашиваетъ, что съ ней? Серафина говоритъ: „я видѣла во снѣ изображеніе моей смерти. О, никогда мнѣ не были столь пріятны твои объятія, какъ теперь.“ Эти слова открываютъ донъ Хуану все, и онъ убиваетъ оскорбителей въ порывѣ негодованія, которое такъ долго сдерживалъ.

Кромѣ сходства въ сюжетѣ, который представляетъ лишь весьма незначительныя отличія въ трехъ трагедіяхъ изъ семейной жизни (между мужемъ и женой), — есть нѣсколько другихъ пунктовъ, которые лишь усиливаютъ впечатлѣніе однообразія, оставляемое этими пьесами. Напримѣръ, длинныя признанія героевъ неизбѣжно повторяются во всѣхъ трехъ трагедіяхъ. Но впечатлѣніе однообразія несомнѣнно бы ослабилось, если бы поэтъ внесъ въ характеры своихъ героевъ болѣе индивидуальных чертъ. Къ сожалѣнію, онъ этого не сдѣлалъ, в приходится признаться, что всѣ три героя анализированныхъ трагедій—на одно лицо. Дѣйствительно, они скроены по одной мѣркѣ, въ чемъ отчасти можно было убѣдиться изъ предшествующаго анализа трагедій чести. Всѣ они въ большей или меньшей степени, и при томъ съ ничтожными вариациями, воплощаютъ въ себѣ типъ испанскаго кавалера XVII вѣка. Но кромѣ общихъ свойствъ кавалера, какъ-то: галавтнаго обращенія съ женщинами, непоколебимой вѣрности друзьямъ и королю и т. д., въ трагедіяхъ ярко изображены черты испанскаго мужа, какимъ онъ неизбѣнно является въ драматической поэзіи. На ряду съ отмѣченными только что блестящими чертами кавалера, которыми мы встрѣчаемъ у всѣхъ трехъ мужей, въ нашихъ трагедіяхъ мы видимъ одинъ и тотъ же типъ „мужа-аргуса“. Эта любопытная фигура не можетъ считаться оригинальнымъ созданіемъ Кальдерона: не съ меньшей энергіей въ ея изображеніи встрѣчаемся мы уже въ драмахъ Лопе де Веги. Мужъ — аргусъ, зорко наблюдающій за своею женой, крайне подозрительный и недоувѣрчивый — вотъ въ общихъ чертахъ портретъ испанскаго мужа, пока онъ еще не убѣдился въ измѣнѣ жены. Одинаково находимъ мы эти черты и у Гутьерре, и у Лопе, и у Хуана Рока. Наконецъ, когда жена измѣнила и этимъ самымъ оскорбила честь своего супруга, онъ выступаетъ въ роли мстителя за поруганную честь. Читатель можетъ убѣдиться, что

и въ этомъ отношеніи три мужа въ трагедіяхъ Кальдерона совершенно одинаковы. И такъ испанскій кавалеръ, аргусъ и мститель— вотъ три типическія черты мужа, съ которыми мы встрѣчаемся безразлично во всѣхъ трехъ трагедіяхъ. Тенерь весь вопросъ заключается въ томъ, придалъ ли Кальдеронъ этому типическому портрету какія-либо существенныя черты разнообразія? Говоря иначе, создалъ ли онъ фигуры живыхъ, индивидуальныхъ людей, или мы остаемся въ предѣлахъ эстетической абстракціи. Напримѣръ, разнообразіе могло быть внесено самимъ временемъ, къ которому относится дѣйствіе каждой трагедіи. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ три мужа живутъ въ различныя эпохи. Гутьерре XIV вѣка, донъ Лопе—въ концѣ XVI вѣка и донъ Хуанъ—близкій современникъ Кальдерона. Но различіе эпохъ не отразилось въ различіи характеровъ. Дѣйствительно, своею преданностью королю и членамъ королевскаго дома Гутьерре ни чуть не отличается отъ донъ Лопе. Между тѣмъ они живутъ въ различныя эпохи: Гутьерре — современникъ Петра Жестокаго, всю жизнь проведеннаго въ войнахъ съ непокорными вассалами, которые могли имѣть всякія другія добродѣтели, но никакъ не обожествленіе королевской власти и полную преданность ей. Другое дѣло — ковецъ XVI в., эпоха донъ Лопе де Альмейда: съ воцареніемъ австрійскаго дома появляется и та *lealtad*, героями которой изображены Гутьерре и донъ Лопе ¹⁾).

Конечно, современники Кальдерона не замѣчали этого отсутствія исторической вѣрности, но для насъ это несомнѣнный недостатокъ. Во всякомъ случаѣ трагедіи Кальдерона выиграли бы въ правдивости, еслибъ онъ воспользовался благодарнымъ ресурсомъ, который ему давала исторія. Въ трагедіи *El pintor de su deshonra*, частному чловѣку не приходится столкнуться съ королевской властью; поэтому въ ней не можетъ быть коллизіи *lealtad* и супружеской чести. Кальдеронъ сдѣлалъ героя живописцемъ, — моментъ, позволявшій внести разнообразіе въ психологію героя. Но Кальдеронъ ограничился тѣмъ, что вложилъ въ уста Хуана нѣсколько словъ о задачахъ и цѣляхъ этого искусства ²⁾, и профессія донъ Хуана не отразилась на его отношеніи къ дѣйствующимъ лицамъ и на его поступкахъ. Правда, она имѣетъ прямую связь съ окончаніемъ трагедіи, но это

¹⁾ См. объ этомъ вполнѣ правильныя замѣчанія L. Viel-Castel'а въ *Essai sur le théâtre espagnol*, т. II, стр. 71.

²⁾ Calderon, *Comedias*, IV, 72, 2—3.

онять уже моментъ вѣшняго разнообразія, варіаціи интриги, а не той психологіи, которую мы ищемъ теперь. Но нигдѣ такъ ярко не выступаетъ однообразие Кальдероновскихъ героевъ, какъ въ длинныхъ монологахъ, которые можно считать ихъ самоанализомъ. Они провозносятъ эти монологи при каждомъ удобномъ случаѣ. Всѣ монологи построены на одной общей схемѣ. Особенно замѣтно это сходство въ трагедіяхъ: *El Médico de su honra* и *A secreto agravio, secreta venganza*. Въ душу героя западаетъ подозрѣніе насчетъ вѣрности его жены: различными доводами онъ старается устроить его, но оно возникаетъ все съ новой и новой силой, и наконецъ герой рѣшается мстить за оскорбленіе, увѣрившись въ измѣнѣ и негодуя при этомъ на безумные законы чести. Эту схему монолога мы встрѣчаемъ въ обѣихъ трагедіяхъ. Допустимъ, что при одинаковомъ положеніи и дѣйствіе трагедій должно развиваться одинаково. Но сходство монологовъ—не только въ ходѣ мыслей, которыя постоянно одиѣ и тѣ же, за самыми незначительными колебаніями: оно простирается и на способъ выраженія. Чтобы не быть голословнымъ, приведу нѣсколько отрывковъ:

Гутьерре.

Esta noche iré á mi casa,
De secreto entraré en ella,
Por ver qué malicia tiene
El mal, y hasta apurar esto
Disimularé, si puedo,
Esta desdicha, esta pena,
Este rigor, esto agravio,
Este dolor, esta ofensa,
Este asombro, este delirio,
Este cuidado, esta afrenta
Estos celos... Celos dije?
Que mal hice: vuelva, vuelva
Al pecho la voz.

(Переводъ послѣд. трехъ строкъ.
Эта ревность... Я сказалъ ревность?
Худо поступилъ я; вернись, вернись, о
голосъ, обратно въ грудь).

*Mas siéndolo, no pudiera
No estar culpada Mencía?
Mencía es quien es
Y soy quien soy.*

Д. Лопе Альмейда.

Osará decir la lengua
Que tengo? Lengua, detente,
No pronuncies, ni articules
Mi afrenta; que castigada
Podrá ser que si me ofendes
Con mi vida ó mi muerte,
Siendo ofensor y ofendido,
Yo me agravie y me vengue.
No digas, que tengo celos.
Ya lo dije, ya no puede
Volverse al pecho la voz.

(*Idem.* Не говори, что я ревную.
Я уже сказалъ это, уже не можешь
вернуться въ грудь мой голосъ).

No puede ser que Leonor
Tales consejos me diese
Por ser noble como es

No hay quien pueda
Borrar de tanto esplendor

La hermosa y la pureza и т. д.

(Но даже если это и такъ, разве не можетъ быть, что Менсия невиновата? Менсия — та, кто она есть; и я тотъ, кто я есть. Никто не можетъ затемнить красоту и чистоту такого блеска).

Leonor es quien es y yo
Soy quien soy, y nadie puede
Borrar fama tan segura и т. д.

(Леонора та, кто она есть; и я тотъ, кто я есмь. Никто не можетъ затемнить такую славу и т. д.)¹⁾

Означенными выписками не исчерпывается параллелизмъ двухъ трагедій: его можно отмѣтить и въ другихъ частяхъ. И Гутьерре и донъ Лопе, страдая отъ оскорбленія чести, оба высказываютъ желаніе умереть. Гутьерре говоритъ при этомъ:

Muera Mencía de suerte
Que ninguno lo imagine,
Mas antes que llegue á esto
La vida el cielo me quite.

и немного ниже:

Pero cuando, para cuando,
Esos azules viriles
Guardan un rayo? No es tiempo,
De que sus puntas se vibren
Preciando de tan piadosos? (акт. 7 III сд. 3-ья).

И донъ Лопе высказываетъ пожеланіе, чтобы молнія убила его:

No fuera mejor castigo,
Cielos, desatar un rayo,
Que con mortal precipicio
Me abrazara? (акт. III сд. 6-ая).

Было бы излишнимъ послѣ этихъ сопоставленій продолжать выписки. Читателю ясно и теперь, какъ великъ иногда параллелизмъ двухъ первыхъ трагедій чести²⁾. Точно также развивается дѣйствіе и въ трагедіи *El pintor de su deshonra*, съ тою разницею, что герой ея убѣждается въ измѣнѣ: жены гораздо скорѣе и способомъ несомнѣннымъ.

Такимъ образомъ три мужа мыслятъ, чувствуютъ и разсуждаютъ

¹⁾ *Comedias*, т. I, стр. 600, 8—601, 1 и 857, 3—358, 1.

²⁾ Ср. еще наиримѣръ, *El Médico* актъ, II сд. 19 и *A. Secreto...* акт. II сд. 19.

совершенно одинаково. Но сходство не только въ ихъ монологахъ, которые можно назвать психологическимъ моментомъ трагедій. И самая мѣсть, выполнение которой занимаетъ послѣднюю часть пьесы, варьируется только съ вѣдшей стороны. Психика героевъ нисколько отъ этого не измѣняется. Мстителъ за честь, болѣею частью старающійся скрыть дѣйствительное оскорбленіе,—вотъ неизмѣнный характеръ мужа въ послѣднихъ сценахъ трагедій. Чертъ личнаго разнообразія мы не замѣчаемъ и въ описаніи кровавой развязки. Напримѣръ, и Гутьерре, и донъ Лопе объясняютъ смерть женъ естественной, посторонней причиной. Правда, скрыть оскорбленіе—это одинъ изъ параграфовъ кодекса чести; но для чего дважды повторять одинъ и тотъ же мотивъ? Наконецъ, ни одинъ изъ трехъ мужей не чувствуетъ раскаянія, совершивъ свою мѣсть.

Можно идти далѣе и сказать, что центръ тяжести въ трагедіяхъ чести заключается во вѣдшемъ развитіи интриги, въ искусно составленной комбинаціи фактовъ, чрезвычайно правдоподобно убѣждающихъ мужа въ виновности жены. Конечно, способы убѣжденія могутъ быть различныя, но все это сценическія мелочи, ни чуть не отражающіяся на развитіи темы. Историкъ литературы, разумѣется, увидитъ здѣсь характерное свойство испанскихъ драматурговъ переносить центръ тяжести на интригу, во однообразіе характеровъ все-таки неприято чувствуется.

Второй недостатокъ семейныхъ трагедій заключается въ томъ, что герои не только однообразны, но, кромѣ того, мы въ нихъ не замѣчаемъ слѣдовъ душевной борьбы, столь естественной въ ихъ положеніи. Между тѣмъ на необходимость такой внутренней борьбы указываетъ сама завязка названныхъ пьесъ, которая какъ бы обязывала автора изобразить ее. Въ самомъ дѣлѣ, не подлежитъ сомнѣнію, что Кальдеронскіе мужья любятъ своихъ женъ. Когда Гутьерре арестовали, по приказанію короля, вотъ, что онъ говорить а парте: „миѣ все равно, что король сердится на меня, но я страдаю отъ того, что не увижу тебя сегодня, Менсія“ (акт. I сц. 17-ая). Рискуя жизнью, Гутьерре ночью покидаетъ темницу и спѣшитъ въ свое помѣстье повидаться съ женой, чтобы къ утру вновь вернуться въ заключеніе. „Быть безъ жены въ темницѣ—все равно, что не жить. Въ темницѣ я жилъ безъ души, потому что тебя не было со мной“ (акт. II сц. 5-ая). Такія же чувства высказывалъ и донъ Лопе. Но все это, пока не задѣта честь. Лишь только дѣло коснется оскорбленія, мужъ мгновенно забываетъ свои нѣжныя чувства

къ женѣ. Многое можно привести въ оправданіе этого страннаго исчезновенія чувствъ при первомъ появленіи опасности. Можно допустить, честь—первое благо въ мірѣ, а измѣна жены представляется вполне вѣроятною. Но какъ бы выиграла трагедія въ правдивости и цѣльности изображенія характеровъ, если бы поэтъ представилъ намъ борьбу любви и чести. Мелодія любви, начатая въ началѣ пьесы, вдругъ безслѣдно обрывается.

Мстить за оскорбленіе чести можетъ супругъ, который и не любить своей жены. И безъ любви къ женѣ оскорбленіе чести остается въ полной силѣ. Но разъ поэтъ началъ съ изображенія столь естественнаго чувства, какъ супружеская любовь, слѣдовало изобразить также, какъ любовь постепенно уступаетъ мѣсто суровому закону чести. Нечего и говорить, какія широкія перспективы психологической драмы открывались тутъ передъ поэтомъ. Но и элементарное требованіе драматической техники состоитъ въ томъ, чтобы доводить до конца разъ начатые мотивы. Если бы Кальдеронъ изобразилъ подобную борьбу любви и чести, его герои покинули бы узкую область эгоистическихъ страданій, въ которой находятся все время. Жена своей измѣной оскорбила мою честь, но если я убью жену, честь моя возстановится — вотъ какъ разсуждаютъ герои Кальдерона. За такими разсужденіями сейчасъ же слѣдуетъ рѣшеніе убить жену. Такъ они и поступаютъ. Увѣрившись въ измѣнѣ жены, они убиваютъ ее безъ всякаго состраданія. Въ этомъ отношеніи характеренъ монологъ, который произноситъ допъ Лопе, когда онъ окончательно рѣшилъ убить жену. Въ этомъ монологѣ 81 строка, и изъ нихъ только слѣдующія относятся къ несчастной женщинѣ:

Leonor (ay de mí) Leonor,
Bella como leucisosa,
Tan infeliz, como hermosa.

И больше ничего. Далѣе слѣдуетъ строка, произносимая безъ всякихъ ограниченій и комментариевъ—*La muerte á Leonor daré* (я убью Леонору, акт. II сц. 16-ая). Изъ длиннѣйшихъ монологовъ Гутьерре почти только слѣдующія строки обнаруживаютъ его чувства къ Менсіи, въ то время, когда онъ подозреваетъ ее. „Пусть Менсія умретъ и никто не узнаетъ, за что она умретъ. Но до того момента, о Боже, возьми у меня жизнь, чтобы мнѣ не пришлось видѣть трагедіи столь несчастной любви“ (акт. III сц. 3-я). Никто, конечно, не станетъ требовать, чтобы мужъ любилъ преступницу жену, но отъ автора мы вправѣ требовать, чтобы онъ показалъ, какъ постепенно одно чувство

уступаетъ мѣсто другому. Этотъ переходъ, эта борьба въ трагедіяхъ Кальдерона не изображена. Даже сожалѣнія объ убитой женѣ не замѣчаемъ мы въ мужьяхъ. Гутьерре совершенно спокоенъ, окончивъ свою ужасную месть. Вотъ что говоритъ онъ: „это былъ самый тонкій способъ покончить съ моимъ оскорбленіемъ: ядъ и кинжалъ были бы слишкомъ явными уликами“ (акт. III сц. 13-ая). Послѣ этихъ соображеній читателю, можетъ быть, станетъ ясно, въ чемъ заключается второй недостатокъ въ характерахъ Гутьерре и донъ Лопе. Намъ кажется, что его необходимо считать недостаткомъ чисто техническимъ, неимѣющимъ никакого отношенія къ области идей. Съ точки зрѣнія техника, трагедія *El pintor de su deshonra* кажется намъ болѣе удачной потому, что роль Хуана Рока вообще невелика, и слѣдовательно означенные недостатки не выступаютъ столь ярко. И такъ техника трехъ трагедій чести страдаетъ отсутствіемъ индивидуализаціи характеровъ героевъ и чрезвычайно недостаточнымъ изображеніемъ психологической борьбы, ожидать какую-либо мы имѣемъ право на основаніи первыхъ сценъ трагедій. Выяснивъ, въ чемъ, на нашъ взглядъ, заключается недостатокъ трагедій Кальдерона, мы не беремъ на себя объяснить, откуда возникъ этотъ недостатокъ. Быть можетъ, недостаточную индивидуализацію характеровъ героевъ можно поставить въ связь съ общимъ свойствомъ Кальдероновской поэзіи изображать скорѣе схематичныя фигуры, чѣмъ живыхъ, опредѣленныхъ людей. Перенеся центръ тяжести въ искусство составленную интригу, примѣромъ чего могутъ быть всѣ шесть трагедій Кальдерона, испанскій поэтъ обращалъ гораздо менѣе вниманія на отдѣлку характеровъ. Но фигуры Ирода и Маріамны блестяще доказываютъ талантъ Кальдерона къ изображенію вполне индивидуальныхъ характеровъ.

Точно также мало понятнымъ представляется намъ отсутствіе психической борьбы. У Кальдерона есть цѣлая группа такъ называемыхъ героическихъ комедій, въ которыхъ со значительнымъ искусствомъ представлена борьба чести и другихъ побужденій души. Значитъ, Кальдеронъ понималъ, какой интересъ составляетъ изображеніе подобной борьбы, и обладалъ достаточнымъ знаніемъ человѣческаго сердца, чтобы рѣшиться изображать ее. Нельзя ссылаться и на то, что въ сознаніи испанскаго общества идеи чести господствовали такъ рѣшительно, что поглощали безъ остатка всю душевную жизнь людей. Уже самый фактъ существованія протеста противъ этихъ идей, съ которыми мы еще встрѣтимся у Кальдерона, не позволяетъ дѣлать та-

кого заключенія. Во всякомъ случаѣ идеей чести не исчерпывалась вся душевная жизнь испанцевъ XVII вѣка. Тотъ же театръ испанскій, на ряду съ пьесами чести, имѣетъ великое множество пьесъ религіозныхъ, любовныхъ, патриотическихкихъ и т. д.

Оставляя открытымъ вопросъ, какъ объяснить означенные недостатки трагедій Кальдерона, мы ограничиваемся ихъ указаніемъ.

III.

Послѣдняя трагедія чести, о которой намъ придется говорить, есть знаменитѣйшая испанская драма XVII вѣка, *El alcalde de Zalamea* (Саламейскій алькальдъ). Въ ней разрабатывается опять тема отомщенія за оскорбленную честь. Но герой ея является мстителемъ не только за свою собственную честь: онъ заступаетъ за обиженную дочь. Героя этой трагедіи зовутъ Педро Креспо. Онъ богатый крестьянинъ изъ мѣстечка Саламея. Онъ проводитъ свою жизнь счастливый и довольный, раздѣляя свое время между сельскими работами и семейными дѣлами. У Педро Креспо двое дѣтей: дочь Изабелла и сынъ Хуанъ. И молодой человѣкъ и Изабелла — почтительныя и ласковыя дѣти. Креспо богатъ и всѣми уважаемъ. Ни самъ онъ, ни его предки не совершили ничего предосудительнаго. Хотя онъ и крестьянинъ, но добродѣтельная жизнь его снискала ему всеобщую любовь. Дѣтей своихъ Педро Креспо воспитываетъ въ строгихъ правилахъ, особенно заботится онъ о дочери, у которой нѣтъ ближайшей руководительницы-матери, потому что Креспо вдовецъ —

mi hija
se ha criado á lo que pienso,
Con la mejor opinion,
Virtud y recogimiento
Del mundo (акт. III сц. VII).

Словомъ на горизонтѣ Педро Креспо ни единого облачка, и, не случись одного обстоятельства, независащаго отъ воли Креспо, онъ прожилъ бы счастливо и безмятежно свою жизнь. Рано или поздно ему досталось бы на долю быть деревенскимъ алькальдомъ, но не пришлось бы ему судить оскорбителя своей дочери. Есть нѣкоторое сходство въ сюжетѣ между „*Amor despues de la muerte*“ и „Саламейскимъ алькальдомъ“. И тамъ и здѣсь изображены страданія и гибель людей, вызванная обстоятельствами тяжелаго военнаго времени. Въ деревню, гдѣ проживаетъ Педро Креспо,

приходить на постой полкъ солдатъ. Старикъ велитъ Изабеллѣ на все время пребыванія ихъ въ деревнѣ оставаться въ верхней комнатѣ дома. Онъ боится, что солдаты найдутъ какой-нибудь способъ оскорбить честь молодой дѣвушки. Опасенія Креспо сбываются: капитанъ Альваръ, которому назначено помѣщеніе въ домѣ Креспо, все-таки увидѣлъ красавицу крестьянку и влюбился въ нее. Этотъ капитанъ исполненъ сознанія своего достоинства, онъ презираетъ мужиковъ и третируетъ ихъ чрезвычайно грубо. Креспо встрѣтилъ капитана ласково: обязанность всякаго испанца радушно относиться къ воинамъ за короля, отечество и вѣру. Но ему неприятно, что капитанъ все-таки проникъ въ комнату Изабеллы. Онъ высказываетъ ему свое неудовольствіе. Хуанъ, вспыльчивый юноша, вторитъ своему отцу. Креспо останавливаетъ Хуана довольно рѣзко, но когда капитанъ хочетъ ударить Хуана за его дерзость, Креспо останавливаетъ и капитана:

Detened
Señor Capitan; que yo
Puedo tratar á mi hijo
Como quisiere y no vos (акт. I сц. 16-а).

Въ этой сценѣ ярко обрисованы основныя черты характера Креспо. Мы видимъ въ немъ заступника семейной чести и человѣка, гордаго и независимаго, который не позволитъ безнаказанно оскорбить себя. Онъ, конечно, согласенъ съ своимъ сыномъ, когда тотъ объявляетъ капитану, что у мужика такая же честь, какъ и у *hidalgo*:

Capitan. Qué opinion tiene un villano?
Juan. Aquella mesma que vos.
Que no hubiera un capitan,
Si no hubiera un labrador (*ibidem*).

Такова завязка этой трагедіи. Уже сразу видно, что она не можетъ кончиться счастливо для дѣйствующихъ лицъ: слишкомъ противоположны характеры, которые должны войти въ столкновеніе вследствие неблагоприятныхъ обстоятельствъ. Въ ссору Креспо и капитана вмѣшивается генералъ, который и велитъ Альвару покинуть деревню. Авторъ дополняетъ привлекательный портретъ Креспо новыми чертами. Мы открываемъ въ Креспо значительный запасъ юмора и остроумія, которыя обнаруживаются въ бесѣдахъ его съ генераломъ. Этотъ генералъ ворчитъ и бранится, но очень скоро оцѣниваетъ честный и открытый характеръ мужика и становится его другомъ. Креспо охотно

отдаетъ своего сына въ военную службу подъ покровительство генерала. Хороши наставленія, которыя старикъ даетъ отъѣзжающему сыну. Въ нихъ смѣсь благородныхъ идей съ правилами житейской мудрости. Такъ Креспо, какъ честный кавалеръ, даетъ сыну завѣтъ никогда дурно не отзываться о женщинахъ, потому что отъ нихъ мы родились:

No hables mal de las mujeres:
La más humilde, te digo
Que es digna de estimacion,
Porque al fin dellas nacimos.

Видѣвъ съ этимъ онъ совѣтуетъ Хуану быть щедрымъ и вѣжливымъ и почаще снимать шляпу:

Que el sombrero y el dinero
Son los que hacen los amigos.

Когда сынъ уходитъ, Креспо признается самъ себѣ, что хоть онъ и радъ за него, ему жалко разстаться съ сыномъ:

Enternecido
Me deja cierto el muchacho,
Aunque en publico me animo.

Онъ садится у входа въ свой домъ, чтобы видѣть дорогу, по которой только что стравнился Хуанъ:

A la verdad, no entro dentro,
Porque desde aqui imagino,
Como el camino blanquea,
Que veo á Juan en el camino (акт. II ст. XX).

Въ этотъ самый моментъ капитанъ съ своими клеветами покидаетъ Изабеллу. Тщетно пытается Креспо спасти свою дочь. Онъ находитъ ее уже тогда, когда, обезпеченная и покинутая капитаномъ, она печально блуждаетъ въ горахъ. Креспо смиренно склоняется подъ тяжестью постигшаго ихъ обоихъ горя. Онъ не убиваетъ дочь, какъ она боялся, а только говорить, что страданія удѣлъ смертныхъ, и ихъ надо терпѣть. Онъ занятъ не только мыслью о мести. Изъ разсказа Изабеллы онъ узнаетъ, что Хуанъ, услышавшій ея крикъ о помощи, напалъ на капитана и опасно ранилъ его. Надо подумать о томъ, какъ спасти и Хуана. Изабелла смущена такимъ спокойствіемъ

отца (акт. III сц. II). Однако, Креспо говорить дочери, что онъ отомстить за ея позоръ, если только капитанъ попадется въ его руки. Такъ и случилось. Раненнаго капитана испуганные солдаты приносятъ обратно въ Саламею, а Креспо какъ разъ въ этотъ день деревенскій совѣтъ избираетъ своимъ алькальдомъ. И такъ Креспо будетъ виѣстѣ и мстителемъ и судьей. Но прежде чѣмъ выступить въ этой роли, Креспо обращается къ своему обидчику просто, какъ человекъ (como un hombre, no más) и проситъ его загладить свой грѣхъ женитьбой на Изабеллѣ. Онъ умоляетъ капитана вернуть ему честь, которую тотъ самъ отнялъ у него. Но капитанъ съ презрѣніемъ отвергаетъ всѣ просьбы деревенскаго судьи. Тогда Креспо беретъ въ руки жезлъ, символъ своей власти, и клянется именемъ Бога отомстить за обиду. Онъ приводитъ эту угрозу въ исполненіе, обставивъ все дѣло законными формальностями. Капитана передаютъ позорной казни. Всѣмъ присутствующимъ приходится склониться передъ совершившимся фактомъ, а Изабелла уходитъ въ монастырь, къ жещиху, передъ которымъ равны всѣ сословія:

Que no mira en calidad.

Уже изъ этого бѣлаго анализа видно существенное различіе между Педро Креспо и тремя мужьями. Ясно, что въ дѣятельности своей мужья руководятся исключительно эгоистическими цѣлями. Лишь спасеніемъ своей собственной части озабочены они. Напротивъ Педро Креспо заступається за честь своей несчастной дочери. Капитанъ оскорбилъ и его собственную честь. Старикъ, становясь на колѣни передъ своимъ обидчикомъ, говоритъ ему:

Mirad que echado en el suelo
Mi honor á voces os pido.

И ея честь замѣшана въ дѣлѣ. Но онъ и не думаетъ убивать своей дочери, которую тоже могъ бы назвать „фатальной гибелью“ (guina fatal) своей чести. Изабелла и сама ожидаетъ, что отецъ, узнавъ о ея несчастьи убьетъ ее:

Porque si una vez te miras
Sin honor,
Me darán muerte tus iras.

Креспо не думаетъ обрушиваться на свою дочь, но просто, по человѣчески, желаетъ заступиться за нее и доставить ей возможность спокойно дожить свою жизнь. Этотъ новый элементъ въ ха-

рактёръ Педро Креспо, конечно, чрезвычайно выгодно отличаетъ его отъ трехъ мужей. Характеръ старика, благодаря этому, принадлежитъ вполне человѣческую окраску, и онъ въ теченіи всей пьесы сохраняетъ симпатію читателя. Заботливый и честный отецъ, другъ своихъ дѣтей—вотъ въ нѣсколькихъ словахъ характеристика Педро Креспо. Какъ фигура Ирода, фигура Креспо производитъ впечатлѣніе полной художественной законченности и свободна отъ малѣйшей фальши и дисгармоніи. Въ душѣ Креспо не можетъ быть борьбы между заботой о чести и любовью къ дочери, потому что и та и другая велятъ ему мстить за оскорбленную честь дочери. Требования чести и любви въ данномъ положеніи совпадаютъ, и отсутствіе психологической борьбы никакимъ образомъ не можетъ считаться недостаткомъ характера Креспо. Наоборотъ, три мужа, мстя за оскорбленіе своей чести, руководятся эгоистическими соображеніями. Естественно, что въ ихъ душѣ могутъ столкнуться личные чувства съ чувствами болѣе альтруистическими, напримѣръ, любовью къ женѣ. Если у трехъ мужей есть любовь къ женамъ, то она непремѣнно столкнется съ заботой о чести. Уже изъ этихъ соображеній видно, что психологіи Кальдероновскихъ мужей сложнѣе, чѣмъ психологія Креспо, и требуетъ гораздо болѣе вдумчиваго отношенія со стороны автора. У нихъ борьба неизбежна, и если Кальдеронъ не изобразилъ ея, то ясно, что трагедіи чести не свободны отъ недостатковъ. Есть еще разница между Педро Креспо и тремя мужьями, которая опять подтверждаетъ, что недостатки трагедій супружеской чести заключаются именно въ ихъ техникахъ. Мы видимъ, какія разнообразныя черты отиѣчены поэтомъ въ характерѣ Креспо. Забота о чести у Креспо не заглушала остальныхъ побужденій человѣческой души. Рядомъ съ заботой о чести въ Креспо мы видимъ и патриотизмъ и юморъ и любовь къ дѣтямъ и т. д. Креспо нельзя назвать эстетической абстракціей или воплощеніемъ опредѣленной идеи, что несомнѣнно замѣчается въ Гутьерре или въ донѣ Лопе. Одна изъ причинъ этого различія, какъ намъ кажется, заключается въ томъ, что катастрофа, оскорбляющая честь Креспо, въ этой трагедіи, наступаетъ гораздо позднѣе, чѣмъ въ первыхъ трехъ трагедіяхъ. Читатель еще не успѣлъ достаточно заинтересоваться личностью Гутьерре или доня Лопе, какъ вдругъ въ ихъ душѣ возникаютъ сомнѣнія насчетъ вѣрности жены, и живые люди разомъ превращаются въ абстрактныя существа, которыя думаютъ только о чести.

IV.

Таковы четыре драмы чести у Кальдерона. Уже изъ предложеннаго анализа видно, что фатумъ, или по крайней мѣрѣ, то, что не стоять въ связи съ характеромъ героевъ и не зависить отъ ихъ разсчета, играетъ въ этихъ пьесахъ не послѣднюю роль. Въ самомъ дѣлѣ, какъ вывести изъ характера Педро Креспо, добраго и умнаго мужика, ту катастрофу, которая обрушилась на его голову? Не явись въ деревню капитанъ, и Креспо прожилъ бы счастливо свой вѣкъ, выдалъ бы дочь за какого-нибудь *labrador's* и покончилъ бы свои дни, всѣми любимый и уважаемый. Далѣе, развѣ Гутьерре былъ виновенъ въ томъ, что его жена любила Энрике еще до замужества? Виноватъ ли донъ Лопе, что жена хочетъ измѣнить ему? и т. д. Словомъ во всѣхъ этихъ пьесахъ Кальдерона изъ характеровъ героя нельзя вывести кровавой развязки дѣйствія. Такимъ образомъ, не впадая въ особое преувеличеніе, можно сказать, что первую каплю яда въ чашу счастья героевъ вливаетъ внѣшнее обстоятельство.

Но, конечно, только за одно это нельзя назвать фаталистическими четыре трагедіи чести. Такого рода завязки могутъ быть и въ тѣхъ пьесахъ, въ которыхъ дальнѣйшее развитіе дѣйствія зависить отъ характера дѣйствующихъ лицъ. Дѣло въ томъ, что въ трагедіяхъ Кальдерона къ первому толчку, который является извнѣ, присоединяется еще новая сила, приводящая къ кровавой развязкѣ. Сила эта не зависить отъ воли отдѣльнаго лица, и оно должно подчиняться ей также безпрекословно, какъ и судьбѣ. Сила эта — общественныя понятія о чести, господствовавшія въ эпоху Кальдерона. Постараемся собрать во едино черты, разбросанныя въ предыдущихъ отдѣлахъ статьи, и представить общую картину чести по испанскимъ понятіямъ. Сущность этихъ воззрѣній на честь заключается въ извѣстной формулѣ, которую мы встрѣчаемъ у многихъ испанскихъ писателей золотого вѣка литературы. Эта формула „Yo soy quien soy“, т. е. я тотъ, кто я есть. Если раскрыть смыслъ, заключенный въ этой формулѣ, то получится слѣдующее: я отвѣчаю тому идеалу христіанина и человѣка, который начертанъ въ правилахъ религіи, морали и тѣхъ специальныхъ правилахъ общественной жизни, которыя приняты въ извѣстную эпоху.

Изъ этого — своего рода категорическій императивъ: будь таковъ-каковымъ ты долженъ быть сообразно со всѣми этими требованіями

Въ этомъ пунктѣ честь, какъ ее понимаютъ дѣйствующія лица Кальдерона, немного чѣмъ отличаются отъ нравственнаго закона, которымъ должны руководиться всѣ люди, и есть нѣчто прекрасное и высокое само по себѣ. Такую честь еще Rabelais очень удачно опредѣлялъ словами: *gens libres, bien nez, bien instruits, conversans en compaignies honestes, ont par nature un instinct et aiguillon qui toujours les pousse à faicts vertueux et retire de vice, le quel ils nommoient honneur* (Gargantua, ch. LVII). Кто исполняетъ всѣ эти требованія, тотъ порядочный человекъ, „un hombre de bien“. Такого человекъ, отвѣчающаго требованіямъ чести, Кальдеронъ изобразилъ намъ въ героѣ трагедіи *A secreto agravio secreta venganza*. Когда измѣна жены становится для него почти несомнѣнной, донъ Лопе, разсуждая со своей, какъ бы олицетворенной въ собесѣдникѣ, честью, спрашиваетъ, чѣмъ провинился онъ, что навлекъ на себя такія страданія? Вотъ что говоритъ онъ: „О, честь моя, обсудимъ вмѣстѣ положеніе, сведемъ наши счеты. Какія жалобы у тебя противъ меня? Чѣмъ, скажи мнѣ, я оскорбилъ тебя? Изъ храбрости, унаслѣдованной отъ предковъ, развѣ не присоединилъ я своей собственной, съ презрѣніемъ относясь ко всѣмъ опасностямъ? И, не желая рисковать тобою (por no ponerle en riesgo), всю жизнь свою развѣ не былъ вѣжливъ со смиренными, другъ съ каждымъ рыцаремъ, съ бѣдными щедръ и ласковъ съ солдатами? Женившись (о, горе мнѣ!), женившись, въ чемъ провинился я? Гдѣ моя ошибка? Развѣ я не выбралъ жену изъ рода съ чистой кровью и испытанной добродѣтелью? И теперь развѣ я не люблю и не уважаю своей жены? Если въ жизни моей не было ничего оскорбительнаго для тебя, за что же ты меня оскорбляешь? За что?“ (актъ III ст. 67). Поступки донъ Лопе, пока не задѣта его честь, не вызовутъ порицанія даже самаго строгаго моралиста. Онъ обѣщаетъ свою дружбу и покровительство донъ-Хуану де Сильва, котораго преслѣдуетъ судьба, и держать свое слово. Когда король Себастьянъ отправляется въ Африку на войну съ маврами, донъ Лопе готовъ слѣдовать за нимъ въ этомъ трудномъ предпріятіи, потому что это „необходимая обязанность, унаслѣдованная съ благородной кровью“. Словомъ всѣ симпатіи читателя на сторонѣ этого благороднаго кавалера. Тѣ же самыя „formosas obligaciones“ кратко, но ясно указаны въ характерѣ донъ Менсія, героини трагедіи „El médico de su honra“. Когда послѣ долгой разлуки Менсія, уже замужемъ за Гутьерре, встрѣтилась съ своимъ прежнимъ поклонникомъ, дономъ Энрике,

она отвергла его любовь. Но побѣда надъ собою досталась ей не дешево. Служанка замѣтила это и говорить госпожѣ:

Ты опечалилась, госпожа моя.

Д-а Менсія: „Хочешь, я повѣрю тебѣ тайну, отъ которой зависить жизнь моя и честь? Слушай внимательно. Я родилась въ Севильѣ, и тамъ меня увидѣлъ донъ Энрике, онъ ухаживалъ за мною и прославилъ даже мою холодность... Счастливое время! Онъ уѣхалъ, и отецъ принудилъ меня выйти за Гутьерре. Я подчинилась. Но вотъ вернулся вновь Энрике... Тогда была любовь. теперь надо думать о чести. Вотъ все, что могу сказать тебѣ!“ (актъ I сц. 11-я).

Честь, поскольку она совпадаетъ съ нравственнымъ закономъ, основывается на высокомъ мнѣніи о достоинствѣ человѣка, которое имѣютъ герои Кальдерона. Это ясно изъ словъ Педро Креспо въ отвѣтъ на замѣчаніе генерала, донъ Лопе де Фигероа, что крестьяне должны нести государеву службу.

Донъ Лопе: Знаете ли вы, что вы обязаны исполнить эту повинность?

Педро-Креспо: Да, если она не касается моего добраго имени! Королю имущество и жизнь должны мы отдавать. Но честь—достояніе души, а душа принадлежитъ лишь Богу (актъ I сц. 18-я).

Эти прекрасныя слова напоминаютъ не менѣе замѣчательное выраженіе одной комедіи Лопе де Веги, когда въ отвѣтъ на удивленіе *hidalgo*, какъ это крестьянинъ можетъ любить благородную барышню, крестьянинъ отвѣчаетъ:

„У крестьянина такая же душа“.

Но какъ бы то ни было, честь, совпадающая съ нравственнымъ закономъ, въ разбираемыхъ пьесахъ Кальдерона, не приводитъ къ трагической развязкѣ. Въ четырехъ трагедіяхъ Кальдерона изображена не борьба чести и какого-нибудь другого нравственнаго принципа, а страданія, вызванныя оскорбленіемъ чести. Оскорбить честь человѣка можетъ или онъ самъ, когда совершить что-либо противное правиламъ религіи, морали или другимъ принципамъ, господствующимъ въ обществѣ, или оскорбляютъ его честь другіе люди поступками, въ которыхъ сказывается неуваженіе къ нему. Положеніе перваго рода не встрѣчается въ разбираемыхъ трагедіяхъ, всѣ онѣ изображаютъ оскорбленіе *моей* чести *другими* людьми. Такъ какъ доброе имя и спокойствіе каждаго человѣка зависятъ отъ поведенія *другихъ* людей, то вполнѣ понятны правила жизни, которыми руководятся герои Кальдерона. Убереечь свою честь отъ оскорбленія—вотъ прямая задача

всякаго порядочнаго человѣка. Среди несчастій, которымъ подвержена человѣческая жизнь и которыя приходится принимать, какъ неизбежное наслѣдіе нашей природы, „счастливымъ можетъ считаться лишь тотъ, у кого не запытана честь, и кто отомстилъ за обиду“.

Ужасно самое подозрѣніе, что оскорблена честь. Мы уже знаемъ донъ Лопе за исполнѣ порядочнаго человѣка: онъ добръ, храбръ, преданъ своему королю и т. д. И однако вотъ, что говоритъ онъ: „И если бы я повѣрилъ... Нѣтъ, если бы я подумалъ или вообразилъ, что кто-нибудь могъ запятнать мою честь... Нѣтъ, что мою честь? Мое доброе имя и славу, и только въ словахъ презрѣнной служанки или рабыни, клянусь Богомъ, я отнял бы у него тысячу жизней“¹⁾. Почти также разсуждаетъ крестьянинъ, Педро Креспо, потому что честь, какъ достоиніе души, одинакова и у дворянина и у мужика. Педро благодаритъ генерала за то, что своимъ прибытіемъ и вѣшательствомъ въ его ссору съ капитаномъ, онъ устранилъ возможность весьма непріятныхъ послѣдствій.

Креспо. Тысячу разъ, сеньоръ, благодарю васъ, что вы не доустили меня погибнуть. *Д. Лопе.* Какъ могли вы погибнуть? *Креспо.* Убивъ того, кто задумалъ бы малѣйшее оскорбленіе моей чести. *Д. Лопе.* Знаете вы, чертъ возьми, что онъ капитанъ? *Креспо.* Да, я знаю это. Но будь онъ генералъ, я убилъ бы его за оскорбленіе моей чести. *Д. Лопе.* Кто хотя бы пальцемъ коснулся до одежды солдата, клянусь небомъ, я повѣсилъ бы его. *Креспо.* И я клянусь небомъ, что и я повѣсилъ бы того, кто дерзнулъ бы коснуться одного атома моей чести (*á un átomo de mi honor*)⁴. И далѣе слѣдуютъ тѣ прекрасные стихи о чести, какъ о достоиніи души, которые были приведены выше. Выслушавъ ихъ, генералъ, человѣкъ, подъ грубой внѣшностью стараго воина скрывающей добрую и благородную душу, замѣчаетъ: „Клянусь Христомъ, мнѣ кажется, вы правы“.

Оберегая свою честь, человѣкъ относится къ ней съ такой же заботливостью, какъ врачъ къ больному. Этимъ объясняется заглавіе первой трагедіи чести: *El Médico de su honra*. Что Гутьерре такъ именно разсуждаетъ, это несомнѣнно изъ его монологовъ и изъ развязки пьесы. Вотъ его слова:

„Я вылѣчу васъ, честь моя. Уже начало болѣзни показываетъ великую опасность. Первое средство—закрѣпить доступъ причинѣ, выз-

¹⁾ *Comedias* т. I, 604, 2, нѣсколько ниже.

вавшей страданія. И такъ, врачъ своей чести прописываетъ во-первыхъ діету молчанія и т. д.¹⁾

Разъ принявъ этотъ образъ сравненія, Гутьерре уже не разстается съ нимъ. Убѣдившись, что честь его, дѣйствительно, больна, т.-е. что жена ему измѣнила, онъ примѣняетъ обычную въ то время медицинскую мѣру—кровопусканіе. И такъ, первоначально, оберегать честь отъ различныхъ покушеній, не допускать ни малѣйшаго подозрѣнія, но если уже случилась бѣда, отъ которой, по выраженію Клотальдо въ ком. *La vida es sueño*, „никто не застрахованъ“, надо возстановить запятнанную честь, т.-е. убить того, кто оскорблялъ ее.

Въ частности, по отношенію къ женѣ, обязанность чести въ томъ, чтобы любить мужа и быть ему вѣрной. Поступая такимъ образомъ, жена поступаетъ согласно принципу: *es quien es*. Поэтому честный мужъ, предполагающій и въ женѣ такую же честность, не можетъ сразу повѣрить въ ея измѣну. Но когда онъ убѣдился, что она виновата, ее ждетъ жестокое наказаніе. Убивая жену и иногда и ея любовника, мужъ возстановляетъ свою честь, такъ какъ честь жены принадлежитъ мужу, и отдѣльной, собственной чести у ней нѣтъ.

Гутьерре говоритъ: „Я врачъ своей чести и хочу спасти ея жизнь, подвергнувъ жену кровопусканію: вѣдь всѣ лѣчатся этимъ средствомъ. Мнѣсія должна умереть, и кровь ороситъ ея грудь, въ которой скрыто оскорбленіе, требующее тайной мести“. Точно также рассуждаетъ и донъ Лоне: „женщина — носительница чести, и за оскорбленіе чести надо мстить. Кто заключилъ честь въ сосудъ столь хрупкій? Я отправлюсь съ королею и послѣ найду предлогъ вернуться домой и наказать жену. Моя месть будетъ извѣстна всему міру. Узнаютъ всѣ, и король и донъ Хуанъ и даже грядущіе вѣка, что такое оскорбленный португалецъ!“²⁾ Еще яснѣе изъ слѣдующихъ словъ: „Леонора (о горе мнѣ), Леонора, столь же красивая, сколь и развратная, такъ же прекрасная, какъ и несчастная, фатально погубившая мою честь, должна умереть“. Онъ поджигаетъ свой домъ, въ которомъ находится Леонора. „Смѣло покончу я съ Леонорой и изъ пламени извлеку свою честь невредимой“. Запятнать честь человѣка возможно не только какиъ-либо поступкомъ, но и самой мыслью, что человѣкъ совершилъ что-нибудь дурное. Нельзя даже подумать дурно о человѣкѣ. Это равносильно реальному оскорбленію

¹⁾ *Comedias* т. I, стр. 357, 3.

²⁾ *Comedias* т. I, стр. 606, 2.

честь. Не слѣдуетъ также разглашать своихъ оскорбленій. Этимъ правиломъ объясняется заглавіе пьесы: *A secreto agravio secreta venganza*. Даже убивъ оскорбительницу чести, надо представить дѣло такъ, будто она погибла случайно, и не отъ руки мужа, а по какой-либо другой причинѣ. Поэтому донъ Лопе зажигаетъ домъ, гдѣ находится его жена, и, вынеся ея бездыханный трупъ, говоритъ предстоящимъ: „Эта мертвая краса, этотъ цвѣтокъ, замерзшій въ жестокомъ огнѣ,—потому что только огонь, изъ зависти къ блеску ея красоты, могъ погубить ее,—это, государь, моя жена, благородная, честная и уважаемая, которая оставитъ по себѣ вѣчную славу. Это—моя жена, которую я любилъ со всею нѣжностью любви, и теперь вдвойнѣ чувствую несчастье потерять ее. Она погибла въ живомъ пламени, она потонула въ густомъ дыму. Когда я хотѣлъ спасти ее, въ моихъ объятіяхъ она испустила послѣднее дыханіе“¹⁾.

Но если честь оскорблена публично, то и месть должна быть явной и открытой. Въ этомъ отношеніи характерна одна сцена изъ Саламейскаго алькальда. Педро Креспо велитъ своей дочери подписать жалобу на капитана. *Изабелла*. „Ты хотѣлъ утаить оскорбленіе, которое оплакиваетъ моя душа. Теперь же ты желаешь отомстить за него. Зачѣмъ же ты объявляешь о немъ другимъ?“ *Креспо*. „Я не могу позаставлять свою честь тѣмъ способомъ, какъ хотѣлъ бы. Поэтому я долженъ поступить такъ, какъ поступаю теперь“. И вскорѣ послѣ этого Педро Креспо отдаетъ приказъ покончить съ капитаномъ. Такъ же открыта и публична месть Хуана Рока.

Таковы основныя понятія чести, съ которыми мы имѣли дѣло въ трагедіяхъ Кальдерона. Конечно, нельзя сопоставлять ихъ съ древнегреческимъ фатумомъ, нельзя даже приравнивать ихъ къ неумолимому ходу историческихъ событій, отъ которыхъ гибнуть отдѣльныя лица. Тѣмъ не менѣе остается на лицо обстоятельство, вполнѣ сознаваемое героями трагедій, что законы о чести тяготеютъ надъ жизнью отдѣльныхъ лицъ, которыя цѣлкомъ находятся въ ихъ власти. Человѣкъ безсиленъ противъ этихъ общественныхъ понятій. Онъ можетъ считать ихъ бессмысленными и все-таки подчиниться имъ въ своихъ поступкахъ. Это ясно изъ цѣлага ряда цитатъ, которыя можно подчеркнуть въ изучаемыхъ трагедіяхъ. Донъ Лопе говоритъ: „человѣкъ оскорбленный можетъ безкошечно долго осуждать глупые законы свѣта. Я не могу ихъ уничтожить: отъ рожденія мы находимся въ ихъ власти.

¹⁾ *Comedias*, т. I, стр. 610, 2.

Я живу затѣмъ, чтобы мстить, сообразно съ ними, а не затѣмъ, чтобы исправлять ихъ" (актъ III сц. 6-я). Въ трагедіи „El Pintor de su deshonra" понятія о чести такъ и названы „жестокимъ закономъ" (ley rigurosa), которому человѣкъ долженъ покоряться, хотя и со скрежетомъ зубовымъ. И такъ несомнѣнно, что въ четырехъ трагедіяхъ чести причиной, которою обуславливается страданіе героевъ, служатъ не ихъ характеръ или страсти, а внѣшнее обстоятельство и извѣстныя общественныя понятія, во власти которыхъ находится жизнь каждаго отдѣльнаго человѣка. Такимъ образомъ всѣ шесть трагедій Кальдерона въ условномъ смыслѣ имѣютъ право на названіе фаталистическихъ.

У.

Предшествующій анализъ выяснилъ намъ отчасти и точки зрѣнія, съ которыхъ мы должны оцѣнивать трагедіи Кальдерона. Прежде всего несомнѣнно, что ни построеніе интриги, ни характеры дѣйствующихъ лицъ въ трагедіяхъ: *El mayor monstruo los celos*, *Amag despues de la muerte*, *El alcalde de Zalamea* не нуждаются въ какихъ-либо комментаріяхъ или защитѣ. Достоинства этихъ пьесъ выяснились сами собою изъ анализа ихъ содержанія. Нѣсколькихъ дополнительныхъ замѣчаній требуютъ лишь три трагедіи чести, въ которыхъ героемъ является оскорбленный мужъ. Отмѣтимъ въ противоположность мнѣнію большинства прежнихъ изслѣдователей, что въ идеяхъ чести, съ каковыми мы встрѣтились въ трагедіяхъ Кальдерона, нѣтъ ничего возмутительнаго или пелѣнаго, но существу. Идеи эти и до нашихъ дней во многомъ не утратили своей силы. Защита своего добраго имени и до нынѣ составляетъ заботу каждаго порядочнаго человѣка. И до нынѣ проступокъ жены можетъ запятнать честь мужа, и кровавая расплата за оскорбленіе черѣдкое явленіе и въ XIX вѣкѣ. Если идея чести предразсудокъ, то этотъ предразсудокъ, повидимому, обійтъ у всѣхъ цивилизованныхъ народовъ. При такой постановкѣ вопроса, сразу отпадаютъ всѣ замѣчанія, что трагедіи Кальдерона вполне безнравственны и безбожны.

Напротивъ того, честь у Кальдерона во многихъ отношеніяхъ дѣйствительно представлена „какъ нѣчто высокое и прекрасное само по себѣ, къ чему всѣми силами долженъ стремиться человѣкъ" ¹⁾.

¹⁾ Аверкиевъ. О драмѣ, стр. 74.

Что въ идеяхъ, господствующихъ въ сознаниі героевъ Кальдерона, есть много высокаго и прекраснаго, это вытекаетъ изъ предшествующаго анализа. Вполнѣ благородно помогать бѣднымъ, держать данное слово, сражаться за отечество, бороться съ преступной любовью, даже желать, чтобы всѣ насъ уважали. Вѣдь это все требованія обычнаго нравственнаго сознания, которыя достойно восхвалять и поддерживать. Но нигдѣ и никогда Кальдеронъ не восхваляетъ закона чести, когда этотъ законъ велитъ кровью мстить за нанесенное оскорбленіе. Наоборотъ, даже тѣ, которые своими поступками поддерживаютъ законъ чести въ такомъ пониманіи, въ мысляхъ своихъ осуждаютъ его. Въ этомъ отношеніи особенно характерны слова Хуана Рока: „Будь проклятъ тотъ, кто устанавливалъ столь жестокой законъ! Мало понималъ въ вопросахъ чести тотъ, кто мое доброе имѣл поставилъ въ зависимость отъ поступковъ другого человѣка. О, безумный, измѣнническій законъ! (Oh, injusta ley traidora!) Честъ моя—рабыня другого человѣка? Я долженъ отвѣчать за чужія преступленія? Какъ только терпѣть миръ этотъ позорный обычай?“ Уже извѣстно, что доиъ Лопе называетъ законъ чести „глупымъ закономъ свѣта“. Рядомъ съ этими косвенными осужденіями нигдѣ мы не встрѣчаемъ у Кальдерона восхваленія кровавой мести. Это нужно признать разъ навсегда и уже не обвинять поэта въ томъ, въ чемъ онъ неповиненъ. Скорѣе мы должны оцѣнить проицательность испанскаго поэта, который задолго до нашихъ дней сьумѣлъ указать слабую сторону закона чести, ставящаго мое доброе имѣ въ зависимость отъ поступковъ другого человѣка. Въ этомъ отношеніи Кальдеронъ стоялъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, выше понятій современнаго ему общества, въ которомъ убійство жены мужемъ было самымъ обыкновеннымъ явленіемъ ¹⁾. Убивая оскорбительницу чести, мужъ все-таки не можетъ возстановить своего добра. имени, потому что онъ не въ силахъ уничтожить уже нанесенное ему оскорбленіе. Что кровь смываетъ оскорбленіе, это своего рода *petitio principii*. И если въ заключительныхъ сценахъ поступку героя выносятся иногда оправданіе, то вѣдь оправданіе не есть еще восхваленіе. Но установивъ тотъ фактъ, что кровавое отомщеніе Кальдеронъ не восхваляетъ нигдѣ и никогда, слѣдуетъ оцѣнить драматическое значеніе протеста героевъ противъ законовъ чести, на что никто еще не обратилъ вниманія. Если бы герой благоговѣлъ передъ закономъ, повелѣвающимъ ему

¹⁾ См. многочисленныя записки современниковъ, напримѣръ, *Avisos de Barrionuevo*, ч. II, стр. 174—175; 407 и т. д.

мстить, опъ совершилъ бы наказаніе преступной жены безъ малѣйшихъ колебаній: радостно навесъ бы онъ ей смертельный ударъ, зная, что убійство это есть жертва на алтарѣ уважаемаго божества. Но въ такомъ случаѣ почти весь интересъ трагедій сводился бы къ изображенію способовъ, какими мужъ открылъ измѣну жены и отмстилъ за это.

Несомнѣнно, трагедіи Кальдерона возбуждаютъ и этотъ интересъ, т. е. искусно составленная интрига ихъ занимаетъ читателя и помимо психологіи героевъ. Въ такомъ случаѣ герой страдалъ бы просто отъ оскорбленія чести, отъ наличности предосудительнаго поступка. Но если герой при этомъ видитъ всю бессмысленность закона чести, ставящаго доброе имя человѣка въ зависимость отъ поступковъ посторонняго лица, страданіе его, конечно, усугубляется. Ужасны оскорбленія чести, но еще ужаснѣе думать и сознавать, что законъ, заставляющій меня такъ страдать, самъ по себѣ негнѣный и безумный законъ. Охотно соглашуся, что протесты противъ закона чести могутъ быть объяснены христіанскими мыслями Кальдерона. Вполнѣ вѣроятно, что благочестивый поэтъ возмущался многими явленіями въ жизни современнаго ему общества. Но въ трагедіяхъ его протесты противъ закона чести имѣютъ не только это моральное значеніе. Они глубоко связаны съ самою сущностью драмы, усиливая трагичность положенія героевъ.

Такимъ образомъ, повторимъ въ заключеніе, идейная сторона трагедій чести у Кальдерона не можетъ вызывать особенно вѣскихъ возраженій. Недостатки ихъ исключительно технические, относящіеся къ области драматургіи.

А что касается трагедій „*Mayor monstruo los celos*“, „*Amar despues de la muerte*“ и „*El Alcalde de Zalamea*“, то въ нихъ нѣтъ и этихъ техническихъ недостатковъ.

Въ этихъ трехъ трагедіяхъ мы видимъ глубокое, правдивое изображеніе характеровъ, искусно составленную интригу и выдержанный драматическій стиль. Особенно ярко видны эти достоинства въ „Саламейскомъ алькальдѣ“, на которомъ главнымъ образомъ и понынѣ держится слава Кальдерона, какъ трагическаго поэта.

Д. Петровъ.

ПРОПОВѢДНИЧЕСКАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ АП. АНДРЕЯ И СВ. НИНЫ ВЪ ГРУЗИИ.

И. Св. Нина.

Въ изслѣдованіяхъ по исторіи Грузіи часто приходится читать жалобы на недостатокъ историческаго матеріала. Скудость памятниковъ и считается главнымъ образомъ причиною того, что грузинская исторія такъ мало разработана.

Конечно, нельзя сказать, чтобы у насъ въ изобиліи были историческіе памятники. Но жалобы на скудость до нѣкоторой степени преувеличены и неосновательны, такъ какъ мы еще не сумѣли воспользоваться и имѣющимися у насъ подъ руками матеріалами, мы не смогли опредѣлить степень достовѣрности, характеръ памятниковъ и не извлекли изъ нихъ всѣхъ необходимыхъ и важныхъ для исторіи Грузіи данныхъ. Можно съ увѣренностью сказать, что и на основаніи имѣющихся у насъ памятниковъ возможно сдѣлать и че, въ высшей степени любопытные выводы—быть можетъ этотъ опытъ, хотя отчасти, докажетъ справедливость этой мысли.

Матеріалы о св. Нинѣ и обращеніи Грузіи у насъ имѣются на грузинскомъ, греческомъ и армянскомъ языкахъ ¹⁾.

Грузинскіе матеріалы *Картліо цховреба*, *Chronique arménienne*, Грузинскій рай, изд. М. Сабинина, житіе св. Нины въ рукописи Азіатскаго Музея Академіи Наукъ за № 38 и наконецъ десять лѣтъ тому назадъ обнародованный Мокцевой Картлисай и Новый вариантъ житія св. Нины ²⁾. Мы не будемъ упоминать мелкихъ данныхъ, съ

¹⁾ И на коптскомъ, см. O. von Leshn, *Kleine Copf. Studien*, 1899 г. Это житіе ничего существенно новаго не даетъ.

²⁾ Этотъ памятникъ имѣлъ право называться „новымъ“ вариантомъ только

которыми приходится встрѣчаться въ различныхъ памятникахъ. Среди вышеупомянутыхъ матеріаловъ „Шатбердское житіе св. Нины“, какъ древнѣйшее, заслуживаетъ особеннаго вниманія.

Греческіе памятники, относящіеся къ интересующему насъ вопросу, восходятъ еще къ IV вѣку: Руфинъ, „Historia Ecclesiastica“, lib. I, cap. X; затѣмъ Сократъ, „Historia Scholastica“, lib. I, cap. XX; Созоменъ, „Historia Ecclesiastica“ lib. II, cap. VII, Θεοδοριτῆς, „Hist. eccles.“, lib. I, cap. XXIV.

Изъ этихъ историковъ важны для насъ только свѣдѣнія Руфина, (остальные повторяютъ слова Руфина же), какъ историка-современника обращенія Грузія въ христіанство, тѣмъ болѣе, что онъ передаетъ рассказъ грузинскаго царя Бакура, при которомъ Грузія приняла христіанство.

Изъ армянскихъ историковъ Моисей Хоренскій (М. Хорен. кн. II, гл. 22) довольно подробно рассказываетъ о жизни и трудахъ св. Нины. Житіе просвѣтительницы Грузія внесено и въ армянскіе синаксаріи подъ 19-мъ октября.

Изъ этого списка памятниковъ видно, что матеріаловъ у насъ довольно много, и притомъ они разнообразны. Намъ оставалось только приступить къ изслѣдованію этихъ памятниковъ; между тѣмъ наши историки, какъ до обнародованія „Шатбердскаго житія“, такъ и послѣ, обыкновенно повторяютъ только рассказъ лѣтописи „Картлис Цховреба“. Только изрѣдка сравниваютъ „Картлис Цховреба“ съ „Моїцеева Картлиса“ и „Шатбердскимъ житіемъ“, но и то для того, чтобы доказать достовѣрность рассказовъ перваго (Кар. Цх.) памятника. Изслѣдовать же самое Шатбердское житіе Нины, выяснитъ цѣнность сообщаемыхъ въ этомъ памятникѣ свѣдѣній, до сихъ поръ никому изъ занимавшихся этимъ вопросомъ и въ голову не приходило. Всѣ вѣрятъ ¹⁾, что Шатбердское житіе, какъ увѣряетъ самъ авторъ этого памятника, записано ученицами св. Нины со словъ про-

до тѣхъ поръ, пока не нашелся еще другой (а такой г. Жорданія уже открылъ), который справедливо пришлось бы назвать новѣйшимъ. Во избѣжаніе такихъ неудобствъ мы его будемъ называть „Шатбердскимъ житіемъ“, такъ какъ оно написано въ и. Шатберди.

¹⁾ Такъ думаетъ, напримѣръ, г. Такайшвили, см. Три историческія хроника (грузин.), стр. XCVI, также г. Хахановъ, Источники по введ. христ. въ Грузію. Древн. вост. Моск. археол. Общ. 1893 г. т. I, вып. III, стр. 333, 334, г. Жорданія, Хроника (грузин.) кн. I, стр. 106 прим.

повѣдницы и потому, какъ видно, не сомнѣваются въ подлинности и достовѣрности рассказываемаго въ Житіи св. Нины.

А, между тѣмъ, какой же историкъ теперь можетъ вѣрить свѣдѣніямъ историческаго памятника безъ его предварительной провѣрки? Это азбучное правило, извѣстное всѣмъ въ теоріи, но при примѣненіи такъ часто упускаемое изъ виду, должно быть примѣняемо къ такимъ памятникамъ, которые претендуютъ на особенную достовѣрность. Шатбердское житіе св. Нины относится именно къ этой категоріи.

Разсмотрѣніе этого житія мы начнемъ съ внѣшней стороны. „Текстъ Житія св. Нины въ «Картлисъ Мокцева», пишетъ г. Такайшвили¹⁾, раздѣленъ на 14 главъ, но нумерація главъ начинается съ четвертой главы и у предыдущихъ трехъ главъ нумерація отсутствуетъ. Смотря по заглавіямъ, первую главу составляетъ хроника «Картлисъ Мокцева», вторую — введеніе Житія св. Нины и третью — Житіе св. Нины до разсказа Саломе Ужармели“. Мы не знаемъ, гдѣ принято, чтобы два различныхъ памятника считались главами одинъ другого, но предположимъ, что авторъ Житія св. Нины считалъ такъ странно, если только это предположеніе поможетъ намъ въ будущемъ.

Г. Такайшвили и другіе изслѣдователи совершенно не замѣтили, что въ этомъ же Шатбердскомъ житіи за четвертой (см. „Новый вариантъ ж. Нины“, стр. 10) главой непосредственно слѣдуетъ глава шестая (ibid., стр. 20), а пятая совершенно отсутствуетъ, что за девятой главой (ibid., стр. 40) не десятая глава, какъ слѣдовало ожидать, а одинадцатая (ibid., стр. 49).

Они не замѣтили также, что въ Житіи нумерація отсутствуетъ не только въ началѣ, но и въ концѣ у двухъ главъ, у письма царя Миріана (ibid., стр. 68) и у завѣщанія царя Миріана (ibid., стр. 72). Тутъ, очевидно, хроника „Картлисъ Мокцева“ дѣлу не поможетъ, и объясненіе г. Такайшвили терять значеніе. Если мы оставимъ въ сторонѣ погоню за искусственными объясненіями, то послѣ разсмотрѣнія внѣшней стороны этого памятника можемъ сказать, что въ Шатбердскомъ житіи св. Нины нумерація главъ мѣстами перепутана, мѣстами же совершенно отсутствуетъ.

Но внимательное чтеніе этого памятника убѣдятъ изслѣдователя,

¹⁾ Такайшвили, „Новый вариантъ жит. Нины“ (грузин.), стр. XV.

что въ этомъ житіи не только нумерація перепутана, но и нѣкоторыя заглавія, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже порядокъ разказа долженъ быть измѣненъ; доказательствъ тому можно найти много, но мы ограничимся приведеніемъ только нѣкоторыхъ изъ нихъ; напри- мѣръ, на 36 страницъ Шатбердскаго житія (см. Новый вариантъ ж. Нины) мы читаемъ слѣдующее:

„Разрушилъ Госнодь Армаза и другихъ идоловъ... что писано выше въ завѣщаніи ея (Нины)“.

Это предложеніе называетъ какое-то завѣщаніе Нины, но ни одна глава Шатбердскаго житія не носитъ этого заглавія. Разрушеніе Армаза и другихъ идоловъ описывается въ главѣ шестой, передъ которой вынущена одна глава. Такъ какъ 6-я, равно какъ и 4-я главы считаются записанными однимъ и тѣмъ же лицомъ (Саломѣ Ужар-мели) и такъ какъ между этими двумя (6 и 4) главами существуетъ тѣсная логическая связь, 6-я глава составляетъ непосредственное продолженіе четвертой и заглавіе не кстати прерываетъ естественное теченіе разказа, то согласно со смысломъ вышеприведеннаго предложенія можно думать, что это повѣствованіе Житія св. Нины, которое теперь подѣлено на главы, нѣкогда было безъ дѣленій и носило одно общее заглавіе „Завѣщаніе св. Нины“. Достоинно вниманія, что въ „Картлясъ Цхонреба“, „Житіяхъ св. Нины“ по спискамъ Шюмгивскаго монастыря и Іоанина Крестителя эта именно часть не подѣлена на главы (см. *ibid.*, стр. 20¹ и стр. 10¹).

Второй отрывокъ касается животворящаго столпа (*ibid.*, стр. 44):

„И былъ видъ этого столпа страшный и поразительный, что писано выше. Когда же настало время поднять этотъ вышеупомянутый столпъ, плотники начали поднимать“.

Какъ изъ этого мѣста видно, страшный видъ столпа долженъ быть описанъ раньше этого отрывка, но и въ Шатбердскомъ житіи и во всѣхъ другихъ о животворящемъ столпѣ разсказывается въ концѣ Житія, а не въ началѣ. Этотъ отрывокъ, слѣдовательно, доказываетъ, что въ томъ Житіи св. Нины, откуда эта глава должна была быть взята, о животворящемъ столпѣ разсказывалось въ началѣ.

Далѣе Житіе разсказываетъ о приходѣ духовенства изъ Византіи (*ibid.*, стр. 50):

„Тогда прибыли послы изъ Греціи, архипастырь, священники и діаконы и пачали крестить (народъ), какъ выше писано“.

Выше же ничего не писано о прибытіи духовенства и крещеніи

народа. Это предложеніе также заставляет насъ предполагать, что въ древнѣйшемъ Житіи св. Нины порядокъ повѣствованія былъ иной, чѣмъ въ Шатбердскомъ.

„Тогда принесли, читаемъ мы (*ibid.*, стр. 3), письменныя принадлежности Саломѣ Ужармели и Перожавра Сюнійская, и начала говорить св. Нина, а онѣ писали“.

Писавшихъ было двѣ: по всей вѣроятности, когда одна уставала, начинала записывать другая; поэтому житіе Нины должно быть записано двумя особами. Съ главами, записанными Саломѣ Ужармели, мы встрѣчаемся нѣсколько разъ въ Шатбердскомъ житіи св. Нины, между тѣмъ какъ Перожавръ Сюнійской ничего не приписывается. Если бы в имени Саломѣ Ужармели не было упомянуто въ заглавіяхъ, тогда можно было бы подумать, что Шатбердское житіе упоминаетъ только имена записывавшихъ, но не обозначаетъ отдѣльно, что каждая изъ нихъ записала, но такъ какъ въ Житіи указываются труды одной, конечно, должны были быть труды и другой, но они не попали, повидному, въ Шатбердское житіе св. Нины.

И этихъ примѣровъ достаточно, чтобы убѣдиться, что кромѣ нумераціи въ Житіи и заглавія перепутаны и зміѣнены, что даже прежній порядокъ повѣствованія нарушенъ.

Оставимъ въ сторонѣ заглавія и нумерацію: вѣдь, Шатбердское житіе увѣряетъ насъ, что все въ точности записано со словъ св. Нины ученицами ея. Если это увѣреніе справедливо, то тогда на заглавія и нумерацію не слѣдуетъ обращать серьезнаго вниманія.

Утомленная проповѣдью и подвижнической жизнью, св. Нина лежала въ деревнѣ Боди на смертномъ одрѣ и прощалась со своей наставкой; тутъ собрались члены царскаго семейства, близкіе сотрудники и сотрудницы, которые разсиранивали Нину объ ея происхожденіи.

„Гдѣ было воспитаніе твое, царица, возвѣсти намъ дѣло твое, о какомъ плѣнѣ ты говоришь, о ты, желанная избавительница плѣнныхъ“ (*ibid.*, стр. 2).

Св. проповѣдница соглашается на просьбу своихъ ученицъ и начинаетъ разсказывать свою автобіографію, „чтобы знали, говорить св. Нина, и ваши дѣти о томъ, что вы увѣровали и приняли меня“.

Тогда принесли письменныя принадлежности Саломѣ Ужармели и Перожавра Сюнійская, и начала говорить св. Нина, а онѣ писали (*ibid.*, стр. 3). И видно писали дословно, послѣдовательно, въ Шатбердскомъ житіи сама Нина въ первомъ лицѣ разсказываетъ о своемъ

происхожденіи, дѣтствѣ и воспитаніи. Вышеприведенныя выписки изъ Житія ясно показываютъ, что какъ ученицы Нины, такъ и всѣ окружавшіе ничего не знали до послѣдняго часа о происхожденіи проповѣдницы, и что все это имъ приходилось слышать въ первый разъ. Однако, въ этой же книгѣ нѣсколькими страницами ниже сама Нина рассказываетъ, какъ на шестой день послѣ разрушенія идоловъ пришла къ ней дворцовая служительница Шрошана, которая разспросила ее объ ея путешествіи; Нина рассказала ей подробно о себѣ, и этотъ рассказъ настолько подѣйствовалъ на слушавшую, что у Шрошаны полились слезы изъ глазъ (*ibid.*, стр. 26). Это мѣсто замѣтно противорѣчить тѣмъ двумъ выпискамъ, которыя мы привели выше, и показываетъ также, что паства Нины еще за долго до послѣднихъ дней проповѣдницы знала объ ея происхожденіи, что Нина на первыхъ же порахъ рассказала свою біографію. Такъ или приблизительно такъ и должно было случиться на самомъ дѣлѣ. Если даже то мѣсто, откуда мы привели послѣднюю выписку, признать подложнымъ или позднѣйшей добавкой, то и тогда мы можемъ съ увѣренностью сказать, что грузины, современники Нины, знали объ ея происхожденіи, въ особенности послѣ обращенія Грузіи въ христіанство. Развѣ не личностью и происхожденіемъ проповѣдницы стали бы интересоваться прежде всего вновь обращенныя ученицы, а сама Нина развѣ стала бы скрывать свое происхожденіе послѣ того, какъ грузины приняли христіанство? Нина, конечно, могла скрывать въ первое время, когда грузины были еще язычниками, но послѣ того, какъ царь со своимъ семействомъ и большинство народа преклонились предъ новой религіей и Нинѣ, какъ святой, оказывали уваженіе, какія же, собственно, соображенія могли мѣшать ей рассказать всю свою біографію подробно для назиданія? Никакія,—это вполне очевидно. Она рассказала бы всякому, кто интересовался, а интересующихся, можно думать, было много; и не было бы никакой надобности рассказывать Нинѣ передъ смертью о своей жизни. Авторъ же Шатбердскаго житія увѣряетъ насъ, будто царское семейство и ученицы только передъ смертью разспрашивали св. Нину. И почему это вадумалось имъ задавать такіе вопросы передъ смертью, когда ей оставалось жить нѣсколько дней, быть можетъ всего нѣсколько часовъ? А авторъ Житія столько заставляетъ говорить умирающую проповѣдницу, что даже одинъ человѣкъ не въ силахъ записать всего,—Саломѣ Ужармели и Перожавра Сюнійская поочередно писали за рассказчицей.

И такъ, увѣренія автора Шатбердскаго житія, будто это Житіе за-

писано передъ смертью Нины со словъ ея, мало или, лучше сказать, совсѣмъ невѣроятно. Объ этомъ намъ еще придется говорить ниже, и тогда еще яснѣе увидимъ основательность того заключенія, къ которому мы пришли. А теперь мы должны рассмотреть тѣ главы, которыя въ Житіи приписываются сотрудникамъ или сотрудницамъ св. Нины. И въ этомъ случаѣ мы должны проверить, насколько основательно приписываются эти главы современникамъ проповѣдницы.

Вслѣдъ за разсказомъ Нины идетъ сказаніе о Хитонѣ, написанное Сидоніей, дочерью священника Абіатара, но мы пока оставимъ разборъ этого сказанія и перейдемъ прямо къ изученію тринадцатой главы Житія св. Нины.

Тринадцатая глава о честномъ крестѣ приписывается священнику Іакову, который прибылъ вмѣстѣ съ другими изъ Греціи. Онъ былъ больше всѣхъ приближенъ къ Нинѣ, которая, умирая, завѣщала архіепископу, чтобы онъ назначилъ замѣстителемъ своимъ Іакова. Когда воздвигали честный крестъ, Нина со священствомъ еще находилась въ Мцхетѣ; только послѣ воздвиженія отправилась Нина проповѣдывать въ различныхъ областяхъ Грузіи (см. *ibid.*, всю главу 13, особенно стр. 55 и 59).

Поэтому Іаковъ долженъ былъ быть очевидцемъ воздвиженія честнаго креста, а его разсказъ—разсказомъ очевидца. И, дѣйствительно, изъ этого сказанія ясно видно, что разсказчикъ во всемъ самъ принималъ участіе (*ibid.*, стр. 56—59): „и срубили мы это (дерево) въ мѣсяцъ мартѣ... тогда-то мы начали спрашивать блаженную Нину“.

„А этотъ... честный крестъ мцхетскій взяли мы руками бранными (соб. человѣческими) и мы пришли подъ этотъ холмъ... и провели мы ночь въ бдѣніи и молились Богу“...

„И положила она (Нина) на одинъ камень и сказала мнѣ“.

Эти строки могъ написать только очевидецъ, который самъ былъ даже активнымъ дѣятелемъ. Но странно то, что почти въ самомъ началѣ же этого сказанія мы читаемъ такую фразу, которая прямо противорѣчитъ всѣмъ вышеприведеннымъ выпискамъ (*ibid.*, стр. 56):

„Тогда воздвигли (дерево это) на основаніи (ѣ) у южныхъ церковныхъ дверей и дулъ отъ водъ (рѣки) вѣтерокъ и колыхалъ листья этого дерева и качалъ вѣтки его и былъ видъ дерева прекрасенъ и приятенъ, какъ мы по наслышкѣ знаемъ объ этомъ кипарисовомъ деревѣ“.

„Какъ мы по наслышкѣ знаемъ“, говоритъ священникъ Іаковъ

который двумя строками ниже увѣряетъ насъ: „мы обрѣзали (это дерево) въ мартѣ мѣсяцѣ“. Если они срубили дерево и оны принималъ участіе, или присутствовалъ только, къ чему тогда „какъ мы по наслышкѣ знаемъ“? Онъ былъ очевидцемъ, и ему никакой надобности не было слышать объ этомъ.

Первое, что можно сказать, это то, что авторъ того предложенія, которое мы въ послѣдній разъ привели, конечно, не можетъ быть авторомъ всѣхъ другихъ вышеприведенныхъ. Ясно также, что Іаковъ не высказалъ бы о себѣ двухъ совершенно одна другой противорѣчащихъ мыслей. Это сказаніе или составлено изъ двухъ различныхъ источниковъ, или же одинъ какой-нибудь источникъ передѣланъ, но передѣланъ совершенно неумѣло.

Значить, сказаніе о честномъ крестѣ, помѣщенное въ Шатбердскомъ житіи, не можетъ принадлежать Іакову, и его имя какъ автора неосновательно указывается въ заглавіи Житія.

Мы убѣдились, что всѣ тѣ части Шатбердскаго житія св. Нины, которыя приписываются различнымъ современникамъ Нины, сильно искажены и переработаны, а все предисловіе или введение Житія сочинено, подложно.

Конечно, мы не можемъ послѣ этого и все Житіе признать нѣкуда негоднымъ, лишениымъ всякаго историческаго значенія, такъ какъ введеніе Житія можетъ быть позднѣйшей добавкой, а въ переработанныхъ и искаженныхъ главахъ могутъ оказаться драгоцѣннѣйшія свѣдѣнія, сохранившіяся изъ древняго Житія, быть можетъ, написаннаго современникомъ.

Поэтому теперь мы должны выяснитъ достовѣрность сообщаемыхъ въ Житіи фактовъ и сравнительную ихъ древность. Для облегченія работы раздѣлимъ все Житіе св. Нины на нѣсколько частей и рассмотримъ каждую часть отдѣльно:

- 1) Происхожденіе св. Нины, рожденіе ея и воспитаніе до 12 лѣтъ.
- 2) Проповѣдническая дѣятельность Нины въ Византіи до прихода въ Грузію.
- и 3) Приходъ Нины въ Грузію, проповѣдь и обращеніе народа въ христіанство.

Начнемъ съ первой части. — Во время ¹⁾ мученической кончины

¹⁾ Въ Житіи св. Нины, въ рук., прии. Азіат. Музею, № 39, говорится, что Георгій Каппадокійскій былъ другомъ Завулана: „былъ нѣкій человекъ (Завуланъ) сообщившій и другъ св. мученика (Георгія)“. Въ исторіи Грузіи Вахушта эта дружба обратилась

Георгія Каппадокійскаго въ Каппадокіи жилъ вѣткій юноша Завулонъ, который отправился въ столицу на службу царю. Въ это время „Бранджи“ напали на византійцевъ, но Богъ даровалъ этому каппадокійцу юношѣ силу непобѣдимую и... онъ обратилъ ихъ въ бѣгство. Плѣнные „Бранджи“ приняли христіанство, а благодаря просьбѣ Завулона спаслись отъ смерти. Завулонъ виѣстѣ съ „Бранджами“ отправился въ страну бранджскую для обращенія всего народа въ христіанство, откуда онъ съ большими подарками и богатствомъ вернулся въ столицу. Но не любя была ему придворная жизнь, оставилъ онъ столицу и отправился съ Іерусалимъ на поклоненіе св. мѣстамъ. Этотъ Завулонъ былъ отецъ Нины.

Въ это же время жилъ вѣткій человекъ, у котораго было двое дѣтей: сынъ Ювеналій — онъ затѣмъ становится іерусалимскимъ патріархомъ согласно Житію, — и дочь Суссана, которая во время патріаршества брата своего жила въ Іерусалимѣ при немъ. Прибывшій въ Іерусалимъ на поклоненіе Завулонъ сватается за Суссану и женится на ней. Св. Нина была дочь Завулона и Суссаны.

Когда Нинѣ было двѣнадцать лѣтъ, родители ея продали все свое имущество, и Завулонъ сталъ пустынникомъ, а Суссана, по назначенію брата ея, іерусалимскаго патріарха, должна была прислуживать бѣднякамъ.—Здѣсь прекратимъ мы передачу содержанія Житія.

Легко догадаться, что мученичество Георгія Каппадокійскаго въ этомъ житіи играетъ роль даты года рожденія св. Нины, а патріархъ Ювеналій и побѣдоносный полководецъ Завулонъ, просвѣтитель „Бранджовъ“, должны намъ показывать высокое происхожденіе и блестящую родословную св. проповѣдницы.

Что касается мученичества Георгія Каппадокійскаго, то едва ли оно можетъ намъ помочь опредѣлить годъ рожденія св. Нины, такъ какъ неизвѣстно, сколько прошло лѣтъ отъ мученичества Георгія до брака Завулона и Суссаны, или до избранія Ювеналія въ патріархи, а безъ этихъ данныхъ вѣдь совершенно невозможно высчитать годъ рожденія Нины.

Въ Шатбердскомъ житіи есть нѣсколько хронологическихъ данныхъ, которыя хотя и не имѣютъ прямого отношенія къ году рожденія св. проповѣдницы, но съ помощью которыхъ, быть можетъ,

уже въ родство (стр. 56): „Былъ мужъ въ Каппадокіи, родственникъ св. Георгія, правитель и рабъ Божій Завулонъ“... Вотъ, маленький и яркій примѣръ того, какъ легко искажаются историческія свидѣнія.

удастся вычислить дату. Эти хронологическія данныя касаются прибытія св. Нины въ Грузію и ея смерти (*ibid.*, стр. 30).

„До пришествія Христа прошло 5500 ¹⁾ лѣтъ, отъ Рождества Христова до распятія 33 и отъ распятія до крещенія греческаго царя Константина 311, четырнадцать лѣтъ спустя была явлена въ страну нашу проповѣдница истины, Нина, царица наша“.

Изъ этого отрывка видно, что вся хронологія въ житіи св. Нины основана на годѣ крещенія царя Константина, — отъ правильности этой даты зависить точность и вѣрность остальныхъ.

Отъ Рождества Христова до распятія	33
Распятія до крещенія Константина	311
„ Рождества Христова до крещенія Константина .	344

Итакъ, по Шатбердекому житію крещеніе Константина было въ 344 году по Р. Хр., т.-е., спустя семь лѣтъ послѣ его смерти.

Спустя 14 лѣтъ прибыла Нина въ Грузію, или въ $[344 + 14 =]$ 358 году по Р. Хр. Значить св. Нина умерла въ $[358 + 15 =]$ 373 г. по Р. Хр. Если Нина въ 358 году прибыла въ Грузію, тогда царь Мирианъ отправилъ бы въ Византію пословъ въ $[358 + 8 =]$ 366 году, потому что царь Мирианъ увѣровалъ во Христа на 7-мъ году ²⁾ послѣ прихода св. Нины въ Грузію, и только годъ спустя отправлены были послы къ Константину.

Очевидно, что всѣ эти даты должны быть невѣрны, такъ какъ годъ крещенія Константина, на которомъ основано вычисленіе, взятъ явно не точно. Напримѣръ, если бы грузины послали пословъ въ Византію въ 366 году, то, очевидно, посольство было бы отправлено не къ Константину, который скончался уже въ 337 году, такъ какъ въ продолженіе 29 лѣтъ въ Грузіи могли бы узнать о смерти Константина.

Между тѣмъ и Шатбердское житіе св. Нины и остальныхъ, также „Мокцеваѣ Карглісай“, согласно увѣряють, что посольство было послано именно къ Константину. Можно предположить, что имя Константина въ древнѣйшемъ житіи не встрѣчалось и добавлено къ-мъ-набуду лишь впоследствии; но такое предположеніе будетъ совершенно неосновательно, такъ какъ современникъ обращенія Грузіи, византійскій истор-

¹⁾ Объ этомъ см. Джанашвили, *Абадига*, стр. 43, 68.

²⁾ См. Такайшвили, *Три истор. хрон.*, стр. 20.

³⁾ *Ibid.*, стр. 45.

рякъ IV вѣка Руфинъ, рассказывающій со словъ грузинскаго царя Бакура, также подтверждаетъ свѣдѣнія грузинскихъ источниковъ, — вотъ что говоритъ онъ:

„Postea vero quam Ecclesia magnifice constructa est et populi fidem Dei majore ardore sitlebant, captivae monitis ad Imperatorem Constantinum totius gentis legatio mittitur“... (Historia eccl., lib. I, cap. X, Patr. lat. 21).

„Послѣ того какъ церковь была великолѣпно построена и племена сильно жаждали вѣры Бога, по совѣту плѣнницы къ императору Константину отправляется отъ всего народа посольство“.

А разъ посольство было отправлено къ Константину, то, конечно, отправленіе могло состояться до 337 года, когда онъ умеръ.

Если мы предположимъ, что Миріанъ послалъ вѣстниковъ именно въ послѣдній годъ жизни императора Константина, тогда прибытіе Нины въ Грузію на основаніи свѣдѣній Мокц. Карглиса⁴ и Шатбердскаго житія должно было случиться въ (337—338) 329 году, т.-е. ровно (358 — 329) 29-ю годами раньше того года, который указывается Шатбердскимъ житіемъ. По нашему вычисленію годомъ смерти также можно считать (329 + 15) 344 годъ, а не 373-й, какъ показывается Житіе св. Нины.

Итакъ, хронологическія данныя Шатбердскаго житія, какъ относительно прихода св. Нины въ Грузію и смерти ея, такъ и относительно Константина, совершенно неточны. Но не въ лучшемъ положеніи находятся свѣдѣнія Мокцеваго Карглисай: одна дата противорѣчитъ другой и всѣ вмѣстѣ тѣмъ вычисленнымъ даннымъ, которыя должны считаться за наиболѣе вѣроятныя.

Св. Нина скончалась послѣ прибытія ея въ Грузію на четырнадцатомъ году я отъ вознесенія Христова на 338 (*Три Хроники*, стр. 20) году, а отъ сотворенія міра въ 5838 году. 5838—5500 ¹⁾—338 по Р. Х.: въ этомъ году скончалась Нина, если за основаніе принять годъ отъ сотворенія міра.

338 + 33 = 371 по Р. Х.: въ этомъ году скончалась Нина, если считать отъ Рождества Христова.

358 + 15 = 373 по Р. Х.: въ этомъ году скончалась Нина, если считать отъ года ея прибытія въ Грузію.

¹⁾ См. выше, стр. 86, и Джанашвили, *Лѣтдѣяніе*, стр. 43, 68.

Это явное противорѣчіе другъ съ другомъ хронологическихъ данныхъ ясно показываетъ, что они совершенно непригодны и, конечно, съ такими датами вычислить года рожденія Нины нельзя.

Мы оставимъ эту хронологию—съ ней ничего не удастся сдѣлать—и приступимъ къ разсмотрѣнію родословной св. Нины. Отецъ и дядя Нины были выдающимися людьми своего времени: первый былъ побѣдоноснымъ византійскимъ полководцемъ, сокрушившимъ „Бранджовъ“, второй же—главою церкви Христовой, іерусалимскимъ патриархомъ. И церковная исторія, и свѣтская должны дать намъ о нихъ свѣдѣнія, потому что исторія рѣдко забываетъ побѣдоносныхъ пожей и архипастырей церкви. Еще покойный грузиновѣдъ *Броссе* ¹⁾ указалъ, что въ IV вѣкѣ ни одинъ іерусалимскій архипастырь имени Ювеналія не носилъ. Между тѣмъ важно, что не только въ это время Ювеналія не было, въ IV вѣкѣ въ Іерусалимѣ даже еще патриарха не существовало. Только послѣ вселенскаго собора въ Ефесѣ (431 г.), когда соборъ пастырей церкви отвергъ требованіе іерусалимскаго архіепископа Ювеналія о томъ, чтобы въ Іерусалимѣ была учреждена патриаршья каѳедра, императоръ Θεодосій II ²⁾ своимъ рескриптомъ даровалъ Ювеналію санъ патриарха іерусалимскаго.

Такимъ образомъ, если бы даже въ Іерусалимѣ въ IV вѣкѣ и былъ архипастыремъ Ювеналій, т.-е. если бы даже дядя Нины былъ дѣйствительно историческимъ лицомъ, то и тогда, конечно, Житіе не должно было называть его патриархомъ, каковой санъ былъ учрежденъ только въ V столѣтіи. Теперь мы не можемъ, конечно, вѣрить въ существованіе Ювеналія, дяди св. Нины, въ его санъ и личность; вся эта исторія должна быть легендой очень поздняго происхожденія. Можно даже приблизительно опредѣлить время внесенія этой легенды въ житіе св. проповѣдницы. Для того, чтобы лицо V вѣка отнести къ IV и одарить его саномъ, тогда несуществовавшимъ, должно было пройти довольно много времени со дня самыхъ событій, съ другой стороны, такъ какъ въ *Мокцевай Карѣлисай* встрѣчается еще одинъ, подобный грубый анахронизмъ [столицею сасанидскихъ царей называется Багдадъ ³⁾] и въ Шатбердскомъ житіи—дру-

¹⁾ См. *Hist. de la G.*, стр. 92, пр. 1.

²⁾ См. Kurz, *Lehrbuch der Kirchengeschichte*, стр. 193.

³⁾ Такайтвили, *Три Хроникъ*, стр. 85 и Христ. Чтеніе, 1898 г., статья Болотова, стр. 255.

гой [Миріанъ говоритъ на ново-персидскомъ языкѣ ¹⁾], то съ нѣкоторой вѣроятностью можно и внесеніе легенды о дядѣ св. Нины отнести ко времени внесенія двухъ послѣднихъ анахронизмовъ, а именно къ VIII—IX вѣку.

Какъ косвенное доказательство того, что дядя Нины не только не былъ іерусалимскимъ патриархомъ, но и вообще выдающимся іерархомъ въ іерусалимской епархіи, можно привести то соображеніе, что Нина посылаетъ вѣстниковъ съ извѣщеніемъ объ обращеніи Грузин и съ просьбой выслать священниковъ не въ Іерусалимъ, а въ Византію.

Личность отца св. Нины, побѣдоноснаго вождя, также не извѣстна византійской исторіи: ни имя Завулонъ, ни побѣда надъ „Бранджамъ“ въ ней не упоминаются.

Броссе предполагалъ, что описанная въ Житіи св. Нины битва съ „Бранджамъ“ можетъ быть сопоставлена съ битвой Константина съ франками (306 г.). И въ нашей древней литературѣ иногда подъ „бранджамъ“ понимаются франки, напримѣръ, рукопись № 131 Церковнаго музея ²⁾: „Бранджи—это франки“... „Но въ то время было отпаденіе франковъ“ (рукопись № 39 Азіатскаго музея Академіи Наукъ).

Но за исключеніемъ сходства въ этомъ имени нѣтъ ничего больше, напоминающаго сраженіе Константина съ франками: во-первыхъ, въ этой битвѣ не видно никакого Завулона, затѣмъ франкскіе цари не только не были освобождены, но, напротивъ, были преданы на растерзаніе звѣрямъ въ амфитеатрѣ ³⁾, а о принятіи плѣнными франками христіанства въ византійской исторіи и рѣчи нѣтъ, такъ какъ извѣстно, что франки только въ концѣ V вѣка стали христіанами ⁴⁾. Таковы свѣдѣнія Шатбердскаго житія объ отцѣ и дядѣ св. Нины. Конечно, и говорить нечего, что эти свѣдѣнія не могутъ исходить ни отъ самой Нины, ни отъ ученицъ, или современниковъ ея.

Итакъ, исторія не знаетъ Завулона и Ювеналія; по, что замѣчательно, ихъ не знаетъ и *Мощевая Картиласай*, лѣтопись, которая въ рукописи находится рядомъ съ Шатбердскимъ житіемъ св. Нины; видно, въ то время, когда писалась эта лѣтопись, еще не существовало легенды о родителяхъ и дядѣ Нины, такъ какъ трудно допустить, чтобы лѣтописецъ, зная объ этомъ, могъ выпустить эти

¹⁾ Н. Марръ, *Хитонъ Господень*, стр. 72, пр. 1.

²⁾ Жорданія, *Хроники*, т. I, стр. 82, пр. 66.

³⁾ Le Beau, t. I, стр. 42.

⁴⁾ Kurz, *Lehrbuch der Kirchengeschichte*, т. II, стр. 12.

свѣдѣнія. Мокцовой Картілисаи выражается о Нинѣ вполне категорично (см. Такайшвили, *Три Хроники*, стр. 14):

„И была... плѣнница, нѣкая женщина прекрасная, по имени Нина“.

Она называется „нѣкою плѣнницей“, въ чемъ соглашаются также свѣдѣнія византійскаго историка Руфина:

„Per idem tempus etiam Iberorum gens quae sub axe Pontico jacet, verbi Dei foedera et fidem futuri susceperat regni. Sed huius boni praestitit causam mulier quaedam captiva“... (Rufinus, *Hist. Eccl.*, lib. I, cap. X).

„Въ то же время племя Иберійское, которое поселено по Понтійскому побережью, приняло заповѣдя (собственно, договоры) слова Божья и вѣру будущаго царства. Причиной такого блага была преимущественно нѣкая плѣнная женщина“.

Въ такихъ же, приблизительно, выраженіяхъ излагаютъ событіе и всѣ остальные византійскіе историки. Какъ видно, въ IV вѣкѣ и тѣ грузины, которые присутствовали при обращеніи Грузіи въ христіанство, ровно ничего не знали о блестящемъ происхожденіи св. проповѣдницы.

Если бы Бакуръ слышалъ, что отецъ Нины побѣдоносный византійскій полководецъ, то онъ не забылъ бы этого, а тѣмъ скорѣе сообщилъ бы опъ самому византійскому историку Руфину, который, конечно, съ своей стороны постарался бы отмѣтить, что св. Нина, проповѣдница христіанства въ Грузіи, была дочерью знаменитаго византійскаго полководца.

Напротивъ, употребленное Руфиномъ „*quaedam*“ показываетъ, что кто бы ни были родители Нины, они не должны были во всякомъ случаѣ быть высокаго происхожденія.

Изъ этому нужно добавить, что и Моисею Хоренскому или его источнику неизвѣстны родители и дядя просвѣтительницы Грузіи:

„Нѣкая женщина, по имени Нунэ изъ подругъ св. Рипсиміи“¹⁾.

Даже въ томъ же Шатбердскомъ житіи, которое такъ увѣряетъ насъ, что родители и дядя Нины были выдающимися людьми, даже и тамъ можно найти слѣды того, что и въ Житіи Нина нѣкогда называлась простою плѣнницей (стр. 2):

¹⁾ М. Хоренскій, *Исторія*, (арм.) 1881, Тифлисъ, стр. 253.

„Какъ говоришь, что-де я плѣнница. Возвѣсти намъ дѣло твое, о какомъ ты плѣнѣ говоришь, о, избавительница плѣнныхъ“.

„Господи Іисусе Христе, въ котораго вѣруемъ мы отъ плѣнницы этой... Прибыла эта блаженная женщина... святая Нина впервые ¹⁾ какъ плѣнница, какъ чужестранка“...

Но и въ этихъ нѣсколькихъ мѣстахъ смыслу приданъ отчасти мной отгѣнокъ, напримѣръ, во второмъ предложеніи. Хотя именно это старательное желаніе измѣнить смыслъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ Нина называется плѣнницей, еще болѣе убѣждаетъ насъ, что въ житіи нѣкогда Нина называлась „нѣкоей плѣнницей“. Быть можетъ, для того и выдуманъ въ Шатбердскомъ житіи совершенно нейтральный случай, будто Нина только передъ смертью сняла съ себя маску и объявила впервые о своей личности, чтобы придать болѣе вѣру рассказамъ о блестящей роднѣ св. проповѣдницы; грузинскаго читателя или слушателя, которому было извѣстно, что Нина плѣнница, только рассказъ самой Нины могъ увѣрить въ достовѣрности повѣствованія и того, будто Нина сама скрывала свое происхожденіе.

Таково, думается намъ, назначеніе и смыслъ введенія Шатбердскаго житія, тенденціозности котораго (введенія) авторъ Житія не сумѣлъ удачно замаскировать. Здѣсь можно подвести итоги того, что было сказано о первой части Шатбердскаго житія:

Кто была св. Нина по происхожденію, по званію, намъ не извѣстно. Можно только сказать, что родители и родня ея была не такого высокаго происхожденія, какъ Завулонъ и Ювеналій; напротивъ, быть можетъ родня Нины была до того незначительна по положенію, что современники (Бакуръ, Руфинъ) даже не обратили особеннаго вниманія и не передали потомству свѣдѣній о нихъ.

Нана была плѣнницей — вотъ все, что знаютъ о ней Руфинъ, авторъ *Мокцевай Карилісай* и Моисей Хоренскій.

Только, по всей вѣроятности, съ VIII — IX вѣка, быть можетъ нѣсколько раньше появляются имена родни Нины и рассказы о ней (роднѣ), но имена выдуманы и рассказы съ начала до конца сказочны, легендарны.

Вторая часть касается проповѣднической дѣятельности Нины въ Византіи.

¹⁾ Объ этомъ Джанашвили, *Лівадіна*, стр. 74.

Въ то время ¹⁾, когда мать Нины по приказанію своего брата, мнимаго патріарха, въ Іерусалимѣ прислуживала бѣднякамъ, дочь ея жила и воспитывалась у одной армянки изъ Двина; она рассказывала часто о жизни Іисуса Христа, о крестныхъ Его страданіяхъ и между прочимъ объ участи хитона Господня. Когда Нина подросла, изъ Ефеса прибыла прислужница царицы Елены и сообщила Нинѣ, что царица жаждетъ вѣры Христовой. Нина, получивъ благословеніе отъ дяди-патріарха, отправляется съ прислужницей Елены, чтобы проповѣдывать царицѣ Еленѣ христіанство. Прислужница привела Нину въ свой домъ, гдѣ оказалась царица Рипсимэ, которая ожидала крещенія изъ Іерусалима. Нина крестила Рипсимэ и со-рокъ подругъ ея и пробыла у нихъ два года.

„Тогда призрѣлъ Господь Грецію и увѣровалъ царь Константиинъ и исповѣдали Христа онъ и мать его и весь дворъ ихъ отъ сотворенія міра 5444 г., а отъ вознесенія Христа 311 г. и обратилась вся Греція въ христіанство“.

„На седьмой годъ былъ святой соборъ въ Никее и на восьмой было бѣгство наше изъ Греціи, Рипсимэ и воспитательница Гаіанэ и 50 душъ отправились“ (Новый вариантъ ж. Нины стр. 13, 14).

Когда всѣ онѣ прибыли въ Арменію, Рипсимэ и Гаіанэ были замучены тамъ, а Нина бѣжала въ Грузію.

Съ перваго раза эта часть производитъ на читателя впечатлѣніе несомнѣннаго историческаго факта, хотя и въ этой части много непонятнаго и страннаго.

Непонятно, напримѣръ, почему Нина живетъ не у матери, а у армянки изъ Двина; если мать Нины могла прислуживать бѣднякамъ, то ужели она не могла воспитывать, кормить свою единственную дочь. Страннымъ кажется также поступокъ прислужницы царицы Елены и Нины: отправилась Нина съ прислужницей для того, чтобы проповѣдывать Еленѣ христіанство, она просила разрѣшенія у своей воспитательницы отпустить именно съ этой цѣлью ²⁾, и вдругъ читаемъ, что прислужница привела дѣвушку къ себѣ въ домъ, гдѣ оказывается царица, но не Елена, а Рипсимэ, „которая ожидала изъ Іерусалима крещенія и желала исповѣдать Христа“ (ibid., стр. 13).

Такимъ образомъ, вмѣсто царицы Елены, для обращенія которой

¹⁾ Такайшвили, *Новый вариантъ житія Нины*, стр. 11—14.

²⁾ Такайшвили, *Новый вариантъ житія Нины*, стр. 12.

въ христіанство Нина отправилась, появляется царица Рипсимэ; оказывается, она-то и ожидала крещенія изъ Іерусалима.

Шатбердское житіе совершенно забываетъ объ Еленѣ и ничего не говоритъ намъ, проповѣдовала ли Нина передъ ней, или нѣтъ. Хотя въ житіи и сказано: „призрѣвъ Господь Грецію и увѣровалъ царь Константиъ и исповѣдалъ Христа опъ и мать его“... по отсюда еще далеко нельзя заключить, причастна ли Нина къ этому обращенію?

Очевидно, что Шатбердское житіе главное вниманіе обращаетъ на Рипсимэ: потому оно заставляетъ дивнскую ариянку воспитывать Нину, потому нарушаетъ логическое теченіе разсказа и вмѣсто Елены неожиданно выводитъ на сцену Рипсимэ. По этой причинѣ и намъ слѣдуетъ обратить вниманіе на бѣгство Нины и Рипсимэ съ подругами изъ Греціи и на мученичество Рипсимэ и Гаіане въ Арменіи.

Въ этой части Житія есть нѣсколько хронологическихъ данныхъ; къ разсмотрѣнію ихъ-то мы и обратимся. Оставимъ въ покоѣ годъ обращенія Константина: онъ неправиленъ, какъ мы убѣдились выше. Въ Житіи сказано: на седьмой годъ (отъ обращенія Константина) былъ святой соборъ въ Никей и на восьмой было бѣгство наше изъ Греціи.

Значить, бѣгство Нины и Рипсимэ было годъ спустя послѣ Никейскаго собора, т.-е. въ (325+1=) 326 году; въ это время императоромъ Византіи былъ Константиъ, христіанству была предоставлена свобода (даже соборъ былъ дозволенъ) и невозможно допустить, чтобы онѣ укрывались и были гонимы, какъ христіанки, а тѣмъ болѣе замучены. Въ Житіи Григорія Просвѣтителя, гдѣ разсказывается про это бѣгство, оно случается при Діоклетіанѣ, который-де хотѣлъ жениться на Рипсимэ. Ниже мы увидимъ, насколько основательна и эта причина мученичества Рипсимэ и ея подругъ; а пока можно сказать, что если онѣ были гонимы и замучены за христіанство, то во всякомъ случаѣ бѣгство ихъ со всѣми послѣдствіями должно было случиться гораздо раньше 326 года, такъ какъ въ то время въ Византіи царствовалъ Константиъ, а въ Арменіи въ это время по крайней мѣрѣ уже было принято христіанство, и мучить за вѣру христіаннѣе Тиридатъ не могъ.

И такъ годъ бѣгства Нины изъ Греціи совершенно невѣренъ, и, конечно, онъ ни Ниной, ни современникомъ или современницей ея не можетъ быть сообщенъ. Напротивъ, нарушеніе логическаго теченія

повѣствованія относительно отправленія Нины съ прислужницей въ Грецію, заставляетъ насъ думать, что вся эта исторія возникла впоследствии, послѣ Нины. Эта мысль становится болѣе убѣдительной послѣ того, какъ мы рассмотримъ зависимость житія Рипсимэ и Гаганэ отъ обращенія Арменія. Этому вопросу давно коснулся нѣмецкій ученый von Gutschmid ¹⁾, доказывавшій, что между этими двумя произведеніями въ древности не существовало никакой зависимости. Этотъ извѣстный ученый не приводитъ такихъ доводовъ, которыхъ нельзя было поколебать и опровергнуть. Напримѣръ, онъ думаетъ, что разъ Тиридатъ ничего не говоритъ о Діоклетіанѣ и его посланіи, когда самъ приказываетъ разыскивать Рипсимэ, то будто бы это доказываетъ несуществованіе самого посланія. Но на это можно возразить, что Тиридатъ, которому заочно поправилась Рипсимэ, согласно съ предложеніемъ Діоклетіана, искалъ уже не для греческаго императора, а для себя ²⁾. Не трудно дать объясненіе и относительно имени Рипсимэ.

Для рѣшенія вопроса главное значеніе имѣетъ письмо императора Діоклетіана къ Тиридату, такъ какъ изъ него мы узнаемъ, по какой причинѣ преслѣдуетъ Рипсимэ вначалѣ Діоклетіанъ, а потомъ армянскій царь, такъ какъ только это письмо соединяетъ двѣ части мученичества св. дѣвъ, греческую и армянскую.

Въ то время, какъ Діоклетіанъ всенародно объявилъ о своемъ бракѣ и призвалъ почетныхъ гостей къ придворному пиру, невѣста его Рипсимэ съ подружками тайно бѣжала въ Арменію. Діоклетіанъ во все концы разослалъ гонцовъ въ погоню, чтобы они вернули его невѣсту обратно, и онъ отпраздновалъ бы свадьбу. Посланцы императора прибыли въ Арменію и царю Тиридату подали письмо Діоклетіана. Онъ сообщалъ, что собирался жениться на Рипсимэ и отпраздновать всенародно это торжество; письмо заканчивалось такъ: „обольстительную красавицу пришли ко мнѣ сюда, но если понравится тебѣ красота ея (соб. видъ красоты), оставь ее при себѣ, такъ какъ нигдѣ въ Греціи не найдется подобной ей“ [Агаѳангелъ (арм.), Тифлисъ, стр. 99]. Согласно съ письмомъ Діоклетіана Тиридатъ желаетъ Рипсимэ себѣ въ жены и приказываетъ тщательно разыскивать ее.

Это письмо съ начала до конца подложно: стиль и содержаніе

¹⁾ Zeitschr. d. d. Ml. Gesellschaft, 31 B., стр. 1—60: *Agathangelos*, особ. стр. 84, 85.

²⁾ Агаѳангелъ (арм.), (Тифлисъ) стр. 103, 107.

ясно доказываютъ это. Развѣ возможно допустить, чтобы царь, который собирается жениться и готовится къ свадебному торжеству, уступилъ свою невѣсту другому? Уже-ли Діоклетіанъ для того только потравожилъ своихъ подданныхъ, разославъ гонцовъ во всѣ стороны, чтобы предложить отыскавшему его невѣсту жениться на ней?...

Подложность этого письма до того очевидна, что нѣтъ надобности въ новыхъ доказательствахъ ея. А разъ письмо Діоклетіана признаемъ подложнымъ, тогда рушится все мученичество Рипсимэ и Гаіанэ, рушится то, что соединяло свв. дѣвъ съ Армeніей.

Все вышесказанное даетъ намъ возможность такимъ образомъ закончить разсмотрѣніе второй части Житія:

Первоначально не должно было существовать никакой связи между мученичествомъ Рипсимэ и Житіемъ св. Нины; впоследствии было внесено это мученичество, и Нина называлась то одной изъ подругъ Рипсимэ, то ея просвѣтительницей. Нельзя еще категорически сказать, когда внесли мученичество св. дѣвъ въ Житіе, ясно только, что оно должно быть болѣе ранняго происхожденія, чѣмъ легенда о родѣ св. Нины, такъ какъ имѣются памятники, гдѣ ни слова не говорится объ отцѣ и дядѣ Нины, хотя она тамъ уже называется подругой Рипсимэ, напримѣръ, *Мокцевай*¹⁾, *Картлисай* и у Моисея Хоренскаго.—Кромѣ того мученичество, внесенное въ Житіе Нины, уже носитъ отпечатокъ армянской обработки. Какъ первая часть Шатбердскаго житія—для доказательства именитаго происхожденія св. Нины, такъ и вторая часть можетъ быть внесена для объясненія того, какъ прибыла Нина въ Грузію.

Съ воспитаніемъ Нины связанъ рассказъ о Хитонѣ Господнемъ, а авторъ житія этимъ какъ бы желаетъ дать знать, что сказаніе о Хитонѣ Нина знала еще въ Іерусалимѣ и что прибытіе ея въ Грузію было не исполнѣ случайно.

У насъ имѣются три различныхъ сказанія о Хитонѣ: одно внесено въ *Картлис Цховреба* (стр. 107—110¹⁾), второе — въ житіи Нины рукописи Азіатскаго Музея Академіи Наукъ, № 39 (см. Н. Марръ, *Хитонъ Господень*, стр. 73—77), третье внесено въ Шатбердское житіе (стр. 29—36).

¹⁾ Изд. З. Чичинадзе.

По первому сказанію хитонъ приносить Эліозъ Мцхетскій и Лонгинъ Карсскій. Это имя появляется неожиданно, и о происхожденіи Лонгина, ни объ отношеніи его къ Эліозу ничего не извѣстно. Послѣ того, какъ они получаютъ по жребію хитонъ, Лонгинъ также безслѣдно исчезаетъ. Имя Лонгина, конечно, съ умысломъ внесено въ сказаніе ¹⁾, для доказательства истинности его. Во второмъ сказаніи о Лонгинѣ ничего не говорится, его не видно. Авторъ старается на основаніи Евангельскаго текста доказать ²⁾, что Эліозъ могъ быть во время крестныхъ страданій Иисуса Христа въ Иерусалимѣ.

Авторъ третьяго сказанія не прибѣгаетъ къ Евангельскому тексту, не приводитъ и Лонгина, — онъ употребляетъ совершенно другой способъ. Авторъ старается доказать читателю, что сказаніе записано самими потомками, внучкой Эліоза Сидоніей, и что потому въ достоверности сообщаемаго сомнѣній быть не должно. Этотъ приемъ, какъ мы видѣли выше, примѣняется во всемъ Шатбердскомъ житіи. И тутъ увѣреніе автора сказанія о томъ, что оно записано внучкой, не оправдывается: нѣсколько мѣстъ изъ этого сказанія даютъ возможность составить родословную таблицу мнимаго автора сказанія Сидонія (*ibid.*, стр. 32).

„Написалъ (говорить Сидонія) Анна [перво]священникъ отцу отца моего Озія“...

Озія—отець отца Сидонія,

Абіатаръ—отець Сидонія,

Сидонія—авторъ сказанія.

Есть еще одно мѣсто (стр. 38), но мы не будемъ его приводить, такъ какъ этотъ отрывокъ дѣла совершенно не замѣнить.

Сестра Эліоза, припеснаго хитонъ въ Грузію, была замужемъ за Озіей, такъ что Сидонія, казалось, могла бы сохранить въ цѣлости сказаніе о хитонѣ, если бы только не являлось вопроса ³⁾, какимъ образомъ братъ бабушки Сидонія, которая жила въ началѣ IV столѣтія, могъ присутствовать при крестныхъ страданіяхъ Иисуса Христа? Три поколѣнія не могли, конечно, жить въ продолженіе трехъ вѣковъ. Эліозъ могъ жить въ концѣ второго вѣка, или даже въ началѣ третьяго, такъ что, если Эліозъ дѣйствительно былъ родственникомъ Сидонія, то, конечно, и говорить нельзя, будто хитонъ былъ имъ принесенъ въ

¹⁾ Н. Марръ. Хитонъ Господень, стр. 78, 79, 80, 81.

²⁾ *Ibid.*, стр. 75, 94.

³⁾ Указаннаго М. Броссе, см. *Hist. de la G.*, стр. 106, пр. 5.

Грузію. Если же родство сочинено позже кѣмъ-нибудь, то тогда сказаніе теряетъ цѣну, какъ матеріалъ для исторіи, такъ какъ намъ не извѣстно, насколько вѣрно передано это преданіе, почему выступаетъ въ немъ Эліозъ, можно ли считать это преданіе грузинскимъ или оно иностранное. Всѣ эти вопросы не могутъ быть пока еще разрѣшены.

Въ этомъ сказаніи, есть одно предложеніе, которое даетъ возможность нѣсколько уяснить, какого происхожденія эта легенда (ibid. стр. 31): „Послѣ всего этого я расскажу тебѣ сказаніе моего отца, которое я знаю изъ чтенія книгъ, и рассказы моего отца“. Это неуклюжее предложеніе косвенно указываетъ на чтеніе книгъ, на примѣсь въ этомъ сказаніи чисто-литературнаго, книжнаго элемента.

Въ третьей части Шатбердскаго житія излагается проповѣдническая и подвижническая жизнь св. Нины, обращеніе царицы Наны и потомъ царя Миріана.

Рассказъ Руфина доказываетъ, что чудесное обращеніе Миріана, — затменіе солнца на охотѣ—было извѣстно уже современникамъ этого событія.

Нѣсколько разнится рассказъ Моисея Хоренскаго объ этомъ случаѣ. Онъ говоритъ, что царь во время затменія вспомнилъ объ обращеніи Тиридата въ кабана, испугался за свою участь и призналъ единаго Бога.

Чудеса при построеніи церкви также были извѣстны современникамъ, что видно изъ того же Руфина.

Совершенно иначе, чѣмъ всѣ остальные историки, рассказываетъ Моисей Хоренскій объ отравленіи Пинной и грузинскимъ народомъ пословъ: онъ умалчиваетъ о посольствѣ въ Грецію, вмѣсто Константина у него является армянскій царь Тиридатъ и Григорій Просвѣтитель, а вмѣсто Греціи—Арменія.

Хоренскій рассказываетъ, что Григорій не послалъ священниковъ въ Грузію, а только посоветовалъ воздвигнуть кресты и разрушить идоловъ, „пока Богъ дастъ имъ, говоритъ просвѣтитель армянъ, пастыри въ руководительство“ (М. Хоренскій, Тифл. 1881, стр. 255). Этотъ странный отвѣтъ, молчаніе о томъ, откуда привели грузины духовенство, наводитъ на мысль, что священники пришли не изъ Арменіи. Является вопросъ, посылалось ли какое-либо посольство къ Григорію Просвѣтителю въ Арменію?

Руфины и Бакуру, ничего не извѣстно о посольствѣ въ Армению. Они, напротивъ, вполне ясно говорятъ, что вѣстники были посланы въ Грецію къ Константину. Свѣдѣніе ихъ какъ современниковъ заслуживаетъ большаго довѣрія, тѣмъ болѣе, что въ то время, когда жили они, еще не существовало національных тенденцій и традицій въ религиозныхъ вопросахъ; между тѣмъ какъ въ рассказѣ о Нинѣ, приводимомъ Хоренскимъ, какъ справедливо замѣчаетъ г. Халатьянцъ¹⁾, явно замѣтна національная армянская тенденція.

Намъ кажется только, что доказывать, будто это мѣсто выдуманно самимъ Хоренскимъ, какъ это предполагаетъ г. Халатьянцъ, далеко еще невозможно, во всякомъ случаѣ преждевременно, такъ какъ свѣдѣніе объ отправленіи посланъ въ Армению, повидимому, тѣсно связано съ легендой о томъ, что Нина была одной изъ подругъ Г'янисма и Гаіанэ; авторъ, знавшій эту легенду, могъ естественно предположить, что Нина прежде всего сообщила объ обращеніи Грузинъ Григорію Просвѣтителю, съ житіемъ котораго такъ тѣсно связано мученичество вышеупомянутыхъ святыхъ дѣвъ. Происхожденіе этой легенды можетъ быть выяснено только тогда, когда будутъ изслѣдованы шагъ за шагомъ грузино-армянскія церковныя отношенія до раздѣленія церквей. Нельзя считать справедливымъ и то мнѣніе Гр. Халатьянца, будто облачный столбъ и двѣнадцать звѣздъ надъ честнымъ крестомъ были выдуманы Моисеемъ Хоренскимъ²⁾. Съ трудомъ вѣрится, чтобы армянскій писатель, націоналистъ, какимъ представляется г. Халатьянцу Моисей Хоренскій, сочинялъ легенды для грузинской церкви.

Болѣе правдоподобна мысль о Мэропа Теръ-Мовсесяна³⁾, что свѣдѣнія объ этомъ Хоренскимъ почерпнуты изъ недошедшихъ до насъ греческихъ или грузинскихъ источниковъ, такъ какъ въ Шатбердскомъ житіи какъ разъ видѣтся столбъ свѣтовой и двѣнадцать звѣздъ (см. стр. 63). Легко допустить, что эти свѣдѣнія были и у источника Шатбердскаго житія.

Выше мы уже рассмотрѣли сказаніе Іакова о честномъ крестѣ, такъ что въ этой части намъ остается просмотрѣть только письмо царя Миріана, которое фактически ровно ничего новаго не сообщаетъ; оно повторяетъ то, что говорится у Саломэ Ужармели, Абятара и

¹⁾ Гр. Халатьянцъ. *О новизнѣ источниковъ М. Хоренскаго* (арм.), стр. 49.

²⁾ *Ibid.*, стр. 49, 50.

³⁾ Церковная исторія Собрата (арм. текстъ), стр. 71 предисл.

священника Іакова, только съ большей примѣсю легендарнаго элемента; гипорбола тутъ на каждомъ шагу (см. *ibid.*, стр. 68):

„Дѣтей своихъ съѣдали, какъ жертву противнымъ идоламъ... отцы наши убивали (букв.: косили) дѣтей своихъ такъ, какъ косятъ траву, чтобы быть въ благоволеніи у идоловъ“.

Въ этомъ же письмѣ имѣется странная сказка о томъ, какими цѣлебными свойствами отличалось то дерево, которое было срублено для креста. Это преданіе отсутствуетъ въ сказаніи Іакова.

Наиболѣе интересно знать подробныя свѣдѣнія о проповѣднической дѣятельности св. Нины въ Грузіи и о томъ, какъ распространилось христіанство, но Шатбердское житіе увлечено больше чудесными разсказами, а важныя обстоятельства улукается изъ виду.

Мы едва ли бы получили какой-нибудь отвѣтъ на интересующій насъ вопросъ, если бы *Моѳцовой Картлисай* не сохранило намъ нѣсколькихъ драгоценнѣйшихъ свѣдѣній объ этомъ ¹⁾: изъ Картли Нина двинулась съ проповѣдью къ жителямъ горныхъ мѣстъ, которые не приняли ни проповѣдницы, ни новой вѣры, чего, конечно, можно было ожидать, такъ какъ они всегда привержены къ старымъ, дѣдовскимъ обычаямъ и къ новшествамъ по очень легко склоняются. Это мѣсто въ *Моѳцовой Картлисай*, по всей вѣроятности, удержалось изъ древняго, хорошаго, еще неисправленнаго памятника, такъ какъ если бы позже писали о распространеніи христіанства, то тогда или это мѣсто было бы выпущено, какъ то дѣлаетъ Шатбердское житіе, или же какъ въ рукописи № 170 Шіомгвинскаго монастыря ²⁾, было бы сказано, что „большинство грузинскаго племени впервые же крестилось, какъ только прибылъ епископъ“ ³⁾. А что христіанство не такъ ужъ сразу распространилось, видно изъ того же памятника ³⁾, который передаетъ намъ, что еще въ пятомъ столѣтіи маги въ Могвети исполняли свои обязанности.

Вообще изъ всѣхъ матеріаловъ, которые у насъ имѣются о Нинѣ и христіанствѣ въ Грузіи на греческомъ, грузинскомъ и армянскомъ языкахъ, лучшимъ можетъ считаться *Моѳцовой Картлисай*.

Св. Нина скончалась въ с. Боди, которое всѣми отождествляется съ с. Бодба, Сигнахскаго уѣзда, но, насколько правильно такое ото-

¹⁾ Жорданія, *Хроникъ*, кн. I, стр. 32, 33.

²⁾ Жорданія, *Хроникъ*, кн. I, стр. 31, пр. 64.

³⁾ Т.-в. *Мокч. Картл.*, *ibid.*, стр. 44.

жествяненіе, можетъ выясниться только тогда, когда историческая географія Грузіи будетъ изучена.

Теперь мы можемъ спросить себя, къ какому результату привели всѣ изысканія, что новаго узнали мы изъ изученія всѣхъ памятниковъ, относящихся къ этой эпохѣ, и что можно будетъ являть для исторіи грузинской церкви, или для исторіи христіанства въ Иверіи.

Въ первой половинѣ четвертаго столѣтія въ Грузіи пѣкая плѣнница, которая по грузинскимъ источникамъ называлась Нино, по армянскимъ Нунэ, начала проповѣдывать христіанство ¹⁾. О происхожденіи этой плѣнницы мы ничего не знаемъ. Около 337 года одна часть грузинъ съ парскимъ семействомъ во главѣ приняла проповѣдь плѣнницы и послала къ императору Константину вѣстниковъ съ просьбой прислать имъ духовенство для крещенія народа. Константинъ исполнилъ просьбу грузинъ и послалъ священнослужителей, которые крестили принявшихъ вѣру Христову.

Нѣкоторые изъ грузинскихъ племенъ, жившихъ въ горныхъ мѣстахъ, не приняли ни вѣры, ни священниковъ.

Неизвѣстно, когда впервые было написано житіе проповѣдницы христіанства въ Грузіи. Мы не имѣемъ еще такого житія, въ которомъ были записаны только вышеупомянутыя свѣдѣнія, т.-е. у насъ на грузинскомъ языкѣ еще нѣтъ такого житія, которое можно было бы приписать современнику ²⁾ или современницѣ св. проповѣдницы. До насъ дошедшія житія содержатъ въ себѣ свѣдѣнія легендарнаго характера; древнѣйшее наслоеніе (съ такимъ наслоеніемъ у Моисея Хоренскаго и въ *Мовцовой Куртисий*)—это сказаніе о томъ, что Нина была одной изъ подружекъ свв. Рипсимэ и Гаганэ; оно рассказываетъ о пребываніи Нины въ Греціи и о бѣгствѣ ея въ Арменію и оттуда въ Грузію. Это сказаніе, какъ бы выражающее изначальное церковное единство грузинъ и армянъ, могло возникнуть среди духовенства этихъ двухъ народовъ, хотя въ этой легендѣ преобладаетъ армянская тенденція.

Второе наслоеніе—сказаніе о родителяхъ и дядѣ Нины, объ ихъ

¹⁾ Еще грузинскій писатель Ефремъ М. думаетъ, что Нина есть исавженное „понна“: см. Жорданія, *Хроника*, т. I, стр. 36. Этотъ же писатель сообщаетъ, что имя просвѣтителя Грузіи извѣстно и нѣкоторымъ греческимъ писателямъ; мы ихъ не могли отыскать. По- коптски она называлась Теогностою, см. О. v. Lett, ц. с.

²⁾ Такое имѣется на лат. яз. у Руфина.

блестящемъ прошломъ. Проф. Вологовъ ¹⁾ поднялъ вопросъ еще о томъ, что имя Миріана было позднѣе тенденціозно связано съ первыми шагами христіанства, что христіанство было принято при царѣ Бакурѣ. Мысль эта очень правдоподобна, но такъ какъ для разрѣшенія этого вопроса необходимо отдѣльное, специальное изслѣдованіе въ связи съ хронологіей, которая вся построена на совершенно ложномъ основаніи, и въ связи съ династической таблицей, то мы оставляемъ этотъ вопросъ до поры до времени спорнымъ.

Свѣдѣнія о св. Нинѣ съ этими двумя наслоеніями постепенно сильно измѣнили свой обликъ. Разказчицей была выведена сама Нина, а нѣкоторыя изъ свѣдѣній были приписаны современникамъ Нины (такого характера Шатбердское житіе).

Такая переработка не можетъ быть приписана автору Шатбердскаго житія, такъ какъ, оказывается, существовали и другіе памятники, которые приписывались Нинѣ или ея современникамъ, хотя они и отсутствуютъ въ Шатбердскомъ житіи, напр. завѣщаніе св. Нины, сказаніе Перожавры Скупійской и одинъ недавно открытый памятникъ, который вполне подтверждаетъ нашу мысль, — двѣ проповѣди св. Нины (см. Жорданія, Хроника. кн. II, стр. 14)²⁾, найденныя въ рукописи десятаго столѣтія. Можно полагать, что такого рода памятники еще найдутся.

Слѣдовательно, изученіе Шатбердскаго житія сообщило намъ о весьма важномъ обстоятельстве, о томъ, что и у грузинъ существовалъ тотъ родъ литературныхъ и историческихъ произведеній, которыми такъ богата христіанская литература первыхъ вѣковъ и которая именуется литературой псевдоэпиграфической. Шатбердское житіе относится именно къ этому роду произведеній.

II. Апостоль Андрей въ Грузіи.

Какъ въ церковныхъ исторіяхъ Грузіи, такъ и въ гражданскихъ обыкновенно раньше излагается о проповѣднической дѣятельности апостола Андрея въ Грузіи, а потомъ о Нинѣ. При изложеніи мы отступили отъ этого хронологическаго порядка и занялись разборомъ Житія св. Нины, такъ какъ намъ необходимо было знать, хоть приблизительно, къ какому времени можно отнести Шатбердское житіе

¹⁾ Христ. Чтеніе. 1898 г. № 4, стр. 263.

²⁾ Издаши г. Джанашивили, *Исторія Грузіи. Церковь*, 1898 г., стр. 80—93.

св. Нины, на которое при изложеніи объ апостолѣ Андрѣѣ намъ приходится опираться. Мы потому убѣдимся, что, собственно, и хронологически было бы вѣрнѣе налагать объ Андрѣѣ послѣ жизнеописанія св. Нины.

Въ нашей исторической литературѣ проповѣдь Андрея въ Грузіи считается неоспоримымъ фактомъ, и въ этой проповѣди видятъ подготовительную ступень къ принятію христіанства всей Грузіей. Вотъ какъ выражается, напримѣръ, покойный историкъ Бакрадзе [Исторія Грузіи (грузин.), стр. 106]: „Долгое время Грузія подготовлялась къ принятію евангелія Христа. Фундаментъ былъ положенъ еще во времена апостоловъ... Нашъ Повѣтъ достался въ удѣлъ апостолу Андрею“. Почти въ тѣхъ же выраженіяхъ пишетъ объ этомъ и академикъ Броссе. Мы не будемъ указывать другихъ, такъ какъ всѣ наши историки говорятъ одно и то же и большей частью повторяютъ слова Броссе и Бакрадзе ¹⁾. Мы обратимъ вниманіе только на слова П. Юсселіани ²⁾, который думаетъ, что „древнее сказаніе“ о проповѣди Андрея въ Грузіи было извѣстно еще при жизни просвѣтительницы Нины. Онъ не указываетъ, откуда онъ взялъ это важное свѣдѣніе, но можно думать, что на такую мысль навела лѣтопись „Картлис Цховреба“, гдѣ до житія Нины разсказывается и о путешествіи Андрея по Грузіи. Этотъ фактъ, конечно, далеко не доказываетъ, что „это сказаніе“ было извѣстно, еще при жизни просвѣтительницы Нины. Напротивъ, рядъ историческихъ данныхъ, которыя мы приводимъ ниже, указываетъ, думается намъ, совершенно противное. Въ введеніи Шатбердскаго житія св. Нины, которое мы уже разсмотрѣли, разсказывается, какъ ученицы спрашивали Нину передъ ея смертію объ ея происхожденіи. Вотъ что говорятъ между прочимъ ученицы Нины (стр. 2):

„Вотъ мы учились отъ тебя, что были до сошествія Бога на землю пророки, а послѣ двѣнадцать апостоловъ и еще семьдесятъ два, и къ намъ ни кого ни прислалъ Богъ, кромѣ тебя“.

Очевидно, что о хожденіи апостола Андрея по Грузіи ничего не было извѣстно автору этихъ строкъ. Это мѣсто, конечно, еще не показываетъ, что объ Андрѣѣ не было извѣстно и ученицамъ Нины, такъ какъ выше мы убѣдились, что все предисловіе не достоверно и сочинено впоследствии. Эти строки доказываютъ, что въ то время,

¹⁾ М. Броссе, *Исторія Грузіи* (грузин.), стр. 36, 37, 38, 39.

²⁾ *Краткая исторія Грузинской церкви*, 1843 г., стр. 2, примѣчаніе 3.

когда это введеніе Житія св. Нины писалось, т.-е. приблизительно около VIII—IX вѣка, просвѣщеннымъ грузинамъ преданіе объ Андрѣ было неизвѣстно. Но у насъ вытекаетъ возможность прослѣдить, знали-ли и до IX вѣка въ Грузіи о хожденіи Андрея по Понту, и именно по Понту Кавказскому.

Историкъ Руфинъ, который рассказываетъ со словъ грузинскаго царя Бакура объ обращеніи Грузіи при Ницѣ, ничего не говоритъ о хожденіи Андрея въ Грузію. Если бы Бакуръ сообщилъ ему объ этомъ важномъ фактѣ, то, конечно, онъ не оставилъ бы его безъ упоминанія. А Бакуръ вѣдь былъ такой человѣкъ, „*qui vultis erat cura et religionis et veritatis*“ (Rufinus, *Hist. eccl. lib.*, с. х.), и, зная онъ преданіе объ Андрѣ, едва ли упустилъ бы случай рассказать своему знакомому Руфину.

Ни Петру Майумскому, который былъ сынъ грузинскаго царя, ни его ученику біографу ничего не извѣстно объ Андрѣ: въ житіи этого Майумскаго епископа упоминается только ¹⁾ принятіе христіанства при царѣ Бакурѣ, его предкѣ; трудно предположить, чтобы при существованіи преданія объ Андрѣ въ Грузіи оно не было извѣстно такому ревнителю вѣры, какимъ изображается онъ въ житіи; можно было ожидать также, что біографъ, какъ видно хорошо знающій Грузію и ея исторію, рассказалъ бы читателямъ и о проповѣди Андрея въ Иверіи. Конечно, можно предположить, что біографъ Петра Майумскаго зналъ о рожденіи перевозваннаго апостола, но не упомянулъ только потому, что это не входило въ его задачу. Но послѣ такого очевиднаго факта, который намъ сообщаетъ вышеприведенная выписка изъ Шатбердскаго житія Нины, факта, что грузины въ VIII—IX вѣкѣ не знали преданія о хожденіи Андрея въ Грузію, можно отчасти и молчаніе біографа о проповѣди Андрея въ Грузіи принять за незнаніе. Тѣмъ болѣе, что *Мокцевай Карѣлисай*, древнѣйшій нашъ лѣтописный памятникъ, также хранитъ полное молчаніе о проповѣди Андрея. Упомянуть объ этой проповѣди, конечно, въ данномъ случаѣ входило и въ задачу, и въ обязанность автора лѣтописи, и только незнаніе этого преданія можетъ намъ объяснить, почему авторъ *Мокцевай Карѣлисай* даже словомъ не обмолвился объ этой проповѣди. Если мы составленіе этой лѣтописи отнесемъ, какъ всѣ историки думаютъ, къ VII—VIII вѣку, тогда у насъ будутъ прибли-

¹⁾ В. Ваабе, *Petrus der Iberer*, стр. 14, 15, 16.

зительныя хронологическія данныя, которыя намъ показываютъ, что въ IV вѣкѣ (Руфинъ-Бакуръ), въ V—VI вѣкѣ (Петръ Майумскій—биографъ житія Петра), въ VII—VIII и въ VIII—IX вѣкахъ въ Грузіи не знали еще о проповѣднической дѣятельности Андрея въ Грузіи.

Вопросъ о томъ, кто проповѣдывалъ первоначально въ Грузіи, могъ возникнуть тогда, когда антиохійская патріархія давала грузинской церкви автокефалію, такъ какъ для самостоятельности церкви необходимо было, чтобы одинъ изъ двѣнадцати апостоловъ былъ основателемъ ея. Но время, когда грузинамъ была предоставлена неполная автокефалія, было такое, что вести догматикосхоластическіе диспуты при разрѣшеніи чисто церковно-административныхъ вопросовъ было не время. Окруженные мусульманскимъ міромъ, восточные христіане должны были стараться о томъ, какъ бы поддержать единство вѣрцевъ въ борьбѣ съ мусульманствомъ; а для сохраненія вѣры былъ необходимъ непосредственный духовный контроль, который часто отсутствовалъ потому, что грузинскіе іерархи должны были получать посвященіе отъ антиохійскаго патріаршаго престола, гдѣ въ то время царствовали неурядицы, междупатріаршество (611—659; 682—683). Къ тому же связь съ Антиохіей была почти прервана вслѣдствіе опасности путей сообщенія.

Вотъ что говорится обо всемъ этомъ въ спискѣ антиохійскихъ патріарховъ Михаила Брека ¹⁾:

„*Феофилактъ (745—751) изъ Едессы... До него въ Грузіи или Иперіи съ той поры, когда грузины увѣровали во Христа... держался тамъ обычай, что по смерти какого-либо епископа избранный на мѣсто его ходилъ въ Антиохію за рукоположеніемъ. Такъ и въ дни патріарха Феофилакта грузины послали къ нему 10 іереевъ, избранныхъ царемъ ихъ Давидомъ (?), дабы они послѣ рукоположенія въ санъ возвратились на мѣста свои. Но на пути шайка сарацнвскихъ разбойниковъ умертвила 10 изъ нихъ... бѣгствомъ спаслись только два изъ нихъ. Они-то, достигнувъ Антиохіи, увѣдомили Феофилакта о всемъ случившемся съ ними. А патріархъ сей, собравъ своихъ архіереевъ, повѣдалъ имъ все, что касалось этихъ іереевъ... и присовокупилъ, что по причинѣ отдаленности отчества ихъ и небезопасныхъ путей надобно устроить церковное дѣло ихъ иначе. Тогда отцы сего*

¹⁾ Порфирій, *Востокъ христіанскій. Сирія*, стр. 54.

послѣдняго собора вмѣстѣ съ поименованнымъ патріархомъ рѣшили рукоположить одного изъ оныхъ двухъ іереевъ, и поставить его каеполикосомъ, и дать ему власть рукополагать тамъ, по необходимости, епископовъ и митрополитовъ, которые и обязаны поминать его въ священныя службы свои, а онъ да поминаетъ имя патріарха антиохійскаго; по смерти же его да соберутся архіереи и, избравъ другого вмѣсто него, пусть рукополагаютъ его..“

Итакъ, при предоставленіи автокефалии не были затронуты вопросы о проповѣди апостоловъ. Къ тому же, грузинская церковь все-таки была подъ властью антиохійскихъ патріарховъ еще до патріарха Петра (XI ст.).

Одно обстоятельство мѣшаетъ признать несомнѣннымъ положеніе, что грузины до IX вѣка не знали о проповѣднической дѣятельности въ Грузіи. Въ грузинскомъ житіи Петра Майумскаго говорится (см. Н. Марръ, Пал. сбор., вып. 47, стр. 3=82): ...„святой и славный апостолъ Андрей проповѣдывалъ въ Грузіи святое Евангеліе, какъ объ этомъ пишетъ божественный философъ Никита“...

Если только житіе Петра Майумскаго древнее, то это мѣсто опровергаетъ нашъ выводъ.

А чтобы узнать, какой древности это житіе или данный отрывокъ, необходимо, конечно, выяснить личность того, на котораго ссылается авторъ этого мѣста, нужно узнать, кто такой Никита божественный философъ? Этому вопроса коснулся и покойный грузиновѣдъ М. Броссе ¹⁾ и далъ категорическое, но нѣсколько поспѣшное рѣшеніе: онъ думаетъ, что „Никита божественный и философъ“—грузинскій писатель V вѣка, т. е. такой эпохи, когда будто бы еще свѣжи были преданія о хожденіи нервозванного апостола. Къ такому выводу его приводитъ вышеприведенное мѣсто житія Петра Иера; но изъ этого отрывка вовсе не видно, чтобы Никита писалъ въ концѣ V вѣка, или же, чтобы онъ былъ грузиномъ. Во-первыхъ, о грузинскихъ писателяхъ V вѣка ничего не извѣстно, не только имени ихъ мы еще не знаемъ, но даже о существованіи ихъ не сохранилось свѣдѣній. Извѣстны только имена двухъ древнихъ переводчиковъ священнаго писанія, Давида и Стефана, время жизни которыхъ должно быть отнесено ко времени VII—VIII ²⁾ столѣтій. Къ

¹⁾ *Hist. de la G.*, t. I, стр. 60, пр. 5.

²⁾ Н. Марръ, Изъ книги ц-ча Варгата, стр. 241.

тому же не существуетъ на грузинскомъ языкѣ такого хожденія Андрея, которое приписывалось бы Никитѣ.

Въ данномъ случаѣ Броссе жестоко ошибся, такъ какъ извѣстнаго византійскаго писателя IX столѣтія Никиту Паелагонійскаго († 890) принялъ за грузинскаго агиографа V столѣтія. Никита Паелагонійскій дѣйствительно прозывался философомъ и писалъ панегирики въ честь апостоловъ ¹⁾, между прочимъ и объ Андрѣ, гдѣ онъ дѣйствительно говоритъ о хожденіи первоизбраннаго апостола по Грузіи.

„Σὺ δὲ μοι, σεβασμιώτατε Ἀνδρέα... „Ты же, честиѣйшій Андрей...
 τὸν βεῤῥᾶν κληρωθεὶς Ἰβήρας καὶ получилъ въ удѣлъ иверовъ, сар-
 Σαυρομάτης. Ταύρους καὶ Σκύθας, καὶ матовъ, тавровъ и скивовъ и вся-
 πάσαν χάραν καὶ πόλιν... ἔδραμες ἐν кую страву и городъ..... обошелъ
 δίψῃ δοξάζων τὸν Ἰησοῦν (Patr. gr., въ жадѣ прославляя Иисуса“.
 t. 105, стр. 64).

Значить, свѣдѣніе о хожденіи апостола Андрея по Грузіи, въ которомъ имѣется ссылка на трудъ писателя конца IX столѣтія, не можетъ быть, конечно, ранѣе X столѣтія, а оно внесено въ грузинское житіе Петра Майумскаго, по всей вѣроятности, протоіереемъ Павломъ, который нѣсколько переработалъ житіе Петра Ивера ²⁾.

Разъ выяснилось, что свѣдѣніе о проповѣди Андрея въ вышеупомянутомъ житіи могло быть внесено только послѣ IX вѣка, то устанавливается вполнѣ опредѣленно, что грузины до IX вѣка не знали о проповѣди Андрея въ Грузіи, что сказаніе о хожденіи первоизбраннаго апостола по Кавказу не мѣстнаго происхожденія, а было занесено извнѣ.

Путиами, которыми всѣ свѣдѣнія входили къ грузинамъ изъ тогдашняго образованнаго міра, были грузинскіе монастыри, въ Палестинѣ, Сиріи и на Афонѣ. Съ возникновенія этихъ монастырей начинается эпоха особеннаго развитія грузинской духовной литературы. Грузины монахи сталкивались съ лучшими людьми своего времени, читали въ орягивалѣ творенія выдающихся иностранныхъ византійскихъ или сирійскихъ писателей, и передъ ихъ глазами рельефнѣе выступала бѣдность, пробѣлы родной литературы. Это непосредственное общеніе съ Византіей возгло въ сердцахъ лучшихъ грузинъ

¹⁾ Krumbacher, *Geschichte d. Bisant. Lit.*, стр. 187, § 75.

²⁾ Н. Марръ, *Палест. сбор.*, вып. 47, стр. XV.

монаховъ страстное желаніе поднять родную литературу и обогатить ее. Тогда массами переводились различныя произведенія помстивъ достойнымъ удивленія отцомъ Евеміемъ; въ списокѣ трудовъ этого ученаго монаха упоминается между прочимъ и переводъ книги „Хожденіе и проповѣди св. апостола Андрея“¹⁾. Нужно думать, что Евемій тогда узналъ самъ впервые и сообщилъ своей братіи о хожденіи Андрея въ Грузію.

Пребываніе грузинъ монаховъ внѣ отечества и частое столкновеніе съ иноземнымъ духовенствомъ заставляло не разъ чувствовать необходимость обосновать, оправдать соответственными доводами автокефалію грузинской церкви.

Богословскосхоластическіе споры, которые велись при дворѣ византійскихъ императоровъ и вселенскихъ патріарховъ, возбуждали нерѣдко вопросы о правахъ той или другой церкви. Эти споры также съ своей стороны заставили просвѣщенныхъ грузинъ порыться въ разныхъ „хожденіяхъ“. Существованіе споровъ объ автокефальныхъ правахъ грузинской церкви между грузинскимъ и византійскимъ духовенствомъ доказывается однимъ эпизодомъ, который разсказывается въ биографіи Георгія Мтацминдели (Свнтогорца). Патріарху антиохійскому Іоанну сообщили²⁾ о томъ, что грузинская церковь не имѣетъ правъ на то, чтобы пользоваться церковнымъ самоуправленіемъ, автокефаліей, потому что ни одинъ изъ двѣнадцати апостоловъ не приходилъ въ ихъ страну. Эти доводы сообщилъ антиохійскій патріархъ Георгію Мтацминдели. Ученый монахъ изъ монастыря Евемія уже зналъ книгу *Хожденій апостола Андрея* и на основаніи ея доказалъ присутствовавшему антиохійскому духовенству, что не только грузины не должны подчиняться антиохійскому патріарху, но что наоборотъ антиохійская церковь должна подчиняться грузинской, такъ какъ основатель ея—первозванный апостоль. Споры эти были, повидному, настолько часты и ожесточены, что въ грузинскомъ монастырѣ св. Симеона было даже написано специальное изслѣдованіе Ефремомъ Младшимъ о томъ, въ какихъ историческихъ памятникахъ говорится объ обращеніи Грузіи въ христіанство, для того, чтобы всякій могъ пользоваться этими выписками. Что изслѣдованіе Ефрема Младшаго (XI вѣка) было вызвано именно вышеуказанными спорами и распро-

¹⁾ А. Цагарели, *Свед. о малл. груз. писм.*, вып. I, стр. 58.

²⁾ Чубиновъ, *Груз. Хрестом.*, 1846 г., ч. I, стр. 280, 281.

сами, видно изъ заключительныхъ словъ самого автора, гдѣ онъ обращается къ игумену своего монастыря и говоритъ такъ:

„Эти немногія слова, какъ собиратель сѣмени, собрахъ я изъ различныхъ мѣстъ св. книгъ, гдѣ они были разбѣяны, вслѣдствіе указація твоего, человекъ Божій, о необходимости этого. Ты знаешь, какъ многіе многожды спрашивали насъ объ этихъ (вопросахъ) и по незнанію соблазнялись о насъ, какъ будто мы отступились отъ церкви великаго Петра, главы апостоловъ“ (Жорданія, *Хроники* т. I, стр. 53).

Въ этомъ отрывкѣ явно слышится намекъ на тѣ споры, обращеніе которыхъ мы читали выше.

Послѣ того какъ были произведены подобныя изысканія въ области церковной исторіи. *Хожденіе апостола Андрея* для грузинскихъ монаховъ, находившихся внѣ предѣловъ родной страны, приобрѣло исключительное значеніе, а день, когда церковь празднуетъ память Андрея, сталъ днемъ особенно важнымъ и торжественнымъ. Одно мѣсто изъ синаксарія, написаннаго на Авопѣ¹⁾, показываетъ, что тамъ день въ честь Андрея праздновался съ нѣкоторыми особенностями.

„Мѣсяца ноября 30-го. Святаго и всехвальнаго апостола Андрея, брата Петра, главы апостоловъ“... (см. Собраніе кн. Грузинскаго публичной бібліотеки, № 171). Въ концѣ краткаго хожденія говорится:

„На заутренѣ пусть скажутъ одинъ канонъ и пусть читаютъ *Хожденіе апостола*“.

Такимъ образомъ вся братья выслушивала хожденіе, на основаніи котораго можно было отстоять автокефальныя права грузинской церкви.

Свѣдѣніе о проповѣди Андрея въ Иверіи быстро проникло и въ Грузію, и Руисоурбнѣйскій (1103 г.) церковный соборъ, опираясь на вслѣдованіе Ефрема Младшаго, признаетъ²⁾ хожденіе и проповѣдь Андрея по Грузіи фактомъ. Впослѣдствіи начали образовываться мѣстные легенды объ Андрѣ съ національнымъ колоритомъ; въ хожденіи Андрея, впесенномъ въ *Картлис Цховреба* (см. стр. 53—60), всѣ эти позднѣйшія мѣстные легенды сгруппированы вмѣстѣ. Хожденіе Андрея, напечатанное М. Сабининымъ въ *Рать Грузіи*, есть пере-

¹⁾ Этотъ синакс., насколько мы могли просмотрѣть, есть переводъ менологіи Василія (Patr. gr., t. 117, pars. I).

²⁾ Жорданія, *Хроники* т. II, стр. 58.

воду съ древняго оригинала и примыкаетъ къ хожденію Андрея по изложенію Елифанія ¹⁾).

Итакъ свѣдѣніе о проповѣди Андрея въ Грузіи было неизвѣстно грузинамъ и занесено изъ Византіи грузинами-монахами, жившими внѣ предѣловъ своей родины.

Если грузины до IX вѣка не знали о проповѣди Андрея, то, конечно, этимъ не разрѣшается вопросъ о достовѣрности или недостовѣрности свѣдѣній объ Андрѣѣ, такъ какъ изъ народной памяти могли изгладиться древнѣйшія мѣстные сказанія о проповѣди перво-званнаго апостола. Поэтому, чтобы удостовѣриться, насколько правдоподобно это сказаніе, необходимо рассмотреть тѣ византійскіе источники, которые говорятъ объ Андрѣѣ.

Древнѣйшее упоминаніе удѣла перво-званнаго апостола встрѣчается у Оригена ²⁾, который говоритъ слѣдующее:

„Τῶν δὲ ἱερῶν Σωτῆρος ἡμῶν ἀποστόλων τε καὶ μαθητῶν ἐφ' ἅπασαν διασπαρέντων τὴν οἰκουμένην. Θωμᾶς μὲν, ὡς ἡ παράδοσις περιέχει, τὴν Παρθίαν εἰληχεν, Ἀνδρέας δὲ τὴν Σκωθίαν, Ἰωάννης τὴν Ἀσίαν... Πέτρος δ' ἐν Πόντῳ καὶ Γαλατίᾳ καὶ Βιθυνίᾳ, Καππαδοκίᾳ τε καὶ Ἀσίᾳ κηκηρεύεσθαι“...

„Когда св. апостолы и ученики Спасителя Нашего разсѣялись по всей вселенной, Тома, какъ преданіе передаетъ, получилъ въ жребіи Парюю, Андрѣй же Скиюю, Іоаннъ Азію, Петръ въ Понтѣ, Галатіи и Вивонніи, Каппадокіи и Азій проповѣдывалъ“.

По этому древнѣйшему свидѣтельству апостоль Андрей получаетъ въ удѣлъ Скиюю, а Понтъ, Каппадокія, Азія и т. д., т. е. всѣ мѣста, которыя наиболѣе близки къ Грузіи, достались по жребію Петру. Мы не будемъ приводить словъ Евхерія ³⁾ (449), такъ какъ онъ говоритъ то же, что и вышеприведенный писатель съ тѣмъ исключеніемъ, что у него вмѣсто „ὡς ἡ παράδοσις περιέχει“ сказано „quantum narrat historia“.

Также расположены области и у Исидора Испанійскаго ⁴⁾, кото-

¹⁾ Васильевскій, *Хожденіе апост. Андрея*, стр. 166.

²⁾ Migne, *Patr. gr. t. 12: Origenis opera omnia*, стр. 91—92.

³⁾ *Patr. lat. t., 50*, стр. 809.

⁴⁾ *Patr. lat., t. 83*, стр. 151. cap. LXX и стр. 149, cap. LXVIII.

рый говорить, что „Andreas... frater Petri... in sorte praedicationis Scythiam atque Achaiam accepit“... (Patrologia latina, t. 83. S. Isidori Hispalensis стр. 151. cap. LXX), и про Петра сказано, что „hic in Galatia, Ponto, Cappadocia, Bithynia, Asia, atque Italia Evangelium praedicavit“ (стр. 149).

Въ каталогѣ же Доросея, который, по мнѣнію проф. Васильевского ¹⁾, относится къ гораздо болѣе позднему времени, чѣмъ IV вѣкъ, братья апостолы вдругъ, какъ будто, мѣняются своими удѣлами, Андрей проповѣдуетъ въ Виваніи, Понтѣ, Фракіи.

То же говорить и Епифаній Кипрскій (VIII—IX в.), который путешествовалъ и собиралъ мѣстные легенды объ Андрѣ. Какъ видно, онъ не былъ на восточномъ побережьи Чернаго моря, такъ какъ Епифаній, излагая мѣстные легенды, сообщаетъ попутно, гдѣ и что онъ самъ видѣлъ, напримѣръ (Patr. gr., t. 120, стр. 244):

<p>„καὶ ἦλθεν εἰς Βόσπορον, πόλιν πέραν τοῦ Πόντου, εἰς ἣν καὶ ἡμεῖς ἐφθάσαμεν“...</p>	<p>и пришелъ (Андрей) въ Босфоръ, городъ (лежащій) по ту сторону Понта, до котораго и мы дошли.</p>
--	---

Епифаній рассказываетъ, какъ ему показывали ковчегъ съ именемъ Симеона апостола, когда же онъ говоритъ о гробницѣ въ Никопсисѣ Симеона Канаанита, онъ не добавляетъ, что онъ былъ самъ и видѣлъ эту святыню. У Епифанія Кипрскаго и другихъ позднѣйшихъ авторовъ *Хождения Андрея* вкрадывается одно недоразумѣніе: Симеонъ оказывается погребеннымъ въ двухъ мѣстахъ—въ Босфорѣ и Никопсисѣ. Епифаній не указываетъ точно, кто это такой Симеонъ апостолъ; у Метафраста ²⁾ этотъ недочетъ восполняется, и Симеонъ апостолъ оказывается Симеономъ Зилотомъ, но это, конечно, нисколько дѣлу не помогаетъ, такъ какъ, во-первыхъ, Симеонъ Канаанитъ ³⁾ стоитъ на мѣстѣ Симона Петра древнѣйшаго сказанія; во-вторыхъ, какъ покажутъ нижеслѣдующія выписки, Симеонъ Зилотъ и Канаанитъ считался однимъ и тѣмъ же лицомъ: напримѣръ, въ латинскомъ *Breviarium apostolorum* (см. Lipsius, *Apostelge-*

¹⁾ *Хожд. ан. Андрея*, стр. 49.

²⁾ Lipsius, *Apok. Apostelg. und Apostelleg.* ч. I, стр. 585.

³⁾ *Ibid.* ч. I, стр. 611.

schichte... В. I, стр. 24, прим.) „Симеонъ Зилоть или Кананитъ“, то же сказано въ „*de vita et obitu Sanctoꝝum*“ (*ibid.*, стр. 24, прим.) и въ хроникѣ, приписываемой Симону Логооету (*ibid.*, ч. I).

Еще болѣе запутана, конечно, географія этихъ хожденій. Первоначально Петру приписываемыя области были какимъ-то образомъ въ послѣдствіи сдѣланы удѣломъ Андрея,—онъ проповѣдывалъ всюду в Саккамъ и Согдіаномъ и тамъ, гдѣ находится укрѣпленіе Ансаръ ¹⁾ онъ проповѣдывалъ, по этимъ сказаніямъ, тамъ, гдѣ въ дѣйствительности трудились неутомимо Павелъ и Петръ, а между тѣмъ ни изъ дѣяній апостольскихъ, ни изъ посланій апостола Павла не видно, чтобы Андрей дѣйствовалъ въ этихъ мѣстахъ; при той энергической проповѣди, неутомимомъ миссіонерскомъ рвеніи, которое проявляетъ первозванный апостолъ въ легендахъ, Андрей не могъ хоть гдѣ-нибудь не встрѣтиться съ Павломъ, а этотъ едва ли обошелъ бы молчаніемъ эту встрѣчу, если бы она случилась. Полная легендарность и сказочность свѣдѣній о жителяхъ тѣхъ странъ, гдѣ якобы проповѣдывалъ Андрей, путанница въ географіи (приписываніе однихъ и тѣхъ же мѣстъ нѣсколькимъ апостоламъ), затѣмъ то обстоятельство, что у древнѣйшихъ писателей (Оригенъ, Евхерій) Андрею приписывается только Скиѳія, все же остальное Петру, побуждаютъ заключить, что апостола Андрея въ Грузіи никогда и не было и что хожденіе его по Иверии есть легенда, возникшая или благодаря случайной путанницы (области Петра—Понтъ, Каппадокія и т. д. случайно какимъ-нибудь позднѣйшимъ писателемъ могли быть приписаны брату его Андрею, какъ случайно вмѣсто Симона-Петра появился въ хожденіи Симеонъ Кананитъ), или же благодаря тому, что въ позднихъ хожденіяхъ апостола Андрея Колхиды, какъ это думаетъ Васильевскій (*Хожд. ап. Ан.*, стр. 159), была отождествлена съ Эѳіопіей; но и въ этомъ послѣднемъ случаѣ не можетъ быть и рѣчи объ апостольской проповѣди: Оригенъ своею одною фразой уничтожаетъ всякое сомнѣніе по этому вопросу. „*Non enim fertur praedicatum esse Evangelium apud omnes Aethiopes maxime apud eos qui sunt ultra flumen*“... (*Origenis in Matthaeum comment. series, Migne patr. graeca, t. 13, стр. 1655*). Если христіанство не было проповѣдано у эѳіоповъ, не могло быть и у колхидцевъ, съ которыми ихъ отождествляли авторы хожденій. Опровергая

¹⁾ Васильевскій, *Хожд. ап. Андрея*, стр. 51.

преданіе о проповѣди первоозваннаго апостола въ Грузіи, мы, конечно, не рѣшаемся утверждать, что въ Грузіи христіанство вообще распространилось не съ первыхъ вѣковъ,—христіанство могло быть, но для доказательства его существованія въ Иверіи нужно подыскать другія, достовѣрныя данныя, а не ссылаться на *Хожденіе апостола Андрея*, какъ это дѣлаютъ наши историки.

Въ этой статьѣ мы критически разсмотрѣли грузинскія церковныя преданія; они существуютъ не менѣе десяти вѣковъ и имѣли въ свое время большое значеніе: не разъ въ критическіе моменты народной жизни, былъ ли то вопросъ о защитѣ автокефальныхъ правъ грузинской церкви или тяжелый гнетъ мусульманства,—они, какъ извѣстно, давали вѣру и бодрость народу и облегчали переносить житейскія невзгоды. Теперь уже время, чтобы эти письменныя преданія со всѣми матеріалами были разсмотрѣны научной критикой.

Матеріалы эти опредѣленнаго направленія, съ массой наслоеній, передающіе традиціонный, вѣками созданный взглядъ на происхожденіе и распространеніе христіанства въ Грузіи. При критическомъ разборѣ намъ, кажется, удалось выяснитъ историческую цѣнность сообщаемыхъ этими произведеніями свѣдѣній и стчасти въ общихъ чертахъ установить исторію возникновенія и постепенныхъ измѣненій этихъ житій. Намъ осталось еще много поработать надъ послѣднимъ вопросомъ для того, чтобы выяснитъ подробности и нарисовать ясно и рельефно исторію этихъ памятниковъ, въ которой въ миниатюрѣ отразились культурно-литературныя теченія въ тогдашнемъ грузинскомъ обществѣ. Но и послѣ выясненія исторической цѣнности имѣвшихся у насъ подъ рукой памятниковъ мы далеко не считаемъ картину христіанства первыхъ (четырехъ) вѣковъ въ Грузіи законченной; необходимо разсмотрѣніе этого вопроса еще съ другихъ сторонъ и съ привлеченіемъ другихъ матеріаловъ, историческихъ и литературныхъ, для того, чтобы предъ нами предстала въ реальномъ видѣ жизнь этого важнаго момента исторіи грузинскаго народа. Выясненіе отношеній грузинской церкви къ антиохійской патріархіи, проповѣднической и поднижнической дѣятельности отцовъ сирійцевъ въ Грузіи и исторія древнѣйшихъ переводовъ священнаго писанія на грузинскій языкъ дадутъ намъ большой матеріалъ. Въ критическомъ изслѣдованіи памятниковъ, представляющихъ традиціонный взглядъ на происхожденіе христіанства въ Грузіи, была настоятельная необходимость, чтобы съ одной стороны расчистить почву для дальнѣйшихъ научныхъ работъ по

этому вопросу, съ другой стороны, чтобы предотвратить массу ошибокъ тѣхъ историковъ, которые не довольствуются дословной передачей содержанія памятниковъ и на основаніи неprovѣренныхъ данныхъ, заключающихся въ вышеразобранныхъ произведеніяхъ, стараются разрѣшить вопросы первостепенной важности ¹⁾.

И. Джанахонъ.

¹⁾ См. напримѣръ, Джанашивили, Исторія грузинской церкви, 1898 г. и Грузинская письменность (груз.), 1900 г.

ПРИМИТИВНЫЯ ФОРМЫ ОБЩЕСТВЕННОГО БЫТА.

(По новѣйшимъ изслѣдованіямъ).

При современномъ ростѣ этнологическихъ знаній, при постоянно усиливающемся интересѣ къ формамъ экономическаго быта некультурныхъ народовъ мнѣ представляется небезполезнымъ познакомить русское образованное общество съ тѣми результатами, которые добыты въ этой области современной западной наукой. Придавая только психологическое значеніе старому дѣленію народовъ на охотничьи, земледѣльческіе и пастушескіе, и счелъ болѣе удобнымъ отдѣлить въ своемъ изложеніи примитивный индивидуальный строй (см. статью мою въ *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1900, № 12) отъ болѣе развитыхъ строевъ общества, родового и общиннаго. Но я постоянно имѣлъ въ виду, что первобытныхъ народовъ, первобытныхъ въ буквальномъ значеніи этого слова, нѣтъ нигдѣ на всей землѣ, что каждый изъ нихъ испыталъ на себѣ тѣ или другія вліянія болѣе культурныхъ сосѣдей, и потому изложенію такихъ формъ быта, которыя возникли путемъ естественной эволюціи отъ простаго къ болѣе сложному, я предпослалъ обзоръ культурныхъ сношеній народовъ древнѣйшаго времени, еще не достигшихъ (по крайней мѣрѣ въ Европѣ) знакомства съ металлами (объ этомъ см. статью мою въ *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1900, № 6). Вопросъ, который сначала сильно подрывалъ мое довѣріе къ такого рода соціологическимъ изслѣдованіямъ, именно вопросъ о степени вліянія національныхъ особенностей на племенные учрежденія, я старался разрѣшить по-своему въ статьѣ: „Къ вопросу о національныхъ особенностяхъ ¹⁾“, напечатанной въ журналѣ „Рус-

¹⁾ Первоначально она служила докладомъ въ Философскомъ Обществѣ при С.-Петербургскомъ университетѣ 8-го апрѣля 1899 года.

скій Филологическій Вѣстникъ" (1899, т. 42) и представлявшей отрицательный отвѣтъ на этотъ вопросъ, поскольку шла рѣчь объ особенностяхъ духовнаго характера, присущихъ тому или другому народу искони, такъ сказать врожденныхъ ему. Признавая въ полной мѣрѣ существованіе національныхъ особенностей, я думаю, что онѣ развиваются лишь при условіи національнаго самосознанія и не оказываютъ вліянія на примитивныя формы общественнаго быта. Когда создается національное сознаніе, а возникновеніе его можетъ произойти при благопріятныхъ условіяхъ (напримѣръ, при столкновеніи съ чуждой расой) въ очень древнюю эпоху, то у племени начинается складываться своя, самобытная фізіономія. Такъ, оригинальный, національный характеръ мы можемъ приписать, какъ мнѣ кажется, уже общендоевропейской культурѣ, выясненію которой я посвящалъ статьи: „Жреческая культура индоевропейцевъ" (*Живан Старина* за 1900 годъ) и „Новыя сочиненія о языкѣ и культурѣ индогерманцевъ" (*Журн. Мин. Нар. Просв.* 1899, ч. 382, стр. 493—512). Такииъ образомъ цѣль статей, названныхъ выше, составляетъ по мысли одно цѣлое съ тѣми, которыя помѣщены ниже.

I.

Родовой бытъ.

Въ предшествующемъ очеркѣ мы говорили о первичной индивидуальной организаціи человѣчества, при которой каждый человѣкъ настолько ставитъ себя въ центрѣ міра, что не признаетъ ничьихъ правъ, кромѣ своихъ, не любитъ никого, кромѣ себя. Однако, животная привязанность къ женѣ и дѣтямъ не можетъ быть вовсе чужда и ему, хотя она должна по самой натурѣ его не отличаться прочностью. Едва человѣкъ выходитъ изъ тѣхъ жалкихъ ви́шнихъ условій, въ которыхъ живетъ бушменъ, австралиецъ или андаманецъ, какъ въ немъ пробуждаются гуманныя чувства, благодаря которымъ первоначальная крошечная семейная группа разрастается уже въ цѣлый родъ. Семейныя узы, первоначально крайне слабыя, съ теченіемъ времени крѣпнута; дѣти все болѣе учатся цѣнить родительскую любовь, а родители питаютъ страстную нѣжность къ дѣтямъ. Разсказываютъ, что у патагонцевъ жена всегда можетъ удержать мужа отъ путешествія, увѣряя его, что ребенокъ его не можетъ разлучиться съ отцомъ; тогда этотъ послѣдній остается, чрезвычайно обрадованный тѣмъ, что

его дѣтя такъ любить его ¹⁾. Если у навахо родители не рѣшаются наказывать дѣтей изъ боязни быть застрѣленными ими, если у туземцевъ Калифорніи родители совершенно равнодушны къ дѣтямъ, а эти послѣднія отлучаются отъ нихъ, едва научившись ловить мышей и змѣй ²⁾, если наконецъ на вѣжную привязанность отца и матери дѣти у луизианскихъ индѣйцевъ, у ительменовъ и многихъ другихъ племенъ отвѣчаютъ грубостями или даже побоями, въ которыхъ восторженные родители видятъ залогъ свободнаго развитія смѣлой души воина; то съ другой стороны у дакотовъ взаимная любовь отцовъ и дѣтей доходитъ до такой чуткости, что бывали случаи, когда дѣтя, не будучи въ состояніи вынести упрековъ родителей, кончало съ собой самоубійствомъ. Штейнметцъ собралъ длинный рядъ примѣровъ педагогическихъ возрѣній дикарей, которые онъ дѣлитъ на три группы (это дѣленіе имѣеть, конечно, только психологическое значеніе). Къ первой группѣ онъ относитъ всѣ тѣ случаи, въ которыхъ родители изъ равнодушія, излишней любви или принципа совершенно не вмѣшиваются въ ходъ развитія своихъ дѣтей. Такихъ примѣровъ у него очень много. Нѣсколько меньше случаевъ второго рода, представляющихъ переходную стадію отъ полнаго отсутствія воспитанія къ первымъ попыткамъ родителей направлять нравственное развитіе дѣтей въ ту или иную сторону. Побой играютъ здѣсь послѣднюю роль (у дакотовъ одна мать умертвила себя, принявъ слишкомъ близко къ сердцу, что отецъ поколотилъ ея сына); въ общемъ, всѣ отношенія между родителями и дѣтьми основаны на такомъ глубокомъ уваженіи первыхъ къ личности и будущей роли послѣднихъ, какому могло бы позавидовъть и современное общество. Списокъ племенъ, примѣняющихъ къ дѣтямъ суровую систему побоевъ и солдатской дисциплины, у Штейнметца очень невеликъ: онъ включаетъ всего 11 племенъ, тогда какъ первый содержитъ 41 имя, а второй 25. Эта статистика при всемъ своемъ видимомъ несовершенствѣ позволяетъ сдѣлать очень важный выводъ о томъ значеніи и размѣрахъ, какіе при первомъ развитіи гуманнхъ чувствъ заняла родительская любовь.

Нѣтъ сомнѣнія, что при равнодушіи, которое господствуетъ во взаимныхъ отношеніяхъ у самыхъ дикихъ народовъ, ассоціація отдѣль-

¹⁾ *Steinmetz*, *Ethnologische Studien zur ersten Entwicklung der Strafe*. 1894, т. II, стр. 184 (отсюда взяты и многіе изъ нижеприведенныхъ примѣровъ).

²⁾ Объ этомъ раннемъ обособленіи ребенка см. книгу Otis T. Mason'a: „*The origins of invention*“ (London 1895, стр. 16). Было бы очень желательно видѣть переводъ этой прекрасной книги на русскій языкъ.

выхъ племенъ можетъ имѣть мѣсто лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда непосредственная выгода взаимодѣйствія видна всѣмъ ея участникамъ. Это случаи совмѣстной охоты или обороны, которые мы уже приводили раньше. Но филиппинскіе негритосы или бушмены могутъ соединяться рѣдко и не надолго; иначе они умерли бы съ голоду, охотясь сообща за какой-нибудь мелкой дичью. Совершенно мѣняется картина, когда судьба пошлетъ такому дикарю добычу, съ которой одному ему не справиться, когда, напримѣръ, море выброситъ на австраійскій берегъ разлагающійся трупъ кита. Тогда, по словамъ Зибера („Очерки“, стр. 189), всѣ его чувствованія испытываютъ внезапное превращеніе. Вмѣсто того, чтобы бояться покушенія на свою собственность, онъ преисполняется щедрости и жаждетъ увидать около себя своихъ друзей. Съ этой цѣлью онъ немедленно принимается за дѣло вмѣстѣ съ женой и зажигаетъ большіе огни для оповѣщенія окрестности о столь радостномъ событіи. Исполнивъ эту обязанность, онъ ватираетъ всего себя саломъ, потомъ обмазываетъ своихъ любимыхъ жевъ и, приготовленный такимъ образомъ, прорѣзываетъ себѣ путь до мяса, которое твердо, какъ гусиное перо, избираетъ лучшіе кусочки и печетъ ихъ на огнѣ или жаритъ, накалывая мелкіе куски на палку. Постепенно начинаютъ появляться другіе туземцы изъ окрестностей: ночью они танцуютъ и поютъ, а днемъ ѣдятъ и спятъ, и это пиршество тянется безъ перерыва цѣлые дни, пока имъ не наскучитъ проѣдать себѣ дорогу въ китѣ, и вы видите, какъ они лезутъ взадъ и впередъ по вонючему остову, выбирая лучшіе куски. Размѣры аппетита дикаря служатъ огромнымъ препятствіемъ на пути къ заключенію крупныхъ союзовъ. Рассказываютъ, что бушменъ съ пятью земляками безъ затрудненія съѣсть въ одинъ часъ жирную овцу, а въ теченіе полуночи цѣлую кваггу вмѣстѣ съ кожей и шерстью, что готтентоты въ часъ могутъ съѣсть по 8 фунтовъ мяса; вогулъ, наголодавшійся за нѣсколько дней, съѣдаетъ штукъ пять тетерокъ вмѣстѣ съ похлебкой, въ которой онѣ варились, заѣдая все это массой сушеной рыбы, замѣняющей ему хлѣбъ и т. п. Такіе размѣры аппетита объясняются частыми голодовками, какія приходится терпѣть необезпеченному охотнику. Поэтому, прочный союзъ можетъ возникнуть лишь тамъ, гдѣ пищи много, и гдѣ добыча ея имѣетъ постоянный характеръ.

Къ этимъ двумъ факторамъ образованія родовой группы, т. е. къ усиленію нравственной связи между членами семьи и къ достиженію сравнительной обезпеченности жизни, присоединяется въ качествѣ

очень сильнаго фактора развитіе культа предковъ. Мы видѣли, что уже самыя дикія племена боятся своихъ покойниковъ и для обезпеченія себя отъ посѣщенія ихъ душъ сожигаютъ или хоронятъ все ихъ добро, а хвизну ихъ покидаютъ навсегда или сожигаютъ. Вѣра въ переживаніе души послѣ смерти распространена среди всего человѣчества. Каково бы ни было ея происхождение, лежать ли въ основѣ ея странствованіе души во снѣ и явленія тѣни, какъ думаютъ Спенсеръ ¹⁾, датскій психологъ Гефдингъ и др.,—воззрѣніе, которое находитъ сильную поддержку въ народныхъ повѣртіяхъ всѣхъ временъ и народовъ ²⁾,—или же нѣчто врожденное человѣку, во всякомъ случаѣ, мы вездѣ найдемъ вѣру въ посмертное существованіе души, хотя представленія объ этомъ существованіи могутъ быть очень неясными. Такъ, веддахи допускаютъ мысль, что душа покойника послѣ смерти остается на мѣстѣ его погребенія, при которомъ, однако, не соблюдается никакихъ обрядовъ, но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что они знаютъ культъ предковъ. Сарасинъ рассказываетъ („Ergebnisse“, стр. 497) о двухъ дикихъ веддахъ, которые, по ихъ сообщенію, не вѣрили ровно ни во что; другая группа вѣрила, что послѣ смерти люди превращаются въ духа или яка, но не приносили имъ никакихъ жертвъ. Малайцы не вѣдаютъ страха передъ привидѣніями, а души и духовъ представляютъ себѣ совершенно на подобіе дѣйствительныхъ существъ (Ratzel, II, 473). Мадагасцы имѣютъ уже развитой культъ душъ и придаютъ огромное значеніе правильному, обрядовому погребенію, такъ какъ душа не успокаивается до тѣхъ поръ, пока тѣлу не будутъ оказаны надлежащія почести (loc. cit., 517—518). Наконецъ, австралійцы вѣрятъ въ то, что души покойниковъ переживаютъ тѣло и сидятъ на деревьяхъ; иногда они входятъ въ ротъ человѣка и выходятъ изъ него въ видѣ газовъ. Они являются дѣятельными помощниками человѣка, а души предковъ стараются оказывать своимъ потомкамъ всякія услуги (loc. cit., 92). Такимъ образомъ, отъ смутнаго представленія о духахъ вообще человѣкъ постепенно приходитъ къ живому представленію о дѣятельной силѣ своихъ предковъ. Этотъ переходъ можетъ совершиться лишь тогда, когда связь между родителями и дѣтьми настолько окрѣпнетъ, что ея не можетъ уже разор-

¹⁾ „Основанія социологія“, т. I.

²⁾ Напрямѣръ, въ средніе вѣка думали, что дьяволъ, заключая договоръ съ человѣкомъ, беретъ въ залогъ его тѣнь. См. объ этомъ С. Meyer, „Der Aberglaube des Mittelalters“ (Basel 1884); на эту книгу обращаемъ особенное вниманіе читателей.

вать и смерть. Поэтому культъ предковъ, чуждый первобытному человѣку, является отвѣтомъ на естественную потребность его души, едва она достигаетъ до сознанія своей принадлежности къ семьѣ. Этотъ культъ, это ожиданіе благодѣтельныхъ послѣдствій его связываетъ сородичей такъ же крѣпко, какъ необходимость коопераціи на охотѣ или рыбной ловлѣ. Онъ распространенъ на всей землѣ у народовъ, достигшихъ завѣтнаго уровня культуры ¹⁾.

Объяснять происхожденіе родовой организаціи одними экономическими соображеніями нельзя уже потому, что, какъ мы знаемъ, сородичей у родовыхъ племенъ соединяють узы самой нѣжной привязанности. Штейнметцъ, подробно изслѣдовавшій вопросъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ на члена рода за преступленія, не выходящія за предѣлы его, констатируетъ неопредѣленность, даже зачастую полное отсутствіе взысканія, указывающія на то, что первоначально это послѣднее служило лишь импульсивной, истинктивной реакціей на преступленіе (тамъ же, II, 176). Тѣмъ не менѣе, въ основѣ этой индифферентности родичей къ преступнику лежатъ часто, какъ мнѣ думается, не нравственная халатность, въ которой упрекаетъ эти племена Штейнметцъ, а напротивъ глубокое убѣжденіе, что преступникъ, положимъ, убійца, убилъ свою жертву не ради корыстныхъ цѣлей, что въ убійствѣ онъ лишился дорогого для себя человѣка, и что поэтому его надо жалѣть, а не казнить. Достаточно привести два-три примѣра. У гуруновъ предполагается, что убійца имѣлъ достаточныя основанія, чтобы совершить свое преступленіе. Его даже жалѣють за то, что ему пришлось поднять руку на свою кровь. У индѣйцевъ Гвіаны ссоры между туземцами большая рѣдкость. Въ случаѣ оскорбленія они только не гонорятъ между собой, что очень ихъ огорчаетъ; назвать сородича дурнымъ человѣкомъ равносильно проклятію. Въ большинствѣ случаевъ преступникъ оказывается вынужденнымъ покинуть свой домъ, иногда его присуждаютъ къ штрафу. Чрезвычайно любопытная форма взысканія наблюдается у одного сѣвероамериканскаго племени, гдѣ за собственное увѣчье или даже за горе несчастному приходится платить штрафъ, который по отношенію къ роднѣ съ материнской стороны признается уплатой за пролитую родовую кровь, а по отношенію къ родственникамъ по отцу считается деньгами на утѣшеніе (Trostgeld). Дальше этого родовая связь, какъ жется, не можетъ идти.

¹⁾ Штейнметцъ, тамъ же, т. I, стр. 277.

Какъ же складывается жизнь въ родовыхъ группахъ? Прежде всего, слѣдуетъ отмѣтить, что въ нихъ входятъ вовсе не одни дѣйствительные члены семьи. Въ томъ явленіи, которое Бюхеръ признаетъ доказательствомъ взаимнаго равнодушія родителей и дѣтей, т. е. въ обычай усыновленія, чрезвычайно распространенномъ у всѣхъ народовъ земли, нужно видѣть, думается мнѣ, скорѣе указаніе на зарождающееся или уже укоренившееся высокое пониманіе семейнаго очага. „Главная цѣль усыновленія“, говоритъ А. Постъ ¹⁾: „сохранить родъ, особенно въ случаѣ бездѣтности родителей или отсутствія подходящаго наслѣдника“. Поэтому у многихъ племенъ усыновленіе допускается лишь тогда, когда бракъ бездѣтенъ, или дѣти умерли; усыновленный поддерживаетъ культъ предковъ; поэтому сумасшедшихъ усыновлять нельзя, а съ другой стороны запрещается отдавать изъ семьи такое дитя, которое предназначается для сохраненія культа предковъ. Кромѣ усыновленныхъ, въ составъ рода могутъ входить лица, нуждающіяся въ его покровительствѣ, даже военнопленные (Post, 122).

Родовымъ бытомъ живутъ (слѣдуя въ названіяхъ классификаціи Гроссе) „высшіе охотники“ и „скотоводы“ ²⁾. Къ первымъ относятся видѣйцы на сѣверо-западѣ Америки, напримѣръ, тлякиты, камчадалы и др. племена Америки и сѣверной Азіи, которыя питаются по преимуществу или исключительно дарами моря, лососью, тюленемъ и т. п. Общество ихъ гораздо значительнѣе, нежели группы низшихъ охотниковъ; такъ, напримѣръ, казаки, занимающія Камчатку, находили въ одномъ острогѣ отъ 200 до 300 человѣкъ; но они не только значительнѣе, они и замкнутѣе. Ихъ деревни напоминаютъ цѣлые города, содержатъ нѣсколько десятковъ домовъ и нѣсколько сотенъ жителей, и имѣютъ характеръ не временной, какъ стоянки веддаховъ или бушменовъ, но прочный, осѣдлый. Иногда цѣлая деревня селится въ одномъ домѣ, который представляетъ весьма замѣчательное сооруженіе. Самоанское семейство состоитъ изъ обширной группы родственниковъ человѣкъ въ 50, въ которую входятъ и дяди, и двоюродные братья и т. д. Такое семейство владѣетъ однимъ большимъ домомъ, своего рода клубомъ, и нѣсколькими меньшими домами, расположенными одинъ возлѣ другого; въ Новой Гвинее путешественникъ на-

¹⁾ А. Н. Post, Grundriss der ethnologischen Jurisprudenz, 1894, стр. 101.

²⁾ Характеристика этихъ племенъ составлена по книгамъ Гроссе, Гмльдебранда, Зибера, Ратцеля и др.; отдѣльныя цитаты не приводятся.

шелъ домъ туземцевъ, который имѣлъ 30 футовъ ширины и около 300 длины; онъ былъ раздѣленъ на камеры, пространствомъ около 10 футовъ; общая часть дома, составлявшая около трети его ширины, содержалась весьма чисто. „Какъ назвать общество, обитавшее въ подобномъ домѣ?“ спрашиваетъ Зиберъ. „Семействомъ, братствомъ, родомъ, кланомъ? За одно можно поручиться, что это было собраніе родичей, ведущихъ общее хозяйство и спящихъ подъ одною кровлей“. У эскимосовъ, въ южной Гренландіи, встрѣчаются дома болѣе 60 футовъ длины, содержащіе въ себѣ помѣщенія для 10 семействъ ¹⁾.

При такомъ количествѣ жителей въ одномъ домѣ, конечно, ставится возможно уже нѣкоторое раздѣленіе труда, при которомъ на долю женщины падаетъ устройство дома, нянчленіе дѣтей, собраніе ракушекъ или растений и т. п., а мужчина охотится или работаетъ внѣ дома. Интересную форму такого раздѣленія труда мы находимъ у якутовъ и тунгусовъ, населяющихъ Верхоянскій округъ Якутской области и промысляющихъ по берегамъ Ледовитаго океана охотой за дикими оленями. Два или три искусныхъ стрѣлка каждый день отправляются съ ружьями или луками къ оленьимъ табунамъ и убиваютъ по нѣскольку штукъ. Воротясь домой, они извѣщаютъ свой таборъ, что тамъ то подстрѣлены олени. Тотчасъ добычу привозятъ въ таборъ и мясо этихъ оленей раздѣляется по числу наличныхъ членовъ, а кожа по общему приговору дается кому-нибудь одному. Въ правѣ на этотъ даръ соблюдается очередь, на которую не претендуетъ только самъ промышленникъ. Убьетъ ли онъ въ теченіе лѣта 100 штукъ или одну, польза для него одинакова, т. е. онъ не получаетъ себѣ ничего и не имѣетъ никакого права нигдѣ претендовать на это. Такой обычай основанъ у туземцевъ на томъ понятіи, что стрѣлокъ убиваетъ добычу не для себя, а для всѣхъ вообще, и еслибъ онъ началъ о томъ споръ, то долженъ навсегда лишиться охотничьяго таланта (Зиберъ, 20). Раздѣленіе труда, допускавшее у глинянниковъ существованіе специальныхъ кузнецовъ, столяровъ и серебрянниковъ, тѣсно связано съ торговыми сношеніями племенъ. Если низшіе охотники знаютъ только мѣнновой торгъ, то у высшихъ есть уже и монета. У однихъ изъ нихъ (калифорнцевъ) ей служатъ раковины и бѣлыя оленьи шкуры, у другихъ (на сѣверозпадѣ) одѣяла.

¹⁾ Такіе же дома имѣются у даяковъ на Борнео. *Gomme, The village Community, 1890, стр. 11.*

Наконецъ, мы находимъ здѣсь уже рабовладѣльчество и разныя степени богатства. У высшихъ охотниковъ плутократія обычное явленіе. Среди одного и того же рода (innerhalb eines Geschlechtes), общнаеть о тлинкитахъ Краузе, нѣкоторыя семья занимають высшее положеніе, чѣмъ остальные; онѣ образуютъ своего рода дворянство, преимущества котораго зависятъ не столько отъ рожденія, сколько отъ обладанія значительной наслѣдственной собственностью. Савъ вождя точно такъ же связанъ съ перевѣсомъ богатства, которое заключается главнымъ образомъ въ рабахъ. Обыкновенно онъ переходитъ отъ дяди къ племяннику, но бываютъ случаи, что выбираютъ другого вождя. Среди сѣверныхъ калифорницевъ наслѣдственный савъ вождя почти неизвѣстенъ. Если сынъ является преемникомъ отца въ этой должности, то это случается лишь потому, что онъ унаслѣдовалъ его состояніе; едва появится человекъ болѣе богатый, какъ прежній вождь безъ дальнихъ разговоровъ лишается своего значенія въ пользу новаго богача, значенія, но не власти, потому что вождю повинуются настолько, насколько это каждому угодно. Власть вождя племени слабая тѣмъ авторитета главы рода, и только во времена войнъ изъ среды воиновъ возвышается кто-нибудь наиболѣе искусный и воинственный, которому остальные инстинктивно повинуются. Сыгравъ свою роль неограниченнаго государя на войнѣ, онъ возвращается въ среду товарищей, една заключается миръ.

Оставляя пока въ сторонѣ вопросъ о матриархатѣ, многоженствѣ и бракѣ куплей, который встрѣчается одинаково у скотоводческихъ племенъ и высшихъ охотниковъ, я коснусь ихъ родовой организаціи. Чинуки Сѣверной Америки, заключая бракъ, вводятъ своихъ жень въ родительскій домъ; нѣсколько поколѣній вмѣстѣ дружно живутъ подъ одной обширной кровлей, пока родъ не разросется до такихъ размѣровъ, что сожитіе его становится практической невозможностью. То же самое наблюдается у нутка: каждый домъ вмѣщаетъ толпу родственниковъ, при чемъ вождь живетъ на верхнемъ концѣ, а остальные размѣщаются по степени родства съ нимъ. У камчадаловъ, какъ мы уже видѣли, родъ зачастую состоятъ изъ 200—300 человекъ, что объясняется обычаемъ брать мужей дочерей къ себѣ на домъ; тотъ, у кого было много дочерей, могъ легко завести большую семью и устроить огромный острогъ (деревню). „Наши данныя не позволяютъ съ увѣренностью сказать“, замѣчаетъ Гроссе (стр. 87): „поскольку домашнія родовыя общины функционируютъ и въ качествѣ промысловыхъ товариществъ. Мы знаемъ, что на охоту и на рыбную

ловлю зачастую собираются значительныя группы подъ руководствомъ избраннаго вождя, но мы не знаемъ, являются ли эти группы домашними и деревенскими общинами". Отмѣтить этотъ фактъ очень важно, потому что, читая о значительныхъ сооруженіяхъ у дикарей, легко впасть въ заблужденіе и приписать прочную организацію такимъ рабочимъ союзамъ, которые имѣютъ характеръ временный и произвольный; въ это заблужденіе, думается мнѣ, впалъ и Зиберъ, который серьезно говоритъ объ общинныхъ работахъ по выжиганію лѣсовъ, по орошенію и т. п. у самыхъ дикихъ народовъ земли.

Саянъ родового вождя у высшихъ охотниковъ имѣеть чисто номинальное значеніе; зато онъ нерѣдко связанъ съ неограниченной властью у племенъ скотоводческихъ, безчисленнаго множества племенъ, раскинувшихся въ необозримыхъ степяхъ Азіи отъ тибетскаго плоскогорія на югѣ до Ледовитаго океана на сѣверѣ, отъ сѣверныхъ береговъ Тихаго океана на востокѣ до Каспійскаго моря на западѣ. Въ южной Индіи и на сѣверѣ Европы, въ степяхъ Аравіи и въ центральной Африкѣ, наконецъ, на югѣ ея, у каффровъ и готтентотовъ, скотоводство главное занятіе жителей. Переходя со своими стадами съ мѣста на мѣсто, эти племена движутся въ опредѣленныхъ границахъ, нарушеніе которыхъ влечетъ за собой набѣгъ сосѣдей. У конныхъ племенъ южной Америки, которыя развились лишь съ того времени, когда европейцы завезли въ новый свѣтъ лошадь, у каждаго племени точно также своя опредѣленная область, на которой чужеземецъ не смѣетъ раскинуть палатки. Каждый годъ въ известное время года племя переходитъ со своими стадами въ то мѣсто, гдѣ было въ ту же пору въ прошломъ году; по справедливому замѣчанію академика В. Радлова, владѣлецъ оленей (а это примѣнимо ко всякому скотоводческому племени) при своихъ блужданіяхъ долженъ имѣть въ виду свой скотъ, и потому можетъ двигаться лишь по тому пути, гдѣ этому послѣднему не грозитъ никакой опасности. По сообщенію одного путешественника начала XIX вѣка, жители внутренней Африки снимаются со своей зимней стоянки въ февралѣ мѣсяцѣ, когда солнечный зной начинаеть выжигать скудную растительность степи, и приближаются къ южнымъ негритинскимъ государствамъ; здѣсь они остаются все лѣто, добывая въ обынѣ за соль, которую приносятъ съ собой изъ степей, хлѣбъ и другія необходимыя вещи, а въ іюлѣ, при наступленіи дождливаго времени, возвращаются къ себѣ. Подобно тому, какъ у высшихъ охотниковъ, женщина и здѣсь не касается главнаго занятія мужчины: дступъ къ вымени коровы ей запрещенъ

у многихъ племенъ ¹⁾ (см. Бюхеръ, стр. 102); бедуины самъ доить своихъ верблюдовъ и кормить коней; но очень часто мужчина слагаетъ съ себя и эту обязанность и проводить цѣлые дни въ праздности, предоставляя женщинамъ и ухаживать за скотомъ, и ухаживаніе за его собственной драгоценной особой.

Общая черта всѣхъ пастушескихъ народовъ заключается въ томъ, что мяса своего скота они почти не ѣдятъ, питаются молокомъ. Гильдебрантъ собралъ рядъ примѣровъ изъ сочиненій новѣйшихъ путешественниковъ и классическихъ писателей, которые единогласно подтверждаютъ это наблюденіе. Самоѣды ѣздятъ на своихъ оленяхъ, но даже не доить ихъ, добывая себѣ средства пропитанія охотой за дикими оленями; онъ бьетъ своего оленя только для жертвоприношенія, какъ это дѣлали и древніе іудеи (3 кн. Моис. 17, 1—7) со своимъ скотомъ. Каффы, дамары, готтентоты питаются точно также исключительно добычей охоты и тѣми жалькими корнями, которые добываютъ ихъ жены. Вотъ почему, нельзя никакимъ образомъ видѣть въ бытѣ пастушескихъ народовъ высшую стадию культурнаго развитія, нежели та, на которой стоятъ сѣверо-американскіе рыболовы. Напротивъ, непостоянная жизнь съ постоянными блужданіями останавливаетъ въ зародышѣ развитіе промышленности, которая можетъ процвѣтать у охотничьихъ племенъ. Только войлочное и шерстяное производство достигаютъ совершенства у скотоводовъ; видѣлія изъ кожи тоже имѣли центромъ распространенія, вѣроятно, скотоводческія племена, а нѣкоторыя изъ нихъ славятся и металлургіей. Свободные отъ всякаго занятія, когда номады переходятъ отъ охоты къ употребленію въ пищу молока своихъ коровъ, они охотно занимаются торговлей; это очень важно для насъ, потому что, какъ мы уже видѣли, большинство культурныхъ приобритеній человѣчества вышло изъ центра, лежавшаго, по всей вѣроятности, въ области скотоводческаго быта, и древнѣйшей мѣновой единицей у народовъ средней Азіи и Европы служила корова.

Какъ у высшихъ охотниковъ, такъ и у скотоводовъ имущественнаго равенства нѣтъ. Такая переменная величина, какъ стадо, можетъ при первомъ скотскомъ падежѣ дойти до нуля, или же постепенно

¹⁾ У каффровъ уходъ за скотомъ считается не столько долгомъ, сколько правомъ мужчины; женщина подъ угрозой строгаго наказанія не смѣетъ вступать въ крадь; бедуины сдѣлались землевладѣльцами лишь со времени введенія къ нимъ тяжелаго плуга, влекаемаго быками, и то только потому, что женщинамъ не смѣютъ прикасаться къ скоту. Grosse, стр. 82—98.

возрости до огромныхъ размѣровъ. Другимъ источникомъ обогащенія является война. Смѣлый и счастливый воинъ добываетъ скотъ, жемъ, рабовъ, тогда какъ неудачнику постоянно грозитъ опасность потерять все свое имущество въ пользу сильнаго (Grosse, 97), такъ какъ, по самой своей натурѣ, большинство скотоводовъ питаетъ особое пристрастiе къ грабежу и разбою. Разбитыя по необходимости на маленькiя группы, ихъ племена не знаютъ ни политической организаціи, ни центральной власти. Родъ является единственной государственной единицей, военныя деспотiи, возникавшiя то тамъ, то сямъ среди скотоводческихъ племенъ, никогда не могли похвалиться долговѣчностью; онѣ сдерживались только личностью завоевателя и распались послѣ его смерти, какъ распались царства Чингисхана или Аттилы. Большинство помадовъ придаетъ важное значенiе родственнымъ связямъ, при чемъ эти послѣднiя считаются исключительно по отцовской линiи. Если самый промыселъ и не требуетъ соединенiя родственныхъ родовъ въ одну группу, потому что для наблюденiя за огромнымъ стадомъ достаточно незначительнаго числа пастуховъ, то въ видахъ взаимной обороны кочевники держатся поближе другъ къ другу. Но это только тамъ, гдѣ грозитъ опасность со стороны чужихъ наѣздниковъ; лапландцы, защищенные отъ набѣговъ суровостью климата, живутъ обособленными семьями—родами, лишенными опредѣленной организаціи. Родъ тулгузовъ (tagaun) представляетъ уже нѣчто болѣе законченное и находится въ управленiи избраннаго старшины, который выбирается не за возрастъ, а за богатство и хорошее поведенiе. У бурятъ и калмыковъ каждый родъ раздѣляется на группы въ 10—12 палатокъ, которыя называются *хотунъ*, а у башкировъ деревня или *ауль* состоитъ изъ 5—20 юртъ. Лагери бедуиновъ бываютъ самыхъ разнообразныхъ размѣровъ и содержатъ отъ 10 до 800 палатокъ. Зимой племя распространяется по равнинѣ мелкими группами въ 3—4 палатки, на полчаса дороги между собой. Нѣсколько хотуновъ, составляющихъ одинъ родъ, имѣютъ во главѣ себя вождя, который блюдетъ его интересы. Въ мирное время его авторитетъ уступаетъ власти отцовъ семействъ, но, когда раздается военный кличъ, онъ становится во главѣ своего рода въ качествѣ уполномоченнаго диктатора, и власть его приобретаетъ тѣмъ большее значенiе, чѣмъ чаще и сильнѣе племя сталкивается съ врагами. Это явленiе замѣчается и въ жизни арабовъ, а у сомалийцевъ путешественникъ Пауличке видѣлъ семью, состоявшую изъ 150—200 хорошо вооруженныхъ мужчинъ.

Вообще, строй кочевыхъ пастушескихъ племенъ настолько однообразенъ, что, говоря объ одномъ народѣ, мы можемъ имѣть въ виду и всѣ подобныя ему. Такъ, у всѣхъ ихъ общою чертой является, кромѣ признанія родового избирательнаго вождя, совѣтъ старѣйшинъ семей въ важныхъ случаяхъ, т. е. въ вопросахъ жертвоприношенія, перемирья стоянки и т. д. Это же наблюдается у арабовъ и у готтентотовъ, а у бечуановъ замѣчается стремленіе къ совмѣстной племенной жизни. Краи отдѣльныхъ родовъ составляютъ городъ, которымъ управляетъ патриархъ старшаго и большаго краи совокупно со старѣйшинами другихъ краей, являясь такимъ образомъ своего рода *primus inter pares*.

У высшихъ охотниковъ и у кочевыхъ племенъ религія сводится къ культу родовыхъ предковъ, который является однимъ изъ связующихъ звеньевъ рода. Кромѣ этой особенности духовной жизни, они раздѣляютъ обычай купли женъ, обычай, чреватый важными послѣдствіями. Первобытныя охотничьи племена рады отдѣлаться отъ лишняго рта: не то у высшихъ охотниковъ, гдѣ всякій лишній работникъ пріобрѣтеніе; здѣсь ужъ приходится жену покупать. Въ случаѣ несостоятельности женихъ идетъ въ домъ тестя работать, за то, купивъ жену, онъ дѣлаетъ ея неограниченнымъ собственникомъ. „Женщины созданы для работы“, увѣрялъ одинъ изъ сѣвероамериканскихъ вождей: „одна женщина больше унесетъ и протаптитъ, чѣмъ двое мужчинъ. Женщины разбиваютъ палатки, чинятъ и шьютъ наши одежды, согрѣваютъ насъ по ночамъ, и прежде всего, безъ нихъ не сдѣлаешь большого путешествія“. У гайдаховъ, гдѣ принадлежность къ племени и сословію даетъ происхожденіе по матери (обычай, какъ мы уже говорили, вызванный боязнью кровосмѣшенія), положеніе женщины тоже очень низко; мужъ отдаетъ ее изъ корыстныхъ цѣлей кому угодно. Все дѣло объясняется тѣмъ, что мужчина отдастъ за жену свои кровныя денежки. Картина совершенно переминяется, когда родители возвращаютъ цѣну дочери въ видѣ обратнаго подарка жениху; тогда права сторонъ уравниваются. У тлинкитовъ, гдѣ господствовалъ этотъ обычай, женщина принимала участіе въ дѣлахъ мужа, имѣла наравнѣ въ немъ право требовать развода, и, въ случаѣ его, дѣти оставались при матери ¹⁾. У камчадаловъ, гдѣ мужъ входилъ въ домъ жены, существовалъ настоящій матриархатъ. По разказу стараго наблюдателя, Штеллера, камчадалы „до того влюблены въ

¹⁾ Подробно и очень интересно разказываетъ объ этомъ Вестермаркъ, гл. ХУШ.

своихъ женъ, что становятся ради нихъ добровольными рабами. Женщина отдаетъ приказанія и распоряжается всѣмъ домою". Однако и здѣсь *de jure* власть принадлежала мужчине, который распоряжался рукою дочери, братья зятя къ себѣ въ домъ и т. д. У кочевниковъ бракъ куплей единственная форма заключенія брака; умыканіе невѣсты признается нарушеніемъ права, наказуемымъ преступленіемъ; считать этотъ обычай переживаніемъ древнѣйшихъ брачныхъ формъ невозможно.

Нигдѣ, говоритъ Гроссе, женщина не находится въ такомъ глупомъ униженіи, какъ у кочевыхъ народовъ. И дѣйствительно, не принимая участія въ скотоводствѣ, она является только средствомъ увеличить стадо на деньги, вырученныя за нее, это—товаръ. Поэтому ни у одного кочевого народа жена не пользуется правомъ наследованія (Hildebrand, 34—35), и презрѣніе со стороны всѣхъ мужчинъ ея постоянная доля. „Противно смотрѣть“, замѣчаетъ Вамбергъ о тюркахъ: „съ какимъ равнодушіемъ и пренебреженіемъ сынъ обращается на людяхъ со своей матерью“. Положеніе дѣтей не лучше. „Дѣти дѣются едва-ли выше, чѣмъ неодушевленные предметы. Они являются собственностью отца, для котораго они должны работать, отъ котораго они обязаны откупаться. Отецъ по отношенію къ нимъ не обязанъ ровно ничѣмъ, даже поддержаніемъ ихъ существованія, разъ они подросли настолько, что могутъ сами добывать себѣ хлѣбъ. Только путемъ брака или, вѣрнѣе, приобрѣтенія собственнаго потомства они выходятъ изъ семьи“.

И такъ, подводя итоги всему вышесказанному, мы будемъ вправѣ замѣтить, что въ родовомъ быту собственность, теряя свой индивидуальный характеръ, переходитъ всецѣло къ одному лицу, отцу семейства. Въ общинѣ и этотъ послѣдній лишается собственности.

II.

Общинный бытъ.

Совмѣстная охота и рыбная ловля, которая извѣстна самымъ первобытнымъ племенамъ, не мѣшаетъ участникамъ ея чувствовать себя самостоятельными единицами, заинтересованными въ общемъ дѣлѣ только ради своей выгоды, выгоды индивидуальной. Обитатели огромныхъ домовъ у тлянкитовъ или нутка являются въ своемъ сознаніи членами одного рода, связанными между собою узами родства; но и

здѣсь на первомъ планѣ стоитъ семья, почему и общій домъ раздѣляется на углы, предназначенные для отдѣльныхъ семей. Общая родовая добыча дѣлится здѣсь на части по числу семействъ, гдѣ право на собственность имѣеть, въ сущности, только отецъ. То же мы отмѣтили въ родовомъ быту кочевыхъ пастушескихъ народовъ.

Когда родъ переходитъ къ такому занятію, гдѣ успѣхъ дѣла увеличивается пропорціонально числу рабочихъ рукъ, гдѣ добычу нельзя дѣлать такъ же просто, какъ дичь или рыбу, застрѣленную или пойманную тѣмъ или другимъ участникомъ охоты,—тогда семья разрастается въ большой родъ, а плоды труда становятся недѣльными. Я говорю объ общинномъ бытѣ, который въ наиболѣе чистомъ видѣ наблюдается у некультурныхъ земледѣльческихъ племенъ, къ числу которыхъ принадлежатъ малайцы, жители Конго и вообще очень многіе народы Австраліи, Африки и Америки. Общинный бытъ явленіе, несомнѣнно, болѣе сложное, чѣмъ примитивный индивидуальный строй или бытъ родовой, в потому при изученіи его мы встрѣчаемся съ гораздо болѣе большимъ разнообразіемъ формъ землевладѣнія и обработки полей, и здѣсь уже сказывается вліяніе національныхъ особенностей. Тѣмъ не менѣе, сходство ихъ такъ велико, что глазу, не вооруженному изученіемъ социологіи, легко можетъ представиться, будто въ основаніи его лежатъ не общія условія экономическаго развитія народовъ, но распространеніе общиннаго строя изъ одного центра. Въ это заблужденіе впалъ англійскій ученый J. F. Hewitt ¹⁾, прибѣгающій къ самымъ невозможнымъ филологическимъ приѣмамъ (въ родѣ образованія греческаго слова *ἀκρόκοις* отъ мундскаго ²⁾ *akra* или германскаго *Gau* отъ мундскаго *Gowa*) для выясненія древнѣйшихъ культурныхъ путей распространенія общины, вышедшей изъ среды племенъ Южной Индіи, изъ среды племенъ дравидовъ.

Примѣръ фантаста Hewitt'a особенно поражаетъ насъ потому, что именно англійскимъ ученымъ принадлежитъ честь изученія замѣчательнаго сходства, существующаго между общиной индійской и тѣми переживаніями общиннаго быта, которыя наблюдаются въ Англіи и Шотландіи. Ни Мэнъ ³⁾, одинъ изъ первыхъ изслѣдователей индій-

¹⁾ The ruling races of prehistoric times in India, South-Western Asia and southern Europe. Westminster. 1894. I, стр. 43.

²⁾ Мунды, неарійское племя Индіи.

³⁾ Village communities in the East and West. 1872.

ской общины, ни Гоммъ ¹⁾, подробно изучившій въ послѣднее время остатки англійской, не ищутъ происхожденія общиннаго быта изъ одного гипотетическаго центра. Однако, посвящая блестящія страницы описанію индійской общины, эти ученые пренебрегаютъ тѣми данными, которыя сообщаетъ этнографія дикарей, и даже въ книгѣ Гомма общинный бытъ этихъ послѣднихъ (даяковъ, фиджійцевъ и басутовъ) затронуть очень поверхностно. Въ отношеніи къ нимъ мы можемъ примѣнить совершенно справедливый укоръ, сдѣланный Н. И. Зиберомъ современной наукѣ: „Слѣдуетъ сознаться“, говоритъ онъ, „что принадлежность земли въ общую собственность всѣмъ вообще первобытнымъ народамъ скорѣе принималась до сихъ поръ на вѣру, какъ нѣчто подразумевающееся само собою, нежели служила цѣлью сколько-нибудь обстоятельныхъ изслѣдованій“ („Очерка“, 246 стр.).

Однако, этотъ упрекъ совершенно несправедливъ по отношенію къ нѣмецкой наукѣ. Труды Колера и Гроссе выяснили эту форму общественнаго быта до мелочей, а въ превосходномъ трудѣ А. Г. Поста: „Grundriss der ethnologischen Jurisprudenz“ (1894) мы имѣемъ классическое изложеніе общиннаго землевладѣнія и землепользованія. По опредѣленію этого ученаго, общинная организація на всей землѣ имѣла, повидимому, одинаковое происхожденіе; она вызывалась тѣмъ, что родъ садился въ извѣстной мѣстности и, какъ удачно выражается г. Зиберъ, „переносилъ на землю или, лучше сказать, на неразрывно связанный съ нею полезный матеріалъ, понятіе коллективнаго труда и пользованія“. Общинная организація пріобрѣтаетъ самостоятельный характеръ, когда родовая падаетъ, и центръ тяжести переносится съ общности по крови на общность по занятію одной земли. Такимъ образомъ, общинный бытъ вовсе не предполагаетъ на первыхъ своихъ ступеняхъ общаго права на пользованіе землей; это право ограничивается плодами и обладаніемъ землей постольку, поскольку она находится въ обработкѣ. Мы уже видѣли, что первобытный земледѣльческій строй далеко не связанъ съ осѣдлостью; даже болѣе того: эта послѣдняя невозможна, пока племя не научится уваживать землю или не перейдетъ къ плодощеремѣнной, напримѣръ, трехпольной системѣ (какъ въ Индіи). Конды Ориссы (южной части Нижней Венгаліи), описанные І. Колеромъ ²⁾, живутъ родами (можетъ быть, у

¹⁾ The Village Community with special reference to the origin and form of its survivals in Britain. London 1890.

²⁾ Zeitschrift für vergleichende Rechtswissenschaft, т. VIII (1888), стр. 262 и дал.

нихъ это уже разложеніе общины, вызванное множествомъ иноземныхъ вторженій, жертвою которыхъ было племя); родовой бытъ кондовъ очень напоминаетъ вышерассмотрѣнный нами строй жизни кочевыхъ народовъ: такъ же во главѣ племени стоитъ здѣсь староста съ болѣе или менѣе номинальной властью и съ совѣтомъ старшинъ при себѣ; такъ же здѣсь уже существуетъ раздѣленіе труда на ремесла и земледѣльство; такъ же, наконецъ, дѣти находятся въ неограниченной власти отца. Однако, конды племя земледѣльческое; при первобытномъ способѣ воздѣлыванія земли почва скоро истощается, и потому деревни черезъ каждыя 14 приблизительно лѣтъ мѣняютъ свое мѣстоположеніе. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Бенгаліи сохранилась до сихъ поръ такъ называемая система — *Лит* ¹⁾, состоящая въ томъ, что жители деревни ежегодно или черезъ годъ все болѣе углубляются въ лѣсъ, валятъ и сжигаютъ его; вскорѣ затѣмъ засѣянные поля покидаются, и когда нивы слишкомъ далеко отодвинутся отъ поселка, онъ подвигается вслѣдъ за ними. Гильдебрандъ ²⁾ собралъ очень много примѣровъ того же рода, которые показываютъ, что кочевое земледѣліе существуетъ у веддаховъ (рощаста въ лѣсу мѣняются въ промежутокъ отъ 5 до 10 лѣтъ), въ экваторіальной Африкѣ (ежегодно). въ Западной Африкѣ (тоже ежегодно), у арабовъ, уйносовъ и т. д.

Понятное дѣло, что о землевладѣніи въ нашемъ смыслѣ слова здѣсь не можетъ быть и рѣчи. По словамъ одного путешественника по Западной Африкѣ, „покинутое мѣсто возвращается, такъ сказать, во власть пустыни, и скоро даже не узнаешь, что оно было когда-то обработано“. Вслѣдствіе этого у низшихъ земледѣльческихъ племенъ права на землю собственно не существуетъ: оно замѣняется правомъ пользованія землей, правомъ на плоды деревьевъ и полей. Въ Новой Гвинее земельной собственности не существуетъ, говоритъ Розенбергъ (цитированный у Гильдебранда, стр. 49), всякій занимаетъ любое пространство земли и считаетъ себя обладателемъ его во все время, пока продолжаетъ воздѣлывать его. Въ Сьерра-Леонѣ достаточно прежнему владѣльцу земли перестать обрабатывать ее, какъ это самое мѣсто можетъ занять другой туземецъ. По словамъ Фрича, земля сама по себѣ не имѣетъ никакой цѣны въ глазахъ бечуановъ, которые считаютъ себя владѣльцами земли лишь постольку, поскольку культивируютъ ее. Тотъ же взглядъ на землевладѣніе раздѣляютъ, по расска-

¹⁾ О ней Колеръ тамъ же, т. X, стр. 336—337.

²⁾ *Recht und Sitte*, стр. 61—54.

замъ различныхъ путешественниковъ, зулусы, кафры, народы Ориссы (на сѣверо-восточномъ берегу Бенгальскаго залива), маори въ Новой Зеландіи и мн. др.

На землѣ, приобретенной путемъ оккупации ея, трудится все племя; общимъ трудомъ каждый изъ членовъ рода приобретаетъ одинаковое право на плоды. Такъ, въ Африкѣ (въ Сьерра-Леонѣ и Фернандо По) поля воздѣлываются сообща всей деревней, и хлѣбъ раздѣляется по числу семей, принимавшихъ участіе въ общемъ дѣлѣ. или же по степени нужды. У кабилловъ родъ составляетъ одну тѣсно сплоченную политическую единицу. Собственность недѣлима, и доходы съ нея, плоды полей, тратятся на содержаніе и прокормленіе всѣхъ сородичей безъ различія. У малайцевъ всѣ члены *siki* (материнскій родъ) являются дѣйствительно членами одного тѣла; они такъ тѣсно связаны между собой общими интересами, что раздѣляютъ славу и позоръ, горе и радость. Имущество *siki*, состоящее изъ построекъ и полей, переходитъ недѣлимо отъ одного поколѣнія къ другому (Grosse, 140). У нѣкоторыхъ малайскихъ племенъ плата за жену собирается среди членовъ всего рода, который такимъ образомъ уступаетъ своему члену право на временное пользованіе женой; въ случаѣ его смерти на этой послѣдней можетъ жепиться всякій изъ сородичей, не внося новой платы. У карибовъ жатва складывается въ общественные амбары; каждая семья получаетъ изъ нея свою долю; поля обрабатываются сообща.

Однако, въ большинствѣ случаевъ мы встрѣчаемся уже съ болѣе развитой формой общины, гдѣ поля не обрабатываются сообща, но дѣлятся между членами общины. Признавая эту форму землепользованія болѣе развитой, но не приписывая ей самостоятельного, иного происхожденія, нежели общинѣ съ недѣлимыми полями, происшедшей изъ рода, я основываюсь на томъ, что раздѣленные участки земли отдаются членамъ общины, по большей части, не по жребію, но по назначенію родового, а потомъ общиннаго старшины. Такія указныя поля мы находимъ у басутовъ въ Южной Африкѣ, гдѣ страна принадлежитъ всей общинѣ, и никто не имѣетъ права располагать питающею его почвой. Начальники указываютъ своимъ вассаламъ доли земли, которыя они должны занимать, а эти послѣдніе даютъ каждому отцу семейства участокъ, пригодный къ обработкѣ и соответствующій его потребностямъ. Это пользованіе, разъ данное, обезпечено для владѣльца на все время, пока онъ остается на мѣстѣ; если онъ переселится въ другое мѣсто, то долженъ сдать поле обратно на-

гальнику, отъ котораго получалъ его, чтобы послѣдній могъ распоряжаться имъ въ пользу другого лица. Границы полей обозначены съ достаточною точностью. Случаи споровъ подвергаются рѣшенію тейскаго суда сосѣдей, а въ послѣдней инстанціи суду начальника Зиберь, стр. 252). Этотъ начальникъ, какъ я уже сказалъ, въ сущности патриархъ рода; ему одному принадлежитъ земля; онъ одинъ заводитъ доходы. У кабиловъ родъ доставляетъ каждому изъ своихъ членовъ рабочія орудія, оружіе и капиталъ для веденія торговли или занята ремесломъ, которое онъ избралъ для себя. Зато каждый изъ нихъ обязанъ отдать весь свой трудъ на пользу общинѣ и весь заработокъ передавать въ руки родового старшины. Поэтому указныя поля далеко не составляютъ особености однихъ басутовъ. Ту же систему раздѣленія земли мы находимъ, напримѣръ, на Палаускихъ островахъ, гдѣ король былъ распорядителемъ земельныхъ участковъ: онъ раздавалъ эти послѣдніе своимъ подданнымъ, которые владѣли ими, пока культивировали; всякій разъ, когда такое лицо переселялось съ семьею на новое мѣсто, его участокъ возвращался къ королю, который передавалъ его другому. У санталовъ (въ сѣверной части перхней Индіи) во главѣ каждой деревни стоитъ старшина, который распределяетъ землю и слѣдитъ за ея воздѣлываніемъ. Онъ не пользуется никакимъ правомъ на лучшіе участки земли; какъ въ нашей общинѣ, каждый получаетъ свою долю и въ удобной, и въ дурной землѣ. У гуруновъ (въ Сѣв. Амер.) передѣлы повторяются черезъ каждые два года, и земля распределяется на совѣтѣ старшинъ, въ которомъ участвуютъ четыре женщины и одинъ мужчина.

Можно думать, что дѣленіе земли по жребію форма болѣе поздняя, нежели распределение участковъ по волѣ старѣйшины или совѣта: оно предполагаетъ уже отсутствіе тѣсной родовой связи между членами общины, и, вообще говоря, встрѣчается у некультурныхъ народовъ рѣдко. Постомъ эта система дѣлежа отмѣчена у бразилійскихъ индѣйцевъ, въ Пенджабѣ и въ другихъ немногихъ мѣстахъ.

Чрезвычайно любопытно прослѣдить, какъ изъ общинной собственности мало-по-малу развивается индивидуальная. На основаніи собранныхъ Гроссе данныхъ мы можемъ отмѣтить этотъ процессъ, по крайней мѣрѣ, въ нѣсколькихъ случаяхъ. Каждый городъ индѣйцевъ Пуэбло раздѣляется на племена или роды, и каждая изъ этихъ группъ носитъ названіе какого-нибудь звѣря, птицы, травы, дерева, планеты или одной изъ четырехъ стихій. Землей они владѣютъ сообща, видя въ ней общинную собственность; но если извѣстное лицо обработало

участокъ земли отъ себя, самостоятельно, то оно приобретаетъ личное право на него и получаетъ право продать его любому изъ членовъ своего рода. Другимъ способомъ выдѣленія индивидуальной собственности изъ общинной служатъ торговля и промышленность, которыя обогащаютъ не весь родъ, а отдѣльное лицо, хотя все-же мы знаемъ немало случаевъ, когда членъ общины оказывается обязаннымъ отдавать весь свой заработокъ старшинѣ. Это, съ нашей точки зрѣнія, ненормальное явленіе сохраняетъ свою законѣрную силу только по традиціи; контроль доходовъ промышленника зачастую оказывается невозможнымъ, и вслѣдствіе этого лицо, эманципировавшееся отъ власти родовыхъ предразсудковъ, оказывается въ состояніи прикупить собственное богатство. Такимъ образомъ, по словамъ Гроссе (стр. 136), у большинства низшихъ земледѣльческихъ народовъ существуетъ поряду съ общинной собственностью частное владѣніе благоприобрѣтеннымъ имуществомъ, которое въ своемъ развитіи приводитъ, какъ мнѣ кажется, къ постепенному вымиранію общинной собственности¹⁾. Какъ послѣднюю вспышку угасающаго пламени, отиѣтимъ переживаніе общины въ видѣ обычая сообща обрабатывать нѣкоторыя поля, обычая, сохранившагося въ Сѣверной Америкѣ у племени криковъ (Ровѣ, стр. 336).

Покочивъ съ вопросомъ о землепользованіи, коснемся другого, весьма важнаго вопроса о родовой власти у земледѣльческихъ народовъ. Какъ во главѣ кочевыхъ племенъ стоятъ вожди съ совѣтомъ родовыхъ старшинъ около себя, такъ точно бываетъ и здѣсь. Только отъ общины легче переходъ къ государству, и у земледѣльческихъ народовъ мы находимъ переходныя формы отъ простой общины къ цѣлому союзу этихъ послѣднихъ, политическому союзу съ верховной властью. Иногда во главѣ общины стоитъ старшина, значеніе котораго весьма слабо и всецѣло зависитъ отъ его личности.

Такъ, на Самоа отцы семействъ избираютъ изъ своей среды деревенскаго вождя; изъ числа ихъ потомъ выбирается старшина всей области. По описанію Тернера (Зиберъ, стр. 269), „здѣсь границы

¹⁾ Развитіе того же процесса въ древней Индіи описано въ книгѣ Лейста: „Alt-arisches Jus Gentium“ (1889, стр. 419). „При существованіи наследственной общины“, говоритъ онъ на основаніи брахманической литературы: „все, что приобрѣлъ отдѣльный членъ ея обычнымъ путемъ, принадлежитъ общинѣ; но то, что добыто съ помощью ученой дѣятельности (очевидно, болѣе поздняя привилегія брахмановъ), становится частной собственностью ученыхъ членовъ общины“ (Gautama, 28, 80, 81).

участка, принадлежащаго каждому семейству, точно опредѣлены, и лицо, признаваемое въ данное время главою семейства, имѣеть право располагать имъ. То же самое привѣняется къ начальникамъ. Имъ принадлежать опредѣленные участки земли. Необработанныя пространства подчиняются праву тѣхъ, кто занимаетъ землю по краямъ ихъ. Хотя право продажи земли и исполненіе другихъ важныхъ обязанностей, имѣющихъ отношеніе къ членамъ семейства, и совѣщаются въ лицѣ главы семейства, но послѣдній ничего не можетъ предпринять безъ формальнаго совѣщанія съ остальными. Если бы онъ пожелалъ держиваться противоположнаго образа дѣйствій, то у него отняли бы достоинство главы и передали бы другому. Итакъ, члены семейства могутъ лишить достоинства своего главу, а главы семействъ своего начальника, и отдать таковое брату, дядѣ или другому члену семейства, который, по ихъ убѣжденію, будетъ дѣйствовать въ большемъ согласіи съ ихъ желаніями. Эти сельскія общины, съ числомъ жителей отъ 200 до 500, считаютъ себя совершенно отдѣльными и независимыми отъ другихъ, свободными дѣйствовать на своей собственной землѣ и въ своихъ дѣлахъ. Сверхъ того, эти деревни соединяются съ общаго согласія въ одно цѣлсе въ числѣ 8 или 10 и образуютъ округъ для взаимной защиты. Нѣсколько деревень извѣстны какъ главныя въ округѣ и, согласно древнему обычаю, самый высшій начальникъ живетъ въ одной изъ этихъ деревень въ качествѣ главы ея.

Иногда община не знаетъ никакого начальника и управляется лишь совѣтомъ родовыхъ старшинъ. Этотъ строй существуетъ какъ въ Африкѣ (у племени кру), такъ и въ Америкѣ и въ Азіи. Интересную картину его представляетъ быть гурополь, интересную особенно потому, что мы видимъ здѣсь въ самомъ яркомъ свѣтѣ матриархатъ, форму жизни, довольно обычную у земледѣльческихъ племенъ и обязанную своимъ происхожденіемъ тому возрѣнію первобытныхъ народовъ на земледѣліе, по которому оно является исключительной заботой женщины. Женщина, какъ первая изобрѣтательница хлѣбопашества, имѣеть преимущественное право и на землю и на всѣ доходы съ нея, а у земледѣльческихъ племенъ и на все домашнее имущество. Я не буду останавливаться подробно на этомъ попросѣ, которому Гроссе посвятивъ обстоятельное разсужденіе: моя задача освѣтить только примитивныя общинныя формы землевладѣнія и показать, какъ изъ общины развивается государство. Возвращаясь къ совѣту старшинъ, я укажу на устройство его у гуроновъ. Это племя состоятъ изъ двѣнадцати материнскихъ родовъ;

въ составъ каждой деревенской общины входятъ представители различныхъ родовъ (подобное же явленіе извѣстно у никобаровъ). Земля, общее достояніе всего племени, раздѣляется между родами на совѣтъ племени, который составляютъ представители родовъ. Въ свою очередь, родовая область распределяется по участкамъ среди отдѣльных семействъ, и это распределеніе принадлежитъ родовому совѣту, въ составъ котораго входятъ четыре наиболѣе чтимыя хозяйки домовъ, подъ предсѣдательствомъ мужчины. Это участіе женщинъ понятно, потому что на нихъ обязанности лежатъ воздѣлываніе сообща всѣхъ родовыхъ участковъ. У весьма многихъ племенъ Африки и Океаніи на ряду съ совѣтами функционируютъ собранія всѣхъ членовъ общины.

Если у кочевыхъ земледѣльческихъ народовъ объединеніе совершалось искусственнымъ путемъ въ случаѣ необходимости общей защиты или подъ влияніемъ особенно даровитой деспотической личности, то у племенъ земледѣльческихъ, перешедшихъ къ осѣдлому образу жизни, этотъ процессъ объединенія совершается легко и естественно. Государство просто вырастаетъ изъ общины, и въ основѣ его образованія лежитъ своего рода національное самосознаніе, совершенно чуждое народамъ охотничьимъ (въ родѣ ведда) и слишкомъ пассивное у вялыхъ номадовъ. Общинный бытъ такъ тѣсно связанъ съ государственнымъ строемъ, что у изслѣдователей (напримѣръ, Hildebrand'a) явилась мысль, что община насильственно организуется государственной властью; но всѣ данныя, на которыя ссылается Гальдебрандъ, поздняго времени (послѣ Карла Великаго), между тѣмъ какъ вышеприведенные факты относятся къ эпохамъ, когда о государствѣ не можетъ быть и рѣчи.

А. Ногодинъ.

РУССКО-АВСТРИЙСКИЙ СОЮЗЪ ВО ВРЕМЯ СЕМИЛѢТНЕЙ ВОЙНЫ ¹⁾.

ГЛАВА III.

Вопросъ о происхожденіи Семилѣтней войны.

Вопросъ о томъ, на кого должна пасть главная отвѣтственность за происхожденіе Семилѣтней войны въ 1756 году, еще задолго до этого, какъ онъ сталъ достояніемъ историковъ-ислѣдователей, уже сознавался и былъ поставленъ и по своему даже разрѣшенъ однимъ изъ участниковъ событія—самимъ Фридрихомъ II и притомъ дважды: въ первый разъ еще прежде, чѣмъ король открыто началъ военныя дѣйствія, перейдя 29-го августа новаго стilia границу Саксоніи, а затѣмъ вторично—въ историческомъ описаніи всей войны уже послѣ ея окончанія.

Со второй половины іюля Фридрихъ II сталъ выработывать свой манифестъ, который онъ обнародовалъ только въ сентябрѣ, чтобы оправдать вступленіе прусскаго войска въ предѣлы Богеміи, предстоявшее 13-го числа по новому стилю. По словамъ короля, со времени заключенія Дрезденскаго мира вѣпскій дворъ всячески старался найти средство, чтобы нарушить его. Новый австрийскій императорскій домъ вернулся къ честолюбивымъ замысламъ Фердинанда II, разбившимся о сопротивленіе Ришелье и Густава-Адольфа. Въ своемъ стремленіи поработить себѣ нѣмецкихъ князей, искоренить протестантскую религію, законы, строй и вольности германской имперіи онъ встрѣчаетъ со времени Ахенскаго мира препятствія со стороны Франціи, гарантировавшей Вестфальскій миръ,

¹⁾ *Продолженіе.* См. ноябрьскую вѣщку *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1900 годъ.

Пруссии, принужденной не допускать осуществления подобныхъ замысловъ, и султана, который вторженіемъ въ Венгрію можетъ разрушить любяя мѣропріятія Маріи-Терезіи. Чтобы прорвать эти три плотины одну за другой, вѣнскій дворъ рѣшилъ начать съ Пруссіи; въ надеждѣ отвести глаза общественному мнѣнію отъ своихъ тайныхъ плановъ, онъ выставилъ предлогомъ желаніе вернуть себѣ уступленную Фридриху II область, вступилъ въ оборонительный союзъ съ Россіей, перессорилъ между собой дворы С.-Петербурга и Берлина и заключилъ съ императрицей Елисаветой соглашеніе противъ Турціи. Австрійскіе министры побудили Россію вооружиться и изъ года въ годъ производить воинственныя демонстраціи на границахъ Пруссіи, въ надеждѣ, что случай вызоветъ, можетъ быть, войну между обѣими державами. Въ Вѣнѣ желали такой войны и мечтали припятъ въ ней участіе лишь въ качествѣ союзника императрицы. И война возгорѣлась бы, если бы король не обходилъ такъ старательно всѣхъ случайностей, способныхъ поспорить его съ Россіей, подобно тому, какъ устраняютъ всякій горючій матеріалъ отъ огня, который хотятъ затушить. Однако, дѣла въ Америкѣ стали грозить спокойствію Европы. Англійскій король, предвидя войну съ Франціей, обратился за помощію къ Маріи-Терезіи въ расчетѣ на ея признательность за прошлое. Къ его изумленію императрица-королева поставила условіемъ своей помощи, чтобы Англія приняла участіе въ ея заговорѣ противъ владѣній короля прусскаго. Георгъ II по благодарству отвергъ это предложеніе и сблизился съ своимъ родственникомъ Фридрихомъ II; чтобы отвратить отъ Германіи надвигавшуюся бурю, оба государя подписали въ Лондонѣ договоръ о нейтралитетѣ. Но заботы о спокойствіи Германіи шли въ разрѣзъ съ замыслами вѣнскаго двора. Австрійскіе министры усилили свои интриги въ С.-Петербургѣ и создали планъ раздѣла владѣній Фридриха II. Чтобы обезвредить Францію, былъ заключенъ 1-го мая 1756 года Версальскій договоръ; съ тѣхъ поръ Австрія пускаетъ въ ходъ всевозможныя хитрости, чтобы вызвать открытый разрывъ между Франціей и Пруссіей. Наконецъ, въ виду военныхъ приготовленій въ Моравіи и Богеміи и сосредоточенія австрійскаго войска въ лагеряхъ на границахъ Силезіи, Фридрихъ II сдѣлалъ въ Вѣнѣ запросъ черезъ своего посланника Клинггрэффена о цѣли этихъ вооруженій. Императрица-королева на аудіенціи 26-го іюля новаго стила отвѣчала очень неопредѣленно, что въ виду политическихъ обстоятельствъ она нашла нужнымъ вооружиться на защиту себя и своихъ союзниковъ. Тогда король велѣлъ заявить Маріи-Терезіи,

что ему извѣстно наступательное соглашеніе обѣихъ императрицъ, состоявшееся въ С.-Петербурѣ; еще весной текущаго года Австрія должна была внезапно напасть на него съ 80-тысячнымъ войскомъ. а Россія—съ арміей въ 120 тысячъ человѣкъ; осуществленіе этого плана было затѣмъ отложено на годъ, вслѣдствіе недостатка у русскихъ въ рекрутахъ, матросахъ и хлѣбѣ на харчи въ Ливоніи. Фридрихъ II предлагалъ Маріи-Терезіи выборъ между миромъ и войной; если она желаетъ мира, такъ пусть дастъ ясное и положительное заявленіе, что не атакуетъ короля ни въ этомъ году, ни въ слѣдующемъ; всякій уклончивый отвѣтъ онъ сочтетъ за объявленіе войны и заранѣе слагаетъ на императрицу-королеву отвѣтственность за пролитіе леповинной крови и бѣдственныя послѣдствія военныхъ дѣйствій. Въ отвѣтъ на этотъ мемюаръ Клинггрэффена, врученный въ Вѣнѣ 20-го августа, Марія-Терезія ставила на видъ, что Фридрихъ II самъ началъ свои внушительныя приготовленія къ войнѣ, тревожныя для всеобщаго спокойствія, уже за нѣкоторое время до того, какъ надумался сдѣлать запросъ отъ 26-го іюля новаго стиля о цѣли австрійскихъ вооруженій, предпринятыхъ лишь послѣ завершения прусскихъ; она отвергала какъ существованіе наступательнаго договора между Вѣной и С.-Петербургомъ противъ Фридриха II, такъ и свою вину въ грядущихъ прискорбныхъ событіяхъ. Прусскій король разъяснилъ въ своемъ манифестѣ, что въ отвѣтъ на вооруженія Россіи онъ дѣйствительно передвинулъ въ іюнѣ четыре полка изъ курфюршества бранденбургскаго въ Померанію и приказалъ приготовить крѣпости къ оборонѣ; эта мѣра встревожила, будто бы, вѣнскій дворъ и побудила его стянуть въ Богемію и Моравію армію свыше 80 тысячъ человѣкъ! По мнѣнію короля походъ 4-хъ полковъ въ Померанію послужилъ для Австріи только предлогомъ, чтобы прикрыть свою злую волю. Узнавъ, что австрійская армія стягивается въ Богемію, Фридрихъ II двинулъ къ Гальберштадту три полка пѣхоты изъ Вестфаліи, но, чтобы не возбуждать подозрѣній въ Вѣнѣ, онъ и теперь не послалъ ни одного полка въ Силезію; войска продолжали спокойно оставаться въ гарнизонахъ и не имѣли даже лошадей, нужныхъ для лагеря или вторженія. Однако, вѣнскій дворъ пошелъ дальше и наметилъ лагерь у Цоценплаца, правда все еще на австрійской территоріи, но непосредственно между крѣпостями Нейссе и Козелемъ, а въ Богемію его армія готовилась стать лагеремъ въ Яромежѣ въ 4 миляхъ отъ силезской границы. Только теперь Фридрихъ II рѣшилъ принять мѣры безопасности, отдалъ арміи приказъ запасаться лошадьми и готовиться къ

походу. Если бы король питалъ враждебные замыслы противъ императрицы-королевы, онъ могъ бы ихъ безъ труда осуществить еще два мѣсяца тому назадъ, не давая ей времени стянуть сильныя арміи. Но Фридрихъ II велъ переговоры, тогда какъ его враги вооружались, и шелъ только вслѣдъ за мѣропріятіями австрийцевъ. Точно такъ же и ни одному союзнику Маріи-Терезіи не грозило нападеніе пруссаковъ; 4-хъ полковъ въ Помераніи было бы, конечно, недостаточно для предпріятія противъ Россіи. Вѣнскій дворъ заявилъ, что онъ ни на кого не хочетъ нападать. Чтѣ стоило ему прибавить, что онъ не намѣренъ атаковать именно Фридриха II? Австрийскимъ министрамъ легко отвергать существованіе наступательнаго союза между Вѣной и С.-Петербургомъ, по доказательствамъ противнаго—на лицо. Въ началѣ іюня русскія войска приблизились къ границамъ Пруссіи; армія въ 70 тысячъ человекъ образовывалась въ то самое время, когда Марія Терезія готовилась стануть войска въ Богемію подъ именемъ наблюдательнаго корпуса. Въ срединѣ іюня русское войско получило приказъ отступить на свои квартиры, а австрийскіе лагеря отсрочены до слѣдующаго года. Король былъ бы радъ, если бы вѣнскій дворъ не ограничился однимъ отрицаніемъ наличности наступательныхъ замысловъ въ настоящемъ, а прибавилъ бы еще и желанное завѣреніе, что у союзниковъ нѣтъ намѣренія напасть на Фридриха II ни въ нынѣшнемъ году, ни въ будущемъ. Вся сила была въ этой просьбѣ, а се-то Марія Терезія и обошла молчаніемъ. Высокомѣрный отвѣтъ вѣнскаго двора свидѣтельствуеть, что онъ думаетъ только о войнѣ и предполагаетъ постояннымъ ябедничествомъ и надменностью побудить короля взяться за оружіе, дабы имѣть поводъ потребовать помощи у своихъ союзниковъ. Тѣмъ не менѣе, даже принимая неизбѣжныя мѣры безопасности, Фридрихъ II рѣшился сдѣлать еще одну послѣднюю попытку поколебать непреклонность австрийскаго правительства и поручилъ Квинцгрэффену заявить въ третій разъ, что король и теперь тотчасъ же отодвинетъ свои войска назадъ, если Марія Терезія дастъ положительное завѣреніе, что она не собирается напасть именно на него ни въ нынѣшнемъ году, ни въ будущемъ. Однако и этотъ послѣдній шагъ остался безъ успѣха. Фридрихъ II надѣялся теперь, что Европа оцѣнитъ его усилія по справедливости и вынесетъ убѣжденіе, что не король, а именно вѣнскій дворъ желалъ войны! Конечно, король первый начинаетъ „враждебныя дѣйствія“ (hostilités), но этого выраженія не слѣдуетъ смѣшивать съ понятиемъ „наступленія“ (agresion). Подъ „наступленіемъ“ разумѣется дѣйствіе, прямо противоположное

понятію мирнаго договора. Заключить наступательный союзъ, создать враговъ какой-либо державѣ и побудить ихъ начать войну противъ нея, задумать вторженіе во владѣнія другого государя, наконецъ, предпринять внезапное нападеніе—все это проявленія „наступленія“, но только самое нападеніе подходитъ подъ понятіе „враждебныхъ дѣйствій“. Кто желаетъ предупредить эти наступательныя дѣйствія, тотъ можетъ самъ перейти къ дѣйствіямъ враждебнымъ, но онъ все-таки не будетъ наступающей стороною. (Quiconque prévient ces agressions, peut commettre des hostilités, mais il n'est pas l'agresseur). Провозглашая себя защитникомъ вольностей германской имперіи противъ деспотизма австрійскаго дома, прусскій король призывалъ небо въ свидѣтели того, что онъ принужденъ взяться за оружіе, дабы разсѣять заговоръ, составленный противъ его владѣній и короны, но лишь послѣ того, какъ онъ исчерпалъ всѣ средства къ примиренію и даже предоставилъ самой императрицѣ-королевѣ выбирать между миромъ и войною ¹⁾.

¹⁾ См. Preussische Staatsschriften aus der Regierungszeit König Friedrichs II, В. III. Манифестъ Фридриха II, заранее оправдывающій вступленіе прусскаго полка въ предѣлы Австріи, былъ озаглавленъ „Exposé des motifs, qui ont obligé S. M. le Roi de Prusse à prévenir les desseins de la cour de Vienne“ („Изложеніе соображеній, побудившихъ Его Величество короля Прусскаго предупредить замыслы Вѣнскаго двора“). Въ берлинскомъ государственномъ архивѣ нашлось семь послѣдовательныхъ редакцій этого манифеста; изъ нихъ первые пять были собственноручно выработаны королемъ. Сознаніе, что война неизбежна и что надо предупредить своихъ враговъ, созрѣло у Фридриха II къ 16-му іюля 1756 г. (Pol. Corr., В. XIII, № 7704 письмо къ брату пр. Авг. Вильгельму Прусскому: je n'aurai de moyen que de gagner de vitesse sur mes ennemis). Еще отъ 4-го іюля н. с. Шлабрендорфъ донесъ королю изъ Бреслава со словъ одного надежнаго лица, что австрійскій лагерь въ Богеміи будетъ насчитывать 60 тыс., а лагерь въ Моравіи 40 тыс. человекъ (Ibid., № 7666). 16-го іюля н. с. Фридрихъ II получилъ извѣстіе изъ Дрездена отъ 14-го іюля, что всѣ австрійскія войска изъ Венгріи двинуты въ Богемію и Моравію, чтобы образовать два лагеря (Ibid., № 7711). Уже 17-го іюля н. с. король пишетъ брату Вильгельму: des régiments de Hongrie sont en marche pour entrer dans les deux camps, dont l'un doit être de 60.000 hommes et l'autre de 40.000 (Ibid. № 7714). Въ тотъ же день 17-го іюля н. с. Фридрихъ II двинулъ три полка изъ Вестфалии въ Гальберштадту (Ibid., № 7721. Quadt, Knobloch, Wied), а на слѣдующій день 18-го іюля н. с. послалъ приказъ Клинкграффену въ Вѣну сдѣлать первый запросъ Маріи Терезіи о цѣли движенія австрійскихъ войскъ въ Моравію и Богемію (Ibid., № 7722). Отвѣтъ императрицы-королевы на первый запросъ былъ полученъ въ Потсдамѣ 2-го августа н. с. Еще въ тотъ же день король послалъ Клинкграффену приказъ сдѣлать вторичный запросъ (Ibid., № 7795). Отвѣтъ вѣнскаго двора на этотъ вторичный

Въ этомъ „Изложеніи соображеній, побудившихъ короля прусскаго предупредить замыслы вѣнскаго двора“ Фридрихъ II не могъ писать вполне искренно, какъ историкъ, о своихъ дѣйствіяхъ и побужденіяхъ, пока они еще не отошли въ прошедшее. Какъ государственннй человѣкъ, онъ прибѣгъ къ печатному слову, чтобы воздѣйствовать на политическія силы внутри и за предѣлами германской имперіи, еще не успѣвшія стать въ опредѣленное отношеніе къ вооруженіямъ

запросъ король получилъ въ Потсдамѣ 25-го августа н. с. (*ibid.*, №№ 7914 и 7928). Такъ какъ въ черновомъ наброскѣ *Exposé des motifs* идетъ уже рѣчь о движеніи австрійскихъ войскъ изъ Венгріи въ два лагеря въ Богеміи и Моравіи, но нѣтъ еще ни слова о запросѣ Клингграффена, то надатель д-ръ Крауске ирпурочиваетъ происхожденіе наброска къ 16-му или 17-му июлю н. с. или во всякомъ случаѣ ко времени между 15-мъ июлемъ и 2-мъ августа н. с. Во второй редакціи *Exposé* уже упоминается первый приказъ короля своему посланнику въ Вѣнѣ потребовать тамъ объясненій. Въ третьей редакціи *Exposé* изложень уже вторичный приказъ Клингграффену сдѣлать запросъ императрицѣ-королеви, четвертая редакція названа, наконецъ, манифестомъ, но и здѣсь еще не приведенъ отвѣтъ Маріи Терези на вторичный запросъ Клингграффена. Въ пятую редакцію Фридрихъ II еще до 25-го августа впервые вставилъ свои разсужденія о различіи между враждебными и наступательными дѣйствіями (*hostilités et agressions*). Король поручилъ министру Финкенштейну просмотрѣть эту редакцію и представить свои замѣчанія, а Варендорфу—снять съ нея копию; 23-го августа копія была готова, и Фридрихъ II внесъ въ нее нѣкоторыя измѣненія, отчасти по указаніямъ Финкенштейна; въ этой шестой редакціи было оставлено мѣсто для отвѣта изъ Вѣны на второй запросъ. Когда отвѣтъ этотъ, наконецъ, пришелъ 25-го августа, Финкенштейнъ вставилъ его въ краткомъ изложеніи въ манифестѣ, а по желанію самого Фридриха II упомянулъ еще и о прусскомъ ультиматумѣ. Такъ возникла седьмая редакція, напечатанная ко 2-му сентябрю н. с. Вѣнскій отвѣтъ на ультиматумъ былъ полученъ въ главной квартирѣ короля въ Седлицѣ 12-го сентября (*ibid.*, № 8017), и въ тотъ же день началась разсылка *Exposé*; представители иностранныхъ державъ въ Берлинѣ получили манифестъ 15 сентября.

Обвиненія, выставленныя королемъ въ *Exposé* противъ австрійскихъ министровъ, будто бы они вооружили Россію и побудили ее къ военнымъ демонстраціямъ на прусской границѣ въ надеждѣ, что какой-нибудь случай вызоветъ, можетъ быть, войну между обѣими державами, насколько они передаютъ субъективныя стремленія вѣнскаго двора, подтвердились и нашимъ изслѣдованіемъ, но они стоятъ въ противорѣчій съ тѣми же самыми изреченіями, которые король дѣлалъ графу Брюлю передъ вступленіемъ прусскаго войска въ Саксонію. Сначала король набросалъ было лично рѣзкій манифестъ противъ дрезденскаго двора. Фридрихъ II ставилъ себѣ въ заслугу передъ куфюрстомъ, что содѣйствовалъ браку саксонской принцессы съ дофинамъ, но министръ, отъ котораго „исего можно ждать“ (*un ministre capable de tout*), поссорилъ Августа III съ его соудомъ-государемъ. Графъ Брюль предисылавъ саксонскому посланнику въ С.-Петербургѣ слѣдъ недовѣріе между Россіей и Пруссею, изумить Елисаветѣ описаніи

Австрія и Пруссія другъ противъ друга. Король не терялъ надежды, что Людовикъ XV можетъ еще измѣнить свой взглядъ на вторженіе пруссаковъ въ Саксонію и ограничиться нейтралитетомъ, а потому шадялъ въ манифестѣ Францію и дѣлалъ видъ, какъ будто-бы онъ не замѣчаетъ враждебности версальскаго двора. Чисто историческое изложеніе вопроса о происхожденіи Семилѣтней войны Фридрихъ II далъ въ продолженіи своей „Исторіи моего времени“¹⁾. Со времени

за Курляндію и за польскую Пруссію (Западную). Вслѣдствіе интригъ и клеветъ графа Брюля въ дѣлѣ о долговыхъ обязательствахъ податной палаты Фридрихъ II ради спокойствія Европы сдѣлалъ будто бы уступку въ своемъ правѣ на преимущество при оплатѣ и пожертвовалъ единственной выгодой, приобретенной по Дрезденскому миру. Точку зрѣнія графа Брюля король такъ передавалъ на своемъ образномъ языкѣ (en bon français): у меня нѣтъ мужества бороться съ моими врагомъ, но, когда онъ будетъ повергнутъ на землю, я охотно готовъ убить его и раздѣлять добычу. По поводу передвиженія пяти (одни батальоны гренадеръ) прусскихъ полковъ въ Померанію, дрезденскій дворъ поднялъ крикъ въ Парижѣ, Вѣнѣ, С.-Петербургѣ объ опасныхъ вооруженіяхъ Фридриха II на саксонской границѣ. Теперь, когда король принужденъ Маріей Терезіей порвать съ Австріей, легко угадать по поведенію Саксоніи въ 1744 и 45 гг., на чью сторону станетъ дрезденскій дворъ. Въ виду живности и коварства графа Брюля Фридриху II остается только обезоружить саксонское войско, дабы оно не могло болѣе вредить ему въ теченіе войны. Однако король не обнаруживалъ своего рѣзкаго манифеста, какъ бы объявлявшаго войну Саксоніи (désarmer les troupes saxonnes), а поручалъ министру Финкенштейну выработать болѣе умѣренную декларацию. Эта „Декларация короля о мотивахъ, побуждающихъ Его Величество вступить съ своей арміей въ наслѣдственные владѣнія короля польскаго, курфюрста саксонскаго“ (Déclaration du Roi sur les motifs, qui obligent Sa Majesté d'entrer avec son armée dans les États Hérititaires du roi de Pologne Électeur de Saxe) была сдана въ печать 28-го августа, а 31-го августа и. с. пручена въ Берлинъ иностраннымъ дипломатамъ и обнаружена. Декларация ничего не говорила ни о графѣ Брюлѣ, ни объ обезоруженіи саксонской арміи. Фридрихъ II напоминалъ, что въ 1744 году, когда онъ шадялъ Саксонію, курфюрстъ соединилъ свое войско съ австрійскимъ, двинулъ его въ Силезію и задумалъ овладѣть столицей Бранденбурга. И теперь король не имѣетъ никакихъ завоевательныхъ умисловъ, но ради собственной безопасности долженъ занять Саксонію; онъ будетъ радъ при первой возможности вернуть курфюрсту его владѣнія въ полной сохранности. (Preussische Staatsschriften aus der Regierungszeit König Friedrichs II, B. III). Очевидно, что вслѣдствіе уклончивости перваго отвѣта вѣнскаго двора, Фридрихъ II рѣшилъ главную отвѣтственность за созданіе противъ него наступательнаго союза перенести съ графа Брюля на графа Кауницца.

¹⁾ Эта такъ называемая „Исторія Семилѣтней войны“ напечатана въ Oeuvres posthumes de Frédéric II, roi de Prusse, t. III—IV, Berlin 1788 и въ Oeuvres historiques de Frédéric II, roi de Prusse, t. IV—V, Berlin 1847. Въ предисловіи къ изданію 1847 года исторіографъ Прёйссъ (Preuss) далъ слѣдующія свѣдѣнія

Дрезденскаго мира король не продолжалъ своихъ мемуаровъ. Политическія интриги, не приводившія къ крупнымъ событіямъ, заслуживали на его взглядъ не болѣе вниманія, чѣмъ дразги въ обществѣ. Но война, начавшаяся въ 1756 году, подготовленная съ такимъ искусствомъ и хитростью, заставила его измѣнить свое мнѣніе. Онъ призналъ это важное событіе достойнымъ того, чтобы передать его потомству, и сталъ въ концѣ каждой кампаніи набрасывать воспоминанія о событіяхъ года; но такъ какъ военныя дѣйствія были тѣсно связаны съ дипломатическими сношеніями, то поневолѣ и политика нашла себѣ мѣсто въ его трудѣ. Въ своемъ новомъ историческомъ произведеніи Фридрихъ II преслѣдовалъ двѣ главныя цѣли: съ одной стороны король хотѣлъ доказать потомству, что не въ его волѣ было избѣжать этой войны, а что честь и благо государства позволили ему прекратить ее только на условіяхъ Губертсбургскаго мира; съ другой стороны въ подробномъ изложеніи военныхъ дѣйствій король стремился дать перечень выгодныхъ или опасныхъ позицій въ тѣхъ областяхъ, которыя и впредь будутъ театромъ войнъ при каждомъ столкновеніи между бранденбургскимъ и австрійскимъ домомъ. При этомъ

объ этомъ произведеніи короля. Подлинникъ собственноручно написалъ Фридрихомъ II; во многихъ мѣстахъ король зачеркивалъ уже написанное и замѣнялъ его другими выраженіями. Самъ авторъ не далъ своему произведенію особаго заглавія и рассматривалъ его, какъ продолженіе своихъ мемуаровъ, т.-е. *Histoire de mon temps*. Заголовокъ „*Histoire de la guerre de sept ans*“ былъ внесенъ въ подлинникъ уже въ архивѣ. Въ концѣ подлинной рукописи подпись короля—Берлинъ, 17-го декабря 1763 года; въ концѣ его предисловія другая подпись—Потсдамъ, 3-го марта 1764 года. Между тѣмъ одна замѣтка извѣстнаго секретаря Фридриха II, Гейнриха Катта сохранила рассказъ, будто-бы исторія войны, уже доведенная королемъ до конца, сгорѣла вмѣстѣ со всѣми матеріалами для нея у него на столѣ въ ноябрѣ 1763 года. Впрочемъ, извѣстіе Катта стоитъ совершенно уединенно, а съ другой стороны трудно предположить, чтобы Фридрихъ II могъ восстановить къ половинѣ декабря сочиненіе, сгорѣвшее въ ноябрѣ вмѣстѣ съ матеріалами. Вслѣдствіе этого Прейссъ заподозрѣвалъ весь рассказъ о пожарѣ, а Вильмаръ старается ограничить размѣры событія. (Th. Vilmar, Ueber die Quellen der *Histoire de la guerre de sept ans* Friedrichs des Grossen. Cassel 1888). Впрочемъ, рѣчь можетъ идти только о гибели въ пламени матеріаловъ или какихъ-либо черновиковъ. Для изданія 1788 года съ рукописи была снята копія; графъ Герцбергъ свѣрилъ ее съ подлинникомъ, дѣлая мѣстами пропуски или легкія измѣненія. Самъ Фридрихъ II обозначалъ Семилѣтнюю войну, какъ *la guerre qui survint en 1756*. Названіе „Семилѣтней войны“ встрѣчается уже въ заголовкѣ нѣмецкаго перевода книги Ллойдъа „*The history of the late war in Germany*“, изданномъ въ 1788 году Темпельгофомъ. (Tempelhoff, *Geschichte des Siebenjährigen Krieges in Deutschland*).

король принялъ за правило добросовѣстно держаться истины и быть безпристрастнымъ (*je me suis fait une loi de m'attacher scrupuleusement à la vérité et d'être impartial*) ¹⁾. Происхожденію Семилѣтней войны посвящены первыя три главы этого труда.

Десятилѣтіемъ мира послѣ Дрезденскаго договора Фридрихъ II воспользовался, чтобы поднять не только производительныя, но и военныя силы своего государства. Доходы короны возросли къ 1756 г. на милліонъ двѣсти тысячъ талеровъ, народонаселеніе прусскаго королевства со времени Фридриха Вильгельма удвоилось; перепись опредѣляла его число въ 5 милл. 300 тыс. душъ. Зачисленіе въ полки съ густо населенными кантонами сверхкомплектныхъ по 24—36 человекъ на роту увеличило войско безъ всякаго чрезвычайнаго набора на десять тысячъ солдатъ. Крѣпостныя сооруженія были заново построены въ Швейдницѣ и усовершенствованы въ Нейссе, Козелѣ, Глацѣ, Глогау. Въ арсеналѣ хранилось 50 тысячъ ружей, 20 тысячъ сабель, 12 тысячъ шнагъ и т. п. Была отлита осадная артиллерія изъ 80 батарейныхъ пушекъ и 20 мортиръ и поставлена на храненіе въ крѣпости Нейссе. Запасы пушечнаго пороха доходили до 56 тысячъ центнеровъ; въ хлѣбныхъ магазинахъ хранилось 36 тысячъ виспелей муки ²⁾ и 12 тысячъ овса. Наконецъ, въ 1755 году король увеличилъ гарнизоны въ Силезіи до 8 баталіоновъ, въ Пруссіи до 3 баталіоновъ, въ маркѣ бранденбургской до 2 баталіоновъ, а всего до 13 баталіоновъ. Онъ сберегалъ во время мира денежныя суммы, которыя могли потребоваться во время войны; благодаря этому Пруссія была въ состояніи сдѣлать нѣсколько кампаній на собственные средства. Итакъ, все было готово для войны, которую предвидѣли въ близкомъ будущемъ (*tout était préparé pour la guerre qu'on prévoyait et qui ne paraissait pas éloignée*), такъ какъ въ лицѣ императрицы-королевы у Фридриха II былъ честолюбивый и мстительный врагъ, по-женски упорный и непримиримый (*le Roi avait dans la personne de l'Impératrice Reine une ennemie ambitieuse et vindicative... elle était femme, entêtée de ses opinions et implacable*).

Дрезденскій миръ положилъ конецъ непріязненнымъ дѣйствіямъ, не истребивъ самого сѣмени раздора между Австріей и Пруссіей. Вѣискій дворъ затаилъ въ себѣ злобу за утрату Силезіи; онъ не прекратилъ войны, а измѣнилъ ея форму, вмѣсто арміи онъ пустилъ въ

¹⁾ Avant-Propos.

²⁾ По Ауббк'у Wispel въ Пруссіи равенъ 24 шefeldамъ, или 1819 литрамъ.

ходъ интригу, хитрости, обманы, чтобы поссорить съ Пруссіей дворы Европы и создать ей враговъ. Уже при переговорахъ о мирѣ въ Ахенѣ уполномоченный Маріи Терези, гр. Кауницъ, пытался отцѣпить версальскій дворъ отъ берлинскаго и предлагалъ представителю Франціи С. Северену, чтобы Людовикъ XV принудилъ Фридриха II вернуть Силезію императрицѣ и въ благодарность за это принялъ отъ нея Фландрію и Брабантъ; но Франція была тогда изнурена войной. Въ качествѣ посла въ Парижѣ гр. Кауницъ внушалъ французскимъ министрамъ, что возвышеніе Пруссіи—дѣло ихъ рукъ, за которое они пожали только неблагодарность союзника; пора теперь Франціи освободиться отъ опеки королей Пруссіи и Сардиніи; политика мелкихъ государей сводится лишь къ тому, чтобы ради собственнаго роста сѣять раздоръ между великими державами, которыя въ концѣ концовъ ведутъ войну ради нихъ; первымъ государствамъ Европы надо стать независимыми отъ мелкихъ державъ и ради этого прийти къ соглашенію между собой. Въ рѣчахъ гр. Тирковнеля, представителя Франціи въ Берлинѣ, Фридриху II слышался откликъ нашептываній гр. Кауница. Тройственный союзъ Франціи, Пруссіи и Швеціи на Сѣверѣ послужилъ поводомъ для гр. Вестужена внушить императрицѣ Елисаветѣ опасенія и стянуть русскія войска къ границамъ Ливоніи и Финляндіи. Эти воинственные демонстраціи повторялись изъ году въ годъ, а неясность границъ между Швеціей и Россіей, установленныхъ по миру въ Або, давала с.-петербургскому двору возможность всегда начать войну противъ шведовъ, какъ только она найдетъ это удобнымъ. Вѣнскій дворъ раздувалъ эти несогласія, чтобы раздражать прусскаго короля и толкнуть его на ложный шагъ, способный поссорить его съ Россіей ¹⁾. Затруднительное положеніе Фридриха II облегчалось тѣмъ, что онъ нашелъ средство слѣдить за самыми сокровенными замыслами своихъ враговъ. Онъ подкупилъ Вейнгартена, секретаря австрійскаго посланника въ Берлинѣ графа де-ла-Пуэбла,

¹⁾ Фридрихъ II смѣлчаетъ это повѣрное утвержденіе, будто бы вѣнскій дворъ раздувалъ несогласія между Россіей и Швеціей, тѣмъ, что видитъ въ этомъ только средство поссорить императрицу Елисавету съ Пруссіей, не доводя ихъ пока до полнаго разрыва. (*L'Impératrice Reine se contenta de fournir des aliments à l'aigreur des deux cours sans précipiter le moment de la rupture*). Натянутыя отношенія между с.-петербургскимъ и стокгольмскимъ дворомъ установились изъ за вопроса о гарантіи шведскаго государственнаго строя; вѣнскій дворъ старался уладить дѣло, чтобы сосредоточить всю энергію русской политики противъ Пруссіи.

и еще одного чиновника тайной канцеляріи въ Дрезденѣ (т. е. Менцеля). Австрійскій секретарь доставлялъ королю копии съ депешъ гр. Пуэблѣ изъ С.-Петербурга, Вѣны, Лондона, а саксонскій чиновникъ—копии съ договоровъ (?) между Россіей и Саксоніей, съ переписки между гр. Брюлемъ и гр. Бестужевымъ, съ донесеній гр. Флеминга изъ Вѣны. Гр. Брюль мечталъ о войнѣ и надѣялся воспользо-ваться первой же смутой въ Европѣ, чтобы смирить опаснаго сосѣда Саксоніи. Онъ понималъ, что пруссаки не стануть щадить курфюршества и направятъ противъ него свой первый натискъ, и однако же допускалъ гибнуть его военныя силы. Для каждаго государства было бы ошибкой вѣсто того, чтобы опираться на свои собственныя силы, доверить свою судьбу союзникамъ. Тайныя разоблаченія Вейнгартена и Менцеля служили Фридриху II компасомъ, чтобы править въ обходъ подводныхъ камней, и спасали его отъ ошибки принять пустыя демонстраціи за рѣшимость объявить ему тотчасъ же войну (*l'empreschaient de prendre de pures démonstrations pour un dessein formé de lui déclarer incessamment la guerre*). Въ 1745 году, когда король осенью вступилъ въ Саксонію, то еще передъ битвой при Кессельсдорфѣ онъ далъ Мардефельду приказъ предложить гр. Бестужеву 40 тыс. талеровъ за то, чтобы Россія не вѣшнчалась въ войну; но послѣ Дрезденскаго мира вслѣдствіе неумѣстной бережливости или по личной неприязни Мардефельдъ воздержался отъ уплаты этихъ денегъ канцелеру; съ этого времени гр. Бестужевъ позненавидѣлъ будто бы все, что послымя пруссака, и изъ личнаго мщенія побудилъ Елисавету заключить союзъ съ Австріей и Англіей. Вѣнскій дворъ могъ оказать Россіи поддержку противъ предпріятій Турціи, а лондонскій—наводнить С.-Петербургъ субсидіями. Затѣмъ Маріи Терезіи удалось порвать всякія сношенія между Фридрихомъ II и Елисаветой¹⁾. Пользуясь

¹⁾ Король-историкъ передаетъ здѣсь по памяти разсказъ объ отъѣздѣ Гросса изъ Берлина и, какъ часто, далеко не точно. По словамъ *Histoire de la guerre de sept ans*, король далалъ праздникъ въ Шарлоттенбургѣ по случаю свадьбы принца Гейнриха съ принцессой гессенской. Присутствовавшая представительница иностранныхъ державъ. Придворный фурьеръ, получившій приказаніе пригласить ихъ на ужинъ, не могъ найти Гросса, нарочно собравшагося уѣхать за полчаса до остальныхъ. На другой день посланникъ въ угоду гр. Бестужеву заявилъ, что послѣ оскорбленія, нанесеннаго императрицѣ въ его лицѣ, онъ не появится болѣе при дворѣ, и затѣмъ тайно покинулъ Берлинъ; тогда Фридрихъ II отозвалъ будто бы гр. Финкенштейна изъ С.-Петербурга. Въ этомъ разсказѣ все невѣрно съ начала до конца. Редакція изданія 1847 года отрицала, что Финкенштейнъ уже

отъѣдомъ прусскаго посланника изъ С.-Петербурга, австрійская дипломатія стала смѣло клеветать на прусскаго короля, убѣждала Елисавету, будто бы онъ составилъ заговоръ противъ ея жизни ради возведенія на престолъ Іоанна Брауншвейгскаго и пробудила въ ней непримиримую ненависть къ Фридриху II. Волнуя всю Европу своими интригами и неслышно составляя заговоръ противъ Пруссіи, Марія Терезія и теперь еще оттягивала развязку, чтобы закончить свои приготовления. Наконецъ, вѣнскій дворъ подстрекнулъ герцога мекленбургскаго воспротивиться праву вербовки въ его владѣніяхъ, которыми съ незапамятныхъ временъ пользовались предки Фридриха II. Король сялой возстановилъ свое право; его вербовщики увели нѣсколько мекленбургскихъ солдатъ, а власти, сопротивлявшіяся набору, были арестованы. Герцогъ сначала поднялъ было шумъ, но, видя бесполезность его, пошелъ на полюбовную сдѣлку. Вскорѣ послѣ этого Марія Терезія убѣдилась, что между Англійей и Франціей готова вспыхнуть война, и стала искать предлога, чтобы порвать съ Пруссіей. Въ этихъ видахъ она побудила герцога мекленбургскаго принести жалобу сейму въ Регенсбургѣ. Вѣнскій дворъ пытался истолковать все дѣло, какъ нарушеніе Вестфальскаго мира, и думалъ воспользоваться этимъ предлогомъ, чтобы объявить войну королю и потребовать тогда помощи у всѣхъ державъ, гарантами миръ. Это дѣло не удалось австрійскому дому, но ему нетрудно было отыскать другой предлогъ. Когда государи ипуть разрыва, то конечно уже не затрудненія съ манифестомъ могутъ остановить ихъ. Они приходятъ къ рѣшенію, ведутъ войну и предоставляютъ какому-нибудь трудолюбивому юристу заботу оправдать ихъ (*ils font la guerre et ils laissent à quelque jurisconsulte laborieux le soin de les justifier*). Случай, нетерпѣливо ожидаемый въ Вѣнѣ, скорѣ представился. Утрехтскій миръ неясно опредѣлилъ границы Канады, въ за которыхъ шли распри между англичанами и французами въ Америкѣ. Ахенскій миръ торопливо предоставилъ установленіе границъ въ колоніяхъ особой комиссіи по назначенію спорящихъ дворовъ; но совѣщанія комиссаровъ вмѣсто того, чтобы примирить умы обѣихъ націй, только усилили взаимное раздраженіе. Съ конца 1754 года война между Англійей и Франціей казалась уже неминуемой. Версальскій дворъ замѣтно обнаруживалъ гораздо

въ 1749 году былъ снова въ Пруссіи, а свадьба пр. Гейнриха совершилась въ юнѣ 1752 года, тогда какъ Гроссъ покинулъ Берлинъ въ концѣ 1750 года.

больше умѣренности, и дурные приемы были нущены въ ходъ только англичанамъ. Подъ страхомъ войны оба короля старались усилить свою партію, завязать новые союзы и укрѣпить старыя. Англичане и французы заискивали у Фридриха II. Его союзъ съ версальскимъ дворомъ еще не истекъ ¹⁾, но въ виду всѣхъ обстоятельствъ казалось, что удѣломъ Пруссіи будетъ оставаться нейтральной и простой зрительницей волненій. Франція смотрѣла на ея короля, почти какъ на своего вассала, обязаннаго начать войну по первому приказу. Однако ея министръ иностранныхъ дѣлъ Рульзъ тщетно старался черезъ Клиппгаузена втянуть Фридриха II въ предпріятіе противъ Ганновера, соблазняя его богатой добычей. Переговоры въ этомъ смыслѣ стали оживленными къ концу 1755 года и тревожили англійскаго короля. Тогда Георгъ II поручилъ своему государственному секретарю Гольдернессу завести съ берлинскимъ дворомъ переговоры о заключеніи оборонительнаго союза. Гольдернессъ сдѣлалъ первыя предложенія Фридриху II черезъ герцога брауншвейгскаго. При тогдашнемъ положеніи Пруссіи отъ ея рѣшенія зависѣлъ вопросъ о мирѣ и войнѣ. Возобнови она договоръ съ Франціей, и ей пришлось бы атаковать Ганноверъ, а этимъ она навлекла бы на себя силы англичанъ, австрійцевъ, русскихъ. Напротивъ, заключая союзъ съ Англійей, она, казалось, могла этимъ воспрепятствовать французамъ перенести войну въ имперію и сблизилась съ Великобританніей и Россіей, а этотъ тройственный союзъ принудилъ бы и императрицу-королеву блюсти миръ, при всемъ ея желаніи вернуть Силезію и несмотря на всѣ сдѣланныя ею приготовленія къ тому, чтобы открыть военныя дѣйствія при первомъ удобномъ случаѣ. Прежде чѣмъ окончательно рѣшиться, король счелъ нужнымъ выяснитъ себѣ настроеніе Россіи и обратился съ запросомъ къ Гольдернессу и Клиппгрэффену (?), беретъ ли въ С.-Петербургѣ перевѣсъ влияние вѣнскаго, или лондонскаго двора. Клиппгрэффенъ видѣлъ въ русскихъ только корыстолюбивыхъ наемниковъ и былъ убѣжденъ, что они богатую Англію предпочтутъ Австріи, стѣсненной въ средствахъ на собственные расходы. Отвѣтъ Гольдернесса говорилъ о полномъ единодушіи между Лондономъ и С.-Петербургомъ; король Георгъ твердо уповалъ на дружбу императрицы Елисаветы. Свѣдѣнія, сообщенныя королю его послан-

¹⁾ По „Hist. de la guerre d. a. a.“ союзъ истекъ въ мартѣ 1756 года, но король, вѣроятно, хотѣлъ сказать въ маѣ. Редакція изданія 1847 года приводитъ 5-ое іюня 1741 года для договора въ Бреславлѣ на 15 лѣтъ по 1756 г. и 5-ое іюня 1744 г. для договора въ Версалѣ на неопредѣленное время.

никомъ изъ Гааги, только подтверждали представленіе о томъ, что Россія тѣснѣе связана съ Англіей, нежели съ Австріею. Тогда Фридрихъ II далъ отвѣтъ Гольдернессу и высказалъ свое согласіе на то, чтобы сообща принять оборонительныя мѣры для обезпеченія нейтралитета Германіи. Такъ состоялся договоръ между Пруссіей и Англіей, подписанный въ Лондонѣ 16-го января 1756 года. Обѣ державы приняли на себя обязательства препятствовать вступленію иностранныхъ войскъ въ Германію. Изъ двухъ тайныхъ статей одна изыла австрійскіе Нидерланды изъ подъ дѣйствія гарантіи, другая обязала Георга II заплатить 20 тыс. ф. ст. прусскимъ купцамъ въ возмѣщеніе за убытки, причиненные имъ англійскими каперами во время послѣдней войны. Договоръ былъ полученъ въ Берлинѣ около мѣсяца спустя послѣ прибытія герцога Нивернэ, посланнаго Людовикомъ XV для возобновленія Версальскаго договора и вовлеченія Фридриха II въ замыслы противъ Ганновера. Прусскій король отклонилъ отъ себя всѣ французскія предложенія—и комичное вознагражденіе въ видѣ острова Табаго ¹⁾, и возобновленіе договора, и участіе въ войнѣ. Чтобы доказать версальскому двору свою искренность и убѣдить его въ невинномъ характерѣ своихъ новыхъ обязательствъ, онъ показалъ герцогу Нивернэ трактатъ, подписанный въ Лондонѣ. Фридрихъ II, по его собственнымъ словамъ, союзомъ съ Англіей не сколько не нарушалъ своего слова, такъ какъ договоръ съ Франціей истекалъ черезъ два (?) мѣсяца, но въ Версалѣ заговорили объ измѣнѣ прусскаго короля, коварно предавшаго своихъ прежнихъ союзниковъ (*il ne s'agissait à Versailles que de la défection du roi de Prusse qui abandonnait perfidement ses anciens alliés*). Уже теперь можно было ждать, что Франція въ своей досадѣ не ограничится одними словами. Мысль графа Кауница о союзѣ между Вѣной и Версалемъ нашла теперь благодарную почву для себя; при живости французскаго характера она вдругъ представилась высшимъ проявленіемъ утонченности въ политикѣ. Предложенія графа Штаремберга были приняты, и 1-го мая 1756 г. подписанъ Версальскій договоръ, пресловутое „единеніе двухъ великихъ державъ“. Договоръ былъ въ сущности оборонительный, но именно онъ поощрилъ императрицу-королеву приступить къ осуществленію давно задуманнаго исполнскаго замысла. Съ этихъ поръ миръ висѣлъ на волоскѣ, не доставало

¹⁾ Островъ Табаго официально не могъ быть предложенъ Фридриху II. См. ниже о миссіи герцога Нивернэ.

только предлога для войны; вскорѣ она оказалась уже неизбежной, такъ какъ всѣ политики обманулись на счетъ Россіи. Австрійскія интриги взяли верхъ въ С.-Петербургѣ, и Елисавета порвала съ англійскимъ королемъ изъ ненависти къ его союзу съ Пруссіей. Графъ Бестужевъ колебался пѣкоторое время между страстью къ гниенямъ и ненавистью къ королю; враждебное чувство взяло верхъ. Русская императрица предпочла соединиться даже съ недавнимъ врагомъ — съ Франціей, чтобы только не ядти заодно съ союзницей Фридриха II. Вѣнскій дворъ увлекъ Россію къ демонстраціямъ въ Ливоніи; пятидесятитысячная русская армія на границахъ Пруссіи виушала опасенія. Изъ с.-петербургскихъ депешъ, сообщаемыхъ Менцелемъ ¹⁾, стало, однако, извѣстно, что русскій дворъ не можетъ начать войну въ текущемъ году вслѣдствіе того, что флотъ не въ состояніи еще выйти въ море, но зато обѣщаетъ употребить всѣ услія на слѣдующій. Тогда король рѣшилъ послать въ Померанію корпусъ изъ 10 батальоновъ и 20 эскадроновъ въ видѣ резерва. Это войско расположилось у Штольпа, откуда оно, не вызывая пока тревоги въ Россіи, при малѣйшемъ движеніи непріятеля могло подкрѣпить маршала Левальда. Вскорѣ вслѣдъ затѣмъ и вѣнскій дворъ стянулъ въ Богеміи войска больше, чѣмъ обыкновенно; одна армія стала лагеремъ у Кбинггреца, другая, главная, подъ начальствомъ Брюна — въ окрестностяхъ Прага. Кроме того австрійцы стали готовить въ Богеміи магазныи и собирать лошадей для обоза и артиллеріи, т. е. дѣлали приготоленія, обычныя въ тѣхъ случаяхъ, когда одна держава собирается сдѣлать нападеніе на другую. Депеши изъ Дрездена сообщали, будто бы Марія Терезія рассчитываетъ воспользоваться распрей между Фридрихомъ II и герцогомъ мекленбургскимъ, какъ наиболѣе удобнымъ поводомъ, чтобы атаковать короля ²⁾. Извѣстіе объ

¹⁾ Фридрихъ II получилъ это извѣстіе не отъ Менцеля, а изъ Голландіи. При изложеніи исторіи Семилѣтней войны память въ частностихъ нерѣдко измѣняла королю.

²⁾ Здѣсь Фридрихъ II еще разъ повторяетъ сущность своей распри съ герцогомъ мекленбургскимъ и, утверждая, что именно она послужила поводомъ для сосредоточенія австрійскихъ армій въ Богеміи, впадаетъ въ противорѣчіе съ тѣмъ, что разсказалъ раньше: nous verrons dans la suite de cet ouvrage que, quoique se prétexant malquât à la cour de Vienne, il ne lui fut pas difficile d'en trouver un autre. Подъ „другимъ предлогомъ“ король могъ разумѣть только посылку прусскаго корпуса въ Померанію въ отвѣтъ на русскія вооруженія. Дѣйствительно, Фридрихъ II вступилъ въ предѣлы Саксоніи раньше, чѣмъ его распра съ герцогомъ мекленбургско-шверинскимъ могла разрѣшиться на сеймѣ въ Регенс-

этомъ замыслѣ и сосредоточеніе трехъ армій на границахъ Пруссіи побудили Фридриха II сдѣлать въ Вѣнѣ запросъ о причинахъ громадныхъ вооруженій. Графъ Кауницъ далъ королю двусмысленный отвѣтъ, но въ то же время будто бы откровенно высказался въ разговорѣ съ саксонскимъ посланникомъ графомъ Флемингомъ, что своими отвѣ-

бургѣ. Бранденбургско-прусскіе государи недвѣле набрали часть своего войска въ сосѣднемъ Мекленбургѣ-Шверинѣ, но формально не имѣли на то никакого права; ни титула курфюрста и директора Нижнесаксонскаго округа (по Магдебургу), ни условія права на наследованіе (Eventualsuccession), хотя Фридрихъ II и смѣлался на нихъ, не могли дать имъ этой власти. Первое столкновеніе съ администраторомъ Мекленбург-Шверина, герцогомъ Христіаномъ Людвигомъ, король имѣлъ еще до своего восшествія на престолъ по поводу ареста двухъ вербовщиковъ его Рупинскаго полка. Въ концѣ 1747 года герцогъ Христіанъ Людвигъ наследовалъ (28-го ноября) своему брату и съ 1750 года (съ мая мѣсяца) назначилъ своимъ вице-канцлеромъ фонъ-Дитмара (v. Ditmar), человека горячаго, упрямаго и крайне враждебнаго Пруссіи. Когда въ 1753 году прусскіе вербовщики силой увели изъ Малхина мекленбургскаго мушкетера, то подъ влияніемъ фонъ-Дитмара шверинское правительство прибѣгло къ репрессалиямъ и велѣло арестовать какого-то драгуна Вајрейгскаго полка. Набѣгъ прускаго отряда (Streifzug) и угрозы короля побудили герцога на этотъ разъ освободить драгуна и вѣсколько арестованныхъ имъ вербовщиковъ, но съ этого времени укоренился обычай возстановлять свое право насиліемъ. 28-го ноября 1754 года герцогъ Христіанъ Людвигъ издалъ новый патентъ противъ вербовщиковъ. Всякая вербовка силой или по доброй волѣ, въ городахъ или въ сельскихъ мѣстностяхъ, мѣстными или пришлыми вербовщиками—отнынѣ безусловно запрещалась чужимъ правительствамъ, подъ страхомъ штрафа въ 500 талеровъ и другихъ каръ. Кто служилъ шпиономъ для вербовщиковъ, тому грозила висѣлица; самихъ вербовщиковъ велѣно было повсюду преслѣдовать и при малѣйшемъ сопротивленіи прибѣгать къ насилію, не щади ихъ жизни. Горожане и крестьяне, несшіе военную службу въ чужихъ государствахъ, утрачивали право гражданства и свои дворы и должны были немедленно звать къ себѣ своихъ женъ; дѣти же ихъ и имущество, оставшееся въ пользу этихъ послѣднихъ, попадали подъ правительственную опеку. Ни одинъ чужой военный—офицеръ, утеръ-офицеръ, рядовой—не могъ безъ особаго разрѣшенія герцога оставаться въ предѣлахъ Мекленбург-Шверина долѣе 24 часовъ, а на эти льготныя сутки отдавался подъ присмотръ. Для прусской арміи это былъ жгучій вопросъ о жизни и смерти. Примѣру Мекленбург-Шверина легко могли послѣдовать другія территории, и тогда Фридрихъ II не могъ бы долѣе почитать свое войско, превосходившее размирами силы его государства. Споръ шелъ теперь уже не изъ-за правонарушеній и насилій, сопровождавшихъ прусскіе набѣги, а принципиально о нравѣ вербовки вообще. Осенью 1755 года былъ арестованъ въ Мекленбургѣ прусскій утеръ-офицеръ (полка Ухлендера), проводившій тамъ свой отпускъ. Когда рѣзкая королевская нога (отъ 16-го сентября 1755 года) не подѣйствовала на герцога, тогда Фридрихъ II приказалъ 26-го октября команду гусаръ Цитена въ Пархимѣ

тамъ онъ намѣренъ раздражать Фридриха II и побудить его первымъ начать военныя дѣйствія (?). Копія съ депеши графа Флеминга была сообщена королю въ Берлинѣ. Было очевидно, что Марія Терезія ждетъ только времени, когда всѣ ея союзники будутъ готовы для нападенія на Пруссію соединенными силами. Королю приходилось

фонъ-Горну тайкомъ омадѣть нѣсколькими мекленбургцами, исключительно изъ подданныхъ, зависящихъ не отъ тамошней знати, а непосредственно отъ самого герцога, и увести ихъ въ заключеніе въ Пархимъ. Въ общемъ при набѣгахъ въ началѣ ноября было захвачено въ Мекленбургѣ 26 герцогскихъ чиновниковъ и арендаторовъ различныхъ районовъ и уведено въ Шпандау; они должны были оставаться здѣсь яложниками, пока герцогъ не отпуститъ захваченныхъ имъ пруссаковъ, не возметъ платы понаго патента и не дозволитъ добровольной вербовки (*freiwillige Werbung*). Еще въ декабрѣ 1754 года мекленбургскіе тайные совѣтники фонъ-Дитмаръ и графъ Вассеницъ отъ имени своего герцога грозили Фридриху II подать жалобу императору и сейму. Въ Вѣнѣ инпмательно слѣдили за развитіемъ ссоры, и въ письмѣ отъ 30-го декабря 1755 года Христіанъ Людвигъ предупредилъ прусскаго короля, что онъ принужденъ отдать все дѣло на разсмотрѣніе рейхсгофрата и рейхстага. Фридрихъ II рѣшился не уступать и отвѣчалъ герцогу 13-го января 1756 года, что онъ не можетъ дозволить родственному государю угрожать смертью прусскимъ вербовщикамъ, ударить, какъ въ военное время, въ набатъ при появленіи его солдатъ въ Мекленбургѣ и карать ихъ висѣлками, словно воровъ и разбойниковъ. Но въ началѣ января 1756 года жалоба мекленбургскаго герцога (*Promotoria* отъ 30-го декабря 1755 года) уже поступила въ рейхсгофратъ. Въ то же время въ отвѣтъ на утвержденіе Фридриха II, будто бы онъ имѣетъ право производить наборъ въ территоріяхъ сосѣднихъ имперскихъ чинновъ, герцогъ (въ письмѣ отъ 24-го января 1756 года) поднималъ вопросъ, какому имперскому чину дозволитъ король вербовать въ его собственныхъ владѣніяхъ цѣлыя мужской молодежи и по добру, хитростью или насиліемъ уводить ее въ военную службу на чужбинѣ. Предложеніе—повончить все дѣло миромъ между собой, посланное въ Шверинъ 3-го февраля 1756 года, не могло болѣе имѣть успѣха у герцога, такъ какъ рейхсгофратъ принялъ уже къ свѣдѣнію жалобу Мекленбурга на нарушеніе земскаго мира и имѣетъ съ просьбой Христіана Людвига о *rescriptum dehortatorium et simul de relaxandis captivis* и 19-го февраля далъ отвѣтъ для императора (*volunt ad Imperatorem*) въ томъ смыслѣ, чтобы послать курфюрсту бранденбургскому увѣщаніе. Ободряемый успѣхами въ Вѣнѣ, герцогъ принялъ твердый токъ въ отвѣтъ Фридриху II отъ 18-го февраля, получившемъ значеніе ультиматума: Мекленбургъ не можетъ болѣе идти на сдѣлку; пусть императорская власть рѣшитъ, права ли Пруссія. Если король серьезно ищетъ мира, то пусть онъ дастъ обѣщаніе не дѣлать герцогству того, чего не дѣлаютъ ему самому другіе имперскіе чины, освободитъ герцогскихъ чиновниковъ, арендаторовъ и другихъ подданныхъ, захваченныхъ съ ноября, и избавитъ Мекленбургъ на будущее время отъ всякихъ наборовъ. Въ виду новыхъ прусскихъ набѣговъ въ февралѣ, герцогъ послалъ 26-го числа вторичную жалобу императору, а въ мартѣ Фридрихъ II уже зналъ, что согласіе императора на постановленіе рейхсгофрата почти обезпечено. Прусское министерство тотчасъ же

выбирать, предупредить ли своихъ враговъ немедленнымъ нападеніемъ, или ждать, когда они закончатъ свои приготовления, и предоставить имъ свободу въ ихъ начинаніяхъ. Война во всякомъ случаѣ была неизбѣжна; вопросъ шелъ только о томъ, отложить ли ее на нѣсколько мѣсяцевъ, или начать теперь же. Фридрихъ II считалъ ко-

запретило своимъ посланникамъ въ Вѣнѣ и Регенсбургѣ принимать какое-либо императорское посланіе. 2 апрѣля состоялось окончательное постановленіе рейхсгрофрата — послать королю прусскому, какъ курфюрсту бранденбургскому, *geacriptum Caesareum dehortatorium* въ отборныхъ, мягкихъ выраженіяхъ; рескриптъ указывалъ, что поведеніе Фридриха II противорѣчитъ установленіямъ имперіи, земскому миру, Вестфальскому трактату и правамъ каждаго чина въ предѣлахъ своихъ земель. Заботу о врученіи рескрипта королю имперское правительство предоставило самому герцогу мекленбургскому. Шверинскій дворъ счелъ самымъ безопаснымъ переслать подлинникъ рескрипта безъ всякихъ формальностей по почтѣ изъ Потсдама. Но тамъ были на-сторожѣ; пакетъ, полученный 17-го апрѣля, былъ нераспечатаннымъ доставленъ министру Подевяльсу; по повелѣнію короля онъ такъ никогда и не былъ вскрытъ (до января 1876 г.). Эта процессуальная ошибка враговъ давала Фридриху II возможность затянуть дѣло, не прибѣгая къ самому главному доводу — о неосудности императору дѣлъ чисто военныхъ. Между тѣмъ одновременно съ увѣщаніемъ въ Берлинѣ (*Dehortatorium*) пошелъ въ апрѣлѣ и декретъ императора сейму съ просьбой о поддержкѣ со стороны имперіи для дальнѣйшихъ *appropriatій* (*Commissionadecret*). Представитель Мекленбурга на сеймѣ, фонъ-Тейфель, сдѣлалъ ошибку, вступая въ близкое общеніе исключительно съ представителями императора и католическихъ чиновъ имперіи, хотя и часть протестантскихъ чиновъ выражала свое сочувствіе герцогу. Этими воспользовался прусскій посланникъ фонъ-Плото (*von Plotho*) и старался придать всей распрѣ религіозную окраску; такой оборотъ дѣла заставилъ бы, напримѣръ, протестантскій Вюртембергъ забыть о своей ненависти ироніи вербовщиковъ Фридриха II. Прусскіе министры въ Берлинѣ дѣйствовали далеко не съ той увѣренностью, какъ фонъ-Плото въ Регенсбургѣ. Стараясь по обязанности всевозможными доводами поддержать притязанія своего короля, они не скрывали отъ него своего убѣжденія въ ихъ неосновательности. Въ докладѣ отъ 26-го апрѣля 1766 г. министры объясняли, что нѣтъ и не было договора, дававаго бы Фридриху II право на вербовку въ Мекленбургѣ; Фридрихъ Вильгельмъ I могъ производить свои наборы, только благодаря уступчивости герцоговъ и неустойчивости въ герцогствѣ; при Фридрихѣ II необразимое право осуществлялось уже только насиліемъ. Несмотря на свои усилія, фонъ-Плото все-таки не могъ подолжиться на весь евангелическій корпусъ имперіи. Протестантскіе чины, близкіе къ Пруссіи, какъ курфюрстъ ганноверскій, герцогъ Карлъ Брауншвейгъ-Вольфенбюттельскій, ландграфъ Вильгельмъ Гессенъ-Кассельскій предлагали свое посредничество для примиренія враждующихъ сторонъ; но зато Карлъ Евгений Вюртембергскій и маркграфъ Людвигъ Георгъ Баденскій признали образъ дѣйствія Пруссіи несправедливымъ. Рѣче высказывались католическіе чины: архіепископъ трирскій самъ готовъ былъ жаловаться на прусскіе наборы въ его владѣніяхъ; архіепископъ майнцскій Фридрихъ Карлъ графъ Остевъ, бывшій директоромъ

роля польскаго однимъ изъ самыхъ ревностныхъ участниковъ въ заговоръ Маріи-Терезіи противъ Пруссіи. Саксонская армія была, правда, слаба и не превышала 18 тысячъ человекъ, но въ теченіе зимы ее предполагалось довести до 40 тысячъ. Такъ какъ Россія не могла принять участія въ военныхъ дѣйствіяхъ этого года, а Саксонія еще

имперскаго сейма, уполномочила своего посланника начать дѣйствовать такъ, какъ требуютъ въ такихъ случаяхъ законы имперіи. Между тѣмъ въ половинѣ мая 1756 года представитель Мекленбурга на сеймѣ, Тойфель фонъ-Шаркеназе (Teuffel von Pürckensee), выступилъ съ предложеніями полюбобной сдѣлки; по его мнѣнію, прусскій король долженъ былъ дать заявленіе, что онъ никогда не тронетъ герцогскихъ правъ на Мекленбургъ и будетъ впредь промазывать вербовку только съ предварительнаго разрѣшенія герцога и избѣгая тѣхъ насилій, которыя подали поводъ для патента. Напротивъ, и фонъ-Шото, и самъ король ставили непрѣмнымъ условіемъ полюбобной сдѣлки предварительную отмѣну ноябрьскаго патента; съ другой стороны берлинскій дворъ принялъ посредничество, предложенное ганноверскимъ министромъ. 30-го мая умеръ герцогъ Христианъ Людвигъ Мекленбургскій, но дѣло шло своимъ чередомъ. По поводу вторичной жалобы герцога рейхсгофратъ постановилъ (28-го и 29-го мая) послать Фридриху II новое увѣщаніе; на этотъ разъ рескриптъ, утвержденный императоромъ Францомъ I (Dehortatorium), былъ болѣе рѣзокъ, назначалъ прусскому королю двухмѣсячный срокъ для удовлетворенія справедливыхъ жалобъ герцога Мекленбурга и грозилъ прибѣгнуть затѣмъ къ законнымъ мѣрамъ въ силу своей судебной власти. Шарльскій дворъ не сталъ, однако, пересылать въ Берлинъ этого вторичнаго увѣщанія. Зато праги Фридриха II на сеймѣ съ представителемъ архіепископа майницкаго по главѣ рѣшили не обращать вниманія на близость полюбобной сдѣлки и стали на точку зрѣнія, что независимо отъ частнаго примиренія между Мекленбургомъ и Пруссіей все-таки долженъ быть рассмотрѣнъ принципиальный вопросъ о правѣ вербовки въ чужихъ государствахъ. Новый герцогъ Фридрихъ въ половинѣ іюня послалъ въ берлинскому двору фонъ-Форстнера повѣстить о своемъ востепеніи на престолъ и просилъ Фридриха II въ доказательство дружескихъ отношеній отпустить на волю его чиновниковъ и т. п., захваченныхъ и уведенныхъ съ 3-го ноября прошлаго года. Король выразилъ свое согласіе освободить захваченныхъ имъ заложниковъ, если герцогъ Фридрихъ приметъ условія полюбобной сдѣлки, выработанныя Тойфельмъ. 30-го іюня онъ узналъ отъ фонъ-Форстнера, что герцогъ одобрилъ эти условія, и тотчасъ же послалъ распоряженіе въ Шпандау выпустить на волю уняжковъ. Мекленбургскія требованія, представленныя въ іюль Подевильсу въ десяти параграфахъ, не отличались уступчивостью. Фридрихъ II долженъ былъ обѣщать не нарушать верховныхъ правъ герцога и производить вербовку въ мекленбургскихъ мѣстностяхъ каждый разъ только съ его письменнаго разрѣшенія; насильственно завербованные или арестованные подданные герцога пусть будутъ отпущены на волю, а на будущее время приняты мѣры противъ злоупотребленій силой. По восьмому параграфу для этой полюбобной сдѣлки требовалось испросить согласіе императора и гарантію сейма, но Фридрихъ II и его министры не хотѣли и слышать о вышатастельствіи германской имперіи и Франца I въ распрю между Пруссіей и

не успѣла довести свои приготовления до совершенства, то все говорило въ пользу того, чтобы предупредить враговъ, перенести театръ войны въ ихъ владѣнія и пріобрѣсти надъ ними преимущества уже въ первую же кампанію. Напротивъ, отложивъ военныя дѣйствія изъ неумѣстной тонкости чувства (*par une délicatesse déplacée*) до слѣ-

Мекленбургомъ. На этомъ разногласіи переговоры изъ Берлина оборвались было 26-го іюля, но фонтъ-Тейфель умѣлымъ давленіемъ на прусскаго посланника въ Регенсбургѣ все-таки довелъ ихъ до конца. Представитель Мекленбурга сообщилъ фонтъ-Плато свой послѣдній наказъ настаивать передъ директоріей сейма на разсмотрѣніи спорнаго дѣла и торошилъ его согласиться на полюбовную сдѣлку еще до 2-го августа. Въ послѣднюю минуту фонтъ-Плато добился, впрочемъ, нѣкоторыхъ уступокъ: право наказывать вербошниковъ признавалось за герцогомъ только въ тѣхъ случаяхъ, если на его жалобы не послѣдовало тотчасъ же достаточнаго удовлетворенія; ему возвращались только тѣ подданные, которые были силой завербованы или арестованы послѣ 3-го ноября 1756 года; отъ имперской гарантіи фонтъ-Тейфель отказался, но согласіе императора считалъ неизбѣжнымъ, а нойбрьскій патентъ призналъ утратившимъ значеніе вмѣстѣ со смертью Христіана Людвига. Съ этими оговорками фонтъ-Плато подписалъ полюбовную сдѣлку 1-го августа 1756 года. Но Фридриху II было теперь болѣе, чѣмъ когда-либо, трудно согласиться на императорское утвержденіе, такъ какъ война съ Австріей уже была въ виду. Плато думалъ, что денежнымъ подаркомъ Тейфелю можно еще склонить его отказаться отъ этого требованія, но королевской ратификаціи сдѣлки во всякомъ случаѣ не послѣдовало. Тѣмъ не менѣе прусскій посланникъ достигъ своей цѣли: жалобы Мекленбурга не были доложены сейму, который 6-го августа отерочилъ свои засѣданія до октября. Разгромъ Саксоніи при началѣ Семилѣтней войны отодвинулъ весь мекленбургскій вопросъ на задній планъ. При свиданіи съ Плато 24-го августа фонтъ-Тейфель согласился на новую уступку—присоединить къ полюбовной сдѣлкѣ добавочную статью въ томъ смыслѣ, что герцогъ не станетъ искать ни императорской конфирмаціи, ни имперской гарантіи, пока король будетъ благосклоненъ. Эту добавочную статью вмѣстѣ съ просьбой Плато о тысячѣ талеровъ для фонтъ-Тейфеля Фридрихъ II получилъ, уже будучи въ предѣлахъ Саксоніи. Король согласился на нее, но высказалъ мнѣніе, что, услышавъ о воинѣ, герцогъ уступитъ еще болѣе. Однако, вопреки его предсказаніямъ герцогъ Фридрихъ не захотѣлъ ратифицировать даже добавочную статью отъ 24-го августа, такъ какъ онъ далъ обѣщаніе вѣнскому двору тотчасъ послѣ ратификаціи Регенсбургской сдѣлки просить императора объ ея утвержденіи и о гарантіи имперіи. Тѣсная связь между Мекленбургомъ и Австріей стала теперь очевидной. См. *Preussische Staatsschriften aus der Regierungszeit König Friedrichs II*. Въ официальныхъ документахъ намъ нигдѣ не попадалось извѣстіе изъ Дрездена, будто бы Марія Терезія думаетъ воспользоваться распреей между Пруссіей и Мекленбургомъ, какъ поводомъ для нападенія на Фридриха II. Одно время король самъ былъ готовъ согласиться на то, чтобы герцогъ мекленбургско-шверинскій обратился со своими жалобами въ императору и сейму (*Pol. Corr.*, V. X, № 7228). Фридрихъ II только подумывалъ, что вѣнскій дворъ хочетъ косвенно помѣшать ему увеличивать свою армію наборами (№ 7458, апрѣль 1756 года). По

дующаго года, Фридрихъ II облегчилъ бы врагамъ ихъ задачу—атаковать короля соединенными силами въ его собственныхъ владѣніяхъ. Страшная кличка „нападающей стороны“, способная запугать малодушныхъ, не могла остановить Фридриха II, когда дѣло шло о благѣ отечества, такъ какъ истиннымъ нарушителемъ мира (*agresseur*) былъ по его мнѣнію тотъ, кто принудилъ другого вооружиться и первому начать войну менѣе трудную, чтобы избѣжать другой, болѣе опасной¹⁾. Итакъ, Фридрихъ II рѣшился вступить въ Саксонію, чтобы обезоружить войско курфюрста, если бы онъ нашелъ его разсѣянными по квартирамъ, или атаковать его, если оно сомкнулось въ одинъ корпусъ. Въ виду злостныхъ намѣреній дрезденскаго двора, обнаружившихся въ денешахъ саксонскихъ министровъ, которыя были въ рукахъ у короля, и памятуя о коварномъ поведеніи курфюрста въ 1744 году, прусская армія, направляясь впередъ въ Богемію, не могла оставить вооруженнаго непріятеля у себя въ тылу²⁾. Таковъ взглядъ

сообщенію фонъ-Плото князю Регенсбурга отъ 21-го іюня 1756 года, представителя Курмавизы и Австріи дѣйствительно добивались того, чтобы себѣ поручить императору явить герцога мекленбургскаго и добиться для него удовлетворенія (В. XII, S. 486: „dem Kaiser als obriaten Richter aufgetragen würde, mit allem nöthigen Nachdruck den Herzog von Mecklenburg zu schützen, auch demselben Satisfaction zu verschaffen“).

¹⁾ Le véritable agresseur est sans doute celui qui oblige l'autre à s'armer et à le prévenir par l'entreprise d'une guerre moins difficile, pour en éviter une plus dangereuse.

²⁾ Къ III-й главѣ своей *Histoire de la guerre de sept ans* Фридрихъ II приложилъ *Pièces justificatives* изъ печатнаго экземпляра *Mémoire raisonné* 1756 года; это документы, заимствованные королемъ изъ дрезденскаго архива и въ свое время обнародованные въ оправданіе прусскаго вторженія въ Саксонію и Богемію и въ доказательство того, что вѣнскій дворъ и его союзники уже раньше составили заговоръ противъ Пруссіи. См. *Preussische Staatschriften aus der Regierungszeit König Friedrichs II*, В. III. Тотчасъ по полученіи австрійскаго отвѣта на свой ультиматумъ король отдалъ 12-го сентября новаго стиля приказъ своему министру напечатать акты, добытые изъ курфюршескаго архива, и документально доказать, что со времени дрезденскаго мира саксонскіе министры строили козни противъ него при иностранныхъ дворахъ. Архивные документы были получены въ Берлинѣ 21-го сентября новаго стиля, а министерство коручило просмотрѣть и обнародовать ихъ молодому дипломату тайному легационному совѣтнику Эвальду Фридриху фонъ-Герцбергу. Министръ Финкенштейнъ и фонъ-Герцбергъ были согласны между собой, что, не ограничиваясь оправданіемъ ильпріятій короля противъ Саксоніи, надо изобличить и виновтенную политикку вѣнскаго двора. Когда „подтвержденная доказательствами записка“ фонъ-Герцберга была уже готова и исправлена къ 4-му октября, то Финкенштейнъ, въ виду щепотливыхъ

самого короля на происхождение Семилетней войны, высказанный имъ въ ея исторіи.

Но еще задолго до своей *Histoire de la guerre de sept ans* и

отношеній съ Россіей, напелъ нужнымъ запросить о ней отзывъ у Фридриха II. Между тѣмъ король и безъ того торопилъ министерство обнародовать скорѣе очеркъ переговоровъ графа Брюля о раздѣлѣ Пруссіи въ духѣ майской сдѣлки 1745 года и депешу графа Флемминга отъ 28-го іюля (Pol. Corr., XIII, № 8160); получивъ на полѣ битвы у Лобозица (Pol. Corr., XIII, № 8175) на просмотръ работы фонъ-Герцберга, Фридрихъ II послалъ министрамъ упрекъ за недостатки самостоятельности и наирасию потерю времени; самую записку король напелъ слишкомъ сухой выдержкой и въ документахъ и требовалъ обоснованнаго изложенія несправедливаго и пагубнаго для него образа дѣянія враговъ, принудившаго его предупредить ихъ и взяться за оружіе; полное умолчаніе о бесѣдѣ между графомъ Кауницемъ и графомъ Флеммингомъ по поводу своего перваго запроса онъ считалъ крупнымъ пробѣломъ и приказывалъ восполнить его, а главное пусть министры больше работаютъ и меньше спрашиваютъ (*travaillez davantage et souvenez vous, il faut agir et non pas attendre des ordres*). Получивъ въ Берлинѣ 10-го октября укормъ Фридриха II, министры рѣшили, что для полной переработки записки нѣтъ болѣе времени. При новомъ просмотрѣ своей работы фонъ-Герцбергъ дополнилъ необходимое, а Фиккенштейнъ написалъ наступательными строки и по соглашенію съ Подевильсомъ уставишилъ заглавіе: „Обоснованная доводами записка о поведеніи вѣнскаго и саксонскаго дворовъ и о ихъ описныхъ замыслахъ противъ Его Величества короля прусскаго съ оригинальными оправдательными документами, дающими къ нимъ доказательства“ (*„Mémoire raisonné sur la conduite des cours de Vienne et de Saxe et sur leurs desseins dangereux contre Sa Majesté le Roi de Prusse, avec les pièces originales et justificatives qui en fournissent les preuves“*). 16-го октября закончилось печатаніе записки. Посылая холостыи экземпляры королю, министры въ донесеніи, составленномъ фонъ-Герцбергомъ, указывали, что обойти полнымъ молчаніемъ русскій дворъ оказалось невозможнымъ, такъ какъ онъ принималъ участіе по нѣхъ козняхъ противъ короля и былъ даже ихъ главной двигающей пружиной; составители постарались только щадить личность самой императрицы Елисаветы, вынустить имена ея министровъ и, насколько возможно, свалить все на вѣнскій дворъ. Съ 16-го октября началось и обнародованіе записки. Цѣль мемуара—доказать общественному мнѣнію, что король взялся за оружіе только ради собственной защиты противъ цѣлой цѣпи заговоровъ и предательства, амыхъ умысловъ и описныхъ замысловъ двухъ сосѣднихъ дворовъ—саксонскаго и австрийскаго. Герцбергъ прослѣдитъ исторію заговора между Дрезденомъ и Вѣной со времени Лейпцигской сдѣлки 18-го мая 1745 года о раздѣлѣ прусскихъ владѣній въ случаѣ удачи войны. Русско-австрийскій договоръ 1746 года онъ считаетъ наступательнымъ, такъ какъ по 4-й тайной статьѣ даже война Фридриха II съ Россіей или Польшей должна была освободить Марію-Терезію отъ обязательствъ по отношенію къ Пруссіи, наложенныхъ на нее Дрезденскимъ миромъ. Приглашая Саксонію присоединиться къ этому „оборонительному“ договору, вѣнскій дворъ въ сущности предлагалъ возобновить сдѣлку о раздѣлѣ владѣній прусскаго короля. Правда, дрезденскій дворъ отлаживалъ съ

даже раньше своего *Exposé des motifs* Фридрихъ II далъ опредѣленный отвѣтъ на тотъ же историческій вопросъ въ цѣломъ рядѣ писемъ, современныхъ событіямъ. Эта „Политическая Корреспонденція“

года на годъ свое присоединеніе, но онъ многократно завѣрялъ союзниковъ, что готовъ всегда прикнута къ союзу 1746 года, какъ только ему будетъ обезпечена доля въ завоеваніяхъ, а главное устранена всякая опасность, грозящая Саксоніи со стороны Фридриха II; онъ желалъ также, чтобы предварительно присоединился къ договору и Георгъ II, какъ курфюрстъ ганноверскій. Австрійскіе и саксонскіе министры общими усиліями старались вызвать случай, предусмотрѣнный 4-й тайной статьей союза; чтобы поссорить русскую императрицу съ Фридрихомъ II, они лживо приписывали ему замыслы противъ Россіи или даже противъ личности самой Елисаветы, противъ Польши или и въ шведскомъ вопросѣ. Подъ вліяніемъ этихъ клеветъ московскія придворныя конференціи отъ 14-го и 15-го мая 1753 года приняли, какъ основное правило для русской политики — стремиться къ сокращенію владѣній бранденбургскаго дома. С.-Петербургская конференція въ октябрѣ 1755 года перулась къ этому постановленію и признала даже нужнымъ атаковать Фридриха II, какъ только онъ нападетъ на кого-либо изъ союзниковъ Россіи или подвергнется самъ нападенію съ ихъ стороны. Въ 1766 году апрѣльскія вооруженія Россіи были, правда, приостановлены, но изъ депеши саксонскаго секретари Прассе къ графу Брюлю (отъ 21-го іюня) Фридрихъ II будто бы узналъ (въ дѣйствительности изъ донесеній Сварта), что причиной тому только недостатокъ хорошихъ офицеровъ и матросовъ, магазиновъ и фуража для сухопутнаго войска. Графъ Флемингъ, саксонскій посланникъ въ Вѣнѣ, высказывалъ въ депешахъ графу Брюлю увѣренность, что обязательствами, принятыми по конвенціи съ Англіей, Россіи пользуется, только какъ предлогомъ, дабы скрыть истинную цѣль своихъ вооруженій — напасть неожиданно на прусскаго короля въ силу тайнаго соглашенія съ Австріей. По поводу перваго вопроса Клингграффена графъ Кауницъ сообщилъ графу Флемингу, что онъ нарочно посоветовалъ Маріи-Терезіи отвѣтить Фридриху II уклончиво и совершенно обойти сущность вопроса, дабы безостановочно продолжать свои иніціативы, иррациональныя необходимыми. Съ самаго начала политической трепки графъ Брюль игралъ роль давно условленную съ союзниками и надѣялся пока маску нейтралитета, но въ то же время, еще за два мѣсяца до выступленія Фридриха II въ походъ, черезъ графа Флеминга предлагалъ (отъ 1-го іюля 1756 года) вѣскому двору принять мѣры противъ движенія прусской арміи черезъ Саксонію, сосредоточить рѣди этого войска въ округахъ Богеміи, смежныхъ съ курфюршествомъ, и приказывать австрійскому фельд-маршалу Брауну войти въ тайное соглашеніе съ фельдмаршаломъ графомъ Раутовскимъ. Графъ Кауницъ далъ на это предложеніе сочувственный отвѣтъ и заодно съ Маріей-Терезіей советовалъ курфюрсту готовиться къ возможнымъ событіямъ. Графъ Флемингъ съ своей стороны советовалъ графу Брюлю (въ депешѣ отъ 14-го іюля) согласиться на проходъ прусской арміи черезъ Саксонію и тогда уже принять мѣры по усмотрѣнію. Фонъ-Герцбергъ выводилъ отсюда, что саксонскіе министры, несмотря на отказъ формально присоединиться къ договору 1746 года, и главнѣе-таки зачѣвщиками и главными участниками (*les auteurs et les principaux promoteurs*) опасныхъ замысловъ противъ Фридриха II и ждали только

дает возможность не только проверить точность дипломатических актов и исторического рассказа короля, но и составить из отдельных данных, разбросанных в письмах за 1755—56 гг., цельный очерк прусской политики перед началом войны.

Вплоть до марта 1755 года Фридрих II считал правдоподобным, что распря между Англией и Францией из-за владений в

раздробления сил короля, чтобы снять маску. К *Mémoire raisonné* фон-Герцберг приложил 29 выдержек из документов саксонского архива, которые Фридрих II включил в свою „Историю Семилетней войны“ (*Preussische Staatsschriften aus der Regierungszeit König Friedrichs II, B. III*). Так как король не имел больше основания щадить Россию, то в противоположность фон-Герцбергу выдвинул в своей „Истории“ не столько переговоры между Австрией и Саксонией, сколько наступательное соглашение против него обвизх императрицы. Говоря об Австрии, Фридрих II приводит фразу, будто бы сказанную графом Кауницем по поводу первого запроса Клинкграффена и сообщенную графом Флеммингом в Дрезден: „Le comte Kaunitz se propose d'inquiéter le Roi par ses géronces et de le pousser à commettre les premières hostilités“. По в депешу графа Флемминга от 28-го июля 1756 года, передающей его разговор с австрийским канцлером, этих слов нет. Впрочем, король по памяти передавал эти свои слова общему впечатанию рассказа саксонского посланника и знал из противоречивых с оправдательными документами, приложенными к нему в III-й главе. В противоположность Фридриху II, его брат принц Гейнрих высказал в своих воспоминаниях мысль, будто бы войны можно было еще избывать, что она не вытекала из действительных государственных интересов, а возникла исключительно вследствие честолюбия Винтерфельдта, слепящего короля к наступлению ложным изображением политического положения. (См. Naudé, *Aus ungedruckten Memoiren der Brüder Friedrichs des Grossen, in Forschungen zur Brandenburg. und Preuss. Geschichte, B. I*). Но принц Гейнрих был плохо осведомлен относительно дипломатических переговоров между дворами Европы, исполнен личной неприязни к Винтерфельдту и недоверия к военным и политическим дарованиям своего брата, а главное находился под влиянием французской партии и, во что бы то ни стало, замышлял союз с Версальем. После смерти Фридриха II и сам граф фон-Герцберг высказался в том смысле, что летом 1756 года нападение на Пруссию далеко еще не было делом решенным и что Семилетняя война вызвана в сущности изменой одного саксонского чиновника и любовником самого короля. (См. статьи Weizsäcker в *Historisches Jahrbuch, B. XVIII, 1897* и Prof. Heigel'н в *Deutsche Zeitschrift für Geschichtswissenschaft, Jahrgang 1896—97*, а также Waddington, *Louis XV et le Renversement des Alliances, p. 523*). Но и фон-Герцбергу были доступны только бумаги дрезденского архива, а о намьреніи Маріи-Терезіи и Елисаветы вступить на Пруссию в 1757 году Фридрих II знал из доносений Сварта. Фон-Герцберг правъ только в томъ, что в 1756 году действительно не существовало официального наступательного союза между Австріей и Россіей, а Саксонія никогда не присоединялась и къ оборонительному договору 1746 года.

Америкѣ можетъ еще улечься ¹⁾; только къ концу этого мѣсяца онъ пришелъ къ убѣжденію, что несмотря на переговоры съ герцогомъ Мирпуа, въ Англіи и король, и министерство, а слѣдовательно и народъ рѣшили повзвать съ Франціей ²⁾; ему стало даже казаться, будто бы онъ съ самаго начала вѣрно угадалъ, что за всѣми этими выраженіями мирныхъ чувствъ, за показной заботливостью о спокойствіи Бироны кроется только желаніе выиграть время и успѣть приготовиться ³⁾. 1-го апрѣля новаго стила король уже предписывалъ своему посланнику въ Парижѣ барону Книпгаузену предупредить государственнаго секретаря по иностраннымъ дѣламъ — Рульзъ, что войну надо считать дѣломъ рѣшеннымъ и готовиться къ ней, дабы англичане не застали ихъ врасплохъ ⁴⁾. Прусскій король не сомнѣвался, что Георгъ II постарается превратить свое столкновеніе съ Франціей во всеобщую войну; ему приходило въ голову, что въ виду этого было бы можетъ быть полезно, если бы Людовикъ XV двинулъ значительное войско прямо въ Ганноверъ, овладѣлъ имъ и тогда предложилъ Англіи возстановить миръ. Книпгаузенъ долженъ былъ внушать эту мысль министру Рульзъ, но по возможности ловко и осторожно, чтобы не возбудить подозрѣнія, будто бы Фридрихъ II старается раздуть огонь и усиливать взаимное раздраженіе между Франціей и Англіей ⁵⁾. Вообще король желалъ, чтобы Рульзъ выказалъ болѣе твердости въ переговорахъ съ лондонскимъ дворомъ ⁶⁾. Въ отвѣтъ на призывъ Фридриха II овладѣть Ганноверомъ Рульзъ предложилъ ему черезъ Книпгаузена взять эту диверсію на себя, соблазняя „богатою добычей“ ⁷⁾. Король отвѣчалъ, что онъ всегда будетъ принимать близко къ сердцу все, что касается Франціи, но выполнить предлагаемую диверсію ему гораздо труднѣе, нежели для Рульзъ рѣшить ее за него. Книпгаузенъ долженъ былъ обратятъ вни-

¹⁾ Pol. Corr. В. XI, №№ 6669—70 отъ 1-го марта.

²⁾ № 6695 отъ 22-го марта.

³⁾ №№ 6705—6 отъ 29-го марта.

⁴⁾ № 6714.

⁵⁾ № 6719 отъ 5-го апрѣля.

⁶⁾ № 6726.

⁷⁾ Письмо Книпгаузена изъ Парижа отъ 25-го апрѣля: on se flattait que Votre Majesté voudrait... s'en charger en entier... qu'Elle trouverait dans l'électorat d'Hanovre de quoi se dédommager amplement des frais. Вѣроятно, здѣсь имѣлось въ виду территориальное вознагражденіе, но Фридрихъ II въ „Исторіи Семилѣтней войны“ рассказываетъ, будто бы Рульзъ предложилъ ему ограбить ганноверскую кассу. (Chapitre III).

маніе французскаго государственнаго секретаря на то, что каждое лѣто въ Курляндіи на границахъ Пруссіи располагается 60 тысячъ русскихъ, что вѣнскій дворъ легко можетъ стянуть на другой границѣ 80 тысячъ, что Саксонія приняла на себя обязательства передъ Англіей; что ни на Данію, ни на Порту нельзя еще пока полагаться; Фридрихъ II не могъ взять на себя всю тягость войны, пока онъ не найдетъ поддержки хотя бы съ одной стороны ¹⁾. Въ то же время черезъ фельдмаршала графа Шверина прусскій король спѣшилъ завѣрить графа Михаила Бестужева, что онъ искренно ищетъ примиренія съ Елисаветой, что Россія и Пруссія въ сущности не изъ чего ссориться и что единственной причиною охлаждения между ними были только ложь, подозрѣнія и грубая и смѣшная клевета, злостно внушаемая императрицѣ противъ короля, но все это разсѣется при первомъ же объясненіи между обими дворами ²⁾. Однако французское правительство продолжало настаивать, чтобы Фридрихъ II согласился вторгнуться въ Ганноверъ. Король старался отерочить рѣшительный отвѣтъ, будто бы поджидая, чтобы замыслы лондонскаго двора стали яснѣе: если другія державы не вмѣшаются въ войну, то съ англичанами французы справятся одни; въ противномъ случаѣ всегда еще будетъ время договориться относительно общихъ предпріятій и взаимной поддержки ³⁾; пока же онъ совѣтовалъ Рульэ не поддаваться самообольщеніямъ и не считать простой хитростью англійскихъ министровъ приказъ, отданный адмиралу Боскоуэну, напасть на французскую эскадру въ американскихъ водахъ ⁴⁾. Французское правительство съ своей стороны черезъ посланника Латуша разузнавало у министра Подевиляса, намѣренъ ли Фридрихъ II возобновить договоръ съ Людовикомъ XV, истекавшій 5-го іюня 1756 г.; но этому оборонительному трактату обѣ державы гарантировали въ 1741 г. другъ другу ихъ владѣнія въ Европѣ, въ томъ числѣ и Силезію. Но и это дѣло король и его министръ рѣшили пока отложить ⁵⁾. Наконецъ, нападеніе англійскаго флота подъ командой адмирала Боскоуэна на три французскіе корабли близъ Лунсбѣрга (не 8-го, а 10-го іюня) положило начало военнымъ дѣйствіямъ; представители Франціи, герцогъ Мирпуа и Бюсси, были отозваны своимъ правительствомъ изъ Лон-

¹⁾ № 6774.

²⁾ № 6779 отъ 8-го мая.

³⁾ № 6781 отъ 10-го мая.

⁴⁾ № 6814 отъ 29-го мая.

⁵⁾ № 6817 отъ 2-го іюня.

дона и Ганновера ¹⁾). Не сомнѣваясь, что Франція намѣрена уязвить англійскаго короля въ самое чувствительное мѣсто и произвести диверсію въ его ганноверскія владѣнія, Фридрихъ II предписалъ Книппгаузену (отъ 29-го іюля) внушить при случаѣ французскимъ мнѣн-ствамъ, что лучшимъ средствомъ для осуществленія этого предпріятія будетъ—привлечь къ участию въ немъ короля датскаго; онъ зналъ какъ о личной неприязни Фредерика V къ Георгу II, такъ и о притязаніяхъ Даніи на долю въ герцогствѣ лауэнбургскомъ; со всеѣмъ этимъ дѣломъ король совѣтовалъ обратиться въ Копенгагенѣ не къ барону Бернсторфу, а къ графу Мольтке ²⁾). Прусскій посланникъ долженъ былъ при этомъ отвѣчать на всѣ запросы въ Компьенѣ, что обстоятельства не позволяютъ его королю перейти къ дѣйствіямъ уже въ текущемъ году, что вообще онъ не можетъ начать дѣйствовать открыто, пока Порта не выскажется въ пользу Франціи, а въ частности выступить противъ Ганновера рѣшится не иначе, какъ въ союзѣ съ Даніей ³⁾). Но по обыкновенію у Фридриха II были въ запасѣ и другія предложенія; если Франція еще не рѣшила окончательно вторгнуться въ австрійскіе Нидерланды, такъ она могла бы воспользоваться посредничествомъ Маріи Терезіи и прусскаго короля и полюбовно уладить свою распрю съ Англіей ⁴⁾). Французскій дворъ съ своей стороны продолжалъ идти на встрѣчу Фридриху II. 23-го іюля Рульэ возвѣстилъ въ Компьенѣ Книппгаузену, что Людовикъ XV рѣшилъ отправить въ Берлинъ герцога Ниверне, дабы договориться относительно мѣръ, неизбежныхъ въ виду враждебныхъ дѣйствій Англіи. Въ своемъ отвѣтѣ (отъ 9-го августа) на эту любезность король подвергъ критикѣ малодушный образъ дѣйствія французскихъ министровъ въ переговорахъ съ Англіей; онъ по прежнему совѣтовалъ привлечь на свою сторону Данію и произвести нападеніе на Ганноверъ для ускоренія мира, а съ другой стороны въ одну кампанію овладѣть беззащитной Фландріей на случай, если бы потребова-лся выкупъ за Канаду. Такимъ путемъ Франція управится съ неприязнелемъ собственными силами; это тѣмъ болѣе необходимо, что

¹⁾ №№ 6898 и 6895, 26-го — 29-го іюля. Ср. Waddington, Renversement des Alliances, 107.

²⁾ № 6899 отъ 29-го іюля.

³⁾ № 6901 отъ 2-го августа: je ne saurais agir contre l'Hanovre, à moins que l'alliance entre le Danemark et moi ne soit constatée et que celui-ci ne se joigne à l'entreprise sur l'Hanovre.

⁴⁾ №№ 6904—6 отъ 2-го августа.

военныя силы обѣихъ императрицъ на прусской границѣ осуждаютъ короля на бездѣйствіе ¹⁾).

При такой близости къ версальскому двору Фридрихъ II въ августѣ 1755 года могъ отвѣчать только рѣшительнымъ отказомъ на первую попытку Англіи втянуть его въ кругъ ганноверскихъ интересовъ ²⁾. Лордъ Гольдернессъ лично обратился было 10-го августа къ посредничеству правящаго герцога брауншвейгскаго, женатаго на сестрѣ прусскаго короля Филяппинѣ Шарлоттѣ. Англійскій государственный секретарь просилъ герцога поддержать заботы его государя о сохраненіи мира въ Германіи и склонить своего шурина къ торжественному обѣщанію, что онъ ни прямо, ни косвенно ничего не предприметь противъ Ганновера, не будетъ поддерживать замысловъ Франціи противъ владѣній Георга II въ Германіи, не станетъ препятствовать мѣрамъ, которыя можетъ быть понадобится королю принять для ихъ защиты отъ французскаго вторженія, и даже постарается предупредить французовъ и помѣшать всякой ихъ попыткѣ въ этомъ направленіи ³⁾. Фридрихъ II отвѣчалъ совѣтомъ Гольдернессу стараться покончить дѣло миромъ, принять ради этого посредничество Пруссіи и просить той же услуги у Маріи Терезіи, или Голландіи, или Давіи ⁴⁾. Это мягкое „показное“ письмо король написалъ герцогу Карлу, не желая разстраивать его переговоры съ Гольдернессомъ о бракѣ дочери, принцессы брауншвейгской, съ принцемъ Уэльскимъ. Напротивъ, въ письмѣ отъ того же 12-го августа, предназначенномъ

¹⁾ № 6.918 отъ 9-го августа.

²⁾ По англійскимъ извѣстіямъ прусскій король еще лѣтомъ 1755 года сдѣлалъ первую попытку примириться съ Георгомъ II. Въ концѣ мая Фридрихъ II намѣревался посѣтить свои прирейнскія владѣнія, а по дорогѣ навѣстить брауншвейгскій дворъ. Ему предстояло ѣхать недалеко отъ города Ганнонера и замка Герренгаузена, гдѣ пребывалъ тогда англійскій король. Гольдернессъ извѣстиямъ въ первыхъ числахъ іюня герцога Ньюкастля, что, судя по сообщеніямъ изъ Брауншвейга, прусскій король по пути рассчитываетъ посѣтить и своего дядю Георга II. Принцъ Фердинандъ Брауншвейгскій по просьбѣ самого Фридриха II писалъ въ этомъ духѣ брату своему, владѣтельному герцогу. Тщетно ганноверскіе министры Мюнхгаузенъ и Штейнбергъ убѣждали своего курфюрста выразить согласіе и даже желаніе на свиданіе. Георгъ II уклонился отъ этой встрѣчи, а прусскій король, не добившись своего, не захотѣлъ даже послать привѣтствія дядѣ и выкопано прослѣдовалъ мимо его замка. (Holderness to Newcastle, 18-го іюня 1755 г. у Waddington'a, Louis XV et le Renversement des Alliances, 1896).

³⁾ № 6923, письмо герцога брауншвейгскаго отъ 11-го августа.

⁴⁾ № 6923, отъ 12-го августа, „lettre ostensible“.

только для самого герцога, Фридрихъ II подъ величайшей тайной завѣрялъ зятя, что англичанамъ никогда не удастся вырвать у него требуемаго заявленія (*que jamais ils ne m'extorqueront la déclaration qu'ils prétendent*); однако въ интересахъ Пруссіи и Брауншвейга онъ совѣтовалъ не лишать ганноверскаго дома сразу всякой надежды, но стараться убаюкать Гольдернесса, затягивать дѣло совѣтами о посредничествѣ, всевозможными запросами и затрудненіями ¹⁾. До конца августа прусскій король въ переговорахъ съ Англіей черезъ посредство герцога брауншвейгскаго заботился только о томъ, чтобы выиграть время и дожидаться болѣе подробнаго объясненія со стороны Гольдернесса ²⁾. Только съ 1-го сентября по н. с. начинается переворотъ въ отношеніяхъ Фридриха II къ лондонскому двору. Эта переиѣна во взглядахъ была вызвана во второй половинѣ августа преждевременнымъ извѣстіемъ о томъ, что будто-бы субсидная конвенція между Англіей и Россіей уже подписана. Отъ 12-го августа н. с. фонъ-деръ-Гелленъ сообщилъ королю изъ Гага, будто-бы англійскій курьеръ, пробѣжавшій изъ Ганновера черезъ Голландію въ Лондонъ, везъ извѣстіе о заключеніи на 10 лѣтъ конвенціи, которая отдавала 60 тысячъ русскихъ въ распоряженіе Георга II ³⁾. Въ письмахъ короля отъ 18 — 19-го августа неразъ упоминаются эти 60 тысячъ русскихъ ⁴⁾. Кнингаузенъ долженъ былъ передать Рульс слухъ, что ганноверское правительство думаетъ высадить русскій отрядъ въ Любекъ и непосредственно двинуть его въ Нидерланды, дабы французскій министръ могъ забить тревогу въ Копенгагенѣ. Слухи объ англо-русской конвенціи подтверждались ⁵⁾. Навболѣе надежнымъ источникомъ Фридрихъ II считалъ саксонскія донесенія изъ С.-Петербурга. Отъ 25-го августа Мальцанъ сообщилъ королю изъ Дрездена, что по донесенію Функа (отъ 28-го іюля) Уильямсу еще не удалось довести дѣло конвенціи до конца, но что канцлеры Бестужевъ и Воронцовъ и секретарь Волковъ уже вызваны съ соответствующими документами къ государынѣ въ Царское Село ⁶⁾. Съ

¹⁾ № 6924: *il convient à vos intérêts et aux miens qu'on ne leur en fasse point perdre l'espérance, mais que vous les flattiez.*

²⁾ № 6948 отъ 25-го августа: *rien ne me vient plus à propos sur ceci que de pouvoir gagner du temps.*

³⁾ № 6988.

⁴⁾ №№ 6987—41.

⁵⁾ № 6943 отъ 28-го августа.

⁶⁾ № 6963.

этихъ поръ прусскій король сталъ, очевидно, считать вопросъ рѣшительнымъ и надумалъ сблизиться съ Англіей, чтобы вырвать жало у субсидной конвенціи, направленной противъ него столько же, сколько и противъ Франціи. 1-го сентября онъ писалъ уже герцогу брауншвейгскому о новомъ направленіи, которое приняли его мысли. Срокъ союзнаго договора съ Франціей истекалъ весной слѣдующаго года; до тѣхъ поръ король не намѣренъ былъ принимать на себя какія либо новыя обязательства, но, если бы лондонскій дворъ сдѣлалъ ему сходныя предложенія, то Фридрихъ II считалъ еще возможнымъ придти къ соглашенію относительно нейтралитета для Ганновера; однако онъ не хотѣлъ открываться первымъ и ждалъ начала съ англійской стороны. Все это герцогъ брауншвейгскій долженъ былъ довести до свѣдѣнія Гольдернесса, какъ бы отъ себя, отнюдь не примѣшивая имени самого короля ¹⁾. Отъ 29-го августа Мальцанъ сообщалъ изъ Дрездена, будто-бы 9-го числа субсидный договоръ между Англіей и Россіей былъ дѣйствительно подписанъ ²⁾. Пруссскій король продолжалъ и послѣ этого слѣдить за затрудненіями, встрѣтившимися при ратификаціи въ Лондонѣ новаго трактата, но его сближеніе съ Англіей независимо отъ всего шло своимъ путемъ ³⁾. Весь вопросъ вертѣлся около того, кто первый сдѣлаетъ вполне ясныя предложенія. Гольдернессъ въ отвѣтъ герцогу брауншвейгскому отъ 30-го сентября 1755 года отказывался понимать, что именно разумѣть Фридрихъ II подъ сходными предложеніями (*proposition assernable*), но высказывалъ увѣренность въ томъ, что, если прусскій король открыто выскажется за нейтралитетъ для Ганновера и поддержаніе мира въ Германіи, то къ нему будетъ посланъ въ Берлинъ уполномоченный для завершения переговоровъ ⁴⁾. Тогда Фридрихъ II написалъ два письма (отъ 13-го октября) герцогу Карлу. Въ первомъ письмѣ, написанномъ болѣе для англійскаго министерства, король напоминалъ, что въ сущности онъ все еще союзникъ Франціи (je

¹⁾ № 6966 отъ 1-го сентября: je ne dévouerai point Votre Altesse, si Elle veut donner à entendre au ministre anglais, mais toujours comme d'Elle même et sans que je sois mêlé encore, que, pourvu qu'on me fasse faire des propositions raisonnables de la part du roi d'Angleterre, l'on pourrait peut-être arriver au but qu'on s'était proposé relativement à la neutralité des États d'Hanovre; qu'il ne fallait, cependant, pas s'attendre que je m'y ouvrirais le premier.

²⁾ № 6970.

³⁾ № 7022 отъ 11-го октября.

⁴⁾ № 7024.

suis à la vérité allié de la France) и что лондонскій дворъ, не давая яснаго объясненія, требуетъ отъ него слишкомъ много — поставить предѣлъ мѣропріятіямъ, которыя можетъ предпринять Людовикъ XV; впрочемъ въ Берлинѣ всегда готовы съ уваженіемъ встрѣтить уполномоченнаго Англіи ¹⁾. Въ письмѣ, предназначенномъ исключительно для самого герцога, король высказывалъ рѣзче свое неудовольствіе противъ лондонскаго двора, который требуетъ у него поддержки, не уладивъ своихъ старыхъ распрій съ Пруссіей, и ждетъ предложеній съ его стороны, хотя первый завязалъ всѣ эти переговоры; впрочемъ, Фридрихъ II все-таки просилъ герцога Карла не отнимать у Гольдернесса надежды, сообщить ему копию съ показнаго письма, предупредить его, что въ Берлинѣ ѣдетъ герцогъ Нивернѣ возобновлять договоръ, и настаивать на болѣе откровенномъ объясненіи со стороны Англіи ²⁾. Изъ донесенія посланника въ Вѣнѣ, Клянгграффена (отъ 12-го ноября), прусскій король узналъ, что всѣ недоразумѣнія между Лондономъ и С.-Петербургомъ по вопросу о субсидной конвенціи устранены къ удовольствію англійскаго министерства и что теперь все дѣло только въ утвержденіи трактата парламентомъ ³⁾.

Слухи о томъ, что Георгъ II старается отдалить Пруссію отъ Франціи и перетянуть ее на свою сторону, черезъ Гагу и Вѣну достигли въ ноябрѣ Парижа, и встревоженный дворъ сталъ торопить отъѣздъ герцога Нивернѣ. Фридрихъ II предписалъ своему посланнику успокоивать Рульзъ и заявить, что ни король, ни герцогъ брауншвейгскій не пріяли никакихъ обязательствъ относительно лондонскаго двора ⁴⁾. Фридрихъ II, очевидно, еще не вполне былъ увѣренъ въ искренности Англіи, а съ другой стороны, сближаясь съ Георгомъ II, не думалъ порывать съ Франціей. Гольдернессъ въ письмѣ къ герцогу Карлу (отъ 21-го ноября) старался успокоить подозрѣнія, пробужденныя въ Берлинѣ субсидной конвенціей, и отъ имени своего короля завѣрялъ, что Англія ни на кого въ Европѣ не собирается нападать и что русское войско будетъ пущено въ ходъ только въ

¹⁾ № 7025.

²⁾ № 7026: ils veulent que je plante là la France et que je me repaïsse de la gloire d'avoir préservé leur pays d'Hanovre... ces gens en veulent me duper grossièrement, ou ils sont fols.

³⁾ № 7091. Свѣдѣнія Фридриха II были не вполне точны; онъ думалъ, что Елисавета согласилась напечатать спорную декларацію, направленную противъ Пруссіи. Ср. № 7022.

⁴⁾ № 7110.

томъ случаѣ, если какая-либо держава прибѣгнетъ къ открытому насилию противъ владѣній Георга II ¹⁾). 26-го ноября лордъ Гольдернессъ пригласилъ прусскаго секретаря Мишеля на конференцію, сообщилъ ему списокъ съ субсидной конвенціи и ея тайной статьи и предлагалъ отъ имени Георга II не только возобновить гарантію владѣніямъ Фридриха II, но и войти съ нимъ даже въ болѣе близкія обязательства; въ случаѣ согласія Пруссіи лондонское правительство готово было уладить ко взаимному удовольствію споръ о вознагражденіи прусскихъ купцовъ за убытки отъ англійскихъ каперовъ ²⁾). Фридрихъ II остался доволенъ такимъ довѣріемъ и заявилъ черезъ Мишеля, что, желая сохранять миръ Европѣ, онъ считаетъ наиболѣе цѣлесообразнымъ начать именно съ укрѣпленія спокойствія въ Германіи; по словамъ короля, этого можно достигнуть, если Англія и Пруссія заключать договоръ о нейтралитетѣ на все время, пока будутъ длиться теперешнія распри въ Европѣ, не упоминая ни французовъ, ни русскихъ, дабы не раздражать ихъ и облегчить берлинскому двору примиреніе обѣихъ враждующихъ державъ; дѣло о захватѣ англійскими каперами нѣсколькихъ прусскихъ судовъ Фридрихъ II считалъ пустякомъ, но все-таки радовался возможности покончить его на сходныхъ условіяхъ ³⁾). Въ декабрѣ Фридрихъ II уведомилъ своего министра Подевильса, что вновь явилась надежда довести до конца переговоры съ англійскими дворами. Такъ какъ Подевильсъ приписывалъ соглашеніямъ между обѣими императрицами исключительно оборонительный характеръ и не вѣрилъ, чтобы Пруссія грозила какою-либо опасностью, если только король самъ не рѣшится начать войну, то Фридрихъ II черезъ Эйхеля сообщилъ къ свѣдѣнію своего министра содержаніе поминутныхъ постановленій русской конференціи въ октябрѣ 1755 года, пересланныхъ ему изъ Дрездена ⁴⁾.

¹⁾ № 7118.

²⁾ № 7119: de s'unir encore étroitement.

³⁾ Отъ 7-го декабря № 7119: qu'étant dans l'intention de contribuer de tout mon pouvoir au maintien de la paix de l'Europe, je ne trouvais rien de plus raisonnable, que de commencer par affermir la tranquillité de l'Allemagne... en concluant entre le roi d'Angleterre et moi un traité de neutralité pour l'Allemagne pour le temps des démêlés qui subsistent actuellement en Europe, sans y nommer les Français, ni les Russes.

⁴⁾ №№ 7134—7147. Eichel писалъ отъ 20-го декабря: weil (S. Königl. Majestät) angemerkt haben wollen, als ob Ew. Excellenz (Gr. Podewils) in der festen Persuasion ständen, dass alle Engagements zwischen denen beiden kaiserlichen Höfen nur pur defensiva wären und des Königs Majestät daher nicht leicht etwas

22-го декабря Гольдернессъ вручилъ, наконецъ, Мишелю проектъ конвенціи о нейтралитетѣ; сверхъ того государственный секретарь прибавилъ устно, что, какъ только Фридрихъ II сниметъ запрещеніе съ суммъ, причитающихся англійскимъ подданнымъ въ Силезіи, министры Георга II подпишутъ тайную декларацію съ обязательствомъ выплатить ему приличную сумму денегъ въ вознагражденіе прусскимъ купцамъ за убытки отъ каперовъ. Получивъ эти предложенія изъ Лондона, Фридрихъ II пригласилъ къ себѣ (1-го января 1756 года) для совѣщанія министра Подевиляса и прочелъ ему депеши Мишеля отъ 23-го декабря. Прусскій министръ согласился, что нейтралитетъ для Германіи будетъ лучшимъ средствомъ избавить Пруссію отъ всякой опасности и всякаго участія въ войнѣ, но совѣтовалъ исключить изъ подъ дѣйствія договора австрійскіе Нидерланды, чтобы не поссориться изъ-за этого съ Франціей; для этого онъ предложилъ понятіе l'Empire Germanique замѣнить словомъ Allemagne и кромѣ того внести изъятіе Нидерландовъ въ особую тайную и сепаратную статью ¹⁾. Сообразно указаніямъ Подевиляса выработана была контръ-проектъ конвенціи и наказъ секретарю Мишелю, который при этомъ случаѣ сдѣлалъ повѣреннымъ въ дѣлахъ. Фридрихъ II предписывалъ ему добиться вознагражденія для прусскихъ купцовъ по крайней мѣрѣ тысячъ въ 20 фунтовъ ст., а главное быстро отвѣта у лондонскаго правительства, согласно ли оно на перемѣны и тайную сепаратную статью, предложенныя Пруссіей; въ виду предстоявшаго прибытія въ Берлинъ герцога Нивернэ, королю важно было окончательно выяснить свои отношенія съ Англіей ²⁾. Итакъ. Фридрихъ II еще 4-го января 1756 г. н. ст. не зналъ повѣрное, понадобится ли ему возобновить союзный договоръ съ Франціей, или онъ замѣнитъ его конвенціей о нейтралитетѣ съ Георгомъ II, а главное, собирався принять на себя обязательства относительно Англии, король старательно избѣгалъ раздражать версальскій дворъ и преграждать ему путь въ австрійскіе Нидерланды. Цѣлью конвенціи было намѣчено сохраненіе мира Европѣ

zu besorgen hätten, daferne Dieselbe nicht etwa von Selbsten zu einem Kriege resolviren sollten.

¹⁾ Pol. Corr., V. XII, № 7167. S. Königl. Majestät auch mit Frankreich sich darüber nicht committiren und brouilliren könnten.

²⁾ Il m'importe extrêmement de savoir au plus tôt, où j'en serai avec eux, vu que de la part de la France le duc de Nivernois arrivera au premier jour ici et qu'il faut en conséquence que je puisse me décider sur mon parti à prendre № 7175.

и Германіи. Фридрихъ II и Георгъ II обязывались удерживать своихъ союзниковъ отъ нападенія на владѣнія англійскія и прусскія и соединенными силами препятствовать вступленію чужестраннаго войска въ Германію; обѣ договаривающіяся стороны возобновляли всѣ договоры о союзѣ и гарантіи, уже существовавшіе между ними. Такъ какъ 8-ой статьею Дрезденскаго мира король прусскій гарантировалъ Маріи Терезіи только ея владѣнія въ Германіи (Allemagne), то австрійскіе Нидерланды ¹⁾ исключались изъ конвенціи о нейтралитетѣ Германіи. 16-го января 1756 г. по н. ст. конвенція была подписана въ Вестминстерѣ; англійскіе министры присоединили къ ней въ тотъ же день декларацію, по которой Георгъ II обязывался уплатить прусскому королю 20 тыс. фунт. ст., какъ вознагражденіе для его подданныхъ за убытки отъ англійскаго каперства ²⁾. Всѣ эти дипломатическіе акты были доставлены въ Берлинъ 25-го января. Около того же времени Мальцанъ сообщилъ изъ Дрездена (отъ 23-го января) на основаніи донесеній Функа (отъ 8-го и 15-го декабря), что 11-го декабря англійскій курьеръ прибылъ въ С.-Петербургъ съ ратификаціей субсидной конвенціи ³⁾.

Между тѣмъ къ половинѣ января герцогъ Нивернезъ прибылъ, наконецъ, въ Берлинъ ⁴⁾. Уже при первой дѣловой бесѣдѣ 19-го января герцогъ Нивернезъ говорилъ главнымъ образомъ о возобновленіи союза между Франціей и Пруссіей; Фридрихъ II считалъ еще тогда это дѣло вполне возможнымъ ⁵⁾. Послѣ своего рѣшительнаго разговора съ Нивернезъ (24-го января) король набросалъ письменно всѣ свои доводы въ защиту конвенціи о нейтралитетѣ и сообщилъ ихъ Подевальсу, дабы и министръ исходилъ отъ нихъ въ своихъ бесѣдахъ съ французскимъ уполномоченнымъ. Пруссія никогда не гарантировала

¹⁾ Брабантъ и Фландрія, или такъ называемый Бургундскій округъ Германской Имперіи. Article secret et séparé, В. XI, № 7175.

²⁾ № 7219. Утверждая, что конвенція подписана въ Вестминстерѣ, мы слѣдуемъ ея тексту у Schaafers, Geschichte des Siebenjährigen Kriegs, В. I, Beilagen и Pol. Corr., В. XII, S. 54. Waddington, l. c. принимаетъ, что конвенція подписана въ White-Hall'ѣ, не указывая своихъ источниковъ.

³⁾ № 7383.

⁴⁾ № 7199. Voilà ici depuis quatre jours le duc de Nivernois, пишетъ Фридрихъ II 17-го января; герцогъ прибылъ въ Берлинъ 12-го января.

⁵⁾ № 7208. Son entretien... a principalement roulé sur le renouvellement de mon alliance avec la France, ce qui aussi à la fin ne souffrira pas de grandes difficultés. Perey (un petit-neveu de Mazarin) отнесать первую важную бесѣду къ 20-му января.

Людовику XV его колониальныхъ владѣній, а потому нѣмѣшная война нисколько не касается ея; ея оборонительный союзъ съ версальскимъ дворомъ не обязываетъ къ наступательнымъ дѣйствіямъ и при томъ же идетъ къ концу. Начинать наступательныя войны вообще не стоитъ, такъ какъ онѣ сопряжены съ наибольшимъ рискомъ. Фридрихъ II можетъ выставить въ поле только 100 тысячъ человѣкъ, тогда какъ его противники—200 тысячъ (Ганноверъ 40 тыс., Марія Терезія 100 тыс., Россія 60 тыс.); къ тому же непріятель принудитъ его раздробить свои силы, и въ каждомъ отдѣльномъ мѣстѣ онъ будетъ слабѣйшимъ. Оставаться простымъ зрителемъ, если русскіе войдутъ въ имперію, король не можетъ, такъ какъ это слишкомъ усилитъ его противниковъ. Итакъ, ему остается только заключить конвенцію, предложенную Англіей. Для Людовика XV тоже лучше, чтобы русскіе не могли проникнуть въ Германію, потому что они будутъ призваны противъ Франціи. Въ силу этихъ доводовъ король вполне искренно сообщалъ герцогу весь ходъ своихъ переговоровъ съ Англіей ¹⁾. Часть тѣхъ же доводовъ Фридрихъ II писалъ и барону Книппгаузену въ Парижъ для передачи ихъ Рульэ ²⁾; прусскій посланникъ долженъ былъ завѣрить государственнаго секретаря, что все это не помѣшаетъ Пруссіи возобновить оборонительный договоръ съ Людовикомъ XV и не измѣнитъ чувствъ ея короля къ Франціи ³⁾. По полученіи подписанной въ Вестминстерѣ конвенціи король приказалъ вручить 29-го января герцогу Швернэ копію съ нея вмѣстѣ съ тайной статьёй для отсылки своему правительству ⁴⁾, а своимъ министрамъ при иностранныхъ дворахъ (въ Вѣнѣ, Дрезденѣ, Стокгольмѣ, Копенгагенѣ и т. д. вплоть до мелкихъ резидентовъ или агентовъ въ городахъ Германской имперіи, какъ-то въ Гамбургѣ, Кельнѣ, Франкфуртѣ, Нюрнбергѣ и т. н.) разослалъ наказъ, въ случаѣ запросовъ со стороны чужихъ правительствъ, отвѣчать, что конвенція заключена ради обезпеченія мира Германіи, касается только нейтралитета и текущей войны и отнюдь не уничтожаетъ другихъ обязательствъ, которыя лежатъ на королѣ по отношенію къ Франціи ⁵⁾;

¹⁾ № 7216 отъ 21-го января.

²⁾ Отъ 27-го января № 7220.

³⁾ *Que tout cela ne m'empêcherait point de faire une alliance défensive avec la France... et que je conserverai les mêmes sentiments d'amitié pour la France que j'avais toujours eus pour elle.* № 7220 отъ 27-го января.

⁴⁾ №№ 7226—27.

⁵⁾ № 7224. *Jedoch gehe solches nur pur und alleine die Neutralität von Teut-*

въ частности прусскій секретарь въ Варшавѣ Бенуа долженъ былъ въ случаѣ разглашенія конвенціи написать короному гетману Браницкому, что король нейтралитетомъ для Германіи думалъ набавить Польшу отъ тягостнаго прохода русскаго войска ¹⁾). Повидному, извѣстіе о Вестминстерской конвенціи не должно было бы задѣть версальскій дворъ за живое, такъ какъ мысль о вторженіи въ Ганноверъ была тамъ оставлена ²⁾); но Рульзъ былъ недоволенъ, что Фридрихъ II такъ долго хранилъ глубокое молчаніе о предложеніяхъ, сдѣланныхъ ему Англіей, словно какъ будто бы онъ считалъ Францію бесполезной союзницей, или не понималъ, что версальскій дворъ, преданный въ критическую минуту, легко найдетъ случай отомстить. На эти упреки Фридрихъ II отвѣчалъ уже послѣ сообщенія всей конвенціи герцогу Нивернз ³⁾). Король напоминалъ, что затяжки въ отъѣздѣ герцога въ Берлинъ, оповѣщенномъ еще въ іюлѣ истекшаго года, были единственной причиной, почему онъ раньше не могъ объясниться съ французскимъ правительствомъ о предложеніяхъ лондонскаго двора. Теперь, когда договоръ съ Франціей какъ разъ истекаетъ, король долженъ былъ позаботиться о приобрѣтеніи союзниковъ; хотя Англія ясно даетъ понять, что она желала бы заключить съ Берлинномъ союзъ, но онъ все-таки склоняется въ этомъ отношеніи на сторону Людовика XV и готовъ возобновить съ нимъ свои обязательства, если Рульзъ отожитъ въ сторону свои неумѣстные угрозы ⁴⁾). Конвенція съ Англіей—дѣло преходящее и случайное; она освобождаетъ Францію отъ 60 тысячъ русскихъ и 60 тыс. австріяцевъ. Августъ минувшаго года былъ удобнымъ временемъ для предпріятія противъ Ганновера, но теперь оно не имѣло бы успѣха въ виду мѣропріятій, принятыхъ Георгіемъ II заодно съ его союзниками, и вовлекло бы версальскій дворъ въ общеевропейскую войну ⁵⁾). Вест-

schland und diesen Krieg an und hindere nicht die anderen Verbündnisse, welche Se. Königl. Majestät sonst mit der Krone Frankreich hätten.

¹⁾ № 7221.

²⁾ Книппгаузенъ отъ 28-го января о разговорѣ съ Рульзъ 20-го января; прусскій посланникъ думалъ тогда еще que l'éloignement du ministère de France pour la neutralité de l'Allemagne n'est pas aussi considérable.

³⁾ № 7236 отъ 3-го февраля.

⁴⁾ Отъ 10-го февраля Фридрихъ II писалъ Книппгаузену: je n'ai jamais refusé au duc de Nivernois de renouveler mon traité d'alliance avec la France et je suis encore prêt de le faire sur le pied d'une alliance défensive, car, pour des offensives, je n'en ferai jamais avec personne. № 7258.

⁵⁾ № 7236: Quoique l'Angleterre m'ait donné assez intelligiblement à entendre,

министерская конвенція не препятствуетъ Франціи вести войну и на сушѣ, такъ какъ Нидерланды нарочно изъяты изъ нейтралитета ¹⁾. Герцогу Нивернѣ Фридрихъ II давалъ позволеніе разглашать, что конвенція заключена съ согласія Франціи ²⁾.

Но эти проявленія дружбы къ Франціи не мѣшали королю слѣдить черезъ Книппгаузена за тайными сношеніями между Парижемъ и Вѣной; если бы французскіе министры отказались возобновить съ нимъ договоръ, такъ это послужило бы для него признакомъ, что они собираются примкнуть къ другой партіи, и сигналомъ—самому принять соответствующія мѣры ³⁾. Въ виду всеобщаго броженія, охватившаго Европу, Фридрихъ II считалъ Вестминстерскую конвенцію единственнымъ выходомъ изъ опаснаго положенія; спокойствіе Пруссія и теперь казалось ему еще не достаточно прочнымъ, но король былъ по крайней мѣрѣ увѣренъ, что онъ выигралъ 1757 годъ, въ которомъ сильно нуждался для завершения необходимыхъ мѣропріятій и предохраненія своего государства отъ всякаго риска; далѣе, онъ сохранялъ свободу дѣйствій, смотря по тому, будетъ ли стеченіе обстоятельствъ благопріятно, или нѣтъ ⁴⁾. Неувѣренность Фридриха II въ прочности французскаго союза была умѣстна. Уже самъ герцогъ Нивернѣ въ разговорѣ съ Подевиальсомъ пытался найти противорѣчія

combien elle désirerait de faire un traité d'alliance avec moi, je penche nonobstant cela pour la France et suis intentionné encore de renouveler mon alliance avec elle... le temps propre de tenter une expédition sur l'Hanovre fut dans le mois d'août de l'année passée, mais à présent... une entreprise sur l'Hanovre manqueroit absolument de succès.

¹⁾ Elle saura toujours faire la guerre aux Pays-Bas, que j'ai exceptés expressément, et où la France la saura faire avec le plus de succès.

²⁾ № 7245.

³⁾ Cela me servira de boussole qu'ils veulent prendre parti ailleurs, et dans ce cas-là il faut bien que je prenne mes mesures en conséquence. № 7258.

⁴⁾ Фридрихъ II писалъ брату принцу Августу Вильгельму отъ 12-го февраля: du moins y a-t-il toutes les apparences que je gagnerai l'année 57, dont j'ai grand besoin pour achever des arrangements nécessaires et indispensables sans lesquels l'État serait trop hasardé, et ensuite il faudra voir si les conjonctures nous deviendront favorables ou contraires, car ce sont elles qui nous mènent. Тому же брату Фридрихъ II писалъ отъ 19-го февраля: „Cette année-ci, que je compte avoir gagnée, me vaut autant que cinq des précédentes et si dans la suite je peux servir de médiateur aux puissances belligérantes, j'aurai fait à la Prusse le plus grand rôle qu'elle puisse représenter en temps de paix; et ne comptez-vous pour rien le plaisir de faire enrayer la reine de Hongrie, d'humilier, ou pour mieux dire, d'anéantir la Saxe, de désespérer Bestushew? Voilà quelles sont les suites qu'aura un petit coup de plume. №№ 7266, 7281.

между Вестминстерской конвенціей и обязательствами Пруссіи передъ Людовикомъ XV и ставилъ вопросъ, обязанъ ли Фридрихъ II вступить за Англію, если французы произведутъ нападеніе на Великобританскіе острова? Министръ отвѣчалъ, что даже независимо отъ новой конвенціи Георгъ II всегда могъ бы въ этомъ случаѣ потребовать помощи въ силу прежней гарантіи, данной ему разъ навсегда, а также наслѣдственныхъ правъ прусской династіи на великобританскую корону. Вполнѣ отрицательно отнесся къ Вестминстерской конвенціи Рульз, и графъ Штарембергъ спѣшилъ воспользоваться охлажденіемъ французскаго министерства къ Пруссіи, чтобы двинуть впередъ тайные переговоры между Версалемъ и Вѣной ¹⁾. Получивъ, наконецъ, копію съ конвенціи, Рульз отказывался понимать, какимъ образомъ прусскій король, гарантировавъ Георгу II всѣ его владѣнія въ Европѣ, считалъ еще возможнымъ поручиться я за неприкосновенность французскихъ земель въ то время, какъ эти державы готовы начать между собой военныя дѣйствія, которыя по всей вѣроятности не ограничатся Америкой. По мнѣнію государственнаго секретаря, конвенція связала Франціи руки для всѣхъ предпріятій противъ англичанъ въ Европѣ и обезпечила имъ прусскую помощь противъ всѣхъ замысловъ версальскаго правительства ²⁾. Въ разговорѣ 17-го февраля Рульз особенно нападаетъ на возобновленіе по Вестминстерской конвенціи договора отъ 18-го ноября 1742 года, гарантировавшаго всѣ британскія владѣнія въ Европѣ и обязывавшаго Фридриха II защищать ихъ противъ всякаго непріятельскаго нападенія. При всемъ своемъ желаніи сохранить прежнія отношенія съ Берлиномъ, французскій министръ отказывался высказаться о предложеніи возобновить договоръ 1741 года между Людовикомъ XV и Фридрихомъ II, пока прусскій король не разсѣетъ его сомнѣнія, насколько эти прежнія обязательства совмѣстимы теперь съ новой конвенціей ³⁾. Между тѣмъ 13-го февраля совершился разнѣнъ ратификацій Вестминстерской конвенціи, а въ мартѣ мѣсяцѣ герцогъ Наварра былъ отозванъ и уѣхалъ въ началѣ апрѣля ⁴⁾.

¹⁾ № 7286, донесеніе Книппгаузена отъ 9-го февраля, и № 7298.

²⁾ № 7298. Донесеніе Книппгаузена отъ 13-го февраля: Je ne saurais cacher à Votre Majesté que le ministère de France paraît être tous les jours plus affecté de cet événement et que la copie de ce traité qu'Elle a communiquée à M. de Nivernois, a répandu ici la plus grande consternation.

³⁾ № 7317.

⁴⁾ №№ 7290, 7388, 7401. Ср. Waddington, Louis XV et le Renversement des

Отказывался вѣрять, чтобы французы рѣшились порвать съ нимъ

Alliances, 1896. Ваддингтонъ не только могъ выяснитъ себѣ мотивы, побудившаго версальское правительство въ теченіе пяти мѣсяцевъ задерживать отъѣздъ герцога Ниверне, который еще въ августѣ напечатанъ былъ съ чрезвычайными полномочіями ко двору Фридриха II (въ письмѣ отъ 9-го августа прусскій король далъ свое согласіе на это). И видя на мирный исходъ распри съ Англіей, и желаніе пойти на союзъ съ Австріей былъ осенью 1755 года сязкомъ слабъ для того, чтобы нѣять на рѣшеніе Людовика XV. Авторъ готовъ объяснить тяжку миссіи герцога Ниверне скорѣе отсутствіемъ логичности и единства въ помыслахъ Франціи. Фридрихъ II не торопилъ версальскаго двора, но постарался уже въ началу ноября добыть себѣ черезъ Кинпгаузена (и M. de Bussy, служившаго по французскомъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ) содержаніе полномочій, выработанныхъ для герцога Ниверне. По словамъ заключенія изъ инструкціи, пересланнаго прусскимъ посланникомъ въ Берлинъ, Франція думала ограничиться на первое время морской и колониальной войной; только въ случаѣ неудачи на морѣ версальскій дворъ готовъ былъ перенести войну въ нѣ материкъ и заранѣе рѣчитывалъ на содѣянствіе Фридриха II въ Германіи. Герцогъ Ниверне долженъ былъ теперь же условиться относительно совѣстныхъ операцій и истребительности противъ владенія русскіяхъ на Пруссіи: de Lui exposer les moyens dont la France a déjà fait et compte encore de faire usage, afin de mettre Votre Majesté hors de toute atteinte de la part de la Russie, qu'on regarde comme la puissance qu' Elle aurait le plus à craindre, si Elle (Votre Majesté, т. е. Фридрихъ II) se déclarait en faveur de la France et qu' Elle attaqué l'électorat d'Annover; car c'est là la diversion à laquelle on voudrait déterminer Votre Majesté. P. C. XI, 7079. Предполагалось, что прусскій король согласится еще въ случаѣ нужды пропанести диверсію противъ Гамбурга; въ видѣ вознагражденія для Фридриха думали дать ему гарантію на Остфризландію; въ королевскомъ совѣтѣ шла даже рѣчь предложить ему острова Табаго, Св. Викентія и Са. Луціи; впрочемъ, въ инструкціи объ этихъ предложеніяхъ не говорилось ни слова, и герцогъ Ниверне долженъ былъ предвзятельно узнать собственныя желанія Фридриха II; самой Франціи пришлось бы тогда вести войну въ Нидерландахъ. Но главной цѣлью герцога Ниверне было возобновленіе союза, заключеннаго между Франціей и Пруссіей въ іюнѣ 1741 года на 15 лѣтъ, въ иржепемъ владѣ или съ перемѣнами, сообразно обстоятельствамъ. Кромѣ того герцогъ долженъ былъ разузнать сущность предложеній, сдѣланныхъ будто бы Фридрихъ II лондонскимъ дворомъ, и по возможности добиться одобренія прусскаго короля для субсиднаго договора съ Саксоніей (№ 7073). Ваддингтонъ слырлтъ сообщенія Кинпгаузена съ копіей инструкціи въ архивѣ иностранныхъ дѣлъ и не нашелъ никакой существенной разницы (инструкція прочитана въ совѣтѣ 12-го ноября 1755 года). Герцогъ Ниверне покинулъ Парижъ 22-го декабря 1755 года, 12-го января 1756 года достигъ Берлина и въ среду 14-го въ вечеру былъ принятъ Фридрихомъ II на аудіенціи. Чрезвычайный посланникъ (l'envoyé extraordinaire; по англѣвскому по Regu) вынесъ впечатлѣніе, что прусскій король, подъ предлогомъ болѣзни русскіяхъ, находится въ переговорахъ съ Англіей; Фридрихъ II выказывалъ нерасположеніе къ какому-либо наступательнымъ обязатель-

и втянутся въ общеевропейскую войну, противную ихъ интересамъ¹⁾, прусскій король старался выяснить себѣ, насколько можно воздѣйствовать на Россію черезъ своего новаго союзника—Георга II. Ради этого Фридрихъ II предупредилъ Гольдернесса, что Марія Терезія дѣлаетъ попытку сблизиться съ Франціей, и просилъ высказать ему подъ секретомъ свои предположенія на счетъ того, насколько вѣроятно, что въ случаѣ перемѣны системы Австріей и ея соединенія съ Людовикомъ XV, Россія не отдастъ ей предпочтенія передъ Англіей

стать, но герцогъ не терпѣлъ надежды склонить его къ заключенію союза оборонительнаго. Дѣйствительно, король просилъ его даже составить проектъ трактата, но въ то же время познакомилъ герцога со своими переговорами въ Лондонѣ о нейтралитетѣ для Германіи и мѣропріятіяхъ противъ похищенія русскихъ въ имперіи. Наконецъ, 27-го января Фридрихъ II потребовалъ Ниверна къ себѣ и сообщалъ ему, что такъ называемая Вестминстерская конвенція подписана. Въ то время, какъ въ Версалѣ это извѣстіе возбуждало подозрѣнія противъ политическихъ цѣлей Фридриха II, посланникъ продолжалъ трудиться надъ проектомъ договора; но его мнѣнію, Франція должна была возобновить оборонительный союзъ, чтобы ослабить впечатлѣніе, производимое конвенціей отъ 16-го января, и не заботиться о томъ, искренно ли, или нѣтъ заключить теперь прусскій король этотъ договоръ съ Людовикомъ XV (Nivernais à Rouillé 20-e février 1756 у Ваддингтона). Фридрихъ II явился передъ герцогомъ Ниверна, что подписалъ такъ поспѣшно сдѣлку съ Англіей, не предупредивъ версальскаго правительства, и объяснялъ это боязнью русскихъ и задержкой въ приѣздѣ самого посланника; чтобы разсѣять подозрѣнія, будто бы онъ скрываетъ какія-то тайныя статьи, король далъ ему прочесть самый подлинникъ договора. Вѣроятно, чтобы испытать французскаго уполномоченнаго, Фридрихъ II совѣтовалъ черезъ него версальскому двору заключить сдѣлку о нейтралитетѣ съ Маріей Терезіей и этимъ отдалить Англію отъ Австріи; тогда онъ въ свою очередь убѣдилъ лондонскій дворъ перетянуть Россію на свою сторону и высвободить ее изъ подъ вліянія союза съ Вѣной; такимъ образомъ тройственный союзъ—Георга II, Елисаветы и императрицы-королевы — будетъ разорванъ. Герцогъ Ниверна считалъ это предложеніе какимъ-то политическимъ романомъ и угадалъ, что слухи о переговорахъ между аббатомъ Берни и графомъ Штарембергомъ достигли Потсдана. 27-го февраля проектъ для возобновленія союза, истекающаго 5-го іюня 1756 года, былъ готовъ; но еще 19-го февраля были уже подписаны отъѣзныя грамоты для герцога Ниверна съ тѣмъ, чтобы онъ воспользовался ими по обстоятельствамъ. Однако, посланникъ сталъ въ Берлинѣ убѣжденнымъ сторонникомъ какого-либо соглашенія съ Пруссіей и думалъ отсрочить свой отъѣздъ до возобновленія договора (Nivernais, 9-e Mars, у Ваддингтона). Тогда отъ 13-го марта Рулье прямо написалъ ему, что король не считаетъ нужнымъ сдѣлать съ возобновленіемъ союза. 27-го марта Ниверна официально простился съ Фридрихомъ II въ торжественной аудіенціи, но это отнюдь не означало разрыва. Постояннымъ посланникомъ къ прусскому двору былъ назначенъ маркизъ Валора.

¹⁾ Отъ 16-го марта, № 7856.

и не поддастся влиянію вѣнскаго двора ¹⁾). Въ отвѣтъ на это Гольдернессъ завѣрялъ (въ мартѣ 1756 г.), что вѣнскій дворъ жестоко ошибется, если воображаетъ силой своего влияния оторвать Россію отъ интересовъ Георга II. Обѣ императрицы дѣйствительно дружны между собой, но Елисавета всегда предпочтетъ держаться своего союза съ Англіей ²⁾). Однако, благодаря измѣнѣ Менцеля, Фридрихъ II былъ лучше освѣдомленъ относительно настроенія въ С.-Петербургѣ, нежели Гольдернессъ, и не вполне вѣрилъ въ „чистоту“ русскихъ намѣреній; черезъ Мишеля онъ сообщалъ государственному секретарю, что партія Шуваловыхъ была вообще противъ субсидной конвенціи, что императрица Елисавета, узнавъ о Вестминстерскомъ договорѣ, раскаявалась въ своей ратификаціи и твердо рѣшилась сохранить свое доброе расположеніе къ вѣнскому двору ³⁾). На аудіенціи англійскаго посланника Митчелля 12-го мая Фридрихъ II ручался головой за то, что въ текущемъ году миръ въ Германіи не будетъ нарушенъ, но не брался предугадывать того, что можетъ случиться въ слѣдующемъ. Если миръ въ имперіи нарушится вслѣдствіе соглаше-

¹⁾ Отъ 21-го февраля № 7286: Si alors l'Angleterre aurait compter malgré cela sur la Russie et si elle pouvait faire fond sur la cour de Peterbourg qu'elle ne se laisserait pas entraîner par celle de Vienne. Ср. № 7299 отъ 24-го февраля № 7328 отъ 6-го марта и № 7342 отъ 11-го марта.

²⁾ № 7897: qu'il était vrai que les deux Impératrices étaient bonnes amies, mais que celle de Russie s'en tiendrait toujours préférablement à ses liaisons et à ses engagements avec l'Angleterre. Клингграффенъ сообщалъ изъ Вѣны отъ 18-го февраля, что по мнѣнію Кейта Австрія врядъ ли предприметъ что-либо, не войдя въ болѣе тѣсныя отношенія съ с.-петербургскимъ дворомъ, Россія же предпочтетъ ничего не дѣлать, получать ежегодно сто тысячъ фунтовъ стерлинговъ и сохранить выгодную торговлю съ Англіей. Таковы были надежды Кейта. На отзывъ самого Клингграффена Фридрихъ II не вполне полагался, такъ какъ подовѣривалъ, что его нарочно сбиваютъ съ толку. См. В. XI, №№ 7111 и 7154. Наибольше важныя свѣдѣнія о Россіи и Англіи король самъ сообщалъ своему посланнику. В. XII, №№ 7190, 7232.

³⁾ № 7421 отъ 18-го апрѣля на основаніи дожесенія Функа отъ 21 февраля, сообщеннаго Мальцаномъ изъ Дрездена отъ 5-го апрѣля. Отъ 6-го февраля Мальцанъ извѣстия короля, что по требованію русскаго двора Функу посланы 17-го декабря 1755 года отъ главныхъ грамоты (№ 7307). Фридрихъ II считалъ отъѣздъ Функа прямо-таки потерей (comme une vraie perte) и просилъ Мальцана постараться добыть отъ Функа въ Дрезденѣ недостававшія еще свѣдѣнія объ истинномъ расположеніи Елисаветы и ея министровъ къ Англіи и Вѣнѣ при наличномъ степеніи обстоятельствъ, а также о конференціяхъ, вѣсѣдавшихъ 23-го и 25-го марта. См. № 7428 отъ 13-го апрѣля. Дальнѣйшія извѣстія изъ С.-Петербурга должны были идти отъ секретаря Прассе.

нія между Вѣной и Версалемъ, то прусскій король пойдетъ заодно съ Георгомъ II сразу и противъ австрийцевъ, и противъ французовъ, но онъ желалъ знать, увѣрено ли англійское правительство въ Россіи? Митчелль дважды отвѣчалъ, что Георгъ II вполне увѣренъ и полагается на русскихъ ¹⁾). Тогда Фридрихъ II сталъ сравнивать силы обѣихъ партій, готовыхъ нарушить миръ въ Германіи; Марія Терезія могла, по его расчету, выставить 100 тысячъ, Франція 50 тысячъ преимущественно нѣмецкаго войска, а противъ нихъ король англійскій будетъ располагать 25—30 тысячами субсидированнаго войска и Пруссія—сотней тысячъ. Итакъ, 30 тысячъ русскихъ могли бы очень пригодиться виновникамъ Вестминстерской конвенціи; чтобы ускорить ихъ появленіе на театрѣ войны въ Германіи, король предлагалъ посадить ихъ на галеры въ Ливоніи и Курляндіи, вдоль береговъ Пруссіи и Помераніи перевезти въ Роштокъ и высадить тамъ на берегъ. Но припадки такого самообольщенія бывали у Фридриха II кратковременны. На позвратномъ пути въ Дрезденъ Фунокъ изъ Курляндіи (Didenhoff, 31-го марта) послалъ впередъ свое послѣднее донесеніе, содержаніе котораго Мальцанъ и могъ сообщить королю ²⁾). По новымъ свѣдѣніямъ русская императрица и ея министры, въ особенности канцлеръ Бестужевъ, были болѣе, чѣмъ когда-либо, недовольны поведеніемъ Англій и вслѣдъ за вѣнскимъ дворомъ величаютъ измѣной Георга II его конвенцію съ Пруссіей о нейтралитетѣ. Все это Мишель долженъ былъ передать Гольдернессу ³⁾ и просить его, не теряя времени, разсѣять при с.-петербургскомъ дворѣ всю ложь и всѣ подозрѣнія, внушенныя Австріей, и вернуть императрицу Елисавету и ея министровъ на прежій путь; только тогда можно будетъ полагаться на Россію и перестать бояться, что вѣнскій дворъ оторветъ ее отъ Англій и втянетъ въ свои личные широкіе замыслы. Митчелль на аудіенціи 24-го мая старался усноконть короля и изъ наказа Гольдернесса (Whitehall, 14-го мая) сообщилъ ему извѣстіе отъ Уильямса изъ С.-Петербурга (отъ 11-го апрѣля), будто бы попытки внушить императрицѣ недовѣріе къ англо-прусской конвенціи оставались до сихъ поръ безуспѣшными, и отъ Кейта изъ Вѣны (отъ 27-го марта) о томъ, что Кейзерлингъ получалъ отъ своего

¹⁾ № 7493: but, says he, are you sure of the Russians? I replied, the King, my master, thought so... He asked me whether we were absolutely sure of the Russians? I told him I believed we were.

²⁾ Отъ 12-го мая, № 7502.

³⁾ Наказъ отъ 18-го мая № 7500.

двора предписаніе поддержать тамъ англійскіе интересы. Однако посланникъ замѣтилъ, что нѣкоторыя сомнѣнія и недоувѣріе все-таки остались у Фридриха II и послѣ его сообщенія ¹⁾. Король говорилъ о томъ, какъ важно, чтобы вліяніе Георга II осталось въ силѣ при с.-петербургскомъ дворѣ: пока Россія обезпечена для союзниковъ, миру въ Германіи не грозитъ опасность ²⁾; надо слѣдить за русскимъ дворомъ какъ въ виду его непостоянства, такъ и потому, что Франція старается отбить его у англичанъ. Фридрихъ II былъ увѣдомленъ, что какъ разъ теперь въ С.-Петербургъ присланъ изъ Парижа Дугласъ, креатура д'Аржансона, что онъ уже представленъ императрицѣ и, какъ думали, снабженъ вѣрительными грамотами. Король объяснилъ Митчеллю и весь смыслъ своихъ переговоровъ съ герцогомъ Нивернз; ему нужно было помѣшать войнѣ сдѣлаться всеобщей; онъ даже надѣялся въ то время сблизить оба враждующіе народа и привести ихъ къ сознанію взаимныхъ интересовъ. Онъ и теперь держится того же взгляда и охотно воздержался бы отъ участія въ войнѣ, пока можно, но, если чужеземное войско вторгнется въ Германію, онъ исполнитъ своя обязательства и готовъ содѣйствовать переправѣ 30 тысячъ русскихъ для высадки въ Роштокъ или Штетинъ; они будутъ служить какъ бы залогомъ вѣрности всей русской имперіи и пріятельствіемъ для нея выступить противъ участниковъ Вестминстерской конвенціи ³⁾. Одно только смущало Фридриха II: онъ узналъ, что Уильямъ въ С.-Петербургѣ старался войти въ милость къ великой княгинѣ и этимъ возбуждалъ ревность и тревогу у императрицы; король побаивался, какъ бы англійскіе интересы не пострадала отъ этого ⁴⁾.

Только къ июню Фридрихъ II убѣдился, что сближеніе между Парижемъ, Вѣной и С.-Петербургомъ состоялось и что Вестминстерская конвенція не осуществила его надеждъ — сохранить дружбу съ Франціей и черезъ лондонскій дворъ возстановить прежнія связи съ

¹⁾ № 7520.

²⁾ That, while Russia was secured, the peace of Germany was safe.

³⁾ № 7520. They will serve as a pledge for the fidelity of the Russian Empire and prevent its being induced to take a part against us. Черезъ Митчеля Фридрихъ II сообщалъ англійскимъ министрамъ, что въ концѣ апрѣля прибылъ въ С.-Петербургъ Дугласъ, 6-го мая будто-бы представленъ великимъ канцлеромъ императрицѣ и, какъ говорятъ, имѣеть порученіе отъ версальскаго двора и переводы на большія суммы. № 7521.

⁴⁾ № 7549 отъ 6-го іюня и № 7535 о Уильямѣ.

Россией. Съ конца мая король зналъ ¹⁾, что союзный договоръ между Маріей Терезіей и Людовикомъ XV уже подписанъ въ Версалѣ и что Кауницъ оправдывалъ его передъ англійскимъ посланникомъ опасностью, грозившей австрійскимъ Нидерландамъ вслѣдствіе ихъ выключенія изъ подъ гарантіи по Вестминстерской конвенціи ²⁾. Наконецъ, 13-го іюня маркизъ Валори и графъ Пуэбла вручили копию съ оборонительнаго договора отъ 1-го мая между ихъ державами. Французскій посланникъ казался недовольнымъ новой системой своего двора; онъ утверждалъ, какъ и Рульэ, что договоръ вызванъ желаніемъ Франціи сохранить миръ и спокойствіе въ Европѣ, а въ частности въ Германіи, и выражалъ надежду, что все это не ослабитъ узъ дружбы, связывающихъ Берлинъ съ Версалемъ ³⁾. Съ другой стороны изъ Гаги (отъ повѣреннаго въ дѣлахъ фонъ-Геллена отъ 31-го мая и 1-го іюня) Фридрихъ II получилъ извѣстію, что графу Головкину уже пришелъ наказъ жить отнынѣ въ добромъ согласіи и тѣсномъ общеніи съ представителями Франціи ⁴⁾. Сопоставляя слухи о Дугласѣ съ сношеніями между графомъ Боннакомъ и Головкинымъ въ Голландіи и съ версальскимъ договоромъ, король приходилъ къ выводу, что Франція и Австрія согласились привлечь къ своему союзу императрицу Елисавету и что ея присоединеніе можетъ быть уже было обезпечено заранѣе.

Приходилось подумать о средствахъ обороны, чтобы устоять противъ назрѣвавшей грозной коалиціи ⁵⁾. По мнѣнію Фридриха II лондонскій дворъ долженъ былъ сдѣлать послѣднюю попытку удержать „отпаденіе“ (défection) императрицы Елисаветы; если онъ сохранять въ своемъ распоряженіи Россію, то союзникамъ нечего бояться войны въ Германіи ⁶⁾. Но если эта попытка не удастся, такъ Англій и Пруссія должны въ свою очередь принять угрожающее положеніе, усилить себя по мѣрѣ возможности наборами войска, субсидными до-

¹⁾ № 7519 отъ 24-го мая.

²⁾ №№ 7520—22.

³⁾ Отъ 14-го іюня № 7568.

⁴⁾ De vivre dorénavant en bonne harmonie et en plus grande liaison avec les ministres de France.

⁵⁾ № 7551 отъ 8-го іюня: pour se soutenir contre une ligne aussi formidable et supérieure en forces. № 7550 отъ 7-го іюня: pour ne pas succomber contre un parti si formidable et supérieur.

⁶⁾ Si l'Angleterre garde à sa disposition la Russie, nous n'aurons point à appréhender la guerre en Allemagne.

говорами и т. п., чтобы въ будущемъ году мощно противостать предпріятіямъ враговъ. Надо подумать и о диверсіяхъ противъ державъ, которыя съ превосходными силами нападутъ на участниковъ Вестминстерской конвенціи; лучшее средство—побудить Турцію объявить войну австрійцамъ и русскимъ, чтобы отвлечь ихъ силы. На Саксонію союзники не могли рассчитывать, такъ какъ графа Брюля король считалъ австрійцемъ въ душѣ, но Англія могла бы получить за субсидію войско у курфюрста кельнскаго, герцога брауншвейгскаго, ландграфа гессенъ-кассельскаго и друг., всего 40—50 тысячъ чело-вѣкъ. На случай нападенія русскихъ на Пруссію, Фридрихъ II желалъ уже теперь заручиться обѣщаніемъ англійскаго министерства послать тогда флотъ въ Балтійское море для обороны побережья ¹⁾. Въ бесѣдѣ съ Митчеллемъ король кромѣ призыва Турціи намѣтилъ еще два средства на случай утраты Россіи—вызвать диверсіей религіозную войну въ Венгріи и попытаться устроить государственный переворотъ въ С.-Петербургѣ ²⁾. Наконецъ, англійскіе дипломаты сами должны были сознаться, что ихъ вліяніе при дворѣ Елисаветы пошатнулось. Митчелль счелъ своимъ долгомъ открыться графу Финкенштейну ³⁾, что, судя по краткимъ письмамъ Уильямса, доставленнымъ курьеромъ ⁴⁾, положеніе дѣлъ въ Россіи неблагоприятно для англійскаго правительства; къ тому же, по рассказамъ курьера, дорога отъ Нарвы до Риги и далѣе до Митавы была загромождена русской пѣхотой и обозами. Фридрихъ II сталъ отчаяваться, чтобы Англія могла еще вернуть себѣ русскую дружбу ⁵⁾. Въ довершеніе всего Мальцанъ прислалъ ему изъ Дредена (отъ 18-го іюня) письмо графа Флемминга къ Брюлю (отъ 9-го іюня), которое разсѣяло у короля послѣднія сомнѣнія. Саксонскій посланникъ писалъ изъ Вѣны, что по его убѣжденію воинственные демонстраціи Россіи лишь слѣдствіе ея соглашенія съ Маріей Терезіей. По внушеніямъ австрійскаго двора кто-то воспользовался личнымъ раздраженіемъ Елисаветы противъ прусскаго короля и изобразилъ ей положеніе дѣлъ въ Европѣ крайне благоприятнымъ для нападенія на Фридриха II, такъ какъ императрица-

¹⁾ № 7550 отъ 7-го іюня и № 7551.

²⁾ Аудіенція 10-го іюня № 7558: An application to the Turks, to attempt a revolution in Russia, to raise a religious war in Hungary by way of diversion.

³⁾ 18-го іюня, № 7582.

⁴⁾ Курьеръ Поллохъ выѣхалъ изъ С.-Петербурга 6-го іюня, прибылъ въ Берлинъ 17-го іюня.

⁵⁾ № 7596 отъ 22-го іюня.

королева заручилась обѣщаніемъ Франціи не мѣшать ихъ замысламъ противъ Пруссіи, а потому теперь нечего бояться ни Порты, ни Швеции. Флеммингъ предполагалъ, что по уговору между императорскими дворами Россія должна была скрывать пока истинную причину своихъ вооруженій и заканчивать ихъ подъ благовиднымъ предлогомъ, будто-бы она готовится исполнить обязательства передъ Англіей, связанные съ субсидной конвенціей; какъ только все будетъ готово, союзницы неожиданно обрушатся на короля прусскаго ¹⁾). Подъ впечатлѣніемъ этого правдоподобнаго толкованія русско-австрийской политики Фридрихъ II выработалъ свою инструкцію (отъ 23-го іюня) для генераль-фельдмаршала Левальдта на случай войны ²⁾). Извѣщая о сосредоточеніи русскихъ войскъ у Риги и Митавы, король высказывалъ увѣренность въ томъ, что Левальдту съ самаго начала войны удастся разбить ихъ и прогнать обратно за границу въ виду негодности русскихъ генераловъ, въ особенности самого Апраксина; тогда фельдмаршалъ можетъ первый вступить съ ними въ переговоры о мирѣ. Если Левальдтъ одержитъ побѣду прежде, чѣмъ завяжется дѣло у короля съ австрийцами, то онъ можетъ заключить съ русскими миръ подъ условіемъ блюсти нейтралитетъ. Если же ко времени мирныхъ переговоровъ Фридриху удастся на голову разбить австрийцевъ, въ такомъ случаѣ Левальдтъ долженъ добиться вознагражденія въ видѣ ли всей польской Пруссіи, или только Эльбинга, Торна, Кульма, съ тѣмъ, чтобы русскіе договорились сами объ уступкѣ этихъ областей съ Рѣчьцою Посполитою ³⁾). Хотя донесеніе голландскаго посланника Сварта изъ С.-Петербурга (отъ 12-го іюня), перлюстрированное въ Берлинѣ, и говорило о внезапной приостановкѣ движенія русскихъ войскъ и отъѣзда командующихъ генераловъ въ Ливонію, однако Фридрихъ II принялъ, наконецъ, первыя мѣры предосторожности; ради защиты своихъ границъ онъ отдалъ нѣсколькимъ полкамъ приказъ передвинуться въ Померанію, а съ другой стороны велѣлъ напоказъ разбить лагерь близъ Гальберштадта на 20 тысячъ человекъ ⁴⁾). Вскорѣ вслѣдъ за этимъ передви-

¹⁾ dès que les préparatifs seraient achevés, on tomberait inopinément sur le roi de Prusse. № 7608.

²⁾ № 7601.

³⁾ № 7601.

⁴⁾ Въ Hohnburg'ъ, №№ 7618 и 7625 отъ 26-го и 29-го іюня. Въ Померанію были движуты 4 полка — Darmstadt, Amstel, Alt = Württemberg, Franz = Braunschweig и гренадерскій баталіонъ Kahlden при 22 полевыхъ орудіяхъ. См. № 7631. Приказъ отъ 26-го іюня принцу Францу Брауншвейгскому въ Кенигсбергъ въ

женіемъ полковъ графъ Фиккенштейнъ узналъ, что австрійскій посланникъ графъ Пуэбла всюду жалуется на неожиданныя военныя приготовления Фридриха II, къ которымъ вѣнскій дворъ не подавалъ ни малѣйшаго повода, и грозитъ, что такія демонстраціи принудятъ Марію Терезію въ свою очередь вооружиться ради обороны. Прусскій министръ дѣлалъ отсюда выводъ, что Австрія постарается своимъ собственнымъ вооруженіемъ изобразить передъ Европой простыми мѣрами предосторожности; предчувствуя, что Версальскій договоръ и ея военныя приготовления въ Богеміи и Моравіи вывоятъ со стороны короля какой-либо рѣшительный шагъ, она рада объявить его нападающей стороной и подъ этимъ предлогомъ потребовать помощи у Франціи и Россіи ¹⁾.

Слухи объ австрійскихъ вооруженіяхъ дѣйствительно стали доходить до Потсдама съ первыхъ чиселъ іюля. По свѣдѣніямъ полковника Неттельгорста (Рейхенбахъ 30-го іюня) на основаніи письма изъ Моравіи отъ 24-го іюня ²⁾, полки въ Богеміи и Моравіи находились въ необычномъ движеніи, нѣсколько венгерскихъ шло ближе къ границѣ, другіе ожидалось въ Италию. Въ Богеміи предполагалось сосредоточить 60 тысячъ, въ Моравіи 40 тысячъ; лошади для артиллеріи набирались въ австрійскихъ областяхъ, чтобы вѣбжать шума на границахъ. Въ крѣпость Ольмюцъ доставлялись амуниція и орудія. Зато новое донесеніе Сварта генеральнымъ штатамъ отъ 19-го іюня, перлюстрированное въ Берлинѣ 3-го іюля, сообщало, что русскія

Новой маркѣ предписывалъ поставить свой полкъ на военную ногу, призвать всѣхъ находящихся въ отпуску и двойныхъ сверхкомплектныхъ и на шестой день по полученіи приказа двинуться въ Кёслингъ въ Заднюю Померанію. Соответствующіе приказы отправлены въ тотъ же день наследному принцу гессенъ-дармштадтскому въ Прендау, генералъ-майору Амстелю въ Штеттинъ, полковнику фонъ-Кальдену въ Требенрицелъ, генералъ-майору фонъ-Шфулю въ Берлигъ. См. № 7609. Приготовление лагеря у Горнбурга производилось наповазъ, чтобы сбить съ толку непріятеля. Въ этомъ смыслѣ Фиккенштейнъ со словъ Фридриха II говорилъ Митчелю еще 28-го іюня: que, Votre Majesté étant occupée à faire des arrangements et à prendre des mesures pour se mettre en sûreté contre les entreprises de Ses ennemis et pour les dérouter, Elle avait pris la résolution de faire tracer un camp à Hornburg dans le pays de Halberstadt. (XII, № 7618). То же самое повторилъ англійскому посланнику и самъ король 27-го августа: that he had ordered several camps to be marked out, particularly that at Hornburg, which he never intended to occupy, that his design in this was pour donner le change à ses ennemis, who... had not yet penetrated his real intentions. (XIII, № 7980).

¹⁾ Pol. Corr., V. XIII, № 7637, отъ 1-го іюля.

²⁾ Король зналъ эти вѣсти уже 3-го іюля. См. №№ 7650, 7648.

сухопутныя и морскія вооруженія приостановлены и отиѣнены, а корпусу нерегулярнаго войска въ 25—30 тысячъ человекъ посланъ приказъ вернуться съ дороги ¹⁾). Фридрихъ II готовъ былъ вѣрять, что Уильяму все-таки удалось измѣнить положеніе вещей при с.-петербургскомъ дворѣ ²⁾). Съ этихъ поръ прусскій король начинаетъ серьезно ждать нападенія австрійцевъ ³⁾). Клинггрэффенъ писалъ изъ Вѣны отъ 8-го іюля, что предполагается собрать два кавалерійскія лагеря, одинъ въ Раабѣ къ 16-му іюля, другой въ Китцэ—къ половинѣ августа; по окончаніи упражненій они двинутся въ Богемію и Моравію, гдѣ въ сентябрѣ будетъ образовано два большихъ лагеря въ родѣ, какъ за два года передъ тѣмъ. Наконецъ, изъ Дрездена отъ 14-го іюля было дапо знать, будто бы все австрійскія войска изъ Венгрии были двинуты въ лагеря въ Богемію и Моравію ⁴⁾). Еще 1-го іюля король былъ предупрежденъ, что австрійцы хотятъ купить 8 тысячъ лошадей въ той же области Ганновера, гдѣ дѣлали свои закупки прусскіе ремонтеры ⁵⁾). Митчелль общался было написать объ этомъ въ Ганноверъ, но австрійскій барышникъ Альтфатеръ продолжалъ свои закупки лошадей въ Голштиніи, Мекленбургѣ и Ганноверѣ, получивъ заказъ на 6 тысячъ головъ ⁶⁾). Фридрихъ II считалъ теперь положеніе настолько запутаннымъ, что не видѣлъ средства выйти изъ него безъ разрыва ⁷⁾). 15-го іюля король писалъ наследственному принцу, что все кончится къ войнѣ и остается только одно средство—скорѣе опередить своихъ враговъ ⁸⁾), а на аудіенціи 16-го іюля онъ высказалъ Митчеллю мнѣніе, что Марія Терезія рѣшилась на войну ⁹⁾); онъ самъ, правда, уже приготовился, но, чтобы избѣ-

¹⁾ № 7650.

²⁾ № 7661.

³⁾ 3-го іюля онъ пишетъ шведской королевы: je me vois sur le point d'être attaqué d'un jour à l'autre par l'Autriche et par la Russie, № 7646; къ 4-му іюлю относятся инструкція коменданту Козеля фонъ-Латторфу и коменданту Швейдница фонъ-Кальсову на случай вторженія непріятеля въ Силезію и дѣйствительной осады нѣхъ крѣпостей, №№ 7651—52.

⁴⁾ № 7711.

⁵⁾ № 7650.

⁶⁾ №№ 7703, 7712.

⁷⁾ Sans parvenir à l'éclat. № 7707 отъ 16-го іюля герцогу Брауншвейгскому.

⁸⁾ № 7704. Je me trouve sur la fin de mes eaux et je crois en même temps bien près de la guerre. Tout s'y achemine et je n'aurai de moyen que de gagner de vitesse sur mes ennemis.

⁹⁾ По воспоминаніямъ Митчелля, онъ будто-бы первый посоветовалъ Фрид-

жать неожиданностей, собирався сдѣлать ей запросъ о причинахъ чрезвычайныхъ военныхъ приготовленій и движенія многочисленнаго войска въ Богемію и Моравію ¹⁾). Съ этихъ поръ Фридрихъ II началъ стягивать войска и къ саксонской границѣ. 17-го іюля онъ послалъ приказъ генераль-маіору фонъ-Квадту въ Гаммѣ призвать двойныхъ сверхкомплектныхъ и выступить черезъ 6 дней по полученіи письма съ своимъ полкомъ въ область Гальберштадта, куда направлены еще полки Кноблохъ и Ней-Видъ ²⁾), а 18-го іюля — наказъ Клингграффену въ Вѣнѣ, потребовать у императрицы аудіенціи и сдѣлать ей отъ имени короля запросъ въ виду движенія войска въ Богемію и Моравію, не имѣютъ ли эти вооруженія цѣлью напасть на него. Если бы Марія Терезія отвѣтила на это, что она слѣдуетъ примѣру прусскаго короля, передвинувшаго своя войска, то посланникъ долженъ былъ указать, что его государь перевезъ войска въ Померанію для прикрытія Пруссіи на случай злостныхъ замысловъ русскихъ, стянувшихъ въ этой мѣстности 70 тысячъ, но ничего не измѣнилъ на границахъ Силезіи и вообще не сдѣлалъ ни одного распоряженія, способнаго внушить тревогу императрицѣ-королевѣ ³⁾). Тотчасъ послѣ этого король получилъ черезъ фонъ-Геллена новыя вѣсти изъ Гаги отъ 13-го іюля, добытыя повѣреннымъ въ дѣлахъ отъ тамошняго представителя Англіи полковника Іорка; по этимъ свѣдѣніямъ императрица Елисавета готова была присоединиться къ договору между Вѣной и Версалемъ и заодно съ 80 тысячами австрійцевъ обрушиться на Фридриха II съ 120 тысячами русскихъ; впрочемъ Россія не была еще готова для нападенія въ нынѣшнемъ году ⁴⁾). Вскорѣ эти вѣсти были подтверждены документально ⁵⁾). Король убѣдился, что существовало соглашеніе между обѣими императрицами

риху II сдѣлать Маріи Терезіи запросъ о причинахъ ея вооруженій, прежде чѣмъ начинать войну. См. Waddington, *ibidem*, p. 488.

¹⁾ № 7711.

²⁾ № 7721.

³⁾ Rien n'avait remué sur ses frontières de Silésie. № 7722.

⁴⁾ № 7729. Король получалъ эти вѣсти, іюля, 20-го іюля. (Ne pouvait pas être prête pour un pareil dessein cette année-ci). Фонъ-Гелленъ думалъ, что полковникъ Іоркъ извлекъ ихъ изъ донесеній Сварта, писемъ отъ Кейта и разговоръ съ графомъ Головкинымъ. № 7730.

⁵⁾ А именно greffier Фатель далъ прочесть Іорку письмо Сварта къ нему изъ С.-Петербурга отъ 19-го іюля, а фонъ-Гелленъ со словъ англійскаго посланника сообщилъ все его содержаніе отъ 16-го іюля изъ Гаги Фридриху II къ 21-му іюля. № 7735.

напасть на него еще въ текущемъ году, но что наступленіе отложено до слѣдующей весны, такъ какъ русская армія въ Лифляндіи и Курляндіи въ дѣйствительности достигала лишь 53 тысячъ чело-вѣкъ и должна была еще пополниться наборомъ до 75—80 тысячъ; по его свѣдѣніямъ изъ послѣдняго набора въ 70 тысячъ болѣе половины разбѣжалось на пути, а добрая четверть погибла отъ болѣзней (*crevé de maladie*), не достигши мѣста назначенія; къ тому же и вѣнскому двору приходилось еще наладить много мелочей за зяму, чтобы быть въ состояніи осуществить свой обширный проектъ ¹⁾. Ссылаясь на эти извѣстія, Фридрихъ II заявилъ своему министру графу Подевилъсу на послѣобѣденной бесѣдѣ 21-го іюля, что онъ рѣшился предупредить своихъ враговъ ²⁾. Министръ не вполне раздѣляя рѣшимость своего государя и еще разъ напомнилъ, какъ опасно начинать наступленіе, прижимать Францію и Россію, такъ сказать, къ стѣнѣ и вопреки ихъ желанію принуждать ихъ уже въ этомъ году къ исполненію обязательствъ по договорамъ о гарантіи и взаимной оборонѣ; вѣдь король еще не ощущаетъ пока такой безысходной нужды, чтобы идти противъ трехъ могущественныхъ державъ; вмѣсто этого лучше воспользоваться отсрочкой почти въ 10 мѣсяцевъ ³⁾, укрѣпить свою партію внутри и внѣ имперіи, попытаться возобновить переговоры о мирѣ между Англіей и Франціей, обезпечить себѣ и Георгу II за субсидіи еще войска кое-какихъ им-

¹⁾ № 7747: *de plus la cour de Vienne avait de son côté aussi à régler bien des détails encore pendant l'hiver, avant d'avoir ajusté le tout au point de pouvoir mettre son vaste projet en exécution. Cp. №№ 7748 и 7785 отъ 22-го іюля: ehe aber könnte weder der wienersche Hof mit seinen Praeparatorien fertig sein, noch der russische die ihm nöthige Recruten zu Completirung der Regimenten anschaffen... dass endlich in Petersburg vor Engelland alles auf einmal aus und solches von dem Bestushew rondsment an Williams declariret worden wäre. Последнее не вполне подтверждается письмами Уильямса отъ 6-го и 9-го іюля, по которымъ великій канцлеръ сказалъ английскому послу: „qu'il ferait son possible pour empêcher l'accession de sa cour au traité de Versaille“ или „vous pouvez dire au Roi de ma part que je suis résolu et à présent en état de ramener cette cour à la façon juste de penser et je n'ai point de doute de l'accomplir en six mois au plus tard“. № 7748. Митчелль отъ 22-го іюля.*

²⁾ № 7735: *„das Praevenire zu spielen“.* Cp. № 7746: *il ne me reste plus que prevenir quam preveniri, отъ 24 іюля.*

³⁾ № 7736: *In was vor einen terriblen Embarras Se. Königl. Majestät zu gleicher Zeit ohne antzto noch dringende Noth gesetzt werden dürften, dreien so mächtigen Puissanzen zugleich zu resistiren, anstatt das beneficium temporis, so von nun an bis künftige Operationssaison beinahe 10 Monate wäre etc.*

перскихъ чиновъ и въ то же время держать наготовѣ внушительныя арміи въ Пруссіи, Силезіи и другихъ областяхъ, дабы образумить враговъ. Всѣ эти доводы Фридрихъ II счелъ за проявленіе излишней боязливости и отпустилъ своего министра со словами: „прощайте, человекъ трусливой политики!“ (Adieu, Monsieur de la timide politique!) Въ отвѣтъ на донесеніе полкового командира Кіау ¹⁾ (Куау) о томъ, что вѣнскій дворъ рѣшилъ 7-го іюля двинуть 18-ть полковъ въ лагерь у Голлешау за Ольмюцемъ, король 22-го іюля отдалъ приказъ кавалерійскимъ полкамъ Кіау и принца Шённайхъ двинуться подъ предлогомъ совмѣстныхъ упражненій на квартиры у Оппельна и Леобшюца, а гусарскому полку Wetschag идти для упражненій въ Ратиборъ и оттуда выслать патрули для развѣдокъ къ Троппау ²⁾. Но еще 30-го іюля Фридрихъ II говорилъ Митчеллю, что, хотя онъ уже и теперь готовъ и могъ бы быть въ Силезіи въ 6 дней, онъ все-таки отерочить начало военныхъ дѣйствій до конца августа, чтобы сдѣлать немислямымъ на нынѣшній годъ появленіе французъ въ Германіи ³⁾.

Между тѣмъ 26-го іюля Клингграффенъ былъ принять Маріей Терезіей на аудіенціи въ Шёнбруннѣ и передалъ запросъ короля; императрица прочла ему свой заранѣе приготовленный отвѣтъ по бумагѣ, что въ виду критичности общаго политическаго положенія она нашла нужнымъ ради безопасности своей собственной и своихъ союзниковъ принять мѣры, которыя никому не грозятъ вредомъ. Получивъ этотъ отвѣтъ въ Потсдамѣ 2-го августа, Фридрихъ II сталъ разсылать приказы по полкамъ мобилизоваться и двигаться въ походъ по первому слову. Нападенія со стороны Россіи король не ждалъ ранѣе весны слѣдующаго года ⁴⁾, но миръ или война съ австріяцами зависѣли теперь отъ предстоявшаго отвѣта Маріи Терезіи на его вторичный запросъ ⁵⁾. Въ виду этого фельдмаршалъ графъ Шверинъ получилъ приказъ отправиться въ Нейссе и тамъ ждать курьера изъ Вѣны съ новымъ отвѣтомъ, дабы въ случаѣ неизбежности войны принять первыя мѣры къ сосредоточенію войскъ еще до прибытія самого

¹⁾ Отъ 19-го іюля изъ Ратибора.

²⁾ №№ 7742—43.

³⁾ № 7758.

⁴⁾ № 7817.

⁵⁾ № 7798 отъ 2-го августа. Cette année-ci on se croit en sûreté contre les entreprises des Russes; il est à croire qu'ils se mettront en marche le printemps qui vient.

Фридриха II; всё полки, имѣвшіе свои кантоны въ Верхней Силезіи, уже теперь должны были призвать двойныхъ сверхкомплектныхъ ¹⁾. Клингграффену еще въ тотъ же день 2-го августа было послано предписаніе сдѣлать императрицѣ-королевѣ новое заявленіе отъ имени Фридриха II: ни Маріи Терезіи, ни ея союзникамъ не грозитъ паденіе, а исключительно прусскому королю; король знаетъ за вѣрное, что въ началѣ нынѣшняго года Австрія и Россія заключили противъ него наступательный союзъ; обѣ императрицы должны были напасть на него неожиданно, Елисавета съ арміей въ 120 тысячъ человекъ, Марія Терезія съ 80-ю тысячами воиновъ. Осуществленіе этого замысла предполагалось начать уже въ минувшемъ маѣ, но оно было отложено, такъ какъ русскому войску не хватало рекрутовъ, ихъ флоту—матросовъ. Оба двора согласились отложить все дѣло только до будущей весны. Теперь въ виду сосредоточенія австрийскаго войска въ Богеміи и Моравіи король считаетъ себя въ правѣ потребовать у императрицы-королевы торжественнаго и опредѣленнаго заявленія, устнаго или письменнаго, что она не имѣетъ намѣренія напасть на него ни въ этомъ году, ни въ слѣдующемъ ²⁾. Король какъ бы предоставлялъ Маріи Терезіи рѣшить, будетъ ли между ними война, или миръ. Самъ Фридрихъ II въ сущности уже теперь считалъ войну неизбежною ³⁾. Собираясь неожиданнымъ нападеніемъ предупредить державы, подготовлявшія противъ него наступленіе, Фридрихъ II въ Политической перепискѣ за августъ 1756 года часто возвращается къ своей любимой мысли, что начать первымъ непріязненнымъ дѣйствіемъ еще не значитъ быть нападающей стороной; по старой памяти онъ готовъ былъ приписать Гуго Гроцію установленіе этого различія ⁴⁾. Нападающей стороной (*l'agresseur*) надо считать

¹⁾ Les doubles Beurlaubten. № 7796 отъ 2-го августа. Полкъ герцога брауншвейгъ-бевеерскаго въ Штеттинѣ долженъ былъ мобилизоваться къ 14-му августу. № 7797.

²⁾ № 7796 отъ 2-го августа.

³⁾ 9-го августа онъ писалъ сестрѣ маркграфинѣ Баварейтской: je crois la guerre inévitable, j'attends le dernier mot de la reine de Hongrie: ce sera elle qui choisira de la paix ou de la guerre. Ср. Левальду отъ 7-го августа № 7817.

⁴⁾ № 7884 графу Подевальсу отъ 12-го августа. Слова „Im übrigen distinguirete Ich sehr zwischen dem ersten Agresseur und zwischen die ersteren Hostilitäten, eine Distinction, die Ich glaubete, dass Hugo Grotius schon solche gemacht habe“ очевидно принадлежать Фридриху II, а не Эдхелю. Ср. № 7859, барону Кнингаузену отъ 18-го августа: la distinction solide et fondée entre l'agresseur et entre les premières hostilités... cette distinction est exactement conforme

того, кто составляет замыслы атаковать и уничтожить другую державу, дѣлаетъ приготовления для осуществленія этихъ замысловъ, не хочетъ вѣдаться въ объясненія и ждетъ только минуты, чтобы нанести ударъ; напротивъ, держава, принужденная вопреки своей волѣ первой начать непріязненные дѣйствія, чтобы не быть связанной по рукамъ, по ногамъ и задушенной безнаказанно, дѣйствуетъ только оборонительно ¹⁾. Фридрихъ II тѣмъ болѣе не считалъ своихъ военныхъ приготовленій наступленіемъ, что въ случаѣ благоприятнаго отвѣта Маріи Терезіи всегда готовъ былъ взять свои приказы о передвиженіи войска назадъ, сохранить миръ и остаться по старому друзьями съ императрицей-королевой ²⁾. Наконецъ, 21-го августа

au droit de nature et des gens. Ссыла на Гуго Гроція неспра. Авторъ трактата „De jure belli ac pacis“ (Амстердамъ, изданіе 1682 г.) считалъ предупрежденіе воображаемаго наступленія несправедливостью и этимъ колебалъ основы системы политическаго равновѣсія, практически осуществлявшейся въ Европѣ (Liber II, cap. 1, XVII: „Illud vero minime ferendum est, quod quidam tradiderunt, jure gentium arma recte sumi ad imminuendam potentiam crescentem, quae nimium aucta nocere posset... sed, ut vim pati posse ad vim inferendam jus tribuat, ab omni aequitatis ratione abhorret“). Напротивъ, реалистическое направленіе въ современномъ международномъ правѣ вообще отвергаетъ возможность прилагать понятіе юридической справедливости къ оцѣнкѣ войнъ. Профессоръ Людери даже чисто завоевательныя войны отказывается называть несправедливыми и вопросъ о справедливости или несправедливости той или другой исторической войны заранее готовъ признать празднымъ. Точно такъ же онъ не считаетъ нападающую державу обязанной торжественно объявить войну своему противнику или даже просто заранее оповѣстить о ней во всеобщее свѣдѣніе. См. Handbuch des Völkerrechtes von Holtzendorff, B. IV, 1889 г., отдѣлъ Krieg und Kriegsrecht, von Prof. Lueder. Фридрихъ II свой взглядъ на войны, предупреждающія нападеніе противниковъ, изложилъ еще кронпринцемъ въ L'Antimachiavel. (Oeuvres, t. VIII, 1848). Здѣсь онъ выдвигаетъ уже и систему политическаго равновѣсія, и право предупредить своихъ враговъ. (Стр. 159. Il y a des guerres de précaution, que les princes font sagement d'entreprendre. Elles sont offensives, à la vérité, mais elles n'en sont pas moins justes. Lorsque la grandeur excessive d'une puissance semble prête à se déborder et menace d'engloutir l'univers, il est de la prudence de lui opposer des digues... Il vaut donc mieux qu'un prince s'engage dans une guerre offensive lorsqu'il est le maître d'opter entre la branche d'olive et la branche de laurier, que s'il attendait à des temps désespérés ou une déclaration de guerre ne pourrait retarder que de quelques moments son esclavage et sa ruine. C'est une maxime certaine qu'il vaut mieux prévenir que d'être prévenu).

¹⁾ № 7859: n'agit qu'à son corps défendant. Cp. № 7874: je me soucierai de commettre les premières hostilités, ayant des preuves convaincantes qu'ils veulent la guerre et que par conséquent ils sont les agresseurs.

²⁾ № 7867: So darf sie Mir nur diejenige Declaration, aber klar und reine

Клинггрэффенъ получилъ отъ графа Кауница отвѣтъ на свой мемюаръ, переданный императрицѣ 20-го августа. Марія Терезія приказала отвѣтить посланнику, что всѣ свѣдѣнія короля прусскаго о наступательномъ союзѣ между Австріей и Россіей безусловно невѣрны и вымышлены и что подобнаго союза противъ Фридриха II не существуетъ, да и никогда не было ¹⁾. Король считалъ все поведеніе вѣнскаго двора неискреннимъ. Въ іюнѣ въ отвѣтъ на русскія вооруженія онъ двинулъ четыре полка въ Померанію и велѣлъ приготовить крѣпости къ оборонѣ. Австрія воспользовалась этимъ предлогомъ, чтобы сосредоточить въ Богеміи и Моравіи 90 тысячъ человекъ. Тогда король переѣхалъ три полка изъ Вестфалии къ Гальберштадту. Марія Терезія для видимости продолжала говорить миролюбивымъ языкомъ, но въ то же время велѣла разбить лагерь у Hotzenplotz'a непосредственно между крѣпостями Нейссе и Козелемъ; ея богемская армія готова была занять лагерь въ Уромезѣ — въ четырехъ миляхъ отъ Силезіи. Только послѣ этого Фридрихъ II отдалъ приказъ своей арміи готовиться къ походу и обратился къ императрицѣ съ своими запросами. Завѣренія вѣнскаго двора, что онъ ни на кого не собирается нападать и не заключалъ съ Россіей никакого наступательнаго союза, противорѣчатъ очевиднымъ фактамъ — русско-австрийскимъ вооруженіямъ. Почему императрица-королева не сказала ясно, что она не намѣрена впадать на Пруссію ²⁾? Наконецъ, король уже зналъ изъ письма графа Флемминга, что Кауницъ нарочно посовѣтовалъ своей государынѣ дать неопредѣленный отвѣтъ на первый прусскій запросъ, чтобы не прерывать своихъ военныхъ приготовленій изъ-за дипломатическихъ переговоровъ ³⁾. Въ виду этого, получивъ 25-го августа вторичный отвѣтъ изъ Вѣны, Фридрихъ II (26-го августа) послалъ наказъ Клинггрэффену — въ третій разъ устно или письменно обратиться къ Маріи Терезіи, заявить ей, что ея объясненія только убѣдили короля въ злыхъ умыслахъ вѣнскаго двора и что ему осталось лишь принять необходимыя мѣры ради собственной безопасности; однако онъ и теперь готовъ отозвать

thun, so Ich von ihr verlangt habe, so bleiben wir Freunde, wie vorher, und der Friede bleibt conserviret. Ср. № 7862: tout restera tranquille ici et la paix continuera; mais si au contraire la réponse est obscure, équivoque ou mauvaise, je crois que la cour de Vienne aura par là assez déclaré ses desseins pernicieux.

¹⁾ № 7923.

²⁾ № 7923.

³⁾ № 7849.

свои войска назадъ, если императрица дастъ желанный отвѣтъ, что не намѣрена атаковать его ни въ этомъ году, ни въ слѣдующемъ ¹⁾).

Къ державамъ, принимавшимъ участіе въ заговорѣ противъ него, Фридрихъ II причислялъ и Саксонію и слѣдилъ за ея сношеніями съ Вѣной по донесеніямъ графа Флеминга, который добывалъ для него Мальцанъ. Въ концѣ іюля онъ узналъ такимъ путемъ, что Кауницъ обѣщался назначить одного изъ австрійскихъ генераловъ для какого-то соглашенія съ саксонскимъ фельдмаршаломъ графомъ Рутовскимъ; король жаловался по этому поводу, что „плуты“ саксонцы кричатъ противъ него въ Вѣнѣ, Парижѣ, С.-Петербургѣ и подсказываютъ все, что служить ему ко вреду ²⁾). По донесеніямъ Мальцана (отъ 19-го августа), дрезденскій дворъ былъ готовъ къ тому, что прусскія войска двинутся отъ Магдебурга и Галле черезъ саксонскую территорію, но не ожидалъ никакихъ враждебныхъ дѣйствій противъ себя; на всякій случай онъ сосредоточивалъ войска, артиллерию и запасы амуниціи въ Кенигштейнѣ и Паризѣ въ сторонѣ отъ предполагаемаго пути пруссаковъ и въ то же время поближе къ австрійцамъ въ Богеміи ³⁾). Но на этотъ разъ Фридрихъ II рѣшилъ принять „свои мѣры“, чтобы не попасть въ то опасное положеніе, въ которое поставили его саксонцы въ 1744 г. и 1745 г., когда они соединили свои силы съ австрійцами, двинулись вмѣстѣ съ ними въ Силезію и договорились было даже напасть на короля въ сердцѣ его владѣній—въ самомъ Бранденбургѣ ⁴⁾). Съ этой оговоркой Мальцанъ долженъ былъ предупредить короля польскаго или его министра графа Брюля о вступленіи прусскаго войска на саксонскую территорію по пути въ Богемію ⁵⁾). Принцу Фердинанду Брауншвейгскому уже былъ отданъ приказъ выступить 29-го августа въ походъ ⁶⁾). Намѣченныя королевемъ мѣры безопасности, очевидно, сводились къ тому, чтобы занять Саксонію на время войны и ввести въ ней военнополовое управленіе, дабы не оставлять у себя въ тылу крайне опаснаго врага ⁷⁾). Однако курфюрстъ Августъ обольщался еще

¹⁾ № 7014.

²⁾ № 7782 отъ 80-го іюля. Ср. № 7936 отъ 28-го августа.

³⁾ № 7892.

⁴⁾ №№ 7927 и 7948.

⁵⁾ № 7915 отъ 26-го августа.

⁶⁾ № 7916 отъ 26-го августа.

⁷⁾ № 7945. Notre plus dangereux ennemi, par rapport à sa mauvaise volonté

въ некоторое время надеждой обезпечить себѣ нейтральное положеніе. Въ отвѣтъ на требованіе прусскаго посланника дозволить арміи Фридриха II свободный проходъ черезъ Саксонію онъ послалъ (29-го августа) къ королю своего генераль-лейтенанта Мэгера, чтобы договориться въ подробностяхъ относительно движенія пруссаковъ черезъ его владѣнія, и теперь же протестовалъ противъ нѣкоторыхъ неожиданныхъ заявленій Мальцана, противныхъ мирнымъ договорамъ и взаимной дружбѣ ¹⁾). Но прусская армія была уже на саксонской территоріи, а Фридрихъ II въ отвѣтъ курфюрсту (отъ 1-го сентября) ясно высказывалъ сожалѣніе по поводу преобладающаго вліянія графа Брюля при дрезденскомъ дворѣ; напротивъ, завѣряя Августа III въ своемъ уваженіи къ нему и его семьѣ и въ своемъ желаніи по возможности шадить его области, король какъ-то неопредѣленно намекалъ на возможность, что его собственные поступки, въ особенности въ началѣ, произведутъ совершенно обратное впечатлѣніе ²⁾). Дѣйствительно, въ новомъ письмѣ къ Фридриху II (отъ 3-го сентября) курфюрстъ уже жаловался, что прусскія войска захватываютъ казенныя кассы, арестуютъ саксонскихъ офицеровъ, уничтожили часть укрѣпленій въ Виттенбергѣ, а между тѣмъ въ силу деклараціи самого короля онъ могъ рассчитывать, что пруссаки не намѣрены вести войну противъ Саксоніи и обращаться съ ней, какъ

et la situation de ses États. Выписки изъ саксонской политической переписки, характеризующей злоую волю графа Брюля, см. при № 7936. Ср. еще № 7948 отъ 31-го августа: comme d'ailleurs je connaissais parfaitement les mauvais dessein de la cour de Dresde contre moi, qui n'épiais que la conjoncture favorable où elle saurait me donner le coup de grâce impunément, la prudence et mon devoir m'ont obligé de prendre d'abord mes sûretés contre une cour ennemie, d'autant plus dangereuse, parceque, sous l'apparence trompeuse d'amitié, elle avait juré ma perte. Инструкцію для министра фонъ-Ворла, выработанную еще до отъѣзда короля въ Потсдама, см. подъ № 7932: die sächsische Lande occupiren müssen, um nicht einen höchst gefährlichen Feind hinter sich zu lassen.

¹⁾ № 7955. De quelques déclarations inattendues et peu conformes au traité de paix et à l'amitié qui subsiste entre nous, que le baron de Maltzahn y a ajoutées au nom de Votre Majesté.

²⁾ № 7955. Un grand Prince que j'estime et que je ne trouve à plaindre qu'en ce qu'il se livre trop aux conseils d'un homme dont les mauvaises intentions me sont trop connues... j'assure Votre Majesté, que, quand même dans quelques moments, surtout du commencement, les apparences me seront contraires, Elle verra... que ses intérêts me seront sacrés.

съ непріятельской землей¹⁾. Въ виду этого Августъ III отправлялся, къ своей арміи, чтобы во главѣ ея ждать дальнѣйшихъ разъясненій, но при этомъ еще разъ заявлялъ прусскому королю, что онъ охотно готовъ заключить съ нимъ сдѣлку о нейтралитетѣ²⁾. Однако, Фридрихъ II открыто говорилъ теперь (5-го сентября), что не можетъ очистить Саксонію, дабы не отрѣзать себѣ подвоза провіанта³⁾. Мальдану король подѣ тайной признавался въ своемъ истинномъ намѣреніи—обезоружить саксонскую армію, прежде чѣмъ двгаться въ Богемію⁴⁾. Наконецъ, курфюрстъ рѣшился сдѣлать и дальнѣйшія уступки и (въ письмѣ отъ 12-го сентября) предлагалъ королю заложниковъ, а ради обезпеченія сообщенія по Эльбѣ разрѣшалъ на все время войны занять прусскими гарнизонами Виттенбергъ, Торгау и даже Пирну; за это онъ требовалъ очищенія всей остальной территоріи Саксоніи. Фридрихъ II и на этотъ разъ повторилъ свой откровенный отвѣтъ, данный королю наканунѣ, а именно, что, двигаясь впередъ въ Богемію, онъ не можетъ оставлять саксонскую армію у себя въ тылу⁵⁾.

Между тѣмъ Клянггрэффенъ вручилъ въ Вѣнѣ письменно (2-го сентября) третій запросъ короля и 7-го сентября получилъ на него отвѣтъ Маріи Терезіи. Императрица-королева указывала на вторженіе Фридриха II въ Саксонію и на манифестъ, обнародованный имъ при этомъ случаѣ лично противъ нея, какъ на явные признаки наступленія; послѣ всего этого рѣчь могла идти только объ обнародованіи опроверженія на этотъ манифестъ⁶⁾. 11-го сентября письменный отвѣтъ вѣнскаго двора былъ уже въ рукахъ прусскаго короля. Еще 10-го сентября секретарь Плесманъ и генералъ Виллахъ отобрали изъ захваченнаго въ Дрезденѣ архива бумаги, изобличавшія враж-

¹⁾ № 7981: Qu'elle n'a aucune intention de me faire la guerre, ni de traiter mes États comme des pays ennemis.

²⁾ № 7981: Que mon intention n'est nullement de m'éloigner d'une convention de neutralité avec Elle, mais que plutôt j'y donnerai les mains avec une satisfaction parfaite.

³⁾ № 7981.

⁴⁾ № 7982.

⁵⁾ №№ 8010 и 8018: Ces précautions consistent, premièrement, en m'assurant du cours de l'Elbe, en second lieu, en ne laissant pas sur mes derrières une armée qui n'attendrait que le moment de me voir bien engagé avec mes ennemis pour entreprendre contre moi.

⁶⁾ № 8017.

дебную Пруссии политику графа Брюля, и доставили Фридриху II доказательства для самооправдания ¹⁾). Тогда 13-го сентября и. с. король двинул свой авангард за богемскую границу ²⁾). Собираясь довести саксонскую армию голодом до сдачи, онъ въ то же время (отъ 13-го сентября) еще разъ убѣждалъ курфюрста связать свою судьбу съ счастьемъ Пруссии ³⁾); для этихъ переговоровъ онъ послалъ къ Августу III своего генералъ-лейтенанта Винтерфельдта ⁴⁾). Но курфюрстъ считалъ для себя невысланнымъ безъ всякой причины поднять оружіе противъ Марии Терезии, которой онъ въ силу договора (отъ 1743 г.) долженъ былъ бы, напротивъ, послать помощь въ 6 тысячъ человекъ, если бы фактъ нападенія именно со стороны Пруссии былъ внѣ всякихъ сомнѣній ⁵⁾). Къ тому же онъ не признавалъ и своего участія въ наступательныхъ замыслахъ противъ Фридриха II, считалъ захватъ Саксоніи несправедливостью и взывалъ къ суду Европы ⁶⁾). Въ отвѣтъ на это прусскій король дѣлалъ различіе между самымъ курфюрстомъ и его министромъ и брался изобличить съ документами въ рукахъ злые замыслы графа Брюля ⁷⁾). Переговоры между Августомъ III и Фридрихомъ II ни къ чему не привели, и судьбу Саксоніи рѣшили войско и тактика прусскаго короля. 16-го октября 1756 года фельдмаршалъ Рутовскій, стоявшій во главѣ саксонской арміи при Лиліэнштейнѣ, прислалъ подписанную имъ по довѣренности курфюрста капитуляцію въ лагерь Фридриха II въ Штруппенѣ. Все войско Августа III сдалось на правахъ военнопленныхъ и получило разрѣшеніе поступать на прусскую службу; самъ Фридрихъ II признавалъ право уклоняться отъ присяги ему, кажется,

¹⁾ № 8018.

²⁾ № 8034.

³⁾ Отъ 13-го сентября № 8021. Je l'assure sur mon honneur ... que je n'en veux ni à sa personne, ni aux intérêts de sa famille, mais que, dans les circonstances présentes, il faut que son sort soit lié au mien.

⁴⁾ 14-го сентября № 8033.

⁵⁾ № 8042: n'était ce que le cas de l'agression devient douteux dans la guerre présente.

⁶⁾ № 8069. Votre Majesté saisit mes États sans sujet. L'Europe jugera ma cause et du plan controuvé, dont toutes les cours reconnaîtront facilement la non-existence, n'ayant jamais fait des propositions qu'on voudrait me prêter.

⁷⁾ Je suis très persuadé que tout le monde impartial verra que la nécessité de mes affaires, surtout la mauvaise volonté du ministère de Votre Majesté, mise clairement au jour, m'ont obligé de prendre un parti contraire à mon inclination et à ma façon de penser. № 8069 отъ 18-го сентября.

только за генералами и офицерами ¹⁾). Финансовое управленіе Саксоніи находилось отнынѣ въ рукахъ министра Борка ²⁾).

И собираясь предупредить своихъ враговъ внезапнымъ нападеніемъ, и заканчивая войну съ Саксоніей, и переступая черезъ границу Богеміи, Фридрихъ II не переставалъ еще надѣяться, что ему удастся удержать Россію и Францію отъ дѣятельнаго участія въ военныхъ дѣйствіяхъ. Въ началѣ іюля (6-го іюля н. с.). Митчелль сообщалъ королю на основаніи донесенія Уильямса ту тайную декларацию, которую Бестужевъ и Воронцовъ вручили ему при обмѣнѣ ратификацій субсиднаго договора (1/2, февраля). Фридрихъ II зналъ теперь, что по толкованію русскаго двора диверсія, условленная между Лондономъ и С.-Петербургомъ, можетъ быть направлена только противъ него ³⁾. По донесеніямъ Прассе графу Брюлю король могъ слѣдить за стараніями графа Эстергази привлечь и Россію къ соглашенію между Вѣной и Версалемъ. Но саксонскій повѣренный въ дѣлахъ по старой привычкѣ придавалъ главное значеніе поведенію канцлера, а потому и не вѣрилъ еще въ возможность разрыва между Елисаветой и Георгомъ II; по его словамъ, Бестужевъ мало сообщался съ Дугласомъ и смягчалъ раздраженіе своего двора противъ участіе Вестминстерской конвенціи ⁴⁾. Въ разговорѣ съ Уильямсомъ (9-го іюля н. с.) канцлеръ совѣтовалъ ему вооружиться терпѣніемъ, завѣрялъ, что будетъ всѣми силами противодѣйствовать сближенію съ Франціей и обѣщался въ шесть мѣсяцевъ вернуть свой дворъ къ прежней политикѣ ⁵⁾. Неудивительно, что и въ августѣ мѣсяцѣ какъ прусскій король, такъ и англійскій посоль въ С.-Петербургѣ были увѣрены, что Россія останется въ союзѣ съ Англійей и что усилія

¹⁾ Ср. № 8211 и № 8228 съ № 8229: Il a été arrêté que ces troupes se rendent prisonnières de guerre et qu'elles entreront à mon service, или съ № 8286 Da Ich aus denen sächsischen Gefangenen 10 neue Regimente inclusive ihrer Grenadiercompagnien errichtet habe.

²⁾ № 8225. По донесенію графа Рутовскаго и рассказамъ генерала графа Вицгума пруссаки хитростью и даже силой принуждали саксонскихъ рядовыхъ и унтеръ-офицеровъ приносить присягу Фридриху II. См. Die Geheimnisse des Sächsischen Cabinets, B. II, S. 249.

³⁾ № 7762. Лордъ Гольдернессъ предписалъ Уильямсу отъ 30-го марта 1756 года вернуть русскому двору „Déclaration secretissime“ и заявить, что англійскій король ни въ какомъ случаѣ не можетъ принять ее (№ 7864).

⁴⁾ № 7669.

⁵⁾ № 7746.

Дугласа ни къ чему не приведуть ¹⁾. Во всякомъ случаѣ, даже послѣ своего вторженія въ Саксонію Фридрихъ II былъ убѣжденъ, что въ текущемъ году русскіе ничего не предпримуть противъ него ²⁾. Около того же времени Уильямсъ высказывалъ желаніе, чтобы король прусскій не начиналъ первымъ враждебныхъ дѣйствій, такъ какъ русскій дворъ въ такомъ случаѣ не останется, пожалуй, спокойнымъ наблюдателемъ; напротивъ, если императрица-королева нападетъ на него, то русскія войска по всей вѣроятности не тронутся съ мѣста ³⁾. Въ началѣ октября Фридрихъ II получилъ изъ Швеціи отъ сенатора Гёнкена извѣстіе, что русскій посланникъ Панинъ сдѣлалъ въ Стокгольмѣ заявленіе о намѣреніи Елисаветы двинуть свои войска на защиту императрицы-королевы, такъ какъ запросъ прусскаго короля о существованіи наступательнаго союза одинаково оскорбителенъ для обѣихъ императрицъ. Но въ виду поздняго времени года король пока не боялся угрозъ Россіи ⁴⁾. Уильямсъ тоже высказывалъ сожалѣніе, что Фридрихъ II упрекнулъ вѣнскій дворъ за наступательный союзъ, котораго на дѣлѣ не существовало ⁵⁾. Еще на аудіенціи 27-го августа прусскій король заявилъ Митчелю, что онъ готовъ послать своего посланника въ С.-Петербургъ, если бы Елисавета выразила желаніе, и согласенъ даже принять ея посредничество въ распрѣ съ Австріей ⁶⁾; онъ предоставлялъ въ то же время въ распоряженіе Уильямса сто тысячъ талеровъ на подкупъ Бестужева и при обнаруженіи документовъ изъ дрезденскаго архива щадилъ тайны русскаго канцлера ⁷⁾. Однако, когда Уильямсъ предложилъ русскому двору посредничество между Фридрихомъ II и Маріей Терезіей, то получилъ отвѣтъ отъ императрицы, что она рѣшилась не мѣшаться въ распрю, единственнымъ виновникомъ которой былъ прусскій король, но намѣрена исполнить все свои обязательства отно-

¹⁾ Король брату Августу-Вильгельму отъ 23-го августа: *La Russie redevient de jour en jour plus anglaise*, № 7895. Уильямсъ отъ 7-го августа: *les actions de M. Douglas baissent de jour en jour*, № 7902.

²⁾ Отъ 8-го сентября, № 7987.

³⁾ Уильямсъ отъ 4-го сентября № 8109, тоже отъ 7-го сентября № 8128.

⁴⁾ № 8169 отъ 7-го октября (въ отвѣтъ на донесеніе Сольмса отъ 23-го сентября).

⁵⁾ Въ письмѣ Митчелю изъ С.-Петербурга отъ 14-го сентября, № 8182.

⁶⁾ № 7930.

⁷⁾ №№ 7975, 8068 и 8151. Рѣчь шла, вѣроятно, о замыслахъ Бестужева въ пользу великой княгини Екатерины.

сительно императрицы-королевы ¹⁾). Однако прусскій король и теперь продолжалъ надѣяться на время года и подкупъ ²⁾). Уильямъ тоже вѣрилъ въ возможность крупной суммой денегъ измѣнить направленіе русской политики и просилъ открыть ему кредитъ на десять тысячъ дукатовъ. Алексѣй Бестужевъ уже отказался отъ всякой враждебности къ королю и обѣщался держать его сторону противъ Франціи ³⁾). Впрочемъ, канцлеръ находилъ, что время для воздѣйствія на русскій дворъ упущено; мѣсяца два тому назадъ онъ могъ бы еще сдѣлать многое, но теперь, когда Фридрихъ II уже началъ войну, ничто не можетъ помѣшать императрицѣ Елисаветѣ поддержать австрійскій домъ ⁴⁾). И послѣ разгрома Саксоніи, въ концѣ октября прусскій король ставилъ главной цѣлью своей политики отдѣлать Россію отъ Австріи ⁵⁾; къ тому же съ осени ходили слухи о тяжелой болѣзни императрицы Елисаветы, и Фридрихъ II ждалъ ея смерти ⁶⁾). Большія надежды на перемѣну русской политики со смертью Елисаветы возлагалъ и Уильямъ, такъ какъ великій князь и великая княгиня казались преданными Пруссіи и Англіи ⁷⁾). До поры до времени канцлеръ желалъ, чтобы Фридрихъ II одержалъ еще одну по-

¹⁾ Письмо Уильямса отъ 18-го сентября, № 8182.

²⁾ 9-го октября, № 8162.

³⁾ Le chef m'a déjà assuré qu'il est tout changé, qu'il n'en veut plus au roi de Prusse, qu'au contraire il se range de son côté, quand il s'agit de s'opposer à la France, № 8216, изъ письма Уильямса отъ 21-го сентября, врученнаго королю 16-го октября Митчелемъ. Въ одномъ изъ слѣдующихъ писемъ, отъ 28-го сентября, Уильямъ пишетъ о канцлерѣ: Je l'ai trouvé pour quelque temps inflexible, mais comme je commençai à parler plus clair touchant l'argent, il céda peu à peu... Когда Уильямъ завѣрилъ Бестужева, что онъ говоритъ съ нимъ съ согласія Георга II, тогда le Grand Chancelier dit: „Je ne puis rien refuser au Roi votre maître et je servirai Sa Majesté Prussienne... de ce moment, je suis son ami.“ Уильямъ пока еще не обозначалъ канцлеру размѣра обѣщанной суммы.

⁴⁾ № 8216.

⁵⁾ № 8262 отъ 29-го октября: de détacher tout-à-fait la Russie de la cour de Vienne.

⁶⁾ На основаніи письма Уильямса отъ 30-го октября, № 8342. Далѣе № 8294 отъ 5-го ноября; Pol. Corr., В. XIV, № 8820 отъ 11-го ноября и № 8342 отъ 17-го ноября; № 8355 Лесальду отъ 20-го ноября: Es schiene in Russland viel besser jetzunder vor uns als vor einiger Zeit. Die Kaiserin wäre schlimm und könnte nicht lange leben. Bis dato glaubte ich noch nicht, dass sich ein Russe rühren würde. Слухи о близкой кончинѣ Елисаветы продолжаютъ и подѣли до марта 1757 года (№№ 8706 и 8749).

⁷⁾ Письмо Уильямса отъ 2-го ноября: c'est l'opinion de beaucoup de personnes qu'elle n'a pas deux mois à vivre.

бѣду надъ австрійцами и поскорѣе заключилъ съ ними миръ; это вывело бы и русскій дворъ изъ затрудненія. Но, по словамъ англійскаго посла, вліяніе Бестужева уменьшилось съ тѣхъ поръ, какъ камергеръ Шуваловъ виѣзжаетъ въ дѣла и поддерживаетъ французскія интриги въ С.-Петербургѣ ¹⁾). Вплоть до начала декабря прусскій король сохранялъ свою увѣренность, что со стороны Россіи ему нечего бояться даже и на слѣдующій годъ ²⁾). Наконецъ, къ Рождеству 1756 года король получилъ отъ Уильяма рѣшительное извѣстіе, что въ С.-Петербургѣ для него все проиграно ³⁾). Подъ вліяніемъ отступленія прусской арміи изъ Богеміи и обѣщанія Франціи вторгнуться въ область Клевз, Елисавета считала теперь Фридриха II менѣе страшнымъ врагомъ, нежели недѣль 5 тому назадъ, и рѣшила дануть на помощь Маріи Терезіи до 80 тысячъ войска, не считая аррегулярнаго. Ив. Ив. Шуваловъ открыто высказывался за присоединеніе къ Версальскому договору и новую систему политики, а великому канцлеру императрица уже отдала приказъ приготовить актъ о приступленіи Россіи къ этому австро-французскому соглашенію ⁴⁾). Пруссскій король вернулся теперь къ мысли склонить Порту къ диверсіи противъ его враговъ и просилъ Уильяма добиться по крайней мѣрѣ отъ великой княгини обѣщанія, что въ случаѣ смерти Елисаветы и восшествія на престолъ великаго князя, Россія не станетъ дѣйствовать враждебно противъ Пруссіи, если только самъ Фридрихъ II не вмѣшается въ дѣла Шлезвигъ-Голштинія ⁵⁾). Въ довершеніе всего въ февралѣ правящая принцесса Оранская извѣстила изъ Гаги короля о томъ, что Россія присоединилась уже къ Версальскому договору и готовится теперь заключить новый наступательный союзъ съ Австріей ⁶⁾).

¹⁾ № 8378. Письмо Уильяма отъ 11-го ноября.

²⁾ Отъ 8-го декабря: *Bis dato scheinet es in Russland ziemlich gut; diesen Winter bin ich gewisse, die Kaiserin ist todtkrank, und glaube ich nicht vor künftigt Jahr, und dann auch nicht einmal, von der was zu besorgen*, № 8393. Дати № 8407 отъ 7-го декабря и № 8439 отъ 14-го декабря: *qu'elle restera tranquille cet hiver*. Уильямъ въ концѣ ноября (27-го числа) тоже не могъ еще сказать ничего положительнаго относительно рѣшенія Россіи: *il m'est encore impossible de vous dire quel parti cette cour prendra*, № 8449.

³⁾ Письмо Уильяма отъ 9-го декабря, № 8472.

⁴⁾ Письмо отъ 9-го декабря, № 8472.

⁵⁾ №№ 8472—8473 отъ 25-го декабря.

⁶⁾ № 8641 отъ 22-го февраля на основаніи письма принцессы Оранской отъ 14-го февраля.

Не оправдалось и другое предположеніе Фридриха II, будто бы Франція ограничится посылкой Маріи Терезіи вспомогательнаго отряда въ силу оборонительныхъ обязательствъ по Версальскому договору. Еще 26-го іюля 1756 года французскій посланникъ маркизь Валори передалъ королю письменное заявленіе, что, если Пруссія подъ вліяніемъ Георга II нападетъ на императрицу-королеву, то Людовикъ XV подастъ ей помощь на основахъ Версальскаго трактата ¹⁾. Фридрихъ II велѣлъ отвѣтить представителю Франціи, что его вооруженія носятъ чисто оборонительный характеръ и предприняты для защиты Пруссіи отъ вторженія русскихъ, а крѣпости Силезіи приготовлены къ оборонѣ въ виду опасныхъ замысловъ Маріи Терезіи ²⁾; эти мѣропріятія и дали поводъ вѣнскому двору поднять шумъ, чтобы выставить прусскаго короля нападающей стороной и отдалить отъ него другія державы ³⁾. Узнавъ о второмъ запросѣ Фридриха II въ Вѣнѣ, государственный секретарь Рульзъ увѣрялъ прусскаго посланника Книппгаузена, что Людовикъ XV готовится къ наступленію исключительно только противъ короля Великобританскаго, а Версальскимъ договоромъ имѣлъ лишь въ виду спасти всю остальную Европу отъ войны; французскій министръ предупреждалъ, что, если и прусскій король нападетъ на Австрію, то этимъ онъ не только уничтожитъ всѣ гарантіи, данныя Силезіи, но и лишитъ себя поддержки всѣхъ союзниковъ, съ которыми у него только оборонительные договоры. Вторженіе Фридриха II именно въ Саксонію произошло въ Парижѣ особенно тяжелое впечатлѣніе уже потому, что дофина былъ женатъ на дочери курфюрста. Рульзъ сталъ теперь поговаривать о томъ, что Валори будетъ отозванъ, а Маріи Терезіи подана помощь ⁴⁾. Узнавъ объ этомъ отъ Книппгаузена, прусскій король писалъ въ Парижъ, что не видитъ причины отзывать оттуда своего посланника, такъ такъ у него вѣтъ съ Франціей ни войны, ни ссоры ⁵⁾; Книпп-

¹⁾ В. XIII, № 7763.

²⁾ № 7762 отъ 26-го іюля; *des mesures défensives que j'ai prises pour la sûreté de la Prusse, menacée d'une invasion des Russes, et de l'état de défense où j'ai mis les forteresses de la Silésie, pour être à l'abri des entreprises de la reine de Hongrie; que les desseins dangereux de ces deux cours m'obligent à prendre ces précautions.*

³⁾ Ibid. de me faire passer pour l'agresseur dans l'esprit de ceux dont ils font tous les efforts pour m'aliéner totalement les coeurs. Ср. письменный отвѣтъ, врученный Валори, № 7764.

⁴⁾ № 8082. Сообщеніе Книппгаузена отъ 10-го сентября.

⁵⁾ № 8082, отъ 20-го сентября.

гаузену онъ совѣтовалъ вооружиться терпѣніемъ, ждать, когда первый порывъ раздраженія у французовъ пройдетъ, и удерживать Рульзъ отъ опрометчивой поспѣшности. Отношенія между Версалею и Фридрихомъ II обострились, когда прусскія войска силой воспрепятствовали французскому посланнику маркизу де Бролли проникнуть къ курфюрсту въ лагерь у Пирны съ наказами отъ своего короля и задержали одного изъ его курьеровъ, посланнаго изъ Дрездена къ Людовику XV ¹⁾. Тогда 20-го октября и. с. Рульзъ сообщилъ прусскому посланнику въ Фонтенбло, что Валори посланъ наказъ покинуть Берлинъ безъ всякой прощальной аудіенціи; самъ Книпгаузенъ не долженъ былъ болѣе появляться при дворѣ Людовика XV. Фридрихъ II утверждалъ теперь, что все это онъ предвидѣлъ заранее, и тоже предписалъ своему посланнику уѣхать изъ Парижа, не прощаясь ²⁾. Съ этихъ поръ король сталъ ждать вторженія французовъ въ область Клевэ ³⁾.

Итакъ, главной причиной Семилѣтней войны самъ Фридрихъ II считалъ честолюбіе австрійскаго дома и интриги графа Брюля, т. е. стремленіе Маріи Терези вернуть себѣ Силезію и желаніе саксонскаго министра ослабить опаснаго сосѣда. Когда возникли несогласія между англичанами и французами въ Америкѣ, то король сначала старался направить французское наступленіе на Ганноверъ, но затѣмъ, по мѣрѣ того какъ между Лондономъ и Вѣной обнаружилось охлажденіе, а въ С.-Петербургѣ шли къ концу переговоры о субсидной конвенціи, король началъ думать только о томъ, чтобы обезпечить для Германіи нейтралитетъ и разорвать русско-австрійскій союзъ. Съ этой лишь цѣлью онъ и заключилъ Вестминстерскую конвенцію. Вступая въ сдѣлку съ Англіей, Фридрихъ II надѣялся воспрепятствовать французамъ перенести войну за Рейнъ и въ то же время самому сблизиться съ Великобританіей, а черезъ нее и съ Россіей; этотъ тройственный союзъ принудилъ бы императрицу-королеву блюсти миръ при всемъ ея желаніи вернуть себѣ Силезію. Итакъ, ошибка короля была въ томъ, что онъ преувеличилъ вліяніе Англій въ С.-Петербургѣ. Но, заключая Вестминстерскую конвенцію, Фридрихъ II не думалъ порывать съ Франціей, отдавалъ ей въ жертву австрійскіе Нидерланды и даже готовъ былъ возобновить оборони-

¹⁾ № 8173 и 8167.

²⁾ Отъ 30-го октября, № 8265.

³⁾ В. XIV, отъ 9-го ноября, № 8311.

тельный договоръ 1741 года. Изъ ложно понятаго чувства собственнаго достоинства Людовикъ XV сблизился теперь, однако, съ Австріей. Желаніе императрицы Елисаветы при случаѣ перейти въ наступленіе противъ Пруссіи давно было извѣстно Фридриху II изъ саксонской дипломатической переписки. Поэтому сосредоточеніе русскаго войска близъ границъ побудило короля въ концѣ іюня двинуть 4 полка и одинъ гренадерскій баталіонъ въ Померанію поближе къ арміи Левальдта въ Восточной Пруссіи. Въ то же время стали приходить слухи изъ Австріи (съ 30-го іюня) о передвиженіи войскъ изъ Венгріи и о намѣреніи Маріи Терезіи образовать два лагеря въ Богеміи и Моравіи. Вѣнскій дворъ, встревоженный походомъ прусскихъ полковъ въ Померанію, дѣйствительно сталъ въ іюлѣ усиленно стягивать войска изъ Венгріи къ границамъ Саксоніи и Силезіи. Съ первыхъ чиселъ іюля Фридрихъ II зналъ, что русскія вооруженія приостановлены, но ждалъ теперь нападенія австрійцевъ. Извѣстіе изъ Дрездена, будто бы всѣ войска изъ Венгріи двинуты въ Богемію и Моравію, было получено королемъ 16-го іюля и побудило его стянуть войска къ саксонской границѣ. На слѣдующій же день онъ двинулъ три полка въ область Гальберштадта, а 18-го іюля послалъ наказъ Клинггрэффену сдѣлать первый запросъ въ Вѣнѣ. Въ двадцатыхъ числахъ іюля Фридрихъ II узналъ за вѣрное, что русско-австрійское нападеніе на Пруссію отложено лишь до слѣдующей весны. Королю оставалось только предупредить это нападеніе союзниковъ, пока Саксонія и Россія не были еще вполне готовы, перенести театръ войны во владѣнія противниковъ и успѣхами въ первую же кампанію обезпечить себѣ счастливый исходъ войны. Императрица-королева могла бы еще избѣжать ея, давъ завѣренія, что она ни въ текущемъ, ни въ слѣдующемъ году не нападетъ на Пруссію. Но, получивъ вмѣсто этого отъ Маріи Терезіи уклончивые отвѣты на свои два запроса, король 29-го августа перешелъ границу Саксоніи. Не желая оставлять у себя въ тылу саксонской арміи и предполагая, что курфюрстъ въ союзѣ съ обѣими императрицами, онъ рѣшилъ обезоружить саксонцевъ, включить ихъ затѣмъ въ свою армію и занять курфюршество на все время войны. Итакъ, Фридрихъ II первымъ началъ непріязненные дѣйствія, по нападающей сторонѣ, по мнѣнію короля, все-таки были его противники, подготовлявшіе наступленіе, какъ это онъ старался доказать обнаруженіемъ документовъ изъ дрезденскаго архива. Такъ какъ Марія Терезія признала вторженіе въ Саксонію явнымъ наступленіемъ, а манифестъ, объявленный по этому поводу,

оскорбительнымъ для Австріи, то 13-го сентября новаго стня прусское войско перешло границу Богеміи. Но Фридрихъ II все еще надѣялся быстрыми успѣхами надъ саксонцами и австрійцами предугадать дѣятельное вмѣшательство въ войну Елисаветы и Людовика XV ¹⁾. Только отъѣздъ маркиза Валори изъ Берлина и присоединеніе Россіи къ Версальскому договору вывели его изъ заблужденія. Таково изложеніе вопроса о происхожденіи Семилѣтней войны въ письмахъ и сочиненіяхъ самого Фридриха Великаго.

Евгеніи Щеминиъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Послѣ битвы при Лобозицѣ прусскій король думалъ даже предложить Голландіи посредничество между воюющими сторонами, Англіей и Франціей, Пруссіей и Австріей, дабы ко благу всей Европы уладить распри, пока положеніе дѣлъ не обострилось еще больше; Фридрихъ II заявлялъ при этомъ, что онъ не ищетъ никакихъ территориальныхъ приобритеній въ ущербъ Австріи или Саксоніи, а желаетъ только прочнаго мира (P. C., XIII, № 8163 отъ 6-го октября: vous déclarerez que je ne forme absolument aucune prétention à la charge de l'Impératrice-Reine, ni à celle de la Saxe et que je ne prétends faire aucune acquisition, mais que je ne cherche qu'à me procurer une paix stable et solide qui me mette l'esprit en repos sur l'appréhension continuelle d'une nouvelle guerre).

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

Новая этнографическая карта Средней Чехии.

„Kde jeden jazyk, tu jeho sláva“. Dalimil.

„Jest mnohá stráta naše, po všem není veta“! Ant. Marek.

Крайний оплот славянства на западѣ, Чехія въ своихъ политическихъ границахъ заключаетъ значительную стихію германскую, съ которою чешскій народъ ведетъ вѣковую борьбу за сохраненіе своей самобытности и національной самостоятельности. Борьба эта въ послѣднее время отличается особенною напряженностью. Событія недавняго прошлаго, преслѣдованія и безобразнѣйшія жестокости и избиенія, коимъ подвергались чехи въ нѣмецкихъ городахъ, въ такъ называемой „закрытой“ нѣмецкой язычной области („uzavřeném území“), возбудили всеобщій интересъ къ этой борьбѣ и создали обширную литературу по вопросу о сущности исконныхъ споровъ этихъ двухъ народностей ¹⁾.

Народъ, коему лучшіе сыны его предсказывали близкую кончину и чуть ли не собирались пѣть ему отходную, еще въ концѣ прошлаго столѣтія воспрянулъ духомъ, проснулся отъ долговременнаго сна для новой жизни и заявилъ міру въ энергичныхъ выраженіяхъ о своихъ правахъ на свободное существованіе и развитіе. „Передняя стража“ самоотверженныхъ бойцовъ за права чешскаго народа и

¹⁾ Къ сожалѣнію, русское общество весьма мало ознакомлено съ этими спорами. То, что иногда подносятъ публикѣ наша печать, стоитъ упоминанія разве какъ курьезъ. Даже такія изданія, какъ Энциклопедическій словарь Брокгауза-Ефрона стоятъ не выше въ этомъ отношеніи по части вѣкоторыхъ свѣдѣній о славянахъ.

его языка была, по собственному ихъ признанію, незначительна, — это была лишь горсточка людей, одушевленныхъ идеей служенія народу, но эта „маленькая горсточка“ зажгла такой яркій свѣточъ, что къ нему невольно собрались всѣ искавшіе свѣта. Правда, эти немногочисленные бойцы сами какъ бы сомнѣвались подчасъ въ спасительности своей работы; защита „тѣсныхъ Оермопилъ“ казалась имъ, быть можетъ, и напрасной, но они не падали окончательно духомъ и не сдавались позорно безъ боя. „Покуда хватить силъ, мы не должны переставать бороться съ угрожающей намъ гибелью. Если народу нашему суждено погибнуть, пусть погибаетъ не по нашей винѣ; пусть будущіе вѣка, иного образа мыслей, чѣмъ мы, убѣдятся, что чешскій славянинъ не былъ лишь измѣнникомъ самому себѣ, что и наши Оермопилы взяты были не однимъ ударомъ“.

Мрачно смотрѣлъ на безотрадное положеніе родного народа великій аббатъ Іосифъ Добровскій: ему казалось, что только помощь Божія можетъ улучшить это положеніе. „Causa gentis nostrae, nisi Deus adjuvet, plane desperata est“, писалъ онъ Кошитару. Но при всемъ пессимизмѣ онъ не впадалъ въ отчаяніе; въ послѣдніе годы своей жизни и онъ убѣдился, что „живой пульсъ начинаеть биться въ кающемся трупѣ“. Отрадиѣе былъ взглядъ новаго поколѣнія, выступавшаго на поприще служенія народу. Шафарикъ писалъ Палацкому изъ Лены (22-го іюня 1817 г.): „Еще не все пропало! Живъ Господь Богъ, живы небеса, раньше или позже вѣнчающія успѣхомъ услія вѣрныхъ своихъ. Но допустимъ, что все это лишь сонъ, одна мечта, — что за бѣда! Если и мы померемъ, какъ ваши отцы, ничего не совершивши, мы померемъ все-таки за идею; человекъ есть человекъ, и онъ долженъ умирать за идеи; изъ-за чрева погибаетъ и животное. Потомство будетъ благословлять предковъ, которые не щадили жизни въ стремленіи воскресить славу праотцевъ своихъ, и если этого не сдѣлаетъ потомство, — его легко можетъ и не быть, — тогда сдѣлаетъ тотъ, у кого записаны дѣянія всѣхъ людей отъ вѣка и до вѣка. Но напрасны наши опасенія: на всемъ широкоемъ пространствѣ прослушались славянскіе народы; съ новыми поколѣніями расцвѣтають всюду новыя силы; все, что омертвѣло, приходитъ въ движеніе. Развѣзаясь дремота, должна начаться новая жизнь, но какая, — кто это можетъ предугадать? Но новая жизнь началась не вдругъ. Препятствія многочисленныя и едва одолимыя воздвигались на пути первыхъ дѣятелей возрожденія не только врагами чешской національности, — необходимо было побѣдить еще и апатію чешскаго народа, въ двухъ

вѣковомъ ярмѣ безпомощно склонившаго выю и не понимавшаго значенія высокихъ стремленій его воскресителей. Не удивительно, что это равнодушіе вызывало въ нихъ иногда горькія чувства и безотрадные мысли. „Неужели нѣтъ уже ни одного чеха? Неужели свѣча славянскихъ народовъ уже погасла?“ вопрошалъ поэтъ, призывая къ защитѣ правъ родного языка. Съ большими усиліями прокладывался чешскому языку путь въ семейную и общественную жизнь. „Чештина“, эта, по выраженію Гавличка, „*chudá, utištěná vdova*“, презиралась, нѣмецкій же языкъ по мнѣнію многихъ чеховъ былъ „*krása, vtip, ctnost, bohatství i poctivost*“. Многіе еще нынѣ помнятъ тѣ времена, когда на улицѣ „приманчиво одѣтые“ люди стыдились говорить по-чешски, когда чехъ-„властенецъ“ считался чуть ли не бунтовщикомъ, а его благородныя стремленія подвергались осмѣянію. Для надлежащей оцѣнки тѣхъ громаднѣхъ успѣховъ, какиихъ достигли чехи за какія-нибудь 50 — 60 послѣднихъ лѣтъ, и тѣхъ заслугъ, какія нѣбютъ въ этомъ прогрессѣ „будители“ народа, необходимо хоть въ нѣсколькихъ словахъ вспомнить объ этихъ обстоятельствахъ. Въ настоящее время чешскій народъ спокойно можетъ смотрѣть навстрѣчу будущему: основаніе заложено прочное и широкое, остальная, значительнѣйшая часть созидательной работы выпадаетъ на долю нынѣшнему и грядущимъ поколѣніямъ. Судя по успѣхамъ настоящаго, можно надѣяться, что въ будущемъ они будутъ не меньше, а серьезныя успѣхи чешской стихіи въ борьбѣ ея съ стихіей германской признаютъ и подтверждаютъ и противники славянства. Эти успѣхи отмѣчены ясно и на вышедшей въ прошедшемъ году картѣ Лянганса: „*Deutsche und Tschechen in Nordböhmen*“ (въ масштабѣ: 1 : 500.000), изданной въ извѣстной коллекціи: „*Karten der Verbreitung des Deutschtums*“ (у Ю. Пертеса въ Готѣ). На дополнительныхъ картахъ, внесенныхъ на тотъ же листъ, опредѣлены, кромѣ того: „Чешско-моравско-словацкая язычная область“ въ Австріи и Пруссіи (въ размѣрахъ 1 : 1.500.000), „Чешскій клинъ въ нѣмецкихъ восточныхъ маркахъ“ (1 : 370.000) и маленькій планъ г. Праги и ея окрестностей.

Карта Лянганса является не первымъ опытомъ подробнаго опредѣленія чешско-нѣмецкой язычной границы. Мы можемъ отмѣтить цѣлый рядъ картъ, на коихъ съ большею или меньшею степенью точности и достовѣрности отмѣчались предѣлы распространенія въ Чехіи національностей чешской и нѣмецкой. Такъ еще въ 1819 г. издана была „*Мапа Královstwj Českého od Cuz.*

Král. Pražského Hvězdaře Aloyzysa Dawida, Kapownjka Terpiského řádu Praemonstrátského... Reysowaná od H. W. Seykory", въ настоящее время, конечно, значительно устарѣвшая, но достаточно вѣрно для своего времени опредѣлявшая въ общихъ чертахъ чешско-нѣмецкую язычную границу. Интересною является карта (Das Königreich Boehmen, entworfen von C. F. Welland, Weimar, 1829), хранящаяся въ собраніи П. I. Шафарика въ библиотекѣ Чешскаго Музея, съ нанесенными на нее I. Юнгманномъ границами обоихъ языковъ и съ исправленіями К. Запа. Объ этой совмѣстной работѣ ихъ свидѣтельствуемъ надпись на пей рукою П. I. Шафарика: „Podlé schematismu zhotovil J. Jungmann, opravil p. Záp“. Довѣрять вполне этой картѣ, конечно, тоже трудно, такъ какъ офиціальныи источникъ, шематизмы, на основаніи коихъ она составлена, самъ по себѣ не заслуживаетъ большого довѣрія; вѣроятно, поэтому и понадобились многочисленныя исправленія къ ней, сдѣланныя (другой краской) К. Запомъ; къ тому же и эта карта въ настоящее время значительно устарѣла. Чешско-нѣмецкую язычную границу находимъ также и на „Neueste General-Post-und Strassen-Karte der Oesterreichischen Monarchie mit politischer Eintheilung der Provinzen..., bearbeitet von Franz Fried“, 1833 (Wien, Artaria), къ сожалѣнію, только въ общихъ чертахъ. Достаточно точно, насколько позволяютъ незначительныя размѣры ея, отмѣчаетъ границы распространенія чешскаго языка этнографическая карта славянскихъ народностей П. I. Шафарика, „Slovanskú Zeměvid“, приложенная къ его „Славянской Народписи“ (1842 г.)¹⁾.

¹⁾ На недостатокъ этой карты, вытекающій главнымъ образомъ изъ ея небольшихъ размѣровъ, указываетъ самъ Шафарикъ въ предисловіи къ „Народписи“ (р. IV): „První obtíž (при составленіи карты) povstala z míry. Chtěje všecko na jednom listu uměstiti, volil jsem míru dle možnosti velikou... A však i tou měrou, při větších slovanských zemích dosti pohodlnou, přišly vždy některé menší země a krajiny, a sice zrovna ty, jenž pro nás Čechoslovany nad jiné důležitější jsou, ke skrácení, tak že ani jmen měst na hranicích a osad jinojazyčných v polí nařeší v žádnou úplnost na mapě pokládati, ani všech zvláštních názvův jednotlivých větví na příslušných místech vpisovati nebylo možné“. Недостатокъ этотъ Шафарикъ старался устранить болѣе подробнымъ описаніемъ границъ языковъ и нарѣчій въ самой „Народписи“ на основаніи спеціальнымъ, имъ же составленнымъ картъ. П. П. Дубровскій, посѣтившій Шафарика во время своей поѣздки въ Чехію въ іюнѣ 1841 года, видѣлъ у него составленную имъ карту современнаго состоянія Чехіи. Вотъ какъ онъ описываетъ ее въ своемъ отчетѣ министру народнаго просвѣщенія: „Нѣмцы означены на ней желтою краскою,

Достаточною для своего времени точностью отличается небольшая „Ethnographische Karte der Oesterreichischen Monarchie nach Bernhardi, Šafařík und eigenen Untersuchungen von H. Berghaus“, 1845 года. Карта J. V. Haeussler'a: „Sprachenkarte der Oesterreichischen Monarchie...“ (Pest, 1846) опредѣляетъ чешско-нѣмецкую язычную границу только въ общихъ чертахъ; приложенный къ ней объяснительный текстъ и таблицы въ настоящее время цѣны не имѣютъ. Иосифъ Иречекъ на изданной имъ картѣ: „Království České. Upravit a pomoci Českého Museum vydal J. J., v Praze, 1850“, границы обвѣихъ народностей Чехии отмѣчаетъ тоже только приблизительно.

На основаніи официальныхъ матеріаловъ австрійскаго статистическаго бюро составлена большая (на четырехъ листахъ) карта К. Чернига: „Ethnographische Karte der Oesterreichischen Monarchie, entworfen von K. Freiherrn v. Czoernig, herausgegeben von der K. K. Direction der administrativen Statistik“ (1 : 864,000), Бѣна, 1855. Если положенныя въ основаніе ея данныя и заставляютъ относиться къ ней въ нѣкоторыхъ случаяхъ съ извѣстною осторожностью, то это все-таки не уменьшаетъ большихъ достоинствъ этой въ общемъ весьма солидной ученой работы. „Politická a místopisná mapa Království Českého“ Иос. Эрбена (1869 г.) только общими чертами обозначаетъ чешско-нѣмецкую границу и нынѣ уже тоже устарѣла. Болѣе новыми данными пользовался Le Monnier при составленіи своей общей: „Sprachen-Karte von Oesterreich-Ungarn, bearbeitet nach den durch die Volkszahlung von 31 dec. 1888 erhobenen Daten. Wien 1888 (Ed. Hölzel)“. Новѣйшею чешской работой по изслѣдованію границъ чешскаго и нѣмецкаго языка является „Národnostní mapa Království Českého. Sestavila Severo-česká Národní Jednota“ (J. E. Wagner). Далѣе отмѣтимъ еще общую карту всего славянскаго міра, составленную Иос. Эрбеномъ: „Mapa slovanského světa. Die Šafaříka, Czoerniga, Kozlera, Boeckha, Lejeana, Koepfena etc., sestavil Prof. Ios. Erben“ (Matice Lidu, II, 1868, č. VI); „Этнографическую карту

чехи — розовою. Весь пограничный кругъ совершенно отмѣченъ; ближе къ центру, по направленію къ Прагѣ, также тлутся желтыя полоски; остальное, въ разныхъ мѣстахъ, еще покрыто розовою краскою“. Картина довольно печальная! Но, вѣроятно, Дубровскийъ не особенно близко ознакомился съ этой картой. Въ томъ же отчетѣ онъ также доноситъ министру: „Въ Силезіи нѣтъ болѣе славянскаго народа, и языкъ силезскихъ славянъ исчезъ уже давно“. Отъ Шафарика онъ этого услышать никакъ образомъ не могъ, и ни на какой картѣ у Шафарика этого Дубровскийъ не могъ видѣть.

славянскихъ народностей" М. О. Мирковича (1867 г.), съ объяснительнымъ къ ней текстомъ А. С. Будиловича, и позднѣйшую „Карту славянскихъ народностей“, составленную Н. С. Зарянко (1889 г.) и изданную Славянскимъ благотворительнымъ обществомъ. При незначительности масштаба изображенія Чехин на этихъ картахъ этническія границы ихъ не могутъ быть точными. Упомянемъ еще объ одной мало извѣстной, весьма претенціозной этнографической картѣ Австро-Венгрии: „Carte ethnographique, historique et stratéique des contrées hongroises, slaves, moldo-valaques et allemandes de l'Empire Autrichien... de M. Paul Bourgoing, ancien ministre de France en Russie et en Allemagne“. Насколько карта эта заслуживаетъ названія этнографической, можно судить хотя бы по тому, что составитель ея отдѣляетъ языкъ чешскій отъ языка „моравскаго“ (langue moravienne). Ближайшей предшественницей карты Лянгганса является маленькая карта А. Л. Гикмана: „Das deutsche Sprachgebiet in Böhmen, Mähren u. Schlesien“ (Wien u. Lpzg, 1898). Отмѣтимъ еще тѣ отдѣльныя изслѣдованія и статьи, которыя посвящены разсмотрѣнію этого постоянно живого и привлекающаго напряженное вниманіе обѣихъ борющихся сторонъ вопроса. Къ сожалѣнію, почти все, виѣющееся въ литературѣ этого вопроса, принадлежитъ нѣмцамъ, обращающимся съ матеріаломъ довольно свободно и всегда тенденціозно его искажающимъ, сообразно своимъ видамъ и цѣлямъ.

Чешскихъ работъ по занимающему насъ вопросу весьма немного. Полный списокъ городовъ, мѣстечекъ, селъ и деревень, лежавшихъ лѣтъ 60 тому назадъ на пограничной чертѣ между славянами и нѣмцами въ Чехин, представилъ J. A. Dunder въ статьѣ: „Rozhraní mezi Čechy a Němci v Čechách“ (Časopis Č. Musea, 1843, VI, 1844, 1). Назовемъ здѣсь еще статью В. В. Томка: „Česká a německá národnost v Praze až do začátku 15 století“, въ Часописѣ Чешскаго Муз., 1845, 213—244. Драгоцѣнный историческій матеріалъ заключаетъ въ себѣ: „Popis Království Českého“ Фр. Палацкаго (v Praze, 1848), каталогъ всѣхъ населенныхъ пунктовъ Чешскаго королевства съ указаніемъ общаго числа населенія въ каждомъ изъ нихъ, безъ раздѣленія чеховъ и нѣмцевъ. „Národopisný přehled království Českého r. 1850“, составленный Јос. Иречкомъ, какъ дополненіе къ названной выше картѣ его, не даетъ яснаго представленія объ абсолютномъ количествѣ чешскаго населенія и границахъ его распространенія, такъ какъ цифры, ямъ приводимыя, указываютъ только число жителей общинъ чешскихъ, нѣмецкихъ и смѣшанныхъ, тоже безъ раздѣленія

нихъ по народностямъ. Поэтому и карта I. Иречка имѣеть тѣ же недостатки. Краткій обзоръ племенного состава населенія Чехіи и раздѣленія чешскаго и нѣмецкаго населенія на территории ея даетъ А. С. Будиловичъ въ своей статьѣ: „Нѣсколько данныхъ и замѣчаний язъ области общественной и экономической статистики Чехіи, Моравіи и австрійской Силезіи“ (въ „Славянскомъ сборникѣ“, I) и Т. Д. Флорянскій въ „Лекціяхъ по славянскому языкознанію“ (т. II, стр. 31). Новый чешскій „Slovník Naučný“ (J. Otto) въ статьѣ: „Čechy“ (р. 122) даетъ краткое опредѣленіе язычной границы чешско-нѣмецкой, къ сожалѣнію, безъ карты. Въ этомъ отношеніи старій „Slovník Naučný“ (подъ ред. Ф. Л. Ригра), для своего времени, давалъ болѣе подробныя свѣдѣнія (въ ст. Čechy), а приложенная карта давала ясное представленіе о площади распространенія чешскаго языка.

Обильный этнографическій матеріалъ заключаютъ: „Mittheilungen des Vereins für Geschichte der Deutschen in Böhmen“ (въ Прагѣ, съ 1862 г.). Монографія К. Чернига: „Die Vertheilung der Völkergstämme und deren Gruppen in der Oesterreichischen Monarchie. Sprachgrenzen und Sprachinseln. Wien, 1861“, является позднѣйшимъ дополненіемъ къ его картѣ. А. Фиккеру принадлежать двѣ работы по занимающему насъ вопросу: „Die Bevölkerung des Königreichs Böhmen in ihren wichtigsten statistischen Verhältnissen“ (съ десятию картами), Wien u. Olmütz, 1864, и болѣе широкая: „Die Völkerstämme der Oest.-Ung. Monarchie, ihre Gebiete, Grenzen und Inseln“ (Wien, 1869), въ коей „Deutsch-čechische Sprachgrenze“ опредѣляется подробно на стр. 41—44. Никакого довѣрія не заслуживаютъ очерки извѣстнаго славянофоба и чехоненавистника Рих. Андрее: „Tschechische Gänge“ (1872 г., съ картой) и брошюра: „Nationalitätsverhältnisse und Sprachgrenze in Böhmen“ (Lpzg, 1871 г.). Отношенія обѣихъ народностей Чехіи разсматриваетъ съ особеннымъ вниманіемъ Dr. Ludwig Schlesinger въ своей „Geschichte Böhmens“ (Прага, 1869 и 1870 гг.), въ отдѣльной монографіи: „Die Nationalitätsverhältnisse Böhmens“ (Stuttgart, 1880 г.) и новѣйшей брошюрѣ: „Die deutsch-böhmische Sprachgrenze nach der letzten Volkszählung“ (Wien, 1894 г.), изданной нѣмецкимъ Schulverein'омъ и не заслуживающей довѣрія уже потому, что она должна послужить „als schneidige Agitationswaffe“ цѣлямъ германства. Анастасіи Прохазка принадлежитъ очеркъ: „Das deutsche Sprachgebiet in Böhmen“ (въ Mittheilungen des Vereins f. Geschichte d. Deutschen in Böhmen, 1876, 221, 267).

Изъ новѣйшихъ работъ можемъ отмѣтить еще брошюру Эдуарда Гербста: „Das deutsche Sprachgebiet in Böhmen“ (Prag, 1887 г.) и статьи I. Цемриха: „Deutsches und tschechisches Sprachgebiet“ (въ ж. Geogr. Zeitschrift, 1898 г., съ картой) и „Die Völkerstämme Oesterreich-Ungarns“ (ibid., 1899 г. 299). Въ серіи изданій „все-нѣмецкаго союза“: „Der Kampf um das Deutschtum“ (Heft 6) вышла брошюра извѣстнаго депутата австрійскаго парламента Карла Тюрка (Turk): „Böhmen, Mähren und Schlesien“ (съ картой), отдѣльныя главы коей посвящены занимающему насъ вопросу ¹⁾.

Перейдемъ къ обзорѣнїю чешско-нѣмецкой язычной границы, какъ она представляется намъ на новѣйшей картѣ Лянганса. Пользуемся при этомъ описаніи ея, кромѣ самой карты Лянганса, еще прекраснымъ и обширнымъ рефератомъ Евг. Мушки: „Nová národnostní mapa severních Čech“, въ журналѣ „Česká Revue“, R. III (1899 г., říjen, listopad, стр. 106 — 119, 195 — 200). Авторъ реферата давно собираетъ статистическій матеріалъ для составленія новой карты распространенія чешской народности, при чемъ, въ ожиданіи данныхъ предстоящей въ 1900 году переписи, лично собираетъ и провѣряетъ необходимыя статистическія свѣдѣнія. Насколько удовлетворительно можетъ быть исполнена перепись населенія Австріи, можно судить по тому, что въ бюджетъ 1900 г. внесена была на сей предметъ сумма 400 тысячъ кронъ (200 т. гульденовъ)!

На юго-западѣ Чехіи чешско-нѣмецкая граница начинается у чешской деревни Pесі (507 чеховъ, 2 нѣмца), принадлежащей къ общинѣ Ходово (Chodovo). Земельные надѣлы этой общины на западѣ ближе всего подходятъ къ баварской границѣ. Изъ населенныхъ пунктовъ ближе всего выдвинута къ границамъ Германской имперіи Чешская Кубица (Česká Kubice, Böhmisches Kubitz), въ коей чешскій элементъ въ десятилѣтній промежутокъ отъ 1880 г. до 1890 г. значительно усилѣлся (съ 220 ч. въ 1880 г. на 296 ч. въ 1890 году), а нѣмецкій ослабѣлъ (съ 78 н. на 24 н.); точно такъ же въ Новомъ Постржековѣ (Neu Possigkau), гдѣ еще въ 1880 году считалось 3 нѣмца, въ теченіе десяти лѣтъ они совершенно исчезли. Деревня Новый Постржековъ (Nový Postřekov), лежащая подъ 12° 45' восточной долготы, является крайнимъ западнымъ предѣломъ чешскаго

¹⁾ Обширную литературу по статистикѣ нѣмецкаго населенія Чехіи можно найти у Ad. Hauffen'a: Einführung in die deutsch-böhmische Volkskunde nebst einer Bibliographie. Prag, 1896, гдѣ на стр. 104—112 перечислены: „Schriften zur Geschichte, Statistik und Ethnographie der Deutschen in Böhmen“.

языка и вѣстѣ съ тѣмъ надалѣе выдвинутымъ на западъ славянскимъ мысомъ. Движеніе чешской стихіи на западъ, къ баварской границѣ, совершается, по мнѣнію Лянгганса, главнымъ образомъ, вслѣдствіе энергичной агитаціи общества чешскихъ туристовъ въ Домажлицахъ, постоянно усиливающагося наплыва сюда, особенно въ лѣтніе мѣсяцы, чешской интеллигенціи и большой бѣдности горнаго нѣмецкаго населенія, ищущаго поддержки у чешскихъ сосѣдей. Главнымъ центромъ распространенія чешской стихіи на западъ наряду съ Домажлицами является въ особенности мѣстечко Кленецъ (Klense), откуда чешскій элементъ въ ущербъ нѣмецкому съ особеннымъ успѣхомъ утверждается въ Цапартцахъ (нѣм. Перошик), гдѣ нѣмцы съ 95% 1880 года упали до 86% въ 1890 г.; дальнѣйшія усилія утвердить чешскій элементъ направлены главнымъ образомъ на деревни: Черную Рѣку (Černá řeka, Sofienthal), Haselbach, Nimmvorgut, остающіяся однако въ значительной части чисто нѣмецкими. Отъ Новаго Постржекова граница народностей чешской и нѣмецкой направляется на востокъ, вдоль границъ Горшово-Тынскаго уѣзда (Hortův Týn, Bischof Teinitz) подходят къ желѣзнодорожной линіи Пльзень-Хамъ (Cham, въ Баваріи), мимо селеній Ждяновъ (Тапнова), Тржебнице, Нагошице съ нѣмецкой стороны (съ большинствомъ нѣмецкимъ) и Драженова (Drasenhau), Милавчи съ чешской стороны. Въ этихъ предѣлахъ нѣмецкій элементъ упалъ въ общемъ въ г. Кленчи (въ 1880 г.: 1,254 ч. и 48 в., въ 1890 г.: 1149 ч. и 17 в.), въ Домажлицахъ (Таус, съ 200 в. до 106), но усилился въ Тржебницѣ (съ 235 в. до 238), Выровѣ (Weugowa), гдѣ чехи совершенно исчезли, хотя въ 1880 г. ихъ насчитывалось еще 15 душъ; въ Остржижи, гдѣ чеховъ осталось 17 изъ 25. Въ цѣломъ Домажлицкомъ уѣздѣ къ концу 1890 года обнаруживается приростъ чеховъ, или упадокъ нѣмецкаго элемента, на 1,1%; точно то же явленіе замѣчается и въ сосѣднемъ уѣздѣ Роншперкскомъ, правда, въ незначительной только степени. Отъ Ближеёва (Blisiwa, съ преобладающимъ нѣмецкимъ элементомъ) граница поднимается къ сѣверу, направляясь вдоль общинъ Крженовой (Крженова), Пуцлицъ (п. Putzlitz), Чечовицъ къ Гоносицамъ (Honopitz), откуда рѣзко поворачиваетъ на югъ и образуетъ, такимъ образомъ, весьма важный чешскій полуостровъ Станьковский (Stajkov, Stankau), на западѣ ограниченный административной границей Горшово-Тынскаго уѣзда. Уже при взглядѣ на этотъ уголокъ на картѣ Лянгганса видно, что этотъ полуостровокъ—не чисто чешскій, а смѣшанный, съ преобладающимъ только элементомъ чешскимъ. Къ тому же въ самомъ центрѣ этого

полуостровка находится чисто нѣмецкій островокъ Огучовскій (Ohišov, Autschowa), образовавшійся только въ періодъ времени съ 1880 по 1890 годъ ¹⁾ и серьезно угрожающій, такимъ образомъ, чешской части Станьковскаго полуострова, окруженной съ востока, запада и сѣвера нѣмецкой стихіей. Въ 1880 году изъ принадлежащихъ къ этому острову селеній: Станьковъ, Штиховъ (Stich), Каменице (Kamenzen), Квичовице, Ноумержъ (Nohmirschen), Шкрхлебы (Stirchlova) была еще чисто чешскими селеніями (свыше 90% чеховъ); Гоносице, Вшекары (Schekarschen), Пуцлице—съ преобладающимъ чешскимъ населеніемъ (50—90% чеховъ); Огучовъ—нѣмецкимъ смѣшаннымъ; въ 1890 году остаются чисто чешскими селеніями уже только Квичовице и Каменице; Штиховъ, Ноумержъ, Станьковъ становятся чешскими смѣшанными, Гоносице—нѣмецкимъ смѣшаннымъ, а изъ Огучова образуется самостоятельный, чисто нѣмецкій островъ въ самомъ сердцѣ исключительно чешской стихіи. Такимъ образомъ, опѣмченіе идетъ здѣсь быстро впередъ, и всему Станьковскому полуострову угрожаетъ въ недалекомъ будущемъ опасность растаять совершенно въ омывающихъ его нѣмецкихъ волнахъ. Чешскій элементъ усилился только въ деревнѣ Пуцлицѣ, гдѣ число нѣмцевъ упало съ 127 на 84. Въ общемъ, однако, во всемъ Горшово-Тынскомъ уѣздѣ замѣчается незначительный приростъ чешскаго населенія (0,3%).

Отъ восточной стороны Станьковскаго полуострова чешско-нѣмецкая граница все время идетъ на сѣверо-востокъ вдоль границы Стодскаго (Staab) уѣзда съ нѣмецкой—и Пльзенскаго и Пржестьницкаго съ чешской стороны, при чемъ граница эта на чешской сторонѣ въ пользу чешскаго элемента обозначается острѣе и точнѣе, нежели на сторонѣ нѣмецкой. Начинается она у хутора Вытушы, принадлежащаго къ г. Мерклину, въ коемъ въ 1890 году было 118 нѣмцевъ. Нѣмцы здѣсь замѣтно слабѣютъ. Такъ въ Штенѣвицахъ изъ 178 нѣмцевъ 1880 года осталось къ 1890 г. только 48; между тѣмъ чешскій элементъ усиливается въ смѣшанныхъ общинахъ на нѣмецкой сторонѣ (напримѣръ, въ Пржеставкахъ съ 8 на 53, Ветнишѣ (Stich) съ 0 на 68, въ Добржанкахъ съ 345 на 1,902 и т. д.), главнымъ образомъ подъ вліяніемъ успѣшно развивающейся здѣсь чешской промышленности. Это замѣтно движеніе впередъ чешскаго населенія обнаружится особенно ясно, если мы сравнимъ этотъ уголокъ на картѣ Лингганса и на картѣ

¹⁾ Однако у Палацкаго (Poria, str. 303) для 1843 года въ самомъ Огучовѣ указаны 191 человекъ только нѣмцевъ.

Эрбена. Большой нѣмецкій полуостровъ, идущій отъ Няржанъ (Ný-gaun) въ прямомъ направленіи на востокъ къ чешской деревнѣ Додубецы, а оттуда направляющійся къ югу, къ Пржеховицамъ, затѣмъ поворачивающій на западъ къ Чернотину, въ настоящее время совершенно потерялъ свой нѣмецкій обликъ, будучи весь покрытъ селеніями или съ чешскимъ большинствомъ, или съ меньшинствомъ. Уменьшилось число чеховъ въ этомъ краю въ Горнихъ Секиржанахъ. Въ общемъ, въ цѣломъ Стодскомъ уѣздѣ чешскій элементъ усилился на 5% (въ 1880 г.: 22,6%, въ 1890 г.: 27,6%).

Точно такъ же чешскій элементъ значительно усилился въ г. Пржестицахъ (Přestice), гдѣ изъ 135 нѣмцевъ (въ 1880 г.) осталось только 17 (въ 1890 г.); такъ же и мѣстечко Поржичи Спалене (Brennporitschen), Бловицкаго уѣзда, къ 1890 г. становится совершенно чешскимъ, тогда какъ десять лѣтъ тому назадъ въ немъ насчитывался 61 ч. нѣмцевъ. Равномѣрнымъ является усиленіе обѣихъ народностей въ Тржемошнѣ (Tržemošná, Пльзенскаго уѣзда), гдѣ нѣмецкое меньшинство возрасло съ 251 на 309 чел., главнымъ образомъ подъ влияніемъ основанныхъ нѣнскимъ Schulverein'омъ въ 1884 г. двухклассной нѣмецкой школы и въ 1894 г.—нѣмецкаго фребелевскаго садика. Незначительное число нѣмцевъ въ 1890 г. находилось въ Храстѣ (12 н.), Ст. Пльзенцѣ (Starý Pízenec, Pilsenetz, 10 н.) и Буковцѣ (11 н.). Въ общемъ, въ Пльзенскомъ уѣздѣ замѣчается процентный приростъ чеховъ и уменьшеніе нѣмцевъ. Отношеніе обѣихъ народностей выражается въ слѣдующихъ цифрахъ: въ 1880 г. нѣмцевъ: 8,147 (или 12,9%), чеховъ: 55,040 (или 87,1%); въ 1890 г. нѣмцевъ: 9,552 (11,8%), то-есть число чеховъ увеличилось на 1,1%.

Въ Рокицанскомъ уѣздѣ процентное отношеніе особенно не измѣнилось,—нѣмцы здѣсь остаются въ меньшинствѣ 10—15%.

Чешскій Стржибрскій (Střibro, Mies) островокъ въ исторіи борьбы обѣихъ народностей занимаетъ видное мѣсто. Достаточно одного взгляда на карту, чтобы убѣдиться, что спасти эти нѣсколько квадратныхъ километровъ территоріи для чешскаго народа едва-ли удастся. Нѣмецкая стихія окружила чеховъ тѣснымъ кольцомъ, пробить же въ этотъ центръ путь со стороны Пльзна весьма затруднительно. Насколько быстро совершается его упадокъ, явствуетъ изъ того факта, что еще въ половинѣ XIX столѣтія къ этому островку, какъ отнѣчается Эрбенъ на своей картѣ, принадлежали селенія Отрочинъ, Техловице, Врановъ, Бутовъ (Wuttau), Сулиславъ (Solislau), Сытно, Врбице (Wirbitz) и Миликовъ, изъ конхъ уже въ 1880 году селенія

Отрочинъ, Техловице, Врбаце и Мляковъ подверглись полнѣйшему отмѣченію. Судьбу ихъ раздѣляли съ ними къ 1890 г. еще Врановъ и Бутовъ, такъ что чешскій островокъ въ 1890 г. состоялъ уже только изъ Сулислава (въ 1880 г.: 175 ч., 122 н., въ 1890 г.: 190 ч., 102 н.) и Сытна. Окружающія нынѣ эти остатки чешскаго острова селенія принадлежать вполнѣ нѣмцамъ, за исключеніемъ незначительнаго чешскаго меньшинства въ с. Улицѣ (32 ч.). Въ общемъ, въ Стржибрскомъ уѣздѣ за періодъ времени 1880—1890 гг. отмѣчается значительный приростъ нѣмецкаго элемента (2,6%) и въ той же мѣрѣ ослабленіе чешскаго (1880 г.: 1,680 ч.; 1890 г.: 1,018 ч.).

Отъ Пльзна чешко-нѣмецкая граница поднимается къ сѣверо-западу въ острыхъ и опредѣленныхъ чертахъ къ г. Манетину. Отношеніе обѣихъ народностей осталось здѣсь и въ послѣднее десятилѣтіе почти безъ измѣненій. Въ общемъ замѣчается большее процентное проникновеніе нѣмецкой волны въ область чешскую (3,2%), нежели чешской въ область нѣмецкую (2%). Вообще въ смежныхъ общинахъ это взаимодѣйствіе весьма незначительно. Только дер. Спанковъ (въ Краловицкомъ уѣздѣ) къ 1890 г. преобразилась въ маленький нѣмецкій островокъ, въ коемъ въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ нѣмецкое населеніе увеличилось съ 82,2% до 96%, тогда какъ чешское населеніе уменьшилось на 13,8%. Этотъ островокъ впервые отмѣчаетъ на своей картѣ Лянгансъ. Ослабѣлъ чешскій элементъ и въ Тоушковскомъ (Tuschkau) уѣздѣ (на 1,1%; въ 1880 г.: 5,1% ч.; въ 1890 г.: 4,0% ч.).

Отъ Манетина граница обѣихъ народностей почти непрерывно тянется на сѣверовостокъ вдоль административной границы Краловицкаго уѣзда; въ однихъ мѣстахъ очень опредѣленная, въ другихъ—она распыливается въ смѣшанныхъ общинахъ съ преобладающимъ нѣмецкимъ большинствомъ, каковы, напримѣръ: нѣмецкая Дубравнице, Ствольны (Zwollen, 44 ч., 292 н.), Одабзы (Voitles, 44 ч., 69 н.), Пржегоржъ (52 ч., 189 н.), Либые (36 ч., 337 н.), или съ чешскимъ большинствомъ, какъ: Манетинъ (977 ч., 363 н.), Уѣздъ (140 ч., 21 н.), Калець (50 ч., 34 н.), Седлецъ (189 ч., 3 н.). Увеличеніе чешскаго населенія замѣчается въ общ. Ствольны и Тясь (въ 1880 г.: 10 ч. и 123 ч., въ 1890 г.: 44 ч. и 168 ч.; и нѣмцы: въ 1880 г.: 318 и 509; въ 1890 г.: 292 и 399). При сравненіи карты Эрбена съ картой Лянганса легко замѣтить, что нѣмецкая язычная граница за послѣднія пятьдесятъ лѣтъ глубоко врѣзалась въ чешскій материкъ, отвоевавши с. Высочаны, Котанечъ и Луковъ, и только въ

Казльцъ чешскій элементъ приобретаетъ незначительное вознагражденіе за эти потери. Въ общемъ, весь Манетянскій уѣздъ имѣетъ незначительное процентное приращеніе чеховъ (на 0,7%), равно какъ и уѣздъ Жлутцкій (Luditz, на 0,3%).

Отъ г. Чистой (въ Краловицкомъ уѣздѣ) язычная граница поднимается на сѣверъ по меридіану, придерживаясь близко административной границы Есеницы (Jeschnitz) и Жатца (Saatz) съ нѣмецкой стороны и Раковника и Лоунъ — съ чешской. Однако граница эта здѣсь не такъ чиста и опредѣленна, какъ между Пльзномъ и Манетипомъ. Пунктовъ съ смѣшаннымъ населеніемъ здѣсь много, при чемъ чешскій элементъ держится въ нихъ очень слабо и замѣтно и постепенно уступаетъ нѣмецкому. Въ общемъ, во всемъ Раковницкомъ уѣздѣ замѣчается незначительное увеличеніе нѣмецкаго населенія (на 0,1%), но на нѣмецкой сторонѣ это усиленіе уже значительнѣе, такъ, въ Есеницкомъ уѣздѣ оно достигаетъ 0,3%, а въ Жатецкомъ 0,4%. Большая опасность полнаго исчезновенія въ омываемомъ ихъ нѣмецкомъ морѣ угрожаетъ селеніямъ съ чешскимъ меньшинствомъ Жатецкаго уѣзда, каковы, напримѣръ, дер. Стекницъ (Steknitz), гдѣ чехи съ 68 ч. упали до 36; Виклетце (Wikleditz), гдѣ чехи совершенно исчезли (1880 г.: 46 ч., 1900 г.: 0); Пржывлаки (Pröhlig, въ 1880 г.: 20 ч., 1890 г.: 8 ч.). Весьма незначительны приростъ чешскаго населенія въ Жатцѣ (1880 г.: 660 ч.; 1890 г.: 689 ч.) и др. мѣстахъ.

Отъ Лоунъ, въ направленіи на сѣверъ и востокъ, язычная граница опять не имѣетъ строго опредѣленныхъ чертъ, она теряется среди множества этнически смѣшанныхъ острововъ, то съ преобладаніемъ чешскаго элемента, то съ его меньшинствомъ. Однако чешская стихія, несмотря на незначительность свою, прорываетъ прочво сомкнутую нѣмецкую цѣнь и, направляясь черезъ Мость, Духцовъ и Теплицы, достигаетъ саксонской границы. Благодаря обилію чешскаго рабочаго люда въ каменноугольныхъ копяхъ и многочисленныхъ промышленныхъ предприятияхъ, сосредоточенныхъ въ округахъ названныхъ трехъ городовъ, цѣлый рядъ чисто-нѣмецкихъ селеній обратился въ послѣднее время въ селенія смѣшаннаго характера, а кое-гдѣ и съ преобладаніемъ чешскаго населенія. Это обстоятельство вызываетъ въ нѣмцахъ извѣстнаго рода опасенія, но едва-ли они могутъ быть признаны основательными, такъ какъ чешскій элементъ не настолько силенъ, чтобы удержать за собой занятія позиціи, а кромѣ того, онъ состоитъ изъ людей бѣдныхъ, пришлыхъ рабочихъ, не имѣющихъ

особенно прочныхъ корней въ этой мѣстности; между тѣмъ вся земля находится въ рукахъ нѣмецкихъ капиталистовъ. Чешское меньшинство можетъ удержаться только до тѣхъ поръ, пока его будетъ терпѣть нѣмецкій капиталъ, въ немъ нуждающійся; по эти острова будутъ тотчасъ же залиты, лишь только нѣмецкій капиталъ найдетъ соотвѣтствующую замѣну дешевой чешской рабочей силы. Острова эти идутъ къ саксонской границѣ, начинаясь на сѣверо-западъ отъ Лоунъ, по двумъ направлениямъ и раздѣляются только незначительными промежутками. Первая цѣпь ихъ, начинаясь островкомъ Постолонртскимъ (Postelberg), идетъ черезъ Рвеннице (Ferbentz), Витозевесъ (Wittosess), Блажмиъ (Ploscha), Моравевесъ (Morawes, 5 ч.) къ Гавранъ (Hawran); тамъ она прерывается и, послѣ небольшого промежутка, идетъ далѣе черезъ Вршаны (Würschen) къ большому острову у г. Моста (Brůx), откуда, опять послѣ незначительнаго перерыва, достигаетъ острова у г. Духцова (Dux) и продолжается далѣе на сѣверъ черезъ Осѣкъ (Osseg), Гробы (Klostergrab) и мимо Микулова (Niklasburg) къ границѣ. Вторая цѣпь начинается у Брзванъ (Weberschan) и Градка (Hradek), идетъ на сѣверъ черезъ Вечоль (Hochpetsch) къ Заечичамъ (Seldschitz) у Моста, гдѣ временно прерывается и только у Обрницъ (Obernitz) достигаетъ острова Мостскаго и направляется тоже черезъ Духцовскій островъ къ сѣверу, къ границѣ Саксоніи. Въ этихъ островахъ въ теченіе 1880—1890 гг. чешскій элементъ усилився въ значительной степени, такъ что прежнія чисто-нѣмецкія селенія стали теперь смѣшанными. Уменьшеніе числа нѣмцевъ начинается уже въ Лоунахъ, гдѣ изъ 230 ихъ стало 152; нѣмецкій островокъ Горжаны (Horschan, къ юго-западу отъ Лоунъ), имѣвшій еще въ 1880 г. 60% нѣмцевъ, уже въ 1890 г. считаетъ ихъ только 17%.

Отъ г. Лоунъ чешско-нѣмецкая граница большой дугой направляется къ сѣверо-востоку, вдоль южнаго склона чешскаго Средогорья (Mittelgebirge), къ Литомержицамъ, гдѣ она достигаетъ течения Лавы. Въ этой области ведется упорная борьба за преобладаніе въ городахъ Тржебеницѣ (Trebunitz), Ловосицахъ (Lobositz), Терезинѣ (Theresienstadt) и Литомержицахъ (Leitmeritz). Въ виду особеннаго интереса, возбуждаемаго въ чешскомъ обществѣ и чешской печати этой энергичной защитой національныхъ чешскихъ правъ, и важности обороняемыхъ позицій, мы приведемъ нѣсколько болѣе подробныхъ числовыхъ данныхъ о взаимныхъ отношеніяхъ обѣихъ національностей на этой окраинѣ. Усиленіе нѣмцевъ замѣчается въ Тржебеницахъ (въ 1880 г.: 883 н., 1066 ч.; въ 1890 г.: 488 н., 985 ч.), Елчицахъ

(съ 417 н. до 425 н.; число чеховъ уменьшилось съ 44 до 25), Длажговицахъ (со 149 п. до 239; чеховъ со 102 до 321) и другихъ общинахъ; усиленіе чешскаго населенія можно отмѣтить въ Подсѣдницахъ, гдѣ теперь преобладаютъ чехи (въ 1880 г.: 208 ч., 221 н.; въ 1890 г.: 286 ч., 150 н.) и Долахъ (Neugründel, съ 23 ч. до 29 ч., тогда какъ число нѣмцевъ уменьшилось съ 13 до 7). Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ, гдѣ нѣмцы были въ меньшинствѣ еще въ 1880 г., къ 1890 г. они совершенно исчезли. Въ Ловосицахъ, гдѣ борьба особенно энергична, чехи убываютъ. Въ общемъ, во всемъ уѣздѣ они уменьшились на 0,5%; такъ же теряютъ почву чехи и въ Литомержицахъ, гдѣ въ 1880 г. считалось: 1417 чеховъ и 9263 нѣмцевъ, а въ 1890 г.: 1191 чехъ и 10.004 нѣмцевъ; однако, въ общемъ, весь Литомержичскій уѣздъ имѣетъ значительное процентное приращеніе чешское (на 3,6%).

Отъ Литомержицъ лзычная граница идетъ частью вверхъ по Лабѣ (Литомержице-Лоунки), частью—придерживаясь границы Роудницкаго уѣзда, то опять по теченію Лавы (Залужь-Либеховъ). Въ этихъ предѣлахъ она отличается большою опредѣленностью, и только Губеновъ (Hübina) и Либеховъ (Liboch) являются смѣшанными. Сел. Либеховъ, отмѣчаемое на картѣ Эрбена еще на чешской сторонѣ, потеряло свой часто-чешскій характеръ, такъ что теперь въ немъ чехи только въ меньшинствѣ (въ 1880 г.: 255 ч.; въ 1890 г.: 223 ч.); точно такъ же сел. Коховице, нынѣ вполне нѣмецкое, на картѣ Эрбена отмѣчено еще, какъ чешское. Въ общемъ, въ Штетскомъ округѣ число чеховъ упало на 0,3%.

У Либехова чешско-нѣмецкая граница оставляетъ теченіе Лавы и постепенно, изгибами поднимается къ сѣверо-востоку и, придерживаясь границъ уѣздовъ Мельницкаго на чешской сторонѣ и Дубскаго на нѣмецкой, доходитъ до Бѣлой (Bělá roč Bezdězem). Въ этихъ предѣлахъ замѣчается болѣе значительная инфильтрація чешской стихіи въ нѣмецкую, чѣмъ обратно. Въ общемъ отношеніе обѣихъ народностей пропорціонально: насколько чехи потеряли на нѣмецкой сторонѣ (0,3%) въ уѣздѣ Дубскомъ (Dauba), настолько приобрѣли на чешской сторонѣ въ Мельницкомъ уѣздѣ, гдѣ число нѣмцевъ въ Мельникѣ уменьшилось съ 30 въ 1880 г. до 12 въ 1890 г. Отъ Бѣлой подъ Бездезомъ граница извилястою, но ясно очерченной линіей поднимается почти къ самому Либерцу (Reichenberg). Маленькій нѣмецкій островокъ замѣчаемъ тутъ только у с. Носадлова (Nosadl), Бездедицъ (Kl. Bösig) и Виски (всего 84 ч. и 568 н.), лежащихъ

на западъ отъ Бѣлой. Такимъ же смѣшаннымъ характеромъ отличается и Глинновице (Leimgruben, 76 ч. и 242 н.), Вазачка (2 ч. и 42 н.), Врхбѣла (15 ч., 405 н.), Езова (Jezowai, 12 ч., 342 н.), Дольная Крупа (Nd. Kgrai, 46 ч., 468 н.), Горная Рокита (Ob. Rokitai) и Дольная Рокита. Но нѣмецкое населеніе падаетъ и въ селеніяхъ съ нѣмецкимъ меньшинствомъ на нѣмецкой сторонѣ. Въ общемъ въ Бѣльскомъ уѣздѣ чехи усилились къ 1890 г. на 3% по сравненію съ числомъ ихъ въ 1880 году; нѣмецкій элементъ ослабѣлъ въ уѣздѣ Мннховеградитскомъ (Münchengrätz), гдѣ нѣмцы не составляютъ и 1% всего населенія, и въ Младоболеславскомъ (до 1,3%).

На югъ отъ Либерца въ нѣмецкую область врѣзается небольшой, но важный чешскій полуостровъ Чешскодубскій, въ коемъ, несмотря на напряженные усилія близкаго нѣмецкаго Либерца, чешская стихія изъ году въ годъ значительно усиливается и непрерывно поднимается къ Либерцу, а оттуда къ саксонской границѣ, отъ коей крайній сѣверный пунктъ этого полуострова отстоитъ уже только на 17 километровъ. Путь къ этой цѣли проложенъ нѣсколькими довольно значительными чешскими островками, идущими по направленію къ Либерцу¹⁾. Чешскій элементъ впервые въ 1890 г. отмѣчается въ д. Глубокой (Lubokel), гдѣ по официальнымъ даннымъ въ 1880 г. не было еще ни одного чеха; въ 1890 г. здѣсь считается уже 30 чеховъ; далѣе дер. Влаховѣ (Wlachai, въ уѣздѣ Чешсколипскомъ, Böhmisches Leira) въ 1880 г. не имѣла ни одного чеха, въ 1890 г. считаетъ ихъ уже 31 (нѣмцы упали съ 111 на 86); въ дер. Собаковѣ (Sobaken) отношенія приняли совершенно обратное направленіе (въ 1880 г.: 0 ч., 137 н.; въ 1890 г.: 125 ч., 1 н.), въ Цетеновѣ (Zeiten) въ 1880 г. чеховъ вовсе не было, а въ 1890 г. ихъ считается уже 198. Причину этого очевиднаго упадка нѣмецкаго элемента въ названныхъ селеніяхъ Лянггизсъ видитъ въ вліяніи чешской школы, присоединеніи нѣмецкихъ деревень къ чешскимъ приходамъ, въ частыхъ смѣшанныхъ бракахъ и пр. Особенно упорный бой ведетъ чешское меньшинство на мѣстечко Годковице (юго-восточнѣе Либерца), въ коемъ чешскій элементъ въ послѣднее десятилѣтіе все-таки нѣсколько сократился. Сильный нѣмецкій островъ представ-

¹⁾ Интересные очерки экономическаго положенія чешскаго Подкарпатія, точнѣе—широкаго дѣла между нѣмцами Либерецкимъ и Врхлѣско-Трутновскимъ округами, принадлежатъ Юрію Засадскому въ ж. Naše Doba, K. VII, свѣд. 4—5 и сл.

ляютъ собой г. Чешскій Дубъ (Böhmisoh Aicha) и его околѣе, въ коемъ нѣмецкое населеніе, составлявшее въ 1880 г. 58,3%, усилилось къ 1890 г. до 65,8%, такъ что чехи потеряли тутъ 7,5%. Вообще чешскому элементу въ Чешскодубскомъ округѣ угрожаетъ серьезная опасность. Въ цѣломъ Чешскодубскимъ округѣ нѣмецкое населеніе за десятилѣтіе 1880—1890 г. усилилось на 2,1% (въ 1880 г.: 88,9% чеховъ; въ 1890 г.: 86,8%). Напротивъ, въ округѣ Мимоньскомъ (нѣм. Nimes), вслѣдствіе сильнаго наплыва чешскаго рабочаго класса, произошло усиленіе чешскаго населенія на 3,2% (въ 1880 г.: 0,2% ч., въ 1890 г.: 3,4%). Упорная и въ послѣднее время особенно ожесточенная борьба противъ чеховъ ведется нѣмцами въ Либерецкомъ уѣздѣ, гдѣ въ послѣднее десятилѣтіе чешскій элементъ упалъ на 2,1%, а въ самомъ г. Либерецѣ даже на 3,7%; точно такъ же стало значительно уменьшаться чешское населеніе въ деревняхъ этого округа съ нѣмецкимъ большинствомъ.

Отъ Ештеда (Jeschken, югозападнѣе Либереца) язычная граница идетъ, вдоль административной границы Либерецкаго уѣзда съ нѣмецкой стороны и Чешскодубскаго—съ чешской, до Годковиць, откуда постепенно начинаетъ подниматься къ сѣверо-востоку и достигаетъ прусской границы (сѣвернѣе чешской деревни Расаку). Въ общемъ, граница здѣсь опредѣляется достаточно рѣзко и совпадаетъ съ границами уѣздовъ: Яблонецкаго (Gablonz) съ нѣмецкой стороны и Семильскаго и Илемпицкаго—съ чешской. Смѣшанные островки на этомъ протяженіи замѣчаются только у Илове (нѣм. Jilowej) и въ сѣверной части границы—у Шумбурка и Полубной (восточнѣе Таннвальда). Чешскому элементу наибольшая опасность угрожаетъ въ промышленномъ Шумбуркѣ, гдѣ чешское населеніе быстро уменьшается, и, какъ видно уже при взглядѣ на карту, въ маленькомъ полуостровкѣ съ дер. Пасѣки въ центрѣ. Несмотря на усиленіе нѣмецкаго элемента въ нѣкоторыхъ селеніяхъ (напримѣръ, Пасѣкахъ, гдѣ онъ въ теченіе десяти лѣтъ удвоился), чешское населеніе во всемъ Туриовскомъ уѣздѣ усилилось на 1,9%; но зато въ Яблонецкомъ уѣздѣ, гдѣ въ 1880 г. чеховъ считалось только 6,5%, число ихъ уменьшилось еще на 0,2%.

Отъ д. Пасѣки, наидальнѣе выдвинутаго на сѣверъ чешскаго пункта, граница обѣихъ народностей въ довольно рѣзкихъ очертаніяхъ начинается опускаться въ направленіи юговосточномъ къ г. Дворъ Кралове. На этомъ протяженіи ея встрѣчаемъ нѣсколько незначительныхъ смѣшанныхъ острововъ. Сначала язычная граница совпадаетъ

съ границей Высоцкаго (нѣм. Hochstadt) и Илемницкаго судебного округа съ чешской стороны и Рокетницкаго и Врхлабскаго (Hohen-eibe)—на нѣмецкой сторонѣ. Положеніе чешскаго элемента въ этихъ предѣлахъ слѣдуетъ признать вообще благопріятнымъ: въ то время какъ примѣсь нѣмецкой стихіи въ чешской язычной области составляетъ только 3,3%, примѣсь чешскаго элемента въ области нѣмецкаго языка равняется 4,1%. Усиленію чешскаго элемента на прусской границѣ, въ направленіи отъ Пасѣкъ къ сѣверо-востоку, много содѣйствуетъ существованіе здѣсь большихъ стежляныхъ заповодей графа Гарраха въ сел. Новый Свѣтъ (Neuwelt), гдѣ чешское населеніе съ 67-и душъ въ 1880 г. увеличилось до 121 въ 1890 г., и Гарраховѣ (Haggachsdorf).

Въ области чешской г. Яблонецъ обнаруживаетъ значительное усиленіе нѣмецкаго элемента въ ущербъ чешскому. Такъ въ 1880 г. здѣсь было только 86 нѣмцевъ, а въ 1890 ихъ стало уже 257. Въ общемъ во всемъ Рокетницкомъ округѣ наблюдается незначительное усиленіе чешскаго населенія (на 0,1%). Въ судебномъ округѣ Врхлабскомъ (главнымъ образомъ, въ г. Врхлаби и Бранной Долені) чешскій элементъ значительно ослабѣлъ (на 2,3%), тогда какъ въ Илемницкомъ и Рокетницкомъ округахъ онъ въ незначительной мѣрѣ усилился (на 0,1%).

Крайніе восточные предѣлы чешско-нѣмецкой язычной границы въ сѣверной Чехіи совпадаютъ въ Трутновскомъ уѣздѣ съ границей судебныхъ округовъ Трутновскаго и Улицкаго (Eipel). Сильная нѣмецкая волна, проникающая вдоль верхняго теченія Лабы, самой „предательской“ изъ славянскихъ рѣкъ, отъ Кралове Двора къ Градцу Кралове (у коего образовался уже незначительный смѣшанный островокъ), сдерживается нѣскольکو двумя далеко выдвинувшимися на сѣверъ чешскими полуостровами Улицкимъ и Полицкимъ (нѣм. Politz). Первый изъ этихъ полуострововъ крайнимъ своимъ пунктомъ, дер. Малы Сватонѣвце (Kl. Schwadowitz), отстоитъ отъ прусской границы всего на 5 километровъ; второй на сѣверѣ уже весьма близко подходитъ къ ней, а восточнымъ краемъ (у Махова, Machau) вплотную прикасается къ ней. Если обоимъ этимъ полуостровамъ удастся раздвинуть свои сѣверные берега вплоть до прусской границы, тогда нѣмецкій полуостровъ Теулицкій (Weckelsdorf) обратится въ островъ, отрѣзанный отъ нѣмецкаго влияния, и этимъ значительно облегчится усиленіе чешской стихіи на этой сѣверной окраинѣ. Такимъ образомъ, желѣзная цѣпь нѣмецкаго *uzavřeného uzemí*, окру-

жающая на сѣверѣ чешскую язычную область, была бы прорвана еще въ одномъ мѣстѣ. Въ этомъ направленіи сдѣлано уже нѣсколько удачныхъ шаговъ: такъ дер. Радчи насчитывала въ 1880 г. 20 чеховъ, а въ 1890 г. уже 52 человека; въ Старыхъ Седловцахъ изъ 16 человекъ въ 1880 г. стало къ 1890 г. 30 человекъ; хотя въ другихъ мѣстахъ отношеніе обѣихъ народностей измѣнилось въ пользу нѣмцевъ, такъ что въ сущности можно считать отлошенія обѣихъ народностей здѣсь не измѣнившимися. Въ направленіи отъ Врхлаби на югъ язычная граница существенно измѣнилась въ пользу чешскаго элемента въ округѣ Новой Паки. По мнѣнію Лянганса, здѣсь чехизація причинила наибольшій ущербъ нѣмецкой язычной области въ нынѣшнемъ столѣтіи.

Отмѣченное нами выше сильное теченіе нѣмецкой стихіи на югъ отъ Кралове Двора, ясно видно на картѣ, создало сильный нѣмецкій полуостровъ Трутновскій (Tautenau), только въ самой южной части своей имѣющій смѣшанный характеръ. Чешскій элементъ находится здѣсь въ неблагоприятныхъ условіяхъ борьбы: въ теченіе десятилѣтій нѣмецкая стихія усилялась здѣсь на 1% (въ 1880 г. — 13,3%, въ 1890 г. — 14,3%).

Вообще, въ такъ называемой „закрытой“ нѣмецкой области чешскій элементъ примѣшивается въ меньшемъ количествѣ (1,1%), нежели нѣмецкій въ области чешскаго языка (1,7%); такъ что, если чешское меньшинство на рубежѣ язычной области чешской и нѣмецкой и становится нѣсколько сильнѣе, то зато маленькіе чешскіе островки въ чисто нѣмецкой области понемногу исчезаютъ. Но эти потери вознаграждаются общимъ значительнымъ усиленіемъ чешскаго элемента на язычной чешско-нѣмецкой границѣ въ сѣверо-западной и сѣверо-восточной Чехіи на 44,9%; такъ какъ нѣмецкій элементъ въ то же время возросъ въ той же чертѣ на 25,3%, то перевѣсъ чешскаго элемента надъ нѣмецкимъ выражается все-таки въ солидной цифрѣ 19,6%.

Таковы факты, констатированные на нѣмецкой картѣ Лянганса.

Къ сожалѣнію, далеко не такъ успѣшна борьба чешской стихіи съ нѣмецкою на восточной границѣ (съ Моравіей). Восточная граница Чехіи проходитъ въ нѣкоторой части черезъ нѣмецкій островъ (Landskron, Zwittau-Svitava, Mähr. Trübau-Моравскá Trebova), только незначительной полосой чешскаго населенія отдѣленный отъ другого нѣмецкаго острова окрестностей Иглавы (Iglau). На эту границу должно быть обращено самое серьезное вниманіе чеховъ: это мость,

соединяющий ихъ черезъ Моравію съ остальнымъ славянскимъ міромъ. Важность этого моста рано была оцѣнена чешскими патриотами. Отмѣчая опасность, угрожающую чехамъ со стороны германской стихіи, одинъ изъ чешскихъ писателей (Hlasatel Český, 1806, III, 342), указываетъ, какъ на весьма невыгодное условіе въ положеніи чеховъ, и на то, что „чешская земля только при посредствѣ Моравіи входитъ въ сопрیکосновеніе съ прочимъ славянствомъ“. Значеніе Моравіи для собственной Чехіи было опредѣлено и извѣстнымъ вождемъ старо-чешской партіи Ф. Л. Ригромъ, который въ рѣчи, сказанной имъ при открытіи чешскаго театра въ Брвѣ (въ ноябрѣ 1884 года), заявилъ, что чехи должны ратовать за Моравію еще болѣе, чѣмъ за собственную Чехію, потому что Моравія соединяетъ чеховъ съ тѣмъ славянскимъ міромъ, отъ котораго они никогда не пожелаали бы быть оторванными, ибо тогда Чехія стала бы островомъ. Но боевыхъ позицій у чеховъ такъ много, что трудно ожидать одинаковой силы сопротивленія на всѣхъ пунктахъ.

Мы замѣтили выше, что значительное большинство прежнихъ и новѣйшихъ работъ по изученію чешско-нѣмецкой язычной границы принадлежить нѣмецкимъ ученымъ. Послѣдній трудъ Лянганса еще разъ доказываетъ, какъ живо слѣдятъ нѣмцы за малѣйшими успѣхами своими на этомъ западномъ славянско-нѣмецкомъ рубежѣ ¹⁾.

Чешская литература, къ сожалѣнію, до сихъ поръ такимъ трудомъ не обладаетъ, а между тѣмъ средства для составленія карты всего чешско-нѣмецкаго порубежья могутъ доставить такія чешскія общества, какъ энергичная Центральная Школьная Матица (Ustřední Matice Školská), сообщившая уже немало драгоценнаго матеріала въ своемъ „Вѣстникѣ“; далѣе, собраніе достовѣрныхъ и безпристрастныхъ статистическихъ данныхъ составляетъ прямую обязанность Народныхъ Союзовъ Пошумавскаго и Сѣверо-Чешскаго (Národní Jednota Pošumavská, N. J. Severočeská), провинціальныхъ ихъ отдѣленій и многочисленныхъ обществъ и научно-образовательныхъ кружковъ. Со временемъ, на основаніи собранныхъ этимъ путемъ матеріаловъ, явится возможность

¹⁾ Замѣтимъ кстати, что въ той же коллекціи вышли еще слѣдующія карты распространенія нѣмецкаго элемента въ славянскихъ земляхъ: 1) Deutsche Kolonisation im Osten: I. Donau-Länder (Deutsche Kolonien in Ungarn, Siebenbürgen, Zips, Krain, Bieltz-Biala, Zilli etc.); II. Auf slawischem Boden (Deutsche Ostseeprovinzen, Polen, Wolynien, Bessarabien, Südrussland, Kaukasus, Wolga-Kolonien, Dobrudscha etc.). 2) Verbreitung der Deutschen in den Ländern der Ungarischen Krone.

представить все порубежье чешской и нѣмецкой язычныхъ областей въ самомъ полномъ и еще болѣе точномъ видѣ, чѣмъ это сдѣлалъ Лянгансъ.

Вл. Францезъ.

Giustino de Sanctis. AΘΙΣ. STORIA DELLA REPUBBLICA ATENIENSE DALLE ORIGINI ALL'E RIFORME DI CLISTENE. ROMA. 1898. VII+364 стр. 1).

Къ числу важнѣйшихъ и самыхъ энергичныхъ дѣятелей на поприщѣ греческой филологіи несомнѣнно принадлежитъ и итальянскій ученый Юлій Белохъ. Помимо всеобщаго интереса, который представляютъ его научные труды, Белохъ имѣетъ еще чрезвычайно важное значеніе для Италіи, ибо совмѣстно съ профессурою древней исторіи въ Римскомъ университетѣ онъ занимаетъ также должность преподавателя того же предмета въ археологическомъ институтѣ „*Schola italiana d'archeologia pel perfezionamento negli studi archeologici*“. Многочисленные сочиненія его учениковъ и отдѣльныя статьи, напечатанныя ими въ *Studi di storia antica, pubblicati da G. Beloch* и въ разныхъ другихъ итальянскихъ научныхъ журналахъ,

1) Довольно странно, что книга г. Санктиса не вызвала никакихъ подробныхъ рецензій. Появились, правда, въ прошломъ году три статьи по поводу этой книги, однако ни одна изъ нихъ не можетъ быть названа научной рецензіей. Отзывъ анонимнаго автора въ *Literar. Centralbl.*, 1899, № 8 и *Nachricht.*, *Revue crit.*, 1899, № 49 по своей краткости и безсодержательности никакой цѣны не имѣютъ. Анонимъ дополняется простымъ перечисленіемъ заголовковъ десяти главъ, на которыхъ распрѣдѣлено сочиненіе г. Санктиса, и голословнымъ обозначеніемъ нѣкоторыхъ болѣе удачныхъ параграфовъ. У Оветта, напротивъ, ничего кромѣ напыщенныхъ фразъ найти нельзя. Оветтъ самъ сознается, что книга г. Санктиса нисколько не marque un progrès sensible sur les plus récents écrits du même genre, а только mettra le public savant d'Italie au courant des derniers résultats de la science (т. е. по мнѣнію Оветта). Омятять можно развѣ только отзывъ Th. Reinach'a въ *Revue des études grecques*, XI (1898) стр. 485 сл., да и то только примѣчанія его, въ которыхъ онъ коротко указываетъ на нѣкоторыя частности, съ которыми онъ согласиться не можетъ. Самый же текстъ не отличается существенно отъ Оветтовскаго. Рейнакъ даже полагаетъ, что книга эта ипе oeuvre qui, même après les gros livres de Wilamowitz et de Busolt, mérite d'être non seulement consultée, mais lue, онъ находятъ, что встрѣчающіяся у него hypothèses n'appartiennent pas toutes à l'auteur, mais qu'il a toutes repensées et en partie améliorées (объ этихъ мнимыхъ амеліоратіонахъ у насъ ниже будетъ рѣчь) ou complétées. Въ самомъ текстѣ онъ сожалѣетъ только о томъ, что у автора нѣтъ des notions économiques plus approfondies.

ясно показывают, какое большое влияние на них имѣетъ Белохъ. Это впрочемъ показываютъ и сочиненія самого Белоха, ибо хорошо извѣстно, какое сильное впечатлѣніе они производятъ на читателей, и поэтому не трудно себѣ представить, каково должно быть то обаяніе, которое онъ производитъ на своихъ слушателей, когда вводитъ ихъ въ изученіе древне-греческаго міра.

Однако, къ сожалѣнію, и у этой школы есть большая сторона. Здѣсь, конечно, не мѣсто подробнѣе останавливаться на особенностяхъ школы Белоха, тѣмъ болѣе, что въ разныхъ мелкихъ статьяхъ, напримѣръ, у Крузіуса, Бауера, Гершензона и другихъ, въ особенности же въ рецензіи Гольма на „Греческую исторію“ Белоха встрѣчается уже цѣлый рядъ весьма мѣткихъ замѣчаній по этому поводу ¹⁾. Тѣмъ не менѣе и здѣсь необходимо обратить вниманіе читателя на нѣкоторыя своеобразности Белоха. Такъ, напримѣръ, въ теоретическомъ отношеніи его возрѣнія въ большинствѣ случаевъ совершенно вѣрны, однако на практикѣ онъ имъ неоднократно измѣняетъ; характерна далѣе для Белоха и его школы крайняя рѣзкость и несдержанность приговоровъ надъ трудами другихъ ученыхъ, при чемъ приговоры эти обыкновенно произносятся безъ достаточныхъ доказательствъ; не менѣе характерно далѣе странное обыкновеніе находить и неоднократно повторять, что мнѣнія противниковъ „разумѣется, конечно“ („natürlich“) превратны.

Гольмъ, впрочемъ, забылъ еще обратить вниманіе на постоянное употребленіе выраженія „die Neueren“, даже тамъ, гдѣ только нѣкоторые новѣйшіе ученые совершили неосторожность судить о данномъ вопросѣ иначе, нежели Белохъ. Что читателю можетъ быть любопытно или важно узнать, кто именно въ данномъ случаѣ эти загадочные „новѣйшіе ученые“, объ этомъ Белохъ нисколько не заботится, а между тѣмъ не безразлично же, раздѣляютъ ли данное мнѣніе корифеи науки, или авторы посредственныхъ диссертаций.

Gaetano de Sanctis, авторъ вышеупомянутаго сочиненія, которое мы здѣсь намѣрены охарактеризовать, ученикъ Белоха, и сочиненіе его, кромѣ многихъ другихъ недостатковъ и погрѣшностей, перепол-

¹⁾ См. *O. Crusius*, *Philologus*, томъ 55 (1896), стр. 5 — 19; *A. Bauer*, *die Forschungen zur griechischen Geschichte 1888—1898*, München 1899; Ю. Белохъ, *Исторія Греціи*, пер. *М. Гершензона*, Москва I 1897, II 1899 (этотъ переводъ мы ниже будемъ обозначать сокращеніемъ „Герш.“), см. предисловіе Гершензона томъ I стр. III; *A. Holm*, *Berliner philologische Wochenschrift*, 1894, стр. 371 сл. и 400 сл.

нено тѣми же недостатками, которыми страдаютъ сочиненія Белоха. Въ томъ-то именно и бѣда, что ученики заражаются только слабыми сторонами и недостатками Белоха. Еслибъ эти недостатки съ другой стороны выкупались такимъ же усвоеніемъ всѣхъ хорошихъ сторонъ этого гениальнаго ученаго, то на эти недостатки можно было бы смотрѣть сквозь пальцы: но, къ сожалѣнію, такое усвоеніе не замѣтно въ сочиненіяхъ его учениковъ.

Прежде чѣмъ приступить къ самой характеристикѣ труда г. Санктиса, не лишнимъ считаю обратить вниманіе на одно обстоятельство, которое значительно затрудняетъ оцѣнку этой книги. Въ этомъ сочиненіи *нѣтъ предисловія*, и такъ какъ и въ самой книгѣ о назначеніи ея нигдѣ не говорится, то критикъ во многихъ отношеніяхъ бродитъ въ потьмахъ. Такъ, напримѣръ, совершенно неясно, для кого именно авторъ написалъ это сочиненіе, т. е. научное ли это сочиненіе, или только научно-популярное. Ни заглавіе, ни сама книга не даютъ никакихъ разъясненій относительно этого важнаго пункта, отъ котораго именно и зависитъ справедливая оцѣнка даннаго труда. Сочиненіе г. Санктиса снабжено двумя заглавіями, изъ которыхъ второе, очевидно, нужно считать объясненіемъ непонятнаго для большой публики греческаго заглавія. Однако эти заглавія не совсѣмъ соотвѣтствуютъ другъ другу. Аттидами, какъ извѣстно, назывались аѣнскіе анналы: сообщались въ этихъ анналахъ, разумѣется, и разные мненія и древнія преданія, упоминались всѣ болѣе или менѣе важные факты изъ аѣнской исторіи, литературы, исторіи государственныхъ учрежденій и т. д., но не смотря на то аттиды по своему характеру не могутъ быть причислены къ историографіи, а только къ анналястикѣ. Сопоставленіе заглавій *Atthiç* и *Storia*, стало быть, не совсѣмъ точное. Но, помимо того, г. Санктисъ далѣе продолжаетъ: „*Storia d. repubb. A. dalle origini alle riforme di Clistene*“, онъ, значить, суживаетъ значеніе слова *Atthiç*, что совершенно не-дозволятельно, такъ какъ аттиды никогда этого значенія не имѣли. Однако, быть можетъ, Санктисъ этого и не хотѣлъ сказать, т. е. онъ, быть можетъ, намѣревается еще написать продолженіе этого сочиненія, но въ такомъ случаѣ онъ долженъ былъ отиѣтить на оберткѣ настоящаго тома, что это первый томъ.

Судя по заглавію, авторъ, стало быть, хотѣлъ изложить аѣнскую исторію до Клизееновской реформы. Означенная эпоха въ послѣдніе годы неоднократно служила предметомъ специальныхъ изслѣдованій и превосходно излагалась такими выдающимися учеными, какъ, напри-

мърь, Э. Мейеръ, Бузольтъ, Гольмъ, Белохъ и др. Эти авторы существенно отличаются другъ отъ друга и до того исчерпали этотъ періодъ, что авторъ новаго сочиненія обязательно долженъ былъ въ предисловіи объяснить, что именно побудило его еще разъ изложить этотъ періодъ, другими словами, почему и для кого онъ написалъ свое сочиненіе. Такъ какъ авторъ этого не сдѣлалъ, то мы сами должны постараться опредѣлить *raison d'être* сочиненія. Какъ мы увидимъ, появленіе этой книги ничѣмъ не оправдывается, такъ какъ то, что въ ней вѣрно, не ново, а заимствовано у предшественниковъ, да и при томъ у нихъ изложено гораздо лучше, а у Бузольта кромѣ того еще несравненно подробнѣе; немногое же новое не выдерживаетъ критики. Что касается публики, для которой авторъ пишетъ, то ее довольно трудно опредѣлить. Общій характеръ этого сочиненія, правда, научно-популярный, и читая эту книгу невольно приходять на умъ слова Шеманна: „Dies Buch gehört zu einer Reihe von Handbüchern, deren Zweck ist, ein lebendiges Verständniss des classischen Alterthums in weitere Kreise zu bringen, und ist also vorzugsweise für solche wissenschaftlich gebildete Leser bestimmt, die, ohne selbst ein specielles Studium auf die Erforschung des Alterthums gerichtet zu haben, doch das Bedürfniss fühlen, sich mit dem Geist und Wesen desselben bekannter zu machen“¹⁾. Однако и эти слова могутъ быть отнесены къ этой книгѣ только *cum grano salis*, такъ какъ помноживъ частей, характеръ которыхъ дѣйствительно соответствуетъ этимъ словамъ Шеманна, въ этомъ сочиненіи цѣлый рядъ статей до того специальныхъ, что онѣ не только могли, но напротивъ должны были быть напечатаны въ одномъ изъ чисто филологическихъ журналовъ, а не въ такомъ научно-популярномъ сочиненіи²⁾. Такія главы совершенно несообразны съ общимъ характеромъ сочиненія и при томъ большинству читателей остаются непонятными.

Общій планъ распределенія матеріала, который положенъ авторомъ въ основу изложенія, вполнѣ соответствуетъ Бузольтовскому. У Бузольта³⁾ во второмъ томѣ въ четвертой главѣ, озаглавленной „Der attische Staat bis zu den Perserkriegen“, на 449 страницахъ из-

¹⁾ Ср. *G. F. Schoemann*, Griechische Alterthümer, I, предисловіе къ первому изданію, перепечатанное и въ четвертомъ изданіи, сдѣланномъ Лисциусомъ, Berlin 1897.

²⁾ Ср. напримѣръ, стр. 73 сл. *Le liste dei re*, стр. 284 сл. *La guerra di Sigee* и т. д.

³⁾ См. *G. Busolt*, Griechische Geschichte, томъ II² 1895, стр. 1—449.

слѣдуются всѣ эти вопросы точь въ точь въ томъ же порядкѣ, какъ и у г. Санктиса, но у Бузольта, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, все изложено гораздо подробнѣе, основательнѣе и лучше. Это соотвѣтствіе избавляетъ насъ, впрочемъ, отъ обстоятельной характеристики этой диспозиціи, такъ какъ сочиненіе Бузольта читателямъ хорошо извѣстно. Достаточно, поэтому, будетъ назвать заголовки главъ, на которыя распредѣлено сочиненіе г. Санктиса. I. Образование Афинскаго государства. II. Филы, братріи и роды. III. Списки царей и сказанія о царяхъ. IV. Уничтоженіе царской власти и архонтство. V. Драконтъ и уголовное право. VI. Солонъ и его экономическо-соціальныя реформы. VII. Первое письменное государственное устройство. VIII. Конецъ апархін. IX. Начала афинскаго могущаго гва. X. Клисеевъ и демократическія реформы. Подробное содержаніе каждой отдѣльной главы, по примѣру Бузольта и Белоха, сообщено въ „Оглавленіи“ (стр. V—VII). Въ концѣ сочиненія помѣщенъ подробный „Указатель“ (стр. 353—364).

Такова общая схема работы. Обращаясь къ содержанію ея, мы прежде всего должны остановиться на нѣкоторыхъ особенностяхъ и погрѣшностяхъ болѣе общаго характера.

Особенности трудовъ Белоха мы указали: всѣ онѣ встрѣчаются и въ сочиненіи г. Санктиса. Чтобы не быть голословными, приведемъ въ подтвержденіе нѣсколько примѣровъ. „Спеціальная монографія М. Френкеля, Die att. Geschworenengerichte въ отношеніи той части, въ которой говорится о происхожденіи присяжнаго суда (стр. 58 сл.), никакой цѣны не имѣетъ (*non a alcun valore*)“.— На стр. 271 прим. 2 авторъ цитуетъ статью Келера и Бауера, а затѣмъ продолжаетъ: „сквернѣйшая (*peggiore*) попытка Помтова чрезвычайно многогрѣшная (*verbosissimo*)“ а въ самомъ текстѣ говоритъ: „Было бы совершенно напрасно приводить эти коньектуры, ибо, еслибъ дать широкій просторъ произволу, то всякій могъ бы придумать коньектуру варіирующую остальнымъ“. Съ какимъ презрѣніемъ говоритъ онъ здѣсь о знаменитомъ Келерѣ! Никакихъ доказательствъ онъ не приводитъ, а просто называетъ гипотезу Келера скверной и произвольной. Я нахожу, что совершенно inutile riferire ee. Неужели мнѣнія такого осторожнаго и остроумнаго ученаго не заслуживаютъ быть приведенными и внимательно разсмотрѣнными въ научномъ сочиненіи? На стр. 323 прим. 1: „Начала муниципальной жизни совершенно ускользаютъ изъ виду въ новѣйшихъ (*moderne*) изслѣдованіяхъ. Ни словечка нельзя найти въ сочиненіи Haussoullier La vie municipale etc.

Обыкновенно новѣйшіе ученые предпочитаютъ" etc. Но развѣ Санктисъ самъ постарался изслѣдовать то, чего онъ здѣсь требуетъ? Онъ ссылается, правда, на стр. 24 сл. и 63, но то, что тамъ говорится, изложено несравненно лучше и подробнѣе и съ приведеніемъ всей литературы этого вопроса у Бузольта (II^е стр. 76 сл.). Новаго и самостоятельнаго я здѣсь ничего не могъ найти у г. Санктиса.—О Вилаговицѣ онъ также отзывается дурно. Напр. стр. 322, прим. 2: „конъектуры Вилаговица мнѣ кажутся довольно неудачными“; тамъ же, прим. 1: „Вилаговицъ, который можетъ быть черезчуръ много знаетъ о древнѣйшей исторіи Оропа“. Отчего авторъ не отзывается такъ о Белохѣ? Напримѣръ, на стр. 326 Санктисъ одобряетъ мнѣніе Aristot. *Ἄθ.* кол. 13,5 о провѣркѣ (διὰ φηζιζμό;) списковъ аонскихъ гражданъ, произведенной Клисеевомъ, и отвергаетъ свидѣтельство Aristot. *Pol.* III 1275 b / принятіи въ число гражданъ множества иностранцевъ и детзковъ, считая это довольно сомнительнымъ и полагая, что это только злая выдумка аристократовъ. Белохъ ¹⁾, наоборотъ, одобряетъ Aristot. *Pol.* и отвергаетъ *Ἄθ.* кол., находитъ время для такого мѣтропріятія слишкомъ неудобнымъ („recht schlecht gewählt“). Санктисъ вполнѣ убѣжденъ, что правъ (e del tutto sicuro); Белохъ, стало быть, былъ введенъ въ обманъ этой злой выдумкой, однако, не смотря на то, Санктисъ ни словечка не проронилъ объ этомъ.—На стр. 11 прим. 2 достается Рейхелю: „онъ просто повторяетъ, при чемъ не обходится безъ преувеличеній“ (это часто встрѣчается у самого Санктиса) и даже „Рейхель не знаетъ никакой мѣры“. Стр. 64 прим. 3: „Koerte надѣлалъ просто немвоѣрную путаницу“. Стр. 70 прим. 2: „Holland совершенно превратно понялъ это вполнѣ ясное мѣсто“. Стр. 165 прим. 2: „Я разумѣется и не думаю остановиться на интерпретаціи Шталя“. Стр. 195 прим. 2 онъ находитъ, что диссертация Wilbrandt'a отличается большою смутностью. Стр. 281 прим. 4 говоря о сочиненіи G. Willis Botsford'a, онъ находитъ, что идея, которую себѣ составилъ авторъ объ аонскихъ партіяхъ во времена Клисеева и его предшественниковъ, совершенно превратная (completamente errata), а заключеніе, что Клисеевъ былъ главою партіи аристократовъ, онъ даже находитъ *нелѣпнымъ* (*assurda*). Такихъ рѣзкихъ приговоровъ довольно много въ трудѣ г. Санктиса, но перечислять ихъ было бы излишне.

¹⁾ *Beloch*, *ibid.* стр. 384 и прим. 2 (Герш. 265 и прим. 3).

Диаметрально противоположно этой суровой критикѣ весьма благосклонное отношеніе ко всему итальянскому: даже самыя незначительныя статьи удостоиваются преувеличенной похвалы, какъ напримеръ на стр. 317 прим. 3: „превосходная монографія di G. Patroni“. Обыкновенно авторъ чрезвычайно превозносятся Белюха, напримеръ, называетъ экономическія изслѣдованія Белюха „неопровержимыми“ (стр. 231, прим. 2). Сколько такихъ *irrefragabili considerazioni* были произнесены другими выдающимися учеными, однако ни одинъ изъ нихъ не удостоился такой похвалы! Считаю, впрочемъ, своимъ долгомъ отмѣтить, что мною замѣчены только два исключенія, а именно: „A. v. Gutschmid весьма остроумно возстановилъ этотъ списокъ“ (стр. 78 прим.). Однако здѣсь похвала эта легко объясняется тѣмъ, что авторъ основываетъ свою реконструкцію именно на этой *reintegrazione* Гутшмида, у котораго, какъ онъ самъ сознается, онъ заимствовалъ многія конъектуры. Далѣе сочиненію O. Müller'a „Aischylos' Eumeniden“ онъ приписываетъ фундаментальную важность. Вотъ и все, ибо „лучшая интерпретація“ (67), „лучшій комментарий“ (170), „вѣрныя замѣчанія“ (101) и, наконецъ, „вѣрная интерпретація“ (147) не могутъ быть, собственно говоря, названы похвалами.

Что касается *ошибокъ* или *опечатокъ*, то нами замѣчены слѣдующія: стр. 163 строка 2 снизу слѣдуетъ читать τοῖς δὲ Δράκοντος ἑσποῖς (вм. νόμος). Стр. 202 строка 1 сверху онъ приписываетъ Цидиму совершенно ложное мнѣніе (объ этомъ еще рѣчь впереди). Стр. 337 прим. 1 читай: Негмавл Gr. Alt. I 2° p. 478 (вм. 678). Стр. 63 прим. 5 читай: IV p. 278 n. 10 (вм. 8). Ibid. прим. 4 читай: Sitzb. d. mün. Akad. 1889 II (вм. I). Стр. 151 прим. 2 читай: Aristot. 'Αθ. πολ. 3 (вм. 59). Наконецъ еще 3 невѣрныхъ цитаты изъ Гомера: стр. 120 прим. читай: μ 439 (вм. M), стр. 127 прим. 1 читай: I 648 (вм. ι) и тамъ же прим. 2 читай: ε 270 (вм. I).

Методъ цитирования, котораго держится нашъ авторъ, чрезвычайно странный. Онъ преимущественно цитуетъ древнихъ авторовъ, новѣйшая же литература (за нѣкоторыми лишь исключеніями) тѣмъ приводится только тамъ, гдѣ онъ съ нею полемизируетъ, при этомъ нельзя не отмѣтить, что доводы и возраженія его постоянно заимствуются изъ чужихъ, часто не упомянутыхъ сочиненій. Поэтому читателю все кажется, что доводы принадлежать автору — и въ этомъ заблужденіи его поддерживаютъ неоднократно встрѣчающіяся выраженія „мнѣ кажется“, — между тѣмъ какъ число собственныхъ дово-

довъ автора можно высчитать по пальцамъ. Иногда, правда, и онъ цитуетъ литературу тамъ, гдѣ не вступаетъ въ полемику; однако выборъ его въ такихъ случаяхъ нельзя не назвать тривіальнымъ. Методъ притворнаго пренебреженія новѣйшей литературой и рѣдкихъ цитатъ, конечно, заимствованъ авторомъ у Вилламовица, Белоха и др. Однако *si duo faciunt idem, non est idem*. У названныхъ авторовъ каждая цитата дѣйствительно вполнѣ мотивирована, у г. Санктиса же, какъ мы уже упомянули, весьма часто никакихъ серьезныхъ мотивовъ найти нельзя. Къ чему, напримѣръ, на стр. 126 прим. 4 авторъ, говоря о метэкахъ, цитуетъ статьи Шенкля, Тумзера, Вилламовица и Клерка, которыя повторяются во всѣхъ руководствахъ и хорошо извѣстны даже любому студенту? Такая же цитата находится, напримѣръ, на стр. 117 прим. 2, гдѣ авторъ, говоря о колакретахъ, цитуетъ статью Ланге. Такія элементарныя цитаты никакъ не совмѣщаются съ выше-изложеннымъ общимъ характеромъ его цитатъ. Въ большинствѣ случаевъ у него встрѣчаются такого рода выраженія: „это мнѣніе одобряется многими безъ малѣйшаго разбора“ (151), или „нѣкоторые новѣйшіе ученые полагають“ (181), или „удивительно, что эта теорія все еще находитъ защитниковъ“ (231), или „не слѣдуетъ смѣшивать эти двѣ традиціи, какъ это обыкновенно дѣлается“ (308), или „обыкновенно полагають, что“ и т. д. Тутъ для читателя важно узнать, кто именно эти *molti, moderni, difensori etc.*, однако здѣсь авторъ никакихъ именъ не называетъ. Послѣ такого выраженія обыкновенно слѣдуетъ опроверженіе оспариваемаго мнѣнія, опять безъ малѣйшей цитаты. Однако, чтобы не быть голословными, мы совершенно наугадъ открыли книгу въ 4-хъ мѣстахъ и приведемъ такія мѣста, нисколько, конечно, не утверждая, что это какъ разъ наилучшіе примѣры. Ср. стр. 322 прим. 2 съ Бузольтомъ II² стр. 418 прим. и приведенной тамъ же литературой; стр. 299 текстъ къ прим. 4 съ Бузольтомъ I. с. 328 прим. 1; стр. 254 сл. съ Белохомъ в Э. Мейеромъ; стр. 247 съ Бузольтомъ I. с. 282 прим. 5 и 286 прим. 1. Не лишнимъ считаемъ также замѣтить, что читателей можетъ иногда ввести въ заблужденіе и выборъ цитатъ. Такъ, напримѣръ, на стр. 17 онъ говоритъ о „новѣйшей гипотезѣ, что іоняне пришли черезъ море изъ азіатской Іоніи“ и въ прим. цитуетъ: „ср. объ этомъ Curtius Hermes XXV (1890)“; изъ этого примѣчанія читатель не можетъ не заключить, что эта *ipotesi moderna* существуетъ только съ 1890 года, между тѣмъ какъ эта гипотеза Курциусомъ¹⁾ была впер-

¹⁾ Ср. *E. Curtius, Die Ionier vor der ionischen Wanderung, Berlin 1855.*

вые изложена въ 1855 г. Въ заключеніе укажемъ еще на три курьезныя цитаты. На стр. 317 авторъ, говоря объ Армодіѣ и Аристокитѣ, вдругъ превращается въ словоохотливаго повѣствователя и рассказываетъ въ прим. 3, что статуя этихъ убійцъ сначала были изваяны Антеноромъ, а затѣмъ были замѣнены другими, сдѣланными Критіемъ и Незіотомъ, что одна репродукція, какъ извѣстно, находится въ Неаполитанскомъ музеѣ, что всѣ цитаты, относящіяся къ этимъ статуямъ и другимъ почестямъ можно найти у Бузольта и Pauly-Wiswowa, и затѣмъ продолжаетъ: „ср. относительно статуй тиранноубійцъ превосходную статью G. Patroni въ Atti d. R. Acc. di Napoli XIX (1895) pot. 2°. Къ чему все это!—Настр. 257 авторъ, который обыкновенно такъ скупъ на цитаты, говоря о притворномъ сумашествіи Солона, цитуетъ только Piccolomini *La simulata pazzia di Solone e l'elegia Σαλαπίς* въ журналѣ Museo ital. II (1888)!—Наконецъ, отиѣтимъ еще третій курьезъ. На стр. 140 прим. 2 онъ пишетъ: „это мнѣніе повидимому встрѣчается уже у Hüllmann'a Staatsrecht des Alterthums (1820).. Однако, мнѣ невозможно воспользоваться этой книгой“. Эта удивительная добросовѣстность въ отношеніи къ такому старому писателю, какъ Hüllmann, тѣмъ болѣе поражаетъ насъ, что авторъ, во-первыхъ, какъ мы уже видѣли, нисколько не заботится о *suum cuique*, а во-вторыхъ, такая цитата заставляетъ читателя думать, что авторъ воспользовался рѣшительно всею литературою, и удивляться этой необыкновенной эрудиціи; однако и этотъ второй моментъ, какъ мы сейчасъ увидимъ, весьма сомнительный.

Обратимся теперь къ вопросу, *дѣйствительно ли авторъ воспользовался всею литературою предмета*. Если вѣрить Рейнаку, то въ этомъ и сомнѣнія быть не можетъ, ибо онъ пишетъ 1. с.: „L'auteur connaît presque tout ce qui concerne son sujet (c'est à peine si quelques dissertations spéciales, comme l'étude de Hill dans la Numismatique Chronicle de 1897 sur la réforme monétaire de Solon et celle de Cichorius dans les Mélanges Lipsius sur le sens du nom Σουίται, lui ont échappé)“. Мы удивляемся, какъ это Рейнаку удалось удостовѣриться въ этомъ, ибо авторъ, какъ мы только что видѣли, чрезвычайно рѣдко и очень мало цитуетъ литературы, такъ что определенное заключеніе ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть выведено. Отказываясь поэтому отъ определеннаго отвѣта, мы укажемъ только на нѣкоторые недосмотры, которые впрочемъ бросились намъ въ глаза совершенно случайно; нисколько не сомнѣваемся, что при внимательномъ пересмотрѣ сочиненія число этихъ недосмотровъ

можно было бы значительно увеличить. Начнемъ съ упомянутыхъ Рейнакомъ зевгитовъ. Авторъ не только не воспользовался Цихориусомъ, но ему также совершенно неизвѣстно, что у насъ въ Россіи Штернъ подробно изслѣдовалъ данный вопросъ, и что у Шеффера и Бузескула ¹⁾ обстоятельно трактуются многіе вопросы, служащіе предметомъ изслѣдованій г. Санктиса. Авторъ незнаніемъ русскаго языка извиниться не можетъ, ибо 1) книги эти, конечно, въ Италіи ему были недоступны, однако онъ легко могъ ознакомиться съ ихъ содержаніемъ по приведеннымъ нами рецензіямъ; да и при томъ эти важныя сочиненія гораздо скорѣе заслуживали вышеупомянутаго замѣчанія: „однако, мнѣ невозможно воспользоваться этой книгой“, нежели устарѣлый Hüllmann, а 2) на стр. 272 прим. 4 мы читаемъ: „это мнѣніе было высказано Гершензономъ; я передалъ это мнѣніе противъ своего обыкновенія болѣе подробно потому, что статья эта напечатана въ Московскомъ Филологическомъ Обзорѣ и, по всей вѣроятности, не многимъ доступна“. Изъ этого мѣста совершенно ясно слѣдуетъ, что авторъ въ состояніи читать статьи, появившіяся на русскомъ языкѣ.—Далѣе, напримѣръ, автору осталась неизвѣстной монографія Арнима ²⁾, цѣликомъ посвященная Клеоену.—На стр. 241 прим. 2 онъ, говоря о жребіи, называетъ только Fustel de Coulanges'a и Heisterbergk'a, нисколько не подозрѣвая, что существуетъ хорошая монографія англичанина I. W. Headlam, Election by lot at Athens, Cambridge 1891.—На стр. 31 прим. 1 распространяясь о „fonte Epneasiano“, онъ цитуетъ, правда, нѣсколько новѣйшихъ статей, но обходитъ молчаніемъ статьи и возраженія Dörpfeld'a и Belger'a въ Berl. philol. Woch. ³⁾.—На стр. 23 сл. онъ сообщаетъ ложное мнѣніе о кеосскихъ оікохъ и ссылается при этомъ на Halbbegg'a (Athen. Mitth. IX 1884), ни словомъ не упоминая о томъ, что это мнѣніе въ 1892 г. нами было опровергнуто ⁴⁾.

¹⁾ См. *Э. Штернъ*, Солоны и дѣленіе аттическаго гражданскаго населенія на имущественные классы (Характерика. Сборникъ статей въ честь Ф. Е. Корша, Москва 1896, стр. 69—99. Ср. нашу рец. въ Berl. phil. Woch. 1897 № 52, стр. 1612 сл.); *В. Шефферъ*, Афинское гражданство и народное собраніе, I Москва 1891 (ср. нашу рец. ibid. 1894 № 82—83 стр. 1017 сл. и рец. Лениуса, Woch. f. klass. Philol. 1894 № 45 и 46); *В. Бузескулъ*, Афинская политія Аристотеля, Харьковъ, 1895 (ср. рец. Шеффера, Berl. phil. Woch. 1896 стр. 967 сл.).

²⁾ *I. Arnim*, ad civitatis atticae historiam symbola, Rostock 1895—1896.

³⁾ *Belger*, Berl. Philol. Woch. 1895 стр. 829 сл. и 859 сл. *Dörpfeld*, ibid. 1896, стр. 123 сл. *Belger*, ibid. 1896, стр. 157 сл., 188 сл., 508 сл., 540 сл.

⁴⁾ Ср. *А. Фридикъ*, De Cei insulae rebus, 1892, стр. 59 сл. Объ этомъ вопросѣ ниже придется говорить подробнѣе.

Этимъ мы закончили разсмотрѣніе нѣкоторыхъ особенностей и погрѣшностей болѣе общаго характера. Переходя теперь къ *детальному разбору сочиненія* г. Санктиса, мы обращаемъ вниманіе читателей 1) на то, что при обширности матеріала мы, конечно, должны были ограничиться нѣкоторыми выбранными нами мѣстами, а 2) на то, что для ббльшаго удобства пользующихся сочиненіемъ г. Санктиса, мѣста эти приведены нами по порядку страницъ.

Начнемъ со стр. 16 сл., гдѣ авторомъ высказывается цѣлый рядъ ошибочныхъ мнѣній. Такъ, напримѣръ, онъ пишетъ: „Іоняне въ Малой Азіи всегда считали себя колонистами, пришедшими изъ Аттики“, что не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Не станемъ, однако, подробно опровергать этого мнѣнія, такъ какъ весь этотъ вопросъ о мнимой аеинской колонизаціи Іоніи обстоятельно изслѣдовавъ Шефферомъ и нами ¹⁾. Укажемъ поэтому только на нѣсколько соображеній. Древнѣйшіе писатели объ этомъ ничего не сообщаютъ, если же Геродотъ такъ часто повторяетъ стереотипную фразу „Ιωνας ἀπο Ἀθηνῶν“ ²⁾, то такимъ же повтореніемъ самъ обнаруживаетъ, что это мнѣніе ни въ какомъ случаѣ не могло считаться общераспространеннымъ. Наконецъ, Гомеру объ этомъ ничего не извѣстно. Авторъ, правда, имѣетъ довольно смутныя представленія о Гомерѣ, ибо на стр. 33 онъ говоритъ: „Соединеніе Аттики (т. е. соединеніе отдѣльныхъ аттическихъ общинъ въ одно аеинское государство) относится ко временамъ весьма отдаленнымъ. Гомеръ никогда не говоритъ ни о марафонцахъ, ни объ афиднейцахъ, а только объ аеинянахъ. Это ясно показываетъ, какую важную роль играли Аеины уже въ то время, когда были составлены тѣ пѣсни Иліады, въ которыхъ говорится объ Аеинахъ и аеинянахъ. Въ Телемахіи Суинѣ называется Аеинскимъ мысомъ, изъ чего ясно слѣдуетъ, что крайній югъ Аттики былъ уже присоединенъ къ аеинскому государству“. Sapienti sat. Здѣсь не мѣсто распространяться о гомеровскомъ вопросѣ, объ аттическихъ интерполяціяхъ и о весьма позднемъ происхожденіи этихъ интерполяцій. Аеинскія же интерполяціи, конечно, никакой доказательной силы не имѣютъ. Эта „opinione comune (?) dell' antichità classica“, значить, больше ничего, какъ аттическая традиція весьма поодиногу происхожденія. „Въ началѣ VI вѣка, говоритъ совершенно вѣрно Шефферъ (стр. 240), Іонія находилась на высшей степени процвѣ-

¹⁾ См. Шефферъ I. с., стр. 235 сл.; А. Придикъ I. с., стр. 14 сл. и 177.

²⁾ См. Придикъ I. с. и Herod. I 147, VIII 46, 48 etc.

тавия... Столѣтіе спустя обстоятельства вполне измѣнились... естественно было, что тѣсными и удручаемые врагами іонійцы обращали свои взоры и надежды къ могущественной единоплеменницѣ и что по обще-эллиническому обычаю свои права на желаемую помощь и защиту они старались обосновать на легендарныхъ связяхъ старины. И аеяннине... не только приняли для своего города титулъ метрополіи всей Іоніи, но и оправдали его на дѣлѣ“. Такъ все объясняется совершенно просто и естественно. Савктисъ, правда, ссылается на Солонъ: „Солонъ называетъ Аттику древнѣйшей страной Іоніи“¹⁾, однако, изъ этого ровно ничего не слѣдуетъ, такъ какъ 1) Солонъ аеяннинъ и стихи, стало быть, также написаны in malogest Atheniensium gloriam, а 2) Тепфферъ совершенно вѣрно обратилъ вниманіе на 9 frg. Mimmnerg'a, гдѣ колофонецъ Мимнермъ сообщаетъ, что предки его явились въ Іонію изъ Пилоса²⁾. Между тѣмъ какъ Геродотъ (I 147) колофонійцевъ также причисляетъ къ Ἴωνες ἀπ' Ἀθηνῶν, Мимнерму, современнику Солонъ, объ этомъ ничего не извѣстно: „значить, говоритъ Шефферъ, за столѣтіе до персидскихъ войнъ въ Іоніи еще не подозрѣвали своего аттического происхожденія“.

Далѣе на стр. 23 сл. мы читаемъ: „Точно также какъ апатурія были праздникомъ, въ который собирались отцы, такъ и синоікин первоначально были праздникомъ, на который собирались такъ называемые οἶκος, при чемъ я подъ этимъ словомъ разумѣю семейства и цѣлыя группы семействъ; въ этомъ смыслѣ слово это сохранилось на островѣ Кеосѣ, а нѣкоторые слѣды этого значенія сохранились и въ Атикѣ въ такъ называемомъ οἶκος Δεχελαιῶν, упомянутомъ въ надписи, содержащей постановленія сестры Демотіонидовъ“. Въ этомъ предложеніи также много ошибокъ. Такъ, напримѣръ, авторъ ссылается на кеосскую надпись, нисколько не подозрѣвая, что мнѣніе Halbherr'a нами (I. с. стр. 59 — 65, 67) было опровергнуто и при этомъ доказано, что οἶκος ни въ какомъ случаѣ не можетъ означать семейство или родъ, ибо помимо разныхъ другихъ упомянутыхъ нами причинъ этому противорѣчить уже единственное мѣсто³⁾, гдѣ упоминается о кеос-

1) Ср. Aristot. Ἄθ. пол. 5, 2: πρεσβυτάτην ἑσορῶν γαῖαν Ἰωνίας.

2) Ср. также. Visoli, Gr. Geschichte, I^o Gotha 1893, стр. 310.

3) См. Придикъ, I. с. п. 16, v. 11 sq. прим. 2: εἶναι δὲ αὐτὸν πολίτην τῆς πόλεως τῆς Κερδαίων καὶ τοὺς ἐκγότους αὐτοῦ μετέχοντας πάντων ὧν καὶ οἱ ἄλλοι πολῖται καὶ φύλῃς τῆς ἀν βούλωνται καὶ οἴκο[υ].. (и да будетъ онъ гражданиномъ города Кероен, а вмѣстѣ съ нимъ и его потомки, и пусть они пользуются всѣми правами, какъ

скихъ „οἶκος“. Вновь принятые граждане зачислялись въ филы, демы и фратрія, но ни въ какомъ случаѣ не въ роды или семейства: само собою разумѣется, что государство такого права даровать не могло. Авторъ далѣе ссылается на οἶκος Δαχελαιῶν, о которомъ онъ подробнѣе высказывается на стр. 69 сл. „Въ числѣ тѣхъ фратрій Демогонидовъ занималъ перпенствующее мѣсто такъ называемый οἶκος Δαχελαιῶν. Подъ этимъ выраженіемъ, очевидно, слѣдуетъ разумѣть группу семей, соединенныхъ узами мнимой общности происхожденія. Однако, то обстоятельство, что эта группа называется οἶκος, а не γένος, указываетъ на то, что здѣсь не говорится объ зватриадахъ, другими словами, этотъ⁴ οἶκος Δαχελαιῶν не есть древній дворянскій родъ, а только плебейскій родъ. И тутъ авторомъ все перемѣшано¹⁾. Что не только роды зватриадовъ (γένη) каждый въ отдѣльности составляли союзы родичей, но и мѣщанскія семейства образовали религіозные союзы (θίαιαι), и что члены первыхъ назывались „γεννηταί“, а послѣднихъ „θιαῶται или ὀρυσῶνες“, хорошо извѣстно, но чтобы οἶκος означало то же самое, что и θιαῶται и ὀρυσῶνες, чтобы всѣ эти 3 выраженія, стало быть, были тождественны, совершенно невѣроятно. Оба доказательства, на которыхъ основывается мнѣніе автора о синойкіяхъ, значитъ, неосновательны. Однако, мнѣніе это уже само по себѣ невозможное. Авторъ (I. с. стр. 28) старается опровергнуть свидѣтельство Thuc. II 15 („доказательство, на которомъ основывалось мнѣніе Фукидида относительно образованія Аѳинскаго государства, было ничто иное, какъ праздникъ синойкій, который праздновался ежегодно въ честь богини Аѳины“), указывая на то, что по его мнѣнію апатурія праздникъ родичей, а синойкія праздникъ мѣщанъ, что въ этомъ именно и состоитъ разница между этими двумя праздниками и что во всемъ остальномъ они тождественны. Однако, это совершенно невѣрно. Фукидидъ, правда, о древнихъ Аѳинахъ и въ частности о синойкіяхъ точныхъ свѣдѣній получить не могъ, но онъ, говоря „ταχέριον δὲ κτλ.“, нисколько не отрицаетъ, что все, что онъ сообщаетъ, больше ничего, какъ его собственныя заключенія, выведенныя имъ изъ праздника „Συνοίχια“ и мѣстоположенія святилищъ. Однако, здѣсь нужно строго различать два момента: Фукидидъ могъ ошибиться въ заключеніяхъ, выведен-

и остальные граждане, и выберутъ по собственному желанію филу и οἶκος). О значеніи слова οἶκος; см. I. с. стр. 69 сл.

¹⁾ Объ этомъ декретѣ Демогонидовъ намъ придется еще подробнѣе говорить ниже при разборѣ стр. 67 сл.

ныхъ имъ изъ мѣстоположенія святилищъ, но изъ этого обстоятельства вѣдь еще ничуть не слѣдуетъ, что заключенія, выпеденныя изъ синоийки, также невѣрны. Фукидидъ говоритъ: „καὶ συνοικία ἐξ ἑκαινοῦ Ἀθηναῖοι ἐτι καὶ νῦν τῇ θεῷ ἑορτὴν δημότελῃ ποιοῦσι“. Тутъ, очевидно, каждое слово говоритъ противъ Санктиаса. У Фукидида мы читаемъ Ἀθηναῖοι, значить, всѣ аѳеняне, а не только одни мѣщане; τῇ θεῷ значить Аѳенѣ, а не богамъ-покровителямъ братрїи или важнѣйшему изъ нихъ „Ζεὺς Φράτριος“; ἑορτὴν δημότελῃ значить на казенный счетъ, а не на счетъ отдѣльныхъ θιάσων; наконецъ, еще ἐτι καὶ νῦν (!) значить еще во времена самого Фукидида. Кому же, спрашивается, лучше судить объ этомъ, Санктиасу въ XIX столѣтїи или Фукидиду, который самъ участвовалъ въ празднованїи этихъ Συνοικία. Характеръ этого праздника непременно долженъ былъ быть такой, что подобное заключенїе было возможно. Еслибъ синоийки были простой мѣщанскїй семейный праздникъ, то это не могло не быть извѣстнымъ Фукидиду: онъ обязательно упомянулъ бы объ этомъ и не сообщилъ бы столько деталей, которыя нисколько не согласуются съ тѣмъ, что намъ извѣстно о тїазахъ. Въ добавокъ въ Schol. ad Aristoph. Eir. v. 1019 сообщается, что: „φραὶ γάρ τῃ τῶν συνοικησίων ἑορτῇ θυσίαν τελεῖσθαι Εἰρήνην, т.-е. „сообщаютъ, что въ праздникъ синоийки совершается жертва богинѣ Иренѣ“, Ирена же, конечно, ничего общаго съ этими тїазами не имѣетъ. Итакъ относительно этого толкованїя г. Санктиаса нельзя не употребить его собственныхъ словъ: „онъ совершенно превратно понялъ это вполнѣ ясное мѣсто“.

Довольно странное, но очень характерное для г. Санктиаса мѣсто находится на стр. 63. Онъ пишетъ: „надпись, содержащая постановленїя братрїи Демотионидовъ, ясно показываетъ, что братрїя не дѣлалась на генетовъ и оргеоновъ, а на тїазы. Однако это только мнимая разница, такъ какъ тїазоты и оргеоны совершенно тождественны. Обыкновенно желающіе доказать противное ссылаются на законъ, приписываемый Солону: ἐὰν δὲ δῆμος ἢ φράτορες ἢ ἱερῶν ὀργίων ἢ ναῦται ἢ οὐνοποῖοι ἢ ὀμόταροι ἢ θιασῶται ἢ ἐπὶ λαῖαν οἰχόμενοι ἢ εἰς ἐμπορίαν ἐτι ἂν τούτων (τινὲς) διαθῶνται πρὸς ἀλλήλους κύριον εἶναι ἐὰν μὴ ἀπαγορεύῃ δημοσία γράμματα¹⁾. Не подлежитъ никакому сомнѣнїю, что начало этого текста, точнѣе то мѣсто, гдѣ говорится объ оргеонахъ,

¹⁾ Въ прим. онъ цитуетъ: „Dig. 47, 22, 4. Cfr. Wilamowitz Phil. Untersuchungen IV p. 278 n. 10“ (такъ надо писать въ п. 3, какъ ошибочно напечатано у г. Санктиаса).

совершенно очевидно испорчено. Были предложены многіе способы возстановленія этого мѣста. Я полагаю, что здѣсь слѣдуетъ примѣнить простую перестановку словъ: εὐν δὲ δῆμος ἢ φράτορες ἢ σύννοτοι ἢ ὀμόταφοι ἢ διασῶται ἱερῶν ὀργίων ἢ ναῦται ἐπὶ λαίαν οὐχόμανοι ἢ εἰς ἐμπορίαν. Такимъ образомъ этотъ Солоновскій законъ подтверждаетъ, повидимому, тождественность тизотовъ и оргеоновъ¹. Такъ какъ это мѣсто отлично характеризуетъ автора, то намъ придется подвергнуть его внимательному обсужденію. Авторъ пишетъ: „Si vuole addurre“, кто— конечно, опять не говорится, и это звучитъ такъ, какъ будто бы всё это говорили. Мы просмотрѣли важнѣйшія сочиненія, и чтожь оказалось? Bunsen, Gilbert, R. Schöll, Lipsius, Törpffer и др. всё того мнѣнія, что между тизотами и оргеонами никакой нѣтъ разницы. Иначе объ этомъ судить Thunser у Hermann'a Gr. Staatsalt.⁶ стр. 320 сл., однако онъ ничуть не смысляетъ на дигесты. Авторъ цитуетъ Виламовица, однако тотъ I. с. цитуетъ дигесты по совершенно другому поводу и ни слова не говоритъ объ этомъ тождествѣ. Это „si vuole“, стало быть, ни на чемъ не основано. Затѣмъ слѣдуетъ цитата изъ дигестъ съ упомянутымъ примѣчаніемъ. На этой цитатѣ нельзя не остановиться, такъ какъ она въ такомъ видѣ, въ какомъ она приводится авторомъ, не встрѣчается ни въ дигестахъ, ни у Виламовица, ибо форму ἀκατορεύου противъ чтенія всѣхъ рукописей (codd. ἀκατορεύου) онъ замѣстивалъ у Виламовица, равно какъ и добавленіе τινός, которое Виламовиць впрочемъ поставилъ послѣ διασῶνται; въ началѣ цитаты Виламовиць напротивъ читаетъ: φράτορες ἢ ὀργεῶνας ἢ ναυεταί. Изъ этой сѣбси читатель, слѣдовательно, не въ состояніи угадать, что говорится въ дигестахъ и что у Виламовица. Далѣе авторъ обращаетъ вниманіе на то, что мѣсто, гдѣ говорится объ оргеонахъ, испорчено: о томъ, что ναῦται также всѣми считается испорченнымъ, что вообще этотъ законъ въ такомъ видѣ, въ какомъ онъ сохранился, не можетъ быть приписанъ Солону¹), объ этомъ онъ ни слова не говоритъ, мало того, онъ просто пишетъ: la legge soloniana. Авторъ могъ не вѣрить Шеллу и Виламовицу, но въ такомъ случаѣ онъ былъ обязанъ сообщить читателямъ, въ силу какихъ доводовъ онъ отвергаетъ это, очевидно, вѣрное мнѣніе. Затѣмъ опять слѣдуетъ пустая фраза: si son tentati vari modo di sanarlo. Для кого, спраши-

¹) Ср. Wilamowitz, I. с., R. Schill, Sitzber. d. Münchener Akad., 1889 г. II стр. 15, прик. 1.

вается, предназначены эти слова? Специалистамъ это безъ того уже извѣстно, поэтому (если ему не хотѣлось назвать конъектуръ другихъ ученыхъ) онъ могъ совершенно пропустить эту фразу и сейчасъ же привести свое собственное мнѣніе; что же касается всѣхъ остальныхъ читателей, то такая пустая фраза имъ ровно ничего не поможетъ, для нихъ было бы гораздо интереснѣе узнать, какъ объ этомъ спорномъ мѣстѣ судять выдающіеся ученые. Авторъ однако совершенно другого мнѣнія, — онъ полагаетъ, что ларчикъ просто открывается: стоитъ только воспользоваться „простою перестановкой словъ (una semplice trasposizione)“. Не говоря уже о томъ, что перестановка словъ почти что никогда не можетъ быть названа „semplice“, посмотримъ, насколько же она въ дѣйствительности *semplice*? Онъ пропускаетъ η $\epsilon\rho\omega\nu$ $\delta\rho\upsilon\iota\omega\nu$ η $\nu\alpha\upsilon\tau\alpha\iota$ и вставляетъ ихъ ниже послѣ $\theta\iota\alpha\sigma\omega\tau\alpha\iota$. Развѣ это *semplice*? Какъ объяснить возникновеніе этой путаницы? И наконецъ: неужели отъ этой странной перестановки получается хорошій смыслъ? Онъ создаетъ новое выраженіе „ $\theta\iota\alpha\sigma\omega\tau\alpha\iota$ $\epsilon\rho\omega\nu$ $\delta\rho\upsilon\iota\omega\nu$ “ и полагаетъ, что оно равняется слову „ $\delta\rho\upsilon\epsilon\omega\nu\epsilon\varsigma$ “; онъ уничтожаетъ естественную тѣсную связь между оргеонами и фраторами; онъ также не упоминаетъ о геппетахъ, которыхъ онъ самъ вѣдь также противоблагаетъ оргеонамъ; онъ вводитъ совершенно новую категорию: „ η $\nu\alpha\upsilon\tau\alpha\iota$ $\epsilon\pi\iota$ $\lambda\epsilon\iota\alpha\nu$ $\alpha\iota\chi\acute{\alpha}\mu\epsilon\nu\alpha\iota$ η $\epsilon\iota\varsigma$ $\epsilon\mu\pi\omicron\rho\iota\alpha\nu$ “! Эта послѣдняя конъектура уже просто забавна. Кто это такіе „ $\nu\alpha\upsilon\tau\alpha\iota$ $\epsilon\pi\iota$ $\lambda\epsilon\iota\alpha\nu$ $\alpha\iota\chi\acute{\alpha}\mu\epsilon\nu\alpha\iota$ “? Морскіе разбойники, пираты?! Почему они ставятся впереди, а затѣмъ только слѣдуютъ $\nu\alpha\upsilon\tau\alpha\iota$ $\epsilon\iota\varsigma$ $\epsilon\mu\pi\omicron\rho\iota\alpha\nu$? Какое это странное различеніе: $\nu\alpha\upsilon\tau\alpha\iota$ — пираты и $\nu\alpha\upsilon\tau\alpha\iota$ — купцы? Авторъ поступилъ бы гораздо правильнѣе, еслибы одобрилъ старую конъектуру: η $\delta\rho\upsilon\epsilon\omega\nu\epsilon\varsigma$ η $\gamma\alpha\nu\eta\tau\alpha\iota$ (см. $\epsilon\rho\omega\nu$ $\delta\rho\upsilon\iota\omega\nu$ η $\nu\alpha\upsilon\tau\alpha\iota$), тогда сопоставленіе: $\phi\rho\alpha\tau\omicron\rho\epsilon\varsigma$, $\delta\rho\upsilon\epsilon\omega\nu\epsilon\varsigma$, $\gamma\alpha\nu\eta\tau\alpha\iota$ и тл. было бы совершенно вѣрное. Но самое лучшее еще впереди. Авторъ такъ убѣжденъ въ правильности этой перестановки, что продолжаетъ: *a questo modo la legge soloniana (?) sembra confermare l'identità del $\theta\iota\alpha\sigma\omega\tau\alpha\iota$ e degli $\alpha\iota\chi\acute{\alpha}\mu\epsilon\nu\alpha\iota$* . Чтобы имѣть доказательство, онъ самъ создалъ таковое, а затѣмъ ссылается на это доказательство! Однако, это нисколько ему не помогаетъ, ибо наука такихъ доказательствъ не признаетъ.

Неудовлетворительно, поверхностно и полно ошибокъ также изложеніе постановленій фратри Демотіонидонъ на стр. 67 сл. Такъ какъ намъ скоро въ другомъ мѣстѣ придется подробнѣе говорить о всѣхъ этихъ вопросахъ, то здѣсь мы ограничимся нѣкоторыми деталями. Не лишнимъ, впрочемъ, считаемъ указать на то, что авторъ псецѣло

зависитъ отъ Липсіуса ¹⁾; въ одномъ только случаѣ онъ старается и отъ себя прибавить новое мнѣніе, однако объ этой коньектурѣ рѣчь еще впереди.

Начнемъ съ *χοῦραίων* и *μεῖον*, относительно которыхъ онъ пишетъ: „Questa presentazione (sc. dei figli maschi legittime) accompagnata dall' offerta di un sacrificio detto *χοῦραίων* accade il terzo giorno della festa delle Apaturie, che perciò vien chiamato *χορεῶτις*; ordinariamente si fa nel primo anno d'età del bambino, ma può anche essere rimandata (при этомъ онъ ссылается на слова: τῷ κρῶτῳ ἔται ἤ ᾤ ἂν τὸ χοῦραίων ἄγγ); ad ogni modo deve farsi prima che l'iscrizione nella lista del demo.... Le figlie poi vengono presentate alla fratria offrendo un sacrificio detto *μεῖον*“. Авторъ, стало быть, того мнѣнія, что *χοῦραίων* относится къ мальчикамъ, а *μεῖον* къ дѣвочкамъ, и что представленіе мальчиковъ могло производиться въ любое время, но во всякомъ случаѣ до внесенія ихъ въ списки демоновъ. Въ этихъ положеніяхъ нѣтъ ни одного вѣрнаго пункта.

Авторъ, во-первыхъ, съ увѣренностью утверждаетъ, что *μεῖον* относится къ дѣвочкамъ, какъ будто-бы это не подлежало никакому сомнѣнію. Онъ ссылается на постановленія Демотіонидовъ, полагаясь при этомъ совершенно на Липсіуса. Что *μεῖον* и *χοῦραίων* ни въ какомъ случаѣ не тождественны, это послѣ открытія надписи, содержащей постановленія фратрין Демотіонидовъ, не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, ибо В v. 2 sq. говорится *ἄγγιν τὰ μεῖα καὶ τὰ χοῦρα* и А v. 53 также вѣрно дополнено *ἄγγιν τὰ μεῖα καὶ τὰ χοῦρα*], и наконецъ, въ началѣ надписи они также строго различаются: *ἰερῶσυνα τῷ ἰεραὶ δίδονται τὰδε ἀπὸ τοῦ μεῖου... ἀπὸ τοῦ χορεῖου...* О тождественности, значитъ, и рѣчь быть не можетъ. Но на какомъ основаніи Липсіусъ изъ этого выводитъ слѣдующее заключеніе (стр. 165): „Zugleich aber folgt, dass das *χοῦραίων* bei der Einführung von Knaben, das *μεῖον* also (? sic!) bei der Einführung von Mädchen dargebracht wurde“? Намъ этотъ выводъ неполятенъ; развѣ онъ единственно возможный, и неужели

¹⁾ См. *Lipsius*, *Leipziger Studien*, XVI томъ, 1894 г., стр. 169 сл., ср. также у г. Санктиса прил. 2-а на стр. 67, гдѣ онъ пишетъ: „La interpretazione migliore è data dal Lipsius. Ho creduto di dovermi allontanare completamente da Wilamowitz Aristoteles und Athen II. 259 vegg.“ Даже и это примѣчаніе заимствовано у Липсіуса, который на стр. 161 говоритъ: „die späteren Behandlungen gehen vielfach in die Irre, nicht am wenigsten die jüngste Erklärung von Wilamowitz-Möllendorff (Aristoteles und Athen II S. 259 ff.), die aus unrichtigen Praemissen weittragende Folgerungen ableitet“.

онъ не нуждается въ доказательствахъ? По нашему мнѣнію этотъ выводъ превратенъ, и такая интерпретація совершенно невозможна, ибо: 1) уже само по себѣ было бы странно, что вездѣ говорится τὰ μᾶτα καὶ τὰ κοῦραια, что, стало быть, вездѣ сначала упоминались дѣвочки, а затѣмъ только мальчики, что совершенно несовѣстимо съ воззрѣніями древнихъ¹⁾; 2) въ нашей надписи нигдѣ ни слова не говорится о дѣвочкахъ, а совершенно естественно только о мальчикахъ, ср. A v. 18 sq. δε δ' ἂν δόξη μὴ ὦν φρατήρ εἰσαχθῆναι, ἐξαλειφάτω τὸ ὄνομα αὐτοῦ; A v. 22 τὸν ἀποδικασθέντα; B v. 51 sq. μαρτυρῶ δὲ εἰσαγεῖ ἑαυτῷ οἶόν εἶναι τοῦτον γυνήσιον; говорится, значить, только о мальчикахъ, слѣдовательно и μᾶτα и κοῦραια непремѣнно должны относиться исключительно къ мальчикамъ, какъ вѣрно было уже замѣчено, напримѣръ, Тумзеромъ; 3) позволяемъ себѣ обратить вниманіе читателя еще на одинъ важный моментъ: еслибъ μᾶτον относилось къ дѣвочкамъ, а κοῦραιον къ мальчикамъ, какъ же тогда объяснить, что въ надписи A v. 26 sq. говорится τῆν δὲ διαδικασίαν τὸ λοιπὸν εἶναι τῷ ὑστερῷ ἔται ἢ ᾧ ἂν τὸ κοῦραιον θύσῃ, и B v. 60 ἀπογράφεσθαι τῷ πρώτῳ ἔται ἢ ᾧ ἂν τὸ κοῦραιον ἄγῃ τὸ ὄνομα κτλ., значить, тамъ, гдѣ говорится о діадикази, дѣвочки совсѣмъ не упоминаются? Нѣтъ, эта интерпретація совершенно невѣрная, изъ постановленій фратріи Демотіонидовъ, напротивъ, совершенно ясно слѣдуетъ, что μᾶτον ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть отнесено къ дѣвочкамъ.

Если же какъ κοῦραιον, такъ и μᾶτον относятся къ мальчикамъ, и

¹⁾ При этомъ случаѣ позволяемъ себѣ замѣтить, что большая часть настоящей рецензіи (между прочимъ все, что относится къ Демотіонидамъ) была нами написана начерно уже въ декабрѣ мѣсяцѣ 1899 года и въ декабрѣ же эти соображенія о Демотіонидѣхъ были сообщены нами дорогому коллегѣ А. В. Никитскому, такъ какъ послѣдній въ своей статьѣ о дельфійскихъ Давидахъ не только изслѣдуетъ аналогичныя постановленія, но и прямо смысляется на нашу надпись. Между тѣмъ въ текущемъ году появились двѣ книги, въ которыхъ также говорится о Демотіонидѣхъ, а именно: 1) *G. Dittenberger, Syllogz inscr. Graec. II³ Lipsiae 1900. n. 439, стр. 37—45.* Изъ комментарія Диттенбергера мы, впрочемъ, кромѣ одного (да и то, повидимому, не совсѣмъ новаго) пункта новаго ничего не узнали; объ указанномъ пунктѣ рѣчь еще впереди. 2) Въ „*Mittheilungen von B. G. Teubner*“ 1900, въ № 1, надписиомъ одновременно съ Диттенбергеромъ въ февралѣ с. г., мы прочли на стр. 10 извѣстіе о томъ, что въ *Fleck. Jahrb. Suppl. XXV, tetr. 3, стр. 861—866* появилась статья *Dr. a O. Müller „Untersuchungen zur Geschichte des attischen Bürger- und Eherechts“.* Мы очень обрадовались, что Миллеръ, говоря на стр. 757 сл. также о нашей надписи, во многихъ отношеніяхъ пришелъ къ тѣмъ же результатамъ, какъ и мы. Однако мы не сочли нужнымъ передѣлывать или сокращать свою статью.

при томъ она ничуть не тождественны, какъ явствуетъ изъ нашей надписи, то спрашивается, въ чемъ же состояла разница между ними? Келеръ, Заунпе, Р. Шелль, Тумзеръ, Бузольтъ, Тенфферъ, Виамолицъ и др. понимаютъ эту разницу такъ, какъ она отлично формулирована у Заунпе (*de phratris atticis*, II, Göttingen 1890, стр. 10): „satis comprobatum esse censeo pueros pariter atque puellas minoribus hostiis oblatis receptos esse, deinde vero pueros, cum pubescerent, denuo ad phraterum sacra venisse et cum comis suis hostias maiores Jovi obtulisse, puellas, cum fere matrimonio iuncto in aliam phratriam vel in aliam certe manum transirent, phratris paternae non iam curae fuisse“. Это мнѣніе, которое подтверждается Поллуксомъ (VIII 107)¹⁾: φράτορας εἰς τοῦτους τοὺς τε κόρους καὶ τὰς κόρας εἰσήγον καὶ εἰς ἡλικίαν προελθόντων ἐν τῇ καλουμένῃ κοροσώτιδι ἡμέρᾳ ὑπὲρ μὲν τῶν ἀρρέων τὸ κοροεῖον ἔθουον, ὑπὲρ δὲ τῶν θηλειῶν τὴν γαμηλίαν, было Липсіусомъ сначала одобрено, а затѣмъ энергично отвергнуто²⁾. Такъ какъ здѣсь не мѣсто для подробнаго опроверженія Липсіуса, то мы вкратцѣ приведемъ то, что намъ кажется вѣрнымъ.

Мы только что видѣли, что 1) μείον и κοροεῖον не тождественны, и 2) что и то и другое относится къ мальчикамъ. Если же это такъ, то изъ этого 3) неминуюемо слѣдуетъ, что обѣ жертвы ни въ какомъ случаѣ не приносились въ продолженіе одного и того же года. Уже само названіе μείον (менѣе важная жертва), далѣе разница между жертвенными сборами въ пользу жрецовъ (ιερωσυνα τῷ ἱερεὶ δίδοναι τὰδὲ ἀπὸ τοῦ μείου κωλῆν, πλευρόν, οὖς, ἀργυρίου III' ἀπὸ τοῦ κοροεῖου κωλῆν, πλευρόν, οὖς, ἐλατῆρα χαινικαῖον, οἶνου ἡμίχοον, ἀργυρίου I.), далѣе то обстоятельство, что μείον всегда ставится впереди (τὰ μεία καὶ τὰ κοροεῖα), затѣмъ двукратное отдѣльное упоминаніе жертвы κοροεῖον, и наконецъ и то обстоятельство, что третій день Апатуриѣ называется κοροσώπας—всѣ эти обстоятельства ясно показываютъ, что μείον менѣе важная жертва. Поэтому 4) совершенно ясно, что μείον называлась та жертва, которая приносилась въ ближайшія послѣ рожденія Апатурии; при этомъ само собою разумѣется, да и при томъ подтверждается вышеупомянутой цитатой изъ Поллукса, что μείον приноси-

¹⁾ Фраторы. Этими представлялись мальчики и дѣвочки, а при достиженіи возмужлости въ день называемый κοροσώτις при представленіи мальчиковъ приносилась жертва, называемая κοροεῖον, а при представленіи дѣвочки приносилась жертва, называемая γαμηλία⁴⁾.

²⁾ См. *Lipsius* у Meier-Schömann, *der attische Process*, Berlin, 1887, стр. 542, прим. 165, и въ *Leipziger Studien*, XVI 1894, стр. 163 сл.

лось безразлично при первом представленіи какъ мальчиковъ, такъ и дѣвочекъ. Далѣе, такъ какъ μεῖον приносилось въ первомъ году, а двѣ аналогичныя жертвы въ продолженіе одного и того же года совершенно немислимы, то 5) точно также совершенно ясно, что жертва κοῦραιον приносилась въ болѣе позднемъ году.

До сихъ поръ все ясно, да и не трудно доказать. На этомъ мы, собственно говоря, могли бы и остановиться, такъ какъ почти какъ математически доказавъ, что въ положеніяхъ Санктиса, занимающихъ у Липсиуса, нѣтъ ни одного вѣрнаго пункта. Однако было бы велекое ограничиться одной деструктивной критикой. Поэтому мы теперь вкратцѣ постараемся изложить свои личныя воззрѣнія.

Что μεῖον приносилось въ первомъ году, а κοῦραιον въ болѣе позднемъ, какъ мы видѣли, не подлежитъ никакому сомнѣнію. Теперь только начинаются трудности, ибо спрашивается: когда же именно приносилась жертва κοῦραιον? Нельзя ли точнѣе опредѣлить этотъ болѣе поздній годъ? Поллуксъ I, с. говоритъ: καὶ εἰς ἡλικίαν προσέθουσαν... ὑπὲρ μὲν τῶν ἀρρένων τὸ κοῦραιον ἔθουον, ὑπὲρ δὲ τῶν θηλειῶν τὴν γαρηλίαν. На основаніи этой цитаты вышеупомянутые ученые утверждаютъ, что κοῦραιον приносилось при представленіи возмужалыхъ юношей (cum rubescerent). Противники этого мнѣнія ссылаются на то, что Поллуксъ во второй части этой цитаты (ὑπὲρ δὲ τῶν θηλειῶν τὴν γαρηλίαν), очевидно, ошибся, такъ какъ γαρηλία приносилась не отцомъ, а мужемъ новобрачной, и ничего общаго съ введеніемъ дѣтей не имѣла. Однако такое заключеніе въ методическомъ отношеніи не допустимо, такъ какъ изъ неточности второй части этой цитаты еще нисколько не слѣдуетъ, что и первая часть непремѣнно превратна. Эту вторую часть при томъ не особенно трудно объяснить, ибо намъ кажется, что вто, повидимому, простая вставка либо самого Поллукса, либо одного изъ читателей, прибавленная, такъ сказать, въ скобкахъ. Что же касается дѣли, которую имѣлъ въ виду интерполяторъ, то и ее не трудно опредѣлить: въ первой части цитаты упоминаются мальчики и дѣвочки, во второй только юноши. Во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній, могущихъ возникнуть изъ этой недомолвки, интерполяторъ отъ себя прибавилъ, что κοῦραιον у дѣвицъ замѣщалось гамеліей, т.-е. новобрачная при вступленіи въ бракъ выбывала изъ отцовской фратріи и приписывалась къ фратріи своего мужа, который при этомъ случаѣ приносилъ жертву и давалъ пирушку. Цитата изъ Поллукса, слѣдовательно, ничуть не можетъ считаться подозрительной. Однако,

такъ какъ в первая часть этой цитаты (εἰς ἡλικίαν προελθόντων) оспаривается многими учеными, то постараемся теперь при помощи другихъ доводовъ доказать вѣрность и точность упомянутыхъ словъ Поллукса.

Этимологія слова κοῦρατον (κοῦρατον несомнѣнно нужно производить отъ κείραυ, κοῦρά = стричь, стрижка) подтверждаетъ наше вышеупомянутое заключеніе, что жертва эта приносилась въ богѣ позднѣмъ году, но нисколько не способствуетъ богѣ точному опредѣленію этого года.

Несравненно больше способствуютъ намъ къ достиженію желаемой цѣли слѣдующія соображенія. Если о годѣ рожденія, какъ мы только что видѣли, и рѣчи быть не можетъ, то можно было бы подумать о годѣ совершеннолѣтія, ибо двукратное представленіе было бы вполне немыслимо, еслибъ второе слѣдовало вскорѣ послѣ перваго и не было приурочено къ извѣстному возрасту. Такой произволь, о которомъ здѣсь думаетъ Сапктыя (*ordinariamente si fa nel primo anno d'età del bambino, ma può anche essere rimandata; ad ogni modo deve farsi prima che l'iscrizione nella lista del demo*), и опроверженія не стоятъ. Чтожъ касается до упомянутого „извѣстнаго возраста“, то Никитскій въ своей статьѣ о дельфійскихъ Лавиадахъ ¹⁾, говоря о даратахъ, совершенно вѣрно замѣчаетъ: „очевидно, здѣсь имѣется въ виду такой моментъ, наступленіе котораго можно напередъ рассчитать, приурочить къ извѣстному году, — это... вѣроятно моментъ или совершеннолѣтія, или извѣстнаго возраста индивидуума, когда послѣдній долженъ былъ представиться собравшимся на праздникъ Лавиадамъ съ цѣлью допущенія къ участию въ общемъ культѣ и общественныхъ дѣлахъ“. Однако о совершеннолѣтіи — въ Аеннахъ, по крайней мѣрѣ — тутъ думать нельзя. Въ Аеннахъ, какъ говоритъ Аристотель (*Ἀθ. πολ., гл. 42*) ²⁾, ἐγγράφονται εἰς τοὺς δημότας ὀκτωκαίδεκα ἔτη γεγονότες· ἔταν δ' ἐγγράφονται, διαφηρίζονται παρὶ αὐτὸν ὀμῶσαντας οἱ δημότα, πρῶτον μὲν εἰ δοκοῦσι γεγονέναι τὴν ἡλικίαν

¹⁾ См. А. В. Никитскій, Дельфійскіе Лавиады, II, *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1898, т. 818, октябрь, отд. издас. филол., стр. 16.

²⁾ „Въ общинные списки демоновъ мальчики вносятся по достиженіи 18-лѣтняго возраста. При этомъ демоны, послѣ присяги, рѣшаютъ посредствомъ голосованія по-первымъ, достигли ли они возраста, предписаннаго закономъ; въ случаѣ же отрицательнаго рѣшенія мальчики снова принимаются несовершеннолѣтними... Послѣ этого совѣтъ провѣряетъ внесенныхъ въ списки, и если кто либо окажется моложе, 18-ти лѣтъ, штрафуетъ демоновъ, внесшихъ его въ списки“.

τὴν ἐκ τοῦ νόμου, κἄν μὴ δόξωσι, ἀπέρχονται πάλιν εἰς παῖδας... μετὰ δὲ ταῦτα δοκιμάζει τοὺς ἐγγραφεύτας ἢ βουλή, κἄν τις δόξη νεώτερος ὀκτωκαίδεκα ἐτῶν εἶναι, ζητοῖ τοὺς δημότας τοὺς ἐγγράφοντας. Было бы уже само по себѣ въ самомъ дѣлѣ чрезвычайно странно, еслибѣ параллельно съ этой ἐγγραφή εἰς τοὺς δημότας (т.-е. εἰς τὸ ληϊαρχικὸν γραμματεῖον) и слѣдующей затѣмъ δοκιμασία, совершеннолѣтніе въ томъ же самомъ году совершенно аналогичнымъ образомъ вводились во φρατρίν (εἰσαγωγή εἰς τοὺς φράτορας), подвергались такъ называемой διαδικασία и затѣмъ вносились въ φρατρικὸν γραμματεῖον. Это, значить, уже само по себѣ было бы весьма невѣроятно. Постановленія же Демотіонидовъ ясно показываютъ, что это не только невѣроятно, но даже невозможно, ибо А v. 26 sq. предписывается: τὴν δὲ διαδικασίαν τὸ λοιπὸν εἶναι τῷ ὑστέρῳ ἔτσι ἢ ᾧ ἂν τὸ κούρειον θύσῃ τῇ κούρειῳ τῶν Ἀκατουριῶν, т.-е. διαδικασία эта должна состояться только по истеченіи года послѣ жертвы κούρειον, при чемъ ἔπως ἂν εἰδῶσι οἱ φράτορες τοὺς μέλλοντας εἰσαγεῖσθαι было приказано (В v. 59 sq.) ἀπογράφεσθαι... τὸ ὄνομα πατρόθεν καὶ τοῦ δήμου καὶ τῆς μητρὸς πατρόθεν καὶ τοῦ δήμου πρὸς τὸν φρατρίархον, τὸν δὲ φρατρίархον ἀπογραφεύμενον ἀναγράφαντα ἐκτιθέναи βίῳ ἂν Δεκαλειεῖς προσφοιτῶσι κтл. Если къ этому развѣ еще прибавить, что въ этой надписи вездѣ говорится περὶ τῆς εἰσαγωγῆς τῶν παιδῶν, то послѣ всѣхъ этихъ доводовъ не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, что о совершеннолѣтніи здѣсь думать нельзя.

Какой же, послѣ этого, еще остается опредѣленный моментъ „известнаго возраста“? Между рожденіемъ и совершеннолѣтніемъ есть одинъ только моментъ, наступленіе котораго точно опредѣлено, а именно наступленіе такъ называемой ἡβῆ. Изъ I. Bekker, Anecdota Graeca, I, p. 255, 15 s. v. ἐπὶ διατὲς ἡβῆσαν τὸ γὰρ εἶσθαι ἐτῶν ὀκτωκαίδεκα, ἵνα ἡβῆ ἢ τὸ ἐκκαίδεκα ἐτῶν γανέσθαι. τὸ δὲ οὖν ἐπὶ διατὲς ἡβῆσαι ἐστὶ τὸ γανέσθαι ἐτῶν ἄλλων δυοῖν μετὰ τὴν ἡβῆν, и другихъ мѣсть уже А. Voeseh, De ephebia Attica dissertatio prima, стр. 139 ¹⁾ совершенно вѣрно догадался о томъ, какъ слѣдуетъ понимать слова Поллукса. εἰς ἡλικίαν προελθόντων: „qua professione primum esse pubertatem sive ἡβῆν declaratam tonsasque comas probabile est“. Это мнѣніе было одобрено многими учеными ²⁾, другіе напротивъ согла-

¹⁾ См. Prooemium semestris aestivi a. 1819—Kleine Schriften, IV, стр. 187 сл.

²⁾ Ср. напримеръ, Schoemann, Isaei orationes, Gryphiswaldiae 1831, стр. 898 (or. VIII de Cironis hereditate, § 81); Hermann-Thunser, Griech. Staatsalterthümer, II, стр. 457 сл.; Hermann-Thunser, Griech. Rechtsalterthümer, 1895⁴, стр. 12 сл.; Van den Es, de iure familiarum apud Athenienses, стр. 118—121;

шались съ Шеферомъ, который на основаніи своихъ исчисленій наступленія совершеннолѣтія оратора Демосфена утверждалъ, что совершеннолѣтними въ Аѳинахъ назывались мальчики по достиженіи семнадцатилѣтняго возраста, что поэтому ἡβη начиналась цѣлымъ годомъ раньше, т. е. съ пятнадцатилѣтняго возраста, такъ какъ о совершеннолѣтнихъ говорилось, что они ἐπι διατὸς ἡβησαν ¹⁾. Однако толкованіе Шефера опровергается Аристотелемъ ('Αθ. πολ. 42), гдѣ, какъ мы уже видѣли, совершенно ясно говорится: ἐγγράφονται δ' εἰς τοὺς δημότας ὀκτώκαιδεκά ἐτη γεγονότες, и еще яснѣе: καὶν τις δόξη νεώτερος ὀκτώκαιδεκ' ἐτῶν εἶναι, ζῆμιτι τοὺς δημότας τοὺς ἐγγράψαντας. Послѣ этого не подлежитъ никакому сомнѣнію, что мальчики, достигшіе такъ называемой ἡβη, достигали шестнадцатилѣтняго возраста ²⁾.

Если ἡβη означаетъ шестнадцатилѣтній возрастъ, если далѣе у Поллукса словами εἰς ἡλικίαν προελθόντων обозначается ἡβη ³⁾, если, наконецъ, какъ говоритъ Поллуксъ, εἰς ἡλικίαν προελθόντων ἐν τῇ χαλομένῃ κοῦραιτίδι ἡμέρᾳ ὑπὲρ τῶν ἀρρένων τὸ κοῦρατον εἶθουο, то совершенно ясно, что второе представленіе, связанное съ жертвой коῦραιου, совершалось по достиженіи шестнадцатилѣтняго возраста. Sapienti sat. Однако Лисіусъ и его спутникъ Санктисъ не того мнѣнія. На стр. 163 сл. I. с. Лисіусъ шеголяетъ двумя доводами, которые по его мнѣнію рѣшаютъ весь этотъ вопросъ въ его пользу. Онъ сначала указываетъ на постановленія Демотіонидовъ, гдѣ В 58 сл. говорится: ὅπως δ' ἂν εἰδῶσι οἱ φράτερες τοὺς μέλλοντας εἰσαγεσθαι, ἀπογράφεσθαι τῷ πρώτῳ εἶται ἢ φ' ἂν τὸ κοῦρατον ἄγῃ τὸ

L. Beauchet, Histoire du droit privé de la république Athénienne, II, Paris 1897, стр. 107—115, и др.

¹⁾ См. *A. Schaefer, Der Eintritt der Mündigkeit nach attischem Recht*; статья эта напечатана въ „*Demosthenes und seine Zeit*“, III, 2, стр. 19 сл.— см. также, на примѣръ, *Wisslitz, Gr. Staatsalterthümer*³, стр. 213 и *Gilbert, Griech. Staatsalt.* I², стр. 218.

²⁾ Кстати можно здѣсь прибавить, что и въ такъ называемомъ гортиискомъ правѣ совершенно аналогичнымъ образомъ различается возмужалый (ἡβίωο) отъ совершеннолѣтняго (ἄρμεύο), и по всей вѣроятности (хотя этого точно доказать нельзя) и здѣсь фигурируютъ тѣ же года, шестнадцатый и восемнадцатый. И въ Дельфакъ мы встрѣчаемъ ἐπι διατὸς ἡβῆσαι, см. *Aeschin.*, ор. III in Ctesiph. § 122.

³⁾ Ἠλικία можетъ, конечно, имѣть и простое значеніе „возрастъ“; но обыкновенно, т. е. въ большинствѣ случаевъ, оно означаетъ зрѣлый возрастъ, возмужалость, а въ упомянутой цитатѣ нѣтъ Поллукса о простомъ значеніи „возрастъ“ и думать нельзя. слова εἰς ἡλικίαν προελθόντων могутъ только означать опредѣленный возрастъ, а это именно и есть ἡβη.

бюра хтл. Шелль ¹⁾ уже совершенно вѣрно указалъ на то, что преж-
нее толкованіе: τῷ πρώτῳ ἔτει = τῷ προτέρῳ ἔτει вполне невозможно,
такъ какъ это „vulgär und in sicheren Beispielen erst aus nachchrist-
licher Zeit zu belegen“. Вслѣдствіе этого толкованіе „за годъ до
жертвы хоῦραιον“ сдѣлалось немислимымъ, и оставалась, повидному,
единственная возможность — толковать τῷ πρώτῳ ἔτει = „въ первомъ
году отъ роду“, стало быть, одновременно съ μεῖον. Что это мнѣніе
Липсіуса совершенно невѣрно и невозможно — явствуетъ изъ выше-
изложеннаго. Вѣрное толкованіе этого мѣста было предложено Бюр-
манномъ и Диттенбергеромъ ²⁾, изъ которыхъ послѣдній пишетъ:
„Quare malo πρώτου ἔτος по *priorem* annum intellegere sed *proxi-
mum*, collato τρίτῳ ἔτει μετὰ τὰ Μηδικά similibusque locutionibus. Sic
sane ante ἤ desideratur adverbium comparativum. Sed ea brevilo-
quentia neutiquam aliena est a Graecorum usu, ut etiam Latini sic
nudum *quam* pro *postea quam* usurpant. Neque vero πρότερον ἤ, sed
ὑστερον ἤ intellegendum est cum Buermanno, siquidem v. 27 dictum
est, anno demum post хоῦραιον oblatum spatium probationem et recep-
tionem fieri. Quid igitur attinebat, integro biennio ante eam nomina
publice proscribere? Similiter ἡ πρώτη ἐκκλησία dicitur de ea quae
proxima habebitur, et τῷ πρώτῳ ἐνιαυτῷ 'anno proximo' est Leg. Gortyn.
IV, 4⁴. Вотъ толкованіе, въ которомъ мы нуждались; оно, при томъ,
ясно показываетъ, какъ сильно ошибаются Липсіусъ и Санктисъ.
Чтожъ касается до второго довода, то Липсіусъ на стр. 164 смы-
ляется на оратора Исея (Isaeus, or. VI de Philoctemonis hereditate,
§ 22), но это мѣсто ровно ничего не доказываетъ; однако это мы по-
стараясь доказать въ другомъ сочиненіи.

¹⁾ См. R. Schoell, l. c., стр. 10, прим. 2.

²⁾ Мы въ декабрѣ 1899 г. несколько не сомнѣвались, что πρώτῳ ἔτει должно
было имѣть совершенно другое значеніе и не могло отличаться отъ Α 26 сл.
τῆν δὲ διαδικασίαν τὸ λοιπὸν εἶναι τῷ ὑστερῳ ἔτει ἢ ᾧ ἐν τὸ хоῦραιον θύστ—оба вы-
раженія слишкомъ аналогичны и слишкомъ похожи другъ на друга—но дока-
зать этого мы тогда еще не могли. Въ февралѣ 1900 г. вышедъ въ свѣтъ второй
томъ Диттенбергеровой Sylloge, гдѣ Диттенбергеръ на стр. 46 прим. 48 совер-
шенно вѣрно объяснилъ это спорное мѣсто. Однако мнѣніе это, повидному, уже
до Диттенбергера въ 1889 году было высказано Бурманномъ (по крайней мѣрѣ
Диттенбергеръ ссылается на Buermann'a въ Berliner philologische Wochenschrift
1880); однако этотъ журналъ у насъ въ Юрьскѣ, къ сожалѣнію, имѣется только
съ 1890 года, такъ что мы не могли опредѣлить, все ли заимствовалъ Диттенбер-
геръ у Бурманна, или онъ сообщаетъ въ своей Sylloge собственныя доказа-
тельства.

Теперь намъ остается еще прибавить нѣсколько косвенныхъ доказательствъ для подтвержденія нашихъ положеній. Извѣстно, что условіемъ пользованія правами гражданства между прочимъ являлось и участіе въ культахъ и религиозныхъ обрядахъ данной фратріи и въ совершеніи опредѣленныхъ жертвъ. Далѣе также извѣстно, что не только аэниане, но и всѣ остальные греки имѣли обыкновеніе связывать каждый болѣе важный моментъ въ жизни даннаго гражданина съ религиознымъ празднествомъ. Поэтому уже а priori разумѣлось бы само собою, что возмужалость и тѣсно связанное съ нею собственное, самостоятельное участіе въ жертвахъ и празднествахъ фратріи и пользованіе вытекающими изъ этого участія правами, т. е. одинъ изъ важнѣйшихъ моментовъ въ жизни каждаго аэнианца, непременно соединялись съ религиознымъ празднествомъ. Такія религиозныя празднества въ Греціи, какъ извѣстно, обыкновенно состояли изъ двухъ частей, а именно изъ предшествующей жертвы и изъ слѣдующей затѣмъ веселой пирушки.

Что, во-первыхъ, касается жертвы, то изъ всего вышележащаго ясно слѣдуетъ, что это именно и было такъ называемое *χοῦραίου*. Анатуріи были праздникъ чисто семейный ¹⁾. Мы видѣли уже, что новорожденныхъ представляли фраторамъ и вносили въ соотвѣтствующіе списки, при чемъ приносилась жертва *μαίον*. Мы узнаемъ, далѣе, изъ Платона ²⁾, что въ этотъ день аэниане брали съ собой своихъ несовершеннолѣтнихъ сыновей — въ указанномъ Платономъ случаѣ мальчику, напримѣръ, было десять лѣтъ отъ роду — и заставляли ихъ между прочимъ рецитировать отрывки изъ читанныхъ въ школахъ поэтовъ, дабы фраторы могли убѣдиться въ успѣхахъ, оказанныхъ ими въ продолженіе истекшаго года. Несовершеннолѣтніе мальчики такимъ образомъ ежегодно присутствовали на этомъ семейномъ праздникѣ, но самостоятельнаго участія въ жертвахъ и празднествахъ какъ этого, такъ и остальныхъ религиозныхъ празднествъ они, конечно, имѣть не могли. Все это совершенно измѣняется въ моментъ возмужалости: въ ближайшія Анатуріи юноша вторично представляется фраторамъ, приносится жертва *χοῦραίου*, онъ вписывается въ соотвѣтствующіе списки и съ этихъ поръ дѣлается самостоятельнымъ фраторомъ, т. е. пользуется всѣми правами и исполняетъ всѣ религиозныя обязанности остальныхъ фраторовъ. Эти обычаи, на что Шелль

¹⁾ См. подробности, напримѣръ, у *Aug. Mommsen'a*, *Feste der Stadt Athen im Alterthum*, Leipzig, 1898, стр. 323—349.

²⁾ Ср. *Platon. Timaeus*, p. 21 B: ἐγὼ δὲ μάλιστα δεκάτη: ἢ δὲ Κοῦραῖος ἡμεῖν

совершенно вѣрно указываетъ ¹⁾, совершенно аналогичны лютеранской конфирмаціи: посредствомъ конфирмаціи лютеране приблизительно около того же (т. е. какъ и въ Аеннахъ) шестнадцатаго года отъ роду дѣлаются полноправными членами лютеранской церкви и только съ этихъ поръ могутъ причащаться Святыхъ Таинъ. Точно также и въ Аеннахъ религиозная сторона этого акта была несомнѣнно первоначальная, и лишь только впоследствии къ этому присоединилась и гражданская сторона ²⁾).

Относительно же упомянутой веселой паруски мы имѣемъ слѣдующія свѣдѣнія ³⁾: *Photius oin[α]στήρια· σπονδή τῷ Ἡρακλεῖ ἐπιτελουμένη ὑπὸ τῶν ἐφήβων πρὶν ἀποχεῖρασθαι. Athen. XI, 494 f. οἰνιστήρια· οἱ μέλλοντες ἀποχεῖραιν τὸν σκόλλων ἐφηβοί, φηοὶ Πάμφιλος, εἰσφέρουσι τῷ Ἡρακλεῖ μέγα ποτήριον πληρώσαντες οἴνου, ὃ καλοῦσιν οἰνιστήριον καὶ σπεισαντες τοῖς συναλθοῦσι διδοῦσι πίνειν. Hesych. οἰνιστήρια· Ἀθήνησιν οἱ μέλλοντες ἐφηβέουσιν, πρὶν ἀποχεῖρασθαι τὸν μαλλόν, εἰσέφερον Ἡρακλεῖ μέτρον οἴνου καὶ σπείσαντες τοῖς συναλθοῦσιν ἐπέδιδον πίνειν· ἡ δὲ σπονδή ἐκαλεῖτο οἰνιστήρια. Pollux III, 52 ἡ δὲ ὑπὲρ τῶν εἰς τοὺς φράτορας εἰσαγομένων παιδῶν οἴνου ἐπίδοσις οἰνιστήρια ἐκαλεῖτο. VI, 22 ἡ δὲ οἰνίστρια οἴνου δόσις ὑπὲρ τῶν παιδῶν ἐν τοῖς φράτεροις.* Всѣ эти цитаты ясно показываютъ, что тутъ говорится именно о нашемъ праздниѣ. Фотиѣ, Аеннѣ и Гесихіѣ называютъ этихъ мальчиковъ ἐφηβοί, οἱ μέλλοντες ἐφηβέουσιν, а Поллукъ „εἰσαγομένων παιδῶν“ или „παιδῶν“. Да-

οὔσα ἀτύχῃαν Ἀπαυριῶν. τὸ δὲ τῆς ἐορτῆς σύνηθες ἐκάστοτε καὶ τότε ἐυνέβη τοῖς παισίν· ἀλλὰ γὰρ ἡμῖν οἱ πατέρες ἔθεσαν ῥαψωδίας· πολλῶν μὲν οὖν δὴ καὶ πολλὰ ἐλέγη ποιητῶν ποιήματα, ἅτα δὲ νέα κατ' ἐκείνον τὸν χρόνον ὄντα τὰ Σόλωνος πολλοὶ τῶν παιδῶν ἤσαν.

¹⁾ Ср. E. Schoell, l. c., стр. 7: „Mit diesem Akt, den man unserer Confirmation vergleichen kann“.

²⁾ См. А. В. Никитский, l. c., стр. 15: Обычай приношенія дарать и пр., какъ и μεῖα и κοῦρεῖα въ Аеннахъ, существовалъ, конечно, гораздо раньше, чѣмъ съ этими, первоначально исключительно религиозными, актами связано было веденіе списковъ фратеровъ, и термины остались прежними, хотя впоследствии часто главное значеніе мѣла не религиозная, а гражданская сторона дѣла. И у насъ постоянно говорится: „крестины, окрестить, повѣнчаться, бракъ“ и т. д., хотя нерѣдко заинтересованныя лица думаютъ не столько о религиозной, сколько о гражданской сторонѣ дѣла, т. е. заботятся главнымъ образомъ о томъ, чтобы слѣданы были надлежащія записи, и въ „метрикахъ“ слѣдить скорѣе за датой рожденія, чѣмъ крещенія.

³⁾ См. Comicoorum Atticorum fragmenta ed. Th. Kock, vol. I, Lipsiae 1880, стр. 298 frg. 135 (Eupolis).

лѣе говорится объ ἀποκείρασθαι, ἀποκείραив, а κοῦρειον, какъ мы видѣли, также происходитъ отъ κείραив. Затѣмъ говорится о μέτρον οἴνου, οἴνου ἐπίδοσις или δόσις и т. д., да и при томъ оно называется οἰνοτήρια или οἰνοτρία, въ постановленіяхъ же Демотіонидовъ въ самомъ началѣ ясно приказывается: Ἱερῶσυνα τῇ ἱερῇ διδόναι τὰδε ἀπὸ τοῦ κουρείου κελῆν, πλωρόν, οὖς, ἐλατήρα χοινικιαίου, οἴνου ἡμίχουον, ἀργυρίου Γ. Наконецъ у Поллукса также ясно говорится εἰς τοὺς φράτορας εἰσαγομένων παιδῶν οἴνο ἐπίδοσις κтл. или ἐν τοῖς φράτερον.

Итакъ Липсіусъ и Санктисъ сильно ошибаются. Санктисъ даже не удовольствовался этимъ, а попробовалъ развить далѣе мысль Липсіуса. Онъ пишетъ на стр. 68: „Жертва, которая приносилась фратерамъ по случаю свадьбы, имѣла специальное названіе γαμηλία. Однако, такъ какъ въ постановленіяхъ Демотіонидовъ при установленіи компетентности жрецовъ относительно жертвоприношеній фратеровъ говорится не о γαμηλία, а лишь только о μέτρον и κοῦρειον, то совершенно ясно, что μέτρον, очевидно, означало любое жертвоприношеніе, приносимое фратріи за любую женщину, будь это дочь или новобрачная. Это поразительное разсужденіе можетъ служить лучшимъ доказательствомъ того, какъ небрежно и поверхностно Санктисъ изучалъ постановленія Демотіонидовъ. Вся надпись совершенно очевидно трактуется исключительно περὶ τῆς εἰσαγωγῆς τῶν παιδῶν (A 18 сл., B 10 сл.: Νικόδημος εἶπε· τὰ μὲν ἄλλα κατὰ τὰ πρότερα ψηφίσματα ἃ καίται περὶ τῆς εἰσαγωγῆς τῶν παιδῶν καὶ τῆς διαδικασίας, 22 сл., 47, 50 сл.: ὅρκος μαρτύρων ἐπὶ τῇ εἰσαγωγῇ τῶν παιδῶν· μαρτυρῶ δὲ εἰσαγεῖ ἑαυτῷ οἶόν εἶναι τοῦτον γνήσιον ἐγ γαμητῆς, 56 сл.: Μανέτινος εἶπεν· δεδούχθαι τοῖς φράτεροι περὶ τῆς εἰσαγωγῆς τῶν παιδῶν τὰ μὲν κατὰ τὰ πρότερα ψηφίσματα, ὅπως δ' ἂν εἰσῶσι οἱ φράτερες τοὺς μέλλοντας εἰσάγεσθαι, ἀπογράφεσθαι κтл.) γαμηλία тутъ, значить, ни къ селу, ни къ городу. Санктисъ, очевидно, полагаетъ, что наша надпись отрывокъ изъ подробнаго устава фратріи Демотіонидовъ, и поэтому приписываетъ вѣсь фратерамъ всѣ тѣ полномочія, которыя онъ нашелъ въ любомъ руководствѣ греческихъ древностей.

Мы могли бы указать еще много ошибокъ въ изложеніи постановленій Демотіонидовъ, но думаемъ, что достаточно и приведенныхъ. Мимоходомъ только еще замѣтимъ, что Санктисъ вслѣдъ за многими учеными повторяетъ положеніе, что исключенные на основаніи діадикасіи Демотіонидовъ могли апеллировать къ тѣмъ же Демотіонидамъ! Авторъ нисколько не удивляется этому странному обстоятельству, противорѣчащему здравому разсудку, и не

пытается его объяснить, а довольствуется словами: „судомъ второй инстанціи были тѣ же самыя Демотіониды, но производство во второй инстанціи происходило менѣе сокращеннымъ и представляющимъ большія гарантіи“, какъ будто это не подлежало ни малѣйшему сомнѣнію. Мы рѣшительно не понимаемъ, какъ онъ себѣ представляетъ всю эту процедуру: Демотіониды исключаютъ фратора на основаніи предпринятой ими діадикасіи, и этотъ исключенный ими фраторъ апеллируетъ къ той же самой инстанціи, т. е. къ тѣмъ же самымъ Демотіонидамъ, которые его только что исключили, да и при томъ исключили не произвольно, а на основаніи упомянутой діадикасіи. Да и наконецъ, чтожь по мнѣнію Санктиса дѣлаютъ Демотіониды послѣ того, какъ исключенный подалъ апелляцію? — Они еще разъ разбираютъ это дѣло, но тщательнѣе перваго раза! Неужели Санктисъ полагаетъ, что по закону сначала допускалась поверхностная діадикасія? Авторъ поступилъ бы гораздо правильнѣе, еслибъ присоединился къ мнѣнію Виламовица, который совершенно вѣрно объяснилъ это трудное мѣсто.

Не менѣе ошибокъ, неточностей, недоразумѣній мы находимъ въ изложеніи постановленій дельфійской фратріи Лавіадовъ (стр. 70—72). Однако мы полагаемъ, что послѣ краткой замѣтки Рейнака ¹⁾ и подробнаго комментарія А. В. Никитскаго ²⁾ нѣтъ никакой надобности въ подробномъ разборѣ этого экскурса, не имѣющаго прямого отношенія къ сюжету разбираемой нами книги.

Отъ этихъ двухъ главъ существенно отличается III глава, къ которой мы теперь переходимъ. III-ю главу нельзя не назвать спеціальнымъ этюдомъ, нисколько не соответствующимъ общему характеру всего сочиненія. Это спеціальное изслѣдованіе посвящено спискамъ афинскихъ царей. Мы, конечно, не имѣемъ возможности входить въ подробную оцѣнку частныхъ этого изслѣдованія, а должны здѣсь довольствоваться краткимъ обзоромъ его результатовъ. Авторъ старается возстановить оба списка Африкана на основаніи важныхъ изслѣдованій Унгера и Гутшмида, которыхъ онъ

¹⁾ Ср. *Th. Reinach, Revue des études grecques*, XI, 1898, стр. 436, прим. 1: „Егтеurs nombreuses sur l'inscription des Labyades; les ἀπίλλαις ne s'offrent pas aux mêmes occasions que les θάραια; c'est l'offrande de majorité“.

²⁾ См. А. В. Никитскій, *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1898, томъ 319 (октябрь), въ особенности стр. 14—17, гдѣ онъ между прочимъ подробно и убѣдительно доказываетъ, что жертва ἀπίλλαις (или ἀπύλλαις) должна относиться именно къ году совершеннолѣтія.

читуется на стр. 78 прим. 1; однако онъ, противъ своего обыкновенія, не примыкаетъ къ нимъ рабски, а старается самостоятельно подвинуть впередъ этотъ вопросъ. Здѣсь, конечно, не мѣсто перепечатывать помѣщенную на стр. 79 таблицу, однако не лишнимъ считаемъ обратить вниманіе интересующихся на то, что Санктисъ лишніа восемнадцать лѣтъ, возникающія вслѣдствіе того, что одинъ списокъ начинается съ 1589 года, а второй съ 1607 года, оба же списка доходятъ до 682 года, распредѣляеть во второмъ списокѣ съ такимъ расчетомъ, что Пандіонъ вмѣсто 25 получаетъ 40, Оксинтъ вмѣсто 11 получаетъ 12, а Мегаклъ вмѣсто 28 получаетъ 30, итого 18 лѣтъ. „Вотъ, слѣдовательно, списки аеинскихъ царей, сообщенные Секстомъ Юліемъ Африканомъ. Однако не стоило бы и труда, употребленнаго на попытку позстановить ихъ, еслибъ мы не знали, что болѣе объемистый списокъ Африкана соотвѣтствовалъ списку Филохора“. Затѣмъ онъ вслѣдуетъ списки такъ называемаго Магнот Рагіиш, Евсевія и Кастора и наконецъ сопоставляетъ свои результаты на стр. 90 сл. „Во всѣхъ этихъ спискахъ были тѣ же имена, въ одинаковомъ порядкѣ и относительно многихъ царей даже съ одинаковыми цифрами... Всѣ эти четыре серіи происходятъ изъ одного общаго для всѣхъ источника, въ которомъ находились имена царей съ соотвѣтствующими датами; списокъ этотъ, очевидно, существовалъ уже во второй половинѣ IV вѣка. Онъ, можетъ быть, даже нѣсколько древнѣе, но этого мы доказать не можемъ... Было бы опасно опредѣлить, который изъ этихъ списковъ, списокъ такъ называемаго Магнот Рагіиш или списокъ Филохора, ближе подходитъ къ общему источнику, тѣмъ болѣе, что и тотъ и другой были восстановлены вполне гипотетически. Однако кажется, что Филохоръ безъ всякаго сомнѣнія тамъ и сямъ переработалъ древнѣйшій списокъ... Къ кому въ концѣ концовъ долженъ быть отнесенъ этотъ первоначальный списокъ—опредѣлить нельзя. Мы, впрочемъ, въ состояніи съ увѣренностью утверждать только то, что серія Эрехеидовъ у Гелланника вполне соотвѣтствовала списку Филохора... Что полемика Филохора противъ тѣхъ писателей, которые приводили имена царей, царствовавшихъ до Кекропса, въ самомъ дѣлѣ относится къ Гелланнику, это доказывается...“ Вотъ результаты изслѣдованія списковъ аеинскихъ царей. Затѣмъ на стр. 94—116 авторъ подробно ¹⁾ разбираетъ „ска-

¹⁾ Обращаемъ вниманіе читателя на то, что выраженіе „подробно“ нами употребляется только въ сравненіи съ остальными частями разбираемой нами книги.

занія о царяхъ", съ тою, однако, разницею, что здѣсь не цитуются новѣйшая литература, а исключительно древніе источники, какъ будто авторъ здѣсь вращается на вполне дѣвственной почвѣ. Только встрѣчающіяся кое-гдѣ колкости (достается въ особенности Тепфферу и Виламовицу) даютъ читателю возможность предположить, что и другіе до него изслѣдовали эти вопросы. Но кто именно, и что авторъ заимствовалъ у нихъ—читатель изъ этого сочиненія узнать не можетъ, до того все субъективно и аподиктично; а между тѣмъ все сочиненіе ясно показываетъ, что новаго и самостоятельнаго у г. Санктиса почти что нѣтъ. Мы нисколько не отрицаемъ и достоинствъ этой главы (глава эта одна изъ лучшихъ всего сочиненія г. Санктиса), но мы находимъ, что 1) она нисколько не соответствуетъ общему характеру этой книги, 2) что такое подробное аподиктическое изложеніе безъ цитованія литературы и критической оцѣнки мнѣній другихъ ученыхъ не можетъ быть одобрено и 3) вообще—мы весьма скептически относимся ко всѣмъ такого рода изслѣдованіямъ въ области древнѣйшихъ мнѣческихкихъ, генеалогическихъ и хронологическихъ таблицъ. Они обыкновенно весьма объемисты, отличаются эрудиціей, и какой въ концѣ концовъ получается результатъ? — безпристрастный читатель не можетъ не сознаться, что ученый авторъ *oleum et oreganum perdidit*, ибо результаты, которыми могла бы воспользоваться исторія, равняются нулю. Какую пользу, напримѣръ, имѣетъ исторія Аттики отъ вышеупомянутыхъ изслѣдованій? Мы не можемъ не согласиться съ результатами Виламовица и Э. Мейера, что исторически засвидѣтельствованными въ крайнемъ случаѣ могутъ считаться только одна дата (688/2 учрежденіе должности годовыхъ архонтовъ) и нѣсколько именъ. Неужели послѣ этого стоитъ *oleum et oreganum perdere* на такіе вопросы, изъ которыхъ ничего путнаго выйти не можетъ? Исторія имѣетъ болѣе серьезныя задачи. Кстати замѣтимъ, что въ этой главѣ встрѣчается курьезное, но весьма характерное мѣсто. На стр. 78 прим. 1 авторъ пишетъ: „Изъ разныхъ реконструкцій сниска Африкана болѣе всего походитъ на мою (*si avvicina di più alla mia*) реконструкція Унгера!“ Unger напечаталъ свою статью въ 1886 г., Санктисъ въ 1898 г., при томъ статья Унгера навела г. Санктиса на почти что аналогичныя мысли, на какомъ же основаніи онъ пишетъ, что мнѣніе Унгера *si avvicina alla mia*? Ему слѣдовало бы сказать какъ разъ противное.

Не мало ошибокъ и недоразумѣній и въ IV главѣ. Такъ, напримѣръ, на стр. 124 онъ, несмотря на свидѣтельство Аристотеля, полагаетъ,

что должность полемарха возникла послѣ должности архонта (эпонима): „Имя это указываетъ на то, что должность полемарха возникла послѣ должности архонта, ибо магистратъ этотъ не могъ называться просто ἀρχὸς или ἀρχωνъ, вслѣдствіе чего и рѣшили присоединить къ этому титулу еще болѣе точное опредѣленіе“.—На стр. 135 сл. онъ говорить о надписи С. J. A. I 61 (Ditt. Sylloge n. 45¹ = n. 52²; Michel n. 78) и повторяетъ тамъ ложное мнѣніе, будто словами πρῶτος δέμων обозначаются солоновскіе δέμονες. Онъ ссылается на Диттенбергера и Бузольта; но Диттенбергеръ во второмъ изданіи самъ отказался отъ этого мнѣнія, а Бузольтъ ¹⁾ совершенно вѣрно указываетъ на то, что число πρῶτος δέμωνъ драконовое. См. также: Recueil des inscriptions juridiques grecques, II 1 Paris 1898, стр. 9 и L. Ziehen, Rhein. Museum, N. F. 54 (1899) стр. 330 прим.

На стр. 151 сл. онъ сообщаетъ о еесмоветахъ между прочимъ слѣдующее: „по словамъ Аристотеля еесмоветы были учреждены для того, чтобы записать законы и хранить ихъ для суда надъ преступниками (δκως ἀναγράφαντες τὰ θέσμια φοιτᾶσσι πρὸς τὴν τῶν ἀμφοτέρω[ού]των κρίσιν)“⁴. Мы видѣли выше, что цитата эта невѣрная, ибо слова эти находятся не въ 59 главѣ, а въ 8 главѣ. Такая невѣрная цитата, можетъ быть, еще простительна—непростительно же то, что онъ сообщаетъ по поводу этого аристотелевскаго мѣста. Онъ пишетъ: „Это мнѣніе одобряется многими безъ всякой оговорки. Однако съ этимъ ни въ какомъ случаѣ согласиться нельзя. Драконтъ и Солонъ компилировали въ продолженіе одного только года цѣлый сводъ законовъ; можно ли послѣ этого допустить, чтобы въ продолженіе нѣсколькихъ сотенъ лѣтъ выбирались по тому же поводу по шести еесмоветовъ? Къ тому же еесмоветы, по словамъ Аристотеля, были учреждены до Драконта; мнѣ, однако, кажется совершенно невозможнымъ, чтобы вѣнныя имѣли писанные законы до Драконта. Эти законы, во всякомъ случаѣ, исчезли бы, не оставивъ ни малѣйшаго слѣда въ нашемъ преданіи. Слѣдовательно, совершенно очевидно, что Аристотель, говоря о законахъ, писанныхъ еесмоветами, вывелъ такое заключеніе единственно изъ ихъ названія; названіе же ихъ не трудно объяснить и другимъ образомъ. Еесмоветомъ можетъ называться каждый судья, такъ какъ онъ опирается на основаніяхъ права и примѣняетъ ихъ къ специальному случаю!“

¹⁾ См. G. Busolt, Griech. Gesch., II², стр. 189, прим. 1.

Кто эти *molli*, кто не раздѣляетъ съ ними этого мнѣнія, что авторъ заимствовалъ у нихъ — все это покрыто мракомъ невѣстности. Авторъ довольствуется простымъ выраженіемъ „*molli*“ и аподиктическимъ сужденіемъ, что мнѣніе ихъ ни въ какомъ случаѣ не *ammissibile*. Противъ своего обыкновенія онъ этотъ разъ приводитъ нѣсколько доказательствъ. Онъ начинается съ того, что Драконтъ и Солоонъ употребили на это не болѣе одного года — уже въ этихъ словахъ ошибка; авторъ говоритъ „*compilato*“, что это значитъ? Изъ этого вѣдь слѣдуетъ, что до Драконта уже существовали писанные законы и Драконтъ компилировалъ ихъ. Г. Санктисъ же въ слѣдующихъ строкахъ отрицаетъ существованіе такихъ законовъ до Драконта. Чтожъ послѣ этого означаетъ „*compilato*“, и чѣмъ собственно занимались еесмоветы? На первый вопросъ мы у г. Санктиса отвѣта не находимъ; чтожъ касается второго вопроса, то авторъ полагаетъ, что Аристотель сильно ошибся, и самъ поэтому предлагаетъ новую дефиницію слова „*θεσμοθέτης*“. Во всемъ этомъ изложеніи вѣрные и невѣрные моменты до того перепутаны, что мы безъ краткаго комментарія обойтись не можемъ. Во-первыхъ, онъ совершенно невѣрно толкуетъ слово *τὰ θεσμοτά*; у Гальберта (*Beiträge zur Entwicklungsgeschichte des griech. Gerichtsverfahrens und des griech. Rechts*, въ *Fleck. Jahrb. Suppl.* XXIII, стр. 475 сл.), котораго онъ цитуетъ на стр. 170 по совершенно другому поводу, онъ могъ заимствовать вѣрное толкованіе этого слова, см. теперь также L. Ziehen, *Rhein. Mus.* 54 (1899) стр. 337 сл. *Θέσμοτα* очевидно „*Rechtsentscheidungen der richterlichen Instanzen, die von den Thesmotheten schriftlich aufgezeichnet wurden und als παραδείγματα die späteren Richter in ihren Entscheidungen beeinflussen*“; „*die θεσμοτά sind also die Satzungen des Gewohnheitsrechts, die entweder sie selbst in eigener richterlicher Thätigkeit oder unter ihrer Mitwirkung die Areopagiten bei ihren Urtheilssprüchen befolgten, diese zeichneten sie auf und bewahrten sie auf, um daran für spätere Gerichtsverhandlungen einen Rückhalt zu haben, ohne dass jedoch diesen Aufzeichnungen bindende Kraft beiwohnt*“. „*Die drakontische Gesetzgebung ist dagegen eine zusammenhängende Aufzeichnung der θεσμοί des Gewohnheitsrechts und zwar mit bindender, gesetzlicher Kraft*“¹⁾.

¹⁾ Приведенныя нами выписки находятся у Ziehen'a l. с. на стр. 338 и 340.

Вотъ вкратцѣ мнѣнія Гильберта и Zieben'a, съ которыми мы вполне соглашаемся. Установить разницу между Драконтомъ и его предшественниками-еесмоветами не представляетъ никакихъ затрудненій, и такъ понималъ эту разницу и Аристотель l. c. Выраженіе „*compilato*“, стало быть, здѣсь вполне умѣстно, но только не въ томъ смыслѣ, въ которомъ его употребилъ авторъ: оно указываетъ на то, что до Драконта существовали писанные законы, не имѣвшіе, впрочемъ, обязательной силы. Что наши воззрѣнія вѣрны—доказывается также болѣе поздней дѣятельностью еесмоветовъ, о которой Эсхинъ ¹⁾ сообщаетъ слѣдующее: „*διὰ τὴν ἐπιτήδευσιν τοῖς θεσμοτάταις καὶ ἕκαστον ἐπιπέμπειν διορθοῦν ἐν τῷ δήμῳ τοὺς νόμους κτλ.*“ Этотъ ежегодный пересмотръ дѣйствующихъ законовъ относился, стало быть, къ кругу ихъ обязанностей. Далѣе законы Драконта и Солона назывались также *θεσμοί* (а не *νόμοι*), и оба исправляли должность чрезвычайнаго, полномочнаго еесмовета ²⁾. Аристотель, значить, нисколько не вывелъ ошибочнаго заключенія изъ названія „*θεσμοτάτης*“, какъ это полагаетъ г. Санктисъ. Напротивъ—дефиниція автора черезчуръ узкая: не подлежитъ, правда, ни малѣйшему сомнѣнію, что еесмоветы въ древнѣйшія времена также имѣли юрисдикцію (это, впрочемъ, уже было установлено до г. Санктиса другими учеными), но слово *θεσμοτάτης* ничуть не имѣетъ исключительно того узкаго значенія, которое ему приписываетъ г. Санктисъ въ концѣ выписаннаго нами мѣста. То, что авторъ на стр. 154 сообщаетъ о времени возникновенія должности еесмоветовъ, послѣ вышеизложенныхъ соображеній не требуетъ никакого опроверженія; и если онъ говоритъ, что должность еесмоветовъ была учреждена одновременно или немного позднѣе должности архонта-эпонима и предшествовала учрежденію должности полемарха, то мы уже выше видѣли, что архонтъ-эпонимъ моложе полемарха, стало быть, и эта датировка совершенно неудачная. Однако авторъ не довольствуется тѣмъ, что отвергаетъ толкованіе и датировку Аристотеля, а прибавляетъ отъ себя еще слѣдующія слова: „Этимъ я нисколько не хочу сказать, что съ самаго начала было уже всего шесть еесмоветовъ; число ихъ увеличилось съ увеличеніемъ числа и важности исковъ по гражданскому судопроизводству“. Очевидно, что это предположеніе невѣрное.—Но такъ какъ авторъ преклоняется только передъ Белохоумъ и Э. Мейеромъ,

¹⁾ См. Aeschines, in Ctesiphontem, 98 сл.

²⁾ Ср. G. Vasiloff, Griech. Geschichte, II, стр. 178, прим. 2.

то укажемъ на послѣдняго ¹⁾, который пишетъ слѣдующее: „Für Rechtssprechung und Verwaltung treten ihm (sc. dem König) Jahrbeamte zur Seite. So in Athen die sechs „Rechtsetzer“ (θεσμοθέται), in Sparta fünf „Aufseher“ (ἐφοροι), in den kretischen Staaten zehn „Ordner“ (κόμοι) und ähnlich wohl in den meisten anderen Staaten“. Неужели г. Санктисъ полагаетъ, что, напримѣръ, и эфоры не образовали съ самаго начала коллегіи изъ 5 лицъ, а что первоначально существовали, напримѣръ, одинъ только эфоръ?

Анонимному критику въ *Literar. Centralblatt* въ этой главѣ въ особенности понравилась статья объ ареопагѣ (стр. 134—150). Надо признаться, что это въ самомъ дѣлѣ интересная статья, написанная ловко и ясно; авторъ хорошо сопоставилъ всѣ обязанности ареопага, встрѣчаются далѣе нѣкоторыя весьма мѣткія обратныя заключенія и т. д. — однако, кому приходилось пользоваться сочиненіемъ Вилламовица „*Aristoteles und Athen*“, тотъ знаетъ, что восьмая глава II тома, озаглавленная „*Der Areopag vor Ephialtes*“, вполне соответствуетъ этой статьѣ, не исключая и упомянутыхъ заключеній. Авторъ „конечно“ не цитуетъ Вилламовица.

Пятая глава, озаглавленная „Драконтъ и уголовное право“, посвящена изложенію вопросовъ о Драконтовой политіи и о законодательствѣ Драконта. Авторъ „конечно“ присоединяется къ мнѣнію Белоха и Мейера, которые, впрочемъ, въ этомъ случаѣ совершенно справедливо отвергаютъ такъ называемую Драконтову конституцію. Особенныхъ погрѣшностей въ этой главѣ мы не замѣтили, но зато и нѣтъ ни одной новой, самостоятельной мысли.

Въ VI главѣ (Солонъ и его экономическо-соціальныя реформы) мы отмѣтили слѣдующія погрѣшности. На стр. 135 сл. авторъ полагаетъ, что у Аристотеля II 2 ἐκαλοῦντο πελάται καὶ ἐκτίμωροι πελάται и гектеморы не тождественны, и видитъ въ гектеморахъ людей, которые уплачивали владѣльцу одну шестую часть жатвы, а въ свою пользу оставляли пять шестыхъ, что по нашему мнѣнію невѣрно, см. кромѣ Бузольта (*Griech. Gesch.* II³ 109 прим. 2, гдѣ цитуются литература этого вопроса) также неупомянутыя Бузольтомъ сочиненія В. Шеффера (Аѣнское гражданство I 298), В. Бузескула (Аѣнск. пол. Архив. стр. 303—308) и P. Guiraud (*La propriété foncière en Grèce*, Paris, 1893 стр. 421 сл.).

Прекуръезное и при томъ въ методическомъ отношеніи совершенно

¹⁾ Ср. *Ed. Meyer*, *Gesch. des Alterthums*, II, стр. 348.

невѣрное мѣсто находится на стр. 222 ¹⁾). Авторъ говоритъ о X гл. Аристотелевой 'Αθην. пол., гдѣ Аристотель сообщаетъ о Солонѣ слѣдующее: ἐπ' ἐκείνῳ γὰρ ἐγένετο καὶ τὰ μέτρα μαίζω τῶν Φειδωνείων. Вмѣсто того, чтобы цитовать важнѣйшую литературу и подробно критиковать отдѣльныя мнѣнія (напримѣръ, важное сочиненіе С. F. Lehmann'a въ журналѣ Hermes XXVII (1892) стр. 536 сл.), авторъ считаетъ это совершенно напраснымъ; онъ пишетъ: „rid sorgere il dubbio se le misure fidoniane abbiano preso nome dal re Fidone ovvero dall' essere misure piccole, da avari!“ ²⁾ Трудно представить себѣ, чтобы ученый былъ въ состояніи не шути провознести такое наивное мнѣніе (Фειδωνεία μέτρα отъ φείδοναι скупиться!). Однако авторъ старается доказать его, ссылаясь на Theophrast. Char. 30, 11, гдѣ въ числѣ другихъ чертъ, характернающихъ человѣка постыдно корыстолюбиваго (αἰσχροκαρδής), приводится также слѣдующая: φειδωνίφ (поп φειδομένφ) μέτρφ πύδαχα ἐγχεκροσμένφ μετραίν αὐτὸς τοῖς ἔνδοι. Трудно придумать болѣе неудачную цитату, ибо 1) это мѣсто само по себѣ ровно ничего не доказываетъ, а 2) оно чрезвычайно спорное, такъ что авторъ или совсѣмъ не долженъ былъ пользоваться имъ, или по крайней мѣрѣ долженъ былъ сначала изложить свое мнѣніе. Лучшая рукопись V (Vaticanus, прежде она называлась Vatic. Palatinus) читается φειδομένφ, и это чтеніе было одобрено не только Foss'омъ и Petersen'омъ, которые уже устарѣли, но и новѣйшимъ издателемъ R. Holland'омъ, который совершенно вѣрно замѣчаетъ: „Фειδωνίφ in der Vulg. ist aus ūbel angebrachter Gelehrsamkeit entstanden. Es muss sich um ein knappes Mass handeln. Dass die bei Aristot.... und Strabo.... erwählten Φειδωνία μέτρα, solche gewesen seien, ist unbezeugt“ ³⁾. Авторъ долженъ былъ по крайней мѣрѣ объяснить, на какомъ основаніи онъ отвергаетъ чтеніе лучшей рукописи и предпочитаетъ чтеніе вульгаты.

Въ VII главѣ (стр. 224—253) авторъ на стр. 225 повторяетъ старыя мнѣнія о ἰππεὶς ζευγῆται и θῆτες, нисколько не подозревая, что С. Cl-

¹⁾ На этотъ курьезъ въ нѣсколькихъ словахъ указалъ уже Рейнакъ I. с.

²⁾ „Можетъ показаться сомнительнымъ, названы ли фидоновскія мѣры по царю Фидону, или потому только, что это были мѣры малыя, т. е. людей скупыхъ“.

³⁾ См. Theophrasts Charaktere, herausg., erklärt und übersetzt von der philologischen Gesellschaft zu Leipzig, Leipzig 1897; упомянутый характеръ (αἰσχροκαρδία) издастъ R. Holland'омъ, стр. 258 сл.; ср. стр. 260 и 264 сл.

chorius ¹⁾ и независимо отъ него Э. Штернъ ²⁾ доказали полную неосновательность прежнихъ воззрѣній. Авторъ могъ, конечно, не согласиться съ этимъ мнѣниемъ, но во всякомъ случаѣ онъ долженъ былъ привести эти статьи и критически оцѣнить это мнѣние; статью Штерна онъ могъ знать по нашему реферату. Мнѣние Цихоріуса и Штерна, впрочемъ, не подлежитъ никакому сомнѣнію. Къ сожалѣнію, обѣ статьи трудно доступны, поэтому мы позволимъ себѣ вкратцѣ изложить это мнѣние. Въ трехъ классахъ слѣдуетъ видѣть три военно-политическихъ сословія. На первомъ мѣстѣ—потомственное дворянство всадниковъ рыцарей (ἵπταις), затѣмъ „граждане-рядовые“, т. е. зевгиты, и наконецъ вѣты, не несущіе бремени военной службы, но зато устраненные отъ всякой политической роли. Съ теченіемъ времени изъ сословія ἵπταις самые богатые и знатные члены выдѣлились въ особый классъ пентакосіомедимновъ; послѣдніе, стало быть, только подраздѣленіе ἵπταις и первоначально, вѣроятно, назывались ἵπταις πεντακοσιομέδωνοι.

Гиперкритическое сужденіе находится на стр. 254 сл. Авторъ говоритъ объ участіи афинянъ и Солона въ священной войнѣ. Между тѣмъ теперь общепринято, что извѣстіе объ участіи Солона позднѣйшая выдумка. Авторъ этимъ не довольствуется, но отрицаетъ и участіе самихъ афинянъ и утверждаетъ, что афиняне въ то время еще не были членами дельфійской амфиктіоніи, а лишь только послѣ священной войны присоединились къ дельфійской амфиктіоніи—мнѣніе, съ которымъ мы согласиться не можемъ.

Вѣрное рѣшеніе труднаго и спорнаго вопроса мы находимъ на стр. 259 ³⁾. Авторъ толкуетъ Арист. XIII § 2 μετὰ δὲ ταῦτα διὰ τῶν αὐτῶν ὑρόνων Δαμοσίας αἰραθεῖς ἀρχῶν ἔτη δύο καὶ δύο μῆνας ἤρταν, ἕως ἐξηλάθη βία τῆς ἀρχῆς. Εἶπ' ἔδοξεν αὐτοῖς διὰ τὸ στασιάζειν ἀρχοντας ἐλεῖσθαι δέκα, πάντα μὲν αὐκατριδῶν, τρεῖς δὲ ἀ[γρ]οίκων, εἰς δὲ δημοσιργῶν, καὶ οὗτοι τὸν μετὰ Δαμοσίαν ἤρταν ἐνιαυτόν. ᾗ καὶ ὅπλον ὅτι μεγίστην εἶχεν δύναμιν ὁ ἀρχῶν. Φαίνονται γὰρ αἱ στασιάζοντες περὶ ταύτης τῆς ἀρχῆς. Г. Санктисъ и

¹⁾ См. *C. Cichorius*, Griechische Studien, Hermann Lipsius zum 60. Geburtstag dargebracht, Leipzig 1894, „Zu den Namen der attischen Steuerklassen“ стр. 136 сл.

²⁾ См. *Э. Фом-Штерна*, Солонъ и дѣленіе атическыхъ гражданъ, въ *Характеріа*, сборникъ статей въ честь Ф. Е. Корша, Москва 1896, стр. 61—100. Ср. нашъ рефератъ въ *Berl. philol. Wochenschrift* XVII (1897) стр. 1612 сл.

³⁾ Тотъ же самый результатъ мы читаемъ и у Э. Мейера (*Forschungen zur alten Geschichte*, II Halle, 1899, стр. 538 сл.).

Мейеръ совершенно справедливо одобряютъ чтеніе лондонскаго папируса *πάντα μὲν εὐπατριδῶν* ¹⁾. Послѣ Дамасія, стало быть, были избраны не девять, а десять архонтовъ, и они были выбраны всего только на десять мѣсяцевъ. Дамасій вѣдь *ἤρξαν ἐτη δύο καὶ δύο μῆνας*, слѣдовательно отъ третьяго года осталось какъ разъ еще десять мѣсяцевъ, и на этотъ именно срокъ и были назначены эти десять архонтовъ (*καὶ οὗτοι τὸν μετὰ Δαμασίου ἤρξαν ἐνιαυτὸν*). Что здѣсь не говорится о всѣхъ девяти архонтахъ, а только о комиссіи, состоящей изъ десяти членовъ и замѣняющей архонта-эпонима, явствуетъ изъ послѣдняго предложенія, въ которомъ Аристотель вкратцѣ резюмируетъ все предъидущее: *ὡ καὶ δῆλον ἐτι μαγιστρῶν εἶχεν δόξωμιν ὁ ἄρχων. φαίνοντα γὰρ ἀνὶ στασιάζοντες περὶ ταύτης τῆς ἀρχῆς*. Такая комиссія изъ десяти членовъ казалась необходимой, чтобы не дать другому человѣку возможности, по примѣру Дамасія, попытаться сдѣлаться тиранномъ. Однако эта коллокафаниѣ на дѣлѣ не оправдалась, ибо въ слѣдующемъ году по прежнему избираются девять архонтовъ.

На стр. 266 сл. авторъ смѣло рѣшаетъ, что Писистратъ находился въ изгнаніи всего только одинъ разъ, ибо авторы, Белохъ и Мейеръ, въ этомъ согласны; однако, не смотря на это, онъ и въ этомъ случаѣ, по нашему мнѣнію, сильно ошибается, см. литературу у Бузольта, *Griech. Gesch.* II° стр. 317—320 и кромѣ того еще сочиненіе В. Бузескула, Аѣнская политія Аристотеля, стр. 362.

Каково вліяніе Белоха, явствуетъ изъ изложенія вопроса о Килоновой смутѣ. Въ слоеи „Исторія Греціи“ Белохъ вмѣстѣ съ другими учеными одобрилъ такъ называемую „conventionelle Chronologie“. т. е. то, что сообщается объ этомъ у Геродота, Аристотеля и въ другихъ источникахъ ²⁾. Два года спустя въ журналѣ *Rhein. Mus.* 50 (1895) стр. 252, прим. 1 онъ отказался отъ этой традиціонной хронологіи и помѣстилъ Килонову смуту между Солономъ и Писистратомъ. Санктисъ „конечно“ до того плѣненъ этой новой гипотезой своего учителя, что вполне одобряетъ ее и только прибавляетъ отъ себя нѣкоторую модификацію: „болѣе правдоподобна та хронологія, которая относитъ эту смуту ко времени изгнанія тирана“. Мы со мнѣніями Белоха и Санктисса согласиться не можемъ. Белохъ самъ, правда, остороженъ и извиняется слѣдующими словами: „Ein strenger Beweis ist ja bei dem Zustande unserer Ueberlie-

¹⁾ Въ Берлинскомъ папирусѣ мы читаемъ: *τέτταρας μὲν εὐπατριδῶν*.

²⁾ См. *I. Beloch, Griech. Geschichte, Strassburg 1893, I, стр. 323 (Герм. 256)*.

ferung nicht zu führen, aber ebenso wenig lässt sich beweisen, dass das Ereigniss in das VII Jahrhundert gehört". Мы, однако, со своей стороны полагаемъ, что покуда противное не доказано, мы должны вѣрить традиціи.

На основаніи упомянутой гипотезы Белохъ и Санктисъ ¹⁾ приписываютъ Писистрату учрежденіе навкрарій: „ибо Писистратъ по всей вѣроятности виновникъ раздѣленія Аттики на навкрарій". Помнимо того, что эта гипотеза не можетъ быть одобрена, это заключеніе въ методическомъ отношеніи совершенно невѣрное, ибо изъ того обстоятельства, что Килонова смута, по ихъ мнѣнію, была не раньше времени Писистрата, и что Геродотъ рассказываетъ: οἱ πρῶτος τῶν ναοκράτων ὄντων ἔνεμον τότε τὰς Ἀθήνας, еще нисколько не слѣдуетъ, что навкрарій учреждены Писистратомъ. На стр. 297 — 302 онъ еще разъ подробнѣе говорить о навкрарійхъ, но и тамъ ему не удается обосновать своей гипотезы. Что она невѣрна, явствуетъ изъ невѣрной датировки Килоновой смуты и ясныхъ свидѣтельствъ Геродота и Аристотеля. Однако г. Санктисъ не признаетъ этихъ доводовъ. Поэтому мы воспользуемся здѣсь другими, а именно его собственнымъ методическимъ правиломъ. На стр. 275 онъ утверждаетъ, что Килонова смута не могла состояться до времени Писистрата, ибо мы имѣемъ „una tradizione abbastanza larga e senza dubbio sostanzialmente veridica. All' incontro sulla persona di Draconte e l'occasione della sua legislazione la tradizione tace interamente etc. Una tradizione un poco diffusa e degna di fede comincia solo con la tirannide di Pisistrato". Такъ какъ время учрежденія навкрарій съ точностью неизвѣстно, такъ какъ свидѣтельства о навкрарійхъ вообще были чрезвычайно недостаточны, такъ что Геродотъ даже былъ въ состояніи приписать имъ весьма преувеличенное значеніе. то Санктисъ, еслибъ былъ последователенъ, долженъ былъ бы вывести заключеніе, что изъ этого неминусемо слѣдуетъ, что онѣ учреждены во всякомъ случаѣ до Писистрата, такъ какъ въ противномъ случаѣ мы имѣли бы una tradizione un poco diffusa e degna di fede. Авторъ пользуется своими теоріями только смотря по обстоятельствамъ, и если обстоятельства неблагоприятны, то онъ безъ всякихъ церемоній забываетъ свою теорію.

Авторъ совершенно плѣненъ Белохомъ также на стр. 284—288. гдѣ онъ подробно разбираетъ вопросъ о „Сигейской войнѣ". Это

¹⁾ См. *Beloeh* l. c. I стр. 325, прим. 1 (Герш. 253, прим. 2); *Sanctis* стр. 278.

впечатлѣніе произвела на него статья Белоха „Alkaios und der Krieger im Sigeion“ въ журналѣ Rhein. Mus. 50 (1895) стр. 255 сл. Означенная статья Белоха дѣйствительно написана такъ, что читатели не могутъ не вѣряться краснорѣчіемъ Белоха: онъ сжато даетъ читателю цѣлый рядъ положеній, изъ которыхъ на первый взглядъ каждое въ состояніи сразить противниковъ, и все это приправляется цѣлой антологіей филологическихъ правилъ. Всѣ эти правила, которыхъ Белохъ вичуть не соблюдаетъ, такъ какъ онъ весьма часто даетъ просторъ своей фантазіи, произвели на г. Санктиса также потрясающее впечатлѣніе, что онъ все перенялъ у Белоха. Кто, впрочемъ, въ этомъ случаѣ соглашается съ Белохомъ, тому мы совѣтуемъ чтеніе самого Белоха, такъ какъ парафразъ г. Санктиса несравненно слабѣ оригинала. Ни Белоху, ни г. Санктису, впрочемъ, не удалось переубѣдить насъ. Какъ мало основательны доводы Белоха, явствуется въ слѣдующаго примѣра: на стр. 265 онъ доказываетъ, что Алкей и Анакреонтъ современники. Какими же онъ пользуется доказательствами? „Aristophanes, говоритъ онъ, hat das sehr lebhaft empfunden“, да гдѣ же? „Αἴτιον δὴ μετ' ἀκόλιόν τι λαβὼν Ἀλκαίου χἀνακρέοντος“¹⁾. (Δαιταλῆς frg. 223, Kock) „und in den Thesmophoriazusen stellt er Ibykos, Anakreon und Alkaios neben einander (161 ff.)

Ἴβυκος ἐκείνος χἀνακρέων ὁ Τῆιος
 κάλκαϊος, οἵπερ ἄρμονίαν ἐχούμεσαν
 ἐμτροφόρου τε καὶ διεκλῶν τ' Ἴωνικῆς“.

Развѣ это доказательства? И не смотря на то Белохъ на этомъ фундаментѣ основываетъ свою гипотезу, ибо онъ пишетъ: „die literarische Stellung des Alkaios und der Sappho aber scheint mir gerade eins der entscheidendsten Argumente für meine Chronologie zu sein“! Есть впрочемъ разница между Белохомъ и г. Санктисомъ. Белохъ обыкновенно ограничиваетъ свои выводы, какъ мы это только что видѣли; зѣкъ онъ говоритъ на стр. 267 сл.: „Die Möglichkeit (курсивъ Белоха) bleibt natürlich, dass die Athener schon einmal vor Pisistratus Sigeion erobert haben“. Г. Санктисъ, напротивъ, такъ убѣждаетъ въ непогрѣшимости Белоха, что этихъ ограниченій у него найти нельзя. Чтожъ касается оговорки Белоха, то спрашивается, какъ же ее согласовать съ предъидущими анодиктическими положеніями? Ср. впрочемъ Кру-

¹⁾ „Выбери какую-нибудь застольную пѣсню Алкея или Анакреонта и спой мнѣ ее“.

зіуса въ журналѣ *Philologus* 55 (1896) стр. 5—19, который, конечно, не могъ разувѣрить предубѣжденнаго г. Санктиса.

Какія получаютъ результаты отъ чрезмѣрнаго скептицизма, явствуетъ изъ стр. 153 сл., 305 и 331. Авторъ оспариваетъ извѣстіе, сообщенное Аристотелемъ ¹⁾, что судьи по демамъ (*δικασταὶ κατὰ δῆμον*) были установлены Писистратомъ. Противъ такого прямого свидѣтельства онъ долженъ былъ располагать весьма вѣскими доказательствами; посмотримъ же, каковы его доказательства (стр. 305): 1) „prima perchè i distretti in cui Pisistrato aveva diviso l'Attica chiamandosi non demì, ma paucrarie, i suoi dicasti avrebbero dovuto piuttosto dirsi κατὰ παυκράτια“. Какое же это доказательство? Онъ говорить, что до Клизеена не было демовъ. Да развѣ онъ не знаетъ, что Клизеенъ не придумалъ названія *δῆμος*, а что до него уже существовали округа, города, мѣстечки, называвшіяся демами? Неужели автору неизвѣстно, что число 30 судей по демамъ никакъ не согласуется съ числомъ 48 паукрарій? Тутъ подразумѣваются не клизееновскіе демы, а деревни, мѣстечки и т. п.; судьи эти были установлены для ббльшаго удобства сельскихъ жителей, они по мѣрѣ необходимости объѣзжали всѣ демы и разрѣшали неважныя дѣла. Это доказательство, стало быть, вполне неудачное. 2) „poi perchè non si capirebbe per qual ragione questi dicasti sarebbero stati aboliti da Clistene“ ²⁾. Мы тутъ никакой трудности не видимъ. По изгнаніи Писистратидовъ были упразднены многія учрежденія Писистрата, какъ это обыкновенно случается при государственныхъ переворотахъ; здѣсь насъ интересуеетъ только одно это учрежденіе, и нельзя же отрицать (на это указываетъ и Аристотель), что въ этомъ популярномъ учрежденіи дѣйствовали и эгоистическіе мотивы. 3) „finalmente perchè li ragioni che spiegano la istituzione di *δικασταὶ κατὰ δῆμον*; nella età di Pericle non sussistono per l'età di Pisistrato, quando i tesmoteti non avevano avuto il carico d'istruire tutti i processi di stato tolti al Areopago“ ³⁾. И это доказательство неосновательное, ибо, во-первыхъ, авторъ врядъ ли настолько знакомъ съ темной età di Pisi-

¹⁾ См. Aristot. *Ἀθ. πολ.*, 16,5 и 26,8.

²⁾ „Далѣ потому, что въ противномъ случаѣ было бы непонятно, почему эти судьи были упразднены Клизееномъ“.

³⁾ „Наконецъ потому, что причинамъ, объясняющимъ учрежденіе этихъ *δικασταὶ κατὰ δῆμον*; во времена Перикла, не существовали во времена Писистрата, когда въ кругъ вѣдомства еессоветовъ не входило разбирательство всѣхъ тяжбъ по дѣламъ государственнымъ, отнятыхъ у ареопага“.

strato, чтобы безъ всякихъ оговорокъ утверждать поп sussistono, вторыхъ, упомянутыя ragioni nella età di Pericle также довольно субъективны, и наконецъ, нельзя же изъ обязанностей судей подемамъ послѣ 453 года выводить заключеніе относительно ихъ обязанностей во времена Писистрата. А такъ какъ всё эти доказательства, какъ мы видѣли, никакого значенія не имѣютъ, то г. Санктисъ не имѣлъ права оспаривать свѣдѣтельства Аристотеля.

На стр. 328 примѣчаніе 1 онъ пишетъ: „Фукидидъ II 20 совершенно очевидно преувеличиваетъ число голятовъ, поставленныхъ ахарянами во время Пелопоннесской войны, говоря, что ихъ было 3000. Однако исправленіе этой цифры было бы произвольнымъ, такъ какъ по словамъ Фукидида ахаряне составляли μέγα μέρος τῆς πόλεως“. Въ самомъ текстѣ онъ на основаніи надписи С. J. A. II 868 (= Michel n. 646) говоритъ, что il maggiore (т. е. демъ), Асарге, il solo che fornisse 22 buleuti. И здѣсь онъ рабски присоединяется къ мнѣнію Белоха. Ни слова о томъ, что Виламовицъ постарался объяснить это мѣсто (Aristot. und Athen II 210): словами τριαχίλιοι ὀπλίται обозначаются βανάμει ὀπλίται, βπλα παραχόμενοι, т. е. (какъ хорошо парафразируетъ Э. Мейеръ) „nicht die wirklich gestellten Hoplitzen, sondern alle Acharner vom Hoplitencensus, einschliesslich der Alten und derer die ihr Vermögen berechtigt als Ritter zu dienen“. „Die Zahl beruht also, говоритъ Виламовицъ, auf einer Schätzung, nicht auf einer Zahlung. So hoch taxirte sie die öffentliche Meinung damals; Thukydides hat es miterlebt“. Это объясненіе, „конечно“, отвергъ г. Санктисъ и одобрялъ результаты Белоха. Какъ мѣтка, напротивъ, краткая замѣтка Э. Мейера (Forschungen zur alten Geschichte, II, Halle, 1899, стр. 164, примѣчаніе 4): „Mit vollem Recht legt Beloch auf die Zahl der Buleuten, welche die einzelnen Demen stellen, ein grosses Gewicht. Aber einen absoluten Maassstab giebt sie nicht, da die Wahlkreisettheilung seit Kleisthenes unveränderlich war und folglich, genau wie bei uns, Orte, die unverhältnissmässig gewachsen waren, schwächer vertreten waren, als die andern. Wenn also Acharnai im Jahre 360/59 22 Buleuten stellt, so folgt daraus allerdings, dass es an der Bevölkerungszahl mehr als ein Drittel der Phyle ausmachte. Aber ob es nicht bei richtiger Proportionswahl noch viel stärker hätte vertreten sein müssen, als nach dem Verhältniss 22 : 50 und ob zur Leontis damals nicht weit mehr Bürger gehörten als ein Zehntel aller Athener, lässt

sich daraus nicht entnehmen". Эта замѣтка Мейера не можетъ подлежать никакому сомнѣнію.

Однако уже пора подвести общій итогъ. Представленные нами замѣчанія на книгу г. Санктиса даютъ, кажется, достаточно основаній высказать о ней слѣдующее заключеніе:

Работа эта едва ли можетъ быть признана новымъ вкладомъ въ историческую литературу. Что въ ней важно, не ново, а заимствовано у предшественниковъ, да и при томъ у нихъ все изложено гораздо лучше и подробнѣе; немногое же новое не выдерживаетъ критики. Научнаго значенія книга не имѣетъ. А если видѣть въ этой книгѣ научно-популярное сочиненіе, то и въ такомъ случаѣ мы полагаемъ, что она читающей публикѣ пользы никакой принести не можетъ, за исключеніемъ, можетъ быть, итальянской, какъ это полагаетъ Оветтъ ¹⁾.

А. Шрѣдшицъ.

Гёксли-Розенталя, Основы физиологии, съ 118-ю рисунками. Переводъ подъ редакціею и съ дополненіями В. И. Льюса, приватъ-доцента Московскаго университета. Москва. Изданіе М. и С. Сабашниковыхъ. 1899. Стр. XX + 515. Цѣна 2 руб.

Сочиненіе Гёксли, отчасти дополненное Розенталемъ, принадлежитъ къ лучшимъ популярнымъ сочиненіямъ по физиологій. Въ учебномъ отношеніи впрочемъ трудно сказать, для какого класса учащихся это сочиненіе могло бы служить руководствомъ: для учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ оно слишкомъ поверхностно, а для учащихся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ оно слишкомъ обширно. Къ тому еще, оно въ довольно значительной степени отличается тяжеловатостью изложенія и не свободно отъ излишняго многословія.

¹⁾ Рецензія наша находилась уже въ редакціи *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія*, когда мы получили вторую книжку „*Rivista di Filologia*“ Argile 1900, въ которой на стр. 320 сл. помѣщена рецензія V. Costanzi, которая, впрочемъ, столь же коротка и безсодержательна, какъ и остальные, упомянутыя нами. Costanzi, правда, указываетъ на болѣе подробную рецензію, напечатанную имъ въ *Rivista di Storia Antica e Scienze affini*, vol. IV, p. 189 сл., но этого журнала, къ сожалѣнію, въ Юрьевѣ нѣтъ.

Не имѣя передъ собою англійскаго оригинала, къ сожалѣнію, трудно сказать, насколько тяжеловатость изложенія принадлежитъ оригиналу или переводу.

Для упрощенія изложенія авторъ нерѣдко прибѣгаетъ къ обобщеніямъ, которыя однако едва ли всегда достигаютъ цѣли. Такъ, напримѣръ, авторъ подводитъ подъ одинъ общій принципъ строеніе кожи, легкихъ и почекъ. „Какъ ни различны“, говоритъ онъ, „кажутся между собой эти органы, но они устроены по одному и тому же принципу. Каждый изъ нихъ состоитъ въ сущности изъ очень тонкаго слоя ткани, похожаго на тонкую фильтровальную бумагу, одна сторона которой лежитъ свободно или примыкаетъ къ полости, находящейся въ связи съ наружной поверхностью тѣла, тогда какъ другая сторона находится въ соприкосновеніи съ кровью, которая должна быть очищена. Такимъ образомъ, выдѣляемые продукты выходятъ изъ крови черезъ тонкій слой фильтровальной ткани на ея свободную поверхность, откуда они выходятъ наружу“ (стр. 17). Надо думать, что учащемуся, усвоившему себѣ другимъ путемъ основныя черты строенія выдѣлительнаго аппарата кожи и почекъ, должно будетъ стоять не мало труда выяснитъ себѣ это искусственное обобщеніе, не говоря уже о томъ, что оно приводитъ выдѣленія организма къ простому процессу фильтраціи, что положительно невѣрно.

Разсматриваемое сочиненіе не совсѣмъ свободно и отъ частаго недостатка популярныхъ изложеній физиологій, состоящаго въ томъ, что, для облегченія пониманія извѣстнаго явленія, описаніе его упрощается до того, что оно становится даже невѣрнымъ. Такъ, напримѣръ, объясняя механизмъ аккомодациі глаза, авторъ говоритъ: „Если пламя свѣчи держать близко и нѣсколько сбоку къ глазу какого-нибудь лица, и съ надлежащаго пункта смотрѣть въ этотъ глазъ, то видно три зеркальныхъ изображенія пламени, два прямыхъ и одно обратное. Одно изъ прямыхъ изображеній отбрасывается передней поверхностью роговой оболочки, дѣйствующей подобно выпуклому зеркалу; второе происходитъ отъ дѣйствующей точно такимъ же образомъ передней поверхности хрусталика, тогда какъ обратное изображеніе отражается отъ задней поверхности хрусталика, которая выпукла назадъ и, слѣдовательно, вогнута впередъ, почему она и дѣйствуетъ, какъ вогнутое зеркало“. Затѣмъ авторъ описываетъ, что при зрѣніи вблизи „прямое изображеніе, отброшенное наружной поверхностью роговой оболочки, и обратное изображеніе отъ задней стороны хрусталика остаются безъ измѣненія“, между тѣмъ какъ „второе

прямое изображение, отраженное от передней поверхности хрусталика, измѣняется какъ свою величину, такъ и положеніе" (стр. 288, 289). Положимъ, что какой-нибудь любознательный читатель захочетъ продѣлать этотъ простой опытъ, согласно данному авторомъ описанію; такая попытка должна будетъ привести его въ отчаяніе, потому что онъ никоимъ образомъ не получитъ описанныхъ здѣсь результатовъ наблюденія, такъ какъ въ дѣйствительности не только для наблюденія какихъ-либо измѣненій въ величинѣ изображеній, но и для простого наблюденія изображеній отъ передней и задней поверхностей хрусталика требуются болѣе сложныя приспособленія. Нельзя не остановиться и на невѣрномъ утвержденіи автора, будто при аккомодациі вблизи величина изображенія отъ задней поверхности хрусталика не измѣняется; въ дѣйствительности она при этомъ уменьшается. Нельзя не обратить при этомъ вниманія и на то, что приводимый въ текстѣ рисунокъ 78, представляющій по Гельмгольцу разрѣзъ хрусталика при зрѣніи вдаль и вблизи, противорѣчитъ изложенію въ текстѣ, такъ какъ на этомъ рисунокѣ видно, что при аккомодациі вблизи задняя поверхность хрусталика становится болѣе выпуклою, слѣдовательно, изображеніе отъ нея должно при этомъ уменьшаться.

Помимо указанныхъ недостатковъ, рассматриваемое сочиненіе должно быть признано во многихъ отношеніяхъ весьма удовлетворительнымъ. Точно также долженъ быть признанъ удовлетворительнымъ и русскій переводъ. Встрѣчаются нѣкоторые частныя промахи въ изложеніи, но они едва ли могутъ существенно мѣшать пониманію. Постараюсь привести здѣсь хоть нѣсколько образчиковъ такихъ промаховъ.

На стр. 31, упомянувъ о сѣти млечныхъ или лимфатическихъ сосудовъ въ стѣнкахъ тонкой кишки, авторъ замѣчаетъ: „стволы, изливающиеся въ упомянутую сѣть, лежатъ въ брыжжейкѣ“; въ дѣйствительности же жидкость изъ каналовъ этой сѣти изливается въ означенные стволы, а не обратно („стволы“ сами по себѣ впрочемъ вообще не изливаются, а можетъ изливаться лишь содержащаяся въ нихъ жидкость). На стр. 56 находимъ курьезное утвержденіе, будто вѣтви аорты разносятъ кровь „по всѣмъ частямъ тѣла за исключеніемъ легкихъ“; въ дѣйствительности же и легкія получаютъ для своего питанія кровь изъ аорты, въ видѣ *art. bronchiales*. На стр. 299 авторъ говоритъ: „Люди говорятъ: „я чувствовалъ“, „я слышалъ“, „я видѣлъ“ ту или другую вещь, когда въ девяносто девяти случаяхъ

изъ ста они подразумѣваютъ подъ этимъ только то, что, по ихъ мнѣнію, извѣстныя дошедшія до ихъ сознанія ощущенія осязанія, слуха или зрѣнія вызваны тѣми или другими вещами". Если авторъ разумѣетъ тутъ вообще субъективность нашихъ ощущеній, то непонятно, почему онъ ограничилъ эту субъективность лишь 99-ю случаями изъ 100; если же авторъ имѣетъ тутъ въ виду, такъ называемые, обманы ощущеній, то непонятно, почему онъ распространялъ обманчивость ощущеній на цѣлыхъ 99 случаевъ изъ 100. На стр. 302 авторъ опредѣляетъ зрительную ось какъ „линію, соединяющую предметъ“ (внѣшній) „съ сѣтчатой оболочкой и проходящую черезъ центръ глаза“; но отъ внѣшняго предмета можно провести черезъ центръ глаза безконечное число линій къ сѣтчатой оболочкѣ, слѣдовательно, данное опредѣленіе страдаетъ совершенною неопредѣленностью. На стр. 304—305 нѣсколько разъ говорится о „пространствѣ“ сѣтчатой оболочкѣ, занятомъ изображеніемъ отъ какого-либо предмета, между тѣмъ какъ слѣдуетъ говорить о части поверхности сѣтчатой оболочкі. Этихъ образчиковъ, я полагаю, довольно.

Н. Банастъ.

MITTHEILUNGEN DER SCHLESISCHEN GESELLSCHAFT FÜR VOLKSKUNDE, VON F. VOEGT UND O. JURITSCHIK. Вып. I—IV. 1895—1897.

Этотъ новый журналъ, посвященный фольклору Силезіи, привлекъ довольно значительное число сотрудниковъ, на нѣкоторыхъ трудахъ которыхъ мы и остановимся въ настоящемъ разборѣ, по преимуществу имѣющихъ отношеніе къ славяновѣдѣнію. Во II выпускѣ этого журнала обращаетъ на себя вниманіе статья П. Диттриха „О пасхальныхъ обычаяхъ въ Силезіи“. Здѣсь мы находимъ интересное описаніе обычая отыскивать Іуду Искаріотскаго. Дѣло происходитъ такъ. Въ Великую среду деревенская молодежь вооружается старыми метлами; обмахнувъ ихъ въ смолу и зажегши, она бросается въ поле разыскивать Іуду. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Силезіи въ то же время отбывается и слѣдующая забава. За нѣсколько недѣль до Пасхи происходитъ собраніе стовсюду старыхъ метель. Въ самый день Великой среды парни разбѣгаютъ въ деревнѣ отъ дома до дому и собираютъ солому, дерево и другіе матеріалы. Наполнивъ возъ этимъ горючимъ матеріаломъ, они съ триумфомъ выѣзжаютъ въ поле и тамъ на избранномъ мѣстѣ устанавливаютъ боль-

шную копну (стогъ) изъ собраннаго горючаго матеріала. Вечеромъ собираются къ этому стогу всё съ возможно большимъ числомъ метель и палокъ, обмазанныхъ смолою. Старшій изъ присутствующихъ при этомъ зажигаетъ этотъ стогъ; когда огонь усилится, всякій приближается къ нему по очереди и зажигаетъ свою метлу, и затѣмъ съ зажженными метлами и палками гуськомъ идутъ полемъ, при чемъ подбрасываютъ вверхъ пылающія метлы и палки; потомъ такимъ же образомъ возвращаются къ прежнему пункту—горящему стогу, при которомъ нѣсколько человѣкъ оставалось для поддержанія пламени. Возвратившаяся изъ торжественнаго шествія по полямъ молодежь бросается на горящій стогъ со своими метлами и палками и перепрыгиваетъ черезъ пламя. Зажегши послѣднюю метлу, всё гурьбой идутъ за деревню, тушатъ огни и преспокойно расходятся. Этотъ обрядъ носятъ названіе „Sauerbrennen“; онъ извѣстенъ чехамъ подъ названіемъ „сжиганія Іуды“ и „погребенія Вакха“—въ Прагѣ ¹⁾. Въ немъ безспорно видны черты кунальскихъ костровъ, черезъ которые суевѣрные люди перепрыгиваютъ для полученія здоровья. Но для полнаго уясненія этого обряда необходимо обратиться за сравнительною справкою къ другимъ славянскимъ племенамъ, что не сдѣлано г. Диттрихомъ, а равно и къ свидѣтельству исторіи. Объ этомъ обрядѣ у силезцевъ имѣется свидѣтельство отъ 1706 г. У лужичанъ и чеховъ существуетъ обычай проводовъ смерти на крестопоклонной недѣлѣ (у лужичанъ), или въ слѣдующее воскресенье (у чеховъ)—„Iudica“; чучело смерти (по-чешски „Smrtonošk-i“, „Smrtholk-i“) бросали въ воду ²⁾ и разрывали его на части. Въ XIV вѣкѣ у чеховъ, какъ видно изъ соборнаго постановленія 1366 г., подтвержденнаго на пражскомъ соборѣ 1384 г., въ средѣ духовенства и простого народа существовалъ обычай ношенія куклы, изображавшей смерть, съ пѣснями и пирами ³⁾; потопленная въ водѣ смерть, т. е. очищенная

¹⁾ Въ другихъ мѣстахъ Чехіи подъ именемъ потопленія дивара; на Саксонской границѣ—обрядъ стараго жиды, въ окрестностяхъ Шенфельда—изгнаніе турка за городъ и др.

²⁾ Изъ XVI вѣка свидѣтельство Гваннини.

³⁾ Въ извѣстной связи къ этому обряду находится и статья проф. Vogta „Смерть въ датскихъ пѣсняхъ силезскихъ и имириваніе hupnè“. Народъ гунны отождествленъ съ образомъ смерти; ихъ народъ старался въ своихъ обрядахъ сдѣлать безвредными, какъ и смерть (II). Точно также и замѣтка д-ра Варнача „О смерти на колѣ“ (ibid.). У пермяковъ существуетъ обычай въ Крещенье скакать по улицамъ на лошадяхъ, который называется „Чудья ваметлыны“, т. е. топтать, гнать чудовъ, вредныхъ существъ (И. Смирновъ, Пермскіи, стр. 282).

живой водой, становилась безвредною. Въ Орловской губ. существуетъ обычай гошнѣя дѣвцами смерти въ полночь по полю. Съ такою же цѣлью (ради полученія здоровья) въ Великій четвергъ даютъ дѣтямъ ѣсть булки съ медомъ или сиропомъ.

Къ великому празднику Пасхи каждый старается явиться чистымъ и здоровымъ. Въ Великую пятницу, до восхода солнца крестьяне молчаливо направляются къ рѣчкѣ или пруду и моются, а нѣкоторые скачутъ въ воду. Дѣлаютъ это для очищенія и укрѣпленія. Возвращаясь домой, они набираютъ воды для родственниковъ, не имѣвшихъ возможности исполнить этотъ обрядъ омовенія въ рѣчкѣ. Съ этого дня хозяйки начинаютъ печь пасхальные пироги.

Въ Великую субботу въ костѣлѣ происходитъ освященіе березовыхъ полей, въ которыхъ народъ въ послѣдствіи дѣлаетъ крестики и въ первый день Пасхи рано утромъ втыкаетъ въ поле, произнося при этомъ молитву; крестики втыкаются въ землю предъ началомъ молитвы, въ серединѣ молитвы и въ концѣ молитвы. Обыкновенно рядомъ втыкаютъ три крестика и между ними пальмовую вѣточку, освященную въ недѣлю Ваи. Эти пальмовыя вѣточки проглатываются послѣ освященія, какъ предохранительное средство отъ болѣзней горла. Тѣми же крестиками и пальмовыми вѣточками украшаютъ образа, зеркала и др. Въ тотъ же день народъ глядитъ на солнце и усматриваетъ скачущаго на немъ ягленка. Авторъ не представилъ объясненія излагаемыхъ имъ здѣсь пасхальныхъ обрядовъ, но нельзя не выразить благодарности и за самое сообщеніе фактовъ.

Самымъ веселымъ и торжественнымъ для молодежи днемъ оказывается понедѣльникъ Свѣтлой недѣли, носящій названіе „Schmaskostegni“. Это праздникъ специально молодежи; парни заранѣе готовятъ особыя плети (или бичи), которыми бьютъ дѣвушекъ, а за немѣнѣемъ таковыхъ—хозяекъ, и затѣмъ обливаютъ ихъ водою, что называется „Sinigust“. Во вторникъ Свѣтлой недѣли дѣвушки обливаютъ мужчинъ. И этотъ обрядъ бѣенія плетью и обливанія водою имѣетъ свое специальное назначеніе—доставить получающимъ удары здоровье, крѣпость, какъ матеріаль, изъ котораго приготовлена плеть, и чистоту, какъ вода, возлпаемая на субъекта. Въ Малороссіи и Бѣлоруссіи этотъ обрядъ бѣенія „вербами“ вѣтвями происходитъ въ Вербное Воскресеніе и имѣетъ то же назначеніе, какъ видно изъ произносимыхъ при этомъ словъ: „верба бьетъ, не я бью; будь здоровъ, какъ вода, роси какъ верба“.

Dr. Drechsler печатаетъ обширную работу „Очерки этнографіи

силезской"; въ первой части этой работы имѣемъ „Обычаи и развлечения молодежи“ съ выдержками изъ простонародныхъ пѣсенъ (съ соблюденіемъ народнаго выговора).

Дальше затѣмъ обращаютъ вниманіе: I. Статья Людвика Воаса „О старыхъ народныхъ пѣсняхъ“: 1) солдатскихъ, 2) балладахъ и романсахъ, 3) пѣсняхъ ясельныхъ и 4) такъ называемыхъ Schänischer Lieder. II. Статья д-ра Кюхнау (Кюппау) „Цикль силезскихъ сказокъ и преданій“: 1) о ночномъ стрѣлкѣ, 2) объ огненномъ чело-вѣкѣ, 3) о проклятыхъ существахъ, завлекающихъ людей, 4) о духахъ, вскакивающихъ на плечи, 5) о демонахъ, 6) о чаровницѣ, 7) о смерти и др.

Интересны затѣмъ въ томъ же II выпускѣ два народныхъ преданія о появленіи грибовъ и сморчковъ. Однажды, говоритъ силезское народное (апокрифическаго характера) преданіе, Иисусъ Христосъ и его ученики не имѣли чего ѣсть. Тогда Петръ укралъ кусокъ хлѣба для утоленія своего голода. Но Иисусъ Христосъ зналъ объ этомъ,—и какъ только Петръ вложилъ хлѣбъ въ свои уста, учитель обратился къ нему съ словомъ. Петръ долженъ былъ выплюнуть хлѣбъ, дабы имѣть возможность отвѣтить своему учителю. Это повторялось много разъ, пока Петръ не выплевалъ всего куска хлѣба. Тамъ, гдѣ упалъ выплюнутый хлѣбъ, появлялся грибъ. О происхожденіи „сморчковъ“—грибовъ низшаго сорта, существуетъ слѣдующее народное преданіе. Однажды дьяволъ былъ въ дурномъ расположеніи духа. По дорогѣ повстрѣчалъ онъ старую бабу, схватилъ ее, разрубилъ на мелкіе кусочки и разбросалъ по лѣсу. И вотъ тамъ, гдѣ упалъ такой кусочекъ растерзанной дьяволомъ старой бабы, выростъ сморчокъ. Оттого-то и до-нынѣ старую бабу называютъ „сморчкомъ“, т. е. потому, что ея лицо изборождено морщинами.

Интересна также статья Шольца „О деревенскихъ народныхъ въ Силезіи въ началѣ текущаго столѣтія“,—статья II. Дрехслера „Церковныя пѣсни съ устъ народа въ Кетрѣ“: 1 и 2) пѣсни о младенцѣ Иисусѣ, 3) о Богородицѣ и 4) страданіе Маріи ¹⁾.

Въ III выпускѣ помѣщена первая часть работы проф. Неринга

¹⁾ Отмѣтимъ и статьи, не имѣющія отношенія къ славяновѣдѣнію: 1) проф. С. Френцеля „О вліаніи Востока на нѣмецкій языкъ“ и 2) проф. Аншеля „О новѣйшей поэзіи въ нѣрѣчій южно-французскомъ и объ отношеніи ея къ этнографіи“; авторъ этой послѣдней статьи сближаетъ эту южно-французскую поэзію съ древнею провансальскою.

„Суевѣрія, обычаи, преданія и сказки въ Верхней Силезіи“. Главный матеріалъ проф. Нерингъ почерпнулъ изъ находящагося въ Бреславльской бібліотекѣ рукописнаго сборника, который перешелъ сюда отъ народнаго учителя Іосифа Лѳмы изъ Любша, около Люблинца, умершаго въ 1863 г. Этотъ рукописный сборникъ (три первая части) составленъ имъ въ 1846 г., а четвертая—въ 1859—1860 г. Раньше этимъ сборникомъ пользовался К. Веингольдъ. Сборникъ этотъ составленъ не по вполне правильному плану, но съ точнымъ обозначеніемъ мѣстности, къ какой принадлежалъ сказитель или сказительница пѣсни, и нѣтъ бесспорно важнаго значеніе для изученія народной словесности. Въ этомъ собраніи памятниковъ народной словесности славянскаго населенія Силезіи мы встрѣчаемъ и „русалокъ“, которыя, по мнѣнію проф. Неринга, занесены сюда изъ Россіи черезъ Польшу. Но это мнѣніе нельзя признать вѣрнымъ, такъ какъ слово „русалка“ не имѣетъ ничего общаго съ названіемъ народа „Русь“, а находятся въ связи съ растеніемъ *dies rosaliae* (въ началѣ лѣта)¹⁾. Также сомнительно толкованіе проф. Нерингомъ происхожденія слова „забобонъ“—суевѣріе, отъ имени богомиловъ—„бобуны“, которое стоитъ въ связи съ названіемъ горы въ Македоніи между Прилѣпомъ и Велесомъ—Бабуны; по мнѣнію проф. Неринга слово „забобонъ“ занесено въ Силезію черезъ Малороссію и Польшу, но, кажется, это необходимо обставить несомнѣнными доказательствами. Отъ „забобона“ различается въ Верхней Силезіи „*przuwiątek*“, что соотвѣтствуетъ собственно польскому *przesąd*, рус. предрасудокъ.

Въ концѣ первой части этой работы проф. Нерингъ касается вопроса о происхожденіи сказки и склоняется на сторону Бенфея, по которому основа сказки индійская: во всѣхъ современныхъ сказкахъ мы встрѣчаемъ мотивы индійскіе, которые передѣланы и украшены фантазіей европейскихъ народовъ.

Кюхнау помѣстилъ въ этомъ выпускѣ продолженіе силезскихъ сказокъ: 1) о великомъ плачѣ при смерти человѣка, 2) о возвращеніи изъ гроба женщины-матери, умершей отъ родовъ, каждую ночь для ухода за своимъ ребенкомъ, 3) о смерти, 4) о дьяволѣ и 5) о заклинаніи.

Дальше отиѣтимъ: „Праздничные дни въ вѣрованіяхъ и обычаяхъ

¹⁾ Какъ русалки возникли изъ „*dies rosaliae*“, такъ южно-славянскія виды изъ „*dies violae*“ (въ началѣ весны). См. А. Н. Веселовскаго „Разысканія въ области русскаго духовнаго стиха“, IX, стр. 177 и др.

силезскаго народа⁴, гдѣ находимъ обряды въ рождественскіе святки, въ день св. Іоанна. Тотъ же авторъ, Кюхнау, помѣстилъ описаніе деревенской свадьбы въ Woitz, около Нисы (Nels), изъ времени около 1850 г.

Упомянутый въ предыдущемъ томѣ авторъ Отто Варначъ въ статьѣ „О силезскихъ легендахъ“ помѣстилъ двѣ легенды: 1) перлы изъ „рожанца“ св. Яцка и 2) о пражскомъ архіепископѣ Эрнестѣ. Въ статьѣ д-ра Стяше (Stäsche) „Преданія изъ округа Олесницкаго“ находимъ слѣдующія интересныя преданія: 1) дьяволъ, какъ козелъ, 2) объ огненномъ змѣѣ (смолѣ) и 3) затопленномъ кладѣ. Въ статьѣ F. V „О морѣ“ (чумѣ) сообщены народныя преданія о морѣ, обряды народныя, имѣющіе отношеніе къ этому существу, образъ котораго получилъ опредѣленную форму въ воображеніи народа. Точно также тотъ же авторъ говоритъ „О народной пѣснѣ съ Корковошъ“ и приводитъ отрывокъ пѣсни „о воданомъ“¹⁾. Д-ръ Дрехслеръ въ дополненіе къ статьѣ Л. Воаса помѣстилъ одну пѣсню изъ такъ называемыхъ „Schänscherlieder“, „Nie chce jej“ (Не хочется).

Чисто филологическихъ статей мало. М. Гейнцель помѣстилъ статью „О народномъ гонорѣ въ Силезіи“ и О. Шольцъ „Объ измѣненіяхъ народнаго говора въ Силезіи“.

Наковецъ отгѣтнѣтъ еще статью П. Диттриха „О деревенской силезской хатѣ“²⁾.

Въ IV выпускѣ профессоръ Нерингъ помѣстилъ продолженіе своей работы „О суевѣрїяхъ, преданїяхъ и сказкахъ въ Верхней Силезіи“. Авторъ воспользовался новыми матеріалами, доставленными ксендзомъ Григоріемъ изъ Плужницы — это: „Древнія названія мѣстностей въ Силезіи“ (составлены въ 1896 г. г. Дамротомъ) и Матеріалы по силезской этнографіи, собранныя извѣстнымъ польскимъ этнографомъ Оскаромъ Кольбергомъ, находящіяся нынѣ въ Краковской академіи наукъ. Профессоръ Нерингъ, сравнивши матеріалы, собранныя О. Кольбергомъ съ матеріалами Лбмпы, пришелъ къ заключенію, что первые

¹⁾ Для сравненія можно пользоваться матеріалами о водинонъ у пермяковъ, собранными И. Н. Смирновымъ въ книгѣ „Пермяки“ (1891, Изв. Казан. Общ. Археол., т. IX, вып. 2), въ сборникѣ „Lud Ukrain.“, I, 327; *Valarec*, 7—12; Аванасьевъ „Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу“, II; его же „Народныя сказки“, VII, 12 и Худиковъ, III, 161. Водные мѣтютъ много золота и серебра; они своей плаской волнуютъ рѣки и море.

²⁾ Отгѣтнѣтъ и рефератъ д-ра Vogt'a „Остатки старинныя въ обычаяхъ, преданїяхъ и пѣсняхъ силезскаго народа“.

уступаютъ послѣднимъ по богатству и важности матеріала, хотя значеніе первыхъ не подлежитъ никакому сомнѣнію.

Оскаръ Шольцъ помѣстилъ въ этомъ выпускѣ „Описаніе прядильнаго вечера въ Herzogswaldau“. Это нѣчто въ родѣ малорусскихъ вечерницъ. Въ статьѣ этой мы находимъ народныя пѣсни и разговоры, относящіяся къ подобнаго рода собраніямъ. Отнѣтитъ слѣдуетъ, что при этомъ сохраненъ народный выговоръ.

Какъ въ органѣ, посвященномъ силезской этнографіи, находимъ мы здѣсь и программы для собиранія этнографическихъ матеріаловъ. Къ числу такихъ программъ относится „Къ вопросу о силезской этнографіи изъ долины Любавы Вильгельма Пачовскаго“; дѣлится она на слѣдующія отдѣленія: 1) о названіяхъ и народномъ говорѣ, 2) поэзія, 3) вѣрованія и преданія, 4) обряды и обычаи, 5) предсказанія, чародѣйства, народная медицина и 6) архитектура и одежда.

Затѣмъ отмѣтимъ и статейку др-а Ольбриха „О посвященіи оружія“. Это довольно интересная работа.

Богатство напечатаннаго въ этомъ органѣ матеріала служитъ самою лучшею рекомендаціей его. Можно надѣяться, что и послѣдующіе выпуски будутъ составлены столь же обстоятельно и разносторонне¹⁾. Желательно нѣсколько большее примѣненіе сравнительнаго метода; матеріалъ для сравненія легко можно черпать у *Rolland'a* „*Faune populaire*“ и *Liebrecht'a* „*Zur Volkskunde*“ и др.

В. Качановскій.

¹⁾ Въ томъ же IV томѣ интересна статья, не имѣющая непосредственнаго отношенія къ славяновѣдѣнію, „Итальянская народная пѣсня“ др-а Ричарда Вевдранера. Авторъ обращаетъ вниманіе на разницу итальянской пѣсни относительно формы, матеріала, строенія стиха, содержанія, что условлено характеромъ мѣстности, гдѣ появлялась та или другая пѣсня: въ сицилійской пѣснѣ, по его мнѣнію, преобладаетъ фантазія, а въ венеціанской — чувство. Авторъ довольно обстоятельно говоритъ о различныхъ родахъ и формахъ итальянской народной пѣсни: *giaretto*, *stornello*, *sanziuna*, *stramoutt*, *fiore*, *sanziuni di cagnillvari*, *ogationi*, *storie* и *ballad'm*. Итальянская пѣсня извѣстна и внѣ границъ Італіи, напримѣръ пѣсня изъ оперы „*Cavalleria rusticana*“ Масканья зашла въ Германію; „Пѣсня Лолы“ этой оперы представляетъ соединеніе двухъ народныхъ „*fiore*“. Авторъ говоритъ о собраніяхъ итальянскихъ пѣсней въ Германіи; собранія Гердера, Гете и Вильгельма Миллера онъ призналъ неудовлетворительными; научными собраніями онъ признаетъ Кошима „Сборникъ итальянскихъ пѣсней“ и сборникъ Вольфа „*Egeria*“. Отмѣчаетъ авторъ и вѣрнѣе итальянской этнографіи Іосифа Питра въ Палермо и его журналъ „*Biblioteca delle tradizioni popolari siciliane*“ и его со-редактора Александра D'Ancona.

Národopisný Sborník Československý. Vydáva Národopisná společnost Československá a Národopisné Muzeum Československé. Redaktor prof. dr. František Pasternek. Hlavní spolupracovník doc. dr. E. M. Kovář. V Praze svaz. I (1897), svaz. II a III (1898), sv. IV—V (1899), VI (1900).

Чешск. лѣт. сборник. ред. др. С. Зивет. 1896—98, в. Праге.

Извѣстный составитель необходимой для всякаго слависта справочной книги „Bibliographische Übersicht über die Slavische Philologie 1876—1891“ (Berlin 1892 г.), при главномъ сотрудничествѣ Ем. Коваржа, принялъ редактирование новаго чешскаго періодическаго изданія, заглавіе котораго выписано. Чехи не отстаютъ отъ другихъ народовъ въ изученіи своей народности; съ 1896 г. они основали особое Этнографическое общество; съ 1897 г. у нихъ издается „Věstník Národopisného Muzea Československého a národopisné společnosti československé“.

Настоящему разбору подлежатъ пять выпусковъ „Národopisného Sborník-a“. Первый выпускъ имѣетъ общее значеніе по отношенію къ самому Этнографическому обществу; въ немъ мы находимъ „žádost Rady Národopis. Muz. Česk. k poslancům sněmu království Českého za zemskou subvencí pro Národopisn. Muz. Česk.“, на ряду съ замѣткой „Uberské Národopisné Muzeum u pešt'ském parlamentě“. Статей спеціальнаго характера въ немъ не находимъ.

Второй томъ этого Сборника даетъ нѣсколько интересныхъ статей. I. Полякка въ статьѣ „О сравнительномъ изученіи народныхъ преданій“ (O srovnávacím studiu tradic lidových), разсматриваетъ существующіе три метода въ изученіи народныхъ преданій: мѣологическій, антропологическій и заимствованія. Безспорно, эти три метода не исключаютъ одинъ другаго, но скорѣе дополняютъ другъ друга. Исследователь долженъ имѣть филологическое образованіе, на что указано Густавомъ Мейеромъ въ сочиненіи „Essays und Studien“: „Ich glaube, derjenige wird der beste Märchenforscher sein, der auf der tüchtigen Grundlage philologischer Bildung steht. Die kritische Sichtung, die methodologische Vergleichung, das formelle wie sachliche Verständniss eines so weitläufigen und häufig so fragwürdigen Materials kann der philologischen Vorbildung nicht entbehren“¹⁾.

Въ новѣйшее время теорія Бенфея имѣетъ своихъ представителей въ лицѣ *Ламма*, автора „Myth, ritual and religion“ (1887)²⁾, J. Bé-

¹⁾ I, стр. 169.

²⁾ Французскій переводъ „Mythes, cultes et religion“ par Léon Marillier. Paris. 1896.

dier-a, автора „Les Fabliaux, études de littérature populaire et d'histoire littéraire du moyen age. Deuxième édition revue et corrigée. Paris 1895“¹⁾, и въ лицѣ Карла Крона, доказавшаго связь греческихъ сказокъ съ индійскими²⁾.

Изъ русскихъ ученыхъ Драгомановъ въ статьѣ на болгарскомъ языкѣ „Славянскитѣ прѣправки на Единовата история“³⁾ точно также доказалъ, что эти три метода должны дополнять другъ друга и, подобно западно-европейскимъ ученымъ школы заимствованій, какъ Кблеръ и Коскенъ, настаиваетъ на томъ, что при изученіи слѣдуетъ обращать вниманіе не на одну только основу сказанія, но и на его подробности: на развитіе темы, на бытовые черты, на особенности географическія и историческія, на тенденцію и т. п.; всѣ эти подробности уяснить переходъ преданія отъ одного народа къ другому, и даже въ извѣстный періодъ, съ наслоеніями изъ другихъ періодовъ позднѣйшихъ. По мнѣнію проф. Поливки, покойный Драгомановъ обратилъ тщательное вниманіе на эти факты при изслѣдованіи космогоническихъ преданій у славянъ дуалистическаго характера и въ статьѣ „Забвѣжки върху славянскитѣ и этически легенды II. Дуалистическото митотворенне“⁴⁾ пришелъ къ болѣе основательнымъ выводамъ, нежели академикъ А. Н. Веселовскій въ своихъ изслѣдованіяхъ. Г. Поливка соглашается съ мнѣніемъ Драгоманова, что религіозныя и космогоническія представленія проникли въ Россію не черезъ посредство обитателей Балканскаго полуострова, не черезъ ихъ апокрифическую литературу, а прямо изъ Средней Азіи, такъ какъ вліяніе иранско-халдейское на русскій народъ не возбуждаетъ никакого сомнѣнія.

Изъ другихъ статей этого выпуска отиѣтимъ: „Вѣн Регул“ А. Краус-а. Перунъ извѣстенъ чехамъ въ формѣ „Раготъ“; въ чешской пѣснѣ о Перунѣ читаемъ:

„Za oných časov,
Za starých bohov,
Za boha Ragota,

¹⁾ Первое изданіе было въ 1893 г.

²⁾ См. его „Bär (Wolf) und Fuchs“ (1889, стр. 16). Eine nordische Tiermärchen-Kette (нѣмецкій переводъ съ флискато сдѣланъ О. Гакманомъ въ „Journal de la Société. Finno-Ougrienne VI. Helsingiss 1889). Тому же К. Крону принадлежатъ „Mann und Fuchs. Drei vergleichende Märchenstudien“, Helsingfors 1891.

³⁾ Въ органѣ министерства народнаго просвѣщенія (болгарскаго) „Сборникъ за народни умотворенія“ V—VI, стр. 6.

⁴⁾ Ibid. т. V, VIII и X.

Nemela žiadná,
V dome samotná
Byť, postelkyňa.

Kmínské kmotričky
Prišli do chyžky
Z horoucim železom,

A ním v posteli
Hladily, trely
Matku i s dät'atom" (Пісня записана в 1834 р.)

Въ другой словенской пѣснѣ о богѣ Перунѣ излагается слѣдующее:

„Nedaleko od Trentina
Pri Uhrovci je dolina,
Ked' ces nu ludé kračajú
Dubkom jim vlasy vstávajú:
mezi dvoma potokama
Stojí strašná skala sama,
ma ľudskú tvár i postavu,
ruky, nohy, oči, hlavu.
Popri nej kamen na zemi
jako djet'a zavalený.

Za starých časov cigauka,
ktorej jméno bolo Ratka,
niesla tam dieťa na ruce.
nemala plienky, onuce

„Ha, bodaj t'a, ty potvora,
jasná strela Paromova!“
V tom shodí batoh zo seba
S pecnom jačmeného chleba,
Z chleba kusy odlomila
a fagana očistila.
Buoh Parom za oblakami
uvidi to nahušvaný:
Tresk! zahrní jej do čela
Hned, s dečkom zkamenšla,
Ze božieho darn chleba
tak užila, jak netroba.

Diet'a nevinno pre hriech ten
čaká tu až na súdny den,
robí niekedy ai (sic) divy,
chráni priesadku od zimy.
Ale Ratka u tej rieky
bude skalou až na veky“.

Пѣсня эта уясняетъ народное повѣрье о каменныхъ бабахъ и ромовыхъ стрѣлахъ ¹⁾).

Статья Ант. Шолты „Dva seelské kancionály z XVIII stol. psané istáku“ представляетъ интересныя свѣдѣнія о двухъ канціоналахъ: одинъ писанъ Юріемъ Крейзлемъ въ 1742 г., а другой — Юріемъ Вольнымъ. Составитель перваго канціонала пользовался болѣе древнимъ канціоналомъ, конца XV вѣка; въ этомъ канціоналѣ Крейзля мѣются пѣсни гуситскія и чешскихъ братьевъ, которыя, очевидно, или распѣваемы чешскими крестьянами въ XVIII вѣкѣ. Въ статьѣ той отпечатаны инициалы изъ этого канціонала.

Второй канціоналъ — Юрія Вольнаго хранится теперь въ Пардубицкомъ музеѣ, объ этой пѣснѣ „Pane Bože dej svobodu“ писалъ

Калоусекъ въ „Archiv. Pam.“ XIII ²⁾). Юрій Вольный вмѣстѣ съ своимъ братомъ сочиняли свои пѣсни въ концѣ XVII и началѣ XVIII вѣковъ; языкъ и стихъ не отличаются чистотою и гладкостью: вотъ образчикъ стихотворства Юрія Вольнаго:

„Jednoho času měsíce máje
všel jsem do háje,
dle aufadu stavu svého,
jak se sluší na polesnýho,
povinnost' svou znaje.—
J vejdu na kraj do toho lesa
Slyším ano plesá,
Zvučně, hlasitě hovoří
a svými psyky švitoří
ptactvo, veselé jsa.
Řeka spanilá pod lesem v louce,
nálehtile jdouce,
květičko krásné, spanilé,
červené, žluté a bílé
k obhlbení jsouce
J vzhlednu stranou, tak jako maní
vidím z nenadání,
kterak spanilý jelínek
S laní jako úvinek (толстая дубовая вѣтвь)

¹⁾ Ср. Медвильскаго „о повѣрїяхъ въ Тренчинѣ“ (Zpjev I. 409), на котораго ссылается Гормайеръ въ „Taschenbuch auf das Jahr 1829“: „Eben dieser Säugling soll bis jetzt eine gewisse Wunderkraft besitzen, weil er schuldlos dort den jüngsten Tag erwarten muss. Jährlich machen sich die Bewohner des Dorfes um den Felsen am Josephitag ein umzäuntes Gärtchen und bauen darin Krautsamen, der Fels schützt sonach die zarten Pflänzlein vor dem Erfrieren“.

²⁾ См. еще въ „Slovník-Naučný“ Ригера.

má stné milování.
 Šťastně pár k raru v pověsti
 uctivě se šetří,
 holoubek na doubku houká,
 želulka na jedli kuka etc.

Эта пѣсня предназначена для унывающего вдовца, съ цѣлью разогнать его отчаяніе указаніями на все живущее въ природѣ.

Въ 3-мъ выпускѣ обращаетъ вниманіе статья Махала „О нѣкоторыхъ книжкахъ для народнаго чтенія“; въ четвертомъ — пятomъ выпускѣ интересна по своимъ выводамъ статья Ладислава Гашковца о населеніи Чехіи „Přísrůvek k antropologii...“ и Пейскера „О задругѣ“ у южныхъ славянъ.

Въ шестомъ выпускѣ интересна статья г. Поливки „О zlatém ptačku a dvou chudých chlarcích“.

Этотъ періодическій сборникъ имѣетъ и библиографическій отдѣлъ, главнымъ образомъ, по фольклору; если онъ и не вполне полный, то все же довольно цѣнный.

Предпринятое д-ромъ Зибртомъ и Л. Нидерле изданіе „Česky Lid“ аккуратно выходитъ по 6-ти выпусковъ въ годъ, и каждый выпускъ представляетъ болѣе или менѣе интересное содержаніе. Не задаваясь цѣлью дать подробный отчетъ о каждомъ выпускѣ, я постараюсь отмѣтить самое выдающееся.

Въ 3-мъ выпускѣ за 1896 г. обращаетъ на себя вниманіе статья *О. Гостинискою* о чешскихъ народныхъ пѣсняхъ на темы о камнѣ, жницѣ или пастушкѣ и сироткѣ и статья В. Газука и В. Ржепа о южно-чешскихъ сказаніяхъ о страшилищахъ. Точно также г. *Смола* далъ прекрасное описаніе игръ школьниковъ въ праздникъ св. Григорія; дѣти гурьбой отправляются въ путешествіе и при этомъ распѣваютъ соответствующія пѣсни. Продолженіе въ 5-мъ выпускѣ ¹⁾. О такихъ пѣсняхъ „грегоріаннахъ“ помѣстилъ статью г. Карловичъ въ львовскомъ журналѣ „Lud“ 1896 г., стр. 198—201.

Для изученія чешско-моравскаго орнамента и одежды важны статьи г. *Клавны* и *В. Гавелковой*.

Въ 4-мъ выпускѣ интересная статья *Т. Шланскою* „Podruzí a žuvotníci“, въ области народныхъ юридическихъ обычаевъ. „Подругомъ“ называется крестьянинъ безземельный, живущій въ домѣ хозяйна и пользующійся извѣстною частью дохода за свои труды.

¹⁾ Такъ же и Зибртъ о „грегоріаннахъ“ въ 1-мъ выпускѣ за 1896 г.

„Животникомъ“ называется тоже безземельный крестьянинъ, получающій полное содержаніе для себя и своей жены, но необязанный работать; это большею частью младшій братъ хозяина имущества.

Г. Соукулъ и Зибртъ даютъ новыя свѣдѣнія о собраніи старо-чешскихъ „погадокъ“. *Тителъбагъ* въ „Rozpřesovaní živého ohně“ описываетъ добываніе „живого“ огня у южныхъ славянъ—болгарь, сербовъ, герцеговинцевъ и македонцевъ. Авторъ этой статьи довольно старательно собралъ матеріалъ на данную тему, при чемъ воспользовался новѣйшею работою по этому вопросу г. Леопольда Шредера „Erzeugung von Feuer durch Reibung von drei Holzstücken“¹⁾.

Въ 5-мъ выпускѣ I. Мкубецъ помѣстилъ чешскую историческую пѣсню о докторѣ Фаустѣ (стр. 426), по старо-чешскому изданію; I. Коларъ помѣстилъ обстоятельную статью „O Rybecouloví“ (=нѣмецкому Rubezahl). Въ 6-мъ выпускѣ г. Зибртъ дѣлаетъ дополненіе къ данному вопросу. Въ этомъ же (6-мъ) выпускѣ продолжается изданіе словацкихъ пѣсенъ, собранныхъ чешской писательницею Боженой Нѣмцовой.

Въ 1-мъ выпускѣ за 1896—1897 г. самая интересная статья В. Тиласъ: „Изъ сравнительной народной литературы“ (продолженіе слѣдуетъ дальше), гдѣ указаны неточности двухъ популярныхъ произведеній чешскихъ поэтовъ: комедія *Махачка* „žepičove“ и легенды *Зейера* „Samko Pták“.—В. Новачекъ изъ рукописи 1668 г. издалъ „о побратимствѣ воровъ“; при совершеніи побратимства отрѣзывали по кусочку пальца, кровь сливали въ стаканъ и затѣмъ ее пили²⁾. I. Кралъ издалъ по рукописи конца XVIII вѣка комедію о св. Варварѣ³⁾. По чешско-моравской діалектологіи г. Малѣванскій помѣстилъ статью „О говорѣ Цсажовскаго округа въ Моравіи“.

Во 2-мъ выпускѣ г. Зибртъ помѣстилъ „Силезскія сказанія о Премыслѣ“; г. *Грушка* приводитъ сказаніе Ходовъ о яйцѣ (ср. 4-й вын.). Ф. Лео помѣстилъ статью о народныхъ костюмахъ и орнаментѣ въ мѣстности „Blata“.

Въ 3-мъ и 4-мъ выпускахъ г. Махалъ напечаталъ о словацкой пѣснѣ „Шаромъ и Ратка“; въ Шаромѣ видитъ онъ славянскаго бога Перуна; богъ Шаромъ обратилъ цыганку Ратку и ея дитя въ ка-

¹⁾ См. Mittheilungen der Anthropolog. Gesellschaft, Wien 1895. В. XV, стр. 67.

²⁾ Отнѣтитъ сочиненіе на ту же тему „Die nütliche Verwandtschaft bei den Sidslaven“ von Stan. Ciszewski. 1897.

³⁾ Окончаніе въ слѣдующемъ выпускѣ.

мень за то, что она воспользовалась хлѣбомъ вмѣсто пеленокъ (см. выше въ статьѣ Крауса).

Въ 4-мъ вып. „Описание сербо-лужицкой этнографической выставки въ Дрезденѣ“ сдѣлано извѣстнымъ изслѣдователемъ лужицкихъ сербовъ Адольфомъ Чернымъ; здѣсь много иллюстрацій. Карасекъ даетъ сравнительное объясненіе чешской коляды; при этомъ онъ обратилъ вниманіе на польскую работу „O koledach“ (1894) Ст. Гарновскаго и др.

Въ 6-мъ вып. Зибртъ даетъ историческое объясненіе нѣкоторыхъ обычаевъ, обрядовъ и праздниковъ; дано объясненіе празднованія св. Вита въ Емпицѣ въ Моравіи и приступлено къ объясненію „умовленія ногъ“ въ Великій Четвергъ въ пражскомъ замкѣ; король Фердинандъ I умывалъ первые ноги нищимъ въ 1528 г.

Въ 1-мъ вып. за 1897—1898 П. Сырку въ статьѣ „Ohlas pagod. gytig erosi v Sechach“ высказала догадку, что преданіе о спящихъ рыцаряхъ (богатыряхъ) св. Вячеслава въ Бланикѣ есть отголосокъ исчезнушаго въ Чехіи рыцарскаго эпоса. Это по поводу изданныхъ г. Гошекомъ въ 4-мъ вып. за 1895—1896 г. чешскихъ преданій о спящихъ богатыряхъ въ Бланикѣ¹⁾. Вопросъ остается пока открытымъ. А. Патера издалъ изъ старо-чешскихъ рукописей XV—XVII вѣковъ этнографическіе матеріалы. З. Винтеръ описываетъ по актамъ нѣкоторые обычаи XVI вѣка у чеховъ. Приведено въ этомъ выпускѣ свидѣтельство XVII—XVIII вѣка о гаданіяхъ наканунѣ св. Андрея въ замѣткѣ о монографіи Фрейдэля „St. Andreas als Heiratsstifter“ (1897 г.).

Во 2-мъ вып. І. Шимакъ началъ печатать свою работу „О лемузахъ и хорватахъ“; народъ лемузы упомянутъ въ актѣ 973 г.—Суюкушъ помѣстилъ чрезвычайно интересную статью объ изображеніи св. Троицы съ тремя лицами на одной головѣ въ сельскихъ хатахъ въ Чехіи.

Въ 3-мъ вып. въ „Moravští Hrvati“ А. Малесъ даетъ описаніе хорватовъ моравскихъ, поселенныхъ въ XVI вѣкѣ въ трехъ селахъ въ южной Моравіи и окруженныхъ нѣмцами; они до сего времени сохранили свой языкъ, обычаи и одежду (продолженіе въ 5-мъ и 6-мъ выпускахъ),

Въ 4-мъ и 5-мъ выпускахъ помѣщено начало статьи А. Крауса

¹⁾ Можно указать слѣдующую польскую литературу по данному вопросу: А. Стоникъ „Rusozgę brjacy w Tatrach“ (1898). Веримъ о „Sprjacych rusozgach“ (III, Wisła, стр. 846—859). Польское свидѣтельство о томъ же приведено въ XI т. „Вислы“, стр. 641—646.

о чешской пѣснѣ о Фаустѣ (см. выше). В. Тилле продолжаетъ свою статью о Rubezahl'ѣ (въ 6-мъ томе). *Махалъ* началъ изслѣдованіе чешскихъ сказокъ „О красавицѣ-дѣвницѣ и безобразномъ звѣрѣ“ (*České pohádky o ranně krásně*)... Въ 5-мъ же выпускѣ 1898 г. слѣдуетъ отмѣтить статью Ф. Отрубы „Libuše v rodání lidovém z okol: Luby“ и статью А. Шолты „Nověly o hadech“... Въ 6-мъ выпускѣ Л. Голубый издалъ „Narodne piesne slovenské“.

Разнообразіе матеріала этого изданія дѣлаетъ его незамѣненнымъ пособіемъ при изученіи фольклора вообще и славянскаго въ частности. Можно только пожалѣть, что мало отводятся мѣста изученію славянскихъ говоровъ.

В. Качановскій.

Книжныя новости.

Światowit. Rocznik poświęcony archeologii przeddziejowej i badaniom pierwotnej kultury polskiej i słowiańskiej wydawany staraniem *Erasma Majewskiego*. Tom I. 1899. Warszawa, 8°. VI + 210.

Г. Эразмъ Маевскій, известный варшавскій натуралистъ, фольклористъ и археологъ, выступившій нынѣ съ новымъ ежегодникомъ польской археологии, уже и раньше посвящаетъ свои досуги изученію мѣстныхъ древностей. Такъ, онъ въ 1896 г. издалъ *Описаніе каменныхъ орудій, собранныхъ близъ дер. Оссовки въ Стожницкомъ уѣздѣ, Кѣлецкой губ.* Изданіе это, имѣющее также и французское заглавіе *Instrumente de silex préhistoriques*, написано по польски и по французски и иллюстрировано 92 фотографическими снимками, наглядно изображающими богатство данной мѣстности каменными орудіями.

Въ 1897 г. Маевскій издалъ болѣе популярную книгу, сборникъ своихъ мелкихъ трудовъ и замѣтокъ къ польской доисторической археологии и этнографіи „*Drobne prace i notatki z dziedziny archeologii przedhist. i etnografii*“, 128 стр. in 8°. Въ этой книгѣ онъ вновь останавливается на археологическомъ богатствѣ Стожницкаго уѣзда, даетъ отрывки съ известныхъ трудахъ *Нидерле* „О происхожденіи славянъ“, проф. *Антоновича* „Археологическая карта Кіевской губерніи“, съ орховскихъ надписяхъ и съ изслѣдованій *В. В. Радлова* и *Томсена*, о новыхъ трудахъ *Р. Вирхова* и т. д., а въ особенности занимается двумя историко-культурными вопросами—культуою медвѣдя (стр. 18) и исторіей вишни (стр. 7). Въ средней Европѣ вишня известна была уже въ эпоху каменнаго вѣка. Пили вишневый морсъ; корою и деревомъ вишневымъ пользовались какъ средствомъ, охраняющимъ отъ чаръ нечистаго духа, вѣдьмъ и кикиморъ (сравни *R. Piper. Volksbotanik. Gumbinnen. 1897, стр. 155*). Далекое распространеніе корня вишни—въ названіяхъ польскихъ мѣстностей Маевскій объясняетъ происхожденіемъ самой вишни. не изъ чужбины, отъ нѣмцевъ, а напротивъ отъ лито-славянъ: вишня, по его мнѣнію, происхо-

дять отъ глагола *viscum* (но, къ сомнѣнію, нѣтъ литовскаго соотвѣтствія). Во всякомъ случаѣ нѣм. *Weichsel*, стар.-нѣм. *vihsila* въ связи съ итальянскимъ *visciola*, а турецкое *vişne*, румынское *vişine*, также мадярское *vişne*, албанское *vişje*, старо-прусское *visnautos*, греч. $\beta\iota\sigma\upsilon\mu\upsilon$ одного происхожденія съ польскими и другими славянскими названіями вишни. Родина дикорастущей вишни находится близъ Чернаго моря. И такъ уже сборникъ „Дробне ргасе“ читался съ интересомъ. Замѣтно развѣ увлеченіе налюбленнымъ предметомъ и желаніе приохотить къ археологическимъ развѣдкамъ мѣстныхъ любителей родной старины.

Нынѣ вышедшій ежегодникъ „Святovidъ“ составляетъ не единоличными трудами одного *Маевскаго*, но при участіи гг. *Чарноескаго*, *Вандалина*, *Шукевича* (описание каменныхъ кургановъ въ Лидскомъ уѣздѣ и литовскихъ бронзъ З. Глогера), *Лонацискаго*, *В. Спорошевскаго* (въ статьѣ „Сибирскій ножъ“ описывается ножъ, употребляющійся у якутовъ, тунгузовъ, остяковъ, самоедовъ и вообще туранскихъ племенъ на Енисей и распространеніе того же типа въ находкахъ Европейской Россіи) и *С. Ястржембовскаго* по библиографіи археологій). Самъ г. *Маевскій* описываетъ новыя находки каменныхъ орудій въ Стопницкомъ и Кѣледкомъ уѣздахъ, роговыхъ и каменныхъ топорищъ въ дер. Борове въ Ломжинской губерніи, въ землѣ курновъ и въ видѣ „обозровъ“ отмѣчаетъ археологическія открытія въ Пруссіи за 1895 и 1896 гг. Въ отдѣлѣ критико-библиографическомъ помѣщены отзывы о сочиненіяхъ Гёрнеса, Пекосиньскаго, Богуславскаго, Пенки, Нидерле и Карловича.

Такимъ образомъ сборникъ „Святovidъ“ отличается не только оригинальностью собираемыхъ наблюдений, но и разнообразіемъ свѣдѣній, включенныхъ въ это изданіе для руководства любителей-археологовъ при первой обработкѣ сдѣланныхъ ими разысканій. Конечно, со всѣми выводами г. *Маевскаго* въ такой спорной области, какъ доисторическая археологія и палеознология, нельзя согласиться; необходимо требовать въ будущемъ большій полноты въ сообщеніяхъ библиографическаго и справочнаго содержанія. Такъ, напримѣръ, на стр. 157 разсказана исторія Виленскаго музея древностей, по свѣдѣніямъ д-ра *Банксера* и совсѣмъ не упомянуто о томъ, что сдѣлано было для описанія этого музея послѣднимъ Виленскимъ археологическимъ съѣздомъ. Достойны также вниманія изданія, каково, напримѣръ: „Виленскій музей древностей. Объяснительный текстъ къ фотографическимъ снимкамъ (XXI таблица), замѣняющій собою также музееводитель по музею. Составилъ *Ө. В. Логроескій*. Вильна. 1892“. Во время съѣзда изданъ былъ каталогъ выставки, въ которомъ отмѣчены новыя коллекціи, поступившія въ музей отъ Императорской археологической комиссіи.

Кромѣ того г. *Маевскимъ* не отмѣчены статьи по археологій Польши и Литвы, обнаруженныя въ *Занискалѣ* С.-Петербургскаго археологическаго общества: 1) Минская губернія. Раскопки *В. Завитковича* въ 1892 г. (т. X, стр. 336); 2) *А. Сливина*. Находка древнихъ вещей въ Сувалкской губерніи въ 1888 г. (ib., 358—360); 3) Его же. Предполагаемые литовскіе курганы VIII—IX вѣка (т. VIII, 103—114); 4) Обзоръ нѣкоторыхъ губерній и областей Россіи въ археологическомъ отношеніи: губернія Литовская (IX, 256—268);

5) Изданія Археологической Комиссіи: Древности сѣверо-западнаго края 1890 г. и т. д. Но вопросу о доисторической топографіи и методахъ изслѣдованія названныхъ мѣстностей не обращено вообще вниманія на трудъ *A. Ямленитейма* *Grenzen d. lettischen Volksstammes*. С.-Иб. 1892 и „*Bemerkungen*“, *Bezenberger's* къ этому соч. 1896 года въ *Bullet. de l'Acad. Imp. des Sciences de St.-Petersbourg Nouv. Série*. IV. Относительно химическаго состава доисторической бронзы (Святовидъ, 87 сл.) не безполезны сообщенія г. Спицына объ анализѣ бронзовыхъ предметовъ Россіи, произведенномъ для Императорской археологической комиссіи г. *Сабанетельма* (Записки Арх. Общ., X, 362). Для сравненія польскихъ находокъ съ прусскими слѣдуетъ пользоваться новымъ каталогомъ музея общества „Prussia“ въ Кенигсбергѣ ч. I, 1893; ч. II, 1897. Роговое гарнуйи или острогѣ (см. ч. I, стр. 20) найденъ были также въ Маріампольскомъ уѣздѣ, Сувалской губерніи. Наконецъ, отсутствуетъ подробное указаніе на предметы, найденные въ предѣлахъ Царства Польскаго и Ляты, которые переданы были въ заграничные музеи въ Краковъ, Львовъ и Познань (см. Отчеты Львовскаго музея Оссолинскихъ и др.). Но помню всего этого г. Маевскому слѣдуетъ приписать почвѣ въ дѣлѣ обновленія и оживленія доисторическихъ изслѣдованій въ Польшѣ послѣ многолѣтняго застоя. Онъ же немало потрудился надъ фольклоромъ, издала между прочимъ также спеціальныя этюды: „*Waż*, ужъ въ языкѣ и преданіяхъ польскаго народа“ (Варшава 1893); „*Woclan*“, т. е. Августъ (1891); Доисторическое значеніе и происхожденіе имѣня (1893); *Ludowe nazwania kartofla* (1893). Самое названіе сборника для г. Маевского слѣдуетъ имѣть многокультурнаго значенія, для него „Святовидъ“ символъ зоркаго отношенія и вниманія ко всему тому, что на обломѣ свѣтѣ относится къ прошлому славянъ и доисторической жизни Польши въ особенности. Въ средѣ польскаго интеллигентнаго общества, которое имѣло гр. Тышковичей, Киркорн, Конерницкаго, Довгярда, Завиши, Пржездоецкаго, Пржиборовскаго, Готфр. Оссовскаго и ин. др., потрудившихся для выясненія нравѣка Польши, новый призывъ къ археологическимъ трудамъ и изслѣдованіямъ врядъ ли пройдетъ даромъ, и вниманіе къ трудамъ другихъ славянскихъ народовъ послужитъ средствомъ научнаго сближенія.

Новыя доисторическія изслѣдованія Польши бросаютъ новый свѣтъ на происхожденіе славянъ и европейскихъ народовъ, и оттого труды въ этой области безъ сомнѣнія со временемъ вознаграждаются новыми результатами общепалеологическаго характера.

Рязанская ученая архивная комиссія. Писцовыя книги Рязанскаго края. Подъ редакціей члена комиссіи *В. Н. Сторожева*. Т. I, вып. 2-й. Рязань. 1900. Стр. IV+419—755.—О первомъ выпускѣ настоящаго изданія было говорено уже два года тому назадъ на страницахъ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія*. Лежащій же передъ нами выпускъ, являясь прямымъ продолженіемъ предыдущаго, содержитъ въ себѣ: *сотниа златоты* (пять: 1585, 1567, 1593 и 1597 гг.) и *писцовыя описки* (три: 1553, 1572 и 1573 гг.,—въ „выписи на земельныя владѣнія Богословскаго монастыря въ Окологородномъ и Понискомъ ставлахъ“)—въ первомъ отдѣлѣ, и *писцовую книгу Окологороднаго стана писма и мѣръ Кирилла Семесовича Воронцова-Вельяминова*

„съ товарищамъ“, 1628—1629 гг. (занимаетъ большую часть книжки), *отрывки изъ межсезонъ книжъ того же Окологороднаго стана и книги ополчаника Иопна Андреевича Хилкова вочичны с. Данкови...* 1628 г. — во второмъ отдѣлѣ. Выписки изъ межсезонъ книгъ редакторомъ приведены съ тою цѣлю, чтобы „дать полное представление о рукописномъ оригиналѣ, изъ котораго взята напечатанная выше писцовая книга“. Хотя мѣстами подъ актами имѣются указанія о мѣстѣ ихъ первоначальнаго напечатанія, но указатели попрежнему отсутствуютъ.

Полное собраніе сочиненій В. Г. Вѣлиискаго. Подъ редакцію и съ примѣчаніями С. А. Венгрова. Т. II. С.-Пб. 1900. Стр. X+607. — Мы уже говорили въ одной изъ предыдущихъ книжекъ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* по поводу выхода въ свѣтъ перваго тома „Полнаго собранія сочиненій В. Г. Вѣлиискаго“ и указывали, какое важное значеніе должно имѣть это изданіе. Въ настоящемъ, второмъ томѣ помѣщены критическія статьи и замѣтки В. Г. Вѣлиискаго, помѣщенные имъ въ *Молодь* и *Телескопъ* за 1834, 1835 и 1836 годы. Наибольше производительнымъ въ литературномъ отношеніи для великаго критика былъ 1835 годъ, когда онъ сообщилъ въ названныя два журнала до 130 рецензій и отзывовъ, среди которыхъ наибольше крупными являются статьи объ „Абдоннѣ“ Н. Полеваго, объ „Учебной книгѣ всеобщей исторіи“ проф. Кайданова, о „Рахили“—переводномъ произведеніи Татьяны Пассекъ, о „Стихотвореніяхъ“ Котнева, „О русской повѣсти и повѣстяхъ Гоголя“ (наибольше крупныя), о стихотвореніяхъ Баратынскаго, Влад. Беледиктова и Кольцова, и др. Въ 1836 г. большую статью В. Г. Вѣлиискій написалъ „О критикѣ и литературныхъ мнѣніяхъ Московскаго Наблюдателя“. Въ 1834 г. онъ напечаталъ еще кромѣ рецензій нѣсколько переводовъ: „Беата“, „Отчего въ Римѣ не было трагедій“, соч. Низара и Сильвестръ де-Саси, „Основы грамматики для дѣтей“. Почти все изъ помѣщеннаго С. А. Венгровымъ въ этомъ томѣ является или впервые и не указывалось въ предыдущихъ „полныхъ“ изданіяхъ сочиненій В. Г. Вѣлиискаго, или въ значительно дополненномъ видѣ противъ прежнихъ изданій. Въ концѣ тома около 100 страницъ занимаютъ примѣчанія редактора, которыя по своей обстоятельности и полнотѣ выстѣ ко всѣмъ 12-ти томамъ представляютъ богатѣйшее собраніе матеріаловъ и свѣдѣній біографическаго и бібліографическаго характера по исторіи русской литературы второй четверти XIX столѣтія. Къ этому тому приложенъ акварольный портретъ Вѣлиискаго въ возрастѣ 27—28 лѣтъ, сдѣланный впервые въ краскахъ. Въ 1881 г. онъ былъ уже воспроизведенъ въ *Историческомъ Высшикомъ* (№ 10), но безъ красокъ.

Бутру, 9. О случайности языковъ природы. Переводъ съ французскаго подъ редакціей П. И. Соколова. Москва. 1900. 8°. Цѣна 75 коп. Стр. IV + 239. [„Въ защиту идеаловъ разума“. Избранная бібліотека современныхъ западныхъ мыслителей. VI].

Проф. Бутру въ своей книгѣ, заглавіе которой мы выписали, старается показать, что законы природы не абсолютны, что ихъ основа заключается

въ причинахъ, господствующихъ надъ ними, и что поэтому расудочная точка зрѣнія не можетъ быть окончательной въ познаніи вещей.

„Во вселенной“, говоритъ г. Бутру, „можно различить нѣсколько міровъ, которые, какъ ярусы, возвышаются другъ надъ другомъ. Надъ міромъ чистой необходимости, чистаго количества безъ качества, который тождественъ съ небытіемъ, находится міръ привычій, міръ понятій, міръ математическій, міръ физическій, міръ живой и, наконецъ, мыслящій міръ“. На первый взглядъ представляется, что каждый изъ этихъ міровъ роковымъ образомъ зависитъ отъ низшаго міра, получая отъ него свое существованіе и свои законы. Однако, если подвергнуть сравнительному изслѣдованію понятія основныхъ формъ бытія, то мы увидимъ, что невозможно соединить высшія формы съ низшими необходимою связью. Такимъ образомъ каждый данный въ опытѣ міръ явленій обладаетъ по отношенію къ низшимъ мірамъ нѣкоторою степенью независимости.

Выраженіе—законы управляютъ вещами—неточно; естественные законы не полагаются ранѣе вещей, а сами предполагаютъ ихъ; они выражаютъ только тѣ отношенія, которые вытекаютъ изъ осуществившейся ранѣе природы вещей.

Существа даннаго міра не находятся въ безусловной зависимости отъ собственной природы. Мыслимо, что даже въ своей основѣ они не остаются вѣчно слодными сами съ собой и что порядокъ, въ какомъ слѣдуютъ другъ за другомъ ихъ обнаруженія, допускаетъ болѣе или менѣе значительную долю случайности. Быть можетъ эта именно неопредѣленность и позволяетъ высшимъ формамъ прививаться къ низшимъ, ставя послѣднія въ условія, потребныя для развитія новаго роста.

Не только каждый міръ содержитъ въ себѣ нѣчто большее въ сравненіи съ низшими мірами, но и въ нѣдрахъ каждаго міра количество бытія не бываетъ безусловно опредѣленнымъ. Здѣсь возможны какъ совершенствованіе, такъ и упадокъ.

Гдѣ бы положительныя науки ни закончили свою работу, бытіе никогда не познается ими въ своей основѣ. Ими познаются только его природа и его постоянные законы, но остается узнать его творческій источникъ.

Единство, множественность и іерархія или единство во множественности—таковы высшія ступени бытія, его абстрактныя формы, не доступны чувственному воспріятію. Непрерывность, разносторонность и іерархическая организація—таковы конкретныя и чувственныя формы бытія, возвышающіяся надъ его абстрактными формами. Каждая форма бытія есть подготовительная ступень для высшей формы.

Такowo въ краткихъ чертахъ содержаніе интересной книги талантливаго профессора. Редакція бібліотеки, носящей заглавіе „Въ защиту идеаловъ разума“, сдѣлала хорошій выборъ, остановившись на книгѣ Бутру. Это едва ли не лучшій томъ изъ всѣхъ, вошедшихъ до настоящаго времени въ составъ означенной коллекціи. Читаніе книги, требующее нѣкотораго напряженія мысли, можетъ быть смѣло рекомендовано всѣмъ интересующимся философіей.

Библиотека „Дѣтскаго Чтенія“. (Для самообразования).—Исторія цивилизаціи отъ древнѣйшаго до нашего времени. Г. Дюкюдре. Переводъ съ французскаго А. А. Поселя, подъ редакціей Д. А. Корочевскаго. Со многими рисунками въ текстѣ.—Т. I. М. 1898. Стр. VI + 354. Цѣна 1 р.—Т. II. М. 1899. Стр. II + 518 + II + XIII. Цѣна 1 р. 50 коп.

По всей манерѣ изложенія и по общему тѣну, книга Дюкюдре представляеть учебникъ всеобщей исторіи, но составлена она по программѣ значительно болѣе обширной, чѣмъ обыкновенныя учебники. Авторъ удѣляетъ много мѣста религіямъ, литературѣ, изобразительнымъ искусствамъ, музыкѣ, философіи, развитію естественныхъ и математическихъ наукъ, промышленности, торговлѣ, нравамъ, домашнему обиходу и т. п. На этихъ отдѣлахъ исторіи сосредоточено главное вниманіе автора, въ нихъ видятъ главную оригинальность и достоинство книги и переводчикъ. Дѣйствительно, трудно отыскать другую книгу, которая бы такъ разносторонне и вмѣстѣ такъ сжато излагала всѣ стороны всемірной цивилизаціи. Не пропущено почти ни одного крупнаго имени, выдвинушагося на любомъ поприщѣ дѣятельности, а приложенный въ концѣ II-го тома алфавитный указатель дѣлаетъ книгу удобной для небольшихъ справокъ. Надо, однако, замѣтить, что стремленіе къ краткости заставляеть автора иногда впадать въ крайности и давать свѣдѣнія либо мало вразумительныя, либо прямо недостаточныя. Такъ, про Кондильяка сказано только слѣдующее: „онъ, вернувшись въ (читай—въ) теоріямъ Локка и преувеличивая ихъ, предполагалъ, что все (?) происходитъ въ насъ отъ ощущений“; про Мабля: „онъ издалъ Записки объ исторіи Франціи, весьма основательныя для этой эпохи, когда ихъ не могли еще вполне понять“ (II, 270 и 271); при имени Гогарта совсѣмъ не упомянуто про его каррикатуры, на которыхъ основана неувядаемая слава англійскаго художника; въ изложеніи литературной дѣятельности В. Гюго забыты его романы и т. п. Нѣкоторыя свѣдѣнія поражаютъ уже не краткостью, а недостаточнымъ пониманіемъ предмета. Одинъ изъ крупнѣйшихъ англійскихъ поэтовъ XIX вѣка, Шелли „слишкомъ увлекался метафизикой: его поэзія неясна и неопредѣлена“ (II, 410). Строки, посвященные Канту и идеалистамъ, полны ошибокъ. Философія Канта, правда, „представляетъ неяснѣйшую глубину“, но она „весьма отвлеченна и туманна“. Критика частаго разума впадаетъ въ крайности и почти въ скептицизмъ, что, къ счастью, исправляетъ Критика практическаго разума. Фихте и другіе преемники Канта распространяли „его теоріи, составляющія предметъ вѣчныхъ споровъ между учеными, съ отпечаткомъ той туманности, къ которой такъ склонны нѣмцы“ (II, 282). Вообще, Дюкюдре врагъ „отвлеченности“, которая для него совпадаетъ съ „туманностью“. Въ этомъ грѣхѣ отчасти заподозриваетъ онъ и греческую философію; для него гораздо ближе и симпатичнѣе трезвая, практическая складка римскихъ мыслителей (I, 241).

По временамъ автора удаляетъ отъ истины горчичъ патриотизмъ и любовь къ германскій расѣ. Такъ, говоря о Корнелѣ, онъ не рѣшается отдать пальму первенства Шекспиру (II, 224), сурово говоритъ о Лютерѣ и отводитъ гораздо больше мѣста Кальвину, упрекаетъ Лессинга въ „неспра-

единвоѣ отношеніи“ къ французскому театру (въ Гамбургской Драматургіи!), считая Руссо вдохновителемъ Гердера, что допустимо лишь съ весьма крупными оговорками (II, 280), и приписываетъ французскому вліянію великое движеніе нѣмецкой литературы въ эпоху Гете, что ужъ совсѣмъ недопустимо (II, 281). Извѣстная книга г-жи де-Сталь о Германіи обвинена въ лъбствости (II, 395), а стремленіе автора подчеркнуть заслуги французовъ въ развитіи музыки приводитъ его къ тому, что онъ ставитъ Глюка (не совсѣмъ правильно отнесеннаго къ французской школѣ) на одну доску съ Моцартомъ (II, 283—285), а Мейерберу отводитъ болѣе мѣста, чѣмъ Бетховену (II, 422—423).

Дюкюдрэ не принадлежитъ къ безпристрастнымъ историкамъ, стремящимся только объяснить судьбы человѣчества; онъ судитъ и морализируетъ. Но его мнѣнію, „никогда еще исторія не сознавала лучше своего значенія и призванія“, какъ при Тацитѣ, у котораго „каждая строка, это—кара за преступленіе или награда за добродѣтель“ (I, 315). И Дюкюдрэ все время пользуется историческими фактами для проповѣди своихъ идеаловъ. Это идеалы просвѣщеннаго и гуманнаго французскаго буржуа. Онъ искренне вѣруеть въ боговдохновенность христіанской религіи и потому строго осуждаетъ античную мифологію (I, 325); онъ—приверженецъ гражданскаго равенства, но въ то же время высоко цѣнитъ твердую власть; онъ врагъ всякихъ смуть и хвалитъ римскихъ плебеевъ за снокояную выдержку и неторопливость въ борьбѣ съ патриціями за равноправность; онъ выясняетъ значеніе крѣпкой семьи и устойчивыхъ нравственныхъ правилъ и сурово отзывается о романахъ Жоржъ Сандъ; онъ борется противъ социальныхъ движеній, грозящихъ собственности; онъ съ любовью слѣдитъ за успѣхами промышленности и техническихъ изобрѣтеній, вносящихъ въ жизнь комфортъ, и при всякомъ удобномъ случаѣ указываетъ на вредъ войнъ и современнаго милитаризма. Типично для Дюкюдрэ его восклицаніе передъ образомъ жизни современнаго человѣка, богатаго и просвѣщеннаго (II, 516—517).

Собственно историческая часть разбираемой книги не представляетъ ничего выдающагося. Авторъ ограничивается почти всегда фактами, обычными въ учебныхъ руководствахъ. Лучше другихъ изложена исторія Рима и Франціи.—По временамъ Дюкюдрэ придерживается мнѣній, уже отвергнутыхъ наукою. Такъ, онъ съ негодованіемъ упрекаетъ ученыхъ, сомнѣвающихся въ существованіи Гомера, считаетъ Троянскую войну историческимъ фактомъ, приписываетъ на вѣру всѣ преданія о Лякургѣ, мненію о Кроносѣ и его дѣтяхъ толкуеть какъ воспоминанія о геологическихъ переворотахъ, царскій періодъ римской исторіи излагаетъ прямо по Ливію, гуманическое движеніе понимаетъ только какъ возрожденіе классическихъ изученій и т. п. Страницы, посвященныя Петру Великому (II, 295—296), мало удовлетворительны по общему смыслу и заключаютъ нѣсколько фактическихъ неточностей, которыя переводчикъ могъ бы оговорить.

Переводъ, въ общемъ, удовлетворителенъ, хотя фраза иногда строится тяжело, какъ видно и изъ нѣкоторыхъ цитированныхъ уже мѣстъ. Напрасно только переводчикъ поддается французской манерѣ называть греческихъ боговъ римскими именами. Вѣдь Зевсъ, Посейдонъ, Кроносъ и др. у насъ не

менѣ употребительны, чѣмъ Юпитерь, Нептуъ, Сатурнъ. Странно также видѣть въ Спартъ римскій сенатъ вмѣсто туземной герузинъ. Въ транскрипциимъ именъ тоже есть ненужныя искаженія: Пилстоанакъ, вм. Пилстоанактъ, Лавриумъ, вм. Лаврионъ, Боруссы, вм. Прусъ.

Н. П. Оглоблинъ. Овозвѣикъ столбцовъ и книгъ Сибирскаго приказа (1592—1768 гг.). Часть первая. Документы по сношеніямъ мѣстнаго управленія съ центральнымъ. Изданіе Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ университетѣ. М. 1900. Стр. III+394.

Историческая критика дружнымъ хоромъ привѣтствовала въ свое время появленіе въ свѣтъ первыхъ двухъ частей высоко-научнаго и дѣятѣльнаго „Обозрѣнія столбцовъ и книгъ Сибирскаго приказа“, составленнаго неутомимымъ ученымъ труженикомъ, Н. П. Оглоблинымъ. Шлигъ впередъ нами третья часть этого „Обозрѣнія“. Въ ней авторомъ рассмотрѣны тѣ документы, которые говорятъ о сношеніяхъ сибирскаго управленія и населенія съ московскимъ управленіемъ—съ Сибирскимъ приказомъ и обратно. Всѣ эти документы оиъ подраздѣлялъ на три группы: 1) *Отписки* воеводскаго, таможеннаго и церковнаго управленій въ Сибирскій приказъ и отвѣтныя *грамоты* послѣдьяго въ Сибирь. Здѣсь больше всего отписокъ и грамотъ воеводскаго управленія—до 20.000, всего же ихъ до 30.000. При нѣкоторыхъ изъ нихъ, въ качествѣ приложений, идутъ: „расписныя рѣчи“, „памятныя росписи“, чертежи городовъ, церквей, и проч. Отписки и грамоты воеводскаго управленія тѣмъ болѣе интересны, что они относятся къ тому времени (90-е годы XVI вѣка и начальные XVII вѣка), когда „закрѣплялись первые шаги русскаго государства и общества по приведенію Сибири „подъ руку великаго государя“. Отписки таможеннаго управленія всѣ почти принадлежатъ таможеннымъ и заставнымъ головамъ, и въ большинствѣ ихъ говорится о сборѣ разнаго рода таможенныхъ пошлинъ деньгами и натурою. Много интереснаго также представляютъ и отписки и грамоты сибирскихъ митрополитовъ и архіепископовъ. Въ общемъ всѣ эти документы, несмотря на нѣкоторые пробѣлы, „даютъ возможность прослѣдить шагъ за шагомъ, почти изъ года въ годъ, жизнь Сибири за огромный періодъ времени—съ послѣднихъ годовъ XVI вѣка и до начала XVII вѣка включительно“, гораздо правдивѣе и живненнѣе, чѣмъ всѣ повѣствованія сибирскихъ лѣтописцевъ.

Вторую группу документовъ составляютъ „дѣла“ разнообразнаго содержанія, распределенныя, однако, по отдѣламъ: 1) административныя дѣла (гл. XXI), 2) дѣла о ссыльныхъ людяхъ (гл. XXII), 3) хозяйственныя дѣла (гл. XXIII), 4) челобитныя дѣла (гл. XXIV) и 5) дѣла о злоупотребленіяхъ служилыхъ людей (гл. XXV). „Дѣла“ перваго отдѣла представляютъ богатый матеріалъ для исторіи сибирскихъ служилыхъ людей, положеніе и условія службъ которыхъ во многомъ были отличны отъ службы Московской Руси; они касаются, главнымъ образомъ, перемѣнъ въ составѣ сибирской администраціи, высшей и низшей, по воеводскому, таможенному и церковному управленіямъ Сибири.

„Дѣла“ о ссыльныхъ людяхъ, заключающіяся болѣею частью въ отдѣльныхъ „столпахъ“, куда входятъ челобитныя дѣла, служилыхъ людей, назна-

ченыхъ проводниками смысловыхъ, наказанія памяти, записи и проч., относятся почти исключительно къ XVII вѣку и сообщаютъ интереснѣйшій матеріалъ для исторіи этого первоначальнаго подневольнаго заселенія Сибири. Изъ дальнѣйшихъ отдѣловъ наиболѣе цѣнными являются „челобитныя дѣла“, которыя (въ количествѣ нѣсколькихъ тысячъ) представляютъ живѣйшій матеріалъ для бытовой исторіи Сибири вообще и для изученія народнаго міросозерцанія въ XVII вѣкѣ, въ частности. Среди челобитныхъ всѣхъ слоевъ населенія наиболѣе сохранилось челобитныхъ служивыхъ людей. „Исключительнаго вниманія“, говоритъ г. Оглоблинъ, „заслуживаютъ нѣрѣдкія „мірскія челобитныя дѣла“, представляющія общія челобитныя о разныхъ пуждахъ и интересахъ служиваго или жалецкаго „міра“, или того и другаго вѣвѣтъ—всего города“, иногда „всего города и уѣзда“ (стр. 88). Поэтому-то авторъ „Обозрѣнія“ наиболѣе подробно и останавливается на „челобитныхъ дѣлахъ“.

Наковонецъ, третью группу документовъ составляютъ *документы разныхъ комиссій*, отправляемыхъ Сибирскими приказами въ Сибирь для ознакомленія съ жизнью Сибири на мѣстѣ. Сюда отнесены авторомъ: а) дѣла сыщиковъ, совершавшихъ „частые“ сыски и „большіе“; въ числѣ послѣднихъ впервые обнаруживаются два смысла: одинъ „градіозный“ смыслъ временъ Петра Великаго, возникшій по его инициативѣ—сыскъ думнаго дѣла Даниила Леонтьева Полянскаго и дѣла Даниила Берестова, 1702 г., объѣхавшихъ почти всю Сибирь и собравшихъ громадный матеріалъ о положеніи Сибири, и другой—„большой сыскъ“ жальца Федора Охлопкова, розыскиваемаго въ 174—176 гг., по инициативѣ Приказа тайныхъ дѣлъ, о „неправдахъ и плутовствахъ“ сибирскихъ служивыхъ и другихъ людей; б) „дѣла“ купчинъ, представляющія очень цѣнные матеріалы для исторіи торговли отчасти сибирской, но главнымъ образомъ московской (сибирскими товарами) и именно съ зарубежными рынками Англіи, Швеціи, Польши, Крыма, Персіи и Китая; в) „дѣла Даурскаго погжа“—о снаряженіи и посылкѣ военныхъ экспедицій въ Даурію и г) „дѣла“ разныхъ комиссій.

И эта часть „Обозрѣнія“, говоритъ авторъ, составлена по той же системѣ, по какой составлены и первая его двѣ части. Въ концѣ книги приложены указатели именъ личныхъ и географическихъ.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* въ теченіе ноября и декабря мѣсяцевъ 1900 г.:

— *Кутнецовъ, Ст.* Русскія Исторія въ планахъ (86 плановъ). Отъ начала Руск до начала Москвы. Пособіе для веденія сочиненій, для повторенія курса и для подготовки къ экзамену на домашняго учителя по исторіи. Рига 1900. II+61 стр. Цѣна 30 коп.

— *Петражицкій, Л. И.* Очерки философіи права. Выпускъ первый. Основы психологической теоріи права. Обзоръ и критика современныхъ воззрѣній на существо права. С.-Пб. 1900. 138 стр. Цѣна 85 коп.

— *Гротъ, Я. К.* Труды. III. Очерки изъ исторіи русской литературы (1848—1893). Биографія, характеристика и критико-библіографическія замѣтки.

С.-Пб. 1900. VIII+510+329 стр. Цѣна 3 р. Изданы подъ редакціей *К. Я. Грома*.

— Годичный актъ въ Императорскомъ Казанскомъ университетѣ 5-го ноября 1900 года. Казань 1900. 265+22 стр.

Справочная книга по вопросамъ образования евреевъ. Пособіе для учителей и учительницъ еврейскихъ школъ и дѣателей по народному образованию. С.-Пб. 1900. XVI+681 стр. Цѣна 1 р. 75 коп. Изданіе Общества распространенія просвѣщенія между евреями въ Россіи.

— *Харламовичъ, К.* Отзывъ о книгѣ: *А. А. Панковъ*. Братства. Очеркъ исторіи западно-русскихъ братствъ. Св.-Троицкая Сергіева Лавра 1900. Изъ „Православнаго Собесѣдника“ октябрь 1900 г. Отъ 457—472 стр.

— Древности. Труды Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, издаваемые подъ редакціей *В. К. Трутовскаго*. Томъ семнадцатый. Съ 1-ой таблицей и 7-ю рисунками въ текстѣ. Москва 1900. 379 стр.

— *Чернышевъ, В. И.* Дополненія къ свѣдѣніямъ о говорѣ гор. Мѣщовскд. С.-Пб. 1900. 35 стр. Отдѣльный оттискъ изъ LVIII тома Сборника Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ.

— Отчетъ Александровской публичной бібліотеки въ гор. Самарѣ и Самарскаго публичнаго музея за 1899 г. Самара 1900. 26 стр.

— *Кариевъ, Н.* Учебная книга исторіи среднихъ вѣковъ. Съ историческими картами. С.-Пб. 1900. VIII+36.

— (*Тарновскій, А.*) Изъ жизни Благовожденской учительской семинаріи. Село Благовожденскій Заводъ, Уфимской губерніи. Книжка первая. Уфа 1900. Изданіе почетнаго попечителя семинаріи *А. Чижева*.

— *Фуртве и Моллени*. Научныя демонстраціи при помощи волшебнаго фонаря (*Les projections scientifiques*). Руководство къ употребленію волшебнаго фонаря для демонстраціи опытовъ по физикѣ и химіи. Перевелъ *Воскресенскій*. Москва 1900. 136 стр. Цѣна 1 руб.

— Справочный словарь географическій, этимологическій и толковый русскаго литературнаго языка. Составленъ подъ редакціей *А. Н. Чудинова*. Выпускъ I, II, III, IV, V, VI. С.-Пб. 1900—1901 г. 2207 стр. Цѣна 6 р.

— *Фальборкъ, Г.* и *Чарнолуцкій, В.* Настольная книга по народному образованію. Въ трехъ томахъ. Томъ III. С.-Пб. 1901. Отъ 716—1533 стр. Изданіе неофициальное. Изданіе товарищества „Знаніе“. № 14.

— *Малынинъ, А. А.* Старое и новое направленіе въ исторической наукѣ. Лампрехтъ и его оппоненты. Рефератъ, читанный въ Историческомъ Обществѣ при Императорскомъ Московскомъ университетѣ. Москва 1900. II+47 стр.

— Указатель статей, напечатанныхъ въ Филологическихъ Запискахъ за 13-лѣтній періодъ этого изданія. Воронежъ 1900. 33+4 стр. Цѣна 25 коп.

— РАМАТНИК НА OSĽAVU STŮSI NAROZENIN Františka Palackého. Vydávají
Částь OSĽIXIII (1901, № 1), стр. 2.

Král. Česká společnost nauk, 1. A III. Třída české Akademie císaře Františka Josefa pro vědy, slovesnost a umění, matice česká. V Praze 1898. 726 str.

— *Novověská bibliotéka* vydávaná nákladem Musée království českého. Číslo XVIII. Wacslawa Wladiwoje Tomka *Dějepis Prahy*. Díl. XI. V Praze 1897. 461 str. cena 5 zl. 10 kr. r. — Číslo XXXII. *Zikmunda Wintra* o životě na vysokých školách pražských knihy dvoje. Postěno honorátem z jubilejního fondu Královské české společnosti nauk. V Praze 1899. XIII+614 str. Cena 5 zl. 60 kr.

— *Winter, Zikmund*. Život církevní v českých. Kulturně-historický obraz z XV a XVI století. Svazek druhý. Zvláštní výtisk pro matici českou. V Praze 1896. Nákladem české Akademie císaře Františka Josefa pro vědy, slovesnost a umění. Oť 549—1026 str.

— *Winter, Zikmund*. Děje vysokých škol pražských od accessí cizích národů po dobu míty beloponské (1409—1622). Zvláštní výtisk pro matici českou. V Praze 1897. Nákladem české Akademie císaře Františka Josefa pro vědy, slovesnost a umění.

— *Hanká, J.*, professor Českoslovanské obecní Akademie. Život a spisy Václava Holonára Nebeského. Zvláštní výtisk pro matici českou. V Praze 1896. Nákladem české Akademie císaře Františka Josefa pro vědy, slovesnost a umění. IV+175 str.

— *Ардашевъ, Павелъ*. Провинциальная администрация во Франци въ последнюю пору стараго порядка. 1774—1789. Провинциальные интенданты. Томъ I. С.-Пб. 1900. 658 стр. Цѣна 2 р. 50 коп.

— *Гроузъ, К. Я.* Овъ изученіи славянства. Судьба славяновѣдѣнія и желательная постановка его преподаванія въ университетѣ и средней школѣ. С.-Пб. 1901. 64 стр. Цѣна 60 коп.

— *Извѣстія Императорской Академіи Наукъ*. Томъ XIII. № 2 1900. Сентябрь. С.-Пб. 1900. XV+ 268 стр.

— *Верне, Людвигъ*. Полное собрание сочиненій. Переводъ подъ редакціей А. Трачевскою и М. Филиппова. Съ портретомъ и біографіей. Въ трехъ томахъ. Томъ I. 590 стр. Томъ II и III. 964 стр. С.-Пб. 1900. Цѣна за три тома 5 руб. Изданіе II. П. Сойкинъ.

— *Памятная книжка Виленскаго учебнаго округа на 1900—1901 учебный годъ*. Вильна 1900. VII+212 стр. Изданіе управленія Виленскаго учебнаго округа.

— *Маниссинъ, М.* Къ вопросу о врачебной этикѣ и литературно-медицинской въ частности. С.-Пб. 1900. 14 стр.

— *Прендель, проф.* Очеркъ современнаго состоянія керамическаго производства въ Западнот Европѣ. С.-Пб. 1900. 14 стр.

— *Чтенія въ Историческомъ Обществѣ Нестора лѣтописца*. Книга четвернадцатая. Выпускъ II. Издавъ подъ редакціей Н. П. Данилевича. Кіевъ 1900. Оть 42—61 стр., оть 73—123 стр., оть 29—90 стр.+23 стр.

— *Бобининъ, И. В.* Русская физико-математическая библиография. Указатель книгъ и журнальныхъ статей по физико-математическимъ наукамъ, вышедшихъ въ Россіи съ начала книгопечатанія до послѣдняго времени. Томъ третій. Выпускъ третій (послѣдній). Москва 1900. IV+248 стр. Цѣна 2 р. 50 коп.

— *Vachmetjew, P. prof.* ÜBERKÄLTUNGS-ERSCHEINUNGEN bei schwimmenden Nitrotoluol-Kügelchen. (Aus dem physikalischen Institut der Hochschule zu Sofia). Mit 5 Figuren. (Vorgelegt der Akademie am 19 Januar 1900). С.-Пб. 1900. 63 стр. Цѣна 1 руб.=2 Mk. 50 Pf. (Записки Императорской Академіи Наукъ, по физико-математическому отдѣленію. Томъ X. № 7).

— *Рыкачевъ, М.* Отчетъ по Николаевской главной физической обсерваторіи за 1899 г., представленный Императорской Академіи Наукъ. С.-Пб. 1900. 115 стр. Цѣна 2 р.=5 Mk. (Записки Императорской Академіи Наукъ по физико-математическому отдѣленію. Томъ X. № 8).

— *Декартъ.* Метафизическія размышленія. Переводъ *В. М. Пестъжиной* подъ редакціей и со статіей проф. *А. Н. Введенскаго*. „Декартъ и рационализмъ“. С.-Пб. 1901. LIII+63 стр. Цѣна 1 руб. (Труды С.-Петербургскаго Философскаго Общества. Выпускъ 1-й).

— Урожай 1900 года. I. Озимые хлѣба и сѣно. Изданіе центрального статистическаго комитета министерства внутреннихъ дѣлъ. Годъ восемнадцатый. С.-Пб. 1900. XXIX+116 стр. (Статистика Россійской Имперіи LI).

— *Грибовскій, В. М.* Высшій судъ и надзоръ въ Россіи въ первую половину царствованія Императрицы Екатерины Второй. Историко-юридическое изслѣдованіе. (Періодъ: 28-го іюня 1762 г.—7-го ноября 1775 г.). С.-Пб. 1901. IV+345 стр. Цѣна 2 руб.

— *Грибовскій, В. М.* Матеріалы для исторіи высшаго суда и надзора въ первую половину царствованія Императрицы Екатерины Второй. (Приложеніе къ книгѣ „Высшій судъ и надзоръ въ первую половину царствованія Императрицы Екатерины Второй“). С.-Пб. 1901. VI+269 стр. Цѣна 1 р. 50 коп.

— *Мижуевъ, П. Г.* Образованіе во Франціи низшей, средней и высшей. С.-Пб. 1901. 202 стр. Цѣна 1 р.

— *Полевой, П. Н.* Исторія русской словесности съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней. Выпускъ одиннадцатый. Съ 69 рисунками и снимками въ текстѣ и 3 цинкографическими приложеніями. Т. III. С.-Пб. 1900. Отъ 321—480 стр. Изданіе *А. Ф. Маркса*. (Иллюстрированная бібліотека „Пчелъ“ 1900 г.).

— *Аристофилъ.* Осы. Комедія. Стихотворный переводъ *П. П. Корнилова*. Съ примѣчаніями. Подъ редакціей и съ предисловіемъ *Ф. Г. Мищенка*. Казань 1900. X+95 стр. (Приложеніе къ Ученымъ Запискамъ Казанскаго университета за 1900 г., октябрь).

— *Прокошевъ, П.* Црквовное судопроизводство въ періодъ вселенскихъ соборовъ (accusatio) и вліяніе на него римско-византійскаго процессуальнаго

права. Казань 1900. 214 стр. (Приложеніе къ Ученымъ Запискамъ Казанскаго университета за 1900 годъ, ноябрь).

— Указаткъ къ матеріаламъ, собраннымъ г. Чубинскимъ въ „Трудахъ этнографическо-статистической экспедиціи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества въ западно-русскій край“. Составленъ студентомъ Уславомъ Батенскимъ подъ редакціей проф. Е. Ѡ. Будде. Казань 1900. XVII+66 стр. (Приложеніе къ Ученымъ Запискамъ Казанскаго университета за 1900 г., декабрь).

— Библиотека великихъ писателей. Собраніе сочиненій Шиллера въ переводѣ русскихъ писателей подъ редакціей С. А. Венгерова. Выпускъ I и II. С.-Пб. 1901. Изданіе Акціонернаго Общества Брокгаузъ.

— Движеніе населенія въ Европейской Россіи за 1897 г. Центральный статистическій комитетъ министерства внутреннихъ дѣлъ. С.-Пб. 1900. XVI+211 стр. (Статистика Россійской Имперіи I).

— Время начала главнѣйшихъ полевыхъ работъ въ 1899 г. по сообщеніямъ губернаторовъ. Изданіе центрального статистическаго комитета министерства внутреннихъ дѣлъ. С.-Пб. 1900. VI+35 стр. (Временникъ центрального статистическаго комитета министерства внутреннихъ дѣлъ, № 46, 1900 г.).

— Въсь четверти зегна отдѣльныхъ лѣзовъ въ 1888—1899 гг. по показаніямъ, полученнымъ центральнымъ статистическимъ комитетомъ министерства внутреннихъ дѣлъ при собираніи данныхъ объ урожаѣ. Изданіе центрального статистическаго комитета министерства внутреннихъ дѣлъ. С.-Пб. 1900. V+522 стр. (Временникъ центрального статистическаго комитета министерства внутреннихъ дѣлъ, № 47, 1900 г.).

НАША УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА ¹⁾.

1. К. *Вламинский*. Общая педагогика. Пособіе для учебныхъ заведеній, въ которыхъ преподается педагогика, и для занимающихся воспитаніемъ и обученіемъ дѣтей. 7-ое изданіе (Д. Д. Полубояринова). С.-Пб. 1897. Цѣна 75 коп. Стр. 156.
2. К. *Вламинский*. Основы начальнаго школьнаго воспитанія и обученія. 3-е изданіе (Д. Д. Полубояринова). С.-Пб. 1899 г. Цѣна 60 коп. Стр. 96.

Въ „Общей педагогикѣ“ и „Основахъ начальнаго школьнаго воспитанія и обученія“ изложеніе ученій психологическихъ и логическихъ не вполне удовлетворительно. Приведемъ въ доказательство нѣсколько примѣровъ. Въ общей педагогикѣ стр. 47 говорится: „Логически правильное дѣленіе понятій не допускаетъ... б) принятіе не существеннаго признака за основаніе дѣленія. Такъ, напримѣръ, неправильное дѣленіе людей на стригущихъ свои волосы и не стригущихъ ихъ“. Въ этомъ примѣрѣ дѣленія ничего неправильнаго нѣтъ, и парикмахеръ несомнѣнно такъ дѣлитъ людей, подобно тому, какъ желѣзнодорожное управленіе дѣлитъ ихъ на курящихъ и некурящихъ. Существенность известнаго признака опредѣляется цѣлью, ради коей дѣленіе предпринято, а не представляетъ собой чего-либо невзмѣннаго. На стр. 88 говорится: „Изъ сопоставленія сужденій, находящихся въ связи между собою, мы выводимъ заключеніе“. Дѣло вѣдь не въ сопоставленіи сужденій, а въ томъ, что два сужденія имѣютъ одно общее понятіе, дающее возможность судить объ отношеніи другихъ двухъ понятій въ сужденіи.

На стр. 89 говорится: „Посылка, содержащая въ себѣ частное

¹⁾ Помѣщенныя здѣсь рецензіи имѣлись въ виду ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія.

сужденіе, называется меньшей". Меньшая посылка вовсе не должна содержать въ себѣ частное сужденіе; къ тому же примѣръ, приведенный г. Ельницкимъ, показываетъ, что онъ самъ не придерживается опредѣленія частнаго сужденія, даннаго имъ на стр. 87. Береза есть растеніе—по мнѣнію г. Ельницкаго, изложенному на стр. 89, есть частное сужденіе; по опредѣленію частнаго сужденія, данному на стр. 87, выходитъ, что это есть сужденіе общее, и это, конечно, вѣрно.

На той же 87-ой страницѣ все содержаніе сужденій сведено къ пяти категоріямъ: сужденія, выражающія бытіе, совмѣстное существованіе явленій, причинность, послѣдовательность и сходство. Подъ какую изъ перечисленныхъ категорій подведетъ г. Ельницкій, напримѣръ, сужденіе: „Я хочу читать книгу“.

Тѣ же неточности встрѣчаются и въ „Основахъ начальнаго школьнаго воспитанія и обученія“ съ прибавкою нѣкоторыхъ новыхъ. Возьмемъ для примѣра ученіе объ ассоціаціяхъ.

На стр. 33 читаемъ: „Ассоціаціей по смежности связываются представленія, воспріятыя въ *одномъ мѣстѣ* или въ одно время“. А развѣ ассоціаціи по причинности или сходству не касаются представленій, воспріятыхъ „въ одномъ мѣстѣ“? Самый терминъ „ассоціація“ опредѣленъ дурно: „связь всплывающихъ въ сознаніи представленій или понятій называется ассоціаціею ихъ“. Во-первыхъ, не всякая связь понятій называется ассоціаціей, ибо и въ мышленіи всплываютъ представленія, а, во-вторыхъ, вѣдь ассоціаціи и опредѣляютъ появленіе представленій въ сознаніи, между тѣмъ какъ въ опредѣленіи г. Ельницкаго этого не видно.

На стр. 34 читаемъ: „Явленія, слѣдующія одно за другимъ, могутъ находиться между собою въ причинной связи. Мы уразумѣваемъ эту связь и такимъ образомъ получается причинная ассоціація представленій“. Уразумѣть причинную связь явленій значитъ понять, что два явленія связаны между собою такимъ образомъ, что одно вызываетъ другое; никакой причинной ассоціаціи въ процессѣ уразумѣнія нѣтъ. Нужно бы ученикамъ уяснить различіе между мышленіемъ и ассоціаціей. Вообще изложеніе г. Ельницкаго отличается неточностью, и на это автору слѣдуетъ обратить серьезное вниманіе. Напримѣръ, въ той же книгѣ на стр. 28 мы читаемъ: „Послѣ воспріятія ощущеній отъ предмета въ душѣ остается слѣдъ“ в т. д. Развѣ г. Ельницкій думаетъ, что мы воспринимаемъ ощущеніе предмета,

а не самый предмет? Нѣкоторыя мысли г. Ельницкаго выражены такъ, что ихъ нельзя понять, напримѣръ на стр. 25:

„Предметы міра реального, имѣя кромѣ общихъ, существенныхъ, особенные индивидуальныя признаки, соотвѣтствуютъ только нашимъ представленіямъ о нихъ; понятіямъ же они соотвѣтствуютъ только своими общими существенными признаками“. Что это значитъ? Какъ предметы могутъ соотвѣтствовать понятіямъ и представленіямъ.

На стр. 38 о сужденіи: „Самая простая форма мышленія есть сужденіе“. Что значитъ: „самая простая“? Если есть еще и другая форма мышленія, то слѣдовало ее назвать.

Димитрій Кайгородовъ. Изъ Царства Птичьихъ. Популярныя очерки изъ міра русскихъ птицъ. С.-Пб. Изд. 3-е А. С. Суворина. 1899. Цѣна 6 руб. Стр. XVI+373.

Съ обычнымъ мастерствомъ авторъ описываетъ жизнь нѣкоторыхъ представителей нашей орнитологической жизни, главнымъ образомъ изъ отряда воробьиныхъ. Авторъ пишетъ не столько по книгамъ, сколько по своимъ многолѣтнимъ наблюденіямъ, отчего его описанія и носятъ такой жизненный характеръ. Если прибавить къ этому почти художественную форму изложенія, то значеніе и поучительность названной книжки станутъ ясны сами собой. Прекрасныя хромолятографіи заимствованы изъ сочиненія Карла Руссо и большинство полтипажей изъ Брема.

Намъ показались совершенно излишними для цѣлей изданія копія съ картинъ нашихъ художниковъ изъ изданій г. Булгакова, въ родѣ „мотива морскаго берега“, „высохшее русло“, „привалъ охотниковъ въ лѣсу бѣлаго бука“ и т. п. Появленіе ихъ въ книгѣ съ опредѣленной физіономіей только мѣшаетъ общему впечатліию. Можетъ быть, прибавленіе этихъ иллюстрацій, благодаря любезности г. Булгакова, и не удорожаетъ и безъ того слишкомъ дорогую книгу, но все же онѣ не имѣютъ ровно никакого отношенія къ тексту и потому излишни. Авторъ заботливо снабдилъ многіе очерки стихотворными эпиграфами, но такъ какъ подобрать для каждой птички надлежащій эпиграфъ изъ нашихъ поэтовъ (да не только изъ нашихъ, а даже изъ поэтовъ всѣхъ временъ и народовъ) довольно затруднительно, то эпиграфы по большей части не имѣютъ отношенія къ тексту или имѣютъ слишкомъ отдаленное. Впрочемъ, все это недостатки второстепенныя, и книжка смѣло можетъ быть рекомендована въ учительскія бібліо-

теки всѣхъ среднеучебныхъ заведеній, а равно и для раздачи въ награду.

Можно выразить желаніе, чтобы цѣна, хоть для слѣдующаго изданія, была понижена.

К. Д. Краевичъ. Сокращенный учебникъ физики. Обработанъ согласно существующимъ программамъ *А. Л. Гершуна* и *В. В. Скобелъцына*. Первое изданіе. Два выпуска. Спб. 1900. VIII+VII+481 стр. Цѣна 2 рубля.

Появленіе въ свѣтъ этого прекраснаго учебника физики есть событіе огромной важности для нашей средней школы, событіе, котораго не можетъ не привѣтствовать съ величайшею радостью и съ чувствомъ искренняго, глубокаго удовлетворенія всякій, кому дороги интересы нашей школы. Наша педагогическая литература вообще не очень богата хорошими учебниками по какому бы то ни было предмету, а потому появленіе дѣйствительно превосходнаго учебника, хотя бы по одному изъ этихъ предметовъ, заставляетъ надѣяться, что скоро настанетъ время, когда въ рукахъ нашихъ учениковъ и ученицъ будутъ находиться исключительно только подобныя же образцовыя учебники, написанныя людьми, изучившими свой предметъ, глубоко и всесторонне обдумавшими каждый вопросъ и методъ его изложенія. Достаточно сказать, что въ разсматриваемомъ учебникѣ нѣтъ научныхъ ошибокъ, что въ немъ исключено все то, что, не имѣя никакого значенія, по рутинѣ сохранялось въ нашихъ учебникахъ физики, и что въ немъ измѣнены и передѣланы соотвѣтственно современному положенію науки многія статьи, традиціонное изложеніе которыхъ давно представлялось страннымъ анахронизмомъ. Ясность изложенія, новизна нѣкоторыхъ приемовъ этого изложенія и точность опредѣленій мѣстами можно назвать изумительными.

Редакторы учебника, В. В. Скобелъцынъ и А. Л. Гершунъ, воспользовались всѣми указаніями, выработанными комиссіей, которая была образована при ученкомъ комитетѣ и работала подъ предсѣдательствомъ заслуженнаго ординарнаго профессора С.-Петербургскаго университета О. О. Петрушевскаго; результаты работъ этой комиссіи были напечатаны въ „Правит. Вѣстникѣ“ 20-го марта 1899 г. (№ 63). Редакторы новаго учебника старались выполнить всѣ тѣ требованія, которымъ, по мнѣнію той же комиссіи, долженъ удовлетворять нормальный учебникъ физики.

Чтобы открыть мелкіе недостатки новаго учебника, пришлось

прочестъ его съ величайшимъ вниманіемъ. Мы приводимъ полный перечень открытыхъ нами недочетовъ, увѣренные, что нашъ трудъ не пропадетъ даромъ, и что гг. редакторы воспользуются нашими указаніями. Необходимо замѣтить, что большинство этихъ недочетовъ встрѣчается въ первыхъ главахъ учебника.

На стр. 10 говорится о сцѣвленіи; это мѣсто слѣдовало бы нѣсколько упростить и выбросить послѣднюю фразу, начиная со словъ: „Растягивая каучукъ, мы удаляемъ и т. д.“. Это мѣсто не по силамъ ученикамъ, только-что приступающимъ къ прохожденію гимназическаго курса физики.

На стр. 14 формулированъ законъ растяженія проволоки; здѣсь было бы полезно повторить, что рѣчь идетъ о длинѣ и о плоскости поперечнаго сѣченія проволоки.

На той же страницѣ редакторы не вполне строго рассуждаютъ, говоря, что мы предполагаемъ, что земля и падающее тѣло какъ бы связаны между собою невидимую растянутую пружинку. Это не есть предположеніе, но скорѣе представляетъ описаніе явленія.

На стр. 17 и 18 указаны въ скобкахъ сокращенныя обозначенія различныхъ мѣръ длины, безъ указанія на это въ самомъ текстѣ, такъ что читающій можетъ и не понять, что обозначаетъ буква μ , поставленная въ скобкахъ.

Названія различныхъ системъ единицъ на страницахъ 18, 19 и 20 выбраны неудачно. Та система, о которой говорится на стр. 18, не „называется“ десятичною, но есть десятичная, и понятно, что десятичныхъ системъ можетъ существовать безконечное множество. Подстрочное замѣчаніе на стр. 19 должно быть выброшено, ибо никакой разницы нѣтъ между двумя системами единицъ, изъ которыхъ въ одной за основную принять метръ, а въ другой—сантиметръ. Не слѣдуетъ вовсе отличать другъ отъ друга системы десятичную и метрическую (см. § 11).

На стр. 27 сперва говорится о пути, пройденномъ тѣломъ, а нѣсколько дальше о пройденномъ пространствѣ.

Данныя на стр. 30 указанія на способъ графическаго изображенія скоростей слѣдовало бы помѣстить нѣсколько раньше.

На стр. 32 говорится о силахъ, дѣйствующихъ „при толчкѣ, при ударѣ“. Какая разница между „толчкомъ“ и „ударомъ“?

Опредѣленіе понятія о массѣ, данное на стр. 34, выше всякой похвалы; но окончательную формулировку все-таки слѣдуетъ постараться выразить еще яснѣе.

Опредѣленіе плотности и удѣльнаго вѣса, данное на стр. 36, представляется намъ излишне сложнымъ.

На стр. 48 говорится о силахъ параллельныхъ, но противоположныхъ, вмѣсто противоположно направленныхъ.

На стр. 73 слѣдуетъ непремѣнно исключить рисунокъ 54 и относящіяся къ нему слова, такъ какъ при переходѣ жидкости въ положеніе равновѣсія частицы, лежація на ея поверхности, вовсе не движутся въ томъ направленіи, которое указано стрѣлкою на рисунокѣ 54.

На стр. 75 упомянуто давленіе жидкости на боковыя стѣнки сосуда, между тѣмъ, какъ это явленіе разсмотрѣно нѣсколько дальше, а именно въ § 57 на стр. 76.

На стр. 77 слова: „Мы получимъ распредѣленіе давленія по всей стѣнкѣ“, хотя и разъясненныя въ нѣкоторой степени послѣдующими словами, все-таки должны будутъ затруднить учащихся.

На стр. 87 жидкость, плавающая внутри другой жидкости, названа „невѣсомою“, что можетъ привести къ недоразумѣнію.

На стр. 89 слова: „вода будетъ расплываться по обѣимъ сторонамъ пластинки“ не вполне ясны.

Стр. 92. Какъ примѣръ диффузіи жидкости, авторы разсматриваютъ диффузію молока и воды; лучше было бы взять воду и окрашенный спиртъ, такъ какъ молоко не есть опредѣленная однородная жидкость.

На стр. 93 встрѣчается странный промахъ; редакторы озаглавили новую статью „О воздухѣ и газахъ“, какъ будто воздухъ не есть газъ.

Въ этой же статьѣ встрѣчается чувствительный пробѣлъ: редакторы вовсе не дали яснаго опредѣленія того, что называется упругостью газа, и не выяснили, что эта упругость численно должна равняться вѣшнему давленію. На стр. 93 говорится объ упругости, какъ о нѣкоторомъ явленіи, а на стр. 95 та же упругость является уже опредѣленною физическою величиною.

На стр. 106 дана такая формулировка закона Мариотта: „При одной и той же температурѣ объемъ данной массы газа измѣняется обратно пропорціонально его упругости“. Лучше было бы сказать, что упругость мѣняется обратно пропорціонально объему, такъ какъ измѣненіе объема въ данномъ случаѣ играетъ роль причины, а измѣненіе упругости является уже какъ слѣдствіе измѣненія объема.

На стр. 135 слѣдуетъ вычеркнуть слова: „Но мы не знаемъ въ точности истинной причины тепловыхъ явленій“, такъ какъ учащіяся не сумѣютъ правильно оцѣнить значеніе и вѣсь слова „въ точности“.

На стр. 140 слѣдуетъ измѣнить фразу: „Такое распространѣніе теплоты мы называемъ распространѣніемъ теплоты черезъ лучеиспусканіе“, такъ какъ черезъ лучеиспусканіе распространяется не теплота, но совершенно другая форма энергіи.

На стр. 171 не хорошо редактирована фраза: „при которой упругость ея насыщающихъ пространство паровъ равняется давленію атмосферы“.

Нельзя не пожалѣть, что редакторы пишутъ „магнитизмъ“ вмѣсто „магнетизмъ“.

На стр. 187 слѣдовало бы указать, что рисунокъ 153 относится къ горизонтальной плоскости, такъ какъ рядомъ расположенные рисунки 153 и 154 путаютъ читателя.

На стр. 187 встрѣчается настоящій промахъ. Здѣсь говорится о стрѣлкѣ наклоненія и гг. редакторы пишутъ: „Острый уголъ, образуемый дліною стрѣлки съ горизонтальною линіею, называется магнитнымъ наклоненіемъ“. Очевидно, должно быть съ „горизонтальною плоскостью“, такъ какъ горизонтальныхъ линій существуетъ безконечное множество.

Слова: „горизонтальная составляющая земного магнетизма“ на той же страницѣ, также неудачны.

На стр. 197 слѣдуетъ упростить безконечную фразу, которая начинается словами: „Предполагая зарядъ шара“ и т. д.

На стр. 200 дано замѣчательное по своей ясности описаніе электрической индукціи въ случаѣ, когда индуктированные заряды со всѣхъ сторонъ окружены проводниками. Однако это изложеніе еще болѣе выиграло бы, если бы гг. редакторы помѣстили въ этомъ мѣстѣ маленькій чертежъ.

На стр. 214 указаны различныя дѣйствія электрическаго разряда. Было бы лучше дать это указаніе послѣ рассмотрѣнія дѣйствій электрическаго тока.

На стр. 216 гг. редакторы называютъ полюсы элемента „анодомъ“ и „катодомъ“, что вообще не принято. На той же страницѣ описанъ электроскопъ съ коллекторомъ; здѣсь слѣдовало бы помѣстить рисунокъ.

На стр. 218 говорится, что электровозбудительная сила „постепенно и насколько возможно пополняя заряды“ и т. д.: слова „насколько возможно“ непонятны.

На стр. 219 говорится о способѣ сравненія электровозбудительныхъ силъ элементовъ одинаковаго состава и различной формы. Изложеніе неясно, такъ какъ не сказано, что слѣдуетъ дѣлать съ дру-

гимъ электродомъ элемента, когда одинъ изъ нихъ соединенъ съ электроскопомъ.

На стр. 221 слишкомъ рано упомянуто о томъ, что водородъ не отдѣляется на мѣди; читатель вообще не пойметъ, какимъ образомъ водородъ, выдѣляющійся при раствореніи цинка, можетъ попасть на мѣдь.

Въ § 168 безусловно долженъ быть выброшенъ послѣдній абзацъ, начинающійся словами „показать на простомъ опытѣ“ и т. д. Все, что здѣсь говорится, излишне и по характеру не соответствуетъ гимназическому учебнику.

На стр. 235 приведены четыре результата изслѣдованія распределенія степени электризаціи вдоль проволоки, по которой течетъ электрическій токъ; изъ нихъ третье и четвертое должны быть соединены въ одинъ.

То, что сказано на стр. 236 о вычисленіи силы тока, неточно; здѣсь упущено важное указаніе на то, что рассматриваемый участокъ цѣпи долженъ быть однороденъ. Подстрочное замѣчаніе на той же страницѣ, въ которомъ указано, какая формула чаще употребляется въ электротехникѣ, должно быть выброшено.

На стр. 276 рассмотрѣнъ случай индукціи въ кольцѣ, которое двигается вдоль магнита. Было бы лучше, если бы въ этомъ мѣстѣ не дѣлать ссылки на § 189, такъ какъ сказанное въ этомъ параграфѣ не вполне соответствуетъ здѣсь разбираемому случаю.

На стр. 281 говорится о свѣтящейся точкѣ безъ всякаго разъясненія этого термина.

На стр. 307 читаемъ: „sin ν получить невозможное значеніе, т.-е. будетъ болѣе единицы“; было бы лучше сказать: „sin ν будетъ болѣе единицы, т.-е. получить невозможное значеніе“.

Подстрочное замѣчаніе на стр. 323 должно быть перенесено на стр. 327, гдѣ говорится о фраунгоферовыхъ линіяхъ.

На стр. 349 упомянуты „нервные частицы свѣтчатой оболочки“. На той же стр. совершенно напрасно упомянуто одно изъ давно оставленныхъ объясненій факта, что мы видимъ предметы прямыми, хотя на свѣтчатой оболочкѣ получается ихъ изображеніе обратное.

На стр. 372 гг. редакторы утверждаютъ, будто весьма кратковременный, но чистый звукъ производитъ впечатлѣніе шума, что сомнительно.

На стр. 435 не вполне удачно введено понятіе о потенциальной энергіи; вѣдь силы могутъ исходить не только отъ другихъ окру-

жающих тѣлъ, какъ это видно напр. въ случаѣ потенциальной энергій упруго-измѣннаго тѣла.

На стр. 439 малыя колориты почему-то названы обыкновенными.

На стр. 448 сказано: „при какихъ бы то ни было превращеніяхъ, происходящихъ въ какой бы то ни было совокупности тѣлъ, сумма энергій, заключенныхъ въ этой системѣ, сохраняется постоянною“. Здѣсь упущено важное указаніе на основное условіе, а именно чтобы вся система въ ея совокупности не теряла энергій и не получала таковой отъ окружающихъ тѣлъ.

Въ корректурномъ отношеніи разсматриваемая книга не можетъ быть названа вполне безукоризненной. На стр. 13 буква l должна стоять налѣво отъ знака равенства.

На стр. 66, 144 и другихъ буква O и цифра нуль обозначаютъ одно и то же, а именно цифру нуль, при чемъ большая буква O даже встрѣчается въ двухъ различныхъ формахъ.

На стр. 74, 75 и другихъ вмѣсто буквы b напечатано много разъ перевернутая буква q.

На стр. 158 заглавіе напечатано, не отступая отъ предыдущей строки.

На стр. 234 единица силы тока „амперъ“ напечатана съ прописной буквы.

На стр. 407 въ формулѣ для времени качанія маятника букву l нельзя отличить отъ единицы.

На стр. 410 въ формулѣ третьей пропущенъ множитель l въ числитель.

Во многихъ мѣстахъ множители отдѣлены другъ отъ друга точками, которыя должны быть выпущены.

Указанные нами недочеты, почти безъ исключенія, ничтожны и не умаляютъ выдающихся достоинствъ разсматриваемаго учебника. Одно изъ его преимуществъ заключается и въ томъ, что вся книга раздѣлена на два выпуска, вслѣдствіе чего ученикамъ не приходится нести въ школу и обратно той половины книги, которая имъ въ данный моментъ не нужна. Книга напечатана убористымъ, крупнымъ шрифтомъ.

Мы намѣревались указать на особенно выдающіяся мѣста въ книгѣ, но это оказалось невозможнымъ, такъ какъ пришлось бы указать по крайней мѣрѣ на двѣ трети всего содержанія этого учебника. Когда редакторы воспользуются нашими указаніями, еще поработаютъ надъ своимъ трудомъ, мѣстами упростиатъ слогу, то у насъ будетъ

образцовый учебникъ физики, которымъ мы будемъ въ правѣ гордиться. Мы не знаемъ подобнаго учебника въ иностранной литературѣ и не удивимся, если онъ будетъ переведенъ на иностранные языки.

Руководство ко Всковщій Исторіи. Составилъ *Д. Иловайскій*. Древній міръ. (Курсъ старшаго возраста). Изданіе двадцать четвертое. Москва 1899. Стр. 288. Цѣна 75 коп.

Двадцать четыре изданія, которыя выдержалъ до сихъ поръ „Древній міръ“ г. Иловайскаго, вполне ясно указываютъ, какую видную роль играетъ этотъ учебникъ въ нашемъ историческомъ образованіи. Это обстоятельство налагаетъ на автора долгъ отнести особенно тщательно къ задачѣ, а на рецензента—обязанность предъявить къ новому изданію столь распространеннаго руководства наиболѣе строгія требованія. За болѣе, чѣмъ тридцать лѣтъ, прошедшія со времени выхода въ свѣтъ перваго изданія книги, наука древности успѣла сдѣлать громадныя шаги впередъ. Не говоря уже объ открытіяхъ въ области древне-восточныхъ культуръ, и классическій греко-римскій міръ сталъ гораздо лучше извѣстенъ, благодаря открытіямъ и работамъ въ области археологій, эпиграфики и литературы. Наконецъ и сама историческая наука выработала новыя приемы, методы, обогатилась новыми точками зрѣнія. При такихъ условіяхъ и самый хорошій учебникъ, сослужившій почтенную службу въ дѣлѣ воспитанія, долженъ по возможности стараться не отставать отъ движенія науки, если желаетъ оставаться по прежнему полезнымъ и пригоднымъ. Между тѣмъ авторъ начинаетъ свое новое изданіе слѣдующими словами: „Въ послѣднихъ изданіяхъ своихъ историческихъ руководствъ, авторъ, во-первыхъ, отбѣняетъ курсивомъ наиболѣе существенныя мѣста, долженствующія быть закрѣпленными въ памяти учащихся. Во-вторыхъ, въ концѣ каждой книги онъ присоединяетъ образцы вопросовъ, которые предлагаетъ на усмотрѣніе учащихся при повтореніи предмета. Кроме того, онъ подвергаетъ свои руководства нѣкоторымъ сокращеніямъ“. И только. Къ сожалѣнію, и въ текстѣ учебника мы почти не замѣтили, чтобы успѣхи науки отразились на его содержаніи. Кое-какія дополненія въ политическую исторію Египта, да странное примѣчаніе на стр. 73—вотъ все, что мы нашли новаго въ книгѣ. Мимо нея прошли незамѣченными и эпоха Телль-Эль-Амарин, и Ванское царство (что особенно непростительно въ учебникѣ, составленномъ для русскаго юношества крупнымъ авторитетомъ по русской исторіи), и Микенская культура, и глубоко интересныя археологи-

ческія находки въ древне-греческомъ мірѣ: въ Дельфахъ, на Делосѣ, въ Афинахъ, Навкратидѣ, на нашемъ югѣ. Въ учебникѣ, предназначенномъ для „старшаго возраста“, сообщенія такого рода, хотя бы и „отмѣченныя особымъ шрифтомъ или необязательными по программѣ“, были бы гораздо болѣе умѣстны, чѣмъ разнаго рода анекдоты, отъ которыхъ онъ все еще не свободенъ и которые далеко не всегда даже приводятся, какъ анекдоты. (Напримѣръ, приуроченіе трехъ великихъ трагиковъ къ Саламинской битвѣ, смѣтніи о Клеопатрѣ послѣ Актіи и т. п.). Отсталость книги замѣтна и въ изложеніи исторіи афинскаго государственнаго устройства, выясненію которой въ послѣднее время въ такой значительной мѣрѣ содѣйствовали многочисленные изслѣдованія, вызванныя открытіемъ Афинской Политіи Аристотеля. Въ учебникѣ г. Иловайскаго по прежнему говорится объ отмѣнѣ царской власти, о „законодательствѣ“ Драконта, о сиссахтіи. Путаница, которая у него замѣчается въ послѣднемъ пунктѣ, объясняется также тѣмъ обстоятельствомъ, что мимо него прошли незамѣченными плодотворные результаты разработки экономической стороны греческой исторіи, благодаря которымъ и на политическую исторію древняго міра пролито не мало свѣта. Странная полевика съ Аристотелемъ въ примѣчаніи на стр. 73 оказалась бы ненужной, если бы авторъ не смѣшалъ экономической мѣры Солона съ политической и не принялъ за сиссахтію введенія халкидской валюты вмѣсто эгинской, а при еще болѣе близкомъ знакомствѣ съ экономической исторіей древности, онъ не заставилъ бы своихъ читателей быть въ недоумѣніи, почему именно въ VII вѣкѣ появились въ Афинахъ „должники“ и нужда въ законахъ, почему послѣ Солона опять поднялась борьба партій, почему учрежденія Солона въ IV вѣкѣ „не одушевлялись патриотическимъ духомъ“, почему „Афинская республика“, достигшая благодаря „демократическимъ учрежденіямъ блестящаго, разносторонняго развитія своихъ силъ“, уже во второй половинѣ того же V вѣка подверглась осмѣянію со стороны Аристофана, а во время сицилійскаго похода оказалась съ демосомъ „неспособнымъ къ управленію въ трудное время“. Одной ссылкой на рабство недостаточно—оно въ Афинахъ не играло особенной роли. Дѣло все въ томъ, что въ IV вѣкѣ внутренняя борьба партій изъ политической сдѣлалась экономической.—Все это еще болѣе усиливаетъ впечатлѣніе недостатка связности, прагматизма, которое вообще получается отъ книги. Въ римской исторіи дѣло доходитъ до отдѣленія культурной исторіи отъ политической, при чемъ первая вынесена даже за

имперію. Неудобства, которыя происходятъ отсюда для пониманія учащимися, напримѣръ, исторіи перехода республики въ имперію, понятны сами собою. Но еще болѣе существеннымъ недостаткомъ является отсутствіе всемірно-исторической точки зрѣнія. И этотъ недостатокъ отчасти находится въ связи съ отсталостью книги. Тридцать лѣтъ тому назадъ было возможно излагать исторію древняго міра въ видѣ сборника исторій замкнутыхъ и разобщенныхъ цивилизацій и заканчивать Египетъ 525 г., Грецію — 146 г., а римскую имперію — 476 г., но писать въ 1899 году: „древніе народы далеко не находились въ такомъ сближеніи между собою, въ какомъ находятся народы новые... поэтому вѣсто хронологическаго, удобнѣе принимать дѣленіе этнографическое...“ едва ли имѣетъ какое-либо основаніе. Если и прежде попытки универсальной ассирійской монархіи причинили этому „этнографическому дѣленію“ не мало неудобствъ, то въ настоящее время открытіе памятниковъ Тель-Эль-Амарны и Микенской культуры сдѣлали его совершенно ненаучнымъ. Но помимо ненаучности, оно неудобно и въ практическомъ отношеніи: учащійся не можетъ составить себѣ картины хода исторіи, не знаетъ, какое государство было въ то или другое время во главѣ культурнаго міра, и совершенно теряетъ изъ вида государства послѣ ихъ паденія. При такомъ распредѣленіи матеріала, конечно, не могло найтись мѣста и для Вавскаго періода исторіи, когда на рубежѣ IX и VIII вѣковъ царство, владѣвшее нашимъ Закавказьемъ, играло первенствующую роль въ судьбахъ культурнаго міра. Такимъ образомъ прошедшій полный курсъ русской гимназій даже не будетъ подозрѣвать, что въ предѣлахъ его отечества находятся остатки древне-восточной цивилизаціи и открываются клинообразныя надписи. А между тѣмъ книга вышла въ Москвѣ, гдѣ работаетъ и печатаетъ свои труды одинъ изъ извѣстныхъ изслѣдователей исторіи Вавскаго царства.

Что касается соответствія „учебнымъ планамъ“, то авторъ старался сдѣлать свой учебникъ удобнымъ для употребленія и въ IV и въ VIII классахъ гимназій, включивъ въ него дополнителныя статьи программы VIII класса и предназначивъ для послѣдняго отдѣлъ древняго Востока и „Черты римскаго быта и образованности“. На нашъ взглядъ подобное сочетаніе едва ли удобно; оно дѣлаетъ книгу не вполне подходящей ни для одного изъ классовъ; во всякомъ случаѣ для VIII класса учебникъ г. Иловайскаго едва ли годится: ему много вредитъ анекдотичность, блѣдность и сухость бытовыхъ и историко-литературныхъ главъ, въ особенности же указанная выше неудовле-

творительность въ изложеніи исторіи афинской демократіи. Замѣтимъ также, что авторъ не отвелъ должнаго мѣста греческимъ колоніямъ юга Россіи, преимущественное знакомство съ которыми, какъ необходимое въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ, требуется программой IV класса гимназій. Въ учебникѣ мы находимъ только простой перечень колоній (стр. 86). 26-й образецъ „устныхъ вопросовъ и письменныхъ задачъ“ (стр. 287): „Какіе народы, мѣстности и поселенія связываютъ исторію Древнюю съ Русской исторіей“ и ссылка на статью „Эллино-Скиескій міръ на берегахъ Понта“ въ книгѣ „Очерки и рассказы по Всеобщей исторіи“ г. Иловайскаго, конечно, не могутъ служить замѣной пробѣла, хотя все-таки, сами по себѣ, представляютъ пріятное явленіе.

Не безупречна книга и въ частностяхъ. Укажемъ на самые существенные промахи.

Во введеніи (стр. 3) дается неправильная этнографическая схема семитовъ, къ которымъ причисляются египтяне, а въ ассиро-вавилонянахъ указывается примѣсь какихъ-то „кушитовъ“ и арійцевъ. Вавилоняне, дѣйствительно, были народомъ смѣшаннымъ (съ сумерійцами и, внослѣдствіи, касситами), ассиріяне же были чистые семиты. Египтяне принадлежали къ хамитской расѣ кавказскаго племени.

На стр. 7-й повторяется недоразумѣніе о существованіи у египтянъ вѣрованія въ переселеніе душъ. Здѣсь же, ниже, говорится, что обелиски ставились „въ память царей и другихъ знатныхъ лицъ“. Эти памятники воздвигались въ честь божествъ свѣта.

На стр. 9-й повторяется давно оставленное мнѣніе о кастахъ въ Египтѣ. Еще хуже то обстоятельство, что Ра смѣшивается съ Осирисомъ.

На стр. 10-й религія Сераписа напрасно названа „исполненной грубаго идолопоклонства и суевѣрія“.

Стр. 13-я. Текстъ о войнѣ съ хеттами опять считается „позмой, сочиненной нѣкимъ Пентауромъ“. Египетская поэзія даетъ образцы, гораздо болѣе заслуживающіе знакомства съ ними, чѣмъ этотъ официальный риторическій текстъ.

Стр. 15-я. Послѣдній царь 26-й династіи опять названъ Псамметтомъ.

Стр. 18-я. Авторъ напрасно говоритъ, что намъ извѣстны „только имена нѣкоторыхъ царей Тира“. Исторія Финикій намъ, къ счастью, извѣстна гораздо лучше. Непонятно, почему здѣсь же помѣщено упоминаніе о хеттахъ.

Стр. 19-я. Процвѣтаніе финикійскихъ городовъ не кончается завоеваніемъ Александра Великаго. Оно продолжалось и даже развивалось и во время эллинизма и даже въ римскую эпоху.

Прочитавшій стр. 22-ю останется съ убѣжденіемъ, что о Вавилонѣ и Ассиріи до Тиглатъ-Палассара мы дѣйствительно ничего не знаемъ, кромѣ разсказовъ о Нинѣ и Семирамидѣ. Для него останется совершенно неизвѣстнымъ, что у насъ въ распоряженіи множество самыхъ разнообразныхъ памятниковъ, восходящихъ въ IV тысячелѣтіе до Р. Хр. Вообще вавилонская культура представлена въ учебникѣ далеко не соотвѣтственно ея мировому значенію.

На стр. 23-й находимъ: „Халдеи было племя, пришедшее съ сѣвера изъ горъ Арменіи и покорившее Вавилонскую низменность“. Эта ужасная фраза обязана происхожденіемъ незнакомству съ исторіей Вана и давно оставленному смѣшенію халдеевъ съ ванскими халдами.

Стр. 59-я. Амфиктіоны собирались не попеременно въ Дельфахъ и Фермопилахъ; каждая община посылала не одного депутата, а двухъ; къ тому же Амфиктіонъ никогда не былъ царемъ аеонскимъ.

На стр. 62-й спартанское устройство все еще называется „законами Ликурга“.

На стр. 69-й говорится, будто „объединившіе спартіаты поступали въ число переѣзковъ“ (читай ипоміоновъ). На слѣдующей страницѣ плотами названы „сельскіе жители“, при чемъ названіе ихъ производится отъ „города Илоса“.—Спартанскіе царскіе роды названы Проклидами и Агядами (стр. 65).

Стр. 67-я. Спартанскіе „мальчики отдавались въ гимназію, т. е. въ общественную школу“. На слѣдующей страницѣ повторяется недоразумѣніе, что „учрежденія Спарты носятъ на себѣ общій дорійскій характеръ“. Сходство критскихъ учрежденій происходитъ не отъ доризма; въ дорійской Азій этого сходства не видно.

Стр. 75-я. Въ Аеинахъ „сельское населеніе и домашнюю прислугу составлялъ многочисленный классъ рабовъ“.—Невѣрно показано какъ число аеонскихъ гражданъ, такъ и сумма аеонскихъ доходовъ (стр. 105).—Невѣрно показано количество комедій Аристофана (стр. 111).

На стр. 100-й рѣшается категорически спорный пунктъ о допущеніи по предложенію Аристиды четвертаго класса аеонскихъ гражданъ къ архонству, не говоря уже о томъ, что учащійся оставленъ въ недоумѣніи на счетъ представителя „аристократической“ партіи

Аристиды (стр. 93), благодаря которому „устройство Афинъ приобрѣло еще болѣе демократическій характеръ“.

Стр. 112-я. Процессія Великихъ Панаѳенней была представлена не на фронтонѣ, а на фризѣ Парѳенона.

На стр. 141-й читаемъ: „Филиппъ явился съ войскомъ въ Фокидѣ; но, вмѣсто того, чтобы продолжать священную войну, вдругъ захватилъ пограничную крѣпость Элатею“... Онъ окончилъ священную войну разрушеніемъ Анфиссы.

На стр. 143-й вмѣсто анекдота о Букефалѣ было бы гораздо умѣстнѣе сказать что-нибудь о походахъ Александра за Истръ, интересныхъ для насъ и имѣвшихъ характеръ также географическихъ экспедицій.

Стр. 151-я. Спартанская олигархія едва ли датируется съ закона Эпитадея.

На стр. 160-й читаемъ объ этрускахъ: „къ какому великому племени они принадлежали и откуда пришли въ точности неизвѣстно“; а чрезъ строку: „на прежней родинѣ своей, въ Ретіи...“ Здѣсь и противорѣчіе, и едва ли вѣрная гипотеза.

На стр. 168-й титціямъ и люцерамъ опять приписывается сабинское и этрусское происхожденіе.

На стр. 178-й не исправлена невѣрная дата галльскаго погрома. То же слѣдуетъ сказать о датѣ допущенія плебеевъ къ жреческимъ должностямъ (стр. 181) и конца Югуртинской войны (стр. 205).

На стр. 187-й не сказано, почему „римляне называли карвагеніи цунами“.

Стр. 196-я. Греція въ качествѣ провинціи Ахайи появляется только съ 27 года до Р. Хр.; раньше она входила въ составъ македонской провинціи, а Спарта и Аѳины сохраняли прежнее устройство.

Стр. 206-я. Не говорится о завоеваніяхъ Мнеридата на сѣверномъ берегу Чермнаго моря, а на стр. 207-й—о войнѣ Суллы въ Греціи, разгромѣ Аѳинъ и паденіи благосостоянія Азіи и Греціи.

Стр. 209-я. Серторій „удалился“ въ Испанію не „во время диктаторства Суллы“, а еще въ 83 году.

Стр. 233-я примѣч. Не объяснено происхожденіе культа императоровъ, а также не выяснена причина охлажденія у римлянъ интереса къ общественнымъ дѣламъ.

Стр. 241-я. Діоклетіанъ сложилъ съ себя правленіе не „будучи утомленъ властью“.

Стр. 246-я. Діюцезы сдѣлались административными единицами не при Константинѣ, а еще при Діоклетіанѣ.

Стр. 250-я. Ромулъ Августуль вовсе не былъ „последнимъ“ римскимъ императоромъ.

Стр. 252-я. Неясно и невѣрно мѣсто о „неполноправныхъ“ гражданахъ.

Стр. 257-я. Въ народные трибуны патриціи „избирались“ только въ томъ случаѣ, если переходили въ плебейство.

Нельзя также не посѣтовать на автора за нѣкоторыя упущенія. Въ числѣ колоній греческихъ не упомянуты такіе важные въ культурномъ отношеніи пункты, какъ Накратидъ и, особенно, Биръ, съ его шрифтомъ и діалектомъ, указывающимъ на глубокую древность колонизаціи, съ его своеобразнымъ искусствомъ и участіемъ въ древневосточной исторіи.—Обойдена молчаніемъ такая личность, какъ Фидонъ аргивскій. Елевсяскія мистеріи заслуживали бы болѣе почетнаго мѣста, чѣмъ въ примѣчаніи, да и то между прочимъ (стр. 108), равно какъ и исторія Сиракузъ—перваго по важности греческаго города запада. И о пареняхъ, соперникахъ римскаго могущества, слѣдовало бы сказать нѣсколько больше, чѣмъ то, что они „были отличные наѣздники и стрѣляли изъ лука“.—Ничего не сказано ни о Селевкидской, ни о Діоклетіановой эрахъ, по которымъ датировалъ долго весь христіанскій востокъ. Въ римской исторіи ничего не говорится ни о греческомъ влияніи до завоеваній на Востокъ, ни о мирныхъ и союзныхъ отношеніяхъ къ Кароагену до Пуническихъ войнъ; не подчеркнуты такіе моменты, какъ конецъ латинскаго союза, паденіе національности италиковъ послѣ суловыхъ нападѣновъ, начало превращенія принципата въ чиновничью монархію при Тиверіи вслѣдствіе окончательнаго учрежденія должности префекта города. Объ этой послѣдней ничего не сказано и въ послѣдней главѣ учебника. Не выиснешь также и постепенный переходъ законодательства и суда отъ комицій къ сенату и къ императору. Наконецъ, нѣтъ культурно-историческаго обзора римскаго міра и равноправныхъ ему восточныхъ державъ—это, помимо своего глубокаго интереса, послужило бы прекраснымъ переходомъ къ средневѣковой исторіи.

Ненаучно и безусловно вредно въ педагогическомъ отношеніи обращеніе автора съ собственными именами. Отвѣтственность за то шатаніе, которое замѣчается въ нашемъ обществѣ относительно транскрипціи греческихъ именъ въ значительной мѣрѣ падаетъ на распространенность учебниковъ г. Иловайскаго. Авторъ совершенно спо-

койно пишутъ: Пизистратъ, Исократъ, Критіасъ, Кинеасъ (при Павзаніи, Никій), Парменонъ, Эрехтейовъ (при Клисѣенъ); еще хуже „Элліумъ“, „Туріумъ“, „Птоломей“; совсѣмъ нехорошо „Діана Ефесская“ и „Юпитеръ Аммонъ“.

Ревюируя все сказанное, мы видимъ, что большинство недостатковъ учебника г. Иловайскаго происходитъ отъ его отсталости и дѣлаетъ его мало пригоднымъ для „старшаго возраста“. Но это не исключаетъ тѣхъ достоинствъ, какими онъ обладалъ и въ своихъ первыхъ изданіяхъ. Благодаря ясности и даже красотѣ слога, картинности изложенія фактовъ, присутствія извѣстной доли критическаго отношенія къ анекдотамъ, онъ можетъ возбудить въ учащихъ интересъ и серьезное отношеніе къ дѣлу. Поэтому весьма желательно, чтобы авторъ постарался поднять его до уровня современнаго состоянія науки. Тогда эта книга, по которой училось цѣлое поколѣніе русскаго общества, снова займетъ соответствующее ей почетное мѣсто въ дѣлѣ историческаго просвѣщенія.

Руководство ко всеобщей исторіи. Средній курсъ Составилъ Д. Иловайскій.
Изданіе 29-е. Москва 1899. Стр. 486. Цѣна 1 руб.

Историческіе учебники г. Иловайскаго, на которыхъ воспитались цѣлыя поколѣнія нашей учащейся молодежи, представляютъ ту особенность, что, вылившись однажды въ опредѣленную форму, они сохраняютъ ее неизмѣнно во всѣхъ послѣдующихъ изданіяхъ, которыя отличаются одно отъ другого исключительно опущеніемъ тѣхъ или другихъ подробностей, не измѣняя несколько существенныхъ особенностей своего построенія и изложенія. Это замѣчаніе касается въ одинаковой степени всѣхъ учебниковъ г. Иловайскаго по всеобщей исторіи, которые, какъ извѣстно, изданы имъ въ трехъ видахъ: одни должны представлять собою „курсъ старшаго возраста“, другіе— „средній курсъ“, третьи— „курсъ младшаго возраста“. Не касаясь въ настоящей замѣткѣ послѣднихъ, мы должны сказать о первыхъ двухъ, что они различаются между собою не столько по существу, сколько по вѣщности: тотъ учебникъ, которому присвоено названіе „средняго курса“, содержитъ въ себѣ тотъ же историческій матеріалъ, какой изложенъ въ учебникѣ, предназначенномъ для старшаго возраста, съ тою разницею, что послѣдній изданъ въ трехъ отдѣльныхъ книжкахъ (древняя, средняя и новая исторія), а въ первомъ всѣ три части всеобщей исторіи соединены въ одинъ томъ. Правда, въ среднемъ курсѣ нѣкоторые факты опущены, другіе изложены съ меньшими

подробностями; но это нисколько не измѣняетъ сущности дѣла, и онъ въ общемъ, по характеру изложенія и по построению, представляетъ большое сходство съ учебникомъ, предназначеннымъ для старшаго возраста, при чемъ это сходство во многихъ мѣстахъ доходитъ почти до полного тождества текста. При такихъ условіяхъ мы вѣрнѣе признаемъ тотъ и другой учебникъ г. Иловайскаго за двѣ разновидности одного и того же руководства, изъ которыхъ одна представляетъ болѣе подробное, а другая менѣе подробное изложеніе одного и того же историческаго матеріала; что же касается названія второй изъ этихъ разновидностей—„средній курсъ“, то оно присвоено ей, вѣроятно, потому, что по своему содержанію эта книга составляетъ нѣчто среднее между „сокращеннымъ руководствомъ“ того же автора, предназначеннымъ для младшаго возраста, и его учебникомъ для старшаго возраста. Какое же, спрашивается, практическое примѣненіе можетъ имѣть этотъ учебникъ „средняго курса“? Для какихъ школъ онъ можетъ быть пригоденъ? Отвѣтить на этотъ вопросъ довольно трудно, тѣмъ болѣе, что самъ составитель его не даетъ относительно этого никакихъ указаній. Во всякомъ случаѣ пригодность его для тѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ проходитъ систематическій курсъ всеобщей исторіи, болѣе, чѣмъ сомнительна. Этому препятствуетъ главнымъ образомъ исполнота заключающагося въ немъ историческаго матеріала, загроможденнаго при томъ мелкими подробностями нерѣдко анекдотическаго свойства, и, кромѣ того, не всегда падающая доброкачественность его въ научномъ отношеніи. При отсутствіи наличности послѣдняго недостатка можно было бы признать пригодность этого учебника для тѣхъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ проходитъ не систематическій, а элементарный курсъ всеобщей исторіи (къ такимъ учебнымъ заведеніямъ относятся, на примѣръ, реальные училища, въ которыхъ преподаваніе исторіи ведется по учебному плану, утвержденному г. министромъ народнаго просвѣщенія 26-го іюля 1895 г., и женскія гимназій вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, въ которыхъ дѣйствуетъ учебный планъ 1874 года); но для этого необходимъ тщательный анализъ заключающагося въ немъ историческаго матеріала и очищеніе его отъ тѣхъ погрѣшностей въ отношеніи научности изложенія, какія въ немъ встрѣчаются въ довольно большомъ количествѣ.

Въ подтвержденіе указанныхъ выше недостатковъ учебника г. Иловайскаго приведемъ нѣсколько примѣровъ. 1) Въ изложеніи развитія афинскаго государственнаго строя, его постепенной демократизаціи,

авторъ ограничивается только рассказомъ о дѣятельности Солона (стр. 54—55), не упоминая о томъ, что было сдѣлано въ этомъ отношеніи въ послѣдующее время: имя Клисеена совершенно отсутствуетъ на страницахъ книги г. Иловайскаго, а вся дѣятельность Перикла сведена исключительно къ украшенію города (стр. 64); да и изложеніе дѣятельности Солона страдаетъ крупными недочетами: не выяснено надлежащимъ образомъ раздѣленіе гражданъ на классы, не упомянуто о народномъ судѣ, а объ аренагѣ говорится только, какъ о верховномъ судилищѣ для важнѣйшихъ преступленій.

2) Помѣщая непосредственно вслѣдъ за окончаніемъ Пелопонесской войны рассказъ о возвышеніи Эвѣ (стр. 71) и не упоминая о той войнѣ Спарты съ Персією, которая окончилась Анталкидовымъ миромъ, авторъ даетъ невѣрное освѣщеніе факту Эвванскаго движенія и не указываетъ той перемѣны, которая произошла въ положеніи малоазіатскихъ грековъ.

3) Объясняя реформу Сервія Туллія только тѣмъ, что „плебен были недовольны своимъ положеніемъ и роптали“ (стр. 91), и не указывая военнаго значенія этой реформы, авторъ даетъ ей неправильное освѣщеніе, допуская неточности и въ самомъ изложеніи реформы (напримѣръ, онъ упоминаетъ о „шестомъ классѣ“ гражданъ).

4) Говоря объ учрежденіи трибуната въ Римѣ (стр. 94), авторъ упоминаетъ только о позднѣйшемъ правѣ трибуновъ присутствовать въ сенатѣ, не говоря ничего о ихъ первоначальной роли (*ius auxilii*), а также о ихъ правѣ созывать плебейскія собранія по трибамъ (*comitia tributa*). Въ связи съ этимъ существеннымъ недочетомъ находится и слѣдующій курьезъ на стр. 97: „Лициній и Секстій предложили сенату законы“...

5) Въ изложеніи дѣятельности Гая Юлія Цезаря авторъ не упоминаетъ о тѣхъ мѣропріятіяхъ его, съ помощью которыхъ онъ началъ превращеніе республиканскаго режима въ монархическій, ограничиваясь по этому вопросу только краткимъ заявленіемъ, что „Цезарю хотѣлось унѣчтожить самое имя республики и надѣтъ на себя царскую корону“ (стр. 122). Также удовлетворительно изложено и то мѣсто учебника, въ которомъ авторъ говоритъ о характерѣ власти Октавіана: онъ „управлялъ государствомъ неограниченно; но онъ не отменилъ ни сената, ни консуловъ и другихъ сановниковъ; жилъ безъ особой пышности и не принималъ царскаго титула, а присвоилъ себѣ преимущественно званіе императора“ (стр. 125).

6) Въ разсказѣ о Діоклетіанѣ не выяснены взаимныя отношенія Августовъ и Цезарей (этихъ именъ въ учебникѣ нѣтъ), а отреченіе Діоклетіана объясняется тѣмъ, что онъ былъ „утомленъ властью“ (стр. 138). Тутъ же невѣрно названъ тотъ городъ въ Малой Азіи, который этотъ императоръ избралъ своею резиденціею („Никодимія“).

7) Въ описаніи быта древнихъ германцевъ находимъ странное объясненіе происхожденія у нихъ королевской власти: „Предводители или герцоги во время частыхъ войнъ обогащались добычею, окружали себя дружиною изъ храбрѣйшихъ людей, а съ помощію этой дружины пріобрѣтали власть въ отечествѣ и завоевывали чужія земли. Такимъ образомъ произошли германскіе короли или конунги“ (стр. 147).

8) Изложеніе вопроса о происхожденіи феодализма, почти тождественное какъ въ учебникахъ для старшаго возраста, такъ и въ среднемъ курсѣ, принадлежитъ къ числу наиболѣе неудачныхъ. Не говоря уже о томъ, что, помѣстивъ изложеніе этого вопроса въ главѣ, предшествующей разсказу о „временахъ Каролинговъ“, авторъ допустилъ крупное нарушеніе исторической послѣдовательности; заговорявъ о происхожденіи феодализма слишкомъ рано, онъ не выясняетъ сущности феодальнаго порядка, смѣшиваетъ понятія феода и лена, связывая эти слова союзомъ „или“, не упоминаетъ объ иммунитетѣхъ и даетъ совершенно невѣрное объясненіе перехода свободныхъ собственниковъ, которыхъ онъ называетъ „баронами“, въ положеніе вассаловъ (стр. 162—163).

9) Въ 3-мъ отдѣлѣ учебника, посвященномъ новой исторіи, авторъ ничего не говоритъ о гуманизмѣ, какъ о томъ великомъ культурномъ движеніи, которымъ характеризуется наступленіе новаго времени въ жизни европейскихъ народовъ, если не считать небольшого параграфа, въ которомъ идетъ рѣчь о „возрожденіи наукъ и искусствъ“ (стр. 314—315), да сдѣланнаго по другому, впрочемъ, поводу замѣчанія, что „люди, изучавшіе классическую литературу (т. е. греческую и римскую), получили названіе гуманистовъ“ (стр. 318). Но возрожденіе классической древности было только частичнымъ проявленіемъ гуманизма, сущность котораго заключалась въ секуляризаціи человѣческой мысли и дѣятельности, и для котораго это возрожденіе послужало только орудіемъ.

10) Отдѣлъ о реформаціи, представляющій почти дословное повтореніе того, что говорится объ этомъ въ учебникѣ старшаго возраста, также принадлежитъ къ числу крайне неудовлетворительныхъ по изложенію отдѣловъ учебника. Во 1-хъ, сообщая факты изъ жизни

Лютера (стр. 320 и сл.), авторъ не только не выясняетъ процесса религіознаго развитія Лютера а ни слова не говоритъ о томъ внутреннемъ переломѣ, который произошелъ съ Лютеромъ во время пребыванія его въ монастырѣ, но даже не упоминаетъ о томъ догматѣ относительно оправданія посредствомъ вѣры, который составляетъ сущность протестантизма. Во 2-хъ, совершенно отсутствуетъ рассказъ о Цвингли и его реформѣ, которой въ учебникѣ старшаго возраста все-таки отведено 10 строкъ; а то, что говорится о Кальвинѣ (стр. 328), слишкомъ кратко и поверхностно для того, чтобы считаться достаточнымъ даже для школьнаго курса исторіи.

11) Эпохѣ просвѣщеннаго абсолютизма также не посчастливилось въ изложеніи г. Иловайскаго: онъ упоминаетъ о ней какъ-то мимоходомъ въ главѣ, посвященной исторіи Германіи въ XVIII вѣкѣ, и, не выясняя существенныхъ особенностей этой эпохи, ограничивается упоминаніемъ о томъ (и то въ примѣчаніи на стр. 421), что „Фридрихъ II и Иосифъ II (а также и наша Екатерина II) по характеру своего управленія являются представителями такъ называемаго просвѣщеннаго абсолютизма (самодержавія)“.

Мы не будемъ говорить о крайне поверхностномъ изложеніи событий французской революціи конца прошлаго столѣтія, такъ какъ самъ авторъ, назвавъ соотвѣтственный отдѣлъ своего учебника „обзоромъ событий“ (гл. XXXIV—стр. 436), отнялъ у рецензента право предъявленія къ этому отдѣлу его книги серьезныхъ требованій. Въ книгѣ г. Иловайскаго вообще встрѣчается множество мелкихъ неточностей, устраненіе которыхъ необходимо въ интересахъ приданія книгѣ большей научности. Такъ, на стр. 47 онъ говоритъ, что „побѣдители (на олимпійскихъ играхъ) награждались лавровымъ вѣнкомъ“; на стр. 148 о происхожденіи гунновъ сказано, что они относятся „вѣроятнѣе всего къ славянскому“ племени, а дальше (на стр. 151) названы „славяно-гуннами“, а на стр. 153 отождествлены съ дунайскими болгарамъ; на стр. 177 въ числѣ государствъ, на которыя распался арабскій халифатъ, названъ особый халифатъ Газневидскій; на стр. 199 содержаніе Вормскаго конкордата изложено слѣдующимъ образомъ: „по этому конкордату императоръ отказался отъ симоніи и инвеституры, но отчасти удержалъ за собою право давать духовнымъ земли на ленныхъ условіяхъ (т. е. считать ихъ своими вассалами)“; на стр. 273 турецкій султанъ, завоевавшій Константинополь, названъ Магометомъ I; на стр. 326 неточно изложены условія Аугсбургскаго мира; на стр. 343 названіе гугенотовъ произво-

дится отъ имени „баснословнаго короля Гугона, который любилъ стравствовать по ночамъ“; на стр. 346 возставіе Парижа противъ короля Генриха III стоятъ внѣ всякой связи съ тѣмъ, что говорится объ этомъ королѣ раньше, и является чѣмъ-то неожиданнымъ; на стр. 356—одною изъ причинъ вражды англійской королевы Елисаветы къ Маріи Стюартъ указано то, что „Елисавета, имѣвшая притязаніе на красивую наружность, ненавидѣла Марію, какъ свою счастливую соперницу въ этомъ отношеніи“; на стр. 468 битва при Седанѣ (въ 1870 г.) отнесена къ 6-му августа.

На ряду съ разнаго рода недочетами въ научномъ отношеніи въ учебникѣ г. Иловайскаго помѣщено множество мелочныхъ подробностей, достоинство которыхъ какъ со стороны ихъ научнаго значенія, такъ и съ точки зрѣнія чисто педагогической, болѣе, чѣмъ сомнительно: допустимыя (и то съ выборомъ) въ книгѣ, предназначенной для дѣтей младшаго возраста, которая, въ силу особыхъ психологическихъ соображеній, должна отличаться возможно большею конкретностью изложенія, онѣ не нужны въ книгѣ, которая предназначена для старшаго возраста, отнимая у нея необходимую серьезность тона и сообщая изложенію нежелательную легковѣсность и анекдотичность. Нѣкоторыя изъ этихъ подробностей прямо даже неумѣстны въ книгѣ, которая дается въ руки дѣтямъ, вызывая въ нихъ естественное желаніе добраться до смысла того, что по необходимости недосказано авторомъ (напримѣръ, рассказъ объ оскорбленіи, нанесенномъ Лукреціи сыномъ Тарквинія Гордаго—стр. 92), или паводя ихъ на нежелательныя въ ихъ возрастѣ мысли (напримѣръ, рассказъ о происхожденіи Кира — стр. 27, о происхожденіи Ромула—стр. 89, о похищеніи сабинянокъ—стр. 90, о смерти Виргиніи—стр. 95, объ отношеніяхъ Антоніи и Клеопатры — стр. 124, или описаніе Магометова рая—стр. 173, объ отношеніяхъ Людовика XIV къ придворнымъ дамамъ—„королевскимъ любимицамъ“ — стр. 387); а другія, не имѣя отношенія къ тѣмъ событіямъ, къ которымъ онѣ приурочены, носятъ характеръ случайныхъ придатковъ къ тексту книги, или, сообщая факты, интересныя сами по себѣ, не имѣютъ существеннаго значенія и являются излишнимъ балластомъ, освобожденіе отъ котораго послужило бы только къ выгодѣ книги (напримѣръ, рассказъ о Камбизѣ—стр. 29, о Ликургѣ—стр. 49, о Поликратѣ — стр. 56, объ основаніи Рима—стр. 89, о Корнелии, матеря Гракховъ—стр. 109, о Помпей—стр. 115, о Цезарѣ—стр. 121, о смерти Аттилы—стр. 152, о Кунигундѣ — стр. 156, о суассонской кружкѣ — стр. 159, о вѣвшности

Карла Великого — стр. 182, о женщинах города Вейсберга — стр. 200, о свидании Фридриха Барбаруссы с Генрихом Львом — стр. 201, о смерти Фридриха Барбаруссы — стр. 202, о Бернгарде Клервальском — стр. 212, о поведении Ричарда Львиное Сердце в Палестине — стр. 215, о Бертраме дю-Геклене — стр. 231, о Маргарите Анжуйской — стр. 236, о Максимилиане I — стр. 250, о Тамерлане — стр. 271, об отречении Карла V — стр. 327 и т. д).

Это обилие мелочных подробностей, заслоняющих собою обязательный для усвоения исторический материал, изложенный в учебниках г. Иловайского, безразлично как в тех, которые предназначены для старшего возраста, так и в учебниках для младшего возраста, дает основание полагать,⁹ что г. Иловайский, задавшись целью обогатить нашу педагогическую литературу, крайне скудную по части учебников истории в то время (больше 35-ти лет тому назад), когда появилось впервые его руководство, не потрудился даже сделать качественный анализ учебно-исторического материала, ограничив свою работу по составлению учебников исключительно количественным определением этого материала, благодаря чему и получились три вида учебников, различающихся между собою только количеством сообщаемых фактов и большею или меньшею подробностью их изложения, но безусловно сходных между собою относительно расположения в них исторического материала и изложения. Такой прием г. Иловайского уже давно обратил на себя внимание и вызвал справедливое осуждение в критических обзорах его учебников (см., например, *Журнал Министерства Народного Просвещения* 1868 г.); но г. Иловайский, вѣря в свою счастливую звезду, в виду отсутствия в то время серьезной конкуренции на этом поприще, оставался глух к голосу критики и продолжал невостребованно выпускать все новые и новые издания своих учебников, не дѣлая в них никаких улучшений или изменений в смыслъ придания имъ большаго соответствія съ научными и педагогическими требованиями. Единственное изменение, сделанное имъ в послѣднихъ изданияхъ, состоитъ в томъ, что курсивомъ отмѣчены, по выражению г. Иловайского, „наиболѣе существенныя мѣста, подлежащія быть закрѣпленными въ памяти учащихся“, да еще въ концѣ текста напечатаны „образцы вопросов“, которые авторъ предлагаетъ на усмотрѣніе учащихся при повтореніи предмета. Не говоря уже о томъ, что большая часть этихъ вопросовъ не представляетъ никакой цѣнности въ дидактическомъ отношеніи, требуя простаго пересказа

того, что ученикамъ извѣстно изъ текста учебника, а нѣкоторые прямо поражаютъ странностью и неясностью своей редакціи (например, вопросъ 18 въ учебникѣ средняго курса: „раздѣленіе церквей, борьба духовной и свѣтской власти, въ связи съ развитіемъ феодализма“ — стр. 481),—мы должны замѣтить относительно курсивнаго шрифта въ книгѣ г. Иловайскаго, что иногда имъ отиѣчены такія мѣста, которыя вовсе не имѣютъ того значенія, какое придаетъ имъ авторъ [например, на стр. 148: „Ихъ (гушновъ) безобразіе, происшедшее отъ обычая уродовать головы и лица дѣтей, поразило ужасомъ европейскіе народы“; на стр. 309: „изъ французскихъ рыцарей наибольшую славу въ Италіи приобрѣлъ Баярдъ“; на стр. 330: „грубость нравовъ и господство суевѣрій особенно выразились многочисленными процессами о вѣдьмахъ“; на стр. 393: „вообще время регентства (во Франціи) считается эпохою чрезвычайнаго упадка семейныхъ нравовъ“; на стр. 411: „подобное государственное устройство (Соединенныхъ Штатовъ въ Сѣверной Америкѣ) могло утвердиться только благодаря отсутствію могущественныхъ сосѣдей на Американскомъ материкѣ“; на стр. 472: „Новые греки, впрочемъ, происходятъ не столько отъ древнихъ грековъ, сколько отъ славянъ, наводнившихъ Балканскій полуостровъ во время великаго переселенія народовъ“, и мн. др.]

Что касается содержанія средняго курса всеобщей исторіи, то, какъ было замѣчено выше, оно одинаково съ тѣмъ, какое находится въ учебникахъ г. Иловайскаго, предназначенныхъ для старшаго возраста, за исключеніемъ того, что въ среднемъ курсѣ опущена заключительная глава учебника древней исторіи („Черты римскаго государственнаго быта и римской образованности“) и первый параграфъ учебника средней исторіи („Кельты“), въ замѣнъ котораго въ немъ сдѣлано небольшое примѣчаніе на стр. 119; но за то въ среднемъ курсѣ находимъ параграфы о китайцахъ (стр. 19—20) и объ отцахъ церкви (стр. 142—144), которыхъ нѣтъ въ учебникѣ старшаго возраста. Но, конечно, наличность этихъ параграфовъ не въ состояніи восполнить тѣ недостатки книги, которые являются результатомъ недостаточно серьезнаго отношенія автора къ выбору учебно-историческаго матеріала съ одной стороны и излишняго усердія его къ украшенію текста книги мелочными, не идущими къ дѣлу, подробностями съ другой стороны.

М. Андреевъ.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ПИСЬМО ИЗЪ ПАРИЖА.

Я уже упоминалъ о безчисленномъ множествѣ конгрессовъ, состоявшихся въ Парижѣ во время каникулъ; признаюсь, я не присутствовалъ на нихъ; но теперь начинаютъ появляться ихъ отчеты, которые вскорѣ составятъ значительное число томовъ. Наибольшій интересъ для вашихъ читателей представляетъ конгрессъ по высшему образованию. Особенно живо обсуждался на немъ вопросъ объ общедоступномъ университетѣ (university extension). Ораторы различныхъ странъ взаглаго пытались, предпринятая профессорами гимназій и университетовъ, съ цѣлью дать возможность низшимъ классамъ воспользоваться благодѣяніями умственной культуры. Былъ поставленъ вопросъ, въ какихъ словахъ выразить самую идею этой общедоступности. Нѣкоторыми была предложена слѣдующая редакция:

Общедоступный университетъ есть попытка распространить научный духъ во всѣхъ классахъ общества.

Другая предложенная редакция такова:

Распространеніе университетскаго образованія имѣетъ цѣлью развитіе во всѣхъ людяхъ высшей человѣческой культуры.

Конгрессъ принялъ слѣдующее опредѣленіе:

Отличительной чертой общедоступнаго университета, въ тѣсномъ значеніи этого слова, является стремленіе заставить всѣ слои общества проникнуться сущностью научнаго духа.

Это, конечно, прекрасное опредѣленіе; но увѣ! научный духъ еще очень далекъ отъ того, чтобы проникнуть во всѣ классы общества;

намъ пришлось недавно убѣдиться въ этомъ, въ народномъ университетѣ квартала С. Антонія. Католическій аббатъ взошелъ на кафедру, чтобы прочесть лекцію изъ исторіи религіи; онъ былъ встрѣченъ свистками и ругательствами со стороны мастеровыхъ. Власть тьмы! какъ говоритъ Толстой. Конгрессъ пришелъ къ рѣшенію, что для того, чтобы заставить слушателей цѣнить науки, надо будетъ взимать съ нихъ небольшую плату. Когда они заплатятъ за курсъ, хотя бы нѣсколько сантимовъ, они можетъ быть захотятъ дослушать его до конца.

Покончивъ съ тѣми, кто не имѣетъ средствъ учиться, конгрессъ занялся тѣми, кто дѣйствительно занимается наукой, студентами. Говорили о томъ, что сдѣлано для нихъ въ различныхъ странахъ Европы и Новаго свѣта. Въ нѣкоторыхъ странахъ, напримѣръ въ Швеціи, Голландіи для нихъ выстроены настоящіе дворцы, дома съ садами, площадями для игръ и т. д. Не такъ обстоитъ дѣло во Франціи. Правда, студенты образовали клубы, пользующіеся поддержкой академическихъ авторитетовъ; но въ общемъ они пользуются незначительнымъ комфортомъ и обладаютъ малыми средствами. Какъ разъ въ настоящее время нѣсколько профессоровъ заняты тѣмъ, чтобы устроить кооперативный ресторанъ; студенты, взявшіе акціи (по 25 франковъ), найдутъ въ этомъ ресторанѣ, которымъ они будутъ сами завѣдывать, лучшую пищу, чѣмъ та, которую они имѣютъ за *table d'hôte* латинскаго квартала.

За послѣдніе годы былъ поднятъ вопросъ о трудностяхъ французской орфографіи и о возможныхъ въ ней упрощеніяхъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ французской академіи была представлена петиція съ просьбой взять на себя инициативу нѣкоторыхъ реформъ. Академія согласилась на нѣкоторыя наименѣе важныя. Былъ основанъ журналъ, взявшій на себя защиту упрощенія, подъ заглавіемъ „*le Réformiste*“, подъ редакціей г. Жана Бареса; онъ появляется разъ въ годъ и стоитъ 2 франка во Франціи и 4 франка за границей. Предлагаемая имъ реформа носить весьма радикальный характеръ и не имѣютъ шансовъ быть принятыми въ настоящее время.

Недавно министръ народнаго просвѣщенія собралъ комиссію изъ филологовъ и педагоговъ для рѣшенія вопроса не о томъ, какія реформы могутъ быть сдѣланы во французской орфографіи (это дѣло академіи), а о томъ, какого рода терпимость можетъ быть введена въ примѣненіи этой орфографіи. Часто случается, особенно на начальныхъ экзаменахъ, что юноши не могутъ справиться съ этими трудностями,

которыя въ большинствѣ случаевъ суть изобрѣтенія старинныхъ грамматиковъ и не имѣютъ въ дѣйствительности большой важности. Циркуляромъ отъ 31-го іюля, напечатаннымъ въ правительственномъ органѣ 1-го августа, министръ установилъ списокъ этихъ допущеній; я приведу только два или три примѣра: нѣкоторыя слова, какъ напримѣръ *hupne*, *oeuvrre*, *gens* имѣютъ два рода, смотря по принимаемому ими значенію; ученики часто ошибались въ употребленія этихъ двухъ родовъ. Министръ рѣшилъ, что они могутъ ихъ употреблять безразлично въ женскомъ или мужскомъ родѣ. Онъ позволилъ уничтожить тире въ такихъ словахъ, какъ *chef-d'oeuvrre*; вообще употребленіе тире въ составныхъ словахъ предоставляется на произволъ, даже въ числахъ (*dix-sept*). Онъ также позволяетъ пользоваться по произволу единственнымъ или множественнымъ числомъ въ такихъ фразахъ: *Ni la douceur ni la force n'y peuvent rien*, или *n'y peut rien*. *Participe passé* съ вспомогательнымъ глаголомъ *avoir* можетъ не измѣняться во всѣхъ случаяхъ, тогда какъ до настоящаго времени онъ согласовался съ прямымъ дополненіемъ; такъ теперь можно будетъ писать: *les livres que j'ai lu*, или *que j'ai lus*. Эта терпимость чрезвычайно шокируетъ пуристовъ; но она окажетъ большія услуги иностранцамъ, которымъ такъ трудно усвоить нѣкоторыя правила нашей грамматики, трудно объяснить, когда французскій языкъ изучается ранѣ знакомства съ латынью.

Я не останавливаюсь на всѣхъ подробностяхъ министерскаго циркуляра. Лица, обучающія французскому языку въ Россіи, хорошо сдѣлаютъ, если ознакомятся съ нимъ. Онъ заканчивается весьма важной съ педагогической точки зрѣнія рекомендаціей. „Желательно, чтобы на экзаменахъ не считались за серьезныя такія ошибки, которыя ничего не говорятъ противъ развитія и дѣйствительнаго знанія кандидатовъ, а указываютъ только на незнаніе ими нѣкоторыхъ грамматическихъ тонкостей и мелочей“.

Циркуляръ вызвалъ нѣкоторое волненіе въ мѣрѣ консерваторовъ. Конечно, проповѣдуемая имъ терпимость нанесетъ роковой ударъ традиціонной орфографіи, и не только орфографіи, но и стихосложенію. При новой системѣ классическая французская версификація оказывается почти совсѣмъ разрушенной. Французская академія, стражъ традицій, взволновалась при мысли объ этихъ опасностяхъ; она собралась въ спеціальныя собранія и приготовила трудъ, въ которомъ обсуждаются рѣшенія циркуляра. Въ настоящую минуту этотъ трудъ еще не опубликованъ.

Каникулярные (іюль—августъ) курсы, устраиваемые Обществомъ

распространенія французскаго языка (Association pour la propagation de la langue française) или Французскимъ союзомъ (Alliance française), привлекли въ этомъ году, какъ и слѣдовало ожидать, меньше учениковъ, чѣмъ въ предыдущіе годы. Отчасти потому, что ученики были отвлечены отъ курсовъ всемірной выставкой, отчасти потому, что благодаря выставкѣ жизнь въ Парижѣ очень вздорожала, и боязнь, чтобы расходы не превысили ихъ средствъ, удержала нѣкоторыхъ кандидатовъ. Общая цифра учениковъ равнялась 297, изъ которыхъ 99 было нѣмцевъ и только 41 русскихъ. Во всякомъ случаѣ пальма первенства досталась русскимъ; изъ четырехъ медалей, присужденныхъ совѣтомъ, три были присуждены русскимъ, а одна американкѣ.

Если число учениковъ курсовъ въ Парижѣ было въ этомъ году, благодаря выставкѣ, меньше обыкновеннаго, зато въ провинціальныхъ городахъ, гдѣ Общество тоже организовало курсы, число учениковъ возрасло въ этомъ году. На курсахъ въ Канѣ было 74 ученика, почти все англичане и скандинавцы. Теперь курсы будутъ тамъ читаться каждый годъ съ октября по августъ.

Въ Нанси на курсахъ было 110 учениковъ; эти курсы длятся весь годъ; на нихъ преобладаютъ, конечно, нѣмцы; изъ 110 кандидатовъ почти половина получила дипломы. Наконецъ Гренобльскій университетъ тоже устраивалъ курсы для иностранцевъ, продолжающіеся цѣлый годъ: на годовыхъ курсахъ было 60 учениковъ, на камикулярныхъ 200. Такимъ образомъ какъ въ Парижѣ, такъ и въ провинціи, это прекрасное нововведеніе вполнѣ удалось. Теперь иностранцы, желающіе изучать нашъ языкъ и нашу литературу, ищутъ, за сравнительно небольшую плату, прекрасные курсы, читаемые первоклассными профессорами. Свѣдѣнія объ этихъ курсахъ можно получить, обратившись къ президенту или къ главному секретарю Французскаго союза, 45, rue de Grenelle. Paris.

„Французскій союзъ“ получилъ на выставкѣ grand prix, что имъ было вполнѣ заслужено. Онъ организовалъ, въ нѣдрахъ самой выставки періодическія собранія, на которыхъ присутствовали многочисленные друзья Франціи, и которыя оставили во всѣхъ присутствующихъ наилучшія воспоминанія. Онъ заботится объ устройствѣ французскихъ курсовъ для многочисленныхъ ивродцевъ нашихъ колоній.

Обширная всеобщая исторія, печатаемая гг. Лависъ и Рамбо, приближается къ концу. Двѣнадцатый и послѣдній томъ находится въ

настоящее время въ печати. Онъ заключаетъ въ себѣ современную исторію отъ 1830 до 1900.

Г. Лависъ, проявляющій въ продолженіе болѣе тридцати лѣтъ неутомимую дѣятельность, печатаетъ въ типографіи Гашеть Исторію Франціи, которая тоже составлена при сотрудничествѣ нѣсколькихъ человѣкъ. Двѣ послѣднихъ обширныхъ Исторіи Франціи: Мишле и Анри Мартена были закончены четверть вѣка тому назадъ. Съ тѣхъ поръ было сдѣлано много открытій въ области исторіи. Г. Лависъ задался цѣлью резюмировать ихъ. Его исторія составитъ 8 томовъ in 8° по 800 приблизительно страницъ (12 фр. за томъ). Первые выпуски перваго тома уже появились. Въ него войдутъ географическое введеніе, написанное г. Видалемъ Лаблашъ, профессоромъ географіи въ Парижскомъ университетѣ; историческое введеніе, написанное г. Лависомъ, нѣсколько главъ о независимой Галліи и римской Галліи, г. Блоха, профессора Ecole Normale. Я еще буду имѣть случай вернуться къ этому труду, который расчитанъ на нѣсколько лѣтъ.

Появился 28-й выпускъ Словаря греческихъ и римскихъ древностей (*Dictionnaire des antiquités grecques et romaines*), издаваемого фирмой Гашеть. Онъ начинается съ Lab и кончается Leg; въ него вошли статьи: Labyrinth (E. Pottier), Lacedaemoniorum respublica (Fustel de Coulange, посмертный трудъ знаменитаго историка просмотрѣнный и дополненный), Lamia (E. Hild), Lampas (Toutoin), Lanx (Pottier), Lages (Hild), Lateres (Babelon), Latrocinium (Humbert), Lector, Recitator (Gaston Boissier), Legatum (Cuq). Г. Сальо, издатель этого прекраснаго изданія, сказалъ мнѣ на дняхъ: „мнѣ 72 года, и я не рассчитываю прожить столько, чтобы довести до конца это изданіе. Не смотря на всѣ мои усилія, я не могу дать больше двухъ выпусковъ въ годъ“. Г. Сальо взялъ себѣ въ соиздатели г. Эдуарда Потье, консерватора въ Луврскомъ музеѣ, члена Académie des Inscriptions, одного изъ нашихъ извѣстѣйшихъ археологовъ. Будущее этого предиріятія обезпечено.

Dictionnaire générale de la langue française de m. m. Hatzfeld, Darmstetter et Antoine Thomas, представляющій менѣе затрудненій, чѣмъ словарь классическихъ древностей, только что законченъ. Онъ состоитъ изъ двухъ томовъ in 8°, въ тысяча, приблизительно, страницъ каждый. Я вамъ уже сообщалъ, когда появился первый томъ, чѣмъ этотъ важный трудъ отличается отъ словаря Литтре. Оба первые редактора этого словаря, Гатсфельдъ и Арсеній Дармстеттеръ, умерли раньше окончанія изданія; пережилъ его одинъ только г. Антуанъ Тома. По-

слѣдній выпускъ онъ снабдилъ ученымъ трактатомъ объ образованіи французскаго языка; этотъ трактатъ написанъ частью имъ, частью г. А. Дармстетеромъ. Это вполнѣ законченный трудъ и было бы желательно, чтобы онъ былъ напечатанъ отдѣльно отъ словаря. Появление этого важнаго труда было встрѣчено живымъ одобреніемъ. Онъ займетъ мѣсто во всѣхъ большихъ библіотекахъ рядомъ со словаремъ Литтре. Жюри всемірной выставки присудило ему *grand prix*, а *Académie des inscriptions et belles lettres* присудила ему премию Жана Рейнака въ 10.000 франковъ; единственный оставшійся въ живыхъ редакторъ его, г. А. Тома, былъ назначенъ почетнымъ профессоромъ французской литературы среднихъ вѣковъ на мѣсто скончавшагося Г. де-Жюльвиля, о которомъ вспоминаютъ съ искреннимъ сожалѣніемъ.

Большая энциклопедія дала свой XXVII томъ. Въ немъ находится конецъ буквы Р, буква Q и начало буквы R. А именно въ него вошли статьи: *Pologne* (Louis Leger), *Pygnées* (Onézyne Reclus), *Régions polaires* (Levasseur), *Provençal* (Jeanroy et Marieton). Въ научномъ отдѣлѣ заслуживаетъ вниманія статья *poudre* знаменитаго химика Вертело.

Я упоминалъ уже съ похвалою, которую оно заслуживаетъ, о прекрасномъ изданіи Мольера (въ одиннадцати томахъ), выпущенномъ гг. Денуа и Поль Менаромъ въ Собраніи великихъ французскихъ писателей (фирма Гашеть). Это изданіе только что исполнено двумя толстыми томами *Lexique de la langue de Molière*. Этотъ лексиконъ, въ 1.000 приблизительно страницъ in 8°, снабженъ грамматическимъ введеніемъ въ 200 страницъ приблизительно. Желательно, чтобы онъ былъ отдѣльно пущенъ въ продажу, такъ какъ онъ представляетъ необходимое дополненіе ко всѣмъ изданіямъ Мольера. Это очень цѣнный вкладъ въ изученіе французскаго языка XVII вѣка. Эти цѣнные труды дѣлаютъ честь фирмѣ, предпринявшей ихъ изданіе и продолжающей это дѣло съ похвальной настойчивостью. Монументальное изданіе Мольера, начатое въ 1873 году, длилось 27 лѣтъ и было редактировано послѣдовательно четырьмя учеными: Е. Денуа, П. Менаръ, А. и П. Дефейль (фирма Гашеть).

Г. Морисъ Альберъ, интересную книгу котораго о греческихъ докторяхъ въ Римѣ, я уже указывалъ, занимается также и литературой. Онъ только что напечаталъ любопытную книгу объ одномъ интересномъ вопросѣ французской литературы, *Les théâtres de la foire* (in 12° фирма Гашеть). Такъ назывались въ XVII и XVIII вѣкахъ въ Парижѣ представленія маріонетокъ, акробатовъ, дрессированныхъ

животныхъ, водевили, комическія оперы, даваемые въ Парижѣ на С.-Жерменской и С.-Лоранской ярмаркахъ. Эти театры, устраиваемые на время ярмарокъ, пережили ихъ и превратились въ настоящія драматическія сцены. Но имъ пришлось выдержать борьбу съ французской комедіей, претендовавшей на монополию на разговорныя пьесы, и съ королевской и музыкальной академіей, которая считала за собой монополию на пьесы съ пѣніемъ. Чтобы обойти эти затрудненія, ярмарочные театры прибѣгали ко всякаго рода ухищреніямъ: они замѣняли актеровъ маріонетками, или когда среди пантомимы надо было пѣть куплеты, они выставляли для публики громадныя афиши, на которыхъ были написаны слова куплетовъ, и публика ихъ пѣла. Въ концѣ концовъ ярмарочные театры одержали верхъ надъ своими противниками; они дали начало театрамъ, процвѣтающимъ и по сіе время въ Парижѣ: l'Opéra comique, l'Ambigu, la Gaîté. Знаменитые писатели, какъ напримѣръ Лесажъ (авторъ Жиль-Влаза) и Пиронъ, не считали ниже своего достоинства писать для нихъ. Въ общемъ ихъ исторія является любопытной главой въ исторіи литературы; она написана г. Морисомъ Альберомъ съ большимъ знаніемъ и юморомъ.

Послѣдніе годы обращали на себя вниманіе въ газетѣ Temps статьи о людяхъ и событіяхъ революціи. Эти статьи были подписаны Г. Ленотръ. Г. Ленотръ чиновникъ, посвящающій свое свободное время историческимъ изслѣдованіямъ изъ временъ революціи. Онъ написалъ уже нѣсколько томовъ. Въ книгѣ подъ заглавіемъ: Paris révolutionnaire, vieilles maisons, vieux papiers онъ собралъ свои статьи, напечатанныя въ Temps (librairie académique). Любители и исторники будутъ ему за это благодарны. Г. Ленотръ прекрасно изслѣдуетъ неизданные документы, умѣетъ рыться въ старыхъ домахъ, рельефно выставлять мелкія стороны исторіи. Къ тому же онъ очень талантливый рассказчикъ. Въ его книгѣ находятся этюды изъ жизни Камилла Демулена, Робеспьера, Андре Шенье, Наполеона, м-ше Дюбарри, Тальена, Латуада, Сень-Жюста, но говоря о другихъ неизвѣстныхъ личностяхъ, жизнь которыхъ представляетъ интересныя загадки, остроумно разрѣшаемыя г. Ленотръ. Это одна изъ интереснѣйшихъ книгъ, изъ появившихся за послѣднее время; нѣкоторыя страницы читаются какъ романъ.

Я уже имѣлъ случай говорить о неутомимой дѣятельности г. Брюнетьера, члена Французской академіи, профессора Ecole normale, редактора Revue des deux mondes, публициста, читающаго также публичныя лекціи. Подъ заглавіемъ Discours académiques онъ соединилъ въ одну

книгу около пятнадцати рѣчей, изъ нихъ не всѣ были произнесены во французской академіи, но почти всѣ были произнесены при академическихъ условіяхъ; нѣкоторыя изъ нихъ, произнесенныя передъ молодой аудиторіей, имѣютъ чисто нравственное и педагогическое содержаніе; большая часть представляютъ критико-литературныя статьи. Г. Брюнетьеръ обладаетъ темпераментомъ оратора, и этотъ темпераментъ проявляется и въ его дидактическихъ произведеніяхъ. Изъ литературныхъ статей укажу на его рѣчь при вступленіи во Французскую академію (*Eloge de John Lemoine*), рѣчь на освященіе статуи Іоакима Дюбеля, рѣчь въ честь Августина Тьерри, въ честь Шатобріана, похвальная рѣчь памяти Виктора Шербюлье. Изъ этой книги, безъ сомнѣнія, многое можно почерпнуть. Академическія рѣчи представляютъ нѣсколько вышедшій изъ моды жанръ, но если кто можетъ придать имъ нѣкоторую жизнь, то это, конечно, г. Брюнетьеръ съ его горячимъ темпераментомъ. *Si qua Pergama dextra...* (1 v. *librairie académique Perrin*).

Р. Рене Думикъ еще не членъ Французской академіи, но онъ имъ когда-нибудь навѣрное будетъ. Онъ подобно г. Брюнетьеру профессоръ и конференсье; онъ сдѣлался постояннымъ критикомъ въ *Revue des deux mondes*. Какъ и г. Брюнетьеръ, онъ придерживается славныхъ традицій нашей классической литературы. Онъ только что издалъ (*librairie académique*) четвертый томъ своихъ *Etudes sur la littérature française*. Въ немъ находятся критико-литературныя статьи о современныхъ романистахъ, этюды о Вольтерѣ, Наполеонѣ, Бальзакѣ, Мишеле, Сарсе, о символистахъ; а также этюды этическіе и педагогическіе. Два послѣднихъ этюда этого тома озаглавлены: *l'éducation dans l'université* (во французскомъ значеніи слова *université*—заведеніе, гдѣ обучаютъ) и *le bilan d'une génération*. Г. Думикъ не скрываетъ, что въ университетѣ (все въ томъ же французскомъ значеніи слова) трудно имѣть серьезное вліяніе на воспитаніе ребенка. Чтобы крѣпко дѣйствовать на волю ребенка и чтобы дисциплинировать его, требуется совокупность точно установленныхъ понятій; требуется теорія. Увы, чрезвычайная раздробленность французскаго общества не позволяетъ университету имѣть одну систему. Дѣтя, посѣщающія лицей, принадлежатъ къ самымъ разнообразнымъ средамъ. Ихъ семьи не сходятся ни въ религіозныхъ, ни въ нравственныхъ, ни въ социальныхъ, ни въ какихъ либо вопросахъ. То, что семьи всевозможныхъ происхожденій и всевозможныхъ мнѣній ищутъ образованія въ лицей, служить къ чести этого послѣдняго; но это

же создаетъ ему обязательства быть нейтральнымъ. Рекомендую прочесть эту статью тѣмъ, кого интересуетъ нынѣшній кризисъ во французской педагогикѣ, а также статью *le bilan d'une génération*, написанную по поводу переизданія психологическихъ этюдовъ Поля Бурже. Г. Думикъ доказываетъ, что скептическому, дилеттантскому и космополитическому поколѣнью, главнымъ представителемъ котораго былъ Ренанъ, наследуетъ болѣе энергичное и мужественное поколѣние, но онъ спрашиваетъ себя съ нѣкоторымъ безпокойствомъ: „Вопросъ въ томъ, способны ли мы еще на серьезное дѣло. Время шутниковъ прошло, и нужны всѣ люди съ твердой волей, чтобы поколебать всемирную апатію, чтобы пробудить желаніе сдѣлать усиліе, чтобы распространить духъ преданности и жертвы“.

Я нѣкогда сообщалъ вамъ о *Société d'études italiennes*, основанномъ восемь лѣтъ тому назадъ; оно очень процвѣтаетъ благодаря рвенію и таланту своего основателя, г. Дежоба, профессора Сорбонны. Это общество организуетъ бесѣды, издаетъ журналъ и всячески старается распространить во Франціи изученіе южныхъ языковъ, а именно итальянскаго. Это общество добилось уже нѣкоторыхъ результатовъ: въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ были введены курсы итальянскаго языка; были выдаваемы стипендіи на путешествія въ Италію. Наконецъ фирма Гарнье выпустила серію школьныхъ изданій итальянскихъ классиковъ подъ заглавіемъ: Коллекція Дежоба. Первые три появившіеся тома содержать: Данте, г. Буви, профессора бордосскаго университета, Боккачіо, Анри Гавета изъ гренобльскаго университета, Аріостъ, г. Бонафре изъ эксскаго университета. Каждый томъ снабженъ біографическимъ введеніемъ и бібліографіей. Текстъ снабженъ комментаріями, объясняющими наиболѣе трудныя мѣста. Эти небольшія книжки очень пригодны для университетскихъ уроковъ. Онѣ продаются въ переплетѣ по весьма доступной цѣнѣ.

Г. Вейль, знаменитый эллинистъ, занятъ на склонѣ лѣтъ собираніемъ своихъ статей, появившихся въ періодическихъ изданіяхъ. Онъ уже напечаталъ одинъ томъ этюдовъ объ античной драмѣ. Въ настоящее время онъ печатаетъ (фирма Гашетъ) книгу, содержащую этюды о греческихъ древностяхъ. Эти статьи появлялись въ специальныхъ журналахъ: *Journal des savants*, *Revue des études grecques*. Эллинистамъ пріятно будетъ имѣть ихъ въ одной книгѣ, удобнаго формата in 12°. Онѣ были написаны по поводу французскихъ и нѣмецкихъ изданій. Укажу особенно на статьи: о вѣрованіи грековъ въ безсмертіе души, объ аѳинскомъ воспитаніи въ V и IV вѣкѣ до

Р. Х., о Діоніѣ Хризостомѣ, объ элегіяхъ Тиртея, о недавно открытых сценахъ Менандра. Г. Вейль глубокий и добросовѣстный ученый, но не стремится быть блестящимъ писателемъ. У него всегда есть чему поучиться; въ его книгѣ видны слѣды прекраснаго образованія, получаемаго въ *École Normale*.

Г. Буше-Леклеркъ, въ настоящее время коллега г. Вейля по академіи надписей, занимающій въ Сорбоннѣ кафедрѣ классическихъ древностей, пользуется извѣстностью какъ латинистъ и какъ эллинистъ. Я уже указывалъ вамъ на его прекрасное руководство римскихъ учреждений и замѣчательную исторію астрономіи. Въ настоящее время онъ выпустилъ книгу, такого же вида какъ книга г. Вейля, подъ заглавіемъ *Leçons d'histoire grecque*, въ которой собралъ нѣсколько своихъ вступительныхъ лекцій, читанныхъ въ Сорбоннѣ. Въ этихъ лекціяхъ излагаются программы и общія идеи ученаго профессора на самыя разнообразныя темы: объ общихъ основахъ древнихъ религій, о религіи грековъ въ ея отношеніи къ государственнымъ учрежденіямъ, объ аграрныхъ законахъ въ древности, объ идеѣ правосудія въ аѳинской демократіи, о педагогическихъ учрежденіяхъ въ Греціи, объ исторіи Лагидовъ въ Египтѣ. Г. Буше-Леклеркъ принадлежитъ вмѣстѣ съ Фюстель де Куланжемъ къ людямъ, наиболѣе размышлявшимъ о древнемъ мірѣ. Къ тому же онъ обладаетъ настоящимъ талантомъ писателя. Онъ охотно ищетъ въ древнемъ мірѣ поученія, примѣнимаго къ настоящему времени. Онъ старается возбудить въ читателѣ размышленіе. Короче сказать, онъ соединяетъ въ себѣ писателя, мыслителя и ученаго.

Я рѣдко сообщаю вамъ о книгахъ по философіи, въ которой считаю себя мало компетентнымъ. Однако считаю себя обязаннымъ указать на одну изъ нихъ, соприкасающуюся съ литературой. *Le rire, essai sur la signification du comique* par Henri Bergson, professeur au Collège de France (1 v. Bibliothèque de philosophie contemporaine, libr. Alcan). Авторъ пользуется репутацией одного изъ лучшихъ современныхъ психологовъ. Въ этой небольшой книгѣ онъ постарался сгруппировать наибольшее число фактовъ и вывести изъ нихъ законы. Онъ послѣдовательно изучаетъ комическое вообще, комическое въ формѣ и комическое въ движеніи, комическое въ положеніи и комическое въ словахъ, комическое въ характерѣ. Онъ приводитъ много примѣровъ; большая часть изъ нихъ заимствована изъ современнаго театра, и на нихъ дѣлаются только краткія ссылки, которыя, пожалуй, не всегда будутъ понятны читателю—иностраницу. Вообще книга г. Берг-

сона нѣсколько кратка и суха. Авторъ дополнилъ ее библиографіей. Его книга не избавляетъ отъ необходимости прибѣгать къ прежнимъ трудамъ по этому вопросу, какъ-то *Les causes du rire*, Dumont (Paris 1862), *Etudes sur le comique*, Courdavaux (Paris 1875), не считая изслѣдованій англійскихъ и нѣмецкихъ психологовъ. Г. Бергсонъ зачислился недавно г. Лезека въ Collège de France, по кафедрѣ исторіи древней философіи.

Л. Л—ръ.

ΝΕΑ ΤΕΜΑΧΗ ΤΗΣ ΕΚΚΛΗΣΙΑΣΤΙΚΗΣ ΙΣΤΟΡΙΑΣ
ΘΕΟΔΩΡΟΥ ΑΝΑΪΝΩΣΤΟΥ ΤΟΥ ΕΝΤΟΛΩΩΣ.

Περὶ τοῦ γνωστοῦ συγγραφέως ἐκκλησιαστικῆς ιστορίας Θεοδώρου τοῦ Ἀναγνώστου σφζονται ὀλίγισται εἰδήσεις. Ὁ Σουΐδας ἐν τῷ ἰδίῳ λεξικῷ σημειοῦται περὶ τοῦ Θεοδώρου ταῦτα: „Θεόδωρος ἀπὸ ἀναγνωστῶν τῆς Μεγάλης Ἐκκλησίας Κωνσταντινουπόλεως ἔγραψεν ἱστορίαν ἐκκλησιαστικὴν ἀπὸ τῶν χρόνων Κωνσταντίνου ἕως τῆς βασιλείας Ἰουστινιανού“. Οὕτως ὁ Θεόδωρος παρίσταται ὡς συγγραφεὺς ἱστορίας ἀπὸ τοῦ 4-ου μέχρι τῆς τρίτης δεκάδος τοῦ 6-ου αἰῶνος· ἀλλ' αἱ περὶ τούτου εἰδήσεις τοῦ Σουΐδα προέρχονται ἐκ γνώσεως ἀντιγράφου τινός, ἐν ᾧ περιείχοντο συνηνωμένα δύο διάφοροι συγγραφαὶ τοῦ Θεοδώρου, ὧν πρώτη εἶναι ἡ συναποτελεσθεῖσα εἰς τέσσαρα πιθανῶς βιβλία ἐξ ἀποσπασμάτων τῶν ἐκκλησιαστικῶν ἱστοριῶν, οἷον Θεοδωρήτου, Σωκράτους καὶ Σωζομενοῦ. Τῆς τοιαύτης συγγραφῆς τὸ προοίμιον ἔχει οὕτως: „Ἐκ τίνος ψήφου ἐπιξενουῦσθαι μοι λαχόντι κατὰ τὸ ἡμέτερον Παφλαγόνων ἔθνος, ἐν μητροπόλει τούνομα Γάγγρα, ἐν αὐτῇ τε ἀπολαύσαντι τῆς σῆς ἱεράς ὁμοῦ καὶ τιμίας μου κεφαλῆς, ἠναγκαζόμενη παρ' αὐτῆς ἐξ αὐτῆς τὰς ὑποθέσεις ληψόμενος συναγαγεῖν τῶν ἐκκλησιαστικῶν ἱστοριῶν τοὺς ἐκθέντας καὶ μίαν τινὰ ἐξ αὐτῶν ἀρμόσασθαι σύνταξιν. ἐπεὶ δὲ πατρικὴ κελύσει ἀντιλέγειν οὐχ ὅσιον, εἰ καὶ φράσεως τῆς πρεπούσης ἐλεεινότην, ἀλλ' ἐπὶ τὸ τοιοῦτον ἔργον ἀμελητὶ ἤλθον ὑμετέραις εὐχαῖς θεθαβήρηκώς. Εὐσεβίου τοῦ θαυμασιωτάτου τὴν ἐπίκλην Παμφίλου κεκηνηκός περὶ τὴν συλλογὴν τῶν ἀνάκαθεν τὰς τοιαύτας ἐκκλησιαστικὰς ὑποθέσεις λογίων ἀνδρῶν συγγραφοῦτων, οὐ μόνον λέγω τῶν παρὰ χριστιανοῖς φιλοσοφησάντων ἀλλὰ καὶ παρ' Ἑβραίοις, καὶ τήνδε τὴν ἱστορικὴν σύνταξιν ποιησαμένου ἄχρι τοῦ εἰκοστοῦ ἔτους τῆς φιλοχρίστου καὶ ὡς ἀληθῶς ὑπὸ θεοῦ χειροτονηθείσης βασιλείας Κωνσταντίνου τοῦ πανευφήμου καὶ μακαριωτάτου· ὧδε καταλύσαντος, ἐπὶ τὸ τοιοῦτον τῆς ὑποθέσεως σχῆμα μετὰ πολλῆς τῆς ἀκρίβειας, ὧς γε

τῶν ἐκτεθέντων ἡ γραφή μαρτυρήσει, τὴν σπουδὴν πεποιήκεσαν θεοφιλεῖς ὁμοῦ καὶ λογίωτατοι ἄνδρες, λέγω δὴ Θεοδώρητος ὁ τῆς ὁσίας μνήμης γενόμενος ἐπίσκοπος Κύρου, Σωζομενὸς καὶ Σωκράτης, τῶν ἐπιλοίπων χρόνων ποιούμενοί τε πραγματεῖαν, οὐκ ἄμφω τὸν τοιοῦτον ὄμιλον θέμενοι, ἀλλ' ἰδίᾳ ἕκαστος φιλοσοφῆσας καὶ τοὺς λόγους ἀναγράψας. Ἐπει οὖν τινὰ μὲν τῶν κατὰ καιροὺς πραχθέντων ὑπὸ τῆς ἀκολουθίας ὠθούμενοι ἑκάτεροι ἀπεδείχθησαν φράσαντες, τινὰ δὲ ἰδιαζόντως, εὐλογον φήθηεν τὰ κοινῶς αὐτοῖς συμπεφωμένα διὰ τοῦ σαφέστερον καὶ ἀφραδέστερον διηγουμένοι τῇ παρούσῃ βίβλῳ κατατάξαι, ἐν τῇ παρόψει παρασημαινόμενος ὡς ἄμφω συμπεφωνήκασιν· τὰ δὲ ἑκάστῳ πάλιν ἰδίως ἐκτεθέντα παραδηλώσω· ἄρξομαι δὲ τῆς ὑποθέσεως ἐκ τῆς ἱστορίας τοῦ μακαριωτάτου Σωζομενοῦ¹⁾.

Τὴν τοιαύτην συγγραφὴν τοῦ Θεοδώρου ἀγνοοῦμεν, διότι οὐδὲν τῶν ἀντιγράφων αὐτῆς ἐξεδόθη μέχρι σήμερον· ἐν δὲ τούτων, ἀρκοῦντως, ὡς φαίνεται, παλαιόν, ὑπάρχει ἐν τῇ Μαρκιανῇ βιβλιοθήκῃ (ἀριθ. 344)²⁾· ἐν ἑτέρον ἀντίγραφον εὐρίσκεται ἐν τῇ βιβλιοθήκῃ τοῦ πανεπιστημίου τῆς ἐν Σικελίᾳ πόλεως Μεσσήνης³⁾· τρίτον ἀντίγραφον κεῖται ἐν τῷ 142-φ Βαροκικῷ χειρογράφῳ⁴⁾. Ἐκ τῶν ἀντιγράφων τούτων μανθάνομεν, ὅτι ἡ ἐκ τεμαχίων συναπηρτισμένη συναγωγὴ τοῦ Θεοδώρου, διηρημένη οὕσα εἰς δύο βιβλία, ἀρχεται ἀπὸ τοῦ 20-οῦ ἔτους τῆς βασιλείας Κωνσταντίνου τοῦ Μεγάλου καὶ λήγει εἰς τὸν χρόνον τῆς ὑπατείας Ταύρου καὶ Φλωρεντίου, τουτέστιν εἰς τὸ 361-ον ἔτος⁵⁾.

Δευτέρως δὲ καὶ κορία τοῦ Θεοδώρου συγγραφὴ εἶναι ἡ γνωστὴ τοῖς παλαιοῖς ἐκκλησιαστικῇ αὐτοῦ ἱστορίᾳ, ἧς γινώσκονται μόνον ἀποσπάσματα, οἷον τὰ λεγόμενα „ἀπὸ φωνῆς Νικηφόρου Καλλίστου τοῦ Ξανθοπούλου“, ἅτινα εἶναι διηρημένα εἰς δύο βιβλία⁶⁾. ἀλλὰ τὰ ἀποσπάσματα ταῦτα πηγάζουσιν οὐχὶ ἐξ ἀμέσου γνώσεως τοῦ ἔργου τοῦ Θεοδώρου ἐν τῷ 14-φ αἰῶνι, ἀλλ' ἔκ τινος ἐκλογαρίου ἢ συναγωγῆς ἀποσπασμάτων διαφόρων ἱστοριῶν, ἧς ἔκαμον χρῆσιν οἱ ἀπὸ Θεοφάνους χρονογράφοι. Ἔτερα τῆς ἐκκλησιαστικῆς τοῦ Θεοδώρου ἱστορίας ἀποσπάσματα γινώσκονται ἐκ τινος τοῦ E. Miller ἀθωνικοῦ χειρογράφου⁷⁾, ὡσαύτως ἐκ τῶν πρακτικῶν τῆς 7-ης οἰκουμενικῆς συνόδου, ἐκ τοῦ 3-ου περὶ τῶν εἰκόνων λόγου Ἰωάννου τοῦ Δαμασκηνοῦ καὶ

¹⁾ L. Allatius parè τῷ Migne, τ. 86, σ. 159.

²⁾ Graeca D. Marci bibliotheca codicum manuscriptorum per titulos digesta, Venetiis 1740, σ. 157.

³⁾ G. Fraccaroli ἐν τοῖς Studi ital. di filolog. classicæ, τ. 5, σ. 386.

⁴⁾ C. de Boor ἐν τῇ Zeitschrift für Kirchengeschichte, 1884, τ. 6, σ. 485—494.

⁵⁾ C. Frick, Chronica minora, Lipsiae 1893, σ. 365, 127. 391, 9.

⁶⁾ Migne τ. 86, σ. 165—216.

⁷⁾ E. Miller, Mélanges de philologie et d' épigraphie. Paris 1876, σ. 45—67.

ἐξ ἐτέρων βιβλίων ¹⁾). Πολλά τοῦ Θεοδώρου τεμάχῃ ἀνεγνωρίσθησαν ἐν ταῖς παρισιακαῖς „ἐκλογαῖς ἀπὸ τῆς ἐκκλησιαστικῆς ιστορίας“, ὡς ἔχει ἐκδῶσῃ ὁ Cramer ²⁾, καὶ ἐν τῇ χρονογραφίᾳ τοῦ Θεοφάνους ὑπὸ τοῦ Sarrasin ³⁾. Χρῆσιν τοῦ ἔργου τοῦ Θεοδώρου ἐν τῇ συριακῇ λογοτεχνίᾳ γινώσκουμεν ἐκ τῆς χρονογραφίας Μιχαὴλ τοῦ Σύρου ⁴⁾, ἥτις ἐκ παλαιοῦ μετεφράσθη ἀρμενοσί καὶ ἐντεῦθεν γαλλιστί ὑπὸ τοῦ μακαρίτου Victor Langlois ⁵⁾.

Τέλος μέχρι τοῦδε ἐγνώσθησαν οὐκ ὀλίγα τεμάχῃ τῆς κυρίας τοῦ Θεοδώρου συγγραφῆς, καὶ διὰ τοῦτο ἤθελεν εἶσθαι ἐπιθυμητόν, ἂν τις ἀπεφάσιζε νὰ περισυλλέξῃ πάντα ταῦτα, ἔπειτα τάξῃ χρονολογικῶς καὶ ἐκδῶσῃ εἰς ἓν μετὰ μελέτης περὶ διαιρέσεως τῆς συγγραφῆς, εἰς ἣν ἀνήκουσι· διότι φαίνεται, ὅτι ὑπάρχουσι ἀφορμαὶ πρὸς διατύπωσιν γνώμης περὶ διπλῆς ἐν τοῖς ἀπολεσθεῖσιν ἐκείνης ἀντιγράφους διαιρέσεως· φαίνεται δηλαδὴ μία παράδοσις, καθ' ἣν ἔθος ὑπῆρχε τὸ κύριον ἔργον τοῦ Θεοδώρου ἐν τισι κώδιξι νὰ θεωρηθῆται ἅμισος τῆς προτέρας αὐτοῦ συναγωγῆς ἀκολουθία καὶ οὕτως ἡ διαίρεσις αὐτοῦ εἰς βιβλία νὰ φέρῃ τὸν ἀριθμητικὸν ἐκείνης εἰρήμῃ καὶ πάλιν ἑτέρα παράδοσις, καθ' ἣν αὐτὸ τὸ κύριον ἔργον τοῦ Θεοδώρου εὕρισκατο μεμονωμένον ἐν ἐτέροις κώδιξι ὑπὸ ἰδιᾶν εἰς βιβλία ἢ τόμους διαίρεσιν.

Πρὸς τὸ ἐπιθυμητόν ἔργον τῆς συνενώσεως ἀπάντων τῶν ἄχρι τοῦδε γνωστῶν ἀποσπασμάτων τῆς ἐκκλησιαστικῆς τοῦ Θεοδώρου ιστορίας συμβάλλει, καθὰ νομίζω, μεγάλως ἐν εὔρημα τοῦ 1895-ου ἔτους, περὶ οὗ μέχρι τοῦδε διὰ πολλὰς αἰτίας, οἷον ἀρρωστῶν καὶ γραφικῶν ἐπειγουσῶν ἐργασίῶν, ἄκων εἶχον ἀναγκασθῆ τελείαν νὰ τηρήσω αἰωπῆν. Τὸ εὔρημα τοῦτο συνίσταται ἐκ σημαντικῶν τέως ἀγνώστων εἰδήσεων περὶ τοῦ ἀτόμου τοῦ Θεοδώρου καὶ τῆς κυρίας αὐτοῦ ἐκκλησιαστικῆς ιστορίας, καὶ ἐξ ὑπερεβδόμηχοντα τεμαχίων τῆς αὐτῆς ιστορίας, ὧν οὐκ ὀλίγα πρότερον ἠγνοοῦντο. Ὁ λόγος ἐνταῦθα περὶ τοῦ 250-οῦ κώδικος τῆς ἐν τῷ Ἄθῳ μεγάλης τοῦ Βατοπαδίου λαύρας. Ὁ κώδιξ οὗτος ἀριθμεῖ 302 μεμβράνινα φύλλα μεγάλου σχήματος καὶ ὡς φαίνεται ἐγράφη ἐν τῷ 13-ῳ αἰῶνι. Τὸ κείμενον αὐτοῦ λίαν ἀραιῶς γεγραμμένον εἶναι καθ' ὅλας τὰς σελίδας μονόστηλον ἐκ 18 γραμμῶν. Τὴν ἀρχὴν

¹⁾ Migne τ. 86, σ. 216—228. Th. Preger, Anonymi Byzantini parastases σύντομοι χρονικά, München 1896, σ. 12, 19, 82, 33.

²⁾ I. A. Cramer, Anecdota graeca e cod. mss. bibl. reg. Parisiensis, 2, σ. 87—114.

³⁾ I. V. Sarrasin, De Theodoro Lectore Theophanis fonte praecipuo: Comment. philol. Ienenses 1881, τ. 1, σ. 153—238.

⁴⁾ Chronique de Michel le Syrien — — —, éditée pour la première fois et traduite en français par J. B. Chabot, Paris 1899, τ. 1, σ. 2.

⁵⁾ Chronique de Michel le Grand — — —, traduite pour la 1-ère fois sur la version arménienne du prêtre Ischok par V. Langlois, Venise 1868, σ. 19.

αὐτοῦ κοσμεῖ ἐν ἐπίτιτλον ποιεῖδὲς κόσμημα χρώματος ἐρυθροῦ, καὶ πρῶτον μετατῷ τῶν φύλλων 1α—62β κείται τὸ τέως ἄγνωστον ἐν τῷ συνόλῳ αὐτοῦ σποδαῖον ὑπόμνημα „Ἰωβίου μοναχοῦ περὶ ὑποθέσεων ἀναγκαίων“, οὗ ἡ ἀρχὴ· „Ἐπειδὴ λόγος ὁ οἶος, ὁ δὲ ἄνθρωπος λόγῳ καὶ εἰκόνι θεοῦ τιμηθεὶς“ κτλ. Σημειωτέον δὲ ὅτι τὸ ὑπόμνημα τοῦτο διαιραῖται ἐν τῷ κώδικι εἰς 45 κεφάλαια, καὶ ὡς φαίνεται εἶναι αὐτὸ ἐκεῖνο ὅπερ ἐπαγράφετο πρότερον Οἰκονομικῆ πραγματεία, κατὰ τὸν Φῶτιον ¹⁾· μέχρι δὲ σήμερον ἐγινώσκοντο τῆς συγγραφῆς ταύτης μόνον τεμάχῃ τινά ²⁾. Δεύτερον κείμενον ἐν τῷ Βατοπεδιῶ κώδικι (φύλλ. 62β — 64) εἶναι τὸ συνιστάμενον ἐκ δέκα καὶ ἑξ ἀποσπασμάτων τοῦ ἁγίου Εὐλογίου ἐπισκόπου Ἀλεξανδρείας· τρίτον δὲ κείμενον (φύλλ. 65^α — 90β) εἶναι τὸ γνωστὸν „Ἰπόμνημα διαλαμβάνων (sic) μερικῶς τοὺς ἀγῶνας καὶ ἄλλα καὶ ἀποδημίας καὶ τελειώσιν τῶν ἁγίων καὶ χορυφαίων ἀποστόλων Πέτρου καὶ Παύλου“· οὗ ἡ ἀρχὴ· „Καὶ τῶν τεχνῶν οὐ μόνον τοὺς ἐξ ἀρχῆς πατέρας ἀποδεχόμεθα“ (Bibliotheca hagiographica, σ. 107). Τὸ τέταρτον κείμενον ἀποτελεῖται ἐκ πέντε ἀνωμόμων ἀποσπασμάτων ἀσκητικῶν (φύλλ. 90β — 91), ἅτινα ἐγὼ παρέβλεψα νὰ σημειώσω λεπτομερῶς ἐν τῷ τετραδίῳ μου· μετὰ δὲ ταῦτα τὰ ἀποσπάσματα ἔκτον ὑπάρχει κείμενον (φύλλ. 91^α—218β) τὸ ἐπιγγραμμένον „Συναγωγὴ ἱστοριῶν διαφόρων ἀπὸ τῆς κατὰ σάρκα γεννήσεως τοῦ Κυρίου καὶ ἐξῆς, τὴν ἀρχὴν ἔχουσα ἀπὸ τοῦ πρώτου λόγου τῆς ἐκκλησιαστικῆς ἱστορίας Εὐσεβίου τοῦ Παμφίλου“· ἄρχεται δὲ οὕτω· „Τῷ μβ' ἔτει τῆς βασιλείας Αὐγουστοῦ Καίσαρος“ κτλ. Ἐξῆς κείμενον (φύλλ. 218^α—221β) εἶναι τὸ „τοῦ ἁγίου Μαξίμου περὶ τῶν δύο φύσεων τοῦ κυρίου καὶ θεοῦ καὶ σωτήρος ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ, καὶ ὅτι Ἄρειος μὲν καὶ Νεστόριος τὸν τε τῆς θεολογίας καὶ τῆς οἰκονομίας λόγον, Σαβέλιος δὲ καὶ Εὐτυχῆς ἀπεναντίας τούτων συγχέουσιν· κεφάλαια δέκα“, ὧν ἡ ἀρχὴ· „α'. Ὁ Ἄρειος τὰς τρεῖς ὑποστάσεις ὁμολογεῖ“ κτλ. Ὁγδοὸν κείμενον (φύλλ. 221β—223^α)· „Ἰωάννου Δαμασκηνοῦ ὄροι οὐσίας· καὶ τῶν δέκα κατηγοριῶν“. Ἐνάτον κείμενον (φύλλ. 223^α — 298^α)· „Θεοδώρου τοῦ Ἀβουκαρᾶ περὶ αἰρέσεων“· οὗ ἡ ἀρχὴ· „Οὐσία, φύσις, ὑπόστασις, πρόσωπον. Ἰστέον οὖν, ὅτι οὐσία καὶ φύσις“ κτλ. Ἐν τῷ κειμένῳ τούτῳ περιέχονται χρήσεις ἐκ συγγραφῶν Ἀθανασίου Ἀλεξανδρείας, Γρηγορίου Νύσσης, Ἀμβροσίου Μεδιολάνων, Αὐγουστίνου, Κυρίλλου Ἀλεξανδρείας καὶ ἑτέρων. Δέκατον καὶ ἔσχατον ἐν τῷ Βατοπεδιῶ κώδικι κείμενον (φύλλ. 298^α—302β) εἶναι τὸ ἀρκοῦντως μέγα ἀποσπασμα „τοῦ ἁγίου Κυρίλλου ἐπισκόπου Ἀλεξανδρείας ἐκ

¹⁾ Photli bibliotheca, cod. 222, σ. 180 Bekker.

²⁾ Migne τ. 86, σ. 8313—3320.

του εἰς τὸ κατὰ Ἰωάννην εὐαγγέλιον βιβλίου β¹⁴. οὐ ἡ ἀρχή· „Κατ' εἰκόνα καὶ καθ' ὁμοίωσιν τοῦ ἐπὶ πάντων ὄντος θεοῦ πεποιεῖσθαι τὸν ἄνθρωπον“ κτλ.

Ἐκ τῶν κειμένων τούτων εἰλκυσεν ἰδίᾳ τὴν προσοχὴν μου τὸ ἔκτον, ἧτοι ἡ Συναγωγὴ διαφόρων ιστοριῶν, ἧς ἡ ἐπιγραφή καὶ ἡ ἀρχὴ εἶναι ὁμοία τῇ ἐπ' ὀνόματι τοῦ Ξανθοπούλου φερομένη ἐν τῷ 142-φ Βαροκκικῷ κώδικι συναγωγῆς. Ἡ Βατοπεδινὴ συναγωγὴ δὲν εἶναι διηρημένη εἰς βιβλία, ἀλλ' ἀποτελεῖται ἀπλῶς ἐκ τεμαχίων ἀνίσων ἐκτάσεων τεταγμένων εἰς τάξιν χρονολογικὴν· ἕκαστον δὲ τούτων διακρίνεται ἀπὸ τοῦ ἐπομένου αὐτῷ καλῶς, τοῦ καλλιγράφου θέντος εἰς τὸ τέλος ἑκάστου τεμαχίου δύο τελείας στιγμᾶς (:) καὶ μετ' αὐτὰς ἰκανὸν ἀραιώμα. Τὰ ὀνόματα τῶν συγγραφέων, οἷς ἀνήκουσι τὰ τεμάχη, εἶναι σημειωμένα διὰ τῆς χειρὸς τοῦ καλλιγράφου ἐν ταῖς ᾤαις τοῦ κώδικος, καὶ ταῦτα οὐχὶ ἀπέναντι ἐνὸς ἑκάστου τῶν τεμαχίων, ἀλλ' ἢ ἀπέναντι τοῦ πρώτου τῆς σειρᾶς, ἧτις δεικνύεται ἀνήκουσα τῷ δεῖνι ἢ δεῖνι συγγραφεῖ, ἢ ἀπέναντι τεμαχίου, ἐν ᾧ ῥητὴ μνεῖα γίνεται τινὸς τῶν ἐκκλησιαστικῶν ιστοριογράφων. Πρῶτα τεμάχη εἶναι τὰ εἰλημμένα ἐκ τῆς ἐκκλησιαστικῆς ιστορίας τοῦ Εὐσεβίου· δευτέρα τὰ τοῦ Θεοδώρητου, τρίτα τὰ τοῦ Σωζομανοῦ, τέτταρτα τὰ τοῦ Σωκράτους, πέμπτα δὲ καὶ τελευταῖα τὰ Θεοδώρου τοῦ Ἀναγνώστου. Τεμάχη Ἰωάννου τοῦ Διακρινομένου οὐδαμῶς τῆς Βατοπεδινῆς συνάγωγῆς ἀναφέρονται ὀνομασί. Λυποῦμαι σφόδρα, ὅτι δι' ἀπορίαν χρόνου δὲν ἠδυνήθην νὰ διεξέλθω ἅπασαν τὴν Βατοπεδινὴν συναγωγὴν· ὅπερ ἀναμφιβόλως θὰ ἐπέτρπεεν εἰς ἐμὲ τώρα νὰ δώσω τοῖς περιέργοις τῶν ἀναγνωστῶν μου καὶ ἀκριβεῖς καὶ σαφεῖς εἰδήσεις περὶ τῶν τεμαχίων, ἅτινα εὐρίσκονται πολὺ πρὸ τοῦ ὀνόματος τοῦ Θεοδώρου. Ἐγὼ περιωρίσθην ἀπλῶς εἰς τὸ νάντηγράψω μετ' ἐπιμελείας ἰκανῆς τὰ ἔσχατα φύλλα τῆς Βατοπεδινῆς συναγωγῆς (φύλλ. 197—218), διότι ταῦτα καὶ μόνα ἐφαίνοντό μοι τὰ σπουδαιότερα. Τὰ τεμάχη, ἅτινα φέρονται ἐπ' ὀνόματι τοῦ Θεοδώρου, εὐρίσκονται μετὰ τῶν φύλλων 210^a—218.

Ἐν τῇ ᾤαι ἑκ τοῦ φύλλου 210^a διὰ τῆς χειρὸς τοῦ καλλιγράφου εἶναι γεγραμμένον ἓν σημεῖωμα, ὅπερ ἀναφέρεται πρὸς τὸ ἀπέναντι αὐτοῦ τεμάχιον, διότι ἐκεῖ γίνεται μνεῖα ῥητὴ τοῦ Θεοδώρου. Τὸ σημεῖωμα κατὰ λέξιν ἔχει οὕτω· „Θεόδωρος ὁ τοῦ Ἐντολέως ἐπονομαζόμενος, ἀναγνώστης τῆς ἐν Κωνσταντινουπόλει Μεγάλῃς Ἐκκλησίας, συνεγράφατο ἱστορίαν ἐκκλησιαστικὴν ἀπὸ τῶν χρόνων βασιλείως Θεοδοσίου τοῦ Νέου καὶ πατριάρχου τοῦ ἐν ἁγίοις Πρόκλου μέχρι τῆς βασιλείας Ἀναστασίου αἰρετικοῦ τοῦ Διόκουρου καὶ τῆς ἱεραρχίας Τιμοθέου τοῦ συναιρεσιώτου αὐτῶ· ἀρ' ἧς ἱστορίας καὶ τῶν ἐνταῦθα ἐκλογῶν αἱ πλείους εἰσί“ Τὸ σημεῖωμα τοῦτο εἶναι βεβαίως ἐκτάκτου σπουδαιότητος, διότι πρῶτον ἐξ αὐτοῦ πληροφοροῦμεθα, ὅτι ὁ Θεόδωρος εἶχε πατέρα ὀνομαζόμενον Ἐντολέα· ἐξ οὗ ἐπόμενον εἶναι, ὅτι ἀντὶ τοῦ Θεοδώρου Ἀναγνώστης ἢ Theodorus Lectior ἀρμόζει τοῦ λοιποῦ

νά γράψωμεν Θεόδωρος ὁ Ἐντολέως, ἢ Theodorus Entolei. Δεύτερον μανθάνομεν, ὅτι ἡ κυρία ἐκκλησιαστικὴ ἱστορίᾳ τοῦ Θεοδώρου ἀρχομένη ἀπὸ τῆς βασιλείας Θεοδοσίου τοῦ Νέου, καὶ ἰδίᾳ ἀπὸ τοῦ 434-ου ἔτους, καθ' ἃ ἀνεδείχθη πατριάρχης ὁ Πρόνλος, ἔληγεν εἰς τὴν βασιλείαν Ἀναστασίου τοῦ Δικόρου καὶ τὴν ἐν Κωνσταντινουπόλει πατριαρχίαν Τιμοθέου τοῦ πρώτου, τουτέστιν εἰς τὸ 518-ον ἔτος, καθ' ἃ καὶ ὁ Τιμόθεος καὶ ὁ Ἀναστάσιος ἀπέθανον· ὡς δὲ εἰκὸς θὰ ἀναφέρετο πρὸς τῷ τέλει τῆς ἱστορίας ἢ τοῦ Ἰουστίνου τοῦ πρώτου εἰς αὐτοκράτορα ἀναγόμενοι. Ἡ δευτέρα αὕτη πληροφορία τοῦ ἡμετέρου καλλιγράφου, ἢ ἀκριβέστερον εἰπεῖν τοῦ συντάκτου τῆς Βατοπεδινῆς συναγωγῆς, εἶναι λιαν ἀξιόπιστος· διότι καὶ Μιχαὴλ ὁ Σόρος βαβαιοὶ ἡμᾶς, ὅτι ὁ Θεόδωρος εἶχε συγγράψῃ τὰ ἀπὸ Θεοδοσίου (νοεὶ δ' ἀναμφιβόλως τὸν Νέον) μέχρι τοῦ Ἰουστινιανοῦ τοῦ παλαιοῦ· ἔνθα τὸ κείμενον τοῦ Μιχαὴλ ἀρμόζει νὰ διορθωθῆ εἰς Ἰουστίνου. Τὸ σφάλμα εἶναι προφανὲς ἐξ αὐτοῦ τοῦ ἀκολουθοῦντος ὀνόματος παλαιοῦ, ὅπερ ἀρμόζει κἀλλίστα Ἰουστίνῳ τῷ πρώτῳ. Ὅμοιον σφάλμα ὑπάρχει καὶ ἐν τῷ περὶ τοῦ Θεοδώρου ἄρθρῳ τοῦ Σουῖδα, διότι καὶ ἐκεῖ τὸ Ἰουστίνου μεταβλήθη ἐκ παραναγνώσεως εἰς Ἰουστινιανοῦ. Δευτέρα μαρτυρία, εἰ καὶ οὐχὶ ἀμεσος, περὶ τῆς ἀξιολογίας τοῦ ἐν τῷ βατοπεδινῷ κώδικι σημειώματος, εἶναι ἡ ποριζομένη ἐκ τῶν ξανθοπουλείων ἀποσπασμάτων, διότι τὸ πρῶτον αὐτῶν ἀναφέρεται εἰς τὴν βασιλείαν Θεοδοσίου τοῦ Νέου. Ὅτι δὲ τοῦ Θεοδώρου ἡ ἱστορία ἦτο διηρημένη εἰς δύο βιβλία, καθὰ δηλαδὴ φαίνεται ἐκ τῶν ξανθοπουλείων ἀποσπασμάτων, τοῦτο πολλὰ χόθεν διαφεῦδεται. Πρῶτον αὐτὰ ταῦτα τὰ ξανθοπούλεια ἐκ χρονολογικῆς ἐπόψεως εἶναι ἀτάκτως διατεταγμένα ἐν πολλοῖς τόποις· δεύτερον δύο αὐτῶν (ὡ καὶ ια' τοῦ 1-ου βιβλίου) εἶναι φανερῶς εἰλημμένα ἐκ τῆς ἱστορίας τοῦ Θεοδωρήτου, ἀναφέρονται δὲ εἰς τὴν βασιλείαν τοῦ Κωνσταντίνου καὶ τοῦ Κωνσταντίου (λ. χ. ἀπόσπασμα ια')· ἕτερα πάλιν ἀποσπάσματα προέρχονται ἐκ τῆς ἱστορίας Ἰωάννου τοῦ Διακρινομένου (οἷον ιε' καὶ λα' τοῦ 1-ου βιβλίου καὶ λη', λθ', μ', μα', μγ', μδ', με', μς', μζ', μη', μθ', ν', να', νβ', νδ', νς', νη' καὶ νθ' τοῦ 2-ου βιβλίου). Ἐντεῦθεν ἔπεται νὰ παρατηρηθῆ, ὅτι τὰ ξανθοπούλεια ἀποσπάσματα προφανῶς πηγάζουσιν οὐχὶ ἐκ τοῦ κειμένου τῆς ἱστορίας τοῦ Θεοδώρου, ἀλλ' ἐκ τινος ἐκλογαρίου, ὅπερ θὰ ἦτο διηρημένον εἰς δύο βιβλία· αὐτὸ τὸ ιε' ξανθοπούλειον ἀπόσπασμα (ἐν τῷ 1-ῳ βιβλίῳ), ἐν ᾧ σημειοῦται τὸ „φησὶ δὲ ὁ ἱστορῶν“, δηλοῖ ἀρκούντως τὴν προέλευσιν αὐτοῦ· ὡσαύτως τὸ ἐν τῷ ιδ' ἀποσπασματι „ὅπερ ἱστορεῖ καὶ Θεοδώριτος“ (γράφει Θεόδωρος, κατὰ τὸν κώδικα τοῦ Miller)· ἀλλὰ καὶ τὰ ἐν τῷ 2-ῳ βιβλίῳ ξανθοπούλεια ἀποσπάσματα ξ'—ξα', ἐν οἷς ἀνακεφαλαιοῦνται ἀπὸ Κωνσταντίνου μέχρι Λέοντος τοῦ 2-ου βασιλείαι, δηλοῦσιν ἅψ' αὐτῶν ἀρκούντως, ὅτι πηγάζουσιν ἐκ τινος συναγωγῆς ἱστοριῶν. Ἡ παρὰ τῷ ξανθοπούλῳ λοιπὸν εἰς δύο βιβλία διαίρεσις τῆς ἱστορίας τοῦ Θεοδώρου εἶναι

παντελῶς ἀναξιόπιστος· ὅτι δὲ τοῦτο οὕτως ἔχει, δυνάμεθα νὰ βεβαιώσωμεν καὶ ἐκ τοῦ ἐν τοῖς πρακτικοῖς τῆς 7-ης οἰκουμενικῆς συνόδου τεμαχίου, ὅπερ, ὡς λέγεται ἐκεῖ, ἐλήφθη ἐκ τοῦ 5-ου βιβλίου τῆς ἱστορίας τοῦ Θεοδώρου· ἀναφέρεται δὲ τοῦτο εἰς τὴν περίοδον τῆς βασιλείας Θεοδοσίου τοῦ Νέου, εἰς τὸ 449-ον ἔτος· ἀλλ' ἐπειδὴ ἤδη βεβαίως γινώσκομεν, ὅτι τοῦ Θεοδώρου ἡ ἱστορία ἤρχετο ἀπ' αὐτῆς ταύτης τῆς βασιλείας καὶ ἐπομένως ἀδύνατον ἦτον ἡ βασιλεία αὕτη νὰ συναπατάει πάντα βιβλία, πάντως ἀνάγκη νὰ ὑποτεθῆ, ὅτι τῆς συνόδου τὸ ἀντίγραφον κατὰ διαίρεσιν εἰς βιβλία θὰ ἦτον ὅμοιον τῷ παρὰ τῷ Λουιδᾷ ὑποτιθεμένῳ, τουτέστιν ὅτι ἐν αὐτῷ περιείχετο καὶ ἡ πρώτη καὶ ἡ δευτέρα τοῦ Θεοδώρου συγγραφή κατὰ τρόπον συνηνωμένον, οὕτως ὥστε νὰ θεωρῆται μία καὶ μόνη· ἂν λοιπὸν τοῦτο οὕτως εἶχε, τότε ἡ συνηνωμένη αὕτη σύνταξις θὰ ἦτο διηρημένη εἰς ὀκτὼ τοὐλάχιστον βιβλία· διότι ἐκ τῆς βασιλείας τοῦ Θεοδοσίου, ἧτις ἀπατάει τὸ κέμπτον βιβλίον ἐν τῷ ἀντιγράφῳ τῆς συνόδου, ἀνάγκη νὰ ὑποτεθῆ ὅτι ἡ πρώτη ἐξ ἀποσπασμάτων συγγραφή ἢ συναγωγὴ τοῦ Θεοδώρου θὰ ἦτο διηρημένη εἰς τέσσαρα βιβλία, ὧν ἄχρι τοῦδε γινώσκονται ἐν τοῖς κώδιξι μόνα τὰ δύο πρῶτα. Ὅτι τῶν ξανθοπουλείων ἀποσπασμάτων ἢ παραδόσις περὶ διαίρεσως εἰς δύο βιβλία τῆς κυρίας ἱστορίας τοῦ Θεοδώρου εἶναι ψευδής, δυνάμεθα νὰ βεβαιώσωμεν καὶ ἐξ ἐνὸς αὐτῆς ἐκτενεστάτου παρ' Ἰωάννη τῷ Δαμασκηνῷ ἀποσπάσματος, ὅπερ, ὡς λέγει οὗτος, εἶναι μέρος τοῦ „τετάρτου τόμου“ τῆς κυρίας τοῦ Θεοδώρου συγγραφῆς. Τοῦτο δὲ τὸ τεμάχιον ἀναφέρεται εἰς τὴν βασιλείαν Ἀναστασίου τοῦ Δικόρου καὶ ἐπομένως εἰς τὸ τελευταῖον βιβλίον τοῦ Θεοδώρου. Ὅπως ἡ εἰδησις τῆς συνόδου κατ' ἐμὲ κριτῆν ἀναφέρεται προφανῶς εἰς παραδόσιν κωδίκων, ἐν οἷς δύο διάφορα πονήματα τοῦ Θεοδώρου συνηνοῦντο εἰς ἓν, οὕτω καὶ τοῦ Δαμασκηνοῦ ἡ εἰδησις εἶναι κατ' ἐμὲ σαφῆς μαρτυρία ἐτέρας ἐτέρων κωδίκων παραδόσεως, ὅτι ἡ κυρία τοῦ Θεοδώρου ἱστορία μόνη ἐν τούτοις ὑπάρχουσα τοῖς κώδιξιν ἦτο διηρημένη εἰς τέσσαρας καὶ μόνους τόμους· καὶ τοῦτο ἐγὼ πιστεύω, διότι εἶναι καὶ λογικόν. Ἀναμφιβόλως ὁ Θεόδωρος ἠδύνατο νὰ οἰκονομήσῃ τὴν ὄλην τῆς ἰδίας ἐκκλησιαστικῆς ἱστορίας εἰς τόσα καὶ μόνα βιβλία· τὸ πρῶτον δηλαδὴ βιβλίον, ἐπειδὴ ἤρχετο ἀπὸ τοῦ 434-ου ἔτους, ἦται ἀπὸ τοῦ τρίτου μέρους τῆς ὄλης τοῦ Θεοδοσίου βασιλείας, ἀναγκαίως ὤφειλε νὰ οἰκονομηθῆ διὰ τοῦ τρίτου τῆς αὐτῆς βασιλείας καὶ διὰ τῆς ὄλης τοῦ Μαρκιανοῦ βασιλείας· τὸ δεύτερον βιβλίον ἠδύνατο νὰ ἀποτελεσθῆ ἐκ τῆς ἐπὶ δέκα καὶ ἐπτὰ ἔτη παραταθείσης βασιλείας Δέοντος τοῦ 1-ου καὶ ἐκ τῆς ἀσημάντου δεκαμήνου περιπέου βασιλείας Δέοντος τοῦ 2-ου· τὸ τρίτον πάλιν βιβλίον θάπετελεῖτο ἐκ τῆς ὄλης βασιλείας τοῦ Ζήνωνος, τὸ δὲ τέταρτον καὶ τελευταῖον ἐκ τῆς ὄλης βασιλείας τοῦ Ἀναστασίου μέχρι τοῦ θανάτου αὐτοῦ καὶ τῆς κατ' ἀνάγκην μνείας τοῦ διαδεξαμένου ἐκεῖνον Ἰουστινῶ τοῦ πρώτου.

Τὸ δεύτερον σημεῖωμα τοῦ Βατοπεδινῶ καλλιγράφου ὑπάρχει ἐν τῇ φά τῆς ἐσχάτης σελίδος (φ. 218β), ἀπέναντι ἀκριβῶς τοῦ τελευταίου ἀποσπάσματος τῆς Συναγωγῆς ἱστοριῶν διαφορῶν· ἔχει δὲ οὕτω· „Τὰ πλείω καὶ ἐπὶ τὰ ἔμπροσθεν τῆς τοῦ Θεοδώρου συγγραφῆς ὁ ἐκλογογράφος παρῆκεν οὐκ ἴσμεν διότι“. Τὸ τελευταῖον τῆς Βατοπεδινῆς συναγωγῆς ἀπόσπασμα ἀναφέρεται πρὸς τὸ ἄτομον τοῦ πατριάρχου Μακεδονίου τοῦ 2-ου· ὄφειλον ἄρα νὰ ὑπάρχωσι μετὰ τοῦτο ἐν τῇ Βατοπεδινῇ συναγωγῇ ἑτερά τινὰ ἀποσπάσματα οὐκ ὀλίγα περὶ τε τοῦ Μακεδονίου τούτου καὶ περὶ τοῦ μετ' αὐτὸν Τιμοθέου πατριάρχου καὶ περὶ τοῦ τέλους τῆς βασιλείας Ἀναστασίου τοῦ Δικόρου, ἵνα οὕτως ἐν τῇ Βατοπεδινῇ συναγωγῇ παριστάται συνοπτικῶς ἅπασα τοῦ Θεοδώρου ἡ ἐκκλησιαστικὴ ἱστορία· ἀλλ' ὁ συντάκτης αὐτῆς ἀφῆκεν ἐκεῖνα κατὰ μέρος, τὸ δὲ αἷτιον εἶναι ἄγνωστον καὶ τῷ καλλιγράφῳ καὶ παντὶ ἑτέρῳ. Ἐνια ὅμως τῶν ἐνταῦθα μὴ εὐριοκομένων ἀποσπασμάτων ὑπάρχουσιν ἐν τῇ παρισινῇ συναγωγῇ (Cramer, Anecd. Paris. 2, σ. 105—109), ἐν τῇ ξανθοπουλείῳ συναγωγῇ, ἐν τῇ 5-ῃ πράξει τῆς 7-ῆς οἰκουμένηκῆς συνέδου, ἐν τοῖς *Mélanges de philologie* τοῦ Miller καὶ ἐν τῇ χρονογραφίᾳ τοῦ Θεοφάνους.

Μετὰ τὴν παράθεσιν ἐνταῦθα τῶν πρὸς τὸ ἄτομον τοῦ Θεοδώρου ἀναφερομένων σημειωμάτων ἀρμόζει βεβαίως νὰ παρατηρηθῇ, ὅτι ἐπειδὴ τοῦ Θεοδώρου ἡ συγγραφή ἤρχετο ἀπὸ τῆς πατριαρχίας τοῦ Πρόκλου, ἐπόμενον εἶναι ὅτι τὰ ἴχνη αὐτῆς ἐν τῇ Βατοπεδινῇ συναγωγῇ δεῖον νὰ εὐρεθῶσιν ἀπὸ τοῦ πρώτου αὐτῆς περὶ τοῦ Πρόκλου τεμαχίου καὶ οὕτω πάντα τὰ κατόπιν αὐτοῦ τεμάχια μέχρι τέλους αὐτῆς τῆς συναγωγῆς νὰ θεωρηθῶσι πηγάζοντα ἐκ τῆς συγγραφῆς τοῦ Θεοδώρου, ἥτοι ἀπὸ τοῦ φύλλ. 198β—218β· τοῦθ' ὅπερ ἤθελεν εἰσθεῖν ὀρθόν, ἀφοῦ μετὰ τῶν εἰρημένων φύλλων οὐδεὶς ἕτερος ὀνομάζεται συγγραφεὺς, ἢ μόνος ὁ Θεόδωρος· καὶ ὁμοίως φαίνεται ὅτι τοῦτο δὲν δύναται νὰ εἶναι ἀπολύτως ὀρθόν, διότι ἐν τῷ πρώτῳ σημειώματι ὁ καλλιγράφος, ἢ μάλλον ὁ ἐκλογογράφος, λέγει ταῦτα· „ἀφ' ἧς ἱστορίας καὶ τῶν ἐνταῦθα ἐκλογῶν αἱ κλείουσ' εἰσίν“. Ὑπάρχουσιν ἄρα ἐν τῇ Βατοπεδινῇ συναγωγῇ καὶ τινὰ τεμάχια μὴ πηγάζοντα ἀμέσως ἐκ τῆς ἱστορίας τοῦ Θεοδώρου, ἀλλ' ἐξ ἄλλης ἄλλου τινὸς συγγραφῆς καὶ πιθανῶς Ἰωάννου τοῦ Διακρινομένου¹⁾· τίνα δὲ εἶναι τὰ ὀλίγα ταῦτα τεμάχια, ἐγὼ παντάπασιν ἀδυνατῶ νὰ διακρίνω.

Τέλος πάντα τὰ ἐνταῦθα συσσωρευμένα ἐπ' ὀνόματι τοῦ Θεοδώρου τε-

¹⁾ Ἐκ τοῦ κώδ. τοῦ Miller ἐμάθομεν, ὅτι πολλὰ ἐπ' ὀνόματι Θεοδώρου τοῦ ἀναγνωστοῦ τεμάχια τοῦ 2-ου βιβλίου (λη', λθ', μ', μα', μγ', μδ', με', μς', μζ', μη', μθ', ν', να', νβ', νδ', νε', νη' καὶ νθ') πηγάζουσιν ἐκ τῆς ἱστορίας Ἰωάννου τοῦ Διακρινομένου.

μάχη είναι 78 καὶ περιέχονται καθ' εἰρμόν, ὡς καὶ ἐνταῦθα, μεταξὺ τῶν φύλλων 198β—219β· ἐκ τούτων δ' ἀλλεῖπουσαι ταῖς προεκδομέναις συναγωγαῖς οὐκ ὀλίγα, ὡς 1, 2, 5, 6, 7, 11, 14, 15, 16, 18, 19, 20, 21, 26, 27, 28, 30, 33, 40, 42, 44, 51, 55, 66, 75. Ἄγνωστα ἀποσπάσματα δύνανται νὰ θεωρηθῶσι καὶ ἕτερα οὐκ ὀλίγα, ὅσα δηλονότι ἐγνώρισεν ὁ Θεοφάνης ἐκ τινος ἐκλογαρίου καὶ τούτων ἠλλοίωσε τὸ λεκτικόν, ἢ ὀλίγας μόνον αὐτῶν λέξεις κατεχώρισεν ἐν τῇ ἰδίᾳ χρονογραφίᾳ. Οὕτω δυνατόν θά εἶναι ἐν ἄλλῃ τινὶ μελλούσῃ τῆς χρονογραφίας τοῦ Θεοφάνους ἐκδοεῖν νὰ δηλωθῇ ἢ προέλευσαι εἴκοσι καὶ πλέον χωρίων αὐτῆς. Ἀποσπάσματα λοιπὸν τῆς ιστορίας τοῦ Θεοδώρου τέως ἄγνωστα, ἀλλ' ὧν ὁ Θεοφάνης εἶχε γνωρίσῃ τὸ κείμενον, δύνανται νὰ θεωρηθῶσιν ἐνταῦθα τὰ ἐπόμενα. 8, 9, 12, 18, 17, 22, 31, 39, 40, 42, 43, 44, 63, 67, 68, 69, 71, 72, 73, 74, 76. Οὕτω τεσσαράκοντα καὶ ἕξ τεμάχια τῆς Βατοπεδινῆς συναγωγῆς ἐν σχέσει πρὸς τὴν συγγραφὴν τοῦ Θεοδώρου εἶναι καθόλου εἰπεῖν ἄγνωστα καὶ ἐκ τῆς ξανθοπουλείου καὶ ἐκ τῆς παρισινής καὶ ἐκ τῆς τοῦ Miller συναγωγῆς· τοῦτ' αὐτὸ δύναται νὰ λεχθῇ καὶ περὶ τῶν ἀποσπασμάτων 3, 4, 10, 25, 38, 49, 50, 58, 64, 65 καὶ 70, ἅτινα, ἂν καὶ περιέχονται ἐν τῇ παρισινῇ τοῦ Cramer συναγωγῇ, οὐχ ἤττον ἠγνοοῦντο πρότερον ὡς μέρη τῆς ιστορίας τοῦ Θεοδώρου. Διὰ τοῦτο ἐγὼ ἀφήκα ταῦτα ἐνταῦθα ὡς εὐρίσκονται ἐν αὐτῇ τῇ Βατοπεδινῇ συναγωγῇ· ἐπόμενον δὲ ἦτο νάφθεῶσιν ἐνταῦθα καὶ τὰ ἄλλα γνωστὰ ἤδη ἀποσπάσματα (23, 24, 29, 32, 34, 35, 36, 37, 41, 45, 46, 47, 48, 52, 53, 54, 56, 57, 59, 60, 61, 62, 77, 78), ἵνα οὕτως ἔχωσιν ὑπ' ὄψει προχείρους οἱ ἡμέτεροι ἀναγνώσται πάσας τὰς ἐν τῇ Βατοπεδινῇ συναγωγῇ γενομένας ἐκ τῆς ιστορίας τοῦ Θεοδώρου μικρὰς ἢ μεγάλας ἐκλογάς· ἄλλως δὲ ἅπαντα σχεδὸν τὰ τοιαῦτα προεγνωσμένα ἀποσπάσματα περιέχουσιν ἐν ἑαυτοῖς ἱκανὰς διαφορὰς ἀναγνώσεις, αἵτινες θέλουσι χρησιμοποιηθῆναι, ὅποτεν συλλεγῶσιν ἰδίᾳ τὰ τοῦ Θεοδώρου ἀποσπάσματα καὶ συμπαραβληθῶσι κριτικῶς πρὸς τὰ ἀντίγραφα αὐτῶν.

Κείμενον τῆς Βατοπεδινῆς συναγωγῆς.

1. Μαξιμιανὸς δύο μόνους ἐνιαυτοὺς ἐπεσκόπησε, βασιλεὺς δὲ προφθάσας τὰς ταραχάς, ἔτι τοῦ σώματος κειμένου Μαξιμιανοῦ, Πρόκλον ὑπὸ τῶν ἐπισκόπων ἐνθρονισθῆναι προσέταξεν.

2. Οὐαλεντινιανὸς ὁ Κωνσταντίου καὶ Γάλλας υἱὸς, ὃν κατέστησε Θεοδοσίος βασιλέα ἐν Ῥώμῃ, ἐλθὼν εἰς Κωνσταντινούπολιν ἐγγημεν Εὐδοκίαν τὴν θυγατέρα Θεοδοσίου καὶ Εὐδοκίας, καὶ λαβὼν αὐτὴν πάλιν ἀπῆλθεν ἐν Ῥώμῃ.

3. Πρόκλος ὁ ἐπίσκοπος ἀνὴρ ἦν ἀγαθὸς καὶ ἐνάρετος, καὶ πείσας τὸν

βασιλέα Θεοδοσίον τὸ σῆμα Ἰωάννου ἀπὸ Κομάνων μετήγαγεν εἰς Κωνσταντινούπολιν σὺν εὐφημίᾳ πολλῇ, καὶ δημοσίᾳ τούτῳ ¹⁾ κομπῆν ποιησάμενος εἰς τοὺς Ἀποστόλους ἀπέθετο ὅπερ τοὺς διὰ Ἰωάννην χωριζόμενος τῇ Ἑκκλησίᾳ ἤνωσε μετὰ τριακονταπέντε ἔτη.

4. Θεοδοῖος τὴν γαμητὴν αὐτοῦ Εὐδοκίαν εἰς Ἱεροσόλυμα ἔπεμφεν εὐχαριστηρίους τῷ Θεῷ ὕμνος προσάψουσαν, ἣτις ἀμύκωλα ταῖς ἐκκλησίαις ἀπιοῦσα καὶ ἐπανερχομένη ἐδωρήσατο.

5. Φίρμος τοῦ ἐπισκόπου Καισαρείας Καππαδοκίας τελευτήσας, αἰτούντων Καισαρέων λαβεῖν ὑπὸ τοῦ Πρόκλου ἐπίσκοπον Θαλάσσιον ὀνόματι, ἕνα τῶν ἐν ἀξιώματι· ὃν ἐλθόντα προσκυνῆσαι τὸν Πρόκλον αὐθεντικῶς χρησάμενος ἐχειροτόνησε Καισαρείας ἐπίσκοπον.

6. Οἱ κατὰ τόπον Ἰουδαῖοι, μάλιστα οἱ ἐν Καισαρείᾳ Παλαιστίνης, ἀνασπέντες πολλοὺς κατὰ χριστιανῶν φόνους εἰργάσαντο ὅπερ γίνοντες ²⁾ οἱ βασιλεῖς τοῖς τῶν ἔθνων ἄρχουσι ἐδικήσασιν τὰ τοιμηθέντα παρεκαλεύσαντο τῶν δὲ ἀρχόντων πιπρασόντων τὴν ἐπεξέλευσιν, Πουλχερίᾳ τὸν ἀδελφὸν αὐθεντήσασα τοὺς ἄρχοντας διεδέξατο καὶ τὸ ἥμισυ τῶν οὐσιῶν αὐτῶν τῷ δημοσίῳ προσεκύρωσε.

7. Πρόκλου τὴν Κωνσταντινούπολιν ἐπισκοποῦντος, Κόριλλος τὴν Ἀλεξανδρέων ἐπίτροπος, Ῥώμης δὲ μετὰ Κελεστίνου Εὐστόου προΐστατο καὶ Ἱεροσολύμων Ἰουβενάλιος.

8. Μοναχοὶ τινες ³⁾, καταλαβόντες Κωνσταντινούπολιν, παρηνώχλου τοῖς βασιλεῦσι κατὰ Θεοδώρου τοῦ γενομένου ἐπισκόπου Μοψουεστίας ⁴⁾, κάλαι τελευτήσαντος, ὡς αἰρετικῶν διαβάλλοντες· οἱ δὲ Πρόκλῳ ἐπέτρεψαν τοῖς τῆς Ἀνατολῆς ἐπισκόποις σημᾶναι ποιήσασθαι τῶν λεγομένων ζήτησιν καὶ, εἴπερ ἀληθῆ ᾧσι, τοῦτον ἀναθεματίσαι ⁵⁾ καὶ μετὰ θάνατον.

9. Ἰωάννης ὁ Ἀντιοχείας τὰ Πρόκλου δεξάμενος γράμματα, σὺν τῇ κατ' αὐτὸν ⁶⁾ συνόδῳ ἀντιγράψας, ὀρθοδοξίαν Θεοδώρῳ τότε προσεμαρτύρησεν· ἀντέγραψε δὲ βασιλεῖ καὶ Πρόκλῳ· αἵτινες ἐπιστολαὶ καὶ ἐνετάγησαν.

10. Ἐπὶ τοσοῦτον ἐμίσει Πουλχερίᾳ τὸν Νεστόριον, ὡς τοὺς φιλοῦντας ἐκεῖνον διαθρολεῖν, ὅτι πορνείαν πρὸς τὸν ἀδελφὸν αὐτῆς Θεοδοσίον τὸν βασιλέα διέβαλε Πουλχερίας Νεστόριος καὶ διὰ τοῦτο οὕτως ὑπ' αὐτῆς ἐμίσειτο· ἐλοιδοῦραι γὰρ αὐτὴν εἰς τὸν τότε μάγιστρον, Παυλίνον λεγόμενον.

11. Ἰωάννου τοῦ ἐπισκόπου Ἀντιοχείας τελευτήσαντος, χειροτονεῖται

¹⁾ κὼδ. τοῦτο.

²⁾ γινῶντες.

³⁾ τινές.

⁴⁾ μοψουεστί τ.

⁵⁾ ἀναθεματίσαι.

⁶⁾ αὐτὸν] αὐτῷ.

Δόμνος, ὃς καὶ ἔγραψε βασιλεῖ ὀρθοδοξίαν μαρτυρῶν Θεοδώρῳ τῷ Μοψουεστίας· ¹⁾ καὶ βασιλεὺς δὲ ἀντέγραψε τῇ Ἀνατολικῇ συνόδῳ μὴ προσδέξασθαι τοὺς κατὰ Θεοδώρου κινουῦντας.

12. Κύριλλος ἐπίσκοπος ἐτελεύτησε, * διδασκαλικὸς μὲν μὴ ὑπάρχων τὸ σὺνολον, ἄγριος δὲ τις καὶ βαρὺς τοῖς συγγενεῦσι Κυρίλλου γενόμενος, ὡς καὶ τὴν οἰκίαν αὐτῶν, καίπερ οὖσαν ὑφεῖ πολλῶ, περιστεγῶ οἴκων καθιερωῶσαι. Κύριλλον δὲ φασὶ ²⁾ τριάκοντα ἔτη ἐπισκοπήσῃαι.

13. Πρόκλου τελευτήσαντος ἐπίσκοπος Κωνσταντινουπόλεως χειροτονεῖται Φλαβιανός, πρεσβύτερος ὢν καὶ σκευοφύλαξ τῆς Ἐκκλησίας, ἀνὴρ ἱερώτατος καὶ ἐνάρετος.

14. Εὐτυχῆς ὁ αἰρετικὸς ἀρχιμανδρίτης ἦν τῆς μονῆς Ἰώβ, τῆς ἐν τῷ Ἐβδόμῳ, τὰ Ἀπολιναρίου φρονῶν ᾧ γυναικίως ἀντέστη ὁ τοῦ Δορυλαίου ³⁾ Εὐσέβιος, ὥστε καὶ λιβέλλους προσδοῦναι κατ' αὐτοῦ τῷ ἐπισκόπῳ Φλαβιανῷ καὶ τῇ ἐνδημοῦσῃ συνόδῳ· οἱ ⁴⁾ καὶ μετὰ πλεῖστα κινήθέντα, ἅπερ ἐν τοῖς πεπραγμένοις ἐμφάνονται, καθεῖλον ⁵⁾ δικαίως τὸν Εὐτυχῆ.

15. Δέων ὁ Ῥώμης ἐπίσκοπος, ἀναγνοὺς ⁶⁾ τὰ πραχθέντα ἐπ' Εὐτυχεῖ, συνήνεσε τῇ αὐτοῦ καθαιρέσει, γράψας πρὸς Φλαβιανὸν ἐπιστολὴν ὀρθοδοξίας μεστὴν, ἧς ἡ ἀρχή· „ Ἀναγνόντες ⁷⁾ τὰ γράμματα τῆς σῆς ἀγάπης, ἅπερ οὕτω ⁸⁾ βραδύτατα γαγενῆσθαι θαυμάζομεν“.

16. Χρυσάφιος καὶ οἱ περὶ Νῶμον ⁹⁾ τὸν ὑπατον ἐκθύμως τῷ Εὐτυχεῖ προσκείμενοι πεῖθουσι Θεοδοσίον κελεῦσαι σὺνδοον γενέσθαι κατὰ τὴν Ἐφεσον καὶ κριθῆναι Φλαβιανὸν μετὰ Εὐτυχοῦς τοῦ καθηρημένου δικαίως, δικάσαι δὲ Διόσκορον παρῆναι καὶ Βαρζουμῶν ἄλλον Εὐτυχῆα τυγχάνοντα· ἐνέταξε δὲ ὁ ἱστορῶν τὰς Θεοδοσίου κελύσεις πρὸς τε Διόσκορον καὶ τὴν σὺνδοον.

17. Σύνδοκος ἐν Ἐφέσῳ ἤθροίσθη, ἐν ἧ τῶν μὲν Ἀνατολικῶν ἐπισκόπων συνῆλθεν οὐδαίς, Διόσκορος δὲ καὶ οἱ σὺν αὐτῷ τὰ κατὰ τῆς ὀρθοδοξίας καττύσαντες καθαιρῶσι Φλαβιανὸν καὶ Εὐσέβιον τὸν Δορυλαίου· ¹⁰⁾ ἀποδιδοῦσαι δὲ τῷ Εὐτυχεῖ τὴν τε ἀξίαν τοῦ πρεσβυτέρου καὶ τὴν τοῦ μοναστηρίου

¹⁾ μοψουεστίας.

²⁾ φασὶ.

³⁾ δορυλαίου.

⁴⁾ οἱ] ἴσως ἤ, διότι κατόπιν ἐν τῷ κώδικι γέγραπται τὸ καθεῖλε.

⁵⁾ καθεῖλε.

⁶⁾ ἀναγνοὺς.

⁷⁾ ἀναγνόντες.

⁸⁾ οὕτω.

⁹⁾ περινόμον.

¹⁰⁾ δορυλαίου.

διοίκησιν, καθέλιον δὲ Θεοδώρητον καὶ Ἴβαν καὶ Ἀνδρέαν καὶ ἑτέροισ τῶν Ἀνατολικῶν, πάντας ἀπόντας, καὶ Δόμνον τὸν Ἀντιοχείας.

18. Οἱ τῆς συνόδου τῆς περὶ τὸν Διόσκορον οὐ φαίνονται παντελῶς ἐν πάσῃ τῇ κινήσει μνήμην τῶν ἑκατὸν πενήτηντα ἁγίων πατέρων τῶν συναλθόντων ἐν Κωνσταντινουπόλει ποιησάμενοι· ἐμίσειον γὰρ αὐτήν, ὡς ἐκβαλοῦσαν Ἀπολινάριον καὶ τὸν θρόνον τιμήσασαν Κωνσταντινουπόλεως.

19. [Δ]όμνου τοῦ Ἀντιοχείας ἐκβλήθέντος ὑπὸ τῶν (περὶ) Διόσκορον ἀνταιστήχθη Μάξιμος.

20. Θεοδοσίον ἐπεισεν Χρυσάφιος ἀντιγράψαι Οὐαλεντιναφῶ καὶ ταῖς βασιλείαις, ὡς δικαίως Φλαβιανὸς καθηρέθη· ἐντέτακται δὲ καὶ αὐτῇ ἡ ἐπιστολή.

21. Φλαβιανοῦ καθαιρεθέντος καὶ φονευθέντος ἐν τῇ Ἐφέσῳ, σπουδῆν ἔθετο ὁ Διόσκορος Ἀνατόλιον τὸν ἴδιον ἀποκριτάριον προβληθῆναι ἐπίσκοπον Κωνσταντινουπόλεως, νομίζων ἐκ τούτου κρατῶναι τὰ ἴδια δόγματα· θεὸν δὲ ἔσχε καὶ ἐν τούτῳ τὰ ἐναντία οἰκονομοῦντα.

22. Θεοδοσίῳ τοῦ βασιλέως ὁ ἱστορῶν καθάπτεται, ὡς πειθομένου ὡς ἔτυχε καὶ εὐμεταγώγου ὄντος, καὶ ὅτι τοῖς ὑποβάλλουσι αὐτῷ χάριτας ἀπαρναγνώστως ὑπέγραψεν· ὅπερ γνοῦσα Πουλχερία ἡ ἀδελφὴ αὐτοῦ σοφῶς ὑπέβλεπεν αὐτὸν, ὡρεῖν ὑποβαλοῦσα ἢ Θεοδοσίῳ ἐκχωροῦσαν πρὸς βουλείαν Εὐδοκίαν τὴν γαμετὴν αὐτοῦ· ἣν καὶ ὑπέγραψεν καὶ δεινῶς ὑπὸ τῆς Πουλχερίας ὠνειδίσθη.

23. Θεοδοσίος ἐξῆλθεν εἰς κυνήγιον εἰς Λεῦκον ἢ) ποταμόν· *σπαρχθεῖς, ὡς λέγει, τῇ ἐπιούσῃ νυκτὶ ἐτελεύτησε καὶ ἐτάφη ἐν τῇ θήκῃ Ἀρκαδίου τοῦ πατρὸς αὐτοῦ· λέγει δὲ οὗτος, ὡς Εὐδοκία ἡ βασιλὶς ἀπελθοῦσα εἰς τὰ Ἱεροσόλυμα οὐκέτι ὑπέστρεψε, Μαρίνα δὲ παρθενοῦσα ἐν τοῖς βασιλείαις πρὸ τοῦ ἀδελφοῦ ἐτελεύτησε, Χρυσάφιον δὲ καὶ Ἰζουμμῶν ἀνεῖλε Πουλχερία.

24. Μαρκιανὸς Ἰλλύριος τὸ γένος, τριβῶνος ὢν, προβεβηκὸς ἐν ἡλικίᾳ, ἐν πολέμοις γενόμενος ἄριστος, ἀνηγορεύθη βασιλεὺς ἐν τῷ Ἐβδόμῳ ὑπὸ παντὸς τοῦ στρατοῦ· δὲ εὐθύς ἐκέλευσεν ἄρχοντα ἐπὶ δόσαι ἢ) χρημάτων μὴ γίνεσθαι.

25. Μαρκιανοῦ εἰσελθόντος ἐν τῇ ἐκκλησίᾳ, κληῖρος ἅπας καὶ μοναχοὶ καὶ λαϊκοὶ, πλήθη ὄντες πολλὰ, ἐκεβόησαν εὐφημοῦντες βασιλεῖα καὶ Πουλχερίαν, αἰτοῦντες ζητηθῆναι τὰ ὑπὸ Διοσκοροῦ καὶ Εὐτυχοῦς κατὰ Φλαβιανοῦ τελεμηθέντα.

ἢ) ὑποβαλοῦσαν.

ἢ) λεῦκον.

ἢ) δόσαι.

26. Ὁ βασιλεὺς Μαρκιανὸς τὸν δεῖλαιον Εὐτυχῆ εἰς Δολίχην ἐξώρισεν.

27. [Τ]ὸ λείψανον Φλαβιανοῦ ἐξ αἰτήσεως ¹⁾ τοῦ κλήρου καὶ τοῦ λαοῦ βασιλικοῖς δαπανήμασιν ἐχομίσθη καὶ εἰς τοὺς Ἀποστόλους ἐτάφη· προφθάσας δὲ Ἀνατόλιος τὸ ὄνομα αὐτοῦ ταῖς ἱεραῖς δέλτοις ἐνέγραψε.

28. Ὅσοι ἐπίσκοποι διὰ τὴν πρὸς Φλαβιανὸν φιλίαν εἰς ἐξορίαν ἐπέμφθησαν, ἀνεκλήθησαν τῆς συνόδου τὴν κρίσιν ἐκδεχόμενοι.

29. Τῶν ἀπανταχοῦ ἐπισκόπων συναθροισθέντων ἐν τῇ Νικαίᾳ, Μαρκιανὸς διατρίβων ἐν Θράκῃ ἔγραψε τῇ συνόδῳ ἀπολογούμενος καὶ τὴν σύνοδον ἐν Χαλκηδόνι μεταγαγεῖν ἐσπούδασε, θέλων δι' ἑαυτοῦ παρεῖναι ἐν τῇ συνόδῳ κατὰ μίμησιν Κωνσταντίνου τοῦ βασιλέως· ὃ καὶ γέγονεν· ἐν τῇ πολλῇ καὶ ἀναγκαῖα ²⁾ διετοπώθησαν δόγματά τε καὶ πράγματα, ὧν ἡ γνώσις καὶ ἡ ὠφέλεια πολυμερῆς ³⁾ οὕσα διὰ τῆς τῶν πεπραγμένων δηλοῦται ἀναγνώσεως, καὶ τῶν κς' κανόνων ἢ ἐκθεσις· ἅπερ ἅπαντα πράξαντες οἱ ἐπίσκοποι καὶ πάσῃ τιμῇ τιμηθέντες ἐν εἰρήνῃ ἕκαστος τὴν ἰδίαν πόλιν κατέλαβεν.

30. Δεοντίῳ τῷ ἐπισκόπῳ Ῥώμης πάντα τὰ δόξαντα ἐδήλωσαν ὃ τε βασιλεὺς καὶ Ἀνατόλιος καὶ ἡ σύνοδος.

31. Διοσκόρου καθαιρεθέντος καὶ ἐξορισθέντος εἰς Γάγγρας, χειροτονεῖται Προτέριος Ἀλεξανδρείας ἐπίσκοπος, δι' ὃν μεγίστην στάσιν οἱ τὰ Εὐτυχοῦς καὶ Διοσκόρου φρονούντες ἐποίησαν καὶ τὴν οἰοπομπείαν ἠπέιλησαν κωλύειν· ἅπερ γινῶσι ὁ Μαρκιανὸς οὐκ εἰς Ἀλεξάνδρειαν ἀλλ' εἰς τὰ περὶ Πηλοῦσιον τὸν οἶτον ἐξ Αἰγύπτου ⁴⁾ προσέταξε φέρεσθαι διὰ τοῦ Νεῖλου καὶ οὕτως εἰς τὴν βασιλίδα κλιθεῖσθαι· οὗ γενομένου οἱ ἀπειλοῦντες Ἀλεξανδρεῖς λιμῶ φθεῖρειν Κωνσταντινούπολιν λιμώξαντες δεηθῆναι Προτέριον ὑπὲρ αὐτῶν βασιλέα ᾗτησαν, καὶ οὕτως εἰς τάξιν ἢ στάσιν μετέλθε.

32. Πουλχερία ἡ εὐσεβῆς ἐτελεύτησε, πολλὰ ποιήσασα κατορθώματα καὶ πάντα τὰ ἑαυτῆς πτωχοῖς καταλείψασα· ἅπερ Μαρκιανὸς πρὸς οἷς ⁴⁾ οὐκ ἀνέτρεψεν, ἀλλὰ καὶ ταῖς χρείαις ἀπάσαις προθύμως ὑπηρετήσεν· ἔκτισε δὲ καὶ εὐκτηρίους (οἴκους) Πουλχερία πολλοὺς, ὧν ἐστὶν ὁ Δαυρεντίου τοῦ μάρτυρος.

33. Πολλὴ ἦν ἡ Μαρκιανοῦ περὶ τὸ θεῖον εὐσέβεια καὶ τὰς ἐκκλησίας τιμῆ· τοὺς δὲ ἐπισκόπους οὐ συνχωρεῖ τῇ βασιλίδι πόλει σχολάζειν, ὡς ἔτυχεν· διάταξιν δὲ γράψας πολλὴν τὰς ἐκκλησίας τιμῆν καὶ τοὺς κληρικοὺς εὐλόβειαν ἔχειν παρεκέλευσεν.

34. Ἐν ταῖς λιταῖς ταῖς γενομέναις ἐν τῷ κάμπῳ περὶ Μαρκιανὸς

¹⁾ ἐξαιτήσεως.

²⁾ ἀναγκαῖα.

³⁾ πολυμερῆς.

⁴⁾ ἐξαιγύπτου.

ἐξερχόμενος, πολλὰς τοῖς θεομένοις δωρεὰς παρεῖχεν. Ἀνατόλιον δὲ τὸν ἐπίσκοπον προετρέπετο κατὰ τὸ ἔθος τῶν ἐπισκόπων τῆς πόλεως ἀπὸ τοῦ Ταύρου φορεῖν ¹⁾ φερόμενον λιτανεύειν ἕως τοῦ κάμπου· ὁ δὲ Μαρκιανὸν πεζεύοντα ὄρων, καὶ αὐτὸς πεζεύων ἐλιτάνευε.

35. Τιμόθεός τις ἐπικαλούμενος Αἰλουρος ²⁾, πάθει φιλαρχίας κρατούμενος, ἔχων συντρέχοντας αὐτῷ τοὺς τοῖς ³⁾ Εὐτυχοῦς καὶ Διοσκόρου χαίροντας, τὸν Μαρκιανοῦ αἰσθόμενος θάνατον, πρὸς πόλεμον κατὰ τοῦ ἐπισκόπου Προτερίου κινεῖται καὶ τοῦτον ἐν τῇ κολουμβήθρᾳ ⁴⁾ τῆς ἐκκλησίας σφαγῆναι παρεσκευάσεν καὶ τὸν νεκρὸν συρῆναι καὶ τῷ πυρὶ παραδοθῆναι.

36. Τιμόθεος ὁ Αἰλουρος πρὶν ἢ ⁵⁾ ἀναιρεθῆναι Προτέριον μαγγανεῖαι τινὶ χρησάμενος, νυκτὸς ἐν τοῖς τῶν μοναχῶν καλλίσις περιερχόμενος, ἐξ ὀνόματος ἐκάλει ἕκαστον μοναχὸν ἐκείνου δὲ ὑπακούοντος ἔλεγεν, ὅτι εἰς μὲν εἶη τῶν λειτουργικῶν πνευμάτων, ἀπεστάλη ⁶⁾ δὲ πᾶσιν εἰπεῖν, ἵνα Προτερίου μὲν τῆς κοινωνίας ἀφέξωνται ⁷⁾, Τιμόθεον δὲ τὸν Αἰλουρον ἐπίσκοπον χειροτονήσωνται, αὐτὸν δηλονότι.

37. Ὑπὸ καθηρημένων ⁸⁾ ἐπισκόπων χειροτονεῖται Αἰλουρος, ἐπιζῶντος ⁹⁾ τοῦ Προτερίου, καὶ εὐθύς θορόβων καὶ ταραχῶν τὴν ἐκκλησίαν ἐπλήρωσεν.

38. Γνοὺς Λέων ὁ βασιλεὺς τὸν Προτερίου ἄνομον θάνατον καὶ Τιμόθεου τὴν ἄθεσμον παραγωγὴν δεινῶς ἠγανάκτησε, καὶ Ἀνατολίῳ μὲν τῷ ἐπισκόπῳ Κωνσταντινουπόλεως ἐπέστειλε συναγαγεῖν τοὺς ἐνδημοῦντας ἐπισκόπους τῆ βασιλίδι καὶ ταῖς δεήσεσιν ἐντυχεῖν ταῖς ἀξ ἐκατέρου ¹⁰⁾ μέρους ἀναπεμφθείσαις καὶ τί δέοι γενέσθαι σκοπήσαι περὶ τε τῆς Τιμόθεου προβολῆς, περὶ τε τῆς ἐν Χαλκηδόνι συνόδου.

39. Λέων ὁ βασιλεὺς, ὁ μετὰ θάνατον Μαρκιανοῦ, χρηστῶς καὶ ἀσφαλῶς βουλευσάμενος τὰς ἐγκυκλίους ἐπιστολάς πρὸς τοὺς κατὰ τόπον ἐπισκόπους ἔγραψε· τοῦτο δὲ καὶ Ἀνατόλιον ἐπίσκοπον πρᾶξει ¹¹⁾ παρεσκευάσεν· ἐν τοσούτῳ δὲ πέμψας εἰς Ἀλεξάνδρειαν Νικόλαον τὸν αὐγουστάλιον τῆς οὐσίας ἀφείλετο, Καισάρειον δὲ τὸν δοῦκα καὶ ἐγλωσσοτόμησε καὶ τοὺς δύο ἐξώρισεν,

¹⁾ φαρῖον.

²⁾ αἰλουρος· οὕτω καὶ ἐξῆς.

³⁾ τῆς· πρβλ. Cramer II, 102.

⁴⁾ κολουμβήθρα.

⁵⁾ πρὶν ἢ.

⁶⁾ ἀπεστάλει.

⁷⁾ ἀφέξεται.

⁸⁾ Ὑποκαθηρ.

⁹⁾ ἐπιζῶντος.

¹⁰⁾ ἐξεκατέρου.

¹¹⁾ πρᾶξει.

ὡς τῷ φόνῳ Προτερίου συμπράξαντας. Τιμοθέῳ δὲ οὐκ ἐπέηλθε ¹⁾, διὰ τὸ τὴν κρίσιν τὴν ἐπ' ἐκείνῳ τοῖς ἱερῶσιν ἀρμόζειν.

40. Οἱ κατὰ τόπον ἐπίσκοποι θεῖψ (ζήλψ) κινούμενοι ἀντέγραψαν Δέοντι τῷ βασιλεῖ, ὡς ἡ μὲν σύνοδος ἡ ἐν Χαλκηδόνι τὴν ἀληθῆ πίστιν ἐκύρωσε, Τιμοθέου δὲ Αἰλίουρου ὡς φονέως, ὡς αἰρετικοῦ, ὡς ἐξορίστου καταψηφισόμενοι· ἔστι δὲ τῶν ἀντιγραφέντων γῶναι τὴν δύναμιν τῶν ταῖς ἐπιστολαῖς ἐντυγχανόντων, ὧν ἔταξεν ὁ Θεόδωρος.

41. [Α]νατολίου τελευτήσαντος Γεννάδιος προχειρίζεται, πρεσβύτερος τῆς Ἐκκλησίας, Ἀκακίου τοῦ ὀρφανοτρόφου συμπήφου καὶ αὐτοῦ γεγενημένου· προεβάλετο δὲ Γεννάδιος Μαρκιανὸν οἰκονόμον, τῆς τῶν Καθαρῶν ὄντα θρησκείας καὶ εἰς τὴν Ἐκκλησίαν μετελθόντα· δεῖ ἅμα τῷ ²⁾ γενέσθαι οἰκονόμος τὰ προσφερόμενα ἐκάστη ἐκκλησίᾳ τοὺς τοῦ τόπου κληρικούς κομίζεσθαι διετύπωσεν, ἕως τούτου τῆς Μεγάλης Ἐκκλησίας πάντα κομιζομένης.

42. Γεννάδιος τὰ ἀντίγραφα τῶν ἐγκυκλίων δεξάμενος, Ἀνατολίου τελευτήσαντος, δι' ὄχλου γέγονε τῷ βασιλεῖ ἐκδικῆσαι τὰ τολμηθέντα, Ἀσπαρ δὲ ὡς αἰρετικὸς τάναντι ἐσπούδαζε.

43. Δέων ὁ βασιλεὺς ἐκέλευσε τὸν Αἴλουρον ἐκβληθῆναι καὶ ἀντεισαχθῆναι ὀρθόδοξον καὶ τῆς Ἐκκλησίας ὑπέρμαχον· προβάλλεται δὲ ἐπίσκοπος ἄλλος Τιμόθεος ὀρθόδοξος, ὃν ἐκάλου Σαλοφακίαιον, ἀνὴρ ἀσκητικὸς καὶ ὑπὸ πάντων ἀγαπώμενος ³⁾.

44. Ὁ Αἴλουρος ἐξωρίσθη ⁴⁾ εἰς Γάγγραν· ἐκεῖ δὲ ἀπελθὼν ἐποίει παραβαπτίσματα καὶ παρασυνάγματα ⁵⁾, ἄπερ ἀναγαγόντος ⁶⁾ τοῦ Γαγγρῶν ἐπισκόπου βασιλεῖ καὶ Γενναδίῳ, μετετέθη εἰς Χερσῶνα. Οὗτος ὁ Αἴλουρος ἴδιον τῆς ἀνθρωπίνης φύσεως τὸ ἁμαρτάνειν ἀπεφήνατο ἐν τῷ κατὰ τοῦ τόμου Δέοντος πονηθέντι αὐτῷ συγγράμματι [καί] ἐν κεφαλαίῳ τρίτῳ.

45. Πολλὰ ἦσαν τὰ Γενναδίου κατορθώματα καὶ οὐδένα ἐχειροτένει ποτὲ ἐπὶ χρήμασιν, οὐδὲ τὸ Ψαλτήριον μὴ γινώσκοντα. Ἐπὶ Γενναδίου ἡ χεὶρ τοῦ ζωγράφου ἐξηράνθη, τοῦ ἐν τάξει Διὸς τὸν Σωτῆρα γράψαι τολμήσαντος· ὃν δι' εὐχῆς ἰάσατο ὁ Γεννάδιος· φησι δὲ ὁ ἱστορῶν, ὅτι τὸ ἄλλο σχῆμα τοῦ Σωτῆρος, τὸ οὐλὸν καὶ ὀλβτριχόν, ὑπάρχει τὸ ἀληθέστερον.

46. Ἐλευθερίῳ τῷ μάρτυρι δι' ἓνα κληρικὸν τοῦ νοσῶ αὐτοῦ ἐδήλωσεν ὁ Γεννάδιος, ὅτι «ὁ στρατιώτης σου ἀτακταῖ· ἢ διορθώσαι τοῦτον, ἢ ἐκκοφόν». δὲ δὲ εὐθὺς ἐταλεύτησεν.

¹⁾ ἐπέηλθε.

²⁾ τῷ τὸ.

³⁾ ἀγαπώμενος.

⁴⁾ ἐξωρίσθη.

⁵⁾ παρά συνάγματα.

⁶⁾ ἀναγαγόντες.

47. Ἐπὶ Γενναδίου Στούδιος ἔκτισε τὸν ναὸν τοῦ ἁγίου Ἰωάννου καὶ μοναχοὺς ἐκ τῶν Ἀχοιμήτων ἐνεκατέστησε.

48. Δανὴλ ὁ θαυμασίος ¹⁾ ἐκ τῆς Σομαῶνος μάνδρας ἐλθὼν τῷ στήλῃ ²⁾ ἐπέβη τῷ ἐν τῷ Ἀνάπῃ.

49. Πλεῖστοι καὶ ἐν τῷδε τῷ χρόνῳ τὸ μοναχικὸν μετῆλθον κατόρθωμα, μεθ' ὧν ἦν καὶ Ματρῶνα ἡ διαβόητος, ἧτις ³⁾ οἶκον καὶ ἄνδρα λιποῦσα ἐν ὑποκρίσει εὐνοῦχος μετὰ ἀνδρῶν ἐμόνασε· καὶ Βασσιανὸς ὁ θαυμασίος μοναχὸς ἐν τούτῳ τῷ χρόνῳ διέλαμψεν.

50. Ἰωάννης ὁ ὑπατικός, ὁ ἐπὶ κλην τῶν Βιγχομάλο, παρακαλέσας Βασσιανὸν, ὡς μοναχὸς παρ' αὐτῷ ἐτέτακτο, καὶ ἐν μὲν τῷ παλατίῳ ἀδιαλείπτως προήρχετο καὶ ὡς εἰς τῶν συγκλητικῶν ἐχρημάτιζεν· ἀναχωρῶν δὲ μέχρι μὲν τῆς θύρας τῆς μονῆς Βασσιανοῦ ὡς ὄπατος ὠφικεῖτο, ἅμα δὲ ἔθδον ἐγένετο, μοναχικὴν ⁴⁾ αἰσῦραν περιβαλλόμενος μαγειρείου καὶ σταύλου ⁵⁾ καὶ τῶν τοιούτων τὴν διακονίαν μετήρχετο.

51. Βασιλείου τοῦ Ἀντιοχείως ὀλίγους μῆνας ἐπισκοπήσαντος, διαδέχεται τοῦτον Μαρτύριος.

52. Πέτρος τῆς λώβης τοῦ Ἀπολιναρίου τινὰς μισθωσάμενος, μορίουσ θορόβους κατὰ τῆς πίστεως καὶ Μαρτυρίου τοῦ ἐπισκόπου εἰργάσατο, ἀναθέματι δῆθεν βάλλων τοὺς μὴ λέγοντας ὅτι θεὸς ἐσταυρώθη· ἐν οἷς καὶ τὸν λαὸν εἰς διαίρεσιν ἤγαγε καὶ ἐν τῷ τρισαγίῳ προσέθηκε Πέτρος τὸ „Ὁ σταυρωθεὶς δι' ἡμᾶς“.

53. Μαρτύριος πρὸς βασιλέα ἐλθὼν σὺν πολλῇ τιμῇ ἀπελύθη σπουδῇ Γενναδίου· ἐλλῶν δὲ εἰς Ἀντιόχειαν καὶ βλέπων Ἀντιοχεῖς ταραχαῖς καὶ στάσεις χαίροντας καὶ Ζήνωνα τούτοις συμπράττοντα, ἀπετάξατο τῆς ἐπισκοπῆς, ἐπ' ἐκκλησίας εἰπὼν „Κλήρῳ ἀνυποτάκτῳ καὶ λαῷ ἀπειθεῖ καὶ ἐκκλησίᾳ ἐρρηπωμένη ἀποτάττομαι, φυλάττων ἐμαυτῷ ⁶⁾ τὸ τῆς ἱερωσύνης ἀξίωμα“.

54. Μαρτυρίου ἀναχωρήσαντος, τυραννικῶς ὁ Κναφεὺς τῷ θρόνῳ ἐπεπήδησεν, καὶ χειροτονεῖ εὐθὺς ἐπίσκοπον Ἀπαμείας Ἰωάννην τινὰ ἀπὸ καθαιρέσεως· γνοὺς ⁷⁾ δὲ ταῦτα Γεννάδιος διδάσκει πάντα τὸν βασιλέα· ὃ δὲ καλεῖται ἐξορισθῆναι ὄπαρ μαθῶν, φυγῇ ⁸⁾ χρησάμενος, τὴν ἐξορίαν διέφυγε· ψήφῳ δὲ κοινῇ Ἰουλιανὸς τις ⁹⁾ εἰς ἐπίσκοπον προχειρίζεται.

¹⁾ θαυσίος.

²⁾ στήλαι.

³⁾ ἧτις.

⁴⁾ μοναχὴν.

⁵⁾ μαγειρείου καὶ στάβλου.

⁶⁾ ἐμαυτῷ.

⁷⁾ γνοὺς.

⁸⁾ φυγῇ.

⁹⁾ τις.

55. Γεννάδιϋ τινές νεστοριζαμὸν ἐπισημῆσαν· αὐτὸς δέ, καλεῦσάντος Δέοντος, τῆς ὑπερανδύου θεοτόκου τὸ πανάγιον ὄνομα τοῖς διπτύχοις ἐνάγραψεν.

56. Γεννάδιος καταλθὼν εἰς τὸ θουσιαστήριον εὐχασθαι εἶδέ τι φάσμα δαιμόνιον· ᾧ ἐπιτιμήσας ἤκουσε κρᾶζοντος, ὡς αὐτοῦ μὲν ζῶντος ἐνδιδῶσιν, ὕστερον δὲ κρατήσῃ πάντως τῆς Ἐκκλησίας· ὅπερ δεῖσας Γεννάδιος, πολλὰ τὸν θεὸν ἱκετεύσας, μετὰ μικρὸν ἐτελεύτησε.

57. Ἡ κόνις τούτῳ τῷ χρόνῳ κατῆλθε μηνὶ νοεμβρίῳ, πυρακτούντων νεφῶν φανέντων ἐν οὐρανῷ πρότερον, ὡς πάντας πιστεύσαι, ὅτι πῦρ ἦν τὸ μέλλον καταφέρεισθαι.

58. Δέων ὁ μικρὸς, ὁ Ζήνωνος υἱὸς, ἀνηγορεύθη βασιλεὺς, τοῦ μεγάλου Δέοντος ἀρρώστησαντος καὶ τελευτήσαντος μετὰ βραχύ. Ὁ οὖν μικρὸς Δέων τὸν ἴδιον πατέρα Ζήνωνα ἀνηγόρευσε. Δέκα μόνους μῆνας αὐτὸς βασιλεύσας ἐτελεύτησε.

59. Βασιλίσκος ὁ Βηρίνης τῆς γαμετῆς τοῦ μεγάλου Δέοντος ἀδελφὸς βουλεύεται κατὰ Ζήνωνος, συνεργούσης Βηρίνης καὶ τινων τῆς συγκλήτου· ὅπερ γνοὺς ¹⁾ ὁ Ζήνων, λαβὼν τὴν Ἀριάδνην καὶ χρήματα, ὅσα ἤδυνήθη ²⁾, εἰς Ἰσαυρίαν ἔφυγεν. Βασιλίσκος δὲ ἐν τῷ κάμπῳ ἀνηγορεύθη, καὶ ποιήσας καίσαρα Μάρκην ³⁾ τὸν ἴδιον υἱὸν καὶ ἀγούσταν Ζηνωνίδα τὴν γαμετὴν αὐτοῦ, εὐθέως τῆς κατὰ τῆς πίστεως διαστροφῆς ἀπήρξατο, Ζηωνίδος μάλιστα παρορμώσης κατὰ τῆς ⁴⁾ ὀρθοδοξίας Βασιλίσκον.

60. Ἀνεκαλέσατο διὰ τύπου ⁵⁾ Βασιλίσκος τὸν Αἰλουρον, καὶ ὁ Γναφεὺς δὲ ἐξῆλθεν ἐκ τῆς μονῆς τῶν Ἀκοιμήτων· ἐκεῖ γὰρ ἐκρύπτετο· καὶ πάντες δὲ σοεὶ ἦσαν ἐχθροὶ τῆς ἐν Χαλκηδόνι συνόδου· παρρησίᾳ κατ' αὐτῆς ἐκινῶντο.

61. Συναγαγὼν ὄχλον ἄτακτον Ἀλεξανδρέων ὁ Αἰλουρος, σὺν τοῖς ἐκ τοῦ οἴκου τῶν Βασιλίσκου λιτανεύων εἰς τὴν ἐκκλησίαν ἤρξατο, αὐτὸς ἐπ' ὄνο ὀχοῦμενος· ἐλθὼν δὲ ἐπὶ τὴν λεγομένην Ὀκτάγωνον ⁶⁾ κατηνέχθη πτώματι μεγάλῳ, καὶ κλασθέντος τοῦ ποδὸς αὐτοῦ μετὰ αἰσχύνης ὑπέστρεψεν.

62. Βασιλίσκος μετὰ τύπων ἐμβαλλόντων τὴν ἐν Χαλκηδόνι σύνοδον ἀπέλυσε τὸν Αἰλουρον εἰς Ἀλεξάνδρειαν καὶ τον Κναφέα εἰς Ἀντιόχειαν.

63. Ὁ κληρὸς καὶ ὁ λαὸς καὶ τὸ μοναχικὸν Κωνσταντινουπόλεως ὑπερε-

¹⁾ γνοῦς.

²⁾ ἤδυνήθη.

³⁾ Μάρκην] οὕτως ἐν τῷ κώδικι.

⁴⁾ τῆς] τῆν.

⁵⁾ διατύπου.

⁶⁾ ὀκτάγωνον.

μάχουσαν 1) τῆς ἐν Χαλκηδόνι συνόδου· ὅπερ φοβηθεὶς ὁ Ἀκάκιος συνήρχεται τῷ ἐκείνων ζήλῳ, πρῶην 2) τάναντία ποιεῖν φημιζόμενος· διὸ καὶ ἐπ' ἑμβωνος κατὰ Βασιλείου καὶ Ζήνωνος προσεφώνει.

64. Τιμόθεος ὁ Σαλοφακιάλος γνοὺς 3) τὴν ἐπὶ Ἀλεξάνδρειαν τοῦ Αἰλουρου ἐφοδὸν ὑπεχώρησεν ἐν τοῖς μοναστηρίοις τοῦ Κάνωπος, ὧν ἐγεγόνει καὶ τῆς ἀσκήσεως· πολλὰ δὲ κακὰ εἰργάσατο Αἰλουρος, τῷ δὲ Σαλοφακιάλῳ 4) οὐκ ἠδυνήθη, διὰ τὸ πάντας ἀγαπᾶν αὐτόν· τὴν δὲ σύνοδον εὐθέως ἀνεθεμάτισεν· εἰσερχομένῳ δὲ αὐτῷ ἐν Ἀλεξανδρείᾳ ἐπεφώνουν τὸ αἰσχρὸν ἐκεῖνο 5) οἱ σπουδασταὶ αὐτοῦ· „Ἐψώμισας τοὺς ἐχθρούς σου ὀπάσας“· δὲ δὲ ἀντεφώνει· „Ναὶ, ἀληθῶς ἐψώμισα“.

65. Ἰουλιανὸς ὁ μετὰ Μαρτύριον Ἀντιοχείας ἐπίσκοπος ὑπὸ λύπης τῶν κινουμένων ἀπέθανεν· ὁ δὲ Κναφεὺς καταλαβὼν τὸν θρόνον εἰς ἀναθεματισμοὺς καὶ ταραχὰς ἐσχόλασεν, ἐν οἷς καὶ φόνοι 6) καὶ ἀρπαγαὶ διὰ τὴν προσθήκην δῆθεν τοῦ τρισαγίου γεγόνασιν.

66. Δέοντος τοῦ Ῥώμης ἐπισκόπου τελειωθέντος Ἰλάριος 7) προχειρίζεται καὶ μετὰ τοῦτον Σιμπλικίος.

67. Ὁ Αἰλουρος ἐν τῷδε τῷ χρόνῳ ἀπέθανε. Πέτρος δὲ ὁ Μουγγὸς ἀντιεσάγεται, ἀνὴρ κακοῦργος καὶ τῆς ἀληθείας πολέμιος καὶ καθηρημένος ἤδη 8) πρότερον· χειροτονεῖται δὲ οὗτος ἐπίσκοπος ὑπὸ ἐνὸς ἐπισκόπου, καὶ αὐτοῦ καθηρημένου· ὅπερ γνόντες 9) οἱ μοναχοὶ ἐπήλθον αὐτῷ, ὁ δὲ Μουγγὸς προφθάσας ἀπέδρασε· καὶ κρατήσαντες ἐκεῖνοι τὸν Σαλοφακιάλον ἔγρουν ἐν τῇ ἐκκλησίᾳ καὶ ἀποκαθιστῶσι τῷ θρόνῳ 10). οὗ τελειωθέντος, προχειρίζεται Ἀλεξανδρείας ἐπίσκοπος Ἰωάννης ὁ Ταβεννησιώτης, ἀνὴρ καὶ οὗτος ὄσιος καὶ τῶν δογμάτων τῆς ἀληθείας ὑπέρμαχος, πρεσβύτερος καὶ οἰκονόμος τῆς ἐν Ἀλεξανδρείᾳ ἐκκλησίας ὑπάρχων.

68. Οἱ Πέτρον τοῦ Μουγγοῦ σπουδασταὶ χρήμασι πείθοσιν καὶ ἑτέροις φανακισμοῖς 11) βασιλεῖα κελεῦσαι, ὥστε Ἰωάννην τὸν Ταβεννησιώτην ἐξελαθῆναι, ὡς παρὰ τὴν αὐτοῦ γνώμην προχειρισθέντα, Πέτρον δὲ τὸν Μουγγόν

1) ὑπερέμ.

2) τῷ τὸ || πρῶην.

3) σαλοφακιάλος γνοὺς.

4) σαλοφακιάλῳ.

5) ἐκεῖνοι.

6) φόνοι.

7) Ἰλάριος.

8) ἤδη.

9) γνόντες.

10) τὸν θρόνον; ср. Theoph. p. 125,ss de Boor.

11) φανακισμοῖς.

ἐκ τοῦ ἐν Ἐδχαίτοις προσφογίου μεταπέμψασθαι καὶ σταῖλαι κατὰ τὴν Ἀλεξάνδρειαν. Ζήνων δὲ ταῦτα προσέταξε ποιήσας καὶ τὸ Ἐνωτικὸν τὸ λεγόμενον καὶ τοῦτο πανταχοῦ καταπέμψας· ὅπερ καὶ ἀντέταχται.

69. Ἰωάννης τὴν Πέτρου παρουσίαν αἰσθόμενος ὑπεξῆλθε τῆς πόλεως, πάντων ὁμοῦ ἐπισκόπων καὶ κλήρου καὶ μοναχῶν καὶ λαοῦ δεήσεις αὐτῷ σὺν δάκρυσι προσαγαγόντων καὶ πάντας παθεῖν ἐτοιμῶς ἔχειν λεγόντων ὑπὲρ τῆς αὐτοῦ μένοντος σωτηρίας· ὁ δὲ τὰ μέλλοντα τολμᾶσθαι ὑπὸ τῶν Πέτρου προενοήσας, ἐάσας ἀνεχώρησε.

70. Πέτρος ὁ Μουγγός καταλαβὼν ¹⁾ Ἀλεξάνδρειαν εὐθέως τὴν σύνοδον ἀνεθεμάτισε καὶ διωγμὸν βαρύτερον κατὰ τῶν ὀρθοδόξων ἐποίησε, καὶ ἐκ τῶν διπτύχων πεμψάντων τὸ ὄνομα Προτερίου καὶ Τιμοθέου τοῦ Σαλοφακιάλου τὰ τῶν καθηρημένων ἐνέγραψε ²⁾, Διοσκόρου καὶ τοῦ Αἰλιούρου. Τιμοθέου δὲ τὸ λείψανον ὀρύξας ἐκ τοῦ τάφου τῶν ἱερῶν εἰς ἰδιωτικὸν τάφον ἀπέθετο.

71. Οἱ τῆς βασιλείδος καὶ τῆς ἑω δεήσεις ἐπεμψαν Φήλικι ³⁾ καὶ τῷ μετὰ Σιμπλίκιον ἐπισκόπῳ Ῥώμης, διδάσκοντες τὰ γινόμενα καὶ ὅτι Ἀκάκιος ἐστὶν ὁ ταῦτα μάλιστα ὄρων. Ἐν τοσοῦτῳ δὲ καὶ Ἰωάννης ὁ Ταβεννησιώτης τὴν Ῥώμην κατέλαβεν καὶ πάντα ἀπήγγειλε. Φήλιξ ⁴⁾ δὲ συνέδριον ποιήσας ἐν τῷ ἀποστολικῷ τοῦ κορυφαίου ναφ, δύο ἐπισκόπους καὶ ἕκδικον ἐπεμψεν εἰς Κωνσταντινούπολιν, γράψας Ἀλεξανδρεῦσι καὶ τοῖς ἑω (τῶν) ὀρθῶν δογμάτων ἀντέχεσθαι· βασιλεῖ δὲ καὶ Ἀκακίῳ ἔγραψεν ἐκβαλεῖν τὸν Μουγγὸν ὡς αἰρετικόν· ἔγραψε δὲ καὶ τὰ ἐν Ἀφρικῇ γινόμενα φανερά παρα τῶν Ἀρειανῶν κατὰ τῶν ὀρθοδόξων ἐν ἐκείνῳ τῷ καιρῷ διορθώσασθαι· ἐντεταγμένοι δὲ εἰσι καὶ ἡ πρὸς Ζήνωνα καὶ ἡ πρὸς Ἀκάκιον ἐπιστολαί.

72. Προμαθόντες ὁ βασιλεὺς καὶ Ἀκάκιος τῶν ἀπὸ Ῥώμης σταλέντων τὴν ἀφίειν, ἐν Ἀβύδῳ τούτους κρατηθῆναι παρασκευάσαντες, ὅσους εἶχον χάριτας ἀφείλοντο καὶ οὕτως εἰς Κωνσταντινούπολιν ἤγαγον.

73. Οἱ πεμφθέντες ἀπὸ τῆς Ῥώμης, Ζήνωνος μὲν αὐτοῖς μεθ' ὑποκρίσεως ἀπειλήσαντος, Ἀκακίου δὲ χρήμασι πείσαντος, παρὰ τὰ ἐνταλθέντα αὐτοῖς ἐκοινώνησαν Ἀκακίῳ, καίπερ τῶν τῆς πίστεως ζηλωτῶν τρεῖς διαμαρτορίας ⁵⁾ δεδωκότων αὐτοῖς· ὧν τὴν μίαν ἀγχίστρῳ περιθέντες καὶ σχοίνῳ ἐνὸς αὐτῶν δημοσίᾳ ἐξήρτησαν, τὴν δὲ δευτέραν βίβλῳ ἐνέβαλον, τὴν δὲ τρίτην κοφίνῳ λαχάνων ἐνέθηκαν.

74. Φήλιξ γνοὺς ⁶⁾ τὰ ὑπὸ τῶν σταλέντων γινόμενα καθαιρέσει τούτους

¹⁾ κατὰ λαβῶν.

²⁾ ἐνέγραψε.

³⁾ φίλικι.

⁴⁾ φίλιξ.

⁵⁾ διὰ μαρτυρίας.

⁶⁾ φίληξ γνοῦς.

υπέβλεπεν, ἔπεμψε δὲ καὶ Ἀκακίφ καθαίρεισιν δι' ἐκδίκου τῆς Ῥώμης· ὁ δὲ διαδράς ¹⁾ τοὺς ἐν Ἀβύδῳ λοχῶντας, εἰς τὴν μονὴν τῶν Δίου ἐλθὼν, τοῖς πρώτοις τῶν μοναχῶν καὶ τοῖς πλείοσι ²⁾ τῶν ζηλωτῶν λαθραίως συνέτυχε. Βουλὴ δὲ μᾶλλον ἐκράτησεν, ὥστε διὰ τινων μοναχῶν εἰσφερομένων εἰς τὸ ἱερατεῖον Κυριακῆς δοθῆναι τὴν καθαίρεισιν Ἀκακίφ· οὐ γενομένου τινὲς τῶν περὶ Ἀκάκιον τοὺς μὲν τῶν μοναχῶν ἀνεῖλον, τινὰς δὲ καὶ πληγὰς ἐπιθέντες ἀπέκλεισαν. Ἀκακίφ δὲ φροντὶς περὶ τῆς καθαίρεισος οὐκ ἐγένετο, ἀλλὰ καὶ εἰσελθὼν ἐλειτούργησε καὶ τὸ ὄνομα Φήλικος ³⁾ ἐκ τῶν διπτύχων ἀπήλειψε ⁴⁾ καὶ τὰ συνήθη πάντα ἐτέλεσε.

75. Ἀκάκιος ἡ' ἔτη τῆς ἐπισκοπῆς προεδρεύσας ἐτελεύτησε καὶ προχειρίζεται Φρασίτας ⁵⁾ πρεσβύτερος τοῦ ναοῦ τοῦ ἐν Συκαῖς Θέκλης τῆς πρωτομάρτυρος, καὶ τρεῖς ἡμῶν μηνῶν ἐπιζήσας ἐτελεύτησε καὶ προχειρίζεται ⁶⁾ Εὐφῆμιός τις πρεσβύτερος, ζηλωτῆς τῆς ὀρθοδόξου πίστεως, ὃς ἐξαστήσ ⁷⁾ τὸ ὄνομα τοῦ Μουγγοῦ ἀπήλειψεν τῶν ἱερῶν διπτύχων.

76. Πέτρος ὁ Κναφεὺς ἀπέθανεν καὶ προχειρίζεται Παλλάδιός τις πρεσβύτερος.

77. Οἱ Μανιχαῖοι πολλὴν ἐν Κωνσταντινουπόλει παρρησίαν ἔσχον· οὐκ ἀνέχων Εὐφῆμιος κακῶς ἔφερον· ὃς ἐπιβουλεύσας, ἰδιωτικῶν σχήματι φηγῶν, διεσώθη· προχειρίζεται δὲ Μακεδόνας, πρεσβύτερος ὑπάρχων τῆς Ἐκκλησίας καὶ σκευοφόλαξ, ὃς τὸ ἐνωτικὸν Ζήνωνος καθυπέγραψεν· ὁ δὲ Εὐφῆμιος (sic) εἰς Εὐχάϊτα περιορισθῆναι ὁ βασιλεὺς προσέταξεν.

78. Μακεδόνας ἀσκητικὸς ἦν καὶ ἱερός, ὡς ὑπὸ Γενναδίου τραφαίς· οὐ καὶ ἀδελφιδοῦς, ὡς λόγος, ὑπῆρχεν.

Σημειώσεις εἰς τὰ Βατοπεδινα τεμάχη.

1 — 5. Ἐπειδὴ ὁ Θεόδωρος ἤρξατο τῆς ἱστορίας ἀπὸ τοῦ πατριάρχου Πρόκλου, ἐπόμενον δι' σκοπὸν εἶχε τοῦ νὰ συνεχίσῃ τὴν ἱστορίαν τοῦ Σωκράτους, ὅστις ἀκριβῶς ἐπέρανα ταύτην εἰς τὴν πατριαρχίαν τοῦ Πρόκλου. Εντεῦθεν δύναται τις νὰ ὑποθέσῃ, ὅτι ὁ Θεόδωρος ἐν τῇ ἀρχῇ τῆς ἰδίας ἱστορίας θὰ εἶχε συνοψίσῃ τὰ περὶ τοῦ Πρόκλου εἰρημένα τῷ Σωκράτει καὶ συμπληρώσῃ ταῦτα βοηθειᾶ ἄλλων τινῶν ἀγνώστων ἡμῖν πηγῶν. Τὰ Βατοπεδινα τεμάχη 1, 2, 3, 4 καὶ 5 φαίνονται νὰ ἔχωσι τοιαύτην γένεσιν, διότι

¹⁾ διὰ ὁρᾶς.

²⁾ πλείοσι.

³⁾ φίληκος.

⁴⁾ ἀπέλειψε.

⁵⁾ προχειρίζετε φρασίτας.

⁶⁾ προχειρίζετε.

⁷⁾ εἰς αὐτῆς.

ἡ ἐν αὐτοῖς τοῦ Σωκράτους ἐπίδρασις εἶναι ἀρκούντως ἀπτή. Οὕτω τὸ 1-ον Βατοπεδ. ἀπόσπασμα συνοψίζει τὰ περὶ τῆς εἰς πατριάρχην ἐκλογῆς τοῦ Πρόκλου εἰρημένα τῷ Σωκράτει VII, μ' 1—4. Ὡσαύτως τὸ 2-ον εἶναι συντεταγμένον ἐν γνώσει τοῦ Σωκράτους VII, μδ'. Ὁ Θεοφάνης (92,16—19 de Boor) ἐγίνωσκε, τὸ τεμάχιον τοῦτο τοῦ Θεοδώρου ἐξ ἄλλου τινὸς ἐκλογαρίου κατὰ σύνταξιν ἀάφορον τῆς Βατοπεδινῆς συναγωγῆς, οὕτω „Τούτῃ τῷ ἔτει ἦλθεν Οὐαλεντιανὸς ἀπὸ Ῥώμης, ὁ Γάλλας Πλακιδίας καὶ Κωνσταντίου υἱός, ἐν Κωνσταντινουπόλει καὶ ἐγημε γυναῖκα τὴν θυγατέρα Θεοδοσίου τοῦ βασιλέως Εὐδοξίαν, τὴν ἐξ Εὐδοκίας γεννηθεῖσαν αὐτῷ, καὶ ἐπανῆλθεν ἐν Ῥώμῃ“. Καὶ τὸ 3-ον Βατοπεδινὸν ἀπόσπασμα εἶναι συντεταγμένον ἐν γνώσει τοῦ Σωκράτους VII, με', 1—4· εὐρίσκεται δὲ καὶ παρὰ τῷ Cramer II, 100, 26—30, μετὰ τινων διαφορῶν· οἷον ἐλλείπει τῷ παρσιακῷ ἀντιγράφῳ τὸ ὄνομα Θεοδόσιον· καὶ πάλιν ἀντὶ τοῦ τούτου, ὅπερ ἐγὼ διώρθωσα εἰς τούτῃ, ἀναγινώσκειται ἐκεῖ τὸ τοῦτο· ὡσαύτως τὸ τέλος ἔχει ὧδε· ἔτη λε'. Πρὸς τὸ αὐτὸ ἀπόσπασμα πρβλ. Θεοφάνους 92—93. Τὸ 4-ον Βατοπεδινὸν ἀπόσπασμα, ὅπερ ὑπάρχει καὶ παρὰ τῷ Cramer II, 100, 31—33 (πρβλ. Θεοφ. 92, 25—29) εἶναι συντεταγμένον ὡσαύτως ἐν γνώσει τοῦ Σωκράτους VII, μζ'. Τοῦτ' αὐτὸ σημειωτέον καὶ περὶ τοῦ 5-ου ἀποσπάματος, πρὸς δ' πρβλ. Σωκρ. VII, μη' 1—5.

6. Τὸ περὶ τῶν Ἰουδαίων τοῦτο ἀπόσπασμα, ὅπερ ἐν μόνῃ εὐρίσκεται τῇ Βατοπεδινῇ συναγωγῇ, διηγεῖται πράγματα, ἅτινα θὰ συνέβησαν ἴσως περὶ τὸ ἔτος 438—439· τοῦτο δ' εἰκάζω ἐκ τοῦ ὅτι ἔτει 439-φ ἀπελύθη αὐτοκρατορικὸν πρόσταγμα σφοδρὸν περὶ τῶν Ἰουδαίων οὕτινος ἐν λείψανον εὐρίσκειται ἐν τῷ Cod. Iustinian. I, ix, 18.

8. Πρβλ. Θεοφάνους 96, 3—7.

9. Πρβλ. Θεοφ. 96, 7—9.

10. Cramer 100—101.

12. Μετὰ τὸ ἐτελεότησε πάντως ἐξεργῆται νομίζω δ' ὅτι βοηθεῖα τοῦ Θεοφάνους (97, 29—83) ὀφείλομεν νὰ γράψωμεν οὕτω· „Κόρυλλος ἐπίσκοπος ἐτελεότησεν, (ὃν διεδέξατο Διόσκουρος), διδασκαλικός“ κτλ.

13. Πρβλ. Θεοφ. 97, 27—29.

14. Τὰ τοῦ Εὐτυχοῦς ὁ Θεοφάνης (99, 28—100, 2) γινώσκει ἐξ ἄλλης πηγῆς. Πρβλ. Εὐαγγ. I, 9. Λεοντίου Βυζαντίου σχολία παρὰ τῷ Migne, Patrol. græc. 86, σ. 1224—1225. Ἡ ἐν Κωνσταντινουπόλει μονὴ τοῦ Ἰαῦβ δὲν ἀναφέρεται ἀλλαχοῦ.

17. Πρβλ. Θεοφ. 101, 11—13, ὅστις ἔλαβεν ἐκ τούτου τοῦ ἀποσπάματος ὀλίγας πινὰς λέξεις.

22. Πρβλ. Θεοφ. 101, 13—17. Γεωργίου μοναχοῦ χρονικὸν 105, 10—16 Muralt. Γεωργ. Κεδρ. 600, 15—601, 1 Bonn.

23. Παρά τῷ Gram. 101,5—8, μέχρι τῆς λέξεως ὑπίστρεψε. Ἐν τοῖς Ξανθοκουλείοις ἀποσπάσμασι I, α', ἔνθα καὶ προσθήκη περὶ μιᾶς εἰκό-
 νος τῆς Θεοτόκου γραφείσης ὑπὸ τοῦ ἀποστόλου Δουκᾶ. Τὰ κείμενα ταῦτα δια-
 φέρουσιν ὀλίγον πρὸς ἄλληλα· ἐκ δὲ τῶν διαφορῶν ἀξιόλογος φαίνεται οὖσα ἐν
 τῷ Βατοπεδιῶ κώδικι ἢ τοῦ σπαραχθεῖς, ἔπερ ἐν τοῖς ἄλλοις κείμενοις ἔχει
 οὕτω περιχθεῖς ἢ παραχθεῖς· ἀλλ' ὡς τοῦτο ἔχει εἶναι δουσιώτερον, διότι
 τὸ νὰ παραχθῆ τις εἰς ποταμὸν ἀπλῶς δὲν δύναται νὰ προκαλέσῃ θάνατον,
 ἀν μὴ τι ἐκέισε τοῦτον προεξήση. Κατ' ἐμὲ λοιπὸν τὸ τοῦ Βατοπεδινοῦ
 κώδικος σπαραχθεῖς εἶναι σημαντικὸν εἰς ἀνεύρασιν τοῦ αἰτίου τοῦ θανάτου.
 Ὁ Ζωναρᾶς (τόμ. 3, σ. 244 Dind.) λέγει ταῦτα περὶ τοῦ θανάτου Θεοδο-
 σίου τοῦ Νέου· „τὴν δ' αἰτίαν τῆς αὐτοῦ τελωτοῦς οἱ μὲν νόσον γεγονέαι
 φασίν, οἱ δ' ἐν θήρᾳ οἱ ἐλάυνοντι συμπεσεῖν τὸν ἴππον ἰστόρησαν καὶ πλη-
 γέντων αὐτῷ καιρίων μερῶν μετ' ὀλίγον θανεῖν“. Ἄν τις τῶρα λάβῃ ὑπ'
 ὄψει τὴν δευτέραν παράδοσιν καὶ τὸ σπαραχθεῖς, νομίζω ὅτι δὲν θὰ εἴπῃ
 τι παράλογον, ἀν ζητήσῃ νὰ συμπληρώσῃ τὸ ἀπόσπασμα τοῦτο τοῦ Θεοδώ-
 ρου οὕτω „Θεοδόσιος ἐξῆλθεν εἰς κονήγιον εἰς Λεῦκον ποταμὸν, (τῷ δὲ
 ἴππῳ συμπεσὼν καὶ) σπαραχθεῖς“ κτλ.

24. Ξανθοκ. I, β', ἔνθα τὸ χρημάτων δὲν ὑπάρχει.

25. Cramer 101,9—12.

29. Πρβλ. Ξανθοκ. I, δ'. Gram. 101,13—28.

31. Πρβλ. Θεοφ. 106,30—107,3.

32. Πρβλ. Θεοφ. 106,25—29. Ξανθοκ. I, ε'.

34. Gram. 101,24—29. Πρβλ. Ξανθοκ. I, ζ'. Θεοφ. 109,27—30.

35. Gram. 102,13—18. Πρβλ. Ξανθοκ. I, η'.

36. Πρβλ. Gram. 102,19—25. Ξανθοκ. I, η'. Θεοφ. 109,31—110,4.

37. Πρβλ. Gram. 102,25—27. Ξανθοκ. I, θ'. Θεοφ. 110,24—27.

38. Gram. 102,28 κέ. Πρβλ. Θεοφ. 111,15—16.

39. Πρβλ. Θεοφ. 111,16—19, ἔνθα λέξεις τινὲς μόνον τοῦ Θεοδώρου
 περιέχονται· πρὸ δὲ τοῦ πέμψας ἴσως ὑπῆρχε τὸ ὄνομα Στήλιαν, ὃν ἀνα-
 φέρει ὁ Εὐάγριος, σ. 59 Lond.

40. Πρβλ. Θεοφ. 111,29 — 112,3, ἔνθα ὀλίγαι μόνον λέξεις ὑπάρχουσι
 τοῦ Θεοδώρου.

41. Ξανθοκ. I, ιγ'. Πρβλ. τοῦ αὐτοῦ Ἐκκλησι. ιστορ. XV, § 2 (Migne
 147, σ. 65 c.).

42. Πρβλ. Θεοφ. 112,3—5.

43. Πρβλ. Θεοφ. 112,8—11.

44. Πρβλ. Θεοφ. 112,5—8.

45. Gram. 103,18—23. Πρβλ. Ξανθοκ. I, ιε'. Θεοφ. 112,29—32.

46. Ξανθοκ. I, ις'. Gram. 103,24—26.

47. Ξανθοκ. I, ιζ'. Gram. 103,27—28. Θεοφ. 113,3—4.
 48. Ξανθοκ. I, ιη'. Gram. 108,31—32. Θεοφ. 114,11—12.
 49. Gram. 103,33—104,4.
 50. Gram. 104,5—11. Πρβλ. Θεοφ. 114,12—18.
 52. Πρβλ. Ξανθοκ. I, κ', ἔνθα τὸ Βατοπεδινὸν εὐρίσκεται μετὰ δύο ἄτερα συνηνωμένα τεμάχῃ.
 53. Ξανθοκ. I, κα'. Πρβλ. Θεοφ. 113,28—34.
 54. Ξανθοκ. I, κβ'. Πρβλ. Θεοφ. 113,34—114,4.
 56. Ξανθοκ. I, κς'. Gram. 104,28—32. Πρβλ. Θεοφ. 112,33—114,2.
 57. Gram. 105,2—4. Πρβλ. Ξανθοκ. I, κδ'. Θεοφ. 109,29—80.
 58. Πρβλ. Gram. 105,5—9. Ξανθοκ. I, κζ'. Θεοφ. 120,1—7.
 59. Ξανθοκ. I, κη', κθ'. Πρβλ. Θεοφ. 120,26—30, 121,1—5.
 60. Ξανθοκ. I, λ'. Πρβλ. Θεοφ. 121,5—8.
 61. Ξανθοκ. I, λ', ἔνθα τὸ αἰσχόνης τοῦ Βατοπεδινοῦ κώδικος εἶναι μεταβληθένον ἀνόητως εἰς εἰρήνης. Ὁ Θεοφάνης (121,8—11) βεβαιοῖ ἐν τούτῳ τὸν Βατοπ. κώδικα.
 62. Ξανθοκ. I, λα', ἔνθα τὸ τύπων ἐκβαλλόντων ὑπάρχει οὕτω τόπου ἐκβαλῶν. Ὁ Θεοφάνης (121,12—14) βεβαιοῖ τὴν αὐθεντίαν τοῦ τύπων.
 63. Πρβλ. Θεοφ. 122,22—24.
 64. Πρβλ. Gram. 105,10—14, ἔνθα δὲν ὑπάρχουσι τὰ ἐν τῷ Βατοπεδινῷ κώδικι „Τιμόθεος ὁ Σαλοφακίολος γνοῦς τὴν ἐπὶ Ἀλεξάνδρειαν τοῦ Αἰλοῦρου ἔφοδον ὑπεχώρησεν ἐν τοῖς μοναστηρίοις τοῦ Κάνωπος, ὧν ἐτεγόναι καὶ τῆς ἀσκήσεως“. Ταῦτα ὁμοίως ὄρα παρὰ τῷ Θεοφάνει 121,14—17, προσθέντι (αὐτόθι 17—21) καὶ τὰ ἐχόμενα τῷ ἡμετέρῳ τεμαχίῳ.
 65. Gram. 105,15—18. Πρβλ. Θεοφ. 121,22—25.
 67. Πρβλ. Θεοφ. 125,19—25. 128,27—30. Παρὰ τῷ Gramer 105,19—22, εὐρίσκεται μόνον τὸ περὶ Ἰωάννου τοῦ Ταβεννησιώτου μέρος τοῦ Βατοπεδινοῦ τεμαχίου.
 68. Πρβλ. Θεοφ. 130,9—14.
 69. Πρβλ. Θεοφ. 130,18—21.
 70. Gram. 105,23—28.
 71. Πρβλ. Θεοφ. 131,21—29.
 72. Πρβλ. Θεοφ. 131,31—132,2.
 73. Πρβλ. Θεοφ. 132,20—26.
 74. Πρβλ. Θεοφ. 132,26—38. Νικηφ. ἐκκλησ. ἱστορ. XVI,17, ἔνθα μνημονεύεται Βασίλειος ὁ Κίλιξ ἀντὶ τοῦ Θεοδώρου.
 75. Ὅτι ὁ Φραυίτας ἦτο πρεσβύτερος τοῦ ἐν Συκαῖς ναοῦ τῆς ἀγίας Θέκλης, ἐγινώσκομεν πρότερον ἐκ τοῦ χρονολογικοῦ συντόμου τοῦ Νικηφ.

φόρος (ἐκδ. de Boor, σ. 116). Ἐλάχιστον μέρος τοῦ Βατοπεδινῶ ἀποσπάσματος ἐξ ἄλλης τινὸς αὐτοῦ συντάξεως ἐχρησιμοποίησεν ὁ Θεοφάνης 133,14—17.

76. Πρβλ. Θεοφ. 135,21—22.

77. Πρβλ. Σανθοπ. II, ζ', ια', ιβ', ιγ'.

78. Σανθοπ. II, ιδ'. Πρβλ. Θεοφ. 140,26—27.

Α. ΠΑΠΑΔΟΠΟΥΛΟΣ-ΚΕΡΑΜΕΥΣ.

Ἐν Παιερσπόλει, 30 Ὀκτωβρίου 1900.

О МИНЪ ВЪ 70 ДРАХМЪ.

Въ статьѣ о „дельфійскихъ Лавіадахъ“ (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1898, ноябрь, стр. 56—72) мнѣ пришлось, хотя и между прочимъ, довольно подробно говорить относительно уясненной недавно на основаніи дельфійскихъ документовъ IV вѣка комбинированной еврейско- (или аттичско-) эгинской системы денежнаго счета.

Талантъ = 60 минъ.

Мина = 35 статировъ или 70 драхмъ.

Статиръ = 2 драхмы.

Драхма = 6 оловъ.

Статиръ, драхма и оволь здѣсь эгинскіе, а талантъ и мина — еврейскіе: 70 эгинскихъ драхмъ составляютъ круглымъ счетомъ (вмѣсто болѣе точнаго числа 73) одну еврейскую или аттическую мину (разницы между послѣдними я здѣсь не касаюсь). Мною уже были отмѣчены замѣтки или статьи по поводу этой системы *Bourguet* (ВСН. XX 210), *В. Кей'я* (*Hermes* XXXII 403 сл.) и *S. Reinack'a* (ВСН. XX 251 сл. и 385 сл.). Ренакъ между прочимъ обнаружилъ счетъ по этой системѣ въ Дельфахъ во второй половинѣ II вѣка, именно въ манумиссін IX жреческой эпохи *Curtius Anecd.* 29 = *Collits* II 2287, и усмотрѣлъ слѣды этого счета въ Эпидаврѣ въ IV вѣкѣ. Я съ своей стороны, подобравъ матеріалы изъ дельфійскихъ манумиссій относительно выкупной цѣны рабовъ, пришелъ къ выводу о *последовательномъ примѣненіи* этой системы счета въ II и I вѣкахъ до Р. X. въ Дельфахъ. Въ настоящей замѣткѣ позволяю себѣ снова вернуться къ этой системѣ, главнымъ образомъ, чтобы указать на желательность общаго пересмотра всѣхъ нашихъ извѣстій о денежномъ счетѣ въ

разныхъ мѣстностяхъ Греціи и въ разные періоды. Въ самомъ дѣлѣ, весьма возможно, что, слѣдуя традиціонно установившимся взглядамъ, изслѣдователи иногда производили вычисления, расчеты и выводы съ точки зрѣнія нормальной эгинской мины (въ 100 эгинскихъ драхмъ), когда въ источникѣ на дѣлѣ разумѣется мина въ 70 драхмъ, т. е., въ сущности, аттическая. Ошибка получается не малая: 100 вмѣсто 70. Особенно при современномъ интересѣ къ изученію экономической стороны древности возможность такой ошибки обязываетъ всегда ставить вопросъ, съ какими счетомъ мы имѣемъ дѣло въ данномъ документѣ. Отвѣтъ на это далеко не всегда можно найти въ самомъ документѣ. Искать его приходится въ другихъ одновременныхъ или близкихъ по времени документахъ той же мѣстности, а при отсутствіи такого матеріала, пожалуй, не бесполезно иногда поискать его по сосѣдству. Нерѣдко вопросу суждено до поры до времени оставаться открытымъ. Желательнѣе всего, чтобы полное сведеніе и точное и всестороннее изученіе данныхъ о денежномъ счетѣ было сдѣлано въ видѣ отдѣльной работы, которая впослѣдствіи могла бы служить справочной книжкой для работающихъ въ специальной области и на новооткрываемомъ матеріалѣ. Такая метрологическая работа желательна со стороны лица, компетентнаго и въ эпиграфикѣ, и въ нумизматикѣ. Выводъ, основанный только на изученіи мѣстныхъ монетъ, можетъ оказаться одностороннимъ и невѣрнымъ: существованіе въ известной мѣстности и въ известное время эгинской монеты, какъ мы теперь видимъ, еще не говорить о счетѣ по эгинской минѣ. Трудно было бы напередъ указать соотвѣтствующіе критеріи для каждаго отдѣльнаго случая. Они чаще подсказываются наличностью самого матеріала. Напр., въ упомянутой выше манумисіи цѣну въ 2 мины, 17 статировъ и 1 драхму необходимо принять $2\frac{1}{2}$ мины, такъ какъ тамъ же указанъ известный рода штрафъ, а штрафъ этотъ обычно въ 6 разъ больше цѣны ¹⁾).

Намекъ на мины въ 70 драхмъ иногда дается въ известной, такъ сказать, неокругленности суммы, если разсматривать эту сумму съ точки зрѣнія 100-драхмовой мины, и округленности при счетѣ по 70-драхмовой, — въ этомъ отношеніи количество 2 м. 17 ст. 1 др. могло бы остановить на себѣ вниманіе и само по себѣ, помимо того, что оно при умноженіи на 6 даетъ 15. Если аналогичная неокруглен-

¹⁾ Какимъ образомъ получается эта шестикратность, когда ожидается увеличеніе въ $1\frac{1}{2}$ раза, которое иные неправильно принимаютъ за увеличеніе въ $2\frac{1}{2}$ раза, объ этомъ придется сказать отдѣльно.

ность въ отношеніи къ 100 попадаетъ для даннаго мѣста и времени неоднократно и объясняется лишь тѣми или другими долями изъ 70 или 35, то выводъ представляется надежнымъ. Въ изобилующихъ числовыми данными документахъ со счетомъ на (таланты,) мины и драхмы или статеры количества драхмъ или статировъ, если они всегда ниже 70, гесп. 35, *могутъ* говорить за 70-драхмовую мину, если же они бывають и выше 70, гесп. 35, то говорятъ за 100-драхмовую. Несомнѣнное преобладаніе (при счетѣ только драхмами) крупныхъ количествъ драхмъ, кратныхъ съ 70 или 35, надъ кратными съ 100 или 50 говорить о 70-драхмовой минѣ, но изъ того, что всѣ крупныя количества драхмъ дѣлятся на 100 или 50, нельзя еще отрицать 70-драхмовую и признавать 100-драхмовую для даннаго документа: количества въ родѣ 10.000, 1.000, 1.500, 500, 150, какъ круглыя, естественны при любомъ счетѣ. Несомнѣнно, что систематическій пересмотръ денежнаго счетоводства представлять еще много деталь-ныхъ признаковъ, которыми можно будетъ руководствоваться при сужденіи о каждомъ отдѣльномъ документѣ. Минѣ на основаніи W.-F. 480=Collitz II 1683, какъ я говорилъ въ упомянутой въ началѣ статьѣ, кажется, что сумма, напримѣръ, выраженная въ видѣ $14\frac{1}{2}$ минъ и 56 драхмъ, не объяснима ни при 70-, ни при 100-драхмовой минѣ. Въ настоящей замѣткѣ я не намѣренъ заниматься дальнѣйшимъ конструированіемъ или подыскиваніемъ такихъ признаковъ. Напомню только вообще, что указанные документально количества, конечно, пригодны для соображеній о примѣняемой въ документѣ системѣ особенно тогда, когда въ нихъ выражены болѣе или менѣе постоянныя или округленныя суммы, а не случайныя или зависящія отъ стоимо-сти, напримѣръ, купленной сегодня вещи или исполненной по за-казу работы. Въ этомъ отношеніи, напримѣръ, разнѣры вознагражде-нія властямъ или слугамъ, разные мѣстоі, или ассигнованія суммъ на предстоящій расходъ или расходы (въ родѣ „увѣнчать уроф̄ στεφάνου ἀπό δραχμῶν столько то“ и т. п.) гораздо для насъ важнѣе, чѣмъ цифры пожертвованій или уплаты, такъ сказать, по счетамъ и т. п. Само собою разумѣется, что при пересмотрѣ всего матеріала *всегда* необходимо „*μεθυσθησὶ ἀριθμητικῆς*“.

Не задаваясь лично цѣлью систематическаго пересмотра, я при-веду нѣсколько отдѣльныхъ замѣтокъ о счетѣ по 70-драхмовой минѣ, отчасти въ связи съ работами надъ дельфійскимъ матеріаломъ, отчасти какъ результатъ болѣе или менѣе случайныхъ *marginalia*.

Говоря о Лавидахъ, я съ непонятной послѣдовательностью повторяю

однянъ недосмотръ. Въ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1898, январь, стр. 60, я дважды отмѣчаю, что τειρὸς πέρ τῶν ἐνοφθησῶν воспрещаетъ класть въ могилу съ покойникомъ вещей на сумму больше *тридцати* драхмъ. А въ надписи (С 20—21) стоитъ μὴ πλεον πέντε καὶ τριάκοντα δραμῶν. Позднѣе, говоря о денежномъ счетѣ въ Дельфахъ (ноябрь, стр. 61), я указываю изъ декретовъ и законовъ Лавиадовъ количества въ 5, 10, 20, 30 и 50 драхмъ: я здѣсь 30 попало ошибочно вмѣсто 35. Ошибка эта существенна: появленіе здѣсь суммы въ 35 драхмъ *можетъ* говорить о 70-драхмовой минѣ, такъ какъ здѣсь довольно естественно ожидать довольно круглое количество, т. е. въ данномъ случаѣ ἑξήκοντα, какъ на это указалъ *Баунакъ* (у *Collits'a* II стр. 728). Соответственно этому въ той статьѣ нужно измѣнить нѣкоторыя частности резеуждений, а именно возникновеніе 70-драхмовой мины *можно* относить ко времени болѣе раннему,—къ концу V вѣка или началу IV-го. Эти измѣненія по существу нисколько не затрагиваютъ моей гипотезы о счетѣ въ W.-F. 480=*Collits* II 1683, т. е. въ той надписи, которою въ статьѣ о Лавиадахъ былъ названъ метрологическій экскурсъ ¹⁾.

Счетъ по 70-др. минѣ я теперь нахожу еще въ дельфійской нуммиссін W.-F. 126=*Collits* II 1791, 170/69 г. до Р. Хр. Дельфіецъ

¹⁾ Эта гипотеза касалась упомянутой выше суммы 14¹/₂, минъ и 56 драхмъ. Изъ нея слѣдуетъ, что въ первой половинѣ V-го вѣка въ дельфійской минѣ было болѣе 112 драхмъ. Я ставилъ вопросъ: не было ли тогда въ Дельфахъ системы, комбиниравшей мелкія единицы *свѣйскія* (оволь, драхма, статиръ) съ крупными *олинскими* (мина, талантъ), т. е. системы прямо противоположной 70-драхмовой минѣ? Тогда могла получиться мина приблизительно въ 137 драхмъ, причемъ на практикѣ цифра могла быть такъ или иначе округлена. Въ настоящее время у меня возникло сомнѣніе въ необходимости такой гипотезы, но все же въ зависимости отъ исправленія указанной выше ошибки (35 вм. 30). Издатели *Recueil des inscriptions juridiques grecques, II série* (1898), стр. 139, по поводу коринфской надписи *Collits* III A 3206=CIGS. III 694 (строка 53—55: μὴ κλεινός τόκος δανείζοντες ἢ δύο δραμῶν τὸν μῆνα ἕκαστον τὰν μῶν μὴδ' ἄλλωνος) полагаютъ, что прежніе толкователи надписи допускали здѣсь нумматическую ошибку, считая мины за 100 драхмъ и такимъ образомъ опредѣляя τόκος въ 24%. Сами они напоминаютъ здѣсь о *коринфской* минѣ, распавшейся на 50 статировъ=150 драхмъ. При такой драхмѣ получается лишь 16%. *Билмстерь* (*Gesch. des Zinsfußes im griech.-röm. Altert.*, 1898), удивлявшійся столь высокому проценту, какъ 24%₁₀₀, для времени не позже II вѣка (см. стр. 62—65), съ радостью принимаетъ въ *Nachträge* (стр. 381) толкованіе издателей *Recueil'a*. Спрашивается: не допустима ли такая коринфская 150-драхмовая мина и для толкованія „14¹/₂ мины и 56 драхмъ“ въ W.-F. 480? Пока я ограничиваюсь лишь вопросомъ.

Аминта отпустилъ своего раба Главкія за 5 минъ, поставивъ кромѣ того такое условіе: *κατενεχάτω δὲ Γλαυκίας τὸν ἔρανον, τὸν συνᾶξαν Ἄθαμβος καὶ Εὐδαγόρας, τὸ ἡμισσον φέρων κατὰ τετράμηνον, στατήρας πέντε καὶ δέξ' ὀβολοὺς, ἐπὶ τὸ Ἄμυντα ὄνομα, ἄχρι κα λήξῃ ὁ ἔρανος.* И первые надатели, и Баунакъ ставятъ запятую послѣ *κατὰ τετράμηνον*; я предпочелъ бы, если уже ставить, поставить ее предъ *κατὰ τετράμηνον*. Сумма 5 стат. и 10 оволовъ (=1 др. 4 ов.), очевидно, составляетъ половину третного взноса со стороны Аминты. Цѣлый третной взносъ=11 ст. 1 др. 2 ов. Годичный взносъ, оказывается, 35 статировъ, т. е., очевидно, Аминта долженъ былъ вносить по минѣ въ годъ (ср. напримѣръ, W.-F. 244=1909: *κατενεχάτω δὲ Κῶμος Φιλοκράτει ἀργυρίου μνᾶς δεκατρεῖς ἐν ἐτέοις δεκατρείοις, φέρων τοῦ ἐνιαυτοῦ μνᾶν ἐν τὸν ἔρανον τὸν Ἀρχαλάου*). Этотъ новый случай выѣсть съ указанными прежде (у Ренака и у меня) заставляетъ считать всѣ мины дельфійскихъ манумиссій за 70-драхмовыя, если въ текстѣ документа не присоединено иного опредѣленнаго обозначенія.

Въ извѣстной большой надписи о мистиринъхъ изъ *Andania Dittenberger Syll.* 2 653 = Michel 694, въ отдѣлѣ „Ἐματισμοῦ“ говорится: *αἱ δὲ γυναῖκες — — αἱ μὲν ἰδιώτιες ἐχόντω χιτῶνα λίνεον καὶ ἐμάστιον μὴ κλείονος ἄξια δραχμᾶν ἑκατόν, αἱ δὲ παῖδες — — — μὴ κλείονος ἄξια μνᾶς, αἱ δὲ δοῦλαι — — — μὴ κλείονος ἄξια δραχμᾶν παντήκοντα· αἱ δὲ ἰεραὶ, αἱ μὲν γυναῖκες — — — μὴ κλείονος ἄξια δύο μνᾶν, αἱ δὲ [παῖδε]ς — — — μὴ κλείονος ἄξια δραχμᾶν ἑκατόν.* По видимому, здѣсь имѣются двѣ градаціи понижающагося порядка, именно: а) 100 драхмъ—1 мина—50 драхмъ, б) 2 мины—100 драхмъ. Заупте еще въ 1860 г. (*Die Mysterieninschr. von Andania*, теперь въ *Ausgew. Schriften*, въ примѣчаніи къ данному мѣсту) въ виду такого порядка, при которомъ мина оказывается по срединѣ между 100 и 50 драхмами, сказалъ: „Fast sollte man meinen, dass eine Mine weniger, als 100 Drachmen gehabt habe“. *Мейстеръ*, переиздавая надпись у Коллица (III В 4689, стр. 135), приводя слова Заупте, прибавляетъ, что „мы, какъ кажется, имѣемъ здѣсь комбинацію аттическаго и эгинскаго монетнаго счета и что, при правильности этого предположенія, оказывается, что эта система существовала въ Пелопоннесѣ и въ I вѣкѣ до Р. Хр.“ (надпись — начала этого вѣка). Предположеніе это и для меня довольно фронтно. И при этомъ обращаю вниманіе еще на τίμαρα μὴ ἔλασσον ταλάντου (стр. 46) и τὸ διδόμενον αὐτῶι διάφορον ὑπὸ τῆς πόλεως δραχμᾶς ἐξακισχιλίας: если говорится то о „талантѣ“, то о „5.000 драхмъ“, то можно думать,

что въ талантѣ было не 6.000 драхмъ (при 70-драхмовой минѣ въ талантѣ 4.200 драхмъ). Прочія числовыя данныя надписи безотносительны: 20 драхмъ (стр. 77, 102, 106, 111, 162), 300 (88), 500 (82), 1.000 (6, 9, 52), 2.000 (62). Параллельнаго матеріала для Анданія, кажется, нѣтъ.

Тотъ же счетъ я нахожу, кажется, и въ *Орхоменъ аркадскомъ*. Въ Athen. Mitth. VI, Veilage къ стр. 304, *Мильхтѣферъ* издалъ таинускуллс камень съ не вполне сохранившимися двумя орхоменскими манумиссиями, которыя онъ считаетъ моложе начала II вѣка. Первую манумиссию въ транскрипціи и съ болѣе или менѣе вѣроятными дополненіями даетъ *George Foucart* (De libertorum conditione ap. Atheniens., 1896, стр. 26), вторая, по видимому, до сихъ поръ остается безъ транскрипціи. Здѣсь не мѣсто возстановлять оба текста, а достаточно привести только параллельныя мѣста изъ нихъ. Въ первомъ читаемъ (стр. 2) τὰς ἀπελευθερώσιος ἀργυρίου ἡμίμναϊον κατὰ τὸν νόμον; во второмъ (стр. 16): [τὰς ἀπελευθε]ρώσιος τὸ ἐκ τοῦ νόμου ατατῆρας ὀκτὼ ἐννέ[α ὀβολοῦς]. Мое дополненіе ὀβολοῦς (о формѣ имени не говорю) несомнѣнно, такъ какъ, очевидно, здѣсь рѣчь была не о драхмахъ. Очевидно, въ 8 ст. 9 овол., иначе говоря, въ 17^{1/2} драхмахъ мы имѣемъ 1/4 мины (17^{1/2} × 4 = 70), разумѣется, 70-драхмовой. Этой четверти мины въ первомъ текстѣ соответствуетъ ἡμίμναϊον.

Въ найденной въ *Оивахъ* надписи CIGS. I 2426 = *Michel* 588, содержащей отчетъ не то епискога (*Dillenberger* въ CIGS., *Preuss Quasst. Boeot.*), не то вѣотійскаго (*Wilamowitz Hermes VIII 413 сл.*) иппарха и относящейся, по Диттенбергеру, скорѣе всего ко 2-ой половинѣ II вѣка, въ „приходѣ“ прежде всего стоятъ: „ἀτῆμα τὸ παρὰ τῆς πόλεως Βοιωτίου XXII“. По 70-др. минѣ это составляетъ 30 минъ = 1/2 таланта. Въ „расходѣ“ (ἄλωμα) прежде всего указаны выдачи семи лицамъ (по Виламовицу, илархамъ вѣотійскаго союза) съ помѣтой „ἀργυρίου σφραγισκῶν“ предъ каждой цифрой выдачи. Цифры эти слѣдующія: 280, 210, 140, 175, 280, 280 и 245 драхмъ. Уже Виламовицъ обратилъ вниманіе на градацію въ жалованьѣ этихъ офицеровъ: 8 : 7 : 6 : 5 : 4. При дѣленія чиселъ драхмъ на 70 получимъ: 4, 3, 2, 2^{1/2}, 4, 4, 3^{1/2}. Нельзя, кажется, сомнѣваться, что эти выдачи въ драхмахъ имѣютъ прямое отношеніе къ интересующей насъ минѣ, такъ какъ точно равняются тому или другому количеству цѣлыхъ минъ или полуминъ. На ряду съ приведенными количествами, представляющими, очевидно, опредѣленное вознагражденіе или жалованье, прочія не могутъ говорить ни за, ни противъ данной мины,

какъ до извѣстной степени случайныя. Именно, въ приходѣ есть еще суммы отъ продажи лошадей, за одну 85, за другую 86 драхмъ χαλκοῦ, за третью 110 драхмъ σαρμαχικῶν; и въ расходѣ за στήλη 7 драхмъ 3 овола (по SIGS. указано четыре овола, въ Негмес три: тутъ или ошибка въ копии, или одна изъ ошибокъ на камнѣ,—прочія исправлены уже въ Негмес), за ἀρτάμητος τοῦ βοός 5 драхмъ и Καφισοδώρη ἀργυρίου σαρμαχικῶν δραχμῶν ἑκατὸν δέκα τριῶν χαλκοῦ 137 драхмъ 3 овола¹⁾. Кстати сказать, изъ данныхъ счетовъ выходитъ, что „Βολητικόν“ (если подразумѣвать ἀργύριον) не отличается отъ „σαρμαχικῶν“.

Приведу еще нѣсколько сомнительныхъ случаевъ, на которыхъ я останавливался, не рѣшаясь сказать ни да, ни нѣтъ.

Въ надписи изъ *Guoin* (въ Лаконикѣ) въ честь Немерія (Немерин) и Марка Клоациевъ (*Dittenberger Syll.* 3 330 = *Collitz* III В 4568), относящейся ко времени около (послѣ) 86 года до Р. Х., между прочимъ говорится, что эти „благодѣтели“ ссудили городу 4200 драхмъ τοῦ τετραδραχμιαίου. Число 4200 само по себѣ достаточно округленное, такъ что, пожалуй, тутъ и нѣтъ никакого отношенія къ извѣстному числу минъ. Но результатъ отъ дѣленія на 70 соблазнительнъ: $4200 : 70 = 60$, т.-е. при 70 драхмовой минѣ оказывается, что городъ получилъ отъ Клоациевъ круглую сумму—1 талантъ. При этомъ можно было бы принять во вниманіе, что деньги-то понадобились гиеэатамъ ἐν τῇ ἐκί Τροχράτεος ἐπιστάτῃ, ὅτε Ἀντωνίος παραγένητο, какъ полагаетъ Биллетеръ (*Gesch. d. Zinsfusses* 93), um an den brandschatzenden Römer—den vräteren Consul—die Contribution zu bezahlen. Другая сумма тутъ была бы подходящей. Въ надписи упоминается еще о двухъ прежнихъ долгахъ города Клоациемъ и указанъ размѣръ второго изъ нихъ, именно 3965 драхмъ. По 70-др. минѣ это = 56 минъ 45 драхмъ. Отсюда нельзя ничего извлечь въ пользу той мины, но и ничего противъ нея: рѣчь о старомъ долгѣ, и сумма, невыразимая въ цѣлыхъ минахъ, могла получиться или вслѣдствіе уплаты части долга, или вслѣдствіе причисленія къ нему неуплаченныхъ въ срокъ процентовъ. Я не рѣшаюсь однако тутъ признать 70-драхмовой мины въ виду того страшнаго процента, который получился бы при этомъ признаніи. Уже при 100-драхмовой минѣ токъ τετραδραχμιαίου равняется нашимъ 48 %! Уже

¹⁾ Какъ видно изъ итоговъ расхода, χαλκοῦ относится и къ выдачамъ за στήλη и за ἀρτάμητος. Изъ уравненія $110 = 137\frac{1}{2}$ видно, что отношеніе „серебра“ къ „мѣди“ тутъ = $100 : 125 = 4 : 5$. „Серебромъ“ за στήλη пришлось бы уплатить 6 драхмъ, за ἀρτάμητος 4 драхмы.

упоминаніе о такомъ процентѣ въ почетномъ декретѣ о „благодѣтеляхъ“ представляется миѣ достаточно страннымъ, хотя изслѣдователи, ища очевидно выхода, и говорятъ намъ здѣсь объ этихъ 48 ‰, какъ объ „einem stehenden Satze für solche Wuchergeschäfte“ (Billetter Gesch. d. Zinsf. 93) или о „einem, wie es scheint, üblichen Prozentsatze“ (Szanto Wiener Stud. VIII 33). А при 70-драхмовой миѣ гноеатамъ пришлось бы платить по 4 драхмы въ мѣсяцъ, по 48 въ годъ не на 100, а на 70 драхмъ, что составило бы 68 $\frac{1}{7}$ ‰! Это было бы уже прямо невѣроятно, а понимать то́хου тетрадраχμιαίου иначе, какъ „по четыре драхмы въ мѣсяцъ на мину“, едва ли возможно. Кроме того, можетъ быть, за обычную мину говорить и слѣдующій расчетъ Биллетера. Въ надписи по поводу долга, сдѣланнаго при Тимократѣ, говорится, что Клоацин по просьбѣ народа при Никаретидѣ εὐδοκίαν διδραχμῶν τόχου συνῆχθησαν καὶ ἐχαρίσαντο τῆι κόλῃ ἀπὸ τοῦ ὀφειλομένου χρῆματος ὅλῃρ χιλίας καὶ πεντακοσίας δραχμῶν, т.-е. спустя нѣкоторое время она уменьшила процентъ вдвое и согласилась брать простые проценты, а не и проценты на проценты и (такимъ образомъ) подарила городу „болѣе 1.500 драхмъ“ долга. Этотъ подарокъ, вѣроятно, состоялъ въ расчетѣ процентовъ и за истекшее время не изъ 48, а изъ 24 ‰, и притомъ простыхъ: если отъ начала долга при Тимократѣ до уступки при Никаретидѣ прошло 1½ года, то 24 ‰ (простыхъ) за это время составили бы 1.512 драхмъ = ὅλῃρ χιλίας καὶ πεντακοσίας. Въ концѣ концовъ, такимъ образомъ соображеніе, основанное только на одной цифрѣ 4.200 : 70 = 60, оказывается скорѣе всего обманчивымъ, и остается допустить, что занято было 42 мины, а не 60=1 талантъ.

Фукаръ, по поводу андавійской надписи повторяющій (у Le Bas, *Expl. II* стр. 170 въ № 326 а) догадку Зауппе, разбирая небольшой обломокъ *тепейской* надписи (*ibid.* стр. 206, № 341 е), въ которой суммы выражены числовыми знаками, замѣчаетъ, что при наиболѣе естественномъ толкованіи знаковъ оказывается, что 100 драхмъ и 1 мина обозначены различно (В и М). Отсюда, по его миѣнію, слѣдуетъ, что мина этой надписи не равняется 100 драхмамъ, и по этому поводу онъ вспоминаетъ объ Андаіи. Обломокъ однако очень незначителенъ, и значеніе нѣкоторыхъ другихъ знаковъ неопредѣляемо съ точностью, да и за абсолютную точность своей копіи Фукаръ не ручается. Въ виду этого трудно рѣшить, съ какимъ счетомъ мы здѣсь встречаемся.

Въ плохо сохранявшейся надписи изъ *Левадии* SIGS. I 3.055 (IV вѣка) попадаются мины въ количествѣ трехъ, статуры—по 30, 10 и 5, драхмы—по 115, 70 и 10,—*по 70 три раза*. Едва ли однако отсюда можно заключать о 70-драхмовой минѣ. Въ заключеніе еще разъ отмѣчу большую или меньшую случайность моихъ замѣтокъ. Онѣ имѣютъ цѣлью лишь показать, что разбираемая мина была распространена гораздо шире, чѣмъ можно было бы предполагать сначала.

А. Шумицкій.

Сентябрь 1900.
Юрьевъ.

О НОВѢЙШИХЪ УСПѢХАХЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ ¹⁾.

Милостивые Государя!

Въ продолженіе многихъ лѣтъ классическая филологія усматривала почти исключительную цѣль своихъ занятій во всестороннемъ изученіи языка и литературы такъ называемыхъ классическихъ народовъ, древнихъ грековъ и римлянъ. Но въ началѣ нашего столѣтія эта цѣль была чрезвычайно расширена знаменитымъ филологомъ Вольфомъ, формулировавшимъ свою науку какъ науку объ общей культурѣ классической древности, представляющей собою одно органически-развитое и многозначущее національное цѣлое. Тщетно выдающийся Лейпцигскій профессоръ Готфридъ Германъ пытался возвратить классическую филологію къ прежнему узкому направленію и ограничить ея занятія вышеуказаннымъ тѣснымъ кругомъ. Въ полемикѣ, возникшей между нимъ и гениальнымъ ученикомъ Вольфа Августомъ Бѣкомъ, послѣдній одержалъ верхъ, и въ скоромъ времени послѣ смерти обоихъ великихъ соперниковъ вездѣ была признана основная идея защищенной Бѣкомъ системы классической филологіи, что цѣль и задача этой науки должна состоять въ изученіи, уразумѣніи и, такъ сказать, умственномъ воссозданіи жизни классическихъ народовъ во всей ея полнотѣ и во всѣхъ ея проявленіяхъ, при чемъ занятія языкомъ и литературою этихъ народовъ, конечно, должны и впредь считаться основными дисциплинами филологіи.

Такое расширеніе задачъ нашей науки было вызвано не только общимъ развитіемъ отдѣльныхъ наукъ, особенно философскихъ и историческихъ, которое ознаменовало наступленіе XIX столѣтія, состоя, главнымъ образомъ, въ уразумѣніи тѣсной органической связи

¹⁾ Изъ вступительной лекціи, прочитанной 15-го сентября 1898 г. въ Императорскомъ Варшавскомъ университетѣ.

между всеми историческими проявлениями человеческого духа, но и небывалым приростом новых материалов, открытых особенно в текущем столетии и осветивших совсем новые стороны античной жизни.

Невозможно перечислить здесь все памятники, относящиеся к различным явлениям классической культуры, которые лишь недавно стали нам известными. Уже одни литературные произведения, занимающие среди этих новооткрытых памятников древности, если не по количеству, то по внутреннему значению, чуть ли не первое место, представляют из себя драгоценнейшее обогащение наших познаний. Чтобы упомянуть лишь о немногих, но крупнейших из этих даров, принесенных нам счастьем случайных и неслучайных находок, я назову здесь прежде всего такие литературные произведения, которые, хотя во фрагментарном состоянии, удалось открыть в нашем столетии в так называемых палимпсестах, как, напр., письма Фронтона, имеющие весьма большое значение для характеристики всей эпохи Антонинов, далее современные им *Institutiones* знаменитого юриста Гая, являющиеся одним из лучших руководств по римскому праву, почти столь же важные для знакомства с римским государственным устройством книги Цицерона *De re publica* и антикварно-историческое сочинение Грация Лидиниана. За этими и другими палимпсестами слѣдует, с одной стороны, несколько простых, лишь недавно открытых рукописей средних веков, которые познакомили нас с известными раньше произведениями древней литературы, как, напр., *codex Aethous* и *codex Vaticanus* с оригинальными баснями Бабрия, *codex Einsiedlensis* с двумя любопытными стихотворениями времен Нерона, *codex Neapolitanus* со многими произведениями поэта Драконтия и *codex Vicesburgensis* с 11 трактатами оригинального христианского еретика Присциллана, а с другой стороны, богатейшая и до сих пор только отчасти изданная коллекция древних папирусов, найденных главным образом в новейшее время и представляющих в числе письменных памятников самого разнообразного содержания немало художественных произведений особенно греческой литературы. Так, например, мы лишь недавно стали знакомиться с многочисленными трактатами разных представителей эпикурейской философии, особенно Филодима, сохранившимися в той части геркуласких папирусов, найденных еще в прошлом столетии, которую до сих пор удалось разобрать и прочесть; строгая же научная разработка этих

трактатовъ остается еще и теперь одной изъ важнѣйшихъ задачъ классической филологіи будущаго. Еще большее значеніе, чѣмъ геркуланскіе папирусы, имѣеть цѣлый рядъ другихъ папирусовъ, которые были открыты въ повѣйшее время особенно въ гробницахъ и въ другихъ мѣстахъ Египта и теперь находятся въ Лондонской, Оксфордской, Парижской, Берлинской, Вѣнской, С.-Петербургской и другихъ бібліотекахъ. Сюда относятся главнымъ образомъ фрагменты шести рѣчей остроумнѣйшаго изъ аттическихъ ораторовъ Иперіада, далѣе—неоцѣнимая книга Аристотеля объ аонскомъ государствѣ, которая массою содержащихся въ ней новыхъ свѣдѣній значительно измѣнила наши представленія о древнѣйшей исторіи и конституціи Аттики, затѣмъ, какъ новинка того-же 1891 г., который одарилъ насъ только что названнымъ сочиненіемъ, прелестныя бытовыя сценки миміямбографа Иро(н)да, представляющія собою единственный въ своемъ родѣ образецъ реалистической александрійской поэзіи, и, наконецъ, изданія впервые лишь въ концѣ 1897 года ~~открытыя~~ и другія стихотворенія знаменитаго современника и соперника Пиндара, Вакхилада, и чрезвычайно любопытный фрагментъ лирико-драматической сценки эротическаго содержанія, написанной неизвѣстнымъ авторомъ александрійскихъ временъ. Къ этимъ важнѣйшимъ литературнымъ находкамъ новѣйшаго времени присоединяется еще множество другихъ находокъ, представляющихъ хотя менѣе значительныя, но все еще весьма важныя фрагменты изъ разныхъ, отчасти уже извѣстныхъ намъ произведеній, особенно греческой литературы, какъ Гомера, Алкиана, Салфо, Еврипида, Фукидида, Платона, Демосфена и Аристоксена, далѣе древнѣйшаго греческаго прозаика и философа-богослова Ферекида Сирскаго, а также знаменитаго представителя новой аттической комедіи Менандра и многихъ другихъ. Съ полной увѣренностью можно теперь надѣяться, что и будущее время станетъ приносить намъ еще немало драгоценныхъ даровъ древней литературы, столь успѣшно отыскиваемыхъ нынѣ особенно въ Египтѣ благодаря трудамъ англійскихъ ученыхъ и другихъ просвѣщенныхъ любителей древности. Одно изданіе тѣхъ приблизительно трехъ сотъ литературныхъ папирусовъ, которые, вмѣстѣ съ тысячами другихъ чрезвычайно важныхъ папирусовъ, въ 1897 году были найдены въ Оксирихѣ, займетъ еще не одинъ десятокъ лѣтъ.

Въ еще большей степени, чѣмъ чисто-литературными произведеніями, классическая филологія обогатилась въ послѣднее время и постоянно продолжаетъ обогащаться эпиграфическими памятниками,

находимыми во всѣхъ областяхъ древняго міра особенно съ тѣхъ поръ, какъ въ нихъ начали производить методическія раскопки. Однимъ изъ величайшихъ результатовъ этихъ стараній является систематическое собраніе греческихъ и латинскихъ надписей, которое въ нашемъ столѣтіи было предпринято въ особенности берлинскою академіею наукъ въ нѣсколькихъ весьма крупныхъ и многотомныхъ изданіяхъ, не доведенныхъ еще до конца. Только благодаря этимъ систематическимъ изданіямъ, содержащимъ весь эпиграфическій матеріалъ въ критической обработкѣ и въ строгомъ порядкѣ, мы получили возможность приступить къ дѣйствительно методическому изслѣдованію тѣхъ чрезвычайно обильныхъ и почти неисчерпаемыхъ историческихъ данныхъ, которыя заключаются въ этомъ матеріалѣ, и важность которыхъ увеличивается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что они весьма часто бросаютъ совершенно новый, яркій и полный жизненности свѣтъ на такія стороны государственнаго и частнаго быта древнихъ грековъ и римлянъ, которыя остались мало затронутыми въ литературныхъ произведеніяхъ этихъ народовъ. Лучшими доказательствами того громаднаго значенія, какое имѣютъ эти эпиграфическія данныя, могутъ служить, напримѣръ, такъ называемое *Monumentum Aesuganum* и Гортинскіе законы. Первая надпись, прозванная, по справедливости, царицею надписей, содержитъ чрезвычайно обстоятельный и точный отчетъ императора Августа о своемъ правленіи, вторая представляетъ такой сравнительно полный кодексъ древнѣйшаго греческаго частнаго права, имѣющаго силу на островѣ Критѣ, каково мы не въ состояніи реконструировать изъ литературныхъ источниковъ даже для Аттики. Точно также лишь благодаря надписямъ, содержащимъ подробные отчеты отдѣльныхъ магистратовъ воинскаго казначейства и контрольной палаты, мы можемъ до мельчайшихъ подробностей изучать исторію аттическихъ финансовъ въ періодъ наивысшаго процвѣтанія воинскаго государства, а найденныя недавно въ Испаніи законоположенія провинціальныхъ городовъ Салпенсы и Малаки, а также колоніи Юліи Геветивы позволяютъ намъ дѣлать чрезвычайно важныя заключенія и относительно городского положенія столицы Рима. Совсѣмъ особенное значеніе имѣютъ далѣе такія надписи, какъ квитанціи помпейскаго банкира Цецилія Юкунда, открытыя на воцанныхъ табличкахъ въ 1875 г., и сохранившійся въ многочисленныхъ латинскихъ и греческихъ фрагментахъ эдиктъ императора Діоклетіана, который касается цѣль самыхъ различныхъ товаровъ, а также найденная лишь въ 1897 году.

такъ называемая *lex Manciana*, которая вмѣстѣ съ декретомъ Коммода, изданнымъ Моммзеномъ еще въ 1880 году, чрезвычайно обогащаетъ наши свѣдѣнія объ управленіи императорскими удѣлами. Затѣмъ нельзя будетъ не упомянуть здѣсь еще о такихъ крупныхъ и важныхъ надписяхъ, какъ *acta fratrum Arvalium* и *commentarii ludorum saecularium quintorum et septimorum*, или Палирскія воцанія дощечки, содержащія 14 басенъ Бабрія, или тѣ многочисленныя надписи, которыя недавно неожиданнымъ образомъ ознакомили насъ ближе съ Элевсинскимъ культомъ, а также съ Додонскими оракулами и съ Энидаврскими цѣлебными формулами и посвященіями. Если мы, наконецъ, укажемъ еще на то, что число всѣхъ извѣстныхъ до сихъ поръ греческихъ и латинскихъ надписей простирается далеко за сто тысячъ, и что многія надписи чрезвычайно важны для насъ не только по своему содержанию, но и по своей формѣ, такъ какъ служатъ самыми достовѣрными памятниками различныхъ ступеней развитія языка и кромѣ того знакомятъ насъ еще съ простонародными формами и діалектами его, мало или совсѣмъ неизвѣстными намъ по другимъ источникамъ, — то станетъ очевиднымъ, что пользующаяся этимъ громаднымъ эпиграфическимъ матеріаломъ современная классическая филологія должна весьма расширять и углублять свои задачи и цѣли.

Къ тому же самому привело нашу науку и обогащеніе ея художественными, промысловыми и ремесленными памятниками, обильному нахожденію которыхъ, особенно въ послѣднія десятилѣтія, содѣйствовали, главнымъ образомъ, систематическія изысканія и раскопки, производившіяся и производящіяся чуть ли не во всѣхъ центрахъ древней культуры и приведшія, между прочимъ, также къ тому, что наши представленія о жизни древнихъ получали все болѣе и болѣе характеръ непосредственнаго созерцанія. Кто не слыхалъ о блестящихъ результатахъ, достигнутыхъ, напримѣръ, неутомимымъ Шлимапомъ при раскопкахъ на мѣстѣ древнѣйшихъ городовъ Греціи, Трои, Микенъ, Тиринна и Орхомена? Кто не знаетъ, какимъ множествомъ находокъ самыхъ прекрасныхъ и интересныхъ произведеній древняго искусства и промышленности, а также другихъ, чрезвычайно важныхъ открытій, касающихся всевозможныхъ сторонъ древней культуры, и, между прочимъ, устройства древне-греческаго театровъ, были увѣнчаны сперва раскопки германскаго правительства въ Олимпіи и въ Пергамѣ, а затѣмъ раскопки французской археологической школы на островѣ Делосѣ и въ Дельфахъ, а

также другія раскопки, производившіяся въ разные времена нашего столѣтія и разными лицами на югѣ Россіи, на островѣ Кипрѣ, въ Эфесѣ, въ Эпидаврѣ, въ Самоеракии, въ Принѣ, въ Элевсидѣ, въ самыхъ Афинахъ, далѣе въ Помпеяхъ, этомъ по истинѣ воскресшемъ древнемъ городѣ, на римскомъ форумѣ и въ другихъ пунктахъ столицы Италіи, въ этрусскихъ некрополяхъ, въ Теггешагѣ сѣверной Италіи, а также въ Тунисѣ, въ Каррагенѣ, на *limes*, т. е. пограничной линіи римскихъ владѣній въ Германіи и во многихъ другихъ мѣстахъ древняго міра? Понятно, что въ виду безчисленныхъ предметовъ, найденныхъ при всѣхъ этихъ раскопкахъ и относящихся ко всѣмъ эпохамъ античной жизни, а въ особенности къ древнѣйшимъ началамъ греческой и италійской культуры, должно было возникнуть великое множество новыхъ научныхъ вопросовъ, всестороннее обсужденіе и рѣшеніе которыхъ еще долгое время будетъ занимать представителей классической филологіи вообще и той дисциплины ея въ частности, которая по общепринятому теперь, но чрезчуръ обширному и потому неправильному термину называется археологіею. Но сколько специальныхъ изслѣдованій ни потребуется еще для этой цѣли и какъ ни загадочнымъ или спорнымъ представляется еще культурно-историческое происхожденіе и значеніе типовъ многихъ произведеній преимущественно древнѣйшаго художественно-ремесленного промысла, отличающихся особенно своими декоративными мотивами и приурочиваемыхъ теперь въ большинствѣ случаевъ къ такъ называемой миконской эпохѣ, несомнѣнно то, что благодаря новѣйшимъ изысканіямъ исторія древней культуры и искусства представляется уже теперь въ сравнительно ясной и полной картинѣ постепеннаго и органически-последовательнаго, непрерывнаго развитія, и что въ этой картинѣ, между прочимъ, все рельефнѣе и точнѣе обрисовывается тѣсная связь, соединяющая начала греческой культуры съ болѣе древнею культурою Египта и Востока, т. е. Ассиріи, Вавилоніи и другихъ странъ.

Если такимъ образомъ, съ одной стороны, благодаря находкамъ художественно-промысловыхъ предметовъ древнѣйшей Греціи и Италіи нашъ научный взоръ проникаетъ теперь въ глубину такихъ временъ, которыя еще не знали письменности, и если, согласно съ этимъ, все болѣе и болѣе оправдываются слова итальянскаго поэта *„parlan le tombe, ove la storia è muta“*, то съ другой стороны сдѣланное въ началѣ нашего столѣтія знаменитымъ Францомъ Воппомъ открытіе тѣсной родственной связи между греческимъ, латинскимъ и

другими языками такъ называемаго арійскаго или индоевропейскаго племени не только привело къ основанію и разработкѣ совершенно новыхъ, самостоятельныхъ наукъ, какъ сравнительное языковѣдѣніе, сравнительная мѣологія и тому подобныя дисциплины, но и сильно содѣйствовало дальнѣйшему развитію самой классической филологіи. Доставляя нашей наукѣ новые источники знанія, это великое открытіе стало освѣщать какъ древнѣйшее, первоначальное состояніе греческаго и латинскаго языковъ, признанныхъ отростками одного общаго, великаго корня, такъ и обозначавшіяся отчасти въ этихъ языкахъ начала другихъ культурныхъ явленій, которыя относятся къ той весьма отдаленной эпохѣ, когда все племя арійцевъ жило еще выѣстѣ на своей родинѣ, а также къ тѣмъ болѣе позднимъ, но все еще доисторическимъ временамъ, когда отъ этого общаго племени уже начали отдѣляться различные народы, какъ позднѣйшіе греки и италійцы.

Но не только по отношенію къ древнѣйшимъ періодамъ жизни этихъ народовъ увеличилось въ послѣднее время количество какъ непосредственнаго матеріала, такъ и болѣе или менѣе посредственныхъ и постороннихъ источниковъ, которые могутъ содѣйствовать рѣшенію многочисленныхъ задачъ и вопросовъ классической филологіи. Особенно плодотворными для нашей науки оказались въ новѣйшее время ея соприкосновенія съ естественными знаніями, главнымъ образомъ съ географіею и съ климатологіею тѣхъ странъ, которыя служили мѣстами развитія древне-греческой и римской культуры, а также окрѣпшее лишь недавно научное сознаніе, что множество представленій, обычаевъ и учрежденій античныхъ народовъ въ большей или меньшей степени сохранилось иля оставило слѣды у пхъ потомковъ и преемниковъ, нынѣшнихъ обитателей особенно Греціи и Италіи. Если такимъ образомъ, съ одной стороны, точныя свѣдѣнія о современномъ климатѣ и о флорѣ, фаунѣ и вообще природѣ античныхъ странъ могутъ объяснять намъ весьма многія подробности, напримѣръ, мѣологіи и религіозно-бытовыхъ обрядовъ, а также хронологіи древнихъ, то съ другой стороны изученіе культуры нынѣшнихъ эллиновъ и италійцевъ и отчасти другихъ романскихъ народовъ, а въ особенности изученіе ихъ языка оказываетъ величайшія услуги различнымъ дисциплинамъ классической филологіи и способствуетъ въ особенности какъ нашему знакомству съ самими формами простонароднаго языка и многочисленныхъ діалектовъ древнихъ грековъ и италійцевъ, такъ и болѣе полному пониманію отдѣльныхъ

мѣсть литературныхъ произведеній древнихъ, содержащихъ такія слова и выраженія, особенно названія растений и животныхъ, которыя сохранились лишь въ нынѣшнихъ вульгарныхъ нарѣчіяхъ упомянутыхъ народовъ. Такимъ образомъ мы видимъ, что классическая филологія, благодаря чрезвычайной разносторонности ея объекта, вступаетъ въ тѣсное соприкосновеніе также съ такими науками, какъ романская и византійско-новогреческая филологія, возникшія, подобно другимъ филологіямъ, по образцу классической и получившія отъ этой послѣдней свой научный методъ. Вообще не можетъ подлежать сомнѣнію, что чѣмъ больше будутъ развиваться всѣ отдѣльныя науки или дисциплины наукъ, тѣмъ тѣснѣе станутъ ихъ взаимная связь, и тѣмъ болѣе онѣ будутъ оплодотворять другъ друга. Будущее покажетъ, сколько отдѣловъ классической филологіи можетъ получить совершенно новую обработку, если наша наука въ еще большей степени, чѣмъ теперь, станетъ прибѣгать къ чрезвычайно плодотворному сравнительному методу, а также обращаться къ содѣйствию другихъ наукъ, какъ, напримѣръ, медицина, астрономія, юриспруденція, статистика, политическая экономія и т. д. Но и теперь уже мы видимъ многіе плоды такой совмѣстной работы,—я упомяну здѣсь только о трудахъ Моммзена и Роehlmann'a,—и лишь немногіе незнакомые съ классическою филологіею люди могутъ отрицать, что эта наука въ послѣднія десятилѣтія достигла такихъ выдающихся успѣховъ, какіе едва выпали на оя долю въ теченіе всѣхъ предыдущихъ столѣтій, и что она отличается въ наше время столь удивительною и почти юношескою свѣжестью и силою, а вмѣстѣ съ тѣмъ и широтою взглядовъ, что дальнѣйшее и еще болѣе блестящее развитіе ея въ будущемъ представляется вполне обезпеченнымъ и несомнѣннымъ.

Правда, весьма вѣроятно, что почва античнаго міра, одарившая насъ до сихъ поръ и продолжающая одарить насъ безчисленнымъ количествомъ самыхъ разнообразныхъ памятниковъ древней культуры, черезъ болѣе или менѣе продолжительное время совершенно истощится и тогда перестанетъ снабжать нашу науку новымъ матеріаломъ, являющимся однимъ изъ важнѣйшихъ условий для успѣшнаго развитія всякаго рода эмпирическихъ знаній. Но глубоко ошибаются тѣ, которые въ виду такой перспективы спѣшатъ предсказать классической филологіи болѣе или менѣе скорую гибель. Вѣдь развитіе какой-нибудь науки зависитъ не только отъ пріороста ея матеріала, но въ несрав-

греческой, такъ и римской литературы и неразрывно связанную съ этою критикою всестороннюю экзегетику ихъ. Еще въ началѣ этого столѣтія издатели сочиненій древнихъ писателей въ большинствѣ случаевъ довольствовались простымъ перепечатываніемъ ихъ текстовъ въ томъ видѣ, который они имѣли въ послѣднемъ изъ предыдущихъ изданій, при чемъ къ старымъ опечаткамъ этихъ изданій нерѣдко прибавлялось еще немалое количество новыхъ опечатокъ. А такъ какъ въ основаніе древнѣйшихъ изъ этихъ печатныхъ изданій часто легли весьма позднія и испорченныя рукописи, и число интерполяцій, внесенныхъ въ послѣднія ранними гуманистами, еще возросло въ первыхъ изданіяхъ вслѣдствіе того, что издатели, влекомые однимъ желаніемъ представить читателю удобочитаемый текстъ, болѣе или менѣе произвольно исправляли встрѣчающіяся въ немъ дѣйствительныя или мнимыя ошибки, то легко представить себѣ, до какого искаженія настоящаго оригинала должны были доходить иногда указанныя изданія. Знаменитые филологи Эмануэль Беккеръ и Карлъ Лахманъ первые положили конецъ такому ненаучному обращенію съ драгоценными памятниками греческой и римской литературы и доказали цѣлымъ рядомъ блестящихъ образцовъ изданій, что обязанность современнаго издателя древнихъ сочиненій должна состоять прежде всего въ томъ, чтобы по возможности подробно и точно ознакомиться со всѣми рукописями, въ которыхъ дошли до насъ эти сочиненія, и, изучивъ ихъ взаимное отношеніе помощью точнѣйшаго сличенія ихъ чтеній, распределить ихъ по достоинству и такимъ образомъ получить прочное основаніе для возможно болѣе достовѣрнаго возобновленія текста въ томъ видѣ, въ которомъ его представлялъ *codex archetypus*, т. е. потерянный первоисточникъ всѣхъ сохранившихся рукописей. Но этимъ не оканчивается еще работа современнаго филолога-издателя. Дальнѣйшая и главнѣйшая, а вмѣстѣ съ тѣмъ и наиболѣе трудная задача его заключается въ конъектуральной критикѣ, т. е. въ томъ, чтобы не только помощью виѣшнихъ данныхъ, а именно сохранившихся изъ древности сколій, комментаріевъ и отдѣльныхъ цитатъ, но также путемъ другихъ всевозможныхъ доказательствъ и внутреннихъ доводовъ узнать и исправить тѣ случайныя или неслучайныя искаженія текста, которымъ изучасмое сочиненіе въ большинствѣ случаевъ, какъ это видно изъ найденныхъ недавно древнѣйшихъ папирусовъ, подвергалось уже со времени его выхода изъ рукъ самого автора вплоть до того времени, когда возникъ *codex archetypus* или первоисточникъ дошедшихъ до насъ рукописей.

Для удачнаго примѣненія этой конъектуральной критики, цѣлью которой служить возможно достовѣрное возстановленіе даннаго сочиненія въ его первоначальномъ, подлинномъ видѣ, издатель долженъ не только знать общіе и индивидуальныя законы языка и слога, въ особенности поэтической и вообще художественной техники автора, но и настолько вникать въ порядокъ мыслей послѣдняго и быть настолько знакомымъ со всѣми подробностями затрагиваемыхъ въ нихъ реальныхъ данныхъ, чтобы ему удалось какъ бы усвоить себѣ или воспроизвести въ себѣ тѣ силы творчества, которыя руководили самимъ авторомъ при составленіи его сочиненія. Конечно, это послѣднее не удастся каждому филологу, и лишь немногіе выдающіеся ученые обладаютъ такимъ искусствомъ дивинаціи, благодаря которому они становятся вполне сходственными по уму единомысленниками автора изучаемаго сочиненія, а предлагаемыя ими конъектуры приобретаютъ значеніе неопровержимыхъ фактовъ, подтверждаемыхъ иногда новыми источниками традиціи, какъ это, напримѣръ, еще недавно случилось съ исправленіями разныхъ мѣстъ басенъ Бабрія, поэтики Аристотеля и многихъ другихъ сочиненій греческой и римской литературъ. Но и при несовершенствѣ дивинаторскихъ способностей отдѣльныхъ ученыхъ современная методика конъектуральной критики, основывающаяся главнымъ образомъ на рефлексіи, поддерживаемой статистическими наблюденіями, является чрезвычайно могущественнымъ орудіемъ для нахождения истины, и результаты, достигнутые при этомъ совокупными усиліями филологовъ, особенно послѣдняго времени, въ общей сложности такъ велики и разносторонни, что было бы несправедливо упрекать нашу науку за встрѣчающуюся иногда у нея микрологію, а также за то, что среди многихъ, въ особенности юныхъ представителей ея, еще недавно свирѣствовала какая-то необузданная страсть къ произвольнымъ и часто ничѣмъ не оправдываемымъ атезисамъ и конъектурамъ, которыя въ лучшемъ случаѣ служили доказательствомъ только остроумія ихъ авторовъ, показывая, что могло бы быть написано въ изучаемомъ древнемъ сочиненіи, но чего на самомъ дѣлѣ тамъ не было написано. Новѣйшая методика критики, признающая, конечно, старое правило, что *ratio praestat mille codicibus*, но нѣсколько ограничивающая его изреченіемъ, что *ἀρετός χριτής ὁ ταχέως μὲν εὐμαίης, βραδέως δὲ κρίνων*, научила насъ прежде всего быть осторожными какъ при діагнозѣ испорченныхъ мѣстъ, такъ еще болѣе при ихъ исправленіи, и не безъ основанія, поэтому, лучшія изъ кри-

тическихъ изданій новѣйшаго времени, среди которыхъ мы на первомъ мѣстѣ должны назвать такія крупныя предпріятія, какъ образцово издаваемые вѣнскою и берлинскою академіями наукъ собранія латинскихъ и греческихъ христіанскихъ писателей, а также комментаріи къ сочиненіямъ Аристотеля, отличаются вообще сравнительно консервативнымъ характеромъ и разумнымъ уваженіемъ къ традиціи. Только еще болѣе подробное и всестороннее изученіе древнихъ произведеній, особенно со стороны ихъ лексическихъ, синтаксическихъ и стилистическихъ особенностей, можетъ дальше подвигать насъ впередъ по пути достовѣрнаго возстановленія ихъ въ первоначальномъ ихъ видѣ. Неоцѣнимымъ пособіемъ при этой задачѣ будетъ служить подготавливаемый съ 1894 года берлинскою, лейпцигскою, мюнхенскою, геттингенскою и вѣнскою академіями наукъ новый *thesaurus linguae latinae*, для котораго до сихъ поръ уже успѣли занести на особыя карточки всѣ отдѣльныя слова, встрѣчающіяся какъ въ прозаическихъ, такъ и въ поэтическихъ произведеніяхъ римской литературы. Когда черезъ 20 лѣтъ, какъ надѣются, весь громадный матеріалъ, заключающійся въ миллионахъ этихъ карточекъ и требующій особаго заданія для своего помѣщенія, будетъ систематически разработанъ, а сводъ важнѣйшихъ данныхъ его будетъ издавъ въ приблизительно 12 большихъ томахъ, и когда послѣ этого будетъ исполненъ также обдумываемый уже теперь планъ о составленіи такимъ же образомъ познаго и вполне научнаго *thesaurus linguae graecae*, тогда для классической филологіи настанетъ новая блестящая эра, и неосчислимы будутъ результаты того благотворнаго вліянія, которое критически возстановленные и издаваемые памятники древней литературы будутъ имѣть на развитіе всѣхъ отдѣльныхъ дисциплинъ нашей науки.

Не слѣдуетъ забывать, что всякая критика литературныхъ произведеній служить цѣлью не для самой себя, а для того, чтобы облегчать и углублять уразумѣніе этихъ произведеній и такимъ образомъ содѣйствовать пополненію нашихъ свѣдѣній объ общей культурѣ древности. Всѣ успѣхи, достигнутые въ наше время не только дипломатическою, но и конъектуральною и такъ называемою высшею критикою, раздѣляются также неразрывно связанною съ этой дисциплиною экзегетикою, особенно такъ называемою грамматическою интерпретаціею. Высшіе же виды интерпретаціи, какъ историческій, такъ и техническій, получали при этомъ наиболѣе сильное развитіе вслѣд-

ствіе того, что нашъ культурный прогрессъ обогащалъ насъ новыми мѣрилами для оцѣнки литературныхъ произведеній и всякаго рода другихъ проявленій культуры прошлаго, а въ особенности научилъ насъ со всей строгостью примѣнять къ этимъ проявленіямъ принципъ исторической зависимости и постепенной эволюціи, какъ онъ проводится нынѣ, главнымъ образомъ, въ естественныхъ наукахъ, получившихъ въ нашемъ столѣтіи великое значеніе руководящихъ всеобщаго умственного прогресса человѣчества.

Область классической филологіи, какъ я ее обрисовалъ согласно исторіи новѣйшаго развитія этой науки, оказывается настолько обширною въ наше время, что почти ни одинъ ученый уже не въ состояніи объять ее всю, и каждый изъ насъ принужденъ специализироваться, чтобы по мѣрѣ своихъ силъ, дарованій и наклонностей разрабатывать какіе-нибудь частные вопросы изъ той или другой дисциплины ея и этимъ путемъ содѣйствовать общему развитію науки, немислимому безъ такой специализаціи. Но и при такихъ условіяхъ современной научной работы классическій филологъ никогда не долженъ терять изъ виду той внутренней органической связи, которою разрабатываемый имъ частный вопросъ соединяетъ съ цѣлымъ объектомъ науки. Только тогда онъ избѣгнетъ мертвящей односторонности и сухости, которая грозитъ ему еще больше, чѣмъ специалистамъ другихъ наукъ; только тогда онъ сохранитъ въ своей душѣ не только интересъ ко всѣмъ вообще проявленіямъ древней культуры и ихъ отношеніямъ къ современной, но и живую воспримчивость, любовь и энтузіазмъ къ тѣмъ великимъ твореніямъ красоты, истины и благородства, которыя древность столь щедро оставила человѣчеству въ вѣчное наслѣдіе. Вѣдь классическая культура не есть словно мертвое тѣло, которое филологъ могъ бы такъ же хладнокровно и безучастно изслѣдовать, какъ анатомъ изслѣдуетъ разрѣзанный имъ трупъ; но она органически живетъ еще въ нашей современной культурѣ, почти цѣликомъ выросшей изъ нея, и какъ бы походить на самый древній, самый внутренній и самый крѣпкій изъ слоевъ многовѣковаго ствола раскидистаго дуба, представлявшій изъ себя вѣкогда, въ молодости своей, все это дерево въ видѣ единой, прекрасной лѣторасли. Ясно поэтому, что устранить классическую филологію изъ круга предметовъ современнаго знанія значило бы лишитъ себя какъ бы сердцевину общечеловѣческой культуры и вмѣстѣ съ этимъ уничтожить всякое истинно-историческое образованіе, которое одно только и можетъ привести

человѣка къ сознанию цѣли и задачъ существованія его и наполнить его душу плодотворнымъ вдохновеніемъ, этимъ лучшимъ даромъ исторіи, и всякими возвышенными стремленіями. Конечно, въ наше время классическая филологія не принадлежитъ больше къ числу наукъ, изученіе которыхъ приноситъ непосредственную пользу для реальной жизни и культуры; но только бездушные матеріалисты, привыкшіе мѣрять полезное на мелкій аршинъ торгаша и не признающіе эстетическаго, духовно-правственнаго и вообще идеальнаго образованія, какое и нынѣ еще можно лучше всего получать посредствомъ изученія чрезвычайно богатой, разносторонней и высоко-гуманной культуры древнихъ грековъ и римлянъ, способны и теперь еще продолжать тѣ принципиальныя нападки, которымъ наша наука подвергалась какъ въ эпоху Людовика XIV и ея прославленнаго Реггауль, такъ и въ послѣдніи десятилѣтія нашего вѣка, чрезмѣрно гордящіяся необыкновеннымъ развитіемъ вышней культуры, основанной, главнымъ образомъ, на удивительныхъ успѣхахъ естественныхъ и техническихъ знаній. Рѣзкость этихъ нападокъ, достигшихъ своей апогеи въ недавно вышедшей книгѣ Нерлиха *Das Dogma vom klassischen Alterthum*, лишь отчасти можетъ быть извиняема тѣмъ обстоятельствомъ, что наиболѣе важныя изъ предметовъ, входящихъ въ обширную область классической филологіи, нерѣдко дискредитировались и еще нынѣ дискредитируются при своемъ примѣненіи къ учебной программѣ среднихъ школъ, служащихъ преддверіями университета. Конечно, я не могу и не хочу здѣсь ближе касаться болѣе или менѣе извѣстныхъ всѣмъ причинъ только-что указаннаго печальнаго обстоятельства. Но такъ какъ очевидно, что между университетомъ и гимназіею существуетъ весьма тѣсная связь, и что оба эти учебныя заведенія имѣютъ самое непосредственное вліяніе другъ на друга, то я не могу не указать здѣсь на то, что не только учителямъ, преподающимъ въ гимназіяхъ латинскій и греческій языки, но и университетскимъ представителямъ классической филологіи, какъ профессорамъ, такъ и ихъ слушателямъ, будущимъ учителямъ и ученикамъ, надлежитъ прилагать всѣ свои старанія къ тому, чтобы живой потокъ этой науки, разливавшій свои благодатныя воды въ продолженіе столь многихъ столѣтій, не превращался въ стоячее, мертвое болото, не терялся въ пустынь и не изсыкалъ бесплодно, но неустанно продолжалъ и впредь свое животворящее теченіе и становился все болѣе широкимъ, глубокимъ и мощнымъ потокомъ, слива-

ющимся постепенно съ потоками другихъ наукъ и въ концѣ концовъ образующимъ съ ними одну общую, великую рѣку, стремящуюся къ тому всеобъемлющему и единому морю истины, которое, подобно путеводной звѣздѣ, сверкающей лучезарнымъ блескомъ, манитъ ее изъ чудесной дали.

Ф. Вазнеръ.

ЧАСТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ИЗДАНИЕ

ИМПЕРАТОРСКАГО Вольнаго Экономическаго Общества

„НАЧАЛЬНОЕ НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ВЪ РОССІИ“

подъ редакціей членовъ И. В. Э. Общества Г. А. Фальборка и
В. Н. Чарнолукаго.

Въ программу изданія, являющагося результатомъ перваго, охватывающаго всю Имперію, изслѣдованія положенія въ Россіи народнаго образованія, входитъ изученіе школъ всѣхъ типовъ, положенія и состава учителей и учащихся въ нихъ, средствъ содержанія, постановки учебно-воспитательной, административной и финансовой стороны народной школы и т. д. Все изданіе заключаетъ въ себѣ свыше 200 печатныхъ листовъ большого формата въ 8 томахъ in folio и состоитъ изъ текста, многочисленныхъ діаграммъ и картограммъ, статистическихъ таблицъ по губерніямъ, районамъ, уѣздамъ и городамъ Имперіи.

**Цѣна за все изданіе по подпискѣ: 25 рублей,
въ прочныхъ переплеткахъ 28 рублей.**

Допускается разсрочка: при подпискѣ 15 рублей и при выходѣ третьяго и четвертаго томовъ по 5 рублей. По закрытіи подписки цѣна будетъ повышена.

Первые два тома изданія (LIX+825 стр.) вышли изъ печати и немедленно высылаются подписчикамъ. Цѣна каждаго тома въ отдѣльной продажѣ 6 рублей. Слѣдующій томъ печатается.

Подписка на изданіе принимается: въ С.-Петербургѣ, въ И. В. Э. Обществѣ (Забалканскій пр., д. 33) и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

Подробные проспекты по требованію высылаются бесплатно.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1901 ГОДЪ
(12-й годъ изданія)
НА ОБЩЕПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ШКОЛЫ И СЕМЬИ
„РУССКАЯ ШКОЛА“.

Въ теченіе 1900 года въ „Русской Школѣ“ напечатаны были, между прочимъ, слѣд. статьи: 1) Педагогическій съѣздъ въ Одессѣ въ 1881 году. Громяна-Громаченко; 2) Въ былой духовной школѣ. М. Кулигина; 3) Замѣтки и наблюденія (изъ записокъ бывшаго сельскаго учителя). Дидо; 4) вспомоگательныя школы для отстающихъ и малоспособныхъ дѣтей на Западѣ. Д-ра А. Щеголова; 5) Положеніе естественнѣдвѣнія въ заграницныхъ среднихъ школахъ. Н. Кричагина; 6) Школьный день. А. П. Нечасова; 7) Умственное утомленіе и переутомленіе. Проф. М. Оршанскаго; 8) О постановкѣ преподаванія и воспитанія сообразно естественному ходу умственнаго развитія. Проф. М. Сиороваго; 9) Средняя школа въ Россіи тридцать лѣтъ назадъ. Проф. В. А. Бильбасова; 10) Соображенія школьнаго врача по поводу реформы средней школы. Д-ра А. С. Виреніуса; 11) Наши школьные вопросы. (Изъ посмертныхъ бумагъ). В. Стоянина; 12) Школьные противорѣчія. Старова; 13) Наши учителя, ученики и система. П. Головачева; 14) Паисіиы и общежитія. А. Анастасіева; 15) Къ вопросу о матеріальномъ положеніи педагоговъ нашей средней школы. Юрія Андреева; 16) По вопросу о положеніи учителей городскихъ училищъ. И. У.; 17) По поводу толковъ о введеніи новаго устава для духовно-учебныхъ заведеній. П. Макарова; 18) Къ вопросу о пересмотрѣ программъ классическихъ гимназій. М. Тростникова; 19) Изъ исторіи народнои школы. Проф. В. А. Бильбасова; 20) Вліяніе народнаго образованія на народныя богатства, здоровье, нравственность. П. Жижеева; 21) Исаущій вопросъ въ области народнаго образованія. М. Бѣлоконскаго; 22) Обзоръ дѣятельности земствъ по народному образованію за 1899 годъ. Его же; 23) Организанія книжной помощи народнымъ учителямъ. М. Новикова; 24) На пользу русской народнои школы. М. Страховой; 25) Вопросъ о всеобщемъ обученіи крестьянскаго населенія въ тверской земствѣ. И. М. Красноперова; 26) Начальныя народныя училища въ Вятской губерніи. А. А. Красева; 27) Русское начальное народное образованіе на Парижской всемірной выставкѣ. М. Бѣлоконскаго; 28) О преподаваніи педагогики въ женскихъ гимназіяхъ. А. Анастасіева; 29) Критическій обзоръ способовъ обученія правоисанія. Ап. Соболева; 30) Обь ариометическихъ задачахъ алгебраическаго характера. С. Шохоръ-Троицаго; 31) Объемъ, задачи и цѣль производствческаго курса естественнѣдвѣнія въ средней школѣ. М. Услова; 32) О желательной постановкѣ курса среднеѣвковой исторіи. Проф. М. И. Карѣева; 33) Опытъ психологін грамоты. На. Тихомирова и многія другія.

Въ каждой книжкѣ „Русской Школы“, кромѣ отдѣла критики и библиографіи, печатаются: хроника народнаго образованія въ Западной Европѣ. Е. Р., хроника народнаго образованія въ Россіи и хроника народныхъ библиотекъ Я. В. Абрамова, хроника воскресныхъ школъ подъ ред. Х. Д. Алчевской и М. Н. Салтыковой, хроника профессиональнаго образованія В. В. Бирюковича и пр.

„РУССКАЯ ШКОЛА“ выходитъ еженѣщечно книжками, не менѣе шестидесяти печатныхъ листовъ каждая.

Подписная цѣна: въ Петербургѣ безъ доставки—**СЕМЬ** руб.; съ доставкою—**7 р. 50 коп.**; для иногородныхъ съ пересылкою—**ВОСЕМЬ** руб.; заграницу—**ДЕВЯТЬ** руб. въ годъ. Сельскіе учителя, выписывающіе журналъ за свой счетъ, могутъ получать журналъ за **ШЕСТЬ** рублей въ годъ съ разсрочкою уплаты въ два срока. Города и земства, выписывающіе не менѣе 10 экземпляровъ, пользуются уступкою въ 15%.

Подписка принимается въ копторѣ редакціи (Лиговская ул. 1).

Редакторъ—издатель **Я. Г. Гуревичъ.**

СОВРЕМЕННАЯ ЛЯТОПИСЬ.

М. М—ръ. Письмо изъ Парижа 1

Отдѣлъ классической филологіи.

Α. Παπαδοπουλος-Καραμευς. Νέα τεμάχην τῆς ἀκκλησιαστικῆς
ἱστορίας Θεοδώρου ἀρχιεπισκοπικοῦ ἐντολεως 1

Α. В. Никитскій. О минѣ въ 70 драхмъ 26

Ο. Θ. Βασιμνερъ. Ο новѣйшихъ успѣхахъ классической филологίи . 34

Οвъявленія. 1—2

Редакторъ Э. Радловъ.

(Вышла 1-го номера).

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

СЪ 1867 ГОДА

заключаетъ въ себѣ, кромѣ правительственныхъ распоряженій, отдѣлы педагогич и наукъ, критики и библиографіи, и современную лѣтопись учебнаго дѣла у насъ и за границей.

Подписка принимается только на годъ,—въ Редакціи (по Троицкой улицѣ, домъ № 11) ежедневно отъ 8 до 10 часовъ утра. Иногородные также адресуютъ исключительно въ Редакцію.

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ Журнала безъ пересылки или доставки двѣнадцать рублей, съ доставкой въ С.-Петербургъ двѣнадцать рублей семьдесятъ-пять копѣекъ, съ пересылкой въ другіе города четырнадцать рублей двадцать-пять копѣекъ, за границу—шестнадцать руб. Книжки выходятъ въ началѣ каждаго мѣсяца. Сверхъ того, желающіе могутъ, по предварительномъ сношеніи съ Редакціею, приобретать въ Редакціи находящіеся для продажи экземпляры Журнала и отдѣльных его книжекъ за прежніе годы, по цѣнѣ за полный экземпляръ (12 книжекъ) шесть рублей, за отдѣльныя книжки—по 50 копѣекъ за каждую—съ пересылкою въ другіе города. Полныя экземпляры имѣются за 1869, 1870, 1871, 1876, 1877, 1878, 1880, 1881, 1882, 1883, 1884, 1887, 1888, 1892, 1893, 1894, 1895 и 1900 годы.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. Высочайшія награды	3
II. Высочайшіе приказы .	6
III. Министерскія распоряженія	8
IV. Опредѣленія Ученаго Комитета Мин. Нар. Пр.	9.
У. Опредѣленія Особаго отдѣла Ученаго Комитета Мин. Нар. Пр. .	9:
VI. Опредѣленія Отдѣленія Ученаго Комитета Мин. Нар. Пр. по техническому и профессиональному образованию .	10-
Открытіе училищъ	10
В. И. Сергѣевичъ. Дрезнасти русскаго земледѣдѣнія. 3.	29.
А. С. Визигинъ. Идеальная подготовка церковно-общественныхъ преобразованій XI вѣка. I.	36
Е. Ф. Будде. Изъ исторіи русскаго литературнаго языка конца XVIII и начала XIX вѣка	38.
Е. Ф. Шмурло. Посольство П. Мензѣва къ наполеону двору. I—II. .	41.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

В. В. Сионовскій. Критико-библиографическій обзоръ Пушкинской юбилейной литературы 1899 года	46
С. Н. Вранловскій. Три новыя книги о Дальнемъ Востокѣ	48
Ю. А. Кулаковскій. <i>Ф. Браунъ</i> . Разысканія въ области готто-славянскихъ отношеній. I. Готы и ихъ сосѣди до V вѣка. Періодъ первый: готы на Вислѣ. С.-Пб. 1899 .	50.
Н. Н. Дебольскій. <i>Сергій Шумаковъ</i> . Обзоръ грамотъ коллегіи экономіи. Вып. I. М. 1899. Обзоръ бѣжецкихъ алатырскихъ актовъ. Вып. II. М. 1900. Тексты и обзоръ бѣлозерскихъ актовъ	52
— Книжныя новости .	53

НАША УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА.

М. Лзбукинъ. Учебникъ по русской грамматикѣ	
И. И. Срезневскій. Объ изученіи роднаго языка вообще и особенно въ дѣтскомъ возрастѣ	
В. Покровский. В. Г. Вѣлинскій, какъ критикъ и создатель исторіи новой русской литературы .	2
П. И. Савиловъ. Учебникъ ботаники	3
Д. Иловайскій. Краткіе очерки Русской исторіи .	3
Д. Иловайскій. Руководство къ Русской исторіи .	1

(Ом. 3-ю стр. обложки).

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ СССХХХІІІ.

— — —
1901.

ФЕВРАЛЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашевъ и К°, Наб. Фонтанки, д. 95.

1901.

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ
ЧАСТЬ СССХХХІІІ.

1901.

ФЕВРАЛЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографіе „В. С. Балашевъ и К^о“, Наб. Фонтанки, 95.
1901.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. ВЫСОЧАЙШІЯ НАГРАДЫ.

(1-го января 1901 года, № 1). *Производятся*, за отличие: изъ дѣйствительныхъ статскихъ въ *тайные совѣтники*: членъ совѣта министра Валерій *Мамантовъ*; изъ статскихъ въ *дѣйствительные статскіе совѣтники*: членъ совѣта министра, въ званіи камергера Двора Его Императорскаго Величества графъ Александръ *Мусинъ-Пушкинъ*, съ оставленіемъ его въ придворномъ званіи; ректоръ и ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета Александръ *Тихомировъ*; директоръ и исправляющій должность профессора Рижскаго политехническаго института Федоръ *Гренбергъ*; чиновникъ особыхъ порученій V класса при министрѣ Дмитрій *Фонъ-Бенкендорфъ*; дѣлопроизводитель V класса департамента народного просвѣщенія Николай *Гусаковскій*; ординарные профессора Императорскихъ университетовъ: Харьковскаго, заслуженный Федоръ *Зеленогорскій*, С.-Петербургскаго, Валентинъ *Жуковскій*, Московскаго, Дмитрій *Анучинъ*, Казанскаго, Михаилъ *Усовъ* и Сергій *Леваишовъ*, Св. Владимира, Алексій *Коротневъ*, Харьковскаго, Николай *Сумцовъ* и Новороссійскаго, Василий *Петриевъ*, Александръ *Копоновичъ* и Александръ *Федоровъ*, бывшій ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета, нынѣ въ отставкѣ, Константинъ *Гротъ*; профессора Технологическаго института Императора Николая I, въ С.-Петербургѣ, Аполлонъ *Курбатовъ* и Леопидъ *Волдавскій*; ординарный профессоръ Казанскаго ветеринарнаго института Григорій

Гумилевскій; помощникъ ректора Императорскаго Московскаго университета, ординарный профессоръ Евгений *Нефедьевъ*; инспекторы студентовъ Императорскихъ университетовъ: Московскаго, Рафаилъ *Державинъ* и Юрьевскаго, Нилъ *Тихомировъ* и Императорскаго Московскаго технического училища, Николай *Циркуновъ*; директоры гимназій: С.-Петербургскихъ: Введенской, Александръ *Якубовъ* и Императорскаго человеколюбиваго общества, Евгений *Груздевъ*, Сергіево-посадской, Андрей *Истоминъ*, Воронежской, Михаилъ *Григоровскій* и Кіево-Печерской, Вячеславъ *Петръ*; директоръ С.-Петербургской прогимназіи Іосифъ *Фарникъ*; директоры реальныхъ училищъ: С.-Петербургскаго втораго, Карлъ *Фохтъ*, Кронштадтскаго, Леонидъ *Поморскій*, Сызранскаго, Иванъ *Лвановъ*, Елабужскаго, Владиміръ *Павловскій*, Моршаскаго, Михаилъ *Клемъ*, Митавскаго, Фридрихъ *Кульбертъ*, Рижскаго Императора Петра I, Ѳедоръ *Покатиловъ* и Бакінскаго, Иванъ *Денферъ*; бывшій директоръ Новгородскаго реального училища, нынѣ въ отставкѣ, Павелъ *Дуукраевъ*; директоры учительскихъ семинарій: Гатчинской, Василій *Соллертинскій* и Прибалтійской, Ѳедоръ *Страховичъ*; директоры народныхъ училищъ губерній: Тверской, Николай *Добровольскій*, Ставропольскій, Павелъ *Франтовъ* и Кутаяской, Степанъ *Соколовъ*; бывшій директоръ народныхъ училищъ Вологодской губерніи, нынѣ въ отставкѣ, Михаилъ *Котляровъ* и почетные попечители гимназій: С.-Петербургской Ларинской, Ѳедоръ *Езерскій* и Тульской, Всеволодъ *Пуцинъ*; ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета, титулярный совѣтникъ Николай *Зининъ*; изъ коллежскихъ въ *статскіе совѣтники*, почетный попечитель Бердянской гимназіи Владиславъ *Гавескій*; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассесоры*, дѣлопроизводитель VII класса особаго отдѣленія департамента народнаго просвѣщенія для завѣдыванія промышленными училищами Николай *Дебольскій*, со старшынствомъ съ 20-го октября 1900 года.

Награждается орденами: *св. благоутрнаго великаго князя Александра Невскаго*, причисленный къ министерству, тайный совѣтникъ Вячеславъ *Кохманскій*.

Св. равноапостольнаго князя Владиміра 2-й степени, ординарный академикъ Императорской Академіи наукъ, тайный совѣтникъ Александръ *Веселовскій*.

Св. Анны 1-й степени: вице-президентъ и ординарный академикъ Императорской Академіи наукъ, тайный совѣтникъ Петръ *Никитинъ*; дѣйствительные статскіе совѣтники: ректоръ и заслуженный

ординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владимира *Федоръ Фортинскій*; директоръ технологическаго института Императора Николая I, *Харлампій Головинъ*; директоръ историко-филологическаго института князя Безбородко, въ гор. Ыѣжинѣ, *Фридрихъ Гельбке* и причисленный къ министерству, членъ особаго отдѣла ученаго комитета министерства по разсмотрѣнію книгъ, издаваемыхъ для народнаго чтенія, *Александръ Радонежскій*.

Св. Станислава 1-й степени: дѣйствительные статскіе совѣтники: ординарный академикъ Императорской Академіи наукъ *Карлъ Залеманъ*; директоръ Восточнаго института въ гор. Владивостокѣ *Алексѣй Позднѣвъ*; чиновникъ особыхъ порученій V класса при министрѣ *Петръ Гильтебрандтъ*; ординарные профессора Императорскихъ университетовъ: Казанскаго, заслуженный, *Александръ Ге* и *Аполлонъ Смирновъ* и св. Владимира, *Николай Бобреекскій*; заслуженный профессоръ технологическаго института Императора Николая I, *Николай Шукинъ*; директоры гимназій: Немировской, *Тихонъ Тихомировъ*, Бѣльской, *Григорій Сольскій*, Одесской *Ришельевской*, *Карлъ Бѣлицкій* и *Тобольской*, *Петръ Пановъ*; директоры реальныхъ училищъ: при евангелическо-лютеранской церкви св. Михаила въ гор. Москвѣ, *Георгій Ковалыгинъ*, Тюменскаго Александровскаго, *Иванъ Словцовъ*, Темиръ-Ханъ-Шуринскаго, *Константинъ Поповъ* и Кутаискаго, *Алексѣй Мамонтовъ*; директоръ Полоцкой учительской семинаріи *Евграфъ Смирновъ* и директоръ народныхъ училищъ С.-Петербургской губерніи *Василій Латтшевъ*.

Св. равноапостольнаго князя Владимира 3-й степени: дѣйствительные статскіе совѣтники: окружный инспекторъ Харьковскаго учебнаго округа *Сергѣй Равскій*; профессора Императорскихъ университетовъ: заслуженные, ординарные: С.-Петербургскаго, *Александръ Царелли*, Московскаго, *Николай Умовъ* и Казанскаго, *Николай Сорочкинъ* и *Флавіанъ Флавицкій*, ординарные: С.-Петербургскаго, *Сергѣй Глазенацъ*, Казанскаго, *Инокентій Канонниковъ* и Варшавскаго, *Михаилъ Шалфеевъ*; заслуженный профессоръ технологическаго института Императора Николая I *Павель Котурницкій*; ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго историко-филологическаго института *Иванъ Ждановъ*; директоръ С.-Петербургскихъ высшихъ женскихъ курсовъ *Николай Раевъ*; профессоръ Императорскаго Московскаго техническаго училища *Петръ Петровъ* и директоры: гимназій: Новгородской, *Антонъ Колоколовъ*, Кіевской первой, *Иванъ Посадскій-Духовской*, Лубенской, *Александръ Крутковъ*,

Одесской третей, Петръ *Феерчакъ* и Ананьевской, Иванъ *Гасль*, Пятигорской прогимназіи, Борисъ *Коленко*, С.-Петербургскаго пераго реальнаго училища, Николай *Билибинъ*, учительскихъ семинарій: Карачевской, Иванъ *Токаревскій* и Кутаисской, Митрофанъ *Мохиръ* и народныхъ училищъ Сибирской губерніи, Иванъ *Ишерскій*.

Св. равноапостольнаго князя Владиміра 4-й степени: дѣйствительные статскіе совѣтники: окружный инспекторъ Московскаго учебнаго округа Анатолій *Флеровъ*; начальникъ Сувалкской учебной дирекціи Василій *Чеботаревъ*; ординарные профессеры: Императорскихъ университетовъ: Московскаго, Владиміръ *Тихомировъ* и Новороссійскаго, Георгій *Ператятковичъ* и Александръ *Зауровскій* и историко-филологическаго института князя Безбородко, въ г. Нѣжинѣ, Антонъ *Добіашъ* и Сергій *Ждановъ*; директоры: Бакинскій Маринской женской гимназіи, Флорентинъ *Карповичъ*, Поливановской учительской семинаріи, Владиміръ *Богословскій* и народныхъ училищъ Орловской губерніи, Николай *Червянскій* и почетный попечитель промышленныхъ училищъ, имени надворнаго совѣтника Ѳ. В. Чижова, Алексѣй *Польновъ*; статскіе совѣтники: дѣлопроизводитель V класса департамента народнаго просвѣщенія Павелъ *Прозоровъ*; правитель дѣлъ ученаго комитета министерства Сергій *Манштейнъ*; ординарные профессеры Императорскихъ университетовъ: С.-Петербургскаго, Василій *Латкинъ*, Московскаго, Павелъ *Виноградовъ* и Ниль *Филатовъ*, Харьковскаго, Владиміръ *Реймардъ* и Александръ *Ляпуновъ* и Юрьевскаго, Александръ *Филипповъ*; профессеры институтовъ: Харьковскаго технологическаго Императора Александра III, Алексѣй *Гречаниновъ* и сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи, Петръ *Будринъ*; профессоръ Императорскаго Московскаго техническаго училища Михаилъ *Черепашинскій*; ординарный профессоръ Юрьевскаго ветеринарнаго институту Вольдемаръ *Гутманъ*; директоры гимназій: Орловской, Осипъ *Петрученко*, Сумской Александровской, Владиміръ *Копоровъ*, Златошольской, Николай *Чернушевичъ* и Тифлисской первой Великой Княгини Ольги Феодоровны женской, Константинъ *Шульгинъ*; почетный попечитель Рязанской гимназіи, въ званіи камеръ-юнкера Двора Его Императорскаго Величества Сергій *Фомъ-Дервизъ*; директоры реальныхъ училищъ: Иваново-Вознесенскаго, Иванъ *Сиромятниковъ*, Казанскаго, Михаилъ *Лисцовъ*, Саратовскаго Александро-Маринскаго, Дмитрій *Львовъ* и Рижскаго городского, Генрихъ *Гельманъ*; директоръ Казанскаго учительскаго институту Андрей *Анастасіевъ*; директоры учи-

тельскихъ семинарій, Юрьевской, Михаилъ *Сурковъ* и Закавказской. Александръ *Словинскій*; Архангельскаго низшаго механико-техническаго училища, Павелъ *Корсунскій* и народныхъ училищъ Самарской губерніи, Михаилъ *Грифицовъ*; адъюнктъ-профессоръ Харьковскаго технологическаго института Императора Александра III, Александръ *Потурляко*; дѣлопроизводитель VI класса департамента народнаго просвѣщенія Николай *Моревъ*; правитель канцеляріи попечителя Кавказскаго учебнаго округа Викторъ *Андреевъ*; инспекторы гимназій: Тульской, Иванъ *Млынарчъ*, Сибирской, Александръ *Кулакинъ*, Бѣлоцерковской, Александръ *Пучковскій*, Черниговской, Владиміръ *Круковскій* и Пермской, Сергѣй *Дроздовъ*; исполняющіе обязанности инспектора гимназій: С.-Петербургскихъ: пятой, Иванъ *Грюнбергъ* и десятой, Іосифъ *Студлати*, Ярославской, Александръ *Красовскій*, Пензенской второй, Осипъ *Эрардъ*, Таганрогской, Семень *Кравченко*, Кіевской третьей, Яковъ *Иващенко*, Холмской, Владиміръ *Костылевъ* и Бишиневской второй, Степанъ *Боршикевичъ* и реальныхъ училищъ: Нижегородскаго Владимірскаго, Владиміръ *Шолуцъ*, Костромскаго, Иванъ *Смирновъ*, Роменскаго, Владиміръ *Тимофьевъ* и Пинскаго, Иванъ *Будзилловичъ*; инспекторы народныхъ училищъ: губерніи: Владимірскаго, Николай *Кизанскій*, Рязанской, Аркадій *Сokolovъ* и Курской, Сергѣй *Данковскій*, Рижскаго учебнаго округа, Адольфъ *Луизъ* и Донской области, Ѳедоръ *Тихонравовъ*; секретарь совѣта Императорскаго С.-Петербургскаго университета, Михаилъ *Меліоранскій*; заслуженные преподаватели гимназій: С.-Петербургскихъ: седьмой, Иванъ *Матвѣевъ* и десятой, Гурій *Козъ*, Бѣльской, Александръ *Лобвинъ*, Невинномысской, Алексѣй *Роменскій*, Одесской третьей, Михаилъ *Панченко* и Уфимской, Михаилъ *Василевъ*; учителя гимназій, С.-Петербургскихъ: восьмой, Александръ *Рези* и Введенской, Арноштъ *Влашмскій*, Олонецкой, Иванъ *Ламанскій*, Московскихъ: первой, Иванъ *Негоровъ* и третьей, Александръ *Разумовскій* и Вячеславъ *Смирновъ*, Орловской, Михаилъ *Шолидоровъ*, Смоленской, Семень *Писаревъ*, Харьковской третьей, Антошъ *Шейхалъ*, Воронежской, Яковъ *Рыбковевъ*, Тамбовской, Иванъ *Александровъ*, Варшавской третьей, Петръ *Хойко*, Петроковской. Осипъ *Фабіанъ*, Кѣлецкой, Ѳома *Орловскій*, Одесской пятой, Никифоръ *Засидкевичъ*, Екатеринославской, Карлъ *Скарре*, Мариупольской Александровской. Карлъ *Голейшевскій*, Ковенской, Иванъ *Коссовъ*, Томской, Николай *Бриллиантовъ* и Екатеринбургской, Яковъ *Владиміровъ* и Иванъ *Шоновъ*; учителя женскихъ гимназій: Таганцевой въ С.-Петербургѣ,

Петръ *Обломковъ*, Кронштадтской Александринской, Артуръ *Домбровский* и Ѳедоръ *Надеждинъ*, Кіевской, Владимиръ *Щербина*, Омской, Иванъ *Шумиловскій* и Тифлисской первой Великой Княгини Ольги Ѳеодоровны, Константинъ *Бреневъ* и Иванъ *Пастовичъ*; учитель Острожскаго женскаго графа Д. Н. Блудова училища Ѳедоръ *Кутневичъ*; заслуженные преподаватели реальныхъ училищъ Томскаго Алексѣевского, Иванъ *Богомоловъ* и Уральскаго, Дмитрій *Есмрезовъ*; учителя реальныхъ училищъ: С.-Петербургскаго перваго, Михаилъ *Добротисцевъ*, Псковскаго Сергіевского, Иванъ *Соколовскій*, Курскаго, Александръ *Дамбертъ*, Виленскаго, Александръ *Вруцетичъ* и Уральскаго, Александръ *Зякинъ*; врачъ Муромскаго реального училища, Александръ *Добрототовъ*; учителя училищъ: при евангелическо-лютеранскихъ церквяхъ въ С.-Петербургѣ главнаго пѣмецкаго св. Петра, Вильгельмъ *Вилліамсъ* и св. Анны, Ѳедоръ *Клау* и при реформатскихъ церквяхъ въ С.-Петербургѣ, Эдуардъ *Нерлинъ* и учителя: Комисаровскаго техническаго училища, Николай *Струевъ*, Бѣлгородскаго учительскаго института, Борисъ *Цацкинъ* и Волчанской учительской семинаріи, Илья *Косоуровъ*; коллежскіе совѣтники: директоръ народныхъ училищъ Лифляндской губерніи Анатолій *Вильсовъ*; почетный попечитель Иркутской гимназіи Владимиръ *Сукачевъ*; дѣлопроизводитель VI класса департамента народнаго просвѣщенія Иванъ *Дмитревскій*; бывший инспекторъ народныхъ училищъ Варшавской губерніи Павелъ *Доновъ*; бібліотекаръ II отдѣленія бібліотеки Императорской Академіи наукъ Александръ *Эманъ*; членъ-соревнователь попечительскаго совѣта Комисаровскаго техническаго училища Максимъ *Гептнеръ*; бухгалтеръ канцеляріи правленія Императорской Академіи наукъ Сергій *Воробьевъ* и учитель реального училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Михаила въ гор. Москвѣ Іона *Верноградскій*; надворные совѣтники: секретарь главнаго инспектора училищъ Восточной Сибири Иванъ *Нарциссовъ* и столоначальники канцелярій попечителей учебныхъ округовъ С.-Петербургскаго, Владимиръ *Демантъ* и Московскаго Евгений *Ивановъ*.

Св. Анны 2-й степени: дѣйствительные статскіе совѣтники: начальникъ Ломжинской учебной дирекціи Эрастъ *Турау* и ординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета Николай *Заслицкій*; статскіе совѣтники: директоръ Харьковскаго технологическаго института Императора Александра III Дмитрій *Зерновъ*; ординарные профессора Императорскихъ университетовъ: Московскаго, Левъ *Допалинъ*, Иванъ *Ошевъ*, Михаилъ *Духовской*, Константинъ

Павлиновъ и *Сергѣй Соболевскій*; Казанскаго: *Александръ Архангельскій*, *Василій Богородицкій* и *Дмитрій Гольдгаммеръ*, Харьковскаго, *Яковъ Анфимовъ*, *Людвигъ Струве* и *Михаилъ Халанскій*; св. Владимира: *Сергѣй Навашинъ*, Варшавскаго: *Владиміръ Бяллего*, *Владиміръ Никольскій*, *Николай Насоновъ* и *Василій Анисимовъ*; Юрьевскаго, *Борисъ Срезневскій* и Новороссійскаго, *Ромуль Прендель* и *Иванъ Дуньякъ*; профессоръ Харьковскаго технологическаго института Императора Александра III *Алексѣй Предтеченскій*; директоры: гимназій: Ярославской, *Николай Высотскій*, Тамбовской, *Леонидъ Успенскій*; Одесской четвертой, *Петръ Борзаковскій* и Бакинской Императора Александра III, *Автономъ Побѣдоносцевъ*, реальныхъ училищъ: Гатчинскаго Императора Александра III, *Александръ фонъ-Гейтманъ*, Вологодскаго Александровскаго, *Николай Артемьевъ*, Курскаго, *Никандръ Головинъ* и Оренбургскаго, *Иосифъ Каменскій*; Стародубской прогимназіи, *Григорій Мезерницкій*, коллегіи Павла Галагана Андроникъ *Дудка-Отеповичъ*. учительскихъ семинарій: Александровской рязанской, *Евгеній Воскресенскій*, Новочеркасской, *Антошъ Макаревичъ* и Валкской, *Петръ Пользинскій*, механико-и химико-техническихъ училищъ С.-Петербургскаго назшаго, *Алексѣй Юрьевъ* и Саратовскаго средняго, *Николай Пановъ* и народныхъ училищъ губерній: Олопецкой, *Григорій Поповъ*, Ярославской, *Порфирій Мочульскій* и Тифанской, *Николай Дмитриевъ*; экстраординарные профессора Императорскихъ университетовъ: Московскаго, *Петръ Дьяконовъ*, *Андріанъ Кроковъ* и сверхштатный, Эрнестъ *Лейстъ*, Варшавскаго, *Иванъ Бевидъ* и Юрьевскаго, *Александръ Никитскій*; инспекторы гимназій: Златопольской, *Лука Воеводскій*; Одесской, *Ришельевской*, *Николай Щербинскій*, Оренбургской, *Альфредъ Яценуъ* и Кутанской, *Евстафій Войцеховскій*; исполняющіе обязанности инспектора: гимназій: Московской седьмой, *Сергѣй Радецкій*, Нижегородской, *Николай Холодковскій*, Вятской, *Николай Короваевъ*, Харьковской третьей, *Степанъ Феневъ*, Варшавской второй, *Александръ Бржезинскій*, Прагской, *Яковъ Бобрукъ*, Елисаветградской, *Діонисій Шитинскій*, Ялтинской Александровской, *Дмитрій Богдановъ*, Владикавказской, *Иванъ Кодратовичъ* и Елисаветпольской, *Ипполитъ Шамшуричъ* и реальныхъ училищъ: Иваново-Вознесенскаго, *Иванъ Исинскій*, Сызранскаго, *Александръ Александровъ*, Одесскаго, *Иванъ Искра*, Комратскаго, *Герасимъ Елисафовъ*, Симферопольскаго Императора Николая II, *Петръ Александровскій*, Херсонскаго, *Николай Зеленскій*, Тюменскаго Александровскаго, *Але-*

кѣй *Силецкій* и Майкопскаго, *Василій Истамановъ*, инспекторы: прогимназій: Варшавской первой, *Алексѣй Косминскій*, Грубешовской, *Владиміръ Аванасевъ* и Бобруйской, *Сергѣй Преображенскій* и училищъ при евангелическо-лютеранскихъ церквахъ св. Анны, въ С.-Петербургѣ, *Викторъ Геннингъ* и св. Петра и Павла, въ гор. Москвѣ, *Германъ Пахъ*; исполняющій обязанности инспектора общеобразовательныхъ классовъ Красноуфимскаго промышленнаго училища *Адамъ Кунцевичъ*; инспекторъ Симферопольской татарской учительской школы *Митрофанъ Дубровинъ*; инспекторы народныхъ училищъ: губерній: Псковской, *Арсеній Чижачевъ*, Калужской, *Петръ Бойдановъ*, Ярославской, *Федоръ Насиловъ*, Саратовской, *Владиславъ Исслентьевъ*, Сибирской, *Николай Охотинъ*, Кіевской, *Петръ Войцеховскій*, Полтавской, *Кипріанъ Воблай*, Воынской, *Александръ Евсеевскій*, Плоцкой, *Николай Бьялевъ*, Херсонской, *Михаилъ Боголюбовъ* и *Федоръ Шеневскій*, Пермской, *Иванъ Пактовскій* и Рижскаго учебнаго округа: *Ермолай Гравитъ*, *Петръ Адамовъ* и *Иванъ Шталмовъ*; почетные члены попечительнаго совѣта Комисаровскаго техническаго училища *Николай Перепелкинъ* и *Федоръ Плевако*; доцентъ Варшавскаго ветеринарнаго института *Игнатій Гаевскій*; преподаватель Императорскаго Московскаго техническаго училища *Николай Ронжинъ*; членъ археографической комиссіи министерства *Сергѣй Платоновъ*; учителя Императорскаго лиція въ память Цесаревича Николая, *Иванъ Стреховъ* и Нижегородскаго дворянскаго института Императора Александра II, *Илья Барановъ*; заслуженные преподаватели гимназій: С.-Петербургской восьмой, *Даніилъ Ильевичъ* и Сѣдлецкой, *Александръ Завитневичъ*; учителя: гимназій: С.-Петербургскихъ, третьей, *Михаилъ Черниковъ*, Ларинской, *Николай Шетминъ*, пятой, *Николай Дюковъ* и *Иванъ Клебергъ* и Императорскаго человеколюбиваго общества, *Сергѣй Кирсановъ*, *Гуревича* въ С.-Петербургѣ, *Станиславъ Пташицкій*, Императорской Николаевской Царскосельской, *Павелъ Таккеля*, Александровской Гельсингфорской, *Павелъ Леонтьевъ*, Московской первой, *Федоръ Коробкинъ*, Рыбинской, *Адамъ Стъмашко*, Благовѣщенской, *Георгій Войницкій*, Тверской, *Павелъ Якчакъ* и *Александръ Присоловъ*, Ярославской, *Павелъ Морозовъ*, Сибирской, *Александръ Поповъ*, Саратовской первой, *Василій Косолаповъ*, Бѣлгородской, *Іосифъ Паллонъ*, Елатомской, *Францъ Бельке*, Ростовской-на-Дону, *Андрей Чиненовъ*, Кіевской первой, *Иванъ Чирьевъ* и второй, *Петръ Деревянкинъ*, Немпровской, *Фридрихъ Жонтъ*, Глуховской, *Иванъ Высоцкій*, Уманской, *Дмитрій Кошлаковъ*, Варшавская первая, *Иванъ Цвѣт-*

ковъ и четвертой, Игнатій *Бадовскій*, Прагской, Фаддей *Эдмъховскій*, Мариампольской, Станиславъ *Савицкій*, Либавской Николаевской, Альфредъ *Шенз*, Одесскихъ Рышельевской, Александръ *Брандтъ* и Алексѣй *Самко* и второй, Василій *Добротворскій*, Елисаветградской, Михаилъ *Керіаковъ*, Керченской Александровской, Владимиръ *Штепенко*, Кишиневскихъ, первой, Иванъ *Бабченко* и второй, Рафаилъ *Плосецкій*, Николаевской Александровской, Иванъ *Кейсларъ*, Херсонской, Иванъ *Тибитанцль*, Ковенской, Иванъ *Королевскій*, Гомельской, Александръ *Еллинскій*, Оренбургской, Николай *Бутовскій*, Екатеринбургской, Петръ *Лышникъ*, Эриванской, Григорій *Боголюбскій*, Екатеринодарской, Павелъ *Оссовскій* и Владикавказской, Александръ *Деметъевъ* и женскихъ гимназій: Переяславской, Василій *Гриневицъ*, Варшавской четвертой, Иванъ *Недешевъ*, Плоцкой, Василій *Прозоровскій*, учрежденной А. И. Бракенгеймеръ, въ гор. Одессѣ, Сергѣй *Бракенгеймеръ*, Елисаветградской Яковъ *Польскій*, и почетныхъ гражданъ Поповыхъ въ гор. Омскѣ Василій *Шаверинъ*; заслуженные преподаватели реальныхъ училищъ: Выборгскаго, Иванъ *Симоновъ*, Вологодскаго Александровскаго, Василій *Богословскій*, Ливенскаго, *Езерскій*, Смоленскаго, Александровскаго, Василій *Степановъ* и Новочеркасскаго, Николай *Дикаревъ*; учителя: реальныхъ училищъ: С.-Петербургскихъ перваго, Андрей *Претображенскій* и втораго Евгений *Шрекнигъ*, Кронштадтскаго, Василій *Гольманскій*, Псковскаго Сергѣевскаго, Яковъ *Краснопольцовъ*, Московскаго, Михаилъ *Струженскій*, Казанскаго, Федоръ *Пактовскій*, Астраханскаго, Павелъ *Муратовскій*, Елабужскаго, Петръ *Михайловъ*, Сумскаго, Яковъ *Этенбергъ*, Роменскаго, Андрей *Кальбузъ*, Рижскаго Императора Петра I, Александръ *Мустовичъ*, Екатеринославскаго, Антонъ *Руссо*, Кишиневскаго, Иванъ *Аллендорфъ*, Николаевскаго Александровскаго, Василій *Куделинъ*, Могилевскаго, Бернардъ *Кленце*, Пермскаго, Трофимъ *Меркурьевъ*, и Кубанскаго Александровскаго, Владимиръ *Миловидовъ*, прогимназій Егорьевской, Иванъ *Зубовскій* и Рославльской, Василій *Ласкинъ*, училища при реформатскихъ церквахъ въ С.-Петербургѣ, Викторъ *Русъ* и учительскихъ институтовъ: Феодосійскаго, Николай *Петрушевскій*, Виленскаго, христіанскаго, Василій *Гилларовскій* и С.-Петербургскаго, Аполлонъ *Мялицынъ*; наставники учительскихъ семинарій: Псковской, Александръ *Семеновъ*, Киржачской, Василій *Дологовъ*, Поливановской, Афанасій *Соколовъ*, Казанской, Николай *Максимовъ*, Валкской, Петръ *Самбинъ*, Несвижской, Левъ *Дичковскій*, Закавказской, Павелъ *Вересовъ* и въ м. Хони, Ку-

тавской губерніи, Иванъ *Петровъ*; врачъ Поневѣжскаго реальнаго училища, Фаддей *Мойсѣвъ*; учитель Симферопольской татарской учительской школы Василій *Андреевъ*; почетный смотритель Ярославскаго городского училища, Яковъ *Колмогоровъ*; врачъ городского училища при С.-Петербургскомъ учительскомъ институтѣ Михаилъ *Сниткинъ*; помощникъ классныхъ наставниковъ Московской шестой гимназіи Владиміръ *Пожарскій* и причисленный къ министерству Василій *Маукевичъ*; коллежскіе совѣтники: ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета Владиміръ *Амалицкій*; инспекторъ института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи Николай *Орановъ*; почетный членъ попечительнаго совѣта Комисаровскаго техническаго училища Александръ *Рубановскій*; хранитель отдѣленія рукописей и славянскихъ старопечатныхъ книгъ Московскаго публичнаго и Румянцевскаго музеевъ Семень *Долговъ*; завѣдывающіе отдѣленіями при Николаевской главной физической обсерваторіи по изданію ежедневнаго метеорологическаго бюллетеня, Брониславъ *Керемовскій* и станцій Ш разряда, Эмилій *Беръ*; учитель-инспекторъ Солодовниковскаго городского училища Александръ *Дриневичъ*; врачъ Митавской гимназіи Карлъ *Гильдебрандъ*; учителя реальныхъ училищъ Калишскаго, Ипполитъ *Пинко* и Виленскаго, Николай *Пономаревъ* и почетный смотритель Александровскаго городского училища баронъ Владиміръ *Шеттинъ*; палатные совѣтники: директоръ Плонской гимназіи Иванъ *Иматенко*; почетный попечитель Елисаветградской гимназіи Александръ *Пашутинъ*; директоръ Кувгурскаго техническаго, Губкина, училища Алексѣй *Хвастуновъ*; столоначальникъ канцеляріи попечителя Московскаго учебнаго округа Евгений *Михайловъ*; младшій помощникъ бібліотекаря Императорской Публичной бібліотеки Владиміръ *Майковъ*; учитель рижской Александровской гимназіи Артуръ *Клеверъ*; учитель-инспекторъ Торопецкаго городского училища Владиміръ *Ананинъ*; врачъ Виленскаго христіанскаго учительскаго института Лейзеръ *Стембо*; учитель приготовительнаго класса Тифлисскаго второй гимназіи Ипполитъ *Татишевъ* и учитель-завѣдывающій Александровскимъ евангелическимъ городскимъ училищемъ Августъ *Шаде*; исправляющій должность директора Костромскихъ промышленныхъ училищъ, имени надворнаго совѣтника О. В. Чижова, коллежскій ассессоръ Александръ *Поповъ*; неимѣющіе чина, ординарные профессора Императорскихъ университетовъ: Новороссійскаго, Николай *Ланге* и Варшавскаго, Борисъ *Станкевичъ*.

Св. Анны 3-й степени: статскіе совѣтники: исправляющій должность гродненскаго директора народныхъ училищъ Николай *Оивейскій*; старшій ассистентъ Императорскаго клиническаго института великой княгини Елены Павловны, почетный профессоръ Іосифъ *Земацкій*; правитель канцеляріи Варшавскаго учебнаго округа Николай *Славинъ*; исправляющій должность экстраординарнаго профессора Императорскаго Харьковскаго университета Иванъ *Миклашевскій*; помощникъ директора Варшавскаго ветеринарнаго института Павелъ *Захаровъ*; инспекторы народныхъ училищъ губерній: Вятской, Ѳеодоръ *Штырлинъ* и Михаилъ *Ронинскій*, Харьковской, Вячеславъ *Александровъ* и Пермской, Матвѣй *Лебединскій*; учителя гимназій: С.-Петербургской седьмой, Александръ *Шашковскій*, Псковской, Дмитрій *Овсовъ*, Смоленской, Ѳома *Поризко*, Костромской, Иванъ *Ѳедотовъ*, Астраханской, Петръ *Алекосевъ*, Саратовской второй, Гурій *Хромусовъ*, Царицынской Александровской, Ѳеодоръ *Яковлевъ*, Читинской, Николай *Сарычевъ*, Петръ *Габовичъ* и Карлъ-Юрій *Эфбертъ*, Корочанской Александровской, Тимовой *Проскурниковъ*, Ахтырской, Александръ *Александровичъ*, Острожской, Петръ *Цыганковъ-Куриленковъ*. Прилукской, Филиппъ *Колекта* и Иванъ *Александровъ*, Новгородскаго губернскаго, Михаилъ *Доброворскій*, Черкасской, Ѳеодоръ *Дворяинскій*, состоящей при историко-филологическомъ институтѣ князя Безбородко въ гор. Нѣжинѣ, Вальтеръ *Фогтъ*, Варшавской шестой, Карлъ *Неру*, Люблинской, Антонъ *Курбасъ*, Квѣцкой, Александръ *Веребрюсовъ*, Гродненской, Гавріилъ *Харламповичъ*, Слуцкой, Иванъ *Галбовъ*, Витебской, Оскаръ *Фрейберъ*, Могилевской, Адамъ *Хрущевичъ*, Рижской городской, Александръ *Неймманъ* и Либавской Николаевской, Константинъ *Келдышъ*; воспитатель пансіона Псковской гимназійи Николай *Калининъ*; учителя женскихъ гимназій: С.-Петербургской Покровской, Евгеній *Роговскій*, Выборгской, Владиміръ *Большепетаринскій*, Казанской Маріинской, Яковъ *Хохряковъ*, Вятской Маріинской, Василій *Николаевъ*, Кременчугской, Степанъ *Черногоръ* и Одесской второй, Константинъ *Пятницкій*; врачъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, Павелъ *Добрадинъ*; учителя: реальныхъ училищъ: Великолуцкаго, Владиміръ *Гольмъ*, Тульскаго, Ричардъ *Вишертъ*, Нижегородскаго Владимірскаго, Николай *Сафоновъ*, Иваново-Вознесенскаго, Сергѣй *Котровцевъ*, Харьковскаго, Францъ *Озле*, Тамбовскаго, Николай *Скрябинъ*, Моршанскаго, Казиміръ *Дуницъ*, Пензенскаго, Николай *Тарховъ* и Густавъ *Гильдебрандъ*, Урюпинскаго, Антонъ *Щербовъ*, Кіевскаго св. Екатерины, Титъ *Христиани*, Ровен-

скаго, Василій *Осташковъ*, Пинскаго. Сергѣй *Зубажинъ*, Поневѣжскаго, Антонъ *Струковский* и Темиръ-Ханъ-Шуринскаго, Николай *Ясковскій*, прогипназій: Карачевской, Германъ *Яковъ*, Пячовской, Викторъ *Яворскій*, и Измаильской, Юліанъ *Милюковичъ*; главнаго нѣмецкаго училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Петра въ С.-Петербургѣ, Александръ *Гинкенъ*. Виленскаго Маринскаго высшаго женскаго училища, Борясъ *Громачевскій* и техническихъ училищъ Касимовскаго средняго, Василій *Николаевъ* и Комисаровскаго, Василій *Мамшиевъ* и наставники учительскихъ семинарій: Вольской, Ѳеодоръ *Фармаковский* и Благовѣщенской, Александръ *Киртищиковъ*; коллежскіе совѣтники: чиновникъ особыхъ порученій VI класса при министрѣ Николай *Аванасьевъ*; старшій зоологъ зоологическаго музея Императорской академіи наукъ Алексѣй *Бялыницкій-Буруля*; ученый хранитель ботаническаго музея той же академіи Дмитрій *Литвиновъ*; экстраординарные профессора Императорскихъ университетовъ: Московскаго, Владиміръ *Вернадскій*, Харьковскаго, Яковъ *Денисовъ* и Новороссійскаго, исправляющій должность, Евгений *Щепкинъ*; исполняющіе обязанности инспектора Либавской Николаевской гимназій, Константинъ *Смирнинъ* и Брянскаго средняго технического училища, Василій *Михайловъ*; инспекторы народныхъ училищъ губерній: Владимирской, Иванъ *Любимовъ*, Костромской, Евгений *Микифоровъ*, Ярославской, Николай *Всригинъ*, Казанской, Григорій *Боракоскій*, Самарской, Николай *Орловъ*, Харьковской, Александръ *Ордынский* и Воронежской, Сергѣй *Любимовъ*; адъютантъ-астрономъ Николаевской главной астрономической обсерваторіи Александръ *Ивановъ*; хранитель Дашковскаго этнографическаго музея Московскаго публичнаго и Румянцевскаго музеевъ Николай *Личукъ*; прозекторъ Императорскаго Московскаго университета Михаилъ *Гарднеръ*; ассистентъ при акушерской клиникѣ Императорскаго Московскаго университета Георгій *Соловьевъ*; преподаватели Императорскаго Московскаго технического училища Дмитрій *Зубаревъ* и Василій *Румянцевъ*; завѣдывающій учебными мастерскими Комисаровскаго технического училища Сергѣй *Липшицъ*; постоянный ординаторъ Императорской Екатерининской больницы въ гор. Москвѣ Константинъ *Нагель*; учитель Нижегородскаго дворянскаго института Императора Александра II Михаилъ *Сессоровъ*; учителя: гимназій: С.-Петербургскихъ: шестой, Николай *Шубинъ*, Введенской, Сергѣй *Смирновъ*, при Императорскомъ С.-Петербургскомъ историко-филологическомъ институтѣ Викторъ *Мардиновъ* и К. Мая, Александръ *Липовскій*; Императорской Николаевской Царскосельской, Николай

Покотило, Благовѣщенской, Григорій *Алекстеевъ*, Вологодской, Константинъ *Проскуряковъ*, Олонецкой, Алексѣй *Красногородцевъ*, Московскихъ четвертой, Николай *Алекстеевъ* и Августъ *Грюнталь* и седьмой, Евгений *Браунъ*, Сергіевской въ Сергіевскомъ посадѣ, Тимошей *Кудрявцевъ* и Артуръ *Грунау*, Рязанской, Александръ *Лебедевъ*, Владимирской, Василій *Пузицкій*, Казанской второй, Дмитрій *Тирихинъ* и Василій *Ложкинъ*, Харьковскихъ второй, Василій *Лезинъ* и третьей, Арсеній *Кадлубовскій*, Бѣлгородской, Николай *Алферовъ*, Воронежской, Леонидъ *Горбунковъ*, Пензенской первой, Григорій *Любарскій*, Кіевскихъ первой, Константинъ *Щербина* и второй, Владиміръ *Сушицкій*, Александръ *Діаконенко* и Сергѣй *Лихотинскій*, Лубенской, Варсофій *Ивановъ*, Бѣлоцерковской, Александръ *Владиміровъ*, Уманской, Николай *Гуринъ* и Павелъ *Тимошокъ*, Варшавской пятой, Вячеславъ *Гладкевичъ*, Сувалекской, Александръ *Извъковъ*, Рижскихъ Александровской, Карлъ *Мюленбахъ* и Алексѣй *Шустовъ* и Императора Николая I, Георгій *Манжосъ*, Митавской, Степанъ *Мечниковскій*, Ревельской Александровской, Иванъ *Яблонскій*, Одесскихъ второй, Іосифъ *Турцевичъ* и четвертой, Константинъ *Тюльпановъ*, Екатеринославской, Федоръ *Локоть*, Виленской второй, Максимиліанъ *Косаковский*, Пермской, Василій *Максимовъ*, Уфимской, Константинъ *Соколовскій*, Тифлисской третей, Артемій *Шамшиловъ*, Владикавказской, Иванъ *Леонтьевъ*, Елисаветпольской, Порфирій *Поляковъ*, Ставропольской Семень *Морозовскій*, Новороссійской, Никита *Мельниковъ* и Иркутской, Василій *Петровъ*; женскихъ гимназій: Выборгской, Константинъ *Рыбинскій*, Бесѣ въ гор. Москвѣ, Петръ *Ивановъ*, Сѣдлецкой, Николай *Козачковскій* и Тифлисской второй Великой Княгини Ольги Феодоровны, Александръ *Николскій* и реальныхъ училищъ: Великолуцкаго, Владиміръ *Груздевъ*, Череповецкаго, Августъ *Мюллеръ*, Вологодскаго Александровскаго, Лука *Зборомірскій*, при евангелическо-лютеранской церкви св. Михаила въ гор. Москвѣ, Мартинъ *Беръ*, Смоленскаго, Густавъ *Кнесь*, Казанскаго, Василій *Ажеевъ*, Вольскаго, Петръ *Гожъ*, Харьковскаго, Григорій *Кузнецовъ*, Тамбовскаго, Иванъ *Шираевскій*, Кременчугскаго, Петръ *Колута*, Сосновникаго, Адріанъ *Калишевичъ*, Рижскаго городского, Фридрихъ *Вестбергъ*, Либавскаго, Михаилъ *Донченко*, Елисаветградскаго, Василій *Архитовъ*, Бѣлостокскаго, Владиміръ *Гльбовскій*, Екатеринбургскаго, Конрадъ *Оттъ* и Александръ *Питтель-де-Грацианъ*, Пермскаго, Григорій *Орловъ*, Кубанскаго Александровскаго, Николай *Олимпиади* и Бакискаго, Александръ *Лазровъ*; врачи реальныхъ училищъ: Вологодскаго Алек-

сандровскаго, Николай *Сухорскій* и Рижскаго Императора Петра I. Николай *Рудаковъ*; учителя прогимназій: Московской, Василій *Флоровъ*, Харьковской, Павелъ *Дютруиль*, Бобровской, Николай *Колесниковъ*, Стародубской, Владиміръ *Морозовъ*, Аккерманской, Владиміръ *Тузенко*, Евпаторійской, Виталий *Соколовскій* и Мозырской, Михаилъ *Созоновъ*; преподаватель Иркутскаго промышленнаго училища, Тихонъ *Юринскій*; наставники учительскихъ семинарій: Новобугской, Семень *Черный*, Омской, Иванъ *Гурскій*, и Туркестанской, Фѣдоръ *Елоровъ*; учитель-инспекторъ Устькаменогорскаго городского училища, Александръ *Михайловъ*; врачъ Ношеховскаго городского училища Маріанъ *Тельтовъ* и учитель казанской татарской учительской школы Николай *Коржавинъ*; надворные совѣтники: бібліотекаръ бібліотеки Императорскаго университета св. Владиміра Веніаминъ *Кордтъ*; адъюнкты-профессоръ Императорскаго Московскаго техническаго училища Сергѣй *Дановой*; исправляющій должность адъюнкты-профессора института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи Николай *Мышкинъ*; инспекторы народныхъ училищъ Томской губерніи, Владиміръ *Добровольскій* и Рижскаго учебнаго округа, Николай *Павлюковъ*; младшіи зоологъ зоологическаго музея Императорской Академіи наукъ Георгій *Якобсонъ*; дѣлопроизводитель VII класса департамента народнаго просвѣщенія Владиміръ *Тропинъ*; прозекторъ при кафедрѣ оперативной хирургіи Императорскаго Московскаго университета Фридрихъ-Карлъ *Рейнъ*; физикъ отдѣленія станціи II разряда при Николаевской главной физической обсерваторіи Петръ *Ванмарі*; лаборантъ Костромскаго промышленнаго училища, имени Ф. В. Чижова, Максимъ *Шешуковъ*; экзекуторъ Императорскаго Казанскаго университета Иванъ *Гавриловъ*; учителя: гимназій: С.-Петербургскихъ, третьей Георгій *Гинкель*, одиннадцатой, Лаврентій *Броссе* и Императорскаго человеколюбиваго общества, Николай *Берениусъ*, Гельсингфорской Александровской, Михаилъ *Макарьевскій*, Киевскихъ, первой, Аванасій *Назаренко*, четвертой, Евгений *Кивлицкій* и Киево-печерской, Альбертъ *Русси*, Полтавской, Антоній *Ильенко*, Слуцкой, Владиміръ *Сьдовъ*, Тифлисской первой, Фѣдоръ *Авиловъ*, Митавской, Василій *Хваленскій* и Екатеринодарской, Сергѣй *Даріоновъ*; женскихъ гимназій: Нарвской, Василій *Крохинъ* и Варшавской четвертой, Викторъ *Бялковскій*. реальныхъ училищъ: С.-Петербургскаго втораго, Михаилъ *Быстровъ*, Одесскаго, Вильгельмъ *Блумбергъ*, Ловичскаго, Фѣдоръ *Шестаковъ* и Владикавказскаго, Василій *Полуховъ*, С.-Петербургской прогимназіи, Альфонсъ *Моаньяръ* и С.-Петербургскаго учительскаго института,

Павель *Почортовъ*; наставникъ Валкской учительской семинаріи, Василій *Лабинъ*; инспекторъ Одесскаго городского ремесленнаго училища Александръ *Плотницкій*; учителя-инспекторы городскихъ училищъ: С.-Петербургскаго Андреевскаго, Феодоръ *Тетерниковъ*, Архангельскаго, Викторъ *Камкинъ*, Осташковскаго, Александръ *Лебедевъ*, Костромскаго, Николай *Вознесенскій*, Балашовскаго, Сергій *Праховъ*, Царицынскаго, Василій *Федоровъ*, Астраханскаго второго, Николай *Скориковъ*, Чебоксарскаго, Михаилъ *Доброправовъ*, Котельничскаго, Степанъ *Никольскій*, Малыжскаго, Иванъ *Шувинъ*, Буинскаго, Евгений *Сиземскій*, Бердянскаго, Іустинъ *Дьяченко*, Каркаралинскаго, Феодоръ *Брутанъ*, Чардынскаго, Илья *Поповъ*, Петровскаго, Матвѣй *Коптеловъ*, Темрюковскаго, Шамше *Ломинадзе* и Озургетскаго, Александръ *Мусницкій*; штатные смотрители: городскихъ училищъ: Ковельскаго, Яковъ *Кирияновъ* и Могилевскаго, Константинъ *Годзіевскій* и уѣздныхъ училищъ Дясленскаго, Флоръ *Барановскій* и Быховскаго, Александръ *Новицкій*; врачъ Одесскаго городского училища, Никандръ *Воскресенскій*; адъюнктъ отдѣленія станціи III разряда при Николаевской главной физической обсерваторіи Александръ *Гарнакъ*; учитель Варшавскаго ремесленнаго училища, имени М. Конарскаго, Игнатій *Дембницкій*; учителя Тифлисской третьей гимназіи, Иванъ *Аруцианъ* и Пензенской женской прогимназіи, Иванъ *Прокофьевъ*; помощники классныхъ наставниковъ: гимназій: Вологодской, Фирсъ *Ростиславинъ*, Московской второй, Илья *Любимовъ*, Коломенской, Александръ *Виноградовъ* и Омской, Петръ *Поляковъ* и реальныхъ училищъ: Череповецкаго, Григорій *Цептаевъ*, Киевскаго, Василій *Леонтьевъ*, св. Павла въ гор. Одессѣ, Вильгельмъ *Майеръ* и Екатеринбургскаго, Николай *Соколовскій*, завѣдывающіе городскими училищами Кролевецкимъ, Александръ *Новицкій* и Нижнеудинскимъ, Феохистъ *Имаевъ*; учителя городскихъ училищъ: С.-Петербургскаго Сергіевскаго, Александръ *Бейтель* и Иванъ *Черныскій*, Костромскаго, Александръ *Уличаниновъ*, Романово-Борисоглѣбскаго, Александръ *Кузнецовъ*, Алатырскаго, Александръ *Крутяковъ*, Зугдидскаго, Іосифъ *Степановъ*, Кубинскаго, Семень *Гамрекловъ* и Ставропольскаго, Іосифъ *Латашидзе* и учитель Саратовской первой гимназіи Демьянъ *Усовъ*; коллежскіе ассессоры: почетный попечитель Енисейской прогимназіи, Александръ *Китмановъ*; экстраординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета, Владиміръ *Гулевичъ*; инспекторъ народныхъ училищъ Карской области Василій *Дьяницкій*; дѣлопроизводители VII класса департамента народнаго просвѣщенія, Александръ *Яковлевъ* и Дмитрій *Георгіевскій*;

помощники инспектора студентовъ Харьковскаго технологическаго института Императора Александра III, Иванъ *Раевскій* и Императорскаго Московскаго техническаго училища, Владимиръ *Смирновъ*; физикъ отдѣленія станціи III разряда при Николаевской Главной физической обсерваторіи, Николай *Комовъ*; помощникъ библиотекаря Московскаго публичнаго и Румянцевскаго музеевъ, Антонъ *Калишевскій*; столоначальникъ канцеляріи попечителя Кіевскаго учебнаго округа, Валеріанъ *Забузскій*; помощникъ инспектора студентовъ Императорскаго Казанскаго университета, Иванъ *Злобинъ*; учителя гимназій Варшавской второй, Федоръ *Архангельскій* и Благовѣщенской, Ромуальдъ *Степановскій*; наставникъ Песвжской учительской семинаріи Сергій *Вишневскій*; учитель Лодзинскаго мануфактурно-промышленнаго училища Сергій *Лыткинъ*; почетный смотритель Верросскаго городского училища Николай *Фонъ-Ротъ*; штатные смотрители городскихъ училищъ Черкаскаго, Николай *Ямъ* и Сквирскаго, Левъ *Куриндинъ*; учителя-инспекторы городскихъ училищъ: Охтенскаго Императора Петра Великаго, Дмитрій *Загребинъ*, Нижегородскаго, Николай *Батуевъ*, Первовскаго, Федоръ *Циклинскій*, Валуйскаго, Александръ *Захаровъ* и Лепельскаго, Александръ *Василенко*; младшій наблюдатель Константинвской магнитно-метеорологической обсерваторіи въ гор. Павловскѣ Василій *Кузнецовъ*; писмоводитель Юрьевскаго ветеринарнаго вѣдѣнія Александръ *Урбановичъ*; штатные смотрители училищъ Павловскаго уѣзднаго, Николай *Новосильцевъ* и Новочеркаскаго окружнаго, Константинъ *Ермоловъ* и учителя: Александрійскаго городского училища, Степанъ *Сычевъ*, образцовой школы при Кубанской учительской семинаріи, Павелъ *Мельниковъ* и гимназій: Полтавской, Василій *Мандро-Апродовъ*, Глуховской, Алексѣй *Громико*, Елисаветградской, Сяла *Добровольскій* и Кишиневской первой, Григорій *Комарницкій* и реальныхъ училищъ С.-Петербургскаго третьяго, Павелъ *Преображенскій* и Винницкаго, Александръ *Борщевскій*; титулярные совѣтники: старшій помощникъ библиотекаря Императорской публичной бібліотеки Владимиръ *Саитовъ*, членъ-соревнователь попечительнаго совѣта Комисаровскаго техническаго училища Викторъ *Листъ*; секретарь совѣта Императорскаго Томскаго университета Николай *Кузнецовъ*; учителя: гимназій: Варшавской второй, Алексѣй *Прокотовичъ* и Люблинской женской, Яковъ *Билинскій*, Варшавскаго реальнаго училища, Митрофанъ *Имшенецкій* и Варшавской женской прогимназій, Дмитрій *Янковскій*; помощникъ столоначальника канцеляріи попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа Болеславъ *Машарскій*;

учитель Закавказской учительской семинаріи Викторъ *Полевскій* и приватъ-доцентъ Императорскаго Казанскаго университета Иванъ *Львовъ*; коллежскіе секретари: инспекторъ Горійскаго городского училища Николай *Погорьловъ* и младшій помощникъ бібліотекаря II отдѣленія бібліотеки Императорской Академіи наукъ Оскаръ *фонъ-Галлеръ*; почетный попечитель Кіевской второй гимназіи, губернской секретарь Михаилъ *Шестаковъ*; нештѣющіе чина: экстраординарные профессеры Императорскихъ университетовъ: Московскаго, Михаилъ *Покровскій*, Варшавскаго, Зяновій *Гутниковъ*, Томскаго, исправляющій должность Михаилъ *Рейснеръ* и Юрьевскаго, сверхштатный Платонъ *Граве*; исправляющій должность лектора Императорскаго Варшавскаго университета Францъ *Лянчи*; учитель гимназіи доктора Видемана, въ С.-Петербургѣ, Василій *Экзортъ* и приватъ-доцентъ Императорскаго Казанскаго университета Всеволодъ *Ульяминъ*.

Св. Станислава 2-й степени: статскіе совѣтники: ordinарные профессеры Императорскихъ университетовъ: Варшавскаго, Иванъ *Созоновичъ* и Юрьевскаго, исправляющіе должность Михаилъ *Красноженъ* и Владиміръ *Мальбергъ*; профессеры Рязскаго политехническаго института Генрихъ *Мальбергъ*, Карлъ *Довишъ* и Максимиліанъ *Глазенанъ*; директоры: гимназій Ченстоховской, Кириллъ *Май* и Томской, Иванъ *Муретовъ*, Череповецкаго реальнаго училища, князь Борисъ *Тенишевъ* и Костромскаго промышленнаго училища, ижеи надворнаго совѣтника О. В. Чижова, Николай *Чуриловъ*; дѣлопроизводитель VI класса департамента народнаго просвѣщенія Александръ *Ковалевскій*; экстраординарные профессеры Императорскихъ университетовъ: Томскаго, Михаилъ *Потовъ*, Юрьевскаго, исправляющій должность Александръ *Незоровъ* и сверхштатные Московскаго, Николай *Корсаковъ* и Юрьевскаго, Вернеръ *Целе-фонъ-Мантейфель*, экстраординарные профессеры Императорскаго С.-Петербургскаго историко-филологическаго института Георгій *Форстенъ* и Сергій *Буличъ*; бібліотекаръ Императорскаго Томскаго университета Степанъ *Кузнецовъ*; инспекторъ Лубенской гимназіи Сергій *Чемосоловъ*; исполняющіе обязанности инспектора гимназій: Нарвской, Михаилъ *Кривицкій*, Саратовской второй, Антонъ *Шумейко* и Уманской, Митрофанъ *Тарановичъ*; инспекторы прогимназій: Азовской, Иванъ *Болюбовъ*, Луганской, Екатерининско-Александровской, Петръ *Пановъ*, Брестской, Михаилъ *Окиншевичъ* и Маргеланской, Павелъ *Смолянниковъ*; исполняющіе обязанности инспектора реальныхъ училищъ: Гуревича, въ С.-Петербургѣ, Дмитрій *Цинзерлинъ*, Зарайскаго, Ни-

колай *Соколовъ*, Саранульскаго Алексѣевского, Владиміръ *Залежскій*, Сумскаго, Михаилъ *Коноровъ* и Ташкентскаго, Николай *Знаменскій*; инспекторъ Рижскаго городского женскаго училища Фѳодоръ *Андерсъ*; инспекторы народныхъ училищъ: губерній: С.-Петербургской, Василій *Грапинскій*, Московской, Николай *Похорскій*, Рязанской, Владиміръ *Стратилатовъ*, Орловской, Антонъ *Украинцевъ*, Тверской, Иванъ *Бойчевскій*, Полтавской, Евгений *Соболевъ*, Кѣлецкой, Юсифъ *Говорко*, Таврической, Алексѣй *Мѣшковъ* и Томской, Николай *Ларионовъ*, Туркестанскаго края, Константинъ *Аристовъ* и Акмолинской области, Александръ *Злобинъ*; преподаватель технологическаго института Императора Николая I, Александръ *Соколовъ*; помощникъ инспектора студентовъ Императорскаго Московскаго университета Петръ *Преображенскій*; заслуженный преподаватель Елецкой гимназій Иванъ *Яхонтовъ*; учителя гимназій: С.-Петербургской Ларинской, Григорій *Цѣтлаевъ* и десятой, Николай *Марковичъ*, Кронштадтской, Александръ *Окшевскій*, Московскихъ: первой, Виталий *Эйморнъ*, четвертой, Александръ *Скайе* и пятой, Михаилъ *Пановъ*, Калужской, Иванъ *Сосницкій*, Елецкой, Константинъ *Вознесенскій*, Костромской, Александръ *Покровский*, Нижегородской, Фѳодоръ *Расина*, Рыбинской, Павелъ *Лаговскій*, Смоленской, Богданъ *Гернъ*, Тульской, Василій *Орловъ*, Шуйской, Александръ *Сахаровъ*, Казанскихъ: Императорской первой, Николай *Горталовъ* и Константинъ *Воронцовъ* и третьей, Александръ *Баронъ*, Вятской, Григорій *Шинелинъ*, Самарской, Николай *Каминскій*, Острогской, Степанъ *Антоновъ*, Тамбовской, Александръ *Гантшеръ*, Пензенской второй, Василій *Лебедевъ*, Новочеркасской, Павелъ *Бѣдинъ*, Кіевскихъ: первой, Павелъ *Бодянский*, второй, Алексѣй *Тиховъ* и третьей, Григорій *Ляшницкій*, Привлукской, Иванъ *Сенаторскій*, Уманской, Корнелій *Смоличъ*, Петроковской, Александръ *Людвигевичъ*, Люблинской, Брониславъ *Естаховичъ*, Холмской, Аванасій *Карповичъ*, Сувалкской, Владиміръ *Коцъ*, Виленской первой, Михаилъ *Серебряковъ* и Францъ *Вельманъ*, Ковенской, Петръ *Лисенко*, Гродненской, Аванасій *Донатенковъ*, Рижской Императора Николая I, Михаилъ *Торашевъ*, Одесскихъ, второй, Петръ *Колло* и четвертой, Германъ фонъ-*Гаазе*, Бердянской, Анемподистъ *Кирилловъ*, Симферопольской, Павелъ *Желеховскій*, Херсонской, Николай *Волянский*, Илтинской Александровской, Иванъ *Загорданъ*, Омской, Эрнестъ фонъ-*Штернъ*, Тобольской, Константинъ *Васильевъ*, Пермской, Константинъ *Борняковъ*, Кутаисской, Левъ *Семеновъ* и Александръ *Сапожниковъ*, Ташкентской, Николай *Кореньковъ* и Иркутской, Петръ

Чиринцевъ; учителя жевскихъ гимназій: Псковской Маріинской, Палладій *Каракулинъ*, Вольской Маріинской, Константинъ *Перуанскій*, Черниговской, Николай *Поэняковъ*, Одесской Маріинской, Павелъ *Ивановъ*, Екатеринославской, Іосифъ *Алдыревъ* и Ставропольской, Василій *Журавлевъ*; учителя: реальныхъ училищъ: С.-Петербургскаго перваго, Евгений *Леве*, Новгородскаго, Матвѣй *Дьдовъ*, Вологодскаго Александровскаго, Григорій *Городцовъ*, Тульскаго, Николай *Муратовъ*, Муромскаго, Василій *Карташевъ*, частнаго Мазынга въ гор. Москвѣ, Сергѣй *Барановъ*, Саратовскаго Александро-Маріинскаго, Митрофанъ *Мышкинъ* и Ѳедоръ *Штраль*, Новочеркаскаго, Василій *Буханцевъ*, Ростовскаго-на-Дону Петровскаго, Евстафій *Гусаковскій*, Кіевскаго, Георгій *Ивановъ* и Николай *Васильевъ-Яковлевъ*, Кременчугскаго, Іосифъ *Свенцицкій*, Новозыбковскаго, Германъ *Экке*, Сосноницкаго, Александръ *Паренато*, Мисскаго, Павелъ *Замцъ* и Георгій *Осмоловскій*, Рижскаго городского, Константинъ *Нилендеръ*, св. Павла въ гор. Одессѣ, Петръ *Злотчанскій*, Екатеринославскаго, Михайлъ *Базилевичъ*, Мелитопольскаго, Петръ *Ивановъ*, Николаевскаго Александровскаго, Сергѣй *Аванасьевъ*. Екатеринбургскаго, Михайлъ *Соловьевъ* и Темиръ-Ханъ-Шуриискаго, Хрисанфъ *Яновскій*, прогимназій: Орловской, Алексѣй *Прозоровскій*, Серпуховской Александровской, Петръ *Смирновъ*, Рязанской, Андрей *Пулачевъ*, Луцкой, Иванъ *Комиссаржевскій*, Замостской, Александръ *Етифиновъ*, Пултусской, Иванъ *Голубевъ*, Измалъской, Владиміръ *Боровскій*, Евпаторійской, Илья *Пузановъ* и Херсонской, Михайлъ *Крижановскій*, главнаго нѣмецкаго училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Петра въ С.-Петербургѣ, Адольфъ *Глевекъ* и Комисаровскаго техническаго училища, Дмитрій *Боголюбенскій*; наставники: Екатеринбургскаго учительскаго института, въ гор. Тамбовѣ, Аполлонъ *Пустовойтовъ* и учительскихъ семинарій Новоторжской, Владиміръ *Панковъ* и Курской, Петръ *Поповъ*; штатные учителя Вѣльской учительской семинаріи Николай *Протопоповъ* и Михайлъ *Михаленко*; воспитатель Петровско-Александровскаго пансіона-пріюта московскаго дворянства Иванъ *Александровъ* и врачъ Вытегорскаго городского училища Генрихъ *Литъ*; коллежскіе совѣтники: помощникъ попечителя Кіевскаго учебнаго округа, въ званіи камеръ-юнкера Двора Его Императорскаго Величества Петръ *Извольскій*; ординарные профессора Императорскихъ университетовъ: Харьковскаго, Павелъ *Лейкфельдъ* и Леонидъ *Орловъ* и Варшавскаго, Александръ *Щербакъ*; дѣлопроизводитель VI класса департамента народнаго просвѣщенія Александръ *Маннъ*;

экстраординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета Робертъ *Виттеръ*; инспекторъ С.-Петербургской Ларинской гимназіи Иванъ *Суровцовъ*; инспекторъ Курскаго дворянскаго пансіонапріюта Имени Императора Александра III Несторъ *Борцовъ*; исполняющіе обязанности инспектора гимназій Рязской городской, Гугонъ *Данненбергъ* и Перновской, Владиміръ *Лукинъ*; инспекторы народныхъ училищъ: губерній: Вологодской, Александръ *Введенскій*, Харьковской, Владиміръ *Тулиновъ*, Курской, Николай *Ильинскій* и Воронежской, Николай *Холмиъ* и Рязскаго учебнаго округа, Николай *Бельдюжинъ*; адъюнкты-астрономъ Николаевской главной астрономической обсерваторіи Сергій *Костинскій*; младшій зоологъ зоологическаго музея Императорской Академіи наукъ Александръ *Никольскій*; ассистентъ при психіатрической клиникѣ Императорскаго Московскаго университета Владиміръ *Сербскій*; инспекторъ Майкопскаго вѣдшаго технического училища Николай *Аккермановъ*; помощникъ директора Иркутской магнитно-метеорологической обсерваторіи Раймундъ *Розенталя*; помощники инспектора студентовъ Императорскихъ университетовъ: Московскаго, Николай *Калиновскій*, Харьковскаго, Иванъ *Ершовъ* и Сергій *Чернышевъ* и Новороссійскаго, Фёдоръ *Лаодовскій*; учителя: гимназій: С.-Петербургской третьей, Вячеславъ *Желотыхъ*, Мариупольской, Митрофанъ *Кустовскій*, Варшавской четвертой, Степанъ *Троцковичъ*, Виленской первой, Иванъ *Орловскій*, Рязской Императора Николая I, Иванъ *Михалевичъ* и Тифлисскаихъ первой, Михалъ *Картинскій* и третьей, Зиновій *Никитскій*, женскихъ гимназій С.-Петербургской Покровской, Александръ *Ешевскій* и Петроковской, Иванъ *Рождественскій*, Мятавскаго реальнаго училища Владиміръ *Соколовъ*, прогимназій Лебединской, Петръ *Соловьевъ* и Пултуской, Николай *Зиновьевъ* и училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Анны въ С.-Петербургѣ, Рейнгольдъ *Танцшеръ*; наставникъ Пензенской учительской семинаріи Ефремъ *Зайцевъ*; учитель Оренбургской киргизской учительской школы Платонъ *Юркевичъ* и надзиратель средняго механико-техническаго училища при Нижегородскомъ Владимірскомъ реальномъ училищѣ Павелъ *Нечавовъ*; надворные совѣтники: ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета Василій *Александренко*; правитель канцеляріи попечителя Одесскаго учебнаго округа Капитонъ *Добрицкій*; инспекторы народныхъ училищъ: губерній: Владимірской, Иванъ *Дроздовъ*, Воронежской, Александръ *Кортамышевъ* и Уфимской, Станиславъ *Дворжецкій* и Рязскаго учебнаго округа, Николай *Орловъ*; завѣдывающій

отдѣленіемъ наблюдений и повѣрки инструментовъ при Николаевской главной физической обсерваторіи Іосифъ *Шукевичъ*; преподаватель технологическаго института Императора Николая I Дмитрій *Ивановскій*; столоначальникъ канцеляріи попечителя Рижскаго учебнаго округа Викторъ *Горскій*; членъ археографической комиссіи министерства Василій *Дружининъ*; дѣлопроизводитель VIII класса канцеляріи попечителя Кавказскаго учебнаго округа Владиміръ *Шешуковъ*; учитель Варшавской шестой гимназій, Константинъ *Тимашевъ*; учителя-инспекторы городскихъ училищъ: С.-Петербургскихъ, Свято-Троицкаго Владиміръ *Вороновъ*, Воздвиженскаго, Михаилъ *Скородумовъ* и Вознесенскаго, Александръ *Ксентицкій*, Островскаго, Гавріилъ *Русицкій*, Устюгскаго, Фѣдоръ *Надеждинъ*, Рижскаго Петропавловскаго, Петръ *Дадзигъ*, Венденскаго, Иванъ *Овчинниковъ*, Одесскаго, Николай *Отто* и Александрійскаго, Александръ *Евстафьевъ*; врачъ С.-Петербургскаго Казанскаго городского училища Петръ *Фроловъ*; почетный смотритель Бѣлецкаго уѣзднаго училища Иванъ *Бузы*; инспекторъ Ташкентскаго ремесленнаго училища Евгений *Александровичъ*; штатные смотрители и учителя городскихъ училищъ Чигиринскаго, Алексѣй *Павловъ* и Каневскаго, Иванъ *Смирновъ*; приватъ-доцентъ и хранитель ботаническаго кабинета Императорскаго Томскаго университета Порфирій *Крыловъ*; помощники классныхъ наставниковъ гимназическихъ классовъ Лазаревскаго института восточныхъ языковъ, Григорій *Проценко* и Рижской Александровской гимназій, Онисимъ *Болотовъ* и сверхштатный учитель городского училища при Московскомъ учительскомъ институтѣ Алексѣй *Успенскій*; коллежскіе ассесоры: бібліотекаръ I отдѣленія бібліотеки Императорской Академіи наукъ Эдуардъ *Вольтеръ*; старшій помощникъ бібліотекаря I отдѣленія той же бібліотеки Всеволодъ *Срезневскій*; архитекторъ Варшавскаго учебнаго округа Владиміръ *Покровскій*; секретарь правленія Императорскаго С.-Петербургскаго университета Сергій *Ференцъ-Сороцкій*; лаборантъ Императорскаго Московскаго университета Эмилій *Кейзеръ*; учителя гимназій: Кіевской второй, Николай *Коджебаши*, Лодзинской, Ясонъ *Билинскій* и Аккерманской женской, Левъ *Сливинскій*; почетные смотрители городского училища при С.-Петербургскомъ учительскомъ институтѣ, Прохоръ *Матвеевъ* и казенныхъ начальныхъ училищъ гор. Москвы, Егоръ *Миндбергъ*; экономъ С.-Петербургской третьей гимназій Константинъ *Незлобинскій* и учителя гимназій Кіево-Печерской, Романъ *Семеновъ* и Казанской Маріинской женской, Александръ *Кобызевъ*; титулярные совѣтники: ординарный

профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета Владимиръ *Левитскій* и директоръ Лодзинскаго мануфактурно-промышленнаго училища Александръ *Сиволобовъ*; неимѣющіе чина: ординарные профессора Императорскихъ университетовъ: Московскаго, Левъ *Кассо* и Новороссійскаго, Василий *Истрина*; профессоръ института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи Федоръ *Селивановъ* и учитель Варшавской третьей гимназій Александръ *Тиме*.

Св. Станислава 3-й степени: статскіе совѣтники, учителя: гимназій: Новгородсѣверской, Николай *Карповъ*, Виленской второй, Октавіанъ *Клясъ*, Витебской, Михайлъ *Сахаровъ* и Ростовской-на-Дону, Екатерининской женской, Дмитрій *Шеферъ*, Воронежскаго реальнаго училища, Карлъ *Буланже* и Лебедянской прогимназій, Николай *Андріевскій*; коллежскіе совѣтники: астрономъ-наблюдатель Императорскаго Юрьевскаго университета Константинъ *Покровскій*, инспекторъ Омскаго Императора Александра III низшаго механико-техническаго училища Александръ *Пудовкинъ*; завѣдывающій модельною мастерскою Императорскаго Московскаго технического училища Александръ *Вессель*; помощникъ прозектора Императорскаго Казанскаго университета Петръ *Заболотновъ*; учителя: гимназій: Калужской, Петръ *Федоровъ*, Рязанской, Викторъ *Кантаржи*, Новочеркасской, Дмитрій *Муравьевъ*, Глуховской, Александръ *Маминка*, Минской, Петръ *Сутрисъ*, Рижской городской, Викторъ *Феттерлейнъ*, Оренбургской, Теофилъ *Вилинскій* и Бакинской, Григорій *Лосковъ*; женскихъ гимназій: Вологодской Маріинской, Василий *Масленниковъ* и Казанской Ксеніинской, Тимофей *Почуевъ*. реальныхъ училищъ: Воронежскаго, Александръ *Масаловъ*, Варшавскаго, исправляющій должность Михайлъ *Ровинскій* и Шушинскаго, Арамъ *Калантаровъ* и Херсонской прогимназій, Лаврентій *Янковскій*; врачъ Барской женской прогимназій Николай *Клобуковъ*; учитель Холмскаго Маріинскаго училища Сергій *Соколовъ*; наставникъ Полоцкой учительской семинаріи Николай *Лосковичъ* и врачи: Порѣчской учительской семинаріи, Константинъ *Мамичкинъ* и С.-Петербургскаго низшаго химико-техническаго училища, Левъ *Криличевскій*; надворные совѣтники: исправляющій должность адъютантъ-профессора Рижскаго политехническаго института Генрихъ *Трей*; почетный членъ попечительства при Иркутскомъ промышленномъ училищѣ Анатолій *Янчуковскій*; консультантъ Императорскаго клиническаго института Великой Княгини Елены Павловны Василий *Окуневъ*; доцентъ Казанскаго ветеринарнаго института Николай *Кромель*; столоначальникъ канцеляріи попечителя Харь-

ковскаго учебнаго округа Николай *Гаркушенико*; младшій помощникъ библіотекаря Императорской публичной библіотеки Дмитрій *Никольскій*; учителя: гимназій: С.-Петербургскихъ первой, Александръ *Сутузинъ* и второй, Павелъ *Тихомировъ*, К. Мая, Эрнестъ *Штернберъ* и Борися *Некрасовъ*, Пековской, Рудольфъ *Гутманъ*, Новгородской, Константинъ *Тюлеміевъ*, Московской шестой, Дмитрій *Егоровъ*, Александровской смоленскаго земства въ гор. Вязьмѣ, Дмитрій *Яновскій* и Иванъ *Ловцовъ*, Харьковской второй, Андрей *Маларенко*, Курской, Павелъ *Шандыбинъ*, Новочеркасской, Григорій *Маляровъ*, Кіевской второй, Сергѣй *Сльсаревскій*, Житомирской первой, Александръ *Циркутъ* и Яковъ *Корбелецкій*, Ченстоховской, Николай *Пажитновъ*, Съдлецкой, Владиміръ *Коровицкій*, Одесской третьей, Дмитрій *Терновскій*, Екатеринославской, Петръ *Поворѣловскій*, Витебской, Михаилъ *Емельяновъ*, Минской, Александръ *Черныаскій*, Бакинской, Николай *Авоинскій* и Михаилъ *Ершовъ* и Ставропольской, Николай *Котмелевскій* и женскихъ гимназій: состоящей при евангелическо-лютеранской церкви св. Петра и Павла въ гор. Москвѣ, Евгений-Андрей-Эдуардъ *Миллеръ*, Калайдовичъ въ гор. Москвѣ, Александръ *Ситковъ* и Тираспольской, Иванъ *Ивановъ*; воспитатель пансіона Орловской гимназій Федоръ *Крюковъ*; учителя реальныхъ училищъ: С.-Петербургскаго третьяго, Карлъ *Гшисель*, Крошштадтскаго, Евгений *Фингеръ*, Выборгскаго, Иванъ *Васильевъ*, при реформатской церкви въ гор. Москвѣ, Николай *Бажановъ* и Мечиславъ *Пиотровичъ*, Орловскаго Александровскаго, Александръ *Лаврентьевъ*, Урюпинскаго, Товіэль *Нейманъ*, Ровенскаго, Яковъ *Алгдитеръ*, Виленскаго, Григорій *Поливода*, Двинскаго, Александръ *Шантыръ*, Тифлискаго, Владиміръ *Васильевъ* и Владикавказскаго, Павелъ *Леонтьевъ*; учитель Стародубской прогимназій Григорій *Волковъ*; врачъ С.-Петербургскаго учительскаго института Николай *Энгельн*, наставникъ Молодечненской учительской семинаріи Александръ *Кедровъ*; учитель Полоцкой учительской семинаріи Василій *Сивицкій*; учителя-инспекторы городскихъ училищъ: Опочецкаго, Иванъ *Скоковъ*, Тотемскаго, Василій *Боголюбовскій*, Инсарскаго, Петръ *Симаковъ*, Мариупольскаго, Гавріилъ *Млшниковъ*, Оренбургскаго, Михаилъ *Леценковъ* и Стерлитамакскаго, Василій *Діановъ*; штатные смотрители училищъ: Чаусскаго уѣзднаго, Иванъ *Гильдовскій*, Ольгопольскаго городского, Сергѣй *Каретниковъ* и Кременецкаго городского, Александръ *Палій*; врачи училищъ: городскихъ: Либавскаго, Ешаясъ *Гольдбергъ* и Виндавскаго, Исаакъ *Фейтельбергъ* и Новочеркасскаго атаманскаго техническаго, Алексѣй

Воиновъ; архитекторъ Запавдо-Сибирскаго учебнаго округа *Фортунаъ Гутъ*; учитель Московскаго второй гимназіи *Василій Лукутинъ*; штатный смотритель Хотинскаго уѣзднаго училища *Викторъ Михайловичко*; врачъ Кустанаискаго городского училища *Викторъ Туфановъ*; помощники классныхъ наставниковъ: гимназій: Астраханской, *Сергій Никольскій*, Черкасской. *Яковъ Коломацкій* и Одесской третьей, *Орестъ Францевичъ* и реальныхъ училищъ: Вятскаго *Александровскаго*, *Николай Ръшетовъ* и Изюмскаго *Михаилъ Букинъ*; учителя-инспекторы городскихъ училищъ: Порѣчскаго, *Дмитрій Грачевъ* и Смоленскаго, *Ефимъ Падалицынъ*; учителя городскихъ училищъ: Псковскаго, *Валентинъ Софроновъ*, Рязанскаго, *Петръ Глинкинъ*, Горбатовскаго, *Александръ Хитровскій*, Чухломскаго, *Михаилъ Лебедевъ*, Тульскаго, *Петръ Львовъ*, Ярославскаго. *Владиміръ Штерновъ*, Серпуховскаго, *Павель Моршеровскій*, Клявскаго, *Кузьма Проворовъ*, Льговскаго, *Василій Воронковъ*, Нижнедѣвickaго, *Петръ Муравлевъ*, Одесскихъ *Ефрусъ*, *Иванъ Осиповъ* и исправляющій должность, *Константинъ Пашкевичъ*, Осинскаго, *Михаилъ Сафоновъ*. Маргеланскаго, *Данилъ Горкольцевъ*, Эриванскаго, *Иванъ Раздорскій* и Ахалкалакскаго, *Джесалъ-Теръ-Крикоровъ*; смотритель Къиримскаго нормальнаго училища *Омаинъ Исселіани*; учитель Воронежской прогимназіи *Александръ Яковлевъ* и приватъ-доценты Императорскаго Казанскаго университета: *Николай Оурсовъ*, *Михаилъ Рузскій* и *Эдуардъ Мейеръ*; коллежскіе ассессоры: бухгалтеръ управления дѣлами пенсіонной кассы народныхъ учителей и учительницъ при департаментѣ народнаго просвѣщенія *Николай Хорошавинъ*; помощники прозектора Императорскаго Московскаго университета: *Николай Лисенковъ* и *Владиміръ Рудневъ*; физикъ при Николаевской главной физической обсерваторіи *Николай Коростеловъ*; бібліотекаръ зоологическаго музея Императорской Академіи наукъ *Рихардъ Шмидтъ*; помощники бібліотекаря Императорской публичной бібліотеки младшіи, *Николай Чечулинъ* и Императорскаго С.-Петербургскаго университета, *Робертъ фонъ-Антониусъ*; лаборанты Императорскихъ университетовъ: Томскаго: *Иванъ Левашевъ* и *Константинъ Дмитріевскій* и Московскаго, *Михаилъ Голеникинъ*; сверхштатные ассистенты при терапевтическомъ отдѣленіи Императорскаго Московскаго университета, находящемся при Императорской Екатерининской больницѣ: *Александръ Егоровъ* и *Владиміръ Поляковъ*; управляющій аптекою Императорской Екатерининской больницы въ гор. Москвѣ *Сергій Исеевъ*; учитель гимназическихъ классовъ Лазаревскаго института восточныхъ языковъ *Левонъ Сарки-*

случае; учителя: гимназій: С.-Петербургскихъ: шестой, Иванъ *Смирновъ* и Императорскаго человеколюбиваго общества, Василій *Болотновъ*, Владимірскаго, Иванъ *Крыловъ*, Рязанской, Алексѣй *Булитовъ*, Острогской, Матвѣй *Макаровъ*, Кіево-Печерской, Анатолій *Семеновъ*, Ревельской Александровской, Эмилій *Деляги*, Варшавской второй, Вильгельмъ *Деню*, Маріампольской, Владиміръ *Миленскій*, Виленской второй, Владиміръ *Конторъ*, Слуцкой, Владиміръ *Берсенева*, Владивостокской, при восточномъ институтѣ, Дмитрій *Дюковъ*, Тифлисской первой, Константинъ *Забьжскій* и Владикавказской. Всеволодъ *Кишкинъ* и женскихъ гимназій: Елецкой, Павелъ *Недачина*, Повоторжской, Арсеній *Первушина*, Елисаветинской, Иванъ *Силомонъ*, Харьковскихъ: Маріинской, Платонъ *Шатошинъ* и Вознесенской, Василій *Ястремскій*, Болградской, Дмитрій *Ямболовъ*, Рижской Ломоносовской, Евгений *Клеверъ* и Иркутской, Николай *Орловъ*; врачъ С.-Петербургской первой гимназій Борисъ *Георіевскій*; учителя: реальныхъ училищъ: С.-Петербургскихъ: третьяго, Александръ *Кельбергъ* и Гуревича, Владиміръ *Крикшина*, Усть-Медвѣдицкаго, Петръ *Блиновъ*, при евангелическо-лютеранской церкви св. Екатерины въ гор. Кіевѣ, Георгій *Антоновъ*, Ревельскаго, Эдуардъ *фонъ-Валь*, Пермскаго, Карлъ *Дзинтерсъ* и Бакинскаго, Николай *Закаменный*, прогимназій: Харьковской, Александръ *Вениъ*, Варшавской второй, Николай *Бецъ* и Семипалатинской, Иванъ *Окичигъ*, училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Анны въ С.-Петербургѣ, Александръ *Дитлингъ* и Бирской ввородческой учительской школы, Михаилъ *Гарницкій*; инспекторы: Златоустовскаго ремесленнаго училища Владиміръ *Ледневъ*; штатный смотритель Васильковскаго городского училища Евгений *Якубовскій*; правать-доцентъ и врачъ Императорскаго Томскаго университета Илья *Дочевскій*; помощники столоначальника канцелярій попечителей учебныхъ округовъ: Кіевскаго, Алексѣй *Горковенко* и Виленскаго. Іосифъ *Михайловъ*; лаборантъ Харьковскаго технологическаго института Императора Александра III Александръ *Ситниковъ*, эконома пансіона Московской второй гимназій, Николай *Хлебниковъ*; штатные смотрители уѣздныхъ училищъ Тамбовскаго, Андрей *Никольскій* и Наровчатскаго, Николай *Надеждинскій*; помощники классныхъ наставниковъ: гимназій: Тульской, Григорій *Зміевъ* и Кутанской, Константинъ *Тетюевъ* и реальныхъ училищъ: Московскаго, Иванъ *Смирновъ*, Воронежскаго, Михаилъ *Вележеевъ* и Вишницкаго, Николай *Гериховъ*; завѣдывающіе городскими училищами Пиритинскимъ, Михаилъ *Карпенко* и Лохвицкимъ, Николай *Дмитревскій*; учителя городскихъ

училищъ: Ямбургскаго, Николай *Виноградовъ*, Нижегородскаго, Петръ *Шихаревъ*, Ливенскаго, Дмитрій *Вознесенскій*, Бѣжецкаго, Илья *Виноградовъ*, Самарскаго, Константинъ *Солдатовъ*, Славянскаго, Георгій *Тубольцевъ*, Екатеринославскаго перваго, Михаилъ *Краснослободскій*, Борисовскаго, Иванъ *Михалковичъ*, Солнкамскаго, Степанъ *Бююмолловъ*, Екатеринодарскаго, Степанъ *Сазнова* и Ашотъ *Вартапетовъ* и Орловскаго, Иванъ *Сходцевъ*; учителя: Виленской первой гимназіи, Семень *Ковалюкъ* и реальныхъ училищъ: Полтавскаго, Григорій *Криворотченко* и Двинскаго, Дмитрій *Михайловъ*, Самарской женской гимназіи, Алексѣй *Морозовъ* и Тюменскаго уѣзднаго училища, Иванъ *Карпановъ* и домашній учитель Павелъ *Пальтель*; титулярные совѣтники: исправляющій должность профессора Восточнаго института Николай *Таберио*; инспекторъ народныхъ училищъ Тобольской губерніи Елиидифоръ *Соколовъ*; сверхштатный ассистентъ при госпитальной терапевтической клиникѣ Императорскаго Московскаго университета Николай *Кабановъ*; сверхштатные лаборанты Императорскаго Московскаго университета Алексѣй *Усовъ* и Константинъ *Илькевичъ*; сверхштатный помощникъ прозектора при кафедрѣ оперативной хирургіи Императорскаго Московскаго университета Александръ *Дешинъ*; учителя гимназій: Харьковской первой, Александръ *Клюшниковъ*, Варшавской пятой, Иванъ *Околомовъ* и Нахичеванской-на-Дону Екатерининской женской, Іоакимъ *Тикиджи-Хамбуровъ*; почетный смотритель Бакинскаго Михайловскаго училища Арсеній *Сипаровъ*; адъюнктъ отдѣленія по изданію ежедневнаго метеорологическаго бюллетеня при Николаевской главной физической обсерваторіи Викторъ *Недзвѣдскій*; лаборантъ лабораторіи Императорской Академіи наукъ Дмитрій *Нелюбовъ*; лаборантъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета Дмитрій *Педашенко*; хранитель зоологическаго кабинета Императорскаго С.-Петербургскаго университета Михаилъ *Римскій-Корсаковъ*; эконокъ и экзекуторъ Императорскаго С.-Петербургскаго историко-филологическаго института Викторъ *Тулиновъ*; эконокъ и смотритель зданій Императорскаго лицея въ память Цесаревича Николая Александръ *Еворовъ*; учителя женскихъ гимназій: Тульской первой, Александръ *Манинъ* и Одесской Марининской, Иванъ *Горниковъ*; помощникъ дѣлопроизводителя департамента народнаго просвѣщенія Николай *Розенбергъ*; сверхштатный помощникъ Николаевской главной физической обсерваторіи Измаиль *Семеновъ*; помощники классныхъ наставниковъ Немвровской гимназіи, Григорій *Добружанскій* и Владикавказскаго реальнаго учи-

лица, Иванъ *Фуфаевъ*; помощникъ воспитателя пансіона Ставропольской гимназіи Павелъ *Успенскій*; нѣсмыводители гимназій Рижской городской, Карлъ *Верфельдъ* и Оренбургской, Терентій *Солодниковъ*; завѣдывающій Рѣчичкинъ городскимъ училищемъ Антонъ *Астаповичъ*; учителя городскихъ училищъ: С.-Петербургскаго Вознесенскаго, Михаилъ *Петровъ*, Новоладожскаго, Илья *Шеляпинъ*, Шлиссельбургскаго, Василій *Альповъ*, Самферопольскаго Петръ *Зипорожецъ*, Рогачевскаго, Иванъ *Юшто* и Асхабадскаго, Николай *Ивановъ*; учитель-смотритель Красноводскаго желѣзнодорожнаго начальнаго училища Иванъ *Лавровскій* и учитель Ростовской-на-Дону гимназіи Павелъ *Покровскій*; коллежскіе секретари: ассистентъ по органической и земледѣльческой химіи института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи Михаилъ *Безталый*; членъ соребнователь попечительнаго совѣта Комисаровскаго техническаго училища Митрофанъ *Цылаковъ*; бібліотекаръ института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи Николай *Криштаровичъ*; инспекторъ Чуломскаго сельско-хозяйственно-ремесленнаго училища, имени Ѳ. В. Чижова, Василій *Алекстевъ*; учителя: Сосновяцкаго реальнаго училища, Ѳедоръ *Шахъ*, Асхабадской прогимназіи, Митрофанъ *Поповъ* и училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Екатерины въ С.-Петербургѣ, Александръ *Родинъ*; исправляющій должность надзирателя техническихъ классовъ горнозаводскаго отдѣленія Пермскаго реальнаго училища Николай *Сушихъ*; учитель Казанскаго промышленнаго училища Никифоръ *Козловскій*; учителя-инспекторы городскихъ училищъ: Варшанскаго перваго, Порфирій *Пономаренко* и Закавказскаго, Ѳедоръ *Кулаковъ*; младшій помощникъ бібліотекаря II отдѣленія бібліотеки Императорской Академіи наукъ Готтлибъ *Гансенъ*; смотритель зданій и экзекуторъ института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи Михаилъ *Чаповецъ*; нѣсмыводитель и бухгалтеръ Московской четвертой гимназіи, Петръ *Осетровъ*; учитель Бакинской гимназіи, Аванасій *Дьдуловъ*; учителя городскихъ училищъ: Валуйскаго, Хрисанфъ *Братусь*, Хабаровскаго, Василій *Мезеневъ* и Лодзинскаго Александровскаго, Василій *Данилевскій*; учитель начальнаго училища при Эриванской учительской семинаріи Николай *Суворовъ*; учителя Кіевской третьей гимназіи, Семснъ *Войтовичъ* и Ташкентскаго реальнаго училища, Павелъ *Степановъ* и учитель, завѣдывающій Курскимъ Александровскимъ училищемъ, Иванъ *Чеботаревъ*; губернскіе секретари: учителя: женскихъ гимназій Тамбовской, Иванъ *Ковалевъ* и Елисаветградской, Терентій *Зубковъ* и Ка-

лиискаго реального училища, баронъ Александръ *фонъ-деръ-Ротъ*; штатный смотритель городского училища на станціи Кіевъ 1-й Захарій *Коломацкій*; секретарь правленія Императорскаго Юрьевскаго университета Гербертъ *Шульцъ*; помощники столоначальника канцелярій попечителей учебныхъ округовъ Казанскаго, Алексѣй *Антоновъ* и Кіевскаго, Алексѣй *Шульжевичъ*; лаборантъ химической лабораторіи Императорской Академіи наукъ Георгій *Вульфъ*; письмоводитель и бухгалтеръ Иркутскаго промышленнаго училища Константинъ *Черныковъ*; канцелярскій служитель канцеляріи попечителя Кіевскаго учебнаго округа Михаилъ *Гюговой*; письмоводитель Омской гимназіи Гордѣй *Сартаковъ*; учитель Виленскаго реального училища Андрей *Метько*; учитель Чигиринскаго городского училища Игнатій *Иваница*; смотритель Ларинскаго приходскаго училища, Фѣдоръ *Кримскій*; механикъ Николаевской главною астрономической обсерваторіи Генрихъ *Фрейберъ*; учитель Харьковскаго уѣзднаго училища Митрофанъ *Дашкевичъ*; учителя, завѣдывающіе приходскими училищами, Нарвскимъ, Михаилъ *Кольчевскій* и Николаевско-Новороссійскимъ, Михаилъ *Кондратовъ*; учителя приходскихъ училищъ: Нарвскаго, Михаилъ *Стрѣльцовъ*, Калужскаго, Сергѣй *Рождественскій*, Астраханскаго пятаго, Василій *Малаевъ*, Казанскаго четвертаго, Михаилъ *Оловяшниковъ*, Харьковскихъ перваго, Владиміръ *Поповъ* и шестаго, Евгеній *Давыдовъ*, Сумскаго, Дмитрій *Лазаревъ*, Землянскаго, Иванъ *Романовскій*, Богучарскаго, Сергѣй *Париновъ*, Тамбовскаго третьяго, Александръ *Несмѣловъ*, Нижне-Ломовскаго, Антовъ *Смакинъ*, Маріинскаго, Павелъ *Прокофьевъ*, Гундоровскаго, Евгеній *Поповъ*, Новочеркасскихъ, втораго, Алексѣй *Альбаковъ*, третьяго, Дмитрій *Неволинъ* и четвертаго, Алексѣй *Науколыновъ*, Грушевскаго, Исидоръ *Антономовъ*, Кѣтскаго, Петръ *Захаровъ*, Перекопскаго, Григорій *Головачевъ*, Сергіевскаго, Алексѣй *Поповъ*, Урюпинскаго, Константинъ *Черниковъ*, Курскаго втораго женскаго, Павелъ *Ерошкинъ*, Кіевскаго, Павелъ *Комисаренко*, Иванъ *Жукъ* и Василій *Тищенко* и Подтавскаго, Василій *Ткаль*; учителя городскихъ училищъ: Ковельскаго, Александръ *Шиперовичъ* и Овручскаго, Андрей *Слуцскій*; старшіе учителя приходскихъ училищъ: Новгородскаго, Яковъ *Личко*, Свиншскаго, Климентій *Боярчукъ*, Щучинскаго, Виленской губерніи, Степанъ *Косикъ* и Ракишскаго, Ковенской губерніи, Александръ *Архангельскій* и учителя училищъ: Оренбургскихъ городскихъ приходскихъ: третьяго Гавріиль *Князевъ* и четвертаго, Владиміръ *Сокуровъ* и приходскихъ: Кунгурскаго втораго, Михаилъ *Тарасовъ*, при Туркестанской учитель-

ской семинаріи, Василій *Колесинскій*, Бѣльскаго, Михаилъ *Силухъ* и Ново-Александровскаго, Петръ *Силантьевъ*; коллежскіе регистраторы: почетный смотритель Вятскаго городского училища Леонтій *Кекинъ*; помощникъ классныхъ наставниковъ Киевской второй гимназій Васи- лій *Процкинъ*; письмоводители гимназій: Варшавской, Николай *Алек- сандровъ*, Тобольской, Иванъ *Бульба* и Тифлисской третьей, Алексѣй *Гарковенко*; учитель, завѣдывающій Карачевскимъ приходскимъ учи- лищемъ, Петръ *Серебряковъ* и учитель Семикаракорскаго приходскаго училища Иванъ *Поповъ*; неизвѣстныя чина: исправляющіе должность: экстраординарнаго профессора Императорскаго университета св. Вла- димира Юсифъ *Покровский*, адъюнктъ-профессора Рижскаго политех- ническаго института Густавъ *Кирштейнъ* и профессора Восточнаго пс- титута въ гор. Владивостокѣ инспекторъ, Григорій *Подставинъ* и Евгеній *Смальдинъ*; инспекторъ Ковенской дирекціи народныхъ учи- лищъ Кондратій *Сченсновичъ*; старшій наблюдатель Константиновской магнитно-метеорологической обсерваторіи въ гор. Павловскѣ, Сергѣй *Савиновъ*; хранитель Кабинета музея изящныхъ искусствъ Импера- торскаго Московскаго университета, Николай *Трескинъ*; помощникъ бібліотекаря Императорскаго Харьковскаго университета Дмитрій *Миллеръ*; учителя гимназій: С.-Петербургскихъ второй, Владиміръ *Завадскій-Краснопольскій*, пятой, Адрианъ *Лесмилье*, шестой, Кирилль *Малина*, при Императорскомъ С.-Петербургскомъ историко-филолого- ческомъ институтѣ, Сергѣй *Дювэгъ*, и доктора Видемана въ С.-Петер- бургѣ, Робертъ *Леперъ*, Архангельской, Альфонсъ *Клима*, Владивос- токскаго, при Восточномъ институтѣ, Петръ *Бардуновъ* и Василій *Пулазо*, Харьковской первой, Иванъ *Порошинъ*, Старобѣльской Алек- сандровской, Евгеній *Жижневскій*, Кіево-Печерской, Георгій *Пфеиф- феръ*, Ченстоховской, Михаилъ *Коровкевичъ-Базилевичъ*, Калишской, Сергѣй *Волковъ* и Елисаветпольской, князь Михаилъ *Тактаковъ*; учи- теля женскихъ гимназій: Новгородской Николаевской, Ричардъ *Ла- зутко*, Тамбовской, Петръ *Смирновъ* и Петроковской, Василій *Вос- кресенскій*, Бакинскаго женскаго учебнаго заведенія св. Нины, Але- ксѣй *Аммосовъ*, реальныхъ училищъ: Мазинга, въ гор. Москвѣ, Ми- хаилъ *Нечаевъ*, Тверскаго, Михаилъ *Мухинъ*, Изюмскаго, Всеволодъ *Бекеневъ*, Ростовскаго-на-Дону Петровскаго, Александръ *Линицкій*, Юрьевскаго, Трофимъ *Шталовъ*, Оренбургскаго, Юлія *Тиевъ*, Ба- кинскаго, Теодоръ *Кренкель* и Казанскаго, Петръ *Колесниковъ*, про- гимназій Петергофской Императора Александра II, Михаилъ *Дуран- динъ* и Михаилъ *Измайловъ* и Ржевской, Александръ *Соловьевъ* и

Иванъ *Смирновъ* и училищъ: при реформатскихъ церквахъ въ С.-Петербургѣ. Аркадій *Ляценокъ* и при евангелическо-лютеранской церкви св. Петра и Павла въ гор. Москвѣ, Константинъ *Михайловъ*; инспекторы ремесленныхъ училищъ: Павловскаго, Нижегородской губерніи, Николай *Тюрменовъ*. Томскаго, Алексѣй *Скорородовъ* и Батумскаго, Иванъ *Колодцевъ*; завѣдывающій мастерскими Костромскаго средняго механико-техническаго училища, имени Ф. В. Чижова, Александръ *Фроловъ*; учитель Московскаго учительскаго института Владиміръ *Богдановъ*; наставникъ Карачевской учительской семинаріи Сергѣй *Горобой*; учитель-инспекторъ Минской школы ремесленныхъ учениковъ, Владиміръ *Гирскій*; штатный смотритель и учитель Балтскаго городского училища, Василій *Голубовскій*; учитель Бирской вивороческой учительской школы Константинъ *Лебедевъ*; смотритель Саратовскаго Александровскаго ремесленнаго училища Николай *Курмынинъ*; помощникъ преподавателя ручнаго труда Московскаго учительскаго института Николай *Ежовъ*; руководитель слесарныхъ работъ Ташкентскаго ремесленнаго училища Тимоѣй *Шестопаловъ*; помощники классныхъ наставниковъ гимназій Ананьевской, Василій *Дуржицкий* и Бакинскій, Нариманъ *Наримановъ*; учитель Андреевской учительской семинаріи, Меркурій *Муравьевъ* и приватъ-доцентъ Императорскаго Казавскаго университета, Николай *Колотинскій*.

Удостоиваются награжденія: подарками съ сензелевымъ изображеніемъ Высочайшаго Имени Ею Императорскаго Величества директоръ и заслуженный ординарный профессоръ Казанскаго ветеринарнаго института, дѣйствительный статскій совѣтникъ Иванъ *Ламе*; учитель Калужскаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ Иванъ *Дербеневъ*.

Обыкновеннымъ подаркомъ, сотрудникъ археографической комиссіи министерства, надворный совѣтникъ Павелъ *Ежовъ*.

Зачитается въ дѣйствительную государственную службу время вольнонаемныхъ занятій: инспектору для наблюденія за промышленными училищами, инженеру-технологу, коллежскому секретарю Леониду *Москалеву* — на заводахъ морскаго вѣдомства, съ 11-го іюня 1889 года по 11-е іюня 1895 г.; помощнику дѣлопроизводителя Рижскаго политехническаго института, губерискому секретарю Ивану *Бьялеву* — въ томъ же институтѣ, съ 1-го октября 1896 по 20-е ноября 1897 года; неимѣющимъ чина: исправляющему должность секретаря по студентскимъ дѣламъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета Василю *Моисееву* — въ канцеляріи того же университета, съ

1-го января 1895 года по 1-е января 1898 г.; учителю Николаевской первой Маріинской женской гимназіи Роберту *Дибольду* — въ той же гимназіи, съ 9-го апрѣля 1894 г. по 9-е апрѣля 1897 г.; журналисту и архивариусу канцеляріи попечителя Одесскаго учебнаго округа Дмитрію *Шецову*—въ той же канцеляріи, съ 4-го марта 1891 г. по 4-е марта 1894 г.; помощнику классныхъ наставниковъ Ревельской гимназіи Императора Николая I, Ильѣ *Корніенко* — въ той же гимназіи, съ 24-го марта 1896 г. по 24-е марта 1899 г., учителю приготовительнаго класса Казанской учительской семинаріи Макару *Есеевичу*—въ той же семинаріи, съ 17-го декабря 1894 г. по 17-е декабря 1897 г.; учителю, завѣдывающему Митавскимъ II городскимъ мужскимъ начальнымъ училищемъ Ивану *Попелю* — въ Вольмарскомъ православномъ приходскомъ училищѣ, съ 12-го января 1881 г. по 12-е января 1884 г. и канцелярскому чиновнику канцеляріи попечителя Варшавскаго учебнаго округа Степану *Дворницкому* — въ начальныхъ народныхъ училищахъ, съ 10-го февраля 1894 г. по 10-е февраля 1897 года.

II. ВЫСОЧАЙШІЕ ПРИКАЗЫ ПО ВѢДОМСТВУ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

(28-го ноября 1900 года, № 80). *Производятся* за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ *статскіе советники*: по департаменту народнаго просвѣщенія: дѣлопроизводители VI класса департамента: *Ковалевскій* и *Моревъ*, оба—съ 1-го мая 1900 г.; по Императорскому клиническому институту Великой Княгини Елены Павловны, младшій ассистентъ института, докторъ медицины *Юансенъ*—съ 30-го мая 1900 г.; изъ надворныхъ въ *коллежскіе советники*: по Императорскому клиническому институту Великой Княгини Елены Павловны, сверхштатный ассистентъ института, лѣкаръ *Штиллицъ*—съ 26-го мая 1900 г.; по археографической комисси, членъ комисси *Дружининъ*—съ 24-го апрѣля 1900 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные советники*, по Одесскому учебному округу, помощникъ классныхъ наставниковъ Аккерманской прогимназіи *Васильевъ*—съ 1-го сентября 1900 г.; изъ титулярныхъ советниковъ въ *коллежскіе ассессоры*: экстраординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета, докторъ медицины *Никольскій*—съ 14-го января 1893 г.; по Одесскому учебному округу: помощники классныхъ наставниковъ:

Херсонской прогимназіи, *Гамалъевъ*—съ 1-го марта 1900 г. и Камратскаго реальнаго училища, *Старжицкій*—съ 10-го іюня 1900 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титულрные совѣтники*: по Одесскому учебному округу: помощникъ бібліотекаря Императорскаго Новороссійскаго университета *Люткевича*—съ 1-го декабря 1899 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Херсонской гимназіи *Скульскій*—съ 8-го августа 1898 г.; по управленію учебными заведеніями Пріамурскаго края, учитель Николаевскаго городского трехкласснаго училища *Чернышевъ*—съ 21-го апрѣля 1898 г.

Утверждаются въ чинахъ, со старшинствомъ: *титулрнаго совѣтника*: по Императорскому клиническому институту Великой Княгини Елены Павловны: сверхштатные ассистенты института: *Яновскій*—съ 25-го апрѣля 1895 г., *Дмитріевъ*—съ 1-го января 1896 г., *фонъ-Валь*—съ 20-го мая 1896 г. и *Миндлинъ*—съ 1-го января 1896 г. всѣ четверо—по степени лѣкаря; *коллежскаго секретаря*: по Московскому публичному и Румянцевскому музеямъ: регистраторъ бібліотеки музейевъ *Борзовъ*—съ 1-го августа 1900 г., по диплому 1-й степени Императорскаго университета; по Одесскому учебному округу, помощникъ классныхъ наставниковъ Павлоградской гимназіи, *Крайнюковъ*—съ 1-го іюля 1896 г.; по управленію учебными заведеніями Пріамурскаго края, учитель Хабаровскаго Николаевскаго городского трехкласснаго училища *Мезеневъ*—съ 3-го іюля 1896 г.

(2-го декабря 1900 года, № 81). *Назначается*, сверхштатный заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета, докторъ зоологій, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Степановъ*—директоромъ Харьковской второй гимназіи, съ оставленіемъ его въ званіи заслуженнаго профессора.

Увольняются отъ службы, согласно прошеніямъ: директоръ Бѣльской гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Гвоздевъ* и директоръ народныхъ училищъ Тульской губерніи, статскій совѣтникъ *Яблочковъ*, изъ нихъ послѣдній за выслугою срока, съ мундиромъ, занимаемой имъ должности присвоеннымъ.

Производятся, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ *статскіе совѣтники*: по Московскому учебному округу: заведующій учебными мастерскими Коммиссаровскаго техническаго училища *Ланшинъ*—съ 10-го іюня 1900 г.; учителя гимназій: Орловской. *Орловъ*—съ 19-го декабря 1899 г., Рязанской, *Лебедевъ*—съ 1-го сентября 1898 г. и 1-й Тульской женской, *Граменицкій*—съ 26-го октября 1899 г., реальнаго училища при евангелическо-лютеранской

церкви св. Михаила въ Москвѣ, *Вертоградскій*—съ 26-го декабря 1899 г.; по Одесскому учебному округу: инспекторы народных училищъ Екатеринославской губерніи: *Дюмидовъ*—съ 14-го августа 1900 г. и *Юцковскій*—съ 17-го декабря 1899 г.; учителя гимназій: Керченской, *Доладуинъ*—съ 11-го іюня 1900 г., Одесской 4-й, *Григорьевъ*—съ 17-го іюня 1900 г., реальныхъ училищъ: Кишиневскаго, *Степанковскій*—съ 1-го августа 1900 г., Камратскаго, *Хмплевскій*—съ 1-го августа 1900 г. и *Донатъ*—съ 15-го августа 1900 г., Одесскаго, св. Павла, *Гамовъ*—съ 1-го августа 1900 г., Херсонскаго: *Вильпертъ* и *Конахевичъ*, оба—съ 1-го августа 1900 г., Аккерманской прогимназіи, *Тузенко*—съ 1-го августа 1900 г.; по Кіевскому учебному округу: учителя гимназій: состоящей при историко-филологическомъ институтѣ князя Безбородко въ Нѣжинѣ, *Голышкитъ*—съ 1-го іюля 1900 г., Кіевской 2-й, *Коджебашиъ*—съ 15-го августа 1900 г., Лубенской, *Ивановъ*—съ 1-го апрѣля 1900 г. и Ровенскаго реального училища, *Лякоронскій*—съ 8-го марта 1900 г.; по Виленскому учебному округу: инспекторъ народныхъ училищъ Виленской губерніи *Нестеровичъ*—съ 1-го іюля 1900 г.; учителя: Гомельской гимназіи: *Александровъ*—съ 22-го августа 1900 г. и *Федоровъ*—съ 1-го августа 1900 г., реальныхъ училищъ: Минскаго, *Питеръ*—съ 7-го мая 1900 г., Могилевскаго, *Вельсъ*—съ 19-го апрѣля 1900 г. и Виленскаго, *Помаревъ*—съ 1-го августа 1900 г.; изъ надворныхъ въ коллежскіе советники: по Московскому учебному округу: почетный членъ попечительнаго совѣта Коммиссаровскаго техническаго училища *Фоссъ*—съ 5-го декабря 1899 г.; инспекторъ народныхъ училищъ Владимірской губерніи *Дроздовъ*—съ 19-го ноября 1898 г.; преподаватель Императорскаго Московскаго техническаго училища *Гриневецкій*—съ 19-го іюня 1900 г.; помощникъ инспектора студентовъ Императорскаго Московскаго университета *Фелицынъ*—съ 1-го сентября 1900 г.; учителя: Нижегородскаго дворницкаго института Императора Александра II, *Булатовъ*—съ 18-го ноября 1899 г., частнаго реального училища Мазинга въ Москвѣ, *Ромиловъ*—съ 1-го іюля 1900 г., женскихъ гимназій: Брянской, *Яковичкій*—съ 21-го сентября 1899 г. и частной, Калайдовичъ, въ Москвѣ, *Ситковъ*—съ 20-го августа 1900 г.; наставникъ Новоторжской учительской семинаріи *Лебедевъ*—съ 9-го декабря 1899 г.; по Одесскому учебному округу: исправляющій должность инспектора народныхъ училищъ Бессарабской губерніи *Сухорукъ*—съ 1-го сентября 1900 г.; учителя гимназій: Ананьевской, *Финаковъ*—съ 1-го августа 1900 г., Керченской, *Успенскій*—съ 14-го ап-

густа 1900 г., Симферопольской, *Гусевъ*—съ 15-го февраля 1900 г., Ялтннской: *Монкевичъ*—съ 1-го августа 1900 г. и *Орловъ*—съ 18-го ноября 1899 г., Екатеринославской женской, *Муратовъ*—съ 1-го сентября 1900 г., реальныхъ училищъ: Елисаветградскаго, *Никольскій*—съ 15-го августа 1900 г., Одесскаго 1-го, *Колле*—съ 15-го мая 1900 г. и Новобугской учительской семинаріи, *Ветуховъ*—съ 1-го сентября 1900 г.; по Кіевскому учебному округу: воспитатель и преподаватель коллегіи Павла Галагана *Клячинъ*—съ 1-го января 1900 г.; учителя реальныхъ училищъ: Ровенскаго, *Долушинъ*—съ 1-го іюля 1900 г. и Новозыбковскаго, *Лефевръ*—съ 4-го марта 1900 г.; врачъ Винницкаго реального училища *Оводовъ*—съ 7-го марта 1900 г.; по Виленскому учебному округу: учитель Ковенской гимназіи *Карташевъ*—съ 1-го сентября 1900 г.; наставникъ Поневѣжской учительской семинаріи *Баднй*—съ 5-го августа 1900 г.; изъ коллежскихъ ассесоровъ въ *надворные советники*: по Московскому учебному округу: исправляющій должность экстраординарнаго профессора Демидовскаго юридическаго лица *Юшкевичъ*—съ 16-го мая 1895 г.; учителя: гимназическихъ классовъ Лазаревскаго института восточныхъ языковъ: *Кусиковъ*—съ 18-го іюля 1899 г. и *Саркислянцъ* (сверхштатный)—съ 1-го сентября 1899 г., гимназій: Владимирской, *Крыловъ*—съ 30-го сентября 1899 г., Московской 6-й (сверхштатный) *Васильевъ*—съ 1-го августа 1899 г., Рязанской, *Булатовъ*—съ 4-го мая 1899 г., женскихъ: Елецкой, *Недачинъ*—съ 11-го февраля 1899 г., Новоторжской, *Первушинъ*—съ 1-го сентября 1899 г., частной, Перепелкиной, въ Москвѣ, *Басистовъ*—съ 18-го іюля 1899 г. и частной, Ржевской, въ Москвѣ, *Бродатовъ*—съ 7-го октября 1899 г., Рославльской шестиклассной прогимназіи, *Тетеркинъ*—съ 16-го августа 1899 г., реальныхъ училищъ: Московскаго, *Лавриновичъ*—съ 1-го августа 1898 г., частнаго, Воскресенскаго, *Воронецъ*—съ 11-го сентября 1899 г., Брянскаго средняго семикласснаго техническаго училища, *Страховъ*—съ 8-го октября 1898 г., городскихъ училищъ: четырехклассныхъ: Ярославскаго: *Критскій*—съ 1-го мая 1900 г. и *Лазаревъ*—съ 11-го ноября 1899 г., Рыбинскаго, *Екимовъ*—съ 25-го мая 1900 г., Пошехонскаго трехкласснаго, *Лебедевъ*—съ 1-го октября 1899 г., Данковскаго двухкласснаго, *Елоровъ*—съ 24-го ноября 1899 г., Бѣжецкаго, *Виноградовъ*—съ 1-го іюля 1900 г. и Корчевскаго, *Лейчъ*—съ 6-го октября 1899 г.; сверхштатный наставникъ Новоторжской учительской семинаріи *Гришинъ*—съ 15-го августа 1899 г.; почетный смотритель казенныхъ начальныхъ училищъ гор.

Москвы *Миндербъ* — съ 21-го марта 1900 г.; учитель завѣдывающій Волоколамскимъ городскимъ училищемъ *Вьялеаъ* — съ 26-го октября 1899 г.; по Одесскому учебному округу: учителя гимназій: *Екатеринославской*, *Смѣльницкій* — съ 1-го іюля 1899 г., *Мариупольской*, *Мартыновичъ* — съ 23-го ноября 1899 г., женскихъ: *Болградской*, *Ямболоваъ* — съ 5-го іюня 1894 г., *Елисаветградской*, *Дишъ* — съ 21-го августа 1899 г.; учитель-инспекторъ Орѣховскаго городского трехкласснаго училища *Кандауроваъ* — съ 1-го іюля 1899 г. и учитель Одесскаго городского шестикласснаго училища *Караченцоваъ* — съ 1-го августа 1900 г.; по Киевскому учебному округу: столоначальникъ канцеляріи попечителя *Забузскій* — съ 17-го февраля 1900 г.; учителя гимназій: *Житомирской 2-й*, *Колтоновскій* — съ 1-го ноября 1899 г., *Лубенской*, *Вольфелдтаъ* — съ 22-го февраля 1899 г., *Острожской*, *Феллеръ* — съ 20-го сентября 1899 г., *Кіевскаго реальнаго училища св. Екатерины*, *Антоноваъ* — съ 15-го сентября 1894 г. и *Городнянскаго городского двухкласснаго училища* *Стеценко* — съ 28-го февраля 1900 г.; штатные смотрители двухклассныхъ городскихъ училищъ: *Владиміръ-Волинскаго*, *Быльдинъ* и *Литвнскаго*, *Комарчукаъ*, оба — съ 1-го сентября 1899 г.; завѣдывающій *Клиницовскимъ двухкласснымъ городскимъ училищемъ*, *Яснопольскій* — съ 8-го августа 1900 г.; по Виленскому учебному округу: учителя: *Виленской 2-ой гимназій*, *Конторъ* (онъ же *Контеръ*) — съ 16-го сентября 1899 г., *Пинскаго реальнаго училища*, *Наревичаъ* — съ 13-го октября 1899 г.; штатные смотрители уѣздныхъ училищъ: *Трокскаго*, *Тясто* — съ 1-го февраля 1900 г., *Игуменскаго*, *Данилевичаъ* — съ 4-го августа 1899 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ *Минскаго реальнаго училища* *Гуринаъ* — съ 1-го іюля 1900 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассессоры*: по Московскому учебному округу: членъ-соревнователь попечительнаго совѣта *Коммиссаровскаго техническаго училища*, *Оссовецкій* — со 2-го января 1897 г.; врачи *Ржевской женской гимназій*, *Бересневаъ* — съ 13-го сентября 1896 г. и *Кологривскаго уѣзднаго училища* (бывшій), *Кишинскій* — съ 10-го марта 1896 г.; учитель-инспекторъ *Болховскаго городского училища* *Крицинаъ* — съ 1-го августа 1894 г.; учителя: женскихъ гимназій: *частной*, *Перепелкиной*, *Манковаъ* — съ 25-го сентября 1898 г. и *Новоторжской*, *Курачковаъ* — съ 1-го февраля 1899 г., *Тульскаго ремесленнаго училища* *Галкинаъ* — съ 8-го декабря 1897 г., городскихъ училищъ: *Иваново-Вознесенскаго шестикласснаго*, *Щанинаъ* — съ 31-го октября 1894 г., *Веневскаго трехкласснаго*, *Спицинаъ* — съ 1-го января 1900 г., *3-го Московскаго*, *Зеленинаъ* — съ 1-го іюля 1899 г., *Болхов-*

скаго двухкласснаго, *Марковъ*—съ 1-го февраля 1897 г., и 1-го Смоленскаго, *Назаровъ*—съ 16-го апрѣля 1897 г., руководитель работъ Тульскаго ремесленнаго училища *Шатровъ*—съ 1-го сентября 1897 г. и помощникъ классныхъ наставниковъ Тульскаго реальнаго училища *Краснопольцевъ*—съ 11-го іюля 1898 г.; по Одесскому учебному округу: учителя: Симферопольской гимназіи, *Ястребовъ*—со 2-го сентября 1899 г., городскихъ училищъ: Симферопольскаго пятикласснаго, *Запорожцевъ*—съ 1-го сентября 1900 г., трехклассныхъ: Новомосковскаго, *Ганскій*—съ 1-го августа 1898 г., и Очаковского, *Гойчукъ*—съ 1-го августа 1899 г., учитель-инспекторъ Никонольскаго трехкласснаго городского училища *Юришъ*—съ 24-го марта 1900 г.; по Киевскому учебному округу: учителя: Острожской гимназіи *Батуевъ*—съ 16-го марта 1900 г. и Бердичевского двухкласснаго городского училища *Костылевъ*—съ 25-го августа 1900 г.; по Виленскому учебному округу, учитель Витебской гимназіи *Корчагинъ*—съ 1-го августа 1900 г.; штатный врачъ Бѣлостокскаго начальнаго еврейскаго училища *Гурвичъ*—съ 12-го января 1896 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Пинскаго реальнаго училища *Поповъ*—съ 1-го августа 1899 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титულлярные совѣтники*: по Московскому учебному округу: члены соревнователи попечительнаго совѣта Комиссаровскаго техникаческаго училища: *Дылаковъ*—съ 1-го іюля 1900 г. и *Грейнера*—съ 15-го марта 1898 г.; помощникъ воспитателей при пансіонѣ гимназическихъ классовъ Лазаревскаго института восточныхъ языковъ *Вайнбергъ*—съ 8-го октября 1896 г., помощники классныхъ наставниковъ: Калужской гимназіи, *Покровский*—съ 7-го декабря 1898 г. и Орловской прогимназіи, *Азбукинъ*—съ 1-го іюля 1898 г.; учителя: городскихъ училищъ: Тульскаго, *Раевскій*—съ 17-го августа 1898 г. и *Дмитріевъ* (сверхштатный)—съ 1-го апрѣля 1898 г., трехклассныхъ: Переславскаго, *Горстинъ*—съ 1-го сентября 1896 г., Варнавинскаго, *Марковъ*—съ 1-го іюля 1897 г., Спасскаго, *Нѣмцовъ*—съ 21-го апрѣля 1898 г., Ржевскаго, *Рудилевскій*—съ 14-го января 1897 г., Осташковскаго, *Сусловъ*—съ 1-го іюля 1898 г. и Калязинскаго, *Пановъ*—съ 1-го іюля 1897 г. и Солигаличскаго уѣзднаго училища, *Раевскій*—съ 11-го сентября 1899 г., надзиратель Тульскаго ремесленнаго училища *Пастуховъ*—съ 7-го февраля 1898 г.; по Одесскому учебному округу: учителя: гимназій: Мелитопольской женской, *Строевъ*—съ 1-го августа 1899 г. и приготовительнаго класса Херсонской, *Мяженко*—съ 30-го іюня 1900 г., городскихъ училищъ: Херсонскаго пятикласснаго, *Павленко*—съ 14-го сентября 1898 г., трехклассныхъ:

Новогеоргіевскаго, *Ротмировъ*—съ 15-го октября 1898 г., Верхнедѣл-провскаго, *Калина*—съ 10-го февраля 1896 г. и Севастопольскаго, *Хмельницкій*—съ 31-го августа 1898 г.; по Виленскому учебному округу: помощники классныхъ наставниковъ: Виленской 2-й гимназіи (бывшій, нынѣ въ отставкѣ) *Чикидовскій*—съ 16-го октября 1898 г., реальныхъ училищъ: Виленскаго, *Хорьковъ*—съ 1-го декабря 1898 г. и Двинскаго, *Душевъ*—съ 1-го сентября 1898 г.; учителя: Мирскаго городского училища, *Притуленко*—съ 1-го августа 1895 г. и приготовительнаго класса Витебской гимназіи, *Шохоль*—съ 11-го сентября 1897 г.; изъ губернскихъ въ *коллежскіе секретари*: по Московскому учебному округу: почетный смотритель Касимовскаго двухкласснаго городского училища *Салазкинъ*—съ 23-го декабря 1899 г.; учителя Орловскаго городского училища (сверхштатный) *Ошвейскій*—съ 1-го января 1896 г., учитель завѣдывающій Писцовскимъ двухкласснымъ училищемъ министерства *Гребенщиковъ*—съ 21-го сентября 1896 г.; по Виленскому учебному округу: учителя: городскихъ училищъ: Минскаго, *Францковичъ*—съ 1-го августа 1898 г. и Могилевскаго, *Мазюкъ*—съ 11-го октября 1896 г., приготовительнаго класса Виленскаго реального училища, *Метько*—съ 21-го августа 1898 г., письмоводитель Виленскаго учительскаго института *Каталомовъ*—съ 1-го марта 1900 г.; изъ коллежскихъ регистраторовъ въ *губернскіе секретари*: по Московскому учебному округу: исправляющій должность помощника смотрителя Императорской Екатеринбургской больницы въ Москвѣ *Урановъ*—съ 1-го іюня 1900 г., учителя городскихъ приходскихъ училищъ: 1-го Владимірскаго, *Тихоміровъ*—съ 1-го ноября 1898 г., Вязниковскаго, *Окипетровъ*—съ 30-го сентября 1897 г. и Лухскаго, *Потт-зинъ*—съ 1-го января 1899 г., Карачевскаго, *Серебряковъ*—съ 22-го февраля 1900 г. и Болховскаго, *Краснопольскій*—съ 17-го сентября 1899 г.; помощники учителя городскихъ училищъ: Богородскаго, *Нижитинъ*—съ 29-го сентября 1898 г., Каширскаго, *Королевъ*—съ 17-го іюня 1898 г. и Любимскаго, *Грудцинъ*—съ 27-го октября 1897 г.; по Одесскому учебному округу, столоначальникъ канцеляріи попечителя *Злочанскій*—съ 25-го іюня 1900 г.; по Кіевскому учебному округу: письмоводитель Роменскаго реального училища *Алчевскій*—съ 16-го іюня 1900 г., учитель чистописанія, черченія и рисованія Каневского городского двухкласснаго училища *Сергеевъ*—съ 18-го сентября 1894 г. и помощникъ учителя Кролевецкаго двухкласснаго городского училища *Силичъ*—съ 12-го декабря 1895 г.; по Виленскому учебному округу: учителя приходскихъ училищъ: Черниковскаго, *Цыцого*—съ

22-го января 1898 г. и Бѣлицкаго, *Котова*—съ 1-го сентября 1897 г.; въ *коллежскіе регистраторы*: по Московскому учебному округу: учителя городскихъ приходскихъ училищъ: Скопинскаго 2-го *Новгородскій*—съ 1-го сентября 1899 г. и Рязскаго, *Преображенскій*—съ 1-го сентября 1895 г.; по Кіевскому учебному округу: пьсьмоводитель Черкасской гимназіи *Марковичъ* и завѣдывающій Житомирскимъ 3-мъ однокласснымъ приходскимъ городскимъ училищемъ *Мулозь-Войтовецкій*, оба—съ 1-го сентября 1900 г.

Утверждаются въ чинахъ, со старшинствомъ: *коллежскаю ассессора*: по Московскому учебному округу: учителя: гимназій Рыбинской *де-Сево*—съ 3-го іюня 1896 г. и 1-й Тульской, женской, *Манинъ*—съ 10-го іюня 1894 г., Ливенскаго реальнаго училища, *Толоконниковъ*—съ 4-го марта 1896 г.; учитель-инспекторъ школы ремесленныхъ учениковъ при фабрикѣ товарищества прохоровской мануфактуры въ Москвѣ *Терентьевъ*—съ 15-го марта 1895 г.; врачъ 1-го Смоленскаго городского училища *Певзнеръ*—съ 8-го марта 1896 г., по степени доктора медицины; завѣдывающій мастерскими Рыбинскаго механико-техническаго училища *Бунинъ*—съ 1-го октября 1895 г.; по Одесскому учебному округу: учителя Бердянской гимназіи: *Мушинъ*—съ 1-го сентября 1896 г. и *Дидуненко*—съ 14-го февраля 1896 г.; по Кіевскому учебному округу: учителя Кіево-Печерской гимназіи, *Бодановъ*—съ 1-го сентября 1896 г., Луцкой прогимназіи, *Ковальскій*—съ 1-го августа 1896 г., Кіевскаго реальнаго училища св. Екатерины: *Кучинскій*—съ 1-го апрѣля 1896 г. и *Ней*—съ 16-го февраля 1896 г.; по Виленскому учебному округу: преподавателя: Ковенской гимназіи, *Шмидтъ*—съ 26-го января 1896 г., реальныхъ училищъ: Виленскаго, *Барашковъ*—съ 1-го іюля 1896 г. и Минскаго, коллежскій секретарь *Спасскій*—съ 10-го августа 1896 г.; наставникъ Полоцкой учительской семинаріи *Боголюбскій*—съ 27-го іюля 1895 г.; *титულлярнаю советника*: по Московскому учебному округу: помощникъ преподавателя ручнаго труда Московскаго учительскаго института *Ежовъ*—съ 1-го августа 1895 г.; по Одесскому учебному округу, врачъ Аваньевскаго однокласснаго еврейскаго начальнаго училища *Лихтерманъ*—съ 24-го апрѣля 1896 г., по степени лѣкаря; *коллежскаю секретаря*: по Московскому учебному округу: помощникъ классныхъ наставниковъ Владимірской гимназіи *Ширскій*—съ 18-го февраля 1896 г.; учителя городскихъ училищъ: Ржевскаго, *Базаревъ*—съ 15-го августа 1895 г., Трубчевскаго, *Елоровъ*—съ 11-го ноября 1895 г., Иваново-Вознесенскаго шестикласснаго. *Волонцевичъ*—съ 15-го октября 1894 г., трех-

классныхъ: Меленковского, *Залипаевъ*—съ 1-го января 1895 г., Муромскаго, *Наумовъ*—съ 1-го октября 1894 г., Костромскаго, *Толстовъ*—съ 7-го ноября 1895 г., двухклассныхъ: Бѣлевскаго, *Третьяковъ*—съ 1-го іюля 1895 г. и Покровскаго, *Головинъ*—съ 24-го іюня 1894 г.; по Одесскому учебному округу: учителя городскихъ училищъ: Екатеринославскаго 2-го трехкласснаго, *Титаренко*—съ 1-го августа 1895 г. и Армяно-Базарскаго двухкласснаго, *Дмитріевъ*—съ 1-го іюля 1896 г.; по Виленскому учебному округу, учитель Борисовскаго городского училища *Чабатаревичъ*—съ 1-го августа 1896 г.; *зуберискаго секретаря*: по Кіевскому учебному округу, учитель Каменецкаго городского двухкласснаго училища *Дьяченко*—съ 1-го марта 1896 г.; по Виленскому учебному округу, учитель Слоимскаго уѣзднаго училища *Лапта*—съ 11-го сентября 1895 г.; *коллежскаго регистратора*: по Московскому учебному округу: архитекторъ Императорскаго лиція въ память Цесаревича Николая *Бетелевъ*—съ 10-го февраля 1899 г., на основаніи ст. 115 уст. служб. прав. (св. зак., т. III изд. 1896 г.); помощники учителя городскихъ училищъ: Чухломскаго трехкласснаго, *Корольковъ*—съ 27-го мая 1896 г., Касимовскаго двухкласснаго, *Морозовъ*—съ 11-го февраля 1894 г. и Спасскаго, *Фатюшинъ*—съ 24-го октября 1895 г.; домашніе учителя: *Фоксъ*—съ 10-го февраля 1900 г., *Нестеровъ*—съ 1-го января 1899 г. и *Рубцовъ*—съ 21-го мая 1897 г.; по Одесскому учебному округу, домашній учитель *Замарія*—съ 9-го сентября 1900 года.

Переименовывается въ *коллежскіе секретари*, по Виленскому учебному округу, преподаватель Поневѣжскаго реальнаго училища, отставной лейтенантъ флота *Гермониусъ*.

(11-го декабря 1900 года, № 82). *Назначаются*: экстраординарный профессоръ Юрьевскаго ветеринарнаго института, магистръ ветеринарныхъ наукъ, статскій совѣтникъ *Кундзинъ* и помощникъ прозектора и привать-доцентъ того же института, магистръ ветеринарныхъ наукъ, надворный совѣтникъ *Пучковский*—профессорами означеннаго института: первый—ординарнымъ, по зоотоміи и зоофизиологіи съ гистологіею, а второй—экстраординарнымъ, по оперативной хирургіи; директоры реальныхъ училищъ: Бѣлостокскаго, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Лавровъ* и Казанскаго, статскій совѣтникъ *Лысцовъ*: первый директоромъ Виленскаго Маріинскаго высшаго женскаго училища, а второй—инспекторомъ студентовъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета; инспекторъ народныхъ училищъ Терской области, статскій совѣтникъ *Чичинадзе*—директоромъ

народныхъ училищъ Эриванской губерніи; лаборантъ Харьковского технологическаго института Императора Александра III, инженеръ-технологъ, коллежскій ассессоръ *Боборыковъ*—адъюнктъ-профессоромъ того же института по прикладной механикѣ и теоріи машинъ, съ 1-го октября.

Увольняется, согласно прошенію, директоръ Турьинскаго горнаго училища горный инженеръ, коллежскій совѣтникъ баронъ *Клодъ-Фонъ-Юренсбургъ*—отъ означенной должности, съ 1-го сентября.

Производятся, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ *статскіе совѣтники*: сверхштатный экстраординарный профессоръ Харьковского ветеринарнаго института, магистръ ветеринарныхъ наукъ *Мальцевъ*—съ 3-го января 1900 г.; инспекторъ-воспитатель татарскаго отдѣленія при Закавказской учительской семинаріи *Смирновъ*—съ 1-го октября 1897 г. и адъюнктъ-астрономъ Николаевской главной астрономической обсерваторіи *Зейботъ*—съ 1-го февраля 1900 г.; изъ надворныхъ въ *коллежскіе совѣтники*: дѣлопроизводитель VI класса департамента народнаго просвѣщенія *Еноровъ*—съ 3-го мая 1900 г. и архитекторъ при отдѣленіи промышленныхъ училищъ министерства, академикъ архитектуры *Марфельдъ*—со 2-го ноября 1897 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассессоры*: управляющій дѣлами пенсіонной кассы народныхъ учителей и учительницъ при департаментѣ народнаго просвѣщенія *Мутевъ*—съ 27-го августа 1900 г., профессоры института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи: ученый инженеръ-технологъ *Шкателовъ*—съ 27-го октября 1895 г. и кандидатъ сельскаго хозяйства *Калузинъ*—съ 27-го февраля 1897 г., дѣлопроизводитель VII класса департамента народнаго просвѣщенія *Ильинскій*—съ 17-го октября 1900 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титулярные совѣтники*: причисленные къ министерству: *Бодановъ*—съ 18-го января 1898 г., *Кунцевичъ*—съ 1-го іюля 1898 г., *Покровский*—съ 10-го марта 1899 г., *Фейергейзенъ*—съ 15-го марта 1899 г. и *Совѣтовъ*—съ 20-го мая 1900 г., дѣлопроизводителемъ VIII класса департамента народнаго просвѣщенія: *Мулюкинъ*—съ 1-го іюля 1900 г. и *Бьялевъ*—съ 9-го іюля 1900 г.; изъ коллежскихъ регистраторовъ въ *губернскіе секретари*, канцелярскій чиновникъ департамента народнаго просвѣщенія *Таскинъ*—со 2-го марта 1900 года.

Утверждаются, въ чинахъ, со старшинствомъ: *статскаго совѣтника*: ординарные профессора Императорскихъ университетовъ: Харь-

ковскаго: коллежскіе совѣтники: докторъ философій *Лейкфельдъ* — съ 24-го іюня 1899 г., докторъ ботаники *Ротертъ* — съ 29-го ноября 1899 г., (сверхштатный) докторъ исторіи всеобщей литературы *Лазаревичъ-Шенелевичъ* — съ 1-го января 1900 г. и докторъ политической экономіи, титулярный совѣтникъ *Левитскій* — съ 20-го марта 1900 г., св. Владимира, докторъ государственнаго права князь *Трубецкой* — съ 9-го іюля 1897 г. и докторъ политической экономіи и статистики *Цытовичъ* — съ 21-го іюля 1899 г. и С.-Петербургскаго, докторъ славянской филологіи *Лавровъ* — съ 14-го февраля 1900 г.; *коллежскаго совѣтника*: экстраординарные профессора Императорскихъ университетовъ: Харьковскаго: докторъ медицины, надворный совѣтникъ *Зеленецъ* — съ 15-го сентября 1897 г., докторъ медицины, коллежскій ассессоръ *Гулевичъ* — съ 9-го іюля 1899 г., Юрьевскаго, магистръ римскаго права *Кривоцовъ* — съ 13-го мая 1899 г. и св. Владимира: докторъ ботаники *Шуриновичъ* — съ 8-го января 1900 г., докторъ медицины, надворный совѣтникъ *Лауденбахъ* — съ 1-го іюня 1899 г.; *надворнаго совѣтника*, бывший доцентъ Императорскаго Новороссійскаго университета, нынѣ въ отставкѣ, *Пироговъ* — съ 18-го января 1879 г.; *коллежскаго ассессора*, преподаватель Владивостокской мужской гимназіи *Бардуновъ* — съ 27-го іюня 1896 г.; *коллежскаго секретаря*: ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета, докторъ чистой математики *Зининъ* — съ 18-го октября 1876 г., причисленные къ министерству: *Зеберъ* — съ 10-го мая 1899 г., *Беръ* — съ 25-го іюня 1899 г., баронъ *фонъ-Нольде* — съ 17-го февраля 1900 г. и *Воллосовичъ* — съ 26-го августа 1900 г., изъ нихъ: Зининъ, Зеберъ и Воллосовичъ, по степени кандидата, а Беръ и баронъ фонъ-Нольде — по дипломамъ 1-й степени Императорскихъ университетовъ, дѣлопроизводитель VIII класса департамента народнаго просвѣщенія *Заплатинъ* — съ 1-го мая 1900 г. и счетный чиновникъ учрежденнаго при департаментѣ народнаго просвѣщенія управленія дѣлами пенсіонной кассы народныхъ учителей и учительницъ *Черновскій* — съ 5-го сентября 1900 г., оба — по степени кандидата богословія, помощникъ дѣлопроизводителя особаго отдѣленія департамента народнаго просвѣщенія для завѣдыванія промышленными училищами *Козловъ* — съ 1-го сентября 1900 г., по диплому 1-й степени Императорскаго университета; *губернскаго секретаря*, причисленный къ министерству *Страховъ* — съ 15-го іюля 1900 г., по диплому 2-й степени Императорскаго университета.

(16-го декабря 1900 года, № 83), *Опредѣляется* на службу, изъ

отставныхъ, отставной капитанъ гвардіи *Шереметьевъ*—съ утвержденіемъ его почетнымъ попечителемъ Ливенскаго реальнаго училища, согласно избранію, на три года.

Опредѣляется на службу инженеръ-технологъ *Аловъ*—адъюнктъ-профессоромъ института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи по сельско-хозяйственнымъ машинамъ и орудіямъ, съ 1-го ноября.

Назначаются: директоръ Ташкентской мужской гимназій, магистръ богословія, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Остроумовъ*—директоромъ Туркестанской учительской семинаріи; доцентъ Императорскаго Юрьевскаго университета, докторъ чистой математики, статскій совѣтникъ *Молинъ*—ординарнымъ профессоромъ Томскаго технологическаго института Императора Николая II, по математикѣ, съ 1-го сентября; экстраординарные профессора Императорскихъ университетовъ: Новороссійскаго, докторъ русской словесности, статскій совѣтникъ *Мочульскій* и Варшавскаго, докторъ медицины, статскій совѣтникъ *Костеничъ*: первый—ординарнымъ профессоромъ Императорскаго Новороссійскаго университета, по кафедрѣ русскаго языка и литературы, а второй—профессоромъ Императорскаго клиническаго института Великой Княгини Елены Павловны, по офтальмологіи; преподаватель, исполняющій обязанности инспектора Харьковскаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ *Гусаковскій*—директоромъ Урюпинскаго реальнаго училища; прозекторъ Императорскаго Варшавскаго университета, докторъ медицины, статскій совѣтникъ *Яцинскій*—экстраординарнымъ профессоромъ того же университета, по кафедрѣ теоретической хирургіи, съ 1-го ноября; доцентъ Императорскаго клиническаго института Великой Княгини Елены Павловны, докторъ медицины, надворный совѣтникъ *Окуневъ*—консультантомъ того же института, по ушнымъ болѣзнямъ, съ 24-го сентября; приватъ-доцентъ и препараторъ при физическомъ кабинетѣ Императорскаго Казанскаго университета, магистръ физики, надворный совѣтникъ *Сеель*—адъюнктъ-профессоромъ Рижскаго политехническаго института, по физикѣ, съ 1-го сентября.

Утверждаются: дѣйствительный статскій совѣтникъ *Милютинъ*, надворные совѣтники *Пашутинъ* и *Метслевъ* и титулярный совѣтникъ *Струковъ*—почетными попечителями: первый—вновь, Череповецкаго реальнаго училища, второй—вновь, Елисаветградской гимназій, третій—вновь, Азовской прогимназій и послѣдній—Старобѣль-

скоѣ Александровской гимназіи, всѣ четверо, согласно избранію, на три года, изъ нихъ Метелевъ съ 30-го января 1899 г.

Увольняются отъ службы, согласно прошеніямъ: ординарные профессора Императорскихъ университетовъ: Московскаго, докторъ медицины, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Остроумовъ* и Юрьевскаго, статскій совѣтникъ *Кнезеръ*, изъ нихъ послѣдній съ 25-го октября.

Умершіи исключаются изъ списковъ, ординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета, статскій совѣтникъ *Подрезъ*, съ 9-го ноября.

Производится, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ статскіе совѣтники: по Казанскому учебному округу: учителя гимназій Симбирской, *Клынинъ* — съ 13-го іюля 1900 г. и Царицынской женской, *Костровъ* — съ 1-го сентября 1899 г.; по Оренбургскому учебному округу, инспекторъ народныхъ училищъ Уфимской губерніи *Юркевичъ* — съ 19-го сентября 1900 г.; по Западно-Сибирскому учебному округу, учитель Тюменскаго Александровскаго реальнаго училища *Постоевъ* — съ 28-го августа 1899 г.; изъ надворныхъ въ коллежскіе совѣтники: по Казанскому учебному округу: учитель Казанскаго промышленнаго училища *Порфирьевъ* — со 2-го ноября 1898 г. и помощникъ инспектора студентовъ Императорскаго Казанскаго университета *Заблужій* — съ 20-го марта 1900 г.; по Оренбургскому учебному округу: преподаватели: Екатеринбургской гимназіи *Эбергардтъ* — съ 1-го сентября 1900 г., реальныхъ училищъ: Уральскаго, *Михайловъ* — съ 21-го марта 1900 г., Оренбургскаго: *Шостиченко* — съ 1-го августа 1900 г. и *Гутъяръ* — съ 1-го октября 1900 г.; по Кавказскому учебному округу: учителя гимназій: Кутамской, *Лебедевъ* — съ 1-го іюля 1900 г., Тифлисскихъ: 1-й, *Авиловъ* — съ 24-го августа 1900 г., 2-й, Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича, *Андреевъ* — съ 20-го іюля 1900 г., Пятигорской шестиклассной прогимназіи, *Вьюнниковъ* — съ 1-го іюля 1900 г., реальныхъ училищъ: Ейскаго *Болотовъ* и *Михайловъ* (сверхштатный), оба — съ 1-го августа 1900 г. и Тифлисскаго (сверхштатный), *Станховскій* — съ 18-го ноября 1899 г.; по Западно-Сибирскому учебному округу, учителя: Тюменскаго Александровскаго реальнаго училища, *Кауфманъ* — съ 1-го іюля 1899 г. и Омской гимназіи, *Бройеръ* — съ 1-го января 1900 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ надворные совѣтники: по Казанскому учебному округу: учитель Вятской женской гимназіи *Шаповъ* — 15-го сентября 1899 г.; руководитель практиче-

скихъ работъ Казанскаго промышленнаго училища *Рихтеръ*—съ 15-го іюня 1899 г.; помощникъ инспектора студентовъ Императорскаго Казанскаго университета *Маминевскій*—съ 20-го сентября 1899 г.; учитель Малыжскаго трехкласснаго городского училища *Иматьевъ*—съ 1-го іюля 1899 г.; по Оренбургскому учебному округу: инспекторъ Нижнетагильскаго горнозаводскаго училища *Кларкъ*—съ 22-го августа 1899 г.; преподаватели: Оренбургской женской гимназіи: *Розановъ*—съ 1-го августа 1899 г. и *Борисовъ*—съ 16-го сентября 1899 г., Екатеринбургскаго реальнаго училища, *Шульцъ*—съ 5-го октября 1899 г., Уфимской женской гимназіи, *Немецъ*—съ 10-го января 1900 г.; по Кавказскому учебному округу: учителя гимназій: 1-й Тифлисской, *Забьжкинъ*—и 3-й Тифлисской, *Залдкинъ*, оба—съ 1-го сентября 1899 г., Владикавказской, *Кишкинъ*—съ 24-го марта 1899 г., Бакинской Императора Александра III, *Вариамовъ*—съ 13-го сентября 1899 г., Екатеринодарской городской, *Гловацкій*—съ 11-го мая 1899 г., Ейскаго реальнаго училища, *Томакъ*—съ 16-го іюня 1898 г., Бакинской Маринской женской гимназіи: *Сторожевъ*—съ 1-го сентября 1899 г. и *Истоминъ*—съ 7-го сентября 1899 г.; помощникъ воспитателя пансіона Эриванской гимназіи *Бибоевъ*—съ 1 іюля 1900 г.; учитель Екатеринодарскаго Александровскаго городского шестикласснаго училища *Сазновъ*—съ 1-го августа 1900 г.; учитель-смотритель Тифлискаго Николаевскаго начальнаго двухкласснаго училища *Каталанецъ*—съ 15-го сентября 1900 г.; по Западно-Сибирскому учебному округу: приватъ-доцентъ по кафедрѣ діагностики и врачъ Императорскаго Томскаго университета *Дочевскій*—съ 1-го іюня 1899 г.; учитель Омской гимназіи *Баршевъ*—съ 1-го іюля 1899 г.; учитель-инспекторъ Бійскаго Пушкинскаго трехкласснаго городского училища *Никитинъ*—съ 1-го іюля 1900 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ коллежскіе ассессоры: по Казанскому учебному округу: сверхштатный помощникъ прозектора Казанскаго ветеринарнаго института *Лосиновъ*—съ 1-го іюля 1900 г.; почетный смотритель Казанскаго четырехкласснаго городского училища *Марковъ*—съ 10-го мая 1899 г.; учителя городскихъ училищъ: Казанскаго четырехкласснаго, *Зетревъ*—съ 8-го іюля 1899 г., Хвалынскаго трехкласснаго, *Ермаковъ*—съ 18-го сентября 1896 г., Малыжскаго трехкласснаго, *Бибишевъ*—съ 29-го октября 1897 г., Вятскаго четырехкласснаго (сверхштатный), *Панкратевъ*—съ 1-го іюля 1899 г. и помощникъ классныхъ наставниковъ Сибирской гимназіи *Михайловъ*—съ 12-го мая 1900 г.; по Оренбургскому учебному округу: врачъ Благовѣщенской

учительской семинаріи *Скляръ* — со 2-го декабря 1898 г.; исправляющій должность надзирателя технических классовъ Пермскаго реальнаго училища *Сушихъ* — съ 29-го октября 1899 г.; учитель Кунгурскаго городского училища *Паршаковъ* — съ 1-го августа 1900 г.; по Кавказскому учебному округу: учитель приготовительнаго класса Эриванской гимназіи *Семеновъ* — съ 1-го іюля 1899 г.; помощникъ воспитателя пансіона Ставропольской гимназіи *Успенскій* — со 2-го апрѣля 1900 г.; учитель приготовительнаго класса Эриванской учительской семинаріи *Мушинъ* — съ 15-го января 1900 г.; учитель-инспекторъ Хонскаго городского трехкласснаго училища *Прокофьевъ* — съ 1-го іюля 1900 г.; учителя городскихъ училищъ: Ахалцихскаго четырехкласснаго, *Бурчуладзе* — съ 1-го іюля 1895 г., Пятигорскаго трехкласснаго, *Буслаевъ* — съ 1-го іюля 1900 г.; почетный смотритель Бакинскаго Михайловскаго трехкласснаго городского училища *Санаповъ* — съ 20-го мая 1900 г.; по Западно-Сибирскому учебному округу: врачъ Омской гимназіи *Островскій* — съ 1-го августа 1898 г.; ассистентъ при кафедрѣ фармакологіи Императорскаго Томскаго университета *Архангельскій* — съ 20-го октября 1898 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Томскаго Алексѣевского реальнаго училища *Шадринъ* — съ 9-го іюля 1900 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титулярные советники*: ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета, докторъ чистой математики *Зиминъ* — съ 1-го іюля 1880 г.; по Казанскому учебному округу: учителя городскихъ трехклассныхъ училищъ: Козмодемьянскаго, *Соколовъ* — со 2-го сентября 1895 г., Аткарскаго, *Дукьяновъ* — съ 24-го ноября 1897 г. и Кузнецкаго, *Шатовъ* — съ 4-го марта 1897 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Саратовской 2-й гимназіи *Емельяновъ* — съ 1-го августа 1900 г.; по Оренбургскому учебному округу: учителя городскихъ училищъ: завѣдывающій Кустанайскимъ двухкласснымъ, *Комаровъ* — съ 1-го сентября 1896 г., Орскаго (сверхштатный) *Котыринъ* — съ 1-го іюля 1897 г., Нижнетагильскаго, *Катаевъ* — съ 1-го августа 1897 г., Кушвинскаго, *Щербakovъ* — съ 18-го іюля 1900 г.; учителя уѣздовыхъ училищъ: Бирскаго: *Кондратьевъ* — съ 23-го сентября 1897 г. и *Куняевъ* — съ 20-го іюля 1899 г., Уфимскаго (бывшій, нынѣ въ отставкѣ) *Черяковъ* — съ 21-го октября 1899 г.; по Кавказскому учебному округу: учитель приготовительнаго класса Бакинской Императора Александра III гимназіи *Дьдуловъ* — съ 15-го октября 1897 г.; помощники классныхъ наставниковъ гимназій: Кутаисской, *Цетели* — съ 1-го сентября 1898 г., Тифлисской 1-й, *Цитланадзе* — съ 1-го сен-

тября 1899 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ и помощникъ воспитателя пансіона Владикавказскаго реальнаго училища *Кадіевъ*— съ 1-го сентября 1898 г.; помощникъ воспитателя пансіона Владикавказскаго реальнаго училища *Шмидтъ*— съ 15-го августа 1898 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Ейскаго реальнаго училища *Бардакъ*— съ 29-го августа 1897 г.; учитель Бакинскои Маринской женской гимназіи *Емельяновъ*— съ 27-го апрѣля 1896 г.; учителя городскихъ училищъ: шестиклассныхъ: Баталпашинскаго, *Журавлевъ*— съ 14-го сентября 1898 г., Тифлисскаго 2-го: *Береславцевъ*— съ 25-го апрѣля 1898 г. и (сверхштатный) *Барсуковъ*— съ 1-го сентября 1900 г., Ейскаго Александровскаго четырехкласснаго (сверхштатный) *Суворовъ*— съ 14-го іюня 1897 г., Сигнахскаго трехкласснаго (сверхштатный) *Мириановъ*— съ 1-го іюля 1896 г.; почетный смотритель Тифлисскаго 1-го трехкласснаго городского училища *Цовьянлицъ*— съ 18-го мая 1898 г.; смотрители нормальныхъ сельскихъ училищъ: Алты-Агачскаго двухкласснаго, *Куракинъ*— съ 23-го ноября 1897 г. и Хузахскаго однокласснаго (исправляющій должность) *Велизаде*— съ 1-го января 1896 г.; изъ губернскихъ въ *коллежскіе секретари*: по Оренбургскому учебному округу, бывший учитель Нижнетагильскаго реальнаго училища, нынѣ учитель Кунгурскаго городского училища *Дьяконовъ*— съ 1-го сентября 1898 г.; по Кавказскому учебному округу: учителя 2-го Тифлясскаго шестикласснаго городского училища: *Кирпичъ*— съ 1-го іюля 1893 г., (сверхштатные) *Тетеревтнниковъ*— съ 20-го октября 1897 г. и *Митрофановъ*— съ 1-го сентября 1896 г. и учитель Армавирскаго Александровскаго двухкласснаго начальнаго училища *Зиневичъ*— съ 5-го марта 1896 г.; по Западно-Сибирскому учебному округу: бывший учитель уѣзднаго училища, нынѣ учитель Томскаго ремесленнаго училища *Любимовъ*— съ 5-го октября 1893 г.; помощникъ учителя Барнаульскаго двухкласснаго городского училища *Симанинъ*— съ 1-го августа 1897 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Барнаульскаго реальнаго училища Императора Николая II *Бавъ*— съ 1-го декабря 1897 г.; учитель Кузнецкаго уѣзднаго училища *Крейтеръ*— съ 20-го марта 1898 г.; учитель Тюменскаго уѣзднаго училища *Сеньковъ*— съ 28-го марта 1898 г., изъ коллежскихъ регистраторовъ въ *губернскіе секретари*: по Казанскому учебному округу, учитель Петровскаго городского приходскаго училища *Кутинъ*— съ 1-го сентября 1897 г.; по Оренбургскому учебному округу, бывший помощникъ учителя городского училища, нынѣ учитель Алапаевскаго городского училища *Шмаевъ*— съ 16-го

сентября 1897 г.; по Кавказскому учебному округу, бывший помощник учителя городского училища, нынѣ сверхштатный учитель 1-го Тифлискаго городского трехкласснаго училища *Храмеловъ*—съ 1-го іюля 1892 г.; по Западно-Сибирскому учебному округу: учитель ча-стописанія, черченія и рисованія Тюменскаго уѣзднаго училища *Шелудковъ*—съ 13-го октября 1897 г.; бухгалтеръ Томской гимназій *Болеславовъ*—съ 27-го іюля 1900 г.; въ *коллежскіе регистраторы*: по Казанскому учебному округу: почетный смотритель Черноярскаго двухкласснаго городского училища *Коринескій*—съ 8-го мая 1899 г. и помощникъ нисъмоводителя Казанскаго промышленнаго училища *Никольскій*—съ 25-го мая 1897 г.; по Кавказскому учебному округу: завѣдывающіе двухклассными сельскими училищами: Мариинскимъ, *Каракай*—съ 1-го августа 1899 г., Кавказскимъ, *Вутенковъ*—съ 23-го іюля 1892 г., Тихорѣцкимъ общества Владикавказской желѣзной дороги, *Морошкинъ*—съ 8-го августа 1898 г., Суворовскимъ Александровскимъ, *Князевъ*—съ 30-го сентября 1894 г., Тихорѣцкимъ, *Филатовъ*—съ 1-го августа 1899 г.; смотрители двухклассныхъ сельскихъ училищъ: Маранскаго, *Топуридзе*—съ 1-го августа 1899 г., Тамаковскаго нормальнаго общественнаго, *Вихтадзе*—съ 1-го августа 1899 г., Джварцхмскаго, *Зазаровъ*—съ 1-го сентября 1897 г.; завѣдывающій Екатеринодарскимъ 3-мъ городскимъ начальнымъ училищемъ *Шазовъ*—съ 21-го декабря 1886 г.; смотритель Бакинскаго желѣзнодорожнаго двухкласснаго училища *Семеновъ*—съ 1-го сентября 1892 г.; смотритель Бегли-Ахмедскаго однокласснаго сельскаго училища *Кривуновъ*—съ 27-го сентября 1900 г.; учитель второштатнаго училища при Владикавказскомъ Константиновскомъ приходскомъ училищѣ *Мослаковъ*—съ 1-го октября 1897 г.; завѣдывающіе двухклассными станичными училищами: Ардонскимъ, *Березкинъ*—съ 1-го октября 1898 г., Новопавловскимъ, *Нахимовъ*—съ 7-го ноября 1896 г.; завѣдывающіе одноклассными сельскими училищами: Унорненскимъ, *Корчиковъ*—съ 17-го сентября 1898 г.; Капневскимъ, *Чуйковъ*—съ 1-го сентября 1895 г., Новодеревянковскимъ, *Жатаровъ*—съ 29-го сентября 1898 г., завѣдывающій Новодонецкимъ станичнымъ начальнымъ училищемъ *Вихровъ*—съ 1-го октября 1899 г.; завѣдывающій Великокняжескимъ колонійскимъ начальнымъ училищемъ *Классенъ*—съ 11-го ноября 1893 г.; учителя: двухклассныхъ начальныхъ сельскихъ училищъ: Суворовскаго Александровскаго, *Ильинъ* и *Бирини-ковъ*, оба—съ 1-го августа 1899 г., Полтавскаго, *Чиримъ*—съ 1-го августа 1898 г., Старомышастовскаго, *Дядухъ*—съ 1-го августа

1899 г., Куцуревскаго, *Манило* — съ 1-го августа 1899 г., Тифлискаго сельскаго однокласснаго, *Ступинъ* — съ 25-го августа 1898 г.; учителя: двухклассныхъ стапичныхъ начальныхъ училищъ: Усть-Лабинскаго Александровскаго, *Александровъ* — съ 10-го октября 1897 г., Павлодольскаго, *Ижю* — съ 1-го ноября 1897 г., Великокняжескаго колонійскаго, *Фризень* — съ 11-го ноября 1893 г., сельскохозяйственнаго училища при селеніи Циназгваріанъ-Каря, *Бенаевъ* — съ 20-го іюня 1898 г.; письмоводитель дирекціи народныхъ училищъ Кутаисской губерніи *Куитовъ* — съ 10-го іюля 1900 г.; исправляющій должность письмоводителя Ставропольской гимназіи *Грибиновъ* — со 2-го ноября 1899 г.; по Западно-Сибирскому учебному округу, учитель Гарскаго Спасскаго приходскаго училища *Старосельцевъ* — съ 1-го августа 1899 г.

Утверждаются въ чинахъ со старшинствомъ: коллежскаго *совѣтника*: по Казанскому учебному округу, инспекторъ народныхъ училищъ Саратовской губерніи *Дозановъ* — съ 1-го іюня 1895 г.; по Западно-Сибирскому учебному округу: инспекторы народныхъ училищъ Томской губерніи, *Добровольскій* и Тобольской губерніи, *Нечай*, оба — съ 1-го января 1900 г.; *коллежскаго ассессора*: по Казанскому учебному округу: учителя: Сибирской гимназіи, *Киробовъ* — съ 24-го августа 1895 г., Вятскаго реальнаго училища: *Феликсовъ* — съ 1-го іюля 1896 г. и *Исполатовъ* — съ 1-го августа 1896 г.; по Оренбургскому учебному округу: преподаватели: Нижнетагильскаго горнозаводскаго училища, инженеръ-механикъ *Зворжинъ* — съ 1-го іюля 1896 г., Оренбургскаго реальнаго училища *Тиевъ* — съ 1-го августа 1896 г., техническихъ классовъ Красноуфимскаго промышленнаго училища, агрономъ 1 разряда *Прикъ* — съ 1-го сентября 1896 г., Бирской инородческой учительской школы, *Лебедевъ* — съ 29-го сентября 1896 г.; по Кавказскому учебному округу: учителя: гимназій: Тифлисскихъ, 2-й Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича, *Казинцевъ* — съ 20-го августа 1896 г., 3-й *Корцикій* и *Покровский*, оба — съ 13-го іюня 1896 г. и Эриванской, *Хранко* — съ 20-го января 1896 г.; по Западно-Сибирскому учебному округу: учителя: Томской гимназіи, *Мирамъ* — съ 15-го августа 1893 г. и Тюменскаго Александровскаго реальнаго училища *Виноходовъ* — съ 26-го мая 1896 г., Семипалатинской мужской прогимназіи: *Давыдовъ* — съ 1-го іюля 1896 г., *Тимофьевъ* — съ 9-го іюля 1896 г. и *Делтеревъ* — съ 1-го августа 1896 г.; *титularнаго совѣтника*: по Казанскому учебному округу: врачи: Орловской женской гимназіи, *Ишутиновъ* —

съ 8-го декабря 1895 г. и Балашовскаго четырехкласснаго городского училища, *Рождественскій*—съ 28-го мая 1895 г., оба по степени лѣкаря; по Оренбургскому учебному округу, учитель Оренбургскаго ремесленнаго училища *Рошинъ*—съ 9-го августа 1895 г.; по Кавказскому учебному округу: врачи городскихъ трехклассныхъ училищъ: Майкопскаго Александровскаго, *Соловьевъ*—съ 4-го мая 1895 г. и Анапскаго, *Куликъ*—съ 8-го января 1896 г., оба по степени лѣкаря; учитель Ватумскаго ремесленнаго училища *Вильгельмсонъ*—съ 24-го юля 1896 г.; по Западно-Сибирскому учебному округу, врачъ Томскаго уѣзднаго училища *Домовицкій*—съ 1-го сентября 1894 г., по степени лѣкаря; *коллежскаго секретаря*: по Казанскому учебному округу: учителя городскихъ училищъ: Козмодемьянскаго трехкласснаго, *Корниловъ*—съ 1-го августа 1896 г., Чебоксарскаго трехкласснаго, *Першевъ*—съ 14-го марта 1895 г., и Курмышскаго двухкласснаго (сверхштатный), *Самаринъ*—съ 25-го апрѣля 1896 г., по Оренбургскому учебному округу: учителя городскихъ училищъ: Орскаго: *Кучеренко*—съ 15-го сентября 1893 г. и *Абраменко*—съ 1-го сентября 1896 г., Нижнетагильскаго (сверхштатный), *Халбниковъ*—съ 16-го ноября 1895 г., Охотскаго, *Сokolovъ*—съ 15-го февраля 1896 г., Екатеринбургскаго 1-го, *Елисеевъ*—съ 1-го сентября 1896 г., архитекторъ учебнаго округа *Чаплицъ*—съ 10-го юля 1899 г., по званію гражданскаго инженера; по Кавказскому учебному округу: помощникъ классныхъ наставниковъ Бакинской Императора Александра III мужской гимназіи *Наримановъ*—съ 7-го мая 1896 г.; помощникъ воспитателя пансіона и помощникъ классныхъ наставниковъ Ставропольской гимназіи *Терновскій*—съ 21-го января 1896 г.; учитель приготовительнаго класса Кутаисской учительской семинаріи, коллежскій регистраторъ *Тибукашвили*—съ 1-го сентября 1896 г.; учитель Зугдидскаго городского шестикласснаго училища *Хоштарія*—съ 1-го декабря 1894 г.; смотритель Холодно-Слободскаго сельскаго двухкласснаго нормальнаго училища *Ялуингъ*—съ 7-го мая 1896 г.; по Западно-Сибирскому учебному округу, учитель Бійскаго Пушкинскаго трехкласснаго городского училища *Кутузовъ*—съ 20-го юля 1896 г.; *губернскаго секретаря*: по Казанскому учебному округу: учителя уѣздныхъ училищъ, Ядринскаго, *Мансуровъ*—съ 28-го юля 1895 г. и Цивильскаго, *Якушевъ*—съ 14-го февраля 1896 г.; по Кавказскому учебному округу; учитель-надзиратель Грозненской горской школы *Эльдарганивъ*—съ 1-го юля 1893 г.; бывшій учитель Боржомскаго нормальнаго училища, нынѣ помощникъ учителя Горійскаго

городского училища *Бабаянцъ* — съ 1-го января 1890 г.; учитель Армавирскаго Александровскаго двухкласснаго начальнаго училища *Бетафуро* — съ 15-го января 1894 г.; *коллежскаго регистратора*: по Казанскому учебному округу, домашній учитель *Ничипуренко* — съ 1-го января 1900 г.; по Кавказскому учебному округу: бывшіе помощники учителя городскихъ училищъ, нынѣ учителя: общеобразовательныхъ классовъ Майконскаго низшаго механико-техническаго училища Императора Александра III *Лобановскій* — съ 1-го іюля 1895 г., Кутаисскаго городского шестикласснаго училища, *Суховъ* — съ 1-го іюля 1893 г.; бывшіе помощники учителя городского училища, нынѣ: смотритель Баралетскаго двухкласснаго нормальнаго училища *Микеладзе* — съ 1-го сентября 1891 г. и учитель того же училища *Гуриновъ* — съ 12-го октября 1895 г.; помощникъ учителя Ейскаго Александровскаго четырехкласснаго городского училища *Мхиберидзе* — съ 31-го августа 1891 г.

III. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

11. (16-го декабря 1900 года). *Положеніе о стипендіи имени потомственной почетнаго гражданина Адриана Федоровича Шанина при низшей ремесленной школѣ въ г. Коломнѣ имени братьевъ Шаниныхъ.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 26-го мая 1897 года, утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На $\frac{1}{100}$ съ капитала въ 4.000 руб., пожертвованнаго потомственнымъ почетнымъ гражданиномъ Адрианомъ Федоровичемъ Шанинымъ, учреждаются двѣ стипендіи при Коломенской низшей ремесленной школѣ имени братьевъ Шаниныхъ.

§ 2. Капиталъ, заключающійся въ свидѣтельствахъ государственной 4% ренты, хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ низшей въ Коломнѣ ремесленной школы братьевъ Шаниныхъ, составляя неотъемлемую собственность этой школы и оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Въ случаѣ преобразования школы въ какое-либо другое учебное заведеніе стипендіальный капиталъ передается въ вѣдѣніе сего послѣдняго, для употребленія процентовъ съ него на стипендію по усмотрѣнію педагогическаго совѣта сего заведенія.

§ 4. Проценты съ означеннаго капитала въ 4.000 руб., за удерж-

жаніемъ изъ нихъ 5%, государственнаго сбора по закону 20-го мая 1885 г., назначаются для выдачи на содержаніе двухъ бѣднѣйшихъ учениковъ ремесленной школы имени братьевъ Шаниныхъ.

§ 5. Стипендія можетъ быть назначаема только бѣднѣйшимъ ученикамъ изъ мѣщанскаго и купеческаго сословія г. Коломны или тѣмъ, родители коихъ прожили и живутъ въ городѣ Коломнѣ не менѣе 15-ти лѣтъ.

§ 6. Выборъ одного изъ стипендіатовъ производится пожизненно жертвователемъ Адрианомъ Федоровичемъ Шанинымъ, а другого — педагогическимъ совѣтомъ школы.

§ 7. Стипендіатъ пользуется стипендіей во все время обученія его въ школѣ, если заслуживаетъ того своимъ поведеніемъ и успѣхами.

§ 8. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

§ 9. Могущіе образоваться по какимъ-либо причинамъ остатки отъ процентовъ съ стипендіальнаго капитала причисляются къ сему капиталу или для увеличенія размѣровъ стипендіи или для образованія новыхъ стипендій — по усмотрѣнію педагогическаго совѣта ремесленной школы.

12. (21-го декабря 1900 года). *Положеніе о стипендіи имени бывшаго врача Тверскаго земства Михаила Ильича Петрункевича при Тверской Маріинской женской гимназіи.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 1-го августа 1873 года, утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшихъ повелѣній 5-го декабря 1881 г. и 26-го мая 1897 г., при Тверской Маріинской женской гимназіи учреждается одна стипендія имени бывшаго врача Тверскаго земства Михаила Ильича Петрункевича, на счетъ процентовъ съ капитала въ одну тысячу девяти рублей, собраннаго по подпискѣ разными лицами по случаю отъѣзда Петрункевича изъ города Твери.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ билетахъ 4% государственной ренты, хранится въ мѣтномъ губернскаго казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ женской гимназіи, составляя неотъемлемую собственность гимназіи и оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты со стипендіальнаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну государственнаго сбора по закону 20-го мая 1885 г., употребляются на взносъ платы за ученіе въ гимназіи стипендіатки.

§ 4. Стипендіатка избирается изъ числа бѣднѣйшихъ ученицъ гимназій, отличающихся хорошимъ поведеніемъ и успѣхами въ наукахъ, безъ различія національности и вѣроисповѣданія.

§ 5. Выборъ стипендіатки предоставляется попечительному совѣту Тверской Марининской женской гимназій.

§ 6. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіатку никакихъ обязательствъ.

§ 7. Могущіе образоваться отъ процентовъ со стипендіальнаго капитала остатки употребляются на покупку для стипендіатки книгъ, учебныхъ пособій и т. п.

13. (21-го декабря 1900 года). *Положеніе о стипендіи имени тайнаго совѣтника Николая Федоровича Малинина при Императорскомъ Московскомъ университетѣ.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 5-го декабря 1881 года, утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Изъ процентовъ съ капитала въ 6.000 руб. завѣщаннаго тайнымъ совѣтникомъ Николаемъ Федоровичемъ Малининымъ, учреждается одна стипендія при Московскомъ университетѣ имени завѣщателя.

§ 2. Стипендія эта назначается студенту медицинскаго факультета недостаточнаго состоянія.

§ 3. Назначеніе стипендіата зависитъ отъ правленія Московскаго университета на основаніи существующихъ правилъ о назначеніи стипендій.

§ 4. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

§ 5. Могущіе оказаться остатки отъ процентовъ со стипендіальнаго капитала, вслѣдствіе незамѣщенія стипендіата или по какимъ-либо другимъ причинамъ, обращаются въ капиталъ для увеличенія размѣра стипендій.

14. (21-го декабря 1900 года). *Положеніе о стипендіяхъ при Императорскомъ Московскомъ университетѣ имени Ивана и Александры Медвѣдниковыхъ.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 5-го декабря 1881 года, утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Изъ ежегодныхъ процентовъ съ капитала въ 50.000 рублей, завѣщаннаго вдовою коммерціи совѣтника Александрю Ксенофонов-

ною Медвѣдниковою, учреждаются при Московскомъ университетѣ семь стипендій имени Ивана и Александры Медвѣдниковыхъ.

§ 2. Учреждаемая семь стипендій распределяются по факультетамъ: на медицинскомъ—2 стипендіи—одна въ 300 руб. и одна въ 200 руб., на юридическомъ 2 стипендіи—одна въ 300 руб. и одна въ 200 р., на филологическомъ одна стипендія въ 300 руб., на физико-математическомъ по математическому отдѣленію одна стипендія въ 300 руб. и естественному отдѣленію одна въ 300 руб.

§ 3. Первое назначеніе стипендіатовъ предоставляется душеприкащику по завѣщанію Медвѣдниковой коллежскому совѣтнику Николаю Алексѣевичу Цвѣткову, дальнѣйшее же замѣщеніе стипендіатовъ зависитъ отъ правленія Московскаго университета.

§ 4. Стипендіи назначаются на основаніи существующихъ правилъ о назначеніи стипендій студентамъ университета.

§ 5. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ.

§ 6. Могущіе оказаться остатки отъ процентовъ со стипендіальнаго капитала, вслѣдствіе незамѣщенія стипендій или по какомулибо другимъ причинамъ, обращаются на увеличеніе размѣровъ двухсотрублевыхъ стипендій до 300 руб., а послѣ того распределяются равномерно на увеличеніе размѣра всѣхъ стипендій.

15. (22-го декабря 1900 года). *Положеніе о единовременномъ пособіи при Императорскомъ Московскомъ университетѣ на капиталъ, завѣщанный вдовою полковника Анною Михайловною Вейеръ.*

(На основаніи Высочайшаго новеллія 29-го мая 1897 года, утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Изъ процентовъ съ капитала въ 3.000 рублей, завѣщаннаго вдовою полковника Анною Михайловною Вейеръ, учреждается при Московскомъ университетѣ единовременное пособіе имени А. М. Вейеръ на взносъ платы за слушаніе лекцій.

§ 2. Пособіе это назначается для бѣднѣйшихъ студентовъ Московскаго университета безъ различія факультетовъ, на основаніи общихъ правилъ назначенія пособій студентамъ университета.

§ 3. Назначенное студенту пособіе не должно быть выдаваемо на руки студенту, а перечисляется по полугоду правленіемъ университета въ сумму сбора за слушаніе лекцій въ университетѣ.

§ 4. Могущій оказаться, по перечисленіи слѣдующихъ за слуша-

ніе лекцій денегъ, остатокъ долженъ быть обращенъ на увеличеніе капитала для пособія студентамъ.

§ 5. Пользованіе пособіемъ не налагаетъ на студентовъ никакихъ обязательствъ.

16. (22-го декабря 1900 года). *Положеніе о единовременномъ пособіи при Императорскомъ Московскомъ университетѣ на капиталъ, пожертвованный вдовою дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Наталією Александровною Шумахеръ.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 29-го августа 1897 г., утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Изъ процентовъ съ капитала въ 1.300 рублей, пожертвованнаго вдовою дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Наталією Александровною Шумахеръ, учреждается при Московскомъ университетѣ, въ память покойнаго ея мужа сенатора Александра Даниловича Шумахера, единовременное пособіе на взносъ платы за слушаніе лекцій въ университетѣ.

§ 2. Пособіе это назначается одному изъ наиболѣе нуждающихся студентовъ юридическаго факультета.

§ 3. Назначенное студенту пособіе не должно быть выдаваемо студенту на руки, а перечисляется по полугодно правленіемъ университета въ сумму сбора за слушаніе лекцій.

§ 4. Могущій оказаться, по перечисленіи слѣдуемыхъ за слушаніе лекцій денегъ, остатокъ отъ процентныхъ денегъ долженъ быть обращенъ на увеличеніе капитала для пособія студентамъ.

§ 5. Пользованіе пособіемъ не налагаетъ на студентовъ никакихъ обязательствъ.

17. (23-го декабря 1900 года). *Положеніе о стипендіи имени вдовы дѣйствительнаго статскаго совѣтника, княгини Екатерины Николаевны Сонцовой-Засткиной при Орловской Николаевской женской гимназіи.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 1-го августа 1873 года, утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшихъ повелѣній 5-го декабря 1881 г. и 26-го мая 1897 г., при Орловской Николаевской женской гимназіи учреждается стипендія имени вдовы дѣйствительнаго статскаго со-

вѣтника, книгини Екатерины Николаевны Сошцовой-Засѣкиной, на счетъ процентовъ съ капитала въ одну тысячу шестьсотъ рублей, пожертвованнаго съ этою цѣлью вдовою дѣйствительнаго статскаго совѣтника Марією Борисовною Барановой, рожденною книгиней Сошцовой-Засѣкиной.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ свидѣтельствѣхъ четырехпроцентной государственной ренты, хранится въ Орловскомъ губернскомъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ Орловской женской гимназіи, составляя ея неотъемлемую собственность и оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

Примѣчаніе. Попечительному совѣту гимназіи предоставляется право обмѣнить 4% ренту на другія правительственныя или гарантированныя правительствомъ процентныя бумаги, если онъ найдетъ это нужнымъ въ цѣляхъ увеличенія размѣра стипендіи.

§ 3. Проценты со стипендіального капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну 5% государственнаго сбора по закону 20-го мая 1885 года, употребляются на вносъ платы за ученіе избранной стипендіатки.

§ 4. Стипендіатка избирается изъ числа бѣднѣйшихъ ученицъ гимназіи, христіанскаго исповѣданія, отличающихся хорошимъ поведеніемъ и удовлетворительными успѣхами въ наукахъ.

§ 5. Право избранія стипендіатки предоставляется Маріи Борисовнѣ Барановой, а по смерти ея, попечительному совѣту Орловской Николаевской женской гимназіи.

§ 6. Попечительному совѣту, по соглашенію съ учредительницею стипендіи, предоставляется право прекратить выдачу стипендіаткѣ стипендіи въ случаяхъ дурнаго ея поведенія, неудовлетворительныхъ успѣховъ безъ уважительныхъ причинъ, значительно измѣнявшагося къ лучшему матеріальнаго положенія родителей стипендіатки и т. п.

§ 7. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіатку никакихъ обязательствъ.

§ 8. Могущіе образоваться по какимъ-либо причинамъ отъ процентовъ со стипендіального капитала остатки причисляются къ стипендіальному капиталу, для выдачи стипендіаткѣ по окончаніи ею гимназическаго курса.

18. (30-го декабря 1900 года). *Положеніе о стипендіи имени священника Стерлитамакскаго Богородицкаго собора о. Матвѣя Ивановича Кречетова при Стерлитамакскомъ городскомъ 4-хъ классномъ училищѣ.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 1-го августа 1873 года, утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшихъ повелѣній 5-го декабря 1881 г. и 26-го мая 1897 г., при Стерлитамакскомъ городскомъ 4-хъ классномъ училищѣ учреждается стипендія имени священника Стерлитамакскаго Богородицкаго собора о. Матвѣя Ивановича Кречетова, на счетъ процентовъ съ капитала въ *десяти пятьдесятъ руб.*, пожертвованнаго лично о. М. Кречетовымъ и мѣстнымъ обществомъ, въ память 25-ти лѣтней службы его въ санѣ іерей.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ свѣдѣтельствѣ государственной 4% ренты въ 200 руб. в билетѣ государственнаго казначейства (серіи) въ 50 руб., хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ спеціальныхъ средствахъ Стерлитамакскаго городского училища и, составляя его неотъемлемую собственность, остается навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала, за удержаніемъ въ нихъ въ казну государственнаго сбора по закону 20-го мая 1885 года, употребляются на вѣнось платы за ученіе въ училищѣ избраннаго стипендіата.

§ 4. Стипендіатъ избирается изъ числа бѣднѣйшихъ учениковъ училища, отличающихся хорошимъ поведеніемъ и успѣхами въ наукахъ.

§ 5. Выборъ стипендіата предоставляется усмотрѣнію педагогическаго совѣта Стерлитамакскаго городского училища, коему принадлежатъ право лишать стипендіата стипендію въ случаѣ его неудовлетворительныхъ уснѣховъ или неодобрительнаго поведенія.

§ 6. Могущіе образоваться по какимъ-либо причинамъ отъ процентовъ со стипендіальнаго капитала остатки употребляются на снабженіе стипендіата одеждою и книгами или же прибавляются къ основному капиталу для увеличенія размѣра стипендіи.

§ 7. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

IV. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книги: 1) „*Жозефъ Бертрамъ*, членъ Института и Французской Академіи, бывший профессоръ Политехнической школы и Французской Коллегіи. Алгебра. Первая часть, пересмотрѣнная *Жозефомъ Бертрамомъ* и *Генрихомъ Гарсе*, бывшимъ профессоромъ математическихъ наукъ въ лицѣ Генриха IV. Переводъ съ нѣкоторыми дополненіями съ послѣдняго (16-го) французскаго изданія *М. В. Пирожкова*, преподавателя С.-Пб. 10-й гимназіи. С.-Пб. 1899. Стр. X+581+2. Цѣна 3 руб.“ — 2) „Дополнительныя статьи по алгебрѣ (курсъ 7-го и 8-го классовъ гимназій). Пособіе для готовящихся въ высшія техническія учебныя заведенія. Составилъ *М. В. Пирожковъ*, преподаватель С.-Пб. 10-й гимназіи. С.-Пб. 1900. Стр. XI+126+1. Цѣна 75 коп.“ — одобрить для фундаментальныхъ библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства и для ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ мужскихъ гимназій и реальныхъ училищъ.

— Книгу: „*С. В. Ешевскій*. Сочиненія по русской исторіи. Съ портретомъ автора и біографіей его, составленной *К. Н. Бестужевымъ-Рюминимъ*. М. Изданіе М. и С. Сабашниковыхъ. 1900. Стр. LXXXI+403. Цѣна 2 руб.“ — одобрить для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства.

— Книгу: „*Grundzüge der Deutschen Grammatik für höhere Lehranstalten und zum Selbstunterricht nebst Regeln und Wörterverzeichnis für die deutsche Rechtschreibung. Dritte Auflage.* Основы нѣмецкой грамматики съ правилами нѣмецкаго правописанія и орфографическимъ указателемъ для среднихъ учебныхъ заведеній и для самообученія составилъ *К. Л. Михоуцъ*. Третье изданіе. С.-Пб. Изданіе И. И. Глазунова. 1901. Стр. XII+176+41. Цѣна 1 р. 25 коп.“ — одобрить въ качествѣ учебнаго руководства для старшихъ классовъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства и рекомендовать для фундаментальныхъ библіотекъ тѣхъ же заведеній, но съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи книги примѣчанія къ основному тексту ея были напечатаны болѣе крупнымъ шрифтомъ.

— Книгу: „Избранныя произведенія нѣмецкихъ и французскихъ писателей для класснаго и домашняго чтенія. *Voltaire. Histoire de*

Charles XII, roi de Suède. «Исторія Карла XII» *Вольтера*, въ сокращеніи. Текстъ съ введеніемъ, примѣчаніями, словаремъ и географическою картою. Объясняетъ *В. С. Игнатовичъ*. Изданіе второе. Изданіе С. А. Машиштейна. С.-Пб. 1900. Стр. 57+1. Въ отдѣльномъ словарѣ стр. 53+1. Цѣна со словаремъ 50 коп., въ папкѣ 60 коп.“— рекомендовать для употребленія въ качествѣ учебнаго пособия въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ министерства, мужскихъ и женскихъ, и для пріобрѣтенія въ ученическія бібліотеки означенныхъ заведеній.

— Книгу: „Систематическій курсъ исторіи среднихъ вѣковъ. Курсъ V класса мужскихъ и женскихъ гимназій. Составилъ примѣнительно къ послѣднимъ учебнымъ планамъ *Николай Зноико*. Преподаватель Рязельской гимназій. Одесса. 1900. Стр. II+268. Цѣна 1 р.“— допустить къ употребленію въ V классѣ мужскихъ и женскихъ гимназій въ качествѣ учебнаго руководства, но съ тѣмъ, чтобы въ слѣдующемъ изданіи, буде таковое понадобится, книга была тщательно переработана и исправлена.

— Книжку: „Художественное введеніе къ IV книгѣ обвинительной рѣчи М. Т. Цицерона противъ Верреса (о памятникахъ искусства). Греческая скульптура. Составилъ *С. О. Цибульский*, преподаватель Императорской Николаевской Царскосельской гимназій. С.-Пб. 1900. Стр. 65. Цѣна не обозначена.“— одобрить для пріобрѣтенія въ фундаментальныя, а также, но возможности въ нѣсколькихъ экземплярахъ, и въ ученическія, старшаго возраста, бібліотеки мужскихъ гимназій и шестиклассныхъ прогимназій.

— Брошюру: „Копированіе посредствомъ свѣта картъ, плановъ, чертежей, рѣзныхъ украшеній, засушенныхъ растений, перьевъ птицъ, крыльень насекомыхъ и т. п. съ научной и художественной цѣлью. Составилъ *Г. И. Куликовскій*. Съ рисунками въ текстѣ. Изданіе 2-е, дополненное. М. 1900. Стр. 32 и III табл. Цѣна 60 коп.“— допустить въ ученическія бібліотеки всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, и въ бібліотеки учительскихъ институтовъ и семинарій, съ тѣмъ, чтобы при слѣдующихъ изданіяхъ брошюры цѣна ея была, по возможности, понижена.

— Книгу: „Учебникъ нѣмецкаго языка. Составилъ *И. Омиъ*. Часть I. Курсъ младшихъ классовъ среднеучебныхъ заведеній. 5-е изданіе. Изданіе книжнаго магазина В. В. Думнова, подъ фирмою «Наслѣдники братьевъ Салаевыхъ». М. 1900. Стр. XXV+468. Цѣна 1 р. 20 коп.“— одобрить въ качествѣ учебнаго руководства для среднихъ учебныхъ заведеній министерства.

— Книги: 1) „Kurze Deutsche Grammatik. Etymologie und Syntax nebst orthographischem Anhang von *E. Mittelsteiner*, Direktor der Kommerzschnle G. Falg in Odessa. Vierte Auflage. Краткая нѣмецкая грамматика. Этимологія, синтаксисъ и орфографія. Составилъ Э. *Mittelsteiner*. Директоръ Коммерческаго училища Г. Файга въ Одессѣ. Четвертое изданіе. М. Изданіе книжнаго магазина К. И. Тихомирова. 1900. Стр. X+175. Цѣна 80 коп. въ папкѣ.“ — 2) „Der neue Deutsche Sprachunterricht. Methode und Lehrbuch von *E. Mittelsteiner*. Direktor der Kommerzschnle G. Falg in Odessa. Erster Kursus. Für die I und II Klasse der Realschnlen. Neunte Auflage. 33-stes—43-stes Tausend. Moskau. Verlag der Buchhandlung K. I. Tichomirrow. 1900. Учебникъ нѣмецкаго языка по практическому методу. Методика и учебникъ. Составилъ Э. *Mittelsteiner*. Директоръ Коммерческаго училища Г. Файга въ Одессѣ. Первый курсъ для I и II классовъ реальныхъ училищъ. Девятое изданіе. М. Изданіе книжнаго магазина К. И. Тихомирова. 1900. Стр. VIII+215. Цѣна 90 коп. въ папкѣ.“ — допустить въ качествѣ учебныхъ руководствъ, первую для учебныхъ заведеній министерства съ нѣмецкимъ преподавательскимъ языкомъ, а вторую для всѣхъ вообще среднихъ учебныхъ заведеній министерства.

— Книгу: „*C. Iulii Caesaris commentarii de bello Gallico* съ объясненіями для перевода на русскій языкъ, составленными *Андреємъ Адольфомъ*. Въ двухъ частяхъ. Изданіе третье. М. Изданіе К. И. Тихомирова. 1900. Часть I. Латинскій текстъ. Стр. XIII+168. — Часть II. Введеніе, объясненія, геогр. указатель и карта Галліи. Стр. XXVIII+198. Цѣна за обѣ части 1 р. 40 коп.“—одобрить въ качествѣ учебнаго пособия для мужскихъ гимназій и прогимназій, но съ тѣмъ, чтобы въ слѣдующемъ, 4-мъ, изданіи она была отпечатана болѣе исправно въ корректурномъ отношеніи, и чтобы слишкомъ мелкій шрифтъ въ некоторыхъ частяхъ ея («указаній для перевода» и «указателя») былъ замѣненъ болѣе крупнымъ.

— Книгу: „*Делавилль*. Элементарная грекоримская мифологія. Перевелъ *П. Первовъ*, преподаватель Лазаревскаго Института восточныхъ языковъ. Изданіе К. И. Тихомирова. М. 1900. Стр. 105+1. Цѣна 60 коп. въ папкѣ.“ — допустить въ ученическія, средняго и старшаго возрастовъ, бібліотеки мужскихъ гимназій и прогимназій.

— Книгу: „Грамматика древняго церковно-славянскаго языка сравнительно съ русскимъ (курсъ среднихъ учебныхъ заведеній). Составилъ *Е. Ѳ. Карскій*, Ордин. профессоръ Императорскаго Варш.

университета. Деятое изданіе. Варшава. 1901. Стр. IV+100. Цѣна 60 коп.“ — одобрить въ качествѣ учебнаго руководства для среднихъ учебныхъ заведеній министерства.

— Книгу: „Историческая хрестоматія по новой и новѣйшей исторіи. Пособіе для учащихся и преподавателей. Составилъ Я. Г. Гуревичъ. Изданіе четвертое, исправленное. Томъ I. С. Пб. 1895. Стр. VIII+V+728. Цѣна 2 р. 50 коп. — Томъ II. С. Пб. 1900. Стр. IV+630. Цѣна 2 р.“—рекомендовать для фундаментальныхъ и учебныхъ, старшаго возраста, библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства и для выдачи ученикамъ старшихъ классовъ означенныхъ заведеній въ видѣ награды.

— Книгу: „Начальный курсъ нѣмецкаго языка для младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Примѣнительно къ новымъ программамъ для гимназій, прогимназій и реальныхъ училищъ, утвержденнымъ г. министромъ народнаго просвѣщенія 20-го іюля 1890 г. Составилъ К. Я. Бѣлицкій, директоръ Одесской Ришельевской гимназій. Шестое исправленное изданіе. Изданіе Е. П. Распопова въ Одессѣ. Одесса. 1900. Стр. IV+270. Цѣна 80 коп.“—одобрить въ качествѣ учебнаго руководства для младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія, мужскихъ и женскихъ.

— Книгу: „Объясненіе краткаго катихизиса Д-ра Мартина Лютера въ вопросахъ и отвѣтахъ Д-ра I. Крюгера. Переводъ съ нѣмецкаго. Изданіе книжнаго магазина В. Митке. Варшава. 1899. Стр. 174 + 1. Цѣна 75 коп.“ — одобрить для употребленія, въ качествѣ учебнаго руководства, въ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія, при преподаваніи Закона Божія лютеранскаго исповѣданія ученикамъ, не владѣющимъ въ достаточной степени нѣмецкимъ языкомъ.

— Книгу: „Книга упражненій въ греческой этимологіи. Составилъ Э. Курцъ и В. Феттерлейнъ. С. Пб. Изданіе К. Л. Риккера. 1900. Стр. IV+164. Цѣна 1 р.“ — одобрить въ качествѣ учебнаго пособія для тѣхъ гимназій и прогимназій, въ которыхъ греческая грамматика проходитъ по учебнику Курца и Фризендорфа.

— Книгу: „Упраженія по греческой этимологіи. Составилъ Дг. Эрнстъ Кохъ, инспекторъ Петро-Павловскаго училища въ Москвѣ. Часть первая. Курсъ третьяго класса. Предисловіемъ къ этой книгѣ служить статья „Первый годъ преподаванія греческаго языка“, вышедшая при циркулярахъ Моск. уч. окр. за 1890 г. Изданіе второе,

исправленное. М. Книжный магазинъ И. Дейбнера. 1900. Стр. 125. Цѣна 60 коп.“—одобрить въ качествѣ учебнаго пособия для гимназій и прогимназій.

У. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Брошюры: 1) „*А. Николаевъ*. Въ царствѣ льда. Чтеніе къ 12-ти картинамъ для волшебнаго фонаря. Изданіе мастерской дешевыхъ картинъ для волшебнаго фонаря В. И. Александрова въ Вологдѣ. Вологда. 1900. Стр. 42+1. Цѣна 15 коп.“—2) „*Страна восходящаго солнца*. (Японія). Составила *В. Колокольникова*. Собственность книжнаго склада А. Я. Панафидина. М. 1898. Стр. 95. Цѣна 15 коп.“—допустить для чтеній въ народныхъ аудиторіяхъ, вторую же сверхъ того и въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ, а также въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книгу: „*Лукиновскій*. Сказаніе о томъ, какъ построена церковь Св. Великомученика Трифона въ Москвѣ. Былина про царя Ивана Грознаго, да про князя Трифона Патрикѣева. Изданіе 2-е книгопродавца М. В. Клюкина. М. 1900. Стр. 32. Цѣна 20 коп., въ ланкѣ 30 коп.“—допустить въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ, въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки и для чтеній въ народныхъ аудиторіяхъ.

— Книги: „Собраніе сочиненій *Георга Эберса*. Томъ III. Слово. Романъ. Переводъ *Э. К. Ватсона*. С.-Пб. 1896. Изданіе Г. Ф. Паутелеева. Стр. 207. — Томъ VII. Невѣста Нила. Романъ. Переводъ *А. Н. Лидзеренъ*. С.-Пб. 1897. Стр. 464.—Томъ IX. Исусъ Навицъ. Разсказъ изъ библейскихъ временъ. Переводъ *Д. Л. Мизаловскаго*. С.-Пб. 1898. Стр. 251. Цѣны не обозначены.“—допустить къ обращенію въ бесплатныхъ народныхъ читальняхъ.

— Книги: 1) „Сборникъ ариметическихъ задачъ и примѣровъ для начальныхъ училищъ. *Т. Павлючукъ*. Вильна. 1899. Стр. 173+1. Цѣна 30 коп.“—2) „То же. 2-е изданіе, исправленное и дополненное. Вильна. 1900. Стр. 181+1. Цѣна 30 коп.“—допустить въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ.

— Брошюры, подъ общимъ заглавіемъ: „Кіевское Общество Грамотности. Изданіе С. В. Кульженко“: 1) „№ 6. *Станюковичъ*. „Человѣкъ за бортомъ!“ Кіевъ. 1899. Стр. 31. Цѣна 5 коп.“—2) „№ 9. *Марко Вовчокъ*. Данило Гурчъ. Максимъ Гривачъ. Кіевъ. 1899. Стр. 12+11. Цѣна 3 коп.“—3) „№ 13. *Марко Вовчокъ*. I. Выкупъ. II. Свекровь. III. Отецъ Андрей. Кіевъ. 1899. Стр. 30. Цѣна 5 коп.“—допустить въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Брошюры: 1) „Русскіе писатели. Маленькая хрестоматія. I. Содержаніе: Гр. *Л. Н. Толстой*.—Три смерти. *Г. П. Данилевскій*.—Царь Алексѣй съ соколомъ. С.-Пб. Изданіе Н. С. Аскарханова. 1899. Стр. 31. Цѣна 10 коп.“—2) „То же. II. Содержаніе: Гр. *А. К. Толстой*. Илья Муромецъ. *Г. П. Данилевскій*. Екатерина на Днѣпрѣ. С.-Пб. 1899. Стр. 29. Цѣна 10 коп.“—3) „То же. III. Содержаніе: *К. Р. Севастіанъ-мученикъ*. *Г. П. Данилевскій*. Вечеръ въ теремѣ царя Алексѣя. *А. С. Пушкинъ* и *А. И. Апухтинъ*. Стихотворенія. С.-Пб. 1899. Стр. 54. Цѣна 10 коп.“—4) „То же. IV. Содержаніе: *Г. П. Данилевскій*. Стрѣлочникъ.—Евпатій Коловратъ. Разсказъ изъ времени татарщины. *А. В. Кольцовъ*. Передъ образомъ Спасителя. *К. Р. Молятва о любви и Христосъ съ тобой*. С.-Пб. 1899. Стр. 24. Цѣна 10 коп.“—допустить въ учебныя библіотеки низшихъ училищъ и въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книжку: „По О. Тьерри и Диккенсу. Завоеватель и его наслѣдники. (Изъ исторіи Англіи). „Книжка за книжкой“, кѹ. 96-ая. Изданіе М. Н. Слѣпцовой. С.-Пб. 1899. Стр. 48. Цѣна 12 коп.“—допустить въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книгу: „*А. Киселевъ*. Краткая ариметика для городскихъ и уѣздныхъ училищъ. Изданіе 4-е, книжнаго магазина В. В. Думнова подъ фирмою «Наслѣдн. брат. Салаевыхъ». М. 1899. Стр. 167. Цѣна 50 коп.“—допустить къ употребленію. въ качествѣ учебнаго руководства, въ городскихъ и уѣздныхъ училищахъ и низшихъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ.

— Брошюрки: 1) „Народный календарь на 1901 годъ. Съ полезными совѣтами для деревенскаго хозяйства. Составилъ *И. Горбуновъ-Посадовъ*. М. 1900. Стр. 48. Цѣна 5 коп.“—2) „Русскій сельскій календарь на 1901 годъ. Годъ VIII. Поле, огородъ, садъ, скоть, пчелы и т. д. Составилъ *И. Горбуновъ-Посадовъ*. М. 1900. Стр. 80. Цѣна 20 коп.“—допустить въ учебныя библіотеки и учительскія библіотеки низшихъ училищъ и въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книжку: „Сельскій староста. (Его права, обязанности и от-

вѣтственность). (Извлечено изъ Общаго Положенія о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости; Устава о предупрежденіи и пресѣченія преступленій и Уложенія о наказаніяхъ). Составилъ *Дологовъ*. Изданіе автора. Воронежъ. 1900. Стр. 23. Цѣна 15 коп.—допустить въ учительскія библіотеки нашихъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книжку: „Правописаніе до грамматики. Сборникъ упражненій для народныхъ и подготовительныхъ школъ. Составилъ *Д. И. Тихомировъ*. Изданіе редакціи журнала «Дѣтское Чтеніе». М. 1899. Стр. УШ+84. Цѣна 10 коп.—допустить къ употребленію въ начальныхъ народныхъ училищахъ съ условіемъ исправленія ея при слѣдующемъ изданіи согласно замѣчаніямъ ученаго комитета.

— Брошюру: „Дѣдушка Пахомъ. Приложение къ азбукѣ прот. *Никольскаго*, какъ учебникъ сознательнаго чтенія. Изданіе 6-е. Изданіе книжн. магаз. В. Думнова, подъ фирмою наслѣд. бр. Салаевыхъ. М. 1888. Стр. 35. Цѣна 10 коп.—допустить въ ученическія библіотеки начальныхъ народныхъ училищъ.

Списокъ статей и отрывкамъ изъ нѣкоторыхъ хрестоматій и сборниковъ, допущеннымъ, согласно опредѣленіямъ особаго отдѣла ученаго комитета, утвержденнымъ г. министромъ, для чтеній въ народныхъ аудиторіяхъ ¹⁾.

Изъ книги: „*Филоновъ*, А. Русская хрестоматія съ примѣчаніями. Въ четырехъ частяхъ“.

Часть 1-я:

1. Русланъ и Зорабъ. *Жуковскаго*. (9 страницъ).
2. Изъ соч. *Милтона*, „Потерянный рай“: Блаженная жизнь Адама и Евы въ раю. (9 стр.).
3. Изъ соч. *Гоюля*, „Мертвыя Души“: Коробочка (12 стр.).—Русь.—Тройка. (2 стр.).
4. Изъ соч. *Сервантеса*, „Донъ-Кихоть“: Донъ-Кихоть и стадо овецъ. (11 стр.).
5. Изъ соч. *Вальтера-Скотта*, „Айвенго“: Турниръ. (26 стр.).

¹⁾ Дополненіе къ списку, помѣщенному въ январской книжкѣ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за текущій годъ (см. „Прав. рас.“, стр. 23 и слѣд.).

6. Изъ соч. *А. С. Пушкина*, „Капитанская дочка“:—Крѣпость.—Проступъ.—Императрица Екатерина II. (4 стр.).

7. Изъ соч. *Гююля*, „Тарась Бульба“: Приѣздъ сыновей Бульбы и отправленіе въ Сѣчь.—Степи и Запорожская Сѣчь. (12 стр.).

8. Изъ соч. *С. Т. Аксакова*, „Семейная хроника“: Добрый день Степана Михайловича. (9 стр.).

9. Изъ соч. *Гомчарова*, „Обломовъ“: Дѣтство Обломова. (8 стр.).

10. Изъ соч. *Кохановской*, „Послѣ обѣда въ гостяхъ“: Похороны Чернаго. (18 стр.).

11. Изъ „Записокъ Охотника“ *И. С. Тургенева*: Бѣжинъ Лугъ. (14 стр.).

12. Плотничья Артель. *Писемскаю*. (20 стр.).

13. Изъ соч. *Д. В. Гризоровича*, „Рыбаки“: Проводы. (6 стр.).

14. Изъ соч. *Ө. М. Достоевскаго*, „Записки изъ Мертваго Дома“.

Представленіе. (14 стр.).

15. Свѣтлый праздникъ. *Даля*. (4 стр.).

16. Изъ соч. *Гр. Л. Н. Толстого*, „Война и Миръ“: Бородино. (8 стр.).

17. Изъ соч. *Стажнева*, „Духа не угашайте“: Бабушка. (10 стр.).

Часть 2-я:

18. Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ. *Жуковскаю*. 10 стр. (съ присовокупленіемъ мнѣнія Плетнева о семь стихотвореніи).

Часть 3-я:

19. Король Лиръ. *Шекспира*. (39 стр.).

20. Изъ соч. *А. С. Пушкина*, „Борисъ Годуновъ“: „Келья въ Чудовомъ монастырѣ“, „Царскія палаты“ (монологъ Годунова „Достигъ я высшей власти“), „Царскія палаты“ (Годуновъ и дѣтя его), „Царская дума“ (царь, Басмановъ и патріархъ). (14 стр.).

21. Недоросль. *Фонъ-Визина*. (21 стр.).

22. Горе отъ ума. *Грибоедова*. (31 стр.).

23. Изъ соч. *Гююля*, „Ревизоръ“: 1-е дѣйствіе, явленіе 1-е,—5-е дѣйствіе, явленіе 1-е. (12 стр.).

24. Свои люди—сочтемся. *А. Н. Островскаю*. (16 стр.).

Часть 4-я.

25. Памятныя записки княгини *Н. Б. Долгоруковой*. (14 стр.).

26. Императрица Екатерина Великая. По „Запискамъ“ ея секретаря *Грибоевскаю*. (8 стр.).

27. Изъ соч. *А. Ершова*, „Севастопольскія воспоминанія“: Май 1855 г. въ Севастополѣ, — Бастіонная жизнь, — Последніе дни Севастополя. (15 стр.).

28. Изъ соч. *А. Норова*, „Путешествіе по Св. Землѣ“: Иерусалимъ, — Великая Суббота, — Заутреня и обѣдня Свѣтлаго Христова Воскресенія. (9 стр.).

29. Изъ соч. *А. Елистеви*, „Сахара“: Пальмовый лѣсъ въ Сахарѣ, — Ночное пиршество въ Сахарѣ, — Песчаная буря въ Сахарѣ. (12 стр.).

30. Изъ путешествій *И. А. Гончарова* по разнымъ странамъ: Плаваніе въ Атлантическихъ тропикахъ, — Русскіе въ Японіи. (4 стр.).

31. Изъ путешествій *Д. В. Григоровича*: Балъ въ Ниборгѣ, — Пиръ Балтазара на кораблѣ, — Похороны на кораблѣ, — Соборъ въ Севильѣ. (16 стр.).

32. Соборъ св. Петра въ Римѣ. *В. Яковлева*. (12 стр.).

33. Изъ путешествій по Сѣверу Россіи *С. Максимова*: Поѣздка въ Соловецкій монастырь, — Моя поѣздка къ океану, — Сѣверное сіяніе. (22 стр.).

34. Изъ соч. *К. П. Побѣдоносцева*, „Путешествіе Наслѣдника Цесаревича по Россіи въ 1863 году“: Поѣздка въ село Иваново, — Рыбинскъ. (13 стр.).

35. Изъ соч. *К. К. Случевскаго*, „По Сѣверу Россіи“: Соборъ въ Сольвычегодскѣ, — Выставка въ Онегѣ. (8 стр.).

36. Изъ соч. *Е. Л. Маркова*, „Нобережья Кавказа“: Черезъ Сурамскій туннель. (6 стр.).

37. Изъ соч. *К. Носилова*, „Новая Земля“: Новый храмъ и скитъ. (5 стр.).

38. Лѣсъ. *С. Т. Аксакова*. (9 стр.).

39. Людовикъ IX (Благочестивый). *Т. Н. Грановскаго*. (14 стр.).

40. Религія восточныхъ славянъ. *С. М. Соловьева*. (11 стр.).

41. Володимиръ Мономахъ. *М. П. Погодина*. (9 стр.).

42. Избраніе Михаила Феодоровича на царство. *К. Н. Бестужев-Рюмина*. (8 стр.).

43. Добрые люди древней Русы. *В. Ключевскаго*. (7 стр.).

44. Походы Петра Великаго въ Бѣлое море. *Н. Г. Устрялова*. (8 стр.).

45. Суворовъ. *Д. А. Милютина*, — по „Занискамъ“ *Л. Н. Энгельгардта*, его современника. (9 стр.).

46. Изъ соч. *М. Богдановича*, „Императоръ Александръ I“: При-

ѣздъ Императора въ Москву 11-го іюля 1812 г.,—Канутъ Бородинской битвы. (5 стр.).

47. Воспоминаніе о торжествѣ 30-го августа 1884 года. *В. А. Жуковскаю*. (6 стр.).

48. Изъ судебныхъ рѣчей *А. Ѳ. Кони*: Умысль и намѣреніе (3 стр.),—Напутственное слово председателя суда и обязанности присяжныхъ (6 стр.).

Изъ книги: „*А. С. Пушкинъ*. Сочиненія, избранныя. Изд. для школь, подъ редакціей К. Козьмина. 3 тома. М. 1884. Цѣна 1-го тома 60 коп., 2-го—1 руб. и 3-го—2 руб.“

1. Галубъ.

2. Кавказскій Пльнникъ.

3. Мѣдный Всадникъ.

4. Арапъ Петра Великаго.

5. Разказы: „Метель“, „Барышня-крестьянка“.

6. Записки Джона Теенера (бытовыя картины индійцевъ).

7. Путешествія въ Арзерумъ.

8. Анекдоты. 1) Князь Яковъ Долгорукій. — 2) Кречетниковъ. — 3) Потемкинъ. — 4) Разказы Загряжской: Ветошкинъ. — Князь Потемкинъ. — 5) Денисъ Давыдовъ. — 6) Генераль Раевскій. — 7) Крыловъ. — 8) Князь Потемкинъ (XII, XIII и XIV). — 9) Графъ Румянцевъ. — 10) Графъ Самойловъ. — 11) Государыня Екатерина II-я. — 12) Н. Н. Раевскій. — 13) Генераль Болдыревъ.

9. Сказки: 1) Женяхъ. — 2) Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ. — 3) У лукоморья дубъ зеленый. — 4) Сказка о рыбацкѣ и рыбацкѣ. — 5) Сказка о царѣ Салтанѣ. — 6) Сказка о мертвой царевнѣ.

10. Капитанская Дочка.

Изъ книги: „*Поливановъ, Левъ*. Русская хрестоматія. Ч. III (въ двухъ книгахъ) для V, VI, VII и VIII классовъ средне-учебныхъ заведеній“.

Часть I-я:

1. Пирамиды. *А. Норова*. (6 стр.).

2. Московскій Успенскій Соборъ. Митроп. *Филарета*. (2 стр.).

3. Кремль. *А. Муравьева*. (3 стр.).

4. Сенъ-Готардъ. *В. Жуковскаю*. (2 стр.).

5. Гранада. *В. Боткина*. (2 стр.).

6. Самумъ. *Е. Кавалевскаю*. (3 стр.).

7. Пожаръ Зимняго Дворца. *В. Жуковскаю.* (4 стр.).
8. Лѣсъ и стѣнь. *И. Тургенева.* (6 стр.).
9. Полѣсье. *И. Тургенева.* (5 стр.).
10. Состояніе Россіи отъ нашествія татаръ до Іоанна III-го. *Н. М. Карамзина.* (8 стр.).
11. Изъ біографическаго очерка „М. В. Ломоносовъ“. *Ламанскаю.* (5 стр.).

Часть II-я:

12. Изъ Одиссеи Гомера. *В. Жуковскаю.* (9 стр.).
13. Изъ соч. *Н. Гоголя* „Мертвыя Души“: Чичиковъ. (7 стр.).
14. Изъ соч. *Н. Гоголя* „Мертвыя Души“: Плюшкинъ. (12 стр.).
15. Свѣтлана. *В. Жуковскаю.* (4 стр.).
16. Ивиковы журавли. *В. Жуковскаю.* (6 стр.).
17. Ода, выбранная изъ Іова. *М. Ломоносова.* (2 стр.).

Изъ книгъ: „*Галахова. А.* Русская хрестоматія. Въ 2-хъ томахъ“.

Томъ I-й:

1. Патріархъ Ермогенъ и Прокопій Ляпуновъ. *Н. М. Карамзина.* (5 стр.).
2. Петръ Первый въ Сардамѣ. *Н. Г. Устрялова.* (3 стр.).
3. Паденіе и кончина Мѣншикова. *Н. А. Полевого.* (11 стр.).
4. Спераяскій въ Великопольѣ. Барона *М. А. Корфа.*
5. Петръ Первый въ Амстердамѣ. *Н. Г. Устрялова.* (2 стр.).
6. Крыловъ. *И. А. Плетнева.* (6 стр.).
7. Обученіе царскихъ дѣтей въ древней Русѣ. *И. Е. Забѣлина.* (6 стр.).
8. Воспоминаніе объ А. С. Шишковѣ. *С. Т. Аксикова.*
9. Аристандъ. *Плутарха.*
10. Кто истинно добрый и счастливый человѣкъ? *В. А. Жуковскаю.* (4 стр.).

Томъ II-й:

11. Потерянный рай. *Мильтона.* (4 стр.).
12. Плюшкинъ. *Н. В. Гоголя.* (11 стр.).
13. Максимъ Максимычъ. *М. Ю. Лермонтова.* (6 стр.).
14. Тарантасъ. *Гр. Соллуба.* (5 стр.).
15. Рудинъ. *И. С. Тургенева.* Три отрывка: 1) Разсказъ Лежнева о Покорскомъ.—2) Рудинъ.—3) Эпилогъ. (7 стр.).

VI. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОТДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ПО ТЕХНИЧЕСКОМУ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОМУ ОБРАЗОВАНИЮ.

Опредѣленіями отдѣленія ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія по техническому и профессиональному образованію, утвержденными г. министромъ народнаго просвѣщенія, постановлено:

— Книгу: „Курсъ сопротивленія материаловъ (ученіе о прочности сооружений) *Р. Лаунштейна*. Элементарное учебное руководство для школъ и самообученія и пособие для практическаго пользованія, съ особымъ приложеніемъ, содержащимъ таблицы степеней, корней и окружностей и площадей круга. Переводъ съ 5-го нѣмецкаго изданія (1899 г.) Н. Гутовскаго и Н. Иванова, подъ редакціей преподавателя Николаевской инженерной академіи А. Саткевича. Изданіе книгопродавца И. И. Базлова. С.-Пб. 1901 г. Цѣна 1 руб. 50 к.“ — допустить въ качествѣ учебника для среднихъ техническихъ училищъ вообще и строительныхъ отдѣленій сихъ училищъ въ особенности.

— Книгу, составленную *А. Грушке*, подъ заглавіемъ: „Устройство въ домахъ электрическихъ звонковъ, телефоновъ, телеграфовъ, электрическаго освѣщенія и другія примѣненія электричества въ домашнемъ быту. Съ 235 политипажамъ въ текстѣ. Изданіе К. А. Казначеева. Москва. 1898 г. Цѣна 1 руб. 35 коп.“ — одобрить для ученическихъ библіотекъ техническихъ учебныхъ заведеній.

— „Руководство для составленія выкроекъ бѣлья по упрощенному способу, составленное *М. Каблуковой*“ — рекомендовать въ качествѣ учебнаго пособия для обученія рукодѣлію въ начальныхъ училищахъ.

Отдѣленіе ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія по техническому и профессиональному образованію, рассмотрѣвъ изданный преподавателемъ С.-Петербургскаго учительскаго института *К. Ю. Цирулемъ* учебникъ подъ заглавіемъ: „Начальный курсъ ручнаго труда“, С.-Петербургъ 1900 г., мнѣніемъ своимъ, утвержденнымъ г. министромъ народнаго просвѣщенія, признало возможнымъ рекомендовать означенный учебникъ въ качествѣ руководства для начальныхъ и городскихъ, но положенію 31-го мая 1872 г., училищъ и

какъ учебное пособіе для учительскихъ институтовъ и семинарій, а также одноклассныхъ и двухклассныхъ сельскихъ школъ. въ которыхъ вводится или введенъ уже ручной трудъ.

Отдѣленіе ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія по техническому и профессиональному образованію, рассмотрѣвъ составленные г. *Шарковымъ* календари земледѣльца на 1901 г. 1) для теплыхъ (южныхъ), 2) для среднихъ и 3) для холодныхъ (сѣверныхъ) губерній, мнѣніемъ своимъ, утвержденнымъ его превосходительствомъ г. министромъ, опредѣляло допустить означенныя изданія для приобрѣтенія въ бібліотеки народныхъ училищъ и бесплатныя народныя читальни.

ОТКРЫТІЕ УЧИЛИЩЪ.

— 10-го сентября 1900 года открыто параллельное отдѣленіе женскаго приготовительнаго класса Васильковскаго городского двухкласснаго училища Кіевской губерніи, при 49 учащихся, 2) 21-го октября — двухклассное начальное народное училище въ м. Бѣлиловкѣ, Бердичевскаго уѣзда, той же губерніи, при 120 учащихся, 3) 30-го ноября Словечанское одноклассное народное училище, Овручскаго уѣзда, Волынской губерніи, преобразовано въ двухклассный составъ, при 57 учащихся, и 4) 3-го декабря открыто двухклассное начальное народное училище въ м. Самгородкѣ, Бердичевскаго уѣзда, Кіевской губерніи.

— 18-го сентября 1900 года состоялось открытіе Московскихъ высшихъ женскихъ курсовъ.

— 1-го октября 1900 года открыты въ Тургайскомъ уѣздѣ Аганасовская (Казыбаевская) и Исмурзинская аульня школы, первая при 18 учащихся (17 мальчиковъ и 1 дѣвочка), а вторая при 15 учащихся (14 мальчиковъ и 1 дѣвочка).

— 24-го октября 1900 года открыта въ Кустанайскомъ уѣздѣ, Тургайской области, Урдабаевская аульня школа, при 12 учащихся, и 25-го числа того же мѣсяца — въ Тургайскомъ уѣздѣ Исмуратовская таковая же школа, при 16 учащихся.

— 24-го ноября 1900 года Народическое одноклассное училище

Овручскаго уѣзда, Волинской губерніи, преобразовано въ двухклассное сельское народное училище при 87 учащихся.

— 4-го декабря 1900 года состоялось открытіе женской гимназіи въ гор. Ровно, Волинской губерніи.

— 4-го декабря 1900 года открыто 4-е Киевское городское приходское Пушкинское училище, при 30-ти учащихся.

— 11-го декабря 1900 года открыто въ колоніи Голлендры-Александровѣ, Владиміръ-Волинскаго уѣзда, Волинской губерніи, одноклассное начальное народное училище, при 25 учащихся.

ДРЕВНОСТИ РУССКАГО ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЯ.

3. Хозяйственное пользование землями ¹⁾.

Новгородскія писцовыя книги конца XV вѣка представляютъ единственный въ своемъ родѣ матеріалъ для изученія боярскаго и крестьянскаго хозяйства. Въ нихъ подробно описано и то и другое, указано, сколько въ каждой деревнѣ высѣвалось хлѣба, сколько косилось сѣна, что крестьяне платили владѣльцу за предоставленную въ ихъ пользованіе землю—деньгами, хлѣбомъ, мясомъ и пр. Встрѣчаются указанія и на количество прислуги свободной и несвободной. Въ писцовыхъ книгахъ позднѣйшаго времени такія свѣдѣнія совершенно отсутствуютъ. Уже въ новгородскихъ книгахъ 1539 года помѣщичій доходъ показанъ только въ итогахъ для цѣлыхъ имѣній, а не по отдѣльнымъ деревнямъ. Въ московскихъ писцовыхъ книгахъ XVI вѣка помѣщичій доходъ вовсе не показывается, а даже пашня господская не отдѣляется отъ крестьянской. Есть описи, въ которыхъ не только дворы и ихъ населеніе не указано, но и деревни приведены только общимъ числомъ ²⁾.

¹⁾ *Продолженіе.* См. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* за октябрь 1900 г.

²⁾ И старыя новгородскія книги не вездѣ одинаково написаны. Встрѣчаются деревни, въ которыхъ доходъ не указанъ, напримѣръ, въ I т. на ст. 93, 147, 150, 208, 451 доходъ не указанъ въ монастырскихъ деревняхъ, на ст. 612, 662, 684, 756, 781—у владыки, 152—у своеземцевъ. Причины такого различія намъ неясны; это, можетъ быть, описки. Въ примѣръ чрезвычайной краткости московскихъ описей можно указать на списокъ платежной книги Медыскаго уѣзда, I 832. Но московскія описи писались съ разными цѣлями, а потому очень различны по своему содержанию. Въ описяхъ дворцовыхъ и монастырскихъ деревень встрѣ-

Новгородскіе порядки не были хорошо извѣстны въ Москвѣ. Для переселенія въ Новгородъ московскихъ служилыхъ людей оказалось нужнымъ выяснитъ доходность новгородскихъ деревень. Этимъ и объясняется, можетъ быть, указанная особенность старой новгородской описи.

Мы уже имѣли случай говорить о томъ, что новгородскія писцовыя книги описываютъ старое новгородское хозяйство, хотя въ моментъ описи въ новгородскихъ деревняхъ жили новые хозяева, москвичи. Что мы имѣемъ дѣло съ новгородскимъ хозяйствомъ, это не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію. Рядомъ съ деревнями новыхъ помѣщиковъ описываются деревни старыхъ своеземцевъ. Эти описи ничѣмъ существеннымъ между собою не различаются, потому, конечно, что новые помѣщики хозяйничаютъ по старому, какъ хозяйничали своеземцы. Старый доходъ, который постоянно указывается въ описяхъ, есть доходъ сведенныхъ въ Москву своеземцевъ; новый—доходъ новыхъ владѣльцевъ, но онъ тотъ же, что и старый, и отличается отъ него лишь нѣкоторыми прибавками и то не всегда. Во множествѣ случаевъ новые владѣльцы живутъ въ тѣхъ же домахъ, гдѣ жили старые, пашутъ ту же землю и получаютъ тотъ же доходъ. Нѣкоторыя новости хозяйства московскихъ людей всегда легко различить; онѣ будутъ въ своемъ мѣстѣ отмѣчены.

Остановимся прежде всего на размѣрѣ владѣній новгородскихъ своеземцевъ. Минимумъ ихъ опредѣляется легко: это одна деревня въ одинъ дворъ и въ двѣ коробы посѣва ржи, что составить, при вѣсѣ коробы въ 7 пудовъ ¹⁾, отъ одной до двухъ десятинъ въ полгъ ²⁾.

чаемъ даже указаніе на доходъ, но очень краткое, въ итогахъ только. Писцовыя книги Рязанскаго края, изданныя подъ редакціей В. Н. Сторосева, также очень кратки, доходы не указываются, помѣщичья земля не отдѣлена отъ крестьянской; есть описи, въ которыхъ дворы и люди не указаны.

¹⁾ Въ опредѣленіи вѣса новгородской коробы мы слѣдуемъ покойному проф. Никитскому: „Къ вопросу о мѣрахъ древней Руси“, *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1894 апрѣль. Къ другимъ заключеніямъ пришель къ этому вопросу проф. Ключевскій, „Русскій рубль“, *Чтенія* 1889 I. Онъ различаетъ новгородскую и московскую четверть. Новгородская четверть XVII вѣка, по его мнѣнію, вѣсила 12 московскихъ пудовъ (14 нѣнѣшинскихъ); старая же новгородская четверть была на половину меньше, она вѣсила, слѣдовательно, 6 пудовъ, а коробы—12. Никитскій подвергаетъ заключенія московскаго профессора тщательному разбору. Мы находимъ его возраженія достаточно убѣдительными. Нельзя, однако, сказать, чтобы всѣ свидѣтельства памятниковъ о древнихъ мѣрахъ были совершенно разяснены.

²⁾ Полагаемъ, что въ періодъ составленія новгородскихъ писцовыхъ книгъ

Максимальный же размѣръ владѣній не представляется никакой возможности опредѣлять. Богатые люди владѣли землями не только въ разныхъ погостахъ, но и въ разныхъ пятнахъ, а мы не имѣемъ описи и половины всѣхъ погостовъ и пятинъ. Ограничимся указаніемъ размѣровъ владѣній 2—3 богатыхъ владѣльцевъ, случайно попавшихъ намъ на глаза ¹⁾.

Квашнинъ Алексѣй владѣлъ сельцомъ и 43 деревнями въ одномъ погостѣ въ Боровицкомъ уѣздѣ; это была волость его имени. Ржи, господской и крестьянской, высѣвалось на его земляхъ 178 коробей, что составить на нашу мѣру отъ 103 до 155 десятинъ въ одномъ полѣ.

Купецъ Шалимовъ Степанъ владѣлъ въ трехъ погостахъ, въ уѣздахъ Валдайскомъ и Крестецкомъ, селомъ и 48 деревнями съ посѣвомъ до 280 коробей, что составить отъ 163 до 245 десятинъ въ полѣ.

Овиновъ Захаръ владѣлъ въ одномъ мѣстѣ, въ Боровицкомъ уѣздѣ, 49 деревнями съ посѣвомъ 288 коробей, что составитъ немного больше.

Есиповъ Василій въ трехъ погостахъ, въ уѣздахъ Вышневолоцкомъ и Валдайскомъ, владѣлъ двумя селами и 59 деревнями съ такимъ же посѣвомъ 289 коробей.

Ив. Вас. Захарычъ-Ляцкъ въ трехъ погостахъ, въ Крестецкомъ уѣздѣ, владѣлъ двумя сельцами и 97 деревнями съ посѣвомъ 452 коробей, что составить около 300 десятинъ въ полѣ.

въ Новгородѣ принялась уже трехпольная система хозяйства, хотя, можетъ быть, и не вездѣ. Вотъ наши основанія. Въ грамотѣ великаго князя Василія Ивановича отъ 1512 года на Бѣлоозеро говорится уже о трехъ поляхъ; а Бѣлоозеро еще въ XIII вѣкѣ было окружено новгородскими владѣніями. А. Э. I № 156. Въ самой старой писцовой книгѣ XVI вѣка, навечтанной Калачовымъ, I 1—8, три поля въ монастырскихъ волостяхъ Ярославскаго уѣзда общераспространенное явленіе. Итакъ, трехпольная система въ 1-й половинѣ XVI вѣка въ мѣстностяхъ Бѣлоозера и Ярославля—дѣло обыкновенное. Въ новгородскихъ писцовыхъ книгахъ выраженіи „три поля“ мы не встрѣтили. Но въ новгородскихъ пятнахъ воздѣлываются озимые и яровые хлѣба. Мѣрою зачатки служитъ указаніе на посѣвъ ржи. Въ описаніи каждой деревни говорится, сколько высѣвается ржи и сколько собирается сѣна. Этихъ двухъ данныхъ совершенно достаточно для опредѣленія платежной способности деревни. За указаніемъ посѣва ржи и числа копенъ сѣна всегда слѣдуетъ опредѣленіе количества обжа. О количествѣ посѣва ярового хлѣба нигдѣ не говорится. Думаемъ потому, что оно опредѣлялось посѣвомъ ржи и было извѣстно. Это два поля; при двухъ поляхъ, по всей вѣроятности, было и третье, яровое, съ начала XVI вѣка вездѣ упоминаемое.

¹⁾ Новгородскія писцовыя книги до сихъ поръ не имѣютъ указателей. Они представляютъ, такимъ образомъ, очень недостаточно подготовленный для ученыхъ работъ матеріалъ.

Наконецъ самымъ богатымъ изъ встрѣтившихся намъ владѣльцевъ является Иванъ Овиновъ, сынъ вышеприведеннаго Захара. Владѣнія его находились въ двухъ пятинахъ, въ уѣздахъ Новгородскомъ, Вышневолоцкомъ, Крестецкомъ и Петербургскомъ, и состояли изъ села и 132 деревень съ высѣвомъ въ Петербургскомъ уѣздѣ—до 2.600 пудовъ, а въ остальныхъ—до 3.500, что составятъ для Петербургскаго уѣзда отъ 216 до 288 десятинъ въ полѣ, а въ остальныхъ отъ 291 до 388, а вмѣстѣ отъ 507 до 676 десятинъ въ одномъ полѣ обработанной земли ¹⁾.

Приведенное количество пахатной земли надо утроить и прибавить къ итогу еще нѣкоторое количество земли на луга, лѣса, выгоны, огороды, и все же мы будемъ далеки отъ дѣйствительныхъ максимальныхъ размѣровъ владѣній новгородскихъ бояръ, ибо они могли имѣть еще столько же въ другихъ пятинахъ, опись которыхъ до насъ не дошла.

Хозяйство во всѣхъ новгородскихъ имѣніяхъ велось по одному общему шаблону. Громадное большинство земель сдавалось въ наемъ крестьянамъ, а рядомъ съ этимъ владѣльцы имѣли и собственное хозяйство. Начнемъ съ послѣдняго.

Каждый владѣлецъ имѣлъ въ одной изъ деревень свой домъ, для жилья, а очень многие изъ нихъ, если не всѣ, вели и свое особое сельское хозяйство въ этой деревнѣ. Это особое хозяйство было не велико. Въ большинствѣ случаевъ оно ограничивается хозяйствомъ одной деревни, въ которой жилъ самъ хозяинъ и земля которой пахалась на него. На земляхъ извѣстнаго уже намъ своеземца Ивана Куз. Орефина, во всѣхъ деревняхъ, пахалось подъ рожь отъ 50 до 65 дес. Онъ самъ жилъ въ селѣцѣ Иванковѣ, гдѣ имѣлъ свой дворъ; кромѣ этого двора въ селѣцѣ было еще три двора; въ нихъ жили его люди, которые на него и пахали. Рожью засѣвали они отъ 6 до 8 десятинъ, всего, слѣдовательно, господской запашки въ трехъ поляхъ было отъ 18 до 24 десятинъ. Сѣна косилось на господина 30 копенъ. Вотъ типическій образецъ всѣхъ новгородскихъ господскихъ хозяйствъ. Богатые отъ болѣе бѣдныхъ различаются только тѣмъ, что имѣютъ деревни съ своимъ хозяйствомъ въ разныхъ мѣстахъ, но они очень рѣдко выходятъ изъ типа одnodеревенскаго или двороваго хозяйства. Въ каждой мѣстности у богатыхъ людей по

¹⁾ I 78, 100, 321, 333, 577, 604, 814; II 10, 15, 198, 211, 263, 273, 276, 279, 413, 452; III 375, 423, 445, 489, 622, 658, 877; *Временникъ*, XI 364, 394, 399.

одной деревнѣ съ своимъ хозяйствомъ. Но встрѣчаются и такіе—среди мелкихъ своеземцевъ владѣльцы, которые не считаютъ нужнымъ оставлять за собой цѣлую деревню, а довольствуются ея частью. Въ Сеглинскомъ погостѣ Деревской пятинѣ жили своеземцы братья Омнины, Иванъ и Якушъ. Въ ихъ общемъ владѣніи состояло 7 деревень съ посѣвомъ отъ 18 до 23 десятинъ въ полѣ. Младшій братъ, Якушъ, велъ хозяйство въ цѣлой деревнѣ съ посѣвомъ отъ 5 до 7 десятинъ въ полѣ; а старшій довольствовался половиною деревни того же размѣра, другую же половину сдавалъ крестьянину, съ котораго получалъ доходъ. I 479.

Намъ встрѣтилась только одна деревня, въ которой жилъ старый владѣлецъ, но своей запашки не имѣлъ. Это Петруша Кяпировъ. Онъ жилъ въ селѣцѣ Дворищѣ, которое было населено не его людьми, а крестьянами, съ которыхъ онъ получалъ доходъ. I 285. Собственного хозяйства, значить, у него здѣсь не было. Но, конечно, могло быть въ другомъ мѣстѣ. Въ виду того, что плата зерномъ и другими сельскими продуктами за аренду земли была чрезвычайно распространена, слѣдуетъ, однако, допустить, что могли быть такіе владѣльцы, которые, хотя и жили въ деревнѣ, по своего сельского хозяйства не вели: они все необходимое могли получать отъ крестьянъ.

Московскіе помѣщики въѣхали въ новгородскія деревни и размѣстались въ домахъ прежнихъ владѣльцевъ. Писцы дошедшихъ до насъ книгъ описываютъ хозяйство этихъ новыхъ помѣщиковъ и только упоминаютъ о старыхъ и ихъ прежнемъ доходѣ. Но это старое хозяйство въ большинствѣ случаевъ, по крайней мѣрѣ, не усиѣло еще очень измѣниться. По размѣрамъ господскаго хозяйства и по его отношенію къ крестьянскому, — оно еще старое, новгородское.

Мы имѣли случай привести владѣнія кунца Степана Шалимова. Великій князь взялъ на себя его волость въ Бологовскомъ погостѣ. Вотъ описаніе села, въ которомъ жилъ самъ Степанъ: „Село Медвѣдово: дворъ староста Ѡ. Васковъ, за тѣмъ 5 дворовъ крестьянъ, сѣють ржи 20 коробей, а сѣна косятъ 100 копенъ, 8 обжаъ. Старога дохода не было: пахалъ ихъ Степанъ съ братомъ своимъ людьми на себя“.

Съ селомъ Медвѣдовымъ произошла громадная перемѣна. Прежде тутъ было господское хозяйство. Въ селѣ жили самъ Степанъ, его братъ и ихъ люди. Государь свелъ Степана съ братомъ, и они захватили съ собой своихъ людей. Село опустѣло. Великій князь не отдалъ его никому въ помѣстье, а оставилъ за собой, т. е. предоста-

вилъ въ пользованіе крестьянъ изъ платежа оброка. На готовые мѣста немедленно нашлись жильцы: въ домѣ боярскомъ, по всей вѣроятности, помѣстился староста, въ людскихъ дворахъ крестьяне. А размѣръ хозяйства въ селѣ Медвѣдевѣ остался тотъ же: крестьяне пахутъ тѣ же 8 обожъ, которыя прежде пахалъ для себя Степанъ Шалимовъ съ братомъ.

То же надо сказать о селахъ и деревняхъ, перешедшихъ къ помѣщикамъ.

Деревни Артемія Яковлевича Плотцова перешли къ кн. Семену Дмитріевичу Приямкону. Въ описи читаемъ: „Село Ильинское, а въ немъ дворъ кн. Семеновъ, а въ немъ самъ живетъ; а людей его — 6 дворовъ, на князя сѣютъ ржи 6 коробей, а сѣна косятъ 200 копенъ, 3 обжы. Старого дохода не было, жилъ въ немъ Артемій Плотцовъ“. Изъ дальѣ приведеннаго въ описи итога узнаемъ, что Артемій Плотцовъ пахалъ на себѣ тѣ же три обжи. Размѣръ собственнаго хозяйства и здѣсь не измѣнился. I 358.

Иногда бывають и перемѣны, но это особенно въ описи оговаривается. Волость извѣстнаго уже намъ А. В. Квашнина отдана кн. Бор. Сем. Горбатову. Онъ водворился въ сельцѣ, гдѣ жилъ Квашнинъ, и въ его домѣ, а людей своихъ помѣстилъ въ дворахъ, гдѣ жили люди Квашнина. Но онъ не ограничился его запашкой, а припустилъ къ селу еще двѣ деревни. Тутъ произошло расширеніе хозяйства, слитіе трехъ деревень въ одну. Появленіе новыхъ людей, слѣдовательно, приводило, иногда, къ нѣкоторому увеличенію господской запашки. Это расширеніе выражалось двояко: во 1-хъ, присоединеніемъ къ господскому селу или деревнѣ одной или двухъ смежныхъ деревень, что носило наименованіе припуска; во 2-хъ, помѣщеніемъ своихъ людей на крестьянскихъ участкахъ въ деревняхъ, которыя до того сдавались крестьянамъ¹⁾. Но это рѣдкіе случаи. Да и въ этихъ случаяхъ едва-ли можно видѣть московскую новостъ. Новгородскіе бояре, по всей вѣроятности, дѣлали то же. Если оказывалось нужно, они увеличивали свою запашку присоединеніемъ сосѣднихъ деревень; а если крестьянскія деревни пустѣли, они пахали ихъ наѣздомъ или сажали тамъ своихъ людей для пашни на себя. Итакъ, новые помѣщики ведутъ хозяйство по типу новгородскихъ своеземцевъ, къ которымъ и возвращаемся.

¹⁾ I 118, 252, 546, 575; II 25, 31, 57, 211, 248, 568; III 99. Здѣсь и случаи господской пашни наѣздомъ въ опустѣвшихъ деревняхъ.

Мы сказали, что собственное хозяйство своеземцевъ, бояръ и бояришекъ, вращается, за ничтожными исключениями, въ предѣлахъ деревни. Они оставляютъ за собой одну, двѣ, много три деревни въ разныхъ мѣстахъ. У Степана Шалимова, при 163 — 245 десятинахъ запашки въ полѣ, за нимъ оставалось только одно село съ запашкой на него отъ 11 до 17 десятинъ въ полѣ. Василий Есиновъ оставилъ за собой два села и въ каждомъ изъ нихъ имѣлъ по двору, но собственное его хозяйство въ обоихъ селахъ не шло далѣе 15—22 десятинъ въ полѣ. У И. В. Захарыча-Ляцка, при общей запашкѣ, простиравшейся до 300 десятинъ въ полѣ, собственная запашка только вдвое превышала запашку Орефина. Наконецъ, у Ивана Овинова, при общей запашкѣ отъ 500 до 676 десятинъ въ полѣ, собственное хозяйство ограничивалось однимъ селомъ, гдѣ на него пахали отъ 7 до 10 десятинъ.

Нельзя, однако, сказать, что защищаемое нами положеніе, что большинство землевладѣльцевъ, если не всѣ, имѣли свое пахатное хозяйство, такъ и бросается въ глаза при чтеніи писцовыхъ книгъ. Тамъ можно встрѣтить множество волостей, при описаніи которыхъ вовсе не упоминается о собственномъ хозяйствѣ владѣльца. Это объясняется разсыпанностью владѣній отдѣльныхъ лицъ. Имѣнія Есипова описываются на 131, 321, 333 и 814 столбцахъ 1 т.; его же собственное хозяйство упоминается только въ двухъ мѣстахъ, на 321 и 814 ст.; имѣнія Плотцова Артемія—на 339 и 358, а его собственное хозяйство только на 358; имѣнія Доможирова Михаила описываются въ четырехъ мѣстахъ (550, 551, 606, 704), а собственное его хозяйство было только въ одномъ мѣстѣ (606). То же надо сказать и о другихъ владѣльцахъ; а такъ какъ у насъ есть не всѣ описи, то собственнаго хозяйства мы можемъ у многихъ изъ владѣльцевъ и вовсе не отыскать. Но если и можно допустить, что нѣкоторые владѣльцы не имѣли своего пашеннаго хозяйства,—они всѣ имѣли деревенскіе дворы, въ которыхъ и жили. Эти дворы были центромъ управления и мѣстомъ, гдѣ хранилось зерно и другіе сельскіе продукты, доставляемые крестьянами за аренду земель. На это указываетъ и терминъ „сведенные“ бояре и бояришки. Откуда они сведены? Они сведены съ своихъ имѣній, гдѣ жили. Но это, конечно, не значить, что они жили тамъ безвыѣздно. Мы уже знаемъ, что нѣкоторые имѣли свои дворы не въ одномъ, а въ двухъ-трехъ мѣстахъ; другіе имѣли городскіе дворы въ Новгородѣ: на Варяжской улицѣ, Иваровой, Нутной, Разважжи, Кузюдемьянской и проч., и въ другихъ го-

родахъ и раздѣляли свое мѣстопробываніе между городомъ и деревней.

Новые владѣльцы, понаѣхавшіе изъ Москвы, повели хозяйство по новгородскому образцу. У каждаго изъ нихъ былъ свой дворъ въ деревнѣ съ своимъ хозяйствомъ¹⁾. Въ большинствѣ случаевъ это были старые боярскіе дворы, но нѣкоторымъ пришлось обзавестись своими новыми. Это потому, что число новыхъ владѣльцевъ не совпадало съ числомъ старыхъ, и между новыми владѣльцами надо было произвести новое распределеніе земель, можетъ быть, болѣе уравнительное. Эти вновь заведенные дворы всегда легко узнать. При ихъ описаніи не упоминается о томъ, что прежде тамъ жилъ старый владѣлецъ, и что дохода съ деревни ему не шло, а на оборотъ, указывается доходъ, который онъ получалъ; деревня, слѣдовательно, прежде была отдаваема крестьянамъ въ наемъ.

Переходимъ къ вопросу о томъ, какими средствами велось собственное хозяйство старинныхъ бояръ и бояришекъ. Въ писцовыхъ книгахъ есть совершенно ясныя указанія на то, что старое хозяйство велось руками холоповъ. Въ описяхъ нерѣдко говорится, что въ деревнѣ, гдѣ теперь живетъ помѣщикъ, прежде жилъ такой-то „со своими людьми“. „Свои люди“ это холопы. О купцѣ Шалимовѣ написано: „старого дохода не было: пахалъ 8 обжаъ своими людьми на себя“. Старый доходъ идетъ съ крестьянъ, въ этомъ же селѣ крестьянъ не было, земля обрабатывалась на господина его людьми. То же сказано о деревнѣ Кузумы Космынина, отданной Ивашкѣ Кудрину: „жилъ въ ней Куземка со своими людьми“. Также жилъ въ своей деревнѣ со своими людьми Федоръ Селезневъ, Дмитрій Плотцовъ и другіе (I 241, 799, 867). Въ этомъ же смыслѣ надо понимать и болѣе краткія выраженія писцовъ: „старого дохода не было, былъ въ старины дворъ боярскій“, или: „старого дохода не было, жилъ самъ такой-то“. Эти выраженія имѣютъ тотъ же смыслъ: земля въ наемъ не отдавалась, крестьянъ въ деревнѣ не было, тамъ жилъ владѣлецъ со своими людьми, хотя, можетъ быть, своей запашки и не имѣлъ.

Спрашивается, работали ли крестьянѣ на господскихъ запашкахъ? Отвѣчать на этотъ вопросъ не легко, потому что писцамъ не было

¹⁾ Но и между помѣщиками мы встрѣтили одного, который имѣлъ въ селѣ Болболовѣ свой дворъ, но своего сельскаго хозяйства не велъ. I 346. Это тоже рѣдкій случай. Трудно понять, какъ нѣкоторые исследователи утверждаютъ, что „особеннаго хозяйства не было у помѣщиков“. См. объ этомъ П. А. Соколовскаго, Очеркъ исторіи сельск. общинъ, 88.

повода говорить объ этомъ. Но при описаніи хозяйства новыхъ помѣщиковъ, чѣмъ они, собственно, и заняты, имъ приходится указывать и на крестьянскія работы. Изъ описанія этого новаго хозяйства видно, что помѣщики обрабатываютъ свои запашки тоже холопами, какъ дѣлали новгородцы ¹⁾, но что встрѣчается и крестьянская барщина, хотя довольно рѣдко и въ небольшихъ размѣрахъ. Напримѣръ: „Селцо Гарусово, а въ немъ дворъ Андреевъ (помѣщикъ), а въ немъ живетъ самъ; а хрестьянъ 3 двора, сѣютъ ржи на Андрея съ сыномъ 8 кор.; сѣютъ ржи на себя 3 кор.; стараго дохода гривна..., а новаго дохода 5 денегъ...“ ²⁾. Здѣсь есть барщина на помѣщика. Но была ли барщина на сведенаго боярина? Надо думать, что нѣтъ. Онъ самъ въ этомъ сельцѣ не жилъ и получалъ съ него доходъ. Оно сдавалось, значитъ, крестьянамъ. Новый владѣлецъ поселился самъ и завелъ свое хозяйство, къ которому привлекъ 3 двора крестьянъ, такъ какъ своихъ людей у него не было. Но за это ему пришлось уменьшить денежный оброкъ съ гривны до 5 денегъ.

Итакъ, у новыхъ помѣщиковъ встрѣчается барщина. Къ ней обыкновенно привлекаются крестьяне той деревни или сельца, гдѣ живетъ владѣлецъ. Встрѣтили мы одинъ случай привлеченія къ барщинѣ и цѣлой волости. Вотъ этотъ случай. „Селцо Великой Дворъ на озерѣ на Коломнѣ. Дворъ самъ Ивашко Трубицынъ (помѣщикъ) съ братією, дворъ ихъ же человекъ Никонецъ, сѣютъ ржи 13 коробей... а пашутъ на нихъ то село волостью; а дохода съ него не было: изъ старны былъ дворъ боярской“ I 78. Въ этомъ селѣ земля никогда не отдавалась въ аренду, тамъ всегда жилъ бояринъ, а потому дохода съ нея не было. Если была господская запашка, то она производилась холопскимъ трудомъ. А, можетъ быть, и прежній владѣлецъ привлекалъ цѣлую волость къ обработкѣ своей запашки? На этотъ вопросъ нельзя отвѣчать отрицательно. Это вещь возможная.

Но вотъ случай, въ которомъ барщина при сведенныхъ боярахъ выступаетъ совершенно ясно. „Въ деревнѣ въ Налцехъ, въ вончей, на дву жеребяхъ, на Гридинскомъ да на Матвѣнскомъ, Ивановыхъ дѣтей Налескихъ (сведенные бояре): дворъ самъ Петрушка (помѣщикъ), а хрестьянъ—2 двора, сѣютъ ржи на Петрушку 9 коробей, на себя 8 коробей; стараго дохода не было, а жили сами Гридко да Матвѣйко; а дохода *мыи* съ хрестьянъ гривна денегъ...“ I 523.

¹⁾ I стол. 27, 56, 88, 107, 118, 131, 191, 252, 283, 285, 285 и др.

²⁾ I 18, еще такіе же свидѣтельства: 52, 188; IV 119, 120.

Доходъ на крестьяннѣ положенъ имѣть только; эти крестьяне, значить, и прежде тутъ жили, но дохода не давали. Надо думать, что они несли одну барщину за арендуемую ими землю, а новый владѣлецъ обложилъ ихъ еще и доходомъ. Другой такой случай встрѣчаемъ въ „Оеклянской деревнѣ, Ивановской жены Маркова“; тамъ тоже, по всей вѣроятности, была барщина, такъ какъ при прежней владѣльцѣ въ ея деревнѣ жили крестьяне, а дохода ей не давали ¹⁾.

Итакъ, можно думать, что барщина на помѣщиковъ не есть новость. Была барщина и у новгородцевъ, но очень не большая. Большой и не могло быть въ виду незначительности господской записки.

Новые люди, такимъ образомъ, чрезвычайно легко вошли въ новгородскіе порядки. Но можно ли утверждать, что эти порядки были для нихъ совершенно новыи, что въ московскихъ земляхъ въ концѣ XV вѣка сельское хозяйство строилось совсѣмъ по другому образцу? Московскихъ писцовыхъ книгъ конца XV вѣка мы не имѣемъ. Книги же XVI вѣка чрезвычайно скудны хозяйственными свѣдѣніями. Но кой гдѣ и въ нихъ можно найти указанія, совершенно переносящія насъ въ новгородскій бытъ. Въ описи волости Захожья (въ Тверскомъ уѣздѣ) читаемъ: „За Андреемъ да за Иваномъ да за Михайломъ за Васильевыми дѣтми Ломакова село Лукьяновское, а въ немъ дворъ боярской пусть, а людей Ломаковыхъ 5 дворовъ, пашни въ полѣ 52 четв... Къ тому же селу деревни: деревня Бортниково, во дворѣ самъ Андрей, во дворѣ люди его, пашни... Деревня Осишникъ, во дворѣ самъ Иванъ Ломаковъ, во дворѣ его люди, пашни“...

¹⁾ I 507—508. Въ III т. на стр. 81 встрѣчаемъ одно сомнительное свидѣтельство: „Деревня Горки вонче (вел. князи) съ Вежытцими монастыремъ, на великаго князя половинѣ: дворъ, въ болшомъ Давыдовскомъ, Митя Ильинъ (крестьянинъ)...; а старого дохода не шло: пахали на Давыда; а нового доходу давали оброкомъ“... Здѣсь дѣло идетъ объ общей деревнѣ Давыда Нерадова съ монастыремъ, отобранной на великаго князя. Старого дохода не было, пахали на Давыда. Но кто пахалъ? Судя по описи, крестьянинъ Митя Ильинъ и др. Митя Ильинъ живетъ въ болшомъ дворѣ прежняго помѣщика. Это новый жилецъ. Прежде тамъ, конечно, жила самъ Давыдъ съ своими людьми, и на него пахали эти его люди, а потому и дохода не было. Писецъ очень сократилъ свою опись, а вслѣдствіе этого и вышла неясность. Но въ итогѣ онъ поправился. Тамъ сказано: „А съ 4 обожъ доходъ не шолъ, пахали на стараго боярина да и его люди“. Проф. И. Д. Вѣляевъ, подавшій вторую половину описи Вотской пятни, говоритъ: „почти во всей книгѣ нать образцовъ, чтобы крестьяне воздѣлывали землю на владѣльца“. *Временникъ*, XI 79. Свидѣтельство, дѣйствиительно, немного, но воздѣлываніе надо допустить.

За тѣмъ идетъ 14 деревень, въ которыхъ живутъ крестьяне, а не люди, а за ними: „деревня Станицо, во дворѣ самъ Михайло, во дворѣ люди его, пашни“... Въ концѣ еще четыре деревни съ крестьянами. Это совершенно то же, что и въ Новгородѣ: господское хозяйство ограничивается отдѣльными деревнями. У cadaго владѣльца по деревнѣ, населенной его людьми (у Михайлы—двѣ), эти люди и пахутъ на своихъ господъ съ прибавкой, можетъ быть, крестьянскаго труда. Въ остальныхъ деревняхъ крестьяне. Доходъ съ нихъ не указанъ. Но весьма вѣроятно, что они пахутъ и на себя и даютъ Ломаковымъ доходъ, какъ и въ Новгородѣ, а, можетъ быть, и помогаютъ ихъ людямъ въ работѣ. I 41—42. Новгородскіе порядки не составляли новости для московскихъ людей. Весьма вѣроятно, что это были общіе порядки для всей русской земли и удержались и послѣ паденія Новгорода.

Итакъ, древнѣйшее собственное сельское хозяйство богатыхъ людей, о которомъ мы только имѣемъ точныя свѣдѣнія, было незначительно и велось, главнымъ образомъ, невольнымъ трудомъ.

Переходимъ къ обзору хозяйства путемъ сдачи земель въ наймы. Здѣсь надо различать два случая: 1) сдачу крестьянамъ пашенныхъ участковъ и 2) сдачу отдѣльныхъ мѣстъ только подъ дворы безъ пашенныхъ земель.

Сдача въ наймы крестьянамъ деревень (или ихъ частей) составляла главный способъ эксплуатаціи новгородскихъ поземельныхъ владѣній. Для собственной обработки владѣльцы удерживали одну, много двѣ, три деревни, все остальное сдавалось крестьянамъ. Эта сдача происходила непосредственно отъ землевладѣльца въ руки крестьянъ-работчиковъ. Не имѣемъ ни малѣйшихъ указаній на существованіе какихъ либо крупныхъ съемщиковъ, которые играли бы роль посредниковъ между собственниками и крестьянами. Каждый крестьянинъ бралъ у землевладѣльца столько земли, сколько ему было нужно, и заключалъ съ нимъ порядную. До насъ не дошло ни одной порядной времени древнѣйшихъ новгородскихъ писцовыхъ книгъ. Но порядныя XVI вѣка пишутся и на цѣлую деревню, и на ея части. Полагаемъ, то же было и ранѣе. Поэтому деревня не представляла непремѣнно одно цѣлое крестьянское хозяйство. Но, конечно, была деревня, въ которыхъ велось одно общее хозяйство, несмотря на то, что тамъ былъ не одинъ, а нѣсколько дворовъ. Таковы деревни, въ которыхъ сидѣли крестьяне-родственники или и постороннія лица, но снявшія деревню вмѣстѣ, для общаго хозяйства. Деревни, въ которыхъ сидѣли

крестьяно-родственники, можно думать, составляли большинство тогдашнихъ небольшихъ деревень. Для крестьянъ-родственниковъ весьма можно допустить, если и не всегда, то въ значительномъ числѣ случаевъ общее хозяйство, особенно въ небольшихъ деревняхъ, въ два, три двора, а такихъ большинство.

Но и крестьяне родственники далеко не всегда вели общее хозяйство. Интересный примѣръ отдѣльнаго хозяйства однопоселенцевъ крестьянъ родственниковъ даетъ опись Вотской пятны. Въ погостѣ Климецкомъ-Тесовскомъ описана деревня Веряжкіно. Она принадлежала двумъ фамиліямъ, Кречетниковымъ и Веряжскимъ. Кречетниковы были представлены тремя семьями: родными братьями Гаврилкой да Минкой Кузминими, да Матюхомъ Ивановымъ, вѣроятно, двоюроднымъ ихъ братомъ, тоже Кречетниковымъ. Фамилія Веряжскихъ была представлена шестью семьями: Андройкой Ивашкинымъ, Алексѣйкой Прокоповымъ, Тимохой, Федкой и Мишей Матюшкиными да Дмитрохомъ Перфуровымъ, все Веряжскіе. Это рѣдкій случай, гдѣ кромѣ личныхъ именъ и отчества писецъ привелъ и фамилію. Всѣ трое Кречетниковыхъ, конечно, родственники; тоже и Веряжскіе, среди нихъ есть три родныхъ брата — Матюшкины, всѣ остальные, по всей вѣроятности, двоюродные. Деревня—Веряжкіно носятъ фамильное наименованіе Веряжскихъ. Ее устроилъ, надо думать, предокъ теперешнихъ владѣльцевъ, можетъ быть, ихъ дѣдъ, по его имени она и названа. Кречетниковъ, дѣдъ настоящихъ владѣльцевъ, по всей вѣроятности, былъ его товарищъ. Девять наименованныхъ владѣльцевъ—сидятъ на своей землѣ, они сносеземцы, но они сами пахутъ, а потому они тѣ же крестьяне. Вотъ почему порядокъ ихъ владѣнія можетъ бросить свѣтъ и вообще на крестьянское деревенское владѣніе.

Какъ же владѣли эти родственники, сидя въ одной и той же деревнѣ? Каждый изъ нихъ имѣлъ свой дворъ, и потому въ деревнѣ было 9 дворовъ. Это большая деревня. Каждый изъ родственниковъ, за исключеніемъ двухъ, велъ свое особое пашенное хозяйство. Это видно изъ того, что каждый дворъ положенъ въ обжи отдѣльно отъ другихъ, кромѣ Федки да Минки: у нихъ особые дворы, но оба положены вмѣстѣ въ одну обжу. Они, по всей вѣроятности, ведутъ общее хозяйство; всѣ другіе разное и различное по величинѣ: Матюкъ и Дмитрохъ сидятъ на одной обжѣ каждый, Андрейко и Алексѣйко на полуторѣ каждый, Тимоха, Гаврялка и Минка на двухъ каждый, III 78. Ясно, что и родственники, живя въ одной деревнѣ, могутъ вести разное хозяйство; тѣмъ скорѣе посторонніе люди. И

такъ, старая деревня не представляетъ непремѣнно общаго хозяйства, хотя такое и можно допустить и, можетъ быть, во многихъ даже случаяхъ.

Эта новгородская старина живетъ и въ XVII вѣкѣ. На крайнемъ сѣверѣ конфискованныя у новгородцевъ земли не были розданы въ помѣстья, а остались за крестьянами. Изъ хранящихся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи писцовыхъ книгъ по Кеврольскому уѣзду видно, что крестьяне владѣютъ своими участками „по дѣловымъ актамъ“ съ братьей своей, что они продаютъ, закладываютъ и даже завѣщаютъ свои участки. Сыновья, по смерти отца, дѣлятъ свои участки и составляютъ особыя „дѣловыя“ записи, по которымъ и владѣютъ. Это, конечно, исключаетъ общее хозяйство даже такихъ близкихъ родственниковъ, какъ родные братья. Но гдѣ такого раздѣла не сдѣлано, тамъ можетъ быть общее хозяйство ¹⁾.

Для пополненія картины древняго землевладѣнія прибавимъ еще одну подробность. Минка Кречетниковъ, обработывавшій своими руками наслѣдственный участокъ въ двѣ обжи въ деревнѣ Веряжкино, имѣлъ въ томъ же погостѣ деревню Гривско въ одинъ дворъ съ по сѣвомъ въ четыре коробы, которую и отдавалъ въ аренду крестьянину Тарасову. Ш 77. У Тимохи Веряжскаго, кромѣ наслѣдственной доли въ деревнѣ Веряжкино, была еще доля въ деревнѣ Куболѣ, которую онъ тоже сдавалъ въ аренду. Крестьяне, какъ и бояре, сдаютъ свои земли въ наймы; крестьянское землевладѣніе отягчается отъ боярскаго только размѣрами. Крестьяне, какъ и бояре, могутъ имѣть земельную собственность; какъ и бояре, они завѣщаютъ ее, дѣлятъ, продаютъ и т. д. Это ихъ личная собственность.

Не смотря на то, что жители деревни могли вести и отдѣльное

¹⁾ Березъ эти свѣдѣнія изъ статьи г. Иванова „Къ исторіи крестьянскаго землевладѣнія на сѣверѣ въ XVII вѣкѣ“, помѣщенной въ Трудахъ Археолог. ком. Имп. моск. арх. общества. Т. I выш. III 414. Почтенный авторъ изъ приводимыхъ имъ свѣдѣній дѣлаетъ такой выводъ: „Субъектомъ, оснoваніемъ владѣнія котораго служили старина, писцовыя книги и крѣпости, былъ дворъ, подъ которымъ повинался не одинъ только наличный составъ живущихъ въ немъ семей и товарищей, а рядъ преемственно связанныхъ поколѣній родственниковъ“. Нельзя сказать, чтобы этотъ выводъ хорошо согласовался съ приводимыми авторомъ данными. Если братья могутъ дѣлиться и продавать свои участки постороннимъ лицамъ, то при чемъ же тутъ „рядъ преемственно связанныхъ поколѣній родственниковъ“? Несмотря на совершенную неожиданность выводовъ, авторъ имѣетъ уже послѣдователей. См. объ этомъ „Обзоръ исторіи рус. права“ проф. Владимірскаго-Буданова, 556.

и общее хозяйство, посѣвъ ржи и доходъ въ деревняхъ показывается всегда для всей деревни вмѣстѣ, а не порознь для каждаго отдѣльнаго хозяйства. Надо думать, что это дѣлается въ удобствахъ писцовъ, для облегченія ихъ труда, а не потому, чтобы каждая деревня, сколько бы дворовъ въ ней ни было, непременно имѣла общую записку.

Показаніе посѣва ржи и дохода особо для каждаго двора чрезвычайно осложнило бы дѣло писца. Но всей вѣроятности, крестьяне каждой деревни говорили ему уже въ готовыхъ итогахъ число дворовъ и людей, свой посѣвъ, доходъ помѣщика и число обещъ, онъ это и записывалъ. Для его цѣли большія подробности и не были нужны. Надо было указать доходъ стараго владѣльца, а это достаточно опредѣлялось итогомъ дохода съ деревни. Въ московскихъ писцовыхъ книгахъ и этого не писали. Вышеприведенный случай деревни Веряжино, гдѣ обжи показаны не для всей деревни, а для каждаго двора, едва ли не единственный. Къ сожалѣнію, мы не замѣтили другихъ подобныхъ. Но посѣвъ ржи и для этой деревни показанъ въ общихъ итогахъ, хотя отдѣльные дворы имѣютъ разный посѣвъ, а потому и положены въ разное число обещъ. Только въ общихъ деревняхъ, т. е. деревняхъ, принадлежавшихъ разнымъ собственникамъ, крестьянское хозяйство описывается по отдѣльнымъ дворамъ, а не въ итогахъ для цѣлой деревни. Крестьяне разныхъ владѣльцевъ, хотя бы жила и въ одной деревнѣ, никогда не ведутъ общаго хозяйства.

Иногда, но очень рѣдко, посѣвъ и доходъ указывается не для одной, а для двухъ и даже трехъ деревень. Думаемъ, что и это есть дѣло удобства писца, а не свидѣтельство объ общемъ хозяйствѣ двухъ или трехъ деревень. Когда нѣсколько деревень составляютъ одно хозяйство, тогда писцы говорятъ: такая-то деревня припущена въ поле къ такой-то. Такое соединеніе деревень встрѣчается, какъ мы видѣли, въ господскомъ хозяйствѣ, но могло быть и въ крестьянскомъ. Въ хозяйствѣ крестьянъ мы дѣйствительно замѣтили одинъ такой случай. I 509. Онъ произошелъ съ согласія помѣщика и яляется увеличеніемъ количества арендуемой крестьянами земли.

Итакъ, въ этомъ пунктѣ новгородскія писцовыя книги не вполне соотвѣтствуютъ дѣйствительности. Они показываютъ въ общемъ итогѣ посѣвъ и доходъ и для такихъ деревень, дворы которыхъ вели разное хозяйство и вносили разные платежи въ пользу владѣльца земли.

Съ этою оговоркою переходимъ къ описанію отношеній сѣмщи-

ковъ пахатныхъ участковъ къ землевладѣльцамъ. Оно будетъ сдѣлано не по отдѣльнымъ крестьянскимъ хозяйствамъ, а по цѣлымъ деревнямъ, которыя, однако, во многихъ случаяхъ представляютъ не разныя, а одно хозяйство ¹⁾.

По количеству снимаемой земли деревни представляютъ очень разныя величины даже въ одной и той же мѣстности и у одного и того же владѣльца. Рядомъ стоятъ деревни, высѣваюція 14 и 77 пудовъ ржи, 21 и 119; есть деревни съ посѣвомъ до 280 пудовъ. Даже деревни, имѣющія одно и то же число дворовъ, обрабатываютъ разное количество земли. Деревня съ однимъ дворомъ высѣваетъ то 7 пудовъ, то 14, 27, 56 и даже 84. Землевладѣніе одного крестьянскаго двора превышаетъ владѣніе другого отъ 2-хъ до 14-ти разъ.

И такая разниа встрѣчается въ одной и той же волости, т. е. въ одномъ мѣстѣ и у одного владѣльца ²⁾. Въ виду вольнаго найма земель отдѣльными земледѣльцами эти различія совершенно понятны.

Какъ различна мѣра снимаемыхъ крестьянами участковъ, такъ различна и наемная за нихъ плата. Эта плата носитъ наименованіе „дохода“. Книги различаютъ старый доходъ и новый. Старый доходъ— есть доходъ прежнихъ владѣльцевъ, сведенныхъ бояръ и бояришекъ. Что старый доходъ есть доходъ сведенныхъ бояръ, это слѣдуетъ изъ приведеннаго выше выраженія: „а стараго дохода не было, пахали на Степана“; а иногда такъ прямо и говорится: „а стараго дохода шло Ивану Петрову три барана“ и т. д., а этотъ Иванъ Петровъ и есть сведенный бояришекъ, Чашниковъ ³⁾. Новый доходъ— есть доходъ въ моментъ описи.

¹⁾ Архимандритъ Сергій (Тихомиронъ) въ чрезвычайно детальномъ изслѣдованіи Новгородскаго уѣзда въ предѣлахъ Вотской пятины во мѣсцовой книгѣ 1500 г. дѣлаетъ подсчетъ дворовъ, приходящихся на одну деревню. Изъ 1073 селеній, оказавшихся въ второй части пятины, болѣе 280 селеній имѣли только по 1 двору, болѣе 300—по 2, болѣе 150—по 3. Итакъ, болѣе 630 деревень изъ 1073 состояли изъ 1, 2, много 3-хъ дворовъ. Надо думать, что во многихъ случаяхъ это дворы родственниковъ, отца съ сыновьями и родными братьями; во многихъ случаяхъ они ведутъ общее хозяйство; а слѣдовательно во многихъ случаяхъ опись писца совершенно соответствуетъ дѣйствительности. Изслѣдованіе арх. Сергія напечатано въ Чтеніяхъ за 1699 г.

²⁾ Такія разнообразныя данныя читатель легко можетъ найти въ новг. писц. книгахъ. Лишь для примѣра крайностей указываемъ: I 63 волость Щилова мощастыря; III 39 волость, что была за владыкою, 113 волость Настасы Григорьевой, 157 волость Якова Коробова, 329 волость Александра Самсонова.

³⁾ III 23. Въ I т. на ст. 322 старымъ доходомъ, вѣжеться, названъ доходъ,

Надо различать два вида господскаго дохода: обыкновенный и чрезвычайный. Сперва о первомъ.

Начнемъ съ обозначенія тѣхъ предметовъ, которыми взимался доходъ обыкновенный. Онъ взимался: 1) деньгами, 2) хлѣбомъ и 3) разными другими предметами крестьянскаго хозяйства, которымъ усвоется наименованіе „мелкаго дохода“.

Денежный доходъ опредѣлялся въ новгородской валютѣ. Писцовыя книги знаютъ—денгу. Это серебряная монета вѣсомъ въ 18 долей. Четырнадцать такихъ денегъ составляютъ гривну; 210—рубль. Кромѣ денегъ, гривенъ и рублей, новгородскимъ писцовымъ книгамъ извѣстны еще: полъ денги и четверецы ¹⁾.

Въ доходъ хлѣбомъ шла часть урожая всѣхъ воздѣлываемыхъ въ мѣстности сортовъ хлѣба. Писцовыя книги говорятъ о доходѣ рожью, овсомъ, пшепяцею, ячменемъ, горохомъ, коноплей. Мѣра этого дохода опредѣлялась различно. Во 1-хъ, нѣкоторымъ количествомъ зерна, опредѣляемымъ въ существовавшихъ тогда мѣрахъ сыпучихъ тѣлъ. Въ Новгородѣ въ это время были въ ходу слѣдующія мѣры: коробья (полъ кади или окова), которую можно считать въ 7 пудовъ вѣса для ржи, полъ коробьи (четверть кади) и четвертка коробьи или четка (осмина кади). Такой хлѣбъ носитъ наименованіе „посолнаго“ хлѣба, а способъ его уплаты—„поспомъ“: „а хлѣба поспомъ 5 коробей ржи“.

Въ новгородскихъ писцовыхъ книгахъ встрѣчаемъ такія цѣны зерна: коробья ржи—10 денегъ, овса — 5, ячменя — 7, пшеницы и хмѣлю—1 гривна, III 84, 346. Эти цѣны указаны на случай замѣны деньгами дохода „поспомъ“, а потому ихъ можно считать нормальными. Коробья гороху и коробья коноплю (виѣстѣ) цѣнились въ 2 гривны 4 деньги. I 11.

Другой способъ дохода хлѣбомъ состоялъ въ предоставленіи землевладѣльцу извѣстной части урожая. Эта часть опредѣлялась различно, самую малую мѣру составляла пятна ($\frac{1}{5}$), затѣмъ шла: $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{2}$ и, наконецъ, $\frac{1}{2}$ половье. При этомъ, надо думать, часть урожая уплачивалась не зерномъ, а снопами, которые отсчитывались на полѣ, до своза во дворъ. Въ крестьянскихъ порядныхъ XVII вѣка встрѣчаемъ

установленный помѣщикомъ, но не настоящимъ, а его предшественникомъ, переведеннымъ на другое мѣсто.

¹⁾ Писцы дѣлаютъ иногда ошибки въ итогахъ, какъ деревень, дворовъ и обжахъ, такъ и денегъ, а потому у нихъ не всегда приходится на рубль 210 денегъ.

особое условіе: „во всякомъ хлѣбѣ довати пятый снонь, а къ выдѣлу и къ замолоту мѣ его, помѣщика, звать, а до выдѣлу ни какова хлѣба не свозить“¹⁾. Это превосходная иллюстрація новгородскихъ порядковъ конца XV вѣка.

Мелкій доходъ слагался изъ всѣхъ остальныхъ предметовъ крестьянскаго хозяйства въ самомъ широкомъ смыслѣ слова; сюда входило и ткачество, и рыболовство, и охота, и другіе промыслы. Среди предметовъ мелкаго дохода встрѣчаемъ: печеный хлѣбъ—ковригами, масло—ковшами, медъ, сыръ, мясо—говяжье—окороками и лопатками, бараны—цѣлкомъ и частями, части свинины, куры—цѣлкомъ и половинами, яйца—десятками, отъ одного до 12, пиво—бочками, овчины—цѣлыя и половины, пряжа, полотно, топоры, косы, сошники, сковороды, дрова и лучина—возами, сѣно, ленъ пятками, а пятокъ составлялся изъ пяти горстей, хмель—коробьями, солодъ, рыба, тетерева и зайцы. Нѣкоторые изъ предметовъ мелкаго дохода встрѣчаются чрезвычайно рѣдко. Тетеревовъ и зайцевъ мы видѣли только одинъ разъ, II 199. Доходъ топорами, косами, сошниками и другими издѣліями изъ желѣза взимался только тамъ, гдѣ была добыча желѣзной руды, и съ крестьянъ, занимавшихся ея разработкой и выдѣлкой. Въ писцовыхъ книгахъ они называются кузнецами. Разработкой желѣзной руды тогда занимались въ нюгостахъ Вотской пятины: по верховьямъ Невы, по рѣкѣ Назьѣ, впадающей съ Юга въ Ладожское озеро, по Финскому заливу, въ предѣлахъ Ямбургскаго уѣзда, и по рѣкѣ Талдогѣ, впадающей въ рѣку Суму. Пряжа и полотно принадлежатъ также къ очень рѣдкимъ предметамъ дохода. Чаще всего встрѣчаются: сыръ, масло, бараны, овчины, куры, яйца, ленъ.

Для предметовъ мелкаго дохода мы нашли въ новгородскихъ писцовыхъ книгахъ такія цѣны: баранъ—4 деньги, пятокъ льну—5 денегъ, кова сѣна стоитъ 1½ деньга, бочка пива—1 гривна, калачъ—1 деньга, хлѣбъ—½ деньга, лопатка баранья—½ деньга, 100 яицъ—8 деньги, полоть мяса 7 денегъ²⁾.

¹⁾ Дьяконовъ, Акты I № 15, 29, 32; 1629—1644. Въ послѣднемъ документѣ крестьянинъ обязывается церковный пятинный хлѣбъ обмолотить прежде своего. Можетъ быть, и въ старину молотѣба лежала на крестьянахъ. Это весьма вѣроятно.

²⁾ I 11, II 736, III 167, 306, 346. Въ нов. II 736 встрѣчаемъ нѣкоторые рѣдкія: баранъ оцѣненъ въ 7 денегъ, возъ сѣна тоже въ 7 денегъ. Это, вѣроятно, описка. Смыръ по Олѣжской грам. 1536 года стоитъ—1 деньгу.

Переходимъ къ вопросу о томъ, чѣмъ опредѣлялась наемная плата и какъ она была велика для отдѣльныхъ деревень. Плата отдѣльныхъ деревень имѣетъ крайне индивидуалистическій характеръ. Она бываетъ различна при однихъ и тѣхъ же условіяхъ. Число дворовъ въ деревнѣ на размѣръ платы, кажется, не имѣло никакого вліянія. Но можно замѣтить связь между размѣромъ платы и размѣромъ деревенскаго хозяйства, которое было тѣмъ зажиточнѣе, чѣмъ было больше количество высѣваемого хлѣба. Плата, обыкновенно, возрастаетъ съ возрастаніемъ количества высѣваемого хлѣба. Это очень понятно. Но и здѣсь встрѣчаются уклоненія, которыя мы объяснимъ ниже. Войдемъ въ нѣкоторыя подробности.

Мы выше перечисляли виды крестьянскихъ повинностей. Въ отдѣльныхъ случаяхъ встрѣчаются то всѣ виды, то только нѣкоторыя изъ нихъ. Есть деревни, которыя платятъ и деньги, и посолпный хлѣбъ, и часть урожая, и мелкій доходъ. Въ другихъ—отпадаетъ то часть урожая, то посолпный хлѣбъ, то деньги, то мелкій доходъ. Есть деревни, которыя платятъ только долю урожая и мелкій доходъ. Иногда весь доходъ господина ограничивается одной долей урожая, это встрѣчается при половьи; но и это не общее правило, ибо и половники, иногда, платятъ и деньги и мелкій доходъ, а иногда и посолпный хлѣбъ и мелкій доходъ. Наконецъ, нѣкоторыя деревни обложены только деньгами ¹⁾.

Размѣръ платы при одномъ и томъ же числѣ обожъ, дворовъ и количествѣ высѣваемыхъ коробей ржи—нерѣдко былъ неодинаковъ, и не только въ разныхъ мѣстностяхъ, но въ одной и той же мѣстности и даже въ одной и той же волости, т. е. у того же владѣльца. Для примѣра возьмемъ деревни въ 1 обжу, въ 1 дворъ и въ 3 коробья посѣва и ограничимся тремя погостами Вышневолоцкаго уѣзда.

У Никиты Бабкина крестьянинъ съ такой деревни платилъ 4 деньги, четку ржи и четку овса; переведа все на деньги, получимъ—8 денегъ. Никифоръ Хмелевъ за то же получалъ: 7 денегъ, изъ хлѣба пятину, четку ржи, четку овса, солодъ, $\frac{1}{2}$ барана, лопатку баранью, курицу, сыръ, $\frac{1}{2}$ овчины, $3\frac{1}{2}$ горсти льну. Денегъ будетъ 17 да кромѣ того $\frac{1}{8}$ урожая, курца и $\frac{1}{2}$ овчины, для перевода которыхъ

¹⁾ Доказательства можно найти чуть не на каждомъ столбцѣ писцовыхъ книгъ. Приведемъ только болѣе рѣдкіе случаи. Доля урожая и посѣ съ другими видами I 62, II 74, 357. Одни деньги—I 18, II 68, III 313, 329. Половники только половье—I 508, II 34, 37, III 83, 156, 166; половники—деньги и мелкій доходъ III, 10; они же посолпный хлѣбъ и мелкій доходъ III 188, 213.

на деньги данныхъ не имѣемъ. Разница болѣе чѣмъ вдвое. Известный намъ Овиновъ, сынъ, получалъ еще больше. За деревню тѣхъ же размѣровъ ему платили: 7 денегъ, коробью ржи и овса и полчетки пшеницы, что составить 24 деньги; со вдовы Федорки онъ получалъ то же, но при меньшемъ посѣвѣ (въ $2\frac{1}{2}$ коробья). А Зинововъ получалъ еще больше. При тѣхъ же деньгахъ и посѣвѣ онъ бралъ еще сыръ да три горсти льну, что составить 27 денегъ съ $\frac{1}{2}$. Разница крайнихъ случаевъ доходитъ почти до четверной платы за участокъ земли той же мѣры ¹⁾).

Не одинакова плата и у одного и того же владѣльца; разница до-стигаетъ здѣсь, иногда, также весьма значительныхъ размѣровъ. Въ Настасьинской волости, жены Ивана Григорьева, двѣ деревни платили только деньги и поровну, по 2 гривны съ $\frac{1}{2}$, а между тѣмъ одна имѣла посѣвъ въ 4 коробья при одномъ дворѣ и была положена въ одну обжу, а другая высѣвала 8 коробей при 3-хъ дворахъ и была положена въ двѣ обжи. Хозяйства очень различны, государственныя повинности—тоже, а наемная плата одинакова. Рядомъ съ этими деревнями была деревня съ 15 коробьями посѣва при 4 дворахъ и 5 обжахъ; она платила: 2 грив., хлѣба поспомъ 6 кор. ржи, $\frac{1}{2}$ кор. пшеницы, 3 четки ячменя, 2 барана, на деньги всего 9 грив. 8 ден. Между двумя крайними платежами и среднимъ иѣтъ ни малѣйшаго соответствія: деревня въ 8 коробей посѣва обложена несоразмѣрно легко. Въ другихъ случаяхъ разница бываетъ ничтожная: при всѣхъ равныхъ одна деревня даетъ курицу, другая половину и т. д. ²⁾).

¹⁾ Т. I 11—12, 58, 80, 90.

²⁾ Т. I 72; III 118.

Приведемъ нѣсколько примѣровъ деревенскихъ платежей, расположивъ ихъ по мѣрѣ возрастанія количества высѣваемыхъ коробей ржи. Волость Степ. Ша-лимова въ Вологовскомъ пог. Деревской пятинны I 100.

Коробья.	Дворы.	Обж.	Д О Х О Д Ъ.
2	1	1	4 деньги съ $\frac{1}{4}$, изъ хлѣба пятина, сыръ, баранья лопатка, $\frac{1}{2}$ овчины, $3\frac{1}{2}$ горсти льну.
4	1	2	$8\frac{1}{2}$ денегъ, изъ хлѣба пятина, 2 сыра, 2 б. л., 1 овч., 1 пятокъ льну.
5	2	2	9 денегъ, изъ хлѣба пятина, 2 с., 2 б. л., 2 ов., 1 п. л.
—	—	—	то же, но 1 овчина.
5	3	2	$8\frac{1}{2}$ денегъ, то же, но 2 овчины.
$5\frac{1}{2}$	3	2	9 ден., изъ хл. пятина, 2 с., 2 б. л., $1\frac{1}{2}$ овч., 1 п. л.
—	2	—	то же, но 1 овч.

Откуда всё эти различія? Порядныя описанныхъ въ концѣ XV вѣка крестьянъ, конечно, были заключены ими въ разное время, нѣкоторыя изъ нихъ могли быть заключены еще ихъ дѣдами и прадѣдами. А въ разное время, конечно, были и разныя условія спроса и предложенія земель. Отсюда и различія. Хотя право свободнаго перехода и могло смягчать эти различія, но, надо думать, на практикѣ оно встрѣчало значительныя препятствія въ привычкѣ къ насиженому мѣсту и въ выгодахъ и удобствахъ, представляемыхъ благоустроеннымъ хозяйствомъ, а потому крестьяне и мирились легко съ

6 ¹ / ₂	2	3	12 ¹ / ₄ ден., лвъ хл. пят., 4 с., 4 лоп. бар., 2 овч., 1 ¹ / ₂ п. л.
6 ¹ / ₂	3	3	13 ден. и то же.
7	—	—	то же.
—	—	—	то же, но 1 ¹ / ₂ овч.
—	4	—	то же.
9	3	4	1 грив. 4 ден., хлѣбъ, ср. и бар. л.
—	—	—	то же, но 2 овч. и 2 пят. льву.
10	—	—	то же.
—	5	—	то же.
10 ¹ / ₂	3	—	то же.
—	—	—	18 ¹ / ₂ ден., хлѣба поспомъ 8 коробей ржи, 8 кор. овса, 2 ¹ / ₂ кор. пшеницы, 2 ¹ / ₂ кор. ячменя, 4 овч., 10 сыр., 3 п. съ гор. льна.
11	4	4	то же.

Волость Щизова монастыря въ Псковскомъ пог. Деревской пят. I 68.

Коробы. Дворы. Обжи.

Д О Х О Д Ъ.

3	1	1	3 денги, ¹ / ₂ кор. ржи и ¹ / ₂ кор. овса.
—	2	—	то же.
5	1	3	5 ден., 3 четки ржи и ³ / ₄ овса.
—	2	—	5 ден., ¹ / ₂ кор. ржи и овса.
—	3	—	6 ден. 3 четки ржи и овса.
—	2	—	3 ден., ¹ / ₂ кор. ржи и овса.
—	—	—	7 ден., 3 четки ржи, 1 кор. овса.
6	3	3	7 ден., 1 кор. ржи и овса.
7	—	—	6 ден., 3 четки ржи и овса.
—	—	—	6 ден., 1 кор. ржи и овса.
7	4	—	7 ден., то же.
—	1	—	то же.
8	4	—	то же.
9	—	5	10 ден., 1 ¹ / ₂ кор. ржи и овса.
18	—	6	то же.
15	7	7	1 гривн., 2 ¹ / ₂ кор. ржи и овса.
—	8	—	7 ден., 1 ¹ / ₂ кор. ржи и овса.
17	9	—	1 гривн., 2 кор. ржи и овса.

указаннымъ неравенствомъ. Самые же крупныя случаи неравенства могутъ имѣть особый источникъ. Вновь приходящіе крестьяне садлись, обыкновенно, на льготѣ и первое время ровно ничего не платили. Въ писцовыхъ книгахъ такъ и обозначается: „старога дохода не было: сѣли ново“. Можно думать, эти новоселы не сразу входили въ свой полный платежъ, а начинали съ уменьшеннаго. Въ имѣніи Д. Козонскаго была деревня въ 5 дворовъ и въ 11 коробей посѣва. Они старога дохода не платили, потому что сѣли ново. Новый доходъ съ нихъ уже шелъ, но всего въ размѣрѣ четверти урожая изъ хлѣба и хмеля. А старыя крестьяне, при посѣвѣ въ 2¹/₂ коробки, въ этомъ имѣніи платили при той же четверти еще 7 денегъ и мелкій доходъ, II 34. Весьма вѣроятно, что и сведенные бояре поступали такъ же; такъ и могла возникнуть та несоразмѣрность платежей съ размѣрами хозяйства, на которую мы указали.

Общее правило найма земель, но всей вѣроятности, было такое: чѣмъ больше снималось земли, тѣмъ была выше и плата. Но въ разное время, смотря по спросу и предложению, плата за землю опредѣлялась различно; новоселы же не сразу входили во всю плату, а постепенно.

Рядомъ со свѣтскими своеземцами, о хозяйствѣ которыхъ до сихъ поръ шла рѣчь, владѣютъ землями духовныя учрежденія: владыка, монастыри, церкви. Хозяйство ихъ представляетъ нѣкоторыя незначительныя особенности.

Несмотря на богатство владыки и нѣкоторыхъ монастырей и на то, что къ описанію ихъ владѣній, находившихся въ разныхъ погостахъ и разныхъ пятнахъ, писцамъ приходилось обращаться по многу

Деревни Гр. Секорана въ Ручьевскомъ пог. Деревской пят. II 356.

Коробей.	Дворы.	Обж.	Д	О	Х	О	Д	Ъ.
1 ¹ / ₂	1	1	изъ хлѣба	четверть,	четка	ячменя,	четка	овса, 1/2 барана, 1 смиръ, 2 гор. льна, 10 яницъ.
2	—	—	то же.					
2 ¹ / ₂	—	—	то же,	но 1 бар.,	2 смир.,	4 гор. л.,	20 яницъ.	
3	—	—	то же,	но 1/2 бар.,	1 смир.,	2 гор. л.,	10 яницъ.	
—	2	—	то же,	но 20 яницъ.				
4	2	2	изъ хлѣба	четверть,	1/2 короб.	ячменя,	1/2 кор. овса, 1 бар., 2 смир., 4 гор. л., 20 яницъ.	
4 ¹ / ₂	—	—	то же.					
5	—	—	то же.					
9	6	4	изъ хлѣба	четверть,	1 кор.	ржи,	1 кор. овса, 2 бар., 4 смир., 8 гор. л., 40 яницъ.	

разъ, мы не встрѣтили ни одного указація на существованіе собственнаго сельскаго хозяйства у духовныхъ учрежденій, за исключеніемъ самыхъ бѣдныхъ церквей, владѣнія которыхъ не выходили за предѣлы одной деревни. У монастырей были по деревнямъ свои дворы, въ которыхъ жили ихъ ключники, но они не вели пашеннаго хозяйства за счетъ монастыря. Нѣкоторые изъ нихъ вовсе не занимались пашней, другіе пахали, но на себя, а не на монастырь. Такіе дворы встрѣчаются въ деревняхъ Хутынскаго монастыря, Кожевскаго, Валаамскаго, Николая Чудотворца и друг.; ихъ дворы—всѣ безъ пашни; пашенные же всѣ у крестьянъ. Въ деревняхъ владыки встрѣчаются также дворы его посельскихъ, но собственной записки мы не видали и у него ¹⁾).

Только самыя бѣдныя церкви имѣли собственное сельское хозяйство. Мы разумѣемъ деревенскія церкви на погостахъ и въ монастырскихъ и владычныхъ волостяхъ. Къ этимъ церквамъ приписывалось небольшое количество земли, гдѣ клиръ и хозяйничалъ. Но хозяйство это не походило на господское. Попъ, дьяконъ, пономарь, сторожъ, просвирия—сѣяли и пахали собственными руками ²⁾. Но не мало было и такихъ церквей, клиръ которыхъ не имѣлъ надобности пахать.

У владыки и монастырей было, однако, значительное скотоводство. Писцовыя книги упоминаютъ о нихъ конюшенныхъ дворахъ, о дворахъ ихъ коровниковъ и объ особыхъ пожняхъ, которыя косятъ для нихъ крестьяне барщиной ³⁾.

Изъ молчанія писцовыхъ книгъ о собственномъ сельскомъ хозяйствѣ духовныхъ учрежденій слѣдуетъ ли заключать, что такого хозяйства у нихъ и вовсе не было? Это—едва ли.

Памятники XIV вѣка говорятъ уже о собственномъ хозяйствѣ монастырей и даже о крестьянской барщинѣ на ихъ земляхъ. Изъ грамоты митрополита Кипріяна Константиновскому монастырю видно, что у монастыря было свое пахатное хозяйство и что монастырскіе крестьяне не только воздѣлывали „игуменовъ жеребій земли“, но строили монастырскія хоромы, ставили стѣну вокругъ монастыря, олетали его сады, забавали ѣзъ, ходили съ неводами и пр. А. Э. I № 11, 1391 годъ.

Если мы не находимъ въ новгородскихъ писцовыхъ книгахъ свѣ-

¹⁾ *Временникъ* XI 193, 251; XII 64, 69; Новог. ш. ш. I 17, 708; III 28, 65.

²⁾ Нов. пис. кн. I 821, 846, 612; III 82, 471; *Временникъ* XII 179.

³⁾ III 8, 28, 453, 454.

дѣній о собственномъ сельскомъ хозяйствѣ духовныхъ учреждений, то, можетъ быть, только потому, что до насъ дошли не всѣ книги. Во всякомъ случаѣ, если такое хозяйство и было, оно не могло быть велико, какъ и хозяйство частныхъ лицъ. Оно также должно было имѣть одно-деревенскій типъ и, по всей вѣроятности, ограничивалось одной—двумя деревнями, ближайшими къ учрежденію.

Именно такой характеръ имѣетъ собственное хозяйство духовныхъ учреждений по московскимъ писцовымъ книгамъ начала XVI вѣка. Въ древнѣйшей изъ напечатанныхъ описей земель Троице-Сергіева монастыря (1545 г.), въ Ярославскомъ уѣздѣ, въ монастырской волости Черемухъ и Закопторскомъ станѣ монастырю принадлежало 49 деревень и починковъ да 3 займища живущихъ—(пустошей не считаемъ)—съ запашкой въ 989 четвертей земли. Собственное же хозяйство монастыря велось только въ одномъ селѣ Коприно, на Волгѣ, и всего на 20 четяхъ.

Чудовъ монастырь по описи 1573 г., въ Васильцовѣ станѣ Московскаго уѣзда, въ трехъ мѣстахъ имѣлъ 4 селца и 10 деревень, крестьянской пашни съ перелогомъ тамъ было 2.221 четверть, свое же хозяйство монастырь имѣлъ только въ двухъ селахъ, въ одномъ пахалъ 118 четей, въ другомъ 25, а всего 143 чети на 2.221 четь крестьянской запашки.

Могло быть такое же однодеревенское хозяйство и у духовныхъ учреждений Новгорода.

При слабомъ развитіи собственнаго сельскаго хозяйства, духовныя учрежденія извлекали доходъ изъ своихъ земель сдачею ихъ въ наймы. Въ этомъ отношеніи они слѣдовали тому же порядку, какой наблюдался у частныхъ лицъ. Писцовыя книги даютъ богатѣйшій матеріалъ для изученія вѣры обложенія крестьянъ свѣтскими лицами и духовными учреждениями и степени зажиточности тѣхъ и другихъ крестьянъ. Онъ давно напечатанъ и ждетъ разработки.

По особенностямъ жизни свѣтскихъ и духовныхъ лицъ, многіе предметы мелкаго дохода, которые мы перечислили, совсѣмъ не были нужны для лицъ духовнаго званія, а потому ихъ мелкій доходъ долженъ отличаться отъ дохода свѣтскихъ лицъ. Такъ, кажется, было и въ дѣйствительности. Мы встрѣтили массу деревень духовныхъ учреждений, которыя вовсе не платили мелкаго дохода; другія платили, но далеко не всѣ его виды были въ употребленіи. Нерѣдко въ доходъ поступали: ленъ, сыръ, сѣно; чаще и по значительному числу—яйца; встрѣчаются бараньи лопатки и ивно.

Доходъ съ владычныхъ земель шелъ владыкѣ, съ монастырскихъ — монастырю, а съ церковныхъ не церкви, а попу. Такова была точка зрѣнія и плательщиковъ и писцовъ и такъ и писалось въ книгахъ. Особенно великъ былъ доходъ архангельскихъ поповъ на Городищѣ. Въ Деревской пятинѣ въ двухъ погостахъ имъ принадлежало двѣ волости одного и того же имени Смерда; въ этихъ волостяхъ числилось 288 деревень. Въ доходъ архангельскимъ попамъ шло: 2 р. 5 гр. и 4 деньги, 256 коробей ржи, 94 коробки овса, 250 хлѣбовъ, 250 бараньихъ лопатокъ и 30 пятковъ льну. Эта городищенская церковь представляетъ, однако, исключеніе. Владѣнія другихъ церквей далеко не достигали такихъ размѣровъ. Иванъ Васильевичъ взялъ обѣ волости на себя и отмѣнилъ доходъ архангельскихъ поповъ.

Кромѣ перечисленныхъ видовъ дохода, встрѣчаются еще нѣкоторые, которые мы, по рѣдкости ихъ, называемъ чрезвычайными. Они немногочисленны. Сюда относятся: поклонъ и даръ.

Подъ „поклономъ“ надо разумѣть привошеніе, дѣлаемое съ особымъ почтениемъ, съ поклономъ. Въ какихъ случаяхъ оно дѣлается, это не всегда ясно. Но вотъ случай, допускающій удовлетворительное объясненіе. Въ писцовой книгѣ Вотской пятинны читаемъ: „А стараго доходу шло: двѣ денги, поклопу за сыръ полъ денги, пятовъ льну“ и т. д. Сыръ стоитъ деньги, здѣсь же онъ замѣненъ — половиной денги, за это, по всей вѣроятности, и дѣлается поклопу.

„Даромъ“ называлась нѣкоторая приплата къ обыкновенному доходу. Перечисливъ старый доходъ, писецъ продолжалъ: „дару: четка гороху, четка копонецъ, 6 копенъ сѣна“, I 9. Въ какомъ случаѣ прибавлялся этотъ даръ, неясно. Но несомнѣнно, что онъ еще болѣе увеличивалъ разнообразіе повинностей, на которое мы указывали. Однѣ деревни давали даръ, другія нѣтъ. Даръ брали и монастыри: „а опречь того (обыкновеннаго дохода) давали игумену со всею волости дару полтину новгородскую, а слугамъ шло дару двѣ гривны новгородскія“¹⁾.

¹⁾ I 11, 40; II 805; III 213.

Въ книгѣ второй половины писцовой книги Деревской пятинны находимъ нѣсколько волостей, описаніе которыхъ представляетъ особенность. Въ нихъ не указано прежнихъ владѣльцевъ, сведеныхъ бояръ, а деревни раздѣлены тамъ на десятины. Такими особымъ способомъ описаны волости Морева и Велела и погостъ Холмскій. Эти волости и погостъ составляли вотчину литовскаго виходца, кн. Фед. Изв. Бѣльскаго. Онъ прибѣжалъ въ Москву въ 1482 году (Воскр.) и тогда же, по словамъ лѣтописца, получилъ въ вотчину городъ Дѣманъ да

Описавъ пашенное хозяйство и свѣтскихъ и духовныхъ собственниковъ, мы можемъ теперь спросить, какъ владѣли крестьяне предоставляемой въ ихъ пользованіе земель, было у нихъ общинное землевладѣніе. или нѣтъ? Общинное землевладѣніе, сомнительными благами котораго наши крестьяне пользуются еще и теперь, предполагаетъ наличность общины, члены которой имѣютъ равное право на пользованіе общинной землей. Въ описываемое нами время, какъ мы видѣли, крестьянской общины не существовало. Были только отдѣльные крестьяне, которые, по особому договору, и занимали господскія земли. Это вѣдъ всякаго сомнѣнія. А если это такъ, то не можетъ быть и рѣчи объ общинномъ пользованіи землями.

По крестьяне не непременно въ одиночку снимали господскія земли, они могли соединяться для этого въ товарищества, человѣка по 2, по 3, а можетъ быть, и болѣе. Такіе товарищи могли вести общее хозяйство. Общее хозяйство могло возникать и другимъ путемъ. Крестьянинъ могъ одинъ снять деревню. Такихъ деревень множество. Но по смерти его, у него могло остаться 2—3 и болѣе сыновей. Сыновья могли продолжать жить въ старой деревнѣ, раздѣлиться и вести каждый особое хозяйство, а могли вести и общее.

Мореву и со многими волостями. Городъ Дѣманъ въ инсценныхъ книгахъ не описанъ, а потому и нельзя сказать, въ чемъ выразилось здѣсь господство дитовскаго князя; но волости описаны и слѣдъ его пребыванія виденъ. Въ моментъ описанія даннымъ князю Ѡ. П. Бѣльскому деревни ему уже не принадлежали, онъ былъ отобранъ на вел. князя; часть ихъ онъ удержалъ за собой, а другую роздалъ въ помѣстья. О старомъ доходѣ говорится, что онъ шелъ кн. Ѡ. Бѣльскому. Въ волости Велегѣ на погостѣ остался еще его дворъ, въ который и въѣхалъ новый помѣщикъ. Дальнѣйшій слѣдъ хозяйства кн. Бѣльскаго сохранился въ указанномъ дѣленіи деревень на десятки. Какое они имѣли при немъ значеніе, этого не видно, но въ моментъ описи они уже распались. Одна деревня Погостскаго и Жабевскаго десятка князь удержалъ за собой, а другія роздалъ въ помѣстья (708, 721 и 787); деревни другихъ десятковъ розданы разнымъ лицамъ въ помѣстья. Сохранилось только наименованіе деревень по десяткамъ. Деревень съ хозяйствомъ кн. Бѣльскаго не видно; всѣ деревни были въ арендѣ у крестьянъ, которые платили ему обыкновенный доходъ. Въ одномъ только итогѣ упоминается неизвѣстный намъ видъ дохода „кошевица“ (735). Раздѣленіе деревень на десятки, по всей вѣроятности, и было причиною, почему при ихъ описаніи не упоминаются старыя новгородскіе владѣльцы. Данныя кн. Бѣльскому волости, конечно, принадлежали разнымъ и очень многимъ владѣльцамъ. Привода деревни въ десятки, онъ нарушилъ ихъ старое распредѣленіе по владѣльцамъ, а потому десятки и заимѣли прежнихъ владѣльцевъ въ дошедшей до насъ описи. Это единственный примѣръ описи, гдѣ не упомянуты имена старихъ владѣльцевъ, сведенныхъ бояръ и бояршишекъ.

Итакъ, одноподдеревенцы могли вести раздѣльное и общее хозяйство, но ни въ какомъ случаѣ не общинное, ибо не было общины. Общинное и общее не одно и то же. Въ общинѣ каждый членъ имѣетъ равное право на пользованіе землей; при общемъ — не непременно равное. Умеръ отецъ, у сыновей равное право наслѣдства, если отецъ не распорядился иначе; онъ могъ, вѣдь, оставить дѣтямъ и не поровну. Но если дѣти получили и поровну, во второмъ поколѣніи непременно возникнетъ неравенство, ибо нельзя разсчитывать на то, что у каждаго сына будетъ одинакое число наслѣдниковъ. Но если бы это и случилось, это будетъ равенство случайное, въ общинѣ же оно необходимое. То же надо сказать и о доляхъ товарищей. Въ началѣ онѣ могли быть равныя, но не непременно; при дѣтяхъ же равенство это легко нарушалось. Общинное владѣніе обязательно, общее — дѣло свободы. Итакъ, въ старыхъ деревняхъ могло быть частное и общее хозяйство, но никогда не общинное. Этотъ выводъ предполагается всѣми описанными порядками.

Какъ велось это общее хозяйство, этого мы не знаемъ. Источники не входятъ въ такія подробности, не имѣющія значенія для той цѣли, для какой составлялись писцовыя книги. Можно, однако, думать, что оно велось тогда совершенно такъ же, какъ ведется и теперь. Если наслѣдники и товарищи были пріятеля, любили другъ друга и жили дружно, они могли вести общее хозяйство въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова и даже жить въ одномъ дворѣ и ѣсть изъ одной чашки. Если они не уживались вмѣстѣ и ссорились, они, конечно, дѣлились и оставляли въ общемъ владѣніи самое необходимое, выгоны, а иногда луга, раздѣляя себѣ въ коняхъ или пользуясь ими погодно, примѣры чему мы уже видѣли. Въ старое время жили либо въ любви, либо въ ненависти, какъ мы дѣлаемъ это и теперь. Любовь во всѣ времена порождаетъ и поддерживаетъ согласную жизнь вмѣстѣ и общее владѣніе; ненависть всегда ведетъ къ раздѣленію. Общинное владѣніе одною цѣнью сковываетъ и любовь и ненависть.

Мы уже знаемъ, что сельское хозяйство, которое вели новгородскіе бояре, не составляло новости для новыхъ людей, переведенныхъ изъ Москвы въ Новгородъ. Источники ничего не говорятъ о томъ, какъ пользовались москвичи у себя, на виду, тѣми землями, которыя оставались у нихъ за собственной обработкой; но судя по тому, какъ и въ этомъ отношеніи они легко вошли въ новгородскіе порядки, надо думать, что и эта статья новгородскаго хозяйства

не была для нихъ новостью. Весьма многіе изъ нихъ удержали новгородскіе порядки безъ всякихъ измѣненій и получали тотъ же доходъ, какой шель ихъ предшественникамъ. Писцы очень часто, перечисливъ старый доходъ, говорятъ: „А новый доходъ по тому жъ“. Нѣкоторые увеличили размѣръ стараго дохода. Это увеличеніе дѣлалось въ мѣрѣ чрезвычайно различной. Иногда оно достигало очень большихъ размѣровъ. Приведемъ два примѣра. Старая собственница, Настасья, жена Ивана Григорьева, брала съ деревни въ 4 двора и въ 15 коробей посѣва—10 гривенъ, а съ другой деревни въ 3 двора и въ 20 коробей посѣва—9 гривенъ съ полу деньгой; новый помѣщикъ, Григ. Вас. Картамазовъ, сталъ получать съ первой деревни—17 грив. и 3 ден., а со второй—19 грив. и 2¹/₂ деньга, III 113. Громадное увеличеніе, достигающее 100⁰/₁₀₀; несмотря на это, крестьяне остались на своихъ мѣстахъ. Весьма вѣроятно, что 3 и 4 двора, составлявшіе эти деревни, были населены родственниками и людьми зажиточными, которые вели общее хозяйство. Чтобы не ломать хорошо обставленнаго хозяйства, они и согласились на прибавку. Свободой перехода пользовались далеко не такъ легко, какъ это можетъ показаться людямъ, стоящимъ далеко отъ крестьянскаго дѣла. И теперь есть поговорка: три раза переѣхать съ квартиры все равно, что разъ погорѣть. А переѣхать съ крестьянскаго хозяйства во много разъ труднѣе. Чѣмъ крестьянское хозяйство богаче, тѣмъ переходъ труднѣе. Вотъ почему въ писцовыхъ книгахъ конца XV вѣка и не замѣтно сколько-нибудь чувствительнаго перехода крестьянъ. Весьма распространенное мнѣніе о бродяжничествѣ крестьянъ при свободномъ переходѣ ихъ—далеко не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Для точнаго отвѣта на вопросъ о передвиженіи крестьянъ вообще и по случаю перемѣщенія владѣльцевъ, новгородскія писцовыя книги даютъ богатый матеріалъ, который тоже ждетъ еще разработки.

Для полноты картины замѣтимъ, что 2—3 помѣщика ввели новые виды чрезвычайныхъ доходовъ. Васюкъ Григ. Чеховъ ввелъ какой-то новый сборъ за повозъ. Объ немъ писецъ говоритъ: „А Васка взялъ впервые лѣта 7004 съ 20 обожъ за повозъ, съ обжи по 4 денги“. I 55. Ивашка Широносозъ и Ивашка Корсаковъ брали съ своихъ крестьянъ доходъ за какое-то „постоаніе“, II 312, 313. Вотъ и все новости московскихъ людей. Трудно думать, что новгородское хозяйство не было ихъ собственнымъ хозяйствомъ.

Но великій князь Иванъ Васильевичъ не все раздавалъ помѣщикамъ, значительную часть конфискованныхъ имѣній онъ оставилъ за

собой. Въ хозяйствѣ этихъ деревень произошли большія перемѣны, имѣвшія важныя послѣдствія. Въ имѣніяхъ, оставленныхъ за великимъ княземъ, новый доходъ опредѣляется не по деревнямъ, а для всей волости сведеннаго боярина. Этотъ новый доходъ называется „оброкомъ“ и почти всегда переводится на деньги. Великій князь получаетъ только деньги; къ нему не идетъ ни посѣвъ, ни доля урожая, ни мелкій доходъ. Изъ этого порядка встрѣчаются исключенія, но очень рѣдко. Крестьяне платятъ „оброкомъ“, отсюда и волости стали называться оброчными. Къ этому оброку иногда причитаются обожныя деньги, иногда нѣтъ. При сличеніи оброка со старымъ доходомъ, цифры иногда почти сходятся, иногда оброкъ меньше стараго дохода, иногда больше ¹⁾. Но не величина оброка важна въ данномъ случаѣ, а иной способъ его исчисленія: оброкъ назначается огульно на цѣлое имѣніе. Этимъ создается у насъ впервые крестьянская волостная община. Какъ бы ни былъ оброкъ по суммѣ близокъ къ старому доходу, онъ всегда другой или потому, что въ имѣніи измѣнилось число дворовъ, или потому, что къ оброку прибавлена обожная плата, которая прежде вовсе не входила въ доходъ. Угодья старыхъ владѣльцевъ записываются теперь за ихъ крестьянами и облагаются особымъ оброкомъ тоже огульно, на всю волость. Во всѣхъ этихъ повостяхъ надо разобратъся. Прибавки надо какъ-нибудь распредѣлить по дворамъ, угодья тоже, пустые дворы тоже. Это все новые вопросы, которые должны быть теперь разрѣшены всѣми крестьянами волости сообща. Прежде не было такихъ общекрестьянскихъ вопросовъ. Теперь они появляются. Иванъ Васильевичъ создалъ въ Новгородѣ крестьянскую общину. Она появляется здѣсь впервые въ самомъ концѣ XV вѣка.

¹⁾ Вотъ для примѣра нѣсколько старыхъ доходовъ, переведенныхъ въ оброкъ. Имѣніе въ 8 деревень приносило стараго дохода 13 гривенъ, оброкъ 14½ грив. и со включеніемъ обожной дани. Имѣніе въ 8 деревень, считая доли въ общихъ деревняхъ, старый доходъ 8 грив., оброкъ и съ обожной данью—6½ грив. Имѣніе въ 2 деревни, старый доходъ 3 грив. 2 д., оброкъ и съ обожной данью 2½ грив. Имѣніе въ 37 деревень, старый доходъ—9½ руб., 1 грив. и 2 д., оброкъ 5 руб. 2 грив. 1 д., но безъ обожной дани. Имѣніе въ 181 деревню, старый доходъ 10½ руб., 11 грив., 10½ денегъ, оброкъ 18 руб., 2½ грив., 1½ д., безъ обожной дани. Имѣніе въ 50 деревень, старый доходъ 4 руб. ½ грив., оброкъ—9½ руб. и 6 д. со включеніемъ обожной дани, такъ платили по первой описи, а по настоящей назначено 11 руб. съ причисленіемъ сюда и платы за рыбную ловлю. Имѣніе въ 74 деревни, старый доходъ—12 руб. 4½ грив.; оброкъ—11½ руб. 1½ грив. и 5 д. безъ обожной дани. I. 40, 130, 167, 177, 216, 394.

Что же это за общины, какъ онѣ велики? Каждое конфискованное имѣніе или, какъ тогда говорили, каждая волость и волостка составили особую общину. Были большія общины въ 50, 70, 100 и болѣе деревень, и маленькія въ 2—3 деревни. Иногда нѣсколько боярскихъ волостей соединялись въ одну волость великаго князя. На первыхъ порахъ онѣ, конечно, еще не завели того общиннаго хозяйства, которое составляетъ такую гордость нашихъ общинниковъ; это хозяйство явилось послѣдствіемъ нѣкоторыхъ другихъ правительственныхъ мѣръ, о которыхъ рѣчь будетъ на своемъ мѣстѣ. Но въ моментъ составленія вторыхъ описей, которыя находятся у насъ въ рукахъ, уже появились и земли и воды, которыми пришлось распоряжаться крестьянскимъ общинникамъ, и появилась необходимость распредѣлять между собою платежи съ этихъ земель и водъ ¹⁾.

¹⁾ Вотъ примѣръ новаго порядка крестьянскихъ платежей. Въ Вотской пятинѣ, въ погостѣ Никольскомъ-Будковскомъ, нѣсколько боярщинъ соединено имѣть въ одну волость. По описаніи отдѣльныхъ деревень съ обозначеніемъ стараго дохода, читаемъ: „И всего оброку положено на ту волость денгами и за хлѣбъ и за намістничъ корчъ 19 рублей съ полтиною и 4 гривны и полъ четверти денги, то и съ поземщикою, oprичъ обежныя дани“. А далѣе: „А пустошей и селищъ и луговъ въ той волости равныхъ же бояръ: (слѣдуетъ перечисленіе), а дани тое же волости крестьяномъ въ тотъ же оброкъ“. Наконецъ: „А великаго князя оброкъ въ той волости всѣхъ боярщинъ крестьяномъ, денги и хлѣбъ, разметывати межъ собѣ по пашнѣ“. III 278—291.

Здѣсь мы наблюдаемъ случаи: 1) созданія великимъ княземъ новой волости изъ разныхъ боярщинъ, 2) надѣленіе крестьянъ этой волости землями и угодьями прежнихъ бояръ, 3) обложеніе этихъ крестьянъ, которые прежде ничего не имѣли общаго,—оброкомъ въ общей суммѣ, который они должны сами раскладывать между собой по количеству воздѣлываемой каждымъ земли.—О равенствѣ воздѣлываемыхъ участковъ пока еще нѣтъ рѣчи. Но и это современнѣе придетъ.—До введенія этихъ новыхъ порядковъ, владѣльческія волости, а только такія и были, не имѣли никакихъ общихъ дѣлъ. Единственное общее дѣло, какое создавали себѣ волости въ старое время, состояло въ наймѣ пустыхъ деревень. Но и это встрѣчается чрезвычайно рѣдко. Мы замѣтили два случая и то въ монастырскихъ и церковныхъ волостяхъ. I 176, 210. Деревни же всегда имѣли одно общее дѣло: раскладку обожной дани. Обожная дань клалась на цѣлую деревню, а въ деревнѣ могли быть дворы, которые вели особое хозяйство, могли быть поземщики, которые хотя пашни не имѣли, но пользовались выгономъ, землей подъ огороды и дворы, а потому могли быть тоже привлекаемы къ платежу. Раскладка обожной дани составляла общее дѣло всей деревни. За указаннымъ исключеніемъ, мы отъ рѣшаемъ какія либо общія дѣла волостныхъ крестьянъ по землевладѣнію, а не по управленію вообще. Необходимо отягчать вопросы общаго управленія и землевладѣнія. Въ области управленія крестьяне, можетъ быть, имѣли какія-нибудь

Кромѣ оброчныхъ великаго князя крестьянъ, въ новгородскихъ пятинахъ появились въ то же время дворцовые крестьяне. Они называются такъ потому, что приписаны ко дворцу великаго князя и состояли въ особомъ управленіи. Ихъ вѣдалъ дворецкій, которому и сообщались переписныя книги этихъ крестьянъ. Вотъ почему дворцовыя земли и не описывались вмѣстѣ съ оброчными, съ отданными въ помѣстья и съ своеземцевыми землями.

Нѣкоторые изъ крестьянъ, приписанныхъ ко дворцу, существенно отличались отъ оброчныхъ. Это тѣ, которые работали на великаго князя, пахали на него особую пашню. До конфискаціи — барщина явленіе довольно рѣдкое. Съ конфискаціей барщина распространяется. Но она не освобождала крестьянъ и отъ оброка; они продолжали платить за хлѣбъ, т.-е. за прежній доходъ. У дворцовыхъ барщинныхъ крестьянъ возникло, такимъ образомъ, еще свое особое общее для всей крестьянской общины дѣло: распредѣленіе общихъ работъ. Но пашню пахали нѣкоторые только дворцовые крестьяне, другіе оставались на одномъ оброкѣ. А потому я дворцовые крестьяне называются „оброчными“. Какъ оброчныя, такъ и приписанныя ко дворцу населенныя крестьянами земли раздаются въ помѣстья ¹⁾.

Таковы нововведенія для крестьянъ, оставленныхъ великимъ княземъ за собой. Эти нововведенія были новостью для новгородскихъ крестьянъ, но не для крестьянъ великаго князя. Къ конфискованнымъ имѣніямъ эти нововведенія, конечно, давно уже привѣялись въ Москвѣ. Они не были выдуманы для Новгорода. Управленіе княжескими деревнями тѣмъ порядкомъ, какой существовалъ въ господскихъ имѣніяхъ, было очень неудобно: оно отличалось крайней сложностью

общія дѣла. Они могли участвовать на судѣ, избирать какихъ либо дѣловальниковъ и т. д. Но все это возможно и безъ повземельной общины.

¹⁾ Приводимъ нѣсколько выписокъ изъ рукописной книги дворцовыхъ волостей, содержаніе которой мы привели въ первой статьѣ.

4. А память тѣ крестьяне (дворцовые) на великаго князя 24 десятинами. А оброку на нихъ на обезную дань и за хлѣбъ 3¹/₂ руб. новгородскихъ.

36 об. Царя и великаго князя села и деревни дворцовыя, которыми царя и великаго князя пашутъ и которыми не пашутъ.

45 об. Въ Корытинской волости села и деревни великаго князя дворцовыя оброчныя.

251. Книги дворцовыхъ волостей Шедонской пятины писаны Мате. Ив. Валюева, лѣта 7007, которыми приписаны ко дворцу ново.

248. Обжи, приписанныя ко дворцу, пожалованы въ 7048 г. Лкову и Андрею Квашиннымъ къ ихъ старому помѣстью.

и очень затрудняло контроль. Правительству легче было имѣть дѣло съ общинами, чѣмъ съ отдѣльными хозяйствами. и оно, конечно, заимѣняло старый порядокъ новымъ, какъ только въ рукахъ его стала сосредоточиваться значительныя владѣнія. Поэтому первыя зародыши общинъ крестьянскихъ въ волостяхъ великаго князя могутъ восходить даже къ XIV вѣку.

Новгородскія дворцовыя села и деревни были очень удалены отъ Москвы. Это удаленіе должно было отразиться и на сборахъ съ нихъ; сборы эти были здѣсь очень упрощены. Въ дворцовыхъ имѣніяхъ, ближе расположенныхъ къ Москвѣ, она гораздо болѣе приближалась къ обыкновенному господскому доходу. Вотъ для примѣра доходъ съ дворцоваго имѣнія Тверского уѣзда: „А оброку крестьянамъ платити въ великаго князя казну, въ Дворцовый приказъ, 6 руб. и 7 алт. съ деугою, да носопнаго хлѣба 55 четьи ржи, 23 четьи овса; да мелкаго доходу платити во дворецъ: съ выти по барану, по полтю мяса свиного, по 2 сыра кислыхъ, по 2 гривенки масла коровья, по 2 куровъ, по 40 яицъ, по сожени дровъ, по копнѣ сѣна“ и т. д. II 293. Знакомая намъ картина. Московскій государь получаетъ со своихъ крестьянъ совершенно такой же доходъ, какой получали и цювогородскіе своеземцы. Тутъ и деньги и послѣ и мелкій доходъ, только исчисляется онъ иначе, онъ идетъ не съ деревень, а съ вытей. Но о вытяхъ рѣчь будетъ послѣ. Здѣсь же насъ интересуетъ только то, что и въ Москвѣ княжеское хозяйство конца XVI вѣка имѣетъ всѣ свойства новгородскаго боярскаго XV-го. Могло ли быть построено на вныхъ началахъ хозяйство московскихъ вотчинниковъ, тверскихъ и иныхъ удѣловъ? Это очень сомнительно. Домосковская старшина вездѣ одна и та же. Она далеко заходитъ и въ московское время.

Крестьянскія деревни могли пустѣть и въ силу права свободы крестьянскаго перехода и по другимъ причинамъ. Спрашивается, что дѣлали владѣльцы съ такими временно опустѣвшими деревнями? Пользованіе такими пустыми деревнями было очень различно. Иногда владѣльцы пахали ихъ на себя — наѣздомъ, т. е. не заселяя ихъ, а посылая на эти земли въ рабочее время своихъ людей. Такія извѣстія имѣемъ о помѣщикахъ, но то же, по всей вѣроятности, дѣлали и новгородскіе бояре ¹⁾. Случалось, что владѣльцы отдавали такіа де-

¹⁾ I 546—547, II 385, 797, 866.

ревни желающимъ крестьянамъ, которые тоже пахали ихъ наѣдомъ¹⁾).

¹⁾ I 546 и сл., II 488, 738.

Въ описи Деревской пятины находимъ такое извѣстіе: „Деревня Трофимова, дворъ Родивоичкѣ Прокошевѣ, пахать половину той деревни...; а другую половину той деревни пахать Якимко Лахновѣ наѣдомъ“ I 536. Якимко Лахновѣ снимаетъ въ этой же волости цѣлую деревню Федосьяно, гдѣ у него дворъ, въ которомъ онъ живетъ, и 3 коробки посѣва ржи. Но ему этого мало, и онъ снимаетъ еще полъ сосѣдней деревни. Новое доказательство того, что даже въ небольшихъ деревняхъ крестьяне ведутъ не общее, а разное хозяйство. И этого Лахнову мало. При описаніи слѣдующей деревни читаемъ: „Селѣнце Жатово и папуть его тѣ же крестьяне на разѣемъ“... Тѣ же крестьяне, Прокошевѣ и Лахновѣ, папуть деревню на разѣемъ. Это значить, деревня пуста и воздвѣивается жителями сосѣднихъ деревень „на разѣемъ“, т. е. кто себѣ что ваятъ. Это тоже панія наѣдомъ, ибо Лахновѣ живетъ въ дер. Федосьяно, а Прокошевѣ въ Трофимоноѣ, гдѣ у нихъ свои дворы. Лахновѣ и Прокошевѣ и въ дер. Трофимоно и въ селѣнцѣ Жатово ведутъ разное хозяйство, а не общее, и каждый изъ нихъ платитъ особо за наемъ земли, а между тѣмъ эта плата показана для обоихъ въ общемъ итогѣ. Ясное указаніе на то, что писцы складываютъ вѣстѣ разные хозяйства.

Г. Рожковъ въ своемъ трудѣ о сельскомъ хозяйствѣ Московской Руси высказываетъ такое мнѣніе о паніи наѣдомъ. „Пахать землю наѣдомъ значило эксплуатировать ее не расчетливо, хищнически, безъ правильного сѣвооборота, истощая почву. Что такое пониманіе этого выраженія правильно, это всего лучше доказывается отношеніемъ правительства къ наѣвжеи паніи: она вся причисляется въ писцовыхъ книгахъ къ илннѣ, лежащей въ пустѣ, не подлежащей обложенію налогами... Кромя того, нерѣдки и прямыя указанія источниковъ на пахоту наѣдомъ, какъ явленіе регрессивное съ хозяйственной точки зрѣнія. Ограничимся однимъ примѣромъ: по акту 1501 г. одинъ монастырь владѣлъ въ Переяславскомъ уѣздѣ 13 деревнями; эти деревни „запустѣли небреженіемъ орехныхъ глуменовъ, потому что прежніе глумены тѣ монастырскія земля пораводвали въ оброкъ приказнымъ людямъ, соколышникамъ и конюхамъ; и тѣ приказные люди тѣ деревни пахали наѣдомъ и отъ того тѣ ихъ села и деревни поваяпустѣли“ 64.

Все это разсужденіе, хотя оно пошло уже въ научный оборотъ и приводится въ назиданіе читателя почтенными критиками г. Рожкова, есть плодъ недоразумѣнія, простирающагося отъ неправильнаго пониманія источниковъ. „Панія наѣдомъ“ вовсе не обозначала нѣкотораго регрессивнаго способа обработки земли. Крестьянинъ Лахновѣ, конечно, совершенно такъ же обрабатывалъ землю въ дер. Трофимоно и Жатово, какъ и въ дер. Федосьяно. Разница въ томъ, что дер. Федосьяно онъ снималъ цѣликомъ и тамъ жилъ, а въ двухъ другихъ деревняхъ онъ бралъ только участки земли и тамъ някто не жилъ, онъ былъ пустынъ, а потому и могли быть разобраны по частямъ и воздвѣиваемы наѣдомъ. Деревни запусѣли не потому, что тамъ было регрессивное хозяйство, а потому что крестьяне ушли. Регрессивное же хозяйство могло быть и не въ пустыхъ деревняхъ, а при пачности крестьянъ, если они плохо воздвѣивали землю. Къ паніи, лежащей въ пустѣ, писцы причисляютъ не плохо воздвѣиванную, а не населенную:

Духовныя учрежденія также отдавали пустыя деревни крестьянамъ ¹⁾).

Это все, надо полагать, новгородская старина. Новость, можетъ быть, представляетъ слѣдующій случай. Кн. Юр. Конст. Оболенскій между разными волостками получилъ и волостку Кузьмы Перебатаго; въ одной изъ деревень этой волостки прежде жилъ самъ Кузьма. Она не понадобилась князю Оболенскому для житья, и онъ велѣлъ пахать ее на себя „згономъ крестьянъ“ I 356. Половину другой деревни пахалъ на себя наѣдомъ крестьянннъ той же волостки. Это, впрочемъ, единственный случай, гдѣ мы встрѣтили „згонъ“ крестьянъ. Не надо ли подъ згономъ понимать крестьянскую „помочь“ и теперь хорошо извѣстную?

Второй способъ извлеченія дохода землевладѣльцами заключался въ сдачѣ небольшихъ участковъ земли подъ дворы лицамъ, не занимавшимся хлѣбопашествомъ. Такими сьемщиками были люди очень разныхъ профессій и очень различнаго соціального положенія. Мы встрѣчаемъ здѣсь торговыхъ людей и разныхъ промышленниковъ и ремесленниковъ: рыболововъ, епанечниковъ, кузнецовъ, кровопуска, солеваровъ, сапожниковъ, а рядомъ съ ними и людей, не имѣвшихъ никакого опредѣленнаго занятія, напримѣръ, казаковъ ²⁾. Такъ какъ эти люди занимались своими промыслами и ремеслами, а не хлѣбопашествомъ, то въ писцовыхъ книгахъ они, обыкновенно, обозначаются подъ именемъ „непашенныхъ людей“, при чемъ не всегда,

она могла быть и хорошо воздѣлываема, да теперь брошена и не населена. „Приказные люди пахали монастырскія деревни наѣдомъ и отъ того они залустѣли“. Совершенно вѣрно, но только это значить не то, что думаетъ авторъ. Приказные люди вали на оброкъ уже пустыя деревни и не перѣхали въ нихъ жить, такъ какъ они имѣли уже опредѣленное мѣсто жительства; они наѣзжали только для обработки земли. Вотъ что значить деревни „позанустѣли“. Этого бы не случилось, если бы они поселили тамъ крестьянъ, хотя бы эти крестьяне работали и хуже приказныхъ людей, пахавшихъ наѣдомъ.—Почтовый авторъ очень далеко отъ пониманія тѣхъ отношеній, изученіе которыхъ избралъ своей спеціальностью.

¹⁾ Архангельскіе поны, которымъ принадлежали двѣ волости Смерда, въ одной изъ нихъ сдавали пустую деревню крестьянину сосѣдней деревни, Исаку Ескину; тутъ же обозначенъ и доходъ, который они получили съ него; а въ другой волости сдавали 8 пустыихъ деревень—всей волости. I 504, 176. Воскресенскій монастырь сдавалъ въ небольшой волости въ 7 деревень — одну пустую деревню тоже всей волости. I 210. Вязитскій-Никольскій монастырь сдавалъ свою пустошь не всей волости, а двумъ деревнямъ III 56.

²⁾ I 427, 816; II 686, 751; IV 125, 536; *Временникъ* XI 33—42, 180, 841.

однако, говорятся, чѣмъ же собственно они занимаются; даже чаще не говорятся. Ихъ отличительная черта въ томъ, что они непашенные люди. Занятіе же какимъ либо ремесломъ или промысломъ не составляло существеннаго ихъ признака. Тѣми же промыслами и ремеслами занимаются и пашенные крестьяне. Среди нихъ мы даже звѣтили болѣе разнообразіе ремеслъ; между крестьянами мы встрѣтили: кузнецовъ, бочечниковъ, швецовъ, ведерниковъ, гончаровъ, овчинниковъ, деготниковъ, лучниковъ, сѣдельниковъ, ящичковъ и домниковъ (отъ домница—печь). Полагаемъ, что это различіе случайное. Писцамъ не было надобности обозначать, чѣмъ именно занимается пашенный или непашенный человѣкъ. Непашенный человѣкъ болѣе чѣмъ пашенный нуждался въ какомъ-нибудь промыслѣ, ибо онъ долженъ былъ и прокормить себя и заплатить за наемъ земли, а между тѣмъ писцы весьма рѣдко обозначаютъ этотъ промыселъ.

Включая въ себя съ одной стороны торговцевъ, рыболововъ, соледобытчиковъ и подобныхъ имъ, а съ другой — казаковъ, не имѣвшихъ опредѣленныхъ занятій и существовавшихъ, можетъ быть, сельскими работами на сосѣднихъ господскихъ и крестьянскихъ земляхъ, непашенные люди представляли очень пестрый классъ; между ними были и весьма состоятельные и очень бѣдные. Въ писцовой книгѣ Шелонской лятяны читаемъ: „Да за Митею же (помѣщикъ, Татищевъ) живутъ худые люди безъ пашни, на поземѣ: дворъ Якушъ Степановъ, сапожникъ, дворъ Ивашка Минихъ, казакъ, дворъ Лукерка проскурница“. Въ обществѣ, гдѣ всѣ ходятъ въ лаптяхъ или на босу ногу, сапожникъ, конечно, не могъ очень разбогатѣть.

Но худые или ибѣ были непашенные люди, они всѣ платили владѣльцу за наемъ земли; эта плата носила наименованіе поземы. дворы ихъ — назывались поземнями, а сами они поземщиками (III 279, 290). Плата, обыкновенно, опредѣлялась деньгами и съ каждаго двора особю, но приводилась въ итогахъ для всѣхъ дворовъ. Худые поземщики помѣщика Татищева платили ему за 3 двора 7 денегъ. А были и хуже ихъ: Феоклѣ Марковой поземщики платили по 1 деньгѣ съ двора (1508). Помѣщику Ст. Порховскому четырнадцать дворовъ платили поземы 4 гривны 6 денегъ, съ двора по 4¹/₂ деньга; это уже значительная плата. Надо думать, что у этихъ поземщиковъ былъ же какой-нибудь промыселъ, а писцы вовсе не нашли нужнымъ сказать, чѣмъ они занимались, III 424. Фил. Логиновъ, торговый человѣкъ, сѣлъ на церковной землѣ безъ пашни; за свой дворъ онъ платилъ

попу позему двѣ гривенки темьяну; да еще съ ридовичами, что на рѣкѣ на Ижорѣ, давалъ въ нихъ оброкъ двѣ денги. Врем. XI 341. У Феодоры, жены Вас. Глазоемцева, въ одной деревнѣ, кромѣ крестьянъ, было 4 безпашенныхъ двора, въ которыхъ жили кузнецы. Они платили за дворы 5 грив. 10 денегъ, съ двора по 1 грив. 6 денегъ. Крестьяне той же деревни, съ поствомъ въ 5 коробей на дворъ, платили съ двора только на 9—10 денегъ больше этихъ безпашенныхъ людей (III 503). Кузнецы, жившіе въ деревнѣ г-жи Глазоемцевой, были очень зажиточные люди, богаче многихъ крестьянъ.—Поземщики занимались иногда и пашней. Въ Деревской пятницѣ, на погостѣ у св. Егорія, на землѣ, конфискованной великимъ княземъ у Ивана Маркова, было 8 дворовъ поземщиковъ, за эти дворы они платили великому князю поземъ. Но кромѣ того, они пахали соседнее селище на разъемъ, т.-е. сколько кому было нужно. I 412.

Для полноты картины замѣтимъ, что поземщики въ обжи не клались; это потому, что въ обжи кладется пахатная земля, а они люди не пашенные. Но это не значить, что они не несутъ повинностей. Въ писцовыхъ книгахъ о поземщикахъ — рыболовахъ не разъ говорится, что они обложены оброкомъ на великаго князя „за обежнюю дань“¹⁾.

Изъ того, что писцовыя книги не всегда говорятъ о платежѣ безпашенными людьми оброка вмѣсто обежныхъ денегъ, еще не слѣдуетъ, что они не участвуютъ въ платежѣ этихъ денегъ. Обежные деньги платила деревня, и деревенскіе дворы, конечно, сами распределяли между собой эту тягость. Дворы безпашенные стояли на земляхъ деревни, пользовались выгонами и, разумеется, имѣли ого-

¹⁾ *Временникъ* XI 33, 42; XII 74.

На стр. 341 *Временникъ* XI читаемъ: „Великаго князи рядокъ у Клетей, на рѣкѣ на Ижорѣ, отъ Новы 7 верстъ, а живутъ въ немъ торговые люди, пашни у нихъ нѣтъ (идеть перечисленіе 8 дворовъ), а оброку давали по старому писму 12 грив. А новаго оброку положено на нихъ за обежнюю дань и за наѣстничъ кормъ полтина“.

На 181 стр. *Временника* XII непашенные рыболовы положены въ луки, а луки тѣ же обжи.

Въ Шелонской пятницѣ въ погостѣ Опоцкомъ на конфискованной великимъ княземъ у Ростокина монастыря землѣ сидѣло 12 дворовъ не пахотныхъ людей. Они промышляли торговь и извозомъ. Еще до конфискаціи за дворы они платили въ монастырь поземъ, а за промыслъ давали великому князю 2 гривны. IV 182.

роды. Нѣкоторые изъ поземщиковъ были богаче крестьянъ. Почему бы такіе сравнительно богатые люди не привлекались однопоселенцами къ участию въ платежѣ обожной дани? Такъ какъ безпашенные рыболовы съ своихъ промысловъ платили даже особый оброкъ вмѣсто обожной дани, то мы не видимъ причины, почему бы пашенное населеніе деревни должно было освобождать достаточныхъ владѣльцевъ непашенныхъ отъ участія въ уплатѣ обожной дани. Между непашенными были и очень бѣдные; если эти „худые люди“ и не привлекались къ платежу обожной дани, что возможно, это не составитъ все-таки отличительнаго признака безпашенныхъ людей, такъ какъ и крестьяне освобождались отъ тягла, если приходили въ худое состояніе.

Московскіе писцы половины XVI вѣка, переписывая тѣ же новгородскія земли, начинаютъ наряду съ „непашенными людьми“ и „поземщиками“ употреблять новое слово „бобыли“. Что бобылями они называютъ тѣхъ же непашенныхъ людей, это видно изъ того, что ихъ бобыли, какъ и поземщики, даютъ господамъ „поземь“ (IV 288, 293). Но такъ какъ въ этихъ позднѣйшихъ книгахъ доходъ по деревнямъ не указывается, а только въ итогахъ, то и о бобыляхъ въ большинствѣ случаевъ говорится коротко: а бобылей дворовъ столько то, безъ пашни. Итакъ, бобыль это новое московское наименованіе для тѣхъ же безпашенныхъ людей, которые называютъ землю подъ двору. Среди этихъ бобылей мы встрѣчаемъ знакомыхъ уже намъ кузнецовъ, рыболововъ и пр. (IV 416, 478, 509).

Эти позднѣйшія книги даютъ возможность нѣсколько пополнить наши свѣдѣнія о непашенныхъ людяхъ. Между ними и теперь есть люди достаточные. Опоцкому монастырю бобыли платятъ по 1 грив. съ двора. Эти монастырскіе бобыли люди не пашенные, но они берутъ у монастыря землю изъ оброка и пашутъ ее наѣдомъ¹⁾. Это значитъ, что они живутъ не на нанятой землѣ, а въ монастырской деревнѣ; а на взятую въ оброкъ землю только наѣзжаютъ для сельскихъ работъ. То же дѣлаютъ и крестьяне, приваивая землю въ чужихъ деревняхъ; по занятіямъ бобыли, иногда, тѣ же крестьяне. Чѣмъ занимаются монастырскіе бобыли въ деревнѣ, гдѣ живутъ, этого, къ сожалѣнію, писецъ не говоритъ.

Изъ только что приведеннаго свидѣтельства видно, что бобыли

¹⁾ Неволлинъ, О пятинахъ и погостахъ, Прилож. стр. 116.

занимаются пашней; а съ другой стороны, конечно, и крестьяне могут нанимать дворовыя мѣста, оставаясь крестьянами ¹⁾).

Въ писцовыхъ книгахъ московскихъ уѣздовъ XVI вѣка встрѣчаемъ оба термина, и непашенныхъ людей и бобылей. Подъ этими названіями появляются тѣ же ремесленные и промышленные люди, что и въ Новгородѣ: швенцы, сапожники, кузнецы, пастухи, калачники, земскіе дьячки и даже кабатчики, а между ними и бѣдныя вдовы.

Въ описяхъ дворцовыхъ крестьянъ XVI вѣка встрѣчаемъ указанія и на обложеніе непашенныхъ людей повинностями. Напримѣръ: „С. Борки... дворъ непашенный, а живетъ въ немъ сапожникъ, а оброку съ него въ годъ гривна, пошлать денга“ II 313. При описаніи села Лотошина Микулинскаго уѣзда находимъ и любопытное разъясненіе порядка обложенія непашенныхъ людей: „и писцы... тѣ непашенные дворы пооброчили, потому что въ сошномъ писмѣ не пригодились, а прежде сего были въ оброкѣ жъ, а платили оброку на годъ по 46 алтынъ по 4 денга, а нынѣ оброку имъ платити въ великаго князя казну, въ Дворцовой Приказъ, за ямскія и за приметныя денги, и за мелкій доходъ, и за нынѣ за всякія подати на годъ по 2 руб. и по 13 алт. и по 5 ден., съ двора по гривнѣ, да пошлать дворецкаго и дьячихъ 4 алт. съ полуденгоѣ, съ рубля по 10 ден.; а съ волостными имъ людьми, съ пашенными крестьяны, съ селчаны и съ деревенщички, не тянути... а разводити имъ тотъ оброкъ межъ себя самимъ по животомъ и по промысловъ и по дворомъ“. II 335. На бобыляхъ лежать и ямскія и приметныя денги и нѣкоторыя другія подати, какъ и на крестьянахъ, но раскладываются иначе: не по сохамъ, ибо у нихъ вѣтъ земли, а по животамъ, и промысламъ, и по дворамъ. Полагаемъ, то же дѣлалось и въ Новгородѣ съ обожною данью. Это дѣлается и въ XVII вѣкѣ. По Сотной

¹⁾ Любопытное указаніе на такое соединеніе крестьянства и бобыльства въ одномъ лицѣ находимъ въ напечатанной В. Н. Сторожевымъ Сотной грамотѣ дворцоваго села Вологодскаго уѣзда 1593 года. Тамъ описаны сперва пашенные крестьянскіе дворы; въ числѣ владѣльцевъ одного такого двора показанъ Олешка Терештьевъ. „А затѣмъ идетъ описаніе дворовъ, мѣстъ дворовыхъ и огородовъ, но безъ пашни. Одно такое мѣсто дворовое и одно мѣсто огородное показаны за тѣмъ же Олешкой Терештьевымъ. Онъ въ одно и то же время и крестьянинъ и бобыль. Волог. Губ. Вѣд. на 1898 г. № 23. Въ этой Сотной рѣчь идетъ о непашенныхъ дворахъ, съ нихъ берутъ ноземъ, терминъ бобыль не употребляется, все это—какъ въ Новог. писц. книгахъ конца XV вѣка. Я никогда не видалъ Волог. Губ. Вѣд. и, конечно, ничего бы этого не зналъ, если бы почтенный В. Н. Сторожевъ любезно не сообщилъ мнѣ оттиска напечатанной имъ грамоты.

1627 года крестьянамъ черныхъ волостей предписывалось верстаться „по пашнѣ и по угодыю“, а бобылямъ „по промысловъ и по животомъ“. Неволинъ, Прилож. 131.

Но почему писцы XVI вѣка стали замѣнять старые термины, непашенные люди и изземщики, совершенно опредѣленные и ясные, новымъ—бобыли, и что значить бобыль? Бобыль и въ старину, конечно, имѣлъ то же значеніе, что и теперь, это — одинокій, бѣдный человѣкъ. Примѣненіе такого термина для обозначенія непашенныхъ людей вообще — свидѣтельствуетъ о нѣкоторой неточности писцовъ XVI вѣка. Непашенные люди не были же непремѣнно одиночками; они, конечно, имѣли семьи, а многіе изъ нихъ были богаче крестьянъ. Какъ же пришли писцы къ такому не совсѣмъ правильному обобщенію? Писцы были московскіе люди, а потому возникаетъ вопросъ, не имѣло ли какого особаго значенія въ Москвѣ слово бобыль? На этотъ вопросъ пролипають довольно яркій свѣтъ документы, напечатанные г. Дьяконовымъ въ I выпускѣ Актовъ, относящихся къ исторіи тяглаго населенія въ Московскомъ государствѣ. Эти документы составлены въ XVII вѣкѣ, по порядку, о которомъ они свидѣлствуютъ, не новый, а старыи; они говорятъ намеками объ отношеніяхъ вѣсѣмъ хорошо извѣстныхъ и, конечно, давно установившихся. Мы имѣемъ въ виду лорядныи въ бобыли. Это удивительнѣйшіе документы.

Въ Москвѣ человѣкъ могъ сдѣлаться по договору бобылемъ, въ бобыли тамъ поступаютъ, и для этого даютъ на себя „бобыльскую оброчную записъ“, по которой обязываются „жить въ оброчныхъ бобыляхъ“, вести себя тихо, смирно, корчмы не держать и т. д., бобыльской оброкъ платить и государевы всякія подати, по раскладу, тоже платить, и „всякое сдѣлье бобыльское съ бобыли дѣлать вмѣстѣ“ № 35, 1644 годъ.

Ясно, московскій бобыль совсѣмъ не то, что новгородскій поземщикъ. Тотъ занимаетъ подъ дворъ землю, на которой и живетъ, вотъ и все; онъ съемщикъ участка земли подъ дворовое строеніе. Московскій бобыль обязывается всякое сдѣлье дѣлать и оброкъ еще платить. Это не наемъ участка земли, а поступленіе въ услуженіе да еще съ обязанностию платить оброкъ. До сихъ поръ все ясно. Но тутъ же начинается и неясность. За что бобыль обязывается и служить и платить? Объ этомъ ни слова ни въ одной порядной! Сколько онъ долженъ платить оброку? — тоже не говорится. Какое онъ долженъ дѣлать сдѣлье? Въ приведенной порядной и объ этомъ

ничего не сказано. „Съ бобыли дѣлать виѣсть“, вотъ какое сдѣлье. Намъ это непонятно; а тогда это было всѣмъ понятно и потому, конечно, что дѣло шло объ отношеніяхъ давно сложившихся, которыя и надобности не было опредѣлять ближе.

Удивительныя отношенія: всѣ обязанности на сторонѣ бобыли, а на сторонѣ господина только права. Положеніе хуже кабальнаго. Тотъ получаетъ деньги, а за $\frac{1}{10}$ съ нихъ обязывается только служить; бобыль ничего не получаетъ, за то обязывается и служить и оброкъ платить и безсрочно; но господинъ не обязывается его держать, стало быть можетъ прогнать, когда захочетъ.

Другія порядныя прибавляютъ къ указаннымъ новыя черты. Изъ № 37 узнаемъ, что бобыль живетъ у господина во дворѣ. Это много разъясняетъ. Бобылю, значить, даютъ пристанище, его кормятъ, одѣваютъ. Но виѣсть съ тѣмъ онъ еще далѣе отходить отъ новгородскаго поземщика. Жить во дворѣ господина, значить жить на чужихъ хлѣбахъ; новгородскіе же поземщики, хотя живутъ на чужой землѣ, по своимъ хозяйствомъ. Для помѣщенія московскихъ бобылей у господъ при ихъ дворахъ были особые бобыльскіе дворы, въ которыхъ бобыли и жили (№ 23). Отсюда, виѣсто того, чтобы сказать „бью челомъ въ бобыли“, можно было сказать: „бью челомъ во дворъ“. Такъ и говоритъ Федька Ивановъ, сынъ крестьянскій, что онъ „билъ челомъ во дворъ ко князю Ивану Елецкому“, а изъ послѣдующаго видно, что онъ порядился къ нему въ бобыли. № 51. Изъ того же № узнаемъ, что бобыли дѣлаютъ „пашенное и всякое господское дѣло“. Итакъ, московскій бобыль слуга въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова: онъ и пашеть, и косить, и лошадей стережетъ, и во дворѣ служить и т. д., онъ дѣлаетъ всякое господское дѣло, а дѣлу этому конца нѣтъ. Какъ же онъ еще оброкъ платить? Откуда взять денегъ на оброкъ, если все время отдано господину, а самъ бобыль ничего не имѣетъ: живетъ въ господскомъ дворѣ и ѣсть господскій хлѣбъ? Въ № 51 находимъ выраженіе, которымъ можно воспользоваться для отвѣта и на этотъ—практически чрезвычайно трудный вопросъ.

№ 51 очень сложенъ по содержанію. Федька Ивановъ, поступившій уже въ бобыли къ князю Ив. Елецкому, бьетъ ему челомъ во крестьяне, на крестьянскій участокъ, и по этому поводу говоритъ: „А пока мѣста я, Федька, за нимъ, за князь Ивановъ, живу въ бобыляхъ... и пойду отъ него, князя Ивана, изъ двора, и мнѣ, Федькѣ, давать

на всякъ годъ зъ бобыльства по полтянѣ денегъ оброку за пашенно и за всякое ево дѣло". Это все объясняетъ.

Оброкъ является здѣсь только въ видѣ неустойки на тотъ слу чай, когда бобыль уйдетъ со двора господина и перестанетъ на него работать. Теперь понятно. Итакъ, условіе объ оброкѣ, который бобыль обязывается платить, въ дѣйствительности есть только предоставленіе господину права, въ случаѣ ухода бобыля, требовать съ него еже годной платы! Это неустойка, но въ формѣ чрезвычайно невыгодной для бобыля. Она даетъ господину право сдѣлать изъ бобыля все, что угодно: онъ можетъ заставить его работать, а можетъ и на оброкъ посадить, а можетъ требовать и того и другого.

Надо думать, что на такихъ условіяхъ въ бобыли поступали очень бѣдные люди.

Но въ бобыли поряжаются и мастеровые. Въ 1649 году къ Бог Ив. Самарину порядился нъ бобыли Ив. Ивановъ, портной мастеръ. Его порядная интересна въ томъ отношеніи, что въ ней приняты нѣкоторыя мѣры къ огражденію правъ бобыля. Онъ обязывается „за оброкъ“ шить четыре недѣли въ году, съ Покрова Богородицы, въ Самарина и его сына. Оброкъ здѣсь замѣненъ работой и совершенно опредѣленной не только по роду и времени, но даже и по лицамъ въ пользу которыхъ работа совершается: онъ шьетъ только на Самариныхъ, отца и сына. Затѣмъ бобыль выговариваетъ себѣ свободу промышлять, гдѣ желаетъ „руководляемъ портнаго мастерства“. № 45 И здѣсь не сказано, за что онъ будетъ четыре недѣли работать нъ Самарина. Но ясно, что и онъ работаетъ вмѣсто оброка, т. е. если не будетъ работать, то долженъ будетъ платить оброкъ. Оброкъ— опять неустойка.

Порядная другого портного, а вмѣстѣ съ тѣмъ и плотника, написана безъ всякихъ оговорокъ какихъ-либо его правъ: онъ обязывается и оброкъ платить и всякое сдѣлать съ бобылями дѣлать. № 36

Вотъ что такое московскіе бобыли. Это слуги, находящіеся въ худшемъ положеніи, чѣмъ кабальные люди. Но есть и черта сходства между ними. Кабальные, въ силу указовъ конца XVI вѣка остаются въ зависимости только по смерти господина. Тоже и бобыли. Они даютъ „бобыльскую оброчную записъ“ извѣстному лицу и, конечно, со смертью его освобождаются отъ принятыхъ обязательствъ. Тутъ нѣтъ займа, а потому нѣтъ и основанія оставаться въ зависимости отъ наследниковъ.

Надо теперь выснить, что же заставляетъ московскихъ бобылей

ставить себя въ такія тяжелыя условія? Причины этому разныя, по разлічію людей, поступающихъ въ бобыли. Въ бобыли поступаютъ бѣдные люди, которымъ пить, ѣсть нечего;—и не бѣдные, напримѣръ, ремесленники, которые могутъ себя прокормить. Бѣдные люди, по безвыходности своего положенія, поступаютъ на полную волю господина. Но они сами выбираютъ господина; они знаютъ, къ кому поступаютъ; они, стало быть, имѣютъ увѣренность, что за избраннымъ господиномъ имъ будетъ все же лучше, чѣмъ на свободѣ. Вотъ почему они и отдаются на всю его волю.

Въ другомъ положеніи ремесленные и мастеровые люди. За что они продаютъ свою свободу? Какъ люди ремесленные, а не пашенные крестьяне, они принадлежатъ, по всей вѣроятности, къ какому-нибудь ряду, посаду, городу и должны нести всѣ повинности наряду съ посадскими, денежныя и натуральныя; эти послѣднія повинности, состоявшія въ службахъ по кабацкимъ таможеннымъ дѣламъ и пр., были очень обременительны. Поступая на службу частнаго господина, бобыли не освобождаются отъ платы государевыхъ податей и, какъ мы видѣли, въ своихъ записяхъ берутъ на себя обязанность платить ихъ по раскладкѣ, но они уходятъ отъ службъ. Вотъ за что надо думать, портной Иванъ Ивановъ принимаетъ на себя обязанность работать на гг. Самаринныхъ четыре подѣли въ году. Остальное время у него все свободно; его не пошлютъ ни въ рогаточныя сторожа, ни въ кабацкіе цѣловальники, ни въ таможи, ни въ проходники съ подводами и т. д. потому, что онъ живетъ въ бобылахъ въ господскомъ дворѣ.

Мы имѣемъ еще одинъ удивительнѣйшій документъ. „Три посадскихіхъ человека города Ярославля поручились въ томъ, что бобыль стряпчаго Лар. Андр. Адищева, Ѧома Матвѣевъ, будетъ, за ихъ порукою, жить въ Ярославлѣ, никуда не съѣдетъ, ни за кого не заложится, а господину своему (Адищеву) будетъ платить по шести рублей оброку въ годъ“ № 65. Онъ будетъ платить за то, что будетъ жить въ Ярославлѣ! Чистѣйшій обходъ закона и ничего больше. Бобыль Ѧома Матвѣевъ будетъ жить въ Ярославлѣ, дѣлать все, что ему угодно, но какое онъ будетъ тянуть тягло и по какой раскладкѣ будетъ платить государевы подати, это не будетъ зависеть отъ ярославцевъ, потому что онъ бобыль Адищева. Вотъ за что онъ будетъ платить стряпчему Адищеву шесть рублей ежегодно. Надо полагать, въ этомъ бобыльствѣ скрывается запрещенный институтъ закладничества.

Съ прикрѣпленіемъ крестьянъ и съ развитіемъ барщины, которая

въ XVII вѣкѣ должна была сдѣлать большіе успѣхи, было подожжено начало къ совершенному смѣшенію крестьянъ съ бобылями: бобыль панеть на господина и крестьянинъ дѣлаеть то же. Послѣдствіемъ этого явились порядки въ бобыли и въ крестьяне безразлично. Въ 1645 году архієпископскій стряпчій „положилъ передъ владыкой порядную запись и поставилъ за записью жонку, вдову съ дѣтьми, и сказалъ: та вдова съ дѣтьми порядилась жить въ Троицкой вотчинѣ въ бобыляхъ или во крестьянѣхъ, гдѣ ей великій госнодинъ преосвященный псковскій и изборскій укажетъ“ № 34, 1645. А вотъ еще документъ. Старинный крестьянинъ рядится на старую свою деревню въ бобыли и обязывается пашню пахать, пожни косить, подати государевы платить и т. д., все, какъ крестьянинъ. А въ концѣ говорить: „и впредь я въ бобыльствѣ и во крестьянствѣ крѣпокъ“ № 18, 1630. Въ силу развитія господской власти уже въ половинѣ XVII вѣка теряется различіе между крестьяниномъ и бобылемъ: господинъ можетъ сдѣлать изъ бобыля крестьянина, а изъ крестьянина бобыля. А такъ какъ непашенные люди подати платять не съ сошного письма, а по животамъ и промысламъ, а эти животы и промыслы могутъ быть у бобылей очень невелики, то господамъ при переноси выгодно показывать крестьянъ бобылями. Правительство обратило на это вниманіе еще въ началѣ XVII вѣка и въ дозорныхъ книгахъ 1628 года предписывало новоприбылыхъ крестьянъ и бобылей класть въ живущее тягло и въ четвертиную пашню „кому на чемъ мочно впредь жити и государевы всякія подати платити“. Невольникъ, Приложение 375.

Московское бобыльство оказывается явленіемъ весьма сложнымъ. Почему же новгородскіе писцы XVI вѣка стали такъ называть поземщиковъ? Надо думать, что въ жизни между тѣми и другими были черты сходства. Юридически это два совершенно разныхъ состоянія: поземщики панимають небольшіе клочки земли, московскіе бобыли суть слуги, они обязываются ко всякимъ услугамъ и къ платежу оброка. Бѣдные новгородскіе поземщики, жившіе въ господскихъ деревняхъ, по всей вѣроятности, занимались въ работы сельскія и всякія другія къ владѣльцамъ земли. Эти работы дѣлались по особому договору, а не въ силу того, что поземщики снимали небольшіе участки земли, но тѣмъ не менѣе они работали на господина. Вотъ фактъ, сближающій поземщиковъ съ московскими бобылями. Въ виду такого чисто лнѣшняго сходства, московскіе писцы и примѣняли къ непашеннымъ людямъ терминъ бобылей.

Наконецъ, укажемъ и на то, что въ XVII вѣкѣ слово бобыль

употреблялось и въ обыкновенномъ разговорномъ смыслѣ бѣдняка, которому ѣсть нечего. О такомъ бобылѣ говорятъ дозорныя книги Деревской пятины 1620 г., онъ „кормился въ мирѣ“¹⁾.

Выяснивъ положеніе бобылей въ XVII вѣкѣ, остановимся ближе на двухъ-трехъ записяхъ писцовыхъ книгъ XVI-го. Изъ нихъ можно видѣть, что бобыли XVII вѣка существовали въ Новгородѣ и въ Москвѣ уже въ XVI. Въ описаніи сельца Гористова, гдѣ жили сами помѣщики, братья Шишкины, читаемъ: „А бобылей: дворъ челоуѣкъ ихъ, дьякъ Семенка, дворъ Ивашко поварь, безъ пашни“. Что это за бобыли? Это несомнѣнно прислуга Шишкиныхъ, ихъ дьякъ и поварь; но они не рабы, а свободные люди, бобыли; полагать надо, они поступили въ бобыли, дали на себя оброчную бобыльскую запись. У помѣщика Пустошкина также въ деревнѣ, гдѣ онъ самъ жилъ, были 2 двора „людей его: дворъ челоуѣкъ его Васюкъ, дворъ Власка бобыль“. Люди—это холопы, челоуѣкъ Васюкъ—холопъ; Власка же отмѣченъ зпятаемъ бобыль, онъ, слѣдовательно, не холопъ, а служить по бобыльской записи; но такъ какъ онъ „слуга“, то писцы и его отнесли къ разряду „людей“ помѣщика.

Въ описи села великаго князя Семена Бекбулатовича Тверского, гдѣ онъ самъ жилъ, читаемъ: „за ручьемъ пять дворовъ: сокольника, мельника, тонкопрядицы, конюха, разсылщика, а живутъ въ крестьянскихъ дворѣхъ, а пашня тѣхъ дворовъ была принищена въ великаго князя пашню“. Это тоже непашенные люди; они бобылями не названы, но они тоже слуги великаго князя, хотя и не были его холопами.

¹⁾ У Неволлина, 369.

Непашенные дворы бобылей упоминаются еще и въ описяхъ XVII вѣка. И. Н. Миклашевскій дѣлаетъ извлеченіе изъ описи Успенскаго монастыря (1652), въ которой упоминаются „58 дворовъ непашенныхъ бобылей“ и въ ихъ числѣ дворян: иконника, чеботарей, гончаровъ, кожевниковъ, бондарей, овчинника и даже мясника, 136. Трудно сказать, кто это, непашенные люди въ смыслѣ помещиковъ, или московскіе бобыли-слуги. Скорѣе послѣднее. Но въ описяхъ даже конца XVII вѣка можно встрѣтить бобылей совершенно въ смыслѣ новгородскихъ помещиковъ конца XV. Въ переписной книгѣ Толуйскаго погоста 1671 года читаемъ: „Деревня Николщина, а въ ней живутъ бобыли меншеные (2 двора), пашни нѣтъ, кормится работою“. Изданіемъ новгородскаго быта конца XV вѣка безъ всякихъ измѣненій доживаютъ до конца XVII. Московскіе писцы называютъ ихъ только своимъ словомъ, это бобыли, а въ старину писали непашенные люди. А. до Ю. Б. № 139, стр. 242. Приведенное свидѣніе беретъ въ описи земель Никольскаго Вязицкаго монастыря, которымъ въ 1671 г. были конфискованы на великаго государя. Конфискація новгородскихъ земель продолжается и въ концѣ XVII вѣка.

На какомъ же основаніи они служатъ? Можно думать, тоже по бобыльской записи ¹⁾. Въ описи Шелонской пятины конца XVI вѣка (1581) находимъ свидѣтельство о томъ, что на монастырской землѣ было дворовъ безопасныхъ 24 двора, что они даютъ оброкъ съ двorca по гривнѣ, а дѣлаютъ въ монастырь пять дней въ году. Здѣсь и оброкъ и дѣло, какъ въ XVII вѣкѣ, но дѣло очень небольшое. Эти бобыли гораздо ближе къ поземщикамъ XV вѣка, чѣмъ къ московскимъ бобылямъ XVII. Невелики, Приложение 116.

Для пополненія этой небольшой картины стариннаго сельскаго хозяйства, необходимо остановиться нѣсколько ближе на его дѣятельяхъ. Мы уже знаемъ, что собственное хозяйство новгородцевъ и, въ значительной мѣрѣ, новыхъ владѣльцевъ—велось, главнымъ образомъ, руками холоповъ. Чтò такое холопы и каково ихъ положеніе, объ этомъ была рѣчь въ другомъ мѣстѣ. Здѣсь насъ интересуетъ вопросъ о числѣ холоповъ и ихъ деревенской дѣятельности. Новгородскіе сведенные бояре и бояришки увели съ собою изъ Москву своихъ людей, а потому писцовыя книги не сохранили свѣдѣній ни о числѣ ихъ, ни о дѣятельности. Описывая старое, они говорятъ коротко: „жилъ такой-то съ своими людьми“, или „на такого-то нахали его люди“, да, при перечисленіи стараго дохода, приводятъ доходъ ключниковъ, вотъ и все. Боле подробныя свѣдѣнія даютъ они о людяхъ новыхъ владѣльцевъ. Мы имъ и воспользуемся; существенныхъ различій тутъ быть не можетъ.

Наша древность отличается чрезвычайно незначительнымъ развитіемъ рабства. Мы уже имѣли случай указать въ другомъ мѣстѣ на это явленіе. Московскіе князья, умирая, обыкновенно, отпускаютъ на волю всѣхъ своихъ холоповъ. Фактъ невозможный, если бы богатство князей обуславливалось рабскимъ трудомъ. Не отличается большимъ развитіемъ и рабство у частныхъ владѣльцевъ. Весьма нерѣдко весь холопскій составъ хозяйства новгородскихъ помѣщиковъ ограничивается однимъ—двумя дворами. Если считать на дворъ по 4 человѣка, получимъ на хозяйство отъ 4 до 8 холоповъ, считая стариковъ и дѣтей. Иногда число людскихъ дворовъ возрастаетъ до 5, 6, 8. У князя Семена Пріимкова было 6 дворовъ, у князя Ивана Пужбальскаго—8, у князя Дмитрія Пріимкова тоже 6, но это въ двухъ мѣстахъ, да у сыновей его, Баламута да Война, по одному

¹⁾ Новгородскія писцовыя книги, IV 816, 407; ср. еще 257, 408, 490; Писцовыя книги XV вѣка, подъ редакціей Калачова, II 360.

двору. Такъ не великъ составъ холоповъ даже у лицъ княжескихъ фамилій.

Право имѣть холопа принадлежало всякому свободному, и мы встрѣчаемъ холоповъ не только у помѣщиковъ, но у посадскихъ и даже у крестьянъ. Въ Шелонской пятицѣ у помѣщиковъ Самаринныхъ Квашинныхъ, Григорія и Степана Ивановичей, была деревня Песцово, въ два двора, въ одномъ дворѣ жилъ крестьянинъ Ивашко Якимовъ, а въ другомъ *его человекъ*, Митка. Но если у самихъ помѣщиковъ людей было немного, то у крестьянъ это случай чрезвычайно рѣдкій. Онъ встрѣчается, однако, и на Московской территоріи въ XVI вѣкѣ. Въ черной волости Тверскаго уѣзда была деревня Якимово въ 4 двора, въ одномъ жилъ крестьянинъ Бориско, а въ другомъ „*Борисковы люди*“.

Это небольшое число слугъ было призвано къ самой разнообразной дѣятельности. Они служили въ домѣ господина, вели его переписку, управляли его деревнями, они же пахали, сѣяли, косили. У помѣщика Сомы Линева въ числѣ слугъ были: дьякъ, поварь, садовникъ. Къ сожалѣнію, такіа отмѣтки писцовъ очень рѣдки. Можетъ быть, они скупы на нихъ потому, что въ описываемое время не было специализація должностей. Дьякъ, поварь, садовникъ не только дѣлали свое дѣло, писали, разводили сады, стряпали, но и рабочую пору пахали и косили. О перечисленныхъ трехъ именно сказано: „сѣють ржи на Сомы 14 коробей“¹⁾. Въ числѣ холоповъ были, конечно, и люди годные только для сельскихъ работъ; они отмѣчаются словомъ „страдникъ“, но и это не часто¹⁾.

Самое высокое положеніе среди слугъ занимали ключники, они же поселскіе, а иногда называются тивунами. Ключники и тивуны извѣстны уже Русской Правдѣ. По общему правилу это несвободные люди. Они назначаются для сбора доходовъ съ крестьянъ, храненія сельскихъ продуктовъ и другихъ хозяйственныхъ дѣйствій. Живутъ они въ особыхъ дворахъ, нерѣдко нашенныхъ, и занимаются сельскимъ хозяйствомъ, но на себя, а не на господина. Они не облагаются никакимъ сборомъ въ пользу господина, а за свой трудъ по управленію получаютъ съ крестьянскихъ дворовъ особый доходъ. Нѣкоторые владѣльцы имѣли только одного управляющаго, ключника

¹⁾ I 27, 56, 88, 107, 118, 131, 194, 252, 263, 285, 353, 368, 470, 548, 574; II 19, 30, 43, 198; III 725; IV 437; Времен. XII 13. Дьяконовъ, Акты II № 70, 1642. Холопы называются страдниками и въ московскихъ писцовыхъ книгахъ. Калачовъ II 126.

или посельскаго, другіе и ключника и посельскаго. Ключникъ, надо думать, стоялъ въ этихъ случаяхъ выше, у него—ключи; посельскій. можетъ быть, былъ нуженъ для разъѣздовъ по деревнямъ—и сбора повинностей на мѣстахъ. Доходъ этихъ управителей былъ очень различенъ. У новгородца Григ. Секерина ключникъ получалъ съ двора съ большимъ посѣвомъ 2 бараньихъ лопатки и 2 овчины, съ меньшимъ по одной; у кунцовъ Шаяиновыхъ ключникъ и посельскій получали съ большихъ посѣвовъ—по 1 и $\frac{3}{4}$ коровы ржи и овса, по 4 сыра, по 2 бараньихъ лопатки, по 4 горсти льну.—Въ описяхъ встрѣчается немало деревень, въ которыхъ этотъ доходъ вовсе не показанъ. Вѣроятно, тамъ не было ни ключниковъ, ни посельскихъ; а. можетъ быть, крестьяне исключали въ своихъ рядныхъ этотъ расходъ. Иногда прямо пишется „поселья нѣтъ“.

Ключники и посельскіе, гдѣ они были, не непременно назначались въ каждую волость, ихъ назначали и одного на нѣсколько волостей. Въ такихъ случаяхъ для нихъ устраивались особые дворы для пріѣзда ¹⁾.

Малое развитіе рабства дѣлало необходимой ту фермерскую систему хозяйства, которая была у насъ въ древности преобладающей. За небольшими исключеніемъ 2—3 деревень, всѣ земли сдавались въ наемъ крестьянамъ. Наряду съ свободными людьми, которые вели полное крестьянское хозяйство. были и такіе, которые довольствовались наимомъ небольшихъ участковъ земли подъ дворы и огороды и кормили себя торговлей, ремеслами и промыслами. Живя въ тѣхъ же селахъ и деревняхъ, гдѣ жили и земледѣльцы, они своимъ трудомъ и услугами пополняли недостаточно развитой рабскій трудъ. Это поземщики и бобыли. Поземщики работали въ качествѣ наймитовъ. Наймиты извѣстны уже Русской Правдѣ. Она называетъ ихъ закупамъ.

Крестьяне, которые снимали чужія земли, также нуждались иногда въ помощникахъ. Они тоже могли обращаться къ рабскому труду, но это очень рѣдкіе случаи. Гораздо чаще находимъ указанія на обращеніе ихъ къ труду свободныхъ людей, которые сами не были въ состояніи вести своего самостоятельнаго хозяйства. Эти свободные люди, работавшіе въ чужомъ хозяйствѣ, встрѣчаются въ новгородскихъ писцовыхъ книгахъ подъ именемъ захребетниковъ.

¹⁾ I 26, 641, 708, 484, 851; III 28; Времен. XI 132.

Терминъ „захребетника“ чрезвычайно выразителенъ. Онъ указываетъ на человѣка не самостоятельнаго, а живущаго за чужимъ хребтомъ. Но что такое этотъ чужой хребетъ? Это символъ человѣка, который живетъ своимъ хребтомъ, т. е. гнетъ спину на работѣ, живетъ трудами рукъ своихъ. Это крестьянинъ или поземщикъ, но не своеземецъ, который живетъ доходомъ съ земли, не прикладывая къ ней рукъ. Согласно съ этимъ мы встрѣчали захребетниковъ только у крестьянъ да поземщиковъ, а не у помѣщиковъ. Смотря по достатку крестьянина, захребетникъ его живетъ или въ одномъ съ нимъ дворѣ или въ особомъ. Но не всегда крестьянинъ, нуждавшійся въ подспорномъ трудѣ, былъ въ состояніи имѣть своего отдѣльнаго захребетника. Но рѣдки случаи, когда нѣсколько дворовъ имѣютъ одного общаго захребетника. Въ такихъ общихъ захребетникахъ надо видѣть несомнѣнное указаніе на то, что эти дворы ведутъ общее хозяйство. Эти общіе захребетники всегда живутъ въ особыхъ дворахъ ¹⁾.

Захребетники, конечно, жили у крестьянъ по поряднымъ; они тоже наймыты. Но ни одна изъ такихъ порядныхъ не дошла до насъ, а потому условія ихъ найма остаются неизвѣстными.

Кромѣ захребетниковъ встрѣчаемъ еще подворниковъ. Это что-то очень пестрое. Они были и у крестьянъ, и у своеземцевъ, и у помѣщиковъ.

Подворники крестьянъ, надо думать, то же, что захребетники, только иначе названы. Они живутъ и въ однихъ дворахъ съ крестьянами и въ особыхъ, и состоятъ при одномъ хозяинѣ и при многихъ. Въ монастырской волосткѣ была деревня Захаровъ Дворъ. Въ этой деревнѣ было два двора, Васки Якушова да Федки Захарова, и у нихъ пять подворниковъ, которые жили съ ними въ однихъ дворахъ. Федоръ Захаровъ, конечно, устроитель деревни, которая по его имени и названа; Василий Якушовъ—его товарищъ. Они ведутъ общее хозяйство и довольно большое, у нихъ 98 пудовъ посѣва ржи, это составитъ для Деревской пятины отъ 8 до 12 десятинъ въ годъ. Ихъ подворники, конечно, у нихъ работаютъ по найму, это тѣ же захребетники.

¹⁾ I 2, 10, 18, 42, 52, 53, 56, 64; II 707, 725, 728, 771; IV 162. Обыкновенно, писцы, называя дворъ крестьянскій или нѣсколько дворовъ, продолжаютъ такъ: „а захребетникъ его“ или „а захребетникъ ихъ“. Но иногда захребетникъ называется безъ обозначенія чей онъ. Это, конечно, недописка. Захребетникъ всегда у кого-либо за хребтомъ.

Съ такимъ же характеромъ являются подворники и у нѣкоторыхъ своеземцевъ, напримѣръ, въ деревнѣ Исаково живутъ своеземцы Аверкіевы, 4 брата, въ одномъ дворѣ, а другой дворъ занимаетъ ихъ подворникъ, Палка, сѣютъ они ржи 11 коробей. Ихъ подворникъ, конечно, сѣетъ на нихъ. Но есть своеземцы, у которыхъ подворники нашествуютъ на себя и даютъ своеземцамъ доходъ, какъ и крестьяне. Есть монастырскіе дворы, въ которыхъ живутъ подворники и сѣютъ на себя; другіе подворники живутъ въ помѣщичьихъ дворахъ и своеземцевыхъ и платяютъ имъ поземь¹⁾.

Связать всѣ эти факты въ одно цѣлое довольно трудно. Но кое-что ясно. У крестьянъ подворникъ только другое названіе для захребетника. Почему захребетнику можно дать это другое названіе? Захребетникъ, хотя бы онъ жилъ и въ особомъ дворѣ, работаетъ на своихъ хозяевъ не только въ полѣ, но и въ ихъ дворѣ, работаетъ у нихъ по двору, отсюда онъ подворникъ.

Подворники своеземцевъ и помѣщиковъ, которые сѣютъ, нашествуютъ и даютъ доходъ и поземь, могутъ быть поряжаемы и къ работамъ по двору, въ этомъ ихъ различіе отъ крестьянъ и поземщиковъ въ собственномъ смыслѣ слова; по этому признаку они и могутъ называться подворниками²⁾.

Рядныя подворниковъ до насъ тоже не дошли.

¹⁾ I 13, 37, 216, 345, 681, 808, 810 и сл.; II 600.

²⁾ Отъ подворниковъ надо различать дворниковъ. Эти послѣдніе встрѣчаются въ старыхъ новгородскихъ писцовыхъ книгахъ при описаніи городовъ, но не селъ и деревень. Для уясненія ихъ роли характерно описаніе города Орѣшка. Тамъ есть дворы своеземцевъ на посадѣ, въ которыхъ живутъ сами своеземцы. Въ этихъ дворахъ дворниковъ нѣтъ. А есть тамъ же 19 дворовъ своеземцевыхъ же, но своеземцы въ нихъ не живутъ, они, по всей вѣроятности, живутъ въ деревняхъ; въ этихъ дворахъ живутъ дворники. Итакъ, эти дворники XV вѣка совсѣмъ не то, что петербургскіе XIX-го. Они не для работъ по двору, а живутъ во дворѣ и охраняютъ этотъ дворъ въ отсутствіе хозяина. Кто они? Они могутъ быть и холопы и свободные. При маломъ развитіи рабства, они въ большинствѣ случаевъ свободные люди. А житье свободныхъ промышленныхъ людей въ чужихъ городскихъ дворахъ можетъ подрывать промысла тѣхъ кто живетъ въ своемъ домѣ. Они могутъ выдавать себя за зависимыхъ людей, за работъ, и не отбывать городского тягла. Вотъ почему объ этихъ дворникахъ въ писцовыхъ книгахъ говорится: „а дворники съ горожанъ тягнутъ“. Времен. XI 118. Новгород. пис. кн. I ст. 163 упоминаетъ дворника въ волости великаго князя въ старомъ боярскомъ дворѣ. Это мѣсто не ясно. Въ писцовыхъ книгахъ XVI вѣка упоминаются дворники въ монастырскихъ дворахъ въ деревняхъ. Калачовъ II 328. Это то же, что Орѣховскіе дворники.

Можно сомнѣваться, чтобы въ новгородскихъ писцовыхъ книгахъ были обозначены всѣ захребетники и подворники, которые были въ дѣйствительности. Точному обозначенію количества населенія деревни писцами, кажется, не придавалось значенія. Въ описъ деревни входятъ описаніе дворовъ, какъ хозяйственныхъ единицъ, количества посѣва, обещъ, дохода владѣльца, а не населенія деревни, которое коротко представляется наименованіемъ однихъ домохозяевъ. При такомъ характерѣ описи, не было особой надобности вводить въ нее захребетниковъ и подворниковъ, особенно тѣхъ, которые жили въ однихъ дворахъ съ хозяевами. Въ дѣйствительности и захребетниковъ и подворниковъ, надо думать, было больше, чѣмъ въ книгахъ указано.

Обращеніе крестьянъ къ вольнонаемному труду можно наблюдать и въ XVII вѣкѣ. Изъ одной псковской порядной въ бобыли, составленной въ 1628 году, узнаемъ, что „мужикъ“, порывшійся въ бобыли, жилъ передъ тѣмъ нѣкоторое время у крестьянина. Какъ же онъ у него жилъ? Конечно, какъ захребетникъ или подворникъ¹⁾.

Теперь хорошо было бы выяснитъ доходность новгородскихъ мѣстн и тягость или относительную легкость крестьянскихъ платежей. Къ сожалѣнію, мы не въ состояніи этого сдѣлать. Мы указывали размѣры (приблизительно) крестьянскихъ участковъ и падающіе на нихъ платежи. Платежи эти, за исключеніемъ нѣкоторыхъ статей, легко перевести на деньги въ тогдашней валютѣ и на вѣсъ серебра. Эти указанія не трудно и значительно увеличить: матеріалъ для нихъ даетъ каждая страница писцовыхъ книгъ. Но идти далѣе мы не можемъ. Мы не находимъ возможности сказать, какую современную цѣнность представляла тогдашняя гривна или рубль и этимъ перевести на понятныя намъ величины крестьянскія повинности XV-го вѣка. Попытки, сдѣланныя для перевода цѣнности стариннаго рубля на наши, представляются намъ не достаточно убѣдительными²⁾.

Крестьянскія повинности были чрезвычайно неравномѣрны. Даже у одного и того же владѣльца и въ одной и той же мѣстности одни крестьяне платили много, другіе, при томъ же количествѣ земли, мало: однимъ было тяжело, другимъ легко. Эта разрозненность крестьянскихъ интересовъ, можетъ быть, и была причиной, что до насъ не

¹⁾ Дьяконовъ, Азты I № 7.

²⁾ См. объ этомъ статью проф. Ключевскаго, Русскій рубль XVI — XVIII вѣка въ его отношеніи къ мѣстному. Читенія за 1884 г. кн. 1.

дошло отъ того времени никакихъ жалобъ на тягость крестьянскихъ повинностей. По крайней мѣрѣ, въ настоящую минуту я не могу припомнить никакихъ данныхъ въ этомъ смыслѣ.

Недовольство же землевладѣльцевъ своимъ положеніемъ оставило свой слѣдъ въ лѣтописныхъ запискахъ конца XV вѣка, т. е. какъ разъ того времени, когда составлялись новгородскія писцовыя книги. Но оно было высказано не новгородцами, а ихъ ближайшими сосѣдями, исковичами.

Въ 1485 году въ Псковѣ произошло острое столкновение между крестьянами (смердами) и землевладѣльцами. Изъ разсказа лѣтописца объ этомъ, къ сожалѣнію слишкомъ краткаго, можно, однако, вывести, что причиной столкновения было желаніе землевладѣльцевъ установить урочныя работы, т. е. барщину. Надо думать, что имѣлось въ виду опредѣлить эти работы общими постановленіемъ и дать крестьянамъ „урокъ“, т. е. законное опредѣленіе. Противъ этого возстали крестьяне. Нѣкоторые изъ нихъ были схвачены, биты, одишь, а можетъ быть и болѣе, казнены, многіе заключены въ тюрьму. Въ это столкновение, по вызову исковичей, долженъ былъ явиться самъ князь великій, Иванъ Васильевичъ. Онъ выслушалъ обѣ стороны и рѣшилъ дѣло въ пользу крестьянъ. Пославъ отъ бояръ онъ высказалъ свое неудовольствіе, велѣлъ имъ схваченныхъ смердовъ отпустить и „жить по старинѣ“. Жить по старинѣ—т. е. безъ урочныхъ работъ, а такъ, какъ жили въ Новгородѣ и вездѣ.

Что введеніе урочныхъ работъ, т. е. барщины, было поводомъ къ столкновению, это мы выводимъ изъ слѣдующаго невѣроятнаго разсказа лѣтописца. Послѣ того, какъ великій князь „отдалъ исковичамъ вины ихъ о смердахъ, нелюбие отложилъ и велѣлъ жить по старинѣ“, вотъ какой случай, по разсказу лѣтописца, произошелъ во Псковѣ.

„И потомъ, по малѣ времени, прилучися вѣкоему попу у Норовскыхъ смердовъ чести грамоты, и найде тую грамоту, како смердамъ изъ вѣковъ вѣчныхъ князю данъ даяти и Пскову и всякіи работы урочныя по той грамотѣ имъ знати; а о той грамотѣ смердыи всей земли смлтенье бысть, что они, потаввши грамоты, не потягнуша на своя работы, а псковичемъ не свѣдущемъ о нихъ, како отъ начала бысть, а они обольстиша князю великому, и о томъ все по криву сказаша. И таковую грамоту смерды исторже у пона изъ рукъ и скры“. Вслѣдствіе этого поповскаго открытія законченное было столкновение бояръ со смердами снова разгорѣлось.

Что псковичи не знали, „како отъ начала бысть“, т. е., каковы были старинныя отношенія крестьянъ къ землевладѣльцамъ, это, конечно, дѣло невозможное. Весь этотъ рассказъ—есть сочиненіе сторонника боярской партіи, желавшей установить барщину. Но съ какою цѣлью надо было сочинить такой невѣроятный рассказъ? Это очень ясно. Великій князь, выслушавъ крестьянъ и увидавъ, что требованіе землевладѣльцевъ есть новшество, велѣлъ жить по старинѣ. Сторонники урочныхъ работъ захотѣли доказать, что барщина есть старина. Отсюда—открытіе „нѣкоего попа“, имѣющее цѣлью доказать, что урочныя работы существуютъ „изъ вѣковъ вѣчныхъ по грамотѣ“. Только эта грамота въ руки не далась, смердъ ее изорвалъ. Объ открытіи „нѣкоего попа“ все-таки было доведено до свѣдѣнія великаго князя. Но онъ остался при прежнемъ мнѣніи. „И князь великій, ярымъ окомъ возрѣвъ, рече: давно ли азъ вамъ о смердахъ вины отдахъ? а нынѣ на то же наступаете?“¹⁾ Тѣмъ и кончилось это столкновеніе. Время для всеобщей барщины еще не наступило.

Съ установленіемъ обязательной службы для своеземцевъ и вотчинниковъ и съ точнымъ опредѣленіемъ размѣровъ этой службы, особенно сильно должны были почувствоваться землевладѣльцами неудобства описанныхъ хозяйственныхъ порядковъ. Свои люди оказались нужными не только для пашни, работъ и услугъ по дому, но и для сопровожденія въ походахъ; а ихъ и для одного хозяйства было не много. Далѣе, фермерская система пользованія землями была менѣе выгодна, чѣмъ барщинная, но перейти на барщину, при свободномъ крестьянствѣ, не зависѣло отъ воли землевладѣльца. У кого было много земель, тотъ могъ легко справиться съ своими служебными обязанностями; но людямъ мало-земельнымъ приходилось очень тяжело. Такое положеніе дѣлъ должно было вызывать жалобы на недостатокъ рукъ, на неудобства свободного перехода крестьянъ и стремленіе къ его ограниченію и совершенной отиѣнѣ. Прикрѣпленіе крестьянъ и переходъ отъ подворной аренды къ большимъ деревнямъ съ барщиннымъ хозяйствомъ могъ быть желателенъ и для крупныхъ собственниковъ, но особенно стремиться къ нему должны были мелкіе владѣльцы.

¹⁾ Псков. II 1485. Мы имѣли уже случай коснуться этого столкновенія въ I т. Древностей, но съ другими цѣлями; сделавшую тамъ мимоходомъ на стр. 167 характеристику этого столкновенія надо исправить согласно сказанному теперь въ текстѣ.

Этотъ мотивъ прикрѣпленія крестьянъ ясно слышится въ указѣхъ, въ которыхъ рѣчь идетъ объ ограниченіяхъ крестьянской свободы. Въ указѣ царя Василія Шуйскаго читаемъ: „Царь Федоръ Ивановичъ, по наговору Бориса Годунова, не слушая совѣта старѣйшихъ бояръ, выхоть крестьянъ заказалъ“¹⁾. „Старѣйшіе бояре“ были, значить, про-

¹⁾ Карамзинъ первый высказалъ сомнѣніе въ подлинности этого указа „по слогу и выраженіямъ необыкновеннымъ въ бумагахъ того времени“. X нр. 349. Но это сомнѣніе не мѣшало ему вѣстѣ съ Татищевымъ признавать отиѣну правительствомъ Юрьева дня и именно въ царствованіе Федора Ивановича. Погодинъ, приписывая отиѣну Юрьева дня обстоятельствамъ, а не Борису, допускаетъ возможность указа, но ступленіе къ нему считаетъ подложнымъ. *Рус. Бесѣда*, 1868, № 129. Вотъ это ступленіе:

„Дѣла 7116 (1607) марта въ 9 день государь царь и великій князь Василій Іоанновичъ всея Русіи съ отцомъ своимъ Гермогеномъ патріархомъ, со всею освященнымъ соборомъ и со своимъ царскимъ синклитомъ, слушавъ доклада Помѣстной избы отъ бояръ и дьяковъ, что переходомъ крестьянъ причиналися великія кромы, ябеды и насилія немощнымъ отъ сильныхъ, чего де при царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ не было, потому что крестьяне выхоть имѣли вольный; а царь Федоръ Іоанновичъ, по наговору Бориса Годунова, не слушая совѣта старѣйшихъ бояръ, выхоть крестьянамъ заказалъ, и у кого козико тогда было, книги учиналъ, и послѣ отъ того началися многіи вражды, кромы и тяжа. Царь Борисъ Федоровичъ, видя въ народѣ волненіе велие, тѣ книги оставилъ и переходъ крестьяномъ далъ, да не совѣтъ, что судьи не знали, како по тому суды вершати, и нынѣ въ томъ учиналися распри и насилія, и многіимъ разоренія и убійства смертныя, и многіе разбои, и по путемъ грабленія содѣяшася и содѣваются“. Судебникъ по рукояси Татищева, стр. 240.

Таковъ докладъ Помѣстнаго приказа, а далѣе слѣдуетъ царскій приговоръ, но не въ духѣ доклада: запрещеніе Юрьева дня, причина столькихъ бѣдствій, не только не отиѣняется, но для смысла крестьянъ назначается болѣе продолжительный срокъ, чѣмъ тотъ, какой былъ прежде, а именно—15 лѣтъ.

Противникомъ Карамзина и Погодина выступилъ Костомаровъ и превосходно разъяснилъ неосновательность сомнѣній и полную недонаванность мнѣнія о подлогѣ ступленія. Въ этой же статьѣ авторъ приводитъ рядъ совершенно вѣрныхъ соображеній о томъ, что указъ 1597 года о пятидѣтной давности смысла бѣглыхъ крестьянъ непременно предполагаетъ отиѣну Юрьева дня. Архивъ истор. и практич. свѣдѣній, 1869, кн. II. Мы вполне присоединяемся къ его мнѣнію и очень сожалѣемъ, что эта превосходная статья имѣла такъ мало вліянія на послѣдующую литературу. Незамѣтно даже, чтобы сторонники противоположнаго мнѣнія, въ такомъ общіи повзвѣсившемъ въ концѣ XIX вѣка, были хорошо съ немъ знакомы.—Языкъ указа 1607 г., дѣйствительно, можетъ быть подволенъ и испорченъ. Но противорѣчіе доклада указу ничего не говоритъ противъ подлинности какой-либо части намятника. Докладъ составленъ въ Помѣстномъ приказѣ и есть мнѣніе его членовъ. Указъ же выражаетъ волю государя, который могъ руководствоваться совершенно иными соображеніями. Не повторая такъ хорошо сказаннаго Костомаровымъ, прибавимъ только одно соображеніе.

тивъ запрещенія свободы выхода; могли быть противъ этой мѣры и всѣ находившіеся въ ихъ положеніи, т. е., всѣ сильные люди. Въ чью же пользу были закрѣплены крестьяне? Въ пользу мелкихъ служилыхъ людей, которые составляли ядро войска. Собственный голосъ этихъ мелкихъ служилыхъ людей ясно слышится въ указѣ 1642 года. Въ ихъ челобиты отъ 1641 года написано: „Въгають изъ-за нихъ старинные ихъ люди и крестьяне въ государевы дворцовые и въ черныя волости и села, и въ боярскія помѣстья и вотчины, и въ патриарши, и въ митрополичьи, и въ архіепископскія, и въ епископскія, и въ Троицкіе и въ иныхъ разныхъ монастырей, и за бояръ, и за стольниковъ, и за стряпчихъ, и за дворянъ московскихъ, и всякихъ чиновъ

Если Погодинъ утверждаетъ, что вступленіе есть актъ подложный, то, надо думать, оно написано не членами Помѣстного приказа, а какими-либо другими лицами. Совершая этотъ подлогъ, составители вступленія, конечно, не шутили, писали не для забавы, а для достиженія какой-либо выгодной для нихъ цѣли. Съ какой же цѣлью они совершили этотъ подлогъ? Что есть во вступленіи такого, что могло бы имѣть практическое значеніе и вести къ достиженію какого-либо интереса для учинителей подлога? Составители доклада весьма настаиваютъ на ябедахъ, насиліяхъ, враждѣ, тяжбахъ, убійствахъ и ризореніяхъ, причиняемыхъ „череходомъ крестьянъ“, т. е., существующими правилами о переходѣ. Эти указанія саодѣлательствуютъ о томъ, что она не были сторонниками послѣднихъ правилъ, имъ не нравились отиѣна Юрьева дня, и только. Что отиѣна Юрьева дня могла быть причиной волненій и безпорядковъ, въ этомъ едва ли можно сомнѣваться. Но какая можетъ быть преступная цѣль въ утвержденіи всѣмъ извѣстнаго факта? И придумать нельзя. Далѣе, они утверждаютъ, что волненіе, вызванное отиѣной Юрьева дня, вынудило Бориса дать переходъ, но не всѣмъ. Это частичное возстановленіе не рехода повело, но ихъ мнѣнію, еще къ большаимъ замѣшательствамъ, и судьи не знали, какъ рѣшать возникающія изъ указовъ Бориса тяжбы. Что Борисъ возстановилъ въ 1601 и 1602 году переходъ крестьянъ, это подтверждается его указами; что эти указы произвели на практикѣ замѣшательство, это весьма вѣроятно, такъ какъ въ новыхъ указахъ Бориса дѣйствительно не легко было разобратъся. Здѣсь опять нѣтъ никакого преступнаго умысла, который объяснилъ бы необходимость подлога. Остается ссылка на Бориса, утверждающая, что онъ провѣлъ отиѣну Юрьева дня, не обращая вниманія на мнѣніе старѣйшихъ бояръ. И въ этомъ невозможно видѣть побужденія къ подлогу. Убѣдилъ Борисъ царя Федора отиѣнить Юрьевъ день или нѣтъ, это совершенно безразлично для составителей подложнаго вступленія. Смысломъ на этотъ фактъ не достигаются рѣшительно никакія цѣли—ни добродѣтельными, ни преступными. И такъ, нѣтъ ни малѣйшихъ основаній думать, что вступленіе есть актъ подлога, для такого дѣйствія обстоятельства дѣла не представляютъ ни малѣйшей почвы. Остается думать, что оно написано членами Помѣстного приказа и содержитъ въ себѣ совершенно достоверные факты. Всѣ приведенные въ немъ факты дѣйствительно вѣрны, и члены Помѣстного приказа, сочувствующіе свободѣ перехода, дѣйствительно могли ихъ привести, чтобы побудить царя къ соотвѣтствующей мѣрѣ. Но это имъ не удалось.

за помѣщиковъ и за вотчинниковъ, на льготы. И тѣ многіе помѣщики и вотчинники и монастыри ихъ бѣглымъ людямъ и крестьяномъ на пустыхъ мѣстахъ слободы строить, а ихъ помѣстья и вотчины отъ того ставятся пусты. И тѣхъ ихъ бѣгле люди и крестьяне, выживъ за тѣми людьми урочные годы и надѣясь на тѣхъ *слабыхъ* людей, гдѣ кто учнетъ жити, приходя изъ за тѣхъ людей, и достальныхъ людей и крестьянъ изъ за нихъ подговариваютъ, и дома ихъ поджигаютъ и разоряютъ всякимъ разореніемъ. Да на тѣхъ же ихъ бѣглыхъ крестьянъ и бобылей, хотя укрѣпiti ихъ впередъ за собою, имали на нихъ судныя записи и всякія крѣпости въ большихъ ссудахъ и займѣхъ, и яныя помѣстными и вотчинными землями и всякими угодами, и людьми, и крестьяны завладѣли насилствомъ". А. И. Ш, № 99, п. XXXIII. Это чистѣйшая хозяйственная война сильныхъ людей со слабыми. Сильные люди, имѣя и денегъ много и земель, побѣждаютъ слабыхъ и переманиваютъ отъ нихъ крестьянъ. Такая война могла происходить и до отмѣны Юрьева дня. Очень понятно, теперь, почему „старѣйшіе бояре“ были противъ предложенія Бориса царю Феодору.

Послѣдствіемъ этого челобитья была очень важная мѣра. Всѣ ссудныя записи и всякія крѣпости въ ссудахъ и займахъ, выданныя перешедшими крестьянами, объявлены ничтожными и взысканію не подлежащими: „не принимай чужихъ крестьянъ, не давай имъ ссуды“. Маленькіе люди просили большаго, они просили о полной отмѣнѣ урочныхъ лѣтъ. Это ходатайство ихъ не было удовлетворено. Указъ 1642 г. назначаетъ 10-лѣтнюю давность для иска бѣглыхъ крестьянъ.

Сочинять же это вступленіе лицамъ постороннимъ и послѣ совершившагося уже факта не имѣетъ ни малѣйшаго смысла, къ этому нѣтъ ни малѣйшаго побужденія.

Распоряженіе слѣдующаго за докладомъ указа о 15 лѣтней давности для сиска бѣглыхъ крестьянъ ничего не представляетъ собой невароятнаго и тоже прекрасно разъяснено Костомаровымъ. Мы прибавимъ только, что установленная указомъ давность не представляется исключительной. Въ указѣ 1642 года встрѣчаемъ ту же 15-лѣтнюю давность для сиска вывозныхъ крестьянъ. А. И. Ш, стр. 111.

Еще менѣе вѣроятно предположеніе проф. Бѣляева. Онъ думаетъ, что подѣла совершена въ XVIII вѣкѣ. Крестьяне на Русь, 103. Кому и какой могъ быть интересъ сочинять въ XVIII вѣкѣ указъ объ ограниченіи крестьянскаго выхода для XVII вѣка? Считая весь указъ подложнымъ, проф. Бѣляевъ въ доказательство своего мнѣнія, между прочимъ, указываетъ на то, что указъ будто бы смѣшиваетъ крестьянъ съ холопами. Такого смѣшенія въ указѣ нѣтъ.

К. П. Побѣдоносцевъ не отрицаетъ подлинности указа 1607 г., но полагаетъ, что онъ оставался безъ исполненія и потерялъ силу. Ист. из. и ст. 13. Это возможно.

Неудобства отъ свободы крестьянскаго выхода испытывались не одними только мелкими служилыми людьми, но и государевыми богомольцами. Жаловались и они. Правительству нельзя было не обратить вниманія на эти жалобы, онѣ затрогивали весьма существенные для него интересы. И вотъ съ XV уже вѣка начинается рядъ распоряженій, которыми право выхода крестьянъ въ пользу нѣкоторыхъ владѣльцевъ ограничивается, а иногда даже и вовсе отменяется. Самый древній извѣстный намъ случай отмены свободы крестьянскаго выхода сдѣланъ въ пользу Троице-Сергіева монастыря. Великій князь Василій Ивановичъ дозволилъ этому монастырю не выпускать палачныхъ (въ моментъ указа) крестьянъ изъ села Пристѣкъ, Бѣлозерскаго уѣзда, и изъ всѣхъ монастырскихъ селъ Углицкаго уѣзда. А. И. I № 59, 1455.

Судебники устанавливаютъ одинъ срокъ крестьянскаго выхода; это существенное ограниченіе крестьянской свободы; но выходъ и послѣ этого, по общему правилу, остается правомъ крестьянъ. Только въ концѣ XVI вѣка отменяется Юрьевъ день, но и это не было еще окончательнымъ закрѣпленіемъ крестьянъ, оставались еще урочные годы. Этотъ послѣдній обломокъ крестьянской свободы былъ отмененъ только въ половинѣ XVII вѣка. Обо всемъ этомъ мы имѣемъ случай говорить раньше и подробнѣе. Не повторяя сказаннаго, мы воспользуемся теперь только данными такихъ памятниковъ, на которые намъ не пришлось раньше указывать.

Общій срокъ крестьянскаго выхода впервые установленъ судебникомъ 1497 года, но правительство примѣняло его къ рѣшенію частныхъ случаевъ и раньше. Въ 1466/78 году игуменъ Троице-Сергіева монастыря, Спиридоній, жаловался великому князю на то, что монастырскіе крестьяне вышла „сей зимы о Сборѣ“. Великій князь приказалъ посадить ихъ по старымъ мѣстамъ, гдѣ кто жилъ, до Юрьева дня до осенняго.

Въ Судебникахъ данъ общій законъ о порядкѣ крестьянскаго выхода. Что этотъ общій законъ дѣйствуетъ повсемѣстно, за исключеніемъ лишь тѣхъ селъ и деревень, для которыхъ дѣйствіе его отменено специальными правительственными распоряженіями, это видно изъ слѣдующихъ памятниковъ.

Въ 1555 году крестьяне черныхъ становъ Ржевы Пустой били челомъ государю и сказывали, что дѣти боярскіе Ржевскіе и иныхъ присудовъ „вывозать за себя во христьяне“ крестьянъ изъ черныхъ деревень „не по сроку, а по вся дни, безошлинно“.

Наша старина знаетъ „выходъ“ и „вывозъ“ крестьянъ. Юридически тутъ нѣтъ никакого различія; фактически же большое. Выходъ—дѣло трудное, и мы видѣли, что новгородскіе крестьяне остаются на своихъ мѣстахъ, несмотря на значительное увеличеніе ихъ повинностей. Чтобы выйти, надо пріискать новое мѣсто, надо явиться съ предложеніемъ своего труда, при неизвѣстности, какъ это будетъ принято. Время же, для пріисканія новой деревни или части ея, дается небольшое, всего двѣ недѣли. Вывозъ совершается по инициативѣ желающаго помѣстить у себя крестьянина. Мѣсто готово, крестьянинъ нуженъ господину, онъ самъ предлагаетъ ему переѣздъ, самъ за нимъ пріѣзжаетъ, помогаетъ ему. Это гораздо удобнѣе для крестьянина. Случалось даже, что землевладѣльцы вступали въ бой изъ-за крестьянъ: новый является вывозить, старый не пускаетъ, дѣло доходить до драки. Приведенный документъ даетъ прекрасную картину такихъ столкновений. „А какъ ден изъ Ржевскихъ изъ нашихъ деревень, продолжаютъ крестьяне свое челобитье. пріѣдутъ къ нимъ (къ дѣтятъ боярскимъ) отказщики съ отказомъ въ срокъ крестьянъ изъ за нихъ отказывати въ наши черныя деревни, которые хрестьяне похотятъ ийти жити въ тѣ наши черныя деревни, и тѣ ден дѣти боярскіе тѣхъ отказщиковъ бьютъ и въ желѣза куютъ, а хрестьянъ ден изъ за себя не выпускаютъ, да поймавъ ден ихъ мучать и грабятъ и въ желѣза куютъ, и пожилое ден на нихъ емлютъ не по Судебнику, рублевъ по пяти и по десяти. И отказать ден имъ хрестьянина изъ за тѣхъ дѣтей боярскихъ не мочно“.

Судебники опредѣляютъ одинъ срокъ въ году для отказа крестьянъ, уплату пожилаго и за поновъ, и пошлинъ государевыхъ: „пока мѣста была рожь въ земли, платитъ со ржи“. Вотъ и все, никакихъ другихъ условій для выхода не требуется. При этихъ условіяхъ можетъ уйти всякій крестьянинъ. Такова и практика. Крестьяне черныхъ деревень жалуются на то, что крестьянъ вывозятъ не въ срокъ и безпошлинно, и только. Вывозитъ въ срокъ и съ уплатой пошлинъ, значить, можно. Подъ пошлинами они, по всеѣ вѣроятности, разумѣютъ всякіе платежи и пожилое, если приходилось его платить.

На приведенное челобитье нослѣдовало такое распоряженіе. Велѣно было дать „подьячего или кого пригождѣ, и велѣли ему съ выборными головами пзъ за тѣхъ дѣтей боярскихъ и изъ за (свое) земцевъ хрестьянъ въ наши черныя деревни отказывати по сроку, а выходъ бы тѣмъ хрестьянамъ платитъ по указу“. Крестьянскій выходъ по-

сталевъ здѣсь подъ охрану особаго чиновника и безъ всякихъ ограниченій, кромѣ указанныхъ въ Судебникѣ. Это въ 1555 году.

Въ 1558 г. удѣльный князь Владиміръ Андреевичъ даетъ судебную грамоту крестьянамъ Замосковской волости въ Вохнѣ. Это актъ законодательства удѣльнаго князя. Въ этой грамотѣ повторяется, съ нѣкоторымъ измѣненіемъ, статья Судебника о крестьянскомъ выходѣ. Удѣльный князь опускаетъ прибавку второго Судебника о сборѣ за повозъ. Эта статья, значить, имѣетъ силу не только въ предѣлахъ великаго княженія, но и въ удѣлахъ; въ удѣлѣ Владиміра Андреевича съ уменьшеніемъ поборовъ съ выходящихъ крестьянъ.

Въ 1561 игумень Соловецкаго монастыря съ братіею далъ грамоту крестьянамъ села Пузырева въ Бѣжецкомъ Верхѣ. Въ этой грамотѣ написано: „А по грѣхомъ, кому не поживется, и похочеть пойти изъ волости вонъ, и на томъ имати похоронное сполна а его выпущать по сроку“.

Московскія писцовыя книги XVI вѣка сохранили драгоценныя указанія на выходъ крестьянъ согласно Судебнику изъ дворцовыхъ волостей Тверскаго уѣзда. Эта книга написана между 1579 и 1581 годомъ. При описи нѣкоторыхъ деревень писцы обозначаютъ вышедшихъ крестьянъ, но различно. Объ однихъ говорится „выбѣжалъ“, о другихъ „вывезли“, о третьихъ „вышелъ“. О тѣхъ, которые вышли, встрѣчаются такія опредѣленія: „Титко да Мятко вышли по сроку, пошлины ималъ Юрья Кармановъ у ржи, да Михаалко Васильевъ вышелъ за Никиту за Романовича въ Турчяно по отказу, пошлины платилъ Юрью Карманову“. Это выходъ по Судебнику, тутъ и срокъ, и отказъ, и пошлина у ржи. Выбѣжавшіе, это ушедшіе безъ соблюденія правилъ Судебника. Что касается вывезенныхъ, то и они, въ данномъ случаѣ, кажется, всѣ были вывезены безъ соблюденія правилъ, ибо ничего не говорится ни о срокѣ, ни объ уплатѣ пошлинъ. Правила Судебника дѣйствуютъ 25 лѣтъ спустя по его изданію и наканунѣ отмѣны Юрьева дня ¹⁾.

Итакъ, статья Судебниковъ о крестьянскомъ выходѣ не мертвая буква; это дѣйствующее право во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, которымъ не дано особыхъ, специальныхъ указовъ. Правительство не остано-

¹⁾ Доп. къ А. И. I № 56, 1555. А. Э. I № 88, 1466; № 257, 1558; № 258, 1561; Балаговъ, II 291, 300. Издатель относитъ эту книгу къ концу XVI вѣка; это совершенно вѣрно; первая страница даетъ возможность опредѣлить и болѣе точно время ея написанія: послѣ 1579 и до 1581 гг.

лось на первомъ опредѣленіи порядка крестьянскаго выхода, появившемся въ Судебникѣ 1497 года. При изданіи второго Судебника оно нашло нужнымъ нѣсколько измѣнить эти правила. Измѣненіе произошло въ пользу господъ. Размѣръ пожилаго былъ увеличенъ и установленъ новый сборъ съ выходящихъ крестьянъ за повозъ. И на этомъ правительство не остановилось. Прибавочный сборъ за повозъ оно нашло, надо думать, излишнимъ. Въ грамотѣ великаго князя крестьянамъ Переяславскаго уѣзда отъ 1556 статья Судебника повторяется, но съ опущеніемъ прибавки о повозѣ. Итакъ, общее правило свободы крестьянскаго перехода не исчезло и во второй половинѣ XVI вѣка. Правительство неоднократно повторяетъ правило перваго Судебника, дополняя и измѣняя его. Правило это, какъ мы видѣли, осуществляется на практикѣ въ самомъ концѣ XVI вѣка. Окончательное прикрѣпленіе крестьянъ совершилось въ силу распоряженія двухъ памятниконъ, послѣдовавшихъ почти одновременно: исцоваго наказа 1646 года и Уложенія. Въ ст. 3 гл. XI Уложенія находимъ распоряженіе о томъ, что бѣглыхъ крестьянъ и бобылей, по суду и сыску, должно отдавать съ женами и дѣтьми и со всѣми животы и съ хлѣбомъ стоячимъ и молоченымъ—тѣмъ господамъ, отъ кого они бѣжали. „Но владѣнія за тѣхъ крестьянъ на прошлые годы до сего Уложенія не указывать“, т. е., не взыскивать денегъ за все то время, которое бѣглецы жили за другими господами, и причинили тѣмъ убытокъ своимъ настоящимъ господамъ. Почему? „Потому, отвѣчаетъ та же статья, что о томъ по нынѣшней государевъ указъ государевой заповѣди не было, что никому за себя крестьянъ не принимать, а указаны были бѣглымъ крестьяномъ урочные годы“.

Такова точка зрѣнія редакторовъ Уложенія. До самой половины XVII вѣка не было запрещенія принимать чужихъ крестьянъ, и стало быть не было и полнаго прикрѣпленія, а были урочные годы, которые могли покрыть уходъ крестьянина. Такъ смотрятъ редакторы Уложенія, а наши ученые конца прошлаго вѣка утверждаютъ, что крестьяне были прикрѣплены еще въ половинѣ XVI вѣка. Полагать надо, что они очень ошибаются.

Мысль о крестьянской свободѣ жива еще въ половинѣ XVII вѣка и даже въ семидесятыхъ его годахъ. Отмѣна крестьянскаго выхода повела къ новому порядку поступленія въ крестьянство. Свободные крестьяне въ старину рядились во крестьянство. Едва вѣтъ выхода, порядная не имѣетъ смысла. Поэтому Уложеніе устанавливаетъ записку въ крестьяне. Желаящій жить за кѣмъ-либо въ крестьянахъ

обращается въ установленныя для этого учрежденія. Его спрашиваютъ, кто онъ? Если окажется, что его можно отдать во крестьяне, его *замысляютъ* за извѣстнымъ господиномъ и *отдаютъ* ему въ крестьянство. XI 20.

Несмотря на этотъ новый порядокъ, крестьяне и въ XVII вѣкѣ продолжаютъ рядиться во крестьянство. Они не только рядятся, но рядятся на срокъ, на 10 лѣтъ, и это въ 1665 году; другіе рядятся до смерти господина. Эти крестьяне ровно ничего не знаютъ о крѣпости по писцовымъ книгамъ. Но о воспреденіи выхода они знаютъ, а потому и вносятъ въ свои порядныя новое условіе. Въ старыхъ порядныхъ срокъ не обозначался, жили, пока нравилось. Выходъ по старымъ поряднымъ отиѣненъ, и вотъ новая практика вносить по праву, порядная пишется на срокъ, а по истеченіи срока, конечно, крестьянинъ свободенъ; такъ думаетъ крестьянинъ, порядившійся на срокъ.

Есть и такія порядныя, въ которыхъ сами господа признаютъ за крестьянами право уйти, „если имъ не поживется“, или если они съ ними будутъ дурно обращаться. Одни владѣльцы предоставляютъ такое право ухода крестьянину на условіи посадить на свое мѣсто другого, другіе и безъ такого условія.

Крестьяне знаютъ объ отиѣнѣ выхода, но они думаютъ, что это временная мѣра и вѣрять въ то, что послѣдуетъ вновь разрѣшеніе выхода. Поэтому они пишутъ порядныя, въ которыхъ обязываются сидѣть на землѣ господина „до государевыхъ выходныхъ лѣтъ“ не далѣе! Будетъ, значить, такое время, когда послѣдуетъ разрѣшеніе выхода. Государь запретилъ выходъ, но онъ можетъ и разрѣшить его.

Не одни крестьяне помнятъ волю крестьянскую и выговариваютъ ее въ своихъ порядныхъ; есть и господа, которые стоятъ на той же точкѣ зрѣнія. У Семена и Бориса Семеновичей Нелединскихъ жилъ встаринѣ въ крестьянахъ Рычко, Тимофеевъ сынъ, Бураковъ. Въ 1676 году ему не пожилось у нихъ („прижилось“, т. е., наскучило, надоѣло), и онъ пошелъ отъ нихъ вонъ. Нелединскіе даютъ ему грамоту, въ которой предоставляютъ идти, куда хочетъ, на всѣ четыре стороны, и обязываются дать ему скосить посянную имъ розь, и скрѣпляютъ свое обязательство неустойкой въ 30 рублей.

Заключимъ этотъ экскурсъ въ XVII вѣкѣ изложеніемъ содержанія любопытнѣйшаго документа отъ 22-го апрѣля 1670 года. За Воскресенскимъ монастыремъ въ Андреевской деревнѣ, Московскаго уѣзда, живетъ въ крестьянахъ въ теченіи 16 лѣтъ Ивашко Якимовъ,

съ женой и дѣтьми. 22-го апрѣля 1670 года онъ палъ у монастыря ссуды 10 рублей и обязался „жить съ женой и дѣтьми за монастыремъ въ Андреевской деревнѣ, той ссуды не свести и ни за кого не заложиться. А буде онъ, Иванъ, жить не учнетъ или за кого заложится и ссуду свесетъ, тогда воленъ монастырь ту ссуду на немъ взять, а крестьянство и впредь крестьянствомъ“. Что это такое? это не ссуда, а продажа себя съ женою и дѣтьми старымъ крестьяниномъ въ вѣчныя крестьяне монастырю. Старый крестьянинъ, жившій за монастыремъ 16 лѣтъ, непроченъ монастырю; чтобы укрѣпить его, надо взять съ него особую запись. Мы не имѣемъ порядной, на основаніи которой Иванъ Якимовъ сѣлъ въ 1654 году на монастырскую землю. По всей вѣроятности, тамъ была какъ-нибудь ограждена его свобода; и вотъ послѣдствія этого остатка старины, не гармонирующаго съ новымъ порядкомъ вещей. Крестьянинъ, подъ видомъ ссуды, продается въ крестьяне. Очень многіе прямо съ этого начинаютъ. Берутъ ссуду и отдаются вѣчно въ крестьяне. Ссуда получаетъ здѣсь совершенно новое значеніе, неизвѣстное старинѣ ¹⁾.

Возвратимся на прежнее.

Изъ документовъ XVI вѣка мы знаемъ, что крестьяне, садясь на пладѣльческія земли, брали у землевладѣльцевъ подмогу. Старыя новгородскія писцовыя книги тоже упоминаютъ „подможныя деньги“, хотя рѣдко. Деньги эти были даны новгородцамъ. При конфискаціи земель, эти крестьянскіе займы, по всей вѣроятности, были великимъ княземъ уплочены сведеннымъ боярамъ и бояришкамъ. Говоримъ это на томъ основаніи, что великій князь даритъ новымъ помѣщикамъ эти нерешедшіе къ нему крестьянскіе долги, опредѣляя и $\frac{1}{10}$, какой они должны получать съ должниковъ. Этотъ $\frac{1}{10}$ не великъ, въ одномъ случаѣ онъ 5 съ небольшимъ, въ другомъ—6. Въ XVI вѣкѣ подмога была безпроцентнымъ долгомъ и погашалась не уплатой занятой суммы, а исполненіемъ принятыхъ на себя крестьяниномъ обязательствъ; заемъ же денегъ былъ долгъ процентный, погашавшійся уплатой занятой суммы. Было ли такое различіе въ Новгородѣ, это не ясно. Задолженность новгородскихъ крестьянъ, въ виду рѣд-

¹⁾ Любопытные документы, на которыхъ основано предшествующее изложеніе, напечатаны г. Дьяконовымъ въ его Актахъ, I № 24, 26, 31, 42, 48, 50, 59, 60, 69 и друг.; II 37. Тутъ же и ссуды въ новомъ смыслѣ: № 49, 56, 58, 63, 63, 64, 68 и др.

кости случаевъ, въ которыхъ упоминается подмога,—была ничтожная¹⁾).

Въ заключеніе представимъ обзоръ литературы затронутыхъ нами вопросовъ. Это дастъ намъ возможность пополнить сказанное съ нѣкоторыхъ новыхъ точекъ зрѣнія, а иногда войти въ объясненіе и совершенно новыхъ явленій, которыхъ, по ходу нашего изслѣдованія, намъ не пришлось коснуться.

В. Сергѣевичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ II, 86; III, 601, 803.

Въ новгородскихъ писцовыхъ книгахъ XVI вѣка и другихъ памятникахъ того же времени встрѣчается слово *жилецъ*. Этимъ словомъ обозначаются всѣ живущіе и гдѣ бы то ни было. Помѣщики—суть *жильцы*, крестьяне, посадскіе тоже. Въ Москвѣ живетъ *нѣмецъ*, онъ тоже *жилецъ*. Не то ли же самое означаетъ болѣе древній терминъ: *житьи люди*?

ИДЕЙНАЯ ПОДГОТОВКА ЦЕРКОВНО-ОБЩЕСТВЕННЫХ ПРЕ- ОБРАЗОВАНИЙ XI ВѢКА.

Признаки „Царства Вошьяго“ по твореніямъ бж. Августина, Льва
Великаго и папы Григорія Двоеслова.

I.

При воспроизведеніи исторической жизни далекаго прошлаго из-
слѣдователь причинъ событій и преемства явленій не можетъ огра-
ничиться установленіемъ и раскрытіемъ вліянія существовавшихъ
въ изучаемое имъ время экономическихъ отношеній на общественный
строй, правовыя нормы и религіознонравственныя представленія, со-
ставляющія, въ своей совокупности, такъ называемую „настройку
надъ опредѣляющимъ ихъ реальнымъ базисомъ, или экономической
структурой общества“.

Такое одностороннее возрѣніе представляетъ лишь нѣкоторыя
видимыя удобства, упрощая сложность исторической жизни сведеніемъ
ея разнообразія къ „опредѣленнымъ, необходимымъ, независящимъ
отъ воли людей отношеніямъ, соответствующимъ опредѣленной сту-
пени развитія матеріальныхъ, производительныхъ силъ“. Но облегче-
ніе работы покупается слишкомъ дорогою цѣною, въ виду совсѣль-
наго суженія поля изучаемыхъ явленій, заранѣе принятаго установ-
ленія ихъ причинной связи и полнаго устраненія личнаго начала.

Испо. что подобный приѣмъ, не давая прочныхъ, дѣйствительно
общихъ и широкихъ выводовъ, затрудняя правильное пониманіе исто-
рической дѣйствительности и насильственно втискивая ее въ тѣсныя
и узкія рамки кабинетной теоріи, непригоденъ для научнаго изслѣдо-
ванія.

Болѣе спокойное и пристрастное изученіе памятниковъ минувшаго,
чуждое предвзятыхъ построеній и свободное отъ цѣпей заранѣе все

объяснившей доктрины, показывает, съ несомнѣнной очевидностью, что историческій процессъ является плодомъ взаимодействія и даже борьбы различныхъ началъ, вліяніе которыхъ сказывается не всегда одинаково. — Рядомъ съ эконоимкой надо поставить идеи времени. Даже будучи обусловлены даннымъ эконоимическимъ строемъ, онѣ, потомъ, приобретають самостоятельное значеніе и въ свою очередь то порождаютъ крупныя перемены въ области матеріальныхъ отношеній, то ведутъ къ мертвящему застою.

Наблюденіе надъ исторической жизнью различныхъ эпохъ и народовъ, разъ оно не производится чрезъ очки яраго теоретика, устанавливаетъ, что міровоззрѣніе угасшихъ поколѣній порою толкало человечество впередъ, ставя передъ нимъ идеалы, переросшіе эконоимическую обстановку, вызывая въ людяхъ жгучую потребность въ улучшеніи и измѣненіи существующихъ порядковъ, осужденныхъ общественною совѣстью на гибель въ силу своего несоотвѣтствія съ идеальными запросами современниковъ, съ ихъ понятіями о должномъ и справедливомъ.

Но углубленіе въ прошлое открываетъ и явную форму воздѣйствія міра идей, отмѣчая, что міросозерцаніе, отлившись въ прочныя и устойчивыя нормы, можетъ явиться началомъ косности, задерживающимъ ходъ историческаго развитія и въ эконоимической области на достигнутой ступени, превращающимъ жизнь въ царство установленныхъ на вѣки обычаевъ, определенныхъ наыковъ, закоренѣлыхъ предразсудковъ, крайне затрудняющихъ всякія измѣненія и враждебныхъ даже новшествами, вносящимъ матеріальныя улучшенія.

Наконецъ, религіозно-нравственныя представленія, опредѣляющія въ своей совокупности міровоззрѣніе даннаго времени, далеко не всегда вырастають на базисѣ существующихъ эконоимическихъ отношеній, такъ какъ исторія свидѣтельствуетъ, что весьма часто кругъ религіозныхъ вѣрованій, идеаловъ и упованій, вмѣстѣ съ извѣстными нравственными нормами, возникшіи подъ вліяніемъ определенныхъ обстоятельствъ и въ извѣстной средѣ, воспринимается другимъ народомъ уже въ выработанной и сложившейся формѣ, несмотря на отличія условій мѣста, времени и ступени развитія, какъ соціальнаго, такъ и матеріальнаго.

Очевидно, что въ подобныхъ случаяхъ неизбежно должна возникнуть борьба между высшими формами, проводимыми путемъ заимствованія, и низшими, созданными рядомъ мѣстныхъ силъ до принятія новаго религіознаго ученія. Эта борьба обыкновенно тянется очень

долго и въ свою очередь обуславливаетъ дальнѣйшее теченіе и даже направленіе историческаго развитія.

Стало быть, для уясненія причинъ и хода извѣстныхъ крупныхъ событій необходимо отыскать ихъ корни въ далекомъ прошломъ, установить постепенную подготовку потрясшихъ міръ перемѣнъ, такъ какъ „революціи“ и „внезапные перевороты“ кажутся таковыми только при поверхностномъ съ ними знакомствѣ: въ тиши вѣковъ накапливается длинная и состоящая изъ множества звеньевъ цѣпь видоизмѣненій, приводящихъ къ мнимому перелому.

Въ силу этихъ соображеній, для правильнаго пониманія церковно-общественныхъ преобразованій XI вѣка необходимо, хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ, намѣтить ихъ идейную и экономическую подготовку.

Принятіе христіанства молодыми германскими племенами, еще чуждыми развитой гражданственности, обусловило ихъ дальнѣйшую судьбу и вызвало цѣлую вереницу явленій, имѣющихъ всемірно-историческое значеніе. Дикіе, грубые и воинственные варвары вѣстѣ съ началами новой религіи восприняли преклоненіе передъ идеалами, возникшими въ культурной средѣ мыслящей древности, и стали стремиться къ ихъ осуществленію путемъ пересадки въ совершенно новую почву.—Подражаніе, являющееся мощнымъ двигателемъ въ исторіи человечества, съ особой силой выступаетъ основой уклада жизни младенческихъ народовъ—варваровъ. Прежде германцы подражали предкамъ, свято хранили ихъ заповѣты и дѣтко держались за ихъ обычаи. Самостоятельность поведенія была немыслима въ царствѣ привычныхъ нормъ и оставалась непробужденною. Теперь они стали подражать новымъ, поразившимъ ихъ вниманіе порядкамъ, перенимая языкъ, одежду, нравы и обычаи римлянъ, усваивая ихъ вѣщность, сохраняя обликъ ихъ учреждений.—Усвоеніе новаго вѣроученія произошло также вѣстнымъ образомъ. Великія истины христіанства были приспособлены къ варварскому пониманію частью безсознательнымъ народнымъ творчествомъ, частью расчетливой политикой проповѣдниковъ. Отвлеченныя понятія подверглись грубому овеществленію, такъ какъ варварское мышленіе принимало образъ за дѣйствительность и отождествляло символы съ идеями. Въ сознаніи варваровъ „земное и небесное“ перемѣшивались, небо какъ бы спускалось на землю, а въ зволачную высь переносились обыденныя, житейскія отношенія.

Итакъ, не изощренные наблюденіями надъ историческими превратностями, не умудренные опытомъ предшествующихъ поколѣній, германцы взяли на свои плечи непосильное бремя и затратили свои силы на воспроизведеніе доступныхъ ихъ пониманію вѣдѣнныхъ признаковъ идеала, созданнаго ихъ образцами. Само собою понятно, что съ особою силою вниманіе варваровъ было приковано къ чертамъ, присущимъ какъ римскимъ упованіямъ, такъ и христіанскимъ завѣтамъ.

Уже „пророкъ язычества“, Вергилій, выразилъ общее мнѣніе римлянъ, утверждая, что ихъ власть безпредѣльна и безконечна, какъ въ пространствѣ, такъ и во времени. Идея „вѣчнаго города“ воодушевляла всѣхъ, и даже христіане, по таинственнымъ обѣтованіямъ и видѣніямъ, вѣрили, что гибель послѣдней міровой державы произойдетъ лишь въ исходѣ временъ и сроковъ, когда обновится весь міръ.

Поэты, историки и мыслители древности выдѣлили въ особую заслугу Риму объединеніе всѣхъ народовъ въ общемъ, единомъ отечествѣ, охватившемъ „вселенную“. Человѣчество, подчиненное одной власти, образовало единое цѣлов. Национальная исключительность смѣнилась всемірнымъ гражданствомъ. „Братскія узы“ объединили бывшихъ враговъ: побѣжденные были приняты Римомъ въ его нѣдра и получили общее имя съ побѣдителями. Имперія положила конецъ усобицамъ и водворила прочный „римскій миръ“, прославленный современными писателями и стяжавшій, по непреложному свидѣтельству надписей, общее сочувствіе населенія. Это умпротвореніе враждующихъ и жестокихъ народовъ признавалось задачей, возложенной промысломъ на римскую державу. Сами императоры вдохновлялись мыслью объ одинаковыхъ для всѣхъ законахъ и равномъ для всѣхъ „правѣ“. Такимъ образомъ, Римская имперія выдвинула и отчасти осуществила идеаль „общечеловѣческаго союза“, подчиненнаго одному властелину и представлявшагося *единымъ цѣлымъ*, части котораго были плотно скованы *правдою закона*, воспринявшаго общечеловѣчскія начала, и скрѣплены подвореннымъ ею, всѣмъ желаннымъ *миромъ*.

Политическое и культурное объединеніе древняго міра, совершенное Римомъ, нанесло смертельный ударъ национальнымъ религіямъ и создало потребность и въ религіозномъ единствѣ. Эта потребность была вполне удовлетворена христіанствомъ. Основанной Спасителемъ церкви присущи признаки, сближающіе ее съ римской имперіей: по обѣтованію Искушителя, церковь Его должна существовать до скончанія вѣка, при чемъ „врата ада“ не могутъ одолѣть ее. Въ ея лонѣ

всѣ люди являются „братьями“, „сынами общаго Небеснаго Отца“, а потому національныя особенности теряютъ значеніе тамъ, гдѣ „нѣтъ ни іудея, ни еллина“. Всѣмъ послѣдователямъ новаго вѣроученія присвоено общее имя — „христіане“, совокупность которыхъ составляла „единое тѣло“ церкви, они должны были составить „единое стадо“ при „единомъ пастырѣ“. При рожденіи Богочеловѣка ангелы возвѣщали „на землѣ миръ“, а въ прощальной бесѣдѣ самъ Спаситель завѣщалъ миръ своимъ ученикамъ. Апостолы, въ свою очередь, неоднократно наставляли обращенныхъ „искать миръ“ и „имѣть его, по возможности, со всѣми людьми“. Милословіе, въ силу этого, сдѣлалось одной изъ яркихъ отличительныхъ чертъ послѣдователей новаго ученія, слывшихъ за „сыновъ мира“. Далѣе, выполненіе одинаковыхъ для раба и свободнаго заповѣдей вымѣнялось въ обязанности христіанамъ. Общимъ для всѣхъ ихъ идеаломъ было „царство Божье“, такъ какъ божественный Искупитель увѣщалъ „прежде всего искать царство Божье и правду его“. Этотъ идеалъ не представлялся чѣмъ-то исключительно отвлеченнымъ, духовнымъ или загробнымъ: проповѣдью о приближеніи ожидаемаго царства Божьяго начинается Евангеліе; самая священная для христіанъ молитва возноситъ къ Отцу небесному просьбу о наступленіи „царства Его“; обтѣванія Спасителя гласятъ: „есть нѣкоторые изъ стоящихъ здѣсь, которые не вкусятъ смерти, какъ уже увидятъ царствіе Божье, приходящее въ силѣ“; „и проповѣдано будетъ сіе Евангеліе царства по всей вселенной, во свидѣтельство всѣмъ народамъ“.

Взаимныя отношенія языческаго міроваго государства и возвѣщеннаго Евангеліемъ Божьяго царства раскрываетъ блаженный Августинъ ¹⁾, духовный пождь средневѣковья, его излюбленный руководитель и вдохновитель.

Въ этомъ великомъ отцѣ церкви государственныи геній Рима соединялся съ мистическимъ воодушевленіемъ семитовъ, огромный

¹⁾ Пособіями послужили: *Bindemann*. Der heilige Augustinus V. I. Berlin 1844. V. II Leipzig 1855; V. III Greifswald 1869. *Reuter*. Augustinische Studien. Gotha 1867. Проф. *Герье*. Средневѣковое міровозрѣніе, его возникновеніе и идеалъ. В. Е. № 1. 1891 г. *Кн. Ев. Трубицкой*. Міросовершенство блаженнаго Августина. Москва 1892. *Bernheim*. Politische Begriffe des Mittelalters im Lichte der Anschauungen Augustins (Deutsche Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. N. F. V. I 1896—1897). *Родниковъ*. Ученіе блаженнаго Августина о взаимныхъ отношеніяхъ между государствомъ и церковью. Казань 1898. Sancti Aurelii Augustini, De civitate Dei Libri XXII iterum recognovit *Dombart*. Vol I—II 1877—1892. Lipsiae. Migne. Coursus patrologiae. Series latina. T. 32—47.

философскій умъ уживался съ пламенной вѣрой, пророческое прозрѣніе шло рука объ руку съ холоднымъ, логическимъ построениемъ, вольный порывъ свободной мысли не исключалъ склонности къ принужденію даже въ области вѣры. Блаженный Августинъ былъ мистикъ-идеалистъ, обладавшій яснымъ практическимъ смысломъ вмѣстѣ съ блестящимъ литературнымъ талантомъ и богатыми разносторонними свѣдѣніями. Онъ былъ превосходно подготовленъ и имѣлъ всѣ данныя для того, чтобъ осмыслить ходъ предшествующей жизни человѣчества и дать философское освѣщеніе пережитымъ превратностямъ, указывая въ то же время идеалъ для настоящаго и будущаго.

Отрицательно относясь къ языческой древности, блаженный Августинъ, въ противоположность основанному насиліемъ земному и конечному государству, яркими красками рисуешь вѣчное царство Божье. Оно не только нѣчто умозрительное или паридее въ заоблачной выси: оно существуетъ искони и наполняетъ собою всю исторію человѣчества отъ сотворенія міра и до послѣднихъ временъ, когда возстанетъ нарушенный грѣхомъ гармоничный строй вселенной; оно обнимаетъ, какъ высшее единство, все твореніе, видимое и невидимое, отводитъ каждому свое мѣсто, водворяя „истинный миръ, т. е. спокойствіе порядка“ ¹⁾ и осуществляя тѣмъ самымъ всеобщій законъ природы — торжество вѣчной правды ²⁾, состоящей въ подчиненіи Богу. Своеобразное толкованіе откровенія Апостола Іоанна даетъ Августину основаніе ³⁾ усматривать въ церкви „царство Христово и царство небесное“ ⁴⁾. Онъ прямо называетъ ⁵⁾ „церковь Христову градомъ Божьимъ“. „Странствующій на землѣ градъ Божій переплетается и перемѣшивается съ земнымъ царствомъ“ ⁶⁾ и въ этомъ его коренное отличіе отъ жизни будущаго вѣка.

Такимъ образомъ, церковь является посредствующимъ звеномъ между временнымъ и вѣчнымъ, переходящимъ и неизмѣннымъ.

Въ противоположность церкви свѣтское государство создано людьми, а потому оно, конечно, и стремится къ временнымъ благамъ путемъ водво-

¹⁾ De civitate Dei Lib. XIX cap. 13. Vol. II, p. 377.

²⁾ De civitate Dei Lib. XIX cap. 21 и 27. Vol II, p. 389 ss.

³⁾ De civitate Dei Lib. XX c. 7—9. Vol. II, p. 418 ss.

⁴⁾ De civitate Dei Lib. XX c. 9. Vol. II, p. 429.

⁵⁾ De civitate Dei Lib. XVI c. 2. Vol. II, p. 124. Lib. XX c. 11. Vol. II, p. 434. „ecclesia Christi, quae civitas Dei est“.

⁶⁾ De civitate Dei Lib. I cap. 35. Vol. I, p. 51. Lib. XX c. 9. Vol. II, p. 427 ss.

ренія „земнаго мира“¹⁾, „мира смертныхъ“, или „упорядоченнаго согласія“²⁾, узы коего связываютъ человѣчскій родъ въ „единодушное единство“³⁾. Государство, чтобъ не быть большою разбойничьей шайкой, должно жить по правдѣ (*justitia*)⁴⁾. Но какъ истинный миръ, такъ и „истинная правда“ присуща исключительно общественному союзу, основанному и управляемому Христомъ, т. е. „Граду Божьему“—церкви⁵⁾. (Отсюда ясно, что государство не можетъ удовлетворить единственному имѣющему смыслъ стремленію, исключительной цѣли человѣческаго существованія—„достиженію безконечнаго царства“⁶⁾ и подготовленію къ жизни будущаго вѣка.

Сами владыки земные, какъ христіане, должны покорствовать и служить церкви по исполненію пророчества: „и поклонятся ей всѣ цари земные: всѣ народы послужать ей“⁷⁾. Вполнѣ послѣдовательно блаженный Августинъ училъ⁸⁾, что свѣтскіе сановники обязаны исполнять приказанія епископа, ибо всякая власть въ пользѣ церкви находитъ оправданіе своего существованія. Цари должны служить Господу въ страхѣ⁹⁾, ибо на нихъ лежатъ двойныя обязанности: „каждый изъ нихъ служить Богу“¹⁰⁾, какъ человѣкъ, живя по вѣрѣ, и какъ царь, „устанавливая ненарушимость законовъ, предписывающихъ справедливое и поспешающихъ противное“. На царяхъ лежатъ забота о недопущеніи безнаказаннаго восстанія противъ церкви¹¹⁾ и наблюденіе за исполненіемъ божественныхъ предписаній путемъ обуздыванія непокорныхъ волѣ Бога¹²⁾, такъ какъ Онъ установилъ

¹⁾ De civitate Dei Lib. XIX c. 17. Vol. II, p. 384.

²⁾ De civitate Dei Lib. XIX c. 13. Vol. II, p. 377.

³⁾ De civitate Dei Lib. XIV c. I. Vol. II, p. 3. „unitas concors“.

⁴⁾ De civitate Dei Lib. IV c. 4. Vol. I, p. 160.

⁵⁾ De civitate Dei Lib. II c. 21. Vol. I, p. 83. „vera justitia“.

⁶⁾ De civitate Dei Lib. XIX c. 10, p. 870; c. 20 p. 889. Lib. XXII c. 30. Vol. II, p. 636.

⁷⁾ Contra litteras Petilliani Lib. II § 210 p. 830. Migne, T. 43. Epist. № 173 § 10 p. 757 Ep. № 106. c. III § 6 p. 398. Migne, T. 83. De civitate Dei Lib. V c. 24. Vol. I, p. 237.

⁸⁾ Epist. № 138 § 3 Migne, T. 33 ep. 510. cp. Epist. № 184 § 3 Migne, T. 33 p. 511. № 185 c IV § 18 p. 801.

⁹⁾ Epist. № 93 c. V § 18 p. 330. Migne, T. 33.

¹⁰⁾ Epist. № 185 § 19 c. V p. 801. Migne, T. 33. Cp. Contra Cresconium Donatistam Lib. III c. 51 § 58. Migne, T. 43 p. 527.

¹¹⁾ Contra Gaudentium Lib. I c. 84 § 44. Migne, T. 43 p. 733.

¹²⁾ Contra Gaudentium Lib. I c. 35 § 45. Migne, T. 43 p. 734.

царскую власть для пораженія еретиковъ ¹⁾, а потому повелѣнія царей должны содѣйствовать проповѣди религіи и обузданію святотатцевъ ²⁾. Отсюда слѣдуетъ, что не всякое требованіе властей подлежитъ выполненію, ибо оказавшій неповиновеніе изданному противъ истины закону получаетъ отъ Господа вѣнецъ и одобреніе, такъ какъ не дѣлаеть того, что воспретилъ Богъ. Наоборотъ, христіанинъ, неповинующійся истинному повелѣнію, внушенному самой Истиной, подлежитъ карѣ Бога и людей ³⁾; цари земные подвластны царю Небесному, управляющему всѣмъ ⁴⁾, и являются простыми исполнителями Его воли, когда предписываютъ благое ⁵⁾. Всякая власть происходитъ отъ Бога и римская имперія находится въ Его распоряженіи ⁶⁾. Однимъ изъ условій благополучія императоровъ является превращеніе ими своей власти въ орудіе для распространенія, возможно большаго, почитанія Бога ⁷⁾. Требованіе религіи указываетъ, что на императорахъ лежитъ забота не только о земномъ, но и о наказаніи прегрѣшающихъ въ дѣлахъ божественныхъ ⁸⁾. Христіанскіе императоры имѣютъ право карать еретиковъ и отступниковъ ⁹⁾, а потому поступаютъ правильно, принуждая ихъ къ единству ¹⁰⁾.

Обращеніе къ императорской власти за помощью въ дѣлѣ религіознаго характера вполне законно и дозвоительно ¹¹⁾; императоры и Христосъ повелѣваютъ любить миръ и поддерживать единство, такъ какъ чрезъ нихъ приказываетъ Христосъ, когда она требуютъ благое ¹²⁾.

Стало бытъ, блаженный Августинъ отводитъ свѣтской власти служебное положеніе въ церкви: собственные слова и выраженія епископа Иннонскаго не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что только власть исполнительная является удѣломъ даже могуще-

¹⁾ Contra litteras Petiliani Lib. II c. 34 § 217. Migne, T. 43 p. 332.

²⁾ Epist. № 105 c. II § 7 p. 398—399. Migne, T. 33.

³⁾ Epist. № 105 c. II § 7. Migne, T. 33 p. 398.

⁴⁾ Enarratio in psalmum LV § 2. Migne, T. 36 p. 647.

⁵⁾ Epist. № 105 c. III § 11 p. 400. Migne, T. 33.

⁶⁾ De civitate Dei Lib. V c. 21. Vol. I, p. 232.

⁷⁾ De civitate Dei Lib. V c. 24. Vol. I, p. 237. Si suam potestatem famulam faciunt.

⁸⁾ Contra Gaudentium Lib. II c. 12 § 13. Migne, T. 42 p. 749.

⁹⁾ Contra epistolam Parmeniani Lib. I c. 10 § 16. Migne, T. 43 p. 45.

¹⁰⁾ Sermo 46 c. 17 § 41 p. 295. Migne, T. 38 cp. Epist. № 93 c. V § 17. Migne, T. 33 p. 380.

¹¹⁾ Contra epistolam Parmeniani Lib. I c. 9 § 15. Migne, T. 43 p. 44.

¹²⁾ Epist. № 105 c. III § 11. Migne, T. 33 p. 400.

ственнѣйшихъ изъ земныхъ владыкъ. Своими мѣропріятіями они должны содѣйствовать водворенію идеальнаго строя, существенными признаками котораго служатъ миръ, единство и правда, хранимыя *оселенской* церковью Христовой ¹⁾.

Однако и въ глазахъ бл. Августина Римъ остается „главою народовъ“ ²⁾. Римскій епископъ, по его мнѣнію ³⁾, сидитъ на „престолѣ единства“, и, „даже будучи дурнымъ“, принужденъ говорить доброе, такъ какъ говорить не свое, а Божье, „ибо Богъ вложилъ ученіе истины въ каедрѣ единства“. Въ римской церкви всегда уважается первенство апостольской каедрѣ ⁴⁾, ибо она была занята Петромъ ⁵⁾, коему бл. Августинъ отводитъ особое положеніе между апостолами: онъ является первымъ и главнымъ ⁶⁾ апостоломъ, пользуется первенствомъ ⁷⁾ и главенствомъ ⁸⁾, олицетворяетъ собою церковь ⁹⁾ и служить представителемъ ея единства ¹⁰⁾, въ знакъ чего ему одному вручены ключи царства небеснаго ¹¹⁾ и на немъ одному Спаситель образовалъ церковь ¹²⁾. Непрерывное преемство ряда православныхъ епископовъ ¹³⁾ связываетъ современнаго Августина папу Анастасія съ Петромъ. Правда, бл. Августинъ далекъ отъ представленія о папѣ какъ самодержавномъ владыкѣ въ церкви и наместникѣ Бога на

¹⁾ См. въ особенности *De unitate ecclesiae liber unus epistola ad Catholicos contra Donatistas* c. 6 ss. Migne, T. 43 p. 399 ss.

²⁾ *Sermo* 24 § 6. Migne, T. 38 p. 166. *Sermo* 381. Migne, T. 39 p. 1684.

³⁾ *Epistola* № 105 c. V § 16. Migne, T. 33 p. 403.

⁴⁾ *Epist.* № 43 c. III § 7. Migne, T. 33 p. 163.

⁵⁾ *Contra litteras Petilianii Lib.* II c. 51 § 118. Migne, T. 43 p. 300.

⁶⁾ *Sermo* 75 c. 1 § 1. c. III § 4. Migne, T. 38 p. 479 и 481 *Sermo* 147 c. 1 § 1. Migne, T. 38 p. 797. *Sermo* 296 c. 1 § 1. Migne, T. 38 p. 1358. *Sermo* 298 c. 1 § 1 p. 1365. *Sermo* 299 c. 1 § 1—2 p. 1367—8. Migne T. 38.

⁷⁾ *Primatus: Enarratio in Psalmum* 106 § 1 p. 1432. Migne, T. 37. *De baptismo contra Donatistas Lib.* II c. 1 § 2 p. 127. Migne, T. 43.

⁸⁾ *Principatus; Sermo* 76 c. 2 § 3 p. 480. Migne, T. 38. *De baptismo contra Donatistas Lib.* II c. 1 § 2 p. 127. Migne, T. 43.

⁹⁾ *Retractationum Lib.* I c. 21 § 1. Migne, T. 32 p. 618. *Sermo* IV c. 18 § 19. Migne, T. 38 p. 43. *Sermo* 75 c. 9 § 10 p. 478. *Sermo* 76 c. 2 § 3 p. 480. *Sermo* 149 c. VI § 7 p. 802. *De agone christiano Lib.* I c. 30 § 82 p. 806. Migne, T. 40.

¹⁰⁾ *Sermo* 46 c. 13 § 30 p. 287. *Sermo* 295 c. IV § 4 p. 1350. Migne, T. 38. *Sermo* 76 c. 1 § 1 p. 479.

¹¹⁾ *Tractatus* 118 § 4 p. 1949. Migne, T. 35. *Sermo* 295 c. 2 § 2 p. 1349. Migne, T. 38.

¹²⁾ *Sermo* 137 c. III § 3 p. 755. Migne, T. 38.

¹³⁾ *Epistol.* № 53 c. 1 § 2 p. 196. Migne, T. 33.

землѣ. Но не подлежитъ никакому сомнѣнію, что авторъ „града Божьяго“ выдѣлялъ римскаго епископа изъ среды его собратій¹⁾.

Въ данномъ случаѣ нѣтъ я рѣчи объ опредѣленіи степени самостоятельности епископа Иппонскаго, установленіи его предшественниковъ, или разслѣдованіи вопроса, кому и чѣмъ именно онъ былъ обязанъ. Конечно, воззрѣнія бл. Августина сложились подъ вліяніемъ опредѣленныхъ историческихъ условий, извѣстной среды и склонностей, а потому и приближаются къ взглядамъ другихъ церковныхъ писателей, но не происхождение его идей, а ихъ вліяніе имѣетъ ближайшее отношеніе къ подготовкѣ церковно-общественныхъ преобразованій XI вѣка.

Для послѣдующаго построенія необходимо показать, что сама свѣтская власть признавала свое служебное положеніе какъ должное, а римскіе епископы уже на первыхъ порахъ притязали на особое вліяніе въ церкви. Въ подтвержденіе этого достаточно останутся на основныхъ мысляхъ извѣстнаго эдикта Валентиніана III и руководящихъ принципахъ перваго изъ великихъ палъ—Льва.

Валентиніанъ III, ничтожный развратникъ, убійца храбраго Аэція, игрушка придворныхъ интригъ, испытывалъ суевѣрный страхъ передъ римскимъ епископомъ и обшародовалъ эдиктъ²⁾, наглядно показывающій, какихъ кружныхъ успѣховъ достигла уже въ половинѣ V вѣка идея міровой власти папы. Частный поводъ, столкновение Льва I съ Гиларіемъ Арльскимъ, открылъ общее положеніе, занятое „премиками св. Петра“. Отъ имени обоихъ императоровъ, Феодосія и Валентиніана, въ эдиктѣ провозглашается „первенство апостольскаго престола, скрѣпленное заслугами св. Петра, достоинствомъ Рима и соборными постановленіями, дабы никто не отважился на что-либо педозволенное, вопреки авторитету римской каедрѣ“. Необходимымъ условіемъ сохранения повсюду мира церковнаго императоры объявляютъ признаціе вселенной своего правителя—папы. Судъ надъ епископами и ихъ посвященія имѣють силу только послѣ одобренія папы. Его приговоръ не нуждается въ императорскомъ одобреніи, тогда какъ противодействие его предписаніямъ воспрещается, какъ оскорбляющее вѣру и уваженіе къ императорской власти. Для епископовъ всѣхъ провинцій должно служить закономъ все, что только скрѣпилъ или скрѣ-

¹⁾ Подробности см. у *Reuter*, *Augustinische Studien*. Gotha 1887. Studie V p. 231 а. *Langen*, *Geschichte der römischen Kirche bis zum Pontificate Leos I*. Bonn 1881 p. 860 а. *Билль Трубенкой*. Міросозерцаніе бл. Августина, стр. 249 сл.

²⁾ *Migne*, T. 54 p. 636—640.

нить авторитетъ апостольскаго престола. Правители провинцій, которымъ грозитъ крупная кара за допущеніе нарушеній эдикта, обязаны принудить виновныхъ явиться на судъ папы.

Такимъ образомъ, органы центральнаго правительства, по его же указу, превращаются въ проводниковъ папскаго преобладанія. Епископъ вѣчнаго города осуществляетъ свои вѣдѣнія при содѣйствіи свѣтскихъ сановниковъ, обреченныхъ закономъ на роль блюстителей его интересовъ.

Въ данномъ случаѣ подобное положеніе занимаетъ самъ императоръ. Правда, за ничтожнымъ Валентиніаномъ виднѣется могучій образъ Льва, властная воля котораго подчинила слабого владыку. И самая возможность обнародованія такого указа на имя могущественнаго Азія ясно показываетъ, что въ общемъ сознаніи пустяка глупые бокіе корни идея всесвѣтной власти римскихъ епископовъ.

Разсмотрѣнный эдиктъ стоитъ въ ближайшей связи съ воззрѣніемъ виновника его появленія—папы Льва.

Этотъ великій борецъ за сохраненіе чистоты вѣры, давая отпоръ еретикамъ и отстаивая преимущества римской катедры, опирался на авторитетъ св. Петра, князя апостоловъ ¹⁾ и всей церкви ²⁾, главы всѣхъ епископовъ ³⁾, избраннаго ⁴⁾ изъ цѣлаго міра въ вожди „при званія всѣхъ племенъ, всѣхъ апостоловъ и всѣхъ отцовъ церкви“. Являясь незыблемымъ основаніемъ церкви, ея краеугольнымъ камнемъ, ап. Петръ передаетъ свою крѣпость своимъ наследникамъ ⁵⁾ непрестанно сидить на своемъ престолѣ, такъ что, по выраженіи Льва ⁶⁾, „если что-либо въ наше время правильно совершается нами и правильно рѣшается, то это слѣдуетъ приписать руководительству и трудамъ Петра, крѣпость вѣры коего вѣчна“ ⁷⁾. Онъ былъ предъ назначенъ Богомъ для Рима, столицы имперіи ⁸⁾, приготовленною божественнымъ Провидѣніемъ, дабы Его неизреченная благодать разлилась по всему міру“ ⁹⁾. Благодаря Петру и Павлу „Римъ сдѣлалъ

¹⁾ Sermo III с. 2, р. 145. Migne, T. 54. Ср. Sermo IV с. 2 р. 150 и Sermo 82 с. 3 р. 424.

²⁾ Sermo IV с. 4 р. 152. Ср. Sermo 73 с. 2, р. 395.

³⁾ Sermo III с. 3, р. 146.

⁴⁾ Sermo IV с. 2, р. 149—150.

⁵⁾ Sermo V с. 4 р. 156.

⁶⁾ Sermo IV с. 4 р. 152, ср. Sermo III с. 3 р. 146.

⁷⁾ Sermo III с. 2 р. 145—6.

⁸⁾ Sermo 82 с. 3 р. 424.

⁹⁾ Sermo 82 с. 2 р. 423.

святымъ племенемъ ¹⁾, избраннымъ народомъ, святительскимъ и царскимъ городомъ, главой міра по священному престолу блаженнаго Петра: божественная религія расширила кругъ римской державы больше, чѣмъ земное владычество, ибо меньше подданныхъ подчинили ей трудныя войны, чѣмъ христіанскій миръ ²⁾. Обращеніе въ христіанство владыки міра ³⁾—Рима было необходимо для того, чтобъ „свѣтъ истины, открывшейся на спасеніе всѣхъ племенъ, былъ свальце разлитъ самой главой по всему тѣлу міра“ ⁴⁾. „Вѣдь людей какого племени не было въ то время въ этомъ городѣ? или какіе народы не знала когда-либо то, чему научился Римъ?“

Стало быть, по мнѣнію Льва, весь міръ представляетъ собой *единое тѣло*, главой котораго является Римъ, хранитель и проповѣдникъ единства въ области вѣры. Но истинные христіане должны, по слову апостольскому, „сохранять *единство* духа въ союзѣ *мира*“ ⁵⁾.

Съ особой полнотою папа Левъ открываетъ свои воззрѣнія на миръ въ проповѣдяхъ, связанныхъ съ праздникомъ Рождества. Онъ наставляетъ здѣсь ⁶⁾, что благочестивое почитаніе заключается единственно въ принесеніи Богу того, что онъ самъ даровалъ людямъ. Въ сокровищницѣ же божественной щедрости нельзя найти ничего болѣе подходящаго для празднованія Рождества, чѣмъ миръ, возвѣщенный впервые при рожденіи Госнода ангелами. Вѣдь миръ рождаетъ сыновъ божьихъ, является кормильцемъ любви и родителемъ единства, покоемъ блаженныхъ и жилищемъ вѣчности. Къ этому благу побуждаетъ насъ Апостолъ говоря: „оправдавшись вѣрою, будемъ имѣть миръ съ Богомъ“. Это изреченіе, несмотря на свою краткость, заключаетъ въ себѣ почти всѣ заповѣди, ибо гдѣ будетъ истина мира, тамъ не можетъ отсутствовать какая-либо добродѣтель: „вѣдь имѣть миръ съ Богомъ значитъ хотѣть то, что онъ приказываетъ и не желать того, что онъ воспрещаетъ“ ⁷⁾. По опредѣленію ⁸⁾ Льва „истинный миръ для христіанина—не отдѣляться отъ воли божьей и находить утѣху только въ томъ, что любить Бога“. Не слѣдуетъ смѣшивать завѣщанный Спасителемъ миръ съ миромъ мірскимъ, ибо „миръ

¹⁾ Sermo 82 с. 1 р. 438.

²⁾ Sermo 82 с. 4 р. 424.

³⁾ Sermo 82 с. 3 р. 424.

⁴⁾ Sermo 96 с. 9 р. 465.

⁵⁾ Sermo 26 с. 3 р. 214.

⁶⁾ Sermo 26 с. 4 р. 215.

⁷⁾ Sermo 29 с. 1 р. 227.

духовныхъ и православныхъ, сойдя свыше и направляя въ горнія, не желаетъ, чтобы мы имѣли какое-либо общеніе съ любящими міръ, и побуждаетъ насъ оказывать имъ всяческое противодѣйствіе, равно какъ заставляетъ подниматься отъ пагубныхъ утѣхъ къ истиннымъ радостямъ, куда насъ ведетъ духъ мира, разъ мы хотимъ и чувствуемъ одно и то же, будучи согласны въ вѣрѣ, надеждѣ и любви¹⁾. „Любовь къ міру несовмѣстима съ любовью къ Богу, и не достигаетъ сообщества сыновъ божіихъ тотъ, кто не отдѣляется отъ плотскаго поколѣнія. Наоборотъ, кто съ Богомъ въ помыслахъ озабоченъ сохраненіемъ единства духа въ устахъ мира, тотъ никогда не отпадаетъ отъ вѣчнаго закона, набожно глаголя: „Да будетъ поля Твоя“²⁾.

Левъ подчеркиваетъ³⁾ награду, ожидающую „миротворцевъ, единокорныхъ и свято согласныхъ“: ихъ ожидаетъ не только „успокоеніе въ спокойнѣйшемъ мирѣ Бога, но Его помощь въ борьбѣ съ постоянными дьявольскими кознями, ибо для имѣющихъ миръ съ Богомъ не страшны никакія состязанія; имъ не могутъ повредить никакія столкновенія, такъ какъ самъ Господь закапчиваетъ всякую войну за тѣхъ, кто отвергаетъ отвергнутое имъ и желаетъ угоднаго Ему“.

Въ этихъ воззрѣніяхъ папы Льва явственно слышны отголоски развитыхъ блаженнымъ Августиномъ положеній. Единство и миръ остаются признаками истинныхъ сыновъ божіихъ и главной задачей ихъ дѣятельности. Остается и противоположеніе между мірскими сообществами и единеніемъ вѣрныхъ, между миромъ Бога и мира. Истинный миръ получаетъ вполнѣ одинаковое опредѣленіе какъ покорность волѣ Небеснаго Отца.

Но какъ узнать эту волю, какъ научиться соблюдать ее, чтобы невольнымъ отступленіемъ не лишить себя божественной помощи и преодолѣть непрерывныя ухищренія древняго врага?

Общая указанія Евангелія недостаточно точно опредѣляютъ поведеніе во всѣхъ превратностяхъ сложной житейской суеты. Измѣненіе историческихъ условій, превращеніе христіанства изъ религіи преслѣдуемыхъ въ господствующее вѣроисповѣданіе внесли рядъ новыхъ потребностей и запросовъ, подлежащихъ удовлетворенію. Но и тутъ подлежало дѣйствовать въ видахъ соблюденія мира и единства. Стало быть, необходимо подчиниться нормамъ и опредѣленіямъ,

¹⁾ Sermo 26 с. 5 р. 216.

²⁾ Sermo 96 с. 9 р. 465.

³⁾ Sermo 26 с. 4 р. 215, ср. Sermo 96 с. 9 р. 465—466.

выработаннымъ христіанскимъ міромъ во всей его совокупности и цѣльности. Голосъ всей церкви долженъ былъ получать обязательную силу, какъ необходимое условіе сохраненія единства и мира, какъ залогъ водворенія правды.

Этотъ обширный сводъ, опредѣлявшій должное и запретное, являлся насущной необходимостью, руководствомъ въ повседневныхъ отношеніяхъ. Въ церковной жизни рано появляются „Правила“ разнаго рода, стремящіяся унорядочить не только строй христіанскихъ общинъ, но и поведеніе ихъ членовъ, провести черту, отдѣляющую грѣхъ и беззаконіе отъ дозволеннаго и обязательнаго. Мало-по-малу слагался и вырабатывался своеобразный кодексъ особыхъ церковныхъ законовъ-каноновъ.

Папа Левъ стоитъ на стражѣ ихъ, считаетъ ихъ голосомъ правды, ибо спокойствіе вселенскаго мира можетъ быть охраняемо только подъ условіемъ полнѣйшаго къ нему уваженія, сказывающагося въ соблюденіи каноновъ ¹⁾. Въ посланіи къ императору Маркіану Левъ прямо говоритъ, что каноны изданы для водворенія мира въ церкви вселенской ²⁾. Особое значеніе онъ придаетъ ³⁾ „пребывающимъ въ силѣ до скончанія вѣка“ канонамъ Никейскаго собора, находя, что по всѣмъ церквамъ вселенной настанетъ спокойный миръ и прочное согласіе, если его постановленія будутъ соблюдаться въ полной непркосновенности ⁴⁾. Каноны св. отцовъ, по убѣжденію Льва, составлены Духомъ Божиимъ и освящены уваженіемъ къ нимъ всего міра ⁵⁾.

Такимъ же божественнымъ установленіемъ является примать римской церкви ⁶⁾. Первенство Петра, „князя всей церкви“ ⁷⁾, перешло къ его преемникамъ и замѣстителямъ—римскимъ епископамъ ⁸⁾; даже въ недостойныхъ наследникахъ сказывается его достоинство ⁹⁾, а

¹⁾ Epist., № 119, p. 1045, c. 4.

²⁾ Epist., № 136, c. 2, p. 1099.

³⁾ Epist., № 106, c. 2, p. 1008, c. 4, p. 1005; № 107, p. 1009; № 114, c. 2, p. 1029—1031; № 119, c. 3, p. 1043; № 135, c. 3, p. 1098: „Nicaenorum canonum universalis ecclesiae pacem servantia decreta“.

⁴⁾ Epist., № 105, c. 2, p. 999.

⁵⁾ Epist., № 14, c. 2, p. 672.

⁶⁾ Sermo, 14, c. 4, p. 507. Ср. выше стр. 364 слѣд.

⁷⁾ Sermo, IV, c. 4, p. 152.

⁸⁾ Sermo, III, c. 4, p. 147. Ср. Sermo, II, c. 2, p. 143—144 и Sermo, V, c. 4, p. 155.

⁹⁾ Sermo, III, c. 4, p. 147.

потому его престолъ всегда чистъ отъ сресей ¹⁾ и исполѣдуетъ вѣру, врученную апостоламъ ²⁾. Сохраненіе вѣдннй апостольскаго духа дѣлаеть яполнѣ заслуженнымъ первенство римской кавоедры ³⁾, которая „чрезъ апостола Петра имѣеть главенство надъ всѣми церквами цѣлаго міра“ ⁴⁾; блаженнѣйшему епискону Рима древность вручила перпенство священства надъ всѣми ⁵⁾. „Первому престолу принадлежить судъ надъ всѣмъ христіанскимъ міромъ“ ⁶⁾, и къ единой кавоедрѣ Петра стекается забота о вселенской церкви, дабы ничто не отпадало отъ главы ⁷⁾.

Сравнительно съ блаженнымъ Августинимъ папа Левъ дѣлаеть дальнѣйшій шагъ въ развитіи ученія о папскомъ приматѣ и уже подчиняеть церковь вселенскую законодателью міра—римскому первосвятителю. При такомъ высокомъ понятіи о власти римскаго епискона и кругѣ его обязанностей папа Левъ, естественно, отводитъ имперіи въ сущности служебное положеніе. Такъ, онъ полагаетъ, что императоры должны унимать нарушителей церковнаго и государственнаго міра ⁸⁾, ибо „божественное Провидѣніе приговорило помощь императоровъ для сохраненія каволической истины“ ⁹⁾, защиты вѣры отъ еретическихъ ухищреній ¹⁰⁾, устраненія соблазновъ и попеченія о мирѣ божьихъ церквей ¹¹⁾. Поставленный Богомъ во главѣ всего міра императоръ долженъ помогать своей матери-церкви ¹²⁾, такъ какъ власть вручена ему не столько для управленія міромъ, сколько для защиты церкви ¹³⁾.

Слѣдовательно, и по данному вопросу замѣчается сходство основныхъ возрѣній Льва Великаго и блаженнаго Августина.

Необходимо, однако, отмѣтить и отличіе: намѣстникъ св. Петра не проводитъ такой рѣзкой черты между духовной и свѣтской властью, ка-

¹⁾ Sermo, III, с. 3, р. 147, Sermo, 96, с. 3, р. 463.

²⁾ Ер., № 52, с. 1, р. 847.

³⁾ Ер., № 68, с. 1, р. 889.

⁴⁾ Ер., № 65, с. 2, р. 881.

⁵⁾ Ер., № 55, р. 859.

⁶⁾ Ер., № 120, с. 1, р. 1047, ср. № 55, р. 859.

⁷⁾ Ер., № 14, с. 11, р. 676.

⁸⁾ Ер., № 118, с. 1 и 2, р. 1040.

⁹⁾ Ер., № 111, с. 1, р. 1020.

¹⁰⁾ Ер., № 112, с. 1, р. 1023. ср. № 101, с. 1, р. 975.

¹¹⁾ Ер., № 165, с. 10, р. 1171.

¹²⁾ Ер., № 164, с. 1, р. 1149.

¹³⁾ Ер., № 156, с. 3, р. 1130.

кою ихъ разграничиваетъ епископъ Иппонскій. Въ вѣчномъ городѣ слынѣе сказываются преданія о единой власти, охватывающей всѣ стороны человѣческаго бытія, и продолжаютъ жить отголоски прежняго смѣшенія области религіи съ государственнымъ строемъ, глава котораго былъ и верховнымъ жрецомъ и священною особою, имѣлъ свой храмъ и свой культъ. Существовавшія цѣлыя вѣка воззрѣнія не могутъ умереть по мановенію державной руки, сохраняютъ свое обаяніе надъ умами и только приспособляются къ новымъ порядкамъ и измѣненіямъ.

Такъ и послѣ принятія христіанства императоры не утратили своего значенія въ религіозной жизни, и сами пастыри церковные признавали за ними рѣшающій голосъ въ распряхъ и смутахъ, терзавшихъ христіанскій міръ: бывшій „верховный жрецъ“ превратился въ „епископа отъ виѣшнихъ“, или „поставленнаго Богомъ общаго для всѣхъ епископа“. Въ мощной императорской власти усматривали необходимое условіе для поддержанія единства, сохраненія мира и соблюденія правды.

Императоры такъ и понимали свою задачу, и неоднократно ихъ рвеніе и усердіе, заходя слишкомъ далеко, вносили смуту, расколъ, принужденіе и насиліе въ церковную жизнь. На мѣсто духовнаго единства, божескаго мира и завѣтовъ вѣчной правды въ нее властно вторгались виѣшнее, достигнутое угрозами и муками, единство, продиктованная державной волею правда и вынужденный страхомъ призракъ мира. Виѣшность вытѣснила духовную сущность, и ради сохраненія оболочки гибло внутреннее глубокое содержаніе, религія духа превращалась въ соблюденіе формы, одобренной правительствомъ. Эта перемѣна происходила въ силу увеличенія вліянія варварства, увлекавшагося доступной его пониманію виѣшностью и неспособнаго проникнуть въ таинственную глубину новаго ученія.

Не притворство, не угодиливость заставляли даже передовыхъ людей склонять чело передъ „произволомъ“, но убѣжденіе въ законности вторженія императоровъ въ область вѣры. Оно было дѣломъ естественнымъ, привычнымъ и для представителя культуры древняго міра, обожествлявшаго своихъ правителей, и для варваровъ, короли и старѣйшины которыхъ были одновременно и жрецами, и для іудеевъ, находившихъ въ своихъ священннхъ книгахъ указаніе на царей-священниковъ.

Нисколько, поэтому, неудивительно, что отцы соборовъ халке-

донскаго и константинопольскаго привѣтствовали императоровъ какъ царей и святителей, когда даже законъ ¹⁾ не признавалъ большого отличія между святительствомъ и императорствомъ. Неудивительно, когда и папа Левъ Великій пишетъ ²⁾, что государи его времени не только обладаютъ царскою властью, но и святительскимъ ученіемъ, что Богъ даруетъ имъ кромѣ царскаго вѣнца и святительскую палму, что епископамъ потребно заклинать не только царскій, но и святительскій умъ императора, что въ Маркіанѣ на благо всего міра живеть и царская мощь и святительское рвеніе.

Конечно, всѣ эти изреченія не доказываютъ, что папа Левъ признавалъ императора главою церкви. „Святительство“, „апостольство“ кесарей слѣдуетъ понимать не въ смыслѣ права учить, наставлять, толковать и раскрывать истины вѣроученія, а въ смыслѣ обязанности поддерживать установленное церковью воззрѣніе. Какъ каждый христіанинъ, такъ и императоръ, стоя на высотѣ своей задачи, обнаруживалъ и качества и свойства, присущія святителямъ въ силу особой благодати. Таковъ именно общій смыслъ и приведенныхъ выраженій Льва Великаго, какъ показываетъ вся его дѣятельность и рѣшительное отрицаніе имъ вліянія политическихъ соображеній на организацію церкви ³⁾.

Несмотря на отдѣльные проблески, идея отдѣленія области церкви и государства не проникала еще глубоко въ общее сознаніе, хотя преемникамъ Льва удалось точно разграничить и опредѣлить взаимныя отношенія властей въ направленіи, намѣчаемомъ уже Іоанномъ Златоустомъ и Григоріемъ Богословомъ, равно какъ и другими отцами: императоры въ дѣлѣ спасенія нуждались въ святителяхъ, отвѣтственныхъ и за души владыкъ земныхъ, а потому послѣднимъ надлежало признать святительскія полномочія высшими. Принципъ двоевластія вполне опредѣленно проводится папой Геласіемъ въ посланіи ⁴⁾ къ императору Анастасію, гласящемъ, что управленіе міромъ земнымъ, главнымъ образомъ, сосредоточивается въ „священномъ авторитетѣ епископовъ и царской власти“.

¹⁾ Corpus juris civilis pars III. Novellae № 7 с. 2 р. 50. а Osenbrugges recognita. Lipsiae 1887.

²⁾ Epist. № 116 с. 1 р. 1036. Ср. Epist. № 111 с. 3 р. 1023. № 115 с. 1 р. 1031—1033. № 117 с. 2 р. 1038. № 134 с. 1 р. 1094. № 142 с. 1 р. 1111. № 154 р. 1124. № 155 с. 2 р. 1126. № 156 с. 6 р. 1131.

³⁾ Epist. № 104 с. 3 р. 995.

⁴⁾ Migne, T. 56 р. 634. Capitulum 49 с. 2.

Но поскольку государство обнаруживало стремленіе взять въ опеку чисто религиозныя дѣла, постольку церковь простирала область своихъ попеченій и на государственныя отношенія.

Помимо установленнаго уже сходства стремленій и конечныхъ цѣлей, отличавшихся едва уловимыми для громаднаго большинства современниковъ особенностями, необходимо подчеркнуть сходство строя церкви, какъ организаціи, съ римскими учрежденіями, что, конечно, еще болѣе затруднило правильное разграниченіе и приводило почти къ полному сліянію церкви и государства.

Не говоря уже о вліяніи языческихъ коллегій, съ ихъ общими собраніями, совѣтомъ старѣйшинъ (презвитеры), избранными магистратами (ἐπίσκοποι, διάκονοι), взносами и общими пирами, вліяніи, которое склонно ограничивать повѣйшіе изслѣдователи ¹⁾, необходимо отвести первенствующее мѣсто въ дѣлѣ выработки церковнаго организма воздѣйствію устройства римскихъ городскихъ общинъ на церковный строй.

Городъ былъ основной ячейкой римской организаціи и сдѣлался центромъ церковнаго управленія: лаодикейскій соборъ 360 г. постановилъ ²⁾, что впредь нельзя ставить епископовъ ни въ мѣстечкахъ, ни въ деревняхъ; поставленные же въ нихъ до соборнаго рѣшенія не должны ничего предпринимать безъ согласія епископа соответствующаго города. По дѣяніямъ же халкедонскаго собора ³⁾ необходимо учредить новую епископію, разъ мѣстечко дѣлалось городомъ.

Подобно тому какъ нѣсколько городскихъ округовъ составляли одну изъ областей, на которыя раздѣлялась римская имперія, съ высшимъ магистратомъ во главѣ, живущимъ въ главномъ городѣ провинціи (μυτρώπολις), совокупность нѣсколькихъ епископій образовывала епархію метрополита, который, какъ и его римскій образецъ, утверждаетъ избраніе подчиненныхъ ему сановниковъ и созываетъ ихъ на областныя или помѣстные соборы, соответствующіе провинціальнымъ собраніямъ ⁴⁾. Антиохійскій соборъ 341 г. окончательно установилъ,

¹⁾ Sohm, Kirchenrecht p. 10f. Löning, Die Gemeindeverfassung des Urchristentums p. 12 f.

²⁾ Migne, T. 56 p. 720—721. Capitulum 60 c. 57. Cp. Gratiani Decretum Pars I distinctio 80 c. 5 p. 380.—Canones Nicaeni concilii Tit. 83 p. 403—404. Migne, T. 56.

³⁾ Canones synodi chalcodonensis. Migne, T. 56 c. 17 p. 545.

⁴⁾ Cp. Canones Nicaeni concilii c. 7 p. 391 c. 9 p. 391—2.

что главный городъ провинціи долженъ быть и церковно-административнымъ центромъ ¹⁾.

Какъ изъ среды управителей провинціями выдвинулись викаріи или экзархи, которымъ были подчинены по нѣскольку областныхъ подраздѣленій, такъ епископы столицъ діоцезъ превратились въ патріарховъ или экзарховъ ²⁾.

Такимъ же путемъ пошло возвышеніе въ церковномъ отношеніи второй столицы имперіи, Константинополя, подъ власть епископовъ котораго были отданы области, входящія въ составъ восточной половины имперіи, тогда какъ Римъ сдѣлался главою западныхъ провинцій. При чемъ принадлежность къ тому или иному административному подраздѣленію опредѣляла подчиненіе извѣстному церковному центру; такъ, между прочимъ, возникло обоснованіе подчиненія Оссалоникъ римскому епископу.

Даже болѣе отдаленное средневѣковое улавливало эту связь бывой административной системы съ церковной и выражало свое мнѣніе въ своеобразномъ видѣ: лжесидоровскій сборникъ приписываетъ, устами папъ Климента ³⁾, Аваклетта ⁴⁾ и Анникиты ⁵⁾, организацію іерархическаго строя апостоламъ и ихъ ученикамъ, руководившимся языческими образцами. На такой же точкѣ зрѣнія стоятъ и другіе общераспространенные сборники и ⁶⁾ средневѣковые теоретики ⁷⁾.

Въ эпоху упадка императорскаго авторитета на западѣ еще рѣзче выступать значеніе епископовъ, какъ сановниковъ, стремившихся сохранить единство имперіи и ея право, равно какъ водворить поправный миръ. Смѣшеніе церковныхъ обязанностей и государственныхъ функций становится типичнымъ для епископовъ, заступающихъ бывшихъ магистратовъ и являющихся первою и главною опорою центральнаго правительства. Въ ихъ рукахъ сосредоточивается огромная и сложная сила: они являются естественнымъ соединительнымъ звеномъ между областями и императоромъ, такъ какъ ихъ избраніе—дѣло мѣстныхъ жителей, а ихъ дѣятельность направлена къ сохра-

¹⁾ Migne, T. 56. Concilium Antiochenum c. 9 p. 708.

²⁾ Migne, T. 56 p. 998. Canones Nicaeni concilii c. 10. Harduini II p. 606.

³⁾ Epistola Clementis ad Iacobum fratrem Domini c. 28 и 29. Hinschius p. 89.

⁴⁾ c. 26 Hinschius p. 79—80. Epistola Anacleiti secunda.

⁵⁾ Decreta Aniciti c. 3. Hinschius p. 121.

⁶⁾ Ср. напр. Decretum Gratiani Pars I dist. 80 c. 1—3 p. 383—385.

⁷⁾ Walafridus Strabo, De exordiis et incrementis rerum ecclesiasticarum c. 32 p. 515—516.

нению связей съ центромъ; какъ носители идем мѣстнаго самоуправленія, они пускають глубокіе корни въ провинціальную почву; какъ первые сановники имперіи, они имѣють вліятельный и вѣсскій голосъ при дворѣ. Въ сущности епископы сдѣлались хозяевами городовъ, а слѣдовательно и имперіи: они руководили избраніемъ городскихъ магистратовъ и надзирали за всей ихъ дѣятельностью, имѣя право обжаловать всѣ ихъ должностныя распоряженія; городскіе финансы подлежали контролю епископовъ, которымъ чиновники представляли ежегодные отчеты; цѣлыя отрасли городского хозяйства находились въ ихъ вѣдѣніи, они наблюдали за общественными постройками, зданиями и тюрьмами; помощь бѣднымъ, опека надъ сиротами, охрана правъ отсутствующихъ, защита отъ злоупотребленій и взяточничества чиновниковъ, хотя бы занимавшихъ самыя высокія должности, надзоръ за правосудіемъ и право печалованья дѣлали епископовъ средоточіемъ городской жизни; кромѣ суда надъ монахами и духовенствомъ они вершили рядъ чисто гражданскихъ дѣлъ (таковы тяжбы по раздѣлу, наследованію, разводу) и выступали, по приглашенію сторонъ, третейскими судьями, при чемъ ихъ рѣшеніе было обязательнымъ. Авторитетъ епископовъ распространялся на всю провинцію, и они разбирали жалобы на провинціальныхъ судей. Если припомнить, что въ эти смутныя времена епископы выступали посредниками между варварскими вождями и населеніемъ, ѣздили послами съ дипломатическими порученіями, выкупали плѣнныхъ и нерѣдко становилась вождями мѣстныхъ ополченій, дававшихъ отпоръ варварамъ и защищавшихъ послѣдніе оплоты императорской власти, то придется признать епископатъ самой жизненной силой въ имперіи, въ особенности принявъ во вниманіе ихъ заслуги въ дѣлѣ просвѣщенія и сохранения культурнаго наследія древности.

Такимъ образомъ, и религиозное уваженіе, и административное положеніе, и образованность выдвигали духовенство какъ первыхъ борцовъ за имперію.

Сами императоры отлично понимали значеніе епископовъ и старались всяческими льготами, щедрыми дареніями и расширеніемъ правъ и обязанностей приобрѣсти въ нихъ преданныхъ и вѣрныхъ слугъ. Примѣромъ можетъ служить политика Юстиніана, вся дѣятельность котораго была направлена къ возрожденію былого величія имперіи. Онъ страстно желалъ возстановить ея единство и велъ борьбу съ варварами, не только какъ врагами имперіи, но и еретиками. Религиозный миръ долженъ водвориться во всѣхъ обширныхъ владѣніяхъ вели-

теля Ромисель. Единый законъ долженъ былъ дать правду всѣмъ его вѣрноподаннымъ. Въ епископахъ Италіи и Африки онъ находить союзниковъ и помощниковъ и въ своемъ законодательствѣ съ большой обстоятельностью стремится упорядочить положеніе епископовъ и опредѣлить кругъ ихъ правъ и обязанностей ¹⁾. Вопли естественнаго стремленіе императора воспользоваться ихъ услугами для упорядоченія отношеній въ присоединенной Италіи ²⁾, равно какъ удержать въ своихъ рукахъ власть надъ самымъ вліятельнымъ сословіемъ имперіи ³⁾.

Но даже ярый борецъ за гибнущую государственность признавалъ, что каноны имѣютъ не меньшее значеніе, чѣмъ законы, и объявилъ, что воспрещенное канонами запрещается закономъ ⁴⁾, Юстиніанъ же предписалъ ⁵⁾, чтобы св. церковные каноны, установленные или вложенные соборами никейскимъ, константинопольскимъ, эфесскимъ и халкедонскимъ, имѣли силу законовъ и соблюдались подобно имъ. Стало быть, смѣшеніе церковнаго и свѣтскаго законодательства было закрѣплено актомъ государственной власти, проникнутой древними римскими традиціями ⁶⁾.

Тотъ же законодательный памятникъ торжественно отводитъ ⁷⁾ „папѣ древняго Рима первое мѣсто среди всѣхъ святителей“. Юстиніанъ, поддерживая единство, подчиняетъ всѣхъ епископовъ востока „архіепископу древняго города Рима и патриарху“, ибо онъ „является главою всѣхъ святыхъ церквей“ ⁸⁾, „единство коихъ сохранится, по его имѣнію ⁹⁾, когда всѣ бл. епископы будутъ наставлены напой въ его ничѣмъ незапятнанномъ ученіи“. Императоръ беретъ на себя постоянную заботу о ростѣ „чести и авторитета римской катедры“ ¹⁰⁾. Это первенство папы при указанномъ значеніи епископовъ неизбѣжно должно было привести къ подчиненію римскому святителю всѣхъ областей. гдѣ императорскій авторитетъ являлся призрачнымъ и неспособнымъ

¹⁾ Corpus juris civilis. Pars II. Lib. I. Tit. III и IV, p. 25 ss. a d. Aemilio Hermanno recognita. Codex. Lipsiae 1887. Novellae № 131, p. 593 ss. № 123, p. 589 ss. № 63, p. 381.

²⁾ См. Pragmatica Sauctio 554 г. Monumenta Germaniae leges. T. V.

³⁾ Ср. Novella, VI, p. 34 ss. Novella, № 137, p. 624 s.

⁴⁾ Codex Lib. I, tit. 3, c. 45, p. 42—43.

⁵⁾ Novella, 131, c. 1, p. 593.

⁶⁾ Novella, 131, c. 2, p. 593.

⁷⁾ Novella, 131, c. 2, p. 598.

⁸⁾ Codex. Lib. I, Tit. 1, p. 13.

⁹⁾ Codex. Lib. I, Tit. 1, p. 14.

¹⁰⁾ Codex. Lib. I, Tit. 1, p. 13.

удержать духовенство въ зависимости. Разъ естественный ходъ событий выдвигалъ на мѣсто имперскихъ сановниковъ епископовъ, митрополитовъ и патриарховъ, то переходъ властнаго положенія императоровъ запада къ главѣ церковнаго управленія западныхъ областей былъ лишь вопросомъ времени; признаніе же папы главою духовенства вселенной неизбежно должно было вызвать рядъ притязаній на вселенское господство.

Папа выступаетъ какъ бы наслѣдникомъ цезарей и усваиваетъ ихъ придворную обстановку, конечно, приспособляя ее къ происшедшей перемѣнѣ: подобно императорамъ онъ образуетъ вокругъ себя *palatium* съ *primicerius* и *secundicerius notariorum* во главѣ; *notarii sanctae romanae ecclesiae*, какъ и ихъ товарищи при императорскомъ дворѣ, составляютъ *schola* ¹⁾; самъ папа выпускаетъ *decreta* и *rescripta* ²⁾, грозя карой за ихъ несоблюденіе и скрѣпя ³⁾ ихъ собственноручной подписью ⁴⁾; въ папской канцеляріи снимаются копіи съ исходящихъ бумагъ и хранятся въ архивахъ; у подножія апостольскаго престола, въ подражаніе придворному образцу, появляются *judices sacri palatii* ⁵⁾. Помѣстья, принадлежація императору, носятъ названіе „*patrimonium*“, служащее прообразомъ для обозначенія поземельной собственности римской каѳедры (*patrimonium sancti Petri*) ⁶⁾. Папскіе чиновники покрываются пурпуромъ императорскихъ сановниковъ и пользуются преимуществами римскихъ сенаторовъ ⁷⁾. Вслѣдствіи кардиналы именуется „*senatores sanctae sedis*“, „*patres romanae ecclesiae*“ ⁸⁾; какъ сенаторы считалась „*pars corporis imperatoris*“, такъ кардиналы составляли „*pars corporis papae*“ и имъ присвоился титулъ „*legati a latere*“ ⁹⁾. Папскимъ легатамъ принадлежитъ

¹⁾ *Bresslau*, Handbuch der Urkundenlehre. B. I, p. 151, 159, 165.

²⁾ *Hinschius*, Kirchenrecht. B. III, p. 685.

³⁾ *Sieckel*, Die Vorträge der Päpste. Deutsche Zeitschrift für Gesch.-wiss. B. XI, p. 326, n. 3.

⁴⁾ *Bresslau*, B. I, p. 739.

⁵⁾ *Keller*, Untersuchungen über die *judices sacri palatii Lateranensis*. Zeitschrift für Kirchenrecht. B. IX, p. 4 f., см. N. A. B. 25, p. 860—861.

⁶⁾ *Ducange*, T. VI, p. 218 v. „*patrimonium*“.

⁷⁾ *Hinschius*, p. 259.

⁸⁾ *Petri Damiani Sermo* 66, p. 880. Ср. *А. Владимъ*, Истръ Даміана, стр. 27. *Saegmüller*. Die Thätigkeit und Stellung der Cardinale bis Papst Bonifaz VIII. Freiburg 1896, p. 160—162; 225 ss.

⁹⁾ *Hinschius*, I, p. 507.

„Imperium“, и средневѣковые канонисты ихъ сопоставляютъ съ римскими проконсулами ¹⁾).

Римскія воспоминанія сказываются въ названіи папы— „консуломъ Божьимъ“ ²⁾ или апостола Петра „консуломъ небесной курии“. Какъ императоръ, даже по возрѣніямъ христіанскихъ писателей, былъ подсуденъ только Богу, такъ папа не подлежитъ никакому земному суду. Императорскіе указы имѣютъ значеніе законовъ—папскія декрета или приравняются очень рано къ канонамъ по своему авторитету. Императоръ обладаетъ всей полнотою власти—такую же власть приписываютъ канонисты и папѣ; имперскіе савонники получаютъ власть отъ императора и подлежатъ его суду, папы притязаютъ на утверженіе епископовъ и верховный судъ надъ всѣми церковниками, равно какъ на раздачу и отпятіе всякихъ сановъ и владѣній. Императоръ былъ „господиномъ міра“, паписты объявляютъ вселепную „достояніемъ и наслѣдіемъ апостольскаго престола“. По ихъ глубочайшему убѣжденію папа и есть единственно истинный императоръ, а потому и пользуется исключительнымъ правомъ на пошеніе императорскихъ инсигній. Церковь отождествляется съ римской имперіей ³⁾, и церковники живутъ и судятся по началамъ римскаго права, которое сами папы насаждаютъ у варваровъ.

Такимъ образомъ въ сознаніи средневѣковаго папа заступаетъ мѣсто императора, церковь служитъ продолженіемъ римской имперіи, и пресловутая легенда закрѣпляетъ въ общемъ довольно точное вѣблуденіе. приурочивая къ папѣ властныя полномочія императоровъ. Какъ извѣстно, по „даренію Константина“ папа Сильвестръ получаетъ отъ могущественнаго государя—императорскій санъ, регалии, латеранскій дворецъ, Римъ и западныя области, равно какъ папскіе придворные чиновники превращаются въ императорскихъ.

Это смѣшеніе выросло, правда, медленно и постепенно, обнаружилось въ полномъ блескѣ во вторую половину среднихъ вѣковъ, но его необходимо имѣть въ виду при уясненіи хода возвышенія римской каеэдры и установленія связей съ идейнымъ наслѣдіемъ древности.

Необходимо также считаться съ общимъ положеніемъ дѣлъ, создавшимъ настоятельную потребность въ сохраненіи за Римомъ его дер-

¹⁾ Scherer, I, p. 525, n. 26.

²⁾ Liber pontificalis I p. 314.

³⁾ Leonis papae Sermo XIV c. 3 p. 507 Migne, T. 64.

⁴⁾ Ficker, Urkunden zur Reichs und Rechtsgeschichte Italiens. Innsbruck 1874. № 259, p. 305.

жавнаго положенія: волны германскаго варварства разлились мощнымъ потокомъ по римскому міру; лишь кое-гдѣ на западѣ уцѣлѣли и чуть тензились очаги прежней культуры, сосредоточенные по преимуществу въ епископскихъ городахъ. Очевидно, что только тѣсная связь съ общими вождями, только объединеніе могло спасти ихъ отъ поглощенія надвигающимся варварствомъ, грозившимъ засосать всѣхъ разрозненныхъ и обособленныхъ. Если евреевъ въ эпоху разсѣнія поддерживала святиня Иерусалима, если взоры мусульманъ обращаются къ священной Меккѣ, то для западныхъ христіанъ, желавшихъ сохранить чистоту вѣры, Римъ былъ нравственной опорой, духовнымъ средоточіемъ, оплотомъ и хранителемъ былого величія, залогомъ возрожденія и новаго блеска. Силы для борьбы черпались изъ общенія съ нимъ; его обаяніе коренилось въ преклоненіи передъ его святынями, передъ его уходящимъ въ туманную даль вѣковъ непрестаннымъ существованіемъ: „вѣчный городъ“ знаменовалъ собою вѣчное, неподдающееся историческимъ бурямъ государство.

Все средневѣковье вѣровало въ вѣчность существованія римской имперіи, въ ея необходимость для торжества христіанскихъ началъ; варвары принимаютъ на себя заботу объ ея поддержаніи, о сохраненіи и даже расширеніи ея предѣловъ; на востокѣ и на западѣ названіе „римляне“ присваивается византіяцами и германцами, что служить яркимъ выраженіемъ мысли о безсмертіи имперіи. Ея задачи и цѣли остаются неизмѣнными и передаются отъ поколѣнія къ поколѣнію благодаря просвѣтительной и воспитательной дѣятельности церкви, въ которой сосредоточиваются живыя основы государственнаго бытія и сохраняется самый обликъ былого строя.

Завѣты бл. Августина продолжаютъ властно царить надъ умами и служить руководящими убѣжденіями для наиболѣе выдающихся дѣятелей. Мало того. Властители думъ средневѣковья приспособляютъ ихъ къ пониманію рядовыхъ людей, проводятъ въ самыя нѣдра народной жизни, дѣлаютъ устоемъ міровоззрѣнія, опредѣляющимъ цѣль и смыслъ земного существованія.

Наибольшія заслуги въ этомъ отношеніи принадлежатъ папѣ Григорию Великому, съ котораго ведетъ свое начало возобновленіе соборнаго вселенскаго епархіи Рима, прерванное усиленіемъ въ Италіи власти восточныхъ императоровъ. Этотъ великій папа вступаетъ въ тѣсный союзъ съ мопашествомъ, которое даетъ Риму новые оплоты и преданное воинство. Монастыри являются опорными пунктами очагами и расадниками идей папскаго преобладанія, ибо въ немъ

видятъ залогъ своей полной самостоятельности и условіе, необходимое для торжества духовнаго начала, которому служатъ сами. Монахи завоевыпаютъ для Рима страны невѣрныхъ или еретиковъ своей проповѣднической дѣятельностью, разнося во все концы міра римскій обрядъ, римскіе каноническіе сборники и преклошеніе передъ духовнымъ авторитетомъ намѣстниковъ св. Петра.

При угасаніи образованіи на западѣ, все возрастающей рѣдкости книгъ, уменьшеніи числа школъ и гибели многихъ изъ бывшихъ просвѣтительныхъ центровъ, при уtratѣ множества драгоценныхъ памятниковъ и недоступности для пониманія грубѣющихъ поколѣній произведеній золотого вѣка христіанской литературы дѣлается насущной потребностью введеніе въ повседневный обиходъ важнѣйшихъ изъ круга записанныхъ отцами идеаловъ. Эта задача была блестяще выполнена тѣмъ же Григоріемъ Великимъ.

Подобно своему образцу, блаженному Августину, Григорій съ особой любовью и обстоятельностью останавливается на мирѣ, какъ главномъ признакѣ истинно христіанскаго строя. Съ наибольшей полнотой онъ раскрываетъ свои воззрѣнія по данному вопросу въ настольной книгѣ средневѣкового духовенства, „Пастырскомъ правилѣ“, дающемъ совѣты и назиданія по многоразличнымъ поводамъ. Здѣсь, между прочимъ, папа наставляеть, какъ „слѣдуетъ увѣщевать сварливыхъ и миролюбивыхъ“¹⁾. Основываясь на подборѣ мѣстъ св. Писанія, онъ показываетъ, что миръ является завѣтомъ Божьимъ и необходимымъ условіемъ спасенія. Раздоры мѣшаютъ принести жертву Богу, а потому ведутъ къ пагубнымъ послѣдствіямъ, „ибо благо не можетъ наступить раньше окончательнаго искорененія зла“. Глухимъ къ божественнымъ предписаніямъ, по его совѣту, слѣдуетъ указывать, что неразумная природа открываетъ, какой вредъ причиняютъ себѣ разумныя существа своими раздорами; „вѣдь птицы собираются въ стаи для перелета и безсловесныя животныя пасутся стадами“²⁾.

Однако папа совершенно далекъ отъ проповѣди мира со всеми во что бы то ни стало: онъ отличаетъ земной миръ отъ горняго (*superna*). Нельзя, потакая нечестивцамъ ради мира людскаго, отдѣляться отъ Бога, установившаго свой миръ. „Миръ преходящій—только вѣкій слѣдъ міра вѣчнаго. Что же можетъ быть нелѣпѣ любви къ слѣду, оставленному

¹⁾ Regula pastoralis. Pars III c. 22 ss. p. 69 v. Migne, T. 77.

²⁾ Regula pastoralis. Pars III c. 22 p. 90. Ср. Homiliarum in Ezechielem Lib. I. Homil. 8 p. 858.

на прахѣ, при отсутствіи любви къ оставившему этотъ слѣдъ? Не должно бояться нарушить переходящій временный миръ словомъ порицанія, когда примѣры изъ Ветхаго завѣта свидѣтельствуютъ, что даже употребленіе насилія противъ злыхъ угодно Богу. Вотъ почему сама Истина глаголетъ: „не миръ пришелъ Я принести, но мечъ“. Враговъ Божіихъ надо возненавидѣть совершенною ненавистью, т. е. подавлять нравы злыхъ и исправлять ихъ жизнь. Правда, апостолъ предписываетъ имѣть миръ со всѣми, но онъ же дѣлаетъ оговорку „насколько это возможно съ нашей стороны“¹⁾. Нарушая внѣшній миръ въ сердцахъ злыхъ своими порицаніями, мы сохраняемъ, поскольку зависить отъ насъ, съ ними миръ внутренній. Для образумленія сѣющихъ раздоры надлежитъ показать имъ, что они слѣдуютъ лъвою и являютя врагами Божьими.

Если мартворцы—сыны Божьи, то нарушители мира, несомнѣнно, сыны сатаны²⁾. Соединяющіеся въ мирѣ со злыми отдаютъ свои силы неправдѣ. Много преда, если нѣтъ единства между добрыми, но еще вреднѣе, когда оно есть между злыми. Радѣющіе о мирѣ сперва должны внушить злымъ любовь къ внутреннему миру, чтобъ потомъ принесть имъ пользу миръ внѣшній: отъ любви къ ближнему восходятъ къ миру Создателя. Въ своихъ посланіяхъ Григорій также неоднократно возвращается къ миру и раскрываетъ его значеніе для общецерковной жизни.

По его мнѣнію, внутри церкви должны царить любовь и единое словѣданіе вѣры для поддержанія единства³⁾. Пастыри должны прилагать особыя старанія для сохраненія мира и единства⁴⁾ въ церкви, пребывать въ миролюбіи и никоимъ образомъ не подавать повода къ раздору: „единственнымъ средствомъ для соблюденія заповѣда мира, пишетъ Григорій константинопольскому патріарху⁵⁾, является смиреніе, требующее устраненія соблазнительныхъ и гордыхъ титуловъ, дабы вы не оказались отдѣленными отъ мирнаго общенія съ нами. Да будетъ у насъ единъ духъ, едины умъ, единыя пріязнь, единая связь согласія во Христѣ, восхотѣвшемъ, дабы мы были его членами“.

Во всей своей дѣятельности Григорій и стоялъ на стражѣ мира,

¹⁾ *Regula pastoralis*. Pars III c. 23 p. 92.

²⁾ *Ibid.* P. 93.

³⁾ *Epist. Lib. VII № 4 p. 856.*

⁴⁾ *Epist. Lib. VII № 5 p. 859.*

⁵⁾ *Epist. Lib. XIII № 40 p. 1289—1290. Cp. Lib. IX № 106 p. 1028.*

пытаясь устранить поводы къ раздору и затупить вспыхнувшія страсти ¹⁾. Но онъ видѣлъ ясно, что „живя во плоти“ невозможно добиться истиннаго мира ²⁾. Только Христосъ обладалъ совершеннымъ миромъ ³⁾, а потому миръ нашъ—въ Искушителѣ ⁴⁾, въ покорности и повиновеніи Богу ⁵⁾. Стало быть, миръ съ Богомъ ведетъ къ непрестанной борьбѣ съ древнимъ врагомъ ⁶⁾. Итакъ, Григорій Великій, подобно блаженному Августину, отдѣляетъ ⁷⁾ миръ „земной“, „временный“, „преходящій“, „ложный“, „человѣческій“ отъ „полнаго“, „вѣчнаго“, „истиннаго“, „совершеннаго“, „Божьяго“ и опредѣляетъ послѣдній какъ повиновеніе Богу.

Спутникомъ мира у Григорія, какъ и у блаженнаго Августина, является единство: „церковь укрѣпляетъ себя миромъ и связываетъ себя единствомъ, чтобъ быть страшнѣе для враговъ“ ⁸⁾. Единство служить предметомъ особыхъ заботъ и попеченій папы ⁹⁾, ибо Христосъ претерпѣлъ смерть ради укрѣпленія единства между членами церкви ¹⁰⁾.

Въ свою очередь единство почиетъ на „корнѣ благочестія“ ¹¹⁾—правдѣ ¹²⁾, и по ея требованіямъ ¹³⁾ папа старается вершить всѣ дѣла и улаживать всякія затрудненія.

¹⁾ Подробности о взглядахъ Григорія на миръ и его примирительной дѣятельности см.: *Epist. Lib. III № 39 p. 636; Lib. V № 96 p. 761; Lib. VI № 48 и 44 p. 815; Lib. IX № 104 p. 1027; Lib. X № 43 p. 1100—1101; Lib. V № 43 p. 772; Lib. X № 58 p. 1112; Lib. XI № 46 p. 1166; Lib. XII № 28 p. 1238; Lib. XIII № 4 p. 1257; № 17 p. 1272; Lib. XIV № 1 p. 1303. № 12 p. 1316. Migne, T. 77.*

²⁾ *Super Cantica Canticoꝝ expositio cap. 8 p. 545. Migne, T. 79.*

³⁾ *In Septem Psalm. poenit. expositio psal. 7 p. 654. Migne, T. 79.*

⁴⁾ *In primum regum expositiones Lib. II c. 1 p. 89. Migne, T. 79.*

⁵⁾ *Moralium Lib. IX c. 5 p. 861. Migne, T. 75.*

⁶⁾ *Moralium Lib. VI c. 33 p. 757. In primum regum expositiones. Lib. IV c. 4 p. 238. Migne, T. 79.*

⁷⁾ *Ср. Moralium Lib. VI c. 34 p. 758. Homiliarum in Ezechielem Lib. I Hom. 10 p. 896; Lib. II Hom. 38 p. 1241; Homiliarum in Euangelia Lib. II. Hom. 24 p. 1185.*

⁸⁾ *Super cantica canticoꝝ expositio c. 6 p. 527. Migne, T. 79. Homiliarum in Ezechielem Lib. II. Hom. 9 c. 14 p. 1059.*

⁹⁾ *Epist. Lib. VII № 31 p. 889; Lib. IX № 53 p. 892. Moralium Lib. XVI c. 55 p. 1153. Migne, T. 75.*

¹⁰⁾ *Super cantica canticoꝝ expositio c. 4 p. 512.*

¹¹⁾ *Moralium Lib. 19 c. 23 p. 123.*

¹²⁾ *Homiliarum in Ezechielem Lib. II. Hom. 10 p. 1069.*

¹³⁾ *Epist. Lib. II № 53. p. 598.*

Такимъ образомъ, сочетаніе мира, единства и правды лежитъ въ основѣ идеаловъ Григорія Великаго и опредѣляетъ задачи его дѣятельности: по его убѣжденію надъ ихъ водвореніемъ должна работать церковь, которую онъ, подобно блаженному Августину, считаетъ „царствіемъ небеснымъ“ ¹⁾, градомъ Господнимъ ²⁾; въ его глазахъ земная церковь и есть обѣтованное царствіе Божіе; „видя его возвышеннымъ въ мірѣ: семь, мы уповаемъ на царствіе, которое, какъ вѣримъ, получимъ на небеси, ибо Истина обѣщала несвѣдущимъ ученикамъ, что царство Бога уарится на землѣ, дабы они вѣрнѣ представляли его себѣ на небѣ“ ³⁾. „Земное царство Божье“ — святая церковь нарочито ввѣрена Богомъ апостолу Петру ⁴⁾, верховному патріарху ⁵⁾ и князю апостоловъ ⁶⁾. Григорій отождествляетъ ⁷⁾ съ св. Петромъ римскую кафедру, „главу вѣры“ ⁸⁾; самъ апостолъ возсѣдаетъ на ней въ лицѣ своихъ преемниковъ ⁹⁾. „Примать римской церкви“ для напы представляется установленнымъ ископи, не пужающимся въ доказательствахъ. Кругъ его попеченій распространяется на всѣ церкви ¹⁰⁾; ему подчинены всѣ епископы ¹¹⁾, не исключая и константинопольскаго патріарха ¹²⁾; его исповѣданіе служить критеріемъ въ дѣлахъ вѣры ¹³⁾; къ нему, какъ высшему судѣ, согласно канонамъ должны посподити аппелляціонныя жалобы ¹⁴⁾.

Считая всѣ преимущества „апостольскаго престола“ скрѣпленными установленіями св. отцовъ и соборовъ, Григорій ревниво отстаиваетъ соблюденіе каноническихъ предписаній въ ихъ пол-

¹⁾ *Moralium Lib. 32 c. 15 p. 651. Lib. 38, c. 18 p. 695. Homiliarum in Evangelia Lib. I. Hom. 12 p. 1119; Hom. 19 p. 1154. Lib. II. Hom. 88 p. 1282. Migne, T. 76.*

²⁾ *Moralium Lib. 25 c. 8 p. 393. Cp. Homiliarum in Ezechielum Lib. II. Hom. 1 p. 988. Migne, T. 76.*

³⁾ *Homiliarum Lib. II. Hom. 32 p. 1236—1287.*

⁴⁾ *Homiliarum Lib. II. Hom. 24 p. 1185—1186. Ep. Lib. V № 18 p. 740.*

⁵⁾ *In primum regum expositiones Lib. V c. 3 p. 466.*

⁶⁾ *Homiliarum in Ezechielum Lib. II. Hom. 6 p. 1002. Epist. Lib. IV № 44 p. 718, Lib. V № 18 p. 740, Lib. VII № 40 p. 893—9. Lib. XI № 46 p. 1160.*

⁷⁾ *Ep. Lib. VI № 54 p. 898 № 55 p. 839.*

⁸⁾ *Ep. № 37. Lib. 13 p. 1287.*

⁹⁾ *Ep. Lib. VII № 40 p. 899.*

¹⁰⁾ *Ep. Lib. III № 57 p. 654.*

¹¹⁾ *Ep. Lib. IX № 59 p. 998.*

¹²⁾ *Ep. Lib. IX № 12 p. 957.*

¹³⁾ *Ep. Lib. VI № 66 p. 850, № 15 p. 807—808.*

¹⁴⁾ *Ep. Lib. VI № 24 p. 814.*

помъ объемѣ, какъ залогъ неприкосновенности положенія членовъ церкви ¹⁾). Охранять каноны должны не только епископы, но и свѣтскіе владѣтели ²⁾: Григорій увѣщаетъ ³⁾ Брунгильду, чтобъ она „исправила все совершенное вопреки канонамъ и не допускала какого бы то ни было нарушенія церковныхъ установленій“ ⁴⁾. Императоръ, „стражъ церковнаго мира“ ⁵⁾, долженъ почитать каноны и не выѣшиваться въ дѣла святителей ⁶⁾, отдавая виновныхъ епископовъ, сообразно каноническимъ предписаніямъ, на судъ панѣ ⁶⁾, коему принадлежать надзоръ за соблюденіемъ канонныхъ и отцескихъ постановленій ⁷⁾.

Григорій вообще придерживается августиновскихъ воззрѣній на отношенія властей ⁸⁾: по его мнѣнію ⁹⁾, „императорамъ вручена свыше власть надъ всѣми людьми, для оказанія содѣйствія добрымъ стремленіямъ, расширенія пути къ небесамъ и служенія земнаго царства небесному“. Въ силу этого служебнаго положенія государства, папа обращается ¹⁰⁾ за помощію къ свѣтскимъ чиновникамъ, для наказанія виновныхъ въ языческихъ суевѣріяхъ и почитаніи идоловъ, такъ какъ „никто не можетъ правильно управлять земными дѣлами, если не научится заниматься божественнымъ и разсматривать миръ государства въ зависимости отъ мира церкви вселенской“ ¹¹⁾. Согласіе каноническими требованіями является для Григорія мѣриломъ отношенія къ императорскимъ распоряженіямъ: если они каноничны, надлежитъ имъ слѣдовать; въ противномъ случаѣ, лишь не впадая въ грѣхъ, ихъ можно переносить ¹²⁾. На этомъ основаніи папа старается ¹³⁾ отговорить императора Мавρικія отъ проведенія въ жизнь „закона, стоящаго въ противорѣчій съ всемогущимъ Богомъ“. Григорій опасается, что эта мѣра императора нанечетъ бѣды на христіан-

¹⁾ Ep. Lib. 13 № 37 p. 1287. Cp. Lib. V № 44 p. 772.

²⁾ Lib. III № 59 p. 649.

³⁾ Lib. 13 № 6 p. 1261.

⁴⁾ Lib. VII № 6 p. 859.

⁵⁾ Lib. VI № 25 p. 816.

⁶⁾ Lib. IX № 59 p. 998.

⁷⁾ Cp. Lib. IV № 7 p. 674.

⁸⁾ *Moralium*, Lib. 31, c. V—VI, p. 576; c. 7 p. 577.

⁹⁾ Ep. Lib. III, № 65, p. 663.

¹⁰⁾ Lib. VIII, № 18, p. 921; Lib. III, № 62, p. 659.

¹¹⁾ Ep. Lib. V, № 20, p. 744.

¹²⁾ Lib. XI, № 47, p. 1167.

¹³⁾ Lib. III, № 65, p. 662—665; cp. № 66, p. 665—666.

скій міръ, такъ какъ гнѣвъ божественнаго мщенія губить тѣхъ, кого божьи завѣты не возвращаютъ на стезю справедливости ¹⁾; наоборотъ, исправленіе совершеннаго противъ Бога приноситъ царствамъ во всемъ пользу ²⁾, а борьба съ врагами Бога даетъ счастье земное и небесныя радости ³⁾.

Такимъ образомъ, заповѣди Божіи перестаютъ быть обязательными исключительно по чисто нравственнымъ побужденіямъ; ихъ соблюденіе оказывается дѣломъ выгоднымъ, способствующимъ земному благополучію и загробному блаженству. Житейскія утѣхи и радости являются наиболѣе привлекательной наградой для людей, неспособныхъ найти удовлетвореніе въ сознаніи исполненнаго долга. Очевидно, что, выдвигая, какъ побужденіе къ выполненію каноническихъ предписаній, доступное уже на землѣ счастье, папа приспосаблиется къ уровню развитія и пониманію своихъ современниковъ. Григорій, будучи опытнымъ и гибкимъ дипломатомъ, тонкимъ и дальноворкимъ политикомъ, глубокимъ и разностороннимъ знатокомъ запросовъ чело-вѣческаго сердца, совершенно сознательно идетъ на встрѣчу стихійному приспособленію, дѣлаетъ уступки вѣрованіямъ и обычаямъ язычниковъ ⁴⁾, чтобы уловить ихъ души въ сѣти преемниковъ галлейскаго рыбака. Онъ прозрѣваетъ будущее и ради грядущихъ поколѣній изъявляетъ готовность на послабленія, которыя никогда не были бы сдѣланы ревнителями не виѣшности, но духа Христова ученія. Подвижникъ по своей личной жизни, отрешившійся отъ соблазновъ грѣшнаго міра и постоянно вздыхающій по прелестямъ тихаго созерцанія въ обители, Григорій, по обязанности вселенскаго пастыря, прибѣгаетъ къ средствамъ, которыя считаетъ наиболѣе пригодными для спасенія вѣрющей ему свѣше паствы. Не самостоятельное разрѣшеніе отвлеченныхъ богословскихъ вопросовъ занимаетъ его умъ, но устроеніе земного царства Божьяго—церкви, обнимающаго и добрыхъ и злыхъ, совершенныхъ и не совершенныхъ. Онъ прилагаетъ старанія для расширенія предѣловъ распространенія „истиннаго вѣроученія“, содѣйствуя обращенію въ православіе еретиковъ вестготовъ и лангобардовъ, искорененію злоупотребленій, закравшихся въ жизнь франкской церкви, и крещенію язычниковъ англосаксовъ.

¹⁾ Lib. IX, № 11, p. 955.

²⁾ Lib. XI, № 60, p. 1180.

³⁾ Lib. XI, № 59, p. 1179.

⁴⁾ Epist., Lib. XI, № 76, p. 1215, ss.

Ошибки византійскаго правительства и непомѣрное вмѣшательство императоровъ во внутреннюю жизнь церкви дѣлають папу оплотомъ свободы церкви, главою западныхъ областей, которыя привыкають видѣть въ Византіи источникъ церковныхъ смуть, не находятъ въ ней защиты и жестоко страдаютъ отъ злоупотребленій ея чиновниковъ. Взявъ въ свои руки оборону Рима отъ лангобардовъ, Григорій, рядомъ разумныхъ мѣропріятій, превращаетъ его въ „свой городъ“. Давая отпоръ вѣшнимъ врагамъ и избличая передъ императоромъ своекорыстныхъ продѣлки его сановниковъ, Григорій сдѣлалъ „апостольскій престолъ“ блюстителемъ интересовъ всей Італіи, въ ущербъ обаянію „царственнаго града Константинополя“. Образцовымъ веденіемъ обширнаго и сложнаго хозяйства римской церкви, онъ заложилъ прочныя основы могущества папства, такъ какъ своимъ примѣромъ показалъ, что предоставленіе нечестивыхъ и осязательныхъ благъ дѣлаетъ слабыхъ дѣтей земли вѣрными сынами церкви. Вотъ почему его преемникамъ пришлось пожинать его посѣвы и заботиться о приобрѣтеніи новыхъ нивъ, продолжая дѣло обращенія языческаго міра.

Несмотря на всю свою сдержанность, даже Григорій не избѣжалъ столкновенія съ византійскимъ правительствомъ, которое съ теченіемъ времени все сильнѣе вторгалось во внутреннюю жизнь церкви и гоненіемъ на иконы окончательно подорвало свой авторитетъ на западѣ.

Въ эпоху иконоборства Римъ служилъ однимъ изъ главныхъ очаговъ православія и по своей отдаленности отъ Константинополя давалъ убѣжище борцамъ противъ императорскаго произвола. Цѣлыя полны бѣглецовъ устремились къ берегамъ Італіи, въ поискахъ мѣста, гдѣ они могли бы свободно исповѣдывать свои религіозныя убѣжденія. Узы зависимости отъ Византіи слабѣли подъ напоромъ всеобщаго негодованія противъ еретиковъ императоровъ, уничтожавшихъ единство церкви своими повшествами, нарушавшихъ ея миръ своими указами и попиравшихъ правду своими непомѣрными требованіями. Въ глазахъ народовъ запада императоръ ¹⁾ утрачивалъ главную свою отличительную черту, превращаясь изъ „государя свободныхъ въ господина рабовъ“. Его произволь и насилія встрѣчаютъ дружный отпоръ, тогда какъ на защиту папы поднимается не разъ мѣстное населеніе: ополченіе Равеннской области, Пентаполиса и прилежащихъ мѣстъ не пустило папу Сергія въ Константинополь, вопреки

¹⁾ Gregorii Magni, Epistolar., Lib. X, № 11, p. 1107. Lib. XIII, № 31, p. 1282.

строгому императорскому наказу и усиліямъ экзарха ¹⁾). Опираясь на боевую силу итальянскихъ ополченій, папа Константинъ рѣшается на смѣлый шагъ, служащій яснымъ предзнаменованіемъ близкаго и окончательнаго разрыва: вопреки существовавшему обычаю ²⁾, онъ не помѣстилъ въ церкви изображенія еретика императора Филиппика, воспретилъ поминать его имя во время богослуженія и не допустилъ до отправленія должностныхъ обязанностей назначеннаго въ Римъ византійскаго сановника ³⁾).

Еще отважнѣе и рѣшительнѣе поступилъ его преемникъ Григорій II, „отказавшійся повиноваться указамъ императора Льва и вооружившійся противъ него, какъ противъ врага“ ⁴⁾, задержавъ въ то же время доходы императорской казны ⁵⁾. Весь полуостровъ стоялъ за папу, отрицавшаго право вмѣшательства императора въ дѣла вѣры „вопреки древнимъ церковнымъ догматамъ, установленнымъ св. отцами“. Повсюду обнаружилось стремленіе отстоять свои вольности и привилегіи папы ⁶⁾. Даже новые сыны римской церкви лангобарды, раздѣляли всеобщее настроеніе, „горя желаніемъ сразиться за собратовъ по вѣрѣ и будучи готовы на славную смерть изъ-за папы“. Правда, своекорыстные расчеты побудили лангобардскаго короля скорѣе протянуть руку помощи экзарху, чтобъ совмѣстными силами овладѣть Римомъ. Но и на этотъ разъ обаяніе папы и страхъ передъ св. Петромъ спасли вѣчный городъ, и противоестественный союзъ распался ⁷⁾).

Григорій II не остановился передъ защитой иконъ на западѣ и выступилъ съ обличеніями противъ императора въ письмахъ, ему посланныхъ. Здѣсь папа говоритъ ⁸⁾, что можетъ, въ силу переданной ему апостоламъ Петромъ власти, покарать императора за нарушеніе отческаго ученія: догматы церковные—не дѣло императоровъ, но святителей; какъ святители не вмѣшиваются въ государственныя дѣла, такъ императорамъ надлежитъ уклоняться отъ церковныхъ и вѣдать свое. Григорій совершенно открыто показываетъ Льву, что не

¹⁾ Liber pontificalis, T. I, p. 373.

²⁾ Appendix ad S. Gregorii epistolae, № 12, p. 1350. Migne, T. 77.

³⁾ Liber pontificalis, T. I, p. 392.

⁴⁾ Ibid., p. 404.

⁵⁾ Theophanes. T. I, p. 621.

⁶⁾ Liber pontificalis, p. 404—5.

⁷⁾ Liber pontificalis p. 407—8.

⁸⁾ Migne, T. 88, p. 511.

боятся его угрозъ, такъ какъ чувствуетъ за собой поддержку государей запада, *усматривающихъ въ апостола Петра земного Бога*. Миръ между ними и императоромъ поддерживаетъ только папа, на котораго обращены взоры всего западнаго міра.

По свидѣтельству источника ¹⁾, итальянскія области готовились уже въ это время избрать своего императора, и только Григорій, въ надеждѣ на обращеніе Льва, сдержалъ ихъ рвеніе. Дѣйствительно, не встрѣтивъ поддержки апостольскаго престола, попытка Тиверія Петазія „захватить царство римской имперіи“ закончилась полнѣйшей неудачей ²⁾.

Само собою понятно, что соблюденіе вѣрности еретичу и гонителю „истиной вѣры, унаслѣдованной отъ отцовъ“, представляло невѣроятныя трудности, такъ какъ онъ не выполнялъ обязанностей, оправдывавшихъ самое существованіе императорской власти. Въмѣсто преслѣдователя, нарушавшаго миръ церковный и расторгавшаго единство церкви, папы должны были желать государя, который сдѣлался бы ея дѣйствительнымъ защитникомъ, преданнымъ и покорнымъ сыномъ св. Петра, превратившагося, какъ извѣстно, для народа запада въ земного Бога. Это превращеніе является въ высокой степени знаменательнымъ, какъ непреложный признакъ всеростущаго овеществленія древне-христіанскихъ представленій и вѣрный показатель направленія грядущихъ событій: разъ св. Петръ былъ признанъ земнымъ Богомъ, то водвореніе земного царствія Божьяго дѣлалось равносильнымъ укрѣпленію власти „князя апостоловъ“ во всемъ христіанскомъ мірѣ, власти не только духовной, но и политической. Папа, какъ намѣстникъ земного Бога, какъ живое его воплощеніе, въ общемъ сознаніи долженъ былъ самъ рано или поздно сдѣлаться земнымъ Богомъ.

Такимъ образомъ къ началу VIII вѣка явственнo обнаружилось, что византійскій императоръ не въ состояніи удержать надъ своею державою западный міръ, ощущавшій, однако, жгучую потребность въ общемъ вождѣ для усиленной борьбы съ непрекращающимися еретическими измышленіями свѣтской власти. Такимъ вождемъ западъ признаетъ намѣстника св. Петра, который въ свою очередь нуждается, по древнимъ образцамъ, въ исполнителяхъ своихъ предначертаній, достаточно могущественномъ, но обязанномъ всемію апостольскому престолу.

Отдѣленіе запада отъ востока, возникновеніе новой имперіи, по-

¹⁾ Liber pontificalis, p. 404—405, 407.

²⁾ Liber pontificalis, p. 408—409.

явление на западѣ государя, воодушевленнаго идеей насажденія на землѣ царства Божьяго и новые успѣхи папства, какъ носителя власти императоровъ, составляютъ дальнѣйшую ступень въ исторіи идейнаго подготовленія преобразованій XI вѣка, тѣмъ не менѣе уже разсмотрѣнный періодъ позволяетъ высказать нѣсколько общихъ замѣчаній: анализъ твореній бл. Августина, Лѣва Великаго и Григорія Двоеслова, устанавливаетъ, съ неоспоримою точностью, что водвореніе на землѣ отождествляемаго съ церковью „Божьяго царства“, существенными признаками коего являются единство, миръ и правда, постепенно все болѣе и болѣе связывается съ подчиненіемъ всего христіанскаго міра скрѣпленной мѣрилою должнаго, канонами административной, судебной и законодательной власти римскаго перво-святителя, какъ наслѣдника и представителя св. Петра. Однако, не честолюбіе и властолюбіе отдѣльныхъ лицъ поднимаютъ папство на вершину почета и власти: паны силою яещей обречены замѣстятъ собою императоровъ въ западныхъ областяхъ, которыя, въ свою очередь, ищутъ и находятъ себѣ опору въ римскихъ епископахъ. Это совпаденіе центростремительныхъ силъ съ господствующими вѣрованіями и направленіемъ сознательной дѣятельности „апостольскихъ преемниковъ“ придаетъ ей непреодолимую мощь. Паны выдвигаются какъ хранители истины и устроители жизни; они, по общему убѣжденію, раздѣляемому и свѣтскими владѣтелями, даже императорами, являются блюстителями чистоты вѣры, служащей залогомъ небеснаго блаженства и земнаго благополучія. На нихъ лежитъ обязанность привести все въ соотвѣтствіе съ завѣтами божественной воли— канонами, спасти отъ заблужденій, обличить ересь, пресѣчь беззаконіе, разрѣшить недоумѣнія, очистить отъ неправды, помочь взнемогающимъ отъ бремени трудовъ и заботъ.

Отсюда вытекаетъ, что церковно-общественныя преобразованія въ изучаемое время могутъ имѣть успѣхъ только тогда, когда ими руководитъ папство.

А. Владиміръ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ИЗЪ ИСТОРИИ РУССКАГО ЛИТЕРАТУРНАГО ЯЗЫКА КОНЦА XVIII И НАЧАЛА XIX ВѢКА.

I.

Мало кто занимался у насъ исторіей нашего *литературнаго* языка *позднѣйшаю* времени, а между тѣмъ въ языкѣ нашихъ писателей конца XVIII и начала XIX столѣтія заключается особенно много интереснаго матеріала для исторіи нашего общества, для характеристики нашихъ общественныхъ отношеній и роста нашей культуры. Извѣстно, что въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX вѣка наше русское дворянство было почти исключительнымъ представителемъ нашей литературы. Ломоносовъ по своей дѣятельности относится къ предшествовавшей эпохѣ и во всякомъ случаѣ представлялъ за это время единственный примѣръ литератора-крестьянина. Отсюда можно было бы сдѣлать заключеніе, что нашъ литературный языкъ обязавъ теперешнимъ слоюзъ состояніемъ литературной дѣятельности того же дворянства; можно было бы подумать, что дворянскій элементъ нашего литературнаго языка въ наше время есть элементъ преобладающій въ фонетикѣ и лексиконѣ нашего языка ¹⁾. На дѣлѣ оказывается совсѣмъ иное. Изученіе исторіи нашего литературнаго языка за разсматриваемый періодъ времени обнаружило передъ нами то обстоятельство, что самымъ главнымъ элементомъ, вошедшимъ въ составъ нашего литературнаго языка сперва подъ перомъ Ломоносова, а затѣмъ подъ перомъ Пушкина, былъ элементъ народной русской рѣчи.

¹⁾ Наше дворянство начала истекшаго столѣтія прокиносило *особеннымъ* образомъ не только заимствованныя въ русскій языкъ иностранныя, французскія слова, но, по условіямъ своего образованія, и въ нѣкоторыхъ чисто-русскихъ словахъ отличалось особенностями своего произношенія.

Этотъ элементъ развился еще болѣе въ послѣднее время и довелъ нашъ литературный языкъ до современнаго состоянія, при которомъ и наша литература вошла въ кругъ европейскихъ культурныхъ литературъ. Дворянскій же элементъ заглохъ, какъ нежизнеспособный, и само дворянство заговорило и стало писать языкомъ современной намъ литературы.

Еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія дворянство образовывало собою родъ литературной касты, въ которую нельзя было проникнуть писателю не дворянскаго сословія. Дворянство отличалось отъ прочаго общества не только своими понятіями, но и своимъ языкомъ; весь составъ его языка: и произношеніе, и словарь, и ударенія отличались настолькоъ отъ разговорнаго языка прочей части русскаго общества, что сліянія этихъ двухъ языковъ въ будущемъ нельзя было и предвидѣть, а побѣда послѣдняго надъ первымъ казалась даже немислимой. Пушкинъ въ 1834 году писалъ такъ: „Даже теперь наши писатели, не принадлежащіе къ дворянскому сословію, весьма малочисленны. Несмотря на то, ихъ дѣятельность овладѣла всѣми отраслями литературы, у насъ существующими. Это есть важный признакъ и непремѣнно будетъ имѣть важныя послѣдствія. Писатели-дворяне... постепенно начинаютъ отъ нихъ удаляться подъ предлогомъ какого-то неприличія“¹⁾...

Это Пушкинъ писалъ уже въ то время, когда онъ собственно заканчивалъ свое литературное и культурное дѣло; эпоха послѣ 30-хъ годовъ нашего столѣтія уже стоитъ за предѣлами нашей настоящей задачи. Посмотримъ же, что представлялъ изъ себя русскій литературный языкъ до этого времени.

Нашему разсмотрѣнію подлежатъ русскій литературный языкъ въ ту эпоху, которую мы назовемъ эпохой *денационализаціи* языка, и въ первые годы слѣдовавшей за этимъ эпохи *самостоятельнаго національнаго развитія*.

Если мы будемъ имѣть въ виду, что языкъ представляетъ двѣ стороны: тоническую и лексическую, по которымъ можно судить о факторахъ, участвовавшихъ въ развитіи нашего литературнаго языка, то мы, при анализѣ этого языка, увидимъ въ немъ и сословный элементъ, и діалектическій элементъ народный, и иностранный заимствованный. *Иностранный заимствованный* элементъ мы узнаемъ въ лексикологіи, *діалектическій*—*народный* узнаемъ отчасти въ лексико-

¹⁾ Соч. Пушкина. Изд. литер. фонда. С.-Иб. 1887, V т. стр. 227. Примѣч.

логія, отчасти въ удареніи словъ, а отчасти въ произношеніи звуковъ, передавномъ намъ при посредствѣ правописанія. Наконецъ, *сословный элементъ* обнаружится передъ нами въ удареніяхъ словъ въ стихотворныхъ произведеніяхъ, въ римахъ и въ правописаніи автора.

Разсматриваемая нами эпоха русскаго литературнаго языка предлагаетъ нашему вниманію особенно цѣнный матеріалъ, потому что въ то время не было однообразнаго правописанія, а потому и произношеніе каждаго писателя до извѣстной степени можетъ быть обнаружено изъ данныхъ его письма ¹⁾.

Языкъ писателя дѣлается, помимо воли и сознанія самого автора, безпристрастнымъ и объективнымъ свидѣтелемъ развитія нашей духовной жизни; языкъ не можетъ насъ обмануть такъ, какъ можетъ обмануть допытчиваго историка субъективный и пристрастный мемуаристъ, излагающій свой рассказъ о какомъ-либо событіи или лицѣ и, естественно, вносящій въ свой рассказъ свои собственные чувства, волновавшія его, какъ современника описываемой имъ эпохи. И чѣмъ шире была общественная дѣятельность мемуариста-историка, чѣмъ ближе онъ стоялъ къ событію или лицу, тѣмъ больше симпатій и антипатій наполняло его душу, тѣмъ болѣе пристрастными становятся его сужденія, помимо его желанія. Поэтому какъ ни цѣнно иногда бываетъ свидѣтельство современника, но оно лишь тогда можетъ быть надежнымъ источникомъ свѣдѣній потомства о прошломъ времени, когда оно проверено другими свидѣтельствами, и когда выдѣленъ и узнавъ въ немъ личный элементъ. Не такой свидѣтель прошлаго—

¹⁾ Если бы у насъ привилась привычка издавать сочиненія нашихъ старыхъ авторовъ *уменьш обрѣзомъ* во всѣхъ отношеніяхъ, то мы имѣли бы изданія съ сохраненіемъ подлиннаго правописанія по рукописямъ каждаго автора, и тогда значительно облегчилась бы наша задача—обрисовка общей картины русскаго литературнаго языка стараго времени. Но изданій такихъ нѣтъ, да и сами рукописи авторовъ далеко не сохранены, а потому приходится пользоваться печатными неточными изданіями. У насъ, вѣдь, долгое время не понимали того, что рукопись автора есть его духовный портретъ, а потому она можетъ пригодиться науцѣ и послѣ типографскаго тисненія произведенія автора. До сихъ поръ только сочиненія Ломоносова составляютъ пріятное исключеніе въ этомъ отношеніи, благодаря изданію Императорской Академіи Наукъ, въ частности благодаря редакціи академика М. И. Сухомлинова. *Второе изданіе* I тома сочиненій Пушкина Императорской Академіи Наукъ (С.-Иб. 1900) не внесло рѣшительно ничего по отношенію къ правописанію самого Пушкина сравнительно съ *первымъ изданіемъ* (1899 г.): то-же несоответствіе между правописаніемъ Пушкинскихъ автографовъ и печатнымъ изданіемъ Академіи.

языкъ автора! Правда, различныя душевныя эмоціи отражаются до известной степени на *складѣ* рѣчи, на тонической сторонѣ ея, но это бываетъ особенно замѣтно тогда, когда мы слышимъ *живое слово* автора, когда мы *непосредственно* воспринимаемъ своимъ слухомъ его рѣчь. *Написанное* произведеніе автора уже гораздо меньше способно отразить въ своемъ языкѣ душевное состояніе писателя. Зато написанное произведеніе отражаетъ въ своемъ языкѣ въ полной мѣрѣ степень духовнаго развитія автора, служитъ надежнымъ показателемъ и мѣриломъ культурнаго состоянія того общества, съ которымъ авторъ говоритъ при посредствѣ своихъ произведеній, наконецъ, языкъ написаннаго произведенія служитъ невольнымъ свидѣтелемъ и обличителемъ воспитанія и образованія, полученнаго авторомъ, условій его жизни и среды, въ которой онъ вращался. Слѣдовательно, языкъ писателя является источникомъ нашихъ свѣдѣній и по біографіи писателя. Правда, языкъ писателя при своемъ изслѣдованіи часто даетъ намъ не прямыя отвѣты на интересующіе насъ вопросы о внутренней жизни автора и о его общественныхъ связяхъ; правда, что въ языкѣ писателя мы часто найдемъ отвѣты вовсе не на то, что намъ хотѣлось бы знать немедленно, и что намъ, правдиво ли, или неправдиво, скажетъ мемуаристъ-современникъ, но зато тѣ данныя, которыя добыты нами изъ изученія языка, будутъ лезыблемы, хотя и не многочисленны, будутъ надежны, хотя и мелочны въ глазахъ нетерпѣливаго историка. Правда, что для провѣрки мнѣнія *одного* историка (нашего) общества потребуется изученіе языка *нѣсколькихъ* писателей, современныхъ ему и предшествовавшихъ, а потому трудъ лянгиаста, какъ трудъ кропотливый и продолжительный, — и не привлекателенъ для большинства, но успѣхи его вѣрны и прочны. Особенно цѣнны для исторіи нашего языка и общества тѣ писатели, которые писали свои произведенія въ эпоху еще не установившагося *однообразнаго* правописанія: тогда передъ нами въ языкѣ выступаетъ рельефно *вся* личность писателя, которая уже не только въ лексиконѣ своей рѣчи, но и въ *произношеніи* словъ, помимо воли писателя, обнаруживается передъ нами, какъ личность *живая*, связанная живыми связями съ обществомъ своего времени и повѣствующая намъ, помимо своей воли, свою біографію.

Такой эпохой неуставившагося правописанія была, именно, эпоха конца XVIII в начала XIX вѣка, когда писали свои произведенія предшественники Пушкина, его старшіе современники, и когда писалъ онъ самъ. Неуставившееся правописаніе является всегда

разнообразнымъ у различныхъ писателей, а потому опять-таки необходимо и невольно выдаетъ собой пронашеніе автора, которому приходилось пользоваться правописаніемъ, не общимъ и обязательнымъ для всѣхъ, а постепенно устанавливавшимся въ эту эпоху самими писателями. Отсюда видно, насколько важно изданіе рукописей авторовъ этой эпохи съ дипломатической точностью. Къ сожалѣнію, наши печатныя изданія послѣдняго времени, съ которыми и знакома наша читающая публика, совершенно стерли и ступшевали индивидуальныя особенности рѣчи нашихъ старыхъ писателей, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ эти особенности писателя представлялись узкому взгляду издателей неважными или не имѣющими даже никакой цѣны. Въ самое послѣднее время лишь стали появляться „приложенія“ къ сочиненіямъ нашихъ прежнихъ писателей въ видѣ снимковъ съ рукописей, автографовъ и проч. Но и сейчасъ мы не можемъ похвалиться полнымъ пониманіемъ важности изданія нашихъ прежнихъ писателей съ сохраненіемъ въ нихъ сочиненія ихъ же собственного правописанія. Поэтому мы лишены многихъ существенныхъ матеріаловъ для уясненія личности и біографіи нашихъ писателей, и на нашу долю пока, за недоступностью рукописей автора или за потерю этихъ подлинныхъ рукописей, остаются лишь тѣ снимки, которые свисходительно уцѣлены намъ со стороны издателей сочиненій нашихъ авторовъ. Но есть область, въ которой и неподготовленность издателей къ своему дѣлу безсильна нанести вредъ: это — стихотворныя произведенія авторовъ, гдѣ особенности языка и произношенія сохранены ритмическимъ размѣромъ стиха и приемами, несмотря на какое правописаніе. Поэтому стихотворенія нашихъ писателей разсматриваемой эпохи даютъ намъ болѣе матеріала по нашему вопросу, чѣмъ прозаическія произведенія.

Въ другомъ своемъ этюдѣ ¹⁾ мы старались уяснить себѣ вопросъ о томъ, изъ какихъ элементовъ сложилась рѣчь Ломоносова къ тому времени, когда онъ явился у насъ главнымъ представителемъ литературнаго русскаго языка и серьезнѣйшимъ пропагаторомъ новыхъ идеаловъ въ русской литературѣ. Мы нашли, что у Ломоносова на фонѣ его родного архангельскаго холмогорскаго говора къ 50-мъ годамъ прошлаго столѣтія пышно расцвѣла московская народная рѣчь, отслонившая мѣстами, съ одной стороны, элементы салоннаго языка

¹⁾ Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1898, № 3 и 1899 № 6, „Нѣсколько выѣтокъ изъ исторіи русскаго языка“.

московской интеллигенціи того времени, съ другой,—элементы языка тѣхъ его друзей, которые дала ему первоначальное образованіе, именно,—лицъ духовнаго сословія съ ихъ церковно-книжнымъ произношеніемъ.

Всѣ эти элементы литературной рѣчи Ломоносова оказалось возможнымъ установить по его правописанію, по складу рѣчи и словарному матеріалу. Всѣ эти элементы проникли собой произведенія пера знаменитаго Ломоносова и отразились и въ его „Грамматикѣ“, и въ его „Стихотвореніяхъ“, и другихъ сочиненіяхъ. Такимъ образомъ, эти элементы когда-то составляли нашъ литературный языкъ.

II.

За время отъ смерти Ломоносова до выступленія на литературное поприще Пушкина судьба русскаго литературнаго языка была самой неустойчивой, и составъ языка самымъ неопредѣленнымъ. Прошло пятьдесятъ лѣтъ со смерти гениальнаго Ломоносова, разсѣившаго смѣлой рукой сѣмена народной рѣчи на нивѣ русскаго литературнаго труда; не успѣлъ еще самъ собой потускнѣть отпечатокъ личной дѣятельности Ломоносова, наложенный этимъ русскимъ гигантомъ, этимъ „первымъ русскимъ университетомъ“, на всѣ произведенія духа и мысли, какъ послѣдовалъ цѣлый рядъ историческихъ событій, изъ которыхъ послѣднимъ въ разсматриваемый нами періодъ и самымъ крупнымъ была отечественная война 1812 года, отразившаяся въ значительной степени и на состояніи нашей духовной жизни. Подъ влияніемъ личнаго знакомства съ западомъ измѣнились въ русскомъ обществѣ, прежде всего въ военномъ сословіи, взгляды на русскую жизнь, литературные вкусы и требованія. Выѣстъ съ тѣмъ появляется на литературномъ поприщѣ новая сила въ лицѣ Пушкина. Въ вихрѣ международныхъ политическихъ сношеній закружилась русская интеллигенція того времени. Литературные кружки нашей дворянской молодежи, вдохновленные гуманными и либеральными идеями молодого императора, намѣчаютъ цѣлый рядъ новыхъ задачъ и вопросовъ для русской литературы и распадаются на защитниковъ стараго классицизма въ литературѣ и поборниковъ поваго романтическаго направленія.

Сѣмена, брошенныя Ломоносовымъ, чуть-чуть было не были сметены наплывомъ новыхъ стремленій вдохнуть въ русскую литературу общечеловѣческія, культурныя идеи.

Но *однихъ стремленій* оказалось еще недостаточно для осуществленія такой цѣли...

Признавію за литературой какого-нибудь народа ея общечеловѣческаго всемірнаго значенія предшествуетъ ея народность, т. е. отраженіе въ ней ея самостоятельности. Заимствованная литература никогда не сообщитъ никакому народу той равноправности его въ духовномъ отношеніи, которою пользуется народъ, выѣюшій литературу свою собственную съ общечеловѣческими идеями. Такая литература всегда національна. Эпоха начала вѣка столѣтія была эпохой сибны литературныхъ вкусовъ, требованій и идеаловъ, а потому и литература этого времени не имѣла ни единства идей, ни выработанной формы въ языкѣ. Литературный языкъ этой эпохи даетъ возможность намъ слѣдить за тѣми настроеніями и убѣжденіями нашихъ дѣятелей литературы, среди которыхъ колебалась судьба русскаго литературнаго языка, служа то однимъ, то другимъ цѣлямъ подъ перомъ представителей разныхъ литературныхъ направленій. За это время русскій литературный языкъ облекается въ разнообразныя формы, и такое неустановившееся его состояніе дѣлается причиной того, что мы теперь можемъ указать, кто изъ нашихъ писателей этой переходной эпохи русскаго литературнаго языка внесъ въ языкъ его составные элементы, и подъ какими угломъ зрѣнія смотрѣлъ писатель на задачи русскаго литературнаго языка, а также какими обстоятельствами обусловлена была точка зрѣнія на языкъ и литературу у даннаго писателя. Такъ, напримѣръ, Карамзинъ считаетъ языкъ Ломоносова уже несвойственнымъ нынѣшнему вѣку, а стиль его *дикимъ* и *варварскимъ*. Явились особые печатные органы, напримѣръ, „Московскій Меркурій“, „Сѣверный Вѣстникъ“, „Цвѣтникъ“, „С.-Петербургскій Вѣстникъ“ и др., въ которыхъ обсуждался передъ публикой вопросъ о литературномъ русскомъ языкѣ послѣдователями Карамзина, среди которыхъ явились и радикалы, и умѣренные: Макаровъ, Каченовскій, Дашковъ, потомъ Нарѣжвый и др. Съ другой стороны явились и противники Карамзина, въ лицѣ прежде всего Шишкова, устроившаго общество подъ названіемъ: „Бесѣда любителей русскаго слова“, гдѣ обсуждались и критиковались крайнія мнѣнія Карамзина, и гдѣ члены этого общества—шишковисты—впадали сами въ противоположныя крайности. Наконецъ, въ противовѣсъ „Бесѣдѣ любителей русскаго слова“ возникло въ 1815 году литературное общество „Арзамасъ“. Члены этого общества, и въ то же время литераторы, были очень многочисленны: всѣ они, съ Жуковскимъ во главѣ, были послѣ-

дователями Карамзина и исповѣдывали излюбленную Карамзинимъ идею—*сблизить языкъ русской литературы съ разговорнымъ языкомъ тогдашняго образованнаго общества*. Въ зависимости отъ того, къ какому направленію принадлежалъ авторъ, языкъ литературныхъ произведеній представлялъ въ то время совершенно различныя облики: однако на характеръ языка вліяли не только теоретическія убѣжденія авторовъ, но и ихъ общественное положеніе, ихъ образованіе и воспитаніе, ихъ сословныя особенности: напримеръ, хотя Даниковъ, П. Макаровъ, Каменевъ, В. Пушкинъ, Бенитцкій, Измайловъ, Подшняловъ, Каченовскій, В. Панаевъ, Воейковъ, Озеровъ, Жуковскій, Батюшковъ, Вяземскій—ученики и послѣдователи литературной школы Карамзина, однако языкъ ихъ произведеній у каждаго имѣеть не только свои особенности *стиля*, но и лексикона, или *словарнаго матеріала*. Если бы мы располагали въ настоящее время, при современныхъ успѣхахъ русскаго языковѣданія, достаточнымъ количествомъ подлинныхъ рукописей каждаго изъ нашихъ писателей этой эпохи переходнаго состоянія, или формировавія нашего языка литературы, если бы мы имѣли *хоть изданія* всѣхъ этихъ и другихъ авторовъ разсматриваемой эпохи съ сохраненіемъ ихъ подлиннаго *правописанія*, то мы могли бы указать и составъ нашего литературнаго общества того времени, могли бы до извѣстной степени уяснить себѣ вопросъ: насколько въ образованіи нашего литературнаго языка участвовали *не только сознательныя труды* представителей тогдашней интеллигенціи, но и принявшіе *безсознательно, безъ вѣдома самихъ авторовъ*, въ нашъ литературный языкъ *сословныя и провинціальныя, діалектическія элементы*. Словомъ, мы могли бы уяснить себѣ вопросъ о судьбахъ нашего литературнаго языка переходной эпохи, конца XVIII и начала XIX столѣтія, опредѣливъ тѣ теченія, которыми вносились въ нашъ языкъ разнородныя элементы... Для насъ, изслѣдователей судьбы нашего литературнаго языка, наибольшее значеніе имѣеть послѣ Ломоносова—Пушкинъ, такъ какъ всѣ промежуточные писатели, имена которыхъ мы отчасти перечислили выше, собственно говоря, остановили великое дѣло Ломоносова, и потому ихъ труды не дали и въ потомствѣ *живучихъ* результатовъ: языкъ Карамзина просуществовалъ только до появленія на сцену Пушкина, а основная идея Карамзинской реформы не привилась къ жизни потому, что она сама въ себѣ не заключала жизнеспособнаго начала. Эту идею Карамзина мы могли бы условно назвать *аристократизаціей* русскаго литературнаго языка, а отсюда понятно, почему эта идея разбилась въ пухъ и прахъ объ

моищу скалу Пушкинскаго гения, демократическую во всѣхъ своихъ культурныхъ проявленіяхъ, несмотря на аристократическое происхождение поэта. Въ виду всего сказаннаго историкъ языка останавливается съ особымъ вниманіемъ на дѣятельности Пушкина. Его гений, при первомъ появленіи критическаго отношенія къ литературѣ, указалъ ему, что „Державинъ не зналъ ни русской грамоты, ни духа русскаго языка“, „вотъ почему онъ и ниже Ломоносова“ (письмо къ Дельвигу 1825 г. Соч. Пушкина. Изд. литер. фонда. Спб. 1887, VII т., стр. 133). Между тѣмъ какъ о Ломоносовѣ Пушкинъ въ томъ же 1827 году говоритъ: „онъ понималъ истинный источникъ русскаго языка и красоты онаго“ (письмо къ Бестужеву, *ibid.*, VII, стр. 116).

Геніальная личность по самой сущности своей природы всегда оригинальна и неподражаема во всѣхъ проявленіяхъ культурной дѣятельности своей. Таковъ, конечно, былъ и Пушкинъ: онъ помимо своей воли и сознанія наложилъ на всѣ произведенія мысли и слова, подобно Ломоносову, отпечатокъ своего гения, съ тою только разницею, что Ломоносову пришлось дѣйствовать въ неблагоприятное время общественнаго застоя, когда почва не была еще подготовлена, а Пушкину досталось на долю то время, когда жизнь общественная среди русской интеллигенціи кипѣла ключемъ, и умы литературной молодежи были подготовлены къ оцѣнкѣ его дѣятельности европейскимъ образованіемъ, а общественное настроеніе поджидало только авторитетнаго призыва къ переустройству устарѣвшихъ формъ жизни. Сѣмена, брошенныя Ломоносовымъ, подхватилъ Пушкинъ. Какія же это были сѣмена? Это—сѣмена, которыя могутъ быть названы условно *национализацией* нашего литературнаго языка путемъ развитія его на началахъ *демократическихъ* ¹⁾. Оставляя въ сторонѣ „высокій штиль“ Ломоносова, какъ его уступку обстоятельствамъ и времени, мы будемъ имѣть въ *Ломоносовѣ родоначальника той реформы русскаго литературнаго языка*, которая соотвѣтствовала жизненнымъ потребностямъ многомилліоннаго народа, способнаго въ будущемъ имѣть свою литературу съ общечеловѣческими идеалами, литературу въ истинномъ значеніи этого слова.

Жизнеспособность Ломоносовскихъ принциповъ была вѣрно угадана однимъ лишь Пушкинымъ, и вотъ почему вліяніе Пушкина на

¹⁾ Употребляемъ подобныя иностранныя термины, какъ наиболее подходящія къ выраженію нашихъ мыслей.

вашъ литературный языкъ оказалось значительно слабѣе, чѣмъ можно было предполагать, судя по его первоначальному воспятанію и образованію. Правда, и въ языкѣ Пушкина безпристрастный судъ потомства находить элементы нынѣ уже устарѣлые, отжившіе, и историкъ языка обязанъ указать намъ всѣ эти элементы, но общіе его принципы остались и до сихъ поръ и останутся навсегда неизблѣнными и глубоко вѣрными, такъ какъ эти принципы все болѣе и болѣе оправдываются и развиваются, не измѣняясь съ теченіемъ времени въ своихъ коренныхъ основахъ.

Если мы вникнемъ въ ходъ развитія русскаго литературнаго языка *послѣ Пушкина*, то замѣтимъ и опредѣлимъ дальнѣйшую судьбу нашего языка по языку нашихъ позднѣйшихъ писателей. При этомъ необходимо отмѣтить, что только одинъ Гоголь не сумѣлъ своей литературной дѣятельностью сообщить языку Пушкина дальнѣйшее движеніе по намѣченному пути, такъ какъ переполнилъ свой языкъ такими неправильностями, которыя не оправдываются ни живымъ русскимъ народнымъ языкомъ, ни предшествовавшими примѣрами языка книжнаго. Вспомнимъ и по этому поводу критику Пушкина, который сказалъ такъ: „Прозой пишу я гораздо несправильнѣе, а горюю еще хуже, и почти такъ, какъ пишетъ Гоголь“ (Критич. Зам., 1830—1831. Соч. Пушкина, V, 135). Писалъ Пушкинъ, бесспорно, мастерски, но не во все время своей жизни одинаково: его русскій языкъ постепенно измѣнялся ¹⁾, при чемъ языкъ прозы дѣйствительно стоитъ въ сочиненіяхъ Пушкина ниже языка стихотвореній. Это сужденіе, однако, мы можемъ высказать лишь *теперь*, когда самъ Пушкинъ довелъ литературный языкъ до той степени совершенства, при которой намъ уже непріятны не только стихи его предшественниковъ, но даже и его собственные стихотворенія, написанныя въ ранней молодости.

¹⁾ Для полной оцѣнки дѣятельности Пушкина по отношенію къ нашему литературному языку намъ нужны были бы изданія *рукописей* автора, такъ какъ онѣ, помимо желанія самого Пушкина, обнаружили бы передъ нами вполне тѣ соки, которыми питался литературный русскій языкъ подъ перомъ и въ произношеніи Пушкина, но и послѣднее академическое изданіе сочиненій Пушкина оставляетъ лингвиста неудовлетвореннымъ, такъ какъ тѣми снимками, которые приложены къ академическому изданію, обнаруживается еще сильнѣе и рѣзче то обстоятельство, сколько важнаго матеріала для исторіи русскаго литературнаго языка заключается въ правописаніи самого Пушкина, и сколько скрыто отъ насъ въ области состава нашего литературнаго языка, благодаря тому, что изданія нашихъ авторовъ преслѣдуютъ одностороннія цѣли. См. примѣчаніе выше о *второмъ* изданіи I-го тома сочиненій Пушкина Академіею Наукъ въ 1900 году.

Раньше же и эти стихотворенія Пушкина казались современной публикѣ образцомъ новаго и усовершенствованнаго въ своей формѣ литературнаго языка. Само собой разумѣется, что современники ранней молодости Пушкина видѣли и замѣчали поворотъ къ лучшему въ нашемъ языкѣ, и это было особенно замѣтно людямъ, начитаннымъ въ нашей литературѣ. Пока Пушкинъ далъ первые образцы новаго языка, нашъ языкъ успѣлъ закончить цѣлые періоды своего развитія.

III.

До появленія первыхъ признаковъ Пушкинскаго языка въ его стихотвореніяхъ около 20 года истекшаго вѣка передъ нами протекаетъ цѣлый рядъ вѣковъ постепеннаго развитія нашего литературнаго языка на разныхъ началахъ: мы различаемъ въ зависимости отъ сложныхъ условий русской жизни *четыре эпохи* въ исторіи нашего литературнаго языка: 1) *эпоху церковно-книжную характера языка нашихъ писателей*, 2) *эпоху постепенной націонализаціи этого языка* на почвѣ сближенія его съ языкомъ чисто русскаго народнаго быта, сближенія, составлявшаго временно результатъ смѣлыхъ попытокъ и стремленій отдѣльныхъ писателей, затѣмъ—3) *эпоху временной денационализаціи*, такъ сказать, *нашего литературнаго языка* на почвѣ сближенія его съ языками болѣе культурныхъ народовъ, поочередно оказывавшихъ воздѣйствіе на ходъ нашей исторіи и, наконецъ, 4) *эпоху самостоятельности нашего языка*, направившагося новымъ путемъ развитія собственныхъ силъ, которыя оказались въ языкѣ русскаго народа въ свѣжемъ и почти нетронutomъ видѣ. Такія свѣжія силы народнаго русскаго языка оказались въ наличности потому, что русскій народъ стоялъ, въ силу исторически сложившихся условій, вдалекѣ отъ успѣховъ культуры нашей интеллигентной среды, нашего образованнаго общества. Исторія нашего правописанія носитъ на себѣ отпечатокъ всѣхъ этихъ эпохъ и служитъ намъ показателемъ зависимости словесной и письменной формы нашего слова отъ состоянія науки и образованности. Пушкинъ жилъ и дѣйствовалъ въ ту переходную эпоху, которая можетъ назваться эпохой формированія литературнаго русскаго языка на новыхъ началахъ народности, когда стали мало-по-малу рушиться старыя основы нашего языка: его церковно-книжныя и чужеземныя основы. Слѣдовательно, только что начиналась *четвертая* изъ отиѣченныхъ нами выше эпохъ. Пушкинъ, съ одной стороны, принадлежитъ эпохѣ старой, когда настоящій рус-

скій языкъ былъ въ пренебреженіи, а французскій считался языкомъ образованнаго общества; съ другой—эпохѣ новой, на глазахъ которой уже намѣчены были попытки Ломоносова, Державина и отчасти Жуковского сообщить русскому литературному языку новое направленіе въ смыслѣ самостоятельнаго развитія изъ источниковъ живого народнаго русскаго слова. Воспитаніе и домашняя обстановка жизни Пушкина намъ извѣстны: это барская среда съ тѣми самыми возрѣніями на русскій народъ и его языкъ, которыя отмѣчены нашими крупнѣйшими беллетристами въ ихъ литературныхъ типахъ *Кирсанова* ¹⁾, *Гринёва*, *Евгенія Оньина*, *князей Кураиныхъ* ²⁾ и проч. Воспитаніе этихъ и другихъ подобныхъ представителей нашего образованнаго общества было вѣрноп французамъ; языкъ ихъ дѣтства былъ французскій.

Въ обществѣ былъ принятъ также языкъ французскій, который передалъ очень много словъ русскому языку; слова эти должны были выражать собой понятія, проникшія въ русское общество въ значительномъ количествѣ послѣ французской войны и проявившіяся прежде всего въ разговорѣ среди тѣхъ круговъ общества, которые увлеклись французскимъ бытомъ, французской модой и обстановкой. Все это, вѣстѣ взятое, отразилось по отношенію къ русскому языку на лексикологіи русской образованной рѣчи; затѣмъ захватило собой и область русскаго синтаксиса; далѣе переходило и на звуковую часть языка, въ которомъ выработалось мало-по-малу произношеніе заимствованныхъ словъ на иностранный ладъ, наконецъ, повлекло за собой и особую артикуляцію нѣкоторыхъ русскихъ звуковъ даже въ словахъ, принадлежащихъ русскому языку, у тѣхъ людей, которые составляли въ то время высшее литературно-образованное общество, и которые привыкли уже съ дѣтства къ звукамъ чужой рѣчи и помимо своей воли, бессознательно, въ послѣдствіи обнаруживали и въ произношеніи русскихъ звуковъ слѣды французскаго воспитанія. Въ это время (20-е годы вѣка) мы ясно можемъ различить *два особаго языка*, бывшихъ въ употребленіи русскаго грамотнаго общества: одинъ языкъ можетъ быть условно названъ языкомъ семипаристовъ, другой—языкомъ высшаго общества. *Тоническая* сторона языка, то-есть, постановка удареній, испытывала

¹⁾ См. „Отцы и дѣта“.

²⁾ „Война и миръ“. Изд. 10, т. V, стр. 6, 33—34. Про князя Василія гр. Л. Н. Толстой говорятъ такъ: „Онъ говорилъ имъ томъ изысканномъ французскомъ языкѣ, на которомъ не только говорили, но и думали иши дѣды“...

на себѣ *также* извѣстное воздѣйствіе французскаго произношенія въ тѣхъ словахъ, которыя вошли въ употребленіе русскаго общества изъ французскаго языка. Въ результатѣ получилось своеобразное удареніе на такихъ словахъ, именно, то удареніе, которое, соотвѣтствуя французскому на данномъ словѣ, впоследствии, при демократизаціи языка нашей литературы, исчезло, замѣнилось другимъ, и нынѣ служатъ лишь, если гдѣ-либо и слышатся, историческимъ указателемъ состоянія русскаго языка извѣстной эпохи. Собственно былъ и *третій языкъ*—языкъ простого народа, языкъ „подлой черни“, который тогда можно было назвать „языкомъ будущаго“, и который энергично преслѣдовался до поры до времени въ разговорахъ, рѣчахъ и употребленіи высшаго интеллигентнаго общества конца XVIII и начала XIX столѣтія. Такова въ общемъ наброскѣ картина историческаго движенія нашего литературнаго языка; факты этой исторіи можно прослѣдить на произведеніяхъ нашей литературы; и въ литературныхъ тинахъ Фонъ-Визинка, Пушкина, Тургенева, Грибоѣдова, Помяловскаго, Островскаго и друг. можно указать представителей всѣхъ перечисленныхъ видовъ нашего языка, а равно можно привести и свидѣтельства самихъ авторовъ о языкѣ своихъ героевъ (у Пушкина, у Тургенева) ¹⁾. Пушкинъ, какъ извѣстно, принадлежалъ, именно, къ высшему обществу, и на немъ отразилось и его „проклятое воспитаніе“, какъ онъ самъ его называетъ, и всѣ его послѣдствія; онъ самъ раньше русскаго языка знаетъ французскій, пишетъ въ раннемъ дѣтствѣ стихотворенія на французскомъ языкѣ раньше, чѣмъ на русскомъ, а впоследствии пересыпаетъ свою рѣчь въ обществѣ французскими фразами и словами (см. Записки А. О. Смирновой), ведетъ переписку съ друзьями и своей женой нерѣдко на французскомъ языкѣ (см. VII томъ соч. Пушкина) и въ то же время скорбитъ душой и жалуется на то, что нашъ языкъ „бѣденъ приемами“, что нашъ языкъ „пестрѣтъ иностранными словами“, что „метафизическій русскій языкъ еще въ дикомъ состояніи“, что, наконецъ, наша изящная литература задержана была въ своемъ развитіи тѣмъ, что „мы привыкли мыслить на чужомъ языкѣ“, употреб-

¹⁾ Срв. данныя, приведенныя изъ Пушкина, въ другомъ моемъ трудѣ, посвященномъ грамматикѣ языка Пушкина, въ главѣ объ удареніи въ именахъ существительныхъ. Этотъ трудъ имѣетъ скоро появиться въ печати.

Срв. также „Отцы и дѣти“ — о языкѣ Кирсанова. Или о языкѣ письма Татьяны и русскихъ дамъ вообще, о языкѣ русскихъ журналовъ и проч. — у Пушкина.

ляя вообще французскій языкъ и пренебрегая русскимъ (V т., стр. 19. 1824 года). Пушкинъ винить въ этомъ самихъ писателей (*ibid.*) неменьше, чѣмъ прочихъ, и такъ мѣтко характеризуетъ состояніе нашего языка и отношеніе къ нему общества:

„Сокровища родного слова, —
 Замѣтать важныя умы, —
 Для лепетанія чужого
 Пренебрегли безумно мы.
 Мы любимъ музъ чужихъ пгрушки,
 Чужихъ нарѣчій погрешки,
 А не читаемъ книгъ своихъ.
 Да гдѣ-жъ оны? давайте ихъ!
 Конечно: сѣверныя звуки
 Ласкають мой привычный слухъ;
 Ихъ любить мой славянскій духъ;
 Ихъ музыкой сердечны муки
 Усыплены; но дорожить
 Одними-ль звуками пнать?
 И гдѣ-жъ мы первыя познавъ
 И мысли первыя наши?
 Гдѣ повѣряемъ испытанья,
 Гдѣ узнаемъ судьбу земли?
 Не въ переводахъ одичалыхъ,
 Но въ сочиненьяхъ заоздалыхъ,
 Гдѣ русскій умъ и русскій духъ
 Зады твердить и жечь за двухъ.

Поэты наши переводятъ,
 Или молчать; одинъ журналъ
 Исповнень приторныхъ похвалъ,
 Тотъ — брани плоской; всѣ наводятъ
 Зѣвоту скуки, чуть не сонъ:
 Хорошъ россійскій Геликонъ!“ (Альбомъ Оиѣгина). III, 416, 417.

Это Пушкинъ писалъ, вѣроятно, въ 1827 — 1828 годахъ, такъ какъ этотъ Альбомъ Оиѣгина составляетъ дополненіе къ VII главѣ романа, написанной въ это время. А въ 1824 году Пушкинъ писалъ: „У насъ нѣтъ еще ни словесности, ни книгъ“... (V, 19). [Срв. „Литературныя мечтанья“ Вѣлинскаго 1834 года]. Очерченное выше состояніе нашей литературы и языка ея свидѣтельствуеетъ о томъ, что Пушкинъ жилъ и писалъ *въ періодъ формированія нашего національнаго литературнаго языка*. Опредѣляя эпоху дѣятельности Пушкина съ его же словъ, мы поймемъ, какое важное значеніе имѣла дѣятельность гениальной личности Пушкина въ исторіи нашего ли-

тературнаго языка, мы поймемъ также его свидѣтельство о томъ, что ему приходилось „создавать цѣлыя обороты“ въ языкѣ (V, 19), приходилось искать соотвѣствующихъ мысли *чисто-русскихъ выражений въ Академическомъ словарѣ* (III, 245), приходилось по необходимости употреблять иностранныя слова и идти противъ своего желанія вслѣдъ за обычаемъ, модою, уступая необходимости. Насколько эта уступка времени и обстоятельствамъ была тяжела для самого Пушкина, имѣвшаго совершенно инныя представленія и иные идеалы по отношенію къ русской литературѣ и языку, видно изъ вышеприведеннаго его отзыва о „Россійскомъ Геликонѣ“¹⁾, а также изъ его мнѣній о представителяхъ русской литературы сравнительно съ западно-европейской (см. V т. Сочиненій)¹⁾. Отсюда ясно, что Пушкинъ, съ одной стороны, примыкалъ въ своей дѣятельности по языку къ своимъ предшественникамъ, у которыхъ мы можемъ найти значительное количество словъ и оборотовъ, а равно и случаевъ произношенія, иншѣ уже не употребительныхъ въ литературномъ языкѣ, но еще извѣстныхъ Пушкину и постоянно встрѣчающихся въ его произведеніяхъ²⁾. Съ другой стороны, Пушкинъ является передъ нами, какъ Крыловъ, новаторомъ въ литературномъ языкѣ, черпая для него формы, слова и обороты изъ языка народнаго и въ этомъ смыслѣ идя объ руку съ Крыловымъ. При посредствѣ Пушкина проникла въ русскій литературный языкъ и въ разговорный языкъ образованнаго общества масса словъ и оборотовъ, которые, благодаря быстро развивавшемуся чутью языка у Пушкина, вошли во всеобщее употребленіе, не провозводя собою страннаго впечатлѣнія и вполне привившись къ нашему языку. Однако общая судьба вносимыхъ въ языкъ словъ такова, что они продолжаютъ жить своей *особой* жизнью въ устахъ различныхъ читателей. Кругъ читателей Пушкинскихъ произведеній былъ особенно широкъ и великъ, а потому Пушкинъ, создавъ для себя читателей, тѣмъ самымъ пустилъ въ оборотъ и весь запасъ языка своихъ произведеній. Среди читателей были люди, принадлежавшіе по языку къ обществу самого писателя, но были и люди, которыхъ мы по языку отличали и называли условно „семинаристами“. Запасъ языка Пушкинскихъ произведеній проходилъ сквозь сферу

¹⁾ Эти мнѣнія собраны нами въ брошюрѣ: „Литературныя мнѣнія Пушкина“. Воронежъ 1896.

²⁾ Напримѣръ, въ области ударенія: мушкетъ, персты и под.—у Державина и особенно у Жуковского; въ области словообразованія: вихорь, вѣтръ и проч. у нихъ же и у Ломоносова. Это же и у Пушкина.

различныхъ слоевъ общества и передавался въ произношеніи различныхъ индивидуумовъ. Ясное дѣло, что при такомъ положеніи дѣла получались разнообразныя отгѣнки въ произношеніи, и этихъ отгѣнковъ было тѣмъ болѣе, чѣмъ менѣе было извѣстно произношеніе словъ, принадлежащихъ автору и его кругу, его обществу. Такимъ образомъ получалось болѣе или менѣе однообразное употребленіе и произношеніе иностранныхъ словъ, внесенныхъ въ нашъ языкъ, въ одномъ кругу читателей, объединенныхъ и общими началами воспитанія и образованія, общими основами мировоззрѣнія; въ другомъ кругу читателей неизменно получалось на тѣхъ же основаніяхъ другое произношеніе и употребленіе такихъ словъ, и это произношеніе здѣсь, именно, въ кругахъ общества, не составлявшаго нашей аристократіи, къ которой принадлежалъ и Пушкинъ, то-есть, въ кругахъ демократическихъ, создавалось на основаніи аналогіи съ тѣмъ запасомъ чисто-русскихъ словъ и звуковъ, который имѣлся въ распоряженіи этого послѣдняго круга людей. Такъ возникали варианты произношеній иностранныхъ словъ: напримѣръ, *принсіпъ* и *принципъ* и под. ¹⁾, смотря по тому, какому обществу они принадлежали; а затѣмъ общій характеръ произношенія высшаго круга съ его особымъ акцентомъ и словаремъ отражался и на чисто-русскихъ словахъ, причѣмъ это ясно выразилось прежде всего на нѣкоторыхъ звукахъ, особенно на звукѣ *e*, который порусски всегда *смычала* предшествующую согласную, а пофранцузски вовсе не отличался этимъ свойствомъ; отсюда явились варианты: *рандэуъ* и *рандеуъ* въ разныхъ обществахъ; *Goethe*—въ высшемъ обществѣ, но *Гѣте* (какъ „*имѣте*“—по гласнымъ звукамъ) въ слухъ съ семинарскимъ образованіемъ, *Волтѣръ* и *Вольтѣръ*, даже *Вольтеръ*; *дѣталь* и *деталь*, даже *дѣталь*; *демократія* (и *демократіа* ср. ниже), съ одной стороны, и *демокрáтія*,—съ другой,—и много другихъ. Даже названія согласныхъ буквъ нашего алфавита въ произношенія представителей разнаго воспитанія

¹⁾ „*Принсіпъ*“ произносилъ Пав. Петр. Кирсановъ, дворянинъ стараго покроя и такова же воспитанія, какъ Пушкинъ, а „*принципъ*“ произносилъ его племянникъ, студентъ Аркадій. Вотъ что читаемъ у Турговева:—„Отцы и дѣти“, Т. II. Изд. Маркса. 1898 г. Стр. 24—„Мы, люди стараго вѣка, мы полагаемъ что безъ принсіпона... (Пав. Петровичъ выговаривалъ это слово мягко, на французскій манеръ, Аркадій, напротивъ, произносилъ „*принципъ*“, налегая на первый слогъ) безъ принсіпона, принятыхъ, какъ ты говоришь, на вѣру, шагу ступить, дохнуть нельзя. Vous avez changé tout cela, дай вамъ Богъ здоровья и генеральскій чинъ, а мы только любоваться будемъ, господа“... и проч.

и общества звучали различно, и это традиціонно сохраняется еще и понынѣ: люди, въ семьѣ которыхъ были нерусскіе элементы въ качествѣ воспитателей и учителей, большинство нашихъ дворянъ, провозносятся: *ба, ва, да* и проч., а семинаристы и простонародье — *бе, ве, де* и проч. ¹⁾. По свидѣтельству Третьяковскаго и Сумарокова особое произношеніе ударяемаго *е*, какъ *ѣ*, передъ твердымъ согласнымъ, служило въ ихъ время признакомъ простой рѣчи ²⁾, и можно навѣрное утверждать, что въ произношеніи высшаго круга такой звукъ *ѣ* избѣгался и былъ мало извѣстенъ, потому что онъ принадлежалъ просторѣчию. Въ данномъ случаѣ, по отношенію къ звуку *ѣ*, надо считать ся съ тѣмъ обстоятельствомъ, что наши дворяне получали *русское образованіе*, то-есть, учились *русской* грамотѣ и *русскимъ* предметамъ, у тѣхъ же семинаристовъ, которыхъ приглашали къ себѣ въ качествѣ учителей (см. „Недоросль“ Фонъ-Визина); а эти послѣдніе учились по *церковнымъ* книгамъ и усвоили церковное произношеніе, въ которомъ нѣтъ звука *ѣ*. Такимъ образомъ, языкъ высшаго общества складывался изъ элементовъ вностраниаго, французскаго языка, и элементовъ церковнаго языка; а языкъ будущаго господствующаго въ образованіи класса—демократовъ слагался изъ тѣхъ же церковныхъ элементовъ и элементовъ простонароднаго языка. Эти послѣдніе элементы пронизали собой глубоко весь языкъ демократіи и впоследствии вытѣснили даже церковный элементъ, сохранившійся только у духовенства, и то не въ домашнемъ обиходѣ. Какъ видно изъ предыдущаго, характеръ демократическаго образованія возобладавъ и проникъ всюду нинѣ, даже въ слои высшаго общества, замѣнивъ собой прежній аристократическій пошибъ рѣчи и вытѣснивъ собой его особенности. Въ этомъ сказался судъ исторіи надъ нашимъ языкомъ, и такъ обнаружилось рѣшеніе вопроса о дальнѣйшемъ направленіи нашего литературнаго языка. Понятно, что послѣ всего сказаннаго языкъ Пушкина во всѣхъ его деталяхъ и со всѣми его особенностями приобретаетъ для насъ особый интересъ, а изображеніе этого языка въ ученой монографіи съ возможной полнотой составляетъ собой матеріалъ для будущей *общей исторіи* нашего литературнаго языка, которая явится передъ глазами науки и общества въ цѣломъ видѣ лишь послѣ того, какъ будетъ разработанъ языкъ каждаго изъ на-

¹⁾ См. мою статью „Нѣсколько замѣтокъ изъ исторіи русскаго языка“. *Журналъ Мин. Нар. Просв.* 1898 года. № 3 и 1899 г. № 5.

²⁾ См. *ibidem*. 1898. № 3. Стр. 165, 168, 169.

шихъ крупныхъ писателей, и рѣшенъ вопросъ о томъ, какое значеніе имѣлъ каждый изъ нихъ для нашего языка. Мы видимъ теперь, что Пушкинъ является передъ нами не особнякомъ, а въ связи съ обществомъ, къ которому онъ принадлежалъ, въ связи съ обстоятельствами своего времени и съ условіями нашей образованности и нашего быта. Тѣмъ интереснѣе для насъ рѣшить вопросъ, насколько личность Пушкина была самостоятельной, и какое мѣсто принадлежитъ ему въ исторіи нашего литературнаго языка. Не слѣдуетъ при этомъ забывать, что на Пушкина, кромѣ всѣхъ перечисленныхъ вліяній, оказало еще вліяніе и изученіе имъ русскаго народнаго языка въ *его сѣверно-великорусскихъ* говорахъ. Это тѣ „сѣверные звуки“, о которыхъ онъ самъ говоритъ.

Главнѣйшимъ матеріаломъ для сужденія о произношеніи Пушкина должны служить прежде всего *стихотворенія* Пушкина, гдѣ изобличителемъ произношенія является *ризма* и *ритмъ*, т. е. созвучіе въ концѣ словъ и удареніе надъ словами. Слѣдовательно, прежде всего мы должны пользоваться *стихотворными* произведеніями Пушкина, какъ произведеніями, ставящими наши заключенія внѣ зависимости отъ правописанія автора; затѣмъ, — *иностранными словами*, которыя составляютъ лексику автора и входятъ въ его языкъ съ ихъ особенными удареніями (согласно вышесказанному, согласно условіямъ времени) и съ ихъ особенностями въ употребленіи, а иногда и въ звукахъ. Эти слова берутся нами для возстановленія языка Пушкина и изъ *его прозы*. Наконецъ, въ періодъ неуставленнаго правописанія для насъ могутъ имѣть значеніе и тѣ особенности правописанія Пушкина, которыя или сохранились въ его автографахъ, или (въ случаѣ, если автографовъ не сохранилось, или ихъ нѣтъ подъ руками у лингвистовъ) *последовательно* проведены въ печатныхъ изданіяхъ, не принадлежа въ то же время самимъ издателямъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ эти особенности должны быть приписаны въ определенныхъ научныхъ изслѣдованіяхъ словамъ и фразахъ самому автору.

Остановимся прежде всего на римахъ Пушкина. Въ отношеніи произношенія матеріаломъ сравнительно богатымъ являются *раннія* стихотворенія Пушкина. Известно, что такъ называемыя „Лицейскія“ произведенія Пушкина по языку существенно отличаются отъ произведеній болѣе зрѣлаго возраста, въ которыхъ поэтъ является передъ нами уже во всеоружіи свѣдѣній, доопившихъ пробѣлы его „проклятаго“, какъ онъ самъ называетъ, воспитанія. Изъ виче-

нія языка Пушкина, сравнивая послѣдній съ языкомъ народнымъ и языкомъ современнаго ему общества, поскольку послѣдній восстанавливается изъ литературныхъ произведеній и свидѣтельствъ самихъ литераторовъ и историковъ нашего общества. мы выводимъ то весьма важное заключеніе для исторіи нашего языка, что *Пушкинъ не составлялъ искусственно ни словъ, ни формъ, ни оборотовъ для нашего языка литературы: онъ пользовался тѣмъ живымъ матеріаломъ, который усваивалъ, собиралъ и воспринималъ въ практическомъ обиходѣ у различныхъ лицъ, съ которыми говорилъ и сталкивался.* Вотъ его самый главный источникъ, и потому Пушкинъ, какъ свидѣтель языка своего времени, достоинъ самаго полнаго довѣрія со стороны науки, и его произведенія представляются намъ первоисточникомъ несомнѣнной важности для изученія и построенія исторіи нашего литературнаго языка. Этою особенностью Пушкинъ выгодно для себя выдѣляется надъ уровнемъ многихъ своихъ старшихъ современниковъ и предшественниковъ, чутъе которыхъ мирялось съ искусственными формами языка. Эта наша точка зрѣнія на Пушкина и его значеніе въ исторіи языка установлена нами при научномъ изученіи языка его произведеній, а потому и его произведенія имѣютъ значеніе правдивой лѣтописи нашего языка сравнительно съ произведеніями его многихъ современниковъ (между прочимъ Державина). Всѣ эти обстоятельства вскрыты наукой, не терпящей увлеченій и пристрастій. Изъ всего этого слѣдуетъ, что и приема Пушкина въ разное время свидѣлствуютъ о наличномъ произношеніи автора или его общества въ данную эпоху, которой она принадлежитъ; равнымъ образомъ, его лексиконъ, его ударенія и обороты измѣняются по мѣрѣ его собственной эманципации отъ языка тогдашней интеллигенціи.—и по мѣрѣ его воздѣйствія на этотъ послѣдній языкъ мѣняется и форма нашей литературной рѣчи. Такъ, напримѣръ, въ своихъ „Лицейскихъ стихотвореніяхъ“ Пушкинъ очень недалеко отошелъ отъ языка и произношенія прочихъ своихъ современниковъ-поэтовъ и вообще лицъ своего круга. Въ первую пору дѣятельности Пушкина. мы, напримѣръ, не встрѣчаемъ у него формъ и словъ въ родѣ: *хозяля* (1833 г., III, 520), *тоя* и *моля* (1825—1826 гг., Михайловское Исковской губерніи III, 329). Въ это время и лексикология, и произношеніе Пушкина должны были отличаться и дѣйствительно отличались отъ языка Пушкина послѣдующаго времени; устойчивость произношенія замѣчается лишь въ иностранныхъ словахъ. Такимъ образомъ, если въ раннихъ произведеніяхъ Пушкинъ упо-

требляетъ слово *полётъ* (съ произношеніемъ *е*, а не *ё*) въ римѣ со словомъ *лѣтъ* (I, 17), въ римѣ со словомъ *блѣдъ* (I, 104), то это значитъ, что такое произношеніе было извѣстно въ его время въ его кругу, и это наше заключеніе провѣряется и подтверждается и другими научными данными (см. нашу статью цитир. выше въ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1898, № 3, 1899, № 5). Намъ извѣстно также и произношеніе *полётъ* у Пушкина, но, если бы первое произношеніе не соответствовало дѣйствительному, то Пушкинъ не потерпѣлъ бы его, какъ искусственное, хотя бы и выдуманное имъ самимъ, потому что Пушкинъ былъ эстетикомъ и имѣлъ „разборчивое ухо“, а главное—былъ правдивымъ художникомъ-реалистомъ. Равнымъ образомъ мы находимъ у него твор. п. *полётомъ* (съ такимъ же *е*) въ римѣ со *сиптомъ* (I, 47). Съ такимъ же *е* Пушкинъ знаетъ слово *ревъ* (I, 362 рима *лесъ*) гораздо чаще, чѣмъ съ *ё*, (III, 143—*присмирѣвъ*. Срв. II, 71 та же самая рима и тотъ же оборотъ въ стихотвореніи „Обвалъ“ I, 86—твор. п. *рёвомъ—напѣвомъ*). Съ такимъ же *е*: *алтарёмъ* (I, 103—*шлемъ*); *врёмъ* (I, 71). Это же *е* мы имѣемъ и въ глаголахъ (см. цитир. выше нашу статью) въ окончаніи 3-ьяго лица ед. числа—*ѣтъ* (не—*ѣтъ*); напримѣръ, *ліётъ* (р. *одѣтъ* I, 111, 1816 г.), хотя Пушкину извѣстно и произношеніе *лѣтъ* (р. *пѣтъ* I, 112). [См. нашу статью въ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1898 г., № 3, стр 163—165]. То же *е* звучитъ и въ прич. прош. вр. стр. залога въ полной или краткой формѣ: *прельщённый* [р. *Елены* I, 3, 1812 г., въ академическомъ изданіи орфографія въ этомъ мѣстѣ съ однимъ *н*: *прельщённый*. Намъ неизвѣстно, на чемъ основано это правописаніе. (См. ниже)]; *возжённый* (р. *Елены* I, 3, 4). Въ академическомъ изданіи оиять *возжённый* ¹⁾. То же самое *е* звучитъ у Пушкина въ ранию

¹⁾ Для избѣжанія недоразумѣнія, въ которое могла бы быть вовлечена читающая публика правописаніемъ академическаго изданія, подающего поводъ къ предположенію со стороны читателя о томъ, не измѣнялъ ли самъ Пушкинъ окончанія словъ для цѣлей *орфографическаго сонашенія* въ окончаніяхъ, приемущихся у него въ стихахъ словъ, считаемъ необходимымъ замѣтить, что, во-первыхъ, сама орфографія академическаго (даже и *второго*—1900 г.) изданія I тома оиъ единственный пока и вышедшъ) въ этомъ случаѣ настолько неослѣдовательна и невыдержана, что приписать ее самому Пушкину и его разумнымъ дѣламъ или его нахѣренію въ орфографіи сдѣлать созвучіе *нагляднымъ* рѣшительно невозможно, такъ какъ само академическое изданіе своей орфографіей говоритъ противъ этого. (См. напримѣръ, автографъ Пушкина, приложенный къ 82 страницѣ I тома во 2-мъ изданіи—слово: *стройной* им. п.). А, во-вторыхъ, что

пору и въ суффиксахъ именъ прилагательныхъ, напримѣръ, *весёлой* (р. *Филомелой* I, 1, 1812 г.), *весёлый* (р. *бѣлой* I, 35, 1814 г.), *весёлымъ* (р. *престарѣлымъ* I, 41, 1814 г.), *весёлымъ* (р. *смѣлымъ* I, 45), *весёлымъ* (р. *посудѣлымъ* I, 120, 1816 г.), *тяжѣлымъ* (р. *оробѣлымъ* I, 258, 1821 г.). Этими и подобными приемами Пушкинъ не искажалъ языка и не навязывалъ ему чего-либо неизвѣстнаго или дикаго, искусственнаго, но выражалъ бывшее въ дѣйствительности въ то время въ интеллигентномъ кругу произношеніе. Однако, въ этомъ самомъ состояніи языка нашей интеллигенціи и кроются причины недовольства Пушкина и тѣ мотивы, которые заставили его чуткую и даровитую натуру искать новыхъ путей для развитія литературнаго русскаго языка и обратиться къ совершенно инымъ источникамъ изученія русскаго языка. Намъ понятны всѣ жалобы и безпощадная критика Пушкина по отношенію къ нашему языку тогдашней литературы и къ ея уровню. Намъ понятны его стремленія и жажда ломки устоевъ старой литературной школы и традиціи ¹⁾.

Пушкинъ (какъ показываетъ изученіе его языка, а не его орфографія, которой мы въ точности не знаемъ, благодаря неточнымъ изданіямъ и благодаря сравнительно небольшому количеству подлинныхъ автографовъ, сохранившихся до насъ отъ самого Пушкина) никогда не прибѣгалъ къ поддержкѣ звуковой рими, звуковымъ совпаденіямъ въ произношеніи римующихся у него словъ, путемъ орфографическаго отождествленія этихъ словъ съ ихъ начертаніемъ. Это весьма важно для изученія языка самого Пушкина съ его собственномъ произношеніемъ, следовательно, важно и для исторіи самого русскаго литературнаго языка. На этомъ основаніи мы имѣемъ право сомнѣваться въ томъ, чтобы орфографія Академическаго изданія I тома принадлежала Пушкину (да она и не совпадаетъ съ орфографіей подлинныхъ автографовъ, приложенныхъ къ изданію), чтобы Пушкинъ писалъ только для рими-ой виѣсто-ый, одно и виѣсто двухъ и, чтобы онъ написалъ „съ дивану“ (р. *застѣну*“. Къ сестрѣ 1814 г.) вм. „съ дивану“ (зд. Ефремова и Литер. Фонда) и проч. Впрочемъ, слово „дивану“ уже исправлено во 2-мъ изданіи. Стр. 12. Изъ этого изданія мы видимъ, что Пушкинъ какъ будто писалъ окончаніе прил. муж. р. -ой, а не -ый, только въ римиѣ съ формами прилаг. жевокаго рода на -ой и съ формами нарѣчій. Но это заключеніе было бы неточно въ виду правописанія Пушкинскаго автографа, приложеннаго къ 82 стр. 2-го изданія I тома. Свѣдѣнія объ автографѣ, послужившихъ матеріаломъ для изданія „Лицевскихъ стихотвореній“ Пушкина, мы почерпнемъ изъ указаній самого редактора I тома сочиненій Пушкина—академика Л. Н. Майкова—въ примѣчаніяхъ къ этому тому, а также изъ сравненія подлинныхъ автографовъ, приложенныхъ къ I тому, съ исчатнымъ воспроизведеніемъ ихъ по орфографіи академическаго изданія.

¹⁾ Критическое отношеніе къ русскому языку тогдашней интеллигенціи и литературы обнаружилось особенно сильно въ слѣдующихъ его сочиненіяхъ:

но тѣмъ не менѣе въ молодомъ Пушкинѣ мы должны признать „ученика“ тогдашнихъ корифеевъ литературы, а въ томъ числѣ и Державина, и Жуковскаго, и В. Л. Пушкина. Вотъ тѣ связи, которыми онъ былъ соединенъ со старымъ временемъ. Но „языкъ изрядной кампаніи“, по выраженію Тредьяковскаго, уже вскорѣ пересталъ удовлетворять художественный вкусъ Пушкина, который, обратившись къ изученію нашего народа и старой литературы, къ 1830-му году вноситъ коренную реформу въ нашъ старый литературный языкъ, и эта реформа была, какъ всякая гениальная реформа, проведена не только не насильственно, а даже совершенно незамѣтно, такъ какъ покоилась на основахъ, указанныхъ самой жизнью и естественнымъ ходомъ обстоятельствъ. Изученіе языка Пушкинскихъ произведеній приводитъ насъ къ заключенію, что Пушкинъ такъ же, какъ и Крыловъ въ своихъ басняхъ, шелъ нѣкоторымъ образомъ противъ обычнаго теченія, которому сильно поддавались: Тредьяковский, Сумароковъ, Державинъ, даже Жуковский и Новиковъ, не выключая отсюда и Ломоносова, сдѣлавшаго уступку обычному теченію въ своемъ „высокомъ штатѣ“. Оппозиція Пушкина заключалась въ томъ, что онъ въ скоромъ времени послѣ выхода своего на литературное поприще сталъ приближаться въ своемъ языкѣ къ народному русскому языку. (Про Крылова можно это сказать лишь съ оговоркою относительно языка его журналовъ и другихъ сочиненій, кромѣ басенъ)¹⁾. Пушкинъ, усматривая въ данныхъ языка русскаго народа тѣ основанія для себя, которыя помогли ему установить точку зрѣнія на языкъ тогдашней русской литературы, становится новаторомъ нашего литературнаго языка и безпощадно относится къ языку предшествовавшей и современной ему литературы. (См. его разборы языка Ломоносова, Державина и друг. въ V т., 221, 225, 226—1834 г. Въ письмѣ къ Дельвигу отъ 8-го іюня 1825 г.; о Державинѣ и его языкѣ.

T. V, стр. 127—128, 136; 19—20, 28—о языкѣ простаго народа и объ искаженіи русскаго языка вителлигенціей, говорящей пофранцузски. Объ исключительномъ употребленіи французскаго языка въ нашихъ образованныхъ кругахъ общества по свидѣтельству г. Лемонте. T. V, 27—29—о вліяніи этой моды на языкъ нашихъ писателей. Слѣдствіе этого — бѣдность языка нашей прозы. Срв. III, 416—417; III, 246. Также письмо къ Вяземскому—VII, 136 (№ 121).

¹⁾ Только что появившаяся въ Изв. 2-го Отд. Академіи Наукъ (т. V, кн. 1) статья *Ф. А. Витберга*: „Первая басня И. А. Крылова“ — прочно устанавливаетъ баснописную дѣятельность Крылова съ 1788 года. Изъ первыхъ его басенъ видно и по языку, что Крыловъ въ народной рѣчи—у себя дома.

VII т., стр. 133. № 117 и друг.). Сумѣвъ воспользоваться коренными народными свойствами нашего языка, какъ гениальный человекъ и художникъ, Пушкинъ практически, подъ перомъ своимъ, сообщилъ всему русскому литературному языку новое направленіе на началахъ народности языка.—Вслѣдствіе этого мы находимъ у Пушкина уже другую струю, проникающую въ его языкъ въ зрѣломъ возрастѣ. *Это струя народности* и въ произношеніи, и въ лексиконѣ, и въ синтаксисѣ. Познакомившись съ живымъ говоромъ обѣихъ столицъ и прислушавшись къ нему, Пушкинъ отразилъ въ своихъ произведеніяхъ и слѣды *общерусскаго произношенія*, принадлежащаго *не тѣмъ кругамъ общества*, въ которыхъ вращалось наше образованное дворянство. (Срв. его замѣчанія о языкѣ московскихъ просвиренъ и о московскомъ выговорѣ—V, 136. Критическія замѣтки—1830—1831 года). Эта же струя проникла въ языкъ Пушкина и другимъ путемъ: Пушкинъ жилъ и изучалъ народный языкъ въ Псковской губерніи, въ области *сѣверно-великорусскаго нарѣчія*. Въ результатѣ мы видимъ на его языкѣ и *слѣды сѣверно-великорусскаго произношенія*. (Срв. его замѣчанія о „сѣверныхъ звукахъ“). Онъ говоритъ:

„Конечно, сѣверные звуки
Ласкаютъ мой *примечный слухъ*;
Ихъ любить мой славянской духъ;
Изъ мушкетерскихъ душекъ
Услышимъ:...” (III, 416, 417. Курсивъ принадлежитъ мнѣ).

Въ этомъ порядкѣ мы остановились теперь на слѣдующихъ пунктахъ: а) *слѣды московскаго (общерусскаго) произношенія* у Пушкина, б) *слѣды сѣв.-великорусскаго произношенія* и в) *иностранныя слова въ русскомъ произношеніи Пушкина*. Къ первымъ относятся такія рѣзмы, какъ: *роиз*—*моиз* (I, 91. Въ этомъ случаѣ *z=x* при произношеніи слова *роиз* составляетъ признакъ московскаго выговора). Далѣе,—такія написанія, которыя обнаруживаютъ собой произношеніе въ словахъ, орфографія и этимологія которыхъ не установлена; напримѣръ, *чезлы* (I, 98). Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что Пушкинъ, вообще слабому знатку *научной* этимологіи языка и его теоріи¹⁾,

¹⁾ См. филологическія разсужденія Пушкина въ письмѣ къ женѣ отъ 21-го сентября 1835 г. Онъ здѣсь пишетъ: „бель-сѣрамъ повлонъ. Какъ надобно сказать: бель-сѣры, или бель-сѣри? Прощай“. VII. № 428. Или въ письмѣ къ И. И. Лажечникову отъ 3-го ноября того же года Пушкинъ задаетъ филологическій вопросъ на счетъ слова „*лоботъ*“. VII. № 436. Также см. V, стр. 136—о словѣ

же было извѣстно въ точности и правописаніе, и этимологія слова *чахла*, а потому его правописаніе *чехля* обличаетъ собой и его произношеніе звука *е* узкаго посаѣ *ч* въ этомъ словѣ; *разсѣять*—IV. 50, *те*=*тебѣ*, *тм*=*тебѣ*—IV. 50. 62. 80. 81, *кивота*—IV, 57. 25. 102, *обтчина* — IV. 95. 103, *вострїѣ*—III. 483, *востра* — III. 298. IV. 266 и друг. ¹⁾.

Къ *діалектическимъ* признакамъ произношенія надо отнести сѣверно-русскія произношенія: *днѣвнѣй* (I. 149. 222) при *днѣвнѣй* (I. 132 и др.), *дѣльнѣй* — (I. 12. 35. 98. 105. 129. III. 383. II. 119. 247. III. 565 и др.) при *дѣльнѣй* (I. 12. 53. 59. 69. 101. 176. IV. 10 и др.), *счѣстливѣй* (I. 34. 97 и др.) при *счѣстливѣй* (I. 73. 104 и др.), *пушешевѣй* (I. 76. 80. 148), *тросешевѣй* (I. 80. 161 и др.), „*на почтовѣйхъ*“ (I. 76. III. 360) при „*на почтовѣйхъ*“ (III. 372), *пуховѣй* (I. 107) при *пуховѣй*, „*недѣвнѣй*“ (род. п. ед. ч. ж. р. I. 130) при *дѣвнѣй* (I. 136), *лѣвовѣй* (I. 165. 235) при *лѣвовѣй* (I. 319), *пурнуровѣй* (I. 259), быть можетъ, и *надѣжнѣй* (съ *е*, не *ѣ* въ рѣмѣ съ *нѣжнѣй*—I. 351. 1825 года. Во всякомъ случаѣ это *е*, не *ѣ*, въ словѣ *надѣжнѣй* и производныхъ, равно какъ и различные варьянты удареній въ вышеприведенныхъ словахъ относятся либо къ словамъ столичной интеллигенціи, либо къ діалектическимъ, такъ какъ это произношеніе извѣстно поныѣ и въ народныхъ сѣв.-велик. говорахъ) и друг.

Во многихъ случаяхъ бываетъ трудно пріурочить къ какой-либо одной мѣстности великорусскаго нарѣчія извѣстныя произношенія въ виду ихъ распространенности въ разныхъ мѣстахъ. Къ такимъ случаямъ надо отнести тѣ случаи правописанія и ударенія у Пушкина, которые несомнѣнно свидѣтельствуютъ о его собственномъ произношеніи, совпадая въ то же время съ произношеніемъ и московскимъ, и вообще сѣверно-великорусскимъ. Напримеръ, у Пушкина есть формы им. п. мн. ч.: *лѣта* (I. 197) вѣн. *лѣта* (I. 211. 242. 312. 281. III. 288), но и: *лѣта* (им. мн. I. 179), зв. мн. тоже *лѣта* (I. 130). Последнюю форму съ удареніемъ на окончаніи Сумароковъ, какъ званокъ современнаго ему московскаго говора интеллигенціи,

жельма, *юбка*, *свадьба*, *дѣтнадцать*. На стр. 135 о спряженіи глагола „*рѣшакъ*“ и „*рѣшукъ*“ и т. п. въ другихъ мѣстахъ.

¹⁾ Конечно, произношенія: *те*, *тм*=*тебѣ*, *тебѣ* и проч. не принадлежать Пушкину, но заимствованы имъ у народа и внесенны въ рѣчь простодушнѣе *гдѣ* этого требуютъ содержаніе произведеній.

считать у Ломоносова провинціальнымъ произношеніемъ (соч. Сумарокова. Ч. X. М. 1787 г. 2-е изд., стр. 7). Слѣдовательно, эта форма у Пушкина можетъ быть принята также за сѣверно-великорусскій провинціализмъ, который, однако, послѣ Пушкина осященъ общимъ употребленіемъ¹⁾. Равнымъ образомъ обнаруживаютъ собой произношеніе нашей столичной интеллигенція, а также и произношеніе самого Пушкина и формы: *рыльцо* (Ш. 326. пян. ед.), *сраженъ* I. 46. (вип. мн.), *жѣлы* (II. 65. им. мн.), *чертылы*—I. 8. (вип. мн.), *стѣлы* II. 27 (им. мн.), *крылы*—I. 82 (вип. мн.), *чѣлы*—I. 104. 109 (вип. мн.), *оѣлы* (II. 15. вып. мн.) *лыки*—II. 44 (вип. мн.), *кыты*—II. 49 (им. мн.), *лыты*—I. 45. 272. 309 (вип. мн. Срв. выше вип. мн. отъ этого слова: *лыта*,—книжная форма), *жельзы*—I. 219 (вип. мн.); [формы—*знамѣна*—I. 257 и под., встрѣчающіяся у Пушкина съ окончаніемъ а безъ ударенія въ им. вып. мн. ч. именъ средняго рода не противорѣчатъ нисколько сказанному выше о произношеніи Пушкина, такъ какъ такое написаніе, какъ *знамѣна* и проч. въ печатныхъ изданіяхъ Пушкина еще не ручается за точность передачи въ этомъ случаѣ издателями, именно, орфографіи самого Пушкина: мы уже видѣли, что изданія сочиненій Пушкина не выдерживаютъ критики съ точки зрѣнія ихъ орфографіи, нисколько не заботясь о сохраненіи правописанія самого Пушкина. А, кромѣ того, правописаніе *знамѣна* в под. во всякомъ случаѣ есть правописаніе *этимологическое*, а не *фонетическое*, такъ какъ всѣ мы произносимъ: *знамѣны*, *оѣлы* и под. хотя и пишемъ: *знамѣна*, *оѣла* и под. Фонетическимъ правописаніемъ, соответствующимъ произношенію Пушкина, было бы, именно, правописаніе: *знамѣны*, какъ мы и видѣли выше въ словахъ: *оѣлы*, *стѣлы* и проч., гдѣ мы поэтому и усматриваемъ, съ одной стороны, правописаніе *самого* Пушкина, съ другой,—его собственное произношеніе. По всей вѣроятности, эти случаи необычнаго правописанія попали въ печатное изданіе тамъ, гдѣ издатель усматривала необходимость сохраненія такого правописанія для орфографическаго отождествленія окончаній въ римующихся словахъ у Пушкина. Слѣдовательно, кому бы даже ни принадлежало такое необычное правописаніе именъ средняго рода, оно свидѣтельствуетъ о живомъ произношеніи существующемъ и донычѣ].

¹⁾ См. нашу брошюру „Нѣсколько замѣтокъ изъ исторіи русскаго языка“. Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1898 г., № 8. Стр. 157—168 и прилѣч.

Равнымъ образомъ нужно по всѣмъ соображеніямъ, основаннымъ на фактахъ діалектологіи, допустить, что Пушкинъ усвоилъ живое произношеніе *брѣмя* не только для имен. падежа ед. числа, но и для родительнаго ед. числа; такое произношеніе нужно допустить въ языкѣ интеллигенціи того времени (см. I. 24. Стих. „Къ Натальѣ“ 1814 г.:

„Какъ любви не знала брѣмя
И жавала да поѣвала“.

Здѣсь, согласно синтаксису Пушкина, форма *брѣмя* можетъ быть и формою вин. ед. и формою род. ед. числа).

Пушкинъ употреблялъ и въ разговорѣ форму *брѣмя* въ род. падежѣ подобно тому, какъ мы, вмѣстѣ съ народомъ, и до сихъ поръ говоримъ „*нѣтъ время*“ вмѣсто „*нѣтъ времени*“. (Срв. обще-московское произношеніе интеллигенціи; „*мѣстова нѣтъ*“ вмѣсто „*мѣста нѣтъ*“, какъ у простого народа). Но, если трудно приписать Пушкину форму *брѣмя* въ род. пад. ед. числа для того періода жизни, когда написано стихотвореніе: „Къ Натальѣ“, т. е. для 1814 года, если и придется поэтому скорѣе объяснить эту форму *брѣмя* формою *вин. пад. ед. ч.* при глаголѣ дѣйствительнаго залога съ отрицаніемъ *не* (этотъ оборотъ очень употребителенъ у Пушкина и впоследствии), то, съ другой стороны, формы: „*на темѣ*“ вмѣсто „*на темени*“, а равно „*обиль*“ вмѣсто „*обилья*“, хотя Пушкинъ и отказывается отъ нихъ, какъ отъ неправильныхъ (см. V, стр. 135), несомнѣнно принадлежали въ 1830 году самому Пушкину, а усвоилъ онъ ихъ у того же народа, при чемъ „*на темѣ*“ могло быть извѣстно и въ говорѣ не одного простого народа. То же можно сказать о формахъ: *время*—II. 107. III. 303, *стрѣльня* III. 168 (см. соч. Пушкина V. 127) и *чумань* (II. 115 и въ VII томѣ также), которыя принадлежать живому языку и могли принадлежать и самому Пушкину, какъ и форма *сѣмьль*, донынѣ оставшаяся у насъ въ употребленіи. Все это, взятое вмѣстѣ, указываетъ намъ на то, что Пушкинъ основывался часто на живомъ произношеніи, современномъ ему, не находя нужнымъ справляться съ искусственною въ то время грамматикой и съ грамматическими вымышленными ученіями. Такое живое произношеніе, перѣдко собой видоизмѣняя старыя грамматическія формы, полагаетъ собой основаніе для новыхъ законовъ языка подъ перомъ гениальнаго творца слова и обуславливаетъ собой то жизненное движеніе языка, которое служитъ признакомъ *жизни* языка, в которыхъ, въ свою

очередь, обуславливается существованіе законовъ, дѣйствующихъ въ языкѣ въ *данную эпоху*.

Конечно, съ этой точки зрѣнія понятно, что всѣ приведенныя выше произношенія со звукомъ *е* вмѣсто *ѣ* подъ удареніемъ передъ твердымъ согласнымъ, напримѣръ, *плѣтъ*, *ліѣтъ*, составляютъ собой уже признакъ не общаго произношенія народа, а книжнаго литературнаго произношенія извѣстнаго только класса людей, того класса, языкъ котораго вмѣстѣ съ формами жизни отживалъ уже послѣдніе свои дни, уступая мѣсто *демократическому движенію*, охватившему всѣ устои жизни, и оставаясь принадлежностью меньшинства, или принадлежностью только извѣстнаго сословія, объединеннаго однимъ родомъ занятій, напримѣръ, духовенства. Если Пушкинъ поэтому пишетъ род. мн. ч. *селъ* (II. 278), принимая эту форму съ формою *стрѣлъ* въ 1821 году, или, если онъ принимаетъ произношеніе *племѣнь* (I. 254) съ произношеніемъ *плѣнь* въ томъ же 1821 году, то это съ его стороны—уступка времени и обычаю извѣстнаго общества, обычаю, противъ котораго возстала его реформаторская натура художника въ послѣдствіи времени. (Срв. *племѣнь*—II. 131. 296, хотя и не въ концѣ стиха).

Обще-великорусское произношеніе обнаружилось у Пушкина еще въ томъ, что онъ произносилъ *твердо* шипящія *ж*, *ш*, но *мяко* — *ч* и *щ*. Это видно опять изъ того правописанія, которое какъ бы случайно закралось въ изданіе сочиненій Пушкина Литературнымъ фондомъ въ 1887 году. Чѣмъ иначе объяснить *почти безъ отклоненій проведенное въ этомъ изданіи* правописаніе: *цѣпотѣ*, *жѣнка*, *чѣртѣ* (читай *чѣртѣ*), *чѣмнѣ* (см. I. 333. II. 81, 46, 139. III. 52, 235. IV. 324. VII. 325. II. 148. IV. 320. III. 246. II. 148. IV. 320, 321, 333, 390. VII. 183, 325, 406. I. 136. III. 567, 558. срв. *чѣмнѣ*—II. 15. *чѣмнѣ* [III. 564] *чѣмнѣ*—I. 233. IV. 329.—*жѣнка*)¹⁾. (Въ виду такого количества случаевъ фонетическаго правописанія этихъ словъ мы вправѣ случай написанія: *жѣнка*—III. 446,—толковать, какъ не соответствующій произношенію Пушкина и понавшій по недосмотру издателей [а, можетъ быть, и самого Пушкина] въ печать). Форма „*то шепту*“ (IV. 134) также указываетъ на произношеніе: она извѣстна и понынѣ въ южно-великорусскомъ народномъ произ-

¹⁾ Срв. изображеніе Пушкинскимъ на вѣсѣхъ *не русскаго произношенія звука ш* въ словѣ „*пошѣль*“=„*пошѣль*“. Тамъ, будто бы, говоритъ французъ Маржеретъ-Сы. III. 58 (Борисъ Годуновъ).

ношенія *вм. по шпоту*. Равнымъ образомъ формы: *причетъ* (IV. 134), *причетомъ* (IV. 136) извѣстны Пушкину изъ живого произношенія, которое онъ усвоилъ въ свое время, вмѣсто нынѣшнихъ *причтъ*. *причтомъ* и прочее, при которыхъ Пушкинскія формы уже кажутся неупотребительными и устарѣвшими. Форма *молдаванъ* *вм. молдаванинъ* у Пушкина тоже была собственностью его лексикона и подслушана имъ въ живомъ употребленіи. Пушкину стали, конечно, извѣстны оба эти произношенія, какъ видно изъ склоненія этихъ словъ у него. Наконецъ, сравнивая по удареніямъ выраженія: *три сосны* (II. 182) и *дѣть сосны* (III. 355) у Пушкина, мы усматриваемъ, что Пушкину было извѣстно не только произношеніе *сосна*, но и *сбсна*, принадлежащее сѣверно-великорусскому говору по преимуществу. Это мы выводимъ изъ того, что въ обоихъ случаяхъ (при числит. *дѣть* и *три*), какъ и въ массѣ другихъ, Пушкинъ сочетаетъ *два*, *оба*, *три*, *четыре* только съ формами современнаго род. над. ед. ч.

Мы обратили вниманіе на *діалектическіе* (въ обширномъ смыслѣ) элементы и на *аристократическіе* элементы въ языкѣ и произношеніи Пушкина, постарались указать въ этомъ своемъ этюдѣ на то, чѣмъ Пушкинъ былъ связанъ по языку съ своимъ временемъ и съ своимъ обществомъ, и чѣмъ онъ опередилъ въ языкѣ всякое время и всякое общество. Теперь обратимъ вниманіе еще на *иностранныя слова*, проникшія въ русскій литературный языкъ черезъ уста и произведенія Пушкина, и на дальнѣйшую судьбу этихъ словъ въ нашемъ литературномъ языкѣ. Вообще, какъ увидимъ сейчасъ, можно сказать, что иностранныя слова въ произношеніи Пушкина и въ его употребленіи уже нынѣ отжили свой вѣкъ и замѣнились или другимъ произношеніемъ, или другими словами. Это мы видимъ на словахъ: 1) *музыка* (III. 143, 185, 189, 45, 246, 202), которое у Пушкина, какъ и его предшественниковъ, всегда съ такимъ удареніемъ на французскій ладъ. Это было удареніе—единственно извѣстное въ то время въ живомъ разговорѣ нашей полуфранцузской интеллигенціи. (Срв. соч. *Державина*. Изд. Академіи наукъ. Подъ ред. И. К. Грота. Т. I, стр. 103, строфа 2, стр. 736, строфа 15. Томъ II, стр. 348, строфа 4, стр. 97, стихъ 60, стр. 642, строфа 44. У *Ломоносова*— Изд. Ак. Наукъ. Подъ ред. М. И. Сухомлинова. Томъ I, стр. 12. „Я слышу чистыхъ сестръ музыку“... и друг. У *Жуковского*: Изд. 9-е подъ ред. Ефремова. Т. I, стр. 147. Громобой: „Музыка роговая“... и друг.). У Пушкина только *одинъ разъ* въ стихотвореніи встрѣчается *музыка*, именно, тамъ, гдѣ онъ говоритъ о „сѣверныхъ звукахъ“

(III 417). Къ этому времени (къ 1830 году) Пушкину стало извѣстно и такое произношеніе этого слова. Нынѣ мы уже совсѣмъ не имѣемъ стараго произношенія интеллигенціи: *музыка*. 2) На словѣ *балъ*, которое у Пушкина *никогда* не имѣетъ вышней формы предл. пад. ед. числа: *на балу* (какъ: *на полу*), а всегда: *на балъ*, и никогда не измѣняетъ мѣста своего ударенія, какъ это мы видимъ въ вышней употребленіи: *балы*, *баловъ*, *балымъ*, *балами*, *о балахъ*. У Пушкина вмѣсто этого всегда: *балы*, *баловъ*, *баламъ*, *балами*, *балахъ* (см. III. 246, 560, 181. I. 24 и др.). Такъ послѣдовательно проведено это склоненіе („на балъ“ и въ прозѣ *ездъ* у Пушкина: *напримѣръ*, IV. 39, 43. И это—*среди чисто-русскихъ, даже народно-русскихъ словъ и формъ*: *напримѣръ*, „*сосѣдовъ*“—род. пад. множ. числа—IV. 41. „*промазу* не дамъ“—IV. 42, *жеребий*—IV. 44, „*знать*“ въ смыслѣ „должно быть“. „*лѣроятво*“ — IV. 43 и проч.) только потому, что Пушкинъ, согласно употребленію его круга, не измѣнилъ французскаго типа этого слова ни въ какомъ отношеніи на русскій ладъ (срв. у П. П. Кирсанова: *принсимъ* — выше. у Тургенева). 3) На словѣ *дуэль*, которое у Пушкина *муж. рода* согласно французскому *le duel*: „У насъ убійство можетъ быть гнуснымъ расчетомъ: оно избавляетъ отъ дуэли“... пишетъ Пушкинъ—VII. стр. 404, срв. II. 82. Нынѣ слово *дуэль* женск. рода: *дуэли*, *дуэлю* и пр. 4) На словѣ *ниша*: „темный *ниша*“ (I. 132 и др.); франц. хотя и *la niche*, но форма звуковая оставлена Пушкинымъ нетронутою; нынѣ женск. рода: *ниша* по женск. склоненію. 5) На словѣ: *лѣпта* (I. 365) вм. нынѣшняго—*лѣпта*—женск. рода. 6) На словѣ *карафимъ* (V. 3) вм. нынѣшняго *графимъ*. Срв. франц. *la carafe*, *le carafon* и под. 7) На словѣ: *нитъ*, употребительномъ у Пушкина очень часто при словѣ *новтъ*. Форма *нитъ* и *ниста* наслѣдіе ложноклассическаго періода и его общественныхъ симпатій (см. II. 189 и I. 5. I. 159 и I. 87 и др.). 8) На словѣ: *роля* (вин. *ролю*—II. 238) вм. нынѣшняго *роль*—женск. рода. Это, конечно, у Пушкина согласно съ обычаемъ тогдашняго произношенія на франц. манеръ; во французскомъ языкѣ мы имѣемъ *la rôle*—театральная роль, въ отличіе отъ *le rôle*—свертокъ, свитокъ бумагъ. 9) Особенно на словѣ: *аристокрація* (V. 11, 237, срв. V. 250) согласно француз. произношенію *l'aristocratie*. На стр. 250, V уже *аристократіи*. 10) На словахъ: *волетъ*, сохранившемъ звуковую форму франц. слова *épaulette* (см. I. 74, род. и. мн. чис.); *боа*, въ муж. родѣ вм. нынѣшняго средняго, согласно французскому *le boa* (см. III. 394); *комода*: (билетъ), „который оста-

вилъ я въ секретной твоей *комодѣ*“—VII. 298, срв. франц. *la commode*. „Онъ пакостить *твоимъ меблямъ*“. VII. 346. На произношеніи: *прожектъ* (VII. 296) вм. нынѣшняго *прое́ктъ*. Срв. франц. *le projet*. Наконецъ, кро́мѣ перечисленныхъ иностранныхъ словъ, то же самое мы видимъ на произношеніи слова *симво́лъ* съ такимъ удареніемъ (I. 182, 290), какъ во французскомъ языкѣ: *le symbole*. Нынѣшнее *симво́ль*.

Всѣми этими словами съ ихъ указанными измѣненіями, произношеніемъ и употребленіемъ Пушкинъ связавъ со своимъ, нынѣ уже отжившимъ временемъ, и со своимъ, нынѣ уже измѣнившимся, обществомъ.

Такимъ образомъ, къ 30-мъ годамъ текущаго столѣтія въ составъ русскаго литературнаго языка введены Пушкинымъ слѣдующіе элементы: 1) московскій діалектическій элементъ въ самомъ значительномъ количествѣ. 2) Сѣверно-великорусскій діалектическій элементъ. 3) Иностранный французскій элементъ — въ незначительномъ количествѣ и 4) нѣсколько незначительныхъ остатковъ стараго сословнаго произношенія.

Евг. Будде.

ПОСОЛЬСТВО П. МЕНЕЗИЯ КЪ ПАПСКОМУ ДВОРУ.

(1672—1673).

Въ январѣ 1667 г. Россія и Польша заключали Андрусовское перемирие на 13¹/₂ лѣтъ. Обѣ стороны остались одинаково имъ недовольны и втайнѣ ласкали себя надеждою при первомъ же удобномъ случаѣ измѣнить параграфы договора въ свою исключительную пользу; въ данную минуту однако трактатъ создалъ общіе интересы и необходимость дѣйствовать въ извѣстныхъ случаяхъ сообща. Пункты 18 и 19 предусматривали возможность имѣть общихъ враговъ въ лицѣ Крымскаго хана и турецкаго султана. Событія не замедлили оправдать предусмотрительность дипломатовъ. Правобережная Украина, покинутая Москвою, не хотѣла возвращаться подъ старое и слишкомъ знакомое ей поляковъ. Возставшіе казаки, съ Дорошенкой во главѣ, поддались султану. Польшѣ пришлось такимъ образомъ вести войну, и при томъ войну безсланную и тяжелую. Полуторастотысячное войско турецкое, подъ предводительствомъ самого султана Магомета IV, наводнило польскія области; 27-го августа 1672 г. палъ Каменецъ, и (торжественный) путь падишаха по улицамъ твердыни польской былъ устланъ святыми иконами. Подъ Львовомъ побѣдитель диктовалъ миръ. „наипостыднѣйшій изъ всѣхъ, какіе когда-либо заключала Польша“¹⁾. Украина и Подолия отошли къ побѣдителямъ.

Внутренность турецкихъ побѣдъ никимъ образомъ не позволяла Москвѣ оставаться безучастной ихъ зрительницей. Не столько забота о несчастной сосѣдкѣ-соперницѣ, не столько желаніе выполнить договоръ, сколько сознание собственной опасности, вынудило и насъ обна-

¹⁾ *Saujaki*, Dzieje Polski, IV, 36.

жить свой мечъ. Къ тому же въ торжествѣ турокъ царь Алексѣй видѣлъ опасность не одной Польшѣ или Россіи, но и всему христіанству, видѣлъ угрозу полумѣсяца кресту. А съ тѣхъ поръ какъ царствующій домъ Рюриковичей породнился съ Византійскими императорами, съ тѣхъ поръ какъ двуглавый орелъ осѣнилъ Московскую державу, русскіе государи не переставали считать себя единственными законными наслѣдниками павшей мопархіи и охранителями православія. Москва давно усвоила себѣ фикцію третьяго Рима.

Рѣшено было звать всю Европу въ крестовый походъ на мусульманъ. Воззваніе разсылалось одинаково и католикамъ, и протестантамъ. Въ октябрѣ 1672 г. снаряжены были посольства къ цесарю, къ папѣ, во Францію, Испанію и Венецію; въ Швецію, Данію, Голландію, Англію, Саксонію и Брауденбургъ. Разумѣется, Москва поступала вполне логично. Кому же, какъ не ей, хранительницѣ истинныхъ заветовъ Христа, стать во главѣ движенія? Но логика не всегда совпадаетъ съ реальными фактами. Съ точки зрѣнія тогдашнихъ политическихъ условій она сильно отзывалась наивностью и невѣжествомъ. Европа не знала и не хотѣла знать притязаній московскихъ государей на передовую роль въ христіанскомъ мірѣ. Къ тому же въ ту пору вопросами религиозными она интересовалась едва ли не менѣе всего: на первомъ планѣ стояли заботы болѣе житейскія, заботы практической государственной пользы. Европа не ополчилась на турокъ. Московскіе послы встрѣтили холодный приемъ и получали уклончивый отвѣтъ. Одни отзывались войною, другіе внутренними затрудненіями, третьимъ помѣхой стояло дальнее разстояніе; отдѣльвались и общими фразами. Практическіе англичане, отговариваясь давнишними торговыми споненіями съ султаномъ, старались повернуть дѣло уже совсѣмъ на иную почву, на возвращеніе „древнихъ правъ и вольностей“, отнятыхъ у нихъ русскимъ царемъ въ эпоху революціи ¹⁾. Такимъ образомъ Россія, впервые самостоятельно выступившая въ вопросѣ, имѣющемъ полное право на наименованіе общеевропейскаго, потерпѣла полное фіаско.

Но неудавшіся планъ этотъ во всякомъ случаѣ заслуживаетъ вниманія историка, какъ первая попытка пѣтъ въ европейскомъ концертѣ по собственной партитурѣ, — болѣе того: дирижировать оркестромъ. Обращеніе къ Европѣ имѣетъ право на вниманіе и по другой причинѣ. Въ числѣ приглашенныхъ дворовъ намѣченъ былъ также и

¹⁾ Пам. Дни. Спощеній. IV, 897, 911, 915—917, 919—926.

дворъ папскій. Послѣ многихъ лѣтъ отчужденія Москва и Римъ снова находятъ положительныя точки соприкосновенія. Посольствомъ Менезія въ исторіи двухъ дворовъ открывається новый періодъ.

I.

XVII-й вѣкъ въ русской исторіи—эпоха постояннаго и настойчиваго сближенія съ Западной Европой. Въ предыдущемъ столѣтіи Россія шла на встрѣчу этого сближенія пока еще оцупью и безсознательно; строго консервативная, благоговѣйная къ традиціямъ старины и за вѣту предковъ, она и при первыхъ Романовыхъ крайне осторожно осваивается съ новымъ положеніемъ, — но основной характеръ его обрисованъ уже достаточно ярко и опредѣленно, и не далеко отъ время, когда движеніе изъ слабой струи превратится въ мощный потокъ и захватить все русское общество.

Но въ исторіи этой „европеизаціи“ Россія на пространствѣ XVII столѣтія есть одна черта, идущая въ разрѣзъ съ общимъ направленіемъ. Я говорю объ отношеніи къ католической церкви. Диссонансомъ именно въ эту пору звучать свидѣтельства иностранныхъ писателей о глубокой враждѣ къ латинянамъ¹⁾. Не было худшаго пожеланія, какъ сказать въ сердцахъ: „да будь ты римлянинъ“²⁾. Прежде переходъ католика въ православіе совершался безъ перекрещиванія³⁾. а патриархъ Филаретъ сдѣлалъ его обязательнымъ⁴⁾. Подобно Филарету, и Никонъ „велѣлъ перекрещивать всѣхъ православныхъ бѣлоруссовъ, крещенныхъ чрезъ обливаніе“⁵⁾. Правда, ненависть къ латинству не была новостью; ее легко услѣдить и въ вѣка болѣе

¹⁾ *Olearii*, 369, 374; *Mayerbergs*, 103; *Rinhuber*, Relation, 14; *Tamers* 104.

²⁾ *Pritius-Wahrmund*, *Moscowitischer od. Reussischer Kirchen-Staat* (Leipa. 1698), Seit. 18: Auch wenn die Reussen zornig seyn, und einem unter sich Böses wünschlen wollen, sagen sie: „je dass du möchtest ein Romaner werden“! Also gar boynd sie verhasset auff die Römisch-Catholischen: sie begehren auch keine Vereiniung mit ihnen nicht einmahl anzuhören, geschweige denn einzugehen“.

³⁾ Въ древней греческой церкви употреблялись при переходѣ изъ католичества въ православіе безразлично оба обряда: перекрещиваніе и муропомазаніе; но соборъ 1484 г. установилъ обязательнымъ послѣднее. (*Голубинскій*, *Исторія русской церкви*, т. I, ч. 2, стр. 699).

⁴⁾ Правда, одинаково и для протестантовъ и униатовъ. (*Учленскій*, *Руков. къ русск. церк.* ист. изд. 5-е, 241).

⁵⁾ *Ibid.*

раніе. Но теперь она значительно выросла и окрѣпла. Подогрѣли ее и окончательно сформировали печальныя событія смутной поры и не менѣе печальныя послѣдствія церковной уніи въ сосѣднемъ государствѣ.

Страшная катастрофа, разразившаяся надъ русской землей въ началѣ XVII ст., была еще у всѣхъ въ живой памяти. Пронесшаяся буря едва было не смела и русской національности, и русской вѣры. Во времена Лжедмитрія I и королевича Владислава вопросъ шелъ, разумѣется, не столько о Смоленскѣ, не столько о территориальныхъ урѣзкахъ, сколько о томъ, оставаться ли русскимъ людямъ русскими, православными или ополячиться и олатыниться, примѣръ чему уже данъ былъ среди единовѣрныхъ собратьевъ въ Литвѣ. Еще такъ недавно на престолѣ благочестивыхъ царей русскихъ сидѣли ставленникъ поляковъ и іезуитовъ, тайный католикъ, сторонникъ безбожной уніи и явный слуга римскаго папы; еще такъ недавно Московскій Кремль, національная святыня и гордость русскаго народа, видѣлъ въ стѣнахъ своихъ и черныя сутаны іезуитовъ, и цвѣтныя чамарки польскихъ жолнеровъ. Давно ли миновала пора, когда Русь вынуждена была присягать уже лянному католику, дозволять построение костеловъ, а взамѣнъ видѣть оскверненіе собственныхъ храмовъ? Сожженіе столицы, раззореніе государства, униженіе націи, подчиненіе иновѣрцамъ и иноземцамъ—въ такомъ видѣ суммировались въ представленіи русскаго человѣка эти краткіе, но тягостные годы народнаго бѣдствія. Западъ въ лицѣ поляковъ и католичества ополчился на святую Русь. Какую же оборону выставила она? Подъемъ національнаго духа и вѣры православиую. Эти двѣ силы спасли ее, эти же двѣ силы и въ теченіе всего послѣдующаго періода, о которомъ идетъ рѣчь, остались базисомъ общественной жизни и государственныхъ мѣропріятій. Чувство ужаса передъ грозившей опасностью и ненависть къ его виновникамъ не заглохли даже и тогда, какъ самая опасность давно миновала. Казацкія войны, борьба за Малороссію только усиливали сложившееся представленіе, и чувство національное съ чувствомъ религіознымъ слились въ одномъ общемъ порывѣ ¹⁾).

Прозелитизмъ римской церкви вмѣсто достиженія своей цѣли

¹⁾ Не даромъ въ приговорахъ къ войнѣ польской 1654 года, какъ основной мотивъ, всюду слышится одна нота: защита православія. *Соловьевъ*, X, 311—319.

только усиливала и безъ того глубокую пропасть. Одна мысль — не говорю: допустить распространеніе или торжество католичества, но замутить православную вѣру обрядами латинскими, приводила въ трепеть благочестивую русскую душу. Къ чему тогда послужило это страшное напряженіе силъ цѣлаго народа? Къ чему эти годины неизглядимыхъ нравственныхъ тревогъ и сомнѣній?... И вотъ, чтобы въ корнѣ пресѣчь зло, рѣшили запереться отъ него на всѣ замки и ключи. Не насилая религиозныхъ убѣжденій католиковъ, жившихъ въ Россіи, запрещали однако категорически строеніе костеловъ и пріѣздъ духовныхъ лицамъ римскаго исповѣданія. Московское правительство неуклонно держалось этого правила въ теченіи многихъ лѣтъ.

Попытка французскаго короля Людовика XIII, хлопотавшаго въ 1629 г. вмѣстѣ съ торговыми привилегіями для своихъ подданныхъ и о правахъ богослуженія, пріѣздѣ священниковъ, встрѣтила серьезную оппозицію ¹⁾. Не менѣе категорическій отказъ данъ былъ и полякамъ, когда, нѣсколько лѣтъ спустя, при заключеніи Полянскаго мира, они хлопотали о постройкѣ костеловъ въ своихъ помѣстьяхъ (тѣмъ, кто пойдетъ на службу московскому государю), въ Москвѣ и другихъ городахъ ²⁾. Одновременно съ этимъ, подѣ страхомъ смертной казни, обязали Голштинскую торговую компанію „костеловъ своей

¹⁾ Не рѣшаюсь утверждать полной неудачи этихъ хлопотъ. Правда, наши официальные источники свидѣтельствуютъ о категорическомъ отказѣ русскаго правительства. Царь и патриархъ постановили „отказать вкрѣпко“, и на вторичныя настоянія посла было заявлено: „о томъ прямо отказываемъ тебѣ“ (*Цотмасть*, Въ исторіи восточныхъ исповѣданій въ Россіи, 303—305). Но во французскихъ архивахъ сохранилась (въ одномъ французскомъ переводѣ или также и въ оригиналѣ?) грамота царя Михаила Федоровича королю Людовіку XIII, 12-го ноября 1629 г., гласящая между прочимъ слѣдующее: nous accordons aussi à tous les marchands françois, vos sujets, de vivre en liberté de conscience dans notre empire et faire profession de foi romaine et de tenir près d'eux des prêtres ou religieux pour les administrer; mais nous ne saurions permettre que publiquement dans notre empire l'exercice de la religion romaine se fasse, de peur de scandale. (*Recueil des instructions données aux ambassadeurs et ministres de France. Russie, I, 30*). Заподозривать подлинность грамоты нѣтъ никакихъ основаній. Выдержки изъ русскихъ официальныхъ бумагъ, приведенныя г. Цветаевымъ, хотя и говорятъ о твердомъ намѣреніи царя отклонить просьбу, но изъ нихъ еще не видно, устояли ли оны въ своемъ рѣшеніи. Во всякомъ случаѣ, дозволеніе, если его и дали, практическаго значенія не имѣло. Вѣроятно, отголосокъ этихъ переговоровъ слышится въ замѣткѣ Олевріа (стр. 374) о неудачѣ французовъ въ полученіи разрѣшенія на постройку католической церкви.

²⁾ *Соловьевъ*, IX, 218.

вѣры въ данныхъ имъ мѣстахъ и купленныхъ не строить, Божию службу совершать въ домахъ, папешской вѣры поповъ и учителей и никакихъ латинской вѣры людей съ собою въ Россійское государство не привозить и тайно у себя не держать“¹⁾). Женитьба русскаго на католичкѣ точно также была немислима въ ту пору²⁾). Сохранились извѣстія, что единичные случаи появленія католическихъ патеровъ въ предѣлахъ Россіи безпощадно наказывались ссылкой въ Сибирь³⁾).

Мало того. Мы не хотѣли терпѣть на русской почвѣ вообще католиковъ, не только духовныхъ, но и мірянъ. Мы только что видѣли, какъ Голштинской компаніи ставилось обязательство не только духовныхъ, но и „никакихъ латинской вѣры людей съ собою не привозить“⁴⁾); вербуя за границей солдатъ для иноземныхъ полковъ, правительство категорически запрещало нанимать французовъ „и иныхъ папешскія вѣры“⁵⁾), и когда въ числѣ набранныхъ оказалось нѣсколько католиковъ, ихъ не медля отослали обратно изъ предѣловъ Россіи⁶⁾).

Разумѣется, желать было легче, чѣмъ исполнить. Мыслимо ли было огородить себя китайской стѣною въ ту пору, когда соприкосновеніе съ Западною Европою усиливалось съ каждымъ днемъ и потребность общенія съ нею стучалась въ наши двери столь пазойливо, что далеко не всегда оказывалось удобнымъ и даже возможнымъ разбирать, кто идетъ въ эти двери, протеставтъ — въ русской землѣ его еще терпѣли — или католикъ. Какъ ни хотѣлось, напримѣръ, въ 1635 г. загородить дорогу польскимъ кунцамъ изъ опасенія, что станутъ де „привозить съ собою учителей римской вѣры“ и обращать въ нее православныхъ, но соображенія коммерческія перелѣсли это желаніе⁷⁾). Не успѣли отчураться отъ французовъ и папешанъ, а черезъ два года послѣдовало разрѣшеніе мастеровъ иноземцевъ нанимать не только въ государствахъ протестантскихъ, но и во Франціи, и въ Венеціи, брать всѣхъ, „кто наймываться похочетъ“⁸⁾). Войны царя Алексѣя

¹⁾ Соловьевъ, IX, 246.

²⁾ Соловьевъ, IX, 217.

³⁾ *Vinhuber*, Relation, 15. Хотя нѣмцы и удавалось прожить въ Москвѣ цѣлые годы. *Theimer*, Monuments historiques de Russie, p. 60, письмо 4-го июля 1668 г.

⁴⁾ Сравни. *Олеарій*, 374.

⁵⁾ Соб. Гос. Грам. Дог. III, 317, 321.

⁶⁾ *Центнаго*, Изъ исторіи иностр. исповѣд., 305.

⁷⁾ Соловьевъ, IX, 222.

⁸⁾ С. Г. Г. Д. III, 337.

Михайловича съ западными сосѣдомъ подарили насъ не малымъ числомъ лѣвннхъ католикѡвъ; если часть ихъ и обращалась въ православіе, то другіе оставались вѣрны религіи отцовъ своихъ и, селясь среди русскихъ, безпрепятственно держались прежняго вѣроисповѣданія ¹⁾). Дипломатическія сношенія съ иностранными дворами неизбежно обуславливали хотя бы временное пребываніе католикѡвъ, и не только мірянъ, но и патеровъ: послѣдніе пріѣзжали въ свѣтъ посольства и даже отправляли религіозныя требы ²⁾). Продолжало увеличиваться и число пноземцевъ военныхъ. При царѣ Алексѣѣ убѣдились, что система тридцатыхъ годовъ болѣе не пригодна: среди офицеровъ и солдатъ русскому государю служить теперь не одни протестанты (Гордонъ и др.). На ряду съ военными видимъ и католикѡвъ-торговцевъ (Гваскони и др.). Правда, число послѣдователей римской церкви по прежнему ничтожно ³⁾, но важно не количество, а самый фактъ—лучшій призвакъ того, что старыи принципъ начинаетъ колебаться въ своемъ основаніи.

Андрусовскій миръ поставилъ вопросъ о католикахъ еще настоячивѣе. Новые подданные лѣво-бережной Украйны не всѣ были православные. Выговаривая съ польской стороны обязательство, въ возвращаемыхъ областяхъ, „оставить вольное употребленіе вѣры греческой“, приходилось и самимъ допустить „употребленіе вѣры святой католической, безъ всякаго въ отправленіи богомолія въ домахъ своихъ затрудненія“ ⁴⁾). Такимъ образомъ, хотя въ договорѣ устранена была даже самая постановка вопроса о постройкѣ костеловъ или допущеніи ксендзовъ, а все же русское правительство было вынуждено принципиально провозгласить законность чествованія имени Божьяго въ предѣлахъ русской земли не по одному обряду православному, но и католическому. И это было болѣе чѣмъ простое заявленіе о дозволениі вѣрить: „отправлять *богомоліе* въ домахъ“ значило болѣе чѣмъ „молиться“ въ ежедневномъ употребленіи этого слова. И мы сейчасъ увидимъ, какъ логическая неизбѣжность привела къ допущенію въ русскіе предѣлы и самыхъ ксендзовъ. А заносъ кievской образованности въ Москву 2-й половины XVII вѣка? Пусть многіе не валили ее за латинскія формы и латинскій духъ, за то многіе именно формы-то эти, духъ этотъ и усвоили.

¹⁾ *Цвѣтаевъ*, Изъ исторіи иностр. исповѣд., 307.

²⁾ *Майербергъ*, 104; *Тамнеръ*, 84—85.

³⁾ *Тамнеръ*, 89.

⁴⁾ Пол. Соб. Зак. I, стр. 659, № 388, пунктъ 3.

А между тѣмъ Смутная пора постепенно уходила въ даль прошлаго; десятилѣтіе сѣбялось десятилѣтіемъ, на сцену мало по малу выступали новые люди, складывалась новая обстановка, крѣпли новыя представленія. Поколѣнья, выросшаго подъ впечатлѣніями годинъ Лихолѣтья, болѣе не было. На сѣбѣ шло другое, знавшее эту пору лишь по живымъ свидѣтельствамъ, устнымъ да литературнымъ разсказамъ. Принципіальное отношеніе, правда, не измѣнилось. Сложившіяся формулы, выработанные постулаты всецѣло передались и дѣтямъ — консерватизмъ русскаго общества допускалъ лишь очень медленную эволюцію идей — но у сыновей не было того захватывающаго чувства, того инстинктивнаго трепета, какой мы еще видимъ въ отцахъ. Краски успѣли поблекнуть, ѣдкое чувство — притупиться¹⁾. Идея принималась такую же, мысль о единеніи съ папистомъ по латинской формулѣ казалась не менѣе грѣховной; но все болѣе и болѣе появлялось людей, для которыхъ она становилась достояніемъ разума, безъ примѣси той горечи и бессознательной ненависти, ужаса, какъ раньше. Врага осмѣлились разсматривать на болѣе близкомъ разстояніи. Вотъ почему въ 30-хъ годахъ еще можно было не только говорить, что у Россіи съ римскимъ престоломъ ссылокъ не бывало, ссылатся не о чемъ, Римъ-де далеко... возможно было утверждать, что даже и впредь ссылкамъ быть не для чего²⁾; а 40 лѣтъ спустя мы сами пойдемъ на встрѣчу этимъ ссылкамъ. Понадобились союзники, и мы поняли, что вопросъ религіозный можно и должно отдѣлять отъ вопроса политическаго. Приглашая въ 1672 г. европейскіихъ государей идти на турокъ, царь Алексѣй Михайловичъ задумалъ пригласить виѣсть съ нами и папу.

Посмотримъ теперь, какъ держалъ себя за все это время Римъ. Неуспѣхъ насажденія католичества въ Москвѣ при Самозванцѣ мало смутилъ его. Что значить одна неудача, когда впереди цѣлые вѣка? „Толчите и отвернется вамъ“. Глубокоубѣжденный проповѣдникъ единства христіанской церкви подъ главенствомъ римскаго первосвященника, всецѣло проникнутый сознаниемъ справедливости и святости этой задачи, могъ ли онъ не вѣрить, что настанетъ нѣкогда день, когда всѣ народы увѣруютъ въ его истину? Слишкомъ опытный, чтобъ надѣяться въ одинъ приемъ разсѣять то, что онъ называлъ за-

¹⁾ Перекрещиваніе латинянъ было отиѣнено соборомъ 1667 г. *Энциклопедіи* Руководство къ русской церковной исторіи, 241.

²⁾ *Соловьевъ*, IX, 286.

блужденіемъ, Римъ умѣлъ терпѣливо ждать: торопиться не къ чему... Но за то тѣмъ неуклоннѣе расчищала онъ себѣ почву и осторожно выдвѣрляла первые корни, выхаживала первые побѣги. Пусть розовыя надежды, связанныя съ воцареніемъ Лжедмитрія, были обмануты; пусть римская курія въ теченіи многихъ лѣтъ не подаетъ признака жизни; но она не забыла того дня, когда разбитый на полѣ сраженія счастливымъ соперникомъ Грозный царь протянулъ руку за помощьюъ къ намѣстнику Христа. Отъ вліянія Рима никому не уйти, и всѣ, рано или поздно сознають, что въ немъ одномъ благо и спасеніе.

Такъ въ сущности понимала католическій Римъ свои отношенія къ православной Россіи. И, что бы мы ни думали о католичествѣ, какъ о религіозномъ ученіи, какъ о доктринѣ, нельзя не отнестись съ полнымъ уваженіемъ къ этому увѣренному самосознанію, къ этой непреложной вѣрѣ въ конечное торжество своей идеи и готовности настойчиво идти по намѣченному пути, на встрѣчу всѣмъ препонамъ и противодѣйствіямъ. Осуществленіе самой идеи можно осниривать, можно даже не желать ея осуществленія, но бесполезно отрицать ея жизненность и мировое значеніе. Какъ всякая идея, считающая себя вѣчной, она не знаетъ ни времени, ни пространства. Проходятъ столѣтія, мѣняются условія, міросозерцаніе,—а она остается все тою же, какъ и прежде. Въ глазахъ многихъ съ годами она стала архаичной, не только по формѣ, но и по содержанію; сама же она неизмѣнно вѣрится въ свои юношескія силы и неуязвимость. Все чаще и чаще раздаются наносимые ей удары, но они не смущаютъ ее. При Григоріи VII, Иннокентіи III, Климентѣ X, Львѣ XIII она остается все тою же. Вышнія условія скажутся на интенсивности, болѣе или меньшей яркости ея проявленія, но и только. Носитель ея можетъ случайно оказаться малодостойнымъ, безсильнымъ одолѣть вышнія препятствія; эти препятствія, наконецъ, могутъ въ извѣстную эпоху сложиться неблагопріятно,—но она и носителю не позволяетъ сойти съ традиціоннаго пути, ибо она сильна сама по себѣ и въ самой себѣ черпаетъ источники силы. Римъ XVII вѣка мало имѣлъ общаго съ Римомъ XI или XIII. Непотизмъ, подтачивавшій силы папскаго двора, зависимость отъ Франціи, отсутствіе выдающихся личностей,—все это была малоблагопріятная почва для пропаганды церковной унии и борьбы съ невѣрными во имя единой всемірной церкви... И все-таки Урбанъ VIII, Климентъ X, Иннокентій XI, XII и др. идутъ по стопамъ Евгенія IV и Пія II. Дѣло не въ томъ, какъ проводили они идеи, а въ томъ, что проводили, въ томъ, что не могли отказаться отъ

нея, не могли забыть, сдать въ архивъ. Въ ней источникъ жизни самого папства, и отречься отъ нея, значило бы добровольно наложить на себя руки.

Вотъ почему Римъ ни въ чемъ не измѣнилъ своей программѣ; онъ лишь терпѣливо ждалъ, когда пробьетъ его часъ. А ждать приходилось долго. Непосредственныхъ точекъ соприкосновенія съ Москвой послѣ Смутнаго времени не существовало; рассчитывать на содѣйствіе короля Владислава бесполезно: съ нимъ самимъ приходилось вести борьбу и удерживать отъ уступокъ въ пользу православныхъ подданныхъ¹⁾. Правда, при заключеніи Поляновскаго договора Польша пыталась выговорить разрѣшеніе на постройку въ Москвѣ костеловъ, но это былъ единичный и безрезультатный случай. Слишкомъ свѣжи еще были недавнія воспоминанія²⁾.

Но вотъ въ 1662 году пріѣхалъ въ Москву митрополитъ Газскій, Паисій Лигаридъ, оказавшій такое вліяніе на судьбу патріарха Никона. Воспитанникъ греческой коллегіи въ Римѣ, гдѣ онъ пробылъ лѣтъ 23 года³⁾, несомнѣнный, хотя бы и временный католикъ, Паисій втерся въ довѣріе русскаго царя, несмотря на то, что рядъ авторитетныхъ лицъ, патріарховъ, называлъ его папешникомъ и облачалъ въ расположеніи къ латинству⁴⁾. Дѣйствительно, православнымъ митрополитъ Газскій былъ плохимъ, но и католикомъ—не болѣе надежнымъ. Вопросы вѣры стояли у него совершенно на заднемъ планѣ, отодвинутые побужденіями личнаго характера. Покинувъ Римъ, Паисій не прерывалъ съ нимъ сношеній⁵⁾ и, кто знаетъ, не ласкалъ ли его надеждою на возможность осуществить завѣтную мысль⁶⁾? Если да, то, конечно, первый же онъ самъ не вѣрилъ

¹⁾ Сравни мой Отчетъ о двухъ командировкахъ въ Россію и заграничу. Юрьевъ, 1895, стр. 107—109.

²⁾ Въ 1664 г. цесарь хлопоталъ о пропускѣ черезъ Россію въ Китай іезуитовъ (Иам. Дипл. Снош. IV, 1847), но, кажется, тоже безъ успѣха.

³⁾ *Theiner*, Monumenta historica Poloniae, III, 572.

⁴⁾ *Субботинъ*, Дѣло патр. Никона, 69, 77, 156.

⁵⁾ Въ Московскомъ архивѣ министр. иностр. дѣлъ хранятся его письма къ кардиналу Барберини. Митр. *Евгеній*, Словарь духовныхъ лицъ, II, 148.

⁶⁾ Сравни докладъ Пропаганды Фиде 1680—1681 гг.: „Anzi considerando, che non potevano governarsi qui i suoi vescovi senza qualche suprema autorità, haveva pensato (царь) d'unirsi con Roma, che in questo disegno lo tratteneva e nodriva grandemente Paisio o Pantaleone Ligariddio, arbitro di quel principe in materia di religione, quale era stato alunno del collegio Greco in Roma e poi fattosi consagrare arcivescovo di Gaza dal patriarca scismatico s'era reso molto

этими обнадеживаніямъ: митрополитъ Газскій слишкомъ близко стоялъ къ явленіямъ современной русской церкви, чтобы заблуждаться такъ грубо. Въ сущности, онъ морочилъ и тѣхъ, и другихъ. Но Римъ, по крайней мѣрѣ въ вопросѣ объ униі русской церкви, всегда охотно вѣрилъ въ то, чему хотѣлъ вѣрить.

Въ концѣ 1667 года, для подтвержденія Андрусовскаго перемирія, въ Москву пріѣхали королевскіе послы. Русское правительство воспользовалось ихъ пребываніемъ и затронуло щекотливый вопросъ объ избраніи, по смерти Іоанна Казимира, польскимъ королемъ царевича Алексѣя Алексѣевича. Послы отвѣчали уклончиво, ссылаясь на отсутствіе полномочій обсуждать это дѣло. Такъ повѣствуетъ русскій officialный источникъ ¹⁾. Но въ частной бесѣдѣ, за кубкомъ вина, Ордынъ-Нащокинъ снова повелъ рѣчь объ избраніи, развертывая заманчивую картину борьбы общими силами противъ турокъ. Начальника посольскаго приказа поддержалъ самъ царь ²⁾. Разговоръ неизбежно коснулся и религіи будущаго короля. Кто его затронулъ, неизвѣстно, да и довольно безразлично: обѣ стороны одинаково хорошо понимали, что совѣмъ обойти его нельзя. Царь предложилъ обсудить дѣло съ патріархами Антиохійскимъ (Макаріемъ) и Александрійскимъ (Пансіемъ), жившими въ ту пору въ Москвѣ, для суда надъ Никономъ ³⁾. Уклончивость царя дать собственное рѣшеніе понятна: вопросъ уже самъ по себѣ былъ щекотливъ, а, какъ религіозный, подлежалъ вѣдѣнію не его одного. Въ данную же минуту авторитетъ церковный олицетворялся въ названныхъ двухъ патріархахъ. Послы не замедлили воспользоваться предложеніемъ государя и при свиданіи проводили ту мысль, что возстановленіе мира между двумя государствами даетъ надежду на возстановленіе мира и межъ церквами. Митрополитъ Газскій, отъ имени патріарховъ, отвѣчалъ искренними пожеланіями видѣть унию осуществленною. Этими и былъ

sospetto alla Congregazione, sebene in tutte l'occasioni haveva parlato con veneratione e con rispetto della chiesa Romana, esortando i suoi greci ad unirsi con essa". Мой „Отчетъ о двухъ командировкахъ“, стр. 224. Наименованіе Лигариды Пансіемъ или Панталеономъ подтверждаетъ показаніе Аллация (Allatii de consensu eccl., p. 996, срав. *Филаретъ*, Исторія русской церкви, пер. 4-й, стр. 61), „что онъ учился въ Римѣ, подъ именемъ Пантелеимона“.

¹⁾ *Соловьевъ*, XI, 224—226.

²⁾ *Theiner*, Monuments, 52.

³⁾ *Theiner*, Monuments historiques de Russie, 52; *Vetera monumenta Poloniae*, III, 572.

исчерпая весь разговоръ о религіи (*In materia religionis nihil amplius accidit*) ¹⁾.

Между тѣмъ въ Польшѣ распространился слухъ о готовности царя принять католичество, чему, можетъ быть, не мало содѣйствовали рассказы пословъ о глубокой набожности Алексѣя Михайловича, о томъ, какъ онъ, заключая договоръ, со слезами на глазахъ и большимъ умиленіемъ цѣловалъ Евангеліе; какъ понравилось ему, когда посолъ въ своей рѣчи вставилъ нѣсколько словъ изъ Апокалипсиса и т. п. Въ то же время одинъ доминиканскій патеръ, по имени Ширецкій, 13 лѣтъ пробывшій въ плѣну московскомъ и завязавшій тамъ сношенія съ Памсіемъ Лигаридомъ, вернувшись въ Польшу, въ рѣчахъ и докладныхъ запискахъ (*et verbo et scripto*) убѣждалъ всѣхъ въ склонности патріарховъ содѣйствовать соединенію церквей, въ доказательство выставляя на видъ отиѣну ими перекрещиванія лативянъ, исправленіе текста славянской библіи согласно Вульгатѣ и запрещеніе обычныхъ отлученій отъ церкви ²⁾. Очевидно, здѣсь имѣлось въ виду недавнее распоряженіе не требовать отъ католиковъ, переходящихъ въ православіе, вторичнаго крещенія и исправленіе богослужбныхъ книгъ, предпринятое Никономъ и лишь одобренное на соборѣ 1667 г.

Довесенія пословъ и агитація Ширецкаго произвели въ Польшѣ впечатлѣніе; епископу Холмскому, коронному вице-канцлеру, было поручено составить отъ имени короля письма (28 марта 1868 г.) къ царю и обоимъ патріархамъ ³⁾. Разногласіе,—говорить въ нихъ Іоаннъ Казиміръ,—между западнымъ и восточнымъ духовенствомъ относительно церковныхъ несходствъ, далеко не такъ велико, чтобъ помѣшало единенію, особенно если существуетъ искреннее желаніе и готовность выяснить споръ съ помощью ученыхъ богослововъ. Нѣкоторыя затрудненія, если ихъ разъяснить какъ слѣдуетъ, легко устранимы, съ Божьей помощью. Чтобъ не откладывать дѣла въ долгій ящикъ, король предлагалъ царю съѣхаться уполномоченнымъ польскаго духовенства въ Москвѣ, въ іунѣ того же года ⁴⁾. Одновременно пишетъ король и Памсію Лигариду, выражая ему полное свое довѣріе и надежду найти въ немъ содѣйствіе осуществленію великой цѣли ⁵⁾. Варшавскій мунцій—на этотъ разъ путемъ тайной

¹⁾ *Theiner, Vetera Monumenta Poloniae, III, 572.*

²⁾ *Theiner, Vetera monumenta Poloniae, III, 572.*

³⁾ *Theiner, Vetera monumenta Poloniae, III, 572.*

⁴⁾ *Theiner, Monumenta, 52—54.*

⁵⁾ *Ibidem, 53.*

переписки—тоже возбуждаетъ рвеніе митрополита Газскаго: упомянутый Ширецкій шлетъ ему письмо отъ себя ¹⁾. Но король не дождался отвѣта. Царь и оба патріарха хранили молчаніе, хотя случай отвѣтить представлялся не разъ. Лѣтомъ 1668 г. прибыли въ Варшаву русскіе послы, и вице-канцлеръ пригласилъ ихъ къ себѣ, убѣжденный тѣмъ же Ширецкимъ, что они поведутъ съ нимъ рѣчь на желанную тему; но тѣ въ двухчасовой бесѣдѣ не проронили о ней ни звука. Такимъ образомъ исчезала всякая надежда ²⁾. Письмо Пансія Лигарида, въ сентябрѣ 1668 г., окончательно разбило ихъ. Онъ писалъ, что одинъ патріархъ уѣхалъ, другой собирается вслѣдъ за нимъ, а кромѣ нихъ никто въ Москвѣ униі не сочувствуетъ; самъ же онъ, по оговору Нектарія, патріарха Іерусалимскаго, въ сильномъ подозрѣніи, какъ папистъ в состоящій на жалованьи у римскаго двора ³⁾. Между тѣмъ вѣнскія газеты поспѣшили распусть слухъ, будто царь обѣщаль цесарю воспитать своего сына въ правлахъ католической вѣры, если тотъ гарантируетъ ему польское наслѣдство. Конечно, люди, ближе Іоанна Казимира знакомые съ положеніемъ вещей, считали положительно абсурдными такія вѣсти ⁴⁾, но какъ было газетамъ не печатать ихъ, когда лица болѣе авторитетныя легко имъ довѣрялись?

Едва ли не слѣдуетъ признать, что вся только что рассказанная затѣя или никогда не разыгралась бы, или приняла иныя формы, еслибъ не закулисная интрига митрополита Газскаго. Рука его просвѣчиваетъ довольно ясно. Откуда могли поляки возымѣть увѣренность въ склошности царя и православнаго духовенства идти на встрѣчу желаніямъ Рима? Ни прежніе, ни позднѣйшіе поступки Алексѣя Михайловича не даютъ намъ права допустить отступленія отъ основныхъ взглядовъ именно въ данную минуту. Если для греческихъ іерарховъ униі и не казалась столь страшною, все же не видать, чтобы именно они сдѣлали первый шагъ. Наоборотъ, польскій документъ ⁵⁾ выразительно говоритъ, что патріархи лишь высказали пожеланія и при томъ въ такой общей формѣ, отъ которой никогда не отрекся бы и самъ царь. Правда, документъ итальянскій ⁶⁾ при-

¹⁾ *Theiner*, *Monuments*, 60.

²⁾ *Theiner*, *Vetera monumenta*, III, 572.

³⁾ *Theiner*, *Monuments historiques*, 61—62. Ср. *Vetera monumenta*, III, 572.

⁴⁾ *Rinhuber*, *Relation*, 15—16.

⁵⁾ *Theiner*, *Vetera Monumenta Poloniae*, III, 572.

⁶⁾ *Theiner*, *Monuments*, 52.

даетъ иной оттѣнокъ ихъ отвѣту, но онъ дальше отъ первоисточника и къ тому же на немъ лежитъ несомнѣнно субъективная окраска. Лггариду выгодно было поддерживать надежды католиковъ. Что другое могъ онъ старательно скрывать отъ московскаго правительства, ведя съ Польшею тайную переписку? Состоя переводчикомъ на аудіенціи, данной патріархами польскимъ уполномоченнымъ, онъ имѣлъ полную возможность усилить смыслъ словъ и поселить въ полякахъ надежды, большія, чѣмъ слѣдовало. Увѣренность Ширецкаго порождена опять таки нѣкимъ инымъ, какъ Памсіемъ.

Хотя всѣ переговоры 1667—1668 гг. о церковной уніи велись исключительно отъ имени Польши, но, разумѣется, близкое участіе въ нихъ принималъ и варшавскій нунцій. Можно à priori сказать, что нисыма Іоанна Казимира составлялись не безъ его участія. Мы уже видѣли, какъ онъ непосредственно руководилъ Ширецкимъ. Свѣдѣнія о московскихъ событіяхъ нунцій получалъ черезъ польскія руки; но изъ головы итальянскаго дипломата они выходили въ иномъ видѣ: менѣе точными и съ болѣе радужной окраской ¹⁾. Въ его изложеніи самъ царь поднимаетъ вопросъ о религіи; патріархи настойчиво убѣждаютъ пословъ дѣйствовать въ пользу единенія, находя, что если нѣкогда унія была фактомъ совершившимся, то нетрудно ее возстановить и теперь. *Принципъ* единенія никогда не отвергался на Востокѣ, но *условія* его понимались отлично отъ Рима. Послѣдній часто забывалъ это и готовность идти навстрѣчу осуществленія принципа принималъ за готовность принять и римскую формулу. Именно въ данномъ случаѣ нунцій, кажется, не замѣчалъ этого противорѣчія и, надо думать, не безъ удивленія узналъ ²⁾, что царь призвалъ восточныхъ патріарховъ судить Никона не за что иное, какъ за сочувствіе къ латинству!.. Повторяю, въ Римѣ охотно вѣрили тому, во что хотѣлось вѣрить. Что тамъ зорко слѣдили за Россією и виѣстѣ съ тѣмъ совѣтъ не понимали почвы, на которой рассчитывали дѣйствовать, можно судить по одной депешѣ нунція, сообщавшей слухъ изъ Вильны, будто бы царица Марья Ильинична передъ смертью усиленно убѣждала царя отступить отъ „схизмы“ и войти въ единеніе съ римскою церковью ³⁾.

Трудно сказать, долго ли продолжалъ бы Римъ питаться одними

¹⁾ Theiner, Monuments, 52.

²⁾ Ibidem.

³⁾ Theiner, Monuments, 65.

слухами, но вскорѣ область предположеній неожиданно смѣнилась реальнымъ фактомъ. Въ 1673 г. въ папскую столицу прибылъ русскій посолъ, Павелъ Менезій.

II.

Матеріалы молчатъ о причинахъ, побудившихъ московское правительство звать на войну съ турками, вмѣстѣ съ другими государствами, также и папу. Графъ Толстой полагалъ, что римскій первосвященникъ вовсе даже не имѣлся въ виду, что его „забыли“, а напоминалъ о немъ бояринъ Матвѣевъ, да и то лишь въ послѣднюю минуту ¹⁾. Допустимо, однако, и другое объясненіе. Вотъ, что сказано въ томъ официальном докладѣ государю, на который опирается графъ Толстой:

Велѣно послать грамоты къ окрестнымъ христіанскимъ государямъ, съ объявленіемъ о наступленіи турскаго султана войною на Польшу, къ цесарю, къ испанскому, французскому, англійскому, датскому, шведскому, къ курфирстамъ саксонскому и бранденбургскому, къ Голандскимъ Статамъ, а въ Римъ къ папѣ посылать ли грамоту, о томъ великій государь, что укажетъ? Ссылки съ папою были въ 1580 г. Въ грамотѣ своей папа Григорій XII¹ писалъ тогда: „возлюбленному сыну, достойной чести великому мужу поздравленіе и апостольское благословеніе“; а въ грамотѣ Великаго Государя ему писано: „Григорью XIII, папѣ, навѣщему настырю и учителю Римскіе церкви“. Послѣ того съ папою ссылокъ никакихъ не бывало. Если же теперь послать папѣ грамоту и просить помощи противъ турокъ, то папа обрадуется той присылкѣ и будетъ звать окрестныхъ государей, „а не послушать его окрестнымъ государемъ будетъ не мочно“. По сей докладной выпискѣ 4-го октября бояринъ Матвѣевъ докладывалъ государю въ то время, какъ у Великаго Государя было съ боярами сидѣнье, и Великій Государь указалъ послать съ гонцами грамоты къ окрестнымъ государямъ и къ папѣ въ Римъ ²⁾.

Выраженія доклада позволяютъ думать, что вопросъ о папѣ затронуть былъ впервые не 4-го октября, а раньше. О ту пору только не оказалось историческихъ справокъ подъ рукою, — необходимаго

¹⁾ Толстой, Римскій католицизмъ, I, 104.

²⁾ Памят. Динл. Снош., IV, 352.

условія всякихъ рѣшеній Московскаго правительства на почвѣ дипломатической, — эти справки и велѣно было навести. Но главное было извѣстно еще до 4-го октября; не помнили только титуловъ. Они, и только они, и вписаны въ докладъ. Если бы докладомъ вопросъ ставился впервые, то къ чему такое предпочтеніе именно титуловъ и пренебреженіе къ другимъ, не менѣе важнымъ деталямъ, каковы, напримѣръ, формулы папскаго отвѣта, разиѣры чествованія русскихъ пословъ въ Римѣ, соблюденіе папскимъ дворомъ извѣстныхъ формъ этикета и т. п.? Нѣтъ, все это обсуждено было уже раньше, вопросъ о послыахъ, можетъ быть и встрѣтившій возраженія, особенно по памяти недавнихъ событій 1668 года, въ принципѣ рѣшенъ былъ положительно тогда же, и докладъ 4-го октября не первый, какъ думаетъ гр. Толстой, а послѣдній моментъ въ развитіи даннаго вопроса. Вотъ почему вѣрнѣе признать, что папу не „забыли“, а лишь не сразу освоилась съ мыслию вступить съ нимъ въ корректныя отношенія, потому что убѣдиться во вредѣ для самого дѣла игнорировать лицо, всегда для западной Европы въ борьбѣ съ исламомъ игравшее роль центрального, — для насъ было еще и ново, и непріятно. Графъ Толстой, считая посольство Менезія „случайнымъ“, тѣмъ самымъ отказывался признать серьезность побужденій Московскаго правительства. Но рѣшиться на такой шагъ безъ отчетливаго сознанія его пользы для дѣла Россіи не могла. Если она рѣшилась протянуть руку тѣмъ, кто еще такъ недавно славословилъ Бога за побѣды поляковъ надъ московскими войсками, поддерживалъ враговъ Россіи и съ ними дѣлалъ военную добычу, захваченную въ русскихъ городахъ¹⁾; кто продолжалъ въ сосѣдней Литвѣ искоренять православіе и настойчиво поддерживать соотвѣтственный мѣры при польскомъ дворѣ, — то, конечно, сдѣлала это Россія не „случайно“ и не потому, что такъ хотѣлось боярину Матвѣеву, а въ расчетѣ на то, что „не послушать папы окрестнымъ государямъ будетъ не мочно“. Правильно ли она разочла, это уже иной вопросъ.

Но если Московскіе политики дѣйствительно признали за папою вліятельную роль въ международной жизни Европы, то едва ли ясно понимали они истинныя причины, создавшія ему такое положеніе. Историческій ростъ папскаго авторитета мало говорилъ представле- нію русскихъ дипломатовъ. „Логика“ московская могла считаться съ фактомъ, но не могла допустить его законности.

¹⁾ *Theiner, Vetera Monumenta Poloniae*, III, 563, 490, 555.

Папа претендовалъ на званіе намѣстника Христова, на право возводить и низводить съ троновъ королей и императоровъ, быть верховнымъ распорядителемъ судебъ христіанскаго міра, со всѣми логически вытекающими отсюда послѣдствіями. Но отступника отъ церкви, неправовѣрующаго мыслимо ли было признать истиннымъ представителемъ христіанства? На первый взглядъ спорный пунктъ устранился тѣмъ, что носольство преслѣдовало цѣли исключительно политическія. Но какъ удержаться на этой почвѣ, когда римскій первосвященникъ не отдѣлялъ политическихъ правъ своихъ отъ духовныхъ и, можно сказать, прямо выходилъ изъ послѣднихъ? Малѣйшая же попытка перенести вопросъ на почву религіозную должна была неизбежно обострить дѣло еще сильнѣе, потому что, если Магнѣву или царю Алексѣю, какъ и всякому доброму христіанину, и улыбалась мысль о единеніи церквей, то съ тою же исключительностью и гордой неуступчивостью, какъ и представителю католическаго міра.

Да и на почвѣ исключительно политической имъ трудно было столкнуться. Въ то время какъ мы собирались ополчать окрестныхъ государей на турокъ, папа разсмалъ по всей Европѣ грамоты съ тѣми же предложеніями и во имя тѣхъ же мотивовъ ¹⁾. На одномъ поприщѣ столкнулись два Рима: такъ называемый первый и такъ называемый третій. Всѣ преимущества, конечно, были на сторонѣ пераго. Хотя въ глазахъ Европы XVII вѣка идея Священной Римской имперіи въ значительной степени износилась, но за нее были традиціи и симпатіи большей части католиковъ; за насъ — порабощенный, разрозненный міръ югославянскій. Въ пользу тѣхъ была реальная давность; у насъ — одна теорія наследственныхъ правъ; тамъ идея вошла глубоко въ кровь и сознаніе общества; идея же третьяго Рима, насчитывавшая всего какихъ-нибудь полтораста — двѣсти лѣтъ давности, въ сознаніи русскихъ людей слѣдовала закону самой медленной эволюціи, какъ впрочемъ и любая идея у насъ на Руси. Обѣ стороны одинаково вѣрили, каждая, въ свое призваніе, и когда первый шагъ къ сближенію сдѣлала Россія, то этого было вполне достаточно, чтобъ тамъ въ подобномъ поступкѣ увидали просыпающееся сознаніе Москвы въ превосходствѣ Рима, готовность признать его первенство надъ собою.

Легко поэтому видѣть, что предстоящіе переговоры заранѣе бу-

¹⁾ *Theiner, Monumenta, passim.* Сравн. Нам. Дипл. Снош. IV, 887.

дуть обречены на неуспѣхъ. Прежде чѣмъ начать вести рѣчь по существу, слѣдовало подойти другъ къ другу, а это-то и оказалось, какъ сейчасъ увидимъ, самой трудной задачей.

Во главѣ посольства, въ званіи простаго гонца, былъ поставленъ майоръ Павелъ Мenezій, баронъ фонъ-Питфодельсъ, шотландецъ родомъ, уже 13 лѣтъ ¹⁾ состоявшій на русской службѣ и дослужившійся до чина майора. Бросается въ глаза назначеніе католика, бывшаго воспитанника іезуитовъ ²⁾, къ главѣ римской церкви. Развѣ такъ необходимо было дьяка Украинцова посылать именно въ Данію, Швецію и Голландію, а Виніуса въ Англію, Францію и Испанію? Если Мenezій кстати и у мѣста былъ при дворѣ бранденбургскомъ, саксонскомъ, даже цезаря и венеціанскомъ, то не слѣдовало ли опасаться, что его вѣроисповѣданіе именно въ Римѣ можетъ оказаться неудобнымъ съ точки зрѣнія русскихъ православныхъ интересовъ? Но наши послы XVII вѣка дѣйствовали въ точныхъ и тѣсныхъ предѣлахъ посольскаго наказа; личной инициативѣ не могло быть мѣста. Съ другой стороны, именно какъ католикъ, не русскій по происхожденію, Мenezій имѣлъ больше шансовъ сблизиться съ государственными лицами въ Римѣ, пользу чего московское правительство не могло не сознать. Къ тому же Мenezій является человѣкомъ вполнѣ образованнымъ: онъ владѣлъ языками французскимъ, англійскимъ, нѣмецкимъ и латынскимъ; на послѣднемъ, по отзыву людей компетентныхъ, говорилъ съ особенной ловкостью и изяществомъ. По свѣдѣтельству вѣнца Прауна, Мenezій говорилъ и по итальянски; но болѣе чуткое ухо римлянъ оказалось на этотъ счетъ строже въ своихъ опредѣленіяхъ ³⁾.

¹⁾ *Theiner*, 74.

²⁾ „Можно думать—говоритъ Брикнеръ—что онъ (Мenezій) совершенно такъ же, какъ и другъ его Патрікъ Гордонъ, воспитывался въ одной іезуитской школѣ“ (Русское посольство въ Италію въ 1672—1673 гг. *Нояь* 1886, т. VII, № 2, стр. 234). Это предположеніе категорически подтверждается римскими архивами. Іезуитъ Вота, находясь въ Венеціи въ проѣздѣ Мenezія, съ его словъ собралъ біографическія о немъ данныя и доложилъ ихъ въ особой запискѣ венеціанскому нунцію. Тамъ читаемъ между прочимъ: „ottimo cattolico, educato glie ne collegii de padri giesuiti di Fiandra e costante nella vera religione“ (Ватиканскій архивъ. *Archivio dei cerimonieri*. Vol. 507, p. 696—697). Докладъ конгрегаціи Пропаганды 1680—1681 г. выражается еще опредѣленнѣе: *huomo dotto e benissimo cattolico scozzese, nutrito nelli collegii di quella nazione in Douaŷ* (*Библиотечка Корсико*) № 283. См. мой Отчетъ о двухъ командировкахъ, стр. 224.

³⁾ *Der Gesandte ... hat wol studirt und gereisst: ist leutselig und laet gerne*

Изъ кого состояла свита Менезія? Дать точный отвѣтъ на вопросъ не легко, тѣмъ болѣе, что составъ спутниковъ нашего дипломата подвергался нѣкоторымъ колебаніямъ. Главными помощниками были подъячій посольскаго приказа, Михайло Тарасовъ ¹⁾ и „секретарь“ Лаврентій Рингуберъ, выбранный, надо думать, по личной инициативѣ Менезія ²⁾. Онъ взялъ былъ „для перевода“ ³⁾. Кромѣ Рингубера съ Менезіемъ бѣжали еще толмачъ, имя котораго осталось невѣстнымъ; Филиппъ Бюхлеръ въ роли „гофмейстера“ или „майордома“ и нѣсколько человѣкъ дворянъ, не считая прислуги: лакеевъ („пажей“) и стрѣльцовъ. Еще въ Москвѣ приговорилъ Менезій на службу нѣсколькихъ иноземцевъ, но въ самомъ началѣ дороги они отъ него ушли; и въ Псковѣ пришлось взять на замѣну ихъ двухъ стрѣльцовъ ⁴⁾. На аудиенціи у цесаря упомянуты, кромѣ Менезія и Тарасова, четыре человѣка дворянъ ⁵⁾; въ Венецію посолъ прѣѣхалъ самъ—15: шесть человѣкъ обѣдали съ нимъ вмѣстѣ; за отдѣльнымъ столомъ — остальные восемь ⁶⁾. Въ Венеціи же посолъ принялъ на

mit sich reden und umgehen; redet französisch, welsch, lateinisch, auch etwas, aber nicht gern deutsch neben der sclavonischen Sprach (*Rinlüber*, 58—59). Ha diverse lingue, ma non l'italiana, intende però e parla latino per quel che sento anche con eleganza (*Theiner*, *Monuments historiques de Russie*, 73). Colla... grazia et eleganza parla latinamente, sebbene possiede e pratica anco non meno perfettamente le lingue francese, inglese, alemanna e moscovitica o sia rutena, quando occorre. (*Ibid.* 74).

¹⁾ „Да съ нимъ же, Павломъ, посланъ подъячій Михайло Тарасовъ“. Пам. Дипл. Снош. IV, 769.

²⁾ Hoc ipso die (17-mo octobris anni 1672) P. Menesius me sibi volebat socium itineris, mea opera unus. Igitur a d. Artemone Sergiovitio dimissionem impetravi, alio interim meum supplente locum (*Rinlüber*, 30). Также и Памятники Дипл. Сношеній (IV, 857) косвенно свидѣтельствуютъ, что Рингуберъ выбранъ motu proprio Менезія: „Посланы Мниіюсъ да А. Виліюсъ, а съ ними по подъячѣму, да по толмачу; да подъячѣй Е. Украинцовъ, а съ нимъ толмачъ“. „Секретаремъ“ Рингубера называетъ самъ Менезій (*ibid.* IV, 947).

³⁾ *Балтшиш-Каменискій*, Обзоръ вѣдшихъ сношеній Россіи, I, 24. *Блюкуротъ*, Списки дипломатич. лицъ, въ Сборникѣ М. Арх. Ин. Дѣлъ V, 262.

⁴⁾ Степана Максимова и Якова Леонасьева. Пам. Дипл. Снош. IV, 878—879, 946.

⁵⁾ *Ibid.* IV, 999.

⁶⁾ Di corte o famiglia propria haveva or quattordici or quindici persone. Alla sua tavola oltre alla sua persona teneva sei delli suoi, cioè due segretarii, uno dell'ambasciata Moscovita di nazione, per nome Michele (Тарасовъ), l'altro domestico suddito dell'elettore di Brandeburgo, giovane d'aspetto e maniere nobili un maggiordomo d'apparenza nobile, non so se inglese o tedesco (Ф. Бюхлеръ), un

службу еще 5 человекъ, чѣмъ вѣроятно и объясняется, что, по другимъ свѣдѣніямъ, обѣденный столъ его состоялъ изъ ббльшаго числа лицъ ¹⁾. Церемоніймейстерскій журналъ насчитываетъ 17 человекъ, явившихся съ Менезіемъ на аудіенцію къ дожу ²⁾. По римскимъ источникамъ, наоборотъ, свита Менезіа насчитывала гораздо меньшее число лицъ, быть можетъ, потому, что нѣкоторые изъ нихъ умерли на дорогѣ, а одинъ скончался въ самомъ Римѣ ³⁾.

Сводя вышеприведенныя данныя, можно видѣть, что составъ посольства Менезіа сложился обычнымъ путемъ: изъ подъячаго-канцеляриста, толмача, переводчика, нѣсколькихъ человекъ дворянъ и прислуги. Въ общемъ свита была малочисленнѣе, чѣмъ у посланниковъ, потому что Менезій вѣхалъ въ званіи простаго посланнаго-гонца ⁴⁾.

medico moscovita, di nazione e d'origine tedesco et un altro giovine pure assai civile... Alla seconda tavola due paggi, due staffieri moscoviti et altri di servizio, tutti della famiglia propria del signor ablegato al numero di otto (*Theiner, Monuments historiques de Russie, 73—74*).

¹⁾ Aveva con se quindici persone di servizio, e qui ne ha prese altre cinque, dodici delle quali mangiano alla prima tavola. (*Theiner, Monuments historiques, 73*). Во всякомъ случаѣ цифра „перваго стола“ не совпадаетъ въ обѣихъ извѣстіяхъ.

²⁾ Менезій fu introdotto con tutto il suo seguito, ch'era di 17 persone, la maggior parte vestite come esso all'uso francese, nell' eccellentissimo Collegio (*Венеціанскій Государственный Архивъ. Cerimoniali, vol. III, pag. 171—172*). Матеріалы Дрезденскаго архива перечисляютъ составъ свиты Менезіа такимъ образомъ: Рингубертъ, „секретарь“ Тарасковичъ (польскій Тарасоль), „гофмейстеръ“ Ф. Буххеръ, „еще другое лицо, имя котораго нельзя разобрать, три шажа и три стрѣльца“. (*Брикнеръ, Русское посольство. Ноеъ, стр. 234*).

³⁾ Secum duxerat sex cameratas, seu contubernales, ex quibus aliqui in itinere mortui... Praeteritis diebus mortuus est unus ex contubernalibus allegati vulgo camerata (*Ватиканскій Архивъ. Archivio dei Cerimonieri, vol. 507; Ambasciatori del czar di Moscovia, p. 690—693*).

⁴⁾ Это соображеніе уясняетъ намъ, почему составъ посольства былъ „весьма незначителенъ, въ сравненіи съ многочисленною свитой другихъ дипломатовъ, отправленныхъ около этого времени въ западную Европу“. (*Брикнеръ, Ноеъ, 234*). Брикнеръ вообще готовъ признавать особеннѣе въ организаціи посольства Менезіа: „обыкновенно, при отправленіи московскихъ посольствъ назначались два посланника, къ которымъ еще присоединялся дьякъ. Такой сложный составъ дипломатической миссіи, какъ кажется, имѣлъ цѣлью вліявшій контроль лицъ, стоявшихъ во главѣ посольства. При отправленіи посольства въ Берлинъ, Дрезденъ, Вѣну, Венецію и Римъ, одинъ Менезесъ былъ посланникомъ. При немъ даже не было, какъ это обыкновенно водилось, дьяка изъ русскихъ“. (*Ibidem*). Едва ли можно согласиться съ этимъ мнѣніемъ. Къ Менезію, простому юнцу, не примѣнимы условія, соблюдавшіяся при отправленіи посланниковъ, тѣмъ болѣе послы. Но и къ посланникамъ никогда не присоединялся дьякъ: онъ самъ изо-

бражаль изъ себя младшаго посланника (второго—при двухчленномъ и третьяго—при трехчленномъ посольствѣ). Къ посольству прикомандировывались не дьяки, а *подьячіе*, „для писма“, то есть, заведыванія канцеляріей, и обыкновенно двое при посланникахъ, одинъ—при простомъ посланномъ. Вотъ почему при Менезіи не было „дьяка изъ русскихъ“, но за то былъ подьячій Тарасовъ. Что „посланнымъ“ былъ Менезій одинъ, безъ товарища,—это правда. Но, во-первыхъ, и Виниусъ, и Украинцовъ, одновременно съ Менезіемъ отправленные къ европейскимъ державамъ, представляли особу государя тоже въ единственномъ числѣ, не говоря уже про то, что иногда и посланники посылались въ одиночку, а не попарно; а во-вторыхъ, гонцовъ никогда и не отправляли по двое. Слѣдующія выдержки изъ Памятниковъ Дипломат. Сношеній, надѣюсь, лучше всего подтвердятъ нашу мысль. Изъ нихъ мы видимъ, что во вторую половину XVII столѣтія были посылаемы:

1) 1654 г. Къ царю посланниками двор. Баклановскій и дьякъ Михайловъ; съ ними 2 дворянина, 2 переводчика, 2 подьячихъ (III, 98, 98).

2) 1656 г. Къ царю гонцомъ подьячій Богдановъ; для перевода и толмачества 1 иноземецъ (III, 534).

3) 1656 г. Въ Венецію посланниками стольникъ Чегодановъ и дьякъ А. Постниковъ; 2 двор., 1 перев., 1 толмачъ, 2 подьячихъ, 1 цѣловальникъ (X, 982, 987, 938).

4) 1658 г. Къ Венгерскому королю посланниками стольникъ Лихаревъ и дьякъ Цесковъ; 3 двор., 1 толмачъ (III, 878—878).

5) 1659 г. Во Флоренцію посланниками двор. Лихачевъ и дьякъ Фоминъ; 2 двор., 1 перев., 1 толмачъ, 2 подьяч. (X, 509).

6) 1662 г. Во Флоренцію и Венецію послами двор. Желябужскій и дьякъ Давыдовъ; 4 двор., 1 перев., 2 подьяч. (X, 871, 882, 892).

7) 1663 г. Къ царю посланниками стольникъ Коробьинъ и дьякъ Микулинъ (IV, 453).

8) 1665 г. Къ царю, Датскому королю и Бранденбургскому курфюрсту посланникомъ („гонцомъ“: Вѣлюкуровъ, Свиски дипломат. лицъ, *Сборн. Мос. Гл. Арх. Ин. Дѣлъ V*, 261) иноземецъ П. Марселльсъ; съ нимъ 6 челов. людей (IV, 587, 545, 546, 613. Ср. *Пам. Битвы-Каменискій*, Обзоръ пѣвшихъ сношеній Россіи, I, 23).

9) 1667 г. Къ царю посланниками двор. Желябужскій и дьякъ Кузминъ; 6 двор., 1 пер., 1 толмачъ, 2 подьячихъ (IV, 561).

10) 1668 г. Въ Венецію гонцомъ [бумаги Посольскаго приказа обходятъ полчаніемъ его званіе, что уже одно говоритъ противъ посланническаго характера; посланникомъ онъ названъ лишь однажды, да и то въ ироніи одного изъ членовъ свята. IV, 684. *Sermoniali* Венеціанскаго архива (III, л. 163) называютъ его *invitato*, то есть, гонцомъ. То же и у Вѣлюкурова, Свиски диплом. лицъ, *Сборникъ М. Гл. Ар. Ин. Дѣлъ V*, 262], торговый иноземецъ Келдерманъ (Келлерманъ); 3 иноземца, 2 подьячихъ (IV, 681, 685, 694).

11) 1672 г. Во Францію, Испанію и Англію гонцомъ переводчикъ Виниусъ; 1 толмачъ, 1 перевод. (IV, 806, 810).

12) 1672 г. Въ Швецію, Данію и Голландію гонцомъ подьячій Украинцовъ; 1 толмачъ (IV, 884, 895).

20-го октября 1672 г. Менезій простился съ Москвою ¹⁾. Онъ подвигался впередъ очень медленно, останавливаясь въ Берлинѣ, Дрезденѣ, Вѣнѣ и Венеціи для исполненія однородныхъ порученій, съ какими отправилъ его и въ Римъ. Лишь 10-го іюня 1673 года пріѣхалъ онъ въ городъ Лагунъ и остался тамъ еще на полторы недѣли ²⁾.

Римскіе дипломаты слѣдили за нимъ отъ самой Вѣны. Менезій посѣтилъ здѣсь папскаго нунція съ просьбою предупредить римскія власти о его пріѣздѣ; сверхъ того и самъ писалъ кардиналамъ ³⁾. На нунція Менезій произвелъ впечатлѣніе человѣка вполне порядочнаго и развитаго. Онъ держалъ себя сдержанно, и тому лишь стороной удалось освѣдомиться о содержаніи царской грамоты къ папѣ. Съ удивленіемъ услышалъ нунцій о претензіяхъ московскаго дипломата быть содержимымъ въ предѣлахъ Папской области на средства мѣстнаго римскаго правительства, и хорошо понималъ, что отклонять ихъ было бы неудобно, особенно въ виду разныхъ прецедентовъ. Нунцій извѣщалъ государственнаго секретаря, что и цесарь, и Венеція уже распорядилась назначить особыхъ комиссаровъ, возложивъ на нихъ заботу о содержаніи и проѣздѣ русскаго посольства; да и французскій король тоже содержалъ посла московскаго на свой счетъ. Такимъ образомъ, замѣчаетъ нунцій, поневолѣ приходится считаться съ этимъ неудобнымъ восточнымъ обычаемъ ⁴⁾. Ватиканскій дворъ не колеблясь принялъ эту точку зрѣнія, тѣмъ болѣе что

13) 1676 г. Къ окрестнымъ государямъ гонцами подъячіе, къ каждому по одному (V, 418).

14) 1679 г. Къ цесарю великими и полномочными послами бояринъ Бутурлинъ, окольничій Чадаевъ и думный дьякъ Голосовъ (V, 949).

15) 1687 г. Въ Венецію посланникомъ дьякъ Волковъ; 1 двор., 1 перев., 1 толмачъ, 2 подъяч. (X, 1222, 1287).

16) 1687 г. Во Францію и Испанію посланниками стольникъ кн. Н. Ѳ. Долгорукій и дьякъ Доминанъ (X, 1219).

17) 1687 г. Въ Голландію и въ Англію посланникомъ дьякъ В. Постняковъ (X, 1219).

Другіе факты, совершенно однородные, сгруппированы въ трудахъ *Н. Бантинска-Каленскаго*, Обзоръ внѣшнихъ сношеній Россіи. Часть I ж *С. Бялковскаго*, Списки дипломатич. лицъ русскихъ за-границей въ *Сборникъ Мос. Гл. Архива Мин. Иностр. Дѣлъ*, выпускъ V.

¹⁾ Пам. Дипл. Сн. IV, 945.

²⁾ Ibid. IV, 1012, 1022.

³⁾ Пам. Дипл. Снош. IV, 1006.

⁴⁾ *Theiner*, 70—71.

по существу она и не представляла для него чего-либо новаго, и когда другой нунцій, при дворѣ Тосканскаго герцога, освѣдомлялся, слѣдуетъ ли ему, на случай возможнаго проѣзда Менезія черезъ Флоренцію, повидаться съ русскимъ гонцомъ или, наоборотъ, отклонить его визитъ, нунція оповѣстила, что свиданіе считается вполне умѣстнымъ, такъ какъ въ Римѣ Менезія не только примутъ, но и будутъ содержать на счетъ папскаго правительства ¹⁾).

Нунцій венеціанскій—епископъ Варезе ²⁾, даетъ о Менезіи отзывъ и болѣе подробный, и составленный въ выраженіяхъ еще болѣе сочувственныхъ. Это человѣкъ съ благородными и вѣжливыми манерами, пріятной наружности, вполне приличный, съ даромъ слова и прекраснымъ образованіемъ. Въ Венеціи Менезія исповѣдывался, приобщался Св. Таинъ, свободно заявлялъ преданность свою католической религіи и чувства глубокаго уваженія къ главѣ римской церкви ³⁾.

На предстоящемъ пути онъ особенно интересовался чудотворною иконою Лоретской Божіей Матери. Все это впрочемъ, повидимому, отнюдь не ишло Менезію поминать, что въ данную минуту онъ прежде всего представитель русскаго государя. Онъ энергично добивался передъ сенатомъ, чтобы въ отвѣтной грамотѣ царю, кромѣ титула *Serenissimo*, приданъ былъ и титулъ *Potentissimo*, чего и добился ⁴⁾; при каждомъ случаѣ превозносилъ благочестіе, разумъ, по-

¹⁾ Il signor Cardinale non può haver difficoltà alcuna nel ricever alla sua visita l'ablegato moscovita, poichè questo è inviato a Roma e sarà com'è costume di praticarsi con li rappresentanti de principi stranieri, anzi riceverà cortesie dalli signori cardinali legati e governatori dello stato ecclesiastico (отвѣтное сообщеніе римскаго двора, 30-го іюня 1673 г.). *Ватиканскій Архивъ*. Archivio dei Cerimonieri, Vol. 507: Ambasciatori del czar di Moscovia pag. 698.

²⁾ Анонимное приложение къ его депешѣ 1-го іюля 1673 г., напечатанное *Тейлеромъ*, 78—74 („Dalla Pontebba a Venezia sino alla partenza per Ferrara“), если не прямо составлено іезуитомъ Вотомъ, то по крайней мѣрѣ на основаніи полученныхъ отъ него данныхъ: въ запискѣ послѣдняго (см. выше, примѣч. на стр. 435) встрѣчаются выраженія, дословно сходныя съ печатнымъ текстомъ. Характеръ свидѣній о Менезіи и тамъ и тутъ одинаковомъ.

³⁾ Вотъ какъ говоритъ объ этомъ іезуитъ Вота: È persona di molta discretezza e soavità, di nobile presenza, tratto amabile, et oltre alle lingue inglese, tedesca e moscovita, o sia rutena, parla elegantemente latino e francese, si dimostra molto pio cattolico, frequentando i santissimi sacramenti, professa gran zelo al suo signore, ma non minore alla religione cattolica. *Ватиканскій Архивъ*. Archivio dei Cerimonieri. Vol. 507: Ambasciatori del czar di Moscovia, pag. 697.

⁴⁾ Такъ сообщаетъ нунцій Варезе. Однако ни въ Статейномъ спискѣ, ни въ Cerimoniali Венеціанскаго архива не видно, чтобы возникали несогласія; если основываться на этихъ двухъ повязаніяхъ, то все шло мирно и гладко.

литику, милость, военные таланты и христіанское рвеніе царя Алексея Михайловича, — и показалъ себя вполне опытнымъ дипломатомъ, при визитѣ венеціанскому нунцію, оттъняя особенное желаніе своего повелителя укрѣпить дружбу и добрыя сношенія съ римскимъ первосвященникомъ, преимущественно передъ всѣми остальными католическими государями ¹⁾.

Эти благоприятные отзывы получаютъ особое освѣщеніе, если сопоставить ихъ съ впечатлѣніемъ, какое произвели на итальянцевъ предшественники Менезія. За послѣдніи 15 лѣтъ Италію посѣтили, какъ представители русскаго царя, Чегодановъ съ Постниковымъ (1657), Лихачевъ (1659), Желябужскій (1662) и Келлерманъ (Келлерманъ, 1668). За исключеніемъ развѣ послѣдняго, почти всѣ они, особенно два первыхъ, заслужили съ разныхъ сторонъ самыя непривлекательныя отзывы. Это были люди съ отталкивающими манерами, грязные, печистоплотные, грубые въ обращеніи, зачастую пьяные, короче говоря, изъ той категоріи людей, которыхъ не пускаютъ въ порядочное общество. Необразованные, безъ знанія иностранныхъ языковъ, жадные и мелочные, не стыдившіеся открыто дѣлать и говорить то, что въ Э. Европѣ давно уже стало областною тайной, они казались культурнымъ итальянцамъ половини XVII вѣка настоящими представителями варварской Азіи ²⁾ и, конечно, въ смыслѣ ознакомленія Европы съ Россіей оказывали послѣдней весьма плохую услугу ³⁾.

Тотъ фактъ, что отправленный въ Италію, послѣ Желябужскаго, торговый иноземецъ Келлерманъ говорилъ по нѣмецки, зналъ латынскій языкъ, „отличался любезностью и умѣньемъ держать себя“, — вообще произвелъ на итальянцевъ выгодное впечатлѣніе ⁴⁾, позволяетъ

¹⁾ *Theimer*, Monumentis historiques de Russie, 73—74.

²⁾ Чванясь своимъ положеніемъ, они не отдавали визитовъ иностранцамъ посланъ. Впрочемъ и Менезія, упоминавъ въ отчетѣ о визитѣ своемъ къ вѣнскому нунцію (Пам. Дни. Снош., IV, 1006), упоминалъ о свиданіяхъ съ нунціемъ венеціанскимъ.

³⁾ Сравни. Бумаги Флорентинскаго централ. архива, изд. гр. М. Бутурлинскимъ. М. 1871. — Spicilegio Vaticano di documenti inediti e vari Vol. I. Roma 1890. — А. *Brückner*, Eine russische Gesandtschaftsreise nach Italien (1656—1657) въ Beiträge zur Kulturgeschichte Russlands im XVII Jahrh. Leipzig 1887. А. *Брикнеръ*, Русскіе дипломаты — туристы въ Итали въ XVII ст. гл. III. *Русск. Вѣстникъ* 1877, № 4. *Его же*, Русское посольство въ Итали. *Новъ* 1886, т. VII, № 2.

⁴⁾ *Брикнеръ*, *Новъ*, 240, по матеріаламъ Венеціанскаго архива. „Replica parlar todesco, et haver periti del latino“. Такъ отзывается о Келлерманѣ церемо-

думать, что, выбиравъ именно его, московское правительство, наученное горькимъ опытомъ, позаботилось устроить при новой посылкѣ невыгодные для себя элементы. Если это такъ, то и выборъ Менезія въ 1672 г. получаетъ новое разъясненіе ¹⁾.

20-го іюня 1673 г. простился Менезій съ Венеціею. Въ тотъ же день ²⁾ онъ подъѣхалъ къ границамъ Папской области и послалъ въ городъ Феррару оповѣстить папскаго легата, кардинала Киджи, о своемъ приѣздѣ. Тотъ не уемдилъ выслать на встрѣчу своего секретаря и карету. Съ этой минуты московскій посолъ становился почетнымъ гостемъ римскаго папы. Киджи предложилъ гостямъ расположиться въ своемъ дворцѣ, и Менезій съ видимымъ удовольствіемъ описываетъ обстановку своего помѣщенія: червчатые бархатные обои, выложенные золочеными кружевами, такія же портьеры на дверяхъ, тафтяныя брусничнаго цвѣта занавѣси на окнахъ и червчатое убранство постели. Но, кажется, Киджи тяготился незванными гостями и, надо думать, въ виду неопредѣленныхъ гостянь ихъ въ Феррарѣ, въ ожиданіи распоряженій изъ Рима, на другой же день по приѣздѣ перевелъ ихъ на житьство въ монастырь. Хотя Менезій въ немъ; какъ и вообще все время пребыванія въ римскихъ предѣлахъ, содержался на счетъ папской казны, но едва ли остался доволенъ та-

пимальный дневникъ венеціанскаго двора. *Венеціанскій Государственный Архивъ. Cerimoniali, vol. III, p. 163—166.*

¹⁾ Памятники Дипломатическихъ Сношеній далеко не всегда даютъ полные и обстоятельные списки лицъ, входившихъ въ составъ того или другаго посольства; но если воспользоваться наличнымъ матеріаломъ, то придется признать, что въ посольствѣ Менезія не послѣднюю роль игралъ элементъ иностранный. То же замѣчаніе приложимо и къ посольству Келлермана: въ числѣ спутниковъ послѣдняго упоминаются: англійскій дворянинъ Якобъ, сынъ доктора Ягана Розенбергъ и торговый иноземецъ Иванъ Марсовъ (V, 694). Матеріалы Венеціанскаго архива свидѣтельствуютъ, что свита Келлермана, за исключеніемъ двухъ подъячихъ посольскаго приказа, состояла изъ нѣмцевъ, одѣтыхъ во французское модное платье (*Венеціанскій Государственный Архивъ. Cerimoniali, vol. III: Naveva tutta la famiglia de tedeschi vestiti all'uso corrente francese, eccetto due vestiti al moscovito, che dissero essere della cancelleria del gran duca. Egli medesimo vestito pure alla foresta e con perucca*). Этому иностранному элементу, конечно, въ значительной степени обязаны оба посольства выгоднымъ впечатлѣніемъ за границей.

²⁾ Въ Памят. Дипл. Сношеній сказано, что Менезій прибылъ въ Феррару 21-го; но это опечатка: Статейный Списокъ не говоритъ о ночлегѣ на дорогѣ; свиданіе съ кардиналомъ Киджи было назначено на слѣдующій день приѣзда, а состоялось оно 21-го іюня: IV, 1028—1024.

кимъ перемѣщеніемъ. Впрочемъ вскорѣ ему стало не до того. Онъ захворалъ и, повидимому, довольно опасно. Еще раньше, въ Германіи, онъ было схватилъ лихорадку, задержавшую его у итальянской границы на нѣсколько дней ¹⁾; но теперь дѣло сложилось гораздо серьезнѣе. Менезій готовился уже къ смерти и, озабочиваясь чѣмъ похоронить себя и заплатить доктору — его лѣчилъ медикъ кардинала Кяджи — продалъ (такъ рассказываетъ онъ самъ) за 120 червонныхъ золотую цѣпь, подарокъ Венеційскаго дожа ²⁾. Распоряженія изъ Рима давно уже были получены, но лишь 17-го іюля Менезій почувствовалъ себя лучше и 23-го могъ выѣхать изъ Феррары ³⁾.

Путь русскаго посланника лежалъ на Равенну, вдоль побережья Адриатическаго моря черезъ Римини, Пезаро, Снягалью, Анкону, Лорето и отсюда, пересѣкая полуостровъ, на Мачерату, Толентино, Фолиньо, Сполето, Терни, Нарни и Отриколи. Статейный списокъ Менезія, подобно большинству другихъ, сухой и монотонный отчетъ о станціяхъ, встрѣчавшихъ и провожавшихъ лицахъ, однообразный до утомленія перечень приемовъ, обѣдовъ, колясокъ и каретъ, высылаемыхъ на встрѣчу, и т. п. Менезій тщательно выписываетъ, какъ его встрѣчали при вѣздѣ и за сколько именно верстъ, въ какой именно комнатѣ принимали, куда садили, кто и какъ далеко провожалъ за городъ; мы узнаемъ имена графовъ, маркграфовъ и губернаторовъ-прелатовъ.... Отмѣтить все это было, конечно, необходимо, чтобъ судить, въ какихъ разиѣрахъ чествовался представитель Московскаго государства, и не было ли въ чемъ поруки царскому

¹⁾ Si condusse a'confini Veneti alla Pontebba, ove si trattenne otto giorni ineirca si per risanarsi dalla febbre che lo sorprese per strada, che per aspettare gli ordine della serenissima repubblica colle risposte alla sua. (Lettera scritta a monsig. nuncio dal padre Vota gesuita. *Ватиканскій Архивъ*. Archivio del cerimonieri. Vol. 507: Ambasciatori del czar di Moscovia, p. 696).

²⁾ Пам. Дял. Сношеній IV, 1023 — 1026. Цѣпь, конечно, пошла ниже ея дѣйствительной стоимости; вотъ почему, думается, Менезій, желая набѣгнуть декотливаго разногласія въ оцннкѣ, сознательно убавилъ ея цѣнность въ томъ мѣстѣ своего отчета, гдѣ говорить о пожалованіи ею (IV, 1022). По римскимъ источникамъ цѣнь стоила 400 (или даже 600) дукатовъ (*Theimer*, 73,74). Серіозіалі Венеціанскаго архива (III, л. 172), свидѣтель наиболѣе компетентный, оцннвають ея въ 800 дукатовъ buona valuta. Но всякомъ случаѣ Менезій продешевилъ не особенно: стоимость червонца (приблизительно въ рубль) въ то время въ два раза превышала стоимость венеціанскаго дуката, ходившаго въ полтинникъ или около того (*Венеціанское, Русскіе въ Голландіи*, стр. 168—169).

³⁾ П. Д. Св. IV, 1027.

имени и достоинству. — по хоть бы разъ авторъ обмолвился чѣмъ-нибудь постороннимъ! Современный читатель съ такой благодарностью отдохнулъ бы на чемъ-либо болѣе живомъ среди этой однообразной вереницы фактовъ! Лишь разъ, въ концѣ отчета, Менезій попытался резюмировать свои впечатлѣнія, да и тѣ шли не дальше помѣщений, отводяныхъ посольству, да особенностей итальянской кухни ¹⁾. Вотъ почему не ждите отъ него описанія страны. Онъ даже не обмолвился названіемъ Адриатическаго моря, вдоль котораго ѣхалъ не одинъ день, названіемъ Аппенинскихъ горъ, которыя пересѣкалъ. Нечего и говорить, что читатель его Статейнаго списка и не догадается о томъ, что въ Равеннѣ русскіе путешественники были въ двухъ шагахъ отъ дивныхъ созданій византійской архитектуры; что въ Пезаро и Синигалли находились вблизи того очага, что согрѣлъ и воспиталъ величайшаго живописца въ мірѣ; что изъ Фолиньо было рукой подать до того мѣста, гдѣ пашелъ вѣчное улокоеніе Францискъ Ассизскій, послѣ Христа едва ли не самое яркое воплощеніе любви и прощенія въ сей юдоли ненависти и грѣха. Чѣмъ ближе къ вѣчному городу, тѣмъ чаще и чаще встрѣчались нашимъ путникамъ мѣста, богатая воспоминаньями о прошломъ; но имъ не нашлось мѣста на страницахъ официального документа. Лишь дважды измѣнилъ себѣ Статейный списокъ: отмѣткою о землетресеніи, недавно постигшемъ городъ Римиини ²⁾, да разсказомъ о чудотворной иконѣ Лоретской Божіей Матери ³⁾. Правда, благочестивая легенда напрашивалась сама собою, такъ была она навна и мила въ своемъ религіозномъ простодушіи. Но точно раскаявшись въ содѣянномъ проступкѣ, Статейный списокъ послѣ этого снова заговариваетъ обычнымъ канцелярскимъ языкомъ и снова ведетъ рѣчь о каретахъ и обѣдненныхъ столахъ.

За 60 верстъ отъ Рима пачинались мареммы; губительная лихорадка свирѣпствовала въ окрестностяхъ, приходилось принимать предосторожности. Поэтому изъ Нарни выѣхали еще до свѣта и послѣ короткаго перегона въ 15 верстъ дневали въ Отриколи; послѣ обѣда и короткаго сна, часа за два передъ вечеромъ, двинулись дальше и ѣхали уже цѣлую ночь. Послѣднія 35 верстъ до папской столицы дорога пролегалла по мѣстности почти безлюдной: никто не рѣшался здѣсь селиться. Нашимъ путникамъ данъ былъ серьезный совѣтъ не

¹⁾ IV, 1061.

²⁾ IV, 1028.

³⁾ IV, 1031.

спать ночью, чтобы еще больше не рисковать здоровьем; да и по приѣздѣ въ Римъ имъ пришлось первое время остерегаться: не выходить на вѣтеръ и не отворять оконъ ¹⁾.

Во второй половинѣ XVII вѣка ритуальъ папскаго двора былъ одинъ изъ самыхъ утонченныхъ и щепетильныхъ. Представители иностранной державы обыкновенно встрѣчали за городомъ: на послѣднюю стаяцію всѣ кардиналы, посланники и князья римскіе высылали съ привѣтствіемъ каждый свою карету въ 6 лошадей съ двумя жентильомами. Посоль садился въ экипажъ старшаго министра-кардинала и въ ней вѣзжалъ въ городъ. Въ случаѣ если посоль былъ отъ государя, только-что вступившаго на престолъ и желавшаго выразить папѣ свой привѣтъ и почтеніе, то на встрѣчу высылался цѣлый эскортъ всадниковъ, такъ называемая почетная „кавалькада“ ²⁾. Разумѣется, все это были общія черты приѣма, варьировавшіяся въ зависимости отъ особы государя, дипломатическаго ранга посла и личнаго желанія отгнѣнить степень почта новоприбывшему.

По отношенію Мenezія церемоніальная часть ³⁾ была исполнена

¹⁾ Пам. Дни. Снош. IV, 1027—1035.

²⁾ Quand l'ambassadeur d'un roi ou empereur, d'un prince souverain, ou d'une republicque libre vient à Rome, tous les cardinaux, ambassadeurs et princes lui envoient chacun un carosse à six chevaux, et deux gentilshommes pour le complimenter à une poste hors de Rome, et après cette entrevue chacun s'en retourne dans la ville sans ordre, où l'ambassadeur entre aussi dans le carosse du cardinal premier ministre, suivi de ses propres carrosses, et d'une partie de sa famille à cheval, et de ses valets de pied.

Mais lorsque c'est un ambassadeur d'obédience, c'est-à-dire quand un monarque est nouvellement parvenu à la couronne, et qu'il envoie la première fois un ambassadeur à Rome, pour montrer sa devotion envers le pape, et l'estime qu'il fait du Saint-Siège, comme on le nomme ordinairement; alors cet ambassadeur d'obédience est introduit dans Rome, par un cavalcade que le pape rend plus ou moins pompeuse, selon l'honneur qu'il veut faire au ministre qu'il reçoit, ou au souverain de la part duquel il vient faire son ambassade. Tableau de la cour de Rome, par le S-r. I. A. à la Haye. M. DCCVII, pag. 435.

³⁾ Данныя о приѣмѣ Мenezія при римскомъ дворѣ въ значительной степени собраны въ сборникѣ Ватиканскаго архива (Archivio dei cerimonieri. Vol. 507), носящемъ общій заголовокъ: *Ambasciatori del czar di Moscovia* и содержащемъ нѣсколько отдѣльных и самостоятельныхъ документовъ. Главнѣйшіе изъ нихъ два: „*Inviato del duca di Moscovia: 1673*“ и „*Brevis relatio de modo quo excerptus fuit 1673 allegatus magni ducis Moschorum ex diariis Petri Fanetis Fanti ceremoniarum magistri*“. Въ нослѣдующемъ изложеніи, ради сокращенія, мы будемъ ссылаться на эти документы, обозначая ихъ просто: *Inviato del duca di Moscovia* и *Brevis relatio*.

слѣдующимъ образомъ. Въ Отриколя, за 45 верстъ отъ Рима, посла ожидалъ папскій соттофорьеро съ нѣсколькими экипажами ¹⁾; за 20 верстъ—иезуитъ графъ Вильямъ Лесли и кареты кардинала Барберини съ двумя жентильомами ²⁾; въ Кастельнуово—новые экипажи ³⁾ и, наконецъ, въ пяти верстахъ отъ города ⁴⁾ жентильомъ („конюшей“) государственнаго секретаря Альтиери, кавалеръ графъ Феретти съ особой каретой. Въ этой-то послѣдней Мenezіи и вѣхалъ, чрезъ Фламинскія ворота, въ папскую столицу утромъ 8/18 августа 1673 г. ⁵⁾. У подѣзда русскаго посла принялъ папскій камергеръ ⁶⁾, провелъ его на верхъ и привѣтствовалъ отъ имени своего государя ⁷⁾.

Прямыхъ указавій, почему встрѣча состоялась именно въ такой формѣ, у насъ не имѣется. Быть можетъ, извѣстную роль играла ночная пора, нездоровое время года, несомнѣнно, и невысокое званіе Мenezіи, прибывшаго въ Римъ не посломъ, не посланникомъ (ambasciatore), а простымъ посланнымъ, гонцомъ (Inviato). Вспомнимъ, наконецъ, что пріѣзду Мenezіи предшествовало 60-лѣтнее отчужденіе московскаго двора и полное игнорированіе послѣднихъ событій, бывшихъ въ глазахъ римскаго престола, наоборотъ, одной изъ самыхъ свѣтлыхъ страницъ въ исторіи его отношеній къ православной Россіи. Вотъ почему римскимъ властямъ не было никакого основанія торжественно любезносіями по адресу постоянно враждебнаго государя. Можно даже сказать, что 90 лѣтъ передъ этимъ встрѣчъ Шевригина и Молвянинова оно придавало больше пышности и торжественности, чѣмъ въ этотъ разъ. Шевригинъ, такой же простой гонецъ, какъ и Мenezіи, былъ встрѣченъ кавалькадою въ 200 человекъ; въ честь Молвянинова палили изъ пушекъ. Но за то въ ту пору еще не пробѣжало черной кошки межъ Москвою и Римомъ, и послѣдній съ посольствами 1581 и 1582 гг. связывалъ гораздо больше увѣренныхъ надеждъ, чѣмъ нынче ⁸⁾.

¹⁾ Inviato del duca di Moscovia.

²⁾ Пам. Дипл. Сном. IV, 1035.

³⁾ Inviato del duca di Moscovia.

⁴⁾ Пам. Дипл. Сном. IV, 1035; due miglia lontano fuori della porta (Inviato del duca di Moscovia); per duo aut tria miliaria (Brevis relatio).

⁵⁾ Inviato del duca di Moscovia; Brevis relatio; Пам. Дипл. Сном. IV, 1035. Документъ, напечатанный *Теймперомъ*, *Monuments historiques*, 74, ошибочно показываетъ 17-е августа.

⁶⁾ „Cameriere segreto di spada e cappa e forriere maggiore di Nostro signore“.

⁷⁾ Inviato del duca di Moscovia; Brevis relatio.

⁸⁾ Шевригина встрѣтили въ 5 верстахъ отъ Рима кардиналъ Медичи въ со-

Русское посольство помѣстили въ домѣ графа Видмана-Вителлески, близъ театинской церкви С. Сильвестра на Квириналѣ, въ улицѣ, что поднимаясь на Маньянаполи, вела въ ту пору къ папскому дворцу. Домъ лежалъ насупротивъ садовъ Альдобрандини, и понывѣ еще гордо возвышающихся за мощной стѣною надъ новосозданной Via Nazionale ¹⁾. Холмъ носилъ въ ту пору еще и другое названіе. Лошадяваго, Монтекавалло. Такъ между прочимъ называется его и Менезій. Группа коней, красующихся на площадкѣ передъ папскимъ (нынѣ королевскимъ) дворцомъ и давшая холму это названіе, уже и тогда украшала это мѣсто.

За устройствомъ квартиры слѣдилъ папскій майордомъ, Бернардино Рочча, архіепископъ Дамасскій ²⁾, братъ вышепомянутаго Помпео ³⁾.

Цѣлый штатъ былъ къ услугамъ Менезія: форшнейдеръ, камеръ-юнкеръ кардинала Альтиери, лица завѣдывавшія буфетной, винной и кухонной частью; одного изъ своихъ жентильменовъ тотъ же Альтиери спеціально прикомандировалъ къ Менезію состоять неотлучно в сопро-

провожденіи 150 человекъ и трехъ экипажей; двумя верстами ближе къ городу—кавалеръ съ 200 человекъ эскорта (Пам. Диял. Снош. X, 18). Молящину, бывшему посланникомъ съ младшимъ товарищемъ подвичимъ Васильевымъ, тоже за 5 верстъ отъ города былъ высланъ дворецкій „папиа сына“ (Джизкомо Бонкомпани) съ 15 человекъ и восемью экипажами; у самаго города встрѣчалъ „марграфъ“ съ 60 всадниками (Пам. Диял. Снош. I, 881). Хотя на встрѣчу и не выѣзжали ни члены папской фамилии, ни кардиналы, зато множество бароновъ, поближе и придворныхъ чиновъ, а въ самомъ городѣ были выставлены почетная войска sui (послу) nec familia papae, nec cardinalium obviam ivit, sed tantum multi barones et nobiles civis romani et curiales. In platea S. Petri, dum ille transiret, milites helvetii de custodia Sauctissimi Domini Nostri stabant simul in linea recta, et ibi aliquot bombardae exoneratae honoris gratia.... in arce S. Angeli fuerunt pariter exoneratae multae bombardae. *Турнегеръ*, Hist. Russiae Monumenta, I, 390. О пальбѣ изъ пушекъ сообщаетъ современный венеціанскій посолъ въ Римѣ: Et furono anco tirrati all'arrivo suo essendo ambassator straordinario et esterno diversitiri d'artiglieria et di altre coete. (*Pierling*, Bathory et Possevino, 219).

¹⁾ In domo dominorum de Vitelleschis, seu comitis Vidman, prope ecclesiam S. Sylvestri in monte Quirinali (Brevis relatio). Nella casa del sig. conte Vidman sopra la salita di monte Magnanapoli a mano Sinistra incontro al giardino de' signori Aldobrandini (Inviato del duca di Moscovia).

²⁾ Maggiordomo di Sua Beatitudine, praefectus Palatii apostolici.

³⁾ Сохранился счетъ стекольщика, вставлявшаго въ приѣду Менезія новыя стекла, фонари, обивавшаго сажномъ двери и т. п. Онъ напечатанъ въ моемъ „Отчетѣ о двухъ командировкахъ“, стр. 120.

пождать при выѣздѣ ¹⁾, назначивъ въ распоряженіе посла двѣ кареты, при чемъ парадная обита была бархатомъ и съ черными кистями. Четыре папскихъ лакея постоянно дежурили въ передней, въ ожиданіи приказаній; другіе четыре, кардинальскихъ, кажется, были выѣздными ²⁾.

Въ ту пору на папскомъ престолѣ сидѣлъ 84-лѣтній старикъ, Климентъ X, изъ фамиліи Альтиери. Непотизмъ, ставшій въ теченіи XVII столѣтія обычнымъ явленіемъ папскаго двора, оставался непоколебленнымъ и при этомъ папѣ. Человѣкъ безъ воли и характера, Климентъ находился совершенно въ рукахъ своего племянника, кардинала Паулуччи-Альтиери, занимавшаго первую должность государственнаго секретаря (министра иностранныхъ дѣлъ). Въ сущности папа стоялъ на заднемъ планѣ, и кардиналъ, по выраженію одного изъ современниковъ ³⁾, поставленный на второе въ государствѣ мѣсто, занималъ на самомъ дѣлѣ первое ⁴⁾. Съ этимъ-то Альтиери и пришлось Менезію прежде всего имѣть дѣло.

Квириналу было извѣстно, что Менезіи пріѣхалъ съ грамотою русскаго царя и будетъ требовать аудіенціи. Слѣдовало поэтому договориться о формальной сторонѣ послѣдней, что вообще въ ту пору считалось очень важнымъ и почти всегда порождало кучу споровъ и несприятностей; въ данномъ же случаѣ невыясненность была тѣмъ большая, что оба двора, и римскій, и московскій, почти не знали другъ друга и не имѣли очень долго никакихъ межъ собою ссылокъ.

По приглашенію Альтиери, Менезіи черезъ нѣсколько дней по пріѣздѣ ⁵⁾ сдѣлалъ ему неофициальный визитъ. И статейный списокъ

¹⁾ Не берусь опредѣлять, кто именно изъ нихъ были тѣ „аббатъ Кабанъ да дворянинъ римскій Санцимонъ“, о коихъ говоритъ Менезіи, какъ о лицахъ, назначенныхъ состоять при немъ. Третье лицо, „езуита графъ Виллиамъ Лесла“, быть можетъ, приходился братомъ ректору шотландской коллегіи въ Римѣ: тому и другому нѣсколько лѣтъ спустя Менезіи посылаетъ поклонны (et reverendum collegii Scottorum rectorem, patrem Lealew, et dominum Wilhelmum Lealew meo nomine quam humillime salutato. *Pierling*, Un médecin diplomate. Paris 1893, pag. 142). Менезіи упоминаетъ еще „шесть человѣкъ столяниковъ, да папезскихъ дворовыхъ людей 40 человѣкъ, попеременно по 10 человѣкъ, двухъ поваровъ, да двухъ прислѣжниковъ.“ (Иам. Дня. Снош. 1035—1036).

²⁾ Лакеями я называю „прислѣжниковъ“ Статейнаго списка (IV, 1086) и рагафреніери документовъ Archivio dei Cerimonieri.

³⁾ Венеціанскаго посла при римскомъ дворѣ.

⁴⁾ *M. Brosch*, Geschichte des Kirchenstaates, I, 437.

⁵⁾ Источники разногласятъ въ опредѣленіи дня: 28-го августа—по запискѣ церемоніймейстера, что выечтана Тейнеромъ, *Monuments historiques*, 74; 24-го

и журналъ папскаго церемоніймейстера, по обыкновенію, крайне скуны на все, что выходило изъ сферы внѣшняго этикета. Оба они охотиѣе останавливаютъ наше вниманіе не на содержаніи бесѣды двухъ дипломатовъ, а на томъ, какъ титуловалъ хозяинъ своего гостя и на какое разстояніе вышелъ встрѣчать его, — при чемъ по русскимъ источникамъ честь была оказана въ большихъ размѣрахъ, чѣмъ это признаютъ туземный¹⁾. Альтіери хотѣлъ знать, на какихъ условіяхъ желаетъ посолъ быть принятымъ въ аудиенцію? Менезіи заявилъ, что онъ руководится полученнымъ наказомъ и, вернувшись съ визита, въ тотъ же вечеръ письменно сообщалъ свои требованія кардиналу²⁾.

Наказъ предписывалъ Менезію соблюденіе слѣдующихъ условій:

- 1) На пріемъ и на отпускъ у папы другимъ посламъ не быть.
- 2) Кланяется посолъ, по обычаю, рядовымъ поклономъ.
- 3) Во время привѣтственной рѣчи папа „противъ имени В. Г-ря“ встаетъ; о здоровьи спрашиваетъ тоже поднявшись, а не сидя.
- 4) Царская грамота вручается непосредственно въ папскія руки.
- 5) На отпускъ грамоту свою папа собственноручно передаетъ послу, и при томъ поднявшись съ трона, а не сидя.
- 6) Передъ отпускомъ римская канцелірія выдаетъ копію съ папской грамоты для провѣрки, не умаленъ ли въ ней царскій титулъ. Посольскій приказъ не забылъ снабдить Менезія указаціями, какъ дѣйствовать въ случаѣ несогласія или возраженій римскаго правительства. Если бы папа не поднялся съ трона, слѣдовало тутъ же, на аудиенціи, настаивать на выполненіи данныхъ предписаній, мотивируя ихъ тѣмъ, что русскій государь всегда встаетъ на пріемъ иностранныхъ пословъ. „И буде папа заупрямится и противъ В. Г-ря имени не встанетъ и про Е. Ц. В.—ва здоровье не спроситъ или спроситъ сидя, и Павлу стоять о томъ накрѣпко, В. Г-ря грамоту папѣ подати въ камтъ“. Такимъ образомъ въ Москвѣ предвидѣли возможность „упрямства“. Что же оставалось дѣлать въ такомъ

августа—по записи *Brevis relati*; 15-го августа стар. ст.—по Статейному списку (IV, 1086).

¹⁾ *Privatim ivit (Menesia) ad cardinalem Alterium cui dictus eminentissimus dedit titulum illustrissimi — такъ показываетъ Brevis relatio; ...Se contulit (Menesia) ad visitandum... Alterium, qui obviam ei ivit usque extra postam camerae, quae est ante cameram, in qua ei audientiam dedit, postquam una simul locuti sunt, eam associavit usque ad medietatem suae aulae — такъ читаемъ у Theiner, Monumenta historica, 74; „А кардиналъ посланнаго встрѣтилъ вышедъ изъ палаты въ другой валаѣ... и провожалъ кардинала посланнаго до того жъ мѣста, въ которомъ мѣстѣ встрѣтилъ“, говорятъ Наматники Дня. Сношеній IV, 1086.*

²⁾ И. Днев. Св. IV, 1036.

случаѣ? Громко высказать принципиальный взглядъ свой на дѣло, но грамоту все же отдать, ибо приносить ее обратно было бы еще большею *порухою* царскому имени. Предвидѣли въ Москвѣ и другое обстоятельство: по какому праву настаиваютъ нынче на вставаніи папы, когда на прежнихъ пріемахъ русскихъ пословъ онъ сидѣлъ, и тѣ ничего не возражали? Отвѣтъ былъ заранѣе готовъ: „то они чинили не гораздъ, государскіе чести не остерегали, и за то на нихъ“ возложенъ былъ гнѣвъ царскій ¹⁾.

Въ наказѣ Менезію находится еще одинъ любопытный пунктъ— о цѣлованіи папской ноги. Раньше, при посылкахъ Шевригина и Молвянинова, этотъ вопросъ былъ совершенно обойденъ папскимъ приказомъ; въ ту пору едва ли онъ и могъ возникнуть въ виду почти полного отсутствія сношеній съ Римскимъ дворомъ. Шевригинъ въ докладѣ своемъ ²⁾ благоразумно обходитъ молчаніемъ этотъ моментъ аудіенція: Ивану Грозному сообщеніе его не пришлось бы по вкусу. Вѣдь Шевригину пришлось не только цѣловать папскую туфлю, но и рѣчь свою произносить на колѣняхъ ³⁾. На пріемѣ и отпускѣ Молвянинова папа сидѣлъ, посолъ же долженъ былъ „поклониться близко ноги“, и хотя онъ заявляетъ насъ, что „въ ногу не цѣловалъ“ ⁴⁾, но вѣдь едва ли и можно было наблюдать когда-нибудь непосредственное прикосновеніе губъ къ туфлѣ. Важно было именно это „поклоненіе“ до уровня туфли, а разъ это было такъ, римскій дипломатъ считалъ себя въ полномъ правѣ утверждать, что цѣлованіе имѣло мѣсто. *Принципъ* онъ умѣлъ отличить отъ *факта*, конечно, не хуже московскаго собрата. Итальянскіе же источники прямо говорятъ, что Молвяниновъ, хотя и послѣ сильнаго сопротивленія, но согнулъ колѣна и поцѣловалъ папскую ногу ⁵⁾. Съ тѣхъ поръ прошло около вѣка, и Московское правительство имѣло время ближе ознакомиться съ требованіями римскаго церемониала. Его научили тому и событія Смутной поры, и болѣе частыя сношенія съ Западной Европой вообще. Надо ли говорить, что въ глазахъ русскаго государя обрядъ этотъ казался унизительнымъ? Протестовать противъ него слѣдовало тѣмъ энергичнѣе, что вѣдь папа былъ не только государь, но и глава като-

¹⁾ Пам. Д. Своя. IV, 788—793.

²⁾ Правда, статейный списокъ его черезчуръ кратокъ, точно это встрѣтитъ недомедшаго до насъ подробнаго отчета. Сравни. Пам. Дипл. Своя. X, 1—88.

³⁾ *Pierling, Papes et tsars*, 160.

⁴⁾ Пам. Дипл. Своя. I, 888—885.

⁵⁾ *Monumenta*, изд. *Туринцевъ*, I, 390; *Pierling, Papes et tsars*, 346.

лической церкви; царю приходилось оберегать не только честь государеву, но и достоинство православной вѣры. Прерогативы же духовнаго владыки, какими пользовался папа у католическихъ государей, въ нашихъ глазахъ сводились къ нулю. Вотъ почему Менезію было строго наказано цѣловать папу въ одну руку и стоять на томъ „крѣпко“¹⁾. Какое значеніе придавали у насъ этой церемоніи, видно изъ того, что Менезій, едва успѣвъ выѣхать изъ Москвы, счелъ необходимымъ запросить болѣе точныхъ инструкцій. Въ данномъ случаѣ дѣло, кажется, шло о цѣлованіи ноги подьячимъ. 21-го октября посольскій приказъ въ договку отправилъ Менезію „наипль“; съ повтореніемъ прежняго распоряженія и добавленіемъ новаго: „а подьячему папу въ ногу отнюдь не цѣловать“²⁾.

Во всѣхъ этихъ распоряженіяхъ не заключалось ровно ничего особеннаго. Если выдѣлить вопросъ о туфлѣ, какъ имѣвшій мѣсто спеціально въ примѣненіи къ Риму, то все остальное—и шесть пунктовъ условій, и протестъ противъ ихъ нарушенія, и отвѣты на случай возраженій—все это въ наказахъ XVII столѣтія встрѣчается каждый разъ, къ какому бы европейскому двору ни отправлялся русскій посолъ. Московское правительство, крайне щепетильное ко всякому поповозвоженію „умалить“ его достоинство, упорно и консервативно отстаивало свои требованія. Удивляться этому нечего. Нѣкоторые находятъ смѣшными такія претензіи, но, прежде всего, они не были исключительно принадлежностью московскаго двора. Вся Европа XVII столѣтія зорко слѣдила за соблюденіемъ придворнаго церемоніала, и любое правительство, въ исполненіи этикета, было очень чутко къ малѣйшему ослабленію тѣхъ размѣровъ почета, на какіе оно считало себя въ правѣ рассчитывать. Известный шпітшм соблюденныхъ формъ являлся, по понятіямъ того времени, показателемъ уваженія къ государю и признанія за нимъ искомаго мѣста въ ряду другихъ государей. Дѣло въ томъ, что въ XVII столѣтіи по „мѣстамъ“ еще не успѣли разсѣяться. Европейскія государства въ истинномъ значеніи этого слова возникаютъ немногимъ развѣ раньше XVI столѣтія. Дотогѣ это одни конгломераты провинцій и областей, безъ сознанныаго государственнаго, а тѣмъ болѣе національнаго единства; не удивительно, что на первыхъ порахъ вопросы внѣшняго распорядка еще сохраняютъ большое жизненное значеніе.

¹⁾ Нам. Диял. Снош. IV, 792.

²⁾ Ibid. IV, 870—871.

Съ тѣхъ поръ Европа выросла на два столѣтія и сочла возможнымъ сдать въ архивъ всѣ эти счеты объ этикетѣ, и мы, въ концѣ XIX вѣка, не считаемъ затруднительнымъ того, что прежде пришло въ тупикъ самыя изощренныя умы,—но развѣ чувствительность наша чрезъ это ослабла? Она получила лишь иное выраженіе. Двѣсти лѣтъ назадъ государство, а съ нимъ и его честь олицетворялись исключительно въ лицѣ государя. *L'État c'est moi*, сказалъ Людовикъ XIV, и его фраза далеко не была выраженіемъ однихъ его личныхъ стремленій, а правдивымъ отраженіемъ идей всего вѣка. Двѣсти лѣтъ спустя подлѣ государя выступаетъ нація, государственное общество. Благо общественное, а съ нимъ и честь національная отодвинули на задній планъ ибстничество. въ тѣсномъ смыслѣ, государственное, правительственное. Вопросъ о томъ, какъ далеко отъ передней встрѣчать посла, подавать ли ему правую или лѣвую руку, сидѣть ли накрывшись или безъ шляпы—вопросы эти давнымъ давно разрешены, и даже тѣ, кому въ ряду другихъ досталась не первая мѣста, ни мало на это не претендуютъ, сознавая, что для поддержки достоинства существуютъ иныя, болѣе достойныя насъ формы; даже прибѣгли, для упрощенія дѣла, къ алфавитной системѣ.. Но пусть въ мирное время, гонясь за контрабандистомъ, таможенный солдатъ перейдетъ черезъ границу сосѣдняго государства и расправится съ нимъ тамъ по своему; пусть министръ выѣзжаетъ, хотя бы на словахъ, въ публичной рѣчи, во внутреннія дѣла чужой страны; пусть иноземная пресса отнесется неуважительно къ главѣ того или другого государства—и вся нація почувствуетъ себя оскорбленной. Двѣсти лѣтъ назадъ могли иначе понимать субстратъ оскорбленія. чувствительность была достояніемъ лишь правящихъ классовъ, но сознаніе этими немногими своего достоинства и горячее желаніе поддержать его было не менѣе сильно. Для XIX столѣтія формы, въ какія отливалась эта забота, кажутся иногда смѣшными, но это потому, что мы ихъ уже пережили, что теперь *не можетъ* быть болѣе спора о нихъ. А рѣшится кто-либо снова не дать нашему государю „величества“, отказать ему въ тѣхъ титулахъ, которые онъ носить, какъ символъ историческаго роста государства — развѣ мы стали бы смѣяться? Повторяю, если архаичны приемы людей того времени, то самое чувство ихъ остается безупречнымъ. Охотно дѣлаю исключеніе для мелкихъ сѣверо-итальянскихъ герцогствъ и мириады микроскопическихъ княжествъ, какими кишѣла тогдашняя Германія. Правительства этихъ областей олицетворяли одни фамиліальные интересы и ни-

какихъ народныхъ. Ихъ претензіи были выродившимся аристократизмомъ; но въ иномъ положеніи стояла Москва, цесарь, какъ глава Германской имперіи, султанъ, папа, короли Англій, Франціи, Испаніи, Швеціи. У нихъ было и свое прошлое, и свое будущее. Ихъ претензіи выросли на почвѣ историческаго роста государствъ и были выраженіемъ сознанія своего государственнаго Я. Не даромъ же XVII вѣкъ такъ богатъ литературой по вопросу о правахъ и преимуществахъ европейскихъ дворовъ въ сношеніяхъ международныхъ.

Легко предвидѣть, что пункты, предъявленные Менезіемъ, встрѣтять категорическій отпоръ. Могъ-ли подниматься римскій первосвященникъ передъ посломъ еретическаго и полуварварскаго князька, почти лишенаго значенія въ международной жизни Европы, когда онъ сидѣлъ даже передъ послами императора, короля Франціи? Точно также и утруждать себя самолично передачею грамоты значило бы оказывать несоразмѣрное вниманіе. Квиринальскому двору желаніе московскаго посла могло показаться одною заносчивостью, даже оскорбленіемъ. Государственный секретарь сухо и категорически отвѣчалъ: на пріемной аудіенціи именованіе и титула начнетъ папа слышать и о здоровья спрашивать сидя; грамоту велитъ принять своему церемоніймейстеру; такъ же будетъ поступлено и на отпускѣ. А требовать, чтобы св. отецъ поднялся, прежде подачи своей грамоты, далъ просмотрѣть ея списокъ и титулы царскіе написать „сполна противъ Е. Ц. В.—ва грамоты“—„о томъ святѣйшему отцу папѣ указъ давать недостоятъ“¹⁾.

Въ то же время, отказывая въ требованіяхъ московскаго посла, римскій дворъ предъявлялъ свои: Менезія предупреждали, что въ оба пріема его „наклонять и велять ногу цѣловать“²⁾. Но и Менезій стоялъ во всеоружіи отпора.

— Мой государь, — говорилъ онъ, — не католикъ. Прежде, до раздѣленія церквей, греки никогда не цѣловали папской ноги. Въ 1438 г. на Феррарскомъ соборѣ папа Евгений IV, встрѣчая константинопольскаго патріарха и остальное высшее духовенство Восточной церкви, цѣловался съ ними „по мнишеску“; митрополиты и епископы цѣловали его въ руку; въ руку же цѣловали и остальные греки, и только католики, пріѣхавшіе съ патріархомъ, цѣловали въ ногу. На пріемѣ разныхъ пословъ всѣ государя, христіанскіе или басурманскіе без-

¹⁾ Пам. Двп. Спом. IV, 1037—1038.

²⁾ Ibidem.

различно, начиная съ самого цесаря, именованія и титула слушаютъ стоя, здоровье спрашиваютъ тоже стоя и снявъ шляпу, грамоту принимаютъ самолично и руку даютъ цѣловать стоя жъ.

Менезію на все это отвѣчали: наши требованія исполняются обыкновенно всѣми посланниками; ваше же упорство приведетъ лишь къ тому, что аудіенція не состоится. Угроза однако не подѣйствовала: пусть лучше отпустятъ меня, не показавъ папы, если хотятъ непременно принудить къ цѣлованію ноги, отвѣчалъ русскій гонецъ.

Тогда Альтиери пошелъ на компромиссъ. Онъ соглашался, чтобъ папа собственноручно принялъ царскую грамоту и изъ собственныхъ же рукъ вручилъ отвѣтную; но подъ непремѣннымъ условіемъ цѣлованія ноги. Менезій продолжалъ упорствовать, твердо оставаясь на почвѣ даннаго ему наказа. Государственный секретарь пошелъ еще дальше: пусть посолъ „припадчи“ поцѣлууетъ хотя бы папину ризу—но подъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы вопросъ о вставаніи былъ рѣшенъ безусловно въ смыслѣ римскихъ традицій.

Нельзя не пожалѣть, что статейный списокъ въ изложеніи какъ разъ именно этихъ заключительныхъ переговоровъ, послѣднихъ передъ аудіенціей, какъ бы избѣгаетъ договаривать. Хотя онъ и сообщаетъ, что посланникъ отказался и отъ этой формы цѣлованія, но молчитъ, на чемъ собственно договорился обѣ стороны ¹⁾. Въ виду того, что на другой день аудіенція состоялась, въ отказахъ Менезія позволительно видѣть одну простую формальность—онъ, очевидно, зналъ, что ожидаетъ его завтра. И въ данномъ случаѣ онъ не отступилъ отъ практики московской дипломатіи. Не разъ посламъ приходилось *фактически* поступаться предъявленными формулами, но за то всегда послѣ громогласнаго заявленія своей *теоріи*.

Е. Шмурло.

(Окончаніе слѣдуетъ).

¹⁾ Пам. Дипл. Снош. IV, 1088—1041.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

Критико библиографическій обзоръ Пушкинской юбилейной литературы 1899 ¹⁾.

I.

Чествованіе столѣтняго юбилея со дня рожденія А. С. Пушкина.

Послѣдніе годы XIX-го столѣтія въ исторіи русской литературы, несомнѣнно, должны быть отнесены къ эпохамъ переходнымъ. Это—смутное время исканій новыхъ путей въ искусствѣ, печальная пора, не отиѣченая пока ни однимъ еще именемъ, подъ знамя котораго могла бы собраться современная и будущая русская литература. Старое, повидимому, отжило, —новаго свѣтлаго пока не видно. Истекшій

¹⁾ Цѣль нашей работы—дать, по возможности, полный обзоръ всего того, что было напечатано о Пушкинѣ въ юбилейномъ 1899 и 1900 годахъ. Въ предѣлы нашего обзорѣнія не вошли лишь газетныя статьи (за небольшими исключеніями),—вся же остальная литература, поскольку она была намъ доступна, будетъ исчерпана въ нѣсколькихъ главахъ: 1) „Чествованіе 100-лѣтняго юбилея со дня рожденія А. С. Пушкина“, 2) „Матеріалы въ юбилейной литературѣ“, 3) „Биографія и биографическіе очерки“, 4) „Характеристики Пушкина“, 5) „Историко-литературная оцѣнка Пушкина въ 1899—1900 гг.“, 6) „Изъ литературной исторіи пушкинскихъ произведеній“, 7) „Изданія пушкинскихъ сочиненій и библиографія юбилейной литературы“. При составленіи этого очерка пользовались мы, главнымъ образомъ, богатой коллекціей пушкинскихъ юбилейныхъ изданій (1899—1900 гг.) Императорской Публичной Библиотеки („Пушкинскій шкафъ“, 18 зала, № 164), за что приносимъ глубочайшую благодарность г. завѣдующему русскимъ отдѣленіемъ Императорской Публичной Библиотеки В. П. Ламбину; пользовались также коллекціями Л. Н. Майкова, А. Н. Пилива, В. П. Сантова, Ф. А. Витберга и Пушкинскаго Сиб. Музея. Кромѣ того, при подборѣ матеріала руководствовались мы библиографическими статьями гг.—Ш.: „Итоги пушкинской юбилейной литературы“ („Русская Мысль“, 1900, №№ 8—10), А. М. Лободы: „Очеркъ Пуш-

вѣкъ оставилъ насъ на развалинахъ того величественнаго храма, созидаіе котораго началъ Пушкинъ, а докончили его великіе ученики, занявшіе почетныя мѣста въ пантеонѣ мировой поэзіи. Въ этомъ храмѣ въ теченіе прошлаго вѣка литературные боги молились „всечеловѣку“, озаренному свѣтомъ гуманности и красоты,—теперь, на зарѣ новаго столѣтія мы слышимъ гимны „сверхчеловѣку“, слышимъ холодную проповѣдь эгоизма и самообожанія, требованія въ искусствѣ полной индивидуализаціи. Оттого современные литераторы всѣ стоятъ какъ-то особнякомъ, вѣтъ сильныхъ вождей, вѣтъ ясныхъ направленій,—каждый бредеть въ свою сторону, у каждаго свое смутное profession de foi ¹⁾, которое не спасаетъ талантовъ и талантиковъ отъ поразительно быстрого мельчанія и выдыханія. Отъ Льва Толстаго до декадентовъ—большое разстояніе,—однако на всемъ этомъ протяженіи мы не увидимъ ни одной опредѣленной группы, съ здоровыми задатками и яснымъ будущимъ.

И при такомъ угнетенномъ настроеніи русской литературы, пришлось намъ праздновать столѣтній юбилей Пушкина. Повятно поэтому, опъ долженъ былъ получить своеобразную окраску, сравнительно съ той, какой отиѣченъ былъ пушкинскій праздникъ 1880-го года. Тогда было время кипучей литературной жизни. Передъ нами—рядъ великихъ вождей, рядъ литературныхъ группъ съ опредѣленными знаменами. И праздникъ 1880 года оказался „литераторскимъ“, такъ какъ главную роль играли на немъ писатели ²⁾. Великаго учителя поминали его уже сѣдые ученики, правда, далеко разошедшіеся въ разныя стороны, но дружно собравшіеся на праздникъ къ водножью его памятника.

лянской литературы“, Д. Щеголева: „Критико-библиографическій обзоръ пушкинской юбилейной литературы 1899 г.“ („Пушкинскій сборникъ Московскаго университета“), Е. Елена: „Юбилейная литература о Пушкинѣ“ („Историческій Вѣстникъ“, 1899, №№ 7—8). А. П.: „Пушкинская литература“ („Вѣстникъ Европы“, 1899, № 7), Н. Кузьмина: „Указатель пушкинской юбилейной литературы“ („Пушкинскій сборникъ“ петербургскихъ беллетристовъ). Въ „Р. Фил. Вѣстн.“ (№ 1—4) напечатана часть работы Н. Державина: „А. С. Пушкинъ и юбилейная литература“ (библиографическая справка).

¹⁾ Наиболее сплочена группа „декадентовъ“, да и то, едва-ли, между ними есть согласіе относительно пониманія искусства, его цѣлей, задачъ, содержанія и пріемовъ.

²⁾ „Много прекрасныхъ рѣчей было произнесено въ тѣ торжественные дни... Но научная рѣчь, сжато и сильно подводившая итоги всему, что до тѣхъ поръ было сдѣлано по изученію Пушкина, была одна—профессора московскаго университета Тихоурава“ (А. И. Кирничиковъ, „Пушкинъ и московскій университетъ“, „Русскія Вѣдомости“, 1899, № 145).

Юбилей 1899 года представилъ совсѣмъ другую картину. Начать съ того, что идейныя теченія „вожаковъ“ русской общественной мысли значительно усложнились: г. Минскій, при помощи Вл. Соловьева („Идея сверхчеловѣка“), насчиталъ такихъ теченій *шесть* (вмѣсто прежнихъ *трехъ*): экономическій матеріализмъ, отвлеченный морализмъ, демонизмъ сверхчеловѣка и три старыхъ—радикальное народничество, просвѣщенный либерализмъ и всѣмъ имъ враждебный консерватизмъ ¹⁾). Естественный выводъ изъ такого положенія, что единодушія въ настроеніяхъ и интересахъ нашего „передового“ общества стало меньше, а потому и отношеніе къ національному празднику будетъ болѣе пестрымъ, менѣе опредѣленнымъ, слѣдовательно, менѣе горячимъ. И, дѣйствительно, на праздникѣ 1899 года почти нѣтъ ни литераторовъ, ни публицистовъ,—за то на первое мѣсто выступаютъ *историки*: академики, профессора, учителя. Въ разныхъ углахъ Россіи говорятъ они о Пушкинѣ, толкуютъ его произведенія, величаютъ его заслуги! Не говорить ли это обстоятельство о томъ, что Пушкинъ потерялъ органическую связь съ теперешнимъ поколѣніемъ литераторовъ, что теперь онъ принадлежитъ *стѣнамъ*, а не *эпохѣ*, что онъ—достояніе *исторіи*, а потому и говорить о немъ, судить его—дѣло исторіи... Вотъ почему мы съ полнымъ правомъ назовемъ праздникъ 1899 года „академическимъ“ ²⁾).

Великій поэтъ, не погасая въ памяти народной, отдаляется отъ насъ на то разстояніе, съ котораго всѣ смотрятъ теперь на Шекспира, Гете и другихъ мировыхъ геніевъ. На такой высотѣ, на такомъ разстояніи величавый образъ теряетъ случайныя, мелкія черты, свои и наносныя,—на немъ выдѣляется рельефнѣе все типичное, характерное. Но прежде, чѣмъ приблизиться къ болѣе вѣрному историческому пониманію его, мы должны еще очень многое объяснить себѣ, провѣрить все, что было сказано раньше, пополнить наши знанія рядомъ подготовительныхъ академическихъ работъ.

¹⁾ Н. Минскій, „Заѣты Пушкина“, „Міръ Искусствъ“, 1899, № 13—14, стр. 21.

²⁾ Г. А. П. называетъ праздникъ 1880 года „литературнымъ“, говоря же о нашемъ торжествѣ 1899 года, соглашается съ однимъ ораторомъ, назвавшимъ его праздникомъ „педагогическимъ“. („Вѣстникъ Евронн“, 1899, № 7, 416, А. П., „Пушкинская литература“). Едва-ли это точно. Педагоги съ своими рѣчами, часто умными и содержательными, теплыми и искренними, сыграли въ 1899 г. роль огромнаго, довольно хорошо сазвагося хора,—солнцами же, давшими характеръ празднику, выступили не они, а исследователи, авторы монографій и всевозможныхъ этюдовъ по разнымъ пушкинскимъ вопросамъ.

Вотъ почему нельзя не привѣтствовать отъ души нашъ „академическій“ юбилей 1899 года,—онъ далъ намъ рядъ доказательствъ того, что начинается серьезное изученіе Пушкина „ради Пушкина“. На нашемъ праздникѣ начался пересмотръ установившихся мнѣвій, „общихъ мѣстъ“, провѣрка авторитетовъ... Ниже мы услышимъ не разъ сомнѣнія въ правильности точекъ зрѣнія Достоевскаго, Бѣлинскаго, тѣхъ краеугольныхъ камней, на которыхъ до сихъ поръ зиждется пониманіе нашего великаго поэта. Недавній авторитетъ, „рыцарь минуты“, Писаревъ не далъ ни одного представителя на нашемъ праздникѣ.

Особенность гениальнаго писателя—это даръ такъ глубоко захватывать жизнь человѣчества, что цѣлые вѣка потомъ трудятся надъ толкованіемъ его произведенія, каждая эпоха находитъ въ немъ новыя стороны, указываетъ иное содержаніе, освѣщаетъ его съ иной стороны. Вотъ почему произведеніе гениа — это историческое явленіе, вѣчно живое, подлежащее суду исторіи независимо отъ личности его творца. Разнымъ судомъ приходится иногда судить человѣка и его дѣло, такъ какъ часто даже великій историческій дѣятель слишкомъ узко, односторонне смотритъ на свою работу, творить ее порою почти безсознательно,—пройдутъ вѣка и дадутъ оцѣнку, которой, можетъ быть, и не ожидалъ самъ писатель...

Ты Моцартъ — богъ! и самъ того не знаешь!

—сказалъ пушкинскій Сальери Моцарту, и намъ кажется, что многіе гениальные люди, сами того не зная, надѣленные какою-то таинственною „божественною“ силой, выхватывали такія страницы изъ исторіи человѣческой жизни, которая впоследствии наполняли благоговѣйнымъ ужасомъ сердца критиковъ, умѣвшихъ „музыку разъять, какъ трупъ“, „повѣрять алгеброй гармонию“. Гений всегда принадлежитъ своей эпохѣ и націи, но его безсмертныя творенія принадлежать всему міру и вѣкамъ... Иногда независимо отъ себя, онъ въ своихъ твореніяхъ рѣшаетъ тѣ высокія проблемы человѣческаго бытія, которыя общи всѣмъ народамъ и эпохамъ. Скромна была задача Сервантеса, когда онъ творилъ Донъ-Кихота, однако онъ, „самъ того не зная“, нарисовалъ мировой и вѣковой типъ. Нѣкоторые современные нѣмецкіе критики отрицаютъ въ „Фаустѣ“ всякую „надуманность“, всякое желаніе высказать устами героя философскія идеи,—это только драматизированная легенда, которая въ рукахъ гениа сдѣлалась вѣчнымъ и мировымъ созданіемъ. Иногда случайность создавала великія тво-

ренія, только никогда эти великія „случайныя творенія“ не выходили изъ рукъ ничтожныхъ писателей.

Вотъ почему дѣятельность гениальнаго писателя можетъ обсуждаться вѣками,—забудется его жизнь, померкнетъ его образъ (напримѣръ, греческіе трагики, даже для многихъ—Шекспиръ, Сервантесъ...), его твореніе оторвется отъ него и сдѣлается достояніемъ мировой цивилизаціи, высоко возвысившись надъ живой, измѣнчивой волной той текущей литературы, которая отвѣчаетъ запросамъ минуты..

„Пушкинъ принадлежитъ къ вѣчно живущимъ и движущимся явленіямъ, не оставающимся на той точкѣ, на которой застала ихъ смерть, но *продолжающимъ развиваться въ сознаниіи общества*. Каждая эпоха произноситъ о нихъ свое сужденіе и, какъ бы ни вѣрно, поняла она ихъ, во всегда оставитъ слѣдующей за нею эпохѣ сказать что-нибудь новое и болѣе вѣрное, и ни одна и никогда не выскажетъ всего...“¹⁾.

Эти слова Бѣлинскаго замѣчательно вѣрно характеризуютъ всеобъемлющую, широкую и глубокую дѣятельность всякаго гениальнаго писателя, Пушкина въ частности, — они прекрасно оправдываются теперь, когда намъ, на столѣтнемъ праздникѣ поэта, приходится переворачивать вороха тѣхъ сужденій, что высказаны были до 1899 г. и послѣ него. Много сказано и вѣрнаго, но много осталось еще сказать, такъ какъ Пушкинъ—„вѣчно живущее, движущееся явленіе“, „продолжающее развиваться въ сознаниіи общества“...

Правда, для кое-кого Пушкинъ ясенъ вполне и теперь, но рядомъ съ этими самоувѣренными рѣчами, отъ нѣкоторыхъ болѣе чуткихъ критиковъ мы слышимъ, что для нихъ Пушкинъ еще непонятенъ.

Лермонтовъ, Гоголь, Некрасовъ,—все это вполне опредѣленныя фizioноміи, съ именьемъ же Пушкина у большинства связывается „представленіе чего-то большаго, но довольно смутнаго и неопредѣленнаго“²⁾. „О Пушкинѣ писано и переписано, и замѣчательно, что вы въ этихъ по истинѣ безчисленныхъ статьяхъ почти не найдете двухъ одинаковыхъ мнѣній, и разнообразіе ихъ прямо одурающее; чувствуешь, что какъ будто очутился среди несыгравшагося оркестра со всевозможнѣйшими инструментами и артистами, начиная отъ первоклассныхъ и кончая совсѣмъ „малыми и нисколько не безсмертными“.

¹⁾ Бѣлинскій, Соч., VI, 58.

²⁾ П. Ф. Гриневичъ, „А. С. Пушкинъ“, „Сборн. Русск. Бюл.“, 1899 г., 2 стр. („Пушкинъ въ сознаниіи русской литературы“).

Это съ любой точки зрѣнія характерно, такъ какъ указываетъ и на трудность задачи, и на сложность натуры Пушкина, и на разнообразіе мыслей и настроеній, въ его книгахъ иногда поразительное. Онъ возбуждалъ къ себѣ любовь, доходившую до преклоненія, онъ возбуждалъ и презрѣніе, и ненависть; полубогъ, пророкъ, провозвѣстникъ—для однихъ, онъ оказывался пустымъ, хотя и ловкимъ стихоплетомъ для другихъ; вызывая къ себѣ огромное вниманіе со стороны почти всѣхъ выдающихся людей пережитыхъ нами эпохъ, онъ навелъ на своей характеристикѣ слѣды самыхъ различныхъ историческихъ настроеній, порою глубокихъ, порою случайныхъ, и все же знаемъ мы его очень мало, а знаютъ его полностью, во всѣхъ изгибахъ его блестящей и прихотливой натуры лишь всевѣдущіе составители учебниковъ и свадебные генералы нашей литературы¹⁾. „Не только въ области критики, но и въ общественныхъ группахъ настоящее мѣсто Пушкина еще не опредѣлено. Славянофилы и патриоты называютъ его своимъ, ссылаясь на „Клеветникамъ Россіи“ и „Вородино“, западники же приводятъ его слова: „чортъ догадалъ меня родиться въ Россіи!“... Либералы благоговѣютъ предъ „Одою свободѣ“. „Книжломъ“, „Сбѣятелемъ“; консерваторы указываютъ на то, что Пушкинъ былъ аристократомъ и въ концѣ жизни приблизился ко двору. Утятаристы и педагоги привязываются къ его стихамъ: „чувства добрыя я лирой пробуждалъ“, между тѣмъ, какъ исповѣдующіе „искусство для искусства“ декламируютъ обращеніе Пушкина къ толпѣ:

Подите прочь—какое дѣло
Поэту мирному до васъ!“²⁾.

„Долго, долго намъ еще предстоитъ углубляться и выяснять великій образъ Пушкина!“³⁾.

„Пройдетъ еще не одинъ десятокъ, а, можетъ быть, и не одна сотня лѣтъ прежде, чѣмъ поймутъ Пушкина во всей его бездонной глубинѣ и во всѣхъ изгибахъ его гения“⁴⁾.

¹⁾ Е. А. Соловьевъ, „А. С. Пушкинъ въ потомствѣ“ („Памяти А. С. Пушкина“, юбил. сборникъ, изд. журн. „Жизнь“, 46).

²⁾ С. А. Андреевскій, Рѣчь на польскомъ обѣдѣ 23 мая въ честь Пушкина („Русско-Польскія отношенія и чествованіе поляками Пушкина“, 50).

³⁾ Тамъ же.

⁴⁾ Н. И. Черняевъ, „Ночь впечатлѣніемъ Пушкинскихъ дней 1899 года“ („Бритическія статьи и замѣтки о Пушкинѣ“, Харьковъ, 1900, стр. 629).

Мы привели эти мѣтнія, какъ цѣнное доказательство той добросовѣстности и серьезности, къ которымъ пришла русская критика нашихъ дней. „Пушкина мы еще не знаемъ, не понимаемъ“. Печальный выводъ! И къ нему пришли мы послѣ вѣковаго знакомства съ Пушкинымъ... послѣ юбилея 1880 года, на которомъ никто не говорилъ, что *не знаетъ* Пушкина... Значить, теперь мы приступаемъ къ изученію нашего великаго писателя съ требованіями болѣе серьезными. Самое признаніе нашего невѣдѣнія есть первый шагъ къ серьезному изученію безъ предвзятыхъ сужденій, безъ избитыхъ общихъ мѣстъ.

Впрочемъ, работы очень много впереди. Вѣдь мы не выяснили себѣ еще вліанія на русскую литературу XVIII вѣка, того вѣка, который своимъ вязющимъ космополитизмомъ, холодной ясностью рационализма, своими политическими, философскими и эстетическими настроеніями такъ вліялъ на русское общество в этомъ самымъ создалъ ту атмосферу, которой дышалъ Пушкинъ-ребенокъ, отрокъ, юноша. Мы далеко еще не подвели итоговъ настроеніямъ русскаго общества 20—30-хъ годовъ, мы не изучили еще предшественниковъ Пушкина (напримѣръ, Жуковского), современниковъ (напримѣръ, Баратынскаго, Дельвига, Языкова, Бестужева-Марлинскаго и мн. др.)... Друзья и недруги поэта остаются еще въ тѣни, не освѣщенные свѣтомъ исторіи. Чтобы сколько-нибудь приблизиться къ пониманію Пушкина, нужны намъ не общіе очерки біографіи поэта, о которыхъ печалится близорукая критика, а необходимъ цѣлый рядъ подготовительныхъ работъ. Необходимо прежде всего *детальное* изученіе пушкинскаго вопроса ¹⁾.

Вотъ почему, замѣтивъ въ юбилейной литературѣ 1899 года ясную

¹⁾ Проф. А. Н. Киричничковъ, открывая въ 1898 году въ Императорскомъ Московскомъ университетѣ курсъ лекцій о Пушкинѣ, курсъ, который *никогда до 1898 года въ Московскомъ университетѣ не читался*, счелъ своимъ долгомъ объяснить трудность, почти невозможность научныхъ лекцій по новой русской литературѣ, совершенно неразработанной: „нѣмецкій профессоръ можетъ читать спеціальныя курсы, положимъ, хоть о Валленштейнѣ Шиллера во время его творчества потому, что въ Германіи всѣ предварительныя работы давно сдѣланы, матеріалы собраны; невѣстна изо дня въ день жизнь Шиллера и т. д. А у насъ далеко еще не собраны и не установлены самые тексты нашихъ классиковъ, не говоря уже объ ихъ письмахъ, а равно ничего не сдѣлано для изученія среды, въ которой они жили и дѣйствовали“ А. Н. Киричничковъ, „Объ изученіи пушк. періода русской литературы“ („Пушк. Сборн., статья студ. Имп. М. У-та“, 1900, М. стр. 3—4).

тенденцію пдти именно этой дорогой, мы назвали нашъ праздникъ „академическимъ“ и нисколько не горевали, что изъ рукъ литераторовъ и публицистовъ Пушкинъ перешель въ руки ученыхъ критиковъ и изслѣдователей.

Что далъ намъ 1880 годъ въ смыслѣ обогащенія нашъ знанія о Пушкинѣ?—тощій „Вѣнокъ на памятникъ Пушкину“,—теперь передъ нами начало академическаго изданія поэта, рядъ монографій по разнымъ мелкимъ и крупнымъ вопросамъ, рядъ ученыхъ сборниковъ, рядъ юбилейныхъ №№ журналовъ...

Не входя пока въ подробную оцѣнку отдѣльныхъ работъ, перечислимъ наиболѣ крупныя и интересныя изданія пушкинской литературы 1899 года. Прежде всего, конечно, останавливается наше вниманіе первый томъ академическаго изданія, уже вышедшій вторымъ изданіемъ. Имя покойнаго Л. Н. Майкова—редактора этого изданія говорить само за себя. Покойному же академику обязаны мы очень цѣннымъ собраніемъ матеріаловъ и очерковъ о Пушкинѣ (Л. Майковъ. „Пушкинъ. Биографическія матеріалы и историко-литературныя очерки“. С.-Пб. 1899 годъ). Затѣмъ длинной вереницей идутъ сборники университетскіе: „Памяти Пушкина. Научно-литературный сборникъ, составленный профессорами и преподавателями Императорскаго университета св. Владиміра“ (Кіевъ, 1899). „Памяти А. С. Пушкина. Сборникъ статей преподавателей и слушателей историко-филологическаго факультета Императорскаго С.-Петербургскаго университета“ (С.-Пб. 1900). „Пушкинскій Сборникъ, статья студентовъ Императорскаго Московскаго университета, подъ редакціею профессора А. И. Кирпичникова“ (Москва, 1900 г.). „Харьковскій Университетскій Сборникъ въ память А. С. Пушкина“, (1799—1899 гг.). (Харьковъ, 1900). „Пушкинскій Сборникъ, изданный Императорскимъ Юрьевскимъ университетомъ“ (Юрьевъ, 1899). „Пушкинскіе дни въ Одессѣ 26—27 мая 1899 года. Сборникъ Императорскаго Новороссійскаго университета“ (Одесса, 1900)¹⁾. „26-го мая 1899 года. Рѣчи, произнесенныя въ день празднованія столѣтія рожденія А. С. Пушкина въ торжественномъ собраніи Историко-Филологическаго института князя Безбородка и состоящаго при немъ историко-филологическаго общества“ (Нѣжинъ, 1899). „Памяти Пушкина. Рѣчи, произнесенныя на торжественномъ зазданіи Императорскаго Томскаго университета 26-го мая 1899 года“.

¹⁾ Рѣчи профессоровъ Варшавскаго университета составили юбилейный № „Русскаго Филологическаго Вѣстника“ (1899, № 3—4).

(Томскъ, 1900 г.). Кромѣ университетскихъ сборниковъ останавливаютъ наше вниманіе: „Сборникъ статей объ А. С. Пушкинѣ“, изданіе Кіевскаго педагогическаго Общества, „Памяти Пушкина. Торжественное засѣданіе учено-литературнаго общества при Юрьевскомъ университетѣ 23-го мая 1899 г.“, сборники журналовъ: „Русское Богатство“, (1899 г.), „Жизнь“ („Памяти А. С. Пушкина“, юбилейный сборникъ С.-Пб. 1899 г.), „Кавказъ“, („Кавказская поминка“), „Закаспійское Обзоріе“ и юбилейные №№—„Русскаго Филологическаго Вѣстника“, „Русской Старины“, „Историческаго Вѣстника“, „Русскаго Вѣстника“, „Міра Искусствъ“, „Образованія“, „Русской Школы“, „Журнала для всѣхъ“, „Міра Божьяго“, „Филологическихъ записокъ“ (статьи, впрочемъ, тянутся весь годъ), „Вѣстника Воспитанія“, „Кіевской Старины“, „Педагогическаго Сборника“, „Трудовъ Кіевской Духовной Академіи“, „Странника“, „Православнаго Собесѣдника“ и др. Изъ отдѣльныхъ монографій, представляющихъ собраніе изслѣдованій и вышедшихъ отдѣльно, останавливаетъ на себѣ вниманіе по разнѣрамъ работа Н. И. Черняева: „Критическія статьи и замѣтки о Пушкинѣ“ (Харьковъ, 1900). Откладывая обзоріе всего написаннаго объ Пушкинѣ и его произведеніяхъ въ 1899—1900 годахъ, равно какъ и оцѣнку вновь найденныхъ матеріаловъ и новыхъ изданій—на дальнѣйшія главы, мы перейдемъ теперь къ характеристикѣ того общественнаго настроенія, которое вызвано было юбилеемъ 1899 года. И въ этомъ случаѣ можемъ мы смѣло сравнивать 1899 годъ съ 1880-мъ, и опять получимъ выводы, хотя в совершенно различные, но для нашего праздника отнюдь не печальные.

Мы говорили уже выше, что въ наши дни, въ виду пестроты настроеній гг. „вожаковъ“ общественной мысли, нельзя было ожидать всенароднаго энтузіазма ¹⁾). Намъ даже пугали, что не будетъ на праздникъ никакого одушевленія ²⁾), другіе утверждали, что никто

¹⁾ „... я сомнѣваюсь, чтобы наши дни могли быть сколько-нибудь соотвѣтствующей обстановкой для поэзіи Пушкина. Наши дни—все еще «дни скорби и печали», дни напряженныхъ поисковъ счастья и истины, дни ожесточенной борьбы человѣка съ человѣкомъ, и можетъ ли найти полные отзвуки своему господствующему настроенію Пушкинъ—этотъ поэтъ светлой жизни, какъ превосходно называлъ его Вл. С. Соловьевъ?“, *Е. А. Соловьевъ*, „Пушкинъ въ потомствѣ“, („Жизнь“, юбилейный сборникъ, стр. 48).

²⁾ „Никакого радостнаго возбужденія въ русскомъ обществѣ нѣтъ и быть не можетъ; этому мѣшаетъ все пережитое имъ въ послѣдніе мѣсяцы и пережи-

не услышитъ ни одного искренняго слова, такъ какъ не будетъ тамъ ни одного честнаго человѣка. Все будетъ—одна шумиха, фальшь, ложь... Читая въ газетахъ, что на улицѣ русской литературы готовится въ память Пушкина небывалый по многолюдству и блеску праздникъ, въ которомъ должна принять участіе вся интеллигенція Россіи, я невольно себя спрашиваю: кто же собственно изъ ея представителей, какое изъ ея шести коленъ¹⁾ по своимъ убѣжденіямъ, симпатіямъ и вкусамъ встрѣтитъ пушкинскій юбилей не съ равнодушіемъ, какъ случайное календарное празднество, а съ радостью и гордостью, какъ единственный по значительности праздникъ красоты и духовной свободы? Не нашл я радикалы, выросшіе на критикѣ Писарева и на увѣренности, что Пушкинъ—маленькій и миленькій версификаторъ? Не экономическіе ли матеріалисты, убѣжденные въ томъ, что вся-то поэзія не болѣе, какъ пустяшная пристройка, что-то въ родѣ веселаго балкончика, на солидномъ зданіи экономическихъ отиошеній? Не просвѣщенные ли либералы, считающіе Пушкина дурнымъ гражданиномъ, въ которомъ большой талантъ парализовался мелкимъ характеромъ? Не консерваторы ли, выдающіе въ пушкинскомъ праздникѣ, главнымъ образомъ, противовѣсъ (??) юбилею Мицкевича и чуть ли не одно изъ орудій славянскаго единенія (1)? Наконецъ, не моралисты-ли, не могущіе простить Пушкину ни его грѣховной жизни, ни еще болѣе грѣховной смерти? Кто же, о Господи! Остаются еще символисты²⁾. И символисты, по мнѣнію автора цитуемой замѣтки, одни оцѣнятъ Пушкина. Но перечисляя „вожаконъ“ русской мысли, этихъ часто крикливыхъ и бездарныхъ самозванцевъ—трибуновъ, г. Минскій забылъ все остальное многотысячное русское трудовое общество, добродушно глядящее на то, какъ передъ нимъ, стоя на высокихъ подмосткахъ, судорожно потрясаютъ своими „знаменами“ одинокіе „вожаки“. Это общество, можетъ быть, инертное болѣе, чѣмъ это должно, живетъ своими традиціями, а въ ихъ ряду свѣтятся

племное до сихъ поръ. Немыслимо душевное спокойствіе, пока изъ неурожайныхъ губерній приходятъ вѣсти о постоянно усиливающемся народномъ бѣдствіи, пока подлежитъ спору существованіе самого земства и земской школы и мирового суда и т. д. Единодушія нѣтъ ни въ обществѣ, ни въ печати—нѣтъ даже по отношенію къ чтствованію памяти Пушкина“ (статья писана до юбилея). („Вѣстникъ Европы“, 1899, № 6).

¹⁾ См. выше о „шести“ теченіяхъ общественной мысли въ современномъ русскомъ обществѣ.

²⁾ Н. Минскій, „Замѣты Пушкина“, „Міръ Искусствъ“, 1899, № 13—14. Того же мнѣнія г. Д. Мережковскій въ статьѣ: „Праздникъ Пушкина“ (Тамъ-же).

не погасая великое имя Пушкина! Въѣд это имя пережило и Булгарина, и Писарева, и епископа Никанора! „Зачѣмъ этотъ праздникъ, всѣ эти жалкія торжества, эти спектакли, гулянья, чтенія и пѣнія, флаги, фейерверки, колокола, пушки,—и что еще тамъ будетъ?—гадливо восклицаетъ г. О. Сологубъ¹⁾... „Лишь оскорбительны для великой памяти эти надуманныя поминки, вызванныя не свободнымъ и неудержимымъ подъемомъ общенароднаго духа, а простою календарною справкою литературныхъ гробохранителей“²⁾. Не такъ высокожѣрно отнеслось къ пушкинскому юбилею русское общество,—оно не вняло „вожакамъ шести знаменъ“ и отпраздновало свой праздникъ, какъ умѣло, не только безъ шумихи, но даже, не по заграничному, скромно, безъ всероссійскихъ обѣдовъ и сѣздовъ, тепло, сердечно, а, главное, серьезно и „широко“... „Трудно указать на обширномъ пространствѣ отъ Тихаго океана до Балтійскаго моря и отъ Ледовитаго до границъ Афганистана такой географической пунктъ, гдѣ бы можно было заподозрить наличность общественной жизни и гдѣ бы откликнулись бы на пушкинскій юбилей“³⁾. „Центръ и окраины, столицы и провинція слылись въ одномъ стремленіи—достойно отпраздновать великаго всеобъемлющаго дѣятеля, у котораго для всѣхъ нашлось что-то близкое, родное, способное будить и волновать лучшія чувства, и провинція не отстала отъ столицъ, а, пожалуй, и превзошла ихъ кое-въ чѣмъ“⁴⁾. „Чествовалъ память поэта цвѣтъ нашей ученой и литературной интеллигенціи, чествовала ее обыкновенная средняя публика, чествовали учащіе и учащіяся всѣхъ слоенъ; даже простой народной массы коснулись эти чествованія“⁵⁾...

Къ майскимъ торжествамъ готовиться начало русское общество очень старательно и, что особенно удивительно, заблаговременно⁶⁾:

¹⁾ *О. Сологубъ*, „Къ всероссійскому торжеству“, (*„Миръ Искусствъ“*, 1899, № 13—14, 39).

²⁾ Тамъ же, 40.

³⁾ *Львехозовъ*, „Неудавшійся праздникъ“, *„Сборникъ Русскаго Бюлетеня“*, 1899, 385.

⁴⁾ *А. М. Лобода*, „Очеркъ Пушкинской юбилейной литературы“, (Кіевъ, 1900, стр. 3).

⁵⁾ Тамъ же, 4.

⁶⁾ Въ теченіе всего пушкинскаго учебнаго года (1898—1899) въ нѣкоторыхъ университетахъ читались спеціальныя курсы и велись практическія работы по Пушкину; въ среднеучебныхъ заведеніяхъ особенно выдвигали впередъ пушкинскіе вопросы. Напр., въ Закавказской учительской семинаріи чествованіе памяти великаго поэта шло весь учебный годъ, выражался, съ одной стороны, въ приго-

въ думахъ столичныхъ и провинціальныхъ образованы были спеціальныя комиссіи, въ учебныхъ заведеніяхъ хлопотали педагоги и учащіеся, разныя ученыя учрежденія, литературныя и художественныя общества готовились къ 26-му мая, устраивали литературныя утра, вечера, сочиняли рѣчи, статьи, печатали сборники ¹⁾...

Настали пушкинскіе дни, и почти всѣ учрежденія отъ Императорской Академіи Наукъ до маленькой школки, затерянной въ глуши русской деревни, по своему, отпраздновали юбилей великаго человѣка.

Шумный праздникъ 1880 г. собрался въ Москвѣ у подножія памятника—тамъ „вожаки“ говорили рѣчи, обсуждали значеніе Пушкина, — нся же остальная Россія вяло отозвалась на торжество—теперь русское общество, не только помимо своихъ „вожаковъ“, но даже какъ будто противъ ихъ воли (марксисты, декаденты, Толстой) пошло на свой праздникъ. „Тогда (въ 1880 г.) великаго писателя оцѣнивали и славословили почти исключительно литераторы и ученые, — гласъ общества не выдѣлялся въ этомъ пѣніи могучихъ солистовъ. Общество, въ смыслѣ такъ называемой большой публики, безмолвствовало. Въ настоящее время чествованіе памяти Пушкина носятъ широкій общественный характеръ: не литераторы, и не педагоги только вѣнчаютъ его лаврами; *не по официальному почину пришло общество съ всероссійскимъ покаяніемъ къ памятнику дивнаго гения своей родины*“ ²⁾...—говоритъ одинъ цѣнитель нашего праздника. Приблизительно то же читаемъ въ статьѣ другого цѣнителя пушкинскихъ дней: праздникъ 1880 г. былъ праздникомъ избранныхъ людей „необыкновенныхъ, всероссійскихъ и даже мировыхъ“ ³⁾—теперь—„настоящій годъ несравни-

товленіяхъ къ общественному празднованію памяти Пушкина, а съ другою—въ извученія его творевій. Въ результатѣ, учениками разработано 21 сочиненіе на спеціальныя темы. (Кумскій, „Памяти Пушкина“, празднованіе столѣтней годовщины со дня рожденія А. С. Пушкина въ учебныхъ заведеніяхъ Кавказскаго учебнаго округа. Тифлясь. 1899, стр. 38).

¹⁾ О приготовленіяхъ къ празднествамъ, конечно, особенно много говорилось въ газетахъ столичныхъ и провинціальныхъ. Встрѣчалось кое-что объ этомъ и въ журналахъ: „Русская Мысль“ (1899, № 4), „Наблюдатель“ (1899, № 3); „Научное Обзорніе“ (1899, № 1), „Книжки Недѣли“ (1899, № 2, 3); „Народное Образованіе“ (1899, № 2); „Русская Школа“ (1899, № 1, 2, 3, 4), „Стражики“ (1899, № 5); „С.-Петербургскій Духовный Вѣстникъ“ (1899, № 6) и др.

²⁾ К. Р. Енрафовъ. „Общественное значеніе чествованія А. С. Пушкина“, Пенза, 1899 г.

³⁾ А. Словинскій, „О значеніи пушкинскихъ дней для нашего самосознанія“ (Кумскій, „Памяти Пушкина“, Сб. Кавк. Окр., 62).

мый: теперь совершается какой-то удивительный походъ всего думающаго и читающаго, походъ всего общества, походъ *по собственной инициативѣ*¹⁾. Для насъ важны эти оцѣнки, сдѣланныя провинціалами—онѣ важнѣе для насъ, чѣмъ вопли литераторовъ изъ „литературнаго переулка“²⁾, такъ какъ и г. Евграфову, и г. Словинскому, несомнѣнно, виднѣе то живое теплое общество, которое въ 1899 г. и отозвалось, главнымъ образомъ, на праздникъ. „Только на почвѣ историческаго роста народныхъ идеаловъ, при широкомъ и прочномъ усвоеніи высокихъ помысловъ могло возникнуть переживаемое нами преклоненіе Пушкину“³⁾ — это говорить намъ провинція. И когда мы ниже будемъ имѣть случай сравнивать то, что сдѣлала столица съ тѣмъ, что сдѣлала провинція, мы принуждены будемъ согласиться съ А. М. Лободой, подчеркнувшимъ большее значеніе провинціи въ дѣлѣ празднованія Пушкина. Дѣйствительно, въ противоположность 1880 году, нынче „центра“ праздника нѣтъ — *полная децентрализація*: праздникъ раздался вширь и вглубь, раскинулся по всей Россіи, коснулся всѣхъ ея слоевъ...

Правда, праздникъ 1880 года былъ украшенъ именами людей „необыкновенныхъ, всероссійскихъ, даже міровыхъ“⁴⁾, аристократовъ мысли и чувства⁵⁾, — нашъ праздникъ болѣе демократиченъ, оттого, можетъ быть, онъ и блѣднѣе. За то исполненось пророчество поэта: слухъ о немъ, дѣйствительно, прошелъ по всей Руси великой, его „называлъ всякъ суціи въ ней языкъ“. О немъ говорили не единицы, а сотни, тысячи, десятки тысячъ, — о немъ думали, его поминали сотни тысячъ, миллионы...

Конечно, этой популярности поэта особенно помогъ 1887 годъ, когда сочиненія Пушкина появились въ дешевыхъ изданіяхъ. „Съ этого дня Пушкинъ сталъ народнымъ русскимъ поэтомъ не по названію, и не по духу и направленію своихъ произведеній, а въ буквальный значеніи этого слова, по степени своей популярности; по приблизительному, но кажется довольно вѣрному расчету: въ

¹⁾ Тамъ-же, 65.

²⁾ Какъ именуется г. Минскій литературный кружокъ декадентовъ („Миръ Искусствъ“, 1899, № 13, стр. 28).

³⁾ А. Словинскій, *op. cit.*, 65.

⁴⁾ Тамъ-же, 62.

⁵⁾ Впрочемъ, современная критика отнюдь не восторгается рѣчами 1880 г. См., напримѣръ, статью г. Гримелча, („Сб. Русскаго Богатства“, 1899 г. 30—4 стр.), г. Ив. Ивановъ, „Дня покаянія“ („Миръ Божій“, 1899, № 5).

этомъ году и въ два слѣдующіе сочиненія его полностью и частями разошлись въ количествѣ 1½ милліоновъ экземпляровъ, это, если считать по десяти читателей на каждую книжку, даетъ 15 милліоновъ чело­вѣкъ, т. е. больше, чѣмъ всю грамотную Россію¹⁾. Праздникъ 1899 года подвелъ итоги этому знакомству Россіи съ ея поэтомъ. — и итоги получились, на нашъ взглядъ, внушительные. Если принять во вниманіе вообще нашу нелюбовь къ уличнымъ манифестациямъ, чѣмъ сильна Западная Европа, если мы припомнимъ, что Россія „мало богата“ благодарностью къ общественнымъ заслугамъ своихъ соотечественниковъ²⁾, что даже самый отзвучившій элементъ всякаго общества—молодежь, „за рѣдкими исключеніями, не знаетъ и не любитъ своихъ родныхъ поэтовъ“³⁾, если прибавимъ ко всему этому предвзятое и холодное отношеніе къ празднику нѣкоторыхъ публицистовъ, прибавимъ, что вниманіе общества было занято голодомъ, студенческими беспорядками, — время было экзаменаціонное, конецъ учебнаго года, — если все это взвѣсимъ и сообразимъ, — то увидимъ, что нашъ праздникъ не могъ вызвать грандіознаго единодушія и всепотрясающаго энтузіазма. Тѣмъ не менѣе, при всѣхъ неблагоприятныхъ обстоятельствахъ, — это праздникъ удавшійся.

Можетъ ли нынѣшній юбилей быть названъ праздникомъ „всенароднымъ“? Конечно, нѣтъ! Но онъ сильно коснулся народа, онъ, несомнѣнно, пробудилъ живой интересъ къ Пушкину въ средѣ простонародья. Доказательства на лицо. Въ „Сельскомъ Вѣстникѣ“, газетѣ для крестьянъ, по инициативѣ редактора, открытъ былъ отдѣлъ „писемъ крестьянъ о Пушкинѣ“, — оказалось, въ результатѣ, до 1000 писемъ изъ разныхъ концовъ Россіи!... Между корреспондентами были и противники, но за то (ихъ больше) и страстные поклонники поэта⁴⁾; на страницахъ „Сельскаго Вѣстника“ возникла даже полемика между молодымъ и старымъ поколѣніемъ читателей Пушкина. Гг. Ив. Щегловъ⁵⁾, В. Острогорскій⁶⁾, Е. Опо-

¹⁾ А. Н. Кирпичниковъ, „Пушкинскій Сборникъ“, 5. Также см. статью г. Гриневича, (Сб. „Русскаго Богатства“, 85 стр.).

²⁾ К. Р. Естрафовъ, „Общ. знач. честв. А. С. Пушкина“, 7.

³⁾ Ш., „Итоги пушкинской литературы“, („Русская Мысль“, 1900, № 8, 44).

⁴⁾ Ив. Щегловъ, въ статьѣ: „По слѣдамъ пушкинскаго торжества“, („Литературное приложеніе къ Торгово-Промышленной газетѣ“ 1900 г., №№ 19—21) даетъ рядъ выдержекъ изъ этихъ писемъ.

⁵⁾ Тамъ же.

⁶⁾ Альбомъ „Пушкинскій Уголокъ“.

чинивъ ¹⁾, А. И. Фаресовъ ²⁾, побывавшіе въ селѣ Михайловскомъ и окрестностяхъ, привезли оттуда цѣлый рядъ курьезныхъ мнѣній народа о Пушкинѣ и, наряду съ ними, рядъ поучительныхъ фактовъ: въ народѣ есть любители Пушкина, которые перечитывали по 40 разъ „Вориса Годунова“ ³⁾, которые вытверживали „цѣльнаго Пушкина на память“ ⁴⁾...

Конечно, праздникъ 1899 года долженъ еще сильнѣе упрочить популярность поэта въ средѣ народа: торжество не прошло безслѣдно, хотя бы потому, что оставило за собой рядъ школъ имени поэта, библиотекъ, читаленъ, столовыхъ, стипендій. „Мы далеки отъ мысли, что юбилей оставилъ послѣ себя одинъ „угаръ и чадъ“, несбывшіяся ожиданія и неоправданныя надежды. Какъ впечатлѣніе, онъ не могъ пройти безслѣдно и кое чему научилъ. Нѣкоторые его результаты настолько реальны, что съ ними нельзя не считаться: на лицо громадное количество просвѣтительныхъ и благотворительныхъ учрежденій, такъ или иначе связанныхъ съ именемъ и памятью великаго поэта“ ⁵⁾. „За послѣдніе мѣсяцы, говорятъ „Русскія Вѣдомости“, газеты изо дня въ день сообщали объ учрежденіи въ память столѣтія рожденія Пушкина, „народныхъ домовъ“, общественныхъ читаленъ, школъ разныхъ типовъ, литературныхъ и научныхъ обществъ,

¹⁾ „На родной землѣ“, („Поѣздка въ Михайловское“).

²⁾ „А. С. Пушкинъ и чествованіе его памяти“, („Въ святыхъ горахъ“, „Исконъ“, „Пушкинъ въ народѣ“, „Народъ о пушкинскихъ празднествахъ“).

³⁾ *Ив. Щеломъ*, „По слѣдамъ Пушкинскаго торжества“, отд. оттискъ, 66 стр.

⁴⁾ Тамъ же 67. *В. Острогорскій*, „Пушкинскій Уголокъ“, 67. Интересно „приговоръ мѣстнымъ крестьянъ“, отрывшихъ на свои средства богадѣльню и читальню имени Пушкина (102 — 116). По вопросу о степени распространенности Пушкина въ народѣ любопытна работа: „А. С. Пушкинъ въ сельскомъ населеніи и школахъ Ярославской губерніи“, („Труды Яр. Г. Стат. комитета“, вым. X). Для полноты библиографіи назовемъ еще работу г. Фаресова, о которой будемъ ниже говорить подробнѣе, и безцѣпную статью В. О कोरोкова: „Пушкинскій праздникъ въ деревнѣ“, („Вѣстникъ Восточной“, 1899, № 5). Изъ всѣхъ этихъ работъ, конечно, самая цѣнная: „А. С. Пушкинъ въ сельскомъ населеніи“, — иередъ нами серьезная ученая работа надъ матеріаломъ, собраннымъ народными учителями и учительницами. Городскіе литераторы, конечно, не могли составить себѣ вполнѣ вѣрнаго понятія объ отношеніи народа къ Пушкину, такъ какъ пріѣзжали на $\frac{1}{4}$ часа, забрасывали мужиковъ и бабъ вопросами, „интервьюировали“, ждали, повидимому, отъ нихъ динныхъ академическихъ рѣчей и уѣжали недовольные многоглаголивой характеристикой поэта: „Пушкинъ добру училъ“ (В. О कोरोкова).

⁵⁾ *Ш.* „Итоги пушкинской юбилейной литературы“ („Р. М.“ 1900, № 8, 45). См. перечень нѣкоторыхъ учрежденій у Фаресова: „Пушкинскія празднества и ихъ итоги“ („А. С. Пушкинъ и чествованіе его памяти“, 17—18).

народныхъ театровъ, и пр. и пр. Сотни просвѣтительныхъ учреждений останутся памятниками Пушкинскихъ дней 1899 года¹⁾. „Послѣднія пушкинскія торжества, отходящія теперь въ исторію, при всѣхъ помянутыхъ ограниченіяхъ, представляютъ не мало любопытнаго и привлекательнаго“²⁾.

Менѣ такихъ ослзательныхъ слѣдовъ осталось въ интеллигентномъ обществѣ, но и тамъ сдѣлано кое-что. Мы знаемъ объ учрежденіи якимъ обществъ имени Пушкина (въ С.-Петербургѣ,—при Александровскомъ лицей—„Пушкинское лицейское общество“;—2) „Пушкинское драматическое общество“;—3) въ С.-Петербургѣ же преподаватели и преподавательницы русскаго языка и словесности учредили „Пушкинскую бесѣду“; въ Москвѣ при „Обществѣ любителей русской словесности“ учреждена постоянная „Пушкинская коммиссія“, главная задача которой тѣсно связана съ изученіемъ Пушкина. Въ Казани, при университетѣ—открыто „Общество любителей россійской словесности въ память А. С. Пушкина“³⁾; учрежденъ при Александровскомъ лицей „Пушкинскій музей“⁴⁾, по разнымъ городамъ были устроены Пушкинскія выставки⁵⁾, которыя открыли много портретовъ современниковъ Пушкина, портретовъ, раньше неизвѣстныхъ, помогли разыскать нѣсколько рукописей и предметовъ, имѣющихъ отношеніе къ поэту.

Обратимся ли мы теперь къ выясненію „международнаго“ значенія праздника 1899 года, мы увидимъ, что въ этомъ отношеніи торжество 1880 года совершенно тускнѣетъ передъ нимъ.

¹⁾ Цитата г. Фаресова, *op. cit.* 28.

²⁾ А. П., Пушкинскія литература, „Вѣстникъ Европы“ 1899, № 7.

³⁾ Уставъ „Общества любителей русской словесности въ память А. С. Пушкина“. Казань, 1899; А. С. Архангельскій, „О задачахъ научной дѣятельности Пушкинскаго общества въ Казани“. (Казань, 1899).

⁴⁾ Асманъ и Яхонтовъ, „Описаніе Пушкинскаго музея Императорскаго Александровскаго лицей“ (подъ редакціей И. А. Шляпкина Спб. 1899).

⁵⁾ Въ С.-Петербургѣ въ Академіи Наукъ („Каталогъ“ и „Альбомъ Пушкинской юбилейной выставки въ Императорской Академіи Наукъ въ С.-Пб.“, подъ редакціей Л. Н. Майкова и Б. Л. Модзалевскаго. 1899); въ Москвѣ выставка была устроена въ залахъ Истор. музея „Обществомъ любителей россійской словесности“ (имѣется также „каталогъ“ и „альбомъ“ такого же типа, что и петербургскій). Затѣмъ въ Публичной бібліотекѣ имѣются каталога выставокъ „Одесской“, „Астраханской“, „Московской“ (при 5-й гимназіи), „Ярославской“. Еще были выставки въ Варшавѣ, Киевѣ, Юрьевѣ и Ригѣ.

Въ семью европейских культурныхъ государствъ ввела Россію только ея литература. Россію уважать и любить стали на западѣ только послѣ знакомства съ Тургеневымъ, Толстымъ, Достоевскимъ. Понятно поэтому, что чествованіе родоначальника нашей литературы должно было принять характеръ праздника русской цивилизации. Правда, западъ знаетъ великихъ учениковъ Пушкина лучше, чѣмъ его самого, но, несомнѣнно, близко то время, когда величіе поэта будетъ понято и оцѣнено по достоинству и тамъ.

Не говорятъ ли намъ объ этомъ тѣ привѣтствія, что получены были „Обществомъ любителей россійской словесности“ отъ Эм. Зола, Вогюз, Фр. Коппэ, М. Прево и другихъ, болѣе или менѣе, извѣстныхъ почитателей русской литературы, — не говорятъ ли намъ объ этомъ безчисленные привѣты, полученные Академіей Наукъ изъ славянскихъ земель и изъ западной Европы, отъ русскихъ поляковъ и финляндцевъ. Остановимся, хотя бы, на телеграммѣ, присланной къ намъ изъ Германіи „Нѣмецкимъ Гётевскимъ Обществомъ“, „Нѣмецкимъ фондомъ имени Шиллера“ и „Нѣмецкимъ Шекспировскимъ Обществомъ“, — „Творенія великаго истиннаго поэта своими корнями глубоко проникаютъ въ почву его родины, вѣтвями своими густо обвиваютъ мощный стволъ его народа, цвѣтами своими надѣляютъ весь культурный міръ. Такъ произрастаютъ и творенія Пушкина изъ почвы возлюбленной имъ Россіи, но становятся общимъ достояніемъ, достигаютъ бессмертія благодаря тѣсному родству его генія съ прорывающею національными преграды идеєю человѣчества. Поэтому исполнились тѣ слова, которыя у его гроба сказалъ учитель его и другъ Жуковский: „Пушкинъ не одной Россіи принадлежитъ, онъ принадлежитъ всей Европѣ“ Справедливость этихъ словъ подтверждается участіемъ, которое принимаютъ образованные люди всѣхъ національностей въ празднованіи 100-лѣтней годовщины Пушкина“¹⁾. Теплый привѣтъ

¹⁾ Чествованіе памяти А. С. Пушкина Императорской Академіей Наукъ въ сотую годовщину дня его рожденія“. Сиб. 1900. 102. Для показанія популярности Пушкина за границей любопытна статья *Н. А. Тверскаго*: „Пушкинское празднество въ Калифорніи“ (въ клубѣ Friday Morning club)—„В. Евр.“ 1899, № 9. Не входя въ подробную оцѣнку того, что говорилось на западѣ о Пушкинѣ по случаю юбилея, укажемъ на тѣ статьи, которыя встрѣтились намъ случайно или въ указателяхъ. Больше всего статей оказалось на нѣмецкомъ языкѣ: „Universum“, R. v. Gottschall, 15 J, Sp. 2895—98, „Vossische Zeitung“, № 23, 24. „Nationalzeitung“, E. Zabel, № 341, „Das litterarische Echo“, Olga Wohlbrück, № 17; „Bühne und Welt“, „Puschkin als Dramatiker“, A. v. Reinholdt, 721—7. „Neue Freie Presse“, „No v. 26. V., „Zeit“ N. Golant“, № 244=1. 100, „Illustrierte Zei-

получила Академія и отъ Гельсингфорскаго университета, отъ этого, но выраженію телеграммы, „сердца Финскаго народа“. „Финляндія сливается съ Россіей въ общей молитвѣ и благоговѣйномъ преклоненіи предъ памятью поэта, чей стихъ, какъ Божій духъ, носится надъ русскимъ народомъ, пробуждая чувства добрыя“¹⁾,—читаемъ мы въ этой телеграммѣ. Но особенно горячо и согласно отпраздновали нашего поэта славяне. Въ этомъ чествованіи дружно сошлись всѣ племена, — и чехи, и поляки, и сербы, и болгары. Особенно, конечно, знаменательно участіе поляковъ. Они устроили праздники въ честь Пушкина и въ Петербургѣ, и въ Краковѣ. На первый были приглашены многие русскіе литераторы, ученые и общественные дѣятели — и здѣсь представители двухъ племенъ обмѣнялись дружескимъ рукопожатіемъ, соединясь въ дружную семью во имя Пушкина и Мицкевича. Въ этомъ торжествѣ приняла заочное участіе многие лучшіе представители польской интеллигенціи, приславъ изъ западнаго края и изъ-за границы болѣе 50 телеграммъ. Въ этихъ телеграммахъ говорится о великихъ завітѣхъ Пушкина, полныхъ

tung“, „Zum 100—Geburtstage P.'s, J. Norden, № 2918“, „Magazin für Litteratur“, G. Adam, № 21, 22, „Beilage zur Allgemeinen Zeitung“, Th. Pexold, № 118, 119; „Deusche Rundschau“, E. Zabel, 428—45, „Nation“, C. E. Franzos, 16 J. № 36, 37. „Baltische Monatsschrift“, Puschkin u. d. Estländer“, A. S. Myschljajewsky, „Der Türmer“, „P.'s Lebensdrama“ A. v. Reinholdt, Juni 201—10. Изъ французскихъ журналовъ отозвались на Пушкинскій праздникъ: „La Nouvelle Revue“, помѣстивъ двѣ статьи: 1) Prilejaieff „Alex. Puschkin“, (1899, t. 118, 202), 2) Le prince V. Bariatinski: „Poésies de P.“, ibid. t. 119; „Revue des lettres françaises et étrangères“, A. Tschébycheff, „Bulletin russe: I. Bélinaki et Puschkin“ (T. 1, № 4, Oct.-Dec., 1899); изъ швейцарскихъ—„Bibliothèque Universelle et Revue Suisse“—L. Leger: „Pouchkine et la poésie russe“, (1900, sept. № 57), „Le Matin“, 1899, 9, 11 Juni. Изъ американскихъ—„Review of Reviews“ „Centenary of a Russian Genius“, 19: 613—4 May. „Independent“, Pushkin Lyrics; poem. I. 29. 51: 1748, „Literature“, (New York. Edition), „Russian Byron“, I. 7. 4: 809—10, изъ английскихъ: „The Anglo-Russian Literary society“, (May, June and July, 1899), „Temple Bar“, № 461, May, 1899. Изъ славянскихъ журналовъ особенно чешскій „Slovanaky Přečled“ интересовался Пушкинскимъ—мы встрѣчаемъ тамъ рядъ сообщеній о приготовленіяхъ къ празднику пушкинскому въ Россіи и въ славянскихъ земляхъ и о самомъ праздникѣ (1899, Ročník. I, 159, 200, 237, 238, 354, 374, 376, 430, 485, 490), тамъ же въ 1900 г. помѣщая обзоръ Пушкинской литературы: J. Javorakij: „Puskinovo jubileum v ruski literatuhi“ (№ 5). Vrzal, A. S. Puskjin, jeho život a literarni czinnost (v. Brně). „Przegląd powszechny“, (t. LXII, LXIII, №№ 186, 188), „Przegląd polski“, (t. 133, № 397). Вѣдгарски Прегледъ“ (1900 г. проф. П. А. Лавровъ „Пушкинъ и славянство“).

¹⁾ Тамъ-же, 76.

добра, справедливости и красоты, высказывается вѣра въ лучшее будущее обоихъ народовъ, говорится о союзѣ, основанномъ на взаимномъ уваженіи, всеобщемъ мирѣ и гармоніи, о братствѣ народовъ, объ общечеловѣческихъ идеалахъ любви и справедливости, общечеловѣческой и международной справедливости... Мы услышимъ здѣсь теплое, сердечное признаніе, что Пушкиль — человекъ благородной души, высокихъ чувствъ и честныхъ мыслей, что это гений, полный благородныхъ стремленій, что поэзія его будитъ чувства справедливости, что его праздникъ — праздникъ „общеславянскій“, что рускіе — „великій народъ!“¹⁾ На разные лады повторялось это и польскими ораторами на пушкинскомъ обѣдѣ 23-го мая. Остановимся, для примѣра, на прекрасной рѣчи Людомира Дымши: „Согласіе въ этомъ почитаніи верховнаго жреца поэзіи русскаго народа, — говоритъ онъ, это единомысліе въ чествованіи удивительнаго славянскаго генія, составляетъ утѣшительный доводъ того, что въ концѣ XIX вѣка въ средѣ *благочестивыхъ людей окрѣпли этическія силы, которыя сумѣютъ заставить ихъ, во имя высшихъ началъ, свергнуть съ себя тошлую ненависть, пятнавшую ихъ жизненныя задачи и вознести на высоты добра и истины*“²⁾. Ибо тамъ, гдѣ живы стремленія къ наслажденію видомъ божества и красоты, нѣтъ мѣста для мірскихъ расчетовъ и обидъ. Въ области науки и искусствъ должны исчезнуть различія національныя и религіозныя, должна смолкнуть племенная вражда“³⁾!

Намъ дороги всѣ эти слова, такъ какъ они чудно совпали со свѣтлымъ праздникомъ Пушкина, поэта, полнаго свѣтлаго оптимизма, любви всепрощающей и всепримиряющей! Они дороги намъ и потому, что мы услышали ихъ изъ устъ, которыя не привыкли хвалить Россію и русское. Поэтъ побѣдилъ, — его молитва:

...О, Боже! возврати

„Твой миръ въ его озлобленную душу!“

— услышана... И впервые подъ покровомъ его имени, подъ впечатлѣніемъ его же рѣчей на мирномъ праздникѣ культуры померкла вѣковая вражда. Развѣ это не одинъ изъ лучшихъ моментовъ пушкинскихъ дней 1899 года?

Еще съ большей свободой выразили свои сердечныя чувства про-

¹⁾ Содержаніе телеграммъ. (См. брошюру: „Русско-польскія отношенія и чествованіе полякамъ Пушкина“. С.-Пб., 1899).

²⁾ Курсивъ нашъ.

³⁾ „Русско-польскія отношенія“, 59.

чіе славянс. Въ Пушкинѣ всѣ они чествовали „короля поэтовъ русскихъ, князя мировыхъ поэтовъ“¹⁾, который вдохнулъ въ родную литературу „пародную душу“ и послужилъ „живымъ источникомъ“ не только „русскимъ пѣвцамъ“, но и „пѣвцамъ чешскимъ и славянскимъ вообще“²⁾...

Заключая этииъ нашу общую характеристику чествованія Пушкина въ 1899 году, мы еще разъ повторяемъ, что оно совершенно не походило по своему содержанию, настроенію и значенію на праздникъ 1880 г., — и мы говорили уже, что всѣ эти отличія, однако, только возвышаютъ значеніе нынѣшняго юбилея. Онъ важенъ тѣмъ, что, несомнѣнно, поведетъ къ изученію Пушкина ради него *самого* и притомъ болѣе вѣрнымъ путемъ. Онъ интересенъ, какъ показатель степени самосознанія русскаго общества, которое не на помочахъ, а *самостоятельно* пошло приниѣтствовать своего гевія. Онъ любопытенъ, какъ показатель популярности нашей литературы на западѣ. Онъ важенъ, какъ знаменье одной изъ самыхъ блестящихъ побѣдъ русской культуры въ славянскомъ мѣрѣ!

Обращаясь теперь къ работамъ, посвященнымъ оцѣнкѣ пушкинскаго юбилея 1899 года, мы остановимся прежде всего на статьяхъ общаго характера, относя фактическія описанія на второе мѣсто. Конечно, намъ всего интереснѣе обстоятельно ознакомиться съ отзывами отрицательнаго характера, такъ какъ они были тѣмъ диссонансомъ, который рѣзалъ глазъ, рѣзко выдѣляясь на свѣтломъ фонѣ общаго сочувствія къ празднику. Довольно одного взгляда на эти оцѣнки, чтобы понять, что ихъ отрицательный характеръ зависитъ отъ того, что „оцѣнщики“ не сумѣли отказаться отъ своихъ партійныхъ точекъ зрѣнія и въ ложномъ освѣщеніи представили въ своихъ скорбныхъ статьяхъ праздникъ 1899 года. Всѣ они *старались* найти темныя пятна, конечно, ихъ нашли и заявили, что ничего кромѣ пятенъ не видятъ!³⁾

Прежде всего обратимся къ „Міру Искусствъ“, къ статьѣ г. Д.

¹⁾ Изъ телеграммы Чешской академіи. (См. „Честъ. памяти А. С. Пушкина Имп. ак. наукъ“, стр. 87).

²⁾ О вліяніи Пушкина на слав. литературу въ телеграммѣ „Юго-славянской акад. наукъ“ (въ Загребѣ). (Тамъ же 90).

³⁾ Такимъ бессмысленнымъ характеромъ особенно отличаются отношенія къ празднику сотрудникъ „Міра Искусствъ“, г. Пѣшехонова [изъ „Русскаго Богатства“] и г. Фаресова.

Мережковского, безусловно, писателя и критика талантливого и умного¹⁾. Статьи г. Н. Минского, „Завѣты Пушкина“, и г. Ф. Сологуба, „Къ всероссійскому торжеству“, которыхъ мы имѣли уже случай цитовать выше, не представляютъ особаго интереса сравнительно съ статьей г. Мережковского, такъ какъ отношеніе у нихъ у всѣхъ къ празднику одинаково, только г. Мережковский избѣгъ угловатостей г. Сологуба и обстоятельнѣе г. Минского развилъ тѣ же взгляды. Всѣхъ этихъ „символистовъ“, углубленныхъ въ безмятежное самонаслажденіе, обезпеконялъ тотъ шумъ, который подняла изъ-за Пушкина „презрѣнная земля“. Услышали этотъ шумъ олимпійцы и вознегодовали и метнули въ „ничтожныхъ“ пучокъ молній (три статьи въ № 13 „Мира Искусствъ“) въ полномъ убѣжденіи, что заступаются за оскорбленнаго Пушкина. Однако, всѣ эти непрошенныя защитники забываютъ, что великій пѣвецъ земли, постыгшій духомъ весь драматизмъ земной юдоли, всѣ ея радости и всѣ печали, возлюбившій глубоко „нищихъ духомъ“, бросилъ свое—

...Подите прочь! Какое дѣло
Поэту мирному до вась?—

—бросилъ въ тяжелую минуту глубокой тоски, что эти слова вовсе не его девизъ... Г. Мережковского охватываетъ гадливое чувство, когда онъ читаетъ списки пожертвованій на памятникъ Пушкину: „Иванъ Ивановичъ Ивановъ — 3 р., наборщикъ Артемій — 5 к., гр. NN—25 р., Коля, Вася, Муся, Вѣра—15 к.“²⁾, все это, по его мнѣнію, „бесконечные, сѣрые, малые“... Поэтому на нихъ недолго останавливается г. Мережковский и нападаетъ на г. Суворина, — его онъ обвиняетъ, не болѣе не менѣе, какъ въ томъ, что по его винѣ все русское общество рѣшилось праздновать Пушкина. „Одно мановеніе Суворина—и дремавшія академіи пробуждаются, и какое-то министерство заказываетъ 40.000 гипсовыхъ Пушкинскихъ бюстовъ и кто-то изобрѣтаетъ игру „Смерть Пушкина“,—лото или карты, и безчисленныя жалкія руки тянутся со святыми лептами, и готовятся пушкинскія велосипедныя гонки, и пушкинскій шоколадъ“³⁾... Сколько правды въ такомъ извращеніи общей картины праздника,

¹⁾ По крайней мѣрѣ, его давно написанная статья о Пушкинѣ, перепечатанная въ „Философскихъ теченіяхъ русской поэзіи“ — несомнѣнно, одна изъ лучшихъ оцѣнокъ великаго поэта.

²⁾ „Миръ Искусствъ“, 1899, № 13—14, стр. 11.

³⁾ Тамъ же, 12—13.

предоставляемъ судить читателю. Далѣе г. Мережковскій указываетъ на лицемѣріе русской интеллигенціи. „Вчера г. Спасовичъ доказывалъ, что свидѣтельства современниковъ о мудрости Пушкина—ни на чемъ не основанная легенда, что у него—поверхностный, заурядный умъ, неспособный дать его поэзіи значеніе всемірное. Всѣ выслушали это мнѣніе и промолчали. Впрочемъ Спасовичъ развѣчивалъ Пушкина съ осторожностью, съ казуистическою ловкостью,—не столько словами, сколько намеками. Но уже съ открытымъ лицомъ, съ рыцарскимъ прямотушіемъ выступилъ Вл. Соловьевъ. Ссылаясь на святоотеческую книгу Лимонарій св. Софронія, патріарха іерусалимскаго, объявилъ онъ, что пуля Геккерена была направлена не случайно, а Провидѣніемъ ¹⁾“... „Съ безопасной высоты святоотеческаго Лимонарія на страницахъ либеральнаго „Вѣстника Европы“, Вл. Соловьевъ со спокойною совѣстью произнесъ надъ памятью поэта-язычника христіанскую анафему... Приблизительно въ это же время высказалъ свое мнѣніе одинъ изъ малыхъ сихъ, изъ тѣхъ, ния коняъ легионъ, голосъ, исходившій изъ самой глубины, изъ сердца русской черни: Пушкинъ великій поэтъ, но личность совершенно ничтожная ²⁾“... „Левъ Толстой согласился съ саратовскимъ мѣщаниномъ, что простому человеку можно съ ума сойти отъ бессмысленности почестей, воздаваемыхъ Пушкину, вся заслуга котораго заключается лишь въ томъ, что онъ писалъ неприличные стихи о любви ³⁾“... „Да, все это было вчера!—воскликаетъ г. Мережковскій.—А сегодня—„царскія почести“ Пушкину. колокольный звонъ, русскіе(?) флаги, пушечная пальба ⁴⁾“... Да, г. Мережковскій правъ—здѣсь противорѣчіе большое! Но бѣда въ томъ, что въ своемъ олимпійскомъ величіи онъ проглядѣлъ „безковечныхъ, сѣрыхъ, малыхъ“, которые подняли пушкинскій шумъ. Не гг. Спасовичъ, Вл. Соловьевъ, Толстой вывѣшивали флаги, звонили въ колокола, не они „ликовали“—они или безмолвствовали или исполняли почетныя „обязанности“—не они устраивали праздники, а Иваны Ивановичи Ивановы говорили свои нехитрыя теплыя рѣчи. наборщики Артемія покупали за свои трудовые гроши дешевыя изданія Пушкина; Коля, Вася, Муса, Вѣры въ школахъ и гимназіяхъ жадно ловили чудныя Пушкинскія рѣчи, и волновались ихъ дѣтскія сердца и на всю жизнь уносили они воспоминанія о необычномъ, рѣд-

¹⁾ Тамъ же, 18—14.

²⁾ Тамъ же, 14.

³⁾ Тамъ же, 16.

⁴⁾ Тамъ же, 16.

комъ праздникѣ! Правъ г. Мережковскій въ томъ, что упрекнулъ нашихъ „вожаковъ“ въ несправедливомъ отношеніи къ Пушкину,—на это указывала выше и мы,—но самъ-то онъ въ 1899 году чѣмъ далъ для Пушкина? Что дали гг. Минскій и Соллогубъ, заявившіе, что кромѣ нихъ, символистовъ, никто не имѣетъ права праздновать Пушкина! Какъ же они отпраздновали его?! Нѣтъ! Они даже не помяли великаго поэта, когда рѣшились сказать, что Пушкинъ отвратилъ бы теперь отъ насъ свое лицо и проклялъ бы насъ, какъ нѣкогда скорбный пророкъ: „праздники ваши ненавидитъ душа моя—ненавидитъ душа моя, даже до смерти!“¹⁾.

Обратимся теперь къ г. Пѣшехову. Его мнѣніе тоже, что праздникъ не удался. Это онъ подтверждаетъ личными наблюденіями и мнѣніями нѣкоторыхъ газетъ и журналовъ. Затѣмъ онъ спрашиваетъ себя, почему это вышло. По его мнѣнію, во всемъ причиной „грязь“ русской общественной жизни. Признавая шарину „волны“ Пушкинскихъ торжествъ, онъ отрицаетъ ея „высоту“. Она „не подняла общественнаго настроенія, но и не влила бодрости въ угнетенную общественную среду, она не смыла даже той грязи, которой такъ много въ общественной жизни, а только размочила(!) ее“²⁾. На статью свою авторъ предлагаетъ смотрѣть, какъ на „разоблаченіе всякаго рода недоразумѣній и обидъ“³⁾, нанесеннымъ его гражданскимъ чувствамъ... Авторъ полагаетъ, что окажетъ большое одолженіе русской литературѣ, если сдѣлаетъ добросовѣстный подсчетъ всѣмъ скандаламъ и пошлостямъ, которые, къ несчастью, имѣли мѣсто у подножія пушкинскаго памятника: „Не будемъ только сторониться грязныхъ ручьевъ, а, напротивъ, прослѣдимъ ихъ до источниковъ“⁴⁾,

¹⁾ Тамъ же, 20.

²⁾ „Сборникъ Русскаго Богатства“, 1899 г., „Неудавшіяся праздники“, 385.

³⁾ Тамъ же, 387. Не правда ли, какъ одинаково звучитъ съ этими словами то объясненіе, которое далъ редакторъ „Маяка“, когда его упрекнули въ желаніи „достави“ на Пушкина: „если „Маякъ“ при свѣтѣ Евангелія открываетъ трупы и сорняки ямы въ литературѣ, за это его благодарить и поддерживать должно. За это не всякій возьмется!“ („Русская Старина“, 1899, № 5, 281). Приводимъ указаніе г. Пѣшехова, откуда онъ почерпнулъ свой назидательный матеріалъ: „Надѣла“, 6-го іюня, „Одесскія Новости“, 5-го іюня, „Курьеръ“, 1-го, 13-го іюня, „Сынъ Отечества“, 12-го апрѣля, 30-го мая, 1-го, 6-го, 13-го, 16-го, 17-го, 18-го, 26-го іюня, „Самарская Газета“, 1-го апрѣля, „Русская Мысль“, апрѣль, „С.-Петербургскія Вѣдомости“, 3-го, 6-го, 9-го, 16-го, 19-го іюня, „Новости“, 26-го мая, „Россия“, 1-го іюня, „Сѣверный Край“, 15-го, 24-го мая, 29-го марта, „Новое Время“, 8-го апрѣля, 12-го, 28-го мая,

предлагаетъ г. авторъ. И вотъ онъ увлекается обличеніемъ симферопольскаго головы, волинскихъ дворянъ, одесскаго пристава, инженеровъ, нѣкоторой части духовенства и многихъ другихъ неудачныхъ толкователей пушкинскаго праздника... Подъ покровомъ какого-то quasi-благороднаго негодованія, г. Пѣшеховъ попытался въ честь Пушкина устроить скандалъ на основаніи тѣхъ слуховъ, слетень, которыя всѣ еще нуждаются въ провѣркѣ.

Обратимся, въ заключеніе, къ работѣ г. Фаресова ¹⁾. Передъ нами тоже наблюдатель, недовольный юбилеемъ, но только скорбящій не въ силу отвлеченныхъ эстетическихъ или гражданскихъ чувствъ, а просто, какъ человѣкъ, обиженный людьми и судьбою. Онъ ѣхалъ въ с. Михайловское съ самыми широкими (sic) планами: хотѣлъ—1) „обсудить совмѣстно съ комитетомъ объ упроченіи пушкинскаго вліянія на массы, хотя бы, сборомъ денегъ тамъ (?) посреди (!) присутствовавшей публики до 5—7 тысячъ человѣкъ“ ²⁾,—2) „представиться мѣстной интеллигенціи, въ лицѣ ея педагогическаго и медицинскаго персонала, мѣстныхъ землевладѣльцевъ и даже (!!) представителямъ администраціи, съ тѣмъ, чтобы, собравшись вечеромъ (??) виѣстѣ, подѣлиться горькими мыслями о томъ, что Пушкинъ совершенно не проникъ въ народъ, и подумать о мѣрахъ къ его популярности среди мѣстнаго населенія“ ³⁾. И вдругъ—полное разочарованіе! Мечтамъ его не суждено было осуществиться. Понятно, что картина праздника обрисовалась передъ г. Фаресовымъ въ черныхъ краскахъ. „Сельскіе учителя и священники едва ли сами знакомы съ Пушкинымъ,—подозрительно замѣчаетъ г. Фаресовъ, — и, разумѣется, не могутъ быть проводниками свѣдѣній о немъ въ народъ“ ⁴⁾. Для доказательства же невѣжества крестьянъ, авторъ приводитъ рядъ анекдотовъ, въ которыхъ чувствуется только зерно правды. Гг. В. Острогорскій, Опочи-

24-го іюля, „Русскія Вѣдомости“, 28-го, 29-го мая, 19-го, 15-го іюля, „Нижегородскій Листокъ“, 22-го и 28-го мая, „Московскія Вѣдомости“, 2-го, 17-го апрѣля, „Свѣтъ“, 9-го апрѣля, „Русскій Трудъ“, № 23, „Смоленскій Вѣстникъ“, 6-го іюля, „Московскій Листокъ“.

¹⁾ А. Н. Фаресовъ, „Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ и чествованіе его памяти“ (Спб., 1899). Собраніе журнальныхъ статей.

²⁾ Тамъ же, 37—8.

³⁾ Тамъ же, 46—7.

⁴⁾ А. Н. Фаресовъ, *op. cit.*, 87. Отсылаемъ г. Фаресова къ статьѣ, очень для него наивдательной: „А. С. Пушкинъ въ сельскомъ населеніи и школѣ Ярославской губерніи“ („Тр. Яр. Губ. Ст. Комитета“, вып. 10, 1899 г.).

нинъ, Ив. Щегловъ ¹⁾, побывавшіе въ Михайловскомъ, двое первые до праздника, а третій — послѣ, тоже разговаривали съ тамошнимъ народомъ о Пушкинѣ, и, если вывели оттуда нѣсколько курьезовъ, то все-таки пришли къ отрадному убѣжденію, что Пушкина многіе изъ народа знаютъ и цѣнятъ ²⁾.

Обзоръ этихъ статей, наводящихъ грусть, закончимъ тѣми отрадными строками, которыя посвящены пушкинскому празднику въ „Вѣстникѣ Европы“. Г. А. П., сравнивая наши дни съ днями 1880 г. и находя между ними большую разницу, отнюдь однако не становится исключительно на сторону 1880 года:— „другія времена, говорить онъ, другіе люди, другое настроеніе“ ³⁾. Онъ, не въ примѣръ цитованнымъ выше авторамъ, отрицаетъ „несомнѣнно искреннее увлеченіе“ въ обществахъ, хотя не отрицаетъ и „грубыхъ диссонансовъ въ литературныхъ и общественныхъ явленіяхъ“ ⁴⁾. „Послѣднія пушкинскія торжества, отходящія теперь въ исторію,—читаемъ мы далѣе,—при всѣхъ помянутыхъ ограниченіяхъ, представляютъ не мало любопытнаго и привлекательнаго. Они были, прежде всего, столь широко распространеннымъ литературнымъ празднествомъ, какова наша общественная жизнь никогда не видала со времени существованія рус-

¹⁾ Альбомъ „Пушкинскій уголокъ“, сост. В. Острогорскій и В. К. Максимовъ. И. Щегловъ, „По слѣдамъ Пушкинскаго торжества“. Е. Опочининъ, „На родной землѣ“ (1. Очерки и рассказы, 2. Поездка въ Михайловское)

²⁾ Такъ какъ туристы всѣми силами хотятъ изъ мѣстныхъ мужичковъ извлечь что-нибудь для Пушкина и, судя по имъ словамъ, обильно даютъ при этомъ „на чай“, то, сиѣмъ думать, скоро въ тѣхъ мѣстахъ разовьется новый промыселъ—„рассказывать про Пушкина“.

³⁾ Совершенно справедливо говорить по этому поводу г. W.: „Тогда (въ 1880 г.) впервые литература опредѣленно и рѣзко предъявила свои права на широкое, общественное значеніе,—періодъ Пушкина, Гоголя и Бѣлинскаго былъ уже вполне законченнымъ и опредѣлившимся въ своихъ результатахъ, періодъ Тургенева, Островскаго, Достоевскаго, Гончарова и Л. Толстого былъ еще *in Werden*. Теперь значеніе литературы—слишкомъ прочное приобрѣтеніе жизни и общепризнанный фактъ, чтобы попытка настаивать на немъ не показалаcя нелепыми и смѣшными; вполне уместное въ 1880 году восклицаніе Островскаго: „теперь и на нашей улицѣ праздникъ!“ — показалось бы теперь нѣсколько страннымъ. Теперь мы лучше знаемъ Пушкина, чѣмъ въ 1880 году, но менѣе, если не болѣе, его любимъ, но никакъ не могли бы повторить чувства и воскресить настроенія 1880 г.,—для насъ Пушкинъ — Пушкинъ, со всѣмъ его необъятнымъ значеніемъ для нашей литературы, а тогда онъ былъ символомъ, олицетвореніемъ этой самой литературы и не столько чествовали его самого, сколько въ немъ и по его поводу—литературу“ (Р. М., 1900, № 8, 46).

⁴⁾ А. П., „Пушкинская литература“, „Вѣстн. Евр.“, 1899, № 7, 410.

ской литературы; онѣ совершались буквально „по всей Руси великой“ и если въ литературныхъ и общественныхъ центрахъ бывало неладное и отталкивающее, то въ провинціи могла преобладать только настоящая добрая воля и желаніе принять свою долю участія въ торжествѣ, которое искренне считали національнымъ¹⁾.

Хроникеръ „Вѣстника Европы“, до юбилей пугавшій читателей предстоящей неудачей праздника и даже утравившій нѣкоторыхъ до того, что они на праздникъ 1899 года пошли, затвердивъ нѣсколько цитатъ изъ его статьи²⁾ и заранѣе настроивъ себя на мнорный тонъ, — даже этотъ хроникеръ привѣтствовалъ юбилей въ июльской книжкѣ „Вѣстника Европы“ цѣлымъ рядомъ теплыхъ словъ: „пушкинскіе дни нынѣшняго года принесли съ собою не мало свѣтлаго и отраднаго“³⁾—говоритъ онъ, указывая далѣе на всенародный и все-россійскій характеръ праздника, на его ширину, на „множество новыхъ общественныхъ предпріятій на пользу народнаго просвѣщенія, соединенныхъ съ именемъ Пушкина“⁴⁾.

Мы останавливаемся на этомъ авторитетномъ мнѣніи „Вѣстника Европы“ и проходимъ мимо длиннаго ряда восторженныхъ характеристикъ праздника, которыми начинались или кончались многія юбилейныя рѣчи, проходимъ мимо тѣхъ теплыхъ словъ, которыми его встрѣтила почти вся паша ежедневная и еженедѣльная пресса; не будемъ пересказывать уже цитованныя нами выше статьи г. Евграфова: „Общественное значеніе чествованія А. С. Пушкина“ (Пенза, 1899), г. Словинскаго: „О значеніи пушкинскихъ дней для нашего самосознанія“, (Кумскій „Памяти Пушкина“, 62), г. Черныява: „Подъ впечатлѣніемъ Пушкинскихъ дней 1899 года“, равно какъ и теплой рѣчи г. Коджебаша: „Къ столѣтнему юбилею Пушкина“ („Памяти Пушкина“ Сб. Кіевск. окр., 187), такъ какъ съ содержаніемъ всѣхъ трехъ рѣчей вполне согласны.

Что касается до фактическихъ описаній праздника, то, конечно, искать ихъ приходится по газетамъ столичнымъ и провинціальнымъ.

¹⁾ Тамъ же. То же говорятъ проф. Н. П. Дашковичъ („Памяти Пушкина“, Сб. У-та св. Влад., 86—8) и г. Ив. Ивановъ („Пушкинъ“, „Библ. Дѣтск. Читал.“) и др.

²⁾ Напр., Н. К., „Чествованіе Пушкина“ („Образованіе“, 1899, № 7—8).

³⁾ „Вѣстн. Европы“, 1899, № 7, 458, „Изъ общ. хроникъ“.

⁴⁾ Тамъ же, 458.

Въ журналахъ мелкія случайныя свѣдѣнія по этому вопросу проскальзываютъ иногда въ отдѣлѣ „Хроника“¹⁾. Изъ болѣе крупныхъ журнальныхъ статей останавливается на себѣ нѣкоторое вниманіе работа г. Фаресова, вошедшая потомъ въ отдѣльное изданіе его статей о Пушкинѣ и его чествованіи. Передъ нами бѣглый очеркъ торжествъ въ разныхъ обществахъ и учрежденіяхъ, столичныхъ и провинціальныхъ; затѣмъ мы встрѣчаемъ длинный перечень школъ, столовыхъ, читаленъ, стипендій „имени Пушкина“. Конечно, перечень этотъ далеко неполный,—и самъ авторъ заключаетъ его словами: „трудно перечислить всѣ практическіе итоги пушкинскихъ празднествъ и отраднхъ явленій въ общественной жизни, которыя были связаны съ именемъ юбиляра“²⁾.

Обратимся теперь къ частнымъ описаніямъ майскихъ дней по разнымъ учрежденіямъ. Прежде всего передъ нами „Чествованіе памяти А. С. Пушкина Императорскою Академіею Наукъ въ сотую годовщину дня его рожденія“, май 1899 г. (Спб. 1900. 110 стр.). Распается книга на 4 главы: въ первой говорится объ образованіи при Императорской Академіи Наукъ комиссіи по устройству праздника, приводится ея составъ и историческій очеркъ ея работы; вторая глава посвящена описанію торжественнаго публичнаго собранія Императорской Академіи Наукъ 26-го мая 1899 г.: а) Чтеніе телеграммы Его Императорскаго Величества Государя Императора, б) Чтеніе Высочайшаго Указа Правительствующему Сенату, в) Рѣчь Августѣйшаго Президента Академіи, d) Рѣчь академика А. Н. Веселовскаго: „Пушкинъ — національный поэтъ“, е) Рѣчь сенатора А. Ф. Кони: „Общественные взгляды А. С. Пушкина“, f) Чтеніе телеграммы князя Николая Червогорскаго, g) Исполненіе юбилейной кантаты (слова К. Р.). Въ третьей главѣ напечатаны привѣтствія ученыхъ учреждений, высшихъ учебныхъ заведеній, ученыхъ обществъ и частныхъ лицъ изъ Россіи и изъ-за границы, получившія—а) Императорскою Академіею Наукъ и б) редакціею газеты *Kraj* и пересланныя ею въ Академію. Въ послѣдней, четвертой главѣ мы встрѣчаемъ нѣсколько давнихъ касательно исторіи юбилейной выставки въ зданіи Императорской Академіи, списокъ лицъ и учреждений, принявшихъ въ ней участіе.

Мы привели подробное содержаніе цитованной книги, такъ какъ

¹⁾ Въ „Педагог. Еженедѣльникѣ“ (Ревель) въ 1899 г. печатались отчеты о празднествахъ по разнымъ учебнымъ заведеніямъ.

²⁾ *Фаресовъ*, *op. cit.*, 28.

она въ продажу не поступала, а потому недоступна большинству публики.

Академическое празднество было серьезнымъ, содержательнымъ и на всѣхъ присутствовавшихъ произвело глубокое впечатлѣніе. Прекрасныя рѣчи, прочувствованныя телеграммы изъ разныхъ концовъ міра ¹⁾, великолѣпное музыкальное исполненіе кантаты, общій строго-торжественный видъ и эстрады, украшенной гг. академиками, зрительнаго зала, полнаго публики, — и, наконецъ, цѣлый лѣсъ зелени, высокой пирамидой поднимающійся къ бѣлоснѣжному бюсту поэта, на челѣ котораго все время игралъ свѣтлый лучъ майскаго солнца, — все это, вмѣстѣ взятое, производило сильное впечатлѣніе.

Не менѣе торжественно отпраздновали юбилей въ Москвѣ. Къ сожалѣнію, отчета о своемъ чествованіи ни Московскій университетъ, ни Общество не напечатали, а потому описаніе торжествъ приходится искать въ газетныхъ отзывахъ, а такіе отзывы, конечно, оказались далеко несогласными ²⁾. 26-го мая въ Москвѣ чествованіе началось у памятника Пушкина, затѣмъ всѣ присутствовавшіе отправлялись на митрополичью службу въ церковь Богоявленья въ Елохово, гдѣ родился великій поэтъ. Въ 3 часа чествованіе Пушкина началось въ Московскомъ университетѣ рѣчью ректора, проф. Зернова. Послѣ говорили проф. Стороженко, Кирпичниковъ, Муромцевъ и Ключевскій ³⁾. На слѣдующій день, 27-го мая, „Общество любителей русской словесности“ устроило свое торжество въ залѣ дворянскаго собранія. Рѣчи произнесены были княземъ Д. Н. Цертелевымъ („Взгляды Пушкина на поэзію“), г. Шенрокомъ („О духовной связи Пушкина съ Гоголемъ“) и г. Якушкинымъ („Общественные взгляды Пушкина“). Отпраздновало поэта и „Общество любителей естествознанія“ рѣчами проф. В. Миллера („Пушкинъ — поэтъ-этнографъ“) и проф. Анучина („Объ африканскомъ элементѣ въ природѣ Пушкина“). Свѣдѣнія о московскихъ торжествахъ взяли мы изъ книги г. Фаресова.

Празднованіе пушкинское вполне удалось и университету св. Владимира. Въ сборникѣ этого университета, представляющемъ большой вкладъ въ русскую науку, приведенъ и очеркъ чествованія

¹⁾ Особенно постарались въ этомъ отношеніи братья-славяне. Разные глухіе углы Чехія, Польшы, Сербіи, Галиціи, Черногоріи отозвались на нашъ праздникъ.

²⁾ Особенно обстоятельно описаны празднества московскія въ „Русской Мысли“ (1899 г., № 6, А. П.). „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ (1899, май, іюнь).

³⁾ Рѣчи проф. Кирпичникова и Ключевскаго напечатаны въ „Русск. Вѣд.“. 1899, № 144.

Пушкина. На панихидѣ проф. П. Я. Свѣтловымъ произнесено было слово: „О свѣтлыхъ и темныхъ сторонахъ поэзіи Пушкина“. Затѣмъ слѣдовала рѣчь проф. А. В. Романовича-Славатинскаго, вообще характеризующая праздникъ. Проф. Дашкевичъ произнесъ рѣчь: „Пушкинъ въ ряду великихъ поэтовъ новаго времени“ и приватъ-доцентъ А. М. Лобода: „Отзвуки пушкинской поэзіи въ послѣдующей русской литературѣ“. Кромѣ академическихъ рѣчей исполнялись и музыкальные нумера. Была устроена и выставка.

Торжественно было отпраздновано торжество и въ Юрьевскомъ университетѣ, насколько объ этомъ можно судить по „Пушкинскому сборнику“ Юрьевского университета. Описанія чествованія въ сборникѣ нѣтъ, но помѣщены содержательныя рѣчи гг. профессоровъ: А. С. Царевского („Слово, произнесенное въ университетской церкви на заупокойной литургіи“), Е. В. Пѣтухова („Два года изъ жизни А. С. Пушкина“), Е. Ф. Шмуло („Пушкинъ въ развитіи нашего самосознанія“), Б. И. Срезневскаго („Пушкинъ въ музыкѣ“), В. Ф. Чижъ („Пушкинъ, какъ идеалъ душевнаго здоровья“), лекторовъ: А. М. Германа („Пушкинъ въ эстетской литературѣ“), Я. И. Лаутенбаха („Пушкинъ въ латышской литературѣ“).

Подробное описаніе майскихъ торжествъ въ Нѣжинѣ находимъ въ сборникѣ историко-филологическаго института князя Безбородко („26-го мая 1899 года. Рѣчи, произнесенныя въ день празднованія столѣтія рожденія А. С. Пушкина“, Нѣжинъ, 1899). Въ Нѣжинѣ праздновали 26-го мая въстѣ всѣ мѣстныя учебныя заведенія (историко-филологическій институтъ, классическая гимназія и женская гимназія имени П. И. Кушакевичъ) и историко-филологическое общество. „Слово“ произнесено было священникомъ А. Лобачевскимъ („Пушкинъ, какъ христіанинъ“). Рѣчи были произнесены проф. М. Н. Бережковымъ („А. С. Пушкинъ, какъ историкъ русской жизни“), И. А. Скребицкимъ („А. С. Пушкинъ и русская исторія“) и М. Н. Сперанскимъ („Друзья и враги А. С. Пушкина въ литературѣ“).

Очень горячо и единодушно отпраздновала столѣтнюю годовщину „столица юга“—Одесса: въ недавно вышедшемъ въ свѣтъ сборникѣ Новороссійскаго университета („1799—1899. Пушкинскіе дни въ Одессѣ. 26—27 мая 1899 года“ Одесса, 1900 года) подробно (32 стр.) описано все, что происходило въ Одессѣ 26—27 мая. Оказывается, вся Одесса приняла самое горячее участіе въ чествованіи: всѣ одесскія общества, учрежденія, редакціи (съ университетомъ болѣе 25)

дружно сошлись въ единодушномъ желаніи почтить память поэта, какъ можно теплѣе и шире. Академическая часть на этомъ праздникѣ представлена была рѣчами проф. В. М. Войтковскаго („Рѣчь въ университетской церкви предъ панихидою“), В. М. Истрина („Пушкинъ и русская литература“), А. Е. Назимова („Общественные идеалы Пушкина“), И. А. Линиченка („Жизненная драма Пушкина“), П. А. Лаврова („Пушкинъ и славяне“), А. И. Маркевича („Пушкинъ и Новороссійскій край“).

Харьковскій университетъ чествовалъ юбилей только въ своихъ стѣнахъ, а потому такого широкаго впечатлѣнія отъ харьковскихъ праздниковъ, какъ отъ одесскихъ, не осталось. Въ „Харьковскомъ университетскомъ сборникѣ въ память А. С. Пушкина“ (Харьковъ, 1900) въ видѣ предисловія приведена краткая исторія майскихъ дней въ стѣнахъ университета и рѣчь, произнесенная проф. Е. К. Рѣдкимъ, въ Святыхъ Горахъ, куда онъ ѣздилъ депутатомъ отъ университета. Рѣчи въ университетѣ были слѣдующія: проф. М. Е. Халанскій произнесъ рѣчь: „О влияніи Вас. Львовича Пушкина на поэтическое творчество А. С. Пушкина“, проф. Н. Ѳ. Сумцовъ— „О влияніи Пушкина на Лермонтова“.

Имѣемъ мы еще сборникъ Томскаго университета: „Памяти Пушкина. Рѣчи, произнесенныя на торжественномъ засѣданіи Императорскаго Томскаго университета 26-го мая 1899“ (Томскъ, 1900). О праздникѣ самонъ въ сборникѣ нѣтъ никакихъ указаній,—приведены лишь рѣчи проф. Малиновскаго („Русская общественная жизнь въ поэтическомъ изображеніи А. С. Пушкина“) и проф. Сапожникова („Природа въ поэтическихъ произведеніяхъ Пушкина“).

Дружно чествовали Пушкина и среднеучебныя заведенія и низшія. Передъ нами два обстоятельныхъ труда: 1) „Памяти Пушкина“— „Празднованіе столѣтней годовщины со дня рожденія А. С. Пушкина въ учебныхъ заведеніяхъ Киевскаго учебнаго округа“, (подъ редакціей директора Киевской 1-ой гимназіи Н. В. Посадскаго—3 т., Киевъ, 1900 г.) и 2) Кумскій, „Памяти А. С. Пушкина. Празднованіе столѣтней годовщины со дня рожденія А. С. Пушкина въ учебныхъ заведеніяхъ Кавказскаго учебнаго округа“ (Тифлисъ, 1899 г.). Въ обѣихъ этихъ цитованныхъ работахъ полно представлена картина майскихъ торжествъ по всѣмъ учебнымъ заведеніямъ Киевскаго и Тифлисскаго округовъ: изложено иорядокъ празднествъ, приведены программы литературныхъ чтеній и музыкальныхъ нумеровъ, приведены рѣчи гг. преподавателей.

Въ 1-ой части Киевскаго сборника изложена программа чествованія въ Киевскомъ университетѣ, въ историко-филологическомъ институтѣ князя Безбородко, въ 43 женскихъ и мужскихъ гимназіяхъ округа, въ Глуховскомъ институтѣ, Корытышевской учительской семинаріи и 52 городскихъ и сельскихъ училищахъ. Въ 2-й и 3-й частяхъ (2-я часть—550 стр. „рѣчи преподавателей Нѣжинскаго института и гимназій“; 3-я—136 стр.—„Рѣчи преподавателей учит. института и училищъ“) приведены слова и рѣчи гг. преподавателей (числомъ 61) и 5 стихотвореній въ честь Пушкина. Не останавливаясь на перечисленныхъ выше рѣчахъ гг. профессоровъ и преподавателей историко-филологическаго института князя Безбородко, мы обратимся къ рѣчамъ преподавателей другихъ учебныхъ заведеній. Почти всѣ онѣ отличаются выдающимся изяществомъ стиля, теплотою и искренностью. Оригинальнаго сказано въ нихъ немного, но во многихъ рѣчахъ уже извѣстное скомбинировано очень удачно, отчего большинство очерковъ блещетъ свѣжестью и читается легко. Гг. законоучители говорили на темы: о христіанской кончинѣ Пушкина и нехристіанской его жизни (І. І. Троицкій, А. К. Зеленецкій, Н. С. Стеллецкій) или о христіанскихъ чертахъ его жизни (М. Н. Румянцевъ), о необходимости молитвъ за него (А. І. Миловидовъ). Большинство гг. преподавателей дало общую характеристику литературной дѣятельности поэта (В. С. Александровичъ, А. С. Кашпуревъ, Ѳ. Н. Ивановъ, А. И. Ходиковъ, И. Н. Александровъ, А. Н. Малинка, А. М. Лобода, Е. В. Городецкой, Г. И. Хитровский, Ѳ. П. Кутневичъ), характеристику его личности (П. Г. Богдановичъ, А. І. Степовичъ, А. П. Максимовъ, Ш. Читадае), отмѣтили народность Пушкина (Н. А. Петровъ, Б. Я. Яковлевъ, Г. М. Затворницкій, М. Азбукявъ), указали мѣсто Пушкина въ исторіи русской литературы (П. Г. Богдановичъ, И. П. Андреевскій, Ѳ. М. Дворянскій, С. П. Весинъ, Н. Ѳ. Грембовскій, К. Ѳ. Якубовичъ, И. Д. Скологорскій, П. Д. Когуть, С. А. Денисьевскій, А. П. Котомичъ), нѣкоторые дали біографическіе очерки (Ф. А. Веровскій, М. И. Благоразумовъ, В. П. Ляскоронскій, С. В. Билимовичъ). Особнякомъ стоятъ—очень интересная рѣчь г. Г. П. Александровскаго: „Поэтъ-Эхо“, посвященная выясненію истиннаго характера поэзіи Пушкина путемъ разбора стихотвореній: „Эхо“ и „Чернь“, — рѣчь г. Л. А. Ельчукова: „Русскія женщины въ произведеніяхъ Пушкина“, В. П. Ляскоронскаго: „Воспитательное значеніе поэзіи А. С. Пушкина“ и Н. С. Коджебаша: „Къ столѣтнему юбилею А. С. Пушкина“. Въ

3-мъ томѣ сборника Кіевскаго округа помѣщены рѣчи преподавателей Глуховскаго учительскаго института, Корыстышевской учительской семинаріи и разныхъ городскихъ училищъ. По содержанию своему распадаются и онѣ на три группы — въ однихъ говорится, главнымъ образомъ, о значеніи Пушкина (М. А. Тростниковъ, А. С. Евсевскій, В. Ѳ. Левитскій, П. К. Стариченко, Л. Д. Гржегоржевскій, Т. Е. Балашъ, Н. С. Бобровниковъ), въ другихъ — о народности поэта (А. Г. Балдовскій, М. Я. Овсѣнко, А. Х. Зленко, Г. А. Иванецъ), наконецъ, въ двухъ — рассказана жизнь поэта (В. К. Шнейдеръ, Л. В. Головки) и въ одной говорится вообще о значеніи писателя (А. П. Миرونчевъ).

Сборникъ Кавказскаго округа представленъ въ количественномъ отношеніи бѣднѣе. Мы встрѣчаемъ здѣсь описаніе майскихъ праздниковъ въ 15 тифлискихъ и 78 провинціальныхъ гимназіяхъ, училищахъ и школахъ. Приведены программы литературно-музыкальной части торжествъ, изложень ихъ порядокъ и, наконецъ, приложены рѣчи гг. законоучителей и преподавателей: свящ. Іоаннъ Восторговъ: „Три слова съ церковной кафедры къ учащимся по поводу столѣтняго юбилея со дня рожденія А. С. Пушкина“ (1. „Рѣчь при поминованіи А. С. Пушкина“, 2. „Слово въ праздникъ Вознесенія Господня, 27-го мая 1899 г.“, 3. „Рѣчь на молебствіи, сказанная выпускнымъ воспитаницамъ Тифлисскаго 1-ой великой княгини Ольги Феодоровны женской гимназіи 12-го іюня 1899“), г. Дорофеевъ: „Образовательное и воспитательное значеніе поэзіи А. С. Пушкина“, А. Словинскій: „О значеніи пушкинскихъ дней для нашего самопознанія“, А. Сибирцевъ: „Памяти генія“, г. Боголюбскій: „Поэзія А. С. Пушкина, преимущественно съ нравственно-художественной точки зрѣнія“, законоучитель А. Нефедьевъ: „Кочина А. С. Пушкина“, Д. Мучкалскій: „Нравственное значеніе драматическихъ произведеній А. С. Пушкина“, свящ. Соколовъ: „Религіозная сторона произведеній А. С. Пушкина“, г. С. Мельниковъ-Разведенковъ: „А. С. Пушкинъ, какъ человѣкъ и какъ гражданинъ“, Ю. Роменскій: „Юбилейное слово въ честь А. С. Пушкина“, законоучитель П. Бѣловидовъ: „Воспитательное значеніе поэзіи А. С. Пушкина“, г. Яновичъ: „Значеніе произведеній А. С. Пушкина въ литературномъ и воспитательномъ отношеніяхъ“, Евгр. Горгалдзе: „А. С. Пушкинъ и его заслуги“.

Изъ учебныхъ заведеній Кавказскаго округа особенно широко, судя по отчету, поставлены были торжества въ Закавказской учи-

тельской семинаріи. Оказывается, къ праздникамъ майскимъ готовились цѣлый годъ,—и ученики въ теченіе года разработали 21 тему изъ Пушкина или касательно его ¹⁾).

Другіе учебные округа пока не издали своихъ отчетовъ, а потому мы имѣемъ лишь приблизительное представленіе о томъ, что дѣлалось въ учебныхъ заведеніяхъ другихъ округовъ. Въ Императорскую Публичную бібліотеку случайно попали нѣкоторые отчеты,—ими мы и воспользуемся.

Изъ петербургскихъ намъ извѣстны:

„Въ память Пушкина торжественные дни въ С.-Петербургской 1-ой гимназіи“. (Рѣчи гг. М. Л. Будагова и А. А. Гласова). „На память о празднованіи 100-лѣтней годовщины дня рожденія А. С. Пушкина въ С.-Петербургскомъ 3-мъ реальномъ училищѣ (рѣчи г.г. Сперанскаго и Кельберга). „Годовой отчетъ С.-Петербургскихъ гимназій и реального училища д-ра Видемана за 1899—1900 годъ. (Извлеченіе изъ рѣчи П. А. Висковатова: „О Пушкинѣ“). „Пушкинскій вечеръ въ женской профессиональной школѣ фонъ-Дарвизъ“ (И. В. Дмитріевъ, „Значеніе Пушкина для русскаго народа“).

Изъ московскихъ: „Календарь Императорскаго Лицея въ память Цесаревича Николая на 1900—1901 учебный годъ, часть II“, „Памяти А. С. Пушкина“, *Перепечатки*—1839 г.—Отзывъ иностранца о Пушкинѣ; 1856 г.—„Пушкинъ“; 1880 г.—„На открытіе памятника Пушкину въ Москвѣ“, М. Н. Каткова; Рѣчи 1899 г.: свящ. *І. И. Соловьевъ*, „Церковное слово предъ намихидою“; С. Любомудровъ, „О Борисѣ Годуновѣ“; Н. Гольвенвейцеръ, „Петръ Великій въ произведеніяхъ Пушкина“; В. Глазковъ, „Памяти А. С. Пушкина“. „Годичный актъ и отчетъ Московскаго училища ордена св. Екатерины за 1898—99 годъ“ (В. В. Калашинъ: „Поэтическая оцѣнка Пушкина его современниками“, Алферовъ, „Пушкинъ, какъ человекъ и поэтъ“).

Изъ кievскихъ отчетовъ (вошедшихъ, впрочемъ, въ „Сборникъ Киевскаго учебнаго округа“) извѣстны намъ—„Ежегодникъ Коллегіи Павла Галагана (съ 1-го октября 1898—1-го октября 1899). Киевъ, 1899. (Рѣчи гг. Степовича и Александровскаго). „26-го мая въ Киевской

¹⁾ При отчетѣ приложены и темы, и планы, по которымъ онѣ развертывались. Изъ темъ назовемъ, хотя бы, слѣдующія: „Путешествія А. С. Пушкина“ (карта графическая путей Пушкина), „Вліяніе р. литер. и Пушкина на лит. азербейджанскихъ татаръ“, „А. С. Пушкинъ въ памятникахъ искусства“, „Вліяніе музыки и вѣселя на А. С. Пушкина и его вліяніе на русскую музыку“, „Пушкинъ въ армянской лит.“, „Вліяніе Пушкина на грузинскую лит.“, „Пушкинъ въ народной школѣ“ (*Журналъ*, „Памяти Пушкина“, 38—45).

1-й мужской и Киевской женской гимназіи Дучинской" (рѣчи гг. Н. А. Петрова и П. Г. Богдановича). „Отчетъ о состояніи Кіево-Печерской гимназіи" (Кіевъ. 1900). „Торжественный актъ Кіевскихъ городскихъ приходскихъ училищъ" 28-го мая 1899 года.

Кромѣ того, имѣла мы въ рукахъ— „Празднованіе столѣтняго юбилея со дня рожденія А. С. Пушкина въ Закавказской учительской семинаріи и Апастасіевской женской гимназіи" (рѣчь г. Словинскаго: „О значеніи пушкинскихъ дней для нашего самопознанія"). „Слово и рѣчи въ день столѣтней годовщины А. С. Пушкина въ Екатеринославской духовной семинаріи" (рѣчи гг. Сахарова: „Слово при поминаніи А. С. Пушкина", Полуцыганова: „Рѣчь въ день 100-лѣтней годовщины", Соколова: „Значеніе А. С. Пушкина для Россіи", Малковскаго: „А. С. Пушкинъ и его значеніе"), „Столѣтній юбилей со дня рожденія А. С. Пушкина въ Вологодской гимназіи" (рѣчи: свящ. Н. А. Коноплевъ: „Слово". И. Е. Устиновъ: „Рѣчь о значеніи поэзіи Пушкина", Н. Воейковъ: „Рѣчь, Воспитательное значеніе поэзіи Пушкина", С. Петровъ, „Рѣчь", Солтанъ, „Пушкину", Стихотвореніе). „Отчетъ Рижскаго Реального училища Императора Петра" за 1899 годъ.

Кромѣ, болѣе или менѣе, подробныхъ отчетовъ имѣемъ мы вѣсколько программъ чествованій Пушкина: „Программа литературно-музыкальнаго утра въ Александровскомъ кадетскомъ корпусѣ", „Шажескаго корпуса" въ С.-Петербургѣ. „Программа чествованія памяти А. С. Пушкина въ Одесской 4-й гимназіи", „А. С. Пушкинъ. Программа акта въ залѣ „Улья". Рига. „Пушкинскій праздникъ въ залахъ и саду Таврическаго дворца", „Въ залѣ городской думы 26-го мая 1899 года". Наконецъ, имѣемъ мы вѣсколько описаній „пушкинскихъ дней" по разнымъ городамъ: „Пушкинскіе дни въ Пензѣ" (подъ ред. г. Королькова. Рѣчи: В. Н. Ладженскаго—рѣчь, произнесенная въ торжественномъ засѣданіи „Общества любителей русской словесности" 27-го мая 1899 г.), „Пушкинскіе дни въ губерпскомъ городѣ Владимірѣ" (рѣчи: г. Маклакова: „Вступительная рѣчь". Н. С. Крылова: „Поэзія А. С. Пушкина", Пузицкаго: „Национальное направленіе и религиозное настроеніе въ поэзіи Пушкина", 2 стихотворенія г. Петрова), „Пушкинскіе дни въ городѣ Архангельскѣ", „Пушкинскіе дни въ городѣ Оренбургѣ" ¹⁾.

В. В. Симоновичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ „Труды Оренб. Архив. комисс." вып. VI. О празднествахъ въ разныхъ провинціальныхъ городахъ много говорилось въ мѣстныхъ провинціальныхъ газетахъ.

Три новыя книги о Дальнемъ Востокѣ.

Въ концѣ 1899 и въ 1900 г. появились три книги о нашей далекой окраинѣ, которая за последнее время привлекаетъ къ себѣ вниманіе не только русскихъ, но и другихъ изслѣдователей, благодаря политическимъ и торговымъ интересамъ на побережьи Тихаго океана. Книги эти: 1) Е. Т. Смирновъ: *Пріамурскій край на Амурско-Приморской выставкѣ 1889 г. въ юр. Хабаровскѣ* (Хабаровскъ 1899 г.); 2) П. О. Унтербергеръ: *Приморская Область 1856—1898 гг.* (С.-Петербургъ 1900 г.) и 3) Н. В. Слюнинъ: *Охотско-Камчатскій край. Естественно-историческое описаніе* (т. I и II. С.-Петербургъ 1900 г.).

Хотя названныя книги написаны по разнымъ новодамъ, выясняемымъ авторами въ предисловіяхъ, однако всѣ онѣ значительно дополняютъ и исправляютъ другъ друга. Высказывая мнѣніе, какъ авторами ихъ выполнены поставленныя себѣ задачи, постараемся познакомиться читателя въ сжатыхъ чертахъ съ содержаніемъ каждого сочиненія.

Книга г. Смирнова состоитъ изъ двѣнадцати главъ, кромѣ предисловія, заключенія и многихъ весьма цѣнныхъ приложений. Она, по словамъ автора, представляетъ первую попытку сдѣлать систематическую сводку современныхъ свѣдѣній о нашемъ Дальнемъ Востокѣ. Привѣщаясь къ программѣ Амурско-Приморской сельско-хозяйственной выставки, авторъ считалъ необходимымъ расширить книгу до размѣровъ историко-статистическаго сочиненія, въ основу котораго положены свѣдѣнія нѣкоторыхъ новѣйшихъ печатныхъ источниковъ, архивные матеріалы и данныя выставки.

Признаемъ, что расширеніе первоначальной сравнительно скромной программы весьма желательно, но у автора имѣлось въ распоряженіи всего *два съ половиною мѣсяца*, — время слишкомъ короткое для такого колоссальнаго труда: этимъ, безъ сомнѣнія, и объясняются недостатки труда г. Смирнова. Правда, у г. Смирнова было два помощника — г. Дульскій и пишущій эти строки. Но съ самаго начала эти сотрудники чувствовали ложную дорогу, на которую сталъ составитель: имъ не была даже выяснена общая идея книги. Оба сотрудника при томъ знали, что за составленіе книги взялся человекъ, только что прибывшій въ Пріамурскій край изъ Ташкента, недостаточно знающій край, не вполне ознакомившійся съ литературою,

существовавшей до времени составления книги по разнымъ вопросамъ мѣстной жизни. И книга г. Смирнова производитъ впечатлѣніе чего-то крайне искусственнаго, неяснаго. Въ I-й главѣ, озаглавленной „Историческій очеркъ занятій Пріамурскаго края“, въ общихъ чертахъ разсказана исторія края, первое появленіе въ немъ русскихъ дружинъ, присоединеніе края русскими при Муравьевѣ-Амурскомъ и заселеніе его. Все это уже давно и основательнѣе разсказано было многими предшественниками г. Смирнова, напримѣръ, подполковникомъ генеральнаго штаба Рагозою въ Военномъ сборникѣ за 1891 г. № 10. Во II гл. — „Географическое описаніе Пріамурскаго края“—сообщаются свѣдѣнія объ Амурской рѣчной области въ гидрографическомъ, орографическомъ и климатическомъ отношеніяхъ, о флорѣ и фаунѣ и о населеніи.

Чего-нибудь новаго здѣсь не найдетъ читатель. Г. Смирновъ сразу же обнаруживаетъ недостаточное знаніе дѣйствительности: русскіе жители Приморской области, вопреки его заявленію на стр. 42, дали и очень характерное прозвище японцу; они окрестили его „макакою“, поддѣлывая его страсть все перенимать и небольшой ростъ. Третья глава—„Амурско-Приморская выставка“—сообщаетъ свѣдѣнія о помѣщеніи выставки, организация ея устройства, открытія и закрытія, количествѣ экспонатовъ, экспонатовъ и выданныхъ наградъ—свѣдѣнія, которыя можно найти въ „Пріамурскихъ Вѣдомостяхъ“, за время самой выставки, и составленные, по приглашенію г. редактора Сильницкаго, разными лицами. Слѣдующая IV-я глава — „Сельское хозяйство“ въ первой части, составленной агрономомъ Дульскимъ, даетъ много интереснаго матеріала, но уже напечатаннаго раньше въ „Пріамурскихъ Вѣдомостяхъ“ тѣмъ же г. Дульскимъ. Такъ какъ г. Дульскій не окончилъ своей статьи, описавъ сельское хозяйство лишь Амурской области, то г. Смирновъ довелъ ее до конца, говоря о Приморской области на основаніи статей „Пріамурскихъ Вѣдомостей“. Статья г. Дульскаго очень интересная по цифровымъ даннымъ, доказывая съ очевидностью, что при нѣкоторомъ усиленіи жителей въ борьбѣ съ дѣйственной почвою Амурской области возможны различныя стороны сельскаго хозяйства — земледѣліе, животно — и птицеводство. Глава V трактуетъ о „Заводско-фабричной и кустарной промышленности“,—о причинахъ слабаго развитія заводско-фабричной промышленности, о значительномъ развитіи послѣдней въ ближайшія 5 — 6 лѣтъ и объ экспонатахъ промышленнаго отдѣла. Незамысловатость видна и въ VI главѣ, посвященной „Рыболовству

и морскимъ промысламъ". Единственно оригинальнымъ въ этой главѣ является отрицательное отношеніе г. Смирнова къ воднымъ богатствамъ Пріамурскаго края; но его скептицизмъ не имѣеть никакого основанія, гадатели въ разрушается основательными изслѣдованіями лицъ, стоявшихъ ближе къ дѣйствительности, напримеръ, для Охотско-Камчатскаго края, г. Слюнина. Очень поверхностно составлена глава VII о лѣсѣ, который плохо эксплуатируется и въ сильной степени уничтожается палами. Подобный же характеръ носить и слѣдующая VIII глава, посвященная „Звѣроловству и охотѣ“. Довольно сказать, что въ этой главѣ г. Смирновъ не далъ подробнаго описанія ловушекъ, многочисленныя модели которыхъ имѣлись на выставкѣ. Въ IX главѣ рѣчь идетъ о „Горной промышленности“. Послѣ краткаго орогеологическаго очерка, перечисляются горныя богатства края, при чемъ сравнительно много удѣляется вниманія золотопромышленности. Эта глава разработана довольно бѣдно. Совершенно неудовлетворительно является X глава — „Колонизація Пріамурскаго края“, потому что авторъ не имѣлъ возможности ознакомиться детально съ этимъ важнымъ для края вопросомъ. На выставкѣ этотъ отдѣлъ представленъ былъ очень плохо, а г. Смирновъ не позаботился поправить недочеты современною статистикою. Глава XI — „Народное образование“ представляетъ сокращеніе статьи пишущаго эти строки, напечатанной въ „Пріамурскихъ Вѣдомостяхъ“, дополненной свѣдѣніями на основаніи позднѣе прибывшихъ экспонатовъ. Въ XII главѣ рѣчь идетъ о „Водныхъ путяхъ амурскаго бассейна“. Здѣсь кратко разсказывается о возникновеніи амурскаго рѣчнаго флота, о навигаціонныхъ качествахъ Амура и его притоковъ, о составѣ и условіяхъ существованія рѣчнаго флота и объ организаціи управленія водныхъ путей. Большой вопросъ края, воочію всплывшій прошедшимъ лѣтомъ во время передвиженія нашихъ войскъ въ Маньчжурію, не вызвалъ со стороны г. Смирнова никакихъ вѣскихъ замѣчаній, кромѣ фразы: „выставка судоходнаго отдѣла убѣдительно указала съ одной стороны на то, какъ много сдѣлано по улучшенію судоходныхъ условій рѣкъ амурскаго бассейна за послѣднее время, а съ другой — какъ мало дѣлалось за время прежде“ (438 стр.).

Какъ замѣтилъ, быть можетъ, внимательный читатель, г. Смирновъ въ своей книгѣ упоминаетъ исключительно объ Амурской и Приморской областяхъ, хотя свою книгу озаглавилъ „Пріамурскій край“. Говорить о край по двумъ областямъ и то не полнымъ (ибо

о Камчаткѣ и Сахалинѣ почти умалчивается въ книгѣ г. Смирнова), конечно, не приходится; но г. Смирновъ не устранился сдѣлать „Заключение“. Вотъ оно въ самыхъ сжатыхъ словахъ: на Дальній Востокъ нельзя смотрѣть какъ на обыкновенную окраинную провинцію, дающую государству нѣсколько лишнихъ милліоновъ дохода, представляющую свободныя мѣста для расселенія на нихъ избытка населенія внутри метрополія. „Значеніе Дальняго Востока несравненно шире: это передовой постъ государства съ активной ролью по преимуществу“.

По словамъ г. Смирнова, это совсѣмъ особенная окраинная провинція: въ физическомъ отношеніи она полна контрастовъ и неожиданностей. Особеннымъ образомъ строится здѣсь экономическая и народная жизнь. Здѣсь не создается только земледѣльческая деревенская Русь; нѣтъ того и населенія: это конгломератъ выходцевъ изъ самыхъ разнородныхъ частей Россіи, съ прихѣсью корейцевъ и китайцевъ. И за 50 почти лѣтъ этимъ конгломератнымъ населеніемъ сдѣлано много: земледѣліе, эта основа крестьянскаго благосостоянія, развивается годъ отъ года; промышленность добывающая, не ограничиваясь разработкою таяжныхъ золотыхъ росышей, начинаетъ захватывать все большій раіонъ естественныхъ богатствъ. Впрочемъ, развитіе горно-заводской промышленности на мѣсто „золотой лихорадки“ есть дѣло будущаго, теперь лишь предполагаемое. Къ той же области предположеній относится правильная эксплуатация „темныхъ“ лѣсовъ, упадокъ пушного промысла и развитіе рыбнаго и морскихъ промысловъ. Г. Смирновъ до того увлекается предположеніями о свѣтломъ будущемъ края, что не замѣчаетъ противорѣчія имъ тому, что онъ говорилъ въ отдѣльныхъ главахъ: если рыбы въ Амурѣ и морскихъ водахъ мало, то откуда же разовьется рыбный промыселъ? Но будемъ продолжать выводы г. Смирнова. Обработывающая промышленность прочно обосновалась въ краѣ, а торговля требуетъ вмѣшательства твердой руки правительства для отвращенія вредной конкуренціи китайцевъ. Совсѣмъ плохо стоитъ въ краѣ судоходство: амурскому рѣчному флоту грозитъ разореніемъ конкуренція Маньчжурской желѣзной дороги, а морской для своего развитія требуетъ возбужденія въ народныхъ силахъ стремленія къ морю. Во всякомъ случаѣ, будущность Дальняго Востока и послѣ книги г. Смирнова остается туманною и неопредѣленною. По словамъ автора разбираемой книги, эта туманность и неопредѣленность начнутъ разсѣиваться тогда, когда первый сквозной поѣздъ, давъ прощальный

свистокъ въ сердцѣ Руси, въ Москвѣ, выпустить пары въ Никольскѣ-Уссурийскомъ.

Иное впечатлѣніе производитъ книга П. О. Унтербергера, бывшаго на службѣ въ Восточной Сибири 33 года, изъ которыхъ 9 лѣтъ онъ занималъ постъ военнаго губернатора Приморской области. Всѣ главнѣйшія событія въ жизни области прошли не только на глазахъ Павла Федоровича, но и при непосредственномъ участіи его. Вотъ почему его книга и имѣетъ множество положительныхъ достоинствъ, дѣлающихъ ее цѣнною не только для лицъ, коимъ придется такъ или иначе принимать участіе въ разрѣшеніи и направленіи разныхъ вопросовъ административнаго и экономическаго характера, но и для безкорыстныхъ изслѣдователей края, равно для всякаго образованнаго чело-вѣка, желающаго составить себѣ опредѣленное понятіе о жизни Приморья. Такое знакомство съ жизнью края тѣмъ необходимѣе, что она, по словамъ автора, „не вылилась еще въ опредѣленные формы“, и почти по всѣмъ отраслямъ управленія идетъ еще и теперь постоянная организационная работа.

Первымъ достоинствомъ книги г. Унтербергера слѣдуетъ признать ясность и простоту изложенія. Многія административныя мѣропріятія получили подъ перомъ его прекрасное историческое освѣщеніе: сразу видно, что писалъ хозяинъ и знатокъ дѣла! Вторымъ достоинствомъ является объективность и трезвость взглядовъ на многія стороны жизни края. Правильная оцѣнка трудовъ тѣхъ пионеровъ, коимъ выпало на долю принести много жертвъ для насажденія и развитія русской культуры на Дальнемъ Востокѣ—третье достоинство. Какъ бывшему руководителю, г. Унтербергеру хорошо извѣстны и эти жертвы, и эти подвиги незамѣтныхъ героев-пионеровъ. Строки книги, посвященные имъ, дышатъ глубокою сердечностью и уваженіемъ. Наконецъ, четвертое достоинство—осторожность. Онъ, напримѣръ, въ заключеніи книги не рѣшается сдѣлать какіе-либо опредѣленные выводы изъ прошедшаго и предположенія на будущее.

Такъ какъ книга г. Унтербергера охватываетъ жизнь Приморской области по 1898 годъ, то изъ нея не получишь представленія о современномъ состояніи области, потому что жизнь юнаго края растетъ быстро, за два года развитіе края ушло далеко впередъ, и многіе изъ намѣченныхъ авторомъ вопросовъ получили разрѣшеніе. Кроме того, не всѣ части Приморской области нашли достаточное освѣщеніе въ названной книгѣ,—все это, впрочемъ, яснѣе станетъ при ближайшемъ ознакомленіи съ содержаніемъ ея.

Изъ 15 главъ книги 14 посвящены описанію края и исторической сводкѣ различныхъ мѣропріятій по части административнаго устройства, колонизаціи, развитія торговли и т. п., а 15-я занята воспоминаніемъ о посѣщеніи Приморской области Его Императорскимъ Величествомъ Государемъ Императоромъ, въ бытность Наслѣдникомъ Цесаревичемъ.

Въ I главѣ, сказавъ объ образованіи Приморской области, авторъ останавливается на сѣверныхъ округахъ ея: Охотскомъ, Гижигинскомъ, Петропавловскомъ, Командорскихъ островахъ, Анадырскомъ и Удскомъ. На 46 страницахъ, конечно, нельзя сообщить основательныхъ и общихъ свѣдѣній объ этихъ округахъ, занимающихъ большую половину территоріи всей области. Хотя авторъ, въ бытность свою мѣстнымъ губернаторомъ, лично посѣтилъ округа и ознакомился съ бытомъ ихъ населенія, однако эта глава является наиболѣе слабою въ его книгѣ, и ее прекрасно дополняетъ огромный трудъ г. Слюнина.

Слѣдующая глава посвящена описанію, также довольно кратко, сѣверно-уссурійскаго края и главнымъ образомъ уссурійскому казачеству. Совершенно справедливо онъ признаетъ Хабаровскій округъ, въ частности окрестности Хабаровска, мало пригодными для колонизаціи. Объ уссурійскомъ казачествѣ онъ, самъ бывший войсковымъ атаманомъ, отзывается очень тепло и симпатично. При этомъ, касаясь вопроса о переселеніи казаковъ изъ другихъ войскъ, онъ справедливо высказывается противъ переселенія на казенный счетъ казаковъ изъ оренбургскаго и донскаго войска, а рекомендуетъ привлечь нѣкоторыми льготами въ казачество крестьянъ-переселенцевъ. Въ этой главѣ много устарѣвшихъ свѣдѣній. Хабаровскій музей и Николаевская при немъ библіотека уже имѣютъ свои помещенія; въ Хабаровскѣ теперь имѣются реальное училище, кадетскій корпусъ и еще одна начальная школа общества оказанія помощи и покровительства переселенцамъ. Начальныя школы уссурійскаго казачества съ 1897 г. обставлены очень хорошо, сравнительно съ таковыми же министерскими и церковно-приходскими.

Въ III, IV и V главахъ рѣчь идетъ о южно-уссурійскомъ округѣ, какъ наиболѣе населенной и важной части Приморской области. Знакомя съ переселенческимъ дѣломъ въ области, отъ начала до 1898 г., авторъ возстаетъ противъ даровой помощи переселенцамъ, справедливо утверждая, что «всякія даровыя подачки деморализуютъ народъ». Выборъ самихъ переселенцевъ онъ считаетъ полезнымъ предоставить лицамъ, командируемымъ мѣстнымъ генералъ-губернаторомъ.

Касаясь въ главѣ VI инородческаго населенія области, авторъ отрицательно относится къ корейцамъ, ежегодно въ значительномъ количествѣ прибывающимъ въ область. Но онъ самъ признаетъ за ними немалую заслугу, оказанную въ первые годы заселенія края русскими. Другіе же изслѣдователи края свидѣтельствуютъ о трудолюбіи ихъ и аккуратности; русскія школы у нихъ обставлены лучше, чѣмъ во многихъ русскіихъ селахъ; вездѣ въ корейскіихъ деревняхъ имѣются храмы; волостныя и сельскія управленія всегда въ порядкѣ; хлѣбозапасныя магазины всегда имѣютъ въ наличности зерно, а въ каждой волости имѣется денежный запасный капиталъ (см. Риттихъ „Крестьянское и переселенческое дѣло въ южно-уссурійскомъ краѣ“. Спб. 1899 г.). Въ слѣдующихъ двухъ главахъ (VII и VIII), сказавъ о топографическихъ условіяхъ уссурійскаго края, климатѣ и т. п., онъ останавливается на условіяхъ сельскаго хозяйства въ области. Вполнѣ справедливо упрекая интендантство за пониженіе цѣны на хлѣбъ, онъ не говоритъ ни слова о вредѣ въ данномъ случаѣ посредниковъ, дѣятельность которыхъ привела, между прочимъ, къ сокращенію во многихъ мѣстностяхъ области посѣвовъ требуемой интендантствомъ ярицы и увеличенію посѣвовъ овса, находившаго себѣ хорошій сбытъ на сторояѣ. Совершенно цѣлѣбно утвержденіе автора, что хозяева-половинщики не особенно распространены: въ Суифунской волости, наоборотъ, не найдете ни одного крестьянина, который воздѣлывалъ бы землю своими трудами. Это ненормальное въ жизни мѣстнаго крестьянства явленіе обратило на себя вниманіе начальства, и нынѣ прошелъ уже законъ о 15-десятиномъ надѣлѣ cadaго переселенца вмѣсто 100-десятинаго, какъ это было до 1901 г. Не пускаясь въ подробности, укажемъ неполноту свѣдѣній о „Южно-Уссурійскомъ обществѣ любителей садоводства и огородничества“, непригодность рекомендуемыхъ къ развитію въ краѣ ичеловодства мѣръ.

При описаніи (въ главѣ IX) немногочисленныхъ въ краѣ промысловъ, каковы: извозъ съ почтовою гоньбою, заготовка дровъ для пароходовъ, рыболовство, охота и нѣкоторые другіе, подробнѣе говорится о золотопромышленности, при чемъ рекомендуются очень основательныя мѣропріятія противъ тайной продажи золота за границу. Но въ той же главѣ всего нѣсколько строкъ удѣлено фабрично-заводской промышленности, которая заслуживала бы большаго вниманія.

Весьма удачною является X глава, гдѣ сжато изложено очеркъ развитія торговли въ краѣ. Разсмотрѣвъ вопросъ о закрытіи порто-франко и условіяхъ таможеннаго надзора, авторъ говоритъ о развитіи

китайской торговли въ селахъ и городахъ области. Особенно вредною признается торговля китайцевъ въ селахъ, гдѣ главными предметами торговли является ханшинъ и опиумъ. Указавъ, какой убытокъ приносить продажа ханшина акцизному сбору ежегодно и какой вредъ здоровью населенія, г. Унтербергеръ тѣмъ не менѣе не считаетъ необходимымъ обязательное запрещеніе пвоза и продажи ханшина и опиума для китайцевъ и корейцевъ. Онъ требуетъ только урегулированія употребленія ханшина и опиума извѣстными правилами и надзоромъ. Пишущій эти строки, не зная записки г. Унтербергера, поданной генералъ-губернатору въ концѣ 80-хъ годовъ, послѣ изученія культуры и употребленія опиума въ южно-уссурійскомъ краѣ лѣтомъ 1899 г., пришелъ къ такому же точно заключенію.

Нѣсколько теплыхъ словъ удѣлено авторомъ въ послѣдующихъ главахъ (XI, XII, XIII и XIV) благотворной дѣятельности военнаго и морского вѣдомствъ, въ частности военныхъ инженеровъ, дѣятельности миссіонеровъ и народному образованію. Послѣднее распространяется среди населенія медленно, не упорядочено вслѣдствіе отсутствія спеціальнаго надзора, страдаетъ отъ недостатка подготовленныхъ учителей. О необходимости открытія въ краѣ ремесленныхъ училищъ, для распространенія среди населенія профессиональныхъ званій, г. Унтербергеръ ничего не говоритъ. Ничего онъ не говоритъ и о спеціальной лѣчебницѣ для душевно больныхъ, коснувшись вопроса охраны народнаго здоровья. Тутъ чувствуется досадный пробѣлъ.

Таково въ краткихъ словахъ содержаніе книги г. Унтербергера. Она снабжена приложеніями: таблицами съ различными статистическими матеріалами и двумя картами, изъ которыхъ особенно цѣнно является карта Южно-Уссурійской округи и Уссурійской казачьей округи.

Книга П. О. Унтербергера по своимъ достоинствамъ представляетъ отрадное явленіе въ литературѣ Приморья, являясь въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ единственною. Что бѣгло намѣтилъ въ I-й главѣ своей книги г. Унтербергеръ, то весьма обстоятельно описалъ въ своемъ капитальномъ сочиненіи г. Слюнинъ. Вышедшіе въ прошломъ году два тома еще не составляютъ конца предпринятаго авторомъ естественно-историческаго описанія „Охотско-Камчатскаго края“. Онъ общается въ „Предисловіи“ издать третій томъ „Дневникъ путешествія“. Участникъ охотско-камчатской экспедиціи инженера К. И. Богдановича, г. Слюнинъ съ 1896 по 1898 годъ собралъ обильный матеріалъ о малозслѣдованномъ краѣ и, при содѣйствіи многихъ

лицъ, обработалъ его въ книгѣ, роскошно изданной министерствомъ финансовъ. Книгу г. Слюнина, съ 32 фотографіями и 54 цинкографіями я могу сравнить только съ роскошнымъ изданіемъ сочиненія г. Сѣрошевскаго о якутахъ.

Первый томъ состоитъ изъ 12 главъ, въ которыхъ находимъ полную общую картину физической природы края, равно экономической, бытовой и умственно-религіозной жизни тамошнихъ инородцевъ.

Въ I главѣ находимъ первый историческій очеркъ охотско-камчатскаго края. По преобладанію тѣхъ или иныхъ тенденцій, авторъ дѣлитъ исторію края на три періода: *исачинный*, начавшійся съ перваго проникновенія въ край русскихъ и кончившійся въ то время, когда научный и торговый интересъ выдвинулъ цѣлый рядъ экспедицій; *экспедиціонный*, начатый Берингомъ и завершившійся геройскою обороною Петропавловскаго порта отъ нападенія англо-французской эскадры; наконецъ, третій періодъ съ 1855 по 1895 годъ *упадка и забвенія*. Въ виду слабой разработки исторіи края авторъ во 2-й томъ выдѣлялъ въкоторыя частности, значительно дополняющія общій очеркъ 1-го тома.

Вторая и третья главы заняты географическимъ очеркомъ Охотскаго побережья и Камчатки. Хотя авторъ внесъ много ясности въ описаніе горъ, рѣкъ и озеръ, однако эти главы свидѣтельствуютъ, какъ еще много остается сдѣлать изслѣдователямъ, чтобы получилось точное и полное географическое описаніе указанныхъ частей Приморской области. Говоря въ IV главѣ о климатѣ, авторъ называетъ тотъ ничтожный метеорологическій матеріалъ, которымъ мы располагаемъ болѣе чѣмъ за 200-лѣтнее обладаніе Охотско-Камчатскимъ краемъ. На основаніи этого матеріала и своихъ наблюденій г. Слюнинъ утверждаетъ, что въ Охотско-Камчатскомъ районѣ мы находимъ сложный и своеобразный комплексъ климатическихъ условій, которыя съ одной стороны рѣзко отличаются отъ материковаго климата вообще и Восточной Сибири въ частности, а съ другой представляютъ много отклоненій отъ того, что принято называть чисто морскимъ климатомъ. И здѣсь г. Слюнинъ даетъ впервые общую картину климата Охотско-Камчатскаго края, какой не дѣлалось ни въ одномъ сочиненіи. Описанію флоры посвящена V, а описанію фауны VI глава. Въ свѣтъ мѣстныхъ физико-географическихъ причинъ, растительность побережья Охотскаго моря, восточныхъ склоновъ Станового хребта и полуострова Камчатки представляетъ такія особенности, которыя побуждаютъ ботаниковъ выдѣлять два округа: Приохотскій и Камчатскій. Здѣсь

преобладаютъ лиственничныя породы, моховыя и лишайныя тундры. Подробное описаніе лѣсовъ и породъ деревьевъ, ихъ составляющихъ, наполняетъ эту главу. Такъ же обстоятельно описана и фауна края, при чемъ обнаруживается малое знакомство паше съ представителями ея. Въ приложеніяхъ (II ч.) находятся дополненія къ этой главѣ, которая не исчерпала всего матеріала, добытаго г. Слюнинимъ, коллекціи котораго остаются пока не обработанными.

Двѣ слѣдующія главы (VII и VIII) заняты описаніемъ населенія Охотско-Камчатскаго края. Въ одной изъ нихъ авторъ даетъ полную картину современнаго распространенія инородцевъ на Охотско-Камчатскомъ побережьи, а затѣмъ знакомитъ съ общимъ физическимъ типомъ, характеромъ, жизнью и умственными способностями тунгусовъ, коряковъ, камчадаловъ, якутовъ и русскихъ. Въ другой главѣ дается очень интересное и подробное описаніе населенныхъ пунктовъ—Чумикана, Аяна, Охотска, Гижиги, Петропавловска, поселковъ и острожковъ. Эта глава помимо новости матеріала представляетъ интересъ приложенными снимками этихъ отдаленныхъ поселеній.

Глава IX занята описаніемъ администраціи по-общественнаго строя и путей сообщенія. Здѣсь читатели найдутъ много новаго и поучительнаго. Авторъ показываетъ ненужность казаковъ, дорого стоящихъ правительству, нераспорядительность администраціи по высылкѣ сѣмянъ и неводного прядева, несправедливо неравномѣрное распределеніе лѣска между инородцами, разорительность для населенія подводной и почтовой повинности. Весьма печальна картина положенія духовенства и народнаго образованія въ этомъ отдаленномъ краю. Последнее, по словамъ автора, въ Петропавловской округѣ стоитъ теперь хуже, чѣмъ 10 лѣтъ тому назадъ, а въ прежніе годы мѣстное духовенство по собственному желанію и частію по указанію архіереевъ прилагало гораздо болѣе старанія и заботливости въ дѣлѣ обученія камчадалскаго юношества. Санитарная часть и врачебная помощь въ краѣ находятся еще въ болѣе печальномъ положеніи, — и только изолированность и большой просторъ до нѣкоторой степени спасаютъ населеніе отъ вымиранія. Цифрами авторъ доказываетъ, что инородцы вымираютъ не вслѣдствіе особенностей здѣшняго климата и образа жизни, а отъ эпидемій и заразныхъ болѣзней, съ которыми некому и нечѣмъ бороться.

Главы X и XI содержатъ описаніе занятій жителей. Обѣ эти главы представляютъ огромный интересъ, знакомя читателя съ промыслами жителей малонизвѣстнаго края. Первое мѣсто справедливо

отведено рыбным промысламъ, потому что они обезпечиваютъ существованіе жителей; затѣмъ слѣдуютъ — охота, добыча жемчуга, собаководство, оленеводство и кустарный промыселъ. Мы лично пожалѣли объ отсутствіи въ книгѣ г. Слюнина, щедрого на рисунки, фотографій рыбъ камчатскихъ, чавычи, харіуса и др. Ему можно было бы позаимствовать рисунки хотя бы изъ книги о Камчаткѣ г. Маргаритова, появившейся въ 1898 году. Послѣдняя XII глава посвящена торговлѣ. Она, какъ была съ самаго начала, такою остается и теперь, т. е. носитъ характеръ частныхъ мѣновыхъ сдѣлокъ. Эти сдѣлки представляются выгодными для купцовъ, но убыточными для янородца, который принужденъ брать въ долгъ и тѣмъ закабалить себя. Но особенное зло приноситъ жителямъ торговля спиртомъ, которая поставлена въ исключительныя условія, не приносящая пользы никому, кромѣ немногихъ частныхъ лицъ. Въ заключеніи авторъ, на основаніи многолѣтняго наблюденія (1892—93 и 1896—98 гг.), высказываетъ свой взглядъ на нужды Охотско-Камчатскаго края. По мнѣнію г. Слюнина окраина не такъ обездолена, какъ это казалось до сихъ поръ: 1) найдены здѣсь горной экспедиціей россыпи золота, залежи сѣры, угля, графита и т. п.; 2) рѣки богаты рыбою, и заливы, въ особенности, сельдью; 3) нѣкоторыя бавки обильны трескою; 4) киты даютъ большіе барыши предаримчивымъ иностранцамъ; 5) масса мелкой рыбы, выбрасываемой во время прибой на берегъ, можетъ послужить для приготовления удобрительнаго тука, въ которомъ такъ нуждается Японія; 6) дѣсь кожегъ экспортироваться въ Китай. Къ книгѣ приложена исправленная и дополненная авторомъ карта Охотско-Камчатскаго края.

Самъ авторъ сознается, что его книга не можетъ считаться вполнѣ совершеннымъ трудомъ, потому что онъ не воспользовался всѣми матеріалами, бывшими въ его распоряженіи. Но и сдѣланное имъ такъ солидно, мнѣнія его по главнымъ вопросамъ жизни края такъ основательны, что нѣсколько мелкихъ недочетовъ не лишаютъ книгу г. Слюнина первенствующаго мѣста въ довольно многочисленной, но мелкой литературѣ, посвященной Охотско-Камчатскому краю. Приложенный ко II тому списокъ этой литературы называетъ все существенно важное, исключая вышеназванной книги г. Маргаритова, написанной по поводу 200-лѣтняго юбилея по живымъ впечатлѣніямъ почти пятидесятичнаго путешествія.

По прочтеніи всѣхъ названныхъ трехъ книгъ о Дальнемъ Востокѣ, у насъ явилось одно желаніе: Амурская Область наша себѣ описа-

телей въ лицѣ гг. Груммъ-Гржимайла и Семенова, Охотско-Камчатскій край — г. Слюнина, остается очередь за Приморской областью. Когда же она дождетса своего описателя, который обогатитъ мѣстную литературу такою же прекрасною книжкою, какова книга г. Слюнина?

Сергій Крайновскій.

В. Браунъ. Разысканія въ области готто-славянскихъ отношеній. I. Готы и ихъ сосѣди до V вѣка. Периодъ первый: Готы на Вислѣ. Спб. 1899. XX+392.

1.

Въ доисторическихъ судьбахъ славянъ вообще и русскихъ въ частности величайшей важности событіемъ является передвиженіе готовъ изъ области нижней Вислы на сѣверное побережье Чернаго моря и низовья Дуная. Если въ I вѣкѣ нашей эры славяне, подъ именемъ венетовъ, извѣстны были древнему міру только какъ одна изъ крупныхъ народностей далекаго и невѣдомаго сѣвера, то послѣ окончанія готской исторіи на черноморскомъ побережьи и переселенія ихъ въ предѣлы имперіи, славяне предстали предъ лицомъ культурнаго міра, какъ огромный народъ, напиравшій на имперію по всей линіи ея сѣверныхъ границъ, т. е. по теченію рѣки Дуная. Съ исторіей готовъ въ предѣлахъ нынѣшней Россіи непосредственно связано передвиженіе славянъ на югъ и выступленіе послѣднихъ на арену исторіи. Готы должны были оставить свой слѣдъ на славянствѣ и прежде всего на той его части, которая, много вѣковъ спустя, стала называться Русью. Споръ о томъ, откуда пошла Русская земля, вступилъ въ новую фазу, когда явились попытки вывести изъ готскаго языка самое слово „Русь“. Такой этимологіи держался академикъ Куникъ, къ ней склонялся академикъ Васильевскій, филологически обосновать ее пытался въ 1890 году на Московскомъ археологическомъ съѣздѣ профессоръ Будиловичъ. Въ частныхъ бесѣдахъ Куникъ нерѣдко высказывалъ свое глубокое убѣжденіе, что въ скоромъ времени всѣ русскіе историки сойдутся въ названіи древнѣйшаго періода русской исторіи „готскимъ“. Не беремся судить о томъ, въ какой степени основательны надежды покойнаго Куника и оправдаетъ ли ихъ будущее; но полагаемъ, что каждый интересующійся русской исторіей отнесется съ благодарностью къ попыткѣ освѣтить этотъ

вопросъ съ той стороны, откуда можетъ прежде всего быть брошенъ свѣтъ на него, а именно: лингвистики. Эту задачу взялъ на себя г. Браунъ. Еще восемь лѣтъ тому назадъ онъ напечаталъ небольшой этюдъ, посвященный критическому разбору отстаиваемой профессоромъ Будиловичемъ этимологій слова „Русь“, и этотъ этюдъ воспроизведенъ имъ теперь въ видѣ вступительной главы въ его „Разысканія въ области готто-славянскихъ отношеній“ (стр. 1—28).

Будиловичъ полагалъ, что имя Русь, какъ славянское слово, можетъ быть выведено изъ постулируемой древне-германской формы *hrōdh*—(*hrōdheis*), какъ раньше его утверждалъ это Куникъ. Подступая къ этому вопросу путемъ подробнаго этимологическаго анализа, г. Браунъ признаетъ возможнымъ допустить, что „готы дѣйствительно носили нѣкогда прозвище *Hrōdhigutos*, или въ сокращенной формѣ *Hrōdheis*“ (стр. 14); но онъ утверждаетъ на основаніи звуковаго анализа славянскихъ словъ, заимствованныхъ отъ готъ, что форма *hrōdha* не могла дать въ славянскомъ слова „Русь“. Онъ допускаетъ въ то же время, что византийское Ρῥος могло быть точной передачей готскаго *hrōdh*, а равно и то, что слово „Русь“ могло перейти изъ готскаго въ славянскіе языки черезъ посредство финскихъ (стр. 17).—Отсюда г. Браунъ дѣлаетъ такой выводъ: „предположеніе о готскомъ происхожденіи Руси, какъ народа и государства, теряетъ всякую почву“. Самъ онъ рѣшительный сторонникъ норманской теоріи и полагаетъ, что эта послѣдняя давно перестала быть гипотезой и „стала теоремой, неоспоримо доказанной фактами лингвистическими“ (стр. 2).—Мы лично нисколько не считаемъ себя компетентными судить въ этихъ вопросахъ, ни тѣмъ болѣе провѣрять аргументацію ученаго германиста въ его лингвистическомъ разбирательствѣ касательно слова „Русь“. Если бы онъ остался въ дальнѣйшемъ содержаніи своей книги на этой почвѣ и вращался бы въ сферѣ сродныхъ вопросовъ, то мы не считали бы себя въ правѣ выступать съ какимъ-либо отзывомъ о его книгѣ. Но въ дальнѣйшемъ содержаніи своей работы г. Браунъ перешелъ на другую почву, занялся иными вопросами, гдѣ мы уже можемъ стоять на одной съ нимъ почвѣ, и свой лингвистическій методъ, который онъ пронесъ на заключительныхъ страницахъ своего „вступленія“, какъ единственно вѣрный и надежный путь, онъ самъ назвалъ на степень служебнаго орудія, которое въ иныхъ случаяхъ можетъ оказать помощь въ оправданіе гипотезъ и домысловъ, полученныхъ на почвѣ толкованія свидѣтельствъ древнихъ историковъ и географовъ. Позволяемъ себѣ думать, что такимъ обра-

зомъ почтенный авторъ пришелъ на пути своего изложенія въ первомъ томѣ своей работы въ противорѣчіе съ самимъ собой, которое никомъ образомъ не послужило ему въ пользу.

Въ своемъ предисловіи авторъ поясняетъ, что по первоначальному плану своей работы, какъ онъ началъ ее печатать въ 1895 году, онъ предполагалъ обозрѣть древнѣйшія судьбы готовъ въ одной небольшой главѣ комплятивнаго характера. Но отпечатавъ нѣсколько листовъ своей работы, онъ углубился въ изученіе источниковъ по географіи и этнографіи древней Скандинавіи, и въ результатъ этого явилось то, что вводная глава выросла въ цѣлую книгу, и, появившись въ печати, благодаря этому нивѣненію первоначальнаго плана, лишь въ концѣ 1899 года, получила особое частное заглавіе: „Готы на Вислѣ“. Такая судьба книги г. Брауна отразилась довольно неблагоприятно на характерѣ изложенія и прежде всего на общей экономіи распредѣленія какъ самаго матеріала, такъ и личнаго интереса автора къ отдѣльнымъ сторонамъ сложныхъ и трудныхъ вопросовъ, въ которыхъ онъ смѣло и увѣренно вошелъ. Такъ какъ г. Браунъ представилъ самостоятельное изслѣдованіе по первоисточникамъ, то трудъ его заслуживаетъ полнаго уваженія и требуетъ внимательнаго и подробнаго изученія. Но нельзя не признать, что эту задачу авторъ сдѣлалъ весьма не легкой для своего читателя.

Общій ходъ изложенія г. Брауна таковъ.—Вслѣдъ за краткимъ обозрѣніемъ данныхъ о готахъ у Тацита, Птолемея и Иордана (стр. 25—31) авторъ переходитъ къ отчету о западныхъ сосѣдяхъ готовъ и затѣмъ—юго-западныхъ, предложивъ подробный этнографическій обзоръ страны къ сѣверу отъ средняго теченія Дуная по рѣкамъ Одеру и Вислѣ. Данные Птолемея вызвали его между прочимъ на цѣлый рядъ соображеній о направленіи торговыхъ путей, по которымъ римляне сносились съ балтійскимъ побережьемъ (стр. 31—68). Къ этой первой группѣ вопросовъ, разработанныхъ подробно, но безъ излишнихъ деталей, примыкаетъ вторая, привлекавшая вниманіе автора въ большей мѣрѣ и потребовавшая отъ него огромнаго труда, а именно: этнографія Птолемеевой „Европейской Сарматіи“, т. е. территорія теперешней Европейской Россіи (стр. 69—256). По живой связи этническихъ вопросовъ Сарматіи съ областью древней Дакии и низовій Дуная, авторъ удѣляетъ такое же вниманіе географіи и этнографіи этихъ областей. Среди изслѣдованія о Птолемеевой Сарматіи онъ ставитъ себѣ мѣсто „вопросъ о прароднѣхъ славяно-балтійцевъ“ (стр. 257).

Покопчавъ съ Сарматіей, авторъ обращается опять къ готамъ. Онъ ставитъ и рѣшаетъ вопросъ о томъ: „откуда явились готы на низовья Вислы“ (стр. 256—331) и въ заключеніе удѣляетъ нѣсколько страницъ вопросамъ: „Венеды на балтійскомъ побережьи“ (стр. 331—336) и „вліяніе славяно-балтійскихъ языковъ на вандальскіе“ (стр. 336—341). Книга заканчивается объяснительной запиской къ двумъ картамъ, которыя авторъ приложилъ къ своему труду (стр. 343—359). Такъ какъ въ теченіе печатанія своей работы авторъ углубилъ свое знаніе о Птоломееѣ и кое въ какихъ вопросахъ отступилъ отъ тѣхъ положеній, которыя нашли себѣ мѣсто въ первой главѣ его изложенія, то онъ самъ рекомендуетъ читателю ознакомиться сначала съ этою послѣдней частью работы и поправить кое въ чемъ его предшествующее изложеніе.

Представленный нами общій обзоръ содержанія книги г. Брауна даетъ указаніе на обиліе обработаннаго въ ней матеріала; но изъ него видно также, какъ неблагоприятно отразилось на его изложеніи измѣненіе цѣли и задачи, какія онъ себѣ ставилъ первоначально. Его книга обратилась въ цѣлый рядъ специальныхъ экскурсовъ, которые не являются предъ читателемъ въ самостоятельной и законченной формѣ обработанныхъ въ деталяхъ изслѣдовацій, а какъ-то вытекаютъ одинъ изъ другаго, затемняя ту идею, которая положена въ самую основу его труда, и устраниая изъ поля зрѣнія читателя цѣль, которую поставилъ себѣ авторъ, принимаясь за свое изслѣдованіе. Даже и то специальное заглавіе, которое далъ г. Браунъ своему первому тому, не вполне подходитъ къ нему, такъ какъ выясненію древнѣйшихъ судьбъ готовъ удѣлено въ его изложеніи гораздо меньше мѣста, чѣмъ разнымъ специальнымъ вопросамъ по этнографіи Сарматіи. Работа г. Брауна много бы выиграла въ смыслѣ цѣльности, если бы онъ выдѣлялъ изъ нея все то, что является лишь общей почвой для трактовки вопроса о готахъ. Такъ какъ изложеніе автора постоянно уходитъ въ детали, и онъ самъ не сводитъ результатовъ своего изслѣдованія и даже не выдѣляетъ главнаго изъ множества частныхъ вопросовъ, по которымъ онъ высказывается, то представить полный отчетъ о его книгѣ во всемъ ея объемѣ — дѣло очень трудное. Мы попытаемся выдѣлить нѣкоторые вопросы болѣе общаго характера, по которымъ онъ пришелъ къ новымъ выводамъ и болѣе или менѣе подробно обосновалъ ихъ. Такъ какъ его трудъ посвященъ готамъ, то полагаемъ, что прежде всего слѣдуетъ остановиться

на томъ, въ какомъ видѣ представляетъ онъ древнѣйшую судьбу этого племени.

II.

Отъ древней исторической литературы сохранилось до насъ твореніе Іордана, которое въ цѣломъ представляетъ собою извлеченіе и переработку исторіи готовъ, написанной современникомъ Теодориха Великаго, римскимъ сенаторомъ Кассіодоріемъ. По вопросу о древнѣйшихъ судьбахъ готовъ Іорданъ сохранилъ намъ великолѣпную народную легенду въ краткой версіи, но ясную и простую. По этой легендѣ готы являлись на материкъ въ область нижней Вислы изъ Скандинавіи при царѣ Беригѣ ¹⁾, а при пятомъ преемникѣ этого царя, Флимерѣ, они передвинулись на югъ изъ этой области въ побережья Чернаго моря. Легенда о переселеніи изъ Скандинавіи дана въ великолѣпной чисто эпической окраскѣ, и какъ историкъ-среднихъ вѣковъ, такъ и германисты не сомнѣвались доселѣ въ томъ, что въ основѣ ея сохранено намъ зерно исторической истины. Довѣріе историковъ къ этому свидѣтельству легенды дало опредѣленный курсъ направленію ученой разработки археологическихъ данныхъ, находимыхъ на территоріи Швеціи и нижней Германіи. Не касаясь историковъ, г. Браунъ, вознамѣрившись поколебать довѣріе къ свидѣтельству легенды, обращаетъ свою критику на одинъ недавній трудъ „германиста-этнолога“ Косинны, въ которомъ собраны были археологическія обобщенія въ доказательство скандинавскаго происхожденія восточныхъ германцевъ ²⁾. Обнаруживая скорѣе лишь недоувѣріе къ

¹⁾ Iord. Getica, cap. XVII, 94. Meminisse debes me in initio de Scandzae insulae gremio Gothos dixisse egressos cum Berich rege suo, tribus tantum navibus vectos ad ripam Oceani ceterioris, id est Gothiscandza (95). Quorum trium una navis ut adoleat, tardior nauta nomen genti fertur dedisse; nam lingua eorum pigra gepanta dicitur (96). Hi ergo Gepidae tacti invidia, dum Spesia provincia commaneret in insulam Visclae amnis vadibus circumactam, quam patrio sermone dicebant Gepedolos. — IV, 25. Ex hac igitur Scandza insula quasi officina gentium aut certe velut vagina nationum cum rege suo nomine Berig Gothi quondam memorantur egressi: qui ut primum e navibus exientes terras attigerunt, illico nomen loci dederunt. Nam odieque illuc, ut fertur, Gothiscandza vocatur. (26). Unde mox promoventes ad sedes Ulmerugorum, qui tunc oceani ripas insidebant, castra metati sunt eosque commisso proelio propriis sedibus pepulerunt, eorumque vicinos Vandalos iam tunc subiugantes suis applicaverе victoriis.

²⁾ Положенія, сформулированныя Косинной, нашли полное признание и отчасти дополнены новыми соображеніями въ статьѣ Hedinger'a: *Urheimat der Germanen*. Neue Jahrbücher, 1899, стр. 562 и сл.

археологическимъ доводамъ, чѣмъ ихъ опровергая, и отрицая значеніе сонаденія именъ племенъ и мѣстностей на материкѣ и въ Скандинавіи, онъ переводитъ вопросъ на почву разбора данныхъ языка; рассматриваетъ затѣмъ подробно „мотивъ скандинавской прародинны у другихъ материковыхъ германцевъ“ (стр. 308—324) и наконецъ. предлагаетъ „провѣрку“ сложившейся въ его воображеніи картинны древнѣйшихъ судебъ готовъ свидѣтельствами историческими (стр. 327—331). Восстановленная а priori и „провѣренная“ матеріаломъ историческихъ свидѣтельствъ древнѣйшая исторія готовъ въ книгѣ г. Брауна такова.

Готы искони сидѣли на материкѣ и, составляя одну группу съ сосѣдними восточно-германскими племенами, а именно: вандалами, лангобардами, ругами, и гепидами, занимали мѣстности на сѣверѣ отъ цыѣншей Богеміи. Ко времени пребыванія ихъ въ тѣхъ мѣстахъ относится ихъ столкновеніе съ вандалами, о которомъ поминаетъ Иорданъ. Въ пору императора Августа маркоманскій властитель Марободъ покорилъ ихъ своей власти вмѣстѣ съ другими народами къ сѣверу и сѣверо-западу отъ своей земли. Завоевательная политика Маробода была причиной того, что готы двинулись изъ страны, которую тогда занимали, на сѣверо-востокъ. Противъ Маробода поднялся готъ Катувалда, который изгналъ его изъ его царства и принудилъ искать убѣжища въ предѣлахъ римской имперіи въ 19 г. нашей эры. Хотя Марободъ, врагъ готской свободы, былъ устраненъ, и держава его разрушена, однако готы динулись на сѣверо-востокъ отъ своей родины и, прокладывая себѣ путь черезъ область лугійскихъ племенъ, заняли лѣвый берегъ Вислы въ нижнемъ ея теченіи. Въ половинѣ I вѣка Плиній знаетъ ихъ въ странѣ янтара; тамъ же сидятъ они въ пору Тацита. Но такъ какъ Птолемей помѣщаетъ готовъ на правомъ берегу Вислы, то отсюда слѣдуетъ вывести заключеніе, что „готы явились на правомъ берегу Вислы и достигли моря не раньше второй половины I вѣка“ (стр. 331). Поморское населеніе носило въ ту пору имя венедевъ-вендовъ. Этотъ этнической терминъ обнималъ тогда какъ славянскія, такъ и „айстскія“, т. е. литовско-латышскія народности, „всѣхъ вообще негерманскихъ сосѣдей за Вислой“. То обстоятельство, что Тацитъ ясно отличаетъ айстовъ отъ венедевъ, говоря словами г. Брауна, „не рѣшаетъ вопроса“ (стр. 332). Имя венедевъ сохранилось съ одной стороны въ нашихъ „вятичахъ“, а съ другой въ цѣломъ рядѣ мѣстныхъ именъ на „айтскомъ“ побережьи Балтики: рѣка Вента, города Вин-

дава, Венденъ и др. Пребывая въ средѣ „айстскихъ“ племенъ, готы испытали ихъ воздѣйствіе въ самомъ важномъ своемъ народномъ достояніи, т. е. языкѣ. По языку готы принадлежать къ особой восточной группѣ германскихъ нарѣчій, такъ называемые „вандальскіе языки“; кромѣ готовъ сюда относятся: бургунды, вандалы, луги, руги. По утверженію автора, „выдѣленіе вандальскихъ нарѣчій въ особенную группу совпадаетъ съ передвиженіемъ готовъ и переходомъ ихъ черезъ Вислу“ (стр. 338). Особенности вокализма вандальской группы идутъ ослабѣвая съ востока на западъ. Но такъ какъ по существу они сходятся съ особенностями „айстскаго“ вокализма (т. е. народовъ литовско-латышскихъ), то авторъ и заканчиваетъ свое изслѣдованіе вопросомъ: „не здѣсь ли лежитъ исходный пунктъ движенія, превратившаго прагерманское $\bar{a}e$ въ готское \bar{u} , прагерманское \bar{o} въ готское \bar{o} , близкое къ \bar{u} “ (стр. 341).

Итакъ, по г. Брауну, готы были туземцы на материкѣ Европы, они не имѣютъ никакого отношенія къ Скандинавіи, къ морю подвинулись они лишь въ половинѣ I вѣка нашей эры. Народная легенда о заморскомъ происхожденіи готовъ и переселенія на материкъ съ сѣвера—не заслуживаетъ никакого вниманія и не заключаетъ въ себѣ никакого зерна исторической достовѣрности. Древнѣйшая исторія племени была совѣсмъ иная, и мы можемъ ее прослѣдить по столѣтіямъ. Таковы положенія г. Брауна.

Да простятъ намъ почтенный и много потрудившійся надъ доказательствомъ этихъ положеній авторъ, но по нашему мнѣнію, онъ, сохраняя серьезный тонъ изслѣдователя, посмѣялся, и очень жестоко, какъ надъ историческимъ матеріаломъ, такъ и надъ его критикой, а еще горшее издѣвательство совершилъ надъ тѣмъ, что ему особенно дорого, т. е. лингвистикой, обративъ ее въ своихъ умѣлыхъ рукахъ въ послушное орудіе, при помощи котораго можно доказывать любой парадоксъ. Вся эта квази — ясная картина древнѣйшихъ судьбъ готовъ является результатомъ произвольныхъ допущеній и смѣлой комбинаціи однихъ историческихъ свидѣтельствъ въ забвеніи другихъ, сопровождаемая полнымъ игнорированіемъ не только даныхъ археологій, но также и географіи.

Представить полное опроверженіе гипотезъ и домысловъ г. Брауна значило бы написать столько же, сколько онъ самъ; но это было бы напраснымъ трудомъ, такъ какъ слабость его теоріи достаточно будетъ видна изъ указаній на нѣкоторыя болѣе слабыя звенья его ар-

гументациі, или недочеты въ привлеченномъ имъ къ изслѣдованію матеріалѣ.

Исходнымъ пунктомъ его аргументациі является, повидимому, положеніе о дѣленіи германскихъ языковъ на три вѣтви, при чемъ вандалская группа выдѣлена какъ самостоятельная, на ряду съ скандинавской и западно-германской (стр. 275). Но это вопросъ спорный; авторъ самъ отмѣчаетъ его трудность и называетъ нѣсколько именъ авторитетныхъ германистовъ, которые сближали восточно-германскую группу языковъ съ скандинавской, противопоставая ей западно-германскіе языки.

Допустимъ, что г. Браунъ правъ въ этомъ вопросѣ; но онъ самъ не только умалилъ, а даже вовсе устранилъ значеніе этого аргумента тѣмъ, что въ другомъ мѣстѣ своего изложенія пришелъ къ выводу такого рода: „начало выдѣленія вандалскихъ нарѣчій въ обособленную группу совпадаетъ по времени съ передвиженіемъ готъ и переходомъ ихъ черезъ Вислу“ (стр. 338), а этотъ фактъ онъ самъ относитъ къ концу I вѣка по Р. Хр. Мы не касаемся вопроса о томъ, на какую степень вѣроятности могутъ претендовать подобнаго рода точныя, хронологически опредѣленные, датировки столь крупныхъ явленій въ жизни языка, какъ дѣленіе на группы. Какъ лингвистъ, г. Браунъ компетентенъ судить объ этомъ лучше насъ. Но для насъ важно отмѣтить одно: на сколько бы группъ ни дѣлить германскіе языки, вопросъ этотъ, являющійся исходнымъ пунктомъ аргументациі автора и устанавливаемой имъ исторіи готъ, ничего однако не даетъ по существу, потому что самое выдѣленіе изъ общей массы германскихъ языковъ вандалскихъ нарѣчій случилось, по его мнѣнію на памяти исторіи, когда готы перешли на правый берегъ Вислы. Такимъ образомъ, оказывается совершенно все равно: пришли ли они изъ Скандинавіи на материкъ, или выселились на нижнюю Вислу изъ сѣверныхъ предгорій богемскихъ горъ,—до явленія у береговъ Балтики они были въ единствѣ языка со всѣми остальными германскими племенами, могли, стало быть, находиться и въ Скандинавіи. Его исходный пунктъ оказывается мнимымъ и самъ авторъ сдѣлалъ его такимъ.

Почему же г. Браунъ далъ однако готамъ совсѣмъ не ту родину, на какую они претендовали въ своихъ національныхъ преданіяхъ? Повидимому, на эту мысль навело его свидѣтельство Страбона. Этотъ географъ, VII 1, помянулъ о готахъ, если только правы тѣ, кто

вмѣсто засвидѣтельствованнаго въ его текстѣ *Воотωνας* хотѣть читать *Гоотωνας*. Это свидѣтельство о готахъ авторъ считаетъ древнѣйшимъ и первымъ по времени. Но достаточно заглянуть въ текстъ Страбона, чтобы видѣть, что у Страбона нѣтъ точныхъ топографическихъ указаній относительно далекаго сѣвера. Онъ лишь называетъ нѣсколько именъ народовъ, которыхъ подчинилъ себѣ царь Марободъ. Не говорить онъ и того, жили ли эти народы въ непосредственной близости отъ маркоманновъ. или же занимали далекія отъ нихъ мѣстности ¹⁾.

Изъ болѣе отчетливыхъ и ясныхъ сообщеній Тацита (анн. II 45) мы знаемъ, что Марободъ подчинилъ себѣ семноновъ и лангобардовъ. Такъ какъ послѣдніе занимали низовья Эльбы и Марободъ покорилъ ихъ своей власти, то почему же считать невѣроятнымъ, что тотъ же воитель могъ подчинить себѣ и область нижней Вислы, гдѣ сидѣли готы? А если передвигать готы въ истоки Вислы, то почему же не дѣлать подобнаго и съ лангобардами и не подвинуть ихъ также на югъ поближе къ маркоманнамъ? Никакой помощи не можетъ оказать также и эпизодъ съ Катувальдой. То былъ воитель, начальникъ бродячей дружины, которая покинула родину и искала добычи. Подробный рассказъ Тацита (анн. II 62), единственный нашъ источникъ объ этомъ событіи, въ такомъ именно свѣтѣ представляеть дѣло. Послѣ изгнанія Маробода, Катувальда столкнулся съ гермундурами и искалъ спасенія въ предѣлахъ имперіи. Тиберій интернировалъ его далеко на югѣ, въ городѣ *Fogium Iulium* въ Нарбонской Галліи, а дружина его, не получившая права перехода черезъ Дунай, составила ядро царства квада Ванныя. Если Катувальда не пытался воротиться на свою родину, а дружина его отдалась въ распоряженіе императора и была поселена послѣднимъ по близости отъ предѣловъ имперіи, то отсюда естественно заключить, что родина готы была

¹⁾ Str. VI, 1, 8. 'Ἐνταῦθα δ' ἐστὶ καὶ ὁ Ἐρκόνιος ἄρμος καὶ τὰ τῶν Σοῦρων ἔθνη, τὰ μὲν οἰκοῦντα ἐντὸς τοῦ ὄρους, καθάπερ τὰ τῶν Κοαδοῶν ἐν οἷς ἐστὶ καὶ τὸ Βουζιαιμον, τὸ τοῦ Μαρρόβδου βασιλείον... ἐκινεῖσθαι δὲ ἔδουάστευσε καὶ κατεκτήσατο πρὸς οἷς εἶπον Λούτους τε μέγα ἔθνος, καὶ Ζούρους καὶ Βούτωναs καὶ Μουρίλωνας καὶ Σιβινοῦs καὶ τῶν Σοῦρων αὐτῶν μέγα ἔθνος, Σέρμωνας... Κοινὸν δ' ἐστὸν ἀπαιτῆσαι τοῖς ταύτῃ τὸ περὶ τῶs μεταναστάσεις εὐμαρῆs διὰ τὴν λεπτότητα τοῦ βίου καὶ διὰ τὸ μὴ γαστριῶν μὴδὲ θησαυρίζειν, ἀλλ' ἐν καλυβίοιs οἰκεῖν, ἐφήμερον ἔχουσι παρασκευῆν. Τροφή δ' ἀπὸ τῶν θερμμάτων ἢ κλειστή, καθάπερ τοῖs Νομάσιν. Ibid. 2, 4. Τὰ ἐπὶ πέραν τοῦ Ἄλβιος τὰ πρὸς τῇ Ὀκεανῷ παντάπασιν ἄγνωστα ἡμῖν ἐστίν. Οὕτε γὰρ τῶν προτέρων οὐδένα ἴσμεν τὸν παράκλιον τοῦτον κεκοιμημένον πρὸς τὰ ἑσθινὰ μέρη τὰ μέγχι τοῦ στόματος τῆς Κασπίας θαλάττης, οὐδ' οἱ Ῥωμαῖοὶ καὶ προῖλλον εἰς τὰ περαιτέρω τοῦ Ἄλβιος.

далеко отъ земли маркоманновъ и Катуальда не имѣлъ возможности туда вернуться.

Итакъ, лишеннымъ основанія является предположеніе, будто готы спасались отъ Маробода на далекій сѣверо-востокъ. Достоверно засвидѣтельствовано только то, что готская дружина, достаточно сильная для того, чтобы сокрушить тронъ Маробода, вторглась въ область маркоманновъ, воевала потомъ съ западными сосѣдями маркоманновъ и, наконецъ, подалась на югъ, ставъ подъ защиту римской власти.

Совершенно произвольнымъ является, далѣе, утверждение г. Брауна, будто Страбонъ для насъ первый свидѣтель о готахъ. Онъ почему-то совершенно устранилъ изъ рассмотрѣнія весьма интересное и важное свидѣтельство Плинія, который приводитъ имя знаменитаго массилійскаго путешественника Пинеаса, IV вѣка до Р. Хр., какъ перваго свидѣтеля о пребываніи готовъ на низовьяхъ Вислы.—*Pytheas Gutonibus Germaniae gente adcoli aestuarium Melonomon nomine ab Oceano spatio stadiorum sex milium, ab hoc dici navigatione abesse insulam Abalum illo per ver fluctibus advehi et esse concreti maris purgamentum, incolas pro ligno ad ignem uti at proximis Teutonis vendere. Huic et Timaeus creditit, sed insulam Bastliam vocavit, Hist. Nat. XXXVII 35.*—Итакъ, по прямому смыслу этого свидѣтельства, имя готовъ, какъ племени обитающаго въ странѣ янтаря, извѣстно было греческимъ ученымъ IV вѣка до Р. Хр.

Правда, Мюллергофъ путемъ разныхъ ухищреній старался устранивъ имя готовъ изъ этого текста Плинія, но врядъ ли онъ многихъ убѣдилъ своими разсужденіями. Если же г. Браунъ ему вполне повѣрилъ, то это никоимъ образомъ не освобождало его отъ обязанности помянуть это интересное и важное свидѣтельство и отмѣтить, что онъ его устранилъ, потому что въ немъ усомнился Мюллергофъ¹⁾.

¹⁾ Мюллергофъ, D. A., стр. 479 — предлагаетъ читать *Teutonibus* вм. *Gutonibus*; *Detlefsen* въ статьѣ: *Zur Kenntniss der Alten von der Nordsee* (Hermes. 1897, стр. 190—201), основываясь на чтеніи одной рукописи (Cod. Bambergensis), — *guionibus* и узнавалъ въ немъ имя *Ingaevones*. *Kothe*, — *Die Bernsteininseln bei Timaios* (Jahrbücher f. d. Phil., 1890, стр. 184—186)—видитъ въ словахъ: *Germanorum* gente — вставку Плинія въ подлинное свидѣтельство и въ готахъ этого текста Плинія признаетъ населеніе южной Швеціи, т. е. гаутовъ Птолемея. — Мы лично не мало не хотимъ настаивать на томъ, что Пинеасъ дѣйствительно зналъ готовъ на устьяхъ Вислы; но полагаемъ, что обходить и замалчивать такое ясное свидѣтельство инымъ образомъ было нельзя въ специальной работѣ о древнѣйшихъ судьбахъ готовъ, тѣмъ болѣе что г. Браунъ такъ подробно трак-

Этого онъ не сдѣлалъ, а только утверждаетъ первенство Страбона съ его *Гобтѳвес*, въ которыхъ, конечно, можно признать *Гобтѳвес*.

Какъ бы ни отнестись къ свидѣтельству Плинія, первенство Страбона въ упоминаніи имени готовъ оказывается весьма сомнительнымъ, и во всякомъ случаѣ оно ни мало не подтверждаетъ апріорнаго предположенія, будто готы около времени Р. Х. обитали въ мѣстностяхъ далекихъ отъ низовьевъ Вислы. При императорѣ Неронѣ была отправлена экспедиція въ страну янтара (Рип. 37, 45), существовалъ издавна установившійся торговый путь, по которому шла торговля янтареми; а потому отъ широкаго кругозора римской политики того времени не могли бы, конечно, укрыться крупныя этническія перевороты, каковыми должно было явиться переселеніе большого народа въ страну, находившуюся въ торговыхъ сношеніяхъ съ имперіей. Если Птолемей является для насъ первымъ авторомъ, который съ полной опредѣленностью помѣстилъ готовъ на правомъ берегу Вислы, то это никоимъ образомъ не даетъ намъ хронологіи ихъ переселенія, какъ думаетъ г. Браунъ. Нельзя, конечно, навлечь хронологической даты и изъ Иордана, который отводитъ такой краткій промежутокъ между переселеніемъ готовъ на низовья Вислы и передвиженіемъ ихъ на югъ. Но вѣдь Иорданъ, или его источникъ Кассіодорій, далъ намъ не выписку изъ хроники, а свидѣтельство въ эпической оболочкѣ, гдѣ личность героя является лишь символомъ и олицетвореніемъ цѣлыхъ эпохъ. Пребываніе готовъ въ странѣ янтара мы должны считать вѣками, и то обстоятельство, что Плиній (4, 100) знаетъ рѣку Прегель подъ именемъ *Guttalus*, давно уже нашло себѣ справедливое толкованіе.

Приступая къ „провѣркѣ“ своего „апріорнаго вывода“ историческимъ и лингвистическимъ матеріаломъ (стр. 327), г. Браунъ отмѣчаетъ „скудость“ того и другого. Если „скудость“ лингвистическаго матеріала позволила ему однако перевернуть на изнанку исторію готовъ, то историческій матеріалъ далеко не настолько скуденъ, какъ думаетъ г. Браунъ. Скуднымъ сдѣлалъ его самъ, такъ какъ онъ его обуздалъ и въ немъ не разобрался. Его попытку поколебать такой прочный устой исторіи готовъ, какъ ихъ связь съ Скандинавіей, мы считаемъ просто недоразумѣніемъ. Отрицая эту связь, г. Браунъ признаетъ, однако, одинъ фактъ, который ее непреложно доказываетъ. Ра-

туетъ столько вопросовъ, которые не имѣютъ никакого значенія для выясненія исторіи готовъ.

зумѣемъ—островъ Готландъ съ его ископнымъ ютскимъ, какъ признаеть это и самъ г. Браунъ, населеніемъ. Вопросу о „гутскомъ“ языкѣ авторъ посвятилъ обстоятельный ученый экскурсъ (стр. 282—305) и, какъ свой окончательный выводъ, онъ ставитъ положеніе: „И такъ, изъ скандинавскихъ языковъ одно только нарѣчіе Готланда носить явные признаки ближайшаго родства съ вандильской семьей“ (стр. 305). Но достаточно взглянуть на карту, чтобы видѣть всю невозможность этого факта, если вся вандильская группа племенъ была нескон континентальной и готы лишь около времени Р. Х. подвинулись къ Балтійскому морю. Готы, какъ утверждаетъ г. Браунъ, жили на берегахъ Балтики отъ половины I вѣка нашей эры и до второй половины II. Какимъ же образомъ этотъ континентальный народъ могъ вдругъ проявить такую колонизаціонную дѣятельность, чтобы заселить далекій сѣверный островъ, лежащій недалеко отъ береговъ совершенно чуждой ему Скандінавіи? ¹⁾ Откуда у этого народа, при полномъ его незнакомствѣ съ моремъ въ теченіи столѣтій, могъ явиться даже самый вкусъ къ морскимъ предпріятіямъ? Или готы съ Готланда не имѣютъ ничего общаго съ готами материка, или же они доказываютъ самымъ фактомъ родства своего съ готами связь послѣднихъ съ Скандінавіей. Своей исторіей на берегахъ Чернаго моря готы засвидѣтельствовали, что море имъ не чужая стихія, и это понятно только при условіи, что Скандінавія ихъ родина и что они нѣсколько столѣтій были обитателями приморскихъ странъ, а не горныхъ долинъ и равнинъ въ сосѣдствѣ съ Богеміей.

Пострадала географія отъ г. Брауна, но уже вмѣстѣ съ лингвистикой, въ другомъ весьма существенномъ его положеніи. Нѣсколько разъ въ своемъ изложеніи г. Браунъ останавливается на выясненіи основныхъ чертъ вокализма вандильской группы нарѣчій (стр. 290 и сл., 336 и сл.). Наибольше характерной чертой его онъ считаетъ — „стремленіе къ крайнимъ точкамъ вокализациі *a*, *i*, *u*“ или сгуженіе гласныхъ. При всей скудости данныхъ, которыми располагаетъ наука для сужденія о языкѣ бургундовъ и вандаловъ, авторъ считаетъ возможнымъ однако установить слѣдующій выводъ: „На западной окраинѣ вандалскаго міра характерныя черты готскаго вокализма блѣднѣютъ, и бургундскій языкъ со своимъ $\bar{a} < \bar{e}$ представляеть

¹⁾ На стр. 271 г. Браунъ рѣшительно заявляетъ: „готы и ихъ ближайшіе родичи никогда не были мореходами“. Какъ же однако они оказались населеніемъ Готланда?

собой уже ступень переходную къ западногерманскому типу" (стр. 338). Появленіе этихъ чертъ вокализма въ готскомъ языкѣ, гдѣ онѣ сильнѣе всего выражены, признаеть г. Браунъ фактомъ поздняго времени, „т. е. не раньше перваго вѣка по Р. Х.“ (ibid.). А такъ какъ по его утвержденію, вокализмъ „айстскихъ“ племень отличается особенностями, которыя совпадаютъ „съ особенностями вандалскихъ нарѣчій и специально готскаго языка“, то отсюда дѣлается предположеніе, что у айстовъ и слѣдуетъ искать „исходный пунктъ движенія, превратившаго прагерм. \bar{a} въ готск. \bar{e} , прагерм. \bar{b} въ готск. \bar{b} , близкое къ \bar{u} “ (стр. 340). Заключение это сдѣлано въ видѣ вопроса; но чтобы подготовить читателя къ этому выводу, авторъ указываетъ на факты вліянія языка побѣжденныхъ туземцевъ на языкъ побѣдителей и между прочимъ сравниваетъ готовъ съ остзейскими плѣменами (?), усвоившими кое-что изъ вокализма туземцевъ. Итакъ, авторъ думаетъ, что онъ знаетъ время, когда именно совершился у готовъ извѣстный процессъ въ вокализмѣ ихъ языка, который и выдѣлялъ ихъ въ особую группу германскихъ нарѣчій, и что возможно указать источникъ этого важнаго процесса!

Позволимъ себѣ спросить г. Брауна: какииъ образомъ готы, которые только къ концу I вѣка нашей эры вступили въ среду „айстскихъ“ племень, немедленно могли „заразить“ свой вокализмъ оригинальными чертами чужого вокализма? Какимиъ образомъ въ ту эпоху отсутствія явного общенія съ своими родичами, кромѣ битвъ (напомнимъ кровавую вражду готовъ съ вандалами) и военныхъ столкновеній — могли готы заразить тѣми же, воспринятыми отъ побѣжденныхъ племень, особенностями вокализмъ своихъ родичей, бургундовъ и вандаловъ? Развѣ такіе факты, какъ глубокія измѣненія вокализма, совершаются на подобіе мороваго новѣтрія? Гдѣ основанія допускать какое-либо общеніе готовъ съ ихъ родичами, послѣ того какъ они подвинулись такъ далеко на востокъ и вступили въ чуждую имъ по языку и племени среду „айстовъ“? Развѣ готы не сохранились какъ германское племя, а сразу перемѣнились съ „айстами“, что они могли заразить свой вокализмъ?... Все это такъ невозможно, что стоять только опредѣленно поставить положенія, къ которымъ приходится г. Браунъ, чтобы прійти въ полное недоумѣніе, какъ можетъ лингвистъ такъ злоупотреблять своими методами, обращая ихъ въ орудіе для доказательства завѣдомыхъ и очевидныхъ парадоксовъ. Нѣтъ, не такова древнѣйшая исторія готовъ, какъ ее выдумалъ г. Браунъ. Просвѣтъ въ нее намъ сохранилъ Иорданъ въ великолѣп-

ной легендѣ, хранящей отголоски народнаго эпоса, а отношенія Теодориха Великаго къ Скандинавіи (Iord. Get. III, 24) оживили память о давнемъ, считавшемъ тогда много столѣтій, прошломъ, успѣвшемъ облечься въ узоры легендъ и эпоса ¹⁾.

III.

Если въ воссозданіи древнѣйшихъ судебъ готовъ г. Браунъ является весьма смѣлымъ и рѣшительнымъ критикомъ въ отношеніи такого матеріала, какъ народное сказаніе, то въ другихъ случаяхъ онъ, наоборотъ, оказываетъ довѣріе даннымъ, которыя никомъ образомъ его не заслуживаютъ. Разумѣемъ его отношеніе къ вопросу о древнѣйшихъ судьбахъ славянъ. Къ славянамъ авторъ подходитъ, вращаясь въ этническихъ опредѣленіяхъ народностей, имена которыхъ сообщилъ Геродотъ. Ссылаясь на Шафарика, г. Браунъ признаетъ славянъ въ неврахъ Геродота (стр. 80 и сл.) ²⁾. По Геродоту, невры народъ оборотней: каждый невръ обращается разъ въ году въ волка на нѣсколько дней. Геродотъ знаетъ объ этомъ народѣ еще слѣдующее сказаніе: за одно поколѣніе до похода Дарія на скивовъ невры покинули свою страну и переехали въ землю будиновъ. Къ выселенію ихъ побудило появленіе множества змѣй, народившихся въ ихъ странѣ, а также вторгшихся изъ „верхнихъ пустынь“. Эти сообщенія Геродота признаетъ авторъ настолько цѣннымъ матеріаломъ, что считаетъ возможнымъ „опредѣлить время и причины этого передвиженія и установить, такимъ образомъ, terminus a quo исторіи славянскаго міра“

¹⁾ Въ вопросѣ о томъ, возможно ли, или нѣтъ признать за историческій фактъ связь готовъ съ Скандинавіей, нельзя упускать изъ вида той аналогіи, которую представляетъ исторія геруловъ. Вытѣсненное изъ Скандинавіи (Iord. Get. III, 28), это племя шло свою исторію на берегахъ Мзотиды (ib. XVIII), затѣмъ на Дунай въ соседствѣ съ лангобардами (Proc. bel. got. II 14). Храни живую память о своей далекой родинѣ, герулы предприняли отсюда переселеніе на далекой сѣверъ и осуществили его (ibid. 15). Фактъ этотъ относится къ 512 году. Оставшаяся въ придунайскихъ земляхъ часть племени послала посольство въ Скандинавію просить себѣ царя, который и прибылъ оттуда (ib.).

²⁾ Въ новѣйшемъ цѣльномъ трудѣ по этнографіи германцевъ—*Bremer, Ethnographie der germanischen Stämme* (Paul's Grundriss d. germ. Phil. III, 4 Lief., Abschnitt XV)—негры уже оказались кельтами (стр. 781), какъ изъ кельтскаго же языка объясняются имена Danaster и Danarag (ib.). Такимъ образомъ Бремеръ идетъ дальше г. Брауна. Если послѣдній отдѣляетъ ихъ отъ Карпатъ, то первый изгоняетъ ихъ даже изъ Польши. И причина все та же — міражи лингвистики.

(стр. 242). „Мы не имѣемъ права,—говорить онъ,—не довѣрять этому преданію, представляющему намъ въ столь опредѣленной, хотя и нѣсколько (развѣ только „нѣсколько?“) легендарной формѣ. Очистивъ его отъ фантастическихъ прикрасъ, мы получимъ крупный историческій фактъ, подтверждаемый побочными соображеніями“. Оказывается, однако, что сдѣлать это не такъ легко. Будиновъ авторъ помѣстилъ на Дону, признавъ въ нихъ финнскую пародность. Отъ прикарпатскихъ странъ и Полѣсья, куда онъ, вмѣстѣ съ другими, помѣщаетъ невровъ, до Дона слишкомъ далеко: „800 слишкомъ верстъ“. И вотъ онъ рѣшается раздвинуть будиновъ и подвинуть часть этого народа на среднее теченіе Днѣпра. Къ этимъ-то днѣпровскимъ будинамъ переселились невры изъ Полѣсья. Подъ змѣями слѣдуетъ разумѣть какихъ-нибудь „сѣверныхъ варваровъ“. Это были, очевидно, германцы и въ частности бастарны. А такъ какъ хронологія Дарія намъ извѣстна, то значить уже во второй половинѣ VI вѣка до Р. Хр. славяне были вытѣснены изъ области Карпатъ. Да и самое имя Карпаты выдаетъ для г. Брауна въ своемъ звуковомъ составѣ германскій характеръ слова и, что еще важнѣе, оно восходитъ къ эпохѣ до 400 года до Р. Хр. (стр. 105). Съ такой удивительной точностью умѣть г. Браунъ хронологически опредѣлять звуковыя явленія въ доисторическій и столь далекій отъ письменности періодъ жизни языковъ! Итакъ, оказывается, что и лингвистика подтвердила справедливость показанія Геродота, хотя онъ не зналъ, конечно, никакихъ бастарновъ, выступившихъ на свѣтъ исторіи только во II вѣкѣ до Р. Хр., какъ не зналъ онъ и никакихъ Карпатъ ни по имени, ни безъ имени, да и вообще представлялъ себѣ весьма туманно мѣстопахожденіе земли оборотней, о которыхъ ему сообщали ольвійскіе греки.

Вся эта аргументація г. Брауна столь удивительна, что врядъ-ли заслуживаетъ какого-либо опроверженія, и мы не усматриваемъ и не можемъ усмотрѣть никакого *terminus a quo* для исторіи славянскаго міра ¹⁾).

¹⁾ Проф. Соболевскій въ своей краткой замѣткѣ о книгѣ г. Брауна въ „Вѣстникѣ“ Л. Нидерле (взгледъ 4, стр. 22—23) привелъ нѣсколько возраженій къ существу его теоріи. Позволимъ себѣ замѣтить, что мы вѣримъ въ возможность опредѣленія термина *a quo* исторіи славянъ — конечно не по годамъ и даже не столѣтіямъ, какъ дѣлаетъ г. Браунъ. — Къ осторожнымъ утвержденіямъ лингвистика можетъ прийти на помощь археологія. Почтенный изслѣдователь Нидерле стоитъ, конечно, на вѣрномъ пути въ своихъ исканіяхъ колыбели славянъ. Но править его ошибки могутъ лингвисты. См. замѣчанія того же проф. Соболевскаго въ томъ же номерѣ Вѣстника (стр. 19).

Для выясненія метода автора укажемъ еще на нѣкоторыя звенья его аргументаціи. Раздвоеніемъ будиновъ онъ хочетъ облегчить историческое толкованіе похода Дарія по Скиѣи, какъ онъ изложенъ у Геродота. „До Борисеена Дарій могъ дойти въ указанный Геродотомъ промежутокъ времени; позднѣйшее же скиѣское преданіе, замѣнивъ будиновъ западныхъ на Днѣпрѣ восточными за Дономъ, растянуло походъ персовъ до Волги“ (стр. 245). Позволимъ себѣ замѣтить, что Геродотъ называетъ только рѣку *Oaros*. Откуда же у г. Брауна увѣренность въ томъ, что рѣка эта и есть Волга? Если такъ думали Мюлленгофъ, на котораго вскользь ссылается здѣсь г. Браунъ, то этого еще мало. Конечно, тридцать или двадцать лѣтъ тому назадъ можно было еще водить Дарія широко по простору южно-русскихъ степей, дѣлая это еще и почтенный изслѣдователь судьбъ нашего юга, Брунъ; но въ настоящее время, повидимому, никто, касавшійся этого вопроса, не забываетъ, что уже Страбонъ далъ намъ критику сообщеній Геродота въ своей поправкѣ на счетъ мѣстности похода Дарія. Знаетъ объ этомъ и г. Браунъ и даже самъ приводитъ показаніе Страбона; но на бѣду во всемъ этомъ процессѣ „очистки“ легендарнаго сообщенія Геродота о неврахъ играютъ главную роль помянутыя авторомъ „побочныя соображенія“. Онъ вѣритъ, что ему открыта точная дата слова Карпаты и его исторія, купно съ судьбою бастарновъ до ихъ появленія за Дунаемъ и въ его устьяхъ.

Умозрѣнія и гипотезы въ области лингвистики, разъ они претендуютъ на точную хронологию въ столь отдаленныя времена, сами себя подрываютъ и опровергаютъ. Непонятно и то, почему для перваго перебоя въ германскихъ языкахъ нужна такая давняя дата, тогда какъ для возникновенія особенностей вандальскаго вокализма вовсе не понадобилось времени, а достаточно было одному изъ вандальскихъ племенъ, готамъ, только перейти за Вислу и прійти въ соприкосновеніе съ „айстами“, чтобы ихъ вокализмъ заразился съуженіемъ гласныхъ, и эта зараза моментально распространилась на всѣ вандальскія племена до бургундовъ и до острова Готланда включительно? Непонятно и то, какъ это Геродотъ, своимъ неопредѣленнымъ указаніемъ на землю невровъ къ сѣверу отъ скиѣовъ, могъ дать поводъ заговорить объ области Карпаты, которыхъ онъ вовсе не знаетъ. Докладки Шафарика объ исконномъ пребываніи славянъ въ области Карпаты смѣшалъ г. Браунъ съ прямыми свидѣтельствами Геродота о народахъ невѣдомыхъ, прибавилъ свои домыслы о судьбѣ бастарновъ и получилъ свой *„terminus a quo“* славянскаго міра, который и оста-

нется его личной собственностью. Позволяемъ мы себѣ сомнѣваться и въ томъ, чтобы г. Брауну удалось пролить какой-нибудь свѣтъ на древнѣйшія судьбы славянства тѣмъ, что онъ признаетъ въ имени „венды“ общее обозначеніе всего „славяно-балтійскаго племени“ (стр. 334), т. е. какъ славянъ, такъ и литовцевъ съ латышами. Къ этому предположенію онъ приходитъ на основаніи того факта, что имя венды сохранилось въ славянскомъ племени вятичи—съ одной стороны и въ топографическихъ именахъ на территоріи литовско-латышской (Виндава, Венденъ, Вента и т. д.)—съ другой. Это положеніе имѣло бы нѣкоторую долю вѣроятія, если бы г. Браунъ доказалъ, что вендами готы прозвали всѣ покоренные ими народы на востокъ отъ Вислы, хотя и тогда было бы странно, почему одно славянское племя удержало обозначеніе, которое ему дали побѣдители-населенники, и забыло свое родное. Но г. Браунъ думаетъ иначе: онъ подробнымъ лингвистическимъ анализомъ слова венды доказываетъ (стр. 333), что это имя германцы услышали на мѣстѣ и переголосовали его по своему. Но откуда же тогда это имя? Какой „географъ“ или „этнографъ“ могъ изобрѣсти его въ тѣ давнія времена и заставить чуждые по языку и крови народы усвоить его? Получается какая-то странная загадка вмѣсто объясненія вопроса.

По нашему мнѣнію, г. Браунъ столь же напрасно пытался возстановить исторію славянъ, какъ напрасно передѣлывалъ онъ гораздо болѣе ясную для насъ исторію готовъ, и въ обоихъ случаяхъ равно плохо разгадалъ далекое донисторическое прошлое. Напрасно также раздвоятъ и невѣдомыхъ намъ будиновъ, которые, на основаніи сообщеній Геродота, останутся все тѣми же невѣдомыми „вшеѣдами“. Национальность ихъ не поможетъ намъ разгадать и то, что въ настоящее время вшеѣдами оказываются монголы на своей родинѣ ¹⁾. Трактую въ данномъ случаѣ исторически змѣй, вытѣснявшихъ невровъ съ ихъ родной страны, онъ признаетъ, однако, самъ въ другомъ мѣстѣ своего изложенія, что этотъ мотивъ можно трактовать „на почвѣ впо-европейскаго фольклора“ (стр. 320, въ изложеніи сказаній лангобардскихъ, гдѣ тоже встрѣчаются змѣи ²⁾). Почему же, однако, здѣсь, въ вопросѣ о славянахъ, онъ рѣшилъ его такъ просто? Очевидно, во всемъ нововаты „побочныя соображенія“.

¹⁾ Ср. замѣчанія проф. Мищенко въ его статьѣ: „Геродотовы вшеѣды“, гдѣ онъ отказывается отъ языческаго толкованія, которое принималъ въ своемъ переводѣ, *Филологическое Обозрѣніе*, XV т. (1898), стр. 73—88.

²⁾ Тотъ же мотивъ встрѣчается и у тирскихъ народовъ.

IV.

Большая часть книги г. Брауна посвящена вопросам, имѣющимъ лишь очень отдаленное отношеніе къ судьбамъ „готовъ на Вислѣ“, что, судя по заголовку, составляетъ главный сюжетъ его изложенія. Предполагая въ будущемъ трактовать исторію готовъ за время пребыванія ихъ на побережьи Чернаго моря, г. Браунъ призналъ нужнымъ подробно обозрѣть этнографію всей „Скиѳіи“ Геродота или „Сарматіи“ Птолема. Съ весьма различной подробностью разъясняетъ свѣ вопросы о мѣстожителѣствѣ того или иного племени, упомянутого у Геродота и оставшагося затѣмъ жить въ ученомъ преданіи древняго міра. Онъ искренно вѣритъ въ возможность точныхъ рѣшеній вопросовъ о народности будиновъ, андрофаговъ, меланхленовъ и т. под. ἀνθρώπων χάρηα древней науки, оставшихся жить на картѣ тѣхъ дальнихъ странъ невозбранно до временъ Амміана Марцелина и не уступившимъ даже у него мѣста ни готамъ, о которыхъ этотъ историкъ такъ много зналъ, ни славянамъ ¹⁾. Въ этнографическихъ опредѣленіяхъ народовъ геродотовой Скиѳіи г. Браунъ слѣдуетъ вообще Томашку, отчасти воспроизводя его доводы, а отчасти и дополняя ихъ новыми соображеніями. Для примѣра укажемъ на будиновъ. Авторъ совершенно увѣренъ, что въ будинахъ необходимо признать финновъ— „по Томашку предки вотяковъ, пермяковъ и зырянъ“. Онъ помѣщаетъ ихъ на Дону, готовъ узнать самое слово—будины— въ имени *Udy, Udmirt*, какъ называютъ себя вотяки (стр. 85), и въ доказательство того, что иѣкогда „финскіе будины были непосредственными сосѣдями сарматовъ“, ссылается на осетинскій языкъ, въ которомъ проф. Всев. Миллеръ констатировалъ существованіе словъ, заимствованныхъ изъ финскаго языка. Мы далеки отъ мысли подвергать послѣдній фактъ сомнѣнію; но что же отсюда слѣдуетъ? Развѣ проф. Всев. Миллеръ возвелъ эти слова къ такимъ, которыя осетины заимствовали за 500 лѣтъ до Р. Х.? Вполнѣ признавая положеніе, что осетины являются остаткомъ того большого иранскаго кочеваго населенія, которое носило имя савроматовъ или сарматовъ, а позднѣе аланъ ²⁾, мы не можемъ закрывать глаза на то, что тѣ

¹⁾ На мнимое существованіе этихъ народовъ, какъ такихъ, я имѣлъ случай указывать въ своемъ изслѣдованіи: „Аланы по свид. класс. и визант. писателей“ Кіевъ. 1899, стр. 19 и сл.

²⁾ См. мое изслѣдованіе: „Аланы“ и т. д.

„лунискіе народы“ (ὀβυνικά ἔθνη византійцевъ), которые въ теченіе долгихъ столѣтій составляли населеніе южнорусскихъ степей, заключали въ себѣ какъ тюрковъ, такъ и финновъ (доказательство: мадьяры, „турки“ византійцевъ, съ своимъ финскимъ языкомъ). Почему же не къ этой эпохѣ отнести заимствованіе осетинами финскихъ словъ, а непременно къ той давней, о которой такъ смутно и неясно сообщалъ намъ Геродотъ? Но г. Браунъ, забывая о послѣдующихъ судьбахъ черноморскихъ степей, подтверждаетъ данными Всев. Миллера финскую національность именно геродотовыхъ будиновъ. Развѣ это научный приемъ?

Въ вопросѣ о народности геродотовыхъ скивовъ авторъ держится доказаннаго, насколько то возможно, положенія о принадлежности ихъ къ иранской группѣ арійцевъ. Таковы же и сарматы. Что же касается до смѣны въ нашемъ историческомъ преданіи скивовъ сарматами во II вѣкѣ до Р. Х., то г. Браунъ вѣрить въ смѣну „этнографической картини: мѣсто скивовъ заняли сарматскія народности“ (стр. 89). Конечно, представленіе это невозбранно царить еще со временъ Нибура; но въ его правильности весьма возможно усомниться¹⁾. Мы далеки отъ мысли поставить въ упрекъ автору то, что онъ воспроизвелъ это положеніе; но мы только думаемъ, что гипотезу слѣдовало бы отличать отъ факта въ ученой работѣ по первоисточникамъ.

V.

Вращаясь въ сферѣ географическихъ и этнографическихъ вопросовъ, г. Браунъ послѣ Геродота удѣлилъ наибольшее вниманіе Птолемию. Его данными онъ сначала пользуется какъ историческими свидѣтельствами, наряду съ свидѣтельствами другихъ писателей. Но по мѣрѣ углубленія знакомства съ данными Птолемея, авторъ попытался стать въ самостоятельное отношеніе къ этому важному и интересному источнику нашего знанія о древней географіи и этнографіи, занялся вычерчиваніемъ его карты и придумываніемъ способовъ переложенія данныхъ Птолемея на современную градусную сѣтку. Если бы авторъ предпринялъ эту работу въ зависимости отъ своей специальной темы, то ему пришлось бы расширить свое изложеніе, дать ему болѣе общій характеръ, выйти изъ предѣловъ двухъ-трехъ картъ

¹⁾ Ibid., стр. 5.

Птолема и оцѣнить какъ матеріалъ, такъ и приемы Птолема съ общихъ точекъ зрѣнія. Тогда бы явилось на русскомъ языкѣ специальное изслѣдованіе о Птолемѣ, полезное и интересное, которое могло бы подвинуть впередъ наше знаніе объ этомъ кульминаціонномъ пунктѣ географическаго знанія въ развитіи науки древняго міра. Но вышло иначе: частный поводъ привелъ г. Брауна къ Птолемию, онъ изучалъ лишь нѣкоторыя „таблицы“ (πίνακες) Птолема, случайно наткнулся на вопросы о нѣкоторыхъ источникахъ Птолема и увѣренно рѣшалъ ихъ, или предполагалъ рѣшенными; онъ отвергъ правильность способовъ редукціи его данныхъ, какіе были предложены Садовскимъ и Куно, предложилъ свой способъ и смѣло предлагалъ его въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ Птолемей и его предшественникъ, Мариусъ Тирскій, имѣли крайне ненадежный матеріалъ и не могли поэтому дать намъ правильной карты; а главная погрѣшность г. Брауна состоитъ въ томъ, что онъ вовсе не замѣтилъ въ высшей степени важной и существенной черты географической карты Птолема, а именно: ея *приблизительности* ¹⁾. Все это имѣло своимъ послѣдствіемъ то, что и въ отдѣлахъ, посвященныхъ Птолемию, изложеніе г. Брауна чаще вызываетъ въ читателѣ недоумѣніе и заставляетъ его возражать автору, чѣмъ съ нимъ соглашаться и довѣрять его руководству.

Начнемъ съ того, что Птолемей говоритъ о своей картѣ, какъ исправленномъ изданіи карты Мариуса Тирскаго, и отмѣчаетъ одну существенную поправку относительно исчисленія протяженія земли по экватору. Эта поправка сдѣлана, какъ говоритъ Птолемей, на основаніи новыхъ перипловъ по восточнымъ морямъ въ сторону Индіи (и Китая). Но г. Браунъ самымъ рѣшительнымъ образомъ выставляетъ утвержденіе, что Птолемей—„имѣлъ источники двухъ типовъ. Во-первыхъ—труды своихъ предшественниковъ, географовъ и историковъ... Нѣкоторые изъ нихъ дошли до насъ (напримѣръ, Геродотъ, Страбонъ, Плиній и т. п.), другіе утеряны (Эратосенъ, Птолей, Гиппархъ, Артемидоръ и др.). Второй, наиболѣе важный для насъ рядъ источниковъ, давалъ матеріалъ сырой: это были итинераріи купцовъ и путешественниковъ, таблицы разстояній“.—Что Птолемей былъ ученый и образованный человекъ своего времени, это несомнѣнно; что

¹⁾ Позволимъ себѣ сослаться на общую характеристику труда Птолема въ нашемъ изданіи: „Карта Европейской Сѣверной Америки по Птолемию“ (Кіевъ, 1899), а также и на дополненія къ этой работѣ, подъ тѣмъ же заглавіемъ, статью въ *Филол. Обзорѣ*, т. XVII (1899), стр. 3—19.

онъ поправилъ карту восточныхъ морей на основаніи новыхъ маршрутовъ,—это онъ самъ сказалъ. Но какіе труды „географовъ и историковъ“ онъ читалъ, этого мы не знаемъ и никогда не узнаемъ, по самому характеру его изложенія. Г. Браунъ не сдѣлалъ никакой попытки доказать, что Плиній былъ въ рукахъ Птолемея; между тѣмъ онъ такъ увѣренъ въ томъ, что Плиній былъ однимъ изъ источниковъ Птолемея, что на стр. 61 своего изложенія, отмѣтивъ несогласіе въ показаніяхъ Плинія и Птолемея, готовъ объяснить это обстоятельство тѣмъ, что „въ томъ эклемплярѣ Плинія, которымъ пользовался Птолемей“, была „описка“. Г. Браунъ не упоминаетъ почему-то Тацита въ числѣ источниковъ Птолемея; но тутъ онъ имѣлъ бы нѣкоторое основаніе въ знаменитомъ городѣ *Σατοούδα* (II, 11, 12), въ которомъ многіе видѣли недоразумѣніе: слѣдъ непонятныхъ словъ Тацита (app. 4, 73: *ad sua tutanda digressis rebellibus*), пока послѣдній издатель Птолемея, Мюллеръ, не выступилъ на его защиту, указавъ возможность иначе объяснить возникновеніе этого имени.

Но какъ бы ни стояло дѣло относительно *Σατοούδα*, все же есть возможность задуматься на счетъ Тацита¹⁾; что же до компилятивнаго труда Плинія, то странно даже и говорить о немъ, какъ объ „источникѣ“ для Птолемея. Плиній дорогъ и важенъ для насъ, но не для ученыхъ грековъ того времени, которые нашли бы въ немъ только компиляцію изъ своихъ же ученыхъ. Что же до Птолемея, то о немъ неизвѣстно и того, зналъ ли онъ латыни; а если *Σατοούδα* дѣйствительно возникло изъ *sua tutanda*, то получается вѣроятность, что латинскій языкъ былъ ему совершенно чуждъ. Во всякомъ случаѣ разрѣшеніе вопроса объ источникахъ Птолемея, которое сдѣлано въ двухъ словахъ и такъ категорически г. Брауномъ, роняетъ самый тонъ его отношенія къ этому писателю.

Что касается до итнераріевъ, то ими Птолемей несомнѣнно пользовался и самъ сказалъ объ этомъ въ отношенія къ восточнымъ морямъ. Можно прибавить и то, что для нѣкоторыхъ мѣстностей Птолемея привлекъ къ дѣлу сухолутные итнераріи, которыми врядъ ли могъ пользоваться Маринъ Тирскій. Разумѣемъ Дакію, по которой прошли римскія дороги лишь послѣ ея завоеванія имп. Траяномъ и,

¹⁾ На стр. 27 г. Браунъ выражается такъ: „Большинство промаховъ Птолемея объясняется его стремленіемъ согласовать повня данныя съ тѣмъ, что говорили прежніе авторитеты, какъ напр., Тацитъ, труды котораго онъ, конечно, зналъ“. На чемъ основана увѣренность г. Брауна въ знакомствѣ Птолемея съ Тацитомъ, остается для насъ загадкой.

конечно, не вдругъ. На зтотъ вопросъ долженъ былъ натолкнуться г. Браунъ, такъ какъ онъ подробно обозрѣвалъ Дакію; но онъ его не замѣтилъ. Птолемей воспользовался итинераріями этой страны и сдѣлалъ это не всегда съ должной осмотрительностью, а именно: встрѣчая одинъ и тотъ же городъ на двухъ перекрещивающихся путяхъ, онъ понадалъ не на одно и то же мѣсто и ставилъ тотъ же городъ два раза на своей картѣ (напримѣръ, городъ Тибискъ).

Наставная на итинераріяхъ, какъ матеріалѣ, который по своему редуцировалъ Птолемей, чтобы получить данныя, выражающіяся въ градусахъ и минутахъ, г. Браунъ пришелъ къ мысли возстановить цифры, положенныя Птолемеемъ въ основу своихъ исчисленій, то-есть изъ градусовъ и минутъ получить обратно стадіи, которыя можно перевести затѣмъ въ версты. Онъ имѣлъ терпѣніе вычислить въ верстахъ взаимное отношеніе множества пунктовъ Европейской Сарматіи и далъ въ „Приложеніи II“ на 7 съ половиной страницахъ перечисленіе пунктовъ, для которыхъ онъ сдѣлалъ вычисленія. Какъ онъ оперируетъ съ этими данными, мы укажемъ ниже; а теперь позволимъ себѣ утверждать, что если бы г. Браунъ попробовалъ сдѣлать подобныя вычисленія для городовъ Египта, то-есть той страны, для которой въ распоряженіи Птолемея было наибольшее число астрономическихъ опредѣленій-положеній отдѣльныхъ пунктовъ, то и тогда полученныя имъ въ стадіяхъ, путемъ обратнаго вычисленія, данныя оказались бы въ несоотвѣтствіи съ дѣйствительностью. Причина тому простая: Птолемей разсматриваетъ свою карту, какъ *приблизительную* картину земли, и въ своей „Географіи“ пользуется повсюду лишь приближительными числами. Въ своей „Астрономіи“ онъ знаетъ для наклоненія эклиптики цифры $23^{\circ} 51'$, а въ „Географіи“ принимаетъ $23^{\circ} 50'$. За наименьшую величину въ „Географіи“ онъ принялъ $\frac{1}{12}$ часть градуса, то-есть $5'$. При столь грубомъ приближеніи, Птолемей долженъ былъ по необходимости постоянно отступать отъ точныхъ цифровыхъ данныхъ, какія имѣлъ онъ, или его предшественникъ. Такимъ образомъ, перевода градусныхъ разстояній Птолемея въ цифры стадій, мы не можемъ получить данныхъ, соотвѣтствующихъ итинераріямъ, которые легли въ основу исчисленій Птолемея или его источника, а получимъ непремѣнно цифры, *несоотвѣтствующія древнимъ итинераріямъ*.

Между тѣмъ г. Браунъ, забывая о *приблизительномъ* характерѣ данныхъ Птолемея, такъ твердо вѣрить въ изобрѣтенный имъ способъ переложенія птолемеевыхъ данныхъ на нашу карту, что, напримѣръ, отно-

нительно городовъ по рѣкѣ Каркиниту¹⁾ съ торжествомъ сопоставляеть рядъ вычисленныхъ изъ Птолемея разстояній съ совпадающимъ почти до тождества числомъ верстъ между нѣсколькими селеніями Мелитопольскаго уѣзда Таврической губерніи (стр. 222—223). Птолемей даетъ по рѣкѣ Каркиниту пять городовъ: Каркина, Торокка, Пакирись, Эркабъ, Тракана и Паварь.

Разстоянія между этими пунктами по Птолемею, въ переводѣ ихъ на версты, будутъ такіа: 23—60—14—7—43—21. Г. Браунъ, итѣвшій случай посѣтить Мелитопольскій уѣздъ во время своихъ раскопокъ въ Сирагозахъ, видѣлъ остатки каменнаго моста близъ села Чаплинки, отстоящаго въ 25 верстахъ отъ устья Коланчака, помѣстивъ сюда Каркину и нашелъ въ сторону отсюда слѣдующіе населенные пункты: Торгаевка. Нижнія Сѣрагозы. Верхнія Сѣрагозы, Большая Бѣлозерка, Балки. Эти селенія находятся въ такихъ разстояніяхъ: 25—65—13—7—42—21. Это совпаденіе онъ считаетъ настолько важнымъ, что объявляетъ вопросъ—„доказаннымъ въ полномъ объемѣ“. Онъ находитъ при этомъ и одно лингвистическое доказательство, а именно: въ имени Торгаевка „ясно слышится древнее наименованіе“, то-есть Торокка, „лишь славянизированное, не славянское имя“.—Позволяемъ себѣ замѣтить, что думать такъ и прибѣгать къ такимъ аргументамъ значитъ смѣяться и падъ лингвистикой, и надъ исторіей, и надъ географіей, а также и надъ старымъ Птолемеемъ. У Птолемея Торокка и дальнѣшіе города дапы въ прямомъ направленіи къ сѣверу; это игнорируетъ г. Браунъ и ищетъ свои селенія по столбовой дорогѣ, идущей къ западу отъ начальнаго пункта. Но почему онъ не направился къ востоку? Можетъ быть, тогда онъ бы нашелъ рядъ селеній, еще ближе совпадающихъ съ нужными ему разстояніями; или къ сѣверу—тогда онъ, можетъ быть, наткнулся гдѣ-нибудь еще на какой-нибудь древній мостъ, или встрѣтилъ не только Торокку, которую онъ узналъ въ Торгаевкѣ, а еще и Эркабъ и Пакирись. Развѣ это научный методъ? Не возвращаемся ли мы къ этимологіямъ Сумарокова, или Вельтмына? А что касается до разстояній съ ихъ совпаденіемъ, то скажемъ, что именно ихъ совпаденіе является прямымъ препятствіемъ локализовать Птолемеевы города въ подысканныхъ г. Брауномъ селеніяхъ уже просто потому, что матеріаль

¹⁾ Что касается до отождествленія рѣки Каркинита съ Коланчакомъ, то весьма вѣроятно, что г. Браунъ въ этомъ совершенно правъ.

Птолемея былъ не таковъ, чтобы возможны были столь точныя данныя для этой страны.

По близости отъ мѣстности, гдѣ г. Браунъ съ торжествомъ открываетъ совпаденіе разстояній Птолемея и современныхъ до нѣсколькихъ десятыхъ версты, лежитъ Азовское море, древняя Мэотида. Самый извѣстный пунктъ побережья Мэотиды, большой торговый городъ Танаидъ, въ устьи Дона, оказался у Птолемея подвинутымъ къ сѣверу почти на 7 градусовъ, и вся Мэотида получила на его картѣ размѣры въ нѣсколько разъ большіе противъ дѣйствительности. Если большой торговый городъ, для котораго Птолемей имѣлъ и астрономическое опредѣленіе въ продолжительность самаго долгаго дня, оказался помѣщеннымъ на его картѣ столь ошибочно; то какое же вѣроятіе имѣемъ мы, что незначительные и у другихъ географовъ непомянутые города внутри материка могли быть локализованы столь точно, что ихъ можно и теперь найти, отиѣрвая по нашей картѣ разстоянія, извлекаемые изъ карты Птолемея? Но это не смущаетъ г. Брауна, и онъ по поводу непомѣрной величины Мэотиды на картѣ Птолемея серьезнымъ тономъ говорить о „быстромъ обмелѣніи этого моря“¹⁾ (стр. 237). Однако, какъ бы ни обмелѣло Азовское море со временъ Геродота и Птолемея, положеніе города Танаида все-таки оказывается на устьи Дона, въ мѣстности нынѣшней станицы Недвиговки, на 7° южнѣе того мѣста, гдѣ помѣстился этотъ городъ Птолемей. При чемъ же тутъ обмелѣніе моря? Напрасно рассуждаетъ г. Браунъ и о томъ, что „Мэотида мало посѣщалась греками: плаваніе по ней представляло слишкомъ большія опасности и трудности, которыя не искупались торговыми выгодами“ (стр. 287). Все это пустыя слова и ни на чемъ не основанныя рассужденія, ничего они и не спасаютъ¹⁾. Вѣрно одно: данныя Птолемея для

¹⁾ Отиѣтимъ странное мудрованіе автора на счетъ истинности Птолемея въ рассужденіи о недостаткахъ его карты Мэотиды.—По вычисленію г. Брауна, у Птолемея разстояніе между Пантикаеемъ и г. Танаидомъ 609,2 версты, или отъ Пареекіа до Танаида—594,6 версты. Между тѣмъ по Плинію отъ устья Мэотиды до устья Дона 266 рим. миль, то есть 368,1 версты и у Страбона отъ Пареекіа до Танаида — 2200 стадій, то есть 380,6 версты. Приведа эти данныя, авторъ продолжаетъ такъ: „Но Птолемей почему-то не принялъ этихъ данныхъ, а предпочелъ имъ болѣе древнія, но менѣе точныя цифры“.—Откуда автору извѣстно, что Птолемей предпочелъ „болѣе древнія цифры“ и какія то были цифры? въ какомъ источникѣ?—Дѣло объясняется очень просто: г. Брауну осталась невѣстной VIII книга географіи Птолемея, а потому оставшіеся въ невѣдѣніи на счетъ

этихъ мѣсть были не точны, и приближительность его метода еще болѣе ухудшала дѣло. И во всякомъ случаѣ не тѣмъ путемъ, какой нашель г. Браунъ, можно находить города въ Сарматіи по современной картѣ. Насколько вѣрно или не вѣрно помѣстилъ Птолемей Ольвію или Пантикапей, — это безразлично. Эти города мы знаемъ, потому что археологическія открытія опредѣляли ихъ мѣстность, это пункты вѣрные, какъ и Недлигонка. Но откладывать отъ нихъ въ любую сторону разстоянія, вычисленные изъ Птолемея, до другихъ пунктовъ по нынѣшнимъ столбовымъ дорогамъ или прямо по картѣ, и воображать, что такъ можно найти города Сарматіи, — это праздная затѣя и совершенно напрасный трудъ.

Позволимъ себѣ еще одно замѣчаніе. — Г. Браунъ самъ восстанавливаетъ итинераріи, какими долженъ былъ пользоваться Птолемей, и дѣлаетъ это для страны, о которой древній географъ былъ мало и плохо оспѣдомленъ. Не лучше ли было раньше, чѣмъ приступать къ этому неблагоприятному дѣлу, попытаться сдѣлать то же для приднавайскихъ мѣстностей, гдѣ мы обладаемъ римскими итинераріями и такъ называемою *Tabula Peutingeriana*? Авторъ очень много потрудился надъ поправкой Птолемеевой карты нижняго Дуная. Почему же онъ не привлекъ этого вполне доступнаго матеріала? А если бы онъ попробовалъ это сдѣлать, то оказался бы лицомъ къ лицу со столькими затрудненіями, такими погрѣшностями въ картѣ Птолемея и отступленіями отъ точныхъ цифръ, что все это, навѣрное, выяснило бы для него полную невозможность такъ смѣло приступать къ перенесенію Птолемеескихъ разстояній на современную карту въ странѣ, для которой Птолемей не могъ располагать и такимъ матеріаломъ, какъ для Дакии и теченія Дуная.

Мы привели только одну серію городовъ Птолемея въ Сарматіи, которую нашель г. Браунъ на современной картѣ Россіи по изобрѣтенному имъ способу переложенія данныхъ Птолемея. Но онъ такимъ же путемъ опредѣляетъ города по Днѣпру, Днѣстру и Пруту. Все эти опредѣленія суть такое же гаданіе о неизвѣстномъ, какъ и тѣ, которыя давали Потоцкій, Садовскій и Мюллеръ. Пока археологическія находки не дадутъ намъ точныхъ показаній для локализациі этихъ поселеній, мы будемъ бродить ощунью, по какому бы способу мы ни пытались опредѣлить эти исчезнувшіе съ лица земли пункты.

подлинныхъ источникахъ Птолемея, о которыхъ онъ самъ сказалъ намъ совершенно ясно, г. Браунъ гоняется за привраками своей фантазіи.

Такъ какъ самый способъ г. Брауна невѣренъ по существу, то и его опредѣленія сходятъ на степенъ гаданія о неизвѣстномъ. Но прибавимъ, что его гаданія грѣшатъ не тѣмъ, что они гаданія, а тѣмъ, что онъ самъ выдаетъ ихъ за научнымъ путемъ найденные факты, чѣмъ они быть не могутъ.

Въ заключеніе мы должны указать на слѣдующій весьма важный недочетъ въ знакомствѣ г. Брауна съ Птолемеемъ: онъ не заглянулъ вовсе въ VIII книгу „Географіи“ Птолемея, а потому и остался въ невѣдѣніи относительно астрономической основы локализациі отдѣльных пунктовъ на картѣ Птолемея. Обозрѣвая лицо земли по картамъ, на которыя онъ считалъ удобнымъ раздѣлить цѣльное изображеніе земли, Птолемей въ VIII книгѣ приводитъ астрономическія данныя для нѣсколькихъ пунктовъ каждой страны, опредѣляющія ихъ широту и долготу. Эти данныя выражены у него въ цифрахъ продолжительности наибольшаго дня даннаго мѣста и разстоянія по времени отъ Александріи, гдѣ онъ составлялъ свою карту. Александрію Птолемей помѣщалъ подъ 31° сѣв. шир. и $60^{\circ} 30'$ вост. долг. (IV, 5, 9); наибольшая долгота дня Александріи— $14\frac{1}{2}$ часа и разстояніе отъ 1 меридіана по времени—4 часа (VIII 15, 10). Данныя о продолжительности наибольшаго дня и разстояніи по времени отъ Александріи приведены Птолемеемъ для нѣсколькихъ пунктовъ всѣхъ его картъ и всѣхъ странъ, до Китая включительно. При отсутствіи хорошаго изобрѣтателя времени у древнихъ, данныя этого рода не могли претендовать на большую точность, а крошечные случаи были и ошибки въ наблюденіи. Но во всякомъ случаѣ въ разсмотрѣніи вопроса о картѣ Птолемея нельзя забывать, что основа ея—астрономическая, а не просто переводъ стадіазмовъ на градусную сѣтку. Подробное разсмотрѣніе этого вопроса завело бы насъ слишкомъ далеко. Ограничимся здѣсь указаніемъ на два пункта. Птолемей помѣстилъ г. Танавдъ подъ 67° вост. долг. и $54^{\circ} 20'$ сѣв. шир.; этому соответствуетъ свидѣтельство о наибольшей продолжительности дня—17 час. 10 минутъ в разстояніи по времени отъ Александріи—26 минутъ (VIII 18, 5)¹⁾. Ольвія помѣщена у Птолемея подъ 57° вост. долг. и 49° сѣв. шир.; наибольшая продолжительность дня—16 часовъ 5 минутъ и разстояніе по времени отъ Александріи—12 минутъ (VIII 10, 3). Близкіе къ обонимъ этимъ городамъ пункты—Тагапрогъ

¹⁾ Въ изд. *Scythica et Caucasica* изд. Литвишена допущена здѣсь ошибка: вмѣсто 26 минутъ, у него стоитъ $\frac{1}{10}$ часа.

и Очаковъ. Первый имѣеть наибольшую продолжительность дня — 15 час. 51 мин., второй—15 час. 45 мин.; а дѣйствительное разстояніе по времени отъ Александріи—для Тагаирога — 36 минутъ и для Очакова—6,7 мин. ¹⁾). Итакъ, астрономическій матеріалъ, которымъ располагалъ Птолемей, былъ далеко не надеженъ; отсюда и его крупныя ошибки въ локализациі отдѣльныхъ пунктовъ. Но разъ главный пунктъ оказывался помѣщеннымъ съ большою погрѣшностью, то это по необходимости вело за собою искаженіе общаго вида страны (Маотиды и вытянулась на 7 лишннихъ градусовъ къ сѣверу). А такъ какъ Птолемей принялъ $\frac{1}{10}$ -ую градуса за наименьшую величину на своей картѣ, то это обстоятельство вынуждало его усиливать приближительность карты и въ переходѣ своихъ неточныхъ астрономическихъ данныхъ на градусную сѣтку.

Заключивъ на этомъ свои критическія замѣчанія относительно I тома „Разысканій въ области готско-славянскихъ отношеній“, позволяя себѣ высказать глубокую увѣренность, что результаты работы г. Брауна были бы гораздо удовлетворительнѣе, если бы онъ имѣлъ терпѣніе сначала передѣлать про себя всю черную мелочную и трудную работу изслѣдованія всѣхъ тѣхъ вопросовъ, которыхъ онъ хотѣлъ и предполагалъ касаться, а затѣмъ уже приступилъ къ публикаціи своего труда въ видѣ ли отдѣльныхъ этюдовъ, или же цѣлаго ученаго изслѣдованія. Онъ бы увидалъ тогда, что идетъ къ его темѣ и что онъ можетъ оставить въ сторонѣ, что составляетъ основу и общую почву его „Разысканій“ и что для нихъ совершенно безразлично. А такъ какъ онъ углублялся въ темныя дебри „скинскихъ пустынь“ по мѣрѣ того, какъ шло печатаніе его книги, то она и представляеть изъ себя цѣль экскурсовъ, которые не то что вытекають, а нагромождены одинъ на другой, затрудняя читателя и въ то же время затеняя кругозоръ самого автора, который попутно дѣлаеть для себя открытія и впадаетъ въ противорѣчія съ самимъ собою ²⁾). Иная полное уваженіе къ г. Брауну за его изслѣдованіе: *Die letzten Schicksale der Krimgoten (Jahresbericht der reformirten Kirchenschule für 1899/90. Petersburg. 1890)*, мы искренно перенесли его

¹⁾ За эти цифры приносимъ искреннюю признательность нашему уважаемому коллегѣ М. Ф. Хандрикову, который любезно далъ намъ цѣлый рядъ вычисленій на основаніи Птолемея и для его проверки.

²⁾ Ср., напримѣръ, возраженіе Коенингъ на стр. 268—299 и окончательный выводъ о времени возникновенія особенностей вандалскаго вокализма и его источника, стр. 336—341.

и на новый его капитальный, по самому заголовку, труд; мы искренно искали въ немъ поученія. Но чѣмъ ближе мы присматривались къ выводамъ его изслѣдованія и приемамъ его ученой работы, тѣмъ въ большее недоумѣніе приходили мы и отъ тѣхъ, и отъ другихъ. Было бы много лучше, если бы авторъ исполнилъ свое первоначальное намѣреніе: обозрѣлъ вопросы о началахъ готовъ въ небольшой главѣ компилятивнаго характера, а затѣмъ вступилъ поскорѣе на поприще изслѣдованія „гото-славянскихъ отношеній“ по тому единственно надежному съ его точки зрѣнія пути, о которомъ онъ такъ рѣшительно высказывается на первыхъ страницахъ своей работы.

Ю. Муламенскій.

Сергій Шумаковъ. Обзоръ грамотъ коллегии экономин. Вып. I. М. 1899. Обзоръ въжецкихъ и алтырскихъ актовъ. Вып. II. М. 1900. Тексты и обзоръ бѣлозерскихъ актовъ.

Неоднократно уже приходилось намъ печатно давать отчеты объ археографическихъ трудахъ С. А. Шумакова, по мѣрѣ ихъ появленія въ свѣтъ. Неутомимый, глубоко преданный своему дѣлу, обладающій большою эрудиціей, г. Шумаковъ можетъ быть названъ однимъ изъ выдающихся и опытѣйшихъ современныхъ издателей архивныхъ матеріаловъ. Изданіемъ же текстовъ и обзоровъ грамотъ коллегии экономин Московскаго архива министерства юстиціи онъ совершаетъ одинъ изъ наиболѣе тяжелыхъ научныхъ подвиговъ, именно разработку матеріаловъ для чужихъ работъ, трудъ скромный и незамѣтный, но необходимый, кропотливый и долженствующій быть высокооцѣненнымъ всѣми истинными любителями отечественной старины. *Quis dabit historico quantum daret astra legenti?* сказалъ Ювеналь...

Настоящее изданіе отличается всѣми достоинствами предыдущихъ работъ г. Шумакова: точностью, систематичностью, прекрасной группировкой матеріала, внимательно составленными и обстоятельными указателями и прекрасными библиографическими и хронологическими примѣчаніями. Обзоръ бѣжецкихъ актовъ обнимаетъ ихъ за время съ 1300 по 1767 гг. Въ предисловіи г. Шумаковъ говоритъ: „Наиболѣе цѣлесообразной для изданія и описанія такихъ цѣнныхъ въ научномъ отношеніи актовъ, какъ грамоты коллегии экономин, мы попрежнему признаемъ форму такихъ изданій, какъ наши «Тверскіе» и «Угличскіе Акты», но провести ее послѣдовательно для всѣхъ 15.000 грамотъ

коллегія экономин не подѣ силу одному человѣку, работающему безъ помощниковъ и сотрудниковъ" (стр. V). Въ своемъ обзорѣ издатель старается не только перечислять описываемые документы, но приводить изъ грамотъ все наиболѣе интересное для юриста и историка, а болѣе важные документы печатаегь цѣлкою. Обзоръ актовъ каждаго уѣзда г. Шумаковъ, но выработавной имъ системѣ, дѣлитъ на два большихъ отдѣла: частныхъ актовъ и официальныхъ. Приступая къ краткому пересмотру сообщаемыхъ издателемъ документовъ, позволимъ себѣ сдѣлать лишь одно предварительное замѣчаніе. Г. Шумаковъ, въ каждомъ мелкомъ отдѣлѣ, начинается свою нумерацію съ единицы, и этимъ получается большая дробность матеріала и часто неудобство для читателя. Исследователь же долженъ всегда цитировать и № и страницу.

На стр. 5. среди бѣжецкихъ частныхъ актовъ, обращаетъ на себя вниманіе данная за № 17-тымъ, такъ какъ въ ней мы встрѣчаемъ подъ 1533 г. конюшеннаго подъячаго. До сихъ поръ не удавалось найти данныхъ о конюшенномъ приказѣ ранѣе 1535 г., времени указаннаго еще Невольнымъ ¹⁾, хотя Н. П. Лихачевъ приводитъ свѣдѣнія о существованіи конюшенныхъ дьяковъ въ 1531 г. ²⁾ Существованіе конюшеннаго подъячаго въ 1533 г. даетъ большое основаніе полагать, что въ это время уже существовалъ конюшенный приказъ. По поводу данной № 85 на стр. 19—20, г. Шумаковъ дѣлаетъ замѣчаніе ³⁾, что это замаскированная купчая. Мы знаемъ, конечно, много такихъ купчихъ. Но здѣсь, насколько можно судить по приводимымъ издателемъ выдержкамъ, мы имѣемъ дѣло съ простымъ вкладомъ, хотя и вызваннымъ необычайными обстоятельствами. Вкладчикъ вѣдь прямо говоритъ, что даетъ свой дворъ монастырю „за 15 рублей вкладу“ Очевидно, желая сдѣлать вкладъ въ монастырь, онъ и предпочелъ отдать сему послѣднему свою недвижимую собственность, причинившую ему столько хлопотъ. Быть можетъ, фраза „за 15 рублей вкладу“ вставлена и по требованію монастырскихъ властей, воспользовавшихся такою официальною оцѣлкою имущества вкладчика. Засимъ, обращаютъ на себя вниманіе на стр. 21 №№ 4, 5 и 7, разъясняющіе юридическія отношенія, возникшія изъ приданаго. Известно, что въ исторіи русскаго права вопросъ о приданомъ остается и до сего

¹⁾ *Неволинъ*, „Нол. Собр. Соч.“ Спб. 1857, т. VI, стр. 155.

²⁾ „Разрядные дьяки XVI вѣка“. Спб. 1888. стр. 48 слѣд.

³⁾ Стр. 20.

времени весьма неопредѣленнымъ и большинствомъ изслѣдователей относится, вслѣдствіе подсудности этихъ дѣлъ духовной власти, къ области рецепціи греко-римскаго права. Изъ указанныхъ данныхъ половины XVI вѣка мы видимъ, что приданое являлось совмѣстной собственностью обоихъ супруговъ, которые оба должны были участвовать въ гражданской сдѣлкѣ; (при этомъ въ № 4 и 5 мужъ подписывалъ актъ и за жену. Въ № 7 за нихъ обоихъ расписался ихъ отецъ духовный). Право же родового выкупа приданой вотчины переходить въ родъ жены. Засимъ интересно по отношенію къ подписямъ, что въ данной за № 5 со стороны жены выступали въ сдѣлкѣ не въ качествѣ послуховъ—(эти были особо въ числѣ 7) мать жены и бабушка. Интересны документы №№ 2, 3 и дополнительные (а и б) на стр. 32—33, подробно опредѣляющіе юридическую и бытовую обстановку заклада. Обращаетъ на себя вниманіе и купчая за № 8 (стр. 37), къ сожалѣнію по краткости выписки не дающая возможности точнаго толкованія. Намъ кажется, что этой купчей подтверждается выше приведенное толкованіе юридической природы приданого. Омешата Васильевъ сынъ Титонъ съ двумя своими сыновьями продаетъ третьему сыну Ивану вотчинную деревню Трестенку за 20 рублей, при чемъ деньги получили „не изъ вольчево живота, жены его денги приданые, деньги Катерины Ивановы дочери Данилова“ (актъ 1554—1555 г.). Этимъ еще разъ указывается, что приданое не можетъ имѣть никакого отношенія къ роду мужа, а потому при сдѣлкахъ съ представителями этого рода это оговаривается. Тотъ же Омешата Васильевъ фигурируетъ въ актѣ № 2 (стр. 45—46) именно въ раздѣльной съ братомъ по смерти отца оставшимися послѣ него холодами. Въ этомъ послѣднемъ документѣ возникаетъ у г. Шумакова сомнѣніе, отнести ли его къ 7018 (1510) или 7048 (1540). Намъ кажется, что въ виду актовъ № 8 (стр. 37) и № 4 (стр. 24) слѣдуетъ признать болѣе вѣроятной дату 7018. На стр. 57 интересно примѣчаніе г. Шумакова (пр. 4), что самое раннее упоминаніе о Помѣстномъ приказѣ онъ нашелъ отъ 1556 г. (7064). Изъ официальныхъ Бѣжецкихъ актовъ, вообще въ значительной степени уже исчтанныхъ, многіе представляютъ значительный интересъ и въ свое время обратили на себя вниманіе *Федотова-Человскаго*, *Мейчика* и *Дьяконова*. Мы укажемъ только на отъѣченный и издателемъ, по своей необычайной формѣ, документъ за № IV (стр. 73). Г. Шумаковъ называетъ его купчей. Необычайность его въ томъ заключается, что это официальный документъ: „по государству указу“, скрѣпляющій частную сдѣлку. Но объясняется такая

форма его тѣмъ, что продаются въ вотчину помѣстныхъ земли. Произвести такой сдѣлки безъ государева указа было нельзя.

Среди алатырскихъ актовъ частныхъ не много. Изъ нихъ болѣе интересны слѣдующіе въ бытовомъ отношеніи: въ № 5 (стр. 77) Мордвинъ Тихонъ Четяевъ, крестьявшись, отдалъ въ видѣ вклада Троице-Сергіеву монастырю землю. А самъ просить его устроить дворомъ и пашней въ Троицкомъ селѣ, мотивируя это тѣмъ, „чтобы... крестьянскіе вѣры не отбыть“. Такое благоразумное рѣшеніе, конечно, не могло исходить отъ вкладчика: тутъ видно вліяніе духовенства. На стр. 79 обращаетъ наше вниманіе актъ № 1. Это очень опредѣленный договоръ аренды. Интересенъ въ бытовомъ же отношеніи актъ № 12 (стр. 87). Бѣглая монастырская крестьянка Василиса Никитина вышла замужъ, отъ живаго мужа, за крестьянина Н. И. Радомскаго и прижила двухъ сыновей Алексѣя и Стенана. Настоящій документъ представляетъ собою мировую Радомскаго съ Троицкимъ Алатырскимъ монастыремъ, по которой онъ отдалъ монастырю помянутыхъ двухъ сыновей за „пожилыя“ деньги ихъ матери. И это 27-го іюля 1732 г. Очень интересны также и официальные алатырскіе акты, среди которыхъ много уже использовано изслѣдователями. Еще болѣе интересъ, чѣмъ бѣжецкіе и алатырскіе акты, представляетъ собою обзоръ бѣлозерскихъ актовъ 1395—1758 гг. Бѣлозерскіе акты, а особенно акты и грамоты Кирилло-Бѣлозерскаго и Оерапонтовскаго монастырей, дошедшіе до насъ въ очень значительномъ числѣ въ подлинникахъ и затѣмъ въ очень исправныхъ копіяхъ XVI и XVII вѣка, уже давно обращали на себя вниманіе изслѣдователей. По рукописямъ Московскаго архива министерства юстиціи ими пользовались и отчасти издали и описывали Федотовъ-Чеховскій ¹⁾ и г. Мейчикъ ²⁾, по подлинникамъ же изъ монастыря издатели актовъ, относящихся до юридическаго быта, А. А. Э. и А. И. По копіямъ, написаннымъ въ XVI вѣкѣ ³⁾, издатели т. II Русской Исторической Библіотеки и авторъ настоящей статьи ⁴⁾; кромя того въ Императорской Публичной Библіотекѣ хранятся сборникъ XVII вѣка, представляющій собою записную книгу документамъ, совершеннымъ монастыремъ въ то же

¹⁾ „Акты Гражд. Распр.“. К. 1860—1863.

²⁾ „Грамоты XIV и XV вѣка Москов. Арх. Мин. Юст.“. М. 1883.

³⁾ Сборн. Цип. Публ. Библ. Q, IV, 120.

⁴⁾ „Шляхъ актовъ и грамотъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря“. Спб. 1900 г. ж въ в. XIII, „Вѣст. археол. и исторіи“.

время ¹⁾). Такие же сборники хранятся и в С.-Петербургской Духовной Академии, куда они поступили из Новгородской Софийской библиотеки. Наконец, в том же II томѣ Русской Исторической Библиотеки пользовались издатели копиями, снятыми Бороздинымъ съ актовъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря во время археографической экспедиціи Строева ²⁾. Самъ г. Шумаковъ въ Читеніяхъ общества Исторіи и Древностей за текущій годъ печатаетъ тексты многихъ актовъ, обзоръ конхъ нами разбирается. Мы думаемъ, что намъ удастся подробнѣе остановиться на этомъ предметѣ, когда придется дать отчетъ объ этомъ послѣднемъ заданіи г. Шумакова. Здѣсь же ограничимся, сравнительно, немногими словами. Тутъ, прежде всего, слѣдуетъ указать, что г. Шумаковъ уже въ настоящемъ своемъ „обзорѣ“ печатаетъ тексты наиболѣе интересныхъ документовъ. Именно имъ „здѣсь изданы... всѣ выписи изъ книгъ XVI вѣка (кромѣ мелкихъ) числомъ семь... Издааны... кромѣ того изъ актовъ XV вѣка отводная одна... пять даниныхъ—и шесть грамотъ... и двѣ грамоты XVII вѣка..., какъ содержанія маслу выписокъ изъ актовъ XVI вѣка до насъшедшихъ“ ³⁾).

Позволимъ себѣ указать, что въ конѣ XVI вѣка въ данной Давыда Клементьева („Обзоръ“ стр. 2 № 5) рѣка вѣрно обозначена не Выка, а Выкса ⁴⁾. Далѣе, замѣтимъ нѣсколько словъ по поводу акта за № 22 (стр. 4). Г. Шумаковъ относитъ этотъ документъ къ 1551 г., въ виду упоминанія въ немъ игумена Козьмы; мы отнесли его къ 1428—1434 гг. ⁵⁾, такъ какъ въ изданной нами рукописи въ этомъ мѣстѣ упоминается игуменъ Христофоръ. По этому поводу г. Шумаковъ указала на недостоверность нашей даты и даже на основаніи сего заподозрила весь изданный нами сборникъ недостовернымъ; онъ замѣтилъ, что тамъ черезчуръ много актовъ XV вѣка, незнакомыхъ московскому архиву, и что вообще онъ представляеть собою, можетъ быть, поддѣлку монастыря, съ цѣлью придать своимъ владѣніямъ болѣе исконный видъ ⁶⁾. Тутъ прежде всего укажемъ, что монастырю еще могла быть выгода сочинять акты, но старить

¹⁾ Сборн. Имп. Публ. Библ. Q. IV. 132.

²⁾ Сборн. Археографическ. Комиссія, № 224/112.

³⁾ „Обзоръ“ предисловіе, стр. III.

⁴⁾ Н. Н. Дебольскій, „Изъ актовъ и грамотъ Кир.-Бѣл. монастыря“ стр. 35, № LXXXIV.

⁵⁾ Ibid., стр. 44, № CVII.

⁶⁾ „Вѣстникъ Права“ 1900 № 8 (октябрь) стр. 285—288.

ихъ—никакой. Затѣмъ, опредѣлять время документа по имени игумена вообще очень трудно—это опредѣленіе никогда не имѣетъ опредѣленности и точности. Г. Шумакову, какъ и другимъ, не разъ приходилось поправлять и дополнять, на основаніи актовъ, снабженныхъ датой, указатель П. М. Строева ¹⁾). Но мы основываемъ свою дату не только на имени игумена. На стр. 41, подъ № СІ нами приведена жалованная грамота князя Михаила Андреевича по поводу какъ разъ этого вклада. А такъ какъ этотъ князь умеръ въ 1485 г., то и документъ за № 22 (по „Обзору“ г. Шумакова) долженъ быть отнесенъ къ XV вѣку. Къ сему позволимъ себѣ присовокупить, что въ интересной отводной 1482 г., которую цѣликомъ приводитъ въ своемъ „Обзорѣ“ г. Шумаковъ (стр. 80—116), и на которую онъ ссылается въ своемъ возраженіи намъ, приведены имена и документы тѣхъ деревень, которыя возбуждали споръ между двумя монастырями: Кирилловымъ и Оерапонтовымъ (Мартемьяновымъ). Деревни, данныя Карповичами остались въ сторонѣ. Но и въ этой отводной (стр. 112) упоминаются лежація въ сторонѣ Чюравскія деревни, принадлежавшія Кириллову монастырю, а эти деревни (Колышино и Иванцевская), согласно выше приведенной жалованной грамотѣ князя Михаила Андреевича, были даны монастыремъ по душѣ именно Александра Карповича. Такимъ образомъ мы должны признать, что есть очень много основаній относить документъ за № 22 (по „Обзору“), какъ это и сдѣлано нами, къ половинѣ XV, а не XVI вѣка. Если на документѣ Московскаго архива министерства юстиціи есть дата, чего изъ текста „Обзора“ не видно, то она могла быть ошибочной ²⁾).

Духовныхъ грамотъ въ „Обзорѣ“ г. Шумакова очень немного: всего три. Ужъ это одно, невѣроятно малое, даже по сравненію съ другими уѣздами, число служить лучшимъ доказательствомъ того, что нельзя считать достоверными только тѣ документы, подлинники которыхъ имѣются въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи.

¹⁾ Напр. вѣст. Обзоръ, стр. 67, № 8.

²⁾ Кстати еще позволимъ себѣ замѣтить, что въ нашемъ изданіи мы упустили сдѣлать ссылки на акты, изданные г. Мейчикомъ. Впрочемъ, ихъ немного. Однимъ изъ пунктовъ сомнѣнія у г. Шумакова является то, что нами, якобы, приведено много закладныхъ XV вѣка, о существованіи коихъ ни г. Шумаковъ, ни г. Мейчикъ не знали. Между тѣмъ, у насъ приведена всего одна закладная (№ 82, стр. 34), къ тому же уже напечатанная въ А. Ю. № 232 (стр. 260). Затѣмъ, наши акты съ величайшей точностью повторяются и въ отводной г. Шумакова (стр. 80 слѣд.).

Купчія Бѣлозерскія, по крайней мѣрѣ, совершенныя со свѣтскими лицами, поражаютъ обиліемъ послуховъ: отъ 4 до 7. Жалованная грамота (несудимая), напечатанная въ выдержкахъ на стр. 43 „Обзора“ подъ № 3 в великой княгини Софій на Сизѣмскія земли Кирилло-Бѣлозерскому монастырю, представляетъ собою краткую редакцію такого же документа, напечатаннаго по подлиннику же въ А. О. до Ю. Б., I подъ № 31, VI ¹⁾). Засимъ, въ заключеніе нашей краткой замѣтки, не можемъ не обратить вниманія на весьма интересную отводную, напечатанную г. Шумаковымъ на стр. 80—116, представляющую собою перечисленіе многихъ (но не всѣхъ) владѣній Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, а попутно и копій и выдержки изъ актовъ на эти владѣнія. Отводная составлена въ 1486 г. На этомъ мы кончаемъ свой разборъ, полагая, что будемъ имѣть возможность еще разъ поговорить о Бѣлозерскихъ актахъ по поводу изданія г. Шумаковымъ ихъ текстовъ. Здѣсь же еще разъ долгомъ считаемъ замѣтить, что и настоящее его изданіе, подобно всѣмъ предыдущимъ, мы признаемъ прекраснымъ вкладомъ въ нашу археографическую литературу. Наши возраженія касались лишь существа дѣла, имѣли значеніе отчасти pro domo sua, и, конечно, нисколько не могутъ унизить почтеннаго труда г. Шумакова.

Н. И. Дебольскій.

Книжныя новости.

А. В. Половцовъ. Прогулка по русскому музею Императора Александра III въ С.-Петербургѣ. Съ 39 рисунками. М. 1900. Стр. IX+174. Цѣна 60 коп.— Начинается названная книга г. А. В. Половцова „введеніемъ“, въ которомъ излагаются: просвѣтительная дѣятельность императора Александра III; научные и художественные труды князя Георгія Михайловича, управляющаго Русскимъ Музеемъ; исторія и характеристика самаго зданія Музея, бывшаго Михайловскаго дворца, передѣланнаго въ стилѣ Елизаветинскаго рукою художника В. Ф. Свинына, и наконецъ, способы образованія Музея. За этимъ „введеніемъ“ слѣдуетъ обзоръ предметовъ искусства, находящихся въ нижнемъ этажѣ Музея. Прежде всего обозрѣваются христіанскія древности (иконы византійскія, новгородскія и московскія, шивикадила, кресты и т. п.), а затѣмъ уже картины „добраго стараго времени“, т. е. XVIII и начала XIX вѣковъ, когда наиболѣе выдающимися художниками были выдвинуты Екаториной II В. Л. Боровиковскій, О. Л. Алексѣевъ и др., и вообще лица,

¹⁾ Подтвержденіе этого акта см. въ нашихъ „Актахъ и Гр. Кир.-Бѣл. мон.“ стр. 70, № 189 и стр. 72 № 191.

происходившія изъ крѣпостнаго званія. Далѣе съ довольно большими подробностями г. Половцовъ обозрѣваетъ залы *сердцью* этажа. Больше всего онъ говоритъ о К. П. Брюлловѣ и Ф. А. Бруни и ихъ произведеніяхъ, не мало приводя и поправокъ къ извѣстнымъ доселѣ свѣдѣніямъ объ этихъ художникахъ. Такъ, напримеръ, опять утверждаетъ, что картина Брюллова „Смерть Инесы де-Кастро“ написана за два года до постановки оперы Персіани: „Инеса де-Кастро“, про которую до сихъ поръ говорили, что она повлила и вызвала даже названную картину Брюллова. Затѣмъ на основаніи документальныхъ данныхъ, заимствованныхъ изъ архивовъ, г. Половцовъ утверждаетъ, что Ф. А. Бруни „принадлежалъ къ старинной дворянской фамилии Бароффа-Бруни“, что его отецъ переселился съ семьей въ Россію въ 1807 г., а не при Павлѣ I, какъ было до сихъ поръ принято во всѣхъ біографіяхъ этого художника, и что Ф. А. Бруни родился въ 1799 г. и въ Миланѣ, а не въ 1800 г. и не въ Москвѣ. Въ слѣдующихъ главахъ находимъ обзоръ произведеній „спутниковъ Брюллова и Бруни“, а именно П. В. Басина, графа Ф. П. Толстаго, Н. С. Нимепова и др.; произведеній современныхъ намъ художниковъ, которыя приобрѣтены и собраны самимъ императоромъ Александромъ III и долго оставались скрытыми отъ публики; скульптурныхъ произведеній обоимъ залъ верхняго этажа; немногочисленныхъ „материаловъ“ и „предметовъ“, относящихся до царствованія императора Александра III, и наконецъ, картинъ современныхъ выдающихся художниковъ: Айвазовскаго, Крамскаго, Верещагина и мн. др. На стр. 126, въ главѣ „Памятный отдѣлъ Императора Александра III“, г. Половцовъ впервые въ печати свидѣтельствуетъ о художественныхъ работахъ вдовствующей Императрицы Маріи Феодоровны, — о портретѣ кучера Ивана Любушкина и о многочисленныхъ картинахъ, изображающихъ какъ внутренніе виды бібліотеки и другихъ дворцовыхъ помѣщеній, такъ и *nature morte* и портреты, находившихся въ Анчиковскомъ дворцѣ въ Петербургѣ и въ Гатчинскомъ дворцѣ“. Имя главнымъ образомъ въ яду дать слою „Прогулку“ путевода, указатель Музее, г. Половцовъ въ то же время не попустилъ на многочисленные очерки въ исторію искусства, на характеристики художниковъ и скульпторовъ, теоретическія объясненія, разнаго рода историческія эпизоды, анекдоты, воспоминанія и т. п., и изложилъ все это прекраснымъ и даже увлекательнымъ языкомъ. Несмотря на явную витѣстность и прекрасно исполненные рисунки „Прогулки“, авторъ нашелъ возможность пустить ее въ продажу по весьма дешевой цѣнѣ и стало быть сдѣлалъ самую доступнѣйшую книжкою.

Полное собраніе сочиненій В. Г. Бѣлинскаго. Въ 12 томахъ, подъ редакціей и съ объясненіями С. А. Венгеровъ. Томъ III. С.-Пб. 1901. Стр. VIII+552.— Лежащій передъ нами томъ сочиненій Бѣлинскаго содержитъ въ себѣ все то, что великій критикъ писалъ въ 1836—1838 гг. Въ 1836 г. онъ печатался въ „Телескопѣ“ и „Молвѣ“, откуда заимствовано до 24 его статей, и всѣ почти онѣ напечатаны впервые въ столь полномъ видѣ. За нѣмъ находимъ „Основанія русской грамматики для первоначальнаго обученія“ В. Бѣлинскаго. Помѣстивъ, затѣмъ, нѣсколько неапечатанныхъ статей 1837 г., преимущественно разборовъ, г. Венгеровъ остальные страницы своего толстаго тома наполняетъ тѣмъ, что писалъ Бѣлинскій въ „Московскомъ На-

блюдетелѣ" за 1838 г. При этомъ, конечно, какъ и въ предыдущихъ томахъ, много есть такого, что было пропущено въ Солдатенковскомъ изданіи совершенно, и еще больше такого, что напечатано было раньше не вполне. Въ концѣ тома на 60 стр. находимъ примѣчаніи редактора, которыя во многомъ помогаютъ читателю ориентироваться въ словахъ Бѣлинскаго, даютъ возможность точнѣе понять его намеки и недомолвки; вводятъ справедливыя поправки къ словамъ Ксен. Полеваго о Бѣлинскомъ; сообщаютъ много историко-литературныхъ свѣдѣній о современныхъ Бѣлинскому литераторахъ, и проч. Словомъ и о настоящемъ томѣ, подобно какъ и о предыдущихъ, слѣдуетъ сказать лишь то, что наконецъ-то Бѣлинскій дождался полного и вполне научнаго изданія.

Материалы для биографіи К. Н. Тихонравова. Письма къ нему разныхъ лицъ. (Изданіе въ количествѣ 50 экз., подъ редакціей А. В. Смирнова). Съ портретомъ К. Н. Тихонравова. Владиміръ. 1900. Стр. 408, 16".

Константинъ Никитичъ Тихонравовъ безспорно одинъ изъ выдающихся мѣстныхъ изслѣдователей. До сихъ поръ никто, желая ознакомиться съ исторіей и археологіей Владиміро-Суздальскаго края, не могъ обойтись безъ знакомства съ его многочисленными статьями и отдѣльными трудами. Въ свое время онъ игралъ роль центральнаго лица, около котораго группировались всѣ „мѣстные интеллигенты“, желавшіе изучать исторію своего роднаго края и быть ему полезными. Мало того, болѣе 20 лѣтъ К. Н. Тихонравовъ представлялъ собою справочное бюро для столичныхъ археологовъ и историковъ. Благодаря послѣднему обстоятельству у него была обширная переписка, въ которой, по словамъ редактора А. В. Смирнова, участвовало до 100 лицъ. Въ редактируемой имъ книжкѣ, заглавіе которой мы привели выше, онъ могъ напечатать только письма 30 корреспондентовъ. Въ числѣ послѣднихъ мы находимъ И. С. Аксакова, приглашавшаго Тихонравова участвовать въ его газетѣ „Москва“; А. И. Армьева, у котораго онъ былъ сотрудникомъ по составленію „Энциклопедическаго Словаря“, издаваемого профессоромъ и ученымъ; О. М. Бодявскаго, Г. С. Дестуняса, А. А. Мартынова, издателя „Русской Старины“, П. И. Мельникова, П. С. Савельева, избравшаго Тихонравова своимъ сотрудникомъ по раскопкамъ въ Владимірской губерніи; М. И. Семеновскаго, гр. М. В. Толстого, гр. А. С. Уварова и др. Помимо матеріала для биографіи адресата письма нѣкоторыхъ изъ корреспондентовъ любопытны по біографическимъ свѣдѣніямъ и ихъ самихъ, а также и по сообщеніямъ, въ которыхъ они касались состоянія тогдашняго просвѣщенія или положенія исторической науки. Къ таковымъ могутъ быть отнесены письма В. А. Борисова, Е. С. Тиллячева, А. И. Армьева, Г. Г. Григорьева, М. М. Рауга, архіепископа Саввы (Тихонравова) и др. Въ общемъ, такимъ образомъ, изданные „Материалы“ являются письми не безцѣльнымъ источникомъ для исторіи русскаго самосознанія въ XIX вѣкѣ.

Историко-филологическій институтъ князя Безбородко въ Нѣжинѣ. 1875—1900. Преподаватели и воспитатели. Нѣжинъ. 1900.

Вышеупомянутая книжка издана Нѣжинскимъ историко-филологическимъ институтомъ по случаю исполнившагося въ 1900 г. двадцатипятилѣтія

существованія института и представляет собою краткій біографическій словарь личнаго его состава и воспитанниковъ, окончивших полный курсъ, съ прибавленіемъ перечня имѣющихся у нѣкоторыхъ изъ нихъ печатныхъ трудовъ. Послѣ двухъ краткихъ біографій почетныхъ попечителей института — графовъ Алексѣя Ивановича и Александра Александровича Мусиныхъ-Пушкиныхъ слѣдуютъ біографіи профессоровъ и преподавателей, среди которыхъ наибольшую подробностью отличаются біографіи: Н. Я. Аристова (составилъ проф. Вережковъ), Р. Ф. Брандта, А. С. Будиловича, Н. Я. Грота, Г. Э. Зенгера, В. В. Качаловскаго (особенно въ бібліографическомъ отношеніи), Н. А. Лавровскаго, П. Я. Свѣтлова, Н. Е. Скворцова и др. Изъ воспитанниковъ института за все двадцатипятилѣтіе насчитывается не болѣе 18—20 авторовъ, среди которыхъ болѣе плодовитыми были: С. Н. Брайловскій, Е. Ф. Карскій (нынѣ проф. Варшавскаго университета), Ш. Д. Первовъ, Н. Ивановъ, И. И. Кашиповскій, А. Н. Малика, И. Н. Смѣльницкій и др. Нечего и говорить, что подобнаго рода „Словари“ не только полезны, но и крайне необходимы: въ большинствѣ случаевъ труды провинціальныхъ писателей, какими по преимуществу являются воспитанники института, оставались и остаются неизвестными, даже по заголовкамъ; а между тѣмъ во многихъ изъ нихъ имѣется не мало цѣннаго и въ историческомъ и въ историко-литературномъ отношеніяхъ.

Извѣстія историко-филологическаго института князя Безбородко въ Нѣжинѣ. Т. XVIII. Нѣжинъ. 1900. Стр. 16+18+19+10+7+19+37+48+143+52+19+5.—Непосредственно вслѣдъ за отчетомъ института мы находимъ вступительную лекцію свѣц. А. Лобачевскаго. „Научная цѣнность христіанскаго знанія“, въ которой оныѣ пытается, руководясь, главнымъ образомъ, „Бесѣдою“ архіепа. Никанора и статью А. Гусова: „Потребность и возможность научнаго оправданія христіанства“, доказать, что „христіанское знаніе выше всякаго другаго научнаго знанія“. Далѣе помѣщена рѣчь проф. Пискорскаго: „Начало академической свободы въ Западной Европѣ“. Авторъ здѣсь разумѣетъ подъ академическою свободою „такую организацію научной дѣятельности и преподаванія, которая опредѣляется существованіемъ ученаго сословія, регулирующаго свои отношенія и дѣятельность независимо отъ внѣшнихъ авторитетовъ и исключительно подчиняющаго свою дѣятельность интересамъ знанія, требованіямъ научной истины“, и останавливается на первоначальной исторіи Болонскаго и Парижскаго университетовъ. За нею идетъ статья М. И. Бережкова: „Объ одной историко-политической запискѣ времени присоединенія Крыма“. Здѣсь авторъ ведетъ рѣчь о запискѣ, написанной еще Н. И. Григоровичемъ извѣстному канцлеру, князю А. А. Безбородко и пытается доказать, что она врядъ ли не произведеніе другаго лица. Главнымъ образомъ, оныѣ основывается на томъ, что нѣтъ свѣдѣній о пребываніи Безбородко въ Крыму до 1776 г., къ каковому году относится составленіе „Записки“; между тѣмъ авторъ „Записки“ обнаруживаетъ обширное знакомство и съ исторіей и географіей южной части страны. Далѣе г. Бурянъ приводитъ письмо Фр. Авг. Вольфа, отъ 5-го іюня 1806 г., къ Морганштерну, съ отвѣтомъ послѣдняго, предпославъ ему довольно пространное

введение о значении писемъ историческихъ лицъ вообще и писемъ Вольфа въ частности. Г. Ив. Турдевичъ въ статьѣ: „Обращеніе къ императору провинціальныхъ сеймовъ, городскихъ и другихъ обществъ въ первые три вѣка Римской имперіи“, на основаніи почти всѣхъ извѣстій древнихъ авторовъ, говоритъ о „поздравленіяхъ императору, выраженіяхъ соболдзюваніи, благодарственныхъ адресахъ, поднесеніяхъ даровъ, хвалебныхъ отзывахъ императору о дѣятельности римскихъ провинціальныхъ властей и другихъ лицъ“ и т. п. Затѣмъ помѣщенъ довольно пространный очеркъ г. А. Добіаша о П. А. Лавровскомъ, въ которомъ авторъ болѣе всего говоритъ о педагогическихъ взглядахъ покойнаго. Почти половину тома занимаетъ напечатанное послѣ статьи г. Добіаша „Описаніе рукописей бібліотеки историко-филологическаго института князя Бѣзбородко въ Нѣжинѣ“. Авторъ этого описанія, проф. М. Сперанскій называетъ въ предисловіи это соображеніе рукописей „небольшимъ, но цѣннымъ по своему составу и содержанію“. Состоятъ оно „изъ славяно-русскихъ рукописей“, куда входятъ и рукописи изъ бібліотекъ С. П. Шевырева и проф. Ф. Ричля. Болѣе всего рукописей стараго періода (евангелій—не старше второй половины XVI вѣка, богослужебныхъ книгъ, сборниковъ житій и поученій, новѣстей, хронографовъ, сказаній и мн. др.); затѣмъ довольно много рукописей новаго періода (среди которыхъ встрѣчаемъ: сборникъ сатиры Кантеміра, сборникъ митрополита Серапіона, лѣтоисчислѣ Устюга, житіе Петра Великаго, автографы П. В. Гоголя, А. А. Котляревскаго, и мн. др.), и наконецъ небольшой отдѣлъ составляютъ рукописи иностранныхъ, преимущественно лекціи заграничныхъ профессоровъ. Заключительными статьями являются: „Изъ исторіи сербской литературы“ (полемиическая литература противъ латиниизма и еретиковъ) проф. В. В. Качаковского и „Что такое филологія и каково ея значеніе?“ проф. А. Добіаша.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* въ теченіе декабря 1900 г. и января 1901 г.:

— *Трубицковъ, К. В.* Богатства Россіи. Изслѣдованія, наблюденія и характеристики. Часть I. С.-Пб. 1901. 208 стр. Цѣна 1 р. 50 к.

— *Дьячкова, И.* Психологическая дѣятельность учащихся при описаніи предмета. Приложеніе къ отчету о состояніи Калнинскаго реальнаго училища за 1899 годъ. Варшава 1900.

— Краткій отчетъ о состояніи Уральскаго войскаго реальнаго училища за 1898—1899 учебный годъ. Казань 1900. 52 стр.

— Отчетъ Кишиневской городской общественной бібліотеки за 1899 г. (22-й годъ существованія). Оттискъ изъ „Вѣдомостей Кишиневской Городской Думы“. Кишиневъ 1900. 71 стр.

— *Селивановъ, А. Ѳ.* П. П. Максимовичъ, основатель Творской женской учительской школы. (Біографическій очеркъ съ портретомъ). С.-Пб. 1901. 175 стр. Цѣна 1 р.

— Свощенія Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества.

Май—іюнь 1900 г. Отъ 243—360 стр. Іюль—октябрь 1900. Отъ 361—642 стр. С.-Пб. 1900.

— *Тристрамъ, Г. В.* Восточные обычаи въ виллійскихъ странахъ. Переводъ съ англійскаго *В. Н. Амичковой*. С.-Пб. 1900. 143 стр. (Изданіе Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества).

— Читанія о Святой Землѣ. Святая Земля по слѣдамъ русскихъ паломниковъ. *В. Д. Юшманова*. 49-е чтеніе. II. Виносемя, дубъ Мамврійскій, Горная, Іорданъ, лавра св. Саввы, Оаворъ, Назаретъ и Тверидское озеро. 39 стр. Цѣна 15 коп.—Физическая географія Палестины. *Н. В. Викторовскаго*. 64-е чтеніе. 24 стр. Цѣна 15 коп.—Хожденіе въ Св. Землю Дяніла русскія земли игумена въ 1106—1107 гг. *Н. В. Лисева*. 65-е чтеніе. 31 стр. Цѣна 15 коп. С.-Пб. 1900. (Изданіе Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества).

— *Смирновъ, С. И.* Александръ Васильевичъ Горскій († 11-го октября 1875 года). Съ портретомъ А. В. Горскаго. Рѣчь, произнесенная на торжественномъ собраніи въ память А. В. Горскаго въ Московской Духовной Академіи 22-го октября 1900 г. Свято-Троицкая Сергіева Лавра 1901. 63 стр. Цѣна 40 коп.

— *Зеленинъ, А. И.* Путешествія Н. М. Пржевальскаго. (Составлено по подлиннымъ сочиненіямъ. Съ рисунками и картами). С.-Пб. Томъ I. 464 стр. Томъ II. 495 стр. Изданіе *Н. П. Сойкина*.

— *Шопенгауэръ, Артура*. Полнок собраніе сочиненій. Въ переводѣ и подъ редакціей *Ю. И. Айхенвальда*. Выпускъ III. Москва 1901. Отъ 177—288 стр. Изданіе магазина „Клажное Дѣло“.

— *Залескій, В. Ф.* Къ вопросу о реформѣ средняй школы. Казань 1900. 92 стр. Цѣна 1 руб.

— *Соколовъ, Н. М.* О славѣ. Сообщеніе, сдѣланное 3-го марта 1900 г. въ кружкѣ имени Я. П. Полонскаго. С.-Пб. 1900. 80 стр. Цѣна 50 коп.

— *Бородкинъ, М.* Поэтическое творчество А. П. Майкова. Сообщеніе, сдѣланное 21-го апрѣля 1900 г. въ кружкѣ имени Я. П. Полонскаго. С.-Пб. 1900. 81 стр. Цѣна 50 коп.

— *Прешеръ, Франц*. Стихотворенія. Со словѣнскаго и нѣмецкаго подлинниковъ перевелъ *Ф. Коризъ*. Москва 1901. ХСХІХ+244 стр. Цѣна 1 р. 50 коп.

— *Лозельсонъ, В. И.* Матеріалы по изученію юкагирскаго языка и фольклора, собранные въ Колымскомъ округѣ. Часть 1-я. Образцы народной словесности юкагировъ (текстъ съ переводомъ). С.-Пб. 1900. VІІІ + XV + 240 стр. Цѣна 2 р.

— Извѣстія Императорской Академіи Наукъ. Томъ XIII. № 3. 1900. Октябрь. С.-Пб. 1900. Отъ XVІІ—LX и отъ 270—350 стр.

— *Мирковъ, А. А.* Исследования о предѣльныхъ величинахъ интеграловъ.

34 стр. Цѣна 80 к. (Записки Императорской Академіи Наукъ по физико-математическому отдѣленію. Томъ X. № 9 и послѣдній).

— *Kowalewsky, A.* Etude biologique de l'annimenteria cœgata MULLER. Avec 10 planches. (Записки Императорской Академіи Наукъ, по физико-математическому отдѣленію. Томъ XI. № 1).

— *Ашмаркинъ, Н. И.* Матеріалы для изслѣдованія чувашскаго языка. Казань 1898. XXXIV+392+XIX стр. Цѣна 2 р. 50 коп.

— *Лермонтовъ, М. Ю.* „Болга“. Вятка 1900. 64 стр. Цѣна 5 коп. (Изданіе Вятскаго губернскаго земства, изданіе 2-е, № 9).

— *Ею же.* Поэма „Мцыри“. Вятка 1900. 31 стр. Цѣна 3 коп. (Изданіе Вятскаго губернскаго земства, изданіе 2-е, № 8).

— *Ею же.* Поэма „Демонъ“. Вятка 1900. 48 стр. Цѣна 4 коп. (Изданіе Вятскаго губернскаго земства, № 40).

— *Самоквасовъ, Д. Я.* Централизация государственнхъ архивовъ. Архивное дѣло на Западѣ. Москва 1900. IV+213+37 стр. Цѣна 1 р. 25 коп. (Московский архивъ министерства юстиціи).

— *Смечковъ, Я.* Двѣ статьи изъ алгебры въ новомъ изложеніи. Составилъ преподаватель Орловскаго реальнаго училища. I-я статья: Новая формула для неизвѣстнаго кубическаго уравненія общаго вида, дающая всегда дѣйствительный корень уравненія. II-я статья: Первый и второй предѣлы ошибки въ подходящей дроби. Орелъ. 1900. 38+6 стр. Цѣна 50 коп.

— *Литовскій, А. Л.* Славянскіе народы. Хорваты. Съ приложеніемъ карты Хорватіи, Славоніи и Далмаціи. С.-Пб. 1900. II+159 стр. (Изданіе С.-Петербургскаго Славянскаго благотворительнаго общества).

— *Гоголь, Н. В.* Мертвыя Души. Поэма. Съ портретомъ Н. В. Гоголя, 10 гравюрами и 355 иллюстраціями. Выпускъ I. VII+57 стр. С.-Пб. 1901. Изданіе А. Ф. Маркса. (Иллюстрированная бібліотека Нивы 1901 г. Цѣна 1 руб. 1 р., цѣна на все изданіе по подпискѣ 14 р.).

— *Шрейдеръ, Д. И.* Разсказы о разныхъ странахъ и народахъ. Страна восходящаго солнца. Разсказы объ японцахъ. Съ 20-ю рисунками и картой. Изданіе второе. Цѣна 25 коп. С.-Пб. 1900. 80 стр. (Изданіе О. Н. Поповой).

— *Реклю, Элизе.* Земля. Описаніе жизни земнаго шара. Выпускъ V. Атмосфера и воздушныя явленія. 68 рисунковъ и 3 карты. Изданіе второе. Переводъ съ французскаго подъ редакціей Д. Л. Коротческаго. Съ дополненіями Э. Ф. Лесгафта. Цѣна 1 руб. С.-Пб. 1901. 211 стр. (Изданіе О. Н. Поповой).

— *Кочъ, А. Ѳ.* Ѳеодоръ Петровичъ Галзъ. Біографическій очеркъ съ портретомъ. Второе изданіе. 174 стр. Цѣна 50 коп., съ перес. 70 коп. С.-Пб. 1901. Изданіе А. Ф. Маркса.

— *Добольскій, В. Н.* Сибирскіе пути XVI и XVII вѣковъ. Кіевъ 1900. 17 стр.

— *Илѣковскій, А. Н.* Князь В. Ѳ. Одоевскій и Д. В. Вилквитинъ. Историко-литературныя характеристики. (Съ приложеніемъ 2-хъ портретовъ и предисловіемъ къ автору: кн. Одоевского, барона А. Г. Жомини и княгини М. А. Вяземской). Изданіе третье, редакціи „Наблюдателя“. С.-Пб. 1901. 167 стр. Цѣна 1 р. 50 коп.

— Календарь Императорскаго лицея въ память Цесаревича Николая на 1900—1901 г. Серія II. Годъ VII. Москва 1900. XIII+702+196 стр.

— *Бѣлинскій, В. Г.* Полное собраніе сочиненій въ двѣнадцать томахъ по дѣлу редакціи и съ примѣчаніями С. А. Венгеровъ. Томъ III. Съ приложеніемъ портрета Бѣлинскаго, рисованнаго въ 1849 г. академикомъ К. А. Горбуновымъ. С.-Пб. 1901. 552 стр.

— *Озоровскій, Ю. 9.* Вопросы выразительнаго чтенія. Книга II-я съ приложеніемъ очерка В. В. Варнеке: „Античная декламация“ (глава изъ исторіи декламации). С.-Пб. 1901. II+152+20 стр. Цѣна 1 р. 30 коп.

— *Губинскіа, Г.* Исторія торговли Европы. Переводъ съ англійскаго Е. Ч. Съ картами. С.-Пб. 1901. 212+VII стр. Цѣна 1 р. 30 коп.

— *Бубисъ, д-ръ Г. М.* Къ юбилею 50-лѣтней дѣятельности лабораторіи профессора, доктора химіи, Александра Васильевича Пеля, бывшей Василія Васильевича Пеля. С.-Пб. 1900. 36 стр.

НАША УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА ¹⁾.

М. Азбукинъ. Ученикъ по русской грамматикѣ. Отдѣлъ I-й (окончанія измѣняемыхъ и неизмѣняемыхъ частей рѣчи). Изданіе второе (исправ. и допол.). Орелъ 1898. 59 стр. Цѣна 25 коп.

Книга г. Азбукина сохранила тотъ же характеръ догматичности, который она имѣла въ первомъ изданіи, и благодаря которому каждая ошибка или неточность выраженной составителя невольно усугубляется. А такихъ погрѣшностей въ книгѣ г. Азбукина, по нашему мнѣнію, сохранилось еще довольно много.

На 3 стр. „Подлежащее... узнается по вопросамъ кто? что?“ Этотъ *человѣкъ* — мой *братъ*. Вопросъ *кто?* равно приложимъ и къ подлежащему, и къ сказуемому.

На 4 стр. Въ выраженіи „*И на мягкой постели*“ (иногда плохо спится) г. Азбукинъ видитъ какую-то новую синтаксическую категорію: *обстоятельство уступленія*. Согласимся на это, но на слѣдующей же строкѣ читаемъ, что *соединительными* слова (примѣры на и) „не входятъ въ составъ предложенія“, между тѣмъ въ данномъ примѣрѣ вся concessivность обстоятельства какъ разъ въ этомъ и заключается. Не собьютъ ли это ученика, да, пожалуй, и учителя?

На 6 стр. Азбукою называется собраніе всѣхъ буквъ какого-нибудь языка.

На 9 стр. Примѣчаніе. Предметы: Богъ, ангелъ и т. п. называются духовными.

На 10 стр. Звательный падежъ отвѣчаетъ на вопросы кто? что?

¹⁾ Помѣщенныя здѣсь рецензіи имѣлись въ виду ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія.

На стр. 17. При упоминаніи о *pluralla tantum* напрасно поставлено авторомъ: „немногія названія городовъ“, потому что такихъ названій довольно много.

На стр. 19 дѣленіе относительныхъ прилагательныхъ на три разряда съ наименованіемъ каждаго изъ нихъ особо можетъ повлечь къ большой путаницѣ. Положимъ, что ученикъ, основываясь на дѣленіи г. Азбукина, отнесетъ прилагательное *дубовый* къ *вещественнымъ*, какъ означающее *матеріалъ*; но будь оно въ предложеніи соединено съ словомъ *цѣпъ* или съ словомъ *лѣсъ*, и отнесеніе окажется ошибочнымъ. Для догматики во всякомъ случаѣ это дѣленіе не годится.

На стр. 20 въ грамматику напрасно введены какъ нормальныя *мень, болъ, даль, долъ*, а на стр. 59 даже *ну-те*: вѣдь это курсъ практической, а развѣ учитель можетъ позволять ученику употреблять эти выраженія въ устной или письменной рѣчи?

На стр. 25 числительное *пятый* должно отвѣчать на вопросъ *какой по порядку?* Это невѣрно: надо *который по порядку*; на первый же вопросъ отвѣчаютъ слова *верхній, нижній, крайній, послѣдній, средній* и другія прилагательныя.

На стр. 26 приводится полное склоненіе: *Полтора—полторы—полторы (?)*; только форма „о полоторыхъ“, должно быть, кажется г. Азбукину сомнительной, потому что онъ печатаетъ ее мелкимъ шрифтомъ. Мы знаемъ выраженія: *полтора рубля, полторы тысячи*, но не можемъ себѣ представить множественнаго числа отъ этихъ паръ. Насколько намъ извѣстно литературное русское словоупотребленіе, эти формы употребляются для выраженія именительнаго и винительнаго падежей, что же касается до остальныхъ падежныхъ формъ, онѣ имѣютъ въ срединѣ и соответствующія окончанія прилагательныхъ во множественномъ числѣ: *полторыѣ рублей* и т. п.

На стр. 35 напечатано слѣдующее, явно неточное опредѣленіе: „Видомъ глагола называется такая форма, которая означаетъ, совершилось ли (исполнилось ли) дѣйствіе“

На стр. 36. Неопредѣленное наклоненіе выражаетъ характеръ дѣйствія неясно, неопредѣленно (читать). Это совершенно непонятно.

На стр. 37: „безличными называются тѣ глаголы, которые имѣютъ только одно 3-е лицо (вѣроятно, предполагалось добавить единственнаго числа), напримѣръ, *неможется*“. *А кажется, мутитъ?* Развѣ эти слова не суть безличные формы, хотя вполнѣ можно сказать *мучу, кажусь, мутю, кажусь*.

Объ изученія родного языка вообще и особенно въ дѣтскомъ возрастѣ. Изъ бесѣдъ И. И. Срезневскаго. С.-Пб. 1899. 184 стр. Цѣна не обозначена.

Эта книга представляетъ собою дополненное по рукописямъ покойнаго академика, а равно и статьямъ, не изданнымъ отдѣльно, новое изданіе его бесѣдъ „Объ изученіи родного языка“. Бесѣды же, въ свою очередь, составляютъ извлеченіе изъ публичныхъ лекцій, читанныхъ И. И. Срезневскимъ осенью 1860 года въ Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ. Переизданіе этой книги слѣдуетъ признать весьма своевременнымъ въ виду возбужденнаго въ послѣднее время интереса къ вопросамъ нашего среднеучебнаго курса и сомнѣній въ правильности постановки у насъ курса русскаго языка.

Покойный академикъ Срезневскій былъ не только глубокимъ знаткомъ русскаго языка и его исторіи и обладателемъ разностороннихъ филологическихъ познаній,—онъ былъ въ то же время настоящимъ педагогомъ и знаткомъ учебно-филологическаго дѣла и у насъ, и на западѣ. Нужно ли упоминать о томъ, что тонкій умъ покойнаго И. И. Срезневскаго, ясность его діалектики и своеобразность языка дѣлаютъ настоящую книгу не только интересной, но даже привлекательной? Первая глава посвящена выясненію того значенія, которое имѣетъ родной языкъ какъ въ жизни отдѣльнаго человѣка, такъ и въ исторіи цѣлаго народа.

Знаніе языка, составляющее основу его изученія, по мнѣнію И. И. Срезневскаго, имѣетъ двѣ стороны: первая заключается во внутреннемъ знаніи словъ или, по своеобразному выраженію автора книги, въ знаніи *про себя*, для удовлетворенія внутреннихъ требованій ума познающаго (знаніе словъ и знаніе сочетаемости словъ); вторая или внѣшнее знаніе предполагаетъ рядъ *умѣній* (пользоваться словами, соединять слова и т. д.). О характерѣ самаго изученія родного языка И. И. Срезневскій говоритъ слѣдующія слова, которыя по справедливости должны быть названы замѣчательными: „Надобно изучать именно то, что требуетъ сама природа — и такъ, какъ требуетъ, не мѣшая ей, а помогая. Какъ знаніе основное, средняное, вызываемое жизнью и вызывающее всѣ силы духовныя, живое знаніе родного языка не можетъ быть сравнено ни съ какимъ другимъ знаніемъ. Всякому знанію есть границы, опредѣляемыя силою памяти; границы живого знанія языка опредѣляются не столько памятью, сколько силою мышленія, силою *думы разума*, себѣ самому дающаго отчетъ въ своихъ движеніяхъ *словными* выраженіями. Чѣмъ болѣе человекъ

вдумывается въ себя самого и по все окружающее опредѣленно. то-есть, словами, тѣмъ болѣе—вольно или невольно—работаетъ надъ своимъ языкомъ. Вдумывается въ средства, представляемые языкомъ для выраженія мысли. стараться самому быть на сторожѣ при всякомъ словномъ выраженіи всякой мысли, искать для каждой, съ тѣмъ, чтобы найти, выраженіе вѣрное, живое и достойное, давать себѣ отчетъ въ каждомъ и при каждомъ давать отчетъ въ мысли, упорчивать это за собою навыкомъ свободнымъ, навыкомъ ума, а не памяти и вишняго чувства: вотъ что значить изучать свой языкъ" (стр. 17 и 18) и далѣе: „Гдѣ только навыкъ, тамъ нѣтъ свободы мышленія, а гдѣ нѣтъ свободы мышленія, тамъ нѣтъ и дѣйствія ума. Конечно, необходимъ и навыкъ, но подчиняемый уму, навыкъ—не какъ мертвая привычка, а какъ живое умѣнье“.

Эти слова являются опредѣлятельными для всѣхъ остальныхъ сужденій Срезневскаго, какъ въ отрицательной, такъ и въ положительной ихъ части. Онъ не разъ высказывается противъ такъ называемаго логическаго разбора, противъ господства въ школахъ учебнаго, особенно (напр. стр. 41—44) на первыхъ ступеняхъ обученія (стр. 38—40), противъ заучиванія наизусть прозы (стр. 35); къ заучиванію, какъ онъ справедливо указываетъ, надо *приохотывать*, а не *принуждать*. Особенно вооружается академикъ Срезневскій противъ логическаго разбора, находя неправильнымъ даже наименованіе его логическимъ: на первыхъ порахъ обученія разборъ, по его мнѣнію, не только неумѣстенъ, но прямо вреденъ.

На стр. 56 и слѣдующихъ авторъ даетъ перечень разнообразныхъ упражненій, которыми онъ думаетъ замѣнять схоластическія упражненія изъ области грамматики. Интересно, что въ нихъ числѣ онъ ставитъ и переводы (стр. 56), но на первомъ планѣ стоитъ чтеніе и пересказъ, при чемъ матеріаломъ для него должны служить главнымъ образомъ произведенія, дающія возможность ознакомиться съ сокровищницей русской народной рѣчи. Въ качествѣ книгъ для учениковъ онъ хотѣлъ бы видѣть книгу для чтенія, ручной словарь и справочное грамматическое руководство: интересно, что это руководство предлагается не для заучиванія, а для чтенія вмѣстѣ съ учителемъ, и затѣмъ оно усвоится при помощи постоянныхъ справокъ. Въ приложеніи помѣщаются любопытные проекты уроковъ и испытаній по родному языку на первой ступени.

Характерно опредѣляется значеніе испытанія въ концѣ четырехлѣтняго начальнаго курса. „По моему крайнему убѣжденію“, гово-

рить Срезневскій, „успѣшность провѣряется—вовсе не спрашиваемъ того, что было выучиваемо, а испытаніемъ, въ какой мѣрѣ всѣ работы и упражненія принесли ученику пользу“. Экзаменъ долженъ быть безъ подготовки и имѣть характеръ письменнаго изложенія.

Своими образчиками уроковъ и вообще положительной сторонѣ своихъ педагогическихъ указаній Срезневскій не придаетъ окончательнаго значенія и не считаетъ ихъ рѣшеніемъ вопроса о формѣ и характерѣ начальнаго преподаванія. По его мнѣнію, только опыты и „широкая педагогическая гласность“ могутъ установить правильный методъ и программу обученія русскому языку (182).

Весьма интересны соображенія Срезневскаго о томъ, какой именно языкъ надо изучать, какъ родной (стр. 21 и сл.), и опредѣленіе роли писателей въ смыслѣ обогащенія народной рѣчи.

Въ общемъ мы полагаемъ, что книга покойнаго академика Срезневскаго, если даже мы и не со всѣмъ въ ней согласимся и не все сочтемъ равно доказаннымъ, являясь результатомъ долголѣтней выскокой и оживленной духовной дѣятельности, которая была направлена на вопросы, близкіе русской школѣ, можетъ послужить украшеніемъ учительскихъ библіотекъ нашихъ.

В. Г. Бѣлинскій, какъ критикъ и создатель исторіи новой русской литературы. В. Покровскій. Москва 1899. 100 стр. Цѣна 60 к.

Эта книга въ сокращеніи была прочитана въ публичномъ заведеніи учебнаго отдѣла Общества распространенія техническихъ знаній 25-го апрѣля 1898 (стр. 1). Она состоитъ изъ IX главъ: I посвящена общей характеристикѣ критики Бѣлинскаго, II сопоставленію Бѣлинскаго съ Мерзляковымъ, III — съ Полевымъ, IV — съ Надеждинымъ, V — съ Шевыревымъ, VI — съ Булгариннымъ и Сенковскимъ. Въ VII Бѣлинскій разсматривается, какъ создатель исторіи новой русской литературы. Въ VIII и IX указываются тѣ стороны критики Бѣлинскаго, которыя кажутся автору тѣневыми, и замѣчанія критика, которыя г. Покровскій считаетъ ошибочными.

Укажемъ прежде всего на то обстоятельство, что г. Покровскій *не сочувствуетъ внесенію въслѣдъ сочиненій Бѣлинскаго полностью въ школьныя библіотеки* и указываетъ на то, что въ интересахъ школы слѣдовало бы подвергнуть взгляды Бѣлинскаго болѣе подробному пересмотру „въ виду настойчиваго домогательства нѣкоторыхъ (?)“ давать всѣ его сочиненія ученикамъ средней школы (стр. 100).

Очевидно, что тѣмъ самымъ г. Покровскій опредѣляетъ и положеніе своей книжки въ нашихъ школахъ: правильно ли передавать ее въ ученическія бібліотеки, если ошибочные взгляды критика въ ней подробно излагаются, да еще выдѣлены въ двѣ особыя главы, хотя бы и съ цѣлью ихъ опроверженія?

Книжка г. Покровскаго содержитъ много интересныхъ и хорошо сгруппированныхъ фактовъ. Обращаемъ вниманіе на первую главу, гдѣ подобраны отзывы о писателяхъ, начинавшихъ свою дѣятельность при Бѣлинскомъ: о Гончаровѣ, Достоевскомъ, Тургеневѣ, Майковѣ, Григоровичѣ.

Надо также отмѣтить значительную долю объективности сужденій, обнаруженную авторомъ при сопоставленіи Бѣлинскаго съ другими критиками. Яркость таланта Бѣлинскаго не помѣшала г. Покровскому отмѣнить достоинства и отмѣтить вліяніе Мерзлякова, Полевого, Надеждина. Очень хорошо также сдѣлалъ авторъ, что по большей части характеризовалъ взгляды отдѣльныхъ критиковъ ихъ же словами, цитируя ихъ отзывы (напримѣръ, на 38 стр. отзывъ *Московскаго Телеграфа* о „Борисѣ Годуновѣ“, Надеждина о „Графѣ Нулиѣ“ стр. 41—42).

Очень обстоятельно и объективно охарактеризованъ у г. Покровскаго и Шевыревъ (стр. 49—55). Рядомъ съ этимъ безъ излишняго пафоса, но убѣдительно указывая на исторію, оправдавшую многія изъ мнѣній Бѣлинскаго, г. Покровскій сопоставляетъ взгляды этого послѣдняго на Беведиктова, Тургенева и Достоевскаго съ сужденіями о нихъ же Шевырева (стр. 54 сл.).

Съ другой стороны, мы считаемъ нѣсколько страннымъ, что г. Покровскій нашелъ нужнымъ сопоставлять взгляды Бѣлинскаго на Пушкина и Гоголя съ мнѣніями Булгарина и сужденіями Сенковского (стр. 62—75). Различіе между этими несоизмѣрными величинами столь рѣзко, что сопоставленіе ихъ оказывается парадоксальнымъ и малохарактернымъ для обѣихъ сторонъ.

VII глава книжки г. Покровскаго, рассматривающая Бѣлинскаго, какъ создателя исторіи русской литературы, даетъ много интересныхъ фактовъ для характеристики современныхъ ему попытокъ теоретическаго и историческаго изученія нашей литературы, напримѣръ, книгъ Греча, Плакина, Максимовича.

Двѣ послѣднія главы заняты изложеніемъ, какъ говоритъ г. Покровскій, „погрѣшностей“ Бѣлинскаго въ оцѣнкѣ произведеній русской народной поэзіи и книжной словесности древняго періода, а отчасти

и новых произведений (стр. 84 сл.). Г. Покровский старается при этом объяснить критические недочеты Вильянского недостатком свѣдѣній его въ области древней письменности (стр. 91), а также слабостью научной разработки предмета въ его время. Но авторъ не закрываетъ глазъ и на недостаточную продуманность, на субъективность или зыбкость нѣкоторыхъ изъ суждений Вильянского, напримѣръ, въ отзывахъ о литературной дѣятельности Карамзина (стр. 93 сл.), о „Горѣ отъ ума“ (стр. 94 сл.), о „Повѣстяхъ Вѣлкина“, о „Сказкахъ“ Пушкина.

Учебникъ ботаники. Примѣнительно къ программѣ, выработанной Медицинскимъ Совѣтомъ для фельдшерскихъ школъ. Составилъ П. И. Сметловъ, преподаватель ботаники принца Ольденбургскаго и С.-Петербургской Военно-фельдшерской школы. Съ 42 рисунками въ текстѣ. С.-Пб. Изданіе „Медицинскаго Журнала“. 1898. Стр. 68.

Авторъ на 68-ми страницахъ сжато и весьма конспективно излагаетъ морфологію, анатомію, физиологію и систематику растений. Въ виду такой сжатости, конечно, многія части учебника оказываются настолько неясными и малоговорящими ученику, что въ сущности являются бесполезными. Что можно, напримѣръ, сообщить о столь важныхъ для прикладнаго знанія бактеріяхъ на 10 строкахъ, какъ это дѣлаетъ авторъ (стр. 68)? Мхамъ посвящено менѣе страницы, а грибамъ 1¹/₂. Водоросли опущены вовсе.

Сообразно съ задачами учебника авторъ обращаетъ болѣе вниманія на растенія, имѣющія примѣненіе въ медицинѣ, и не сообщаетъ многого, важнаго въ общеобразовательномъ отношеніи. Перечисляя, напримѣръ, виды сухихъ плодовъ, авторъ опускаетъ такую обычную форму, какъ зерновку. Ничего не говорится о приспособленіяхъ къ обѣдненію. Вообще, многое, допустимое въ учебникѣ, написанномъ для профессиональнаго преподаванія, неумѣстно въ учебникахъ, предназначенныхъ для общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній. Врядъ ли удобно преподавателю реального училища или женской гимназіи дѣлать крестоцвѣтныя растенія на декоративныя, кухонныя и медицинскія (стр. 52). Но и теоретическія представленія автора отличаются сбивчивостью. Такъ, верхушка корня называется точкой роста (стр. 10), корневые волоски приписываются лишь нѣкоторымъ корнямъ, а не всѣмъ (стр. 11). Неясны представленія автора о циркуляціи соковъ въ растеніи (стр. 30) и метаморфозѣ веществъ (стр. 38 и 43). Такъ, продуктомъ разложенія угольной ки-

слоты въ растеніи, по словамъ автора, является *узоль* (стр. 38). Бактеріи авторомъ относятся къ грибамъ, но и бродильные грибы причисляются къ бактеріямъ (стр. 42). Говоря о нитрификаціи почвы (стр. 39), авторъ не находитъ нужнымъ упомянуть о нитробактеріяхъ. Вообще физиологическія представленія автора отличаются неясностью, неточностью и подчасъ даже не совсѣмъ вѣрны.

Краткіе очерки Русской исторіи. Курсъ старшаго возраста. Составилъ Д. Иловайскій. Изданіе тридцать третье. М. 1899. Стр. 368. Цѣна 1 рубль.

Учебникъ русской исторіи г. Иловайскаго дѣйствуетъ въ нашихъ гимназіяхъ не менѣе трети столѣтія. За это время онъ много разъ пересматривался и измѣнялся; даже въ послѣднее время авторъ внесъ въ его текстъ перемѣны. Мы нашли различія между 29-мъ и 33-мъ изданіями, наиримѣръ, въ томъ, что авторъ вмѣсто отрывка изъ сочиненія Д. А. Милютина о походѣ 1799 года (XXIX, 290—291) вставилъ краткій обзоръ исторіи Грузіи, „взглядъ на исторію сей страны“, „по поводу столѣтія со времени присоединенія Грузіи“ (XXXIII, 292—293). Въ параграфѣ „Исторіографія въ XVIII и XIX вѣкахъ“ также сдѣланы позднѣйшія вставки (XXXIII, 325 — 326). Въ началѣ книги (стр. 9) точное указаніе „въ 865 году“ замѣнено приблизительнымъ „около 865 года“, и кромѣ того на стр. 368 сдѣлана „поправка“ къ этой датѣ: „въ 860 году“. Словомъ, авторъ самъ не считаетъ своего изложенія окончательнымъ установленнымъ и безгрѣшнымъ и признаетъ нужнымъ его улучшать. Это очень похвально въ томъ отношеніи, что избавило учебникъ г. Иловайскаго отъ грубыхъ погрѣшностей и опечатокъ, которыми такъ богаты бывають слѣдственно составленные учебники. Но со всѣми тѣми нельзя не замѣтить, что частичныя исправленія не уничтожаютъ необходимости въ общемъ пересмотрѣ книги и въ освѣженіи матеріала, введеннаго въ учебникъ г. Иловайскаго.

Учебникъ г. Иловайскаго раздѣляется на три части. Первая—до Іоанна III—называется „Русь удѣльно-вѣчевая или дружинно-княжеская“; вторая часть—до Петра Великаго—носитъ названіе „Русь Московская и Литовская“, и третья часть, — доведенная до нашего времени, — озаглавлена „Русь-Имперія“. Не останавливаясь на самыхъ заглавіяхъ, въ которыхъ смѣшаны признаки политическіе, социальные, этнографическіе и географическіе, обратимся къ обзору содержанія этихъ частей.

Въ первой части находимъ шесть главъ. Въ первой изъ нихъ

дана первоначальная исторія страны до 1054 года; во второй данъ обзоръ фактовъ вѣшней исторіи со второй половины XI вѣка до татаръ; въ третьей описывается „монгольское иго“; въ четвертой — внутреннее состояніе „удѣльно-княжеской Руси“; пятая и шестая главы посвящены исторіи собиранія Руси Литвою и Москвою. Скажемъ откровенно, что вся первая часть книги г. Иловайскаго насъ не удовлетворяетъ. Уже ея первыя страницы возбуждаютъ замѣчанія. Не касаясь географической характеристики Среднерусской возвышенности, которая и коротка и блѣдна, укажемъ на то, что при современныхъ успѣхахъ археологій, невозможно ограничивать „древнѣйшей исторіи“ нашей страны тридцатью строчками (на стр. 4—5), въ которыхъ гиперборей занимаютъ больше мѣста, чѣмъ готы, гунны и обры, виѣстѣ взяты. Не предложивъ въ текстѣ ничего обстоятельнаго, авторъ въ примѣчаніи къ этому тексту (стр. 5) пускается въ область этнографическихъ домысловъ, обременительныхъ для учениковъ и не важныхъ исторически. Затѣмъ въ § о славянахъ (стр. 5—7) авторъ вовсе обходитъ вопросъ о славянской миеологій, хотя и говоритъ о погребеніи и тризнѣ. Вѣрованія славянъ характеризуются позднѣе, при разсказѣ о крещеніи Руси (стр. 16—17). О Литвѣ дается лишь упоминаніе въ трехъ строкахъ на стр. 7-й, а характеристика этого племени приводится ниже, на стр. 64—65, и при томъ со старыми недостоверными подробностями. О финнахъ же (на стр. 7—8) и „турецко-татарскихъ народахъ“ (стр. 8) говорится обстоятельнѣе и полнѣе и съ данными объ ихъ религіи; а о варягахъ нѣтъ ни слова въ перечнѣ народовъ, входившихъ въ нашу первоначальную исторію. Въ общемъ этнографическое введеніе у г. Иловайскаго представляетъ странный видъ. Въ немъ нѣтъ ни цѣльности, ни необходимой полноты, ни яснаго плана. Въ однихъ своихъ частяхъ оно представляетъ номенклатурный перечень, въ другихъ—этнографическую характеристику. Слѣдующій § „Происхожденіе Русскаго государства“ столь же странный. Въ крупномъ его шрифтѣ нѣтъ въ сущности ничего о томъ, о чемъ говоритъ заглавіе. Сначала списанъ первый походъ Руси на Царьградъ, но, разумѣется, не объяснено: *какой* Руси, ибо это пока и не можетъ быть объяснено; а самая дата этого похода „около 865 года“ исправлена на стр. 368-й такъ: „Новѣйшія изслѣдованія утверждаютъ, что первое извѣстное нападеніе руссовъ на Константинополь произошло въ 860 году“. Отъ этого похода, по словамъ автора, начались извѣстія о Руси византійскихъ хроникъ и русскихъ лѣтописцевъ (стр. 9), а въ X вѣкѣ владѣніи

Руси шли уже отъ Ладожскаго озера до Тамани. „Такое объединеніе, конечно, совершилось не вдругъ (говорить авторъ), а постепенно, цѣлымъ рядомъ... князей, имена которыхъ *большою частію* до насъ не дошли“ (стр. 10). Какъ же образовалось государство? какую силу? изъ какихъ народностей? Для какой нужды разсказать походъ руссовъ на Византію? На это въ крупномъ шрифтѣ отвѣта нѣтъ. Мало того: на стр. 9-й Русь названа „скиевскій народъ“; на стр. 4-й скиевы не называются Русью, а просто „кочевымъ народомъ“; на стр. 5-й, въ примѣчаніи указано, что скиевы принадлежали „вѣроятно“ къ германскому племени, а выше на той же страницѣ сказано, что однимъ изъ наиболѣе значительныхъ племенъ славянскихъ „были Поляне или Русь“. Спрашивается, что вынесетъ изъ этой этнографической путаницы ученикъ, которому не заданъ мелкій шрифтъ на стр. 9 — 11? Чтеніе же этого мелкаго шрифта ведетъ насъ къ новымъ недоумѣніямъ. Общее правило состоитъ въ томъ, что учебникъ долженъ заключать въ себѣ истинны общезвѣстныя и общепринятія. Г. Иловайскій на сей разъ отступаетъ отъ этого правила. Въ мелкомъ шрифтѣ онъ, во-первыхъ, приводитъ сокращенно лѣтописныя преданія о призваніи Руси въ 862 году и о Рюрикѣ съ Олегомъ, называя всѣ эти преданія „баснословными разсказами“; во-вторыхъ, онъ даетъ понятіе о такъ называемомъ варяго-русскомъ вопросѣ, рѣшая его въ смыслѣ, противномъ „норманской школѣ“, и въ-третьихъ, онъ позволяетъ себѣ предложить ученикамъ свою теорію о происхожденіи Руси отъ „сарматскаго народа Роксоланъ или Россоланъ“. Если еще можно согласиться, что преданія нашей лѣтописи о началѣ Руси отмѣчены характеромъ легендарности, то уже никакъ нельзя сказать, что изслѣдованія норманской школы менѣе достоверны, чѣмъ теорія самого г. Иловайскаго, и что происхожденіе Руси отъ Роксоланъ можетъ быть помѣщаемо въ учебной книгѣ въ качествѣ общепринятой истины. На самомъ вѣдѣ дѣлѣ эта теорія составляетъ пока монополющую собственность г. Иловайскаго, и на преподавателяхъ, пользующихся его учебникомъ, лежитъ нелегкая обязанность предостеречь учениковъ отъ односторонности учебника и передѣлать его текстъ.

Вслѣдъ за вопросомъ о началѣ государства и вопросъ о началѣ христіанства паложень г. Иловайскимъ не наилучшимъ способомъ. Разсказъ о торжествѣ христіанства на Руси у него имѣетъ характеръ черты изъ биографіи князя Владиміра (стр. 17—19). Вопросъ о всестороннемъ влияніи христіанскаго ученія и просвѣщенія на рус-

ское общество здѣсь даже не поднять; онъ разсматривается урывками и беспорядочно въ IV-й главѣ—тамъ, гдѣ дается очеркъ внутреннего быта древней Руси. Но тутъ спутаны факты разныхъ эпохъ: такъ, напримѣръ, рядомъ съ фактами XI вѣка изложены труды св. Стефана Пермскаго и ересь стригольниковъ (стр. 57—58); упоминаніе о перенесеніи митрополіа изъ Кіена во Владиміръ предшествуетъ разсказу о началѣ Кіево-Печерской лавры (стр. 59—60) и т. п. (Характеристика древнѣйшаго лѣтописнаго свода дана лишь на стр. 60-й). Словомъ, матеріалъ, находящійся въ учебникѣ по вопросу о значеніи христіанства въ Кіевскій періодъ, подлежитъ иному распредѣленію, что опять-таки ложится на обязанность преподавателей. Между тѣмъ, если бы дать надлежащій очеркъ вліянія византійской церкви и культуры на нравы, законъ и учрежденія новообращенной Руси, этотъ очеркъ занялъ бы центральное положеніе во второй половинѣ I главы и объединялъ бы всѣ тѣ скучныя мелочи, которыми теперь въ разбивку удручается память учениковъ.

Вторая глава у г. Иловайскаго называется „развитіе *удѣльно-вѣчевой системы*“. Это же выраженіе „*удѣльно-вѣчевая Русь*“ стоитъ и въ заглавіи первой части учебника на стр. 3-й. Не пора ли однако покончить съ этимъ довольно позорнымъ анахронизмомъ? Еще въ 1847 году С. М. Соловьевъ возставалъ противъ этого термина „удѣльный“ въ отношеніи періода до конца XII вѣка и указывалъ, что „даже самое слово *удѣль* мы не встрѣчаемъ въ лѣтописи“. Уже тогда онъ усвоилъ княжествамъ древней Руси правильное названіе: *волости*. А г. Иловайскій черезъ полвѣка послѣ этого находитъ *удѣлы* въ X вѣкѣ, говоря напримѣръ, что Святославъ „роздалъ удѣлы своимъ сыновьямъ“ (стр. 15). Въ лѣтописи однако читаемъ лишь о томъ, что „Святославъ посади Ярополка в Кіевѣ, а Ольга в Деревѣхъ“—безъ всякаго упоминанія объ удѣлахъ. Да и самъ г. Иловайскій немногимъ позже (стр. 19) пишетъ, что Владиміръ Св. „по обычаю того времени почти всѣ свои области *роздалъ въ управленіе* (а не въ удѣлы) *сыновьямъ*“. Итакъ, не удѣлы, а волости или же княжества были въ Кіевской Руси; а потому и не слѣдуетъ говорить объ „удѣльной“ или „*удѣльно-вѣчевой системѣ*“ въ приложеніи къ тому порядку, который не былъ ни „удѣльнымъ“, ни „системою“. Однако самый порядокъ очереднаго пользованія столами слѣдовало бы выяснить обстоятельно, чѣмъ это дѣлаетъ г. Иловайскій: у него, напримѣръ, не объясняется княжеское изгойство (даже нѣтъ, кажется, самаго слова „изгой“), а между тѣмъ это было бы не лишне при описаніи борьбы

Святославичей за ихъ „отчину“; родовое старшинство также не имѣть (на стр. 23) точнаго объясненія; поэтому усобицамъ сыновей и внуковъ Ярослава приданъ характеръ борьбы исключительно за обладаніе землями, а не за родовое право. Образование въ Русь нѣсколькихъ „земель“ или самостоятельныхъ княжествъ недостаточно объяснено (стр. 29), а самый перечень ихъ слишкомъ утомителенъ и подробенъ (стр. 29—38). Если необходимо сказать обстоятельно о Суздальской землѣ, Галичѣ и Волыни (мы думаемъ, что лучше говорить „Галичъ“, а не „Галиція“, какъ у г. Иловайскаго), то о прочихъ земляхъ достаточно лишь упоминавѣя; а о Великомъ Новгородѣ рѣчь должна идти не въ отдѣлѣ о Киевскомъ періодѣ, а позднѣе.

Не останавливаясь на III главѣ „Монгольское иго“, перейдемъ къ IV главѣ „Внутреннее состояніе дружинно-княжеской Руси“. Ея основной недостатокъ—смищеніе эпохъ; особенно оно чувствуется въ статьяхъ „Князь и дружина“ (50—51) и „Православная церковь“ (57—61). Въ первой изъ ихъ рѣчь идетъ даже о „помѣстьяхъ“ за службу, о которыхъ можно говорить лишь съ XV вѣка; а во второй—о Троицкой лаврѣ и монастыряхъ Кирилловѣ и Соловецкомъ. Все это факты иной эпохи и не могутъ относиться къ „дружинно-княжеской Руси“. Но и тамъ, гдѣ авторъ не впадаетъ въ столь грубые анахронизмы, онъ не различаетъ эпохи Владиміро-Суздальской и Киевской, что прямо недопустимо при успѣхахъ современнаго историческаго знанія. Историческая перспектива въ этой главѣ отсутствуетъ, а потому учащіяся легко могутъ быть вводимы въ прямыя заблужденія. Примѣръ—указаніе (стр. 51) на развитіе служилого земледѣлія „съ XII вѣка“! Другой примѣръ—помѣщеніе рядомъ „вохва“ 1071 года съ „стригольникомъ Карпомъ“ 1375 года (на стр. 57—58). Рядъ фактовъ проходитъ передъ читателемъ въ видѣ краткаго ихъ перечня въ послѣдовательности чисто внѣшней, въ связи часто не прагматической, а только стилистической. Легко понять, почему эту главу трудно усвоить.

Глава V посвящена внѣшней исторіи Литовскаго княжества въ XIII—XV вѣкахъ, а глава VI излагаетъ, какъ „сѣверо-восточная Русь собирается около Москвы“. Начинается эта глава указаніемъ на главнѣйшія княжества: Тверское, Суздальское и Московское; было бы умѣстнѣе и характеристичнѣе Рязани дать здѣсь же, а не въ перечнѣ „земель“ на стр. 32—33. Далѣе слѣдуетъ рассказъ о первыхъ Московскихъ великихъ князьяхъ и о Куликовской битвѣ, значеніе которой не разъясняется, а лишь кратко указывается (стр.

78—79). Княженію Василіевъ I и II удѣлено слишкомъ много мѣста (разумѣемъ мелкій шрифтъ и примѣчанія, вовсе лишнія, на стр. 80—81); а причины возвышенія Москвы опять-таки лишь кратко перечислены, а не разъяснены. Предъ ихъ изложеніемъ стоитъ слово „итакъ“, но лишь по случайности, ибо слѣдующій за нимъ текстъ нельзя назвать прямымъ выводомъ изъ предыдущаго. Затѣмъ, на стр. 83—85, авторъ обращается къ „вѣчевымъ общинамъ“ и во второй разъ говоритъ о Новгородѣ; здѣсь бы и слѣдовало дать общій очеркъ Новгородскаго государства, преждевременно изложенный на стр. 35—38.

Таково содержаніе первой части учебника г. Иловайскаго. Нѣкоторая устарѣлость и несистематичность введенія, субъективность въ освѣщеніи вопроса о началѣ Руси, неудовлетворительная постановка вопроса о вліяніи христіанства и византійской культуры на древнюю Русь, устарѣлое изображеніе древне-кѣвскаго государственнаго строя, какъ „удѣльной системы“, смѣшеніе очереднаго порядка владѣнія Кѣвской поры съ вотчинною собственностию Суздальско-Владимірскихъ князей и древнѣйшей волости съ позднѣйшимъ удѣломъ; сопоставленіе въ общемъ очеркѣ бытовыхъ явленій разновременныхъ и разнолѣстныхъ, — вотъ недостатки первой части разбираемаго учебника, подробный отчетъ о которыхъ занялъ бы слишкомъ много времени. Мы лишь указываемъ на нихъ, присоединяя къ этимъ главнымъ указаніямъ нѣсколько частныхъ. Эти послѣднія относятся главнымъ образомъ къ изложенію.

Стр. 6. Общее названіе славянъ „произошло“ отъ „иностранныхъ писателей“ Юрнанда и Прокопія; такъ гласитъ примѣчаніе. Вѣроятно, авторъ хотѣлъ сказать иное.

Стр. 11. Дата „въ 865 году“ осталась безъ поправки, хотя исправлена въ другихъ мѣстахъ.

Стр. 28 и 82. Кѣвская династія называется малоупотребительнымъ названіемъ „Игоревичи“ (вмѣсто Рюриковичи); по авторъ самъ измѣнилъ этому термину на стр. 118, называя здѣсь Игоревичей „династіей Владиміра Великаго“. Въ учебной книгѣ желательна большая устойчивость терминовъ.

Стр. 50. Утвержденіе, что „верховная власть принадлежала князю“, слишкомъ категорично; здѣсь совершенно забыта роль вѣча.

Стр. 54. Говоря, что „о тѣлесныхъ наказаніяхъ въ Русской Правдѣ не упоминается“, авторъ не прибавилъ необходимой оговорки „для свободныхъ людей“.

Стр. 63. Подчеркнуто рискованное утвержденіе, что раздробленіе

Руси на княжества „не мало способствовало распространению гражданственности“. Эта односторонняя мысль вытекла изъ неправильнаго представленія о томъ, что факторомъ культуры была исключительно дружинная среда.

Стр. 67. Характеристика Ольгерда представляетъ прямо неудачное сокращеніе лѣтописной характеристики.

Стр. 76 и 80. Излишни примѣчанія о Вельямиповѣ и смоленскомъ князѣ Юріѣ; о первомъ наши свѣдѣнія не совсѣмъ отчетливы, а происхожденія втораго нѣсколько скабрены.

Переходя ко второй части учебника г. Иловайскаго, замѣтимъ вообще, что она представляется намъ удовлетворительнѣе первой. Но и относительно ея можно сдѣлать много замѣчаній. Въ первой главѣ, посвященной исторіи Москвы съ Ивана III до 1584 года, возможно лучшее расположеніе матеріала въ границахъ отдѣльныхъ княжествъ. При Иванѣ III, какъ говорятъ самъ г. Иловайскій, „важное вліяніе“ на политику принадлежало Софьѣ Ѳеодоровнѣ; рассказъ о ней и долженъ бы былъ предшествовать всему прочему изложенію. Время Ивана Грознаго въ учебникѣ г. Иловайскаго изложено безъ соблюденія хронологическаго порядка. Работы по укрѣпленію южной границы (конецъ царствованія) попали въ § о взятіи Казани и изложены совершенно бѣгло и потому неудовлетворительно, да при томъ еще ранѣе рассказа о Крымскомъ набѣгѣ 1571 года, которымъ были названы эти мѣры (стр. 106 — 107). Покореніе Сибири рассказано ранѣе борьбы за Ливонію. Благодаря этому безпорядку получается какая-то эпизодичность рассказа и нестрога: заглавіе говоритъ о Казани, а читаемъ не только о Казани, но и о Крымѣ; въ заглавіи Ливонія, а читаемъ объ англичанахъ; завоевали Сибирь, а еще не познакомились съ Чепслеромъ. Затѣмъ самая постановка вопросовъ, связанныхъ съ именемъ Грознаго, неудовлетворительна. Значеніе царскаго титула совершенно не выяснено (стр. 102); объ идеѣ „Москва—третій Римъ“ даже не упомянуто (стр. 92, 94, 102); важность приобрѣтенія Казани и „дикаго поля“ для народной колонизаціи упущена (стр. 106—107); Балтійскій вопросъ въ XVI столѣтіи остался безъ освѣщенія (стр. 109); переходъ войны съ Ливоніей въ борьбу за Ливонію вслѣдствіе этого объясненъ плохо (стр. 110); причины неудачъ Грознаго въ войнѣ съ Баторіемъ и Швеціей не объяснены совсѣмъ (стр. 110—111). Поэтому рассказъ г. Иловайскаго о времени Грознаго надо признать отсталымъ и неудачнымъ, подлежащимъ коренной передѣлкѣ. Изложеніе послѣдующаго времени царей Ѳеодора

и Бориса Годунова и Смутного времени по общему плану удовлетворительные. Напрасно только г. Иловайский приписывает Годунову основание Архангельска, который был основан Грознымъ (Акты Арх. Эксп., I, № 318; Лѣтопись Двинская подъ 1584 годомъ). Подъ заглавіемъ „Прикрѣпленіе крестьянъ“ разсказывается и учрежденіе патриаршества и смерть царевича Дмитрія (стр. 117—118), при чемъ значеніе церковной перемены не выясняется. На стр. 122 и 125, въ примѣчаніяхъ, вина въ подготовкѣ самозванцевъ произвольно возлагается на Мишкова, Вишневецкихъ и Сапѣгу; это личное мнѣніе г. Иловайскаго надо еще доказать. Движеніе городовъ при Шуйскомъ на защиту порядка возложено у г. Иловайскаго неудовлетворительно; можно даже сказать, что оно опущено (стр. 126). Основанія договора съ Владиславомъ въ августѣ 1610 года указаны неточно (стр. 128). На стр. 130-й невѣрно и неловко говорится о несуществовавшемъ политическомъ сепаратизмѣ областей и описывается ихъ „не любовь къ Москвѣ“; противъ этого можно привести достаточное число бесспорныхъ доказательствъ. На стр. 132-й находится простое заглавіе или упоминаніе о Сусанинѣ вмѣсто разсказа о немъ; невѣдомо, что означаетъ это заглавіе, напечатанное къ тому же курсивомъ, значить, представляющее, по терминологіи автора, „наиболѣе существенное мѣсто, долженствующее быть закрѣпленнымъ въ памяти учащихся“ (стр. 2). Причины и послѣдствія Смутного времени совершенно не указываются; мало того, между разсказомъ объ избраніи царя Михаила Феодоровича и изложеніемъ его царствованія вдвинута цѣлая глава о „Западной Руси въ XVI и первой половинѣ XVII вѣка“. Этого никакъ нельзя ни понять, ни одобрить съ дидактической точки зрѣнія.

Сказаннаго достаточно, чтобы видѣть необходимость пересмотра и улучшеній и во второй части разбираемаго учебника. Желательны перемены и въ третьей его части („Русь-Имперія“), которая въ общемъ лучше первыхъ двухъ частей. Напримѣръ, въ исторіи Петра Великаго хотѣлось бы видѣть болѣе точное указаніе послѣдствій Полтавской побѣды, передавшей политическое первенство на сѣверѣ Европы изъ рукъ Швеціи въ руки Россіи (стр. 223). Слѣдовало бы исправить совершенно неточное указаніе, что сенатъ былъ созданъ „на мѣсто прежней боярской думы“ (стр. 226), и что „московскіе приказы Петръ преобразовалъ въ коллегіи“ (стр. 227). Врядъ ли можно сомнѣваться, что это было иначе. „Сотрудники Петра“ (стр. 235—238) называются безъ опредѣленнаго порядка; а между тѣмъ

для дальнѣйшей исторіи была бы важна именно группировка ихъ по происхожденію и направленію. Роль дворянской гвардіи указывается (стр. 242), но не выясняется удовлетворительно. Равнымъ образомъ остается безъ должнаго истолкованія законъ о престолонаслѣдіи 1721 года, его примѣненіе въ XVIII вѣкѣ и отмѣна императоромъ Павломъ (стр. 240, 287). Не показанъ постепенный ростъ дворянскихъ привилегій, почему и жалованная грамота 1785 года недостаточно объяснена (стр. 268). Это — несъема существенные недостатки, потому, что касаются важнѣйшаго содержанія внутренней исторіи XVIII вѣка. На стр. 315-й читаемъ заглавіе „Взглядъ на Русскую образованность въ первой половинѣ XIX столѣтія“ и подъ этимъ общимъ заглавіемъ находимъ между прочимъ § „Исторіографія въ XVIII и XIX вѣкахъ“. Въ первыхъ изданіяхъ учебника и этотъ § имѣлъ въ виду естественно первую половину XIX вѣка; теперь же онъ дополненъ многочисленными, часто неточными библиографическими указаніями и совершенно излишними мелочными справками изъ области исторической и археологической литературы послѣднихъ десятилѣтій XIX вѣка. До чего доходитъ неточность автора, видно, напримѣръ, изъ указанія на изданія не существующаго „Императорскаго Археографическаго Общества“ въ С.-Петербургѣ (стр. 326). Эта статья требуетъ существеннаго исправленія и сокращенія. Желательно большее спокойствіе и объективность въ отзывахъ автора объ исторіи „великаго княжества Финляндскаго“, о которомъ даются бѣглыя указанія на стр. 291, 301, 334, 359-й. Столь же желательны большее спокойствіе и солидность въ оцѣнкѣ отрицательныхъ теченій въ нашей литературѣ и ответственности послѣднихъ десятилѣтій (стр. 335—336). На двухъ страницахъ, посвященныхъ печати времени Императора Александра II, разсѣяно очень много категорическихъ осужденій, которыя по своей краткости представляются необоснованными и слишкомъ рѣзкими. Врядъ ли возможно роднить по направленію Островскаго и Щедрина (335) и называть преимущественно ихъ „представителями *реальной или обличительной* направленія въ литературѣ“. Врядъ ли удобно безъ поясненій обзывать *противонаціональнымъ* направленіе графа Л. Толстого и органовъ столичной печати (335). Въ старыхъ изданіяхъ (XX, 374) это обвиненіе было направлено на органы печати, проявившіе „авти-національное направленіе“ во время „послѣдней войны съ Турціей и въ дѣлѣ обрусѣнія нашихъ западныхъ окраинъ“; теперь и этого поясненія нѣтъ. Врядъ ли возможно съ влеча и такъ односторонне опредѣлять „служеніе“ Герцена, не опредѣливъ его

„дарованія“, но признавъ его (836). Не покажется ли слишкомъ субъективнымъ отношеніе къ „крайне реальному“ направленію беллетристики, пропечатанное курсивомъ на стр. 336-й. Рѣчь идетъ о явленіяхъ современности и лицахъ отчасти еще дѣйствующихъ. Судь исторіи для нихъ еще не наступилъ, и лучше о нихъ молчать въ учебникѣ, чѣмъ голымъ осужденіемъ содѣйствовать образованію въ юношахъ привычки судить съ плеча и осуждать безъ должнаго разумѣнія.

Было бы несправедливо, останавливаясь на слабыхъ сторонахъ труда г. Иловайскаго, не указать его достоинствъ. Выше было отмѣчено, что авторъ, знакомство котораго съ русской исторіей безспорно, умѣлъ освободить свое изложеніе отъ грубыхъ фактическихъ промаховъ. Сверхъ того онъ умѣлъ придать учебнику надлежащій объемъ, избавивъ книгу отъ ненужныхъ подробностей и мелочей. За исключеніемъ, впрочемъ, нѣкоторыхъ излишнихъ мѣстъ, въ родѣ, напримеръ, недостовернаго сказанія о Хабарѣ (стр. 99), пустаго разсказа о корсетныхъ пружинахъ (стр. 215), бесполезныхъ подробностей по исторіи Грузіи (стр. 292—293) и т. п. Языкъ книги, гладкій и правильный, содѣйствуетъ легкому усвоенію текста, хотя мѣстами и страдаетъ отрывочностью (образецъ 110-я страница). Въ свое время, когда учебникъ г. Иловайскаго былъ новостью, онъ долженъ былъ имѣть успѣхъ, какъ вещь свѣжая и цѣльная. Теперь — дѣло иное. Трудъ устарѣлъ и частныя исправленія не могутъ держать его на уровнѣ современныхъ требованій, какъ свѣжія заплаты не дѣлаютъ крѣпкою ветхой ткани. Учебникъ г. Иловайскаго требуетъ не исправленій и поверхностнаго пересмотра, а коренной переработки, и наши замѣчанія, предлагаемыя здѣсь, указываютъ лишь на малую часть тѣхъ исправленій, какихъ можно теперь желать въ текстѣ труда г. Иловайскаго.

Руководство къ Русской исторіи. Средній курсъ. (Соответственный плану третьяго класса гимназій). Составилъ *Д. Иловайскій*. Изданіе тридцать девятое. Цѣна 40 коп. М. 1899. Стр. 180.

Сравнительно съ „Краткими очерками Русской исторіи“ того же автора это „Руководство“ производитъ гораздо лучшее впечатлѣніе. Достоинства его заключаются, во-первыхъ, въ отсутствіи грубыхъ фактическихъ погрѣшностей, во-вторыхъ, въ ясности и удобопонятности изложенія, въ-третьихъ, въ краткости, соединенной съ стремленіемъ къ систематичности и прагматизму. По общему своему строю это

„Руководство“ дѣйствительно подходит къ требованіямъ III класса гимназій и реальныхъ училищъ. Отступленіе можно видѣть въ главѣ XIII „Преемники Петра Великаго“: она даетъ исторію всѣхъ царствованій первой половины XVIII столѣтія, тогда какъ объяснительная записка къ дѣйствующей программѣ прямо указываетъ, что „событія XVIII вѣка съ 1725 до 1762 года опускаются“. Точно также излишними по программѣ могутъ быть признаны главы III и VIII, заключающія въ себѣ обзоры внутренняго состоянія древней Руси. Сверхъ того, можно отмѣтить нѣсколько частностей такого рода, что ихъ исключеніе отнюдь не принесло бы вреда. Къ чему въ элементарномъ курсѣ подробности о Василияхъ I и II (1389—1462), особенно о междоусобіяхъ ихъ времени? Или зачѣмъ явился „татарскій военода Бурундай“ на стр. 38?

Субъективные взгляды г. Иловайскаго отразились и на этомъ „Руководствѣ“, хотя и не въ такой мѣрѣ, какъ въ его „Краткихъ очеркахъ“. Племя Русь оказывается и здѣсь (стр. 6) туземнымъ племенемъ. Волости именуется по-старому „удѣлами“ (стр. 14); а порядокъ родового владѣнія—„удѣльной системою“ (стр. 17). Раздробленіе Руси на княжества представляется положительнымъ культурнымъ факторомъ (стр. 29). Но задачи элементарнаго изложенія, выдвигага впередъ факты и эпизоды, изводятъ всѣ субъективные положенія на стенинь легко исправляемыхъ афоризмовъ. Собственно же фактическая сторона обработана въ учебникѣ положительно хорошо. Преданія лѣтописи и позднѣйшій эпическій элементъ введены въ изложеніе въ достаточной стенинь, а достовѣрные факты разсказаны серьезно и общепонятно, съ полною объективностью и безъ приторнаго лиризма.

Руководство ко всеобщей исторіи. Составилъ Д. Иловайскій. Часть вторая. Средній вѣкъ. (Курсъ старшаго возраста). Москва 1898. Изданіе 22-е. Стр. 224. Ц. 60 коп.

Курсъ средней исторіи г. Иловайскаго раздѣляется на слѣдующіе три періода: 1-й до 843 года, 2-й до паденія Гогенштауфеновъ, 3-й до XV вѣка. Какого либо введенія въ исторію средневѣковья, гдѣ была бы охарактеризована переходная эпоха отъ древняго міра къ новому христіанскому, мы въ книгѣ не находимъ. Между тѣмъ выясненіе переходныхъ эпохъ, характеризующихся зарожденіемъ новыхъ идей и борьбою ихъ со старыми, отживавшими, въ высшей стенинь важно именно при систематическомъ прохожденіи исторіи.

Займемся разборомъ перваго періода средневѣковья въ изложеніи

г. Иловайского. Здѣсь насъ, въ главѣ о переселеніи народовъ, прежде всего поражаетъ характеристика гунновъ, о которыхъ сказано, что они „*строятъ всею*“ принадлежали къ *славянскому племени*; авторъ сгруппировалъ ихъ съ славянами въ гунно-славянскихъ варваровъ, а на стр. 19 гунны приравнены съ восточными славянами. Переселеніе народовъ начинается со второй половины IV вѣка, но, вѣдь, уже до этого времени они жили въ предѣлахъ западной Европы, къ этому времени уже они сгруппировались въ отдѣльныя федераціи; объ этомъ г. Иловайскій не упоминаетъ ни однимъ словомъ; поэтому открытыми остаются многіе вопросы: откуда явились готы въ южную Россію, каковы были отношенія германцевъ къ Риму въ предшествовавшія два столѣтія (отношенія конфедератовъ, лэтовъ и т. д.), какова была культура этихъ германцевъ, можно ли найти въ ней слѣды римскаго вліянія и т. д.

Разсматривая отдѣльныя варварскія государства, г. Иловайскій, вопреки хронологической послѣдовательности, сначала говоритъ объ остъ-готахъ, затѣмъ о лангобардахъ, государство которыхъ основано въ 568 г., и послѣ нихъ уже о франкахъ, государство которыхъ основано въ 483 г. Изображеніе франкскаго государства—чисто вышнее; оно доводится авторомъ до 755 года; рассказывая о Карлѣ Мартеллѣ, г. Иловайскій говоритъ объ арабахъ, которыхъ ученики еще не знаютъ, такъ какъ глава объ арабахъ помѣщена 20-ью страницами позднѣе. 1½ страницы, посвященныя феодализму, нисколько не выясняютъ этого вопроса; ученикамъ не объяснены ни отношенія коммендацій, ни прекаріи, ни бенефиции.

Большимъ пробѣломъ является отсутствіе отдѣльной главы или §. въ которомъ былъ бы выясненъ ростъ и значеніе римской папской церкви. Отдѣльные отрывки разбросаны по всей книгѣ, но изъ нихъ едва ли кто можетъ выяснитъ себѣ идею Божьяго царства, аскетизма и теократіи. Перваго типичнаго представителя будущихъ григоріанскихъ идей — Николая I—мы тщетно стали бы искать въ учебникѣ: о немъ именно съ этой стороны не говорится ни слова; глухое упоминаніе о немъ имѣется лишь въ исторіи раздѣленія церковей.

За франкскимъ королевствомъ слѣдуетъ глава о Византіи, исторія которой доведена до XII вѣка (это изъ первомъ періодѣ средне-вѣковья, закалчивающемся 843 годомъ, какъ говоритъ въ введеніи своемъ самъ г. Иловайскій). И здѣсь упоминанія объ арабахъ, о римской церкви, о Карлѣ Великомъ, о германскихъ императорахъ—о чемъ ученики узнаютъ только въ послѣдующихъ главахъ. И только за

Византией (доведенной до XII вѣка) идетъ рѣчь объ арабахъ (до XI вѣка), а за этия слѣдуетъ разсказъ о царствованіи Карла Великаго. Итакъ въ самомъ планѣ изложенія рядъ скачковъ, съ которыми ученики едва ли легко справятся. А недочетовъ здѣсь безконечное множество! Напримѣръ, всего ощутительнѣе — полное игнорированіе исторіи развитія римской церкви (ни слова о теоретической подготовительной работѣ, въ видѣ фальсификацій и т. д.), отношеній Рима къ франкскому государству (Понтіонскій договоръ и 800 г.), вліянія феодальныхъ началъ въ исторіи распада монархіи Карла Великаго и ряда другихъ. Заключается первая эпоха исторіей Англіи, доведенной до начала династіи Плантагенетовъ. О значеніи событій 1066 года—ни слова.

У глава посвящена „борьбѣ императоровъ съ папаяи, гвельфамъ и гибеллинамъ“. Перечисляя нѣмецкія династіи, разсказывая исторію императоровъ, г. Иловайскій совершенно не выясняетъ сущности такъ называемой Оттоновской системы, результатовъ ея и отраженія на отношеніи государства къ церкви, за то съ любовью вноситъ детали (не историческія) въ исторію Генриха I. Между тѣмъ весь саксонскій домъ и важенъ въ общемъ развитіи Германіи только со стороны созданной Оттономъ I системы. А событіе 962 года? Что означаетъ оно по сравненію съ 800 г.? Стремясь къ полнотѣ, г. Иловайскій перечисляетъ всѣхъ императоровъ каждой династіи, даже тѣхъ, о которыхъ самъ ничего не говоритъ. Исторія XI вѣка — самая слабая часть всего учебника. Разсказывая въ учебникѣ для русскихъ дѣтей совершенно ненужныя подробности объ отношеніяхъ Конрада-графа и Конрада-герцога Франконскаго, г. Иловайскій вскользь упоминаетъ только о преобразовательной партіи, возникшей въ Римѣ, смѣшиваетъ, а мѣстами и отождествляетъ Ключіевское движеніе съ григоріанскимъ (Гяльдебрандъ — у него ключіецъ), не выясняетъ съ достаточною ясностью терминовъ — инвеститура, симонія, целибатъ и т. д. И здѣсь несоразмѣрность: мелочи и анекдоты преобладаютъ. Въ еще большей степени наблюдается это въ исторіи Гогенштауфеновъ: Фридриху I посвящаются 2 страницы, полныя династическихъ мелочей, а о Фридрихѣ II, объ Иннокентіи III, новомъ аскетическомъ вліяніи въ церкви (Арнольдъ, Францискъ и пр.) — неполная страница. За то ученики, ничего существеннаго не усвоивъ, найдутъ подробности о Конрадинѣ, Манфредѣ, битвѣ при Тальякоццѣ, Сицилійской вечернѣ и т. д. Спросите ученика, учившагося по Иловайскому, подъ руководствомъ учителя, преподающаго по Иловай-

скому, о различіи гвельфскаго и гибелиновскаго принциповъ, объ отношеніи Рима къ францисканскому движенію, о значеніи утвержденія германскихъ императоровъ въ Италиі, и онъ по праву отиѣтитъ, что объ этомъ въ учебникѣ не нашелъ абсолютно ничего.

Слѣдующая глава посвящена славянамъ: снова скачки, снова забѣганія впередъ до второй половины XIV вѣка, въ то время когда ученики еще не знаютъ ни объ Авиньонѣ, ни о схизмѣ, ни о междуцарствіи, ни о Люксембургахъ. Далѣе: забѣжавъ впередъ въ нѣкоторыхъ главахъ до XIII и XIV вѣковъ, ни слова не сказавъ ученикамъ о Франціи и Капетингахъ, г. Иловайскій предлагаетъ въ слѣдующей главѣ исторію Крестовыхъ Походовъ, доводимую имъ до конца XIII вѣка. Конечно, всѣ старыя предрасудки на лицо: и Петръ Пустынникъ, проповѣдникъ перваго похода, и усиленіе папства въ концѣ эпохи (sic!), и рядъ рассказовъ о герцогѣ бульонскомъ, походѣ дѣтей и прочее, культурное же значеніе эпохи не выяснено.—Говоря объ орденахъ, г. Иловайскій рассказываетъ о тамплиерахъ, столкновеніи ихъ съ Филиппомъ IV Красивымъ,—и это, когда ученики еще о Капетингахъ ни строки не прочли въ учебникѣ. О нихъ рассказъ ведется съ 130 стр.,—параллельно съ исторіей Англіи. И въ исторіи Капетинговъ—съ одинаковой важностью трактуется Филиппъ IV Красивый и Людовики VI и VII; ничего не сказано о Бонифаціи VIII, о началѣ движенія противъ него въ самой Италиі (Данте и гибелины), не выяснена суцность конфликта съ Франціей. А Авиньонское плѣненіе (не вѣренъ годъ—1308), результаты его, движеніе и ростъ городовъ въ Италиі—всего этого тщетно станемъ искать въ учебникѣ г. Иловайскаго, между тѣмъ это какъ будто бы новажнѣе всякихъ подробностей о Ричардѣ Львиномъ Сердцѣ.

Развитіе парламента въ Англіи упоминается между прочимъ, среди ненужныхъ деталей политической исторіи.—Что вызвало 100 лѣтнюю войну, чѣмъ объясняются и вызваны социальныя движенія (Жакеція, Этьенъ Марсаль) во Франціи и Англіи, каковы были итоги войны въ XV вѣкѣ для обоихъ государствъ — на это мы отвѣта не находимъ. За то, сколько ненужныхъ подробностей о Дюгленѣ, Іоаннѣ Д'Аркѣ и прочихъ. Виклефу посвящено 9 строкъ!

Рассказывая о Людовикѣ XI, г. Иловайскій говоритъ о швейцарскихъ войнахъ, о Грансонѣ и Муртенѣ, а о Швейцаріи специально рѣчь идетъ десятью страницами поздиѣ въ отдѣлѣ, посвященномъ Германіи.

Какъ Виклефъ приплетенъ къ исторіи Англіи, такъ Гусъ и Гуситы къ исторіи Германіи, тогда какъ всего естественнѣе было бы отнести

нихъ въ несмѣняющійся (почему?) отдѣлъ о паденіи куріи и объ антипапской оппозиціи въ связи съ соборами.

Крайне неудовлетворительно изложено отдѣлъ: Германія во время Габсбурговъ. Въ него внесены весь періодъ междуцарствія, и періодъ смѣшанныхъ династій, и Габсбурги. Последніе утвердились на престолѣ окончательно и вносили только съ 1439 года, такъ что озаглавливать весь отдѣлъ германской исторіи съ 1250 г. эпохою Габсбурговъ—по меньшей степени произвольно и странно. Междуцарствіе рассказано совершенно въ духѣ г. Иловайскаго, т. е. на лицо разные Ричарды и Альфонсы, ужасы тайныхъ обществъ и т. д., а въ мелкій шрифтъ отнесено самое главное явленіе всей эпохи: я разумѣю развитіе городовъ и образованіе городскихъ союзовъ. Второй фактъ, ярко характеризующій междуцарствіе и также опущенный въ изложеніи г. Иловайскаго,—это развитіе княжеской автономіи и слабость центральной власти; этотъ фактъ связанъ съ царствованіемъ перваго Габсбурга. Говоря о первомъ Габсбургѣ, слѣдовало отмѣтить въ особенностяхъ его восточную политику; ею онъ создалъ тотъ дуализмъ въ имперіи, который, усиленно развиваясь въ послѣдующіе вѣка, привелъ къ краху имперіи. Въ связи съ Баварскимъ и Люксембургскимъ домами слѣдовало бы рассказать о новомъ конфликтѣ съ папами, о движеніи францисканцевъ (Оккамъ, Марсилий), но это опущено, за то вслѣдъ за Рудольфомъ подробно рассказана швейцарская легенда о Теллѣ. О значеніи царствованія Карла IV во внутренней исторіи Германіи и о связи его политико-религіозныхъ тенденцій съ тенденціей Людовика Баварскаго—нѣтъ и намска, отсюда и совершенно поверхностная оцѣнка золотой буллы. Касаясь Гуса и Гуситовъ, г. Иловайскій по этому поводу говорить, искользь, о соборахъ и совершенно опускаетъ первый изъ нихъ—Пизанскій соборъ.

X-ый отдѣлъ посвященъ Италіи, Испаніи и Скандинавіи (о послѣдней слѣдовало сказать въ двухъ словахъ въ связи съ Ганзой), XI-ый славянамъ и туркамъ. Коло ди Ріенци выхваченъ здѣсь изъ гуманистическаго кружка, который вдохновилъ его, и поставленъ совершенно вѣтъ новыхъ гуманистическихъ идей, почему онъ и является совершенно непонятнымъ и излишнимъ.

Заключительная глава — „средневѣковой бытъ въ западной Европѣ“; здѣсь снова рѣчь идетъ о феодализмѣ (2 стр.), но новаго нѣтъ ничего по сравненію съ тѣмъ, что говорится послѣ Пиппина; здѣсь и рыцарство, которое удобнѣе было разсмотрѣть въ связи съ крестовыми походами, здѣсь и монашескіе ордена: бенедиктинцевъ, фран-

цисканцевъ и доминиканцевъ — всё на одной страницѣ, здѣсь города, торговля, судъ, искусство и просвѣщеніе, здѣсь наконецъ — и поэзія, говоря о которой, г. Иловайскій упоминаетъ о Данте, Петраркѣ и Боккаччіо.

Неумѣлый планъ, разбросанность матеріала, главное въ перемишу съ второстепеннымъ, старыя отжившія свой вѣкъ точки зрѣнія — все это дѣлаетъ книгу г. Иловайскаго совершенно непригодной для нашихъ современныхъ гимназическихъ требованій.

Г. Фортенъ.

Руководство ко всеобщей исторіи. Составилъ Д. Иловайскій. Часть III. Новая исторія. Курсъ старшаго возраста. Москва 1899. Изданіе 26-е. Стр. 240. Ц. 65 коп.

Учебная книга, появляющаяся 26-мъ изданіемъ, должна бы, по видимому, представлять собою нѣчто очень цѣнное и талантливое, на дѣлѣ же передъ нами учебникъ, лишенный и цѣнности, и таланта, учебникъ, полный грубыхъ недосмотровъ и ошибокъ, учебникъ, свидѣтельствующій о томъ, что съ пернаго изданія его почтенный авторъ уже не ознакомился съ литературой предмета, а застылъ, такъ сказать, въ прибрѣтенномъ (изъ учебниковъ же иностранныхъ!) матеріалѣ. 26-е изданіе — показатель бѣдности нашей школьной учебной литературы, которая только въ послѣдніе три-четыре года обогатилась цѣнными вкладками — трудами профессоровъ Виноградова и Карѣева, оно же — показатель рѣдкаго самоиѣнія автора, г. Иловайскаго. Всемирную исторію г. Иловайскій раздѣляетъ на три періода, вмѣщая каждый изъ нихъ въ тѣсныя, опредѣленныя хронологическія рамки. Древній міръ доведенъ имъ до 476 года, средніе вѣка до 1453 г., новая исторія открывается тезисами Лютера. Отсюда рядъ курьезовъ, на которые невольно наталкиваешься, открывая учебныя книги г. Иловайскаго; такъ, въ средневѣковой исторіи читатель тщетно станетъ искать главу о развитіи христіанства, въ новой исторіи — онъ не найдетъ сколько-нибудь обстоятельнаго изложенія гуманизма или ренессанса: глава о христіанствѣ отнесена къ древней исторіи, гуманизмъ и ренессансъ къ средневѣковой. Итакъ въ своей новой исторіи г. Иловайскій обошелся безъ наиболѣе характернаго для всей новой исторіи періода. Перечисляя характерныя, отличительныя факты новой исторіи въ своемъ введеніи, г. Иловайскій ни словомъ не обмолвился объ индивидуализмѣ, о свободѣ личности, достигнутой долгой борьбой съ церковью, съ феодальнымъ строемъ, съ имперіей. Правда, въ

концѣ второй главы рѣчь идетъ о ренессансѣ, но только со стороны развитія живописи, скульптуры и литературы. И здѣсь рядъ ужа-сающихъ несообразностей: весь ренессансъ толкуется какъ дѣло заѣзжихъ въ Италію грековъ, паденіе Византии вызвало возрожденіе наукъ и искусствъ (sic!). Очень поучительны характеристики школъ живописи. О венеціанской сказано: высшей степени своего развитія она достигаетъ въ Тиціанѣ — и ни слова болѣе. Представителями литературы возрожденія являются Аріосто и Тассо, жившіе об-уже въ періодъ упадка ренессанса.

О нѣмецкомъ гуманизмѣ авторъ говоритъ нѣсколько словъ, пред-посылая ихъ исторіи реформации. Нѣмецкій гуманизмъ трактуется какъ явленіе, занесенное изъ Италіи, и тѣмъ не менѣе онъ рассмат-ривается авторомъ здѣсь, въ новой исторіи, а итальянскій—въ сред-ней. Въ силу какой логики? Гуманисты характеризуются здѣсь та-кими словами: это люди, изучавшіе классическую литературу, т. е. греческую и римскую. Но, вѣдь, такихъ людей, г. Иловайскій, въ средніе вѣка были сотня! Изъ странички, посвященной нѣмецкому гуманизму, ученики ничего не вынесутъ путнаго. Рейхлину посвя-щены 12 строчекъ, и въ нихъ ничего не сказано о значеніи его для эпохи; Эразму—14 строчекъ, въ которыхъ ни слова, напримѣръ, объ изданіи имъ Новаго Завѣта, о его религиозныхъ воззрѣніяхъ; Гут-тену — 6 строчекъ. Итальянскія же войны, неизвѣстно для какой цѣли, рассказаны на 9 страницахъ!!

Первая глава Новой исторіи посвящена великимъ изобрѣтеніямъ и открытіямъ. Географическія открытія подробно рассказаны на десяти страницахъ; тутъ ученики встрѣтятъ такія имена, какъ Колумбу, Монтезума, Гватемозиль, Инка, Альмагро и пр. Вопросъ же о значеніи всѣхъ от-крытій хотя и ставится г. Иловайскимъ, но разрѣшается совершенно неудовлетворительно, такъ что ученикъ не узнаетъ изъ изложеннаго ни о развитіи капитализма, ни о смѣнѣ имъ натурального хозяй-ства, а это все факты, вліятельно отразившіеся на общей культурѣ Европы, и объ этомъ можно было бы вполне доступно рассказать ученикамъ.

Вторая глава посвящается борьбѣ за Италію; авторъ забѣгаетъ здѣсь впередъ до 1544 года. Почему же не до 1559 г., когда эта борьба окончилась Като-Камбрезійскимъ миромъ (г. Иловайскій называетъ его Шато-Камбрезійскимъ)? Характеристика обоихъ героев войны, Франциска и Карла,—чисто дѣтская; не выяснены мотивы войны, не выяснены и самый принципъ „политическаго рѣзновѣсія“ (о Маккіа-

велики ни слова), общіе интересы Испаніи и Германіи, политика „непотизма“ Римскихъ папъ, въ особенности Юлія II. Изложивъ войну до 1544 года, г. Иловайскій даритъ ученикамъ указанный § объ эпохѣ возрожденія, живописи и литературы.

Совсѣмъ слабо и ненаучно изложена реформація. Въ 26-мъ изданіи авторъ впрочемъ внесъ поправку: Лютеръ ужь не сынъ рудокопа, а сынъ крестьянина-гориорбочаго. Біографію Лютера лучше было бы не рассказывать, чѣмъ вносить столько ошибокъ (напримѣръ, интересы Лютера въ философіи!), и оставлять столько важныхъ моментовъ невыясненными. Каковы были религиозные взгляды Лютера до поступленія въ монастырь, какіе мотивы заставили его уйти въ монастырь, въ чемъ нашелъ онъ спасеніе, какова была тутъ роль мистиковъ, Штаупитца напримѣръ, — вотъ рядъ вопросовъ, на которые авторъ не даетъ никакого отвѣта, а можетъ быть онъ и самъ себѣ ихъ не ставилъ. Нужно ли прибавлять, что о сочиненіяхъ самого Лютера, напр., вышедшихъ въ 1520 г. — не говорится ничего. А индульгенціи? Каково ихъ происхожденіе, какъ практиковалась продажа ихъ? А тезисы Лютера? Остановимся на этомъ: можно было бы еще поставить десятки вопросовъ, и ни на одинъ читатель не нашелъ бы отвѣта въ учебникѣ г. Иловайскаго. Мы не говоримъ здѣсь о несообразности трактовать реформацію, какъ явленіе, стоящее внѣ всякой связи съ гуманизмомъ; мы не говоримъ здѣсь о ненаучности изложенія всего соціальнаго движенія XVI столѣтія. Авторъ и не представляетъ себѣ, что и возрожденіе, и реформація, и соціальная революція — факты, родственные между собою: это три параллельныя теченія, развивающіяся изъ одного общаго источника — индивидуализма. Новая исторія и есть періодъ развитія этого индивидуализма въ области интеллекта, вѣры и соціальныхъ отношеній.

Рыцарское движеніе разсматривается, какъ событіе, направленное противъ епископовъ и архіепископовъ! Объ антагонизмѣ рыцарей и курфюрстовъ — ни слова! Крестьянское возстаніе — продуктъ проповѣди Лютера.

Ученики, учившіеся по Иловайскому, не въ состояніи отвѣтити на самые азбучные вопросы по реформаціи; г. Иловайскій ни разу не приводитъ главнаго тезиса Лютера, что человекъ спасается только вѣрою, а не дѣлами.

Карль V также остается загадкою, если черпать матеріалъ изъ Иловайскаго. Его отношенія къ протестантамъ свидѣтельствуютъ, говорить г. Иловайскій, о его умѣренности и терпимости, его отреченіе

отъ престола вызвано было его меланхоліей и т. д. По аугсбургскому миру, говоритъ г. Иловайскій, *протестанты получили свободу вероисповѣданія*, а за этимъ идетъ уже положеніе „*cujus regio, ejus religio*“, которое является, вѣдь, совершеннымъ отрицаніемъ вѣроисповѣдной свободы. Вѣротерпимость отличаетъ у г. Иловайскаго и двухъ императоровъ, Фердинанда I и Максимилиана II, царствованія которыхъ ознаменованы утвержденіемъ въ Германіи іезуитовъ. § 14—*Кальвинизмъ*—заключаетъ въ себѣ и *Цвингли* и *Кальвина*. Цвингли посвящены 4 строчки, его отличительныя черты сводятся къ тому, что „онъ приказывалъ выносить изъ церквей иконы, свѣчи, органы“!! Борьба кантоновъ понята какъ борьба двухъ *религіозныхъ* группъ (sic!). Заключается отдѣлъ о реформаціи никакого значенія неимѣющимъ §: нѣмецкая образованность.

IV. *Католическая реакція*. Этотъ отдѣлъ г. Иловайскій начинаетъ прямо съ іезуитскаго ордена, опуская совершенно попытку капуциновъ и театинцевъ. Въ отдѣлѣ о іезуитахъ не рассмотрѣны ни политическія тенденціи ихъ, ни моральные принципы. Тридентскій соборъ открытъ не въ 1585 г., а десять лѣтъ позже; по поводу этого собора интересна замѣтка г. Иловайскаго: Лайнецъ страдалъ перемежающейся лихорадкой. О Сикстѣ V Перетти—рядъ историческихъ анекдотовъ. Въ слѣдующей главѣ рассмотрѣна исторія Франціи съ послѣднихъ Валуа до Мазарини. Можно ли 1) соединять въ одной главѣ объ династіи Валуа и Бурбоновъ; 2) какой смыслъ отрывать Генриха IV и Людовика XIII—отъ Людовика XIV, который вѣдь только продолжалъ политику своего отца и дѣда? Какъ можно, говоря о Людовикѣ XIV, молодые годы его и фронту рассматривать въ отдѣлѣ: Реформаціонное движеніе во Франціи, т. е. біографію государя разбивать на двѣ половины, вставивъ между ними событія англійской, скандинавской и прусской исторіи??

Французская исторія второй половины XVI вѣка—вовсе не представляетъ собою только ряда религіозныхъ войнъ; давно пора бросить эти 7 религіозныхъ войнъ, давно пора Екатерину Медичи изъять изъ ряда религіозныхъ фанатиковъ, Варолюмеевскую ночь рассматривать не какъ событіе религіознаго фанатизма, а какъ чисто политическій фактъ. Въ одномъ мѣстѣ Екатерина названа представительницей „макиавеллизма“, но въ чемъ сущность послѣдняго, остается невыясненнымъ. Сюлли трактованъ не вѣрно, его роль преувеличена; „grand projet“ никогда не занималъ Генриха IV, а былъ лишь фантазіей Сюлли. Это уже 30 лѣтъ, какъ установлено въ наукѣ. Въ этомъ отдѣлѣ

помѣщены Корнель, Мольеръ, Боссюэтъ и Паскаль!! Декартъ попалъ въ мелкій шрифтъ.

Разсмотрѣвъ реакцію только со стороны религіозно-церковной, г. Иловайскій переходитъ опять къ реформациѣ въ Англии и Скандинавскомъ сѣверѣ, тогда какъ это естественно должно было бы слѣдовать за нѣмецкой реформацией, и разбивать движеніе не было никакихъ логическихъ основаній. За этимъ отдѣломъ слѣдуетъ 30-лѣтняя война, какъ заключительный моментъ реакціи. Исторія Англии излагается до начала XVIII вѣка; тутъ и Тюдоры, и Стюарты, раздѣленные революціей, и Ганноверскій домъ. И здѣсь—чисто внѣшнее изложеніе (не забыта зависть Елизаветы къ красотѣ Маріи Стюартъ), безъ характеристикъ и объясненій, что въ особенности видно въ исторіи Стюартовъ, гдѣ рядомъ, вскользь, упомянуты Буккингамъ, Страфордъ, Лоудъ. Парламентская борьба, развитіе ея, идеалы Кромвеля—все это осталось невыясненнымъ.

VII глава: Скандинавія, Пруссія и Польша. Уже это сопоставленіе вызываетъ на раздумье, а изложеніе событій внѣшнихъ и внутреннихъ, напримѣръ, въ Швеціи—совершенно искажено. Что г. Иловайскій не обошелся безъ кровавой бани, когда говоритъ о Неронѣ Сѣвера, само собою разумѣется; но что непростительно—такъ это упоминаніе всего на *двухъ* строчкахъ о Густавѣ Адольфѣ (Христинѣ, которой ученикамъ и знать нечего, отведено 13 строчекъ), и полное игнорированіе политическихъ стремленій династіи Ваза, а они интересны и для русской исторіи. Зачѣмъ въ этотъ отдѣлъ попалъ Карлъ X, какіе мотивы заставили г. Иловайскаго говорить о немъ отдѣльно отъ Карла XI и Карла XII—трудно сказать. Авторъ вноситъ рѣшительный произволъ въ распредѣленіе матеріала. (Въ отдѣлѣ „Скандинавія“—рядъ ошибокъ: Вестерьясь вм. Вестерось, Оксенштириа вм. Оксеншериа). Въ отдѣлѣ Пруссія—разсказана исторія великаго курфюрста, тутъ и война съ Польшей, и Фербеллины, а о 30-лѣтней войнѣ—ученики еще ничего не слыхали. Прочтя у г. Иловайскаго о великомъ курфюрствѣ, рѣшительно недоумѣваешь, почему исторія назвала его великимъ: ни о внутреннихъ реформахъ его, ни о борьбѣ съ дворянствомъ, ни объ отношеніи къ имперіи—не упоминается ни словомъ.

VIII-я глава—30-лѣтняя война. Итакъ—до сихъ поръ мы видѣли совершенно *произвольное* распредѣленіе матеріала, забѣганіе впередъ до XVIII столѣтія, расчлененіе періодовъ, династій, даже разсѣченіе отдѣльныхъ историческихъ дѣятелей.

Въ изложеніи 30-лѣтней войны—тѣ же недостатки, тѣ же гру-

была ошибки, та же внѣшняя сторона событій, всегда выдвигаемая г. Иловайскимъ. 30-лѣтняя война въ его изложеніи чисто религіозная, политическій оттѣнокъ она получаетъ только послѣ 1635 года, т. е. послѣ Пражскаго мира. Антагонизмъ императора и князей, императора и Рима, соперничество Испаніи и нѣмецкихъ католическихъ князей—все, чѣмъ опредѣлялась политическая сторона конфликта, опущено. О 3.000 напихидъ по Валленштейну говорится, а о политическихъ замыслахъ его ничего. Участіе Даніи и въ особенности Швеціи въ войнѣ приписывается исключительно Ришелье: Ришелье сказалъ, короли повиновались и приняли участіе въ войнѣ. Хронологія измѣнилась тутъ почтенному историку. Швеція вступила активно въ войну до заключенія договора съ Франціей.

Старый порядокъ и революція—самое слабое мѣсто всего учебника. Даже внѣшнія событія трактованы невѣрно (опущена третья война Людовика XIV, а объ первыя соединены въ одну борьбу изъ за Бельгіи); а о внутренней исторіи Франціи въ царствованіе Людовика XIV—я говорю нечего. Чѣмъ вызвана была покровительственная система, въ чемъ состояла сущность меркантилизма, что такое физиократическая школа и т. п.—вотъ, что было бы много необходимо выяснить ученикамъ, чѣмъ перечислять всѣхъ любовницъ короля (въ крупномъ и мелкомъ шрифтѣ), чѣмъ рассказывать небывлицы о ханжествѣ Людовика XIV (о вліяніи Ментенонъ), заставившемъ его уничтожить Нантскій эдиктъ, о всякихъ мелочахъ его этикета и жизни. Людовикъ обратился, говоритъ г. Иловайскій, къ *покаянію о прежнихъ грѣхахъ*, и результатомъ благочестиваго настроенія его былъ эдиктъ 1685 года. Борьбу короля съ политическимъ феодализмомъ г. Иловайскій совсѣмъ проглядѣлъ, и изъ его учебника не объяснишь себѣ происхожденія привилегированныхъ.

О просвѣтительной литературѣ говорится (и какъ!!) послѣ царствованія Людовика XV; царствованіе послѣдняго совершенно игнорировано: ничего не сказано ни о борьбѣ съ парламентами, ни о внѣшней политикѣ, ни о перемѣнѣ отношеній къ имперіи, ни о сближеніи съ послѣдней въ виду усиленія Пруссіи. Объ англійской литературѣ просвѣщенія говорится въ XI главѣ, т. е. на 50 стр. послѣ литературы французскаго просвѣщенія, тогда какъ послѣдняя, вѣдь, всѣ идеи свои черпала изъ англійскихъ писателей. Однимъ словомъ—совершенный хаосъ! О нѣмецкомъ просвѣщеніи рассказано вслѣдъ за Фридрихомъ II, при чемъ Гете попалъ въ текстъ, а Шиллеръ въ примѣчаніе. Просвѣщенный абсолютизмъ, служителями котораго были

и Фридрихъ Великій, и Иосифъ II, остается невыясненнымъ іероглифомъ.

Революція въ изложеніи г. Иловайскаго—это верхъ чаянности. Не буду вдаваться въ подробности. Тюрго попалъ въ подстрочное примѣчаніе, Неккеръ—въ текстъ; бѣгство короля—въ *подстрочное примѣчаніе*. Отдѣльные моменты революціоннаго движенія не выдѣлены, причины не выяснены, это какое-то намѣренно тенденціозное искаженіе всемірнаго историческаго факта, изложеннаго и трактованнаго ниже посредственностію.

Далѣе отмѣтимъ: возрожденіе Германіи и весь XIX вѣкъ, который трактуется en bloc, не выдѣлены періоды, не выяснены идеи легитимизма и романтизма, либерализма и націонализма; социализмъ и коммунизмъ—это одно и то же въ изложеніи г. Иловайскаго.

Указанныхъ недостатковъ—достаточно, чтобы произнести приговоръ надъ новой исторіей г. Иловайскаго. — Учебникъ этотъ рѣшительно непригоденъ для нашихъ гимназій, онъ точно задался цѣлью извращать факты, а не объяснять ихъ, не излагать ихъ согласно съ исторической правдой.

Г. Фортенъ.

Краткій обзоръ (конспектъ) средневѣковой исторіи. Курсъ V-го класса. 20 картъ съ объяснительнымъ текстомъ. Сост. А. и Е. Фриде. С.-Пб. 1900. 2+32 стр. Цѣна 80 коп.

Нельзя не признать задачу составителей „облегчить изученіе своеобразнѣйшаго изъ всѣхъ періодовъ жизни человѣчества“ вполне цѣлесообразной и пути, избранный ими—вѣрнымъ. Двадцать небольшихъ, но чисто отпечатанныхъ картъ Европы и прилегающихъ азиатскихъ и африканскихъ областей должны дать наглядное представленіе о политическихъ и этнографическихъ перемѣнахъ въ средневѣковомъ мірѣ, а въ обширныхъ „примѣчаніяхъ“ къ этимъ картамъ учащійся найдетъ въ сжатомъ конспективномъ видѣ синхронистическій курсъ средневѣковой исторіи; кромѣ того послѣ этихъ „примѣчаній“ даются, гдѣ слѣдуетъ, генеалогическія таблицы династій; хронологическія даты приводятся при картахъ. — При составленіи „примѣчаній“ приняты въ соображеніе не только всѣ одобренныя ученымъ комитетомъ руководства, но и такой высоко-авторитетный курсъ, какъ лекціи проф. В. Г. Васильевскаго. Последнее обстоятельство дѣлаетъ трудъ гг. Фриде полезнымъ не для однихъ учащихся, а вообще для образованной публики. Весьма важно въ педа-

гогическомъ отношеніи и то обстоятельство, что въ „обзорѣ“ включена и русская исторія и отведено надлежащее мѣсто исторіи славянъ. Главное вниманіе обращается на политическую исторію, но и важнѣйшія культурно-историческія явленія не оставлены безъ вниманія (напр. итальянское возрожденіе), и нѣкоторыя мѣста вышли положительно удачны. Въ „обзорѣ“ мы находимъ и рубрики, посвященныя „церкви“, но это наиболѣе слабая часть труда. Церковь разсматривается здѣсь скорѣе, какъ свѣтское государство, а потому авторы имѣютъ въ виду почти исключительно западную церковь и папскую область. Отсюда понятно, почему въ „обзорѣ“ не упомянуто о такомъ крупномъ по своимъ послѣдствіямъ движеніи, какъ монофиситство. Благодаря этому обстоятельству авторы впали въ противорѣчіе, характеризуя внутреннее состояніе Византіи. На стр. 4 мы читаемъ: „Восточная Римская имперія была болѣе сплочена чѣмъ Западная, не смотря на свои 20 народностей. Ее объединялъ эллинизмъ съ его древнею образованностью и твердымъ православіемъ“. Все это *mutatis mutandis* съ гораздо большимъ правомъ можно приписать къ Западу; на Востокъ же въ V в. не могло быть и рѣчи объ единствѣ „твердаго православія“ — это былъ вѣкъ ересей, отчуждавшихъ отъ грековъ и имперіи цѣлые крупные народы и облегчавшихъ арабскія завоеванія; къ тому же и народы эти, принявъ эллинизмъ чисто пшнниимъ образомъ, создали свои культуры и имѣли свои богатая литературы (сирийцы, копты, армяне). На стр. 9, когда говорится о потерѣ Византіей многихъ владѣній въ VII—VIII вѣкахъ, опять приводится фраза: „сжуженная Византія стала болѣе плотнымъ цѣлымъ, связаннымъ эллинизмомъ и православіемъ“. Этой же причиной объясняется и то, что дѣятельность свв. Кирилла и Мефодія наша себѣ мѣсто не въ рубрикѣ „церковь“, а въ „Болгарія“, при чемъ не упомянуто о просвѣщеніи ими другихъ славянскихъ странъ. Находя возможнымъ заявить, что „на Востокъ церковь всегда была государственнымъ учрежденіемъ“, авторы, конечно, не оцѣнили заслугъ восточнаго монашества и не упомянули даже о такихъ фактахъ, какъ основаніе Киево-Печерской и Троицко-Сергіевской лавръ. О крещеніи Руси читаемъ: „Въ исторіи Владиміръ, этотъ воинственный, жестокій князь, сдѣлался знаменитъ не столько своими побѣдами, сколько принятіемъ христіанской религіи“. Особенно не хороша фраза: „въ 1054 г. Восточная Церковь совсѣмъ отдѣлилась отъ Западной“. Но и въ рубрикахъ, посвященныхъ западной церкви, слѣдуетъ отмѣтить промахъ—папскія притязанія датируются только съ VI вѣка и гово-

рится о погибшемъ христіанствѣ въ Британіи, „возстановленномъ“ Августиномъ. Неудобно также въ педагогическомъ отношеніи постоянное смѣшеніе терминовъ „католичество“ и „православіе“ для эпохъ предшествовавшихъ раздѣленію церквей. Въ такихъ случаяхъ лучше употреблять или „каѳоличество“ или „вселенская церковь“, „вселенское исповѣданіе“.—Есть пробѣлъ и въ русской исторіи: смѣшиваются удѣльный и удѣльно-вѣчевой періоды, нѣтъ перечисленія княжествъ, ничего не сказано о Василіи Темномъ и, что особенно нехорошо, совершенно обойдена молчаніемъ исторія Новгорода.

Остается отмѣтить нѣсколько неточностей. На стр. 1 читаемъ: „римское вліяніе переродило ихъ (кельтовъ) почти совсѣмъ и обратило въ высшнюю романскую расу“. Съ одной стороны въ Италіи кельтовъ не было, а съ другой въ образованіи романской расы игралъ роль и германскій элементъ. На стр. 3 Петръ названъ „главнымъ“ апостоломъ, а не первымъ или верховнымъ. На стр. 8 „Исламъ“ переведено „вѣра“; точнѣе будетъ „врученіе себя (Богу)“, „покорность (Богу)“; на стр. 9 находимъ „Копты, христіанскіе еретики“.

Школьный Историческій Атласъ по курсу среднихъ учебнымъ заведеній. Средніе вѣка. Изданіе Школьной Картопечати. С.-Пб. Цѣна 60 коп.

Атласъ состоитъ изъ 8 таблицъ картъ, на обратныхъ сторонахъ которыхъ помѣщено 35 картинъ, предназначенныхъ служить иллюстраціями къ средневѣковой исторіи. Карты представляютъ буквальную, но исполненную болѣе грубо и менѣе чисто перепечатку, безъ указанія источника, таблицъ, 9, 13—19 и 32 изъ известнаго Historischer Schul-Atlas F. Putzger'a, вышедшаго въ 1900 году 24-мъ изданіемъ подъ редакціей Вальдамуса и Швабе, и въ свою очередь, восходящаго къ большому атласу Дройзена. Но и заимствуя готовый матеріалъ, составитель не избѣжалъ грубыхъ промаховъ. Не говоря уже о странныхъ для русскаго уха транскрипціяхъ въ родѣ „Цезаря“, „Халкедонъ“, или опечаткахъ въ родѣ „Камфъ“ вм. Камбрэ (карта 7), попадаются прямыя ошибки, какъ „царство Босоорское“ и „государство Сіагрозъ“ (карта 2), а также курьезы: на помѣщенномъ при 1-й картѣ планѣ Кароагена „Scipios Lager“, вѣроятно, сочтено латвискимъ и оставлено безъ перевода. Замѣтимъ также, что на картѣ 5, 2 сѣверо-африканская и испанская арабская династія названа „Могадами“; на 6-й она же „Альмоходами“; вѣроятно ни то, ни другое: или Алмохады — по испански, или Муваххиды — по арабски. — При картѣ 4-й „Германія при саксонскихъ и франкон-

скихъ императорахъ“ помѣщена сбоку карта „Церковное дѣленіе Германіи“, какъ и у Пуцгера, но тамъ добавлено: „съ 11 по 16 вѣкъ“; здѣсь этого нѣтъ, и учащійся, отнеся карту къ тому же періоду „саксонскихъ и франконскихъ императоровъ“, будетъ введенъ въ заблужденіе, найдя на ней Прагу со знакомъ архіепископства. — Слѣдуетъ добавить, что карты не нумерованы, что значительно затрудняетъ пользованіе атласомъ.

Откуда взяты картины, авторъ также не говоритъ. Большинство ихъ давно извѣстны и встрѣчаются въ разныхъ иллюстрированныхъ историческихъ сочиненіяхъ. Между ними много фантастичныхъ, напр.: „пиръ у галловъ“, „Германскія училища“, „Ауто-да-фе“ и др.; есть снимки съ миниатюръ рукописей, есть виды. Соединеніе картиннаго атласа съ географическимъ—идея оригинальная и заслуживаетъ вниманія, но картины отпечатаны грубо, и нѣкоторыя изъ нихъ (напр., „храмъ Клаба“) даже и неясно.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГСКІЕ ВЫСШІЕ ЖЕНСКІЕ КУРСЫ ВЪ 1899—1900 УЧЕБНОМЪ ГОДУ.

Минувшій академическій годъ — одиннадцатый со времени Высочайшаго утвержденія 25-го іюня 1889 года положенія комитета министровъ о С.-Петербургскихъ высшихъ женскихъ курсахъ; двадцать второй со времени учрежденія въ С.-Петербургѣ въ 1878 году высшаго женскаго учебнаго заведенія, носившаго имя покойнаго академика К. Н. Бестужева-Рюмина, и тридцать третій со времени возникновенія въ 1867 году мысли о необходимости устройства правильныхъ курсовъ для женщинъ по историко-филологическимъ и физико-математическимъ наукамъ.

Прежде чѣмъ перейти къ обзорѣнню состоянія и дѣятельности курсовъ въ истекшемъ году, мы считаемъ своимъ долгомъ почтить доброю памятью бывшихъ дѣятелей курсовъ, которыхъ смерть покинула въ теченіи этого года.

19-го февраля скончался бывшій директоръ курсовъ *Василій Петровичъ Кулинъ*.

Покойный принадлежалъ къ числу выдающихся русскихъ педагоговъ: въ 1842 году онъ окончилъ курсъ въ бывшемъ главномъ педагогическомъ институтѣ и затѣмъ тридцать лѣтъ проработалъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ, какъ преподаватель и администраторъ, горячо преданный дѣлу просвѣщенія: онъ написалъ книгу для класснаго чтенія, устроилъ нѣсколько десятковъ народныхъ училищъ и организовалъ

первую въ краѣ учительскую семинарію; въ то же время появлялись въ журналахъ литературныя произведенія В. П. Кулина, онъ издавалъ Вятенскій Сборникъ (1869 г.) и редактировалъ изданіе памятникъ старины Западнаго Края.

Позже В. П. Кулинъ былъ директоромъ Алферовской Учительской Семинаріи въ Смоленской губерніи, ѣздилъ въ Сирію и Палестину для осмотра находящихся тамъ училищъ,—и наконецъ въ 1889 году былъ назначенъ директоромъ курсовъ.

Поставленный во главѣ учрежденія, еще только возрождавшагося къ жизни, Василій Петровичъ долженъ былъ дать этому учрежденію первоначальную организацію. Члены совѣта преподавателей, ближайшіе сотрудники Василія Петровича, могутъ засвидѣтельствовать, сколько труда и вниманія, сколько любви къ живому дѣлу образованія, сколько такта и умѣнья въ отношеніи къ дѣлу и лицамъ проявилъ Василій Петровичъ при рѣшеніи этой задачи.

Не смотря на преклонные годы, Василій Петровичъ въ теченіи пяти лѣтъ несъ сложныя обязанности директора курсовъ, и только тяжелая болѣзнь заставила его въ 1894 году покинуть дорогое ему учрежденіе.

Бывшія слушательницы курсовъ помнятъ, конечно, съ какими теплыми, сердечными участіемъ относился къ нимъ всегда Василій Петровичъ, съ какою вѣрой въ силы и добрыя стремленія молодого поколѣнія онъ призывалъ ихъ на ученіе и трудъ, указывая на предстоящій имъ высокій подвигъ служенія семьѣ и обществу.

Василія Петровича Кулина не стало, но завѣты его живы, и имя его занимаетъ почетное мѣсто въ лѣтописи курсовъ.

13-го мая на 62-мъ году жизни послѣ долгой болѣзни скончался одинъ изъ крупнѣйшихъ русскихъ историковъ, бывшій профессоръ курсовъ, академикъ и профессоръ университета *Василій Григорьевичъ Васильевскій*.

Имя В. Г. Васильевскаго неразрывно связано съ исторіей перваго десятилѣтія курсовъ: съ 1879 по 1889 годъ онъ читалъ обязательный курсъ по исторіи среднихъ вѣковъ и необязательный по исторіи Византіи и XIV вѣку, а когда академикъ К. Н. Бестужевъ-Рюминъ оставилъ курсы, то В. Г. Васильевскій взялъ на себя и завѣдываніе учебною частью на историко-филологическомъ отдѣленіи.

Смерть этого замѣчательнаго ученаго и преподавателя и необыкновенно хорошаго и добраго человѣка принадлежитъ къ числу наиболѣе тяжкихъ потерь, понесенныхъ за послѣднее время русской наукой.

Научная дѣятельность В. Г. Васильевскаго почти всецѣло была посвящена исторіи Византіи, среди изслѣдователей которой онъ бесспорно занималъ первое мѣсто. Съ первыхъ шаговъ его въ этой области и до послѣдняго времени каждый трудъ покойнаго представлялъ важное явленіе въ исторической литературѣ. Здѣсь не мѣсто приводить длинный списокъ его работъ, посвященныхъ то „византійско-русскимъ“ вопросамъ, то внутреннему состоянію Византіи въ опредѣленное время, то изданію и изученію отдѣльныхъ источниковъ и т. д.

Его труды охватываютъ самые разнообразныя періоды и вопросы византійской исторіи и въ своей совокупности поражаютъ огромной массой труда и эрудиціи, а каждый въ отдѣльности говорятъ о рѣдкомъ историческомъ чутьѣ, поразительной силѣ научнаго анализа и синтеза. Свести всю эту работу воедино, создать исторію Византіи, соответствующую современному уровню науки, В. Г. Васильевскому не удалось, и это трудно вознаграждаемая потеря для науки. Едва ли кто-либо могъ взяться за это громадное дѣло съ большей надеждой на успѣхъ, чѣмъ В. Г. Васильевскій, и если онъ все не рѣшался приступить къ нему, если онъ постоянно откладывалъ исполненіе задуманной работы, то главная причина заключалась въ необыкновенной научной добросовѣстности, въ своего рода сознательномъ самоотреченіи. Знаменитый ученый неоднократно говорилъ своимъ слушателямъ, что еще не время приступить къ изложенію всей византійской исторіи, что нужно умѣть отказаться отъ того удовлетворенія, которое даетъ подведеніе итоговъ, пока еще не продѣлана въ достаточной мѣрѣ та подготовительная работа, на которую могутъ опереться изслѣдователи западно-европейской исторіи, на которой еще не достаетъ исторіку Византіи; здѣсь еще необходимо изданіе источниковъ, разрѣшеніе вопросовъ виѣшней исторіи до мелочей хронологіи вклучительно, разработка массы отдѣльныхъ специальныхъ вопросовъ;—только когда цѣлый рядъ ученыхъ скромно посвятить себя такой подготовительной работѣ, будущей, болѣе счастливый, историкъ будетъ въ состояніи исполнить то, къ чему естественно стремится каждый ученый, но отъ чего онъ подчасъ долженъ отказаться въ интересахъ науки.

Наука и ея интересы наполняли всю жизнь Василя Григорьевича, и никто, кому приходилось слушать его лекціи или работать подъ его руководствомъ, не могъ не почувствовать на себѣ вліянія этого глубоко-безкорыстнаго увлеченія профессора, невольно дѣйствовавшаго на слушателей.

Василій Григорьевичъ никогда не былъ блестящимъ лекторомъ, но

его лекцій, форма которыхъ сначала не удовлетворяла, быстро захватывали интересомъ своего содержанія. То, что подготовили лекціи, затѣмъ развивалось на практическихъ занятіяхъ, однимъ изъ первыхъ пионеровъ которыхъ явился у насъ покойный: изученіе памятниковъ средневѣковой или византійской исторіи подъ руководствомъ профессора давало возможность слушателямъ ближе познакомиться съ научными методами и съ примѣненіемъ исторической критики, о которыхъ они обыкновенно получали первое представленіе на лекціяхъ того же профессора.

Василія Григорьевича лично знали лишь немногіе изъ его слушателей, но мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что каждый сохранилъ самую свѣтлую память о немъ, какъ о профессорѣ, что каждый въ большей или меньшей степени чувствуетъ, какое огромное вліяніе имѣлъ на его научное развитіе этотъ рѣдкій не только у насъ типъ профессора—ученаго.

Имя Василія Григорьевича Васильевского, какъ ученаго, не можетъ быть забыто,—за это ручается значеніе его трудовъ, но намъ думается, что и воспоминаніе о немъ, какъ о человѣкѣ и профессорѣ, теплое и свѣтлое воспоминаніе тѣхъ, кого онъ училъ исторически мыслить и работать, училъ серьезно и добросовѣстно относиться къ наукѣ, не должно исчезнуть въ нашемъ обществѣ.

31-го іюля скончался въ Москвѣ на 47-омъ году жизни бывшій профессоръ курсовъ *Владиміръ Сергѣевичъ Соловьевъ*.

По окончаніи курса въ Московскомъ университетѣ В. С. Соловьевъ защитилъ въ 1874 году свою магистерскую диссертацию: „Кривизна западной философіи противъ позитивистовъ“. Въ этомъ юношескомъ произведеніи уже обратилъ на себя общее вниманіе яркій философскій талантъ покойнаго. Этотъ талантъ развернулся во всей своей полнотѣ въ многочисленныхъ послѣдующихъ трудахъ В. С. Соловьева, главнымъ образомъ въ его капитальной работѣ: „Критика отвлеченныхъ началъ“, представляющей его докторскую диссертацию, которую онъ защитилъ въ 1880 году, и въ системѣ этики — „Оправданіе добра“, появившейся въ 1897 году.

Исключительная глубина философскаго мышленія, несравненное по силѣ этико-религіозное одушевленіе, мастерство первокласснаго стилиста—все это въ совокупности дѣлаетъ произведенія В. С. Соловьева въ высокой степени цѣнными и въ научно-философскомъ, и въ общественномъ отношеніи.

В. С. Соловьевъ соединялъ въ себѣ нѣсколько крупныхъ дарований. Кромѣ многочисленныхъ философскихъ трудовъ, онъ оставилъ цѣлый рядъ богословскихъ сочиненій, знакомство съ которыми чрезвычайно важно для уясненія философско-религіознаго міросозерцанія покойнаго. Философская дѣятельность В. С. Соловьева неотдѣлима отъ его публицистики. Обладая величайшею чуткостью ко всякой общественной неправдѣ, В. С. Соловьевъ не разъ обнаруживалъ передъ русскимъ обществомъ въ яркомъ свѣтѣ своего этико-религіознаго ученія тѣ нравственныя противорѣчія, которыя лежали въ основаніи нѣкогда популярныхъ воззрѣній на національный вопросъ и на религіозную терпимость;—эти воззрѣнія въ настоящее время потеряли свое значеніе въ нашемъ обществѣ, чѣмъ мы безспорно обязаны В. С. Соловьеву.

Душа В. С. Соловьева была, какъ „гусли многоструины“. Съ одушевленіемъ моралиста, грозно изобличающаго темную сторону въ современныхъ ему общественныхъ теченіяхъ, В. С. Соловьевъ соединялъ талантъ замѣчательнаго художественнаго критика и поэта. Ему принадлежитъ рядъ превосходныхъ статей о поэзіи А. Толстого, Тютчева, Голеннищева-Кутузова, два изслѣдованія по эстетикѣ: „Красота въ природѣ“ и „Смыслъ любви“, томикъ стихотвореній и почти законченный, но оставшіяся въ рукописи, „Очеркъ по исторіи русской поэзіи XIX вѣка“. Наконецъ, В. С. Соловьевъ оказалъ русскому обществу крупную услугу мастерскимъ переводомъ „Пролегоменъ“ Канта и нѣсколькихъ діалоговъ Платона.

11-го октября скончался профессоръ курсовъ, приватъ-доцентъ С.-Петербургскаго университета, магистръ всеобщей исторіи *Александръ Николаевичъ Щукаревъ*.

А. Н. Щукаревъ родился въ 1861 году; образованіе и среднее, и высшее получилъ въ Петербургѣ: въ 3-й гимназіи и на историко-филологическомъ факультетѣ университета. Еще въ гимназіи, а особенно въ университетѣ, подъ влияніемъ профессоровъ Прахова и Солодова, онъ сильно заинтересовался древностью, а въ частности древнимъ искусствомъ; хотя спеціальный его интересъ былъ тогда направленъ на изученіе греческой исторіи, тѣмъ не менѣе онъ слѣдилъ за наукой объ искусствѣ и въ своемъ первомъ путешествіи по Европѣ, еще будучи студентомъ, ревностно изучалъ музеи Германіи и Италіи. Въ 1885 году А. Н. Щукаревъ кончилъ университетъ, былъ оставленъ при немъ и въ 1886 году отиравался въ заграничную коман-

дирижку. Прежде всего онъ поѣхалъ въ Грецію, въ Афины, изученію исторіи которыхъ и отдался всецѣло.

Спеціальнымъ предметомъ его изученія были памятники эпиграфическіе и та эпоха, о которой свидѣлствуютъ однѣ лишь надписи.

Рядъ статей, написанныхъ А. Н. Щукаревымъ за это время въ греческихъ, нѣмецкихъ, французскихъ и русскихъ изданіяхъ, свидѣлствуютъ объ интенсивности его работы, а появившіеся впоследствии отчеты объ успѣхахъ археологій (въ „Филологическомъ Вѣстникѣ“ подъ заглавіемъ: „Археологическая хроника Еллинскаго Востока“) — о томъ, какъ онъ зналъ и любилъ и страну, и людей, и памятники греческаго искусства. Третій годъ командировки А. Н. Щукаревъ провелъ частью въ Италіи, гдѣ работалъ надъ исторіей христіанскаго искусства (въ Сициліи), частью въ Берлинѣ, гдѣ занимался греческой исторіей и греческимъ искусствомъ подъ руководствомъ такихъ корифеевъ науки о древности, какъ Робертъ, Кирхгофъ, Курціусъ, Келеръ. Здѣсь же окончательно сложилась его большая работа: „Исслѣдованія въ области каталога афинскихъ архонтовъ въ III вѣкѣ до Р. Хр.“, работа, за которую по возвращеніи въ Россію онъ былъ удостоенъ степени магистра всеобщей исторіи.

Возвратясь въ Россію, А. Н. Щукаревъ принужденъ былъ добывать себѣ средства къ существованію тяжелымъ педагогическимъ трудомъ. Первоначально, кромѣ совершенно необеспечивающаго его чтенія лекцій въ университетѣ въ качествѣ приватъ-доцента, онъ преподавалъ исторію въ разныхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ; впоследствии ему удалось исключительно отдаться высшему образованію, и тогда онъ возвратился къ предмету спеціальныхъ занятій своихъ юныхъ годовъ — исторіи искусства. Этотъ предметъ А. Н. Щукаревъ преподавалъ и въ университетѣ, и въ академіи художествъ, и въ теченіи шести лѣтъ, съ 1894 по 1900 годъ, на высшихъ женскихъ курсахъ. За это время на курсахъ былъ основанъ кабинетъ изящныхъ искусствъ съ особой теперь уже довольно богатой бібліотекой, значительно облегчающей задачу преподаванія исторіи древняго искусства.

Послѣдніе годы своей жизни Александръ Николаевичъ провелъ за работой надъ подготавливавшейся имъ диссертацией въ области археологій. Все свое свободное время отдавалъ онъ этимъ занятіямъ, лѣтою въ европейскихъ музеяхъ, зимой въ бібліотекахъ. Тамъ, гдѣ онъ началъ свою научную карьеру, въ томъ мѣстѣ, которое онъ такъ любилъ, — въ Афинахъ открылась у него та ужасная болѣзнь — бѣлокровіе, которая

свела его въ могилу; послѣдній годъ его жизни былъ медленной агоніей.

Имя Александра Николаевича Щукарева не забудется на курсахъ: о немъ будетъ напоминать кабинетъ изящныхъ искусствъ, основанный по инициативѣ покойнаго ¹⁾.

Почтивъ благодарною памятью почившихъ дѣятелей курсовъ, перейдемъ къ обзорѣнью его состоянія и дѣятельности въ 1899—1900 учебномъ году.

Учебная часть.

Въ минувшемъ году С.-Петербургскіе высшіе женскіе курсы представляли единственное въ Россіи высшее женское учебное заведеніе съ общеобразовательнымъ университетскимъ характеромъ и методомъ преподаванія. Они состоятъ изъ двухъ отдѣленій: историко-филологическаго и физико-математическаго, подраздѣляющагося со II курса на разряды: математическій и химическій.

На историко-филологическомъ отдѣленіи читаются: богословіе; науки философскія: логика, психологія, исторія древней и новой философіи, исторія педагогики; науки историческія: исторія Россіи, исторія древняго міра, исторія среднихъ вѣковъ, исторія новаго времени, исторія славянскихъ племенъ; исторія литературъ: древне-римской, — всеобщей (исторія западно-европейскихъ литературъ: итальянской, французской, нѣмецкой и англійской) въ главнѣйшихъ явленіяхъ, имѣющихъ отношеніе къ развитію русской литературы, — древней и новой русской литературы, — главнѣйшихъ славянскихъ литературъ; исторія искусствъ; науки филологическія: русскій и церковно-славянскій языкъ въ связи съ общими вопросами историческаго и сравнительнаго языковѣдѣнія, латинскій языкъ, славянскія нарѣчія (сербское, болгарское, польское и чешское), французскій языкъ, нѣмецкій языкъ (одинъ изъ новыхъ языковъ предметъ необязательный); хоровое пѣніе, — предметъ необязательный.

На физико-математическомъ отдѣленіи читаются: богословіе; математика: введеніе въ анализъ, геометрія, тригонометрія, теорія опредѣлителей, аналитическая геометрія, высшая алгебра, дифференціальное исчисленіе, интегральное исчисленіе, интегрированіе диф-

¹⁾ Въ составленіи вышеприведенныхъ характеристикъ принимали участіе: Е. В. Балобанова, Э. Д. Гримъ, И. И. Лапшинъ и М. И. Ростовцевъ.

ференціальныхъ уравненій, варіаціонное исчисленіе, теорія эллиптическихъ функцій, исчисленіе конечныхъ разностей, теорія чиселъ, теорія вѣроятностей; механика; астрономія; математическая географія; физика элементарная и высшая; химія: неорганическая, органическая, физическая и аналитическая; кристаллографія; минералогія; физическая географія; зоологія; ботаника; французскій языкъ, нѣмецкій языкъ (однятъ язъ новыхъ языковъ предметъ необязательный), латинскій языкъ и хоровое пѣніе (последніе два необязательные предметы).

Личный составъ.

Въ 1899—1900 учебномъ году произошли слѣдующія перемѣны въ личномъ составѣ:

Освобождены отъ обязанностей руководителей учебною частью: по историко-филологическому отдѣленію — профессоръ Сергѣй Федоровичъ Платоновъ и по физико-математическому отдѣленію — профессоръ Орестъ Даниловичъ Хвольсонъ.

Изъ преподавательской корпораціи *сбыли*: † Александръ Николаевичъ Щукаревъ, Георгій Васильевичъ Форстенъ, Марія Александровна Шателенъ, исправляющій обязанности ассистента при кафедрѣ зоологіи — Петръ Андреевичъ Берковъ.

Ново назначены: профессоръ Илья Александровичъ Шляпкинъ — руководителемъ учебною частью историко-филологическаго отдѣленія, профессоръ Александръ Маркеловичъ Ждановъ — руководителемъ учебною частью физико-математическаго отдѣленія, лекторъ французскаго языка въ С.-Петербургскомъ Университетѣ Андрей Александровичъ Лярондъ — преподавателемъ французскаго языка, окончившія курсъ наукъ по физико-математическому отдѣленію на С.-Петербургскихъ высшихъ женскихъ курсахъ: Ядвига Граціановна Эблецкая — временно исправляющей обязанности ассистента при кафедрѣ зоологіи и Александра Георгіевна Емельянова — помощницей руководительницы практическими занятіями по физикѣ.

Нынѣ учебно-административный личный составъ курсовъ ниже слѣдующій: директоръ курсовъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Николай Павловичъ Раевъ (онъ же предсѣдатель совѣта профессоровъ и почетнаго совѣта курсовъ); профессоръ православнаго богословія, магистръ богословія, протоіерей Василій Николаевичъ Велтистовъ.

Профессора и преподаватели историко-филологическаго отдѣленія:

руководитель учебною частью отдѣленія (деканъ), профессоръ русской литературы, магистръ Илья Александровичъ Шляпкинъ. По философіи: магистръ философіи Александръ Ивановичъ Введенскій, окончившая курсъ на С.-Петербургскихъ высшихъ женскихъ курсахъ Екатерина Ивановна Максимова (по психологін). По педагогикѣ: магистрантъ Иванъ Ивановичъ Лапшинъ. По исторіи: по русской исторіи: докторъ Сергѣй Ѳеодоровичъ Платоновъ, магистръ Сергѣй Михайловичъ Середонинъ; по всеобщей исторіи: магистръ Эрвинъ Давидовичъ Гриммъ, кандидатъ Константинъ Алексѣевичъ Ивановъ, магистръ Михаилъ Ивановичъ Ростовцевъ; по исторіи славянъ: магистрантъ Алексѣй Леонидовичъ Петровъ (онъ же профессоръ славянскихъ литературъ и нарѣчій). По исторіи литературы: древнеримской: магистръ Иванъ Ильичъ Холоднякъ (онъ же профессоръ латинскаго языка), магистръ Николай Карловичъ Гельвихъ (онъ же профессоръ латинскаго языка); всеобщей: магистръ Ѳеодоръ Дмитриевичъ Батюшковъ, магистръ Ѳеодоръ Александровичъ Браунъ; древней и новой русской литературы: магистръ И. А. Шляпкинъ (см. выше); славянскихъ литературъ: А. Л. Петровъ (см. выше). По языковѣдѣнію: по русскому и церковно-славянскому языкамъ: магистръ Сергѣй Константиновичъ Буличъ; по латинскому языку И. И. Холоднякъ (см. выше), Н. К. Гельвихъ (см. выше), окончившая курсъ на С.-Петербургскихъ высшихъ женскихъ курсахъ, имѣющая званіе учителя гимназін, Вѣра Викторовна Пѣтухова; по французскому языку: Андрей Александровичъ Лярондъ (лекторъ французскаго языка въ С.-Петербургскомъ Университетѣ); по нѣмецкому языку: жена баварскаго подданнаго Наталія Петровна Шваабъ. Хоровое пѣніе: хормейстеръ Императорской русской оперы Г. А. Казаченко.

Профессора и преподаватели физико-математическаго отдѣленія: руководитель учебною частью отдѣленія (деканъ), профессоръ астрономіи, докторъ Александръ Маркелловичъ Ждановъ. По чистой математикѣ: дѣйствительный статскій совѣтникъ Николай Ивановичъ Вилибинъ, магистръ Иванъ Ивановичъ Ивановъ, магистръ Борисъ Михайловичъ Кояловичъ, докторъ Константинъ Александровичъ Поссе, докторъ Дмитрій Ѳеодоровичъ Селивановъ, окончившая курсъ на С.-Петербургскихъ высшихъ женскихъ курсахъ Вѣра Іосифовна Шиффъ. По физикѣ: докторъ Орестъ Давидовичъ Хвольсонъ, магистръ Сергѣй Яковлевичъ Терешинъ, окончившая курсъ на С.-Петербургскихъ высшихъ женскихъ курсахъ Анна Елисеевна Сердобинская. По астрономіи: ординарный академикъ, докторъ Оскаръ Андреевичъ Баклундъ,

докторъ А. М. Ждановъ (см. выше). По механикѣ: магистръ Иванъ Всеволодовичъ Мещерскій. По химіи: органической—докторъ Гавріиль Гавріиловичъ Густавсонъ, неорганической и физической—докторъ Александръ Александровичъ Яковкинъ; по физической химіи—ординарный академикъ, докторъ Николай Николаевичъ Бекетовъ; по аналитической химіи—магистрантъ Иванъ Васильевичъ Богомолецъ. По ботаникѣ—докторъ Сергій Ивановичъ Коржинскій. По зоологіи—докторъ Викторъ Андреевичъ Фаусекъ. По физической географіи—горный инженеръ Иванъ Васильевичъ Мушкетовъ. По кристаллографіи и минералогіи—докторъ Сергій Федоровичъ Глинка.

Ассистенты. Окончившіи курсъ наукъ въ Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ по физико-математическому факультету Владиміръ Федоровичъ Миткевичъ (при кафедрѣ физики). Окончившая курсъ наукъ на С.-Петербургскихъ высшихъ женскихъ курсахъ по физико-математическому отдѣленію Александра Дмитріевна Львова (при кафедрѣ неорганической химіи). Окончившая курсъ на С.-Петербургскихъ высшихъ женскихъ курсахъ Ядвига Градіановна Эфлеца (при кафедрѣ зоологіи—временно исправляющая должность).

Руководители практическихъ занятій. По химіи: магистрантъ И. В. Богомолецъ (онъ же преподаватель химіи). По физикѣ: окончившія курсъ на С.-Петербургскихъ высшихъ женскихъ курсахъ: Алла Карловна Диксонъ, Александра Георгіевна Емельянова, Анна Елисеевна Сердобинская (она же преподавательница физики). По логикѣ и психологіи: окончившая курсъ на С.-Петербургскихъ высшихъ женскихъ курсахъ Екатерина Ивановна Максимова (она же преподавательница по кафедрѣ философіи). По математикѣ: окончившая курсъ на С.-Петербургскихъ высшихъ женскихъ курсахъ Вѣра Юсифовна Шиффъ (она же преподавательница по кафедрѣ чистой математики). По ботаникѣ: окончившая курсъ на С.-Петербургскихъ высшихъ женскихъ курсахъ Анна Федоровна Петрушевская.

Попечительный совѣтъ. Предсѣдатель: директоръ курсовъ. Члены: инспектриса курсовъ; руководители учебно-части курсовъ; тайный совѣтникъ Константинъ Васильевичъ Кедровъ; дѣйствительный статскій совѣтникъ Яковъ Георгіевичъ Моръ; тайный совѣтникъ Андрей Сергѣевичъ Фаминцынъ; статскій совѣтникъ Михаилъ Степановичъ Воронинъ; вдова тайнаго совѣтника Варвара Павловна Тарновская.

Библіотека. Библіотекаръ: окончившая курсъ на С.-Петербургскихъ высшихъ женскихъ курсахъ Екатерина Вячеславовна Балобанова; помощницы библіотекаря: окончившія курсъ на С.-Петербур-

скихъ высшихъ женскихъ курсахъ: Марія Михайловна Замяткина и Лидія Ивановна Воронова.

Инспекція. Инспектриса: вдова дѣйствительнаго статскаго совѣтника Софія Александровна Москалева; помощницы инспектрисы: вдова капитанъ-лейтенанта Аѳанасія Михайловна Платонова; окончившая курсъ на С.-Петербургскихъ педагогическихъ курсахъ Марія Семеновна Михельсонъ; окончившія курсъ на С.-Петербургскихъ высшихъ женскихъ курсахъ Юлія Николаевна Воццинина и Марія Николаевна Ефремова.

Канцелярія. Письмоводитель: личный почетный гражданинъ Сергѣй Алексѣевичъ Щеголевъ; помощницы письмоводителя: окончившая курсъ на С.-Петербургскихъ высшихъ женскихъ курсахъ Анастасія Флеготовна Соколова и вдова инженеръ-технолога Вѣра Николаевна Бернадская.

Женщины врачи: Ольга Юрьевна Каминская; Агнія Ивановна Сырку.

Итого на курсахъ состоятъ: директоръ 1, инспектриса 1, помощницъ инспектрисы 4, профессоръ богословія 1, профессоровъ и преподавателей 43, ассистентовъ 3, руководителей практическихъ занятій 7 (4 изъ нихъ въ то же время и преподаватели), преподаватель пѣнія 1, бібліотекарей 3 и при канцеляріи 3 лица.

Составъ слушательницъ и вольнослушательницъ.

Въ 1899—1900 учебномъ году на курсахъ обучалось 883 человекъ: 861 слушательница и 22 вольнослушательницы: 612 слушательницъ и 20 вольнослушательницъ на историко-филологическомъ отдѣленіи, 249 слушательницъ и 2 вольнослушательницы на физико-математическомъ отдѣленіи; изъ этого числа 88 человекъ выбыли до окончанія курса и окончили полный курсъ 124 слушательницы. Такимъ образомъ въ концѣ учебнаго года на курсахъ числилось 671 человекъ.

Въ августѣ 1900 года былъ произведенъ пріемъ новыхъ слушательницъ. Всего было подано 596 прошеній окончившими курсъ въ женскихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ всѣхъ учебныхъ округовъ Россіи. Принято вновь, съ разрѣшенія господина министра народнаго просвѣщенія и господина попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа, 299 человекъ: 182 слушательницы и 7 вольнослушательницъ на историко-филологическое отдѣленіе, 105 слушательницъ и 5 вольнослушательницъ на физико-математическое отдѣленіе; кромѣ того приняты 23 бывшія слушательницы здѣшнихъ курсовъ; всего принято

322 человекъ; отказано въ пріемъ 297. Въ настоящее время на курсахъ обучается 993 человекъ.

На историко-филологическомъ отдѣленіи:

I курсъ	203	слушательницы	7	вольнослушательницъ	=	210
II "	223	"	6	"	=	229
III "	134	"	8	"	=	142
IV "	93	"	4	"	=	97
	653	"	25	"	=	678

На физико-математическомъ отдѣленіи:

I курсъ (общій) 134 слушательницы 4 вольнослушательницы = 138

По математическому разряду:

II курсъ	36	слушательницъ	—	"	=	36
III "	25	"	—	"	=	25
IV "	15	"	1	вольнослушательница	=	16
	76	"	1	"	=	77

По химическому разряду:

II курсъ 67 слушательницъ

III "	25	"
IV "	8	"
	100	"

Всего на физико-математическомъ отдѣленіи 310 слушательницъ, 5 вольнослушательницъ.

На историко-филологическомъ и физико-математическомъ отдѣленіяхъ вмѣстѣ:

I курсъ	337	слушательницъ	11	вольнослушательницъ	=	348
II "	326	"	6	"	=	332
III "	184	"	8	"	=	192
IV "	116	"	5	"	=	121
	963	"	30	"	=	993

Распределение состава слушательниц и вольнослушательниц.

По сословіямъ: женъ и дочерей дворянъ, гражданскихъ и военныхъ чиновниковъ 600; духовнаго сословія 46; городскихъ сословія 182; крестьянокъ 28; женъ студентовъ высшихъ учебныхъ заведеній 15; дочерей и женъ лицъ, имѣющихъ ученые степени, 34; почетныхъ гражданокъ 47; дочерей разночинцевъ 9; дочерей нижнихъ военныхъ чиновъ 5; финляндскихъ уроженокъ 4; французскихъ подданныхъ 2; германскихъ подданныхъ 1; болгарскихъ подданныхъ 13; американскихъ подданныхъ 2; австрійскихъ подданныхъ 2; великобританскихъ подданныхъ 1; прусскихъ подданныхъ 2.

По семейному положенію: дѣвицъ 955; замужнихъ 38.

По вѣроисповѣданіямъ: православнаго 898; евангелическо-лютеранскаго 32; римско-католическаго 19; реформатскаго 4; англиканскаго 2; армяно-григоріанскаго 7; караимскаго 1; евреекъ 30.

По образованію: окончившихъ курсъ: на высшихъ женскихъ курсахъ 2; на педагогическихъ курсахъ 5; въ женскихъ гимназіяхъ 835; въ институтахъ 91; въ учебныхъ заведеніяхъ съ правами женскихъ гимназій 33; въ епархіальныхъ училищахъ 20; домашнихъ учительницъ 6; не окончившихъ гимназическаго курса 1.

Окончили курсъ въ этихъ учебныхъ заведеніяхъ съ наградами 594: съ шифрами 11; съ золотыми медалями 268; съ серебрянными медалями 178; съ книгами 132; съ золотымъ браслетомъ 3; съ похвальными листами 2.

По возрасту: 15 лѣтъ 1, 16—18; 17—60; 18—97; 19—146; 20—155; 21—154; 22—110; 23—81; 24—61; 25—36; 26—21; 27—18; 28—14; 29—7; 30—8; 31—1; 32—3; 33—2.

Краткое обзоріе учебной дѣятельности курсовъ за 1899 — 1900 академическій годъ.

Учебныя занятія на курсахъ начались 1-го сентября 1899 г. и продолжались до 21-го марта 1900 г. На историко-филологическомъ отдѣленіи въ осеннемъ полугодіи читалось въ недѣлю 89 лекцій (на I к.—32, на II—20, на III—20, на IV—17) и 13 часовъ практическихъ занятій; въ весеннемъ полугодіи—91 лекція (на I к.—33, на II—21, на III—20, на IV—17) и 15 часовъ практическихъ занятій;

на физико-математическомъ отдѣленіи въ осеннемъ полугодіи читалось 102 лекціи (на I к.—30, на II—26, на III—26, IV—20) и 20 часовъ практическихъ занятій; въ весеннемъ полугодіи — 101 лекція (на I к.—30, на II—24, на III—26, на IV—21) и 22 часа практическихъ занятій; всего въ недѣлю на обоихъ отдѣленіяхъ 191 лекція и 83 часа практическихъ занятій въ осеннемъ полугодіи, 192 лекціи и 37 часовъ практическихъ занятій въ весеннемъ полугодіи; въ этотъ счетъ не вошли добавочныя практическія занятія, происходившія по особому соглашенію профессоровъ со слушательницами.

Съ 21-го марта по 16-го мая и съ 24-го августа по 8-е сентября производились переводныя и выпускныя экзамены по предметамъ обоихъ отдѣленій въ комиссіяхъ, состоящихъ изъ преподавателей предметовъ и ассистентовъ изъ состава совѣта профессоровъ, подъ предсѣдательствомъ директора курсовъ или руководителя учебною частью отдѣленія.

Практическія занятія въ отчетномъ году, какъ и въ предыдущіе годы, велись подъ руководствомъ профессоровъ и преподавателей курсовъ, а также ассистентовъ и лаборантовъ, по предметамъ обоихъ отдѣленій; они имѣли цѣлю: во 1-хъ способствовать надлежащему усвоенію слушательницами преподаваемыхъ курсовъ, во 2-хъ приучать ихъ къ самостоятельной разработкѣ научныхъ вопросовъ.

Въ отчетномъ году мы можемъ отиѣтити слѣдующія практическія занятія.

На историко-филологическомъ отдѣленіи. По философіи—на двухъ младшихъ курсахъ происходили практическія занятія по логикѣ, которыя велись Е. И. Максимовой по плану и подъ наблюдениемъ профессора А. И. Введенскаго. Занятія эти состояли въ систематическомъ анализѣ различныхъ логическихъ процессовъ, пройденныхъ на лекціяхъ, причемъ матеріаломъ служили составленные специально для этой цѣли образцы.

Независимо отъ этихъ упражненій велись еще добавочныя занятія по психологич для тѣхъ слушательницъ II и III курса, которыя желали углубить свои знанія по этому предмету, приобретенныя въ прошломъ году; ими составлялись и обсуждались подъ руководствомъ Е. И. Максимовой рефераты на темы, избранныя ими самими и одобренныя профессоромъ А. И. Введенскимъ, а именно: 1) теорія чувствованій по ученію Вундта, 2) критика Вундтомъ теорія чувствованій Джемса-Лавге, 3) о мускульной усталости, 4) явленіе ложной памяти, 5) ученіе

о вышенин, 6) воля по учению Джемса и Спенсера, 7) методъ индивидуальной психологін, 8) методъ изслѣдованій сновидѣній.

На старшихъ же двухъ курсахъ писались сочиненія на три предложенныя профессоромъ А. И. Введенскимъ темы, относящіяся къ новой философіи, именно: 1) психологія умозаключеній по Бине и Спенсеру, 2) критическій анализъ этики Милля, 3) сравнительный анализъ Канта и Шопенгауера.

Желающихъ же писать на три темы, предложенныя по древней философіи, не нашлось, вѣроятно, оттого, что слушательницы только впервые ознакомились съ нею въ прошломъ году.

По русской исторіи въ 1899—1900 уч. году практическія занятія подъ руководствомъ профессора С. Ф. Платонова шли обычнымъ издавна существующимъ порядкомъ. Слушательницы II, III и IV курсовъ избирали по указанію или съ одобренія профессора извѣстныя темы для изученія и составляли кружки для совѣстной разработки избраннаго вопроса. Общая тема расчленялась на частныя вопросы; по каждому изъ нихъ составлялся рефератъ, читаемый въ аудиторіи въ присутствіи профессора; автору реферата предьявлялись возраженія и вопросы со стороны другихъ слушательницъ, изучавшихъ данную тему или заинтересовавшихся ею. Въ отчетномъ году работы велись по изученію двухъ темъ: 1) Административныя и финансовыя реформы Петра Великаго, и 2) Условія возникновенія церковнаго раскола при патріархѣ Никонѣ и послѣдующихъ патріархахъ.

Было представлено и разобрано 11 рефератовъ; всѣ рефераты могутъ быть названы весьма удовлетворительными въ томъ смыслѣ, что представляли собою попытки самостоятельнаго учено-критическаго труда, веденнаго сознательно и съ большимъ одушевленіемъ.

По русской исторіи на второмъ курсѣ, подъ руководствомъ профессора С. М. Середонина, слушательницами были прочитаны слѣдующіе рефераты: 1) Постепенное развитіе московскаго самодержавія, 2) Мѣстничество, 3) Служилое землевладѣніе, 4) Ливонская война. 5) Опричнина, 6) Характеристика Курбскаго, 7) Характеристика Іоанна Грознаго, 8) Крестьяне XVI вѣка, 9) Отношеніе русскаго общества къ Смутѣ и Борису Годуну.

По римской исторіи подъ руководствомъ профессора М. И. Ростовцева велись практическія занятія со слушательницами всѣхъ курсовъ. Были предложены двѣ серіи темъ: одна въ области исторіи образованія крупныхъ состояній въ послѣдній вѣкъ республики и

первые два вѣка имперіи, другая въ области исторіи римской религіи. При этомъ, кромѣ одной основной темы по каждому отдѣлу, давались еще дополнительные темы въ той же области, предоставлявшія слушательницамъ возможность детально разработать какой-нибудь вопросъ на основаніи знакомства не только съ пособиями, но и съ первоисточниками (къ сожалѣнію, по большей части въ переводахъ). Въ теченіи года были разобраны отдѣльными слушательницами слѣдующія темы: I. Римская *pobilitas* и управленіе провинціями въ послѣдній вѣкъ республики. II. Публиканы и всадническое сословіе въ послѣдній вѣкъ республики; дополнительные: а) Исторія государственнаго откупа въ первые три вѣка имперіи; б) Верресъ, какъ типъ римскаго провинціального намѣстника. III. Образованіе крупныхъ помѣстій въ первые вѣка имперіи; дополнительные: а) Аттакъ, какъ представитель крупной собственности въ послѣдній вѣкъ республики; б) Гораций, какъ представитель средней собственности въ I вѣкѣ имперіи. IV. Управленіе крупными помѣстьями въ первые вѣка имперіи; дополнительная: Плиній Младшій, какъ представитель крупной собственности въ II вѣкѣ имперіи.

По латинской словесности у пр. И. И. Холодника, кромѣ обязательныхъ занятій согласно дѣйствующей программы, происходили занятія съ оставленными при курсахъ по его предмету слушательницами, состоявшія изъ упражненій по стилистикѣ языка и въ чтеніи авторовъ, не входящихъ въ кругъ обычнаго преподаванія. Сверхъ того, для ознакомленія своей аудиторіи съ обстановкой древняго римлянина, означеннымъ преподавателемъ было предложено чтеніе „о памятникахъ древняго Рима“, иллюстрированное соответственными картинками при помощи проэкціоннаго фонаря.

По латинскому языку занятія слушательницъ III курса историко-филологическаго отдѣленія, происходившія подъ руководствомъ профессора Н. К. Гельвихъ, состояли въ первомъ полугодіи въ чтеніи и разборѣ пятой части второй рѣчи Цицерона противъ Верреса, изъ которой прочитаны были §§ 1—4, 43, 44, 63, 64, 80—117; во второмъ полугодіи читалась IV книга Энеиды Виргилія, изъ которой прочитано 237 стиховъ.

По исторіи всеобщей литературы—на темы, предложенныя профессоромъ О. Д. Батюшковымъ, представлены были слушательницами III и IV курсовъ нижеслѣдующіе рефераты, часть которыхъ заслушана въ аудиторіи и подверглась обсужденію другихъ

слушательницъ: 1) Отношеніе русской критики къ французскому классицизму въ концѣ прошлаго и въ первой половинѣ XIX вѣка (отъ Сумарокова до Бѣлинскаго включительно). 2) Корнель—теоретикъ и Корнель—художникъ. Христіанская драма въ XVII вѣкѣ. Разборъ „Полювкта“ Корнеля. 3) Очеркъ жизни Мольера и оцѣнка историко-литературнаго значенія трехъ шедевровъ его театра: „Тартюфъ“, „Донъ-Жуанъ“ и „Мизантропъ“. 4) Сатира семейныхъ и сословныхъ отношеній въ комедіяхъ Мольера („Школа женъ“, „Школа мужей“, „Мѣщанинъ во дворянствѣ“ и др.). 5) Сравнительная характеристика Лафонтена и Крылова. 6) Разборъ эстетическихъ воззрѣній Гюбо, сравнительно съ ученіемъ Канта о прекрасномъ и возвышенномъ.

По исторіи русской литературы происходила практическія занятія слушательницъ подъ руководствомъ профессора И. А. Шляпкина. На III курсѣ занятія сводились къ палеографическому ознакомленію съ древней русской письменностью: слушательницы читали грамоты, сборники, опредѣляли время написанія и т. д., кромѣ того читался и комментировался текстъ „Слова о полку Игоревѣ“; одна изъ слушательницъ прочла рефератъ о Юрѣ Крижаничѣ. На IV курсѣ происходило ознакомленіе слушательницъ съ направленіями русской критики, насколько они отразились въ разборахъ литературной дѣятельности Достоевскаго вообще и „Братьевъ Карамазовыхъ“ въ частности. При сопоставленіи различныхъ взглядовъ критиковъ ясно обрисовывались партійныя увлеченія и вырабатывалась болѣе или менѣе правильная научная оцѣнка произведеній Достоевскаго; одна изъ слушательницъ прочла рефератъ: „Императрица Екатерина въ перепискѣ съ Гриммомъ“.

Подъ руководствомъ директора курсовъ и профессора И. А. Шляпкина состоялась въ маѣ поѣздка слушательницъ въ Новгородъ съ научною цѣлью. Слушательницы пробыли въ Новгородѣ два дня. Въ первый день ими была осмотрѣны историческія окрестности города: Юрьевъ монастырь, гдѣ слушательницы были допущены въ его богатую ризницу, и затѣмъ древняя церковь XII вѣка—Спаса Передницы, гдѣ профессоромъ было обращено вниманіе слушательницъ на тѣсную связь ея иконописи съ литературой.

Слѣдующій день былъ посвященъ осмотру стараго Софійскаго собора, Знаменскаго собора и городского историческаго музея.

Нельзя не отиѣтить съ благодарностью того радушнаго приѣма, который былъ оказанъ слушательницамъ начальникомъ губерніи и его супругой—графомъ и графиней Медемъ, а также и любезности дирек-

тора классической гимназіи А. О. Колоколова, предоставившаго въ распоряженіе слушательницъ помѣщеніе гимназіи. При этомъ съ глубокой признательностью замѣтимъ, что министерство путей сообщенія бесплатно предоставило въ распоряженіе экскурсантокъ пароходъ для проѣзда по рѣкѣ Волхову до Новгорода и обратно.

По славяновѣдѣнію, кромѣ обязательныхъ лекцій по исторіи сербовъ, болгаръ, поляковъ и чеховъ, были прочтены профессоромъ А. Л. Петровымъ: на I курсѣ обзоръ современнаго состоянія славянства, преимущественно въ Австро-Венгрии, и на II курсѣ очерки славянскаго возрожденія въ XIX вѣкѣ. На III и IV курсахъ велись практическія занятія по сербскому языку, состоявшія въ переводѣ и разборѣ произведеній сербскаго народнаго эпоса.

Окончившія курсы А. Н. и К. Н. Пановы перевели съ польскаго: „Очеркъ новѣйшей литературы польской“, Хмилевскаго, представляющій живое и отчетливое изображеніе теченій польской мысли и литературы послѣ 1864 года.

По русскому и церковно-славянскому языкамъ практическія занятія слушательницъ II курса подъ руководствомъ профессора С. К. Булича состояли въ чтеніи и разборѣ церковно-славянскихъ и древнерусскихъ текстовъ.

На физико-математическомъ отдѣленіи. По математикѣ практическія занятія велись подъ руководствомъ В. І. Шиффъ; на I курсѣ—(по введенію въ анализъ, геометріи и тригонометріи)—они занимали 4 часа въ недѣлю; на II курсѣ—(по аналитической геометріи, дифференціальному и интегральному исчисленіямъ)—первое полугодіе 3 часа и второе 4 часа въ недѣлю; на III курсѣ—(по интегрированію дифференціальныхъ уравненій и приложеніямъ анализа къ геометріи)—второе полугодіе 2 часа въ недѣлю.

Кромѣ того нѣкоторыми слушательницами II курса были прочтаны рефераты на слѣдующія темы: 1) Махима и мѣрима функций отъ одной переменнѣй. 2) О сходимости рядовъ. 3) Объ иррациональныхъ числахъ. 4) Рѣшеніе нѣкоторыхъ геометрическихъ: вопросовъ методомъ безконечно малыхъ.

По механикѣ—практическія занятія подъ руководствомъ профессора И. В. Мещерскаго состояли въ рѣшеніи задачъ, относящихся къ различнымъ отдѣламъ читаемаго курса.

По астрономіи. Слушательницы занимались на обсерваторіи курсовъ наблюденіями пассажнымъ инструментомъ (опредѣленіемъ времени въ меридіанѣ и опредѣленіемъ широты въ первомъ вертикалѣ).

Въ руководствѣ этими наблюденіями профессору А. М. Жданову помогали бывшія слушательницы курсовъ: С. М. Домбровская и В. С. Стахевичъ.

Въ концѣ апрѣля 1900 года былъ установленъ на обсерваторіи принадлежачій курсамъ универсальный инструментъ Бамберга съ микроскопами, которыми С. М. Домбровская произвела рядъ наблюденій въ маѣ и іюнѣ мѣсяцахъ.

Въ отчетномъ году устроенъ „астрономическій кабинетъ“; это небольшая комната, въ которой собраны всевозможныя таблицы и гдѣ слушательницы занимаются астрономическими вычисленіями въ свободное отъ лекцій время. Главная цѣль этихъ вычисленій—пояснить излагаемый на лекціяхъ курсъ численными примѣрами. Одна изъ слушательницъ IV курса предвычислила покрытие звѣздъ луною для С.-Петербурга на цѣлый 1901 годъ.

Бывшія слушательницы: С. М. Домбровская и В. С. Стахевичъ, которыми совѣтомъ профессоровъ разрѣшено продолжать занятія на курсахъ, занимались не только наблюденіями, но и вычисленіями орбитъ кометъ изъ цѣлага ряда наблюденій, а также и вычисленіями возмущеній кометы Галлея.

В. С. Стахевичъ провела нѣкоторое время въ Пулковѣ, гдѣ принимала участіе въ вычисленіяхъ обсерваторіи.

По физикѣ. Занятіями слушательницъ въ физической лабораторіи руководила А. Е. Сердобинская; ея помощницей состояла А. К. Диксонъ. Въ отчетномъ году въ лабораторіи работали и представили результаты своихъ работъ шестьдесятъ двѣ слушательницы; изъ нихъ Катаринская, имѣвшая въ виду сдѣлаться преподавательницей физики, занималась специально постановкой опытовъ по элементарной физикѣ. Оставленная при курсахъ А. Г. Емельянова помогала А. Е. Сердобинской въ ея занятіяхъ съ первымъ курсомъ и, кромѣ того, совмѣстно съ нею же опредѣлила теплоемкость платиновой и золотой проволоки по методу, предложенному профессоромъ С. Я. Терешинимъ,—отчетъ объ этой работѣ будетъ напечатанъ въ журналѣ Русскаго Физико-Химическаго Общества. Далѣе А. Г. Емельянова, а также оставленная при курсахъ В. А. Кашериннинова упражнялась подъ руководствомъ В. Θ. Миткевича въ постановкѣ лекціонныхъ опытовъ.

В. А. Кашериннинова совмѣстно съ В. Θ. Миткевичемъ выработали практической способъ зарядки аккумуляторовъ отъ цѣпи переменнаго

тока и занимались изслѣдованіемъ явленій, происходящихъ около алюминіеваго электрода при большой плотности тока.

По желанію слушательницъ были устроены рефератныя собранія по физикѣ; всѣхъ собраній было шесть, и на нихъ было прочитано восемь рефератовъ.

По физической географіи. Среди учебнаго года слушательницы подъ руководствомъ профессора И. В. Мушкетова посѣтили музей Горнаго Института Императрицы Екатерины II, гдѣ познакомились съ богатымъ минеральнымъ собраніемъ, съ разнообразными машинами и моделями рудниковъ; кромѣ того осмотрѣли образцовый рудникъ, гдѣ наглядно ознакомились съ формами залеганія различныхъ рудныхъ и каменноугольныхъ мѣсторожденій, а также съ техническими особенностями рудничнаго дѣла.

По зоологіи. Практическія занятія со слушательницами III курса велись, за отъѣздомъ ассистента лабораторіи П. Ю. Шиндта на Дальній Востокъ, подъ руководствомъ временно замѣнявшаго его ассистента при кафедрѣ зоологін въ Военно-Медицинской Академіи П. А. Беркоса и состояли, согласно выработанной программѣ, во вскрытіи и въ демонстраціи различныхъ препаратовъ по главнѣйшимъ группамъ животнаго царства.

Кромѣ этихъ занятій, преслѣдующихъ морфологическія цѣли, а именно, ознакомленіе съ строеніемъ главнѣйшихъ типовъ животныхъ, въ истекшемъ году введены были также практическія занятія по систематической зоологін, именно по энтомологіи. Занятія эти только для желающихъ, какъ обязательныя, велись подъ руководствомъ П. Я. Кузнецова (во второмъ полугодіи разъ въ недѣлю по два часа); въ нихъ принимали участіе около 10 слушательницъ II и III курсовъ; на первое время занятія встрѣчали затрудненіе въ недостаткѣ матеріала и могли состоять лишь въ опредѣленіи обыкновеннѣйшихъ видовъ бабочекъ и жуковъ по опредѣлителю Шлегендала и Вюшера и въ демонстраціяхъ наиболѣе выдающихся представителей этихъ видовъ.

Спеціальныя практическія курсы зоологін проходили въ лабораторіи, подъ руководствомъ профессора В. А. Фаусека, двѣ слушательницы: одна II и другая III курса. Окончившая курсы и оставленная, для окончанія начатой ею работы, на одинъ годъ Я. Г. Зѣлецкая принимала участіе въ изслѣдованіяхъ профессора Фаусека надъ паразитизмомъ личинокъ *Anodonta* въ кожѣ рыбъ. Лѣтомъ 1900 г. Я. Г. Зѣлецкая была командирована Петербургскимъ Обществомъ Естество-

испытателей съ научною цѣлью на Севастопольскую біологическую станцію Академіи Наукъ, съ субсидіей отъ общества; она провела въ Севастополѣ около трехъ мѣсяцевъ, занимаясь ознакомленіемъ съ морской фауной, анатоміей морскихъ животныхъ и собираніемъ матеріала по постъ-эмбриональному развитію моллюсковъ *Lamellibranchiata*.

По ботаникѣ. Въ ботаническомъ кабинетѣ занимались слушательницы II курса по систематикѣ растений: въ осеннемъ полугодіи происходили занятія по систематикѣ низшихъ: водорослей, грибовъ и сосудистыхъ тайнобрачныхъ; весеннее же полугодіе было посвящено систематикѣ цвѣтковыхъ растений.

Кромѣ слушательницъ физико-математическаго отдѣленія, въ практическихъ занятіяхъ принимала участіе 16 слушательницъ историко-филологическаго отдѣленія, вслѣдствіе чего занимающихся пришлось раздѣлять на двѣ группы.

По физической химіи. Слушательница IV курса химическаго отдѣленія Н. Рихтеръ, подъ руководствомъ профессора А. А. Яковкина, изслѣдовала скорость гидраціи уксуснаго ангидрида; результаты изслѣдованія сообщены въ запискѣ отдѣленія химіи Русскаго Физико-Химическаго Общества и напечатаны въ протоколахъ его.

По аналитической химіи практическія занятія слушательницъ происходили въ химической лабораторіи подъ руководствомъ профессора И. В. Богомольца: слушательницы II курса изучали качественный анализъ, а слушательницы III курса оканчивали качественный анализъ и знакомилась съ главнѣйшими методами количественнаго анализа.

По агрономическому анализу и по органической химіи слушательницы IV курса работали въ химической лабораторіи подъ руководствомъ профессора Г. Г. Густавсона и при участіи руководительницы практическими работами по химіи А. Цейдлеръ. Нѣкоторыя изъ слушательницъ, по окончаніи обычныхъ занятій, продолжали работать надъ вопросами болѣе спеціальнаго характера; такъ одна изъ нихъ занималась проверкою новыхъ видоизмѣненій способа опредѣленія азота по Квельдалю, а другая работала надъ вновь предложеннымъ приемомъ опредѣленія минеральныхъ составныхъ частей въ растеніяхъ. По органической химіи работали: Л. Пескова, Л. Кауфманъ, Н. Петрушевская и А. Цейдлеръ. Работы Л. Кауфманъ (о вліяніи бромистоводородной кислоты на скорость бромированія бензола), а также Н. Петрушевской и А. Цейдлеръ (о дѣйствиіи брома

на бромистый проиалъ) вошли въ составъ опубликованной уже статьи Г. Густавсона: „Объ ускорителяхъ реакціи брома на триметилеиъ“.

По кристаллографіи, кристаллофизикѣ и кристаллохиміи лекціи читались на II курсѣ, по описательной минералогіи на III курсѣ физико-математическаго отдѣленія; практическія занятія проиходили подъ руководствомъ профессора С. Ѳ. Глинки въ минералогическомъ кабинетѣ ежедневно по вечерамъ, кромѣ субботы и праздничныхъ дней.

Сверхъ обычныхъ занятій, параллельныхъ читаемымъ лекціямъ, впервые введены были занятія по опредѣленію минераловъ преимущественно по ихъ внѣшнимъ признакамъ, — такія опредѣленія заинтересовали слушательницъ и оказались весьма полезными при изученіи описательной минералогіи, такъ какъ, помимо изученія внѣшнихъ признаковъ минераловъ, слушательницы имѣли возможность познакомиться при этомъ съ методами ихъ изслѣдованія.

Результаты испытаній за 1899—1900 учебный годъ.

ОТДѢЛЕНІИ И КУРСЫ.	Общее число учащихся въ концѣ учеб- наго года.		Переведено на слѣдую- щіе курсы.		Окончившихъ курсъ.	Переведено на другіе отдѣленіе.	Осталено на 2-й годъ на томъ же курсѣ.	Осталено на 3-й годъ на томъ же курсѣ.	Переведено въ число вольнслушательницъ.	Выбыло во время экзаменовъ.			
	Слушательницъ.	Вольнослу- тельницъ.	Слушательницъ.	Вольнослу- тельницъ.						Слушательницъ.		Слушательницъ.	Вольнослу- тельницъ.
										Слушательницъ.	Вольнослу- тельницъ.		
<i>Историко-филологическое отдѣленіе.</i>													
Курсъ I	255	5	212	5	—	4	9	—	1	29	—		
" II	149	9	129	7	—	—	10	3	1	6	2		
" III	108	5	93	4	—	—	5	1	—	4	1		
" IV	105	1	—	—	101	—	2	—	—	2	1		
[о историко-филологическому отдѣленію .													
	612	20	431	16	101	4	26	4	2	41	4		
<i>Физико-математическое отдѣленіе.</i>													
Курсъ I (общій)	143	—	103	—	—	2	22	—	—	16	—		
<i>А) Математическій разрядъ.</i>													
Курсъ II.	24	1	21	—	—	—	1	—	—	2	1		
" III.	16	—	12	—	—	—	3	—	—	1	—		
" IV.	10	1	—	—	7	—	2	—	—	1	1		
[о математическому раз- ряду .													
	50	2	33	—	7	—	6	—	—	4	2		
<i>Б) Химическій разрядъ.</i>													
Курсъ II.	26	—	22	—	—	—	—	1	—	3	—		
" III.	12	—	8	—	—	—	4	—	—	—	—		
" IV	18	—	—	—	16	—	—	—	—	2	—		
[о химическому раз- ряду .													
	56	—	30	—	16	—	4	1	—	5	—		
[о физико-математиче- скому отдѣленію .													
	249	2	166	—	23	3	32	1	—	25	2		
[о обоихъ отдѣленіяхъ.													
	861	22	600	16	124	6	58	5	2	66	6		

О занятіяхъ окончившихъ курсъ въ 1900 году.

Продолжаютъ свои научныя и учебныя занятія—26: оставлены при курсахъ—5. вновь поступили на курсы—3 (2 на другія отдѣленія и 1 вольнослушательницей для окончанія научной работы), поступили въ Медицинскій институтъ—15, въ заграничныя университеты—2, обучается въ рисовальной школѣ—1.

Педагогическою дѣятельностью занимаются—29: поступили учителями: въ женскія гимназіи—8, въ училище Св. Нины—1, въ прогимназіи—4, въ городское четырехклассное училище—1, въ профессиональную школу—2, въ музыкальное училище—1, въ пансіонъ въ Палестинѣ—1, въ начальное сельское училище—1; 1 состоитъ помощницей инспектрисы въ Медицинскомъ институтѣ, 1 содержитъ частный пансіонъ, 8 занимаются частными уроками.

Далѣе: 1 завѣдуетъ частной метеорологической обсерваторіей въ Подольской губерніи, 2 поступили въ лабораторіи на казенные заводы, 1 поступила въ частную биологическую лабораторію, 1 занимается литературной работой, 1 служитъ въ правленіи желѣзной дороги, 1 въ библиотекѣ курсовъ, 20 живутъ при родителяхъ; объ остальныхъ 42 слушательницахъ свѣдѣній не имѣется.

Учебно-вспомогательныя учрежденія.

Библиотека.

Къ началу отчетнаго года въ библиотекѣ состояло 10,502 названія въ 22,184 т. и 1,900 брошюрахъ. Но эти числа далеко не соответствовали дѣйствительному состоянію библиотеки, такъ какъ вслѣдствіе крайней тѣсноты помѣщенія невозможно было приступить къ разбору и постановкѣ пожертвованныхъ библиотекъ: покойнаго профессора М. Д. Львова, А. Д. Дмитриева, чтеній Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ и другихъ пожертвованныхъ книгъ, изданій и журналовъ.

Въ отчетномъ году приобрѣтено согласно постановленію совѣта профессоровъ:

по историко-филологическому отдѣленію .	57 названій	въ 121 т.
„ физико-математическому	„ 110	„ „ 177 .

Всего . . 167 названій въ 298 т.

Въ отчетномъ году книгами пользовались 736 слушательницъ и ими было взято 4.403 тома.

По отдѣламъ взятая книга распредѣлялись слѣдующимъ образомъ:

Было взято сочиненій.	На русск. языкѣ.	На иностр. языкѣ.	Всего.
По Богословію	20	—	20
„ Философіи, логикѣ, психологій .	538	111	649
„ Всеобщей исторіи	1.062	224	1.286
„ Беллетрастикѣ.	423	158	581
„ Русскіе и европейскіе классики	853	49	402
„ Исторіи всеобщей литературы .	165	60	225
„ Исторіи русской литературы.	140	—	140
„ Общественнымъ наукамъ	108	7	115
„ Исторіи искусства	20	3	23
„ Филологій и лингвистикѣ	49	21	70
„ Математикѣ и астрономіи	206	72	278
„ Физикѣ .	130	65	195
„ Біологическимъ наукамъ	204	36	240
„ Химіи.	113	32	145
„ Геологій	29	5	34
Итого	3.560 т.	843 т.	4.403 т.

Совѣтъ профессоровъ и преподавателей. Въ отчетномъ году совѣтъ имѣлъ 13 засѣданій: 4 общихъ, 4—историко-филологическаго отдѣленія и 5—физико-математическаго.

На этихъ засѣданіяхъ, кромѣ текущихъ дѣлъ каковы: расписаніе весеннихъ и осеннихъ экзаменовъ, пополненіе бібліотеки, приобретеніе нѣкоторыхъ приборовъ и коллекцій для лабораторій и кабинетовъ, составленіе сметы расходовъ по историко-филологическому и физико-математическому отдѣленіямъ, назначеніе пособій слушательницамъ изъ профессорскаго капитала, разборъ прошеній слушательницъ относительно экзаменовъ, оставленія на томъ же курсѣ, перевода изъ слушательницъ въ вольнослушательницы и обратно, а также съ одного отдѣленія на другое, совѣтъ занимался разсмотрѣніемъ вопросовъ, имѣющихъ болѣе важное значеніе для дѣятельности курсовъ.

Здѣсь на первомъ мѣстѣ долженъ быть поставленъ проектъ новой организаціи учебной части; въ этомъ проектѣ, вызванномъ послѣдовательнымъ развитіемъ курсовъ, кромѣ введенія нѣкоторыхъ новыхъ

предметовъ, необходимыхъ для полноты преподаванія, устанавливается раздѣленіе слушательницъ двухъ старшихъ курсовъ по специальностямъ: исторической и словесной на историко-филологическомъ отдѣленіи, математической и физической на разрядѣ математическихъ наукъ, химической и біологической на разрядѣ наукъ естественныхъ, причемъ эти два разряда физико-математическаго отдѣленія имѣютъ общимъ только курсъ одного перваго года;—вмѣстѣ съ тѣмъ выработана и соответствующій учебный планъ.

Въ то же время обсуждался важный и сложный вопросъ объ устройствѣ агрономическаго отдѣленія на курсахъ.

Далѣе совѣтъ разработалъ проектъ положенія и о части учебно-административной, а именно: о преподавательскомъ и служебномъ персоналѣ на курсахъ, о деканахъ, совѣтѣ, факультетскихъ собраніяхъ и дисциплинарной комиссіи.

Кромѣ того совѣтомъ разсмотрѣны и рѣшены вопросы объ осеннихъ экзаменахъ, объ увеличеніи зоологическаго кабинета и введеніи практическихъ занятій по энтомологіи, а также объ устройствѣ астрономическаго кабинета.

Повѣстительный совѣтъ. Дѣятельность попечительнаго совѣта въ отчетномъ году выразилась въ составленіи смѣты прихода и расхода денежныхъ суммъ и въ рѣшеніи другихъ вопросовъ, касавшихся денежной части учебнаго заведенія.

Средства содержанія. На содержаніе высшихъ женскихъ курсовъ въ теченіи 1899—1900 года *поступило*: а) Отъ министерства народнаго просвѣщенія — 3.000 руб. б) Отъ С.-Петербургской городской думы — 3.000 руб. в) Отъ общества для доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ: членскими взносами, пожертвованіями, сборами отъ вечера и базара, $\frac{1}{100}$ $\frac{1}{100}$ на капиталы общества и отъ продажи принадлежащихъ обществу процентныхъ бумагъ 109.881 руб. 50 к. г) Отъ слушательницъ за право слушанія лекцій: въ первое полугодіе отъ 868 слушательницъ, за второе полугодіе отъ 789 слушательницъ и за предшествующій годъ отъ 89 слушательницъ всего 87.300 руб.

Всего 203.181 р. 50 к.

Истрачено: а) На учебно-административную часть 64.592 руб. 52 к. б) Хозяйственные расходы: отопленіе, освѣщеніе, прислуга, страхованіе, водоснабженіе, уплата $\frac{1}{100}$ и погашеніе долга и прочее 57.162 р. 24 к. в) Стипендіи общества и ссуды изъ капитала

В. Богдановской слушательницамъ 2.470 р. г) На постройку новаго дома 79.257 р. 59 к., всего 203.482 р. 35 к.

По общежитію: а) Получено отъ слушательницъ 47.932 руб. б) Получено отъ приходящихъ слушательницъ за обѣды и буфетъ 9.997 р. 42 к.; всего 57.929 руб. 42 коп. Истрачено на содержаніе слушательницъ, на обѣды и буфетъ для приходящихъ 56.301 р. 41 к.; осталось 1628 р. 1 к. Къ 1-му сентября 1900 г. за общежитіемъ состояло долгу обществу за обзаведеніе 9.142 р. 94 к.

Ея Императорскимъ Величествомъ Государынею Императрицею Александрю Феодоровною прислано на курсы въ пользу недостаточныхъ слушательницъ изъ собственныхъ Ея Величества средствъ 1.150 р.; также въ пользу слушательницъ прислано 12.201 р. 30 к. разными благотворительными обществами, частными лицами, городскими обществами, земскими управами и т. д.

Общества при высшихъ женскихъ курсахъ. При курсахъ, кромѣ общества для доставленія средствъ, существуютъ два другія общества, о состояніи и дѣятельности которыхъ приводимъ нижеслѣдующія краткія свѣдѣнія.

Общество вспоможенія слушательницамъ высшихъ женскихъ курсовъ въ С.-Петербурѣ состояло къ 1-му сентября 1900 г. изъ 477 членовъ. Въ теченіи 1899—1900 учебнаго года обществомъ выданы пособия и суды 50 слушательницамъ на сумму 2.252 руб.; затѣмъ выдано 6.590 бесплатныхъ обѣдовъ для 314 слушательницъ на 1.226 р. 85 к.; кромѣ того общество имѣло 2 квартиры, въ которыхъ 19 слушательницъ пользовались помѣщеніемъ за недорогую плату; обзаведеніе и содержаніе этихъ квартиръ въ учебномъ году обошлось обществу въ 487 р. 74 к., что за вычетомъ расходовъ на обзаведеніе въ 117 р. 69 к. составило около 2-хъ руб. на слушательницу въ учебный мѣсяцъ; печатаніе отчета, канцелярскіе, почтовые расходы составили 111 р. 74 к.—Весь расходъ 4.078 р. 33 к. Къ 1-му сентября 1900 г. на приходѣ значилось 5.692 р. 2 к., въ наличности въ кассѣ общества состояло: запаснаго капитала 825 руб., расходнаго 788 руб. 69 коп.

Общество вспоможенія окончившимъ курсъ наукъ на С.-Петербургскихъ высшихъ женскихъ курсахъ насчитывало къ 1-му января 1900 года 419 членовъ.

Пособій имъ выдано въ отчетномъ году на сумму 1.419 рублей 18 членамъ, изъ коихъ большинство городскихъ. Пособія выдавались

на лѣченіе, на переѣздъ и устройство на новомъ мѣстѣ, для уплаты за слушаніе лекцій, при случайномъ отсутствіи заработка и т. д.

Общая сумма прихода равнялась 5.316 р. 67 к., въ томъ числѣ возвращено пособій на 110 руб.

Организованные Обществомъ въ предыдущемъ году курсы по новымъ языкамъ продолжались и въ отчетномъ году, при чемъ занятія по французскому языку велъ А. А. Дярондъ, а по англійскому языку С. И. Боянцусъ.

Дѣятельность бюро общества для присканія занятій окончившимъ курсъ за время съ января по ноябрь 1900 года значительно возросла сравнительно съ предыдущимъ годомъ: въ бюро за этотъ промежутокъ времени обратились за содѣйствіемъ 96 лицъ, изъ которыхъ 55 доставлены занятія, а именно: 6—мѣста учительницъ гимназій иprogимназій: по одному въ Вологдѣ, Суджѣ, Арзамасѣ, Челябинскѣ и два въ Кологривѣ, 3—учительницъ въ пансіонахъ и профессиональных школахъ, 4—учительницъ сельскихъ школъ, 1—воспитательницы, 11—домашнихъ учительницъ, 1—чтвицы, 1—въ канцеляріи почтительства о слѣпыхъ, 28—частные уроки.

Вышеизложенный краткій обзоръ дѣятельности курсовъ позволяетъ заключить, что отчетный годъ оставилъ замѣтный слѣдъ въ исторіи высшихъ женскихъ курсовъ; стремясь къ возможно лучшей постановкѣ преподаванія, къ возможной полнотѣ даваемого ими научнаго образованія, С.-Петербургскіе высшіе женскіе курсы въ то же время стремятся отвѣтить на тѣ запросы, которые ставятъ жизнь на ея экономическихъ проявленіяхъ.

Минувшій годъ былъ послѣднимъ годомъ того періода, въ теченіи котораго это учрежденіе представляло единственное въ Россіи высшее женское учебное заведеніе съ общеобразовательнымъ университетскимъ характеромъ; въ настоящемъ году открылись высшіе женскіе курсы въ Москвѣ, и мы радостно привѣтствуемъ возродившееся учрежденіе, желая ему развитія и процвѣтанія на службѣ нашему общему дѣлу.

Вѣрные девизу: „трудъ и наука“ С.-Петербургскіе высшіе женскіе курсы вступаютъ въ двадцатое столѣтіе съ твердой надеждой на свѣтлую будущность высшаго женскаго образованія въ Россіи.

Н. А. СЕРГІЕВСКІЙ.

(НЕКРОЛОГЪ).

Въ ночь на 16-е декабря 1900 года скончался въ Царскомъ Селѣ дѣйствительный тайный совѣтникъ и сенаторъ, *Николай Александровичъ Сергіевскій*, выдающійся педагогъ и дѣятель въ Сѣверо-Западномъ краѣ.

Н. А. Сергіевскій родился въ 1831 г., въ семьѣ священника; высшее образование получилъ въ Московской духовной академіи, въ которой и состоялъ, послѣ окончанія, два года бакалавромъ библейской исторіи и греческаго языка въ высшемъ отдѣленіи, получивъ степень магистра богословія за сочиненіе: „О поведеніи древнихъ христіанъ въ праздничные и церковные дни“ (М., 1856 г.).

Въ мартѣ 1858 года Н. А. Сергіевскій оставилъ духовно-училищную службу и опредѣлился чиновникомъ особыхъ порученій VII кл. при оберъ-прокурорѣ св. Синода. Въ концѣ того же года онъ Высочайшимъ приказомъ былъ командированъ за границу „по особо возложенному на него порученію“ и между прочимъ состоялъ почти въ теченіе двухъ лѣтъ при адмиралѣ, графѣ Путятинѣ, занимавшемся во время своей заграничной командировки выработкою новаго устава для морскихъ учебныхъ заведеній. Въ половинѣ 1861 года Н. А. Сергіевскій былъ переимѣненъ на должность чиновника особыхъ порученій VI класса при министрѣ народнаго просвѣщенія и нѣкоторое время состоялъ членомъ особаго комитета, учрежденнаго „для предварительнаго составленія соображеній къ скорѣйшему исполненію Высочайшей воли объ отводѣ казенныхъ фермъ подъ народныя училища въ юго-западныхъ губерніяхъ“. Въ началѣ слѣдующаго года онъ снова перешелъ на службу въ св. Синодъ и получилъ тамъ долж-

ность старшаго чиновника канцеляріи оберъ-прокурора, вскорѣ замѣненную болѣе высшею, а именно должностію оберъ-секретаря св. Синода. Въ 1864—1865 гг. Н. А. Сергіевскій состоялъ инспекторомъ Московской практической академіи коммерческихъ наукъ и много сдѣлалъ для ея лучшаго устройства.

Въ 1866 году онъ былъ назначенъ исправляющимъ должность директора канцеляріи оберъ-прокурора св. Синода и вскорѣ затѣмъ членомъ Высочайше утвержденнаго комитета для составленія проекта устава духовно-учебныхъ заведеній. Въ слѣдующемъ году онъ ѣздилъ для наблюденія за введеніемъ въ дѣйствіе новыхъ уставовъ духовно-учебныхъ заведеній въ губерніи: Рязанскую, Нижегородскую, Костромскую, Самарскую и Астраханскую, а по возвращеніи изъ поѣздки былъ сдѣланъ директоромъ канцеляріи оберъ-прокурора и назначенъ членомъ Высочайше учрежденнаго комитета для устройства духовныхъ дѣлъ православнаго вѣроисповѣданія въ Финляндіи.

Въ теченіе 1868—1869 гг. Н. А. Сергіевскій состоялъ дѣятельнымъ членомъ временно учрежденнаго при св. Синодѣ комитета для пересмотра существующаго и начертанія новаго для духовныхъ академій устава; обзрѣвалъ духовныя семинаріи и училища С.-Петербургскаго округа; былъ членомъ учебнаго комитета при св. Синодѣ и членомъ со стороны духовнаго вѣдомства комиссіи при министерствѣ народнаго просвѣщенія, учрежденной для обсужденія общихъ мѣръ наблюденія за воспитанниками высшихъ учебныхъ заведеній, и наконецъ, ѣздилъ для „осмотра по всѣмъ частямъ“ вновь открытой Донской семинаріи и отсюда въ Самарскую губернію, для разъясненія возбужденной самарскимъ епископомъ перениски объ увеличеніи числа учащихся въ тамошней семинаріи. Результаты его ревизій всѣхъ вышеназванныхъ учебныхъ заведеній были своевременно изложены въ особыхъ брошюрахъ, появившихся въ свѣтъ въ теченіе 1868—1869 гг.

Въ октябрѣ 1869 года состоялось памятное для всѣхъ жителей края назначеніе Н. А. Сергіевскаго попечителемъ Виленскаго учебнаго округа. Тамъ въ это время были еще очень свѣжи слѣды польскаго возстанія; многое изъ учебно-воспитательнаго дѣла приходилось или передѣлывать или создавать вновь. А для послѣдняго требовалось много энергіи, любви къ своему дѣлу, настойчивости и въ то же время осторожности и хладнокровія, особенно въ

виду тѣхъ препятствій, какія оказывали почти на каждомъ шагѣ разноплеменность населенія и его разнорѣе.

Число средне-учебныхъ заведеній, которое онъ засталъ въ краѣ въ 1869 г., простиралось лишь до 16; онъ же вскорѣ увеличилъ это число до 22. Всѣ эти учебныя заведенія доставили много хлопотъ и заботъ Н. А. Сергіевскому своими „ветхими и совершенно не приспособленными зданіями“; въ результатѣ этихъ заботъ получилось то, что всѣ заведенія, кромѣ одного, получили прекрасныя собственныя помѣщенія, а при нихъ и домовыя церкви. Съ расширеніемъ и улучшеніемъ помѣщенія, естественно, увеличивалось и число учащихся. Къ 1-му января 1869 года всѣхъ учащихся во всѣхъ средне-учебныхъ заведеніяхъ было 3.476 человекъ, изъ которыхъ окончилъ полный курсъ лишь 150, а въ 1892 году ихъ уже было 5.877 человекъ, и изъ нихъ окончилъ полный курсъ 402.

Признавая, что главнѣйшею задачею средне-учебныхъ заведеній этого края должно служить установленіе въ умахъ учащихся правильнаго возрѣнія на мнѣвшія судьбы русскаго народа въ области литературы и искусства, Н. А. Сергіевскій особенно заботился объ улучшеніи преподаванія русскаго языка и русскои литературы, для чего давалъ, между прочимъ, широкій просторъ такъ называемымъ литературнымъ вечерамъ; старался пополнять фундаментальныя и ученическія бібліотеки историческими сочиненіями и широко разрѣшалъ историческія чтенія со свѣтовыми картинами.

Кромѣ мужскихъ гимназій покойный попечитель не мало заботился объ улучшеніи имъ же открытыхъ женскихъ гимназій.

Но главною его заботою и главною заслугою, какъ просвѣтителя края, было *народное образованіе*. Въ годъ его пріѣзда въ Вильну во всеиъ округѣ всѣхъ первоначальныхъ училищъ разныхъ наименованій было 1.405 и кромѣ того 434 училищныхъ отдѣленія и 13 воскресныхъ школъ для взрослыхъ крестьянъ. Почти ни одно изъ этихъ учебныхъ заведеній не имѣло мало-мальскаго сноснаго помѣщенія; составъ преподающихъ былъ крайне неопредѣленный; для преподаванія не существовало никакихъ программъ. Озаботившись первоначально объ открытіи новыхъ училищъ, Н. А. Сергіевскій въ 1871 году созвалъ съѣздъ директоровъ и инспекторовъ народныхъ училищъ, на которомъ былъ выработаиъ цѣлый рядъ программъ и инструкцій для учителей. Вслѣдъ за тѣмъ онъ открылъ нѣсколько учительскихъ семинарій, для которыхъ въ 1873 году составилъ образцовую инструкцію, вошедшую во многихъ своихъ частяхъ въ издан-

ную въ 1875 году министерствомъ народнаго просвѣщенія инструкцію для всѣхъ учительскихъ семинарій министерства народнаго просвѣщенія. Созданіемъ и улучшеніемъ учительскихъ семинарій онъ значительно повышалъ число образованныхъ учителей въ народныхъ училищахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ много способствовалъ развитію въ массѣ населенія русскаго самосознанія.

Хотя къ 1894 г. изъ 434 училищныхъ отдѣленій въ вѣдѣніи округа оставалось только 6, но Н. А. Сергіевскій, несмотря на многочисленныя финансовыя затрудненія, успѣлъ открыть новыхъ училищъ до 140, увеличить въ общемъ число учащихся болѣе чѣмъ въ полтора раза, доведя его въ 1899 г. почти до 100.000 чел. Нечего и говорить, что были приняты всѣ мѣры къ тому, чтобы училища имѣли приличныя помѣщенія, были болѣе или менѣе обеспечены средствами, включали въ свою программу курсы ремеслъ, садоводства, гимнастики и проч.

Мало того, желая распространить просвѣщеніе и за тѣсныя предѣлы школьныхъ помѣщеній, Н. А. Сергіевскій прибѣгъ къ вспомогательнымъ средствамъ. Имъ онъ хотѣлъ, во-первыхъ, оказывать просвѣтительное и воспитательное вліяніе на окружающую темную массу крестьянскаго населенія, а во-вторыхъ— „удержать подъ своимъ руководствомъ вліяніемъ“ тѣхъ изъ населенія, кто усвоилъ начала грамоты, окончить начальныя училища. Названными цѣлями должны были прежде всего послужить *воскресныя и праздничныя чтенія*, впервые открытыя въ 1883 г. въ Виленской дирекціи. Правильная постановка чтеній, ихъ „осторожное веденіе“ и строго выработанная программы, въ выработкѣ которыхъ принималъ дѣятельное участіе и самъ Н. А. Сергіевскій, „сразу же,—говорить одинъ изъ очевидцевъ,—привлекли къ себѣ симпатіи православнаго сельскаго населенія“ и быстро развивались, несмотря на встрѣчаемое противодѣйствіе.

На ряду съ чтеніями Н. А. Сергіевскій почти одновременно принималъ мѣры къ устройству *библиотекъ* для народнаго чтенія и успѣлъ къ 1899 г. открыть ихъ свыше 500. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ увеличилъ число книжныхъ складовъ при народныхъ училищахъ, а равно и ихъ составъ, руководясь при этомъ имъ же самимъ составленными въ бытность председателемъ Виленской комиссіи 1880 г. (по вопросу о книгопечатаніи и книжной торговлѣ въ сѣверо-западномъ краѣ) правилами.

Когда въ 1880-хъ годахъ стали открываться церковно-приходскія школы, Н. А. Сергіевскій однимъ изъ первыхъ явился къ нимъ на помощь. Охотно и щедро снабжалъ онъ ихъ учебными руководствами, ко-

торыхъ онѣ не могли добыть, не отказывалъ ни одному, обращенному къ нему, ходатайству на счетъ открытія или улучшенія церковно-приходскихъ школъ, и даже сдѣлалъ въ учительскихъ семинаріяхъ обязательнымъ ознакомленіе со всѣмъ законодательствомъ объ этихъ школахъ.

Наконецъ, говоря о заботахъ Н. А. Сергіевскаго на счетъ народнаго образованія края, нельзя пройти молчаніемъ и того, что онъ ввелъ въ еврейскія училища русскій языкъ.

Въ теченіе тридцати лѣтъ пребыванія во главѣ Виленскаго учебнаго округа, Н. А. Сергіевскій пережилъ много знаменательныхъ и торжественныхъ событій и, какъ свидѣтельствуя очевидцы, принималъ въ нихъ живѣйшее участіе. Событія эти—празднованіе 50-лѣтія воссоединенія униатовъ, открытіе въ Вильнѣ археологическаго съѣзда и памятника Муравьеву, празднованіе 1000-лѣтія памяти св. Кирилла и Меодія и др., — были ознаменованы со стороны округа учеными изслѣдованіями, составленіемъ историческихъ записокъ, популярныхъ брошюръ, устройствомъ собесѣдованій, литературныхъ вечеровъ и проч.

Не имѣя за массою текущихъ дѣлъ возможности заниматься литературными и историческими изслѣдованіями, Н. А. Сергіевскій для другихъ явился добрымъ геніемъ, всегда готовымъ дать средства. На счетъ округа при немъ было издано очень много томовъ актовъ археографическою комиссіею, при чемъ онъ и самъ принималъ дѣятельное участіе, напримѣръ, при изданіи XVI и XX томовъ, разныхъ календарей и изслѣдованій частныхъ лицъ. Въ числѣ послѣднихъ назовемъ: „Очеркъ греческихъ древностей“ В. В. Латышева, „Вѣлорусскій сборникъ“ Е. Романова, „Витебскую Старину“ Сапунова, „Географическій словарь древней Жмудейской земли“ И. Спрогиса, „Исторію государства литовскаго“ Брянцева и мн. др. Конечно, такое количество изданій округа могло быть предпринято только при глубокомъ интересѣ къ нимъ со стороны главнаго его начальника. А объ этомъ интересѣ лучше всего свидѣтельствуетъ личная библіотека покойнаго, въ которой, при 4.000 томовъ, имѣются разнообразнѣйшія сочиненія, изъ 23 различныхъ отдѣловъ.

Наконецъ, будучи членомъ благотворительнаго общества „Доброхотной Конѣйки“ и даже директоромъ одного изъ его отдѣленій, Н. А. Сергіевскій успѣлъ устроить при немъ нѣсколько двухклас-

сныхъ приходскихъ училищъ, озабочился улучшеніемъ состоянія въ-которыхъ его благотворительныхъ учреждений и основалъ въ 1876 г. сиротское отдѣленіе для помѣщенія безпріютныхъ малолѣтнихъ сиротъ.

Въ заключеніе укажемъ еще на то, что въ 1891 г. покойный участвовалъ въ пересмотрѣ учебныхъ плановъ и программъ преподаванія въ мужскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ министерства народнаго просвѣщенія, за что и удостоился Высочайшаго благоволенія; что въ 1895 г. онъ былъ назначенъ къ присутствованію въ правительствующемъ сенатѣ, съ оставленіемъ въ занимаемой должности, и что въ іюлѣ 1899 г., уволенный отъ должности попечителя Виленскаго учебнаго округа, опредѣленъ присутствующимъ въ департаментъ герольдіи правительствующаго сената, гдѣ нѣкоторое время исправлялъ обязанности первоприсутствующаго.

Какъ человѣкъ, Н. А. Сергіевскій пользовался большою любовью и уваженіемъ за свою доступность, готовность помочь всѣмъ прибѣгающимъ къ нему и рѣдкую справедливость.

В. Р.—въ.

С. И. КОРЖИНСКІЙ.

(некрологъ)¹⁾.

18-го ноября скончался, послѣ мучительной болѣзни, одинъ изъ молодыхъ и талантливыхъ ученыхъ, экстраординарный академикъ *Сергій Ивановичъ Коржинскій*. Со свойственной ему неустанной энергіей онъ и во время послѣдней болѣзни, незадолго до смерти, несмотря на запретъ докторовъ, продолжалъ работать, на сколько позволяли ему уже очень ослабленныя болѣзнью силы, стараясь привести къ концу начатыя работы. Нѣкоторыя изъ нихъ ему удалось закончить въ Крыму.

Ковчина постигла Сергѣя Ивановича на 39-мъ году его жизни, въ полномъ расцвѣтѣ силъ и разгарѣ его кипучей ученой дѣятельности. Родился онъ въ Астрахани, 26-го августа 1861 года, прошелъ курсъ мѣстной классической гимназіи, а затѣмъ поступилъ въ Казанскій университетъ, на физико-математическій факультетъ, гдѣ въ 1885 г. удостоенъ былъ степени кандидата и оставленъ при университетѣ для приготовления къ профессорскому званію. По защитѣ магистерской диссертациі „Матеріалы для географіи, морфологіи и биологіи *Aldrovandia vesiculosa*“ въ 1887 г., зачисленъ въ приватъ-доценты Казанскаго университета; и по порученію факультета читалъ лекціи по систематикѣ и морфологіи растений. Въ 1888 году, по защитѣ диссертациі: „Сѣверная граница черноземной полосы Европейской Россіи“, утвержденъ въ степени доктора ботаники и определенъ экстраординарнымъ профессоромъ въ Томскій университетъ. Въ 1892 г. перемѣщенъ въ Петербургъ главнымъ ботаникомъ въ Императорскій ботаническій садъ, 9-го января 1893 г. избранъ въ адъюнкты по части ботаники въ Императорской

¹⁾ Читавъ въ Общемъ Собраніи Императорской Академіи Наукъ 2-го декабря 1900 г.

Академія Наукъ, а 7-го декабря 1897 г. — въ экстраординарные академикъ.

Вообще говоря, изложеніе въ общедоступной формѣ научныхъ трудовъ по какой-либо специальности, каковы, напримѣръ, систематика и морфологія растений, представляется въ большинствѣ случаевъ крайне труднымъ и нѣрѣдко совершенно невыполнимымъ. Для правильной оцѣнки и яснаго пониманія сдѣланнаго специалистомъ вклада въ науку требуется болѣе или менѣе обстоятельное знакомство съ настоящимъ состояніемъ науки. Только въ нѣкоторыхъ случаяхъ, къ которымъ принадлежитъ и настоящій, задача представляется удобно разрѣшимой, именно въ тѣхъ, когда на работахъ специалиста лежатъ печать ума широкаго и отзывчиваго на вопросы, занимающіе не только знатоковъ его специальности, но и образованныхъ людей вообще, интересующихся прогрессомъ человѣческаго знанія. Многие изъ подобныхъ вопросовъ волновали Сергѣя Ивановича и отразились въ его ученыхъ трудахъ.

Научными ботаническими изысканіями Сергѣй Ивановичъ началъ заниматься еще на школьной скамьѣ и въ бытность свою еще въ Астраханской гимназіи собралъ значительный гербарій Астраханской флоры. Гербарій этотъ и послужилъ матеріаломъ къ первому научному труду, озаглавленному: „Очеркъ флоры окрестностей города Астрахани“, появившемуся въ печати, когда Сергѣй Ивановичъ находился только на 2-мъ курсѣ физико-математическаго факультета Казанскаго университета. Въ бытность его въ университетѣ появились въ печати еще четыре другія его работы, въ которыхъ молодой студентъ уже выступаетъ въ роли самостоятельнаго изслѣдователя.

Не вдаваясь въ характеристику всѣхъ работъ Сергѣя Ивановича, я останавливаюсь лишь на крупнѣйшихъ его произведеніяхъ. Къ таковымъ относится обширное сочиненіе, озаглавленное „Сѣверная граница черноземной степной полосы Европейской Россіи“, первая часть котораго была представлена имъ въ 1888 г., какъ диссертация на степенъ доктора ботаники.

Вопросъ о границѣ черноземной полосы и лѣсной области, покрывающей всю къ сѣверу отъ этой полосы лежащую часть Европейской Россіи, представляетъ большой интересъ въ ботаническомъ отношеніи.

Вышеназванное изслѣдованіе тѣсно связано съ характернымъ измѣненіемъ въ направленіи работъ по систематикѣ растений. Между тѣмъ какъ прежде главною цѣлью флористическихъ разысканій были

поиски за новыми формами, и степень удачи экскурсий опредѣлялась почти исключительно количествомъ новыхъ видовъ и родовъ, въ настоящее время преслѣдуются совершенно иные вопросы: изученіе характера растительнаго покрова страны и зависимость его отъ внѣшнихъ условій; поэтому наиболѣе интересными представляются изслѣдователю часто встрѣчающіяся формы и группировка ихъ въ такъ называемыя *формации*, т. е. въ устойчивыя формы обитанія растений.

Съ этой точки зрѣнія сѣверная граница черноземной полосы Европейской Россіи представляется главнымъ образомъ результатомъ борьбы формаций степныхъ съ граничащими къ нимъ съ сѣвера — лѣсными, а Сергѣй Ивановичъ выставляетъ главнымъ тезисомъ своей работы, что по всей сѣверной границѣ черноземной полосы неустанно ведется вѣковая борьба между растительностью степною и болѣе мощными, болѣе совершенными лѣсными формациями, что лѣсъ постепенно надвигается на степь; поэтому современное распредѣленіе лѣса и степи не представляетъ чего-нибудь стационарнаго, но лишь — временное состояніе, одну изъ стадій процесса облѣсенія.

Второй капиталъный трудъ академика Коржинскаго составляетъ флора востока Россіи, обнимающая губерніи: Казанскую, Сибирскую, сѣверную часть Саратовской, Уфимскую, Оренбургскую, Пермскую и Вятскую. Богатымъ матеріаломъ для него послужили, кромѣ литературныхъ источниковъ, самостоятельныя разслѣдованія автора. Первая часть этого труда отпечатана въ Томскѣ въ 1892 г.; она содержитъ введеніе и описаніе географическаго распредѣленія 124 видовъ (сем. *Ranunculaceae* — *Cruciferae*). По приѣздѣ въ Петербургъ, ознакомившись съ сокровищами ботаническаго музея Академіи Наукъ и Ботаническаго сада и располагая всеми пособиями, необходимыми для выполненія своей заветной мечты: изданія флоры всей Россіи, Коржинскій рѣшился измѣнить планъ разработки этой обширной задачи и предпочелъ начать его съ изданія, для мало изслѣдоваемаго въ ботаническомъ отношеніи востока Европейской Россіи, перечня всѣхъ цвѣтковыхъ и сосудистыхъ споровыхъ растений этой области съ подробнымъ указаніемъ ихъ мѣстонахожденій. Трудъ этотъ, законченный въ 1898 г., составляетъ большой томъ in quarto въ 566 страницъ, написанный по латыни; онъ помѣщенъ въ Запискахъ Академіи Наукъ и озаглавленъ *Tentamen Florae Rossiae Orientalis*.

Не нужно быть специалистомъ систематикомъ, чтобы понять, что изданіе подобныхъ разслѣдованій предполагаетъ въ авторѣ, кромѣ тонкаго, наблюдательнаго и пытливаго ума, необыкновенную и не-

устанныю энергію. Но помню этихъ качествъ, необходимыхъ для всякаго естествоиспытателя, особенно въ нашъ вѣкъ, который можетъ быть характеризованъ какъ вѣкъ накопленія научныхъ фактическихъ данныхъ. Сергѣю Ивановичу было присуще стремленіе къ вопросамъ болѣе общаго характера. Разрѣшенія ихъ онъ, въ качествѣ естествоиспытателя, домогался не помощью однихъ только умозрительныхъ, теоретическихъ соображеній, но главнымъ образомъ при посредствѣ иного чѣмъ прежде освѣщенія уже извѣстныхъ фактическихъ данныхъ, а равно и открытія новыхъ.

Къ таковымъ относятся двѣ его статьи, озаглавленныя „Гетерогенезисъ и эволюція“, изданныя имъ въ 1899 г. Подъ именемъ гетерогенезиса Сергѣй Ивановичъ подразумѣваетъ появленіе, среди однороднаго потомства отъ нормальныхъ родителей, отдѣльныхъ экземпляровъ, рѣзко отличающихся отъ всѣхъ остальныхъ, при чемъ, вырастая, эти экземпляры передаютъ всѣ свои особенности по наслѣдству, давая такимъ образомъ начало особой расѣ.

По главнѣйшему видно, что эта работа академика Коржинскаго посвящена разслѣдованію вопроса о возникновеніи новыхъ расъ, преимущественно въ царствѣ растительномъ. По господствующему въ настоящее время дарвинистическому воззрѣнію новыя расы различаются едва замѣтными отклоненіями отъ типической формы; отклоненія эти подъ вліяніемъ борьбы за существованіе и подбора развиваются дальше только въ томъ случаѣ, если ими достигается большая чѣмъ прежде приспособляемость растения къ окружающей средѣ. Въ зависимости отъ степени приспособленности совершается по Дарвину все развитіе формъ организмовъ какъ въ животномъ, такъ и въ растительномъ царствѣ. Чѣмъ ожесточеннѣе борьба между живыми существами, тѣмъ сильнѣе отборъ и грандіознѣе по Дарвину достигаемые при эволюціи результаты.

По мнѣнію академика Коржинскаго, расы образуются совершенно инымъ путемъ, чѣмъ учитъ Дарвинъ. Въ виду того, что въ основѣ теоріи Дарвина лежатъ опыты надъ возникновеніемъ расъ домашнихъ животныхъ и воздѣлываемыхъ растений, академикъ Коржинскій поставилъ себѣ задачей показать, что появленія новыхъ расъ, наблюдаемыя садоводами, происходятъ не тѣмъ путемъ, какъ полагаетъ Дарвинъ.

На основаніи богатаго фактическаго матеріала, заимствованнаго изъ записей въ журналахъ, относящихся до садоводства, Коржинскій приходитъ къ заключенію, что за исключеніемъ новыхъ расъ, полу-

чаемыхъ при посредствѣ гибридизаціи, т. е. скрещиванія, всѣ остальные разновидности садовыхъ растений происходятъ путемъ гетерогенезиса, и полученіе ихъ не зависитъ отъ человѣка; все, что послѣдній можетъ сдѣлать въ этомъ направленіи, состоитъ въ увеличеніи по возможности количества сѣянцевъ, такъ какъ съ увеличеніемъ ихъ числа возрастаетъ и вѣроятность появленія гетерогенныхъ отклоненій.

Особенно интересно, что многія изъ гетерогенныхъ измѣненій передаются изъ поколѣнія въ поколѣніе не только отводками и прививками, но и при посредствѣ сѣмянъ.

Появленіе этихъ расъ, въ противоположность ученію Дарвина, вызывается не борьбою за существованіе, а напротивъ того обильнымъ питаніемъ и наиболѣе благоприятными для развитія растений условіями; измѣненія гетерогенныя не представляютъ приспособленія къ окружающей средѣ, а поэтому могутъ быть въ многихъ случаяхъ полезными растенію, а въ другихъ и не находиться въ соответствіи съ окружающей средой.

Не имѣя возможности войти въ критическую оцѣнку выводовъ Сергѣя Ивановича, не можемъ не признать, что этотъ трудъ, едва начатый и допускающій поэтому много вѣсскихъ возраженій, представляетъ значительный вкладъ въ науку, и остается только пожалѣть, что академику Коржавинскому не удалось довести до конца второй, наиболѣе интересной части этой работы.

Въ заключеніе прибавлю, что, не смотря на болѣзнь, Сергѣй Ивановичъ довелъ до конца въ Крыму слѣдующія работы: 1) ампелографію винограда, написанную имъ по порученію департамента удѣловъ; 2) по вопросу о роднѣхъ персика; 3) замѣтку о родоначальной формѣ миндаля и близкыхъ родовъ и 4) опыты надъ опыленіемъ винограда.

Сергѣй Ивановичъ стяжалъ себѣ также почетное имя какъ путешественникъ и превосходный и неутомимый собиратель ботаническихъ коллекцій. Изъ путешествій его я упомяну лишь о главнѣйшихъ: въ Семипалатинскую и Самарѣченскую области (1889), на Амуръ (1891), въ Туркестанъ (1896 и 1897 г.).

Въ послѣднее время онъ приступилъ къ изданію гербарія русской флоры, сперва при содѣйствіи ботаническаго отдѣленія Императорскаго С.-Петербургскаго общества естествоиспытателей, а затѣмъ отъ ботаническаго музея Академіи Наукъ. Имъ издано уже нѣсколько выпусковъ, заключающихъ до 600 формъ растений; къ гербарію прилагаются прибавленія: „списки растений гербарія русской флоры“.

которыхъ вышло уже два выпуска, съ текстами русскимъ и латинскимъ. Можно надѣяться, что съ кончиною Сергѣя Ивановича издание этого гербарія не прекратится и будетъ продолжено, по замѣченному имъ плану.

Обозрѣвая все вышесказанное о научной дѣятельности Сергѣя Ивановича, нельзя не согласиться, что она носитъ отпечатокъ мощнаго, богатаго крупными замыслами и разносторонняго ума. Академія въ лицѣ его потеряла одного изъ талантливейшихъ русскихъ людей, которому, судя по блестящему дебюту на научномъ поприщѣ, предстояло, по всему вѣроятію, играть видную роль въ развитіи естествознанія. Однимъ крупнымъ борцомъ въ поискахъ за истиной стало меньше.

А. Фанищевъ.

ПОПРАВКА.

Авторъ статьи „Прововѣдническая дѣятельность ап. Андрея и св. Нины въ Грузіи“ просить внести поправку на стр. 110: вм. „Елифаній Кипрскій“ слѣдуетъ читать „Елифаній *Мниль*“.

МОГИЛА РОМУЛА ¹⁾.

Кромѣ вопроса о значеніи надписи, возникъ другой вопросъ, вызвавшій не менѣе оживленныя пренія. Это вопросъ о названіи открытой группы памятниковъ. Вся группа, какъ извѣстно, дѣлится на двѣ части, открытыя не одновременно. Сначала въ январѣ 1899 г. случайно была раскопана площадка, вымощенная чернымъ мраморомъ и лежавшая на уровнѣ мостовой форума императорскаго періода. Директоръ раскопокъ Бони и проф. Вальери, кажется, первые высказали мысль, что къ этой черной площадкѣ должно отнести слова Феста, дополненныя Детлефсеномъ: *Niger lapis in comitio locum funestum significat, ut ali Romuli mortis destinatum, sed non usu ob[venisse ut ibi sepeliretur, sed Fau]stulum nutri[clum eius, ut ali dicunt, Host]i-Num avum Tu[lli Hostili Romarorum regis], cuius familia e [Medullia Romam venit post destructionem eius.* Итакъ, по сообщенію Феста, или скорѣе Верріа Флакка, „черный камень“ на комиціѣ обозначалъ мѣсто, назначенное для убіенія и погребенія Ромула. На самомъ дѣлѣ мѣсто Ромула, по однимъ извѣстіямъ, тутъ убили и похоронили его воспитателя Фавстула, по другимъ—Госта Гостилия, одного изъ главныхъ сподвижниковъ Ромула. Съ Фестомъ отчасти согласно свидѣтельство Діонисія Аликвирасскаго, которому также было извѣстно показаніе какого-то писателя, что на комиціѣ былъ убитъ и въ томъ же мѣстѣ похороненъ Фавстулъ. Діонисій ничего о черномъ камнѣ не говоритъ, зато сообщаетъ, что могила Фавстула находилась близъ роствъ, а на могилѣ лежалъ (ѣхетто) левъ. Въ другомъ мѣстѣ Діонисій рассказываетъ, что Гость Гостилій также удс-

¹⁾ *Окончаніе.* См. декабрьскую книжку *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1900 годъ.

стоялся погребенія „въ самомъ лучшемъ мѣстѣ“ форума (какъ и Фавстулъ), πρὸς τὴν βασιλείαν, а на могилѣ его была поставлена стела съ его эвлогіемъ ¹⁾. Царская могила (τὰ βασιλείαν), на которую у Діонисія только намекается, яснѣе указана у Горация (Ерод. 16, 13 сл.), который предвѣщаетъ, что варварь-паряянинъ нѣкогда проникнетъ въ Римъ и

quaeque carent ventis et solibus ossa Quirini,
nefas videre, dissipabit insolens.

Къ этимъ стидамъ относятся важныя показанія схолиастовъ:

Porphyr. Hoc sic dicitur quasi Romulus sepultus sit, non ad caelum raptus aut discerptus. Nam *Varro* post rostra fuisse sepultum Romulum dicit.

Schol. Cruq. Nam et *Varro* pro rostris sepulcrum Romuli dixit, ubi etiam in huius diei memoriam duos leones erectos fuisse constat, unde factum est ut pro rostris mortui laudarentur; сл. схолиаста Cod. Paris. 7975 plerumque aiunt in rostris Romulum sepultum fuisse et in memoriam huius rei leones duos ibi fuisse, sicut hodieque in sepulcris videmus atque inde esse, ut pro rostris mortui laudarentur.

Изъ разсмотрѣнія сообщеній Феста, Діонисія и комментаторовъ Горация выясняется, что всѣ они говорятъ объ одномъ и томъ же locus funebris. Мѣсто это находилось у ростръ, конечно доцезаревыхъ, еще на комницѣ, слѣдовательно *pro rostris*, *передъ* рострами, если считать со стороны курій и комниця, а *post rostra* со стороны форума ²⁾. Мѣсто это было украшено „чернымъ камнемъ“, а потому а *parte potiori* называлось *Niger lapis*. Кроме того на немъ находились два каменные льва, которые считались надгробными эмблемами, такъ какъ по греческому обычаю левъ на могилѣ ставился въ качествѣ охранителя ея покоя ³⁾. Изъ подражанія греческому обычаю объясняется и другая надгробная эмблема, *niger lapis*. Очевидно, онъ соотвѣтствовалъ той μέλαινα πέτρα, которая у грековъ служила зна-

¹⁾ Діон. 1, 87: τινὲς δὲ καὶ τὸν Λέοντα, ὃς ἔκειτο τῆς ἀγορᾶς τῆς τῶν Ῥωμαίων ἐν τῇ κρατιστῇ χωρίῳ παρὰ τοῖς ἐμβόλοισι, ἐπὶ τῷ σώματι τοῦ Φαιστύλου τεθῆναι φασιν, ἐνθα ἔκειον ὑπὸ τῶν εὐρέντων ταφέντος. О Туллѣ Гостялѣ 8, 1: θάπτεται πρὸς τῶν βασιλείων ἐν τῇ κρατιστῇ τῆς ἀγορᾶς τόφῳ στήλης ἐπιγραφῇ τὴν ἀρετὴν μαρτυροῦση δξιώθεις.

²⁾ *In rostris* у парижскаго схолиаста, очевидно, простая неточность.

³⁾ Ferrot et Chipiez Histoire de l'art VI, 824 сл. Известны левъ на могилѣ Леониды и дрзгой на могилѣ павшихъ въ битвѣ при Хероней.

комъ (σημεῖον) могилы ¹⁾. Очень важны еще фактическія показанія схолиастовъ, что на украшенномъ надгробными эмблемами мѣстѣ передъ рострами произносились похвальные рѣчи надъ покойниками. Выраженіе *pro rostris laudat* или *laudatur* очень часто употребляется у римскихъ писателей ²⁾. Покойниковъ приносили къ рострамъ и выставляли передъ трибуною, затѣмъ ораторъ вступалъ на самыя ростры и съ нихъ уже произносилъ свое слово ³⁾. Нетрудно отгадать, что мѣсто передъ рострами, къ которымъ относятся цитаты схолиастовъ изъ Варрона, именно служило для того, чтобы на немъ во время произнесенія надгробныхъ рѣчей ставить покойниковъ. Согласно этому своему назначенію *locus funebris* и былъ украшенъ эмблемами могилы.

Къ *locus funebris pro rostris* была приурочена легенда, которая до насъ дошла въ двухъ редакціяхъ. Первая изъ нихъ, по словамъ схолиастовъ, принадлежитъ Варрону, а авторитету знаменитаго археолога, должно быть, довѣрился между прочимъ и Гораций. Варронъ былъ увѣренъ, что подъ черною плитою и двумя львами, или однимъ изъ двухъ, покоился прахъ Ромула. Этотъ изводъ легенды былъ извѣстенъ также Діонисію Аλικарнасскому, какъ можно заключать изъ его словъ, что Гость Гостилій былъ похороненъ *πρὸς τῶν βασιλέων*. Нельзя сомнѣваться въ существованіи, согласно словамъ Діонисія, въ сосѣдствѣ съ рострами и „могилы“ Ромула, стелы, упоминавшей о заслугахъ Гостилія. Стела эта, можетъ быть, была воздвигнута въ память Гостилія во вниманіе къ царю Гостилію, которому въ анналахъ приписывалась постройка близлежащей *Curia Hostilia* ⁴⁾. Такъ какъ

¹⁾ Сравни слова Феста *niger lapis in comitio locum funestum significat*. Гамуррини (*La tomba di Romolo* p. 26) приводитъ стихи Еврипида (Нес. 1009): *σημεῖον δὲ τί; Μέλαινα πέτρα γῆς ὑπερτέλλουσ' ἄνω*.

²⁾ Примѣры собраны Граффомъ *De Romanorum laudationibus commentatio*, Dorpati 1862, стр. 49.

³⁾ Полибий 6, 51 *κοιίζεται—πρὸς τοὺς καλούμενους ἐμβόλους εἰς τὴν ἀγορὰν — ἀναβάς ἐπὶ τοὺς ἐμβόλους — λέγει*.

⁴⁾ Шлебейскій родъ Гостиліевъ, начавшій играть политическую роль въ республикѣ приблизительно съ 200 г. до Р. Хр., стремился соединить свое происхожденіе съ царемъ Туллою Гостиліемъ. Самымъ армянъ послѣдователемъ этихъ семейныхъ привязаній является избранный въ 43 г. въ народныя трибуны Туллъ Гостилій, который велѣлъ вырѣзать свое имя на воротахъ новой курии (Цнд. Phil. 13, 12, 26). Очень возможно, что еще ранѣе въ теченіе послѣдняго или предпослѣдняго вѣка одинъ изъ Гостиліевъ, воспользовавшись своимъ политическимъ положеніемъ, для прославленія своего рода позаботился о возвышеніи около курии Гостиліевъ пресловутой стелы съ эмблемъ перваго родоначальника.

царь этотъ, по установленному разсказу анналь, былъ убитъ молніею, а слѣдовательно, по закону Нумы, не могъ быть удостоенъ законнаго погребенія, то „могила“, лежавшая противъ курій, была приурочена къ другому легендарному Гостилію, современнику Ромула. Вслѣдствіе того появился разсказъ, что Гость Гостилій былъ убитъ на форумѣ въ сраженіи съ сабинянами и на томъ же мѣстѣ былъ похороненъ. Мы даже считаемъ возможнымъ, что сперва единственнымъ обитателемъ могилы pro hostis признавался Гость Гостилій потому, что только ему, а не Ромулу была воздвигнута надгробная стела. Это тѣмъ вѣроятнѣе, что, по древнѣйшему разсказу анналь, Ромулъ никогда и нигдѣ не былъ похороненъ, а живымъ вознесенъ на небо в обоготворенъ подъ названіемъ Квирина ¹⁾. Разсказы о смерти Ромула безусловно болѣе поздняго происхожденія; это произведеніе рационализма позднѣйшихъ анналистовъ или конца второго или начала перваго столѣтія до Р. Хр. Изъ двухъ вариантовъ одинъ, убіеніе Ромула сенаторами, явно носитъ на себѣ отпечатокъ эпохи Гракховъ, а другой, избіеніе недовольными гражданами и союзниками, вѣка Суллы ²⁾.

Только вслѣдъ за установленіемъ позднѣйшаго разсказа объ убіеніи Ромула могъ явиться вопросъ о его могилѣ. Такъ какъ ученые комментаторы Горація исключительно ссылаются на авторитетъ Варрона, мы не имѣемъ никакого основанія сомнѣваться въ томъ, что усвоеніе мнимой могилы передъ рострами именно Ромулу одинъ изъ результатовъ ученыхъ занятій самого Варрона.

Всякій, кто немного знакомъ съ духомъ того громаднаго числа

¹⁾ Это сказаніе, несомнѣнно, принадлежало къ числу древнѣйшихъ элементовъ анналистической легенды о Ромулѣ. Въ пользу его древности говорить не только то, что исключительно этотъ разсказъ передавалъ древнѣйшій для насъ свидѣтель, Энциій (frgm. 72—74 V.), но и немислимо безъ этого сказанія приписываемое близнецамъ уже въ древнѣйшихъ анналахъ божественное происхожденіе отъ Марса. Оно основано на отождествленіи Ромула съ Квириномъ, котораго, вѣроятно, также считали сыномъ Марса. Съ Квириномъ сліялся Ромулъ потому, что эпитетъ *quiriticus*—*curvog* отъ *cur*: *cur* бѣгать (см. Фиккъ V. W. 1, 384; *equiritia*—*equiquiritia*), с.я. наше изслѣдованіе „Легенда о римскихъ царяхъ“ стр. 40. Эпитетъ *Quiriticus* относился къ Ромулу, какъ основателю древнѣйшихъ ристалищъ. Какъ эпитетъ бога войны, *Quiriticus* составлялъ противоположность къ *Gradivus*, соответственно двумъ древнѣйшимъ способамъ сраженія съ колесницъ и пѣшкомъ (Рошерь Лекс. 2, 2428).

²⁾ Самый поздній вариантъ представляетъ собою разсказъ, что Ромула убили въ Вульканалѣ (Плут. Ром. 27). Это поправка внимательнаго ученаго (Варрона), вспоминавшаго, что курія Гостилія въ то время еще не было.

этіологическихъ расказнѣй, которыми испещрены всѣ страницы римскаго преданія объ отечественной старинѣ, согласится съ нами, что могила Ромула принадлежитъ къ области этіологическаго вымысла. Фактическая подкладка его такая: предъ рострами было отведено мѣсто для выставленія покойниковъ во время произнесенія на нихъ съ трибуны похоронныхъ рѣчей. Это мѣсто было украшено символическими эмблемами могилы, черною надгробною плитою и парю львовъ. Когда возникъ любопытный вопросъ о происхожденіи этихъ памятниковъ, сходствомъ ихъ съ настоящею могилою была вызвана мысль о погребеніи въ этомъ мѣстѣ выдающагося своими заслугами человѣка, такъ какъ погребеніе въ столь видномъ мѣстѣ очевидно указывало на особенно высокое къ нему почтеніе. Ученая теорія, какъ мы говорили, сперва остановилась на Гостѣ Гостиліѣ, двоюродномъ братѣ, такъ сказать, сосѣдней куриі. Эта теорія на практикѣ нашла себѣ выраженіе въ томъ, что воздвигнута была у мнимои могилы надгробная стела съ эвлогіемъ Гостилія. Такое рѣшеніе ученаго вопроса, однако, не удовлетворило Варрона. Очень можетъ быть, что онъ затруднился объяснить существованіе надъ могилою двухъ каменныхъ львовъ, между тѣмъ какъ принято было, особенно для одного покойника, довольствоваться однимъ. Могила, очевидно, скрывала въ себѣ еще одного мертвеца, современника Госта Гостилія. Догадка Варрона остановилась на Ромулѣ, вѣроятно, потому, что такимъ образомъ, былъ пополненъ чувствительный пробѣлъ въ археологіи. Показывали въ то время въ разныхъ мѣстахъ Рима могилы царей: Рема, Тита Тація, Нумы Помпиія. Не оставаться же было первому царю безъ могилы, разъ наука уже признала его смерть. Такъ или иначе сложился разсказъ Варрона, которому слѣдуетъ Діонисій (3, 1), что Госту Гостилію была оказана особенная честь—покоиться въ могилѣ рядомъ съ царемъ Ромуломъ.

У Феста и Діонисія (1, 87) до насъ дошла другая редакція ученаго характера комбинаціи о могилѣ предъ рострами. Эта редакція сводится къ отрицанію того факта, что въ могилѣ былъ похороненъ Ромулъ. Его будто бы хотѣли убить въ этомъ мѣстѣ во время междоусобной борьбы между Ромуломъ и Ремомъ и ихъ приверженцами. Но злой умыселъ не удался; вмѣсто Ромула, спасающагося, былъ убитъ его приемный отецъ, Фавстулъ, и погребенъ, гдѣ потомъ его и нашли, на мѣстѣ чернаго камня предъ рострами. Въ его честь на могилѣ поставили одного льва; кому предназначался другой, изъ короткаго сообщенія Діонисія не видно. Можетъ быть, его поставили въ честь

Госта Гостилия. Весь рассказ этой второй редакціи явно представляеть собою поправку къ Варрону, что не удивительно, потому что Веррій Флаккъ, общій источникъ Феста и Діонисія, вообще былъ соперникомъ и противникомъ Варрона, полемика противъ котораго проглядываетъ во многихъ мѣстахъ сочиненія Феста. Не менѣе ясна тенденція поправки. Веррій Флаккъ, какъ близкій человекъ къ Августу, исполнялъ роль, такъ сказать, придворнаго антикварія. Известно, что Юлій Цезарь при Августѣ былъ обоготворенъ по примѣру Ромула. Рационалистическій рассказъ объ убіеніи Ромула также, какъ и усвоеніе ему могилы предъ рострами, для официального міра должны были быть крайне неудобными. Поэтому сказаніе о вознесеніи Ромула на небо было восстановлено въ историографіи и украшено новыми подробностями, наприимѣръ, введеніемъ въ рассказъ сенатора Прокула Юлія, предка Юлія Цезаря ¹⁾. Официальная археологія, вѣроятно, стремилась устранить изъ науки могилу Ромула, замѣнивъ ее могилою Фавстула. Наконецъ, и послѣдняя исчезла вмѣстѣ со львами и черною плитою. Діонисій Аλικарнасскій, пріѣхавшій въ Римъ въ 31 году до Р. Х., словами: τὸν λείοντα τὸν λίθινον, ὃς ἔκειτο τῆς ἀγορᾶς и т. д., кажется, указываетъ на происшедшее уже исчезновеніе памятника. Если „*ossa Quirini*“ Горація относятся еще къ Варроновой „могилѣ Ромула“, а сомнѣваться въ этомъ трудно, то „могила“ существовала еще въ 43 г., когда, по всей вѣроятности, написанъ шестнадцатый эподъ. Могила, въ такомъ случаѣ, пережила перемѣщеніе ростръ, состоявшееся въ послѣдній годъ царствованія Цезаря, а потомъ, въ началѣ царствованія Августа, когда достраивалась начатая Цезаремъ новая курія, могила исчезла, кажется, безъ слѣда. По крайней мѣрѣ, нѣтъ болѣе рѣчи о могилѣ Ромула на комиціи или форумѣ ни у Плинія, ни у другихъ писателей, нѣрѣдко упоминающихъ о славныхъ памятникахъ времени основанія Рима ²⁾. Такъ какъ и послѣдствіи, во времена императоровъ, продолжали по покойникамъ произносить похвальные рѣчи *pro rostris*, очень возможно, что и около новыхъ ростръ былъ устроенъ для этого *locus funebris*. Но

¹⁾ См. Шеллера, R. G., 1, 587.

²⁾ Послѣдній свидѣтель, Веррій Флаккъ, о могилѣ могъ говорить, какъ о памятникѣ уже не существовавшемъ, но, вѣроятно, многимъ еще по памяти известномъ. Впрочемъ, и самъ Варронъ, можетъ быть, упомянулъ о могилѣ, какъ уже о не существующей, если подчеркнуть выраженіе *verultum fuisse* у Склиста.

едва ли Августъ позволилъ придать ему, по прежнему, видъ могилы, компрометирующей славу божественнаго основателя Рима.

Когда въ январѣ 1899 года случайно была открыта небольшая площадка, вымощенная чернымъ мраморомъ, тотчасъ вспомнили о *niger lapis* Феста. Первые, рѣшившіеся прямо отождествлять площадку съ могилою Ромула, кажется, были тѣ, кому посчастливилось открыть ее, архитекторъ Бони и проф. Вальери, извѣстный директоръ національнаго музея въ термахъ Діоклеціана ¹⁾. Вѣсть о находкѣ могилы по телеграфу скоро передана была всему образованному міру, и увѣренность въ тожествѣ найденнаго памятника съ могилою Ромула вполне окрѣпла. Правда, въ самое первое время послѣ открытія раздавались голоса несогласныхъ. Предлагались разныя другія объясненія и названія, какъ то: трибуналь, путеаль, *Iacus Curtius*, смоковница Румины. Но они такъ же скоро были оставлены, потому что въ пользу ихъ нельзя было привести ровно никакихъ доказательствъ, такъ что полная неосновательность ихъ бросалась въ глаза каждому. Въ пользу же *niger lapis* всетаки можно было сослаться, во первыхъ, на то, что дѣйствительно площадка состоитъ изъ „черной породы камня“ или „чернаго мрамора“; эти переводы если и не совсѣмъ подходятъ къ *niger lapis* у могилы Ромула, всетаки допускаются духомъ латинскаго языка. Затѣмъ, мѣсто находки, если и не принадлежало къ комицію, положеніе котораго до сихъ поръ въ точности неизвѣстно, но всетаки находилось недалеко отъ начала комиція.

Первый серьезный противникъ явился въ лицѣ Гюльзена ²⁾. Отожествленіе черной площадки съ *niger lapis* или могилою Ромула онъ отрывалъ на основаніи цѣлаго ряда доводовъ. Граница между форумомъ и комиціемъ, а вѣсть съ нею положеніе старыхъ роствъ, хотя въ точности неизвѣстны, но во всякомъ случаѣ они находились къ сѣверу отъ арки Септімія Севера. Далѣе, найденная площадка не соответствуетъ описанію могилы Ромула у древнихъ авторовъ. *Niger lapis* на могилѣ не цѣлая мостовая, а одна черная плита. Отъ каменныхъ львовъ не найдено ни малѣйшаго слѣда. Мостовая сдѣлана до того небрежно, что она рѣшительно производитъ впечатлѣніе работы позднѣйшаго періода упадка. Оріентація ея, наконецъ, соответствуетъ со-

¹⁾ См. *De-Sanctis*, въ *Rivista di filologia*, 1900, стр. 410.

²⁾ *Archäologischer Anzeiger* (Beiblatt zum Jahrbuch des Archäol. Instituts, 1899, № 1, стр. 1 слл.

оруженіямъ періода послѣднихъ императоровъ. Доводы Гюльзена въ общемъ трудно поддаются опроверженію, хотя чисто отрицательный результатъ его не давалъ полнаго удовлетворенія. Поэтому, энергичный директоръ раскопокъ, не долго думая, рѣшилъ дать самый убѣдительный отвѣтъ Гюльзену. А именно, желая выяснитъ до основанія тайну черной мостовой, онъ приступилъ къ раскопкѣ слоевъ, лежащихъ подъ площадкою. Какъ извѣстно, въ маѣ 1899 года раскопки привели къ неожиданному открытію цѣлой новой группы памятниковъ, изъ которыхъ наиболѣе обращали на себя вниманіе стела съ надписью, конусъ и два плантуса, наконецъ, тѣ многочисленныя остатки жертвоприношеній, которые свидѣтельствуютъ о священномъ характерѣ мѣста. Вторыя раскопки были произведены съ цѣлью доставить дополнительные свѣдѣнія для окончательнаго выясненія значенія черной мостовой. Новое открытіе, такимъ образомъ, являлось только продолженіемъ перваго. Неудивительно, что названіе могилы Ромула, которое уже болѣе или менѣе твердо установилось по отношенію къ черной площадкѣ, какъ бы само собою было перенесено на найденную подъ площадкою группу памятниковъ. И верхніе, и нижніе памятники сами собою слились въ одно цѣлое. Весьма архаическій характеръ сооруженій, въ особенности надписи, ясно читаемое въ ней слово *regei*¹⁾, наконецъ, высокая древность нѣкоторыхъ *ex-voto*

¹⁾ Нѣкоторые ученые не признаютъ въ *regei* надпись царя жертвеннаго. Въ числѣ ихъ находится профессоръ В. И. Модестовъ. На стр. 42 оттиска статьи „Памятники царскаго періода“, любезно присланнаго мнѣ изъ Рима, почтенный профессоръ ссылается на наблюденіе Моммзена, что жертвенный даръ у писателей часто упоминается просто подъ обозначеніемъ *rex*, но въ надписяхъ никогда. „Если—продолжаетъ г. Модестовъ—болѣе позднія надписи въ этомъ отношеніи строго соблюдаютъ формулу *rex sacrosanctus*, или, что то же, *sacrisanctus*, то тѣмъ болѣе это слѣдуетъ ожидать отъ древнѣйшихъ, да еще въ такомъ важномъ законодательномъ памятникѣ, который стоялъ на коницѣ, въ виду курій и народныхъ собраній“. Намъ кажется, что къ правилу, открытому Моммзеномъ, надо отнестись *sine grano salis*. Всѣ три надписи, цитуемыя Моммзеномъ, относятся къ періоду императоровъ. Когда Римомъ снова управляли *patres*, подданнымъ несловно было называть себя „царями“. Къ древнѣйшимъ историческимъ памятникамъ римской республики безусловно слѣдуетъ причислить календарь, ежегодно составляемый понтифексомъ и выставленный въ торжественномъ мѣстѣ въ *regia*. Въ календарѣ, однако, встрѣчается традиціонная формула: *Q(uando) R(ex) C(omitia) F(as)*. Простое *rex* употреблялось еще въ одной старинной обрядовой формулѣ, о которой сообщаетъ Сепій (*ad Aen.* 10, 228) *virgines Vestales certa die ibant ad regem sacrorum et dicebant: Vigilasne, rex? vigila.*

сильно дѣйствовали на воображеніе многихъ ученыхъ и поневолѣ побуждали ихъ отнести открытыя памятники цѣликомъ къ царскому періоду Рима. Названіе могилы Ромула казалось вполне подходящимъ, такъ какъ уже однимъ именемъ царя Ромула была гарантирована принадлежность Варроновой могилы Ромула къ царскому періоду. (О необходимости правильного критическаго разбора источниковъ, о провѣркѣ достоверности ихъ показаній о могилѣ Ромула никто до сихъ поръ не думалъ. Вопросъ, въ какихъ отношеніяхъ вновь открытыя старинныя памятники находятся къ могилѣ Ромула, обсуждался безъ должнаго вниманія, такъ какъ имѣлись только довольно смутныя понятія о самой могилѣ. Въ посвященный вѣкъ исторической критики никто конечно не думаетъ, что могила Ромула была настоящею могилою настоящаго историческаго царя. Даже ученые, въ общемъ вполне вѣрующіе въ преданіе о римскихъ царяхъ, въ этомъ случаѣ уклонялись отъ преданія, позволяя себѣ толковать традицію, каждый по лачному усмотрѣнію. Но такая же невнятность оказывается и у другой партіи, невѣрующихъ критиковъ ¹⁾).

¹⁾ Италия всегда была классическою страной партійныхъ междуусобій. Такъ, по вопросу о достоверности древнѣйшей римской исторіи образовались двѣ партіи. Одна, партія консервативная и дающая вѣру традиціи, въ психологическомъ отношеніи близко соприкасается съ духомъ римско-католической церкви, воспринимая своей смисловъ въ строгомъ подчиненіи традиціи. Къ этому духу примѣшивается еще элементъ націонализма. Въ критическомъ взглядѣ на древнѣйшую римскую исторію, берущемъ свое начало изъ отечества Нибура, Шаеглера и Моммзена, эта партія видитъ нежелательное проявленіе чужестраннаго, протестантскаго духа. Другая партія ищетъ на своемъ знамени принципъ германской критики или, по выраженію первой партіи, „гиперкритика“. Могила Ромула, какъ можно было ожидать, одѣлалась яблокомъ раздора между двумя научными партіями. Въ разговорѣвшейся по этому поводу войнѣ двумя передовыми сборниками изъ традиціонныхъ и итальянскихъ выступили ученѣйшіи іезуитскій патеръ Кара, въ многочисленныхъ статьяхъ журнала *Civiltà cattolica*, и Чечи. Послѣдній сначала допускалъ нѣкоторое отступничество, признавая въ *gez* надпись не царя, а жреца, *rex sacrorum*. Впослѣдствіи онъ торжественно заявилъ, что въ *gez* теперь усматриваетъ настоящаго царя (*Rendic. Acc. Line. IX, p. 14*), *fideliter ve subsicit*. Отъ имени критической партіи, главою которой состоитъ Хансъ, ученикъ Моммзена, полемика ведется, главнымъ образомъ, профессорами Тропеа въ *Cronaca della discussione* (печатаемой въ издаваемой имъ *Rivista di storia antica*) и Вальери (въ *Rassegna archeologica*, еженедѣльномъ археологическомъ обозрѣніи въ римской газетѣ *Fanfulla della Domenica*). До какихъ курьезовъ доходитъ страстность полемикъ, особенно явствуется изъ словъ Тропеа, открыто обвиняющаго своихъ противниковъ не только въ созданіи особой „археологической партіи патристической“, но и „*archeologia elettorale*“, расчлѣняющей, очевидно, извѣст-

Изъ работъ консервативнаго направленія первое мѣсто занимаетъ статья Гамурриня: *La tomba di Romolo* (*Rend. Acc. Linc., cl. mor. IX, p. 163*). Написана она очень изящно и привлекательно, съ блестящею эрудиціею, достойною такого выдающагося знатока археологій древней Италіи. Главная мысль автора сводится къ предположенію, что открытые подъ форумомъ памятники, вмѣстѣ съ покрывающею ихъ черною мостовою, дѣйствительно та могила Ромула, о которой говоритъ „древнее преданіе“. Гамурриня, конечно, не вѣрять въ преданіе въ буквальномъ смыслѣ. Могила, по его предположенію, не была настоящая, это была священная могила въ родѣ греческихъ *ἱρήφα*. Въ доказательство вѣрности предположенія авторъ разбираетъ съ большою обстоятельностью найденную *stipe votiva*, вездѣ показывая, что подобныя приношенія найдены во многихъ мѣстахъ Италіи какъ разъ въ могилахъ, а слѣдовательно принадлежали къ обыкновенному инвентарю культа покойниковъ. Аргументація такого глубокаго знатока, каковымъ является Гамурриня, съ перваго взгляда кажется очень убѣдительною. Но она грѣшитъ своею односторонностію. Про-

нимъ научнымъ направленіемъ взять на выборы въ парламентъ (*Riv. d. st. a. V, стр. 129*). Для посторонняго читателя просто непонятно, къ чему эти критикія вообще пускаются въ безплодные принципиальные споры. Вмѣсто того, чтобы позировать своимъ критическимъ превосходствомъ, они лучше доказали бы его на дѣлѣ, какъ слѣдуетъ. Вышедшія до сихъ поръ разсужденія ихъ о могилѣ Ромула никакъ нельзя считать образцами критики. Какъ въ ученыхъ приложеніи къ *Storia di Roma* т. II, такъ и въ двухъ популярныхъ статьяхъ въ *Antologia* (1899 ноябрь, 1900 январь) Паясь не пришелъ ни къ какому определенному результату, но предложилъ цѣлый рядъ мнѣяющихся какъ въ казѣ доскопѣ мнѣній, изъ которыхъ ни одно не основано на критически подготовленной почвѣ. Ромулъ отождествляется то съ Волканомъ, то съ Юпитеромъ „*Ruminus*“, его „могила“ съ Вульканадомъ, съ *Carrea palus, Lacus Curtius, mundus* кониціи и т. д. Въ концѣ концовъ Паясь вздумалъ назвать ее „святилищемъ Марса“, потому что найдены въ *stipe votiva* кости свиней, овецъ и быковъ. Изъ нихъ Паясь составляетъ *suovetaurilia*, принятыя въ культѣ Марса. Но Боия говоритъ (*N. d. Sc. 1899, 154*) и о конскихъ костяхъ, а Савиньони (*ibid. 1900, 145*) о собачьихъ, такъ что уже пришлось бы признавать *suovesarpicantaurilia*. Тропеа также колеблется, то признавая могилу Ромула, то „святилище Марса“ Паясь. Въ концѣ послѣдняго онъ приводитъ (ук. м., стр. 114) довольно необдуманннй аргументъ. Въ надписи Максенція, найденной недалеко отъ черной мостовой, читается *Marti invicto et aeternae urbis saepe conditoribus*, что будто бы свидѣтельствуетъ о существованіи въ этомъ мѣстѣ святилища Марса. Тропеа оставилъ безъ вниманія, что дедикація Максенція не можетъ относиться къ разрушенному и зарытому уже съ полтысячи лѣтъ святилищу, а затѣмъ что Марсъ присоединенъ къ основателямъ города только въ качествѣ ихъ отца.

мадное большинство подобныхъ приношеній дѣйствительно найдено въ могилахъ, потому что только въ нихъ они и могли сохраниться. Иногда, однако, въ храмахъ Италіи находятъ цѣлые клады, состоящія изъ обѣтныхъ приношеній совершенно однородныхъ какъ съ *stipe votiva* форума, такъ и съ могильными приношеніями. Достаточно будетъ указать для примѣра только на *ex-voto*, найденныя въ рошѣ Діаны близъ Ариціи или еще недавно въ римскомъ храмѣ Весты. Если, слѣдовательно, одинаковые предметы принято было приносить и божествамъ, и покойникамъ, тогда аргументація Гамуррини должна потерять свою силу. Еще болѣе шатко другое предположеніе Гамуррини—о существованіи на форумѣ съ древнѣйшихъ царскихъ временъ до поздняго вѣка республики государственнаго культа Ромула. Авторъ (стр. 14 сл.) рисуетъ намъ оживленную картину этого поклоненія манамъ Ромула, которое было устроено, по мнѣнію автора, уже Нумою Помпилиемъ. Въ присутствіи всего римскаго народа *Flamen Quirinalis* поднимается на агеа *Volcani*—ее Гамуррини признаетъ въ *quadragto soi gradini*, мнимыхъ рощахъ Бони и Компартетти—святою водою окропляетъ жертвеникъ и т. д. Въ болѣе скромномъ видѣ представляетъ себѣ культъ Ромула знаменитый знатокъ топографіи древняго Рима, Ланчани въ одномъ изъ своихъ цѣнныхъ *Notes from Rome in Athenaeum* (№ 3803). Онъ говоритъ о народномъ поклоненіи (*popular worship*) памяти Ромула. Нѣтъ сомнѣнія, утверждаетъ онъ, что центръ культа находился въ этомъ мѣстѣ, на границѣ форума и комиція, начиная съ того дня, когда культъ впервые былъ установленъ однимъ изъ царей Рима. Ланчани самъ заявляетъ, что онъ одинъ изъ *believers in the authenticity of Roman tradition*. Гамуррини также говоритъ прямо о *l'antica tradizione*, какъ о твердо данной, хотя въ „преданіе“ входятъ разнорѣчивыя показанія Варрова, Феста и Діонисія. Въ томъ же духѣ о культѣ Ромула высказывается Тропеа, невѣрующій представитель исторической критики ¹⁾. Принимаемый съ такою вѣрою фактъ никогда не существовалъ. Во всемъ преданіи нашемъ нѣтъ ни одного свидѣтельства о культѣ Ромула. Варронъ, единственный свидѣтель, принимающій „могила“ передъ рощами Ромулу, ничего, однако, не говорилъ ни о какихъ жертвоприношеніяхъ. Иначе и не мыслимо, чтобы Фесту

¹⁾ Уж. и. стр. 127 *tutti gli studiosi riconoscono che, stando a Varrone e ad Orazio, nel Comizio esisteva un luogo in cui le pretese ossa di Romolo erano oggetto di culto.*

возможно было отрицать существование могилы Ромула. Основатель города и римского государства не казал-нибудь темная личность, слѣды культа которой могли пропасть въ римскомъ преданіи безъ всякихъ слѣдовъ. О культѣ Ромула, между тѣмъ, нѣтъ ни малѣйшаго упоминанія ни въ римскихъ календаріяхъ, ни у писателей, рассказывающихъ съ малѣйшими подробностями всю исторію Ромула, не забывая при этомъ ни объ одной изъ священныхъ реликвій героя. Если существовали бы въ царскій или республиканскій періоды какія-нибудь *sacra publica* или *popularia* ¹⁾ Ромула, они были бы извѣстѣйшимъ фактомъ для каждаго римлянина. Изъ полного молчанія всей римской литературы и эпиграфическаго преданія съ увѣренностью можно заключать, что подобныхъ *sacra* не было. Хотя въ древнѣйшихъ анналахъ въ третьемъ столѣтіи была сдѣлана попытка приурочить Ромула къ богу Квирину, эта теорія, кажется, совсѣмъ не привилась къ старинному культу Квирина. Строго консервативный духъ римскаго жречества, очевидно, отказывался санкціонировать поклоненіе лицу, не признаваемому въ традиціонномъ старомъ расписаніи государственнаго культа.

Вопросомъ, открыты ли на форумѣ могила Ромула или *Niger lapis* Варрона и Феста, занимался въ трехъ важныхъ статьяхъ Гюльзенъ ²⁾. Въ первой, написанной тотчасъ по обнаруженіи официальнаго доклада въ *Notizie*, онъ только слегка затрогиваетъ вопросъ, считая въ концѣ концовъ возможнымъ, что открыта одна изъ арханческихъ святынь форума, можетъ быть Вульканалъ или *sacellum Lupae in graecostasi* или какая-то другая, неизвѣстная намъ изъ литературнаго преданія. Во второй статьѣ Гюльзенъ входитъ уже въ подробности вопроса. Рѣшеніе послѣдняго зависитъ отъ того, найдены ли въ одномъ мѣстѣ указываемые Варрономъ и Фестомъ памятники: 1) черный камень, 2) два каменныхъ льва, 3) стела Госта Госталія.

¹⁾ *Sacra popularia* составляли, какъ извѣстно, только одну спеціальную часть государственнаго культа (*sacra publica*). Не знаемъ, къ нимъ ли Лавчани хотѣли отнести предполагаемый культъ Ромула, или выражаетъ *popularia worship* народные неофициальные обряды.

²⁾ *Neue Funde auf dem Forum Romanum* (Berl. Philol. Wochenschr. 1899, 1001 сл.).—*Das Grab des Romulus* (*Das Humanistische Gymnasium* 1900, стр. 148 сл.), докладъ читанный въ февралѣ въ собраніи Германскаго археологическаго института. Переводъ этой статьи на итальянскій языкъ появился въ *Riv. di storia antica* 1900 p. 301—355.—*Die neuen Ausgrabungen auf dem Forum Romanum* (*Archäol. Anz.* 1900 стр. 1 сл.).

Наконецъ, мѣсто находенія ихъ должно лежать тамъ, гдѣ стояли старыя ростры временъ республики, на границѣ комиція съ форумомъ. Относительно послѣдняго пункта, знаменитый знатокъ топографіи древняго Рима уже не настаиваетъ на прежнемъ своемъ отрицаніи, а прямо допускаетъ возможность, что южная граница комиція находилась на 25 метровъ южнѣе, чѣмъ имѣ, Гюльзеномъ, раньше предполагалось. Что касается трехъ первыхъ признаковъ, Гюльзенъ допускаетъ, что есть замѣчательно много точекъ соприкосновенія ихъ съ найденными памятниками, хотя полного согласія нѣтъ. На верхнемъ уровнѣ найденъ черный камень, за то нѣтъ львовъ и стелы. Внизу открыты два постамента, подходящіе къ львамъ, и стела, однако не Госта Гостилія; за то нѣтъ *Niger Iapis*. Этотъ камень на могилѣ Ромула имѣлъ видъ черной надгробной плиты. Верхняя черная мостовая, хотя въ своемъ родѣ тоже можетъ считаться *Iapis niger*, съ прежнимъ состоитъ только, такъ сказать, въ дальнемъ родствѣ. Старый *Iapis niger*, принадлежавшій къ могилѣ Ромула временъ Варрона и Горация, исчезъ уже ко временамъ Діонисія Аликарнасскаго. Во всей послѣдующей литературѣ говорится нѣрѣдко о другихъ памятникахъ Ромула, напримѣръ, смоковницѣ Румины, *sasa Romuli* и пр., о *Iapis niger* или могилѣ Ромула нигдѣ нѣтъ ни слова. Гюльзенъ изъ этого заключаетъ, что новый *Iapis niger*, площадка съ черною мостовою, въ послѣдующее время, начиная съ Августа, не существовала, а сооруженъ только во время царствованія одного изъ позднѣйшихъ императоровъ. На періодъ упадка, по мнѣнію Гюльзена, указываетъ необыкновенно небрежная кладка мостовой и неровная отдѣлка камней. Недалеко отъ этого мѣста на форумѣ въ прошломъ году была найдена надпись съ дедикаціею отъ имени императора Максенція: *Marti invicto patri et aeternae urbis suae conditoribus*. Дедикація датирована отъ 24-го апрѣля, дня основанія Рима. Въ виду того, что Максенцій, какъ видно еще изъ другихъ фактовъ, особенно высоко чтилъ память Ромула, Гюльзенъ высказалъ догадку, что именно Максенціемъ былъ обнужденъ *Niger Iapis* въ честь Ромула. Или по инстинкту, говоритъ Гюльзенъ, или по какивъ-то свѣдѣніямъ, новый *Iapis niger* былъ сооруженъ почти точно надъ прежнею могилею Ромула, видѣнною Варрономъ. Послѣднія слова Гюльзена производятъ впечатлѣніе значительной уступки общему мнѣнію итальянскихъ ученыхъ о значеніи нижней группы памятниковъ. Все-таки эта уступка дѣлается не безъ значительныхъ оговорокъ, не только по отношенію къ черной пло-

щадки, которая не признается настоящим *lapis niger*, но и къ вопросу объ остальныхъ памятникахъ. Если допустить, говорить Гюльзенъ, что это та могила Ромула, которую видѣли еще Варронъ и Гораций, тогда разрушеніе ея необходимо поставить въ вину не галламъ, а архитекторамъ Августа. Затѣмъ остается подъ сомнѣніемъ вся хронологія такъ называемой *stipe votiva*. Если она дѣйствительно вся состоитъ изъ предметовъ глубокой древности, VII, VI и V столѣтій, то какъ же объяснить себѣ полное отсутствіе болѣе позднихъ надѣлій? Могила Ромула существовала до времени Августа, неужели послѣднія четыре столѣтія не оставили около нея никакихъ слѣдовъ?

Уступки авторитетнаго германскаго археолога, не смотря на ихъ нерѣшительность, произвели пріятное впечатлѣніе на итальянскихъ поклонниковъ могилы Ромула и *lapis niger*. Прямѣе можетъ служить то, что пишетъ по этому поводу Вальера (*Fanfulla della Dom.* 4-го марта 1900): прежде насъ, Бони и меня, чуть ли не били, если не предпочитали смѣяться надъ нами, за то, что мы осмѣлились утверждать, что эта черная мостовая есть *lapis niger* древности, есть мнимая могила Ромула. Теперь какъ-то всё обратилось на путь истины, въ томъ числѣ Гюльзенъ въ послѣднемъ собраніи германскаго археологическаго института.

Какъ бы то ни было, пока остались въ силѣ всё сомнѣнія Гюльзена противъ полного и прямого отождествленія вновь открытыхъ памятниковъ съ могилею Ромула. Осталось доказать безъ всякихъ оговорокъ тожество нижней группы и нераздѣльность съ нею черной мостовой. Эту задачу принялъ на себя археологъ и историкъ Де-Санктисъ, вновь назначенный профессоръ древней исторіи при туринскомъ университетѣ. обстоятельная статья его появилась въ *Rivista di filologia* (Luglio 1900, стр. 406 — 446) подъ заглавіемъ *Il lapis niger e la iscrizione arcaica del Foro Romano*. Авторъ имѣлъ возможность отчасти пользоваться неопубликованными археологическими матеріалами изъ записокъ Бони и Савиньони, записка котораго о *stipe votiva* въ то время еще не была издана. Сначала Де-Санктисъ ставитъ цѣлью доказать, что найденные памятники не могутъ быть ничѣмъ другимъ, кромѣ могилы Ромула. Для этого онъ подвергаетъ критическому разсмотрѣнію разныя названія и опредѣленія мѣста, предлагаемыя другими учеными, напримѣръ, Вульканалъ (Пансъ, фонъ-Дунъ), *Sargeae palus* (Паясъ), *lacus Curtius* (Мазсъ), *mundus* (Милани). Доконать ихъ побѣдоносными аргументами не трудно. Большинство указанныхъ гипотезъ

было высказано на скорую руку, въ первые дни по открытіи мѣста, поэтому уже давно не поддерживались даже самими авторами. Выводъ Де-Санктиса такой: мѣсто—ни Vulcanal, ни Cargeae palus и такъ далѣе. Единственная гипотеза, которая можетъ выдержать критику (*regge alla critica*) это отождествленіе съ *lapis niger* и могилою Ромула. Аргументація, пожалуй, немного напоминаетъ знаменитый силлогизмъ: это—не быкъ, не корова, не свинья, слѣдовательно это лошадь. Важнѣе, чтобы теорія о могилѣ Ромула была доказана и въ самомъ дѣлѣ выдержала критику. Къ положительнымъ доказательствамъ, однако, Де-Санктисъ относится довольно поверхностно. Два илинтуса нижней группы служили постаментами для двухъ львовъ Варрона, это по словамъ Де-Санктиса, „довольно вѣроятно и приято почти всѣми“. Точная интерпретація литературныхъ источниковъ не позволяетъ сомнѣваться въ томъ, что *lapis niger* находился передъ рострами въ одномъ мѣстѣ, а конечно, и на одномъ уровнѣ со львами и рострами, а не 1½ метра выше ихъ. Но объ интерпретаціи и критикѣ источниковъ Де-Санктисъ имѣетъ такіе же смутныя понятія, какъ и всѣ его предшественники. Сообщение Феста, по его заявленію, напримѣръ, заимствовано у Варрона, а послѣдній узналъ о могилѣ Ромула отъ Фабія Пиктора (стр. 416, 421). Де-Санктиса поэтому и мало заботитъ интерпретація Феста. Что *Niger lapis* этого автора могъ лежать гдѣ-то надъ могилою Ромула, это тоже давно рѣшили *quasi tutti*. По догадкѣ Гаммурины (*T. di Rom.* р. 25), могила была разрушена уже галлами, а по предписанію авгуровъ (?) ее не реставрировали, но зарывъ, обозначили мѣсто черною надгробною плитою, которая въ теченіе вѣковъ превратилась въ нынѣшнюю черную мостовую. Теорія Де-Санктиса не уступаетъ этой догадкѣ по пылкости воображенія. Могила не была разрушена галлами, заявляетъ онъ, а самими римлянами при одной изъ перестроекъ форума. Тогда засыпала все мѣсто и покрыла, въ родѣ путеала (! ?), площадкою, вымощенною чернымъ мраморомъ. Мостовая въ теченіе вѣковъ, понятно, нѣсколько разъ поправлялась и измѣнялась, пока не достигла наконецъ того вида и той ориентаціи, въ которыхъ она была открыта. Относительно времени разрушенія „могила“, то-есть нижней группы памятниковъ, и одновременнаго сооруженія черной мостовой, Де-Санктисъ основываетъ свои заключенія на результатахъ Савиньони. Послѣдній судитъ такъ (*Not.* 1900 р. 145): хронологія обѣихъ приношеній вращается въ предѣлахъ между VII и I вѣками до Р. Хр., однако самыми обильными группами являются древнѣйшая и

позднѣйшая. Отсюда является возможность сдѣлать совершенно правильное заключеніе, что здѣсь были перемѣшаны остатки двухъ совершенно различныхъ слоевъ, одного очень архаическаго, и другого, доходившаго до I вѣка, или, другими словами, одного относившагося къ архаическимъ памятникамъ нижней площадки и другого, попавшаго туда при преобразованіи окружающей части форума, къ концу I вѣка, когда, можетъ быть, и была построена черная мостовая. Не обращая вниманія на указанное хронологическое дѣленіе найденныхъ предметовъ на двѣ группы, Де-Санктисъ въ новыхъ данныхъ видитъ только полную возможность и разрушеніе „могилы“, и постройку *laris niger* приурочить къ любому промежутку времени между VI и I столѣтіями. Выборъ срока въ концѣ концовъ падаетъ на начало I вѣка, такъ какъ въ перемѣшку съ *stipe votiva* найдены осколки мрамора не только чернаго и бѣлаго, но и желтаго (*laris Numidicus, giallo antico*). Древнѣйшій примѣръ употребленія желтаго мрамора какъ обыкновеннаго строительнаго матеріала, по свидѣтельству Плинія (N. H. 36, 49) относится къ 78 г. до Р. Хр., что даетъ поводъ Де-Санктису установить *terminus a quo*. Вопросъ, кѣмъ же наконецъ разрушены старинные священные памятники форума, получаетъ со стороны нашего автора очень неопредѣленное рѣшеніе. Отрицая возможность воздѣйствія гальскаго погрома, онъ предполагаетъ, что памятники сдѣлались жертвою какой-нибудь перестройки комиціи, въ началѣ I вѣка связанной съ новой планировкой его. При полномъ отсутствіи историческихъ или археологическихъ свидѣтельствъ или доказательствъ о подобномъ фактѣ, Де-Санктисъ долженъ удовольствоваться приведеніемъ разныхъ болѣе или менѣе отдаленныхъ параллелей, какъ то эксавгурація и разрушеніе жертвенниковъ Тита Тація, разрушеніе памятниковъ старины въ періодъ возрожденія искусствъ, постройки базиликъ на комиціѣ въ началѣ II столѣтія до Р. Хр., пожары I вѣка и т. п.

Не оспаривая, что у статьи Де-Санктиса есть нѣкоторыя несомнѣнные достоинства, мы касательно занимающаго насъ вопроса о могилѣ Ромула и *Niger laris* думаемъ, что она не принесла особенно большой пользы. Вопросъ о названіи и опредѣленіи открытыхъ памятниковъ ни мало не выясненъ Де-Санктисомъ, а скорѣе еще болѣе затемненъ. Изъ давняго наш очерка развитія вопроса видно, что уже съ самаго начала представители итальянской науки остановились на довольно поспѣшномъ и недостаточно провѣренномъ отождествленіи, при чемъ, вмѣсто спокойнаго обсужденія вопроса, къ дѣлу примѣши-

вались увлечения не чисто научнаго характера. Открытіе и научное объясненіе памятниковъ, вѣроятно, не встрѣтило бы даже и полонины того общаго интереса, который имъ теперь даетъ обаятельное для всѣхъ, а для многихъ почти священное имя основателя вѣчнаго города. Пока, за рѣдкими исключеніями, напримѣръ, Панса, всѣ итальянскіе ученые, которыми только обсуждался вопросъ, имѣли одно и то же догматическое убѣжденіе, что черная мостовая (lapis niger), виѣсть съ найденными подъ нею архаическими памятниками, составляютъ одну общую группу. Единственное разногласіе, принимавшее въ Италіи форму оживленной, по временамъ даже горячей полемики, вызвано второстепеннымъ уже вопросомъ, открыта ли въ дѣйствительности могила Ромула или такъ называемая только въ „древнѣшъ преданіи“ „могила Ромула“. Прикнуть къ той или другой формѣ общей догмы предоставлено индивидуальной вѣрѣ каждаго. Статья Де-Санктиса подкупаетъ воздержаніемъ его отъ всякой страстной полемики. Всеу него какъ-будто основано на спокойныхъ, разумныхъ разсужденіяхъ. Но доводы его въ сущности только изощренія разума для лишняго подкрѣпленія уже издавна крѣпко установившейся общей вѣры. Апологическій характеръ аргументаціи не могъ не вліять и на правильность примѣняемаго авторомъ научнаго метода. Если данные раскопками факты противорѣчатъ господствующимъ основнымъ взглядамъ, къ которымъ прикнулъ Де-Санктисъ, онъ замѣняетъ такіа неудобныя фактическія данныя другими, только возможными. На основаніи подобныхъ подтасовокъ достигнуто у него рѣшеніе трехъ самыхъ существенныхъ вопросовъ, относящихся къ могилѣ Ромула и lapis niger.

Первый вопросъ касается открытаго въ началѣ 1899 г. верхняго памятника. Это была неизвѣстнаго назначенія площадка, вымощенная чернымъ камнемъ, находящаяся на одномъ уровнѣ и имѣющая одинаковую ориентацію съ сосѣдней куріею Юлія Цезаря и Августа. Единственное правильное заключеніе отсюда можетъ быть то, что площадка была построена или одновременно съ куріею, или позднѣе ея. Это такъ же просто и вѣрно, какъ если мы будемъ заключать изъ факта обращенія фронта нашей Александровской колонны къ фронту Зимняго дворца, что колонна построена послѣ дворца. Фактъ остался яснымъ фактомъ и послѣ раскопки внизу лежащихъ слоевъ, ими не было обнаружено рѣшительно никакихъ новыхъ фактовъ, противорѣчащихъ первому. Де-Санктисъ все-таки счумѣлъ затемнить самъ по себѣ ясный фактъ, впутывая сюда совсѣмъ еще невыясненные „pozzi rituali“

открытые Бои, из которых невозможно вывести какого-либо заключения. В концѣ концов, такимъ образомъ получается „новый фактъ“, что черная площадка какъ слѣдуетъ въ какое-то столѣтіе была ориентирована иначе, только не по новой куріи. Другой истинный фактъ полное отсутствіе около черной площадки не только каменныхъ львовъ, но и малѣйшихъ слѣдовъ прежняго ихъ существованія въ этомъ мѣстѣ, напримѣръ остатковъ постаментовъ. Если допустить, что площадку, покрытую чернымъ мраморомъ, можно было называть „чернымъ камнемъ“, то очевидно, что этотъ *Niger lapis* не тотъ, который былъ у Варроновой „могила Ромула“, украшенной именно львами. Недочетъ, по примѣру другихъ, Де-Санктисъ пополнилъ двумя постаментами изъ числа архаическихъ памятниковъ, найденныхъ на 1½ метра ниже черной площадки, принадлежащихъ къ совершенно другому наслоенію урвилл, а слѣдовательно и къ другому, отдаленному періоду. На самомъ дѣлѣ и на нижнихъ постаментахъ нѣтъ львовъ, ихъ уже пришлось дополнить фантазією. Второй вопросъ, представляетъ-ли нижняя группа памятниковъ могилу Ромула, безусловно долженъ быть отрицаемъ, если судить по однимъ фактамъ. Не найдены здѣсь ни львы, ни черный камень, ни стела Госта Гостилія, наконецъ, близость роствъ не установлена пока ни однимъ положительнымъ фактомъ. Однимъ словомъ, вполне отсутствуютъ все признаки могилы Ромула, указываемые древними авторами. Приходится констатировать, что господствующее мнѣніе о тождествѣ открытаго мѣста съ могилою Ромула основано только на возможности прежняго находенія на „постаментахъ“ львовъ, фактически не существовавшихъ.

Третій вопросъ, о связи черной мостовой съ архаическими памятниками внизу лежащими, собственно уже предрѣшенъ двумя предъидущими вопросами. Единственный фактъ, соединяющій ихъ между собою, это приблизительное совпаденіе мѣста. Оно служило единственнымъ поводомъ къ соединенію верхнихъ и нижнихъ памятниковъ въ одну общую группу. Въ этомъ торопливомъ заключеніи, которое скоро безъ провѣрки было принято всеми итальянскими учеными, безъ сомнѣнія, можно признать главный источникъ той неострадной путаницы, въ которой теперь завязъ вопросъ объ объясненіи памятниковъ. Между тѣмъ уже простой здравый смыслъ требовалъ не увлекаться такою случайностью, какою является въ этомъ случаѣ совпаденіе мѣста. Надо было принять во вниманіе всю разницу временъ, рѣзко отличающую одну группу отъ другой. Нижняя группа носить на себѣ все признаки весьма отдаленнаго архаическаго періода. Самымъ яв-

нымъ свидѣтельствомъ глубокой древности служить найденная здѣсь *in situ* стела съ надписью, древнѣйшею изъ римскихъ надписей. Черная площадка, напротивъ, покрыта мраморомъ, который въ Римѣ вошелъ въ употребленіе только въ позднее время. Оріентація и уровень площадки соответствуетъ фронту и уровню новой курин, что заставляетъ сооруженіе ея отнести ко времени не позднѣе царствованія Августа. Положеніе и направленіе ея, наконецъ, значительно расходится съ нижнею грунною, послѣдняя покрывается ею только незначительною частью. Изъ этого видно, что черную мостовую устроили, не обращая никакого вниманія на нижніе памятники, давно, должно быть, засыпанные и покрытые.

Къ какому времени можно отнести разрушеніе и засыпку архаическихъ памятниковъ, вопросъ пока открытъ. Раздѣляемое многими, между прочими вами, предположеніе, что разрушеніе было произведено галлами, придется пока оставить въ сторонѣ. Вопросъ весьма осложнился послѣ сообщенія Савиньони. Относительно хронологіи слои обѣдненныхъ приношеній теперь придется считаться не съ однимъ слоемъ, а съ двумя главными слоями. Одинъ, по изслѣдованію Савиньони, весьма архаическаго происхожденія, другой относится къ послѣднему періоду республики. Если бы тотъ и другой были строго отдѣлены другъ отъ друга, легко было бы отнести первый къ нижнему священному мѣсту, а другой къ какому-то другому сосѣднему святилищу позднѣйшихъ временъ. Но всл *stipe votiva*, и старая, и новая, оказалась смѣшаннаго состава. Въ смѣси нашлись между прочимъ обломки того же чернаго мрамора, которымъ покрыта верхняя черная площадка. По объясненію Гюльзена (*D. h. G. 152, R. st. a. 389*), при закладкѣ черной мостовой, въ царствованіе Максенція была сдѣлана развѣдка почвы, для установленія мѣста старой могилы Ромула. Но изъ новѣйшаго важнаго сообщенія Бони (*Not. d. sc. 1900 Agosto*) о результатахъ его почвенныхъ изслѣдованій форума видно, что такіе же обломки чернаго мрамора попадаютъ и въ другихъ мѣстахъ, такъ напримѣръ въ разстояніи 8 и 10 метровъ отъ черной мостовой, какъ по направленію къ курин, такъ и со стороны форума ¹⁾, а кромѣ того еще дальше у базилики Эмилии „*sotto la platea di calcestruzzo di età augustea*“. Это наводитъ на мысль, что около времени закладки чер-

¹⁾ Обломки здѣсь были выкопаны изъ слоя земли, которая, по мнѣнію Бони (стр. 320), служила подкладкою для мостовой времени Цезаря или Августа. Замѣчательно, что въ томъ же слое мѣстами нашлись обѣдновыя приношенія такого же характера, какъ подъ черной мостовой.

ной мостовой, въ царствованіе Августа, по случаю новаго регулированія комиція и форума въ значительныхъ размѣрахъ была раскрыта почва, а потомъ послѣ поправки и скрѣпленія основы покрыта новою мостовою. По этому поводу, вѣроятно, были раскрыты также слои, лежавшіе подъ мѣстомъ черной площадки, слой состоявшій изъ отбросовъ архаическаго святилища и покрывавшій его другой изъ туфоваго щебня. Затѣмъ яма была засыпана въ томъ же порядкѣ, при чемъ къ старому священному мусору былъ подбавленъ таковой же изъ одного сосѣдняго святилища, въ то время или упраздненнаго, или перенесеннаго на новое мѣсто. Въ этотъ слой и въ щебень при засыпкѣ попали обломки черного мрамора отъ приготовленія кубиковъ для кладки верхней площадки. Каменьщики въ томъ же мѣстѣ обтесывали и бѣлый, и желтый мраморъ, обломки которыхъ также нашлись въ нижней смѣси. Достоинно при этомъ вниманія, что желтымъ мраморомъ какъ разъ были покрыты полы новой куріи Августа, какъ выяснено въ прошломъ году при изслѣдованіи основъ церкви св. Адріана.

Изъ всего вышесказаннаго для насъ ясно, что вопросъ о значеніи занимающихъ насъ памятниковъ форума долженъ быть поставленъ въ новомъ видѣ. Необходимо прежде всего совсѣмъ разъединить объясненіе архаическихъ нижнихъ памятниковъ и объясненіе памятниковъ верхней первой площадки. Начнемъ съ послѣдней. Мы уже достаточно говорили о доводахъ, заставляющихъ признать въ ней сооруженіе временъ Августа. Допускаемъ конечно, что въ триста лѣтъ до царствованія Максенція она могла придти въ ветхость и быть поправлена, какъ думаетъ Гюльзенъ, этимъ императоромъ. Отнести ея первую закладку къ болѣе раннему періоду Гюльзенъ затрудняется потому, что въ весь періодъ, начиная отъ времени Августа, въ литературѣ не упоминается о могилѣ Ромула. Но, по нашему мнѣнію, причина этому та, что этотъ новый *Niger lapis* Августа не имѣлъ формы могилы, а потому болѣе онъ и не считался и не назывался могилою Ромула. При разсмотрѣніи извѣстій Варрона, Дюпписія и Веррія Флакка (см. выше стр. 49 сл.) о старомъ *Niger lapis* или могилѣ Ромула мы пришли къ такому результату: на доцезаревомъ комиціѣ *pro rostris* находилась площадь, значеніе которой тѣмъ или другимъ образомъ было связано съ обычаемъ произносить *pro rostris* похоронныя рѣчи. Считаемъ вѣроятнымъ, что на этой площадкѣ выставлялись тѣла покойниковъ на время произнесенія съ самихъ ростръ рѣчей. Съ древнихъ временъ этотъ *locus funebris* былъ украшенъ подобающими надгробными символами греческаго образца, двумя львами и черною каменною плитою (*μάλακ*

пѣтра). Сходство обстановки съ настоящею могилою впоследствии вызвало разных ученыхъ этиологическія объясненія; между прочимъ Варрономъ была придумана теорія, что въ этомъ мѣстѣ былъ убитъ и похороненъ Ромулъ. Въ началѣ царствованія Августа площадка, мнимая могила, исчезла, одновременно съ перенесеніемъ рострѣ съ комиціа на форумъ. Обычай хвалить покойниковъ про *rostris* продолжался, конечно, по прежнему. Вѣроятно поэтому, что вмѣсто старой площадки устроена была новая, новый *Niger lapis*, для выставленія во время рѣчей покойниковъ. Невѣроятно только, чтобы Августъ позволилъ придать площадкѣ по старому видѣ могилы, такъ какъ теорія о могилѣ Ромула противорѣчила официально принятой легендѣ о его кончинѣ. Съ тою же цѣлью Веррій Флаккъ вмѣсто Варроновой теоріи пустилъ въ обращеніе новую теорію о прежней „могилѣ“, съ замѣною Ромула его пріемнымъ отцомъ Фавстуломъ. Призывая въ вновь открытой черной площадкѣ устроенную и преобразованную, по нашимъ предложеніямъ, при Августѣ площадку для выставленія покойниковъ во время произнесенія съ рострѣ похоронныхъ рѣчей, мы обращаемъ, въ заключеніе, вниманіе на то, что дѣйствительно и размѣры площадки, и положеніе ея между новыми рострами и новою куріею, ближе однако къ первымъ, вполне соотвѣтствуютъ предполагаемому нами назначенію ея.

Обратимся теперь къ нижней архаической группѣ памятниковъ. Мы въ прежней статьѣ своей указали на наблюденіе одного англійскаго археолога ¹⁾, что плинтусы, мнимые постаменты львовъ, собою напоминаютъ извѣстный видъ римскихъ жертвенниковъ. Другой независимый наблюдатель, французскій археологъ Дьелафоа, замѣтилъ поразительное сходство между профилямъ „постаментовъ“ и капителью дорическихъ колоннъ въ Пестумѣ. Давно извѣстны жертвенники въ видѣ дорическихъ капителей ²⁾. Очень недавно Милани въ *Rendiconti* напечаталъ академическую рѣчь, въ которой наши плинтусы прямо сравниваетъ съ этрусскими жертвенниками, въ особенности съ однимъ найденнымъ недавно близъ Физоле ³⁾. Между плинтусами найдены

¹⁾ Thomas Ashby Jun. (*Classical Review* 13 p. 321); two pedestals—having a simple base moulding like that of the primitive Roman ara.

²⁾ Dieulafoy C.-R. de l' Acad. des inscr. et b. l. 1899 p. 768. Реймъ у Pauly-Wissowa I 1873.

³⁾ *Rendic. Acc. Linc.* IX, 289 сл... Статья Милани производитъ въ общемъ не особенно пріятное впечатлѣніе, потому что авторъ считалъ нужнымъ пустить цѣлый фейерверкъ разныхъ сближеній, вмѣсто того, чтобы провести ос-

in situ кубической формы камень, который, думается намъ, соответствовалъ греческой πρόβωσις, каменной плитѣ или ступени, на которую наступалъ жрецъ при принесеніи жертвы. Въ пользу жертвенника говорить и тотъ фактъ, что за площадкою съ плитусами открыты слѣды еще нѣсколькихъ площадокъ съ плитусами, по общему характеру похожими на первую площадку (см. Компаретти стр. 3). Открыты, по всей вѣроятности, остатки цѣлой группы жертвенниковъ, число которыхъ, полагаемъ, еще увеличится при продолженіи раскопокъ. Заключенія Савиньони о происхожденіи такъ называемой *stipe votiva*, какъ мы раньше видѣли (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1900 ноябрь, стр. 91), также приводятъ къ предположенію цѣлой группы сосѣднихъ святилицъ или жертвенниковъ (*sacella*), посвященныхъ, очевидно, разнымъ божествамъ.

Мы пришли къ заключеніямъ, близкимъ къ первой мысли Гюльзена (къ сожалѣнію, потомъ оставленной въ пользу могилы Ромула), что раскопками 1899 года на форумѣ открыты какія-то святилища древнѣйшаго періода, о которомъ молчатъ наше литературное преданіе. Нѣтъ сомнѣнія, что начало ихъ восходитъ къ тому отдаленному періоду, который мы привыкли называть царскимъ. Лѣтописныя замѣтки въ этотъ вѣкъ еще не дѣлались, поэтому настоящая исторія для насъ на вѣки покрыта мракомъ. Но, безъ сомнѣнія, существовала тогда уже другой родъ литературы, ритуальная литература римскихъ жрецовъ. Ея дакия служили однимъ изъ главныхъ источниковъ для этиологическихъ догадокъ, которыми древнѣйшіе издатели *анналя* понтификсовъ наполнили бѣлые листы исторіи царскаго періода. На одну изъ духовныхъ расказней невольпо обратилось наше вниманіе, съ тѣхъ поръ, что намъ выяснилось отношеніе архаической стелы съ надписью и сосѣдняго конуса къ культу Термина. Введеніе его культа въ *анналахъ*, вѣроятно уже въ *анналахъ* Тиберія Корунканиа третьяго столѣтія, приписывалось царю Тяту Тацію, наряду съ культами четырнадцати другихъ божествъ. Устроенные Таціемъ на мѣстѣ Капитолійскаго храма жертвенники затѣмъ будто бы были удалены при Тарквиніѣ Гордомъ, только Термина не могли сдвинуть съ мѣста (*Termino fanum fuit: id nequitiis exaugurati, Катонъ у Феста 162*). Цѣль легенды, говоритъ Преллеръ (R. M. 1,255), выразить недвижимость Термина и идеальную его связь съ Юпитеромъ.

новую свою мысль. Авторъ обѣщавъ вернуться къ своему предмету въ издаваемой имъ *seria Studi e Materiali di Archeol. e Numism.*

Съ культомъ капитолийскаго Юпитера связаны еще чтимыя также въ капитолийскомъ храмѣ богини *Inventas*, уравненная съ дочерью Зевса, "Нѣтъ; ватѣмъ *Ops*—*Pea*, мать Зевса по греческой мифологіи. Вѣроятно, Терминъ сдѣлался сообщникомъ капитолийскаго культа тоже подъ руководствомъ грековъ или греческаго оракула Сивиллы. *Terminus* въ позднѣйшихъ надписяхъ называется *Iupiter Terminus* или *Iupiter Terminalis*, это переводъ названія *Zeús "Opus*, греческаго бога границъ. Въ приуроченіи стараго латинскаго бога къ греческому Юпитеру должно усмотрѣть настоящую причину, почему присоединили Термина къ капитолийскому культу. Легенда третьяго столѣтія по обыкновенію всѣхъ этиологическихъ легендъ подкладываетъ новую историческую причину. Несостоятельность легенды обнаруживается еще въ другомъ пунктѣ. Терминъ вовсе не единственный изъ боговъ Тація который остался на Капитоліѣ. Въ самомъ храмѣ Юпитера устроился *Summanus*, а въ ближайшемъ сосѣдствѣ *Vediovis*. Подобно Термину она также прежде считались самостоятельными богами, потому были приурочены къ Юпитеру (*Iupiter Summanus*, *Vedius Iovis*). Скорѣе эти божества когда-то были откуда-то присоединены къ Юпитеру, чѣмъ удалены отъ него, какъ то увѣриеть легенда о неподвижности Термина.

Во всякомъ случаѣ жертвенники божествъ Тація, несмотря на *exaugurio* ихъ, когда-то дѣйствительно существовали и составляли совершенно опредѣленную группу соединенныхъ святилищъ, такъ какъ извѣстіе о нихъ сохранилось въ жреческой литературѣ, можетъ быть въ одной изъ ритуальныхъ формулъ, входившихъ въ книги понтификовъ. Почему эти божества приписывались сабинянамъ, мы не знаемъ; замѣчательно, что большинствомъ позднѣе не имѣло своихъ святилищъ въ четырехъ районахъ древнѣйшаго палатинскаго Рима, но около капитолийской и квинринальской горъ, въ границахъ сабинскаго пригорода. Христіанъ Петерсенъ, самый лучший знатокъ исторіи системъ двѣнадцати божествъ Греціи и Италіи, въ божествахъ Тація призналъ древнѣйшую такую систему въ Римѣ ¹⁾. Система, вѣроятно, состояла изъ 1) *Saturnus et Ops*, 2) *Vediovis*, 3) *Sol et Luna*, 4) *Vulcanus*, 5) *Summanus*, 6) *Quirinus*, 7) *Vortumnus*, 8) *Lares et Larunda*, 9) *Terminus*, 10) *Flora*, 11) *Diana*, 12) *Lucina*. Другая система 12 божествъ, можетъ быть палатинскихъ римлянъ,

¹⁾ Das Zwölfgöttersystem der Griechen u. Römer, Abth. II Hambg 1868, стр. 15.—Preller-Jordan Röm. Myth. 1, 66 сл.

сохранилась въ названіяхъ 12 фламинновъ *flamines*. Потому въ неизвѣстное для насъ время въ Римъ была введена система 12 греческихъ божествъ, по всей вѣроятности подъ вліяніемъ свивалльныхъ книгъ. Этими новыми *Compentes*, по примѣру Аевнъ и многихъ другихъ греческихъ городовъ, было отведено священное мѣсто на форумѣ, гдѣ до сихъ поръ еще видны остатки ихъ портика.

Кончаемъ свои разсужденія вопросомъ: не находился ли въ томъ же западномъ концѣ форума, прилежающемъ къ „сабинскому“ капитолію до введенія сюда греческихъ *Compentes*, подобный же культъ сабинскихъ божествъ, группа жертвенниковъ, окружавшихъ въ срединѣ лежавшую общую площадку? Открыты до сихъ поръ остатки жертвенниковъ и слѣды одного изъ сабинскихъ боговъ, Термина, а если вѣрять Милани (ук. м. стр. 300) и Бони (*Notiz. d. sc.* 1900 стр. 325) еще бронзовый идолъ второго, Вертумна. Отъ дальнѣйшихъ раскопокъ ожидаемъ рѣшеніе этого нашего предварительнаго вопроса.

А. Эрманъ.

ПОЭТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ „АЛЬКЕСТЫ“ ЕВРИПИДА.

Концепція античной эллинской драмы была сложнѣе, чѣмъ концепція драмы современной, потому что въ нее должны были входить элементы орхестической ¹⁾ и музыкальный.

Но если мы ограничимъ понятіе драмы областью слова, то, не смотря на отдаленность той ступени духовной жизни человѣчества, на которой стояли аонскіе драматурги V вѣка, намъ, пожалуй, легче будетъ разобратся въ поэтическомъ замыслѣ „Алькесты“, чѣмъ въ концепціяхъ „Зимней Сказки“ Шекспира или „Ифигеніи“ Гете,—я не говорю уже о драмахъ Метерлинка или Гауптманна.

Главная причина этого лежитъ не въ томъ, что самая трагедія древнихъ была строже, *каноничнѣе*, и ея положенія условнѣе,—а въ томъ, что мнѣ, эта первооснова всей нашей поэзіи, игралъ въ ней болѣе опредѣленную и болѣе логичную роль, чѣмъ въ новомъ искусствѣ.

Мнѣ даетъ себя чувствовать и въ новой поэзіи. Прежде всего въ фабулахъ, конечно, въ моральныхъ развязкахъ и въ томъ поэтическомъ возмездіи, которое такъ строго осуждалъ въ трагедіи Шпенгауеръ.

Затѣмъ, поэтический стиль, не является-ли и онъ до сихъ поръ тяжкимъ наслѣдіемъ древности? Освободительныя попытки символистовъ нашихъ дней заслуживаютъ въ этомъ отношеніи большаго вниманія всѣхъ лицъ, которые интересуются вопросомъ объ эволюціи творческаго ума. Обратимся-ли къ содержанію поэзіи и припомнимъ-ли, напримѣръ, „смерть локомотива“ изъ „La bête humaine“. Кто скажетъ, что эта дань мнѣю, хотя и уплаченная бульварной монетой,

¹⁾ См. по этому поводу интересную книгу: *Dramatische Orchestik der Hellenen v. Chr.* Kirchhoff, Leipzig 1899.

была отдана тѣмъ самымъ смѣлымъ теоретикомъ романа, который уже давно и навсегда порвалъ съ условностями, традиціей, и который такъ тѣсно и, по своему, логично приблизилъ поэзію къ области экспериментальныхъ знаній?

А герої романа, съ его *условной центральностью*, съ наивной *аффектаціей* его *страстей, помысловъ и страданій*—развѣ это не мнеческій пережитокъ? А *мистицизмъ*, верѣдко переходящій въ дѣтскій страхъ передъ фетишемъ, или *пантеизмъ*, прославленный именами Гете, Льва Толстого и Леконта-де-Лиль и вступившій въ новую стадію своего развитія въ идеологіяхъ Мориса Баррессъ,—развѣ это въ основѣ своей не тѣ же бессознательно живущіе въ насъ остатки мнеческихъ вѣрованій?

Вотъ именно вслѣдствіе этого-то накопленія пережитковъ, которые бессознательно пропикаютъ въ концепцію поэтического произведенія,—чѣмъ это произведеніе ближе къ намъ, тѣмъ труднѣе бываетъ разобратъ въ его концепціи.

Но и въ античной трагедіи мы не свободны отъ труда анализировать пьесу съ точки зрѣнія бессознательнаго или полусознательнаго вліянія мифа. Ко времени Еврипида мифы частью уже успѣли создать легенды, т. е. принять въ который мѣстный или національный колоритъ, а частью получили лѣтописную или художественную обработку. Но оперировать ему въ концѣ концовъ все-таки приходилось падъ мифами, и первый моментъ въ концепціи драмы былъ мифургическій... Моментъ этотъ зависѣлъ, конечно, прежде всего отъ популярности мифа: если сюжетъ былъ общезвѣстенъ, вродѣ преслѣдованій Геракла Герой, убійства Агамемнона женой, злочленіи Эдипа или резигнаціи Алькесты,—то роль мифурга была проще; но были мотивы и мифы болѣе рѣдкіе: напримѣръ, фиктивный бракъ Электры, пребываніе Елены въ Египтѣ, исторія Іона,—и тогда поэту приходилось отыскивать въ книгахъ или придумывать детали мифа и, кромѣ того, ставить свой мнеческій матеріалъ въ связь съ событіями, извѣстными его слушателямъ. Наконецъ, поэту верѣдко приходилось также дѣлать выборъ между вариантами, и комбинировать или фиксировать детали. Кромѣ момента *мифургическаго*, который въ концепціи всего естественнѣе разсматривать на первомъ мѣстѣ, мы различаемъ въ ней моменты *психологическій* и *индивидуальный*. Отъ мифа, единственнымъ законнымъ сыномъ котораго можетъ считаться *эпосъ*, никто не требовалъ реальности, такъ какъ онъ былъ фантастиченъ по самому своему существу,—но когда мифъ являлся основой для драмы,

то жизнь и, главное, душевная жизнь героев придавала ему особую окраску, и авторъ драматизированнаго миеа долженъ былъ считаться съ дѣйствительностью: со сцены ждали захватывающаго ужаса и властнаго надъ душой состраданія. Психологин вносила свои поправки въ миеа, и элементы миеургической и психологической въ душѣ зрителя, а можетъ быть, и поэта, нерѣдко вступали въ коллизію. Эсхилъ былъ, конечно, болѣе всѣхъ положъ вѣры въ единого, великаго и справедливаго Зевса, Зевса Орестин; но существо, которое посылало своихъ обезличенныхъ приспѣшниковъ для страшнаго наказанія благодѣтеля человѣчества, не могло не возбуждать въ зрителяхъ совсѣмъ иныхъ чувствъ: Промееева Зевса не могли не чувствовать, а, значитъ, отчасти не могли и не судить иначе, какъ если бы онъ былъ человѣкомъ.

Третій моментъ драматической концепціи—это моментъ *индивидуальный*. Душа поэта выражается не только въ обработкѣ сюжета и характеровъ, мы ищемъ ея отблесковъ и въ гномахъ, плачахъ, сатирическихъ выходкахъ, мистификаціяхъ, политическихъ намекахъ. Мы ищемъ въ текстѣ пьесы замысла, цѣли поэта, а если есть намекъ на тенденцію, то и тенденціи. *Индивидуальный* моментъ пьесы составляетъ самое зерно концепціи, и при этомъ въ немъ бываетъ наиболѣе проблематическаго. До сихъ поръ такія пьесы, какъ „Алькеста“ или „Вакханки“, представляютъ наиболѣе загадокъ именно съ точки зрѣнія поэтическаго замысла. Кто возьмется сказать навѣрное, напримѣръ, хотя это и весьма вѣроятно, что „Вакханки“, дѣйствительно, палинодія Еврипида, что это явленіе реакціонной эпохи? Между тѣмъ, миеургической и психологической моментъ трагедіи „Вакханки“ могутъ быть выяснены съ должной точностью, не возбуждая въ являющихся особыхъ разногласій. Разсматривая, поскольку міросозерцаніе античнаго поэта отражалось въ его драмѣ, надо помнить также, что онъ отдавалъ не только эстетическія достоинства своего произведенія на судъ избранныхъ цѣнителей, но и себя самого непосредственному суду праздничной толпы въ двадцать тысячъ зрителей. Въ виду вкусовъ, предразсудковъ и настроеній этой толпы, поэту приходилось многое выражать намеками, аллегоріями и мистификаціями, такъ что нерѣдко изъ тысячъ его могли понимать развѣ десятки людей.

Разсмотримъ содержаніе „Алькесты“. Прологъ довольно слабо связанъ съ дальнѣйшимъ ходомъ дѣйствія, и лица, въ немъ участвующія, на сценѣ больше не являются. Аполлонъ выходитъ изъ дворца вассадійскаго царя Адмета и рассказываетъ театру, что онъ нѣкогда

перебилъ киклоповъ, изготовившихъ Зевсу перуны, которымъ тотъ, въ наказаніе за воскрешеніе мертвыхъ, убилъ его сына Асклея, и что въ видѣ возмездія онъ, Аполлонъ, сослалъ былъ въ Тессалію, въ поденщики къ ферскому царю Адмету; изъ его-то дома онъ теперь и выходитъ въ послѣдній разъ и уже не въ качествѣ пастуха и привратника.

Онъ сообщаетъ также, что, такъ какъ Адметъ былъ благочестивъ, то онъ, Аполлонъ, хитростью добился отъ богинь судьбы, чтобы Адмету дозволено было замѣнить себя охотникомъ у Смерти, которой онъ былъ за что-то преждевременно обреченъ. Мы узнаемъ изъ словъ Аполлона, что Адметъ обошелъ всѣхъ своихъ друзей, не миновавъ старыхъ родителей, но не нашелъ никого, кто бы пожелалъ пожертвовать за него жизнью: одна цвѣтущая Алькеста рѣшилась замѣнить мужа. И вотъ сегодня приспѣлъ день для ея разлуки съ жизнью. Аполлону же приходится покинуть дворецъ Адмета ранѣе, чѣмъ за его порогъ ступить Смерть, такъ какъ видъ мертваго не долженъ осквернять его божественнаго взора (vv. 1—27).

Между тѣмъ на сценѣ появляется Смерть: это демонъ, огромнаго роста, въ черной одеждѣ, можетъ быть даже съ черными крыльями; въ рукахъ у него большой мечъ. Слѣдуетъ сцена между богомъ и демономъ. Аполлонъ уговариваетъ Смерть дать Алькестѣ дожить до старости, соблазнивъ демона роскошью похоронъ старухи. Но демонъ остается непреклоннымъ. Сцена заканчивается на томъ, что разгнѣванный Аполлонъ, гнѣвно удаляясь, предсказываетъ демону смерти поражение отъ мужа, котораго пошлетъ Еврисеѣй, а демонъ входитъ въ домъ, чтобы коснуться до волосъ Алькесты мечомъ, и тѣмъ посвятить ее адскимъ богамъ (vv. 28—85).

На сцену выходятъ хоръ ферейскихъ гражданъ, возрастъ которыхъ, по видимому, подходитъ къ возрасту Адмета а не къ лѣтамъ его отца (vv. 86—135).

Въ хорѣ слышатся тревожные и печальные голоса. Не рѣшаясь войти въ домъ, который кажется имъ охваченнымъ какой-то особой зловѣщей тишиной (вспомнимъ, что туда только что вошла Смерть), друзья Адмета обмѣливаются замѣчаніями: одно полухоріе настроено болѣе спокойно, хоревты другого близки къ отчаянію. Общій хоръ поетъ о безуспѣшности жертвъ и молитвъ и съ грустью вспоминаетъ объ Асклепѣ, который нѣкогда воскрешалъ мертвыхъ.

Корифей (v. v. 136—140) пятью ямбическими триметрами возбѣщаетъ приближеніе заплаканной служанки. За сдержаннымъ во-

просомъ, который онъ обращаетъ къ вышедшей изъ дворца, слѣдуетъ сцена корифея со служанкой, гдѣ главную часть составляетъ рассказъ служанки о положеніи Алькесты (vv. 141 — 212). Передаются трогательныя подробности о томъ, какъ Алькеста, различивъ между днями свой послѣдній, молилась богинѣ домашняго очага о счастьѣ своихъ дѣтей, съ какой свѣтлой молитвой она въ послѣдній разъ поклонилась домашнимъ алтарямъ, какъ она плакала, прощаясь съ своимъ брачнымъ ложемъ, и какъ плакали всѣ слуги, прощаясь съ доброй царицей, которой слабость не помѣшала выслушать каждаго слугу, какъ бы ни былъ онъ низко поставленъ, и каждому протянуть руку.

Слѣдуетъ небольшой лирической перерывъ (vv. 213 — 243). Тревога хора становится болѣе нервной. Молитва помочь Адмету, въ которой настойчивость отзывается безнадежностью, ведетъ за собою страхъ, какъ бы Адметъ не положилъ на себя рукъ, увидѣвъ трупъ лучшей изъ женъ. Въ это время на сцену показывается процессія—Адметъ съ Алькестой на рукахъ, дѣти, рабы; хоревты встрѣчаютъ ихъ призывомъ къ плачу. Видъ этой разрушающейся семьи наводитъ на грустныя лирическія размышленія о непрочности радостей брака. Начинается сцена между Алькестой и Адметомъ. Сначала слова Алькесты уложены въ лирическіе размѣры, а Адметъ говоритъ ямбическими двуступищами, какъ бы прерывая ея монодію (vv. 244 — 272). Алькеста бредитъ — при чемъ ей чудятся адскіе боги, а двуступища Адмета, выражая участіе, являются какъ бы холоднымъ отзвукомъ дѣйствительности. Но наконецъ и онъ, въ страстныхъ лирическихъ словахъ (vv. 273 — 279), молить жену не умирать: онъ чувствуетъ, что смерть, которою въ эту минуту выкупается его жизнь, сдѣлаетъ для него существованіе совершенно невозможнымъ. Вся дальнѣйшая часть сцены (vv. 280—392) написана ямбическими триметрами. Сначала это длинное завѣщаніе Алькесты, въ которомъ говорится о смыслѣ и цѣнности жертвы, принесенной ею прежде всего для блага дѣтей; замѣня царица проситъ мужа не давать дѣтямъ мачихи. Кромѣ этой цѣны мыслей, Алькеста отмѣчаетъ въ своей рѣчи эгонизмъ старыхъ родителей Адмета.

Адметъ въ страстномъ монологѣ славить Алькесту и старается успокоить ея опасенія обѣтомъ вѣчнаго widowства и траура. Онъ мечтаетъ о ея статуѣ, которая на брачномъ ложѣ должна замѣнять ему Алькесту. Онъ клянетъ родителей, а слѣдомъ всѣ радости жизни,

всѣ утѣшенія столь любимой имъ музыки, и жалѣть что судьба не дала ему силы волшебной власти Орфея.

Слова заканчиваются увѣреніемъ, что онъ, Адметъ, здѣсь прикажетъ похоронить себя въ ея гробѣ, и просьбою, чтобы Алькеста тамъ, въ безсолнечномъ царствѣ Аида, приготовила домъ для ихъ совмѣстнаго обиталища. Алькеста вручаетъ ему дѣтей, послѣднее, что связываетъ ее съ міромъ, и послѣ краткаго обмѣна строкъ, полу-строкъ и наконецъ словъ, во время котораго чувствуется, какъ силы постепенно и уже окончательно покидаютъ Алькесту, она умираетъ.

Слѣдуетъ плачь (эренъ) Евмела, сына Адмета и Алькесты, при чемъ онъ обращается то къ матери, то къ отцу, то къ маленькой сестрѣ. Строфа и антистрофа эрена раздѣляются безцвѣтнымъ двустихіемъ Адмета (vv. 393—415).

Послѣ нѣсколькихъ строкъ холодныхъ утѣшеній со стороны корифея, который Адметъ отклоняетъ съ большимъ достоинствомъ, царь обращается къ окружающимъ съ просьбою почтить усопшую пзаною. Онъ идетъ готовить выносъ, а пусть подданные его подумаютъ объ установлеиіи строжайшаго годичнаго траура (vv. 416 — 434).

Въ красномъ музыкальномъ антрактѣ, состоящемъ изъ двухъ рятмическихкихъ паръ, хоръ славить Алькесту: она должна принести радость въ домъ Аида: пусть даже старый перевозчикъ знаетъ, что на разу волиѣ Ахеронта не приходилось поднимать лучшей жены. Хоревты пророчатъ Алькестѣ и долгую славу, связанную особенно съ культомъ Аполлона и лпрой.

Дѣйствіе возобновляется приходомъ Геракла. Изъ обмѣна строкъ съ корифеемъ и словъ самого Геракла (vv. 476 — 509) мы узнаемъ, что онъ зашелъ въ Феры по дорогѣ во Фракію, откуда онъ долженъ пригнать къ Еврисею дикихъ коней Діомеда, и что уже не первый разъ приходится ему, Гераклу, вступать въ борьбу съ родомъ Ароя.

Затѣмъ слѣдуетъ сцена между Адметомъ и Геракломъ (vv. 509 — 550). Адметъ, который не можетъ скрыть ни слѣдовъ слезъ, ни остриженныхъ въ знакъ траура волосъ, скрываетъ отъ гостя, что умерла Алькеста, хотя изъ словъ его можно понять, что, послѣ выраженной Алькестю рѣшимости, онъ уже не числитъ ее среди живыхъ. Узнавъ, что въ домѣ есть покойница, хотя и не кровная Адмету, но близкая семья, и что ее сегодня же хоровятъ, Гераклъ хочетъ уйти, но Адметъ рѣзко противится этому и приказываетъ рабу, проводивъ гостя въ отдаленный покой, позаботиться какъ объ его

угощения, такъ и о томъ, чтобы стоны и плачь въ домѣ не смутя пира.

Когда Гераклъ уходитъ вслѣдъ за работою, между корифеемъ и Адметомъ происходитъ горячее объясненіе (vv. 551 — 567), изъ котораго мы узнаемъ о томъ высокомъ значеніи, которое Адметъ придавалъ праву друга на гостепримство. Слѣдующій музыкальный антрактъ состоитъ изъ двухъ ритмическихъ паръ (vv. 568 — 605). Въ первой прославляется гостепримство Адмета и его дивный гость— Аполлонъ, добрый пастухъ и волшебный музыкантъ.

Во второй славится обширность Адметова царства и мудрое уваженіе этого царя къ праву ближняго, чувство, которое не оставляетъ его сердца и въ горѣ. Въ заключеніе въ хорѣ слышится надежда на славный подвигъ почтеннаго Адметомъ гостя. Дѣйствіе возобновляется появленіемъ Адмета, который возвѣщаетъ вынось Алькесты (vv. 606 — 613). Между тѣмъ на сцену съ дарами и траурной свитой, и самъ въ траурѣ, появляется старый Феретъ, отецъ Адмета. Слѣдуетъ сначала его обращеніе къ сыну, потомъ къ покойной и наконецъ къ окружающимъ (vv. 614 — 628). Перваго онъ утѣшаетъ, вторую славить. Адметъ, не подходя къ отцу и не подпуская его къ покойной, въ страстной, негодующей рѣчи отвергаетъ его дары и участіе (vv. 627—672). Онъ считаетъ Ферета истиннымъ убійцей Алькесты, а его теперешній приходъ глумленіемъ надъ покойной и надъ горемъ ея вдовца. Въ гнѣвѣ онъ готовъ допустить даже мысль о незаконности своего рожденія.

Во всякомъ случаѣ, съ этихъ поръ у него, Адмета, нѣтъ уже никакихъ обязательствъ передъ этимъ человекомъ, и онъ проницательно совѣтуетъ ему озаботиться рожденіемъ новыхъ сыновей, чтобы не остаться въ старости безъ поддержки, а по смерти безъ похоронъ. Насмѣшка надъ жизнелюбиемъ трусливой старости замыкаетъ его слова. Отецъ (vv. 675—705) съ большимъ спокойствіемъ и достоинствомъ, но меньшей извѣстностью, возвращаетъ сыну упрекъ въ трусости; онъ оправдываетъ себя строгимъ соблюденіемъ своихъ отцовскихъ обязанностей, по скольку эти обязанности определяются *эллиническимъ* обычаемъ — въ грубости Адмета ему точно слышится Лидіецъ или Фрягіецъ, на это есть намекъ и въ рѣчи. — Корифей напрасно старается двумя двуступищами, которыя слѣдуютъ за той и за другой рѣчью (vv. 673 sq., 706 sq.) остановить ссору. Она разгорается (vv. 708 — 740), и откровенное, почти циническое жизнелюбіе старика, вмѣстѣ съ его равнодушіемъ къ загробной славѣ, встрѣчаетъ

въ энергичномъ обмѣнѣ строкъ громкое осужденіе со стороны Адмета, которое было бы убѣдительно въ устахъ другого. Въ заключеніе Феретъ пророчитъ Адмету мечь со стороны брата Алькесты, Акаста, а Адметъ, въ свою очередь, прокликаетъ и отца, и мать, посылая въ догонку отцу, что онъ готовъ хоть сейчасъ черезъ герольдовъ порвать навсегда съ отцовскимъ домомъ.

Вслѣдъ за Адметомъ и траурнымъ кортежемъ покидая сцену (741—746), хоръ вздыхаетъ о преступной дерзости и молитъ для почившей счастья въ домѣ Анда.

На сцену тѣмъ временемъ выходитъ рабъ, тотъ самый, на долю котораго выпало угощать Геракла. Онъ съ негодованіемъ рассказываетъ (vv. 747—772) зрителямъ о неприличномъ поведеніи гостя, который все еще шумно пируетъ въ печальномъ домѣ: его нестройное пѣніе мѣшается тамъ со сдержаннымъ плачемъ слугъ, которые, изъ страха нарушить волю Адмета, попрятались по угламъ.

Слѣдомъ появляется и Гераклъ, уватый мартомъ. Въ словахъ обращенныхъ къ рабу (vv. 773—801) герой сначала укоряетъ его за хмурый видъ, столь непристойный на пиру передъ гостемъ и другомъ его хозяина, потомъ учитъ его пользоваться радостями минуты въ виду безнадежной безвѣстности будущаго, даже ближайшаго, и заканчиваетъ дружескимъ приглашеніемъ раба раздѣлить съ нимъ кубокъ. Слѣдуетъ обмѣнъ строкъ между Геракломъ и рабомъ и монологъ Геракла, котораго рабъ не слышитъ (vv. 807—860). Гераклъ узнаетъ отъ раба о смерти Алькесты и о причинахъ неоткровенности Адмета. Послѣ мгновенной вспышки гнѣва Гераклъ, не желая терять ни минуты и успѣвъ сорвать съ себя только огибавшую ему голову миртовую вѣтку, спрашиваетъ раба о мѣстѣ погребенія. Въ энергическомъ монологѣ Гераклъ изъявляетъ рѣшимость отбить у демона смерти его добычу, хотя бы для этого пришлось спуститься въ преисподнюю: онъ не хочетъ оставаться въ долгу у своего деликатнаго друга. Затѣмъ онъ уходитъ, а въ оркестру возвращается хоръ (эпипародъ) и Адметъ. Слѣдуетъ лирическая сцена плача (коммодъ) со вставкою хорового мелоса и монодій Адмета (vv. 861—934).

Затѣмъ Адметъ въ довольно длинномъ монологѣ (vv. 935—961) объясняетъ всю безнадежность своего положенія въ пустомъ и холодномъ домѣ, среди плачущихъ дѣтей и недовольныхъ слугъ и съ клеймомъ вѣчнаго безславія. Далѣе слѣдуетъ хоровой мелосъ изъ двухъ строфическихкихъ паръ (vv. 962—1005), гдѣ хоревты воспѣваютъ Ананку, силу, для которой нѣтъ ни алтарей, ни кумировъ, и кото-

рой чуждо состраданіе или снисхожденіе; хотя Адметъ и лишился жены, но утѣшеніемъ ему должно служить, по мнѣнію хора, то, что ея могила станетъ храмомъ для окрестныхъ жителей и путниковъ.

Новымъ появленіемъ Геракла, которое возвыщаетъ корифей, открывается исходъ (vv. 1006 sqq.).

Сынъ Алкмены ведетъ передъ собою молодую и богато одѣтую женщину, лицо которой покрыто фатой. Изъ разсказа его и послѣдующаго разговора съ Адметомъ оказывается, что это добыча, которую онъ, Гераклъ, получилъ на атлетическомъ состязаніи, какъ самый почетный призъ за самую трудную побѣду. Такъ какъ ему придется идти во Фракію, къ Діомеду, то онъ и проситъ Адмета поддержать у себя до его возвращенія стоящую здѣсь рабыню съ тѣмъ, чтобы, если онъ не вернется, она оставалась у него навсегда. Адметъ отказывается на-отрѣзъ: это кажется ему тѣмъ менѣе возможнымъ, что подало бы поводъ къ толкамъ, оскорбительнымъ для памяти покойной. Но какъ ни молить онъ друга скорѣе удалить гостью, которая своимъ сходствомъ съ Алькестю, только растриваетъ его свѣжую рану, Гераклъ настаиваетъ, чтобы тессалійскій царь оставилъ ее у себя. Ему удается, наконецъ, заставить Адмета коснуться до руки женщины, и въ этотъ моментъ онъ срываетъ съ нея покрывало и показываетъ присутствующимъ Алькестю, которую онъ, какъ они скорѣ узнаютъ, отнявъ у демона смерти, схватившись съ нимъ въ рукопашную надъ самой могилой. Адметъ радостно обнимаетъ Алькестю, которая еще безмолвна, потому что съ нея до трехъ дней не можетъ быть снято посвященіе подземнымъ богамъ. Въ заключеніе Гераклъ, завѣщая царю Феръ быть всегда гостеприимнымъ и справедливымъ, уходитъ, несмотря на приглашеніе Адмета раздѣлить съ нимъ радостный пиръ, а торжествующій Адметъ, не боясь небесной зависти, приказываетъ объявить о своемъ счастьѣ на всѣ чатыре конца Тессалійскаго царства.

Онъ уводитъ Алькестю въ домъ, а хоръ покидаетъ сцену подъ одинъ изъ обычныхъ финаловъ, состоящій изъ пяти строкъ анапестовъ.

Эта передача содержанія устанавливаетъ три факта: 1) передъ нами не трагедія, а пьеса, какого-то особаго вида, хотя и не драма сатировъ, 2) содержаніе пьесы, несмотря на присутствіе элементовъ, необычныхъ для трагедіи, серьезно, и 3) хоровыи партіи тѣснымъ образомъ связаны съ діалогомъ, что придаетъ произведенію мѣстами лирической характеръ, а самую пьесу дѣлаетъ болѣе цѣльной.

II.

Если вѣрить схолиасту, то Еврипидъ взялъ фэбулу „Алькесты“ изъ мѣа, жившаго въ его время въ устахъ народа¹⁾, изъ простонароднаго мѣа. Къ сожалѣнію, мы ничего не знаемъ о литературныхъ источникахъ Еврипида. Изъ драмы, приписываемой традиціей Фриниху трагику, до насъ дошло у Исихія 1½ строки, въ которыхъ сомнительно чтеніе двухъ главныхъ словъ, и проблематически сюда же относятся²⁾ нѣсколько строкъ изъ комментарія Сервія къ Энеидѣ (Verg. Aen. 4, 694). Морисъ Круазе далъ намъ³⁾ блестящую характеристику Фриниха, гдѣ есть черты весьма, соблазнительно намекающія на фактъ его вліянія на творчество Еврипида, но, къ сожалѣнію или счастью, соображеній о вліяніи одной Алькесты на другую мы не находимъ и у него. Вилламовицъ думаетъ, что пьеса Фриниха была балаганной пьесой⁴⁾, а Бергкъ хочетъ видѣть намекъ на нее въ *ἄλορος* *βρυοῦ* еврипидовскаго хора (Alc. v. 445 sqq.)⁵⁾; но эти сужденія не прибавляютъ намъ фактовъ для характеристики „Алькесты“ Фриниха. По счастью, Вилламовицъ удалось возстановить въ болѣе чѣмъ вѣроятномъ видѣ остовъ поэмы Гесіода Еоеае, куда содержаніе Алькесты входитъ эпизодомъ. Мы имѣемъ такимъ образомъ древнѣйшую каноническую обработку легенды, и хотя въ ней заключается другой вариантъ нашего мѣа, а самая поэма осталась, по видимому, безъ прямого вліянія на драму Еврипида, я считаю полезнымъ для выясненія ея концепціи остановить вниманіе моихъ читателей на блестящей реконструкціи, предложенной Вилламовицемъ.

Помимо многихъ деталей и соображеній, которыя выяснятся далѣе, уже общій образъ и характеръ Гесіодовской поэмы, по скольку можно видѣть ихъ изъ содержанія, покажутъ намъ рядомъ съ только что рассказанной пьесой, какіе успѣхи сдѣлала къ вѣку Перикла катареза въ области мѣа, и какъ Еврипидъ, трактуя мѣа и задумываясь надъ нимъ, далеко ушелъ отъ самой „повзѣи мѣа“. Вотъ переводъ словъ Вилламовица⁶⁾:

¹⁾ Scholia in Euripidem, coll. rec. ed. Ed. Schwartz, vol. II, 1891 Berolini, p. 216: ἡ δὲ ἐκ τὸ βίωτος καὶ θημώθης ἱστορία.

²⁾ Tragic. graec. fragments, recensuit Augustus Nauck, ed. secunda, Lipsiae, 1889, p. 720.

³⁾ Histoire de la littérature grecque, t. III, 1891 стр., 47—50.

⁴⁾ Phil. Unters. Neuntes Heft: Isyllos v. Epidauros, Berlin 1886, стр. 66 в прим.

⁵⁾ Gr. Litteraturg. v. Th. Bergk (Gust. Hinrichs), Berlin 1884, стр. 496 сл. прим.

⁶⁾ U. v. Wilamowitz-Moellendorff, Isyllos v. Epidauros, стр. 70 сл.

„Въ Бебидскомъ озерѣ Феба купала ноги красивая Ланитская дѣвушка, по имени Коронида. Тамъ увидалъ ее Фебъ и, воспламенившись любовью, тотчасъ же вошелъ къ ней, какъ сдѣлалъ онъ это и съ другою тоже Ланитскою дѣвушкою Киреною, увидѣвъ, какъ она укрощала льва на сосѣдномъ Пеліонѣ. Прошли мѣсяцы. Наступилъ день, когда Коронидѣ пришлось выходить замужъ, за своего двоюроднаго брата Исхія, который былъ выбранъ для нея отцомъ. Она не спорила, хотя уже послала подъ сердцею плодъ любви бога. Вотъ сошлись ея подружки, чтобы пронѣтъ брачную пѣсню и въ хороводѣ протанцовать свадебный танецъ. Тогда воронъ, Аполлоновъ лазутчикъ, далъ знать объ этомъ въ Дельфы. Скорбь и гнѣвъ зажгли въ Аполлонѣ, и первый, на комъ они отозвались, былъ воронъ: на его бѣлыя перья легла траурная краска, которая и до сихъ поръ сулить людямъ несчастье. Не замедлила и мечь бога. Стрѣла его сразила Исхія. Артемидѣ же уложила своими стрѣлами Корониду, выѣстѣ съ ея неповинными подругами. Безжалостная царила въ Ферахъ, у Бебидскаго озера, и явилась на помощь разгнѣванному брату. Когда Аполлонъ увидѣлъ тѣло возлюбленной на кострѣ, онъ сжался надъ своимъ ребенкомъ, который не былъ еще рожденъ.

Пославшій смерть далъ и жизнь и отнесъ ребенка на Пелій, въ пещеру праведнаго Хирона. На его попеченія и выросъ сынъ Корониды, Асклепій; тамъ изучилъ онъ силу лѣсныхъ корней, узналъ цѣлебные соки растеній и нѣкоторыя заклинанія. И онъ сдѣлался искуснымъ (helfender) врачомъ, на счастье многихъ, страдавшихъ отъ ранъ или недуга.

Но его искусство увлекло его за грани, положенныя для людей; онъ сталъ воскрешать мертвыхъ. Тогда Зевсъ обратилъ его въ прахъ своею стрѣлою, и тотъ, который сокращалъ права смерти, долженъ былъ самъ ей подчиниться. Снова всныхнулъ гнѣвъ Аполлона, когда онъ увидалъ на своемъ любимомъ мѣстѣ убитаго сына. Немощный противъ небснаго отца, Фебъ поразилъ неповинныхъ слугъ, ковавшихъ Зевсу его щеру.

Но вѣчные міровые законы не только суровы, они также справедливы, и богъ долженъ былъ искупать кровопролитіе такъ же точно, какъ его искупаютъ люди. Хотя мольбы Латоны и отвратили отъ головы Аполлона сверженіе въ Тартаръ, но ему пришлось покинуть небо и провести цѣлый большой годъ въ услуженіи у смертнаго. Онъ пришелъ къ Адмету въ Феры и насъ ему стада въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ когда-то встрѣтилъ онъ Корониду, и гдѣ онъ ее похо-

ронилъ. Адметъ былъ мягкосердечнымъ хозяиномъ, и милость божественнаго пастыря умножила его стада.

Аполлонъ подчинилъ подъ ярмо Адмета и дикихъ звѣрей съ гѣсистаго Пелія, чтобы онъ на этихъ чудовищахъ могъ привезти себѣ невесту изъ сосѣдняго Юлка, потому что такова была воля отца невесты.

И вотъ снова зазвучали надъ Бебидскимъ озеромъ брачныя пѣсни, и Фебъ, который убилъ Исхія, благосклонно сталъ на сторонѣ Адмета, когда злая царица Феръ, Бримб, та самая, которая убила Корониду, послала и Адмету ужасный знакъ своего гнѣва: онъ забылъ принести ей жертву и нашелъ въ своемъ спальномъ покоѣ клубокъ изъ змѣй. Аполлонъ, истолковавъ волю сестры, потребовалъ для жениха жизни, но только змѣна могла спасти ее. Гдѣ же было однако найти змѣну? Когда приблизился рѣшительный день, и отецъ и мать отказались отъ смерти, хотя они стояли уже на порогѣ гроба; только Алькеста, его цвѣтущая супруга, отдала Адмету свою молодую жизнь. Такъ оправдалось змѣиное предзнаменованіе въ брачномъ покоѣ.

И снова была внезапно вырвана изъ жизни, любви и надежды женщина на жертву Артемидѣ. Но жестокость божества нибѣтъ предѣлъ. Когда чародѣйство хотѣло прервать дорогу смерти, за ея права вступился самъ Зевсъ; но когда супружеская любовь приноситъ себя въ жертву, кротко склоняясь передъ силою богини, то на помощь ей является божественная милость. Богиня царства мертвыхъ, тоже Бримб (можетъ быть, другая, можетъ быть, та-же), возвращаетъ Алькесту свѣту. Аполлонъ очищенъ, Артемиды умилостивлена, Адметъ и Алькеста живутъ въ счастіи и мирѣ, а на родѣ героевъ, отъ нихъ нисходящемъ, вплоть до этого дня почіетъ благословеніе боговъ“.

Если сравнить мнѣе, заключающій въ себѣ исторію Адмета и Алькесты, съ его экспозиціей въ драмѣ Еврипида, то мы увидимъ, что у Гесіода она составляетъ часть не только художественнаго, но этического *цѣлаго*, а въ драмѣ взята, какъ *эпизодъ*, слабо и лишь внѣшнимъ образомъ связанный съ мнѣнческимъ міромъ и приводимый къ совѣсамъ иной этической основѣ. Какую роль играетъ Адметъ въ мнѣѣ Гесіода и какую въ драмѣ Еврипида? Единственный поступокъ его у Гесіода—правда, и тотъ отрицательнаго свойства—а именно, что онъ забылъ принести жертву Бримб, да и самая Бримб—отсутствуетъ у Еврипида, а между тѣмъ Еврипидъ сдѣлалъ Адмета драма-

тическии центромъ своей фабулы; мы встрѣчаемъ его въ цѣломъ рядѣ положеній: онъ снискалъ расположеніе Аполлона, мы видимъ его въ поискахъ за охотникомъ смѣняться съ нимъ участію, онъ переживаетъ съ Алкестой ея послѣдній день, частью за сценой. частью на сценѣ, онъ видитъ ея смерть, онъ выдерживаетъ сцену съ Геракломъ, онъ испытываетъ весь ужасъ возвращенія въ пустой домъ, подвергается испытанію со стороны Геракла, наконецъ, мы расстаемся съ нимъ на порогѣ его новаго счастья. Алкеста играетъ въ драмѣ роль въ смыслѣ драматургическомъ ничтожную: она начинаетъ съ приготовленій къ смерти, и мы лишь неявно различаемъ моменты той борьбы, которая предшествовала ея рѣшенію. У Гесіода, какъ и въ томъ мнѣѣ, который Платонъ вложилъ въ уста одному изъ участниковъ „Пира“¹⁾, Алкеста тронула сердца адскихъ божествъ, и у Гесіода, сверхъ того, ея кротость и самоотреченіе явились искупленіемъ для цѣлаго ряда кровавыхъ проявленій мести и злости и закононарушеній, — ничего подобнаго нѣтъ въ концепціи Еврипида. Алкеста гнѣвная и лакомая добыча вурдалака²⁾, ее отбиваетъ у Смерти надъ самой могилкой (характерная подробность) великодушный другъ и герой, энергія котораго удвоена дарами Діониса. Не Алкеста, а Адметъ награждается у Еврипида, и не за самоотреченіе и вѣрность своему долгу, а за деликатность и уваженіе къ праву ближняго на помощь, не ослабленное даже жгучею болью отъ свѣжей утраты. У Еврипида есть еще характерная мишечская подробность, которой нѣтъ у Гесіода, и которая взята имъ, по видимому, у Эсхила³⁾: это намекъ на способъ, которымъ Адметъ коварно принудилъ дѣвъ судьбы измѣнить категорическій приговоръ надъ Адметомъ.

Введеніе этой подробности характерно. Сопоставленіе опьяненныхъ мойръ съ Геракломъ, котораго подогрѣло вино⁴⁾, сдѣлано было Вилаговицемъ⁵⁾ и кажется намъ мѣткимъ, по скольку касается, конечно, не истинной концепціи нѣсы, а кажущейся, предложенной Еврипидомъ. Интересно также, что Еврипидъ устраняетъ и *die Wirthin*, и *eine Wirthin* не только изъ драматическаго обихода, но даже изъ пролога, и такимъ образомъ снимаетъ съ Адмета всякую нравствен-

¹⁾ Еурп. 179 В.

²⁾ cf. Alc. v. 850 sq: ἦν δ' οὖν ἀμάρτω τῆδ' ἄγρας καὶ μὴ μόλῃ | πρὸς αἰματηρὸν πέλαγον.

³⁾ Aesch. Eum. vv. 713, 714, 719, 720; cf. Sch. in Eurip. II ad v. 12 (p. 217).

⁴⁾ Alc. v. 758 sq.: ἕως ἐθέρημν' αὐτὸν ἀμφιβάσα φλόξ | οἴνου.

⁵⁾ Iuvillos v. Epidaurus стр. 68.

ную ответственность передъ божествомъ. Въ драмѣ мы видимъ Аванку, безалтарную и безыдольную, въ прологѣ Мойръ, и вопросъ о какомъ бы то ни было умилостивленіи божества и восстановленіи божественной правды совершенно устраненъ.

Кому принадлежалъ мотивъ борьбы Геракла со Смертью ¹⁾, Фрипику или непосредственно Еврипиду, мы едва ли когда-нибудь узнаемъ.

Во всякомъ случаѣ къ Адмету и Алькестѣ Еврипида, конечно, болѣе подходилъ въ качествѣ друга спасителя Еврипидовскій же Гераклъ съ его „gave to suffer for mankind“ ²⁾, чѣмъ адскіе представители божественной справедливости. Къ тому же Гераклъ „Алькесты“ вполне логиченъ въ драмѣ эпохи Перикла. Слабость мнѣческой разработки въ пьесѣ Еврипида сказывается особенно въ недостаткѣ связи между прологомъ и пьесой. Чѣмъ связаны Аполлонъ и Гераклъ,—я скорѣе вижу связь Алкида съ Діонисомъ и даже съ Ареемъ, съ дѣтьми котораго ему приходится воевать. Правда, Аполлонъ въ концѣ пролога грозитъ Демону приходомъ Геракла,—но въдь это только обычный драматургическій приемъ древнякъ, у которыхъ не было нашихъ программныхъ афишъ.

Аполлонъ „Алькесты“ вообще не драматиченъ, и Еврипидъ былъ правъ, не пустивъ его за предѣлы пролога.

Его настоящее художественное мѣсто въ лирическихъ частяхъ пьесы и особенно въ очаровательной идилліи, которая слѣдуетъ за появленіемъ Геракла ³⁾.

Я восхищаюсь также тактомъ, съ которымъ Еврипидъ избѣгъ соблазна загромождать лирическіе антракты своей драмы эффектными мнѣческими подробностями легенды самого Аполлона: этими Коронидами, Исхіями и Асклепіями. Онѣ отрывали бы вниманіе отъ той глубоко человѣческой драмы, въ которой Аполлонъ былъ важенъ лишь какъ высшій идеальный образецъ для Адмета,—какъ созерцательная патура, мирный пастухъ и артистъ. Я не знаю, впрочемъ, должна ли

¹⁾ Welcker, Die griechischen Tragödien I 21; Wilamowitz-Moellendorfъ *у.к.* соч. стр. 67; Pauly-Wissowa, Realencycl. s. v.; съ другой стороны. Th. Bergk, Gr. Litteraturg. III, стр. 498: dass Alkestis dem Herakles ihre Errettung verdankt, ist ein freie Erfindung Euripides die alles Lob verdient.

²⁾ R. Browning, vol. XI. Balaustion's adventure, including a transcript from Euripides (1871), стр. 88.

³⁾ Alc. v. 569 sqq.

лежать на совѣсти Еврипида вторая часть пролога, т. е. разговор Аполлона съ Демонѣмъ, а слѣдовательно, повиненъ ли онъ въ томъ блѣдномъ и безцѣльно надменномъ, каноническомъ Аполлонѣ, котораго далеко не всѣ изслѣдователи соглашаются признать принадлежащимъ Еврипиду ¹⁾.

Въ мнѣнїи объ Адметѣ и Алькестѣ, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ обработанъ у Еврипида, встрѣтились три основныхъ сказочныхъ мотива, изъ которыхъ каждый имѣлъ свою особую и длинную исторїю и до, и послѣ 488 года. Первый, это былъ — *богъ или герой на подневольной службѣ у смертнаго*, второй, — *вѣрная жена, которая безвмѣнно терпитъ юненїя отъ мужа или умираетъ за мужа*; третїй, — *борьба героя со смертїю*.

Исторїя этихъ мотивовъ, какъ бы ни кратко мы ея коснулись, увлекла бы насъ очень далеко отъ нашей непосредственной задачи, будучи къ тому же для нея и мало полезной. Я ограничусь нѣсколькими словами.

Богъ или герой на службѣ у смертнаго — этотъ мотивъ встрѣчается у грековъ не разъ: Аполлонъ, Гермесъ, Кадмъ ²⁾.

Обращу вниманїе на форму службы бога, самую тяжелую, какую только зналъ античный мїръ — *θῦταία* — *батрачество* ³⁾.

Второй мотивъ, съ точки зрѣнїя народной психологїи, могъ бы быть интересно освѣщенъ сопоставленїемъ четырехъ именъ: Сѣвитри (изъ Мѣхабараты), Алькесты, Гризельды (изъ Декамерона Боккаччо) и Гермиона (изъ „Зимней сказки“ Шекспира). Наконецъ третїй мотивъ, кромѣ Геракла, представителями: Сизифа, Дигениса — Аникита и нашего Анику-воина. Характерно, что тотъ, по крайней мѣрѣ, по внѣшности, грубый юморъ, который былъ усвоенъ за изображенїемъ этой борьбы еще Еврипидомъ, можетъ быть, даже Фриникомъ, перешелъ въ качествѣ прочнаго наслѣдїя и въ среднїе вѣка: и на западъ, и въ Византїю, и къ намъ ⁴⁾, несмотря на коренное различїе въ исходѣ борьбы на почвѣ языческой и на почвѣ христіанской.

По отношенїю къ мнѣургїи Еврипида въ Алькестѣ насъ интересуе

¹⁾ The Alcestis of Euripides, by H. W. Hayley, ph. d., Boston U. S. A. 1898, p. XXVII s.

²⁾ Гермесъ: Нумп. Ном., 18; Кадмъ: cf. T. Burckhardt-Oeri, Gr. Kulturg. I, 162.

³⁾ Ахиллесъ (Od. XI, 488) предпочитаетъ даже *батрачество* на землѣ престолу среди мертвыхъ.

⁴⁾ Н. Ждановъ, Въ литературн. ист. русской былевой поэзіи Кіевъ. 1881; упоминаетъ объ Алькестѣ на 60 стр.

главным образом первый из намеченных сказочных мотивов, *богъ въ батракахъ у смертнаго*, потому что онъ, какъ мнѣ кажется, глубже повлиялъ на концепцію Еврипида, придавъ ей своеобразную окраску. *Аполлонъ у Адмета* въ первоначальномъ мнѣиіи вовсе не вызывалъ представленія о пастухѣ, игравшемъ на лирѣ или сварѣли около Бебидскаго озера, среди живописныхъ ущелий; этимъ не говорилось и о дружбѣ Аполлона съ Адметомъ и о *ἰοίητις* Ферскаго царя, за которую Аполлонъ множилъ его стада въ необычной пропорціи, и наконецъ спасалъ его отъ заслуженной или незаслуженной смерти. Слово *Адметъ* не было даже собственнымъ именемъ, а лишь эпитетомъ Анда и значило *непобѣдимый* ¹⁾. Аполлонъ за убійство Пнеона былъ сосланъ въ подземное царство ²⁾: таковъ болѣе равный, если не первичный мнѣиіе.

Всѣ попытки представителей солярной теоріи найти въ Адметѣ *солнце* разбиваются о суровое имя Адмета ³⁾, въ которомъ пѣтъ даже слѣдовъ осмысленія, народной этимологіи, какъ въ имени *Аполлона* ⁴⁾. Но Адметъ Еврипида что же имѣлъ онъ общаго въ характерѣ съ суровымъ и непобѣдимымъ адскимъ богомъ, этотъ слабый, боящійся смерти человѣкъ, за котораго работаютъ, борются и умираютъ другіе? Въ „Пирѣ“ Платона Сократъ ⁵⁾, прикрываясь фиктивнымъ именемъ мавтивейяки Діотимы, говоритъ объ Эротѣ, какъ случайномъ сынѣ Вѣдности и Стремленія, что этотъ богъ вовсе не долженъ быть нѣженъ и прекрасенъ, какъ этого хотятъ иные (поэты, намекъ на Агаеона): онъ рисуется философу заглубленнымъ, загорѣвшимъ, босымъ, бездомнымъ и спящимъ на землѣ. Кромѣ логическихъ основаній для этого варианта мнѣиіа, Платонъ устами Діотимы-Сократа несомнѣнно проявилъ здѣсь склонность къ особой формѣ юмора, по-

¹⁾ Къ сожалѣнію, до сихъ поръ это не можетъ быть еще доказано лексически; поэзия Вакхилида тоже не даетъ *ἰοίητις* въ мужскомъ родѣ; но едва ли этимологическая почва отъ этого является менѣе прочной.

²⁾ Объясн. имени Адмета еще въ Мнеологіи Буттмана (II, 217); O. Müller, Orchoth. 356; Baumeister, Denkm. d. kl. Alterthums I, 45 s. v. Alkestis.

³⁾ Schol. in Eur. ed. Schwartz, Alc. v. 1; Val. Fl. I, 445; cf. Pauly-Wyssowa у. м., W. Roscher, Myth. Wörterb. s. v.; O. Müller, Proleg. z. einer wissenschaftl. Mythol. s. 800 ff. Payley у. соч. (начало введенія); K. Ditzel, Der Mythos v. Admetos u. Alkestis, Progr. Brandenb. 1882, s. 1; U. v. Wilamowitz-Moellendorff у. соч. стр. 75 прим.

⁴⁾ Диалектическое *ἰοίητις*; см. Pauly-Wyssowa s. v., не имѣеть, кажется, лексическаго значенія.

⁵⁾ 203 С.

ложимъ внѣшняго: чувствуется квинтилиановскій *lucus a non lucendo*. Но за шаткостью этой параллели къ Адмету-Аиду, я обращаюсь къ болѣе фактическимъ слѣдамъ вліянія первоначальнаго мѣна на концепцію Еврипида.

Отиѣтимъ прежде всего совершенно исключительное, усиленно подчеркиваемое трагикомъ *юстепринимство*¹⁾ Адмета. Конечно, нельзя гостелюбіе отдѣлить вполне отъ другихъ тилическихъ чертъ Адмета, отъ *εὐφροῦν καὶ ἀσέβεια*, которыя утвердились за нимъ независимо отъ концепціи Еврипида и, конечно, ранѣе его²⁾. Возможно также, что Еврипидъ не прочь былъ придать своему герою и нѣкоторый мѣстный колоритъ: Ксенофонтъ говоритъ о щедромъ гостепринимствѣ на *эо-салийскій манеръ*³⁾, а у Еврипида есть и другая мѣстная черта— это сбываніе лошадиныхъ гривъ, какъ знакъ траура⁴⁾.

Но для меня несомнѣнно, что тотъ гостепринимый Аидъ, двери котораго открыты для всякаго, не остался безъ вліянія на образъ гостелюбиваго Адмета драмы. Вспомните слова раба (vv. 747 sq.):

Гостей видалъ я многихъ, приходили
 Со вѣтъхъ сторонъ къ Адмету и за столъ
 (καὶ πᾶσι τοῖς χθόνος)
 За пировой садились.

Я напомию еще мрачный колоритъ Гераклова одиночнаго пира въ домѣ Адмета.

Глубокій юморъ отъ сближенія столь разнородныхъ лицъ, какъ Аидъ и Адметъ, какъ нельзя болѣе подходит и къ самому характеру творчества такого тошкаго мистификатора, какъ Еврипидъ, а его хорошо извѣстная любовь этимологизировать могла проявиться и здѣсь, хотя и менѣе открыто, чѣмъ въ „Вакханкахъ“ по поводу Пенеея и Діониса (*ὁ μηρός = ἔμηρος*)⁵⁾, или въ Таврической Ифи-

¹⁾ Alc. vv. 843 sqq., 539, 545 sqq., 555 sqq., 747 sq., 762, 855; seine von Euripides stark betonte, aber kaum erfundene Gastlichkeit (Wentzel, у Pauly-Wissowa, I, 378).

²⁾ Alc. v. 10, стихъ, который Wheeler безъ особыхъ основаній унчточжаетъ. См. Hayley а. а. о. s. v. О значеніи *εὐφροῦν* см. H. Schmidt Synon. d. gr. Spr., B. IV s. v. *ἔφρος*.

³⁾ Hell. 6, I, 8; ἦν δὲ καὶ ἄλλως φιλόξενός τε καὶ μεγαλοπρεπὴς τὸν Θετταλικὸν τρόπον. См. рѣчь ильскаго проф. Schöne „Ueb. die Alk. des Eur.“ 1895, ss. 13, 21.

⁴⁾ Alc. v. 428.

⁵⁾ Bacch. vv. 295 sqq., 867.

гени. по полуду имени Овалта ¹⁾). Кроме того, влияние параллели Андъ=Адметъ можно прослѣдить и еще въ нѣкоторыхъ деталяхъ и эффектахъ драмы.

Когда Адметъ утѣшаетъ умирающую Алькесту, то среди другихъ обѣтовъ, плановъ и мечтаній, которые онъ расточаетъ передъ ней съ такой лихорадочной поспѣшностью, онъ говоритъ о статуѣ, портретной статуѣ Алькесты ²⁾, которую онъ закажетъ мастерамъ и будетъ брать съ собою на постель, чтобы

Звать именемъ твоимъ, воображая,
Что это ты, Алькеста, что тебя
Во свѣ я обнимаю... ³⁾.

Желаніе Адмета сбывается: Гераклъ въ послѣдней сценѣ приводитъ къ нему женщину, которая больше похожа на статую, чѣмъ на живую Алькесту ⁴⁾. Нельзя ли видѣть въ этихъ двухъ черточкахъ вѣянія того безсолнечнаго дома, который былъ нѣкогда домомъ Адмета. слѣдовъ мертвящихъ объятій его загробнаго брака?

Я напомню еще, что Адметъ проситъ умирающую Алькесту, чтобы она въ царствѣ Анда *приготовила домъ* для нихъ совѣстнаго обиталища, *ихъ домъ*. Этотъ домъ во всякомъ случаѣ не имѣетъ ничего общаго съ той *домовиной*, тѣмъ общимъ *кедровымъ зробою*, о которомъ Адметъ упоминаетъ сейчасъ же вслѣдъ за этимъ, и о которомъ онъ долженъ позаботиться самъ.

Самтиентальная деталь общаго гроба любящихся не разъ встрѣчается у Еврипида ⁵⁾.

Прежде чѣмъ разстаться съ миеургическимъ моментомъ концепціи, коснемся вопроса о томъ, что заставило Еврипида остановиться на сюжетѣ Алькесты? Чѣмъ связанъ этотъ сюжетъ съ характеромъ творчества и индивидуальностью Еврипида?

Фантазія Еврипида съ любовью останавливалась на контрастахъ. Цѣлый рядъ антитезъ въ положеніяхъ, характерахъ, даже лиризмѣ проходить передъ нами въ его репертуарѣ: антитезъ, то яркихъ и рѣзкихъ, то, наоборотъ, тонкихъ, въ которые надо вглядываться,

¹⁾ Iph. Taug. v. 32 sq.

²⁾ Насколько извѣстно, это первое указаніе на портретную скульптуру.

³⁾ Alc. vv. 348—356. Пэлл думаетъ, что the Greeks had a deeper feeling for sculptured forms than we can pretend to realize; cf. Hayley ad l.; Schöne у. соч.

⁴⁾ Alc. v. 1143.

⁵⁾ Or. vv. 1058, 1065, 1067.

чтобъ ихъ оцѣнить вполнѣ,—то острѣхъ и холодныхъ, какъ анти-теза Этеокла и Полиника, Діониса и Пеноея. то страстныхъ, какъ антитеза Креонта и Эдипа, въ „Финикиянкахъ“. Рядомъ въ „Орестѣ“ стоятъ двѣ поразительныхъ по богатству контрастовъ сцены: одна между Еленой и Электрой—о ней мнѣ много пришлось говорить въ книгѣ „Мнѣе объ Орестѣ“—другая, гдѣ больной, невытѣй, брошенный и униженный Орестъ, котораго истерзали сомнѣнія, упреки совѣсти и галлюцинаціи, Орестъ, дошедшій до цинизма, встрѣчается съ наряднымъ, блестящимъ, самодовольнымъ, все вернушимъ и обо многомъ мечтающимъ Менелаемъ.

Но любовь къ антитезамъ покомлась у Еврипида не на одномъ капризномъ свойствѣ его творческаго ума: она воспитывалась въ школѣ риториковъ: словесные турниры, между Этеокломъ и Полиникомъ или у Амфитріона съ Ликомъ, указываютъ не только на вкусы афинской публики, но и на серьезную обработку Еврипидомъ его природной склонности. Мы отмѣтимъ ниже у Еврипида еще особый типъ контрастовъ, гдѣ наблюдается раздвоеніе индивидуальнаго мотива, а теперь обратимъ вниманіе на юмористическій контрастъ, гдѣ проявленіе одной какой-либо черты въ данномъ лицѣ дѣлаетъ его рѣзко отличнымъ отъ общепринятаго представленія о его типѣ или положеніи. Γενναῖος δοῦλος, т. е. не просто вѣрный рабъ, обращикъ рабской добродѣтели, а тонко и свободно чувствующій рабъ; жрица, рѣзко осуждающая свою богиню, мальчикъ гіеродуль, серьезно читающій мораль Фебу, богу и блистательному своему патрону, старая Гекуба, это олицетвореніе мстительной муки, со словами Анаксагора, которая она въ видѣ молитвы обращаетъ къ небу, добродѣтельная и влюбленная въ Менелая Елена, илчущій Гераклъ, хромой Беллерофонтъ, лохмотья Телефа, воинственный пылъ Іолая, танцы Кадма и Тиресія и сентиментально настроенная богиня безумія Лисса—вотъ юмористическіе контрасты Еврипида.

Въ мѣстѣ „Алькесты“ Еврипидъ подмѣтилъ также антитезу двухъ юмористическихъ контрастовъ: съ одной стороны, Аргонавтъ, участникъ охоты на Калидонскаго вепря, въ странной роли человѣка, который обходитъ своихъ друзей съ мольбою смѣнить его въ преспоп-ней, и, наконецъ, принимаетъ отъ своей молодой и нѣжной Алькесты ту жизнь, которая была ввѣрена его охранѣ; съ другой, самая кроткая изъ женщинъ, прекраснѣйшая изъ Пеліадъ, которая одна бѣжала отъ кроваваго опыта, придуманнаго Медеей для дочерей Пелія надъ ихъ дряхлымъ отцомъ, чтобы, забывъ чары молодости, красоты,

знатности и богатства, сойти добровольно въ могилу за молодого героя—мужа.

Въ „Парѣ“ Платона Алькеста ставится рядомъ съ Ахилломъ и Кодрою, но гдѣ найти мифическую или историческую параллель къ Адмету?

Другой контрастъ въ „Алькестѣ“ является между трогательнымъ содержаніемъ мѣа и тѣмъ фономъ грубаго чуда, которое измыслилъ Еврипидъ или Фринихъ для его развязки. Сатировскія подробности предстаютъ передъ нами, съ точки зрѣнія идейной, совсѣмъ въ иномъ видѣ, и невольно кажется, что мысль обработать мѣа „Алькесты“ въ драму сатировъ или вообще въ четвертую пьесу тетралогіи была юмористическою. Хороша, въ самомъ дѣлѣ, сатировская драма, гдѣ слово *смерть* не сходитъ съ языка актеровъ и хора, и гдѣ на сценѣ изображается и самое умирающее, и выносъ?

Смѣлый и острый умъ Еврипида съ его опредѣленно аналитическимъ складомъ, упорно разлагая условныя понятія жизни и мѣа, не пощадилъ и той условной формулы трагическаго героя, по которой онъ являлся блистательнымъ даже въ страданіи и униженіи и былъ чуждъ колебаній, религіозныхъ сомнѣній и женскихъ слабостей: Еврипидъ далъ намъ новаго Ореста, а его Меланиппа—философъ, которая проповѣдывала философію Анаксагора, являлась протестомъ противъ каноническаго изображенія мудрости въ лицѣ старцевъ, одержимыхъ, кентавровъ или сфинксовъ.

Это надо припомнить при сужденіи о характерѣ Адмета, къ которому мы теперь и переходимъ.

Адметъ это одинъ изъ *chef d'oeuvre* овъ Еврипида. Къ сожалѣнію, теперь, особенно безъ внимательнаго анализа, онъ производитъ совсѣмъ другое впечатлѣніе, чѣмъ производилъ въ древности, но крайней мѣрѣ на наиболѣе чуткихъ зрителей.

Не надо забывать, соображая это, нѣсколькихъ чертъ античной жизни и условій творчества греческаго трагика. Прежде всего, цѣнность мужской жизни у древнихъ грековъ была неизмѣримо выше цѣнности женской жизни. Главной тому причиной была не большая физическая крѣпость мужчины, а условія всего гражданскаго строя античной жизни. элементъ коллективизма былъ несравненно сильнѣе въ умѣ древняго эллина, чѣмъ въ сознаніи современнаго европейца, благодаря тому, что нравственно-соціальныя понятія эллина воспитывались на конкретномъ представленіи гражданской общины, а не на отвлеченной идеѣ государства.

Вспомнимъ горькія слова Ифигеніи—жертвы въ ея обращеніи къ матери:

„Вѣдь одинъ ахейскій воинъ стоитъ насъ десятковъ тысячъ“.

Вотъ отчего мнѣ, т. е. народное сознаніе ставитъ въ центрѣ не Адмета, а Алькесту; добровольно исполняя высшій подвигъ самоотреченія, Алькеста приносила себя въ жертву не для одного Адмета, или своей семьи, или даже своей общины, но для всей Эллады, для эллинскаго строя, въ которомъ она своею вольною смертью оправдывала одинъ изъ его идеальныхъ устоевъ.

Если съ почвы соображеній сойти на почву фактовъ, то мы увидимъ, что участь дѣтей, осиротѣлыхъ, незаконныхъ или покинутыхъ не разъ возбуждала и эпическое, и драматическое вдохновеніе грековъ. Вспоминать ли о прощаніи Гектора съ Андромахой, гдѣ Андромаха съ такой захватывающей и такой страшной правдой, и реальной и художественной, рисуеть переѣзцу въ участи ребенка, у котораго убяли отца. Еврипидъ не разъ изображалъ намъ пагубу материнской безпомощности: два раза онъ изобразилъ Андромаху—мать, съ Астіанактомъ и Молоссомъ, Гекабу съ Поликсерою. Онъ останавливалъ наше вниманіе на дѣтяхъ Геракла въ рукахъ Лика, на сиротахъ: Орестѣ, Электрѣ, Макаріи. Ни Адметъ, ни Алькеста не говорятъ прямо о той судьбѣ, которая ожидала бы Еумела съ сестрой, если бы они потеряли не мать, а отца. Но если мы не откажемся отъ права читать у Еврипида между строкъ, то, конечно, не упустимъ изъ виду только что высказанныхъ соображеній.

Можетъ быть, личность ферскаго царя кажется намъ жизненнѣе и человѣчнѣе, а вопли его больнѣе отзываются на насъ именно отъ того, что мы понимаемъ, что подъ внѣшнимъ бездушіемъ эгоиста кроется, самъ того не сознавая, страстотерпецъ, подавленный игомъ суроваго и безысходнаго уклада многовѣковой жизни. Второе обстоятельство, на которое надо обратить вниманіе, — это установленіе истиннаго значенія гостепримства въ древнемъ мірѣ. „Гостепримецъ древности“, говоритъ новѣйшій англійскій переводчикъ Еврипида, докторъ Вей¹⁾, „воплощалъ добродѣтели — не только современнаго филантропа, но и просвѣщеннаго дипломата. Онъ устанавливалъ и поддерживалъ дружескія сношенія съ другими государствами, приобреталъ для своего государства союзниковъ, а для своего города друзей и покровителей въ чужихъ странахъ, и притомъ въ такіе дни,

¹⁾ Цитую по книгѣ А. W. Verrall, Euripides, the rationalist стр. 14.

когда безъ таковыхъ не только путешествіе было полно опасностей, но и всякія сношенія были затруднительны и не обезпечены... Супружеская привязанность была фактъ слишкомъ незначительный сравнительно съ этимъ элементомъ жизни“.

Третье обстоятельство, на которое нельзя закрывать глаза при анализѣ античной драмы вообще и „Алькесты“ въ частности,—это миеа. Въ миеѣ были черты, которыя видоизмѣнялись, но остовъ миеа долженъ быть оставаться неизрѣшимымъ. Эдипъ *долженъ* былъ жениться на матери, и Адметъ *не могъ* не принять жертву жены. *Ию миеа* было истиннымъ, реальнымъ воплощеніемъ той *силы рока*, которою романтизмъ объяснялъ въ греческой трагедіи все, что оставалось ему непонятнымъ или рѣзко противорѣчившимъ христіанскому идеалу. Миеѣ давалъ заранѣе опредѣленные роли трагическимъ героямъ, какъ драматурги давали ихъ актерамъ. Анализъ евриподскаго репертуара убѣждаетъ насъ при этомъ, что нашъ авторъ далеко не прочь былъ выставить непривлекательныя стороны миеа, при чемъ онѣ иногда даже развѣивались или подчеркивались имъ: ни Пяндаръ, ни Эсхилъ не изобразили бы безобразной бойни въ Орестѣ. Если въ „Пенееѣ“ Эскила была Агава съ головой сына, то, навѣрное, пробужденіе ея не было такъ трезво и ужасно, какъ въ „Вакхашкахъ“ Еврипида, а бесѣда ея съ богомъ не рѣзала уха такимъ болѣзненнымъ диссонансомъ между миеомъ и этикой.

Въ томъ трактованіи миеа, которое не разъ кажется у Еврипида столь серьезнымъ, почти наивнымъ, слышится иногда глубокая раздвоенность, и во всякомъ случаѣ далеко не каноническое отношеніе поэта къ греческимъ богамъ и непосредственной вѣрѣ толпы.

Адметъ Евриподской пьесы предстаетъ передъ нами по первому впечатлѣнію непригляднымъ. Еврипидъ *не заботится* объ оправданіи *миической* героя и о спасеніи его героической репутаціи. Слабодушіе Адмета такъ ярко, что заставило даже нѣкоторыхъ изъ писавшихъ о немъ (Шёне, отчасти Веррола) видѣть у Еврипида намѣренно шаржированное изображеніе, то ли въ цѣляхъ высмѣять миеѣ, то ли въ цѣляхъ написать сатиру на какую-то старую трагедію съ тѣмъ же сюжетомъ.

Но взгляните поближе въ этотъ *симпатическій символъ*, и вы увидите, что, топя миической героя, Еврипидъ спасаетъ человѣка. Онъ долженъ оговориться здѣсь по поводу выраженія *симпатическій символъ*. Въ *повѣсти*, по моему, столь же *неестественно искать образъ*, какъ въ изобразительныхъ искусствахъ стараться ихъ избѣгнуть.

Поэтическое созданіе, въ силу своей роковой лиричности и неоси-заемости, несмотря на многообразныя отраженія въ немъ впечатлѣній внѣшняго міра, можетъ быть только символомъ и только симпатиче-скимъ, т. е. выражающимъ душу автора. Нигдѣ это не ясно въ та-кой мѣрѣ, какъ у Шекспира, благодаря лирической насыщенности его поэтическихъ созданій. Исконная символичность, внѣшняя неуло-вимость поэзіи и ея роковая несомнѣнность съ дѣйствительностью высказывается, между прочимъ, въ томъ, что музыкальный коммента-рій къ произведенію поэзіи является гораздо болѣе естественнымъ и удачнымъ, чѣмъ живописный: кто не задумывался надъ безнадеж-ностью попытокъ иллюстрировать поэтическія созданія?

Итакъ, какъ симпатическій символъ, Адметъ покажется намъ со-всѣмъ другимъ. Сойдемъ съ мнѣмской точки зрѣнія, забудемъ о ге-роѣ и вотъ что мы видимъ.

Это человекъ добрый и мягкій, хотя натура совсѣмъ не изъ ге-ронческаго міра. Адмета любить фереицы—не о немъ ли они распра-шиваютъ служанку, не его ли жалѣютъ, утѣшаютъ, славятъ, не его ли бояся упрекнуть, даже послѣ ссоры съ отцомъ?

Его любить Аполлонъ, любить Гераклъ, любить жена, дѣти, отецъ по своему, любить даже рабъ, которому онъ далъ тяжелую и неблагодарную роль. Адметъ счастливецъ, котораго избаловали удачи, и въ которомъ счастье развиваетъ самый откровенный, почти наивный эгоизмъ. Не даромъ же, при помощи Аполлона, онъ женился на пре-лестнѣйшей женщинѣ въ мірѣ и безъ войны и грабежа, на мирной пастушеской почвѣ, приумножилъ свои богатства. Адметъ не атлетъ, это натура созерцательная—Еврипидъ позже развилъ этотъ типъ въ Амфіонѣ, въ дивной антитезѣ своей прославленной „Аптіоны“. Онъ питомецъ музъ, но занятія философій не ослабили въ его гармони-ческой натурѣ религиознаго начала: въ Адметѣ цѣтъ гордыни Пен-еоя, Беллерофонта, Иксиона. Онъ любитъ музыку: и лиру, и ливійскую флейту, скульптуру любитъ до самозабвенія. По темпераменту, это сангвиникъ, натура впечатлительная и экспансивная, безъ глубокихъ и страстныхъ порывовъ, безъ тяжкаго гнѣва и безъ холодной тоски, доводящей до отчаянія или самоубійства. Обратимся къ его судьбѣ. Вѣчныя удачи его вызвали такъ называемую зависть боговъ. Дѣло въ томъ, что по древнимъ эллискимъ воззрѣніямъ, счастье и не-счастье отпускались на людей въ опредѣленномъ количествѣ, и тотъ, кто бралъ слишкомъ много изъ одной бѣлой бочки, привлекалъ на себя вниманіе зоркихъ боговъ. Адметъ, какъ Крезъ, долженъ былъ

испытать силу божественной справедливости, которую Геродотъ выражалъ въ классической поговоркѣ: φίλον τὸ θεῖον.

Что Еврипидъ имѣлъ въ виду именно мотивъ божественной зависти, это видно, между прочимъ, изъ того, что Гераклъ, вернувъ Адмету жену, предостерегаетъ его отъ зависти боговъ¹⁾.

Недовольные излишнимъ счастьемъ Адмета, боги посылаютъ ему испытаніе: ему дается на выборъ — преждевременная смерть или необходимость пожертвовать кѣмъ-нибудь близкимъ и дорогимъ и любящимъ его, Адмета, до самозабвенія. Избалованный счастьемъ эссалиецъ никакъ не можетъ представить, что у него, всеобщаго любимца, нѣтъ друга, готоваго на самопожертвованіе, и что даже старые родители пожалѣютъ остатка жизни для своего сына, чья смерть является въ его глазахъ такой обидной несправедливостью? Въ отчаяніи и не давая себѣ отчета въ томъ, что онъ для себя готовитъ, Адметъ принимаетъ жертву Аלקесты. Что онъ зналъ объ ней раньше, на это въ драмѣ есть нѣсколько указаній.

И вотъ Судьба, которую вымаливаетъ самъ же Адметъ, которой содѣйствуетъ Аполлонъ и для которой этотъ богъ спаваетъ сѣдыхъ и дѣвственныхъ дочерей Ночи, эта Судьба вырываетъ изъ жизни Адмета, съ его Аלקестой, ту золотую нить, на которой держалась вся ткань его призрачнаго счастья. Царь видитъ передъ собой одно тяжкое и суровое бремя долга, а вокругъ, вмѣсто любви, уваженія, веселыхъ лицъ и славы — трауръ, упреки, одиночество и на всѣхъ устахъ позорное имя труса и убійцы. А между тѣмъ для этого ему приходится вынести весь этотъ ужасъ медленнаго угасанія любимой женщины и ея похоронъ, запынаться въ уклончивыхъ отвѣтахъ на участливые распросы друга, ему, сыну и внуку царей, среди своихъ подданныхъ и рабовъ, и наконецъ въ безобразной сценѣ проклясть отца и мать передъ бездыханнымъ тѣломъ той кроткой Аלקесты, которая отдала ему жизнь именно во имя святости семейныхъ узъ.

Адметъ — эгоистъ; жалѣя другихъ, онъ жалѣетъ почти всегда себя; вокругъ онъ видитъ и слышитъ только то, что звучитъ и блещетъ утѣшеніемъ или состраданіемъ ему — Адмету. Но его рѣчи льются изъ сердца такъ свободно, такой искренней волей, что онѣ насъ невольно захватываютъ, и мы понимаемъ, почему такъ любилъ Адметъ и люди, и боги. Между тѣмъ самыя мечты Адмета, это — мечты

¹⁾ Alc. v. 1195.

СОДЕРЖАНІЕ
ТРИСТА-ТРИДЦАТЬ-ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ
ЖУРНАЛА
МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ
(январь и февраль 1901 года).

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

**Высочайше прикавы по вѣдомству министерства народнаго
просвѣщенія.**

	СТРАН.
28-го ноября 1900 года, № 80	3
28-го ноября 1900 года, № 80 .	69
2-го декабря 1900 года, № 81 .	70
11-го декабря 1900 года, № 82	77
16-го декабря 1900 года, № 83 .	79

**Высочайшія награды по министерству народнаго
просвѣщенія** **39**

МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

1. (13-го ноября 1900 года). Положеніе о стипендіи имени купца Николая Анолоновича Завьялова при Галичскомъ городскомъ трех-классномъ, по положенію 31-го мая 1872 года, училищѣ . 4
2. (13-го ноября 1900 года). Положеніе о стипендіи имени крестьянина Михаила Ивановича Балаева при Галичскомъ городскомъ трех-классномъ, по положенію 31-го мая 1872 года, училищѣ . 5

3. (17-го ноября 1900 года). Положеніе о капиталѣ умершаго статскаго совѣтника Іоны Пазарьевича Галагана 6
4. (17-го ноября 1900 года). Правила о единовременномъ пособіи при Императорскомъ Московскомъ университетѣ на капиталъ, пожертвованный потомственною почетною гражданкою Александрю Карповною Рахмановою --
5. (23-го ноября 1900 года). Положеніе о стипендіи имени бывшихъ ученицъ Рижской Ломоносовской женской гимназіи 7
6. (28-го ноября 1900 года). Положеніе о стипендіи имени умершаго врача Алабаевскаго трехкласснаго городского училища Николая Николаевича Волкова при названномъ училищѣ 8
7. (30-го ноября 1900 года). Положеніе о стипендіи имени ветеринарнаго врача Константина Михайловича Медвѣдова при Казанскомъ ветеринарномъ институтѣ . 9
8. (30-го ноября 1900 года). Циркулярное предложеніе министерства народнаго просвѣщенія непечителямъ учебныхъ округовъ отъ 30-го ноября 1900 года за № 31015 по вопросу о замѣщеніи вакантныхъ должностей профессоровъ и адъюватъ-профессоровъ въ высшихъ спеціальныхъ учебныхъ заведеніяхъ, подвѣдомственныхъ министерству 10
9. (2-го декабря 1900 года). Положеніе о пяти стипендіяхъ имени потомственного почетнаго гражданина Михаила Ивановича Масленникова при Повоторжскомъ городскомъ четырехклассномъ, по положенію 31-го мая 1872 года, училищѣ . 11
10. (7-го декабря 1900 года). Положеніе о двухъ стипендіяхъ имени Лашевскаго податнаго писектора Николая Владиміровича Бечко-Дружина при Лашевскомъ городскомъ двухклассномъ училищѣ 12
11. (16-го декабря 1900 года). Положеніе о стипендіи имени потомственнаго почетнаго гражданина Адриана Оседоровича Шанина при явшеѣ ремесленной школѣ въ гор. Коломнѣ имени братьевъ Шаниныхъ . 88
12. (21-го декабря 1900 года). Положеніе о стипендіи имени бывшаго врача Тверскаго земства Михаила Ильича Петруньевича при Тверской Маріинской женской гимназіи . 89
13. (21-го декабря 1900 года). Положеніе о стипендіи имени тайнаго совѣтника Николая Федоровича Малинина при Императорскомъ Московскомъ университетѣ . 90
14. (21-го декабря 1900 года). Положеніе о стипендіяхъ при Императорскомъ Московскомъ университетѣ имени Ивана и Александры Медвѣдниковыхъ . --
15. (22-го декабря 1900 года). Положеніе о единовременномъ пособіи при Императорскомъ Московскомъ университетѣ на капиталъ, завѣщанный вдовою полковника Анною Михайловною Веберъ 91
16. (22-го декабря 1900 года). Положеніе о единовременномъ пособіи при Императорскомъ Московскомъ университетѣ на капиталъ, пожертвованный вдовою дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Наталіею Александровною Шумахеръ . . 92
17. (23-го декабря 1900 года). Положеніе о стипендіи имени вдовы

дѣйствительнаго статскаго совѣтника, княгини Еватервны Николаевны Сонцовой-Засѣкиной при Орловской Николаевской женской гимназiи	92
18. (30-го декабря 1900 года). Положенiе о стипендиiи имени священника Стерлятамаскаго Богородицкаго собора о. Матвѣя Ивановича Кречетова при Стерлятамаскомъ городскомъ четырехклассномъ училищѣ	94
ОПРЕДЕЛЕНIЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНIЯ	13 и 95
ОПРЕДЕЛЕНIЯ ОСОВАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНIЯ	17 и 99
Определенiя отдѣленiя ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенiя по техническому и професiо-нальному образованiю	. 84 и 108
Открытiе училищъ .	. 84 и 107

ОТДѢЛЪ НАУКЪ.

✓ Г. З. Кунцевичъ. „Россiада“ Хераскова и „Исторiя о Каваскомъ царствѣ“	1
К. Ф. Тiандеръ. О происхожденiи имени Пермь	16
П. И. Свѣшниковъ. О многочленахъ второй, третьей и четвертой степени, наименѣе уклоняющихся отъ нуля	29
✓ Д. К. Петровъ. О трагедiяхъ Кальдерона	39
И. А. Джаваховъ. Пронувѣдническая дѣятельность ап. Андрея и св. Нины въ Грузiи	77
✓ А. Л. Погодинъ. Примитивныя формы общественнаго быта	114
✓ Евг. Н. Щепкинъ. Русско-австрiйскiй союзъ во время сомнѣтельной войны. Глава III (продолженiе)	186
✓ В. И. Сергѣевичъ. Древности русскаго землевладѣнiя. 3	293
✓ А. С. Ваагинъ. Идеиная подготовка церковно-общественныхъ преобразованiй XI вѣка. I	354
✓ Е. Ф. Будде. Изъ исторiи русскаго литературнаго языка конца XVIII и начала XIX вѣка	388
✓ Е. Ф. Шмурао. Посольство П. Менезиа къ паускому двору. I—II.	418

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФIЯ.

В. А. Францевъ. Новая этнографическая карта Сѣверной Чехiи	202
А. М. Придикъ. <i>Giustino de Sanctis</i> . <i>Atti. Storia della Repubblica Ateniense dalle origini alle riforme di Clistene</i> , Roma 1898 .	221

Н. И. Бакстъ. <i>Гёксль-Розеттль</i> . Основы физиологии. Перев. подъ редакцію В. Н. Лыова .	63
В. В. Качановскій. Mittheilungen der Schlesischen Gesellschaft für Volkskunde, von F. Vogt und O. Jiritschik. Вып. I—IV. 1895—1897	266
В. В. Качановскій. Národopisný Sborník Českoslovanaký.—Český lid.	273
В. В. Сиповскій. Критико-библиографическій обзоръ Пушкинской юбилейной литературы 1899 года .	455
С. Н. Брацловскій. Три новыя книги о Дальнемъ Востоку .	499
Ю. А. Кулаковскій. <i>Θ. Браунъ</i> . Разысканія въ области гото-славянскихъ отношеній. I. Готы и ихъ сосѣди до V вѣка. Періодъ первыхъ готы на Вислѣ. С.-Пб. 1899 .	500
Н. Н. Дебольскій. <i>Сергій Шумаковъ</i> . Обзоръ грамотъ коллегіи экономин. Вып. I. М. 1899. Обзоръ бѣженскихъ и алаторскихъ актовъ. Вып. II. М. 1900. Тексты и обзоръ бѣженскихъ актовъ	527
Книжныя новости	280 и 533

ОТДѢЛЪ ПЕДАГОГИИ.

Наша учебная литература.

К. Ельминскій. Общая педагогика	1
К. Ельминскій. Основы начального школьнаго воспитанія и обученія .	—
Дмитрій Кайгородовъ. Изъ царства пернатыхъ	3
К. Д. Красичъ. Сокращенный учебникъ физики	4
Д. Иловайскій. Руководство ко Всеобщей Исторіи. Древній міръ	10
Д. Иловайскій. Руководство ко Всеобщей Исторіи. Средній курсъ (рецензія М. А. Андрянова)	17
М. Албукичъ. Учебникъ по русской грамматикѣ	25
Н. Н. Срезневскій. Объ изученіи родного языка вообще и особенно въ дѣтскомъ возрастѣ .	27
В. Покровский. В. Г. Бѣлинскій, какъ критикъ и создатель исторіи новой русской литературы	29
П. И. Сѣтловъ. Учебникъ ботаники .	31
Д. Иловайскій. Краткіе очерки Русской исторіи	32
Д. Иловайскій. Руководство къ Русской исторіи	41
Д. Иловайскій. Руководство ко Всеобщей Исторіи, ч. I (рецензія Г. В. Форстена)	42
Д. Иловайскій. Руководство ко всеобщей исторіи, ч. III (рецензія Г. В. Форстена) .	47
А. и Е. Фриде. Краткій обзоръ (конспектъ) средневѣковой исторіи .	53
Школьный Историческій Атласъ	55

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Л. Л—ръ. Письмо изъ Парижа	1
С.-Петербургскіе высшіе женскіе курсы въ 1899—1900 академическомъ году	13
В. Е. Р—въ. Н. А. Сергіевскій (некроль)	41
А. С. Фаминцынъ. С. И. Коржинскій (некроль).	47

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

Α. Πακωδοπουλος-Κεραμειος. Νέα τεμάχη τῆς ἐκκλησιαστικῆς ιστορίας Θεοδώρου ἀναγνώστου τοῦ ἐντολίως	1
А. В. Никитскій. О мнѣ въ 70 драхмъ	25
О. Θ. Βαβινερъ. О новѣйшихъ успѣхахъ классической филологіи	34
Α. Θ. Эманъ. Могла Ромула (окончаніе)	49
Π. Θ. Λικωνскій. Поэтическая концендія „Αλκυεσται“ Еврипиду	73

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

1—5

ЧАСТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ИЗДАНІЯ

Л. Ф. ЦАНТЕЛЪЕВА:

Масперо. Египетъ и Ассирія, съ 192 рис. Ц. 1 р. 50 коп.—
Гиро. Частная и общественная жизнь грековъ, съ 70 рис. Ц. 3 р.—
Гиро. Частная и общественная жизнь римлянъ, съ 107 рис. Ц. 3 р.—
Тома, Э. Римъ и имперія въ первые два вѣка новой эры. Ц. 1 р.
50 к.—Ланглау. Исторія Среднихъ вѣковъ (305—1270 г.), съ 81 рис.
Ц. 3 р. 50 к.—Марьежоль. Исторія Среднихъ вѣковъ и Нового вре-
мени (1270—1610 г.), съ 111 рис. Ц. 2 р.—Якуръ-Гайе. Исторія
Нового времени (1610—1789 г.), съ 76 рис. Ц. 2 р. 50 к.—Бе-
цольдъ. Исторія реформаціи въ Германіи. 2 т. Ц. 5 р. 50 коп.—
Штраусъ. Ф. Ульрихъ фонъ-Гуттенъ. Ц. 3 р.—Гаусратъ. Абельяръ.
Арнольдъ Брешианскій. Арнольдисты. Вальденцы. Францискъ Ассиз-
скій. Вѣчное евангеліе. Сегарелла. Дольчино. 2 т. Ц. 4 руб.
50 к.—Нюллеръ. Исторія Ислама съ основанія до новѣйшихъ вре-
менъ. 4 т. Ц. 10 р.—Куглеръ. Исторія крестовыхъ походовъ, съ
рис. и планами. Ц. 3 р.—Шаккъ. Исторія норманновъ въ Сициліи.
Ц. 2 р. 50 к.—Додю. Исторія монархическихъ учрежденій латинно-
іерусалимскаго королевства. Ц. 2 р.—Грегоровіусъ. Исторія города
Авинъ въ Средніе вѣка. Ц. 3 р. 50 к.—Штеритъ. Исторія революціи
въ Англіи. Ц. 3 р.—Сорель. Европа и французская революція 4 т.
Ц. 11 р. 50 к.—Вобрижскій. Очеркъ исторіи Польши. 2 т. Ц. 5 р.
50 к.—К. Бѣловъ. Русская исторія до реформы Петра Великаго.
Ц. 3 р.—Мерцаловъ. Очерки изъ исторіи смутнаго времени Россіи.
Цѣна 1 руб.

Берштейнъ. Общественное движеніе въ Англіи XVII вѣка и
квакеры. Цѣна 1 р. 50 к.—Истевъ. Соціализмъ въ Англіи. Ц. 1 р.
50 к.—Джорджъ. Прогрессъ и бѣдность. Ц. 2 р.—Вотье. Мѣстное
управленіе въ Англіи. Ц. 2 р.—Мануиловъ. Аренда земли въ Ирлан-
діи. Ц. 2 р. 50 к.—Фриманъ. Сравнительная политика. Цѣна 2 р.
50 к.—Дарсетъ. Изслѣдованія по исторіи права. Цѣна 2 руб.
50 коп.—Монтескье. Духъ законовъ. Ц. 4 р.—Бартъ. Философія
исторіи какъ соціологія. Ц. 1 р. 75 к.—Морганъ. Первобытное
общество. Ц. 3 р.—Индерле. Люди въ доисторическую эпоху. Цѣна
5 р.—Дриль. Ссылка во Франціи и Россіи. Ц. 1 р.—Квистяковскій, А.
Изслѣдованіе о смертной казни.

Поль-Луи-Курье. Политическіе памфлеты (сочиненія, ч. I). Цѣна
2 р.—Ларра. Общественные очерки Испаніи. Ц. 2 р. 50 к.—Паскаль.

Письма о морали и политикѣ іезуитовъ. Ц. 2 р. 50 к.—Лихтенбергъ. Афоризмы. Ц. 1 р. 50 к.—Лесаждъ. Исторія Жиль Блаза де-Сантальяна. Ц. 2 руб. 50 к.—Лазарилло изъ Тормезъ, пер. съ испанскаго. Ц. 75 к.—Рейбо. Жеромъ Патуро въ поискахъ социальнаго положенія. Ц. 1 р. 25 к.—Амудей. Золотой осель. Ц. 1 р. 50 к.—Сирошевскій. На краю лѣсовъ. Ц. 1 р. 25 к.—Дюисе. На крайнемъ сѣверо-востокѣ Сибири. Ц. 1 р. 50 к.—Кеметь Грозь. Золотой возрастъ. Ц. 75 к.—Дни грезъ. Ц. 75 к.—Симонъ. Срединное царство. Основы китайской цивилизаціи. Ц. 2 р.—И. Леруа-Болье. Австралія и Новая Зеландія. Южная Африка (нѣсколько главъ посвящено Трансваалу). Ц. 2 р.

Кохъ. Исторія нѣмецкой литературы (сжатый курсъ). Ц. 1 р. 25 к.—Шереръ. Исторія нѣмецкой литературы. 2 т. Ц. 5 р. 50 к.—Тель-Брикъ. Шекспиръ. Ц. 75 к.—Войезинъ. „Фаустъ“ Гете. Комментарій къ поэмѣ. Ц. 1 р. 50 к.—Левель. Женскіе типы Шекспира. Ц. 2 р.—Бельшонскій. Жизнь Гете. Т. 1. Ц. 2 р. 50 к.—Гюйо. Искусство съ точки зрѣнія социологін. Ц. 2 р. 50 к.—Сейналь. Леонардо да-Винчи. Ц. 2 р.—Л. В. Майковъ. Пушкинъ. Цѣна 1 р. 50 к.—Ждановъ. Русскій былевой эпосъ. Ц. 5 р.—Бѣлозерская, И. А. Нарѣжный. Ц. 1 р. 75 к.—Синноза. Этика. Ц. 1 р. 50 к.—Спенсеръ. Основныя начала (полное изданіе, пер. Н. Г. Чернышевскаго.) Ц. 2 р.—Рыголаждъ. Соціологін Конта (сжатое изложеніе). Ц. 2 р. 50 к.—Ланге. Исторія материализма. 2 т. Ц. 1 р. 50 к.—Иберветгъ-Гейнце. Исторія новой философіи. Ц. 6 р.

Складъ изданій: книжные магазины Н. П. Карбасникова: С.-Петербургъ, Москва, Виѣна, Варшава.

1—3

НОВЫЕ НАГРУДНЫЕ ЗНАКИ

Высочайше утвержденные 14-го декабря 1900 г. для окончившихъ: **С.-ПЕТЕРБУРГСКІЙ** и **НѢЖИНСКІЙ** историко-филологическій институтъ; **ДЕМИДОВСКІЙ** юридическій Лицей; **ЛАЗАРЕВСКІЙ** Институтъ восточныхъ языковъ и **ВОСТОЧНЫЙ** институтъ (Владивостокъ).

Высылаются наложеннымъ платежомъ.

Полный иллюстрированный прейсъ-курштъ университетскіе и разныя знаки, ордены, медали и жетоны высылаются *беллитно*. Адресъ—для заказчиковъ изъ провинцій: С.-Петербургъ, ЮРГЕНСЪ, сел. Император. фарфоров. завода 27; для покупокъ лично въ С.-Петербургъ: Знаменская ул., д. 1, магазинъ Новокшенова, близъ Певскаго проспекта.

1—2

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1901 ГОДЪ

(12-й годъ изданія)

НА ОБЩЕПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ШКОЛЫ И СЕМЬИ

„РУССКАЯ ШКОЛА“.

Содержаніе январьской книжки „Русской Школы“, имѣющей выйдти въ первыхъ числахъ февраля слѣдующее: 1) Правительственныя распоряженія; 2) Изъ жизни французской начальной школы. М. И. Страховой; 3) Первый международный конгрессъ педагогической прессы въ Парижѣ. Е. П. Кошалева; 4) Дѣятельность управленія Кавказскаго учебнаго округа за послѣднее двадцатилѣтіе (1879—1899 г.). Н. П. Попова; 5) Взглядъ на педагога въ современномъ обществѣ. М. Лысковскаго; 6) Роль русской женщины въ дѣлѣ народнаго образованія вообще и въ особенности въ начальныхъ городскихъ школахъ Петербурга; 7) Судь дѣтей. П. В.; 8) Въ защиту забытыхъ учениковъ. М. А. Новикова; 9) О лучшей постановкѣ учебнаго дѣла въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. А. И. Мелобовскаго; 10) Объ учительскихъ семинаріяхъ. А. И. Терновскаго; 11) Обзоръ дѣятельности земствъ по народному образованію за 1900 годъ. И. П. Бѣлоножскаго; 12) Наши методы преподаванія и устный нарѣзистмъ. В. П. Вахтерова; 13) Современные вопросы преподаванія русскаго языка и словесности въ средней школѣ. Г. М. Кизлева; 14) Историческіе романы и преподаваніе исторіи. Н. Р.; 15) Критика и библиографія (около 15 рецензій).

Въ каждой книжкѣ „Русской Школы“, кромѣ отдѣла критики и библиографіи, печатаются: хроника народнаго образованія въ Западной Европѣ. Е. Р., хроника народнаго образованія въ Россіи и хроника народныхъ библиотекъ Я. В. Абрамова, хроника воскресныхъ школъ подъ ред. Х. Д. Алчевской и Ш. И. Салтыковой, хроника профессиональнаго образованія В. В. Барановича и пр.

„РУССКАЯ ШКОЛА“ выходитъ еженѣдельно книжками, не менѣе шестнадцати печатныхъ листовъ каждая.

Подписная цѣна: въ Петербургѣ безъ доставки—**СЕМЬ** руб.; съ доставкой—**7 р. 50 коп.**; для иногороднихъ съ пересылкою—**ВОСЕМЬ** руб.; за границу—**ДЕВЯТЬ** руб. въ годъ. Сельскіе учителя, выписывающіе журналъ за свой счетъ, могутъ получать журналъ за **ШЕСТЬ** рублей въ годъ съ разсрочкою уплаты въ два срока. Города и земства, выписывающіе не менѣе 10 экземпляровъ, пользуются уступкою въ 15%.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи (Лыговская ул. 1).

Редакторъ—издатель **Я. Г. Гуревичъ.**

Д. Иловайскій. Руководство ко Всеобщей Исторіи, ч. I (рецензія Г. В. Форстена)	42
Д. Иловайскій. Руководство ко Всеобщей Исторіи, ч. III (рецензія Г. В. Форстена)	47
А. в Б. Фриде. Краткій обзоръ (конспектъ) средневѣковой исторіи Школьный Историческій Атласъ	53 55

СОВРЕМЕННАЯ ЛЕТОПИСЬ.

— С.-Петербургскіе высшіе женскіе курсы въ 1899—1900 академическомъ году	13
В. Е. Р—въ. Н. А. Сергіевскій (некрологъ)	41
А. С. Фаминцынъ. О. И. Коржинскій (некрологъ)	47

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФІЛОЛОГІИ.

А. Ф. Эрманъ. Могилы Ромула (окончаніе)	49
И. Ф. Анненскій. Поэтическая концепція „Алькесты“ Еврипида	73

О В Ъ Я В Л Е Н І Я . 3—5

Редакторъ Э. Радловъ.

(Вышла 1-го февраля).

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

съ 1867 года

включаетъ въ себѣ, кромѣ правительственныхъ распоряженій, отдѣлы педагогич и наукъ, критики и библиографіи, и современную лѣтопись учебнаго дѣла у насъ и за границей.

Подписка принимается только на годъ,—въ Редакціи (по Троицкой улицѣ, домъ № 11) ежедневно отъ 8 до 10 часовъ утра. Иногородные также адресуютъ исключительно въ Редакцію.

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ Журнала безъ пересылки или доставки двѣнадцать рублей, съ доставкой въ С.-Петербургъ двѣнадцать рублей семьдесятъ-пять копѣекъ, съ пересылкой въ другіе города четырнадцать рублей двадцать-пять копѣекъ, за границу—шестнадцать руб.: Книжки выходятъ въ началѣ каждаго мѣсяца. Сверхъ того, желающіе могутъ, по предварительномъ сношеніи съ Редакціею, приобрѣтать въ Редакціи находящіеся для продажи экземпляры Журнала и отдѣльных его книжекъ за прежніе годы, по цѣнѣ за полный экземпляръ (12 книжекъ) шесть рублей, за отдѣльныя книжки—по 50 копѣекъ за каждую—съ пересылкою въ другіе города. Полные экземпляры имѣются за 1869, 1870, 1871, 1876, 1877, 1878, 1880, 1881, 1882, 1883, 1884, 1887, 1888, 1892, 1893, 1894, 1895 и 1900 годы.

